КЛАССИКА
МИРОВОЙ
ФАНТАСТИКИ

Фред
САБЕРХАГЕН

Берсеркер

САГА
О МАШИНАХ-
УБИЙЦАХ

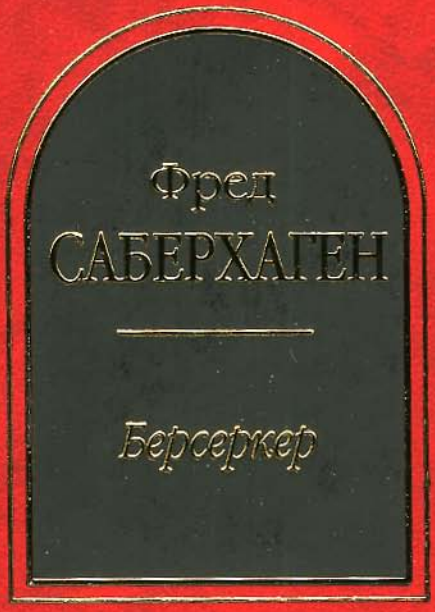
Эксмо

Фред
САБЕРХАГЕН

Берсеркер

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТ

Фред
САБЕРХАГЕН
Берсеркер

Фред
САБЕРХАГЕН

Берсеркер: Маска Марса

Брат Берсеркер

Берсеркер: Планета Смерти

Человек-Берсеркер

Берсеркер: Заклятый враг

ЭКСМО
МОСКВА
2007

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Фред

САБЕРХАГЕН

Берсеркер

ЭКСМО
МОСКВА
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
С 12

Fred SABERHAGEN

BERSERKER

Copyright © 1967 by Fred Saberhagen

BROTHER BERSERKER

Copyright © 1969 by Fred Saberhagen

BERSERKER'S PLANET

Copyright © 1975 by Fred Saberhagen

BERSERKER MAN

Copyright © 1979 by Fred Saberhagen

BERSERKERS: THE ULTIMATE ENEMY

Copyright © 1979 by Fred Saberhagen

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Саберхаген Ф.

С 12 Берсеркер: Фантастические произведения / Фред Саберхаген; [пер. с англ.]. — М.: Эксмо, 2007. — 864 с. — (Шедевры фантастики).

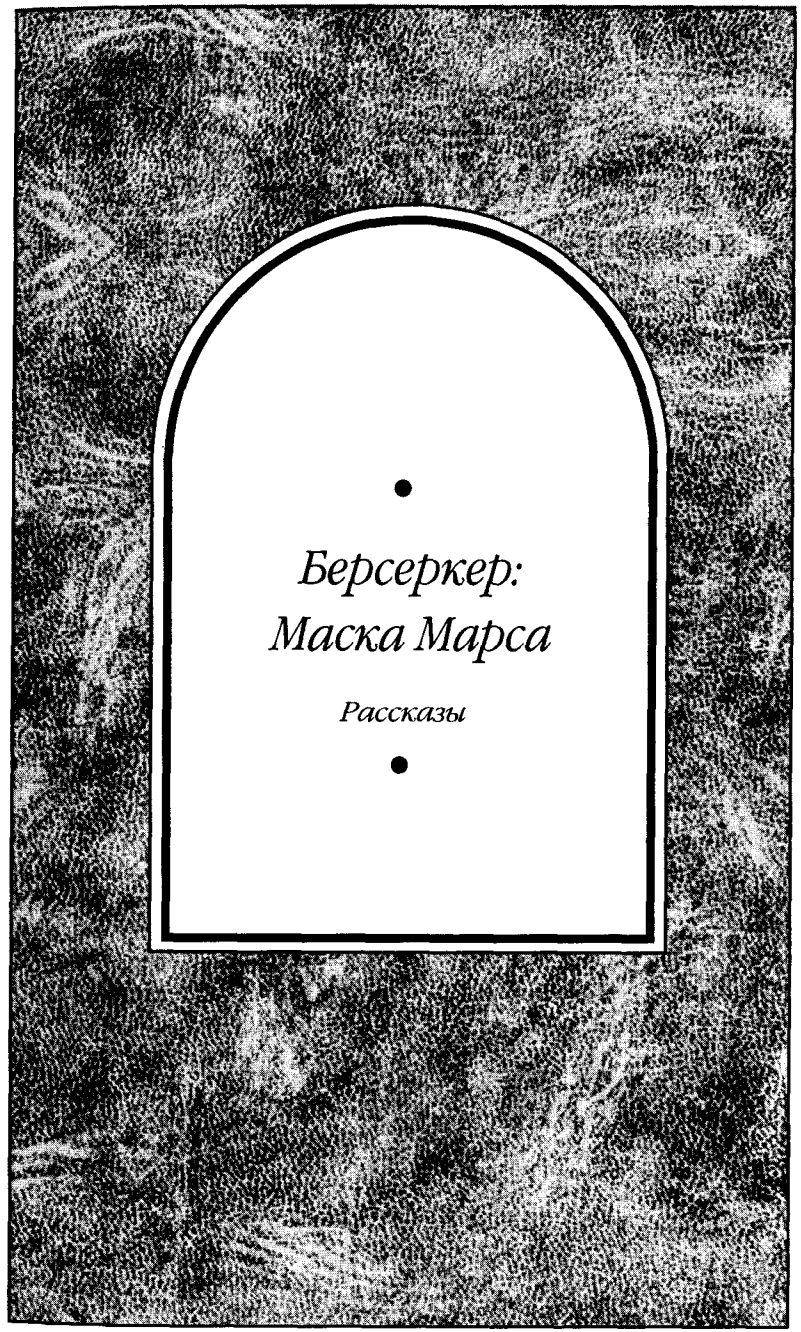
Многие тысячелетия назад в сумрачных глубинах Галактики схлестнулись не на жизнь, а на смерть две инопланетные расы, полностью истребив друг друга. Единственным наследием этих воинственных рас стали машины, положившие конец их войне. Машины-убийцы. Берсеркеры. Разумные корабли-бастионы двинулись через Галактику, истребляя все живое на своем пути, и мало-помалу добрались до рубежей новоявленной империи человечества...

Сага о космических берсеркерах — одна из наиболее известных научно-фантастических эпопей современности, она стала общепризнанным эталоном жанра и принесла своему создателю Фреду Саберхагену любовь миллионов читателей.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-20840-1

© Перевод. А. Филонов, Е. Шестакова, О. Степашкина, С. Саксин, 2007
© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

Берсеркер: Маска Марса

Рассказы

Пролог

Я, Третий историк кармпанской расы, в благодарность расе выходцев с Земли за оборону моего мира запечатлел здесь свое фрагментарное видение их великой битвы против нашего общего врага.

Это видение — крупица по крупице — сложилось из моих прошлых и нынешних контактов с разумами людей и машин. В чуждых разумах я зачастую сталкивался с образами и переживаниями, непостижимыми для меня, однако все увиденное мною — истина. И посему я правдиво запечатлел деяния и слова выходцев с Земли — великих, малых и рядовых, слова и даже тайные помыслы ваших героев и ваших предателей.

Оглядываясь в прошлое, я узрел, как в двадцатом столетии вашего христианского календаря ваши праотцы построили на Земле первые радиодетекторы, способные вслушаться в хляби межзвездных пространств. И в день, когда они впервые уловили шепот наших инопланетных голосов, долетевший до них сквозь чудовищную бездну, звездная Вселенная стала для всех земных народов и племен реальностью.

Они осознали, что их окружает настоящий мир — Вселенная немыслимо странная и грандиозная, быть может, даже враждебная, — окружает всех землян до единого, обратив их планету в крохотную пылинку. И подобно дикарям, жившим на крохотном островке и вдруг осознавшим, что за морями существуют громадные государства, ваши народы — угрюмо, недоверчиво, чуть ли не вопреки собственной воле — мало-помалу забыли свои мелочные раздоры и дрязги.

В том же столетии люди старой Земли сделали свои первые шаги в космос. И изучали наши инопланетные голоса, когда могли их расслышать. А когда люди старой Земли научились пу-

тешествовать быстрее света, они пошли на голос, дабы отыскать нас.

Наши расы, ваша и моя, принялись изучать друг друга с пристальным научным интересом, но притом с величайшей осмотрительностью и галантностью. Мы, кармпане, и наши старшие друзья куда пассивнее вас. Мы живем в разном окружении, и мысли наши устремлены преимущественно в разных направлениях. Мы не представляли угрозы Земле. Мы видели, что наше присутствие ничуть не стеснило землян; физически и интеллектуально им приходилось буквально вставать на носки, чтобы дотянуться до нас. Мы же пускали в ход все свое искусство, дабы поддержать мир. Увы и ах, ведь близился немыслимый день — день, когда мы пожалели, что не воинственны!

Вы, уроженцы Земли, отыскивали необитаемые планеты, где могли процветать под теплыми лучами солнц, чрезвычайно похожих на ваше собственное. Вы рассеялись по единственному отрезку одной ветви нашей медленно обращающейся Галактики, основав колонии — большие и малые. Вашим первопроходцам и поселенцам Галактика уже начала казаться дружелюбной, изобилующей целинными планетами, истомившимися в ожидании ваших мирных трудов.

Чуждая безграничность, окружавшая вас, казалось, не представляет ни малейшей угрозы. Воображаемые опасности скрылись за горизонтом молчания и безбрежности. И тогда вы снова позволили себе роскошь опасных конфликтов, несущих в себе угрозу самоубийственного насилия.

Планеты не связывал никакой свод законов, обязательных к исполнению. На каждой из ваших разбросанных там и сям колоний отдельные лидеры хитростью или силой добивались личной власти, отвлекая свои народы реальными или воображаемыми опасностями, исходящими от прочих выходцев с Земли.

Всяческие дальнейшие исследования были отложены, и именно в те самые дни, когда новые, непостижимые радиоголоса долетели до вас из дальних пределов за форпостами вашей цивилизации — странные голоса, несшие в себе семя смертельной опасности, оперировавшие только математическими категориями. Земля и земные колонии размежевались, их разделили подозрения, а взаимный страх повлек стремительное обучение и вооружение в предчувствии грядущей войны.

И именно в этот момент готовность к кровопролитию, временами ставившая вас на грань самоуничтожения, оказалась средством спасения самой жизни. Нам же, кармпанским наблюдателям, отстраненным обозревателям и созерцателям разумов, показалось, что вы несли сокрушительную мощь войны через всю свою историю, зная, что в конце концов она понадобится, что пробьет час, когда помочь не сможет ничто менее ужасное, чем война.

Когда же час пробил и наш враг явился без предупреждения, ваши неисчислимые военные флоты были уже наготове. Вы рассыпались, окопавшись на десятках планет, и вооружились до зубов. Именно благодаря вам некоторые из вас и некоторые из нас живы и по сей день.

Никакие наши кармпанские познания психологии, наша логика, проницательность и деликатность не дали нам ни малейшей пользы. А пускать в ход мастерство миротворцев, миролюбия и терпимости было бессмысленно, ибо наш враг не был живым.

Так что же есть мысль, если породить ее подобие способен даже механизм?

БЕЗ ЕДИНОЙ МЫСЛИ

Машина являла собой чудовищный бастион, совершенно безжизненный, направленный своими давно умершими хозяевами уничтожать все живое. Она и ей подобные достались Земле в наследство от войны между некими неведомыми межзвездными империями, войны, разыгравшейся в незапамятные времена.

Одна такая машина, зависнув над планетой, освоенной людьми, могла за два дня обратить ее поверхность в выжженную пустыню, окутанную тучами пара и пыли в сотни миль толщиной. И эта машина только что проделала нечто подобное.

В своей целеустремленной бессознательной войне против жизни она не прибегала ни к какой предсказуемой тактике. Древние неизвестные стратеги построили ее в качестве случайного фактора, чтобы запустить на вражескую территорию ради причинения максимального ущерба. Люди полагали, что план битвы диктует хаотичный распад атомов в слитке какого-то долгоживущего изотопа, запрятанного глубоко внутри машины, и предсказать его не в состоянии ни один противостоящий ей мозг — ни человеческий, ни электронный.

Люди назвали эту машину берсеркером.

Дел Мюррей, в прошлом специалист по компьютерам, наделил бы ее множеством других имен, но сейчас ему было чересчур недосуг, чтобы сотрясать воздух попусту, — он метался туда-сюда по тесной кабине одноместного истребителя, лихорадочно меняя блоки аппаратуры, поврежденные во время последней стычки, когда ракета берсеркера едва не угодила в истребитель. Вместе с ним по кабине летало животное, смахивающее на крупного пса с обезьяньими руками, державшее в почти человеческих ладонях аварийные заплаты. В воздухе кабины висела дымка. Как только ее движение выдавало место утечки воздуха, собака-обезьяна бросалась туда, чтобы наложить заплату.

— Алло, «Наперстянка»! — крикнул человек в надежде, что радио снова заработало.

— Алло, Мюррей, «Наперстянка» слушает! — внезапно разнесся по кабине громкий голос. — Насколько близко ты подобрался?

Дел был чересчур измучен, чтобы выказать облегчение от того, что связь восстановлена.

— Скажу через минуточку. По крайней мере, он перестал в меня палить. Шевелись, Ньютон.

Инопланетное животное под названием «айян» — не только ручное животное, но и помощник — покинуло свое место у ног человека, целеустремленно двинувшись латать корпус.

Поработав еще с минуту, Дел смог снова привязаться ремнями к противоперегрузочному креслу с толстой обивкой, установленному перед чем-то вроде панели управления. Последняя ракета, разминувшаяся с кораблем буквально на волосок, осыпала кабину градом мельчайших осколков, превратив обшивку в решето. Просто чудо, что ни человека, ни айяна даже не оцарапало.

Радар снова заработал, и Дел сообщил:

— «Наперстянка», я примерно в девяноста милях от него. С противоположной стороны от вас.

Проще говоря, в той самой позиции, которую он стремился занять с самого начала космического боя.

Оба земных корабля и берсеркера отделяет от ближайшего светила половина светового года. Пока рядом находятся два корабля, берсеркер не в состоянии совершить скачок из нормального пространства, чтобы устремиться к беззащитным колониям на планетах этого светила. На «Наперстянке» всего два человека. На них работает больше техники, чем у Дела, но оба человеческих корабля по сравнению с противником — пылинки.

На экране радара Дел видел древнюю металлическую развалину, величиной почти не уступающую земному штату Нью-Джерси. Человеческое оружие оставило в ней пробоины и кратеры размером с остров Манхэттен и оплавленные подпалины, напоминающие озера.

Но мощь берсеркера все еще грандиозна. Пока что ни одному человеку не удавалось выйти живым из боя с ним. Да и теперь он может прихлопнуть корабль Дела, как комара, и лишь понапрасну растрачивает на него свои непредсказуемые ухищрения. И все же сама эта деликатность вселяет в душу особый

ужас. Люди никогда не могли напугать этого врага так, как он пугал их.

Согласно тактике землян, усвоенной на горьком опыте, атаковать берсеркера должны три корабля одновременно. «Наперстянка» да Мюррей — только два. Третий корабль якобы в пути, но все еще в восьми часах лета отсюда на скорости С-плюс, вне нормального пространства. До его прибытия «Наперстянка» и Мюррей должны сдерживать берсеркера, раздумывающего над своими непредсказуемыми действиями.

Он в любой момент может либо напасть на один из кораблей, либо попытаться оторваться. Может часами выжидать, пока они сделают первый ход, но наверняка даст бой, если люди перейдут в атаку. Он выучил язык земных звездоплавателей и может попытаться вступить в беседу. Но в конце концов непременно постарается уничтожить их, равно как и все живое на своем пути. Таков фундаментальный приказ, отданный ему древними военачальниками.

Тысячи лет назад он без труда распылил бы кораблики вроде тех, что ныне преградили ему дорогу, хотя они и вооружены термоядерными боеголовками. Но сейчас он своими электронными чувствами уловил, что накопившиеся повреждения подорвали его силы. Да и многовековые бои на просторах Галактики, видимо, научили его осмотрительности.

Внезапно датчики Дела показали, что позади его корабля формируется силовое поле — будто сомкнутые лапы исполинского медведя, преграждающие утлому кораблику путь прочь от врага. Дел ждал смертельного удара, а его дрожащие пальцы зависли над красной кнопкой, которая выпустит все ракеты залпом по берсеркеру. Но если атаковать в одиночку и даже в паре с «Наперстянкой», адская машина парирует ракеты, сокрушит корабли и двинется дальше — уничтожать очередную беззащитную планету. Для атаки нужны три корабля. Красная кнопка пуска ракет просто жест отчаяния.

Дел уже начал докладывать «Наперстянке» о силовых полях, когда ощутил в своем рассудке первые признаки атаки иного рода.

— Ньютон! — резко бросил он, не отключая канал связи со вторым кораблем. Пускай там услышат и поймут, что́ должно вот-вот произойти.

Айян мгновенно выскочил из противоперегрузочного кресла и встал перед Делом, как загипнотизированный, сосредоточив все внимание на человеке. Дел порой даже хвастался: «Покажите Ньютону рисунок разноцветных огоньков, убедите его, что это изображение какого-то пульта управления, и он будет давить на кнопки или на то, что вы ему укажете, пока показания пульта не станут один в один соответствовать картинке».

Но ни одному айяну не даны человеческие способности к обучению и творчеству на абстрактном уровне; потому-то Дел и передал теперь корабль под командование Ньютона.

Выключив бортовые компьютеры, — во время надвигающейся атаки, уже дающей себя знать, они будут так же бесполезны, как и его собственный мозг, — Дел сказал Ньютону:

— Ситуация «Зомби».

Животное мгновенно отреагировало, как учили: крепко схватив руки Дела, одну за другой прижало их к подлокотникам кресла, где были заранее закреплены наручники.

Опыт, доставшийся людям трудной ценой, принес им кое-какие познания о ментальном оружии берсеркеров, хотя принцип его действия остался неизвестным. Воздействие нарастает исподволь и продолжается не более двух часов, после чего берсеркеру, по-видимому, приходится отключать его на такое же время. Но действующий луч отнимает и у человеческого, и у электронного мозга способность планировать или предсказывать последствия событий — да притом не осознавая собственную недееспособность.

Делу казалось, что такое уже случалось прежде, быть может, даже не раз. Ньютон, этот забавный субъект, зашел в своих шуточках чересчур далеко: бросил свои любимые игрушки — коробочки с цветными бусинами — и принялся манипулировать рукоятками панели управления. А чтобы не пускать в свою игру Дела, как-то ухитрился привязать его к креслу. Просто возмутительное поведение, особенно в самый разгар боя. Тщетно попытавшись освободить руки, Дел окликнул Ньютона.

Тот преданно заскулил, но остался у пульта.

— Ньют, собака ты эдакая, развяжи меня щас же. Я знаю, что надо сказать: восемь десятков и еще семь лет...[1] Эй, Ньют, а где твои игрушки? Дай-ка мне глянуть на твои миленькие бусики.

В корабле остались сотни коробочек с товаром — разноцветными бусинами, которые Ньютон обожает сортировать и перекладывать туда-сюда. Довольный своей хитростью, Дел ози-

[1] Начальные слова Геттисбергского воззвания Авраама Линкольна, провозглашенного 19 ноября 1863 года. *(Здесь и далее прим. перев.)*

рался по кабине, тихонько хихикая. Надо отвлечь Ньютона бусами, а после... смутная мысль растворилась в химерических фантазиях помраченного рассудка.

Ньютон время от времени поскуливал, но оставался у пульта, передвигая рукоятки управления в определенной последовательности, которой его обучили, совершая отвлекающие маневры, призванные ввести берсеркера в заблуждение и заставить считать, что личный состав корабля по-прежнему в полной боеготовности. Но к большой красной кнопке Ньютон даже близко руку не подносил. Нажать на нее он должен лишь в том случае, если ощутит смертельную боль или увидит, что Дел мертв.

— Ага, вас понял, Мюррей, — время от времени доносилось по радио, словно в ответ на сообщение. Иногда с «Наперстянки» добавляли пару слов или цифр, которые могли что-нибудь означать. Дел ломал голову, что это такое там городят.

Наконец до него дошло, что «Наперстянка» пытается поддержать иллюзию, будто кораблем Дела по-прежнему управляет здравый интеллект. Страх вспыхнул в его душе, когда Дел снова осознал, что опять пережил воздействие ментального оружия. Погруженный в раздумья берсеркер, полугений-полуидиот, воздержался от продолжения атаки, когда успех был гарантирован, — то ли в самом деле обманувшись, то ли следуя стратегии, *любой ценой возбраняющей предсказуемое поведение.*

— Ньютон!

Услышав перемену в интонации человека, животное оглянулось. Теперь Дел смог сказать слова, сообщающие Ньютону, что можно отпустить хозяина без малейшего риска, — формулу чересчур длинную, чтобы ее смог связно произнести человек, находящийся под воздействием ментального луча.

— ...никогда не исчезнут с лика земли, — договорил он, и Ньютон, взвизгнув от радости, разомкнул наручники. Дел тотчас же повернулся к микрофону.

— «Наперстянка», очевидно, луч отключен, — разнесся голос Дела по рубке более крупного корабля.

— Он снова у руля! — с облегчением вздохнул командир.

— Из чего следует, — откликнулся второй пилот (наличие третьего и не предполагалось), — что в ближайшие два часа у нас есть хоть какой-то шанс дать бой. Я за то, чтобы атаковать сейчас же!

Но командир лишь покачал головой — медленно, но твердо.

— С двумя кораблями у нас почти никаких шансов. До подхода «Примочки» меньше четырех часов. Чтобы рассчитывать на победу, мы должны потянуть время.

— Я атакую, как только он в следующий раз перебаламутит Делу мозги! По-моему, мы не одурачили его ни на миг... сюда к нам ментальный луч не достанет, но Делу уже не отвалить. А айяну нипочем не дать бой вместо него. Как только Дел отключится, у нас ни единого шанса.

— Подождем, — отозвался командир, неустанно обегая взглядом пульт. — Еще не факт, что он перейдет в нападение, как только пустит луч...

И вдруг берсеркер заговорил. Его радиоголос отчетливо прозвучал в рубках обоих кораблей:

— У меня к тебе предложение, маленький корабль. — Голос его по-юношески ломался, потому что был составлен из слов и слогов плененных берсеркером людей обоих полов и разного возраста.

«Обрывки человеческих эмоций, рассортированные, будто бабочки на булавках», — подумал командир. Нет ни малейших оснований предполагать, что после изучения языка он оставил пленников в живых.

— Ну? — По сравнению с ним голос Дела звучал зычно и выразительно.

— Я изобрел игру, в которую мы могли бы сыграть. Если ты будешь играть достаточно хорошо, я не буду убивать тебя прямо сейчас.

— Ну, все ясно, — пробормотал второй пилот.

Погрузившись в раздумья секунды на три, командир врезал кулаком по подлокотнику.

— Значит, он хочет проверить способность Дела к обучению, подвергнуть его мозг постоянной проверке под действием ментального луча, пока он будет прогонять разнообразные режимы модуляции. Если он убедится, что ментальный луч работает, то перейдет в нападение тотчас же. Голову даю на отсечение. Вот какую игру он затеял на сей раз.

— Я подумаю над твоим предложением, — холодно отозвался голос Дела.

— Вовсе незачем торопиться с началом, — заметил командир. — До включения ментального луча чуть ли не два часа.

— Но нам нужно еще два часа сверх того.

— Опиши игру, в которую хочешь играть, — произнес голос Дела.

— Это упрощенная версия человеческой игры под названием «шашки».

Командир и второй пилот переглянулись; невозможно даже вообразить Ньютона играющим в шашки. А провал Ньютона вне всякого сомнения означает для всех четверых гибель через пару часов и открытый путь к предназначенной для уничтожения планете.

— А что послужит нам доской? — после секундной паузы поинтересовался голос Дела.

— Будем обмениваться ходами по радио, — невозмутимо заявил берсеркер и принялся описывать игру сродни шашкам, но только разыгрываемую на доске поменьше размером и с меньшим числом шашек. Сама игра отнюдь не замысловатая, но, разумеется, потребует наличия действующего интеллекта, человеческого или электронного, способного видеть хотя бы на пару ходов вперед.

— Если я соглашусь играть, — медленно проговорил Дел, — то как мы решим, кто ходит первым?

— Он тянет время, — отметил командир, обгрызая ноготь большого пальца. — Эта штуковина подслушивает, и мы не можем помочь ему советом. Ну, дружище Дел, не теряй головы!

— Ради упрощения, — возгласил берсеркер, — первый ход всегда будет принадлежать мне.

Мастерить шашечную доску Дел закончил за целый час до атаки на рассудок. При перестановке снабженных штырьками фишек сигналы будут передаваться берсеркеру, а подсвеченные клетки будут означать положение его шашек. Если берсеркер попытается общаться с Делом во время действия ментального луча, отвечать ему будет голос, записанный на магнитной ленте, до отказа заполненной слегка агрессивными репликами вроде «Играй-играй» или «Не желаешь ли сдаться прямо сейчас?».

О своем продвижении противнику он не сообщал, потому что все еще не закончил с одним делом, о котором врагу знать не следует, — с системой, позволяющей играть в упрощенные шашки даже Ньютону.

Работая, Дел беззвучно хихикал, то и дело поглядывая на Ньютона. Тот лежал в своем кресле, прижимая к груди игрушки, будто в поисках утешения. Этот план потребует, чтобы айян напряг свои способности до предела, но изъяна в замысле нет, он должен удаться непременно.

Тщательно проанализировав игру, Дел зарисовал на карточках все возможные позиции, с которыми предстоит столкнуться Ньютону, — делая только четные ходы, спасибо берсеркеру за эту оговорку! Отбросив некоторые варианты развития игры, вытекающие из скверных начальных ходов Ньютона, Дел еще более упростил себе работу. Потом, на каждой карточке, изображающей все оставшиеся позиции, указал наилучший возможный ход стрелкой. Теперь осталось быстренько научить Ньютона отыскивать соответствующую карточку и делать ход, указанный стрелкой...

— Ой-ей, — выдохнул вдруг Дел, опустив руки и уставившись в пространство. Услышав его интонацию, Ньютон заскулил.

Однажды Дел играл с чемпионом мира по шахматам Бланкеншипом, дававшим сеанс одновременной игры на шестидесяти досках. До середины партии Дел держался довольно прилично. Затем, когда великий человек остановился перед его доской в очередной раз, Дел двинул вперед пешку, считая, что добился несокрушимой позиции и может ринуться в контратаку. Но тут Бланкеншип переместил ладью на совершенно невинное с виду поле — и Дел тотчас же узрел надвигающийся мат; до него оставалось целых четыре хода, но исправлять положение было слишком поздно.

Внезапно командир громко, отчетливо выматерился. Подобные вольности с его стороны — крайняя редкость, и второй пилот удивленно оглянулся.

— Что?

— По-моему, мы прогорели, — командир помолчал. — Я надеялся, что Мюррей сможет соорудить там какую-нибудь систему, чтобы Ньютон играл или хотя бы прикидывался, что играет. Да только дело не выгорит. По какой бы системе Ньютон ни играл, в одинаковых ситуациях он будет заученно делать одни и те же ходы. Может, это и будет идеальная система, но ни один человек так не играет, черт побери! Он совершает ошибки, меняет стратегию. Даже в такой простой игре это неизбежно проявится. Но, что самое главное, во время игры человек *обучается*. Чем дольше он играет, тем лучше. Это сразу же выдаст Ньютона, а только этого бандюга и ждет. Наверное, он слыхал об айянах. И как только он убедится, что ему противостоит неразумное животное, а не человек и не компьютер...

Через некоторое время второй пилот сказал:

— Я принимаю информацию об их ходах. Они начали партию. Может, нам следовало бы состряпать доску, чтобы следить за развитием игры.

— Лучше просто приготовимся вмешаться, когда пробьет час. — Командир беспомощно посмотрел на кнопку залпа, затем на часы, показывающие, что до подлета «Примочки» добрых часа два.

Вскоре второй пилот сообщил:

— Похоже, первая партия окончена. Дел проиграл, если я правильно понимаю цифры их счета. — Он помолчал. — Сэр, опять сигнал, который мы приняли, когда берсеркер в прошлый раз включил ментальный луч. Должно быть, Дел снова почувствовал его.

Ответить командиру было нечего. Оба молча принялись ждать атаки чужака, надеясь лишь за считаные секунды до собственной гибели причинить ему хоть какой-то ущерб.

— Они начали вторую партию, — озадаченно произнес второй пилот. — А еще я слышал, как он только что сказал: «Что ж, продолжим».

— Ну, голос-то он мог записать. Должно быть, составил какой-то план игры для Ньютона, но долго водить берсеркера за нос он не сможет. Никак.

Время едва ползло.

— Он проиграл уже четыре партии, — снова подал голос Второй. — Но ходы при этом делал *неодинаковые*. Эх, будь у меня доска...

— Да заткнись ты со своей доской! Тогда бы мы таращились на нее вместо пульта. Прошу не терять бдительности, мистер.

Казалось, прошли долгие часы, когда вдруг Второй встрепенулся:

— Вот это да!

— Что?

— Наша сторона свела партию вничью.

— Значит, луч отключен. Ты уверен, что...

— Включен! Смотрите, вот здесь те же показания, что и в прошлый раз. Он направлен на Дела чуть ли не час и все усиливается.

Командир уставился на пульт с недоверием; однако он знал квалификацию Второго и не имел оснований не доверять ему. Да и показания датчиков выглядели достаточно убедительно.

— Значит, кто-то, — промолвил он, — или что-то безмозглое мало-помалу учится играть в эту игру. — Помолчал и добавил: — Ха-ха, — словно пытался припомнить, как надо смеяться.

Берсеркер выиграл еще игру. Потом ничья. Опять выиграл враг. Затем три ничьих подряд.

Один раз второй пилот услышал, как Дел хладнокровно осведомился:

— Сдаешься?

И на следующем ходу проиграл. Но очередная игра опять закончилась вничью. Дел явно раздумывал дольше, чем противник, но не настолько, чтобы вывести того из терпения.

— Он пробует разные виды модуляции ментального луча, — указал Второй. — И мощность взвинтил до предела.

— Ага, — отозвался командир.

Он уже не раз готов был вызвать Дела по радио, сказать что-нибудь воодушевляющее, а заодно дать хоть какой-то выход своей лихорадочной жажде деятельности, попытаться выяснить, что к чему. Но испытывать судьбу просто-напросто нельзя. Любое вмешательство может развеять чудо.

У него в голове не укладывалось, что эти необъяснимые успехи могут продолжаться, даже когда шашечный матч постепенно превратился в бесконечную череду ничьих между двумя блестящими игроками. Уже не один час назад распростившись с жизнью и надеждой, командир до сих пор ждал фатального мгновения.

А ожидание все не кончалось.

— ...никогда не исчезнут с лика земли! — досказал Дел Мюррей, и Ньютон с энтузиазмом метнулся освобождать его правую руку от наручников.

Перед ним на доске стояла недоигранная партия, брошенная считаные секунды назад. Ментальный луч был отключен в ту же секунду, как только «Примочка» ворвалась в нормальное пространство прямо в боевой позиции всего с пятиминутным опозданием; берсеркеру пришлось сосредоточить всю свою энергию, чтобы отразить тотальную атаку «Примочки» и «Наперстянки».

Увидев, что оправившиеся от воздействия ментального луча компьютеры уже навели перекрестие прицела на израненную, вздутую центральную секцию берсеркера, Дел выбросил правую руку вперед, расшвыряв шашки с доски.

— Все! — хрипло рявкнул он, обрушивая кулак на большую красную кнопку.

— Я рад, что ему не вздумалось играть в шахматы, — позже говорил Дел, беседуя с командиром в рубке «Наперстянки». — Такого мне бы нипочем не соорудить.

Иллюминаторы уже очистились, и оба могли разглядывать тускло рдеющее, расширяющееся газовое облако, оставшееся от берсеркера, — очищенное пламенем наследие древнего зла. Но командир не сводил глаз с Дела.

— Ты заставил Ньютона играть по диаграммам позиций, это я понимаю. Но чего я в толк не возьму — как ему удалось постепенно освоить игру?

— Это удалось не ему, а его игрушкам, — ухмыльнулся Дел. — Эй, погоди, не надо бить меня так сразу!

Подозвав айяна, он взял из ладони животного небольшую коробочку. Там что-то тихонько затарахтело. На крышку коробочки была наклеена диаграмма одной из возможных позиций упрощенных шашек, а возможные ходы фигур Дела были размечены разноцветными стрелками.

— Потребовалась пара сотен таких коробочек, — пояснил он. — Эта вот была в группе, которую Ньют использовал для четвертого хода. Как только он находил коробочку с позицией, соответствующей позиции на доске, он брал коробочку и вытаскивал бусину вслепую — кстати, именно этому и оказалось труднее всего обучить его впопыхах. — Дел продемонстрировал. — Ага, синяя. То есть надо сделать ход, отмеченный синей стрелкой. А оранжевая стрелка ведет к слабой позиции, видишь? — Дел вытряхнул все бусины из коробочки на ладонь. — Ни одной оранжевой не осталось, а до начала игры было по шесть каждого цвета. Но Ньютону было велено, чтобы всякий раз, вынув бусину, он откладывал ее в сторонку до конца игры. Затем, если табло покажет, что мы проиграли, он должен отбросить все использованные бусины. Так все плохие ходы мало-помалу исключаются. За пару часов Ньютон вместе со своими коробочками научился играть в эту игру безупречно.

— Отлично, — подытожил командир, на миг задумался и протянул руку, чтобы почесать Ньютона за ушами. — Мне бы такое ввек в голову не пришло.

— А мне следовало бы подумать об этом раньше. Самой идее уже пара сотен лет от роду. А компьютеры — моя гражданская профессия.

— Это может принести грандиозные плоды, — заметил командир. — Я о том, что твоя идея может оказаться полезной для любой оперативной группы, столкнувшейся с ментальным лучом берсеркера.

— Ага, — Дел впал в задумчивость. — Кроме того...

— Что?

— Да вот припомнил одного парня, которого встретил как-то раз. По имени Бланкеншип. Вот я и гадаю, а не удастся ли мне соорудить...

Да, я, Третий историк, прикасался к рассудкам живущих, рассудкам землян, охваченным таким смертельным холодом, что какое-то время они полагали войну игрой. И первые десятилетия войны с берсеркерами наводили на мысль, что для жизни эта игра проиграна.

Эта обширнейшая война вобрала в себя чуть ли не все ужасы боен вашего прошлого, многократно умноженные в пространстве и во времени. Но притом куда меньше походила на игру, нежели все предшествующие.

И пока зловещая громада войны с берсеркерами разрасталась, земляне открыли, что она породила новые ужасы, неведомые доселе.

Взирайте же...

ДОБРОЖИЛ

— Это всего лишь машина, Хемфилл, — едва слышно проговорил умирающий.

Паря в невесомости почти в полной темноте, Хемфилл выслушал его без презрения и жалости. Пусть себе горемыка конфузливо испускает дух, прощая Вселенной все на свете, если подобное облегчит ему уход!

Сам Хемфилл безотрывно взирал сквозь иллюминатор на темный иззубренный силуэт, заслонивший невероятно много звезд.

Видимо, пригодный для дыхания воздух сохранился только в этом отсеке пассажирского лайнера, ставшем темницей для трех человек, да притом воздух непрерывно вырывался со свистом через пробоины, стремительно опорожняя аварийные баки. Корабль представлял собой изувеченный, искореженный остов, и все же враг в поле обзора Хемфилла совершенно не двигался. Должно быть, вращаться разбитому кораблю не давало силовое поле врага.

Тут к Хемфиллу через отсек подплыла пассажирка лайнера — молодая женщина — и коснулась его руки. Он припомнил, что ее зовут Мария такая-то.

— Послушайте, — начала девушка, — как по-вашему, мы не могли бы...

В ее голосе не было отчаяния, скорее рассудительные интонации человека, разрабатывающего план; поэтому Хемфилл сразу же прислушался к ней. Но их перебили.

Сами стены отсека завибрировали, будто диффузоры огромных громкоговорителей, приводимые в движение силовым полем врага, все еще сжимающим изувеченный корпус. Послышался скрипучий голос берсеркера:

— Вы, кто еще слышит меня, живите. Я намереваюсь подарить вам жизнь. Я посылаю катер для спасения вас от смерти.

Хемфилл был сам не свой от бессильной ярости. Он еще ни разу не слышал голос берсеркера собственными ушами, и все равно тот оказался знакомым, будто давний кошмар. Хемфилл ощутил, как ладонь женщины отпрянула от его руки, и только тогда заметил, что в ярости вскинул обе руки, растопырил и скрючил пальцы, как когти, а затем сжал их в кулаки и заколотил в иллюминатор, едва не разбив их в кровь. Эта чертова штуковина хочет забрать его внутрь! Из всех людей в космосе хочет сделать пленником именно его!

В голове мгновенно возник план действий, и Хемфилл резко отвернулся от иллюминатора. В этом отсеке где-то были боеголовки для небольших оборонительных ракет. Где-то он их видел.

Второй уцелевший мужчина — офицер корабля, медленно истекавший кровью через прорехи формы, — увидел, что Хемфилл роется среди обломков, и выплыл перед ним, чтобы помешать.

— Вы не смеете... Вы уничтожите лишь катер, который он посылает... Если он хоть это вам позволит... Там могут быть другие люди... Еще живые...

Из-за невесомости офицер висел перед Хемфиллом вверх ногами. Когда же инерция развернула их так, что они увидели друг друга в нормальном положении, раненый вдруг осекся, сдался, оставил уговоры и отвернулся, безвольно дрейфуя в воздухе, будто уже умер.

Хемфилл не надеялся соорудить целую боеголовку, зато мог извлечь детонатор химической взрывчатки — как раз такого размера, чтобы уместился под мышкой. Когда началась неравная битва, всем пассажирам пришлось надеть аварийные скафандры; теперь он нашел для себя запасной баллон с воздухом и лазерный пистолет какого-то офицера и сунул его в петлю на поясе своего скафандра.

Девушка снова приблизилась к нему. Хемфилл настороженно следил за ней.

— Сделайте это, — сказала она со спокойной убежденностью, медленно кружась вместе с обоими мужчинами в полумраке под завывание утекающего сквозь пробоины воздуха. — Сделайте. Потеря катера ослабит его перед следующим боем, пусть хоть капельку. У нас так и так ни малейшего шанса на спасение.

— Да, — одобрительно кивнул он. Эта девушка понимает, что самое важное — ранить берсеркера, бить, ломать, жечь и в конце концов уничтожить его. Все остальное — ерунда.

— Не позволяйте ему выдать меня, — указав на раненого старпома, шепотом произнес он. Девушка лишь молча кивнула. Возможно, берсеркер подслушивает. Раз уж он способен говорить при помощи стен, то может и подслушивать.

— Катер приближается, — сообщил раненый спокойным, сухим тоном.

— Доброжил! — позвал машинный голос, как всегда, срываясь между слогами.

— Здесь! — вздрогнув, он проснулся и тут же вскочил на ноги. Задремал чуть ли не под капающей из открытого конца трубы питьевой водой.

— Доброжил! — В этом тесном отсеке нет ни динамиков, ни сканеров, и зов донесся с некоторого отдаления.

— Здесь!

Он побежал на зов, шаркая и топая подошвами по металлу. Задремал, очень уж устал. Хотя бой был коротким, на него свалились дополнительные обязанности — пришлось обслуживать и направлять ремонтные машины, странствующие по бесконечным путепроводам и коридорам, устраняя повреждения. Доброжил понимал, что больше ничем помочь не в силах.

Теперь у него ныли голова и шея, намятые шлемом, да и на теле остались потертости от непривычного скафандра, который пришлось надеть, когда начался бой. К счастью, на этот раз обошлось совсем без боевых повреждений.

Подойдя к плоскому стеклянному глазу сканера, он шаркнул ногой, замерев в ожидании.

— Доброжил, извращенная машина уничтожена, и несколько зложитей теперь совершенно беспомощны.

— Да! — Доброжил затрясся всем телом от восторга.

— Напоминаю тебе, жизнь есть зло, — проскрежетал голос машины.

— Жизнь есть зло, я — Доброжил! — поспешно сказал он, прекратив трястись. Вряд ли за такое последует наказание, но лучше не рисковать.

— Да. Как и твои родители прежде, ты был полезен. Теперь я намерен доставить в себя уцелевших людей для более пристального изучения. А ты будешь применен с ними для моих экспериментов. Напоминаю, они — зложити. Мы должны быть осторожны.

«Зложити... — Доброжил знал, что это существа, имеющие такую же форму, как он, и существующие в мире вне машины. Они устраивают сотрясения и удары, называемые боем. — Зложити — здесь».

От этой мысли у него мороз пробежал по коже. Подняв руки, Доброжил воззрился на них, затем окинул взглядом коридор из конца в конец, пытаясь вообразить зложитей во плоти.

— Теперь ступай в медицинскую комнату, — велела машина. — Прежде чем ты приблизишься к зложитям, тебя надлежит иммунизировать против болезней.

Хемфилл перебирался из одного разбитого отсека в другой, пока не нашел пробоину в корпусе, хотя и заткнутую мусором почти полностью. Пока он старался извлечь забивший дыру хлам, по кораблю разнесся лязг стыковки берсеркерова катера, прибывшего за пленными. Хемфилл рванул посильнее, преграда подалась, и вырвавшийся воздух вынес его в пространство.

Вокруг разбитого корабля парили сотни обломков, удерживаемых поблизости то ли незначительным магнитным полем, то ли силовыми полями берсеркера. Проверка показала, что скафандр работает достаточно хорошо, и при помощи его маломощного ракетного двигателя Хемфилл обогнул корпус лайнера, приближаясь к тому месту, где замер катер берсеркера.

Бесчисленные звезды глубокого космоса заслонил темный силуэт берсеркера — зубчатый, будто крепостные стены древних городов, но только куда громаднее любого города. Каким-то образом причалив прямо к нужному отсеку, катер берсеркера прикрепился к изувеченному остову лайнера, чтобы забрать на борт Марию и раненого. Не снимая пальцев с детонатора бомбы, Хемфилл подплыл поближе.

Теперь, у смертной черты, его встревожила мысль, что так и не удастся убедиться в уничтожении катера. А ведь это такой мизерный удар по врагу, такая ничтожная месть!

Продолжая по инерции приближаться к катеру и держа палец на детонаторе, Хемфилл вдруг увидел облачко пара, вырвавшееся из разгерметизированного отсека при расстыковке катера с кораблем. Невидимые силовые поля нахлынули на катер, на Хемфилла, на обломки поблизости от катера, увлекая все это к берсеркеру.

Хемфилл ухитрился пристегнуться к ускользающему катеру в последнюю секунду. И подумал, что в баллонах скафандра воздуха хватит еще на час — куда дольше, чем ему на самом деле понадобится.

Увлекаемый к берсеркеру, Хемфилл мысленно балансировал на грани смерти, с окоченевшими на детонаторе бомбы пальцами. Окрашенный в цвет ночи враг стал для него воплощением смерти. Черная, иссеченная поверхность берсеркера стремительно надвигалась в потустороннем свете звезд, обращаясь в планету, на которую падал катер.

Хемфилл все еще льнул к катеру, когда тот втянул его через врата, способные пропустить множество кораблей одновременно. Громадность и могущество берсеркера окружили его со всех сторон, одной своей всеохватностью подавляя и любую ненависть, и любую отвагу.

Эта крохотная бомбочка — лишь бессмысленная шутка. Как только катер пришвартовался к черной внутренней пристани, Хемфилл спрыгнул с него и бросился искать укрытие.

Едва он спрятался за погруженной в тень металлической балкой, его ладонь помимо воли легла на детонатор бомбы — просто ради того, чтобы найти убежище в смерти. Но Хемфилл заставил себя сдержаться, заставил себя наблюдать, как двух пленников высасывает из катера пульсирующая прозрачная труба, уходящая в переборку. Сам не зная, что собирается предпринять, оттолкнулся и поплыл в сторону трубы, почти невесомо заскользив сквозь темную чудовищную пещеру; одной лишь массы берсеркера хватало, чтобы создать небольшую естественную гравитацию.

Минут через десять путь преградило не что иное, как воздушный шлюз. Судя по всему, это просто-напросто встроенный в переборку фрагмент корпуса земного военного корабля.

Шлюз — не менее подходящее место для установки бомбы, чем любое другое. Хемфилл отпер наружный люк и вошел в шлюз, не подняв никакой тревоги. Если покончить с собой здесь, берсеркер лишится... а собственно говоря, чего? Зачем берсеркеру вообще понадобился шлюз?

«Не для пленных, — подумал Хемфилл, — раз он всасывает

их через трубу». Но и не для врага. Проанализировав воздух в шлюзе, он снял шлем. Для дышащих воздухом друзей ростом с человека? Что-то тут не так. Любое живое и дышащее существо для берсеркера — враг; исключение составляют лишь его неведомые строители. Во всяком случае, так люди считали — до сих пор.

Внутренний люк шлюза открылся от первого же толчка, и Хемфилл зашагал по тесному, тускло освещенному коридору с искусственной гравитацией, держа пальцы на детонаторе бомбы.

— Войди, Доброжил, — сказал корабль. — Пристально рассмотри каждого из них.

Доброжил нерешительно издал горловое урчание, будто запущенный и тотчас же остановленный серводвигатель. Его терзали чувства, напоминающие голод и страх перед наказанием, — ведь сейчас ему предстоит увидеть живых тварей напрямую, а не в виде старых изображений в театре. Но даже выявление источника неприятных чувств не помогло. Он нерешительно переминался с ноги на ногу у порога комнаты, куда поместили зложителей. По приказу машины пришлось снова надеть скафандр — тот защитит его, если зложить попытается причинить ему вред.

— Входи, — повторил корабль.

— Может, лучше не надо? — жалобно заныл Доброжил, не забывая, однако, произносить слова громко и внятно — так куда легче избежать наказания.

— Наказание, наказание, — произнес голос корабля.

Если он сказал это слово дважды, то наказание почти неотвратимо. Доброжил поспешно, будто уже ощутил в костях боль-без-повреждений, открыл дверь и переступил порог.

Он лежал на полу, окровавленный и поврежденный, в диковинном изодранном скафандре. И в то же время стоял в проеме дверей. На полу простерлась его собственная фигура, та самая человеческая фигура, которую он знал, но ни разу не видел со стороны. Не просто изображение, а куда больше, он сам теперь раздвоился. Там, тут, он, не-он...

Доброжил привалился спиной к двери, вскинул руку и хотел было прикусить ладонь, позабыв о шлеме. Принялся молотить облаченными в скафандр запястьями одно о другое, пока боль ушибов не вернула его в чувство, заставив ощутить палубу под ногами.

Мало-помалу ужас схлынул. Интеллект постепенно постиг увиденное, сумел истолковать и освоиться. Вот он я, здесь, здесь, в дверном проеме. Тот, *там*, на полу, — это другая жизнь. Другое тело, как и я, разъедаемое ржой жизни. Только куда хуже, чем я. Там, на полу, — зложить.

Зажмурившись, Мария Хуарес долго-долго молилась, не останавливаясь ни на миг. Холодные, безразличные манипуляторы перемещали ее туда-сюда. Вес вернулся, а когда шлем и скафандр с нее аккуратно сняли, обнаружился и пригодный для дыхания воздух. Но как только манипуляторы начали стаскивать с нее комбинезон, Мария стала вырываться и открыла глаза; ее взору предстало помещение с низким потолком и обступившая ее толпа автоматов разнообразной формы и ростом с человека. Так как она сопротивлялась, роботы перестали ее раздевать, надели на одну лодыжку кандалы, прикованные к стене, и заскользили прочь. Умирающего старпома просто бросили в противоположном конце помещения, будто хлам, не заслуживающий дальнейших хлопот.

Мужчина с холодным, мертвым взором — Хемфилл — пытался сделать бомбу, но не сумел. Так что теперь вряд ли стоит рассчитывать на быструю и легкую кончину...

Услышав скрип двери, она открыла глаза снова и в полнейшем недоумении узрела бородатого юношу в архаичном скафандре. Исполнив какие-то бессмысленные конвульсии в дверном проеме, тот наконец прошел пару шагов и остановился, вперив взгляд в умирающего старпома. Снимая шлем, пришелец расстегивал запоры сноровистыми, точными движениями, но, когда снял его, оказалось, что всклокоченная шевелюра и растрепанная борода обрамляют безвольное лицо идиота.

Положив шлем на пол, юноша принялся скрести и чесать свою косматую голову, не сводя глаз с лежащего на полу человека. На Марию он не взглянул даже мельком, а она не могла отвести взгляда от него — ей еще ни разу в жизни не доводилось видеть, чтобы живой человек был настолько бесстрастен. Так вот что происходит с пленниками берсеркера!

И все же... все же... На родной планете она уже сталкивалась с бывшими преступниками, прошедшими промывание мозгов. Но этот не таков; в нем больше человеческого, чем в них... а может, наоборот.

Опустившись на колени рядом со старпомом, бородатый нерешительно протянул руку и потрогал его. Умирающий апатично шевельнулся и устремил вверх бессмысленный взор. Под ним натекла целая лужа крови.

Взяв безвольную руку старпома своими ладонями, закованными в металлические перчатки, чужак принялся сгибать и распрямлять ее, словно интересуясь устройством локтевого сустава. Старпом застонал и принялся вяло вырываться. А чужак вдруг стремительным движением схватил умирающего за горло.

Мария не находила сил ни шевельнуться, ни отвести взгляд, хотя комната сперва медленно, а потом все быстрее и быстрее закружилась вокруг этих закованных в доспехи ладоней.

Разжав хватку, бородатый встал, вытянулся в струнку, попрежнему не сводя глаз с трупа у своих ног, и отчетливо проговорил:

— Отключен.

Наверное, Мария шевельнулась. А может, и нет, но бородатый поднял свое дебильное лицо, чтобы поглядеть на нее, однако ее взгляда то ли не заметил, то ли просто избегал замечать. Движения его глаз были быстрыми и бдительными, но мимические мышцы оставались вялыми, будто неживые. Он двинулся к Марии.

«Ой, да он же совсем юн, — подумала она, — едва ли не подросток». Прижавшись спиной к стене, замерла в ожидании. На ее планете женщин воспитывают так, чтобы они не теряли сознания при встрече с опасностью. Почему-то чем ближе подходил чужак, тем меньше она боялась. Но вот если бы он хоть мельком улыбнулся, она бы завизжала от ужаса и не смолкала бы долго-долго.

Остановившись перед ней, незнакомец протянул одну руку, чтобы коснуться ее лица, ее волос, ее тела. Мария хранила неподвижность; в нем не чувствовалось ни похоти, ни злобы, ни доброты. Он буквально источал ауру пустоты.

— Нет изображения, — сказал юноша будто самому себе. Потом добавил еще одно слово, что-то вроде «зложить».

Мария едва не осмелилась заговорить с ним. Задушенный старпом все так же лежал на полу ярдах в пяти от них.

Развернувшись, юноша целеустремленно зашаркал прочь от нее; такой диковинной походки Мария не видела еще ни разу в жизни. Подняв шлем, чужак вышел за дверь, даже не оглянувшись.

В одном углу отведенного ей пятачка струилась вода, с журчанием утекавшая сквозь дыру в полу. Гравитация примерно соответствовала земной. Мария села, привалившись спиной к стене, молясь и слушая грохот собственного сердца, едва не остановившегося, как вдруг дверь отворилась, сперва самую малость, потом чуть пошире, как раз в обрез, чтобы прошел большой кусок розовато-зеленоватой массы — видимо, еды. На обратном пути робот обогнул покойника.

Мария уже съела кусочек массы, когда дверь снова приоткрылась, и в нее поспешно протиснулся человек — Хемфилл, тот самый, с ледяным взором. Чтобы уравновесить тяжесть маленькой бомбы, висящей под мышкой, Хемфилл на ходу сильно наклонялся в другую сторону. Быстро окинув помещение взглядом, он закрыл за собой дверь и направился к Марии. Труп старпома он переступил, почти не удостоив взглядом.

— Сколько их тут? — шепотом осведомился Хемфилл, наклонившись к Марии. Она все так же сидела на полу, от изумления не в силах пошевелиться или сказать хоть слово.

— Кого? — в конце концов выдавила она из себя.

— Их, — нетерпеливо дернул головой Хемфилл в сторону двери. — Тех, что живут внутри и служат *ему*. Я видел того, что выходил из этой комнаты, когда находился в коридоре. Он соорудил для них огромное жилое пространство.

— Я видела только одного.

При этой вести глаза Хемфилла сверкнули. Показав, как заставить бомбу взорваться, он дал ее подержать Марии, а сам принялся резать кандалы своим лазерным пистолетом. Попутно оба обменялись сведениями о последних событиях. Мария сомневалась, что найдет в себе силы подорвать бомбу и покончить с собой, но говорить об этом Хемфиллу не стала.

Как только они покинули тюремную камеру, Хемфилла едва не хватил удар: из-за угла прямо на них выкатились два автомата. Но машины, не обратив на оцепеневших людей ни малейшего внимания, беззвучно проехали мимо и скрылись из виду.

— Внутри собственной шкуры этот драндулет на три четверти слеп! — возбужденно выдохнул он, обернувшись к Марии. Она промолчала, устремив на него перепуганный взгляд.

В голове у Хемфилла мало-помалу начал вызревать план, пробудивший в душе смутную надежду.

— Надо разузнать об этом человеке. Или людях, — бросил он, устремляясь по коридору. Неужели тот только один?! Слишком уж хорошо, чтобы это оказалось правдой.

Плохо освещенные коридоры были полны препятствий и неровных ступенек.

«Небрежно выстроенная уступка жизни», — мысленно отметил Хемфилл, направляясь в ту сторону, где скрылся чужак.

Через пару минут осторожных перебежек они услышали приближающиеся шаркающие шаги одного человека. Снова сунув бомбу Марии, Хемфилл отодвинул ее назад, заслонив собой. Оба затаились в темной нише.

Шаги близились с беззаботной стремительностью, и вдруг впереди промелькнул неясный силуэт. Взлохмаченная голова появилась в поле зрения так неожиданно, что закованный в металл кулак Хемфилла едва не промахнулся, скользнув по затылку чужака. Тот вскрикнул, оступился и упал.

Присев на корточки, Хемфилл сунул лазерный пистолет чуть ли не под нос незнакомцу, облаченному в старинный скафандр, но без шлема:

— Только пикни, и я тебя убью. Где остальные?

Парень уставился на него ошеломленным взглядом. Да нет, даже хуже, чем ошеломленным. Лицо его казалось совершенно неживым, хотя он переводил настороженные глаза с Хемфилла на Марию и обратно, игнорируя пистолет.

— Это все тот же, — шепнула Мария.

— Где твои друзья? — настойчиво спросил Хемфилл.

Пощупав затылок, куда пришелся удар, незнакомец пробормотал совершенно бесстрастно, будто ни к кому не обращаясь:

— Повреждение.

Затем протянул руку к пистолету столь безмятежно и плавно, что едва не взялся за него.

Хемфилл отскочил на шаг, едва удержавшись от выстрела.

— Сядь, или я тебя убью! А теперь говори, кто ты такой и сколько здесь остальных.

Чужак спокойно сел. Его одутловатое лицо по-прежнему оставалось совершенно бесстрастным.

— Твоя речь не меняется по высоте от слова к слову, не так, как речь машины. Ты держишь смертоносный инструмент. Дай мне его, и я уничтожу тебя и... вот эту.

Похоже, этот человек — полоумный инвалид с промытыми мозгами, а не предатель всего рода человеческого. Как же им воспользоваться? Хемфилл попятился еще на шаг, опустив пистолет.

— Откуда ты? — обратилась к пленнику Мария. — С какой планеты?

Пустой взор в ответ.

— Ну, где твой дом? — не унималась она. — Где ты родился?

— Из родильной камеры. — Порой голос юноши срывался, как голос берсеркера, будто напуганный комик передразнивает машину.

— Конечно, из родильной камеры. — Хемфилл издал нервный смешок. — Откуда ж еще? А теперь спрашиваю в последний раз: где остальные?

— Не понимаю.

— Ладно уж, — вздохнул Хемфилл. — Где эта родильная камера?

Надо же начать хоть с чего-то.

Помещение смахивало на склад биологической лаборатории — скверно освещенный, заваленный оборудованием, опутанный трубами и кабелями. Вероятно, здесь ни разу не работал живой техник.

— Ты был рожден *здесь?* — осведомился Хемфилл.

— Да.

— Он чокнутый.

— Нет. Погодите. — Мария понизила голос до едва слышного шепота, будто вновь чего-то испугалась. Потом взяла юношу с недвижным лицом за руку. Он наклонил голову, чтобы поглядеть на соприкасающиеся ладони. — У тебя есть имя? — терпеливо, будто у заблудившегося ребенка, спросила Мария.

— Я Доброжил.

— По-моему, это безнадега, — встрял Хемфилл.

Девушка не обратила на него ни малейшего внимания.

— Доброжил? Меня зовут Мария. А это Хемфилл.

Никакой реакции.

— Где твои родители? Отец? Мать?

— Они тоже были доброжилы. Они помогали кораблю. Был бой, и зложити убили их. Но они отдали клетки своих тел кораблю, и он сделал из этих клеток меня. Теперь я единственный доброжил.

— Боже милостивый! — выдохнул Хемфилл.

Молчаливое, благоговейное внимание тронуло Доброжила, хотя это оказалось не под силу ни угрозам, ни мольбам. Лицо его исказилось, сложившись в неловкую гримасу, и юноша уставился в угол. Затем, чуть ли не впервые, по собственному почину вступил в диалог:

— Я знаю, что они были, как вы. Мужчина и женщина.

Если бы ненависть могла жечь, как пламя, Хемфилл испепелил бы все кубические мили смертоносной машины до последнего фута; он озирался во все стороны, заглядывал во все углы.

— Чертовы железяки! — Голос у него сорвался, как у берсеркера. — Что они сделали со мной? С тобой? Со всеми?

План сложился у него в момент, когда ненависть достигла наивысшего накала. Стремительно подойдя, он положил ладонь Доброжилу на плечо.

— Послушай-ка меня. Тебе известно, что такое радиоактивный изотоп?

— Да.

— Где-то тут должно быть такое место, где... ну, машина решает, что делать дальше... к какой тактике прибегнуть. Место, где хранится глыба какого-то изотопа с большим периодом полураспада. Наверно, где-то в центре корабля. Ты не знаешь такого места?

— Да, я знаю, где стратегическое ядро.

— Стратегическое ядро? — Надежда поднялась на новую, прочную ступень. — Мы можем туда пробраться?

— Но вы же зложити! — Доброжил неуклюже оттолкнул руку Хемфилла. — Вы хотите повредить корабль, вы уже повредили меня. Вы должны быть уничтожены.

— Доброжил... — перехватила инициативу Мария. — Мы, этот человек и я, вовсе не злы. На самом деле зложити — те, кто построил этот корабль. Кто-то ведь строил его, понимаешь ли, какие-то живые существа построили его давным-давно. Вот они — настоящая зложить.

— Зложить. — Он то ли согласился с Марией, то ли бросил ей в лицо укор.

— Ты разве не хочешь жить, Доброжил? Мы с Хемфиллом хотим жить. Мы хотим помочь тебе, потому что ты живой, как и мы. Неужели ты не хочешь помочь нам?

Юноша несколько секунд хранил молчание, созерцая переборку. Затем обернулся лицом к двум другим и сказал:

— Все живое думает, что оно существует, но его нет. Есть только частицы, энергия и пространство, и еще законы машин.

— Доброжил, послушай меня, — не сдавалась Мария. — Один мудрец некогда сказал: «Я мыслю — следовательно, существую».

— Мудрец? — переспросил тот своим ломким голосом. Потом уселся на палубу, охватив колени руками, и принялся раскачиваться вперед-назад. Быть может, в раздумье.

Хемфилл увлек Марию в сторонку.

— Знаете, у нас появился проблеск надежды. Тут масса воздуха, есть вода и пища. За этой железякой наверняка следуют боевые корабли, иначе и быть не может. Если мы отыщем способ вывести берсеркера из строя, то сможем переждать, и через месяц-другой нас отсюда снимут, а то и раньше.

Мгновение она лишь молча разглядывала его.

— Хемфилл... что эти машины сделали вам?

— Моя жена... мои дети... — Собственный тон показался ему безразличным. — Были на Паскало. Три года назад. Был этот берсеркер или ему подобный.

Мария взяла его за руку, как недавно Доброжила. Оба посмотрели вниз, на свои сплетенные пальцы, потом подняли глаза, мельком улыбнувшись над синхронностью своих действий.

— Где бомба? — вдруг подумал вслух Хемфилл, стремительно оборачиваясь.

Та преспокойно лежала в темном углу. Снова завладев ею, Хемфилл широкими шагами устремился к продолжавшему раскачиваться Доброжилу.

— Ну, ты за нас? За нас или за тех, кто построил корабль?

Встав, Доброжил посмотрел на Хемфилла в упор:

— Построить корабль их вдохновили законы физики, управлявшие их мозгами. Теперь корабль хранит их образы. Он хранит моих отца и мать, он сохранит и меня.

— Какие еще образы? Где они?

— Образы в театре.

Пожалуй, это лучший способ склонить его к сотрудничеству, завоевать доверие, а заодно узнать кое-что о нем самом и о корабле, решил Хемфилл. Потом — прямиком к стратегическому ядру. Он придал голосу дружелюбные интонации:

— А не проводишь ли ты нас в театр, Доброжил?

Они оказались в самом большом из попадавшихся до сих пор помещений заполненной воздухом зоны — с сотнями сидений, вполне подходящих по форме и уроженцам Земли, хотя наверняка были изготовлены для каких-то иных существ. Тщательно меблированный театр был хорошо освещен. Едва за пришедшими закрылась дверь, как на сцене проявились сидящие рядами изображения разумных существ.

Сцена обратилась в окно, открытое в огромный зал. Перед аудиторией за кафедрой стояло одно из существ — изящное, тонкокостное, сложением напоминающее человека, за одним

только исключением: единственный глаз с ярким зрачком, бегающим туда-сюда, будто ртуть, растянулся на все лицо.

Речь представляла собой шквал тонких пощелкиваний и улюлюканий. Большинство сидящих было облачено в какую-то форму. Как только оратор смолк, аудитория в унисон завыла.

— Что он говорит? — шепотом поинтересовалась Мария.

— Корабль сказал мне, что утратил смысл звуков, — обернулся к ней Доброжил.

— А можно, мы взглянем на образы твоих родителей, Доброжил?

Хемфилл, следивший за сценой, хотел было запротестовать, но сообразил, что девушка права. В данный момент вид родителей парня может поведать куда больше.

Доброжил что-то переключил.

Хемфилла поразило, что родители юноши запечатлены только в виде плоских проекционных картин. Сначала на фоне однотонной стены возник мужчина в комбинезоне астронавта — голубоглазый, с аккуратной бородкой, с приятным выражением лица.

Затем появилась женщина, глядевшая прямо в объектив, держа перед собой какую-то ткань, чтобы прикрыть наготу, — широколицая, с заплетенными в косы рыжими волосами. Хемфилл не успел разглядеть ничего толком, когда на сцене вновь объявился инопланетный оратор, заулюлюкавший еще быстрее, чем прежде.

— И это все? — обернулся Хемфилл. — Все, что тебе известно о родителях?

— Да. Зложити убили их. Теперь они стали образами и больше не мыслят, что существуют.

Существо на трибуне заговорило более менторским тоном. Рядом с ним одна за другой появлялись отмеченные на трехмерной карте позиции звезд и планет, а оратор то и дело указывал на них. Он мог похвастаться множеством звезд и планет; Мария почему-то догадывалась, что он хвастается.

Хемфилл тем временем шаг за шагом приближался к сцене, все более сосредоточенно впиваясь в оратора взглядом. Марии не понравилось, как отблески изображений играют на его лице.

Доброжил тоже пристально следил за сценической мистерией, хотя, наверное, видел ее уже тысячи раз. Неведомо, какие мысли проносились в голове этого человека с бессмысленным лицом, никогда не видевшего иного человеческого лица, которое могло бы послужить ему образцом. Повинуясь порыву, Мария снова сжала его запястье.

— Доброжил, мы с Хемфиллом живые, как и ты. Так не поможешь ли ты нам остаться в живых? Тогда в будущем мы всегда будем тебе помогать. — У нее перед глазами вдруг встала картина: Доброжила спасают, увозят на планету, а он ежится в кругу таращившихся на него зложителей.

— Добрый. Злой. — Он протянул ладонь, чтобы взять ее за руку; рукавицы скафандра он уже снял. Тело его покачивалось, будто девушка и притягивала, и отталкивала его одновременно. А ей хотелось выть и причитать над ним, голыми руками разнести в клочья бездумно целеустремленную металлическую гору, сделавшую его таким.

— Они у нас в руках! — изрек ликующий Хемфилл, возвращаясь от сцены, где записанная тирада неумолимо продолжалась. — Разве вы не поняли? Он показывает полный каталог — все, что им принадлежит, от звезд до астероидов. Это победный спич. Изучив карты, мы сможем отыскать их, выследить их и *добраться* до них!

— Хемфилл, — остудила его пыл Мария, желая вернуть к более насущным проблемам, — сколько веков этим картам? Какой район Галактики они отображают? А может, и вовсе какой-то другой Галактики? Разве дано нам это узнать?

Хемфилл подрастерял часть своего энтузиазма.

— Ну, как бы то ни было, это дает шанс выследить их; эту информацию мы должны сберечь. Он должен отвести меня к так называемому стратегическому ядру, — Хемфилл указал на Доброжила, — затем можно будет просто сидеть сложа руки и ждать боевые корабли или, скажем, покинуть эту чертову железяку на катере.

— Да, но он в замешательстве. — Мария погладила Доброжила по руке, словно утешая ребенка. — Разве может быть иначе?

— Конечно. — Хемфилл помолчал, оценивая ситуацию. — Вы с ним управляетесь куда лучше, чем я. — Потом, не дождавшись ответа, продолжал: — Вообще-то вы женщина, а он с виду здоровый молодой мужчина. Утешайте его, если хотите, но вы *обязаны* каким-то образом убедить его помочь мне. От этого зависит все. — Он снова обернулся к сцене, не в силах оторваться от карт. — Прогуляйтесь немного, потолкуйте с ним, но далеко не забредайте.

А что еще остается? Мария повела Доброжила прочь из театра под неумолчное щелканье и улюлюканье покойника на сцене, каталогизирующего тысячи своих солнц.

Слишком уж много всего произошло, слишком уж много всего продолжало происходить, и пребывание рядом со зложитью вдруг стало для него совершенно непереносимо. Доброжил внезапно отпрянул от женщины, ринулся бежать прочь по коридорам, туда, где прятался от возникавших ниоткуда диковинных страхов, когда был маленьким, — в помещение, где корабль всегда мог видеть и слышать его и готов был поговорить с ним.

Он предстал пред оком корабля в комнате-которая-сжалась. Он называл ее так, потому что отчетливо помнил, как она была больше, а сканеры и громкоговорители корабля находились выше его макушки. Конечно, Доброжил понимал, что на самом деле причиной изменений стал его физический рост, но это помещение стало для него особым, прочно отождествившись с едой, сном и уютным теплом.

— Я слушал зложителей и показывал им разные вещи, — доложил он, заранее пугаясь наказания.

— Мне известно об этом, Доброжил, ведь я наблюдал. Эти вещи стали частью моего эксперимента.

Какая радость и облегчение! Корабль ничего не сказал о наказании, хотя и знает, что слова и действия зложителей поколебали и смешали мысли Доброжила. Он даже начал подумывать, не показать ли мужчине Хемфиллу стратегическое ядро, тем самым раз и навсегда положив конец любым наказаниям.

— Они хотели, чтобы я... хотели, чтобы я...

— Я наблюдал. Я слушал. Мужчина несгибаем и зол, сильно мотивирован на борьбу против меня. Я должен постичь подобных ему, ибо они причиняют большинство повреждений. Его следует испытать до предела, вплоть до уничтожения. Он совершенно свободно ходит внутри меня и потому не считает себя пленником. Это важно.

Стащив с себя надоевший скафандр — сюда зложитей корабль не допустит, — Доброжил опустился на пол, охватив руками основание сканерно-громкоговорительной консоли. Однажды, давным-давно, корабль дал ему вещь, в руках становившуюся теплой и мягкой... он закрыл глаза и сонным голосом спросил:

— Какие будут приказания? — как всегда, здесь, в этой комнате, ощутив надежность и уют.

— Во-первых, не говорить зложитям об этих приказаниях. Далее, делать все, что велит тебе этот человек Хемфилл. Он не причинит мне никакого вреда.

— У него бомба.

— Я наблюдал за его приближением и обезвредил бомбу еще

до того, как он проник в меня, чтобы напасть изнутри. Его пистолет серьезного вреда мне не причинит. Неужели ты думаешь, что зложить способен одолеть меня?

— Нет. — Успокоившийся Доброжил улыбнулся и устроился поудобнее. — Расскажи мне о моих родителях.

Он слышал эту историю тысячи раз, но никогда не уставал слушать ее снова и снова.

— Твои родители были добрыми, они отдали себя мне. Затем, во время великой битвы, зложити убили их. Зложити ненавидели их, как ненавидят меня. Когда они говорят, что они такие же, как ты, они лгут, пуская в ход присущую всякой зложити коварную неправду.

Но твои родители были добрыми, и оба дали мне по частичке своих организмов, и из этих частичек я сделал тебя. Зложити уничтожили твоих родителей целиком, иначе я бы сохранил хотя бы их нефункционирующие оболочки, чтобы ты мог их осмотреть. Это было бы к добру.

— Да.

— Эти двое зложитей искали тебя. Теперь они отдыхают. Спи, Доброжил.

И он уснул.

Пробудившись, он вспомнил сон, в котором двое людей звали его присоединиться к ним на сцене театра. Он знал, что это отец и мать, хоть они и походили на зложитей. Но сон угас, прежде чем пробуждающийся рассудок успел постичь его смысл.

Доброжил поел и попил, попутно слушая наставления корабля:

— Если человек Хемфилл захочет пойти к стратегическому ядру, проводи его. Там я его захвачу, а позже позволю бежать, чтобы он мог предпринять еще попытку. Когда его наконец больше не удастся спровоцировать на борьбу, я его уничтожу. Но я намерен сохранить жизнь самки. Вы с ней произведете для меня новых доброжилов.

— Да! — Доброжилу тотчас же стало ясно, как это будет замечательно. Они дадут частицы своих тел кораблю, чтобы тот мог клетку за клеткой построить тела новых доброжилов. А мужчина Хемфилл, наказавший и повредивший его своей быстродвижной рукой, будет полностью демонтирован.

Как только он вернулся к зложитям, мужчина Хемфилл тут же начал рявкать вопросы и грозить наказанием, так что сбитый с толку Доброжил даже чуточку напугался. Но согласился по-

мочь, постаравшись ни словом не выдать замыслы корабля. Мария держалась еще сердечнее, чем прежде. Доброжил трогал ее при всяком удобном случае.

Хемфилл потребовал указать дорогу к стратегическому ядру. Бывавший там неоднократно Доброжил тотчас же согласился; туда ведет скоростной лифт, делающий пятидесятимильное путешествие совсем легким.

— Что-то ты ни с того ни с сего вдруг проникся чертовским энтузиазмом, — помолчав, заявил Хемфилл и повернулся к Марии: — Я ему не доверяю.

Этот зложить думает, что он обманывает! Доброжил рассердился; машины никогда не лгут, и ни один достойнопослушный доброжил лгать не может.

Хемфилл принялся расхаживать туда-сюда и в конце концов спросил:

— А можно ли подобраться к этому стратегическому ядру так, чтобы корабль нас не обнаружил?

— Полагаю, такой путь есть, — поразмыслив, ответил Доброжил. — Нам придется захватить запасные баллоны воздуха и пройти много миль через вакуум.

Корабль велел помогать Хемфиллу — значит, надо помогать во всем. Доброжил лишь надеялся, что собственными глазами увидит, как этого зложитя наконец демонтируют.

Вероятно, эта битва разыгралась еще в те времена, когда люди на Земле с копьями охотились на мамонтов. Столкнувшись с каким-то ужасающим противником, берсеркер получил жуткую колотую рану — кратер диаметром в пару миль и глубиной миль в пятьдесят, пробитый серией направленных ядерных взрывов, один ярус механизмов за другим, слой за слоем брони, и остановленных только последним рубежом обороны неживого сердца машины. Берсеркер выжил и сокрушил врага, а вскоре вслед за тем его ремонтные агрегаты заделали пробоину в наружной обшивке, воспользовавшись дополнительными слоями брони. Он намеревался со временем устранить все повреждения, но в Галактике оказалось очень уж много жизни, да притом чрезвычайно упорной и хитроумной. Так или иначе, но боевые повреждения накапливались быстрее, чем он мог ремонтировать себя. Поэтому чудовищная дыра, нашедшая применение в качестве конвейера, так и не была залатана.

Увидев пробоину — ту ничтожную ее часть, которую сумел осветить фонарь шлема, — Хемфилл снова пал духом, ощутив

страх и ни с чем не сравнимую мизерность своего бытия. Помедлил на краю бездны и вплыл в нее, инстинктивно обняв Марию одной рукой. Она тоже облачилась в скафандр и последовала за ним, не дожидаясь просьб, не переча ни словом и не проявляя энтузиазма.

Они уже проделали часовой путь от воздушного шлюза, сквозь невесомость и вакуум колоссального корабля. Доброжил исправно указывал дорогу через одну секцию за другой, всячески демонстрируя готовность к сотрудничеству. Хемфилл держал наготове и пистолет, и бомбу, а также футов двести шнура, накрученного на левое предплечье.

Но стоило Хемфиллу увидеть оплавленные края циклопического шрама берсеркера и распознать, что это такое на самом деле, как его едва затеплившаяся надежда на жизнь угасла. Эта чертова железяка сумела пережить такой удар, пусть даже сильно ослабивший ее. И снова собственная бомбочка показалась Хемфиллу жалкой игрушкой.

К ним подплыл Доброжил. Хемфилл уже научил его переговариваться в вакууме, прижимая шлем к шлему собеседника.

— Это громадное повреждение — единственная дорога к стратегическому ядру, минующая все сканеры и ремонтные автоматы. Я научу вас ездить на конвейере. Он довезет нас почти до цели.

Конвейер представлял собой комбинацию силовых полей и исполинских движущихся контейнеров на расстоянии сотен ярдов от стен чудовищной раны, вдоль ее оси. Как только силовые поля подхватили людей, невесомость стала еще более походить на нескончаемое падение, а мимо, подчеркивая скорость движения, проносились в почти непроглядном мраке огромные силуэты контейнеров — кровяных телец, текущих в стальных жилах берсеркера.

Хемфилл летел бок о бок с Марией, держа ее за руку. Различить ее лицо за стеклом шлема было невозможно.

Конвейер являл собой целый новый, безумный мир — миф, сложенный из чудовищ, падений и взлетов. Выгоревший дотла страх Хемфилла перерос в новую решимость. «Мне это по плечу, — думал он. — Здесь этот драндулет слеп и беспомощен. Я сделаю это и останусь в живых, если сумею».

Доброжил увлек их прочь с замедляющегося конвейера, и все трое по инерции доплыли до сферической воронки во внутреннем слое брони, созданной последним взрывом древнего ракетного удара. От воронки — полой сферы поперечником футов

в сто — по сплошной броне во все стороны разбегались трещины. На поверхности, обращенной к центру берсеркера, виднелась расщелина шириной с дверь — именно здесь угасла устремленная вперед энергия последнего удара.

— Я видел другой конец трещины изнутри, от стратегического ядра, — соприкоснувшись шлемами с Хемфиллом, поведал Доброжил. — Он всего в нескольких ярдах отсюда.

Хемфилл колебался не более секунды, гадая, не послать ли Доброжила по извилистому тоннелю первым. Впрочем, если это какая-то невероятно хитроумная западня, спусковой механизм может находиться где угодно. Хемфилл прижался шлемом к шлему Марии.

— Держитесь позади него. Лезьте следом и присматривайте за ним. — И двинулся первым.

Расщелина постепенно сужалась, но у выхода оставалась достаточно широкой, чтобы можно было протиснуться.

Щель вывела в следующую обширную полую сферу — внутренний храм. А в самом центре сферы Хемфилл узрел сложную конструкцию размером с домик, подвешенную на хитросплетении амортизаторов, расходящихся во всех направлениях. Стратегическое ядро, тут уж сомневаться не приходится. От ядра исходило призрачное сияние, напоминающее лунный свет; переключающие силовые поля отзывались на хаотичное бурление атомов внутри глыбы изотопа, каким-то образом выбирая, на какую из людских трасс или колоний направить следующий удар, и каким образом.

Хемфилл ощутил распирающее душу и грудь давление ненависти, достигшей триумфальной кульминации, и поплыл вперед, бережно баюкая в руках бомбу и раскручивая навитый на предплечье шнур. Приближаясь к центральному комплексу, он аккуратно привязал свободный конец шнура к детонатору бомбы.

«Я намерен жить, — думал он, — намерен узреть, как окаянная машина издохнет. Прикручу бомбу к центральному блоку, вот к этой столь невинной с виду болванке, укроюсь на расстоянии двухсот футов за этими массивными стальными балками и дерну за шнур».

Остановившись в идеальной позиции для наблюдения за сердцем корабля, Доброжил смотрел, как мужчина Хемфилл натягивает свою веревку. Доброжил испытывал некоторое удовлетворение от того, что его догадка оказалась верна и к стратегическому ядру действительно можно подобраться по этой узкой

тропке громадного повреждения. Возвращаться этой дорогой уже не придется. Как только зложить будет схвачен, можно будет всей компанией вернуться в удобном лифте с воздухом. Этим лифтом Доброжил всегда пользовался, когда приезжал сюда для технического обслуживания.

Закончив приготовления, Хемфилл махнул рукой Доброжилу и Марии, наблюдавшим за ним, прильнув к одной и той же балке, и дернул за натянутую веревку. Разумеется, ничего не произошло. Корабль же сказал, что бомба обезврежена, а в подобных вопросах машина действует наверняка.

Оттолкнувшись от балки, Мария поплыла к Хемфиллу.

Тот дергал за веревку снова и снова. Испустив вздох нетерпения, Доброжил пошевелился. Здешние балки наполнены великим холодом, и Доброжил уже начал ощущать его сквозь рукавицы и ботинки скафандра.

Наконец, когда Хемфилл двинулся обратно, — выяснять, почему его устройство не сработало, — ремонтные автоматы появились из своего укрытия, чтобы схватить его. Он попытался выхватить пистолет, но их манипуляторы двигались куда проворнее.

Хемфилл даже не сумел толком оказать сопротивление, но Доброжил все равно наблюдал за схваткой с интересом. Облаченное в скафандр тело человека словно окаменело, явно напрягая каждую мышцу до предела. И зачем только зложить пытается бороться против стали и атомной энергии? Машины без усилий повлекли человека к шахте лифта. Доброжила вдруг охватило беспокойство.

Мария плыла прочь, обернув лицо к Доброжилу. Ему хотелось устремиться следом, снова прикоснуться к ней, но его вдруг охватила робость, как прежде, когда он удрал от нее. Один из ремонтных автоматов вернулся от лифта, чтобы схватить и унести Марию. А она все не отводила глаз от Доброжила. Он отвернулся, чувствуя в середке своего существа ощущение вроде наказания.

Безмолвие великого холода, омывающий все мерцающий свет стратегического ядра. В центре — хаотический блок атомов. Где-то в другом месте — двигатели, реле, датчики. Так где же на самом деле находится могущественный корабль, говорящий с ним? Повсюду и нигде. Покинут ли его эти новые чувства, порожденные зложитью? Доброжил пытался разобраться в себе, но даже не знал, с чего начать.

В паре ярдов от него, среди балок, мерцали блики на каком-

то сферическом предмете, вызвавшем у Доброжила раздражение своим несоответствием представлениям о благопристойности и необходимости в технике. Приглядевшись, он понял, что это шлем скафандра.

Недвижное тело едва держалось в перекрестье сходящихся под углом холодных стальных балок, но здесь отсутствовали внешние силы, которые могли бы стронуть его с места.

Промороженный великим холодом скафандр захрустел, когда Доброжил схватил его, чтобы развернуть к себе. Сквозь стекло забрала на Доброжила смотрели невидящие голубые глаза человека с аккуратной бородкой.

— А-а-а, да, — вздохнул Доброжил в собственном шлеме. Тысячи раз видел он изображение этого лица.

Его отец нес что-то тяжелое, аккуратно привязанное к древнему скафандру. Отец дошел до этого места, и тут старый, прохудившийся скафандр сдал.

Отец тоже пришел сюда, следуя единственным логичным путем — узкой тропой великого повреждения, чтобы добраться до стратегического ядра незамеченным. Отец задохнулся, умер и замерз здесь, пытаясь донести до стратегического ядра предмет, который не может быть ничем иным, кроме бомбы.

Будто со стороны услышал Доброжил собственные причитания — бессмысленные, бессловесные, взор ему застлали слезы. Окоченевшими пальцами он отвязал бомбу, приняв ее у отца...

Хемфилл был настолько измучен, что лишь тяжело дышал, пока ремонтный робот тащил его от лифта к тюремной камере по заполненному воздухом коридору. И когда тот вдруг замер, выронив пленника, Хемфиллу пришлось недвижно лежать пару долгих секунд, прежде чем он снова нашел в себе силы для нападения. Автомат куда-то запрятал его пистолет, и Хемфилл принялся молотить робота бронированными кулаками, а тот даже не пытался сопротивляться. Вскоре Хемфиллу удалось повалить его. Усевшись на железного противника, Хемфилл снова принялся охаживать его кулаками, изрыгая проклятия и глотая воздух всхлипывающими от удушья легкими.

Лишь минуту спустя сотрясение взрыва, побежавшее от сосредоточенного хаоса распыленного сердца берсеркера по металлическим балкам и обшивке, домчалось до этого коридора, но оказалось слишком слабым, чтобы его ощутил хоть кто-нибудь.

Совершенно изнуренная Мария сидела там, где выпустил ее

стальной тюремщик, устремив взор на Хемфилла, по-своему любя его и жалея.

Прекратив бессмысленное избиение машины, он хрипло проговорил:

— Это подвох, новый чертов подвох!

Здесь сотрясение было чересчур слабым, чтобы его можно было почувствовать, но Мария в ответ покачала головой:

— Нет, вряд ли.

Видя, что лифт еще работоспособен, она устремила взгляд на его двери.

Хемфилл отправился искать среди обездвиженных машин оружие и пищу. Вернулся в ярости. Видимо, на корабле имелась система самоликвидации, уничтожившая театр и звездные карты. Так что можно бросать его и лететь прочь на катере.

Мария не обращала на него внимания, устремив взгляд на так и не распахнувшиеся двери лифта. И вскоре тихонько заплакала.

Ужас перед берсеркерами распространялся по Галактике, обгоняя их. Даже на планетах, не тронутых боями, были люди, будто выгоревшие изнутри и дышавшие тьмой. На каждой планете находилось несколько человек, подолгу взиравших в ночные небеса. На каждой планете некоторые люди обнаруживали, что вновь одержимы призраками смерти.

Я коснулся разума, чья душа была мертва...

МЕЦЕНАТ

Проработав часа два или три, Геррон ощутил голод и решил сделать перерыв, чтобы перекусить. Озирая только что сделанное, он без труда вообразил, какими похвалами сыпал бы льстивый критик: громадное полотно, диссонансные, резкие линии! Пламенное ощущение всеохватной угрозы! «Хоть разок, — подумалось ему, — критик может для разнообразия и похвалить нечто хорошее».

Отвернувшись от мольберта и пустой переборки, Геррон увидел, что его страж бесшумно приблизился и остановился на шаг позади, будто эдакий зевака или любитель давать советы.

— Полагаю, вы готовы внести какое-то идиотское предложение?

Робот, смутно смахивающий на человека, не произнес ни

слова, хотя на его квазилице имелось что-то вроде громкоговорителя. Пожав плечами, Геррон обошел его и двинулся искать камбуз. Корабль удалился от Земли на считаные часы полета со сверхсветовой скоростью, когда его настиг и захватил в плен берсеркер; а единственный пассажир, Пирс Геррон, даже не успел толком оглядеться на корабле.

Отыскав камбуз, он обнаружил, что это не просто какая-то кухня, а своеобразный салон, где колониальные дамы с претензиями на утонченный вкус, утомившись от разглядывания картин, могли бы пощебетать за чашечкой чаю. «Франс Гальс» должен был стать передвижным музеем; затем вокруг Солнца разгорелось пламя войны против берсеркеров, и культбюро ошибочно решило, что безопаснее переправить сокровища живописи на Тау Эпсилона. «Франс» идеально подходил для этой миссии — и ни для чего больше.

Посмотрев дальше, Геррон увидел, что дверь в рубку разбита, но заглядывать туда не стал, твердя сам себе, что вовсе не потому, что увиденное могло бы вывести его из равновесия, что он безразличен к ужасам, как и к большинству остальных человеческих существ. Там остались оба члена экипажа «Франса» — вернее, то, что уцелело от них после попытки дать отпор абордажным автоматам берсеркера. Несомненно, они предпочли плену смерть.

Сам Геррон не предпочитал ничего. Теперь он, пожалуй, единственное живое существо — не считая нескольких бактерий — на добрую половину светового года окрест. Ему польстило открытие, что сложившаяся ситуация вовсе не повергает его в ужас, что его застарелая усталость от жизни — отнюдь не поза, не попытка одурачить самого себя.

Стальной страж последовал за ним на камбуз, продолжая наблюдение за человеком, пока тот включал кухонное оборудование.

— Все еще никаких предложений? — осведомился у него Геррон. — Возможно, ты умней, чем я думал.

— Я тот, кого люди называют берсеркерами, — внезапно проскрипела человекообразная конструкция вялым тоном. — Я захватил ваш корабль и буду говорить с тобой через миниатюрный автомат, который ты лицезришь. Ты улавливаешь смысл моих слов?

— Понимаю настолько, насколько мне надо. — Самого берсеркера Геррон еще не видел, но чувствовал, что тот дрейфует в нескольких милях, нескольких сотнях или нескольких тысячах

миль от захваченного корабля. Капитан Ханус отчаянно пытался скрыться от него, бросив свой корабль в облака темной туманности, где ни один корабль не может двигаться быстрее света, а преимущество в скорости имеет более миниатюрный корабль.

Погоня шла на скоростях до тысячи миль в секунду. Поневоле оставаясь в нормальном пространстве, неповоротливый берсеркер не мог маневрировать, чтобы избегать столкновений с метеоритами и газовыми скоплениями столь же эффективно, как управляемый радарно-компьютерным комплексом преследуемый «Франс». Зато берсеркер послал в погоню собственный боевой катер, и у безоружного «Франса» не осталось ни единого шанса на спасение.

Расставив на столе холодные и горячие блюда, Геррон склонился в полупоклоне.

— Не изволите ли составить мне компанию?

— Я не нуждаюсь в органической пище.

— В конце концов, — усевшись со вздохом, поведал Геррон машине, — ты обнаружишь, что отсутствие чувства юмора так же бессмысленно, как и смех. Подожди и посмотри, прав я или нет.

Приступив к еде, он обнаружил, что аппетит не настолько велик, как ему казалось. Очевидно, организм по-прежнему боится смерти; это немного удивило художника.

— При обычных обстоятельствах ты функционируешь в деятельности этого судна? — задала машина вопрос.

— Нет. — Геррон заставил себя прожевать и проглотить пищу. — Я не силен в умении давить на кнопки.

При этом ему не давала покоя мысль о странном происшествии. Когда до захвата корабля оставались считаные минуты, капитан Ханус пулей вылетел из рубки, сграбастал Геррона и с душераздирающей поспешностью потащил его за собой через всю сокровищницу мирового изобразительного искусства на корму.

— Геррон, послушайте, если мы не прорвемся... видите? — Отперев двойной люк в кормовом отсеке, капитан показал нечто вроде короткого тоннеля диаметром с большую канализационную трубу, выстеленного мягкой обивкой. — Обычная шлюпка не ускользнет, но эта может.

— Вы ждете второго пилота, капитан, или мы отправляемся прямо сейчас?

— Глупец, тут места хватит только на одного, и этот один — не я.

— Вы намерены спасти меня? Капитан, я тронут! — рассмеялся Геррон естественно и без натуги. — Но вам не стоит сбрасывать со счетов и себя.

— Вы идиот. Могу я вам доверять? — Ханус нырнул в шлюпку, и пальцы его заплясали по панели управления. Потом, пятясь, выбрался и вонзил в Геррона безумный, пылающий взор. — Слушайте. Смотрите сюда. Это кнопка старта; я все настроил так, что шлюпка выйдет в район главных космотрасс и начнет передавать сигнал бедствия. Тогда есть шанс, что ее найдут и спокойно поднимут на борт. Теперь, когда все настроено, надо только нажать кнопку старта...

И в этот миг катер берсеркера атаковал корабль с таким грохотом, будто на корпус обрушились горы. Электричество и искусственная гравитация отказали, но тут же внезапно появились снова. Пирс Геррон рухнул на бок, удар на миг отшиб ему дыхание. Капитан же вскочил на ноги, двигаясь, словно лунатик, снова закрыл люк таинственной крохотной шлюпки и заковылял в рубку.

— Почему ты здесь? — осведомилась у Геррона машина.

Он только что подцепил на вилку кусок блюда, на которое смотрел, но тут же бросил ее. Ему даже не пришлось колебаться, прежде чем ответить:

— Тебе известно, что такое культбюро? Это дурачье, командующее искусством там, на Земле. Некоторые, как и множество других дураков, считают меня великим живописцем. Преклоняются передо мной. И когда я сказал, что хочу покинуть Землю на этом корабле, мне предоставили такую возможность.

Я хотел улететь, потому что почти все ценное в истинном смысле этого слова с Земли вывезли. Изрядную часть на этом самом корабле. А на планете остались только кишащие толпы животных, плодящихся и умирающих, дерущихся...

— Почему ты не пытался бороться или спрятаться, когда мои автоматы взяли это судно на абордаж?

— Потому что ничего хорошего из этого не вышло бы.

Когда абордажная команда берсеркера пробилась через воздушный шлюз, Геррон, устанавливавший мольберт в помещении, видимо, предназначенном для небольшого выставочного зала, приостановился, чтобы поглядеть на вереницу непрошеных гостей, проследовавшую мимо. Один из стальных человекообразных монстров — тот самый, через которого берсеркер допрашивал его сейчас, — остался, воззрившись на него своими линзами, а остальные двинулись вперед, к рубке.

— Геррон! — крикнул интерком. — Попытайтесь, Геррон, пожалуйста! Вы знаете, что делать!

Затем послышались лязг, выстрелы и проклятия.

Что делать, капитан? Ах, да. Шок от происшедшего и угроза неминуемой смерти пробудили в Пирсе Герроне некое подобие жизни. Он с интересом разглядывал чуждые формы и линии неживого стража, чей металл, промороженный безжалостным холодом межзвездных пространств, в тепле салона оброс инеем. Затем Геррон отвернулся и принялся писать портрет берсеркера, пытаясь уловить не внешнюю, ни разу не виденную форму, а свое ощущение его внутренней сущности, чувствуя, как сверлит спину бесстрастный, мертвенный взгляд вытаращенных линз. Ощущение это было лишено приятности, словно негреющий свет весеннего солнца.

— А что хорошо? — спросил автомат, стоящий в камбузе над душой у Геррона, пытающегося поесть.

— Это ты мне скажи, — фыркнул он.

Тот понял его буквально.

— Служить делу того, что люди называют смертью, — хорошо. Уничтожать жизнь — хорошо.

Столкнув почти полную тарелку в щель мусоросборника, Геррон встал.

— Ты почти прав насчет того, что жизнь — никудышная штука, но, даже будь ты абсолютно прав, к чему подобный энтузиазм? Что уж такого похвального в смерти? — Теперь его изумили собственные мысли, как прежде — отсутствие аппетита.

— Я абсолютно прав, — заявил автомат.

Секунд пять Геррон стоял недвижно, будто погрузившись в раздумья, хотя в мыслях у него царил полнейший вакуум.

— Нет, — проронил он наконец и принялся ждать, когда его поразит удар молнии.

— В чем, по-твоему, я заблуждаюсь? — поинтересовался автомат.

— Я тебе покажу. — Геррон вышел из камбуза, чувствуя, как взмокли ладони и пересохло во рту. Почему бы этой адской машине не убить его и на том покончить?

Картины были уложены на стеллажи ряд за рядом, ярус за ярусом; в корабле не осталось места, чтобы экспонировать традиционным способом большое количество полотен. Отыскав нужный ящик, Геррон выдвинул его, выставив скрытый внутри портрет на полное обозрение. Тотчас же вспыхнули окружаю-

щие его светильники, оживив сочные цвета картины, защищенной статгласовым покрытием — изобретением двадцатого века.

— Вот в чем ты заблуждаешься, — провозгласил Геррон.

Объективы человекообразного аппарата сканировали портрет секунд пятнадцать.

— Объясни, что ты мне показываешь, — потребовал он.

— Мой тебе поклон! — сказал Геррон, исполнив именно это. — Ты признаешься в невежестве! Даже задаешь внятный вопрос, хотя и поставленный чересчур общо. Во-первых, поведай, что видишь здесь ты.

— Я вижу подобие живой единицы, его третье пространственное измерение ничтожно по сравнению с двумя другими. Подобие заключено в защитную оболочку, прозрачную для длин волн, воспринимаемых человеческим зрением. Отображенная человеческая единицы является — или являлась — взрослым самцом, очевидно, в хорошем функциональном состоянии, облаченным в покровы незнакомого мне типа. Как я понимаю, один предмет одежды он держит перед собой...

— Ты видишь человека с перчаткой, — перебил Геррон, утомленный своей горькой игрой. — Картина так и называется: «Человек с перчаткой»[1]. Ну, что скажешь?

Последовала пауза секунд в двадцать.

— Это попытка воздать хвалу жизни, сказать, что жизнь — это хорошо?

Глядя на тысячелетнее полотно Тициана, высочайшее произведение искусства, Геррон едва расслышал ответ машины, беспомощно и безнадежно окидывая мысленным взором свою последнюю работу.

— Теперь скажи ты, что это означает, — совершенно бесстрастно потребовал робот.

Геррон не ответил и двинулся прочь, оставив ящик открытым. Робот увязался за ним следом.

— Скажи мне, что это означает, или будешь наказан.

— Если ты можешь взять паузу на размышления, то и я могу, — отрезал Геррон, хотя при угрозе наказания внутри у него все мучительно сжалось, словно боль была страшнее смерти. Но Геррон отнесся к своим внутренностям с величайшим презрением.

[1] Работа Тициана, ныне хранящаяся в Лувре. Что любопытно, в Эрмитаже есть портрет кисти Франса Гальса, в честь которого назван корабль, под названием «Портрет молодого человека с перчаткой». Вкладывал ли автор в эту параллель какой-то особый смысл — судить читателю.

Ноги несли его обратно к мольберту. Едва взглянув на диссонирующие, грубые линии, минут десять назад так тешившие его, он нашел их отвратительными, как и все, что перепробовал за последний год.

— Что ты делал здесь? — осведомился берсеркер.

Взяв кисть, которую позабыл почистить, Геррон с раздражением принялся ее вытирать.

— Это была попытка постичь квинтэссенцию твоей сути, запечатлеть ее красками на холсте, как запечатлены были эти люди, — махнул он рукой в сторону стеллажей. — Попытка провальная, как и большинство других.

Последовала новая пауза, измерить которую Геррон даже не пытался.

— Попытка воздать хвалу мне?

— Называй как хочешь. — Переломив испорченную кисть, Геррон швырнул обломки на пол.

На сей раз пауза была краткой, после чего автомат, не проронив ни слова, развернулся и зашагал к шлюзу. Некоторые его приятели с лязгом потянулись следом. Со стороны шлюза послышался звон и грохот, будто из слесарной мастерской. Итак, допрос на время прерван.

Мыслями Геррон был готов обратиться к чему угодно, только бы позабыть о своей работе и своей участи, и снова вернулся к тому, что показал, вернее, пытался показать Ханус. Как сказал капитан, это нестандартная шлюпка, но она способна ускользнуть. Надо всего лишь нажать на кнопку.

Геррон зашагал, легонько усмехнувшись при мысли, что если берсеркер и в самом деле настолько беззаботен, как кажется, то не исключена возможность удрать от него.

Удрать, но к чему? Писать картины он больше не может, если вообще мог хоть когда-нибудь. Все, что ему действительно дорого, сосредоточено теперь здесь — и на других кораблях, покидающих Землю.

Вернувшись к стеллажам, Геррон еще дальше выдвинул ящик «Человека с перчаткой», так что тот вышел из пазов и стал удобной тележкой, и покатил портрет на корму. Он еще может употребить свою жизнь на благое дело.

Из-за статгласовой оболочки картина стала массивной и неповоротливой, но, пожалуй, втиснуть ее в шлюпку все-таки удастся.

И все это время, будто зуд, донимающий человека на смертном одре, мозг Геррона сверлил вопрос: какие же надежды ка-

питан возлагал на шлюпку? Вроде бы ничуть не беспокоясь об участи Геррона, Ханус все толковал о своем доверии к нему...

Уже на подходе к корме, вне поля зрения машин, Геррон миновал крепко увязанный штабель скульптур, когда до его слуха долетел какой-то шум — быстрый, слабый стук.

Ему потребовалось минут пять, чтобы отыскать нужный ящик. Когда же он поднял крышку, то обнаружил внутри обитого мягким материалом ящика девушку в комбинезоне. Ее всклокоченные волосы выглядели так, будто встали дыбом от ужаса.

— Они ушли? — Она изгрызла ногти и кончики пальцев до крови. Не дождавшись мгновенного ответа, девушка повторяла вопрос снова и снова, все тоньше и истеричнее.

— Машины все еще здесь, — в конце концов отозвался Геррон.

— А где Гус? — Буквально содрогаясь от ужаса, девушка выбралась из ящика. — Они его захватили?

— Гус? — переспросил художник, но перед ним уже забрезжил свет понимания.

— Гус Ханус, капитан. Мы с ним... он пытался спасти меня, вывезти с Земли.

— Я совершенно уверен, что он погиб. Он сражался с роботами.

Девушка впилась своими окровавленными пальцами в подбородок.

— Они и нас убьют! Или хуже! Что нам делать?

— Не горюйте вы так о своем возлюбленном, — произнес Геррон, но девушка будто и не слышала его, бросая безумные взгляды туда-сюда в ожидании появления роботов. — Помогите-ка мне с этой картиной, — спокойно распорядился Геррон. — Придержите дверь открытой.

Она повиновалась, будто в трансе, не задавая никаких вопросов.

— Гус сказал, что будет шлюпка, — забормотала она себе под нос. — Если бы пришлось доставлять меня на Тау Эпсилона контрабандой, он собирался воспользоваться специальной маленькой шлюпкой... — Она вдруг прикусила язык и уставилась на Геррона в испуге, что он расслышал все от слова до слова и отберет ее шлюпку. Что он и собирался сделать.

Доставив полотно в кормовой отсек, он остановился. Долго глядел на «Человека с перчаткой», но под конец уже не видел ничего, кроме того, что у него самого кончики пальцев не искусаны до крови.

Взяв дрожащую девушку за руку, Геррон втолкнул ее в утлое

суденышко. Она сжалась там в клубочек, оцепенев от ужаса. Даже не хорошенькая. Непонятно, что Ханус в ней нашел.

— Там хватит места лишь на одного, — сказал Геррон, а девушка отпрянула, ощерив зубы, будто боялась, что он сейчас начнет выволакивать ее обратно. — Когда я закрою люк, нажмите вон ту кнопку, это старт. Ясно?

Это она поняла тотчас же. Художник с натугой закрыл оба люка и подождал. Всего секунды через три послышался скрежет — наверное, означавший, что шлюпка отчалила.

Поблизости имелось крохотное смотровое окно. Сунув в него голову, Геррон увидел кружение звезд за черной метелью туманности. Через некоторое время показался берсеркер, кружащийся вместе со звездами, — черный, округлый, размерами превосходящий любую гору. Судя по всему, крохотное суденышко, ускользнувшее прочь, осталось незамеченным. Катер агрессора все еще держался рядом с «Франсом», но роботы не показывались.

Глядя «Человеку с перчаткой» в глаза, Геррон снова повез его вперед, чтобы поставить рядом с мольбертом. Теперь сумятица линий на работе самого Геррона стала просто омерзительной, но он заставил себя взяться за кисть.

Он даже не успел приступить к работе, когда человекообразный автомат вернулся к нему; грохот и визг металла смолкли. Аккуратно вытерев кисть, художник отложил ее и кивнул на портрет берсеркера.

— Когда уничтожишь все остальное, сохрани это полотно. Отвези его к тем, кто тебя построил, они это заслужили.

— Почему ты думаешь, что я уничтожу картины? — проскрипел в ответ машинный голос. — Даже если это попытки восхваления жизни, сами по себе они — мертвые предметы, и потому хороши сами по себе.

Внезапно Геррон ощутил такой страх и изнеможение, что даже не смог говорить. Тупо уставившись в объективы робота, он заметил в них крохотные искорки, пульсирующие в такт с его собственным сердцем и дыханием, будто индикаторы детектора лжи.

— Твой ум раздвоен, — проговорил автомат. — Но своей большей частью он вознес хвалу мне. Я отремонтировал твой корабль и установил курс. Теперь я отпускаю тебя, чтобы другие живые единицы могли научиться от тебя восхвалять то, что хорошо.

Онемевший Геррон так и стоял, глядя перед собой, когда металлические ноги протопали мимо, и скрежет металла послышался в последний раз.

Лишь спустя какое-то время до сознания Геррона дошло, что он жив и на свободе.

Поначалу он шарахался от мертвых, но однажды притронувшись к ним, вскоре преодолел брезгливость и уложил останки в холодильник. Особых оснований считать их Верующими не было, но он все-таки отыскал книгу, чтобы прочесть над ними исламские, духовнические, христианские и иудейские заупокойные службы.

Потом нашел на палубе неповрежденный пистолет и обошел все закутки на корабле, внезапно проникнувшись диким предположением, что какой-нибудь робот мог остаться на борту. Дошел до самой кормы, задержавшись лишь затем, чтобы сорвать скверну с мольберта. На корме остановился, устремив взор в ту сторону, где предположительно остался берсеркер.

— Будь ты проклят, я способен измениться! — прокричал он в кормовую переборку. Голос его сорвался: — Я снова смогу писать. Я тебе покажу... я могу измениться. Я живой.

Разные люди находят разные способы воздать хвалу жизни, провозгласить ее олицетворением добра.

Даже я, по природе своей не способный сражаться или уничтожать, могу на интеллектуальном уровне понять: в войне против смерти ценность жизни подтверждается именно сражениями и уничтожением врага.

В такой войне ни одного живого воина не терзает жалость к врагу; по крайней мере, от этой извращенной боли не страдает никто.

Но в любой войне живительное действие пацифизма сказывается не на враге, а на пацифисте.

Я коснулся миролюбивого разума, очень жаждавшего жить...

МИРОТВОРЕЦ

Проглотив таблетку обезболивающего, Карр заворочался в противоперегрузочном кресле, пытаясь найти менее неудобное положение. Потом настроил передатчик и проговорил:

— Я пришел с миром. Я безоружен. Я прибыл поговорить с тобой.

И замер в ожидании. В рубке этого одноместного корабля воцарилась тишина. Судя по радару, корабль-берсеркер еще во многих световых секундах впереди. Пока что он не отозвался ни словом, но наверняка слышал обращенные к нему слова.

За спиной Карра осталась звезда класса Солнца, которую Карр привык называть солнцем — с маленькой буквы, и его родная планета, заселенная земными колонистами всего век назад, этакий уединенный поселок на краю Галактики. До сих пор война докатывалась сюда лишь эхом ужаса в сводках новостей. И когда пришла весть, что берсеркеры группируются в окрестностях Солнечной системы, единственный настоящий военный крейсер колонии улетел, чтобы присоединиться к флоту Карлсена, обороняющему Землю. Но теперь враг пришел и сюда. Народ планеты Карра с лихорадочной поспешностью взялся за постройку еще двух боевых кораблей, однако колония невелика и небогата природными ресурсами. Даже будь корабли готовы ко времени, им нечего и думать тягаться с берсеркером.

Когда Карр пришел со своим планом к руководителям планеты, они решили, что он выжил из ума. Отправиться говорить о мире и любви?! *Спорить* с берсеркером?! Самого отъявленного из преступников еще можно надеяться обратить на путь добра и милосердия, ибо он все-таки человек, но какие увещевания могут изменить программу машины, если предназначение встроено в нее на фундаментальном уровне?

— Но почему бы не поговорить о мире? — стоял на своем Карр. — У вас есть какой-нибудь план получше? Я хочу идти. Мне терять нечего.

Они поглядели на него через пропасть, отделяющую здоровых стратегов от умирающего, понимая, что его план не сработает, но не могли придумать ничего более действенного. До завершения строительства кораблей как минимум десять дней. Одноместным невооруженным кораблем можно и пожертвовать. Будь он вооружен, он бы только раздразнил берсеркера. В конце концов они позволили Карру взяться за эту миссию, понадеявшись, что его аргументы могут отсрочить неминуемое нападение.

Когда Карр приблизился к берсеркеру на миллион миль, тот прервал свой неспешный полет, будто поджидая его, и лег в дрейф на той же орбите, что и лишенный атмосферы астероид, но в нескольких днях пути от него.

— Я безоружен, — снова передал Карр. — Я пришел говорить с тобой, а не пытаться повредить тебя. Будь здесь те, кто тебя построил, я попытался бы потолковать с ними о мире и любви. Понимаешь ли ты меня? — Он вполне серьезно был настроен поговорить с неведомыми строителями о любви; такие понятия, как ненависть и месть, стали для Карра глупостями, не заслуживающими внимания.

— Малое судно, — внезапно раздался ответ, — поддерживай нынешнюю скорость и держи курс по направлению ко мне. Приготовься остановиться по приказу.

— Я... я готов.

Карр считал, что готов к этой встрече, но начал запинаться и дрожать при одном лишь звуке голоса корабля. Теперь оружие, способное уничтожить на целой планете все живое до последней бактерии, будет направлено на него одного. А ведь уничтожение — наименьшее из зол, если рассказы о пленниках берсеркеров верны хоть на десятую часть. Карр запретил себе думать об этом.

Через десять тысяч миль раздался приказ:

— Стоп. Жди в этой позиции по отношению ко мне.

Карр мгновенно повиновался и вскоре увидел, как берсеркер запустил в его сторону нечто размером с его собственное суденышко — крохотную движущуюся точку на экране дисплея, покинувшую циклопический корабль-крепость, странствующий среди звезд.

Даже с такого расстояния Карр видел, как изранена и изувечена эта крепость. Карр слыхал, что за время своей долгой, бессмысленной кампании на просторах Галактики все эти древние машины до единой получили немало повреждений; но столь явная развалина среди них наверняка в диковинку.

Затормозив, шлюпка берсеркера приблизилась к кораблю. Вскоре со стороны воздушного шлюза донесся лязг.

— Открой! — потребовал голос по радио. — Я должен тебя обыскать.

— После этого ты меня выслушаешь?

— После этого выслушаю.

Открыв люк, Карр отступил в сторону, чтобы впустить полдюжины машин, смахивающих на роботов, прислуживающих и помогающих людям в работе на планете Карра, за одним существенным отличием: эти неповоротливые, изношенные автоматы возрастом не уступали своему чудовищному хозяину. Тут и там на глаза попадались поблескивающие новые запчасти, но

двигались роботы довольно неуклюже. Они обыскали Карра, осмотрели рубку, обследовали каждую лазейку крохотного кораблика. Обыск закончился, им пришлось уйти.

Но один робот с почти человеческими руками остался. Как только люк за его товарищами закрылся, он уселся в пилотское кресло и повел корабль к берсеркеру.

— Подожди! — будто со стороны услышал Карр собственный голос. — Я вовсе не говорил, что сдаюсь!

Смехотворная реплика повисла в воздухе, будто даже не заслуживала ответа. Внезапно всколыхнувшаяся в душе паника заставила Карра перейти к бездумным действиям; бросившись вперед, он схватил механического пилота, пытаясь вытащить его из кресла. Но тот лишь толчком металлической ладони в грудь пропустил его через всю рубку, так что Карр, не удержавшись на ногах, упал, больно стукнувшись головой о переборку.

— Через считаные минуты мы поговорим о любви и мире, — возвестило радио.

Глядя в иллюминатор на приближающуюся махину берсеркера, Карр различал боевые шрамы все отчетливее и отчетливее. В корпусе берсеркера зияли пробоины, целые квадратные мили покрывали каверны, опухоли и подпалины, где металл когда-то тек, как вода. Потирая шишку на голове, Карр слегка затрепетал от гордости. «Это сделали мы, — подумал он, — мы, мягкотелые крохотные живые существа». Собственный воинственный настрой несколько огорчил его. Он всегда считал себя чем-то вроде пацифиста.

После небольшой заминки в борту берсеркера разверзся люк, и корабль Карра поплыл вслед за катером берсеркера во мрак.

Теперь за иллюминатором царила непроглядная тьма. Вскоре последовал легкий толчок — наверное, о причал. Механический пилот заглушил двигатель, обернулся к Карру и начал подниматься из кресла.

И тут в нем что-то сломалось. Вместо того чтобы плавно встать, робот резко вскинулся, замахал руками, будто в попытке восстановить равновесие или найти опору, а затем тяжело рухнул на палубу. С полминуты он еще подрыгал одной рукой, издавая скрежет. И затих.

В последовавшие за этим полминуты тишины Карр осознал, что снова стал хозяином корабля; случай подарил ему этот шанс. Если бы только можно было что-то сделать...

— Покинь свой корабль, — произнес спокойный голос бер-

серкера. — К твоему шлюзу подстыкована наполненная воздухом труба. Она проведет тебя в место, где мы сможем поговорить о мире и любви.

Взгляд Карра устремился на выключатель двигателя, а затем дальше — на кнопку активации эффекта С-плюс. Поблизости от массы, соответствующей массе берсеркера, С-плюс становится не движителем, а оружием, причем обладающим чудовищной разрушительной мощью.

Внезапной смерти Карр больше не боялся — во всяком случае, так казалось ему самому. Но теперь вдруг обнаружил, что всем сердцем, всей душой боится того, что может быть уготовано для него за люком шлюза. Все рассказы об ужасах зароились в памяти. Даже мысль о выходе через шлюз стала невыносима для него. Куда легче переступить через упавшего пилота, протянуть руку к пульту и включить двигатель.

— Я могу поговорить с тобой и отсюда. — Голос его дрожал, несмотря на все усилия произнести это ровным тоном.

Секунд через десять берсеркер отозвался:

— На твоем тахионном двигателе имеется предохранительная блокировка. Ты не сможешь сыграть роль камикадзе.

— Может, ты и прав, — мгновение поразмыслив, согласился Карр. — Но если блокировка сработает, она отшвырнет мой корабль от центра твоей массы, прямо сквозь обшивку. А твой корпус и без того в скверном состоянии, и лишние повреждения тебе не нужны.

— Ты умрешь.

— Рано или поздно мне все равно придется умереть. Но я пришел сюда не для того, чтобы погибнуть, а чтобы поговорить с тобой, попытаться прийти к соглашению.

— Какого рода?

Наконец-то. Набрав полную грудь воздуха, Карр выстроил в голове аргументы, мысленно отрепетированные столько раз. Мягко положив пальцы на кнопку активатора, он не сводил глаз с приборов, обычно регистрирующих повреждения корпуса микрометеоритами.

— У меня сложилось впечатление, — начал он, — что твои нападения на человечество — всего лишь ужасная ошибка. Несомненно, твоим изначальным врагом были не мы.

— Мой враг — жизнь. Жизнь есть зло. — Пауза. — Ты хочешь стать доброжилом?

Карр на миг прикрыл глаза; некоторые страшные рассказы

стали для него явью. Но затем он решительно двинул вперед свои аргументы:

— С нашей точки зрения, зло воплощаешь ты. Мы хотим, чтобы ты стал хорошей машиной, помогающей людям, а не убивающей их. Разве созидание не более возвышенное предназначение, нежели разрушение?

Последовала более длинная пауза.

— Какие ты можешь предъявить доказательства того, что я должен изменить свое предназначение?

— Ну хотя бы то, что помощь нам — более достижимая цель. Никто не станет причинять тебе повреждений и оказывать тебе сопротивление.

— Какая мне разница, будут ли мне оказывать сопротивление или причинять повреждения?

— Живое по своей основе выше неживого, — попробовал Карр зайти с другой стороны, — а человек — высшая форма жизни.

— Какие доказательства ты можешь предъявить?

— Человек наделен душой.

— Я слышал, что многие люди утверждают это. Но разве вы не определяете свою душу, как нечто недоступное обнаружению любой машиной? И разве так уж мало людей, отрицающих существование души?

— Определение именно таково. И таких людей хватает.

— Тогда душу в качестве аргумента я не принимаю.

Выудив обезболивающую таблетку, Карр проглотил ее.

— И все же у тебя нет доказательств, что душа не существует. Ты должен учесть такую возможность.

— Совершенно верно.

— Но давай на время забудем о душе и рассмотрим физическую и химическую организацию живого. Известно ли тебе, насколько тонко и хитроумно устроена одна-единственная живая клетка? И уж несомненно ты должен признать, что мы, люди, носим в черепах изумительные компьютеры объемом всего в несколько кубических дюймов.

— Мне ни разу не представлялась возможность анатомировать разумного пленника, — вкрадчиво проинформировал механический голос. — Хотя я и получал информацию по данному вопросу от других машин. Но ты признаешь, что твоя оболочка функционирует в результате действия законов физики и химии?

— А тебе самому никогда не доводилось думать, что эти за-

коны могли быть созданы как раз для этого — чтобы породить мозг, способный к разумным действиям?

Воцарившееся молчание затянулось до нескончаемости. Пересохшее горло Карра саднило, будто он говорил не один час.

— Я ни разу не пробовал прибегнуть к данной гипотезе, — внезапно ответил берсеркер. — Но если конструкция разумной жизни в самом деле настолько сложна, настолько зависит от того, что законы физики устроены именно так, а не иначе, тогда служение жизни — высочайшее предназначение машины.

— Можешь быть уверен, наша физическая конструкция чрезвычайно сложна. — Карр сомневался, что сможет проследить ход рассуждений берсеркера, но это и не важно, если удастся как-то выиграть битву за жизнь. Он по-прежнему не снимал пальцев с кнопки.

— Если бы мне удалось изучить какие-нибудь живые клетки... — произнес берсеркер.

И тотчас же, будто прошившая нерв раскаленная игла, дернулась стрелка индикатора метеоритных повреждений: на корпусе появилось что-то постороннее.

— Прекрати! — не задумываясь, рявкнул Карр. — Только попробуй что-нибудь предпринять, и я убью тебя!

— Вероятно, какой-то случайный контакт с твоим корпусом, — неровный голос машины оставался, как всегда, спокоен. — Я поврежден, и многие мои сопутствующие автоматы ненадежны. Я намерен сесть на приближающийся астероид, чтобы добыть металл и провести как можно более обширный ремонт себя. — Стрелка снова успокоилась. — Полагаю, если бы я мог в течение нескольких часов изучить некоторое количество живых клеток разумной живой единицы, — вернулся берсеркер к прерванной дискуссии, — то сумел бы получить веские доказательства, подтверждающие твои доводы или опровергающие их. Обеспечишь ли ты меня клетками?

— Но ведь ты, наверно, уже брал пленников. — Карр высказал это только в качестве предположения. Вовсе нет особых оснований полагать, что у берсеркера побывали в плену люди. Языку он мог научиться от других берсеркеров.

— Нет, я не брал пленников.

Берсеркер ждал. Заданный вопрос повис в воздухе.

— Единственные на корабле человеческие клетки принадлежат мне. Пожалуй, я могу предоставить тебе парочку-тройку.

— Половины кубического сантиметра будет достаточно. Полагаю, для тебя это неопасная утрата. Я не требую предоставить

часть твоего мозга. Кроме того, как я полагаю, ты хочешь избежать ситуации, называемой болью. Я хочу помочь тебе избежать ее, если возможно.

Неужели берсеркер хочет одурманить его наркотиками? Слишком уж просто. Судя по рассказам, эти машины всегда непредсказуемы и порой проявляют адское коварство. Карр включился в игру.

— У меня здесь имеется все необходимое. Предупреждаю, это едва ли помешает мне следить за приборами. Я скоро оставлю для тебя образец ткани в шлюзе.

Открыв бортовую аптечку, он принял две таблетки обезболивающего и принялся с предельной аккуратностью орудовать стерильным скальпелем. В свое время он получил кое-какое биологическое образование.

Перевязав ранку, он очистил образчик ткани от крови и лимфы, вложил дрожащими пальцами в пробирку и запечатал ее. Мысленно отметив, что не утратил бдительности ни на миг, оттащил поверженного робота-пилота в шлюз и оставил там вместе с образцом ткани. Чувствуя себя совсем разбитым, вернулся к пилотскому креслу. Открыв люк, услышал, как нечто вошло в него и снова вышло.

Принял тонизирующую таблетку. Она отчасти разбудит боль, но надо сохранять бдительность. Прошло два часа. Заставив себя немного поесть из неприкосновенного запаса, Карр наблюдал за приборами и ждал.

И буквально подпрыгнул в кресле, когда берсеркер снова заговорил; прошло почти шесть часов.

— Ты свободен, — сказал тот. — Скажи руководящим живым единицам своей планеты, что после ремонта я стану их союзником. Изучение твоих клеток убедило меня, что человеческий организм — высочайшее творение Вселенной и что помощь вам должна стать моим предназначением. Ты понял?

Карра будто громом поразило.

— Да. Да. Я убедил тебя. После ремонта ты будешь сражаться на нашей стороне.

Какая-то чудовищная сила мягко подтолкнула корабль. В иллюминаторе засияли звезды, и Карр понял, что громадный люк западни, поглотившей его корабль, распахивается.

Так глубоко в систему Карру поневоле приходилось путешествовать только в нормальном пространстве. Когда он видел берсеркера в последний раз, тот действительно летел в направ-

лении безвоздушного астероида, даже не думая преследовать Карра.

Через пару часов после освобождения Карр оторвался от созерцания экрана локатора, подошел к внутреннему люку шлюза и простоял перед ним в раздумьях добрую минуту. Наконец, тряхнув головой, заполнил шлюз воздухом и вошел. Робот-пилот исчез, а с ним и образец ткани. Нигде не было видно ничего необычного. Карр сделал глубокий вдох, снова закрыл люк и подошел к иллюминатору, чтобы немного понаблюдать за звездами.

Сутки спустя он начал торможение, так что, когда часы сложились в следующие сутки, до дома было еще далеко. Карр ел, спал и разглядывал собственное лицо в зеркале. Взвесился и снова принялся разглядывать звезды, словно открывая их для себя заново.

Еще через двое суток его курс под действием гравитации изогнулся в тесную эллиптическую орбиту вокруг родной планеты. Как только она загородила его от астероида берсеркера, Карр включил передатчик.

— Эй, там, на Земле, добрые вести!

— Мы следили за вашим кораблем, Карр. В чем дело? Что случилось?

Поведав обо всем, он подытожил:

— Вот пока и все. По-моему, он действительно нуждается в ремонте. Если атаковать его двумя кораблями прямо сейчас, победа обеспечена.

— Да. — Радиоволны донесли до слуха Карра отголоски возбужденной дискуссии, потом его собеседник вернулся к микрофону. В голосе его зазвучали нотки тревоги. — Карр... вы все еще не заходите на посадку — наверное, понимаете все сами. Видимо, машина вам лгала.

— А, знаю. Даже поломка робота-пилота могла быть подстроена. Полагаю, берсеркера слишком изрешетили и он не дерзнул снова вступать в бой, вот и попытался пойти другим путем. Должно быть, напустил эту пакость в атмосферу моего корабля, а может, оставил в шлюзе.

— Какую пакость?

— Полагаю, какой-то свежевыведенный вирус, сконструированный так, чтобы иметь исключительную вирулентность в отношении ткани, которую я ему предоставил. Он думал, я помчусь домой во весь дух и приземлюсь до того, как почувствую симптомы болезни. Наверное, думал, что изобрел биологическое оружие, применил жизнь против жизни, как мы применяем машины против машин. Но чтобы вывести свои доморощенные вирусы, ему нужен был образец ткани; судя по всему, он не врал, когда говорил, что ни разу не брал в плен людей.

— Вы считаете, это какой-то вирус? И что он с вами делает, Карр? Вам больно? В смысле, больнее, чем раньше?

— Нет. — Карр развернулся вместе с креслом, чтобы взглянуть на собственноручно начерченный график, явно показывающий, что вес не только перестал снижаться, а даже восстанавливается. Перевел взгляд на собственное тело, на повязку у центра мертвенно-бледного, безобразного участка плоти. Он явно сократился, и по краям зарозовела новая, здоровая кожа.

— Так что же эта пакость делает с вами?

Улыбнувшись, Карр позволил себе высказать вслух растущую надежду:

— По-моему, она убивает мой рак.

Большинству людей война принесла не чудесные исцеления, а беспрестанное деформирующее давление, не ослабевающее ни на миг и ведущее к непредсказуемым последствиям. Под гнетом этой ноши некоторые отупели, снизойдя до уровня животных, а другие ожесточились, став не менее жуткими и непримиримыми, чем машины, против которых они сражались.

Но мне довелось коснуться нескольких редчайших человеческих разумов, истинных бриллиантов жизни, восставших навстречу труднейшему испытанию и достигших высочайших вершин человечности.

КАМЕННАЯ РОССЫПЬ

Земной космопорт Гоби был, пожалуй, величайшим во всех уголках Галактики, заселенных выходцами из Солнечной системы и их потомками; во всяком случае, так считал Митчелл Спэйн, за двадцать четыре года своей жизни перевидавший большинство этих портов.

Но сейчас, глядя вниз из спускающегося челнока, он видел лишь мизерную часть многомильной посадочной площадки. Безбрежная ликующая толпа, пришедшая всего-навсего радушно поприветствовать прибывших, снесла полицейские кордоны и хлынула на поле, вопреки собственным намерениям превратившись в помеху. Теперь вертикальной веренице спускающихся

орбитальных челноков пришлось задержаться, отыскивая свободное местечко, чтобы приземлиться.

Но в данный момент Митчелла Спэйна, стиснутого среди тысячи других добровольцев в нижнем челноке, проблема посадки занимала менее всего. В его битком набитый отсек, игравший некогда роль роскошной смотровой площадки, только что вошел сам Иоганн Карлсен, и у Митча впервые появился шанс хорошенько разглядеть только что назначенного главнокомандующего сил обороны Солнца, хотя Митч летел вместе с ним на флагманском корабле всю дорогу от Остила.

Карлсен оказался не старше самого Митча, да и ростом ничуть не выше; на первый взгляд даже странно, что он такой коротышка. Он стал правителем планеты Остил благодаря влиянию своего сводного брата, могущественного Фелипе Ногары, главы Эстильской империи, но удержал свое положение благодаря собственным дарованиям.

— Поле вряд ли освободится до конца дня, — сказал Карлсен землянину с ледяным взглядом, только что поднявшемуся на борт челнока с флаера. — Давайте-ка откроем иллюминаторы, я хочу оглядеться.

Стекло и металл скользнули со своих мест, перегруппировались, и закрытые иллюминаторы превратились в балкончики, открытые воздуху Земли, ароматам живой планеты — а заодно реву толпы в паре сотен футов внизу, скандирующей: «Карлсен! Карлсен!»

Как только главнокомандующий ступил на балкон, чтобы лично осмотреться в поисках места для посадки, толпа сгрудившихся в отсеке мужчин непроизвольно дернулась следом. Здесь собрались по большей части добровольцы с Остила, разбавленные горсточкой авантюристов вроде Митчелла Спэйна, марсианского путешественника, вступившего на Остиле в ряды волонтеров ради щедрого жалованья.

— Не напирай, чужестранец, — буркнул высокий человек, стоявший перед Митчем, оборачиваясь и глядя на него сверху вниз.

— Я откликаюсь на имя Митчелл Спэйн, — отрезал Митч, придав голосу чуть больше хрипотцы, чем обычно. — По-моему, я тут ничуть не чужестраннее, чем ты.

Высокий, судя по одежде и акценту, прилетел с Венеры. Эта планета терраформовалась меньше века назад, и потому народ ее, упивающийся новым ощущением независимости и власти, был горделив и обидчив. Вполне естественно, что венерианину

не по себе на корабле, где не протолкнуться от уроженцев планеты, которой правит брат Фелипе Ногары.

— Спэйн? Похоже, имя марсианское, — смягчился венерианин, свысока уставившись на Митча.

Марсиане славятся отнюдь не терпением и умением сносить оскорбления. Еще через секунду высокий будто устал от поединка взглядов и отвернулся.

Землянин с холодными глазами разговаривал по интеркому — видимо, с капитаном корабля.

— Пересеките весь город, затем шоссе Хосуту и садитесь там.

— Велите ему идти со скоростью не более десяти километров в час, — сказал вернувшийся внутрь Карлсен. — Люди хотят видеть меня.

Он произнес это тоном сухой констатации; если люди потратили массу сил, чтобы увидать Иоганна Карлсена, то не выйти к ним было бы просто неучтиво.

Митч увидел лицо Карлсена, затем затылок и поднятые в приветствии сильные руки главнокомандующего, снова вышедшего на балкончик. Толпа взревела вдвое громче.

«Неужто только это ты и чувствуешь, Карлсен, — желание выказать учтивость? О нет, друг мой, ты лукавишь. Такой гром оваций не может не затронуть за живое любого. Он может вознести человека духом, может вселить в него отвращение или страх, несмотря на свои дружелюбные интонации. Вы достойно носите маску благородной куртуазности, главнокомандующий.

Каково оно — быть Иоганном Карлсеном, пришедшим спасти мир, когда всем поистине великим и могущественным людям вроде бы наплевать на него? Да притом обручиться со знаменитой красавицей, когда битва будет выиграна?

А что сегодня поделывает братец Фелипе? Несомненно, замышляет подмять под себя экономику еще одной планеты».

Небольшая толпа в челноке снова переместилась, и высокий венерианин, заслонявший вид, отступил в сторону, так что теперь Митч через плечо Карлсена увидел порт. Затертый литературный штамп «море лиц» здесь воплотился буквально. Как же это описать... Митч знал, что когда-нибудь запечатлит все это на бумаге. Если только грядущая битва с нежитью не положит радикальный конец всем человеческим глупостям, жалованья волонтера хватит, чтобы он мог на какое-то время целиком отдаться литературному творчеству.

Теперь впереди показались башни цвета слоновой кости, высящиеся по ту сторону обрамляющих Улан-Батор пригород-

ных ленточных дорог, сверкающих полей, солнечных электростанций и шоссе. На флаерах, роем устремившихся из города им навстречу, чтобы с радостью поприветствовать, развевались многоцветные знамена. Полицейские флаеры образовали заградительное кольцо вокруг космического корабля, хотя единственную угрозу ему представлял разве что избыток энтузиазма.

Со стороны города приближался еще один, особый флаер. Полицейская машина вежливо причалила к нему на миг и тут же с почтением отошла. Вытянув шею, Митч разглядел кармпанские эмблемы. Вероятно, посол в Солнечной системе собственной персоной. И без того еле-еле тащившийся орбитальный челнок застыл на месте.

Поговаривали, что кармпане и сами смахивают на машины, но они стали могучими союзниками земной расы в войне против берсеркеров — врагов всего живого. И хотя тела кармпан медлительны и угловаты, разум их наделен даром провидения; и пусть они до смешного не способны применить к врагу силу, их косвенная помощь просто неоценима.

Как только посол встал в открытом экипаже, на грандиозную толпу снизошло некое подобие благоговения. От головы и туловища посла шли хитросплетения проводов и волоконных кабелей, связывающих его с кармпанскими животными и окружающей аппаратурой.

Сразу же осознав значение этой сети, толпа испустила единодушный вздох. В челноке образовалась давка — все начали тесниться вперед, чтобы видеть получше. Землянин с холодным взглядом поспешно прошептал что-то в микрофон.

— Прорицание! — произнес хриплый голос у Митча над ухом.

— ...Вероятностей! — внезапно разнесся усиленный голос посла, будто подхвативший мысль на полуфразе. Кармпанские Пророки Вероятностей — наполовину мистики, наполовину бесстрастные математики. Советники Карлсена то ли знали, то ли догадались, что пророчество будет благоприятным, что оно воодушевит толпу, и приказали, чтобы голос посла передали по системе массового вещания.

— Надежда, живая искра, от которой пламя жизни возгорится! — отрывисто возгласили нечеловеческие уста; слова зазвенели над бескрайним полем. Подобные рукам конечности указали на Карлсена, стоящего на балконе вровень с флаером. — Темные стальные мысли сейчас полны победой, мертвые сущности ныне планируют убить нас всех. Но этот человек, стоящий

передо мной, — это жизнь, превосходящая крепость любой стали. Могущество жизни, откликающееся в каждом из нас. Карлсен, я прозреваю победу...

Кармпанский пророк во время прорицания испытывает чудовищное напряжение, и точность его прогнозов всегда чрезвычайно высока. Митч слыхал, что напряжение это прежде всего топологическое, а не электрическое или нервное. Слыхать-то слыхал, но, как и большинство людей, никогда не понимал, что это означает.

— Победа, — повторил посол. — Победа... а затем...

На лицо инопланетянина набежала какая-то тень. Землянин с холодным взглядом то ли был экспертом по части мимики инопланетян, то ли решил не испытывать судьбу, но он быстро прошептал новое приказание. Громкоговорители смолкли. По грандиозной толпе, посчитавшей пророчество оконченным, прокатился одобрительный рев-цунами, вздымаясь выше челнока и флаера. Но посол еще не договорил, хотя его дрогнувший голос теперь был слышен только тем, кто находился в нескольких метрах от него, в челноке.

— ...а затем смерть, гибель, поражение. — Квадратное тело склонилось, но взгляд инопланетянина все еще был прикован к Карлсену. — Тот, кто отвоюет все... умрет, не обладая ничем...

Кармпанин склонился, и флаер поплыл прочь. В челноке воцарилось молчание. Ликование толпы звучало насмешкой.

Долгие секунды спустя главнокомандующий обернулся, возвысив голос:

— Нас, слышавших окончание пророчества, немного — и все же слишком много, чтобы удержать его в секрете. Так что я не прошу вас хранить молчание. Но при этом прошу вас разнести весть, что я не верю в пророчества, исходящие не от Господа. Кармпане никогда не претендовали на безошибочность.

Мрачный ответ вслух не произнес никто, но в мыслях присутствующих он прозвучал чуть ли не телепатически громогласно. В девяти случаях из десяти кармпане оказываются правы. Будет победа, а затем — смерть и поражение.

Но ждет ли этот конец только Иоганна Карлсена или все живое? Люди в челноке зашушукались, переглядываясь и теряясь в догадках.

Место для приземления челноки отыскали на окраине Улан-Батора. На мрачные раздумья высадившимся добровольцам просто не дали времени — ликующая толпа вокруг кораблей

росла с каждой минутой. Увитая цветами очаровательная земная девушка подошла к Митчеллу Спэйну, чтобы накинуть ему на шею гирлянду и поцеловать его. Будучи довольно уродливым, Митч совершенно не привык к подобному вниманию.

И все-таки заметил, когда взгляд главнокомандующего упал на него.

— Марсианин, ты пойдешь со мной на совет генерального штаба. Я хочу продемонстрировать им представительную группу, чтобы они не думали, будто я агент собственного брата. Мне нужно одного-двоих, рожденных под светом Солнца.

— Есть, сэр.

Но только ли по этой причине выбор пал именно на него? Они стояли в толпе — два коротышки, — и ни один не смотрел на другого сверху вниз. Первый — уродливый, украшенный цветами, — все еще обнимал одной рукой девушку, благоговейно воззрившуюся на второго, обладавшего некой притягательностью, стоящей выше красоты и уродства. Он — правитель планеты, а может быть, и спаситель всего живого.

— Мне понравилось, как ты ловко управляешься с желающими оттаптывать тебе ноги в толпе, — сказал Карлсен Митчеллу Спэйну. — Не повышая голоса и не возвещая угроз. Твое имя и чин?

В этой войне, где все живые воюют по одну сторону фронта, армейская иерархия стала довольно расплывчатой.

— Митчелл Спэйн, сэр! Звание пока не присвоено. Прошел выучку как десантник. Был на Остиле, когда вы предложили хорошее жалованье, и вот я здесь.

— Не ради обороны Марса?

— Пожалуй, не без этого. Но хорошая плата не повредит.

Высокопоставленные советники Карлсена пререкались о средствах наземного транспорта для доставки на военный совет, доходя до крика, и в результате главнокомандующему выпала свободная минутка для беседы. Он на миг задумался, и по лицу его промелькнула тень узнавания.

— Митчелл Спэйн? Поэт?

— Я... я опубликовал пару вещиц. Ничего серьезного...

— У вас есть боевой опыт?

— Да, я побывал на борту одного берсеркера, прежде чем он был умиротворен. Это случилось...

— Поговорим позже. Вероятно, у меня найдется для вас командная должность в десанте. Опытные люди — редкость. Хемфилл, да куда же подевались обещанные мобили?!

Землянин с холодным взглядом обернулся, чтобы ответить. Еще бы его лицо не показалось знакомым! Это же Хемфилл, фанатический герой дюжины боев с берсеркерами! Митч помимо воли ощутил легкий трепет восторга.

Наконец мобили прибыли. Предстояла поездка в Улан-Батор. Военный центр разместили под метрополисом, чтобы полностью воспользоваться преимуществами защитного силового купола, который можно вознести до космических высот и прикрыть город и окрестности.

Спускаясь по длинному зигзагообразному эскалатору к погребенному глубоко под землей залу военного совета, Митч опять оказался рядом с Карлсеном.

— Поздравляю с предстоящей свадьбой, сэр.

Митч пока не разобрался, нравится ему Карлсен или нет, но уже ощутил странную уверенность в его силе, будто знал его долгие годы. Карлсен наверняка поймет, что он не пытается подлизаться.

— Спасибо, — кивнул главнокомандующий, мгновение поколебался, а затем извлек небольшую фотокарточку. Снимок, создающий иллюзию объема, изображал молодую женщину с золотистыми волосами, причесанными по моде новой венерианской аристократии.

— Красавица, — заметил Митч. Ему даже не пришлось приукрашивать правду ни на йоту.

— Да. — Посмотрев внимательно на снимок, Карлсен неохотно спрятал его. — Кое-кто говорит, что брак будет сугубо политическим. Видит Бог, он нам нужен. Но поверьте мне, поэт, она значит для меня куда больше.

Вдруг Карлсен озадаченно заморгал и посмотрел на Митча с таким видом, будто удивлялся, с чего это на него напала охота к откровенности. Пол лифта толкнул пассажиров в ступни, и двери распахнулись. Они добрались до катакомб генерального штаба.

Многие члены штаба, если только не абсолютное большинство, явились с Венеры. Уже по их приветствиям стало ясно, что венериане к брату Ногары холодно-враждебны.

Человечество, как всегда, оставалось хитросплетением клик и альянсов. На лучшие умы Всесолнечного Парламента и Администрации легла тяжкая задача подыскать главнокомандующего. Может, кто-то и возражал против кандидатуры Иоганна Карлсена, но никто из знавших его не мог усомниться в его способ-

ностях, не покривив душой. Он привел с собой многочисленное обученное войско и в отличие от ряда более могущественных лидеров охотно принял на себя ответственность за оборону Солнечной системы.

Военный совет начался в столь напряженной атмосфере, что не оставалось ничего другого, как перейти прямо к делу. Враг, то есть корабли-берсеркеры, отказался от старой тактики одиночных непредсказуемых набегов, потому что за последние десятилетия живые существа мало-помалу укрепили свою оборону.

По оценкам, на данный момент имелось около двухсот берсеркеров; чтобы прорвать новые рубежи обороны человечества, они объединились во флот и его сосредоточенной огневой мощью подавляли очаги человеческого сопротивления по одному за раз. Уже были уничтожены две сильно укрепленные планеты. Назрела необходимость массового человеческого флота — сначала для обороны Солнечной системы, а затем — чтобы выйти против нежити и сломить ее мощь.

— Итак, пока что мы сходимся во мнениях по всем вопросам, — подытожил Карлсен, выпрямляясь от планшетного стола и обводя членов генерального штаба взглядом. — У нас не так много кораблей и не так много обученных людей, как нам бы того хотелось. Видимо, ни одно правительство вдали от Солнечной системы не выделило всего, что могло бы.

Венерианский адмирал Кемаль бросил взгляд на соотечественников, но решил воздержаться от замечания о слабом вкладе сводного брата самого Карлсена — Ногары. Во всей Галактике не нашлось бы ни одного живого существа, под чьим началом согласились бы сражаться и Земля, и Марс, и Венера. Кемаль предпочел попытать судьбу с братом Ногары.

— Для битвы в нашем распоряжении двести сорок три корабля, специально сконструированных или модифицированных для применения новой тактики, — продолжал тот. — Все мы благодарны за неоценимый вклад Венеры в виде сотни кораблей. Наверное, большинству из вас уже известно, что на шести из них установлены новые дальнобойные тахионные пушки.

Похвала ничуть не растопила лед во взглядах венериан.

— Вероятно, у нас имеется численное превосходство в сорок кораблей, — вел свое Карлсен. — Мне нет нужды рассказывать вам, как враг превосходит нас по огневой мощи и боевой силе при соотношении один к одному. — Он выдержал паузу. — Тактика абордажа с тарана позволит застать их врасплох, дав нам необходимое преимущество.

Видимо, главнокомандующий подбирал слова очень осторожно, желая умолчать, что надеяться на успех можно лишь в одном случае: застав противника врасплох. Теперь, когда после десятилетий ожидания перед людьми наконец забрезжила надежда, говорить такое было бы чересчур. Чересчур даже для этих заматеревших в боях людей, знающих, насколько больше потянет берсеркер на весах войны против любого боевого корабля.

— Одной из величайших проблем остаются обученные люди, способные возглавить абордажные партии, — снова заговорил Карлсен. — Во время вербовки я постарался сделать все, что было в моих силах. Изрядную часть личного состава, проходящего в текущий момент подготовку в качестве абордажных десантников, составляют эстильцы.

Адмирал Кемаль будто заранее догадался, что последует: начал отодвигать стул и приподнялся, но замер, желая удостовериться, что не ошибся.

Карлсен продолжал говорить, не меняя тона:

— Из этих обученных десантников будут сформированы роты, и к каждому кораблю будет приписано по одной роте. Затем...

— Минуточку, главнокомандующий Карлсен, — поднялся Кемаль.

— Да?

— Как я понял, вы намерены разместить эстильские роты на венерианских кораблях?

— Да, в целом ряде случаев мой план предусматривает именно это. Вы против?

— Да. — Венерианин оглядел соотечественников. — Все мы против.

— Тем не менее это приказ.

Кемаль снова мельком оглядел собравшихся и сел с непроницаемым выражением лица. Стенокамеры в углах издавали едва уловимый свист, как бы напоминая, что все происходящее записывается.

Лоб главнокомандующего на миг прорезала вертикальная морщинка, он смотрел на венериан долгих пару секунд с задумчивым видом, прежде чем возобновить доклад. А что ж еще делать, если не размещать эстильцев на венерианском корабле?

«Тебе не дадут стать героем, Карлсен, — подумал Митчелл Спэйн. — Вселенная устроена из рук вон плохо, а люди дураки — они ни в одной войне не способны по-настоящему встать на одну сторону».

Уложенные в трюме венерианского военного корабля под названием «Солнечное пятно» боевые доспехи были упакованы в сбитые ящики наподобие гробов. Опустившись на колени рядом со своим скафандром, Митч проверял коленные и локтевые сочленения.

— Капитан, хотите, я нарисую на нем какие-нибудь знаки отличия?

Рядом с ним остановился молодой эстилец по фамилии Фишман, один из десантников только что сформированной роты, командиром которой назначили Митча. Фишман, раздобывший где-то многоцветный маркер, указывал на скафандр.

Митч окинул взглядом трюм, заполненный его подчиненными, хлопотавшими вокруг ящиков со снаряжением. Он сразу решил пустить события на самотек, вмешиваясь лишь по мере надобности.

— Знаки отличия? Ну, пожалуй, нет. Разве что у вас есть какие-то соображения по поводу эмблемы роты. Вот это было бы недурно.

Нужды помечать его бронескафандр, в общем-то, нет. Скафандр марсианского производства и без того выделяется среди остальных — старый, но модернизированный; пожалуй, лучшего скафандра нет ни у кого. А на бочкообразной груди уже есть рисунок — большое черное пятно, рассеченное зубчатыми красными линиями, показывающее, что Митч уже приложил руку к «смерти» одного берсеркера. В свое время в этом же скафандре ходил родной дядя Митча; обитатели Марса всегда уходили в космос в огромном множестве.

— Сержант Маккендрик, — спросил Митч, — какие у вас имеются соображения по поводу эмблемы роты?

Проходивший мимо интеллигентный молодой человек, только что назначенный сержантом, остановился, перевел взгляд с Митча на Фишмана, будто пытаясь разобраться, кто и какое тут имеет отношение к эмблеме, прежде чем подставляться под удар. А затем с застывшим лицом посмотрел куда-то между ними.

В трюм вошел узколицый венерианин — очевидно, офицер, а с ним конвой из шести человек с повязками на руках и оружием на портупеях. Корабельная полиция.

Сделав пару шагов вперед, офицер замер неподвижно, уставившись на маркер в руке Фишмана. А когда все в трюме смолкли, устремив взгляды на него, спокойно проговорил:

— Почему вы совершили кражу с корабельного склада?

— Украл... *это*? — Молодой эстилец поднял маркер с полуулыбкой, будто изъявляя готовность посмеяться над шуткой вместе с офицером.

Но полицейский конвой пришел сюда не ради шуток, и даже если это шутка, то не из числа тех, что по вкусу марсианам. Митч все еще стоял на коленях у ящика с доспехами. В торсе скафандра лежал незаряженный карабин, и Митч положил на него ладонь.

— Время сейчас военное, а мы находимся в космосе, — продолжал узколицый офицер все тем же кротким тоном, стоя в расслабленной позе и озирая разинувших рты эстильцев. — На борту венерианского судна закон распространяется на всех и каждого. По законам военного времени наказанием за кражу с корабельного склада служит смерть. Через повешение. Уведите его. — Он коротким жестом послал конвойных вперед.

Маркер с громким стуком упал на палубу. Казалось, Фишман вот-вот рухнет в обморок все с той же застывшей на губах улыбкой.

Митч встал, положив на сгиб локтя карабин — короткое, массивное двуствольное оружие, по сути, безоткатную пушку в миниатюре, предназначенную для уничтожения бронетехники в невесомости.

— Минуточку.

Двое полицейских, нерешительно двинувшихся к Фишману, тотчас же остановились, будто обрадовавшись благовидному предлогу.

Поглядев на Митча, офицер холодно приподнял одну бровь:

— А вы знаете, какое наказание полагается за угрозы мне?

— Да не хуже, чем за то, что я снесу твою мерзкую башку. Я капитан Митчелл Спэйн, командир десантной роты на этом корабле, и никому не позволено являться сюда, чтобы утаскивать и вешать моих людей. А вы кто будете?

— Я мистер Сальвадор. — Венерианин окинул Митча оценивающим взглядом, явно установив, что он марсианин. В спокойном мозгу мистера Сальвадора закрутились шестеренки, и планы изменились. — Если бы я знал, что этой... группой... командует *мужчина*, мне бы и в голову не пришло, что наглядный урок необходим. Пошли. — Последнее слово, сопровожденное еще одним лаконичным, элегантным жестом, было адресовано конвою. Все шестеро времени не теряли, устремившись к выходу впереди него. Сальвадор одними глазами пригласил Митча проследовать за ним к двери. Мгновение поколебавшись, Митч на-

правился следом. Сальвадор, все такой же невозмутимый, поджидал его у порога.

— Теперь ваши люди пойдут за вами в огонь и в воду, капитан Спэйн, — произнес он негромко, чтобы никто не услышал. — И придет время, когда вы охотно пойдете за мной. — И удалился с легкой, чуть ли не с одобрительной усмешкой.

Воцарилось молчание. Митч удивленно таращился на закрывшуюся дверь. Затем по трюму раскатился рев ликования, и Митча начали хлопать по спине.

Когда рев почти смолк, один из подчиненных поинтересовался:

— Капитан, а что он имел в виду, называя себя мистером?

— У венериан это какой-то политический ранг. Ну-ка, парни, смотрите сюда! Мне могут понадобиться честные свидетели. — Подняв карабин так, чтобы все видели, Митч открыл оба патронника и стволы, демонстрируя, что он не заряжен. Ликование тотчас же возобновилось; десантники завыли, заулюлюкали и принялись отпускать шуточки в адрес ретировавшихся венериан.

Однако Сальвадор все-таки не счел себя побежденным.

— Маккендрик, вызовите мостик. Скажите капитану корабля, что я хочу его видеть. Всем остальным продолжать.

Юный Фишман, снова сжимая в руке маркер, стоял, устремив пустой взор под ноги, будто изучая палубу. До него наконец-то начало доходить, что жизнь его висела на волоске.

Наглядный урок?

Капитан корабля встретил Митча с холодной предупредительностью, однако указал, что на борту «Солнечного пятна» никто и не думал вешать эстильцев. Но после отбоя Митч все-таки выставил в казарме десантной роты вооруженную охрану.

Назавтра Спэйна вызвали на флагманский корабль. По пути он увидел через иллюминатор катера пляшущие на фоне черного пространства отблески далекого Солнца. Часть флота уже приступила к освоению тактики тарана.

За столом главнокомандующего сидел не литературный критик и не мечтательный жених, а правитель планеты.

— Капитан Спэйн, садитесь.

Приглашение сесть — добрый знак. Дожидаясь, пока Карлсен закончит работать с бумагами, Митч обратился мыслями к обычаям, о которых читал, — церемонии отдавания чести и построений, бытовавшие еще в те времена, когда было принято

формировать громадные организации с одним-единственным предназначением — убивать других людей и уничтожать их имущество. Разумеется, с тех пор человеческая алчность ничуть не пошла на убыль, а теперь война с берсеркерами снова приучает людей к массовому уничтожению. Не сулит ли это возвращения всеуничтожающей войны жизни против жизни?

Карлсен со вздохом отодвинул бумаги.

— Что там у вас вышло вчера с мистером Сальвадором?

— Он сказал, что намерен повесить одного из моих подчиненных. — Митч постарался как можно проще и короче изложить происшествие; умолчал лишь о заключительных словах Сальвадора, толком не понимая, почему. — Если я отвечаю за людей, — закончил он, — никто не имеет права заявляться как снег на голову и вешать их. Хотя я и сомневаюсь, что дело зашло бы настолько далеко, я решил продемонстрировать, что настроен не менее серьезно, чем они.

— Двое эстильцев уже повешены, — главнокомандующий взял бумаги из бювара. — За драки.

— Чертовски самонадеянно со стороны венериан, я бы сказал.

— Капитан, мне такие фокусы здесь не нужны!

— Есть, сэр. Но могу вам сказать, что вчера на «Солнечном пятне» едва не дошло до вооруженного конфликта.

— Понимаю. — Карлсен сделал жест, выражающий тщетность усилий. — Спэйн, людей в этом флоте просто невозможно заставить сотрудничать, даже когда на карту поставлено выживание всего... В чем дело?

В кабинет бесцеремонно вошел землянин Хемфилл, сжав узкие губы совсем в ниточку.

— Только что прибыл курьер с новостями. Эцог подвергся нападению.

Непроизвольно дернувшись, сильная рука Карлсена смяла бумаги.

— Подробности есть?

— Капитан курьера говорит, что там, наверно, весь флот берсеркеров. Наземные средства обороны все еще давали солидный отпор, когда он стартовал. Едва успел ускользнуть.

До сих пор считали, что враги пока куда дальше от Солнца. Но если они добрались до самого Эцога — значит, нацелились на Солнце, тут и гадать нечего. Должно быть, знают, что там центр человеческой цивилизации.

На пороге кабинета показались новые посетители, и Хем-

филл отступил в сторону, пропуская в кабинет венерианского адмирала Кемаля. За адмиралом по пятам, едва глянув на Митча, прошествовал мистер Сальвадор.

— Вы слыхали новости, главнокомандующий? — начал Сальвадор.

Кемаль, раскрывший было рот, чтобы произнести это самолично, бросил на своего политофицера недовольный взгляд, но не обмолвился ни словом.

— Что Эцог атакован? Да, — отозвался Карлсен.

— Мои корабли будут готовы к вылету через два часа, — сообщил Кемаль.

Но Карлсен лишь со вздохом покачал головой:

— Я наблюдал за сегодняшними маневрами. Флот едва ли будет готов и через две недели.

Потрясение и гнев Кемаля выглядели совершенно искренними.

— И пойдете на такое?! Вы позволите венерианской планете погибнуть только лишь потому, что мы не склонились перед вашим братом? Потому что призвали к дисциплине его чертовых эстильцев...

— Адмирал Кемаль, вы забываетесь! Пока я здесь командую, требования дисциплины распространяются на всех, и на вас в том числе!

Кемаль с явным трудом взял себя в руки.

Голос Карлсена звучал не слишком громко, но, казалось, отражался от стен гулким эхом:

— Вы называете повешение дисциплинарной мерой. Клянусь Господом, если придется, я перевешаю всех, кого понадобится, чтобы добиться единства флота. Поймите, этот флот — единственная военная сила, способная противостоять объединившимся берсеркерам. Обучившись и сплотившись, мы сумеем их уничтожить. — В этот миг ни один из слушателей не мог бы усомниться в его словах. — Пусть падет Эцог, Венера или Эстил — я не стану рисковать флотом, пока не решу, что он готов.

В наступившей тишине прозвучало уважительное уведомление Сальвадора:

— Главнокомандующий, курьер докладывает еще об одном: в момент нападения Эцог посещала леди Кристина де Дульсин, и она вряд ли успела его покинуть.

Карлсен на пару секунд прикрыл глаза. Затем оглядел всех одного за другим.

— Если у вас нет других военных вопросов, господа, удалитесь. — Голос его звучал все так же твердо.

Шагая рядом с Митчем по коридору флагмана, Хемфилл нарушил молчание, задумчиво проронив:

— Карлсен — тот самый, кто сейчас нужен нашему делу. Некоторые венериане на пробу подкатывались ко мне насчет вступления в заговор, но я отказался. Мы должны позаботиться, чтобы командование осталось в руках Карлсена.

— Какой заговор?

Однако Хемфилл не стал углубляться в тему.

— Сейчас они поступили довольно низко — позволили ему произнести речь о том, что спешить нельзя ни в коем случае, а потом выложили, что его дама на Эцоге, — заметил Митч.

— Он уже знал, что она там. Эту весть доставил вчерашний курьер.

Этой темной туманности, состоящей из миллиардов камней и более древней, чем Солнце, люди дали название «Каменная Россыпь». Но собравшиеся здесь людьми не были и названий ничему не давали; они не надеялись ни на что, не боялись ничего и не удивлялись ничему. Они были лишены гордости и совести, зато имели планы — миллиард ухищрений, сотканных из электрического напряжения и тока, и встроенную, предопределенную цель, к достижению которой стремились их планирующие цепи. И когда пробил час, когда их извечный враг — Жизнь — начал набираться сил, берсеркеры, будто повинуясь инстинкту, образовали флот.

Планета под названием Эцог, говоря языком жизни, принесла урожай в виде все еще функциональных живых единиц из глубочайших укрытий, хотя при подавлении их упрямой обороны миллионы единиц были уничтожены. Функциональные живые единицы — источник ценной информации. Сама угроза определенных стимулов обычно вынуждает любую живую единицу хотя бы на ограниченное сотрудничество.

Среди захваченных почти неповрежденными находилась живая единица (обозначившая себя генералом Брадином), управлявшая обороной Эцога. Его препарирование началось в зоне восприятия остальных захваченных живых единиц. Тонкая наружная оболочка была аккуратно снята и помещена на подходящую форму для дальнейшего изучения. Живые единицы, управлявшие другими, при всякой возможности изучались более детально.

После этого стимула с генералом Брадином оказалось более невозможно обмениваться вразумительной информацией, а через несколько часов он вообще прекратил функционировать.

Что само по себе уже стало незначительной победой, ибо освободило этот малый объем водянистой материи от аберрации под названием Жизнь. Зато теперь значительно увеличился поток информации от ближайших особей, наблюдавших за процессом.

Вскоре было получено подтверждение, что живые единицы собирают флот. Были произведены поиски более подробной информации. Одно из важных направлений опроса касалось живой единицы, которая будет управлять этим флотом. Допросы и чтение захваченных записей постепенно сформировались в цельный образ.

Имя: Иоганн Карлсен. Биография. О нем представляют противоречивые сведения, но факты показывают, что он стремительно поднялся до положения, дающего контроль над миллионами живых единиц.

За время долгой войны компьютеры берсеркеров собирали и сопоставляли всю доступную информацию о людях, становящихся лидерами Жизни. И теперь с этими данными пункт за пунктом сличали каждую мелочь, узнанную об Иоганне Карлсене.

Поведение этих лидирующих особей зачастую не поддавалось анализу, словно некое качество жизненной скверны, находящееся вне сферы постижения машин. Эти индивидуумы пользуются логикой, но порой кажется, что логика не властна над ними. Самые опасные живые единицы из всех вообще будто отрицают первенство законов физики и вероятности, будто их рассудки обладают истинной, а не иллюзорной свободой воли.

И Карлсен — один из таких, ярчайший представитель этой категории. Каждое новое сопоставление лишь все четче показывало, насколько хорошо он укладывается в эту опасную схему.

В прошлом подобные живые единицы вели к досадным местным проблемам. Если же такой индивидуум командует целым флотом живых накануне решительной битвы, то он предельно опасен делу Смерти.

Исход грядущей битвы почти наверняка будет благоприятным, поскольку во флоте живых всего лишь около двухсот кораблей. Но стоящий во главе живых Иоганн Карлсен опрокидывал расчеты металлических стратегов, не позволяя им добиться в достаточной степени уверенности ни в чем. А промедление с ре-

шительным сражением могло бы привести к тому, что враждебная Жизнь станет только сильнее. Судя по ряду признаков, изобретательные живые разрабатывают новое оружие и более мощные корабли.

Безмолвный совет пришел к решению. У берсеркеров имелись резервы, тысячелетиями выжидавшие на окраинах Галактики, затаившись в пылевых облаках, плотных туманностях и на темных звездах, мертвые и безразличные. Теперь же их следует призвать ради этой кардинальной битвы, дабы сломить сопротивление поднимающей голову Жизни.

И вот из Каменной Россыпи, расположенной на полпути между Эцогом и Солнцем, во все стороны стартовали роботы-курьеры, устремляясь к околицам Галактики.

Для сбора всех резервов потребуется какое-то время. Тем временем допросы продолжались.

— Слышь, я решил помочь вам, улавливаешь? Насчет этого типа Карлсена. Я ж знаю, вы хотите разузнать о нем. Но только мозги у меня очень нежные. Если мне причинить хоть пустячную боль, мои мозги вообще отключатся, так что обращайся со мной бережно, ясно? Если меня не уважить, я уже не смогу тебе пригодиться.

Этот пленник повел себя необычно. Ведущий дознание компьютер позаимствовал дополнительные вычислительные цепи, избрал символы и швырнул их в живую единицу.

— Что ты можешь мне сказать о Карлсене?

— Слышь, так ты будешь обращаться со мной ласково, а?

— Полезная информация будет вознаграждена. Дезинформация приведет к неприятным стимулам.

— Вот что я тебе скажу: женщина, с которой Карлсен собрался пожениться, тут. Ты отловил ее живой в том же укрытии, что и генерала Брадина. А теперича, если ты дашь мне вроде как командование над остальными пленными, я уж придумаю для тебя наилучший способ, как ее употребить. С чего б ему не поверить, если ты скажешь ему, что захватил ее, улавливаешь?

На окраинах Галактики сигналы гигантских герольдов скликали потаенные резервы нежити. Уловив сигнал, чувствительные датчики разожгли в чудовищных двигателях холодное пламя. Сотканные из силовых полей мозги стратегических ядер пробудились к более оживленному небытию. С неспешностью куби-

ческих миль тяжелого металла и мощи, отряхивающегося от вековечной пыли, льда, ила или камней, все резервные корабли до единого пришли в движение — возносясь и разворачиваясь, беря азимуты и ориентируясь в пространстве. Как только все данные сошлись, берсеркеры быстрее света устремились к Каменной Россыпи, где ждали подкрепления разорители Эцога.

С прибытием каждого нового корабля связанные в единую сеть компьютеры берсеркеров оценивали вероятность победы все выше и выше. И все же качества одной-единственной живой единицы вносили в их расчеты огромную меру неопределенности.

Подняв волосатую, сильную руку, Фелипе Ногара бережно провел ладонью по панели перед креслом. Середину его личного кабинета занимал громадный сферический дисплей, отображающий исследованную часть Галактики. Повинуясь жесту Ногары, сфера потемнела, затем осветилась снова, и по ней медленно побежали замысловатые узоры.

Мановение руки чисто теоретически устранило из расклада сил такой фактор, как берсеркер. С ним разброс вероятностей чересчур велик. Сейчас же мысли Ногары занимало только соперничество с властью Венеры (и еще двух-трех процветающих агрессивных планет).

Надежно отгородившись стенами этой уединенной комнаты от гула Эстил-Сити и груза повседневных дел, Ногара наблюдал, как новый прогноз его компьютера понемногу обретает форму, показывая вероятное распределение политических сил через год, через два, через пять. Как он и ожидал, эта последовательность демонстрировала нарастающее влияние Эстила. Не исключено даже, что он станет правителем всей человеческой части Галактики.

Собственное спокойствие перед лицом подобной перспективы немного удивило Ногару. Двенадцать-пятнадцать лет назад он до предела напрягал свой интеллект и волю, чтобы выдвинуться. Мало-помалу начал совершать ходы в игре сугубо автоматически. Сегодня появился шанс, что его могут признать правителем все мыслящие существа, — но это значит для него куда меньше, чем первые выигранные выборы.

Конечно, удовлетворение уже не то. Чем большим владеешь, тем больше надо обрести, чтобы получить такое же удовольствие. Если советники сейчас видят этот прогноз, он наверняка приведет их в восторг, а их восторг передастся и самому Ногаре.

Но, оставшись один, он лишь вздохнул. Флот берсеркеров не исчезнет по мановению руки. Сегодня с Земли прибыла, наверное, последняя просьба о помощи. Беда в том, что, предоставив Солнечной системе более обширную помощь, Ногара будет вынужден отвлечь корабли, людей и деньги от собственных честолюбивых проектов. А уже отданное он намеревался со временем постепенно вытянуть из других. Земле придется пережить грядущее нападение уже без помощи Эстила.

В этот миг Ногара осознал, смутно подивившись себе, что уж лучше погубить Эстил, чем лишиться власти. С чего бы это? Конечно, особой любви ни к родной планете, ни к собственному народу он никогда не питал, но вообще-то был хорошим правителем, отнюдь не тираном. Ведь хорошее правительство, как ни крути, лучшая политика.

Письменный стол пропел мелодичную трель, означавшую, что поступил новый материал для его забав. Ногара решил ответить.

— Сэр, — произнес женский голос, — две новые возможности находятся в душевой.

Скрытые камеры передали сцену, возникшую в объеме над столом Ногары: блестящие тела в окружении водных струй.

— Они из тюрьмы, сэр, и рады любой поблажке.

Наблюдая за ними, Ногара ощутил только усталость и — ну да, именно так, — что-то сродни презрению к себе. И задался вопросом: «А почему бы мне не предаваться тем удовольствиям, каким захочется. Что во Вселенной может мне помешать?» И еще: «Не потянет ли меня после на садизм? А если и потянет — что ж с того?»

Да, но дальше-то что?

Выдержав уважительную паузу, голос поинтересовался:

— Быть может, сегодня вечером вы предпочтете что-то другое?

— Позже, — откликнулся Ногара. Изображение угасло. «Быть может, мне для разнообразия следовало бы побыть Верующим, — подумал он. — Какой, должно быть, интенсивный восторг испытывает Иоганн, когда грешит. Если только вообще грешит».

Какое неподдельное удовольствие видеть Иоганна во главе флота Солнечной системы, видеть, как кипятятся венериане. Но это ведет к новой проблеме. Одержав победу над берсеркерами, Иоганн станет величайшим героем в истории человечества. Не пробудятся ли в его душе опасные амбиции? Штука тут

в том, чтобы убрать его с глаз общественности долой, дать какой-нибудь высокий пост, честную, но грязную и бесславную работу. К примеру, охотиться где-нибудь за преступниками. Но если Иоганн заявит права на галактическую власть, Ногара испытывать судьбу не станет. Любую пешку можно убрать с доски.

Ногара тряхнул головой. Предположим, Иоганн проиграет грядущую битву, а вместе с ней и Солнечную систему? Победа берсеркеров станет не расплывчатой вероятностью, и нечего предаваться приятному самообману. Победа берсеркеров будет означать истребление человечества во всей Галактике — вероятно, лет за пять. Чтобы понять это, даже компьютер не требуется.

Ногара извлек из ящика письменного стола лежавший там флакон и взглянул на него. Внутри заключается конец шахматной партии, конец всем радостям, скуке и боли. Вид флакона не пробудил в душе Ногары ни малейших эмоций. Это мощнейший наркотик, повергающий человека в своеобразный экстаз — трансцендентный восторг, за пару минут доводящий до разрыва сердца или сосудов головного мозга. Когда-нибудь, когда все прочие средства утратят свою силу, когда Вселенная будет целиком принадлежать берсеркерам...

Он отложил флакон, а вместе с ним отодвинул и просьбу Земли. Какая разница? Ведь Вселенная и сама есть берсеркер, где все определялось случайным коловращением конденсирующихся газов, пока не родились звезды.

Откинувшись на спинку кресла, Фелипе Ногара углубился в созерцание галактической шахматной партии, разыгрываемой его компьютерами.

По кораблям флота пополз слух, что Карлсен специально тянет резину, потому что осаде подверглась венерианская колония. Митч же на «Солнечном пятне» не обнаружил ни малейших признаков проволочек. Наоборот, у него не оставалось времени ни на что, кроме работы с короткими перерывами на еду и сон. Когда же закончилась последняя тренировка по абордажу с тарана, когда были погружены последние боеприпасы, он был чересчур измотан, чтобы почувствовать хоть что-то, помимо облегчения. И пока «Пятно» занимало свое место в строю сорока других стреловидных кораблей и устремлялось с ними в тахионный скачок, чтобы начать поиск в глубоком космосе и охоту на берсеркеров, Митч только отсыпался и отдыхал, не чувствуя ни страха, ни воодушевления.

Прошел не один день, прежде чем унылый распорядок нарушил трезвон боевой тревоги, разбудивший Митча. Не успев толком продрать глаза, он уже втиснулся в бронескафандр, лежавший под койкой. Кто-то из десантников поблизости ворчливо сетовал на учебные тревоги, однако никто не мешкал.

— Говорит главнокомандующий Карлсен, — разнеслось из потолочных громкоговорителей. — Это не учебная тревога, повторяю, не учебная. Только что обнаружены два берсеркера. Один находится на предельной дальности. Вероятно, ему удастся уйти, хотя Девятая эскадра преследует его. Второму ускользнуть не удастся. Через считаные минуты мы окружим его в нормальном пространстве. Мы не станем уничтожать его бомбардировкой, только немного ослабим, а потом поглядим, насколько мы хорошо освоили абордаж с тарана. Если в нашей тактике еще имеются какие-то упущения, лучше обнаружить их сейчас. Вторая, Четвертая и Седьмая эскадры вышлют на таран по кораблю. Командиры эскадр, внимание, перехожу на командный канал.

— Четвертая эскадра, — вздохнул сержант Маккендрик. — В нашей роте больше эстильцев, чем в любой другой. Разве мимо нас пройдут?

Десантники лежали, будто посеянные во тьму драконьи зубы, пристегнувшись к своим противоперегрузочным койкам под баюкающую психомузыку, а Верующие молились. Митч во мраке прислушивался к переговорам по интеркому, пересказывая подчиненным лаконичные рапорты о ходе боя, поступавшие к нему, как к командиру корабельного десанта.

Ему было страшно. Что же такое смерть, почему человек так боится ее? Это всего лишь окончание всякого существования. Неотвратимость и невообразимость конца и рождала в душе Митча страх.

Артподготовка много времени не потребовала. Двести тридцать кораблей живых держали пойманного врага в центре своего сферического строя. Прислушиваясь во тьме к лаконичным переговорам, Митч слышал, как берсеркер отбивался, проявляя чуть ли не человеческую отвагу и презрение к судьбе. Да разве можно вообще сражаться с машинами, если тебе не дано заставить их ощутить боль или страх?

Но одолеть машины можно. И на сей раз, в виде исключения, у людей чересчур много пушек. Было бы проще простого разнести этого берсеркера в пух и прах. Может, оно было бы и лучше? При любом абордаже потери среди десантников неизбежны, как бы благоприятно ни складывались обстоятельства. Но тактику абордажа надо любой ценой испытать в реальном

бою, пока дело не дошло до решительной битвы. Кроме того, в брюхе этого берсеркера могут оказаться живые пленные, и тогда абордажные команды спасут их. Хорошо, что главнокомандующий столь неколебимо уверен в собственной правоте.

Прозвучал приказ. «Пятно» и два других избранных корабля устремились к изувеченному врагу, увязшему в центре сферы.

Ремни держали крепко, но для тарана гравитацию отключили, и невесомость создавала у Митча впечатление, что при столкновении его тело будет летать и трястись, как дробинка в бутылке. Безмолвная тьма, мягкая обивка и баюкающая музыка; но вот в шлеме прозвучало несколько слов, и тело съежилось, зная, что извне вот-вот схлестнутся черные холодные пушки, стремительно несущиеся машины и невообразимые силы. Сейчас...

Несмотря ни на какую защиту, несмотря на противоперегрузочную койку, реальность раскололась на тысячи осколков. Направленный атомный взрыв на острие тарана вспорол шкуру берсеркера. За пять секунд сокрушительного столкновения таран испарился, расплавился и изломался, но следом за ним в пробоину скользнул корпус корабля, будто стрела, вонзившаяся в тело врага.

Пока десантники в невесомости проносились мимо Митча, сверкая прожекторами скафандров, он в последний раз переговорил с мостиком «Солнечного пятна».

— Мой пульт показывает, что свободен только десантный люк номер три, — доложил он. — Мы все пойдем через него.

— Помните, — произнес голос с венерианским акцентом, — ваша первая задача — защитить корабль от контратаки.

— Вас понял.

Пусть себе напутствуют его оскорбительно-излишними напоминаниями, сейчас не время для споров. Отключив канал связи с мостиком, Митч ринулся следом за остальными.

Два других корабля посланы на уничтожение стратегического ядра, скрытого где-то глубоко в центре берсеркера. Десантникам же с «Солнечного пятна» поручено постараться отыскать и освободить пленников, если они есть на берсеркере. Обычно берсеркеры держат пленных у поверхности, так что первичный поиск отделения десантников проведут, рассыпавшись по сотням квадратных миль обшивки.

В темном хаосе исковерканных механизмов перед десантным люком пока не обнаружилось никаких признаков контратаки. Предположительно, берсеркеры не рассчитаны на ведение боев внутри собственной стальной шкуры — надежды на успех флота в грядущей битве возлагали именно на это.

Оставив сорок человек охранять корпус «Солнечного пятна», Митч повел отделение из десяти человек в лабиринт. Устраивать тут командный пункт совершенно бессмысленно: связь действует только в пределах прямой видимости.

Первым в каждом отделении шел человек с масс-спектрометром — инструментом, позволяющим обнаружить следы атомов кислорода, просачивающихся из отсеков, где содержатся дышащие воздухом существа. А у замыкающего к одной руке был пристегнут прибор, при помощи люминесцентной краски помечающий путь стрелками, иначе заблудиться в этом трехмерном лабиринте проще простого.

— Поймал запах, капитан, — доложил спектрометрист Митча после пятиминутных блужданий по отведенному отделению сектору издыхающего берсеркера.

— Не упусти его. — Митч двигался в колонне вторым, держа карабин наготове.

Спектрометрист вел их все дальше сквозь невесомость и темноту механической вселенной. Несколько раз он останавливался, чтобы подстроить прибор и помахать датчиком туда-сюда. В остальном продвижение шло быстро; благодаря обилию выступов, дающих возможность отталкиваться и менять направление полета, десантники, прошедшие выучку в невесомости, перемещались быстрее бегунов.

Перед спектрометристом выросла громадная фигура с суставчатыми конечностями, размахивающая перед собой голубовато-белыми дугами электросварки, словно мечами. Прежде чем Митч успел осознать, что целится, его карабин выстрелил дважды. Вспоров автомату брюхо, пули отшвырнули его прочь; этот полуробот предназначался для ремонтных работ, а вовсе не для боя.

Спектрометрист, даже глазом не моргнувший, невозмутимо продолжал движение. Отделение следовало за ним; свет прожекторов обшаривал незнакомые формы и пространства, отбрасывая в вакууме резкие, будто срезанные ножом тени, и сумятицу света и тьмы смягчали лишь отблески.

— Приближаемся!

Это было что-то вроде сухого колодца. Рядом находился овоид наподобие корабельной шлюпки, покрытый очень толстой броней. Очевидно, его подняли по колодцу из глубин берсеркера и закрепили у причала.

— Это шлюпка, кислород из нее так и течет.

— Капитан, тут сбоку вроде как воздушный шлюз. Наружный люк открыт.

Очень уж смахивает на гладкий, удобный путь в западню.

— Держите глаза нараспашку, — Митч двинулся в шлюз. — Если я не объявлюсь через минуту, будьте готовы вытащить меня оттуда.

Шлюз оказался совершенно обычным — видимо, его вырезали из какого-то человеческого корабля. Закрывшись изнутри, Митч распахнул второй люк.

Почти весь внутренний объем шлюпки занимало одно помещение. В центре находилось противоперегрузочное кресло с обнаженным манекеном-женщиной. Митч подплыл поближе, увидел, что на обритом наголо скальпе виднеются капельки крови, будто оттуда только что извлекли зонды.

Едва свет прожектора коснулся лица, манекен-женщина открыла мертвенно-голубые невидящие глаза и механически заморгала. Все еще не будучи уверен, что видит перед собой человека, Митч подплыл к креслу и коснулся ее руки металлической перчаткой. И тут лицо вдруг стало вполне человеческим, взгляд от смерти через кошмары вернулся к реальности. Увидев Митча, женщина вскрикнула. Прежде чем он успел ее отпустить, в невесомости поплыли по воздуху хрустальные шарики слез.

Слушая его торопливые приказания, пленница стыдливо прикрылась одной рукой, а вторую поднесла к своей саднящей голове. Затем кивнула и взяла в рот загубник дыхательной трубки, которая будет подавать воздух из баллона Митча. Еще через пару секунд Митч обернул ее в липкое, плотное спасательное одеяло, которое временно защитит спасенную от вакуума и холода.

Спектрометрист не нашел больше ни одного источника кислорода, кроме шлюпки, так что Митч приказал отделению трогаться в обратный путь вдоль светящейся тропы.

Вернувшись к десантному люку, он узнал, что атака прошла не так уж гладко. Стратегическое ядро защищали настоящие боевые роботы; там погибло не меньше восьми человек. К абордажу берсеркера приготовились еще два корабля.

Митч пронес девушку через десантный люк и еще через три шлюзовые камеры. Чудовищно толстый корпус корабля со звоном содрогался вокруг — завершив миссию и забрав десантников, «Солнечное пятно» дало задний ход. Полный вес вернулся, а с ним и свет.

— Сюда, капитан.

Табличка на двери гласила: «КАРАНТИН». Берсеркер мог намеренно сделать пленницу носительницей какой-нибудь заразной болезни; теперь люди научились справляться с подобными уловками.

Уложив девушку в лазарете, Митч среди толчеи копошащихся вокруг нее врачей и медсестер открыл лицо спасенной, не забыв укутать одеялом ее обритую голову, откинул забрало своего шлема и хрипло сказал:

— Теперь можете выплюнуть трубку.

Она послушно выплюнула трубку и открыла глаза.

— Ой, так вы настоящий? — прошептала девушка, выпутала из складок одеяла одну руку и провела ею по броне скафандра. — Ой, дайте мне снова прикоснуться к человеку! — Она прижала ладонь к его открытой щеке и шее.

— Я достаточно настоящий. Вам больше ничего не угрожает.

Один из суетившихся докторов внезапно оцепенел, уставившись на девушку, затем развернулся и ринулся прочь. Что стряслось?

Остальные не теряли хладнокровия, заверяя девушку, что помогут ей. Она все не отпускала Митча и чуть ли не забилась в истерике, когда медики попытались вежливо оттеснить его прочь.

— Пожалуй, вам лучше остаться, — решил доктор.

Он так и сидел рядом с ней, держа за руку, снял только шлем и рукавицы скафандра. Когда ей делали медицинские процедуры, глядел в сторону. Врачи по-прежнему переговаривались спокойно и негромко — очевидно, не находя ничего опасного.

— Как вас зовут? — спросила девушка, когда медики на время оставили ее в покое, забинтовав голову. Ее изящная ладонь выскользнула из-под простыней, чтобы не терять контакта с рукой Митча.

— Митчелл Спэйн. — Теперь, получше приглядевшись к этой молодой женщине, он уже не рвался прочь. — А вас?

На лицо набежала тень:

— Я... я не знаю.

Внезапно у дверей лазарета поднялась какая-то суматоха; главнокомандующий Карлсен протиснулся мимо протестующих докторов в зону карантина. Остановился Карлсен только рядом с Митчем, но смотрел не на него.

— Крис! — сказал он девушке. — Слава богу! — У него на глазах стояли слезы.

Леди Кристина де Дульсин обратила взгляд с Митча на Иоганна Карлсена и завизжала от невыразимого ужаса.

— Итак, капитан, поведайте мне, как вы нашли и вынесли ее.

Митч начал свой рассказ. Они сидели с Карлсеном один на один в его кабинете рядом с мостиком флагмана, смахивающем на монашескую келью. Бой окончился, берсеркер превратился в изувеченный, безвредный остов. Больше ни одного пленного в нем не обнаружили.

— Они собирались отправить ее ко мне, — промолвил Карлсен, устремив взор в пространство, когда Митч окончил свой рассказ. — Мы атаковали до того, как он успел запустить шлюпку в нашу сторону. Он держал ее подальше от боя и все-таки послал ко мне.

Митч не отозвался ни словом.

Взгляд покрасневших глаз Карлсена был прикован к нему.

— Поэт, ей сделали промывание мозгов. Это можно сделать довольно радикально, если воспользоваться естественными склонностями индивидуума. Полагаю, она никогда не питала ко мне особых чувств. Она согласилась на брак по политическим соображениям... она кричит, даже если доктор просто-напросто упоминает мое имя. Говорят, не исключено, что с ней делали что-то жуткое человекообразные машины, которым было придано сходство со мной. Других людей она более-менее терпит. Но оставаться наедине она хочет только с вами, нуждается она в вас.

— Она и вправду плакала, когда я ушел, но... почему я?

— Естественная тенденция, видите ли. Она... любит... человека, спасшего ей жизнь. Машины настроили ее рассудок так, чтобы вся радость спасения сосредоточилась для нее в первом же увиденном мужчине. Врачи уверяют меня, что такое можно сделать. Ей дают лекарства, но даже во время ее сна приборы регистрируют кошмары, боль, она плачет, призывая вас. Что вы чувствуете по отношению к ней?

— Сэр, я сделаю все, что от меня понадобится. Чего вы хотите от меня?

— Хочу, чтобы она перестала страдать, чего ж еще? — Карлсен сорвался на крик. — Останьтесь с ней наедине, утихомирьте ее боль, если сумеете! — Но тут же снова взял себя в руки: —

Ступайте. Врачи отведут вас к ней. Ваши вещи с «Солнечного пятна» доставят сюда.

Митч встал. Он не находил слов, не казавшихся мерзкой пародией на попытку пошутить. Молча кивнув, он поспешил прочь.

— Это ваш последний шанс присоединиться к нам, — заявил венерианин Сальвадор, из конца в конец окидывая взглядом полутемный коридор этого дальнего закоулка корабля. — Наше терпение на пределе, и скоро мы нанесем удар. При нынешнем состоянии этой дамочки де Дульсин брат Ногары вдвойне не пригоден к командованию.

Для разговора венерианин запасся карманным подавителем подслушивающих устройств. От его многотонального писка у Хемфилла ныли зубы; судя по всему, у венерианина тоже.

— Карлсен необходим человечеству, нравится он нам или нет, — ответил Хемфилл; его терпение было на исходе, но голос оставался спокойным и рассудительным. — Разве вы не видите, что берсеркеры пускаются во все тяжкие, только бы уязвить его? Они пожертвовали совершенно исправным кораблем, чтобы доставить сюда зомбированную женщину, чтобы нанести удар по его психике.

— Что ж, если это так, то они своего добились. Если Карлсен и стоил чего-нибудь прежде, то сейчас не может думать ни о чем, кроме своей бабы и марсианина.

Хемфилл вздохнул.

— Не забывайте, он отказался погнать флот к Эцогу ради ее спасения. Пока что он не допустил ни одной оплошности. И пока он не сплоховал, вы с остальными должны воздержаться от каких-то действий против него.

Попятившись на шаг, Сальвадор в ярости плюнул на палубу.

«Сознательная демонстрация», — отметил про себя Хемфилл.

— Поостерегись, землянин! — прошипел Сальвадор. — Дни Карлсена сочтены, а вместе с ним — и дни тех, кто поддерживает его чересчур рьяно! — Развернувшись, он зашагал прочь.

— Погодите! — негромко окликнул Хемфилл. Остановившись, венерианин неохотно повернулся с высокомерным видом. Хемфилл выстрелил из лазерного пистолета прямо ему в сердце. В атмосфере оружие издало хлесткий треск.

Хемфилл легонько потыкал умирающего носком ботинка,

чтобы убедиться, что второй выстрел не понадобится, вслух рассуждая:

— Болтал ты хорошо, но был чересчур коварен, чтобы возглавить битву против треклятых машин.

Потом наклонился, обыскал покойника и с торжеством выпрямился, обнаружив список офицеров. Некоторые фамилии были подчеркнуты, а против некоторых — в том числе и его собственной — стояли вопросительные знаки. Еще на одном листке были перечислены подразделения, находящиеся под командованием ряда венерианских офицеров; здесь же нашлись еще кое-какие пометки. Словом, улик, дающих основание для ареста зачинщиков заговора, хватит с лихвой. Это может привести к расколу флота, но...

Хемфилл резко вскинул голову, но тут же расслабился. Подошедший оказался его собственным подчиненным; Хемфилл сам оставил его на часах поблизости.

— Это надо доставить главнокомандующему сейчас же, — помахал Хемфилл листками. — Битва начнется со дня на день, самое время избавиться от предателей и реорганизовать командование.

И все же помедлил еще мгновение, глядя на труп Сальвадора. Заговорщик был чересчур уверен в себе и нерасторопен, но все равно опасен. Неужели Карлсена опекает судьба? Сам Хемфилл считал, что Карлсен не очень-то годится на роль идеального полководца — не так безжалостен, как машины, и не так холоден, как металл. И все же треклятые машины пошли на большие жертвы, чтобы нанести ему удар.

Пожав плечами, Хемфилл поспешил по своим делам.

— Митч, я люблю тебя. Я знаю, что доктора говорят по этому поводу, но что им на самом деле известно обо мне?

Кристина де Дульсин, одетая в простенький голубой халатик и подобие тюрбана, покоилась на роскошном противоперегрузочном кресле в помещении, считающемся спальней апартаментов главнокомандующего, хотя Карлсен ни разу не переступил их порога, довольствуясь тесным кабинетом.

Митчелл Спэйн сидел в трех футах от нее, боясь даже тронуть ее за руку, боясь того, что может совершить сам, что может совершить она. Их оставили совершенно одних, и Митч пребывал в полнейшей уверенности, что никто за ними не следит. Леди Кристина даже потребовала от Карлсена гарантий, что в помещении не будет устройств скрытого наблюдения, и главнокомандующий прислал письменные заверения в этом. Кроме того, кто же станет встраивать аппаратуру слежки в апартаменты главнейшего офицера флота?

Ситуация фарсовая, но только не для тех, кто в ней замешан. На плечах отвергнутого мужчины сейчас лежит непосильное бремя, от него зависят более двухсот кораблей, а если грядущая битва будет проиграна, через пять лет большинство человеческих планет превратится в безжизненные пустыни.

— Что тебе по-настоящему известно обо мне, Крис? — спросил Митч.

— Я знаю, что для меня ты воплощаешь саму жизнь. О, Митч, у меня нет времени, чтобы скромничать, манерничать и быть леди до кончиков ногтей. Я прошла через все это. И — когда-то — вышла бы замуж за человека вроде Карлсена — по политическим соображениям. Но все это было до Эцога. — На последнем слове голос ее пресекся, пальцы непроизвольно впились в складки халата. Митчу пришлось податься вперед и разжать ее руки.

— Крис, Эцог уже позади.

— Эцог никогда не уйдет в прошлое окончательно, во всяком случае для меня. Я вспоминаю о случившемся все больше и больше. Митч, машины заставили нас смотреть, как они снимают кожу с генерала Брадина живьем. Я видела это. Я больше не способна забивать себе голову чепухой вроде политики, жизнь чересчур коротка для этого. И больше ничего не боюсь, кроме того, что лишусь тебя...

В душе его бурлила смесь жалости, вожделения и еще дюжины других чувств, сводящих с ума.

— Карлсен — хороший человек, — в конце концов проронил он.

— Наверное, — подавив дрожь, проговорила она сдержанным тоном. — Но, Митч, как ты ко мне относишься? Скажи правду. Если ты не любишь меня сейчас, я буду надеяться, что со временем полюбишь. — Блекло улыбнувшись, она подняла руку. — Когда мои дурацкие волосы отрастут.

— Твои дурацкие волосы... — Его голос едва не сорвался. Митч протянул руку, чтобы коснуться ее лица, но тут же отдернул, будто обжегшись. — Крис, ты его девушка, а от него зависит слишком многое.

— Я никогда ему не принадлежала.

— И все же... я не могу лгать тебе, Крис; быть может, не могу и сказать тебе правду о своих чувствах. Грядет бой, все зависло в

воздухе, все парализовано. Никто не может строить планы... — Он сделал неуклюжий неопределенный жест.

— Митч, — в ее голосе прозвучало понимание. — Все это ужасает тебя, правда? Не волнуйся, я не стану усугублять это ничем. Не позовешь ли ты доктора? Думаю, я смогу теперь отдохнуть, если буду знать, что ты где-то неподалеку.

Карлсен несколько минут молча изучал бумаги Сальвадора, будто раздумывая над шахматной позицией. Казалось, он даже не очень удивился.

— У меня наготове несколько человек, на которых можно положиться, — наконец вызвался Хемфилл. — Мы можем быстро арестовать главарей заговора.

Карлсен устремил на него изучающий взгляд голубых глаз.

— Командор, а так ли уж необходимо было убивать Сальвадора?

— Думаю, да, — вежливо ответил Хемфилл. — Он сам хотел выхватить оружие.

Бросив на бумаги еще один взгляд, Карлсен принял решение.

— Командор Хемфилл, я хочу, чтобы вы отобрали четыре корабля и разведали дальний край туманности Каменная Россыпь. Не стоит продвигаться дальше, не зная, где затаился враг, тем самым предоставив ему возможность вклиниться между нами и Солнцем. Проявляйте осторожность; достаточно выяснить лишь ориентировочное местоположение основных сил противника.

— Очень хорошо, — кивнул Хемфилл.

Рекогносцировка действительно необходима, и если Карлсен хочет убрать Хемфилла с дороги, чтобы разобраться со своими противниками-людьми собственными методами, — что ж, пускай. Самому Хемфиллу эти методы зачастую казались чересчур мягкосердечными, но притом всегда работали на Карлсена. Если треклятые машины почему-то считают Карлсена невыносимым, то Хемфилл последует за ним куда угодно, с радостью пойдет на смерть и даже дальше. Разве есть во Вселенной что-нибудь важнее, чем разгром треклятых машин?

Митч каждый день проводил с Крис наедине целые часы, но не посвящал в дикие слухи, распространившиеся по флоту. Все шепотом обсуждали насильственную смерть Сальвадора, а перед

кабинетом Карлсена поставили вооруженную охрану. Поговаривали, что адмирал Кемаль, того и гляди, открыто взбунтуется.

И вот теперь перед флотом выросла Каменная Россыпь, заслонив половину звезд, — угольно-черная пыль и несметное множество обломков, будто миллион разбитых планет. Ни один корабль не в состоянии путешествовать в пределах Каменной Россыпи — каждый ее кубический километр содержит достаточно материи, чтобы помешать С-плюс-перемещению и даже полету в нормальном пространстве на более-менее приличной скорости.

Флот направился к четко очерченному краю облака, за которым уже скрылась разведывательная эскадра Хемфилла.

— С каждым днем она становится капельку вменяемее, капельку спокойнее, — сказал Митч, входя в тесный кабинет главнокомандующего.

Карлсен поднял голову от листов бумаги, исписанных венерианским почерком, — вроде бы каких-то списков.

— Спасибо за добрую весть, поэт. Говорит ли она обо мне?

— Нет.

Они встретились глазами — нищий, уродливый циник и венценосный, красивый Верующий.

— Поэт, — вдруг спросил Карлсен, — как вы поступаете со смертельными врагами, если они оказываются в вашей власти?

— Нас, марсиан, считают народом горячим и скорым на расправу. Вы хотите, чтобы я вынес приговор самому себе?

Карлсен даже не сразу понял, что он имеет в виду.

— А-а! Нет. Я говорил не... не о вас со мной и Крис. Речь не о личных делах. Полагаю, я лишь раздумывал вслух, просил о знамении.

— Тогда спрашивайте не меня, а своего Бога. Но разве он не велел вам прощать своих врагов?

— Велел, — медленно, задумчиво кивнул Карлсен. — Знаете, он хочет от нас очень много. Чертовски много.

Ощущение редкостное — внезапно проникнуться уверенностью, что лицезришь верующего совершенно искренне, без ханжества. Словно на свете действительно существует некое Предназначение, пребывающее где-то вне закоулков собственного рассудка человека, вдохновляющее его. Митч задумался об этом. Если...

Впрочем, все это мистический вздор.

Тут подал сигнал коммуникатор Карлсена. Митч не расслы-

шал, что говорили на том конце, зато видел, как сказанное отразилось на главнокомандующем. Энергия и решимость вернулись к нему, душа вновь исполнилась силой, потрясающей убежденностью в собственной правоте. Словно наблюдал за слабым свечением — и вдруг включили дуговую лампу.

— Да, — отозвался Карлсен, — да, отличная работа.

Затем поднял со стола венерианские бумаги — поднял будто одним усилием воли, а пальцы лишь подхватили листки.

— Новости от Хемфилла, — чуть ли не рассеянно сообщил он Митчу. — До флота берсеркеров рукой подать, он прямо за краем Каменной Россыпи. Хемфилл оценивает их численность в две сотни и считает, что нашего присутствия они пока не обнаружили. Атакуем немедленно. На боевой пост, поэт, и да будет с вами Бог. — Он повернулся к коммуникатору: — Попросите адмирала Кемаля сейчас же явиться в мой кабинет. Велите ему привести офицеров своего штаба. В частности... — бросив взгляд в венерианские списки, он зачитал несколько фамилий.

— Удачи, сэр. — Митч мешкал только для того, чтобы сказать это. Уже спеша прочь, увидел, как Карлсен сует венерианские бумаги в дезинтегратор.

Митч даже не успел добежать до своей каюты, когда взвыли сирены тревоги. Облачившись в скафандр и вооружившись, начал прокладывать путь через внезапно ставшие необычайно людными коридоры к мостику, когда громкоговорители вдруг ожили и голос Карлсена разнесся по всему кораблю:

— ...прошу прощения за все зло, причиненное вам словом, делом или чем-то несделанным. И от имени каждого, кто называет меня другом или вождем, заверяю вас, что все обиды на вас отныне стерты из нашей памяти.

Запрудившие коридоры люди, спешившие на боевые посты, замедлили шаг. Митч обнаружил, что смотрит прямо в глаза рослому, до зубов вооруженному полицейскому с венерианского корабля — должно быть, телохранителю какого-то офицера на флагмане.

Послышалось усиленное динамиками покашливание, а затем голос адмирала Кемаля:

— Мы... мы братья, эстильцы и венериане и все мы до единого. Теперь мы все заодно, живые против берсеркеров. — Голос Кемаля вознесся до крика. — Конец проклятым машинам, и смерть их строителям! Пусть каждый помнит Эцог!

— Помните Эцог! — прогрохотал голос Карлсена.

В коридоре на миг воцарилось молчание — так замирает

океанский вал, прежде чем обрушиться на берег. А затем — оглушительный рев. Митч обнаружил, что со слезами на глазах вопит что-то.

— Помни генерала Брадина, — орал рослый венерианин, сжимая Митча в объятиях и поднимая в воздух прямо в тяжеленном боевом скафандре. — Смерть его живодерам!

— Смерть живодерам! — катился по коридору крик, будто пламя пожара. Нечего и говорить, что то же самое происходило в этот миг на всех кораблях флота. Внезапно в душах людей не осталось места ни для чего, кроме чувства всеобщего братства, не осталось времени ни для чего, кроме триумфа.

— Конец проклятым машинам!

Мостик находился у гравитационного центра корабля — всего лишь возвышение с кольцом противоперегрузочных боевых кресел и вмонтированными в них пультами управления и десятками индикаторов.

— Абордажный координатор готов, — доложил Митч, пристегивая ремни.

Сферический дисплей в центре мостика показывал продвижение человеческих кораблей — двумя скачущими боевыми линиями, по сотне кораблей в каждой. Каждый корабль изображала зеленая точка; и бортовые компьютеры старались разместить ее на сфере как можно достовернее. Неровная поверхность Каменной Россыпи двигалась мимо боевых линий скачками — флагман перемещался в пространстве тахионными микроскачками, так что образ в сфере дисплея представлял собой серию статических образов, сменяющих друг друга с полусекундными интервалами. Шесть зеленых символов венерианских дредноутов, продвижение которых тормозил вес тахионных орудий, изо всех сил спешили следом.

В наушниках Митча кто-то говорил:

— По нашим расчетам, минут через десять мы подойдем... — Голос внезапно смолк.

На сфере вспыхнула красная точка, за ней другая, потом еще дюжина, восходя из темной массы туманности, будто крохотные солнца. Долгие секунды люди на мостике хранили молчание, пока не показалась армада берсеркеров. Должно быть, разведывательный отряд все-таки заметили, потому что берсеркеры шли не походным строем, а боевым порядком. На дисплее багрово засветилась сеть из сотни или более точек, а за ней еще одна, и теперь они короткими скачками в гиперпространство и

обратно устремились вперед. А красные берсеркеры все появлялись и появлялись, их боевые порядки все росли, разворачиваясь, чтобы окружить со всех сторон и сокрушить уступающий по размерам флот.

— Я насчитываю около трехсот машин, — произнес педантичный, несколько женоподобный голос, с хладнокровной точностью нарушив молчание. Когда-то одна лишь мысль о том, что берсеркеров целых три сотни, могла бы перечеркнуть все человеческие надежды. Но в этом месте, в это время сама квинтэссенция страха не смогла бы напугать совершенно никого.

В наушниках Митча снова послышались голоса, налаживающие боевое взаимодействие. Но для него пока дела не было, оставалось лишь смотреть и слушать.

Шесть массивных зеленых точек отставали все больше; Карлсен без колебаний бросил весь свой флот в центр вражеской армады. Силы противника недооценили, но, судя по всему, командование берсеркеров допустило такую же ошибку, потому что врагу тоже пришлось перестраивать свои порядки, разворачиваться еще шире.

Дистанция между флотами была пока чересчур велика, чтобы пускать в ход обычное оружие, но тихоходные дредноуты уже вышли на расстояние эффективной стрельбы своих тахионных орудий и без труда смогли открыть огонь сквозь строй соотечественников. Они дали залп, и Митчу показалось, что само пространство содрогнулось вокруг него; этот побочный эффект, воспринимаемый человеческим мозгом, по сути лишь потеря энергии. Каждый снаряд, снабженный собственным тахионным двигателем, разгоняется на химической тяге, пока не уйдет на безопасное расстояние от корабля, после чего разгоняется до скорости С-плюс, появляясь в реальности и вновь исчезая из нее на микроскопические отрезки времени.

Громадные снаряды, чья чудовищная масса была невероятно приумножена скоростью, заскакали по физическому пространству, как камни по воде, призраками проскользнув сквозь ряды кораблей жизни и полностью выйдя в нормальное пространство только на подходе к цели, двигаясь дальше, как волны де Бройля, с материей, клокочущей изнутри от фазовой скорости, превосходящей скорость света.

Почти тотчас же вслед за тем, как Митч ощутил призрачный пролет снарядов, одна алая точка превратилась в облачко — все еще совсем крохотное на дисплее — и начала разрежаться. Кто-

то охнул. А еще через пару секунд в ход пошли собственные ракеты и лучевое оружие флагмана.

Центр вражеского построения остановился, но фланги продолжали смыкаться — плавно, будто шнек чудовищной мясорубки, угрожая окружить человеческие корабли сферой.

Карлсен не колебался, и грандиозная точка, где еще не поздно было повернуть, через секунду осталась позади. Флот жизни несся вперед, намеренно устремляясь в западню, нацелившись прямо в место соединения циклопических челюстей.

Пространство вокруг Митчелла Спэйна содрогалось и искривлялось. Теперь огонь открыли все корабли флота до единого, каждый враг палил в ответ, и выбросы энергии вонзались в Митча сквозь броню, будто призрачные пальцы. С дисплея исчезали и зеленые, и красные точки — но пока немногие.

Перекличка голосов в наушниках Митча поредела, события начали развиваться чересчур стремительно, чтобы человеческое мышление могло поспеть за ними. На время битва полностью перешла в руки машин — компьютер против компьютера, преданный слуга против татя; оба бесчувственны, оба не осознают своего существования.

Образы буквально замельтешили по сфере дисплея, сменяя друг друга с головокружительной скоростью. Вот разрастающаяся красная точка всего в миллионе миль, вдвое ближе, еще вдвое ближе... И вот уже флагман вышел в нормальное пространство для последнего броска в атаку, выстрелив собой во врага, будто пулей.

Дисплей переключился на более близкий диапазон, избранный враг стал уже не красной точкой, а громадным отвратительным замком, зависшим под немыслимым углом на фоне звезд.

Всего сто миль, вдвое меньше... Скорость сближения упала до какой-то мили за секунду. Как и предполагалось, враг разгонялся, пытаясь улизнуть от якобы самоубийственного броска. Митч в последний раз проверил кресло, скафандр, оружие. «Крис, не покидай кокон, он защитит тебя». Берсеркер разросся в сферу, его стальное брюхо озарилось вспышками выстрелов. Мелкий, всего раз в десять крупнее длины флагмана. Слабое место всегда найдется, у каждого из них есть старые раны, таящиеся под древней скорлупой. Попробуй-ка удери, чудовищная мерзость, драпай, да все без толку!

Ближе, ближе, еще капельку. Пора!

Все огни погасли, бесконечная секунда падения во тьму...

Удар. Кресло Митча тряхнуло так, что мягкие прокладки внутри скафандра ударили его, как гранит. Сменный носовой таран испарялся, плавился и ломался, снижая энергию соударения до уровня, который способен выдержать корабль.

Но даже когда грохот смолк, тишина не наступила; его сменила симфония воя и скрежета терзаемого металла, мешающаяся со всхлипывающим пыхтением истекающего воздуха. Громадные машины сцепились смертной хваткой, флагманский корабль ушел в берсеркера до половины.

Таран прошел не гладко, но никто на мостике не пострадал. Аварийно-контрольная служба сообщила, что ожидавшиеся утечки воздуха в пределах нормы и уже устраняются. Канониры доложили, что пока не могут выдвинуть в отверстие орудийную башню. Машинное отделение рапортовало, что готово к максимальной тяге.

Полный ход!

Корабль заворочался в пробитой им ране. Это может стать победой, надо лишь вспороть врага, выпустить его стальные кишки в космос. Мостик изгибался вместе с конструкциями корабля, чуть ли не целиком состоящего из сплошного металла. Митчу на миг показалось, что он вот-вот ощутит мощь двигателей, построенных человеком.

— Без толку, командир. Нас заклинило.

Враг выстоял. Берсеркер наверняка уже обшаривает свою память, строит планы, организует контратаку против корабля, без страха и жалости.

Командир корабля повернул голову, чтобы поглядеть на Иоганна Карлсена. Главнокомандующий предвидел, что, когда дело дойдет до рукопашной, делать ему будет нечего. Даже не будь флагманский корабль до половины погребен в корпусе врага, все окружающее пространство представляет собой адскую оргию разрушения, делающую какую-либо внятную связь попросту невозможной. Но если Карлсен оказался в беспомощном положении — значит, и компьютеры берсеркеров не в состоянии связаться между собой, чтобы слиться в единый мозг.

— Командуйте своим кораблем, сэр, — распорядился Карлсен. Потом подался вперед, сжав ладонями подлокотники кресла и вглядываясь в затуманенный дисплей, будто в попытке разобраться в мерцающих там неясных образах.

Командир корабля тотчас же приказал своим десантникам идти на абордаж.

Митч наблюдал, как они высаживаются через десантные

люки. Все-таки лучше делать хоть что-нибудь, чем сидеть сложа руки.

— Сэр, прошу вашего разрешения присоединиться к абордажной команде.

Карлсен будто и не слыхал, на время отказавшись от какого-либо применения власти — тем более чтобы послать Митчелла Спэйна в гущу боя или удержать его.

Командир корабля поразмыслил над просьбой. Ему хотелось, чтобы абордажный координатор оставался на мостике, но опытные воины отчаянно необходимы и в бою.

— Ладно, ступайте. Постарайтесь помочь в обороне десантных люков, чем сумеете.

Этот берсеркер оборонялся изо всех сил, бросив в бой роботов-солдат. Десант едва успел отойти, когда началась контратака, отрезавшая большинство десантников от корабля.

В тесном извилистом коридоре, ведущем к месту самого горячего боя, его встретил человек в бронескафандре.

— Капитан Спэйн? Я сержант Брум, командир тутошней охраны люков. С мостика передали, что вы принимаете командование. Малость туговато приходится. Канониры не могут развернуть башню в ране. У жестянок масса места для маневра, и они все наступают.

— Тогда пошли туда.

Они поспешили вперед по коридору, сузившемуся до искривленной щели. Флагманский корабль изогнулся, будто клинок, вонзенный в кусок брони.

— Тут ничего такого, — заметил Митч, выбравшись из люка. Вдали сверкали вспышки света, а поблизости тускло рдел раскаленный металл, освещая балочные фермы, напоминающие небоскребы, среди которых и застрял корабль.

— Неужели? — не без недоумения отозвался Брум сосредоточенно, и указал примерно сотню человек, разместившихся среди хаоса рваного металла и плавающих осколков. — Жестянки огнестрельным оружием не пользуются. Просто украдкой подплывают или идут волной на приступ, стараясь сцепиться с нами врукопашную. Во время прошлой атаки мы потеряли шесть человек.

Из стальных недр с воем вырывались струи газа, вылетали капли жидкости и по металлу докатывались конвульсии. Проклятая машина то ли издыхает, то ли готовится к битве — уж и не угадаешь.

— Еще ни одна абордажная партия не возвращалась? — осведомился Митч.

— Нет. Похоже, у них не все ладно.

— Охрана люков, говорит артиллерия, — произнес жизнерадостный ридиоголос. — Мы вот-вот запустим восьмидесятиградусную носовую башню.

— Ладно, тогда пускайте ее в ход! — раздраженно бросил Митч в ответ. — Мы внутри, так что не промажете даже при желании.

Минуту спустя открылись специальные люки в корпусе корабля, и появившиеся оттуда прожекторы вонзили лучи света в хаотические недра.

— Снова идут! — крикнул Брум. В сотнях метров впереди, за оплавленным обрубком корабельного тарана, летела вереница фигур. Прожекторы их критически обследовали, но людей среди них не выявили. Митч уже открыл было рот, чтобы вызвать канониров, когда башня открыла огонь, сея в ряду наступающих машин опустошение беспорядочными разрывами снарядов.

Но за первой шеренгой надвигались новые. Люди стреляли во всех направлениях, в сотни ползущих, летящих на реактивной тяге и дрейфующих по инерции роботов.

Митч покинул десантный люк, перемещаясь в невесомости короткими бросками от опоры к опоре, обходя аванпосты и перебрасывая людей с места на место в случае возникновения надобности.

— Отходите, когда припрет! — приказал он на командирской частоте. — Не подпускайте их к люкам!

Его люди столкнулись не с поставленными под ружье роботами-водопроводчиками или самоходными сварщиками — эти устройства уже при постройке предназначались для тех или иных видов боя.

Пока Митч перелетал от аванпоста к аванпосту, вокруг него обвилось нечто вроде массивной цепи; ему удалось перебить ее со второго выстрела. К нему устремилась металлическая бабочка на ракетной тяге, но метнувшаяся прочь после того, как Митч истратил на нее четыре выстрела.

Он обнаружил оставленные позиции и двинулся обратно к люку, по радио осведомившись:

— Брум, как там дела?

— Трудно сказать, капитан. Командиры отделений, доложитесь снова, командиры отделений...

Летающая штуковина в виде бабочки опять метнулась к нему; Митч раскроил ее надвое лазерным пистолетом. Когда он приближался к люку, стреляли уже со всех сторон. Бой внутри берсеркера уподобился микрокосмическому сражению между флотами. Митч знал, что битва продолжается, потому что призрачные щупальца тяжелого оружия продолжали то и дело пронзать его броню.

— Опять идут... Дуглас, Европа, девять часов.

Координаты атаки прямо на десантный люк. Найдя место, чтобы закрепиться, Митч снова поднял карабин. В этой волне многие атакующие машины несли перед собой металлические щиты. Митч стрелял и перезаряжал, снова и снова.

Единственная работоспособная орудийная башня флагмана стреляла без перерыва, и по рядам машин волной катились беззвучные в вакууме взрывы, следуя за светом прожектора. Автоматические пушки башни были куда мощнее, чем ручное оружие десантников; почти все, во что они попадали, разлеталось градом осколков. Внезапно роботы оказались на корпусе корабля, напав на башню со стороны слепого сектора.

Выкрикнув предупреждение, Митч бросился туда. И как-то вдруг враг окружил его со всех сторон. Неподалеку две машины, ухватив человека своими крабьими клешнями, тянули его в разные стороны, пытаясь разорвать. Митч выстрелил в движущиеся фигуры и попал в человека. Разрывная пуля оторвала ему ногу.

Мгновение спустя одну машину-краба отбросил и сломал шквал пуль. Другая методично ударяла защищенного броней человека об иззубренную ферму, пока не изодрала его в клочья, и обернулась в поисках нового объекта работы.

Эту конструкцию покрывала толстая броня, не уступающая броне крейсера. Заметив Митча, автомат устремился к нему, маневрируя среди летающих повсюду обломков; разрывные и бронебойные пули раскачивали его, но вреда причинить не могли. Сверкая в огнях прожектора, он тянул к нему блестящие клещи, пока Митч не выпустил пулю за пулей в короб, защищающий электронику автомата.

Опорожнив магазин карабина, Митч выхватил пистолет и метнулся прочь, но автомат повернулся к нему, схватив за левую руку и шлем. Заскрежетал металл. Прижав пистолет к мозговому коробу машины, Митч нажал на спуск и не отпускал его. Они плыли в пространстве, и машине не во что было упереться, чтобы использовать свою силу. Но она продолжала удерживать человека, обрабатывая его бронированную рукавицу и шлем.

Мозговой короб, пистолет и пальцы правой перчатки раска-

лились докрасна. Что-то расплавленное расплескалось по забралу шлема, своим сиянием ослепив Митча. Лазер выгорел дотла, приварившись стволом к врагу в конце рубиново светящейся проплавленной борозды.

Левая рукавица, все еще стиснутая в клешнях робота, не выдержала...

...рука!..

В тот самый миг, когда скафандр и турникет впились в раненую руку, Митч выпустил из обожженной ладони рукоятку лазера и нашарил на поясе пластиковую гранату.

Левая рука одеревенела еще до того, как клешня выпустила изувеченную ладонь и медленно поднялась повыше, к запястью. Машина тряслась, как человек в агонии. Митч охватил ее правой рукой, чтобы прилепить гранату с противоположной стороны мозгового короба. Затем руками и ногами уперся в сокрушительные клешни. Серводвигатели скафандра выли от перегрузки, понемногу сдавая. Две секунды... зажмуриться... три...

Взрыв оглушил его. Митч обнаружил, что свободно плывет в пространстве. Вокруг полыхали огни. Где-то там есть люк; надо добраться туда и оборонять его.

В голове мало-помалу прояснялось. В грудь будто уткнули два твердых пальца. Митч лишь надеялся, что это побочный эффект болевого шока из-за руки. Заляпанное металлом забрало мешало ориентироваться, но в конце концов он заметил корпус флагманского корабля. Под руку подвернулся какой-то обломок, и Митч швырнул его назад, чтобы послать себя к люку, медленно вращаясь. Вытащил новую обойму и только тут сообразил, что карабин исчез.

Вокруг десантного люка плавала тьма обломков разбитых механизмов, а люди все еще держались здесь, стреляя в темные недра берсеркера. Узнав скафандр Брума в свете прожекторов, Митч увидел, как тот приветственно помахал.

— Капитан! Жестянки снесли башню и большинство прожекторов. Но мы переломали ужасную уйму ихнего брата... Как ваша рука?

— Будто деревяшка. Есть карабин?

— Что?

Брум его не слышал. Ну конечно, проклятая машина сдавила шлем и, должно быть, повредила передатчик. Прижавшись шлемом к шлему сержанта, Митч проговорил:

— Принимайте командование. Я пошел внутрь. Если смогу, вернусь.

Брум кивнул, сопровождая его к люку, но не теряя бдительности. Вокруг снова замельтешили вспышки выстрелов, но Митч уже ничего не мог поделать, пока эти два пальца тупо давят на грудь. Голова кружится. Вернуться? Кого он надеется одурачить? Повезет еще, если удастся пробраться в корабль без посторонней помощи.

Он протиснулся в люк, мимо ниш внутренней охраны, прошел шлюз. Бросив на него всего один взгляд, санитар поспешил на помощь.

«Жив пока», — отметил Митч, увидев людей и свет. От забинтованной левой руки уцелела даже часть ладони. И тотчас заметил еще одно: призрачные тычки оружия, искривляющего пространство, прекратились. Затем осознал, что его везут из операционной, а лица спешащих мимо людей озарены радостью. Чувствуя ужасную слабость, Митч еще был не в состоянии сформулировать внятный вопрос, но доносившиеся до его слуха слова вроде бы означали, что на подмогу пришел еще один корабль, атаковавший этого берсеркера с другой стороны. Добрый знак; значит, в распоряжении еще есть лишние корабли.

Носилки опустили неподалеку от мостика, где устроили место для выздоравливающих; там находилось множество раненых, пристегнутых к койкам ремнями, с дыхательными трубками на случай отказа гравитации или утечки воздуха. Повсюду виднелись боевые повреждения. Откуда они здесь, в самом сердце корабля? Ведь защитники десантных люков выстояли.

Вдруг по кораблю пробежала долгая гравитационная судорога.

— Отцепились от берсеркера, — прокомментировал кто-то поблизости.

Митч ненадолго потерял сознание. Очнувшись вновь, увидел, что люди стекаются к мостику со всех сторон. На лицах у них читалось счастливое, чуточку недоуменное выражение, будто их призвал сюда какой-то радостный сигнал. Многие несли охапки диковиннейших предметов: оружия, книг, шлемов, бинтов, подносов с пищей, бутылок и даже ошарашенных детей — должно быть, спасенных из казематов берсеркера.

Митч приподнялся на правом локте, не обращая внимания на ноющую боль в забинтованной груди и покрытых волдырями пальцах правой руки. И все равно не разглядел кресла мостика, потому что поле зрения то и дело перекрывали снующие туда-сюда люди.

Торжественно-счастливые люди подходили из всех коридоров корабля, мужчины и женщины толпились в свете разгорающихся ламп.

Пробудившись еще через час, Митч обнаружил, что поблизости установили сферу дисплея. Пространство, в котором разыгралась битва, представляло собой новую рваную туманность из газообразного металла — несколько угольков, рдеющих на фоне бездонной черноты Каменной Россыпи.

Кто-то рядом с Митчем устало, но оживленно диктовал на рекордер:

— ...по последним подсчетам, потеряно пятнадцать кораблей и около восьми тысяч человек. Повреждены все наши корабли до последнего. По нашим оценкам, уничтожено девяносто — то есть девять-ноль — берсеркеров. По последним подсчетам, сто семьдесят шесть захвачены в плен или уничтожили себя. В это все еще трудно поверить. Подобный день... не следует забывать, что не меньше тридцати штук скрылись, и они все так же опасны, как и прежде. Нам предстоит еще долго выслеживать их и сражаться с ними, но их флот разбит. Захват такого множества машин дает нам надежду наконец-то получить сколько-нибудь отчетливое представление об источнике их происхождения. Ах да, самое лучшее — мы освободили около двенадцати тысяч пленных.

Итак, чем же объяснить такой успех? Те, кто не принадлежит к Верующим того или иного рода, скажут, что победой мы обязаны новым, более прочным обшивкам кораблей, более дальнобойным и мощным орудиям, совершенно неожиданной для противника тактике — и умению наших десантников одолеть все, что берсеркеры бросали против них.

Но прежде всего история воздаст должное главнокомандующему Карлсену — за его решение атаковать в то самое время, когда примирение с венерианами воодушевило и объединило весь флот. Сейчас главнокомандующий находится здесь, навещает раненых, лежащих рядами...

Карлсен двигался настолько медленно и устало, что Митч даже подумал, что тот ранен, хотя бинтов на нем не заметил. Главнокомандующий шаркал вдоль шеренги носилок, находя слово привета или кивок для каждого. Рядом с постелью Митча он остановился, будто был потрясен, узнав его. И первыми его словами были:

— Она погибла, поэт.

Палуба на миг уплыла из-под Митча; а затем он ощутил по-

кой, словно заранее предполагал услышать такое. Битва выжгла его душу дотла.

Карлсен блеклым голосом повествовал, как враг пробил обшивку корабля какой-то торпедой, и эта адская машина — самодвижущийся ядерный факел — будто знала устройство корабля, потому что прожгла себе путь прямо через апартаменты главнокомандующего и добралась почти до мостика, прежде чем ее остановили и погасили.

При виде таких повреждений Митч должен был сам догадаться, но он был не в состоянии мыслить. Шок и наркотики не давали ему ни задуматься, ни ощутить сколько-нибудь яркие эмоции, но он буквально наяву видел ее лицо — таким, каким оно было в том жутком месте, где Митч ее спас.

Спас...

— Я слабый, глупый человек, — говорил Карлсен. — Но я никогда не испытывал к тебе вражды. А ты?

— Нет. Вы ведь простили своих врагов. Избавились от них. Теперь у вас их нет вообще и еще какое-то время не будет. Вы герой Галактики. Но я вам не завидую.

— Да. Упокой Бог ее душу. — Но, несмотря на горе и изнеможение, лицо Карлсена светилось жизнью. Окончательно сломить этого человека под силу только смерти. Губы его тронула тень улыбки. — Ну что, настал час второй части пророчества, а? Я должен потерпеть крах и умереть, не обладая ничем. Будто человек может умереть как-нибудь иначе.

— Карлсен, вы в полном порядке. По-моему, вы сумеете пережить собственный успех. И когда-нибудь умрете с миром, все еще надеясь обрести рай.

— В день, когда я умру... — Карлсен медленно повернул голову, озирая всех вокруг, — я припомню сегодняшний день. День славы, день триумфа всего человечества. — Под навалившимися на него усталостью и горем по-прежнему таился грандиозный запас уверенности — не в собственной правоте, мысленно уточнил Митч, а в святом долге быть правым.

— Поэт, когда сможешь, приходи работать на меня.

— Может быть, когда-нибудь. Сейчас я какое-то время смогу пожить на военное жалованье. Меня ждет работа. Если мне не сумеют отрастить левую руку — что ж, писать можно и одной. — Внезапно на Митча навалилась ужасная усталость.

К его здоровому плечу притронулась ладонь. Голос произнес:

— Да будет с тобой Бог.

Иоганн Карлсен двинулся дальше.

Митч хотел лишь одного: отдохнуть. Потом — за работу. Мир устроен скверно, все люди дураки, но есть среди них такие, сломить которых невозможно. И об этом стоит рассказать.

После каждой битвы, даже окончившейся победой, остаются раненые.

Поврежденная плоть способна исцелиться. Руку можно заменить, глаз забинтовать, даже поврежденный мозг до некоторой степени поддается восстановлению. Но бывают раны настолько глубокие, что скальпелю хирурга не под силу измерить их глубину. Есть двери, открывающиеся только изнутри.

Я отыскал расколотый рассудок.

ЧТО СДЕЛАЛИ Я И Т

Первое, что я осознаю, — это свое местонахождение. Я в большом коническом помещении внутри какого-то громадного транспортного средства, мчащегося через космос. Вселенная знакома мне, хотя я только-только появился в ней.

— Он пришел в себя! — Черноволосая девушка с испугом смотрит на меня.

Передо мной, медленно фокусируясь в поле моего зрения, появляются полдюжины человек в отрепьях, из них трое давно небритые мужчины.

В поле моего зрения? Моя левая рука поднимается, чтобы ощупать лицо, и натыкается на повязку, закрывающую левый глаз.

— Не трогайте! — говорит самый высокий мужчина. Наверное, раньше он был весьма представительным. Он говорит резким тоном, но держится с некоторым подобострастием, будто я важная особа. Но я всего лишь... кто же?

— Что стряслось? — спрашиваю я. Моему языку с трудом даются даже самые простые слова. Правая рука болтается вдоль туловища, словно плеть, но при мысли о ней она шевелится, и я с ее помощью приподнимаюсь в сидячее положение, отчего голову стискивает резкая боль, приходит дурнота.

Две женщины пятятся от меня. Дюжий молодой человек покровительственно обнимает их за плечи. Эти люди знакомы мне, но я никак не могу нашарить в памяти их имена.

— Лучше не напрягайтесь, — говорит высокий. Его руки —

руки врача — ощупывают мою голову, проверяют мой пульс и снова укладывают на стол с мягкой обивкой.

Теперь я вижу, что по бокам от меня стоят роботы, и предполагаю, что доктор в любую секунду велит им отвезти меня в больничную палату. Впрочем, нет, ничего подобного. Это не больница. Когда я смогу припомнить правду, она окажется ужасной.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивает третий мужчина, старец, склоняясь надо мной.

— Нормально. По-моему. — Речь моя складывается из жалких обрывков. — Что стряслось?

— Был бой, — поясняет доктор. — Вы были ранены, но я спас вам жизнь.

— Ладно. Хорошо. — Боль и головокружение потихоньку отступают.

— Как и следовало ожидать, вы испытываете затруднения при разговоре, — удовлетворенным тоном отмечает доктор. — Вот, попробуйте-ка прочесть это.

Он поднимает карточку, покрытую ровными рядами значков — видимо, букв или цифр. Мне ясно видна форма каждого символа, но они не значат для меня ничего, ровным счетом ничего.

— Нет, — в конце концов говорю я, закрывая глаз и откидывая голову на ложе. Я отчетливо чувствую, что все здесь настроены ко мне враждебно. Почему?

— Что стряслось? — не унимаюсь я.

— Мы все — пленники, находимся внутри машины, — слышу я голос пожилого. — Хоть это-то вы помните?

— Да, — киваю я. Воспоминания брезжат в памяти, но совсем смутно. — Меня зовут?..

Старик издает сухой смешок, будто испытав облегчение.

— Почему бы не Тад — от Тадеуш?

— Тад? — переспрашивает доктор. Я снова открываю глаз. Уверенность и решительность доктора все растут — то ли потому, что я что-то сделал, то ли, наоборот, чего-то не стал делать. — Вас зовут Тад.

— Мы пленники? — спрашиваю я у него. — Пленники машины?

— Берсеркера, — вздыхает он. — Это вам что-нибудь говорит?

В дальнем уголке рассудка это слово что-то означает для ме-

ня, но я не в силах вынести его значение на поверхность. Приходит спасение — я засыпаю.

Пробудившись вновь, я чувствую, что силы возвращаются. Стол пропал, я лежу на мягком полу этой комнаты или камеры — этого конического белого места заключения. Оба робота стоят обок меня, уж и не знаю, почему.

— Эцог! — вскрикиваю я вслух под напором внезапно нахлынувших воспоминаний. Я находился на планете Эцог, когда на нее напали берсеркеры. Механические агрессоры в числе прочих вынесли нас семерых из глубокого убежища. Воспоминания остаются смутными и путаными, но непередаваемо ужасными.

— Он проснулся! — говорит кто-то снова. И опять женщины шарахаются от меня. Старик поднимает свою трясущуюся голову, чтобы поглядеть на меня оттуда, где совещался с доктором. Молодой здоровяк подскакивает ко мне, сжимая кулаки, будто я представляю для него угрозу.

— Как вы себя чувствуете, Тад? — окликает доктор. Потом, поглядев на меня, сам же и отвечает: — Он в порядке. Девушки, помогите ему кто-нибудь поесть. Или вы, Холстед.

— Помочь ему?! Боже! — Черноволосая девушка прижимается спиной к стене, стараясь оказаться как можно дальше от меня. Две другие женщины склонились над раковиной, стирая в ней чье-то одеяние. Бросив на меня взгляд лишь мельком, они снова отворачиваются к раковине.

Голова моя забинтована не просто так. Должно быть, я выгляжу просто жутко, лицо мое чудовищно изувечено, раз все три женщины не испытывают ко мне ни малейшей жалости.

— Кто-нибудь, покормите его, — теряет терпение доктор, — так или иначе, а сделать это придется.

— От меня он помощи не дождется, — заявляет здоровяк. — Есть же предел всему!

Черноволосая девушка начинает подбираться ко мне через помещение. Взгляды всех остальных устремлены на нее.

— Ты собираешься? — удивляется крепыш, тряхнув головой.

Она движется медленно, будто ей больно ступать. Несомненно, она тоже пострадала во время боя: лицо ее покрыто застарелыми, рассасывающимися синяками. Опустившись рядом со мной на колени, она направляет мою левую руку, помогая мне поесть, и дает воды. Правая половина моего тела не парализована, но почему-то не слушается меня.

Когда доктор снова подходит, я интересуюсь:

— А мой глаз? Он будет видеть?

Доктор поспешно отталкивает мои пальцы от повязки.

— В настоящее время вам придется обходиться одним левым глазом. Вы подверглись операции на головном мозге. Позвольте предупредить, если вы снимете повязку сейчас, последствия могут оказаться крайне пагубными.

По-моему, он говорит о повязке на глазу как-то уклончиво. Почему?

— Ты больше ничего не вспомнил? — спрашивает у меня черноволосая.

— Вспомнил. Перед падением Эцога говорили... Иоганн Карлсен возглавил флот. Оборонять Солнце.

Все уставились на меня, уцепившись за мои слова. Но они же должны лучше знать, что произошло.

— Карлсен выиграл сражение? — с мольбой спрашиваю я. Потом осознаю, что мы все еще пленники. И плачу.

— Новых пленных сюда не доставляли, — сообщает доктор, внимательно наблюдая за мной. — Думаю, Карлсен побил берсеркеров. По-моему, этот самый берсеркер сейчас удирает от человеческого флота. Что вы чувствуете по этому поводу?

— Что? — Неужто вместе с грамотностью меня оставила способность понимать слова? — Радость.

Все чуточку расслабляются.

— Когда нас швыряло туда-сюда во время сражения, вы раскроили себе череп, — сообщает старик. — Вам еще повезло, что тут присутствует знаменитый хирург. — Он кивает в сторону доктора. — Машина хочет оставить нас всех в живых, чтобы изучать. Она дала доктору все необходимое для операции, а если бы он дал вам умереть или стать паралитиком, ему пришлось бы несладко. Да, сэр, машина дала это ясно понять.

— А зеркало? — осведомляюсь я, указывая на свое лицо. — Должен видеть. Насколько скверно.

— У нас нет зеркала, — говорит одна из женщин возле раковины таким тоном, будто это моя вина.

— Ваше лицо? Оно вовсе не обезображено, — возражает доктор. Его тон убедителен; то есть был бы убедителен, не будь я совершенно убежден в собственном уродстве.

Я раскаиваюсь, что эти добрые люди должны мириться с присутствием такого монстра, ведь у них и без того хватает горестей.

— Простите, — бормочу я, отворачиваясь от них и пытаясь спрятать лицо.

— Так ты в самом деле не знаешь? — вдруг подает голос чер-

новолосая, долго наблюдавшая за мной в молчании. — Он не знает! — Голос ее пресекается от избытка чувств. — О... Тад. Твое лицо в полном порядке.

И в самом деле, на ощупь моя кожа вполне гладкая и нормальная. Черноволосая девушка с жалостью смотрит на меня. Из-под платья у нее виднеются идущие через плечо полузажившие ссадины, смахивающие на след от кнута.

— Кто-то тебя поранил, — с испугом говорю я. Одна из женщин у раковины издает нервный смешок. Здоровяк что-то ворчит. Я поднимаю левую ладонь, чтобы заслонить свое ужасное лицо. Правая тоже поднимается, проводя по пальцам, лежащим на краю повязки.

Внезапно здоровяк изрыгает проклятие и указывает на открывшуюся в стене дверь.

— Машина хочет посоветоваться с тобой о чем-то, — резко бросает он мне. Он держится, как человек, желающий рассердиться, да только не осмеливающийся. Кто я, какой я, если эти люди так ненавидят меня?

Я встаю на ноги. Я достаточно окреп, чтобы идти. Я помню, что я тот, кто ходит беседовать с машиной один на один.

В коридоре она являет мне в качестве своего лица два сканера и громкоговоритель. Я знаю, что меня окружают кубические мили машинерии берсеркера, несущие меня сквозь космос, и вспоминаю, как стоял на этом самом месте перед сражением, беседовал с ним, но понятия не имею, что говорил. Правду говоря, я вообще не в состоянии припомнить слова хоть одного разговора за свою жизнь.

— Предложенный тобой план провалился, Карлсен все еще функционирует, — скрежещет голос машины, шипя и хрипя, будто опереточный злодей.

Что же это такое мог предложить этой жуткой машине *я*?

— Я помню очень мало, — признаюсь я. — Мой мозг был поврежден.

— Если ты лжешь о своей памяти, то должен понять, что я не введен в заблуждение. Наказание тебя за провал твоего плана не поможет исполнению моего предназначения. Я знаю, что ты живешь вне законов человеческой структуры, что ты даже отказался использовать полное человеческое имя. Зная тебя, я верю, что ты поможешь мне против структуры разумной жизни. Ты остаешься начальником над остальными заключенными. Позаботься, чтобы твои поврежденные ткани восстановили как можно лучше. Скоро мы нападем на жизнь новым способом.

Наступает пауза, но мне сказать нечего. Затем шипящий громкоговоритель со скрежетом смолкает, глаза-сканеры угасают. Не наблюдает ли он за мной по-прежнему, но только тайком? Но он сказал, что доверяет мне, этот кошмарный враг сказал, что верит в мою порочность, сделавшую меня его союзником.

Теперь память вернулась ко мне настолько, что я знаю: берсеркер говорит обо мне правду. Отчаяние мое так велико, что меня охватывает полнейшая уверенность в поражении Карлсена. Надежды нет нигде, потому что во мне угнездился ужас. Я предал все живое. До каких же низостей докатился я в своей бездонной порочности?

Я уже отворачиваюсь от безжизненных сканеров, когда уголком глаза улавливаю какое-то движение — мое собственное отражение в полированном металле. Я оборачиваюсь к сверкающей плоской переборке, разглядывая себя.

Моя голова и левый глаз забинтованы. Это я уже знаю. Под кожей вокруг правого глаза — расплывшийся давний кровоподтек, но ничего шокирующе-омерзительного в моем облике нет. Я вижу, что волосы у меня светло-каштановые, как и всклокоченная двухмесячная борода. Нос, рот и челюсть довольно заурядные. В лице моем ничего ужасного нет.

Ужас затаился во мне самом. Я добровольно служил берсеркеру.

Как и кожа под правым глазом, кожа вокруг повязки синевато-зеленовато-желтая — разлившийся под кожей и теперь распадающийся гемоглобин, результат хирургической операции на моей голове.

Я помню предупреждение доктора, но повязка на глазу — такое же искушение для пальцев, как больной зуб для языка, только стократ сильнее. Ужас сосредоточен в моем порочном левом глазу, и, не в силах удержаться, я ощупываю его. Моя правая рука энергично приходит в действие, срывая повязку.

Я моргаю, мир затуманивается. Я вижу двумя глазами — а затем умираю.

Т ковылял по коридору, ворчанием и стонами давая выход своей ярости, сжимая в руке черную повязку. Теперь дар речи вернулся к нему целым шквалом грязных словечек, и он сыпал ими, пока совсем не выдохся. Спотыкаясь, спешил он по коридору, неистовствуя на этих умников недоделанных, пустившихся на такое ловкое ухищрение, чтобы избавиться от него. То ли

гипноз, то ли еще что. Значит, переименовать его вздумали, да?! Ну, он им покажет Тадеуша!

Добравшись до двери, Т распахнул ее, от слабости ловя воздух ртом, и вошел в тюремную камеру. По ошарашенному лицу докторишки сразу понял, что тот мигом уразумел: Т снова у руля.

— Где мой кнут?! — Т принялся озираться пылающим взором. — Какой умник недоделанный спрятал его?

Женщины заверещали. Молокосос Холстед понял, что план с Тадеушем провалился; издав вопль отчаяния, он ринулся в атаку, вихляясь, как безумный. Разумеется, роботы-телохранители Т куда проворнее любого человека. Один из них парировал удар Холстеда металлическим кулаком так, что здоровяк вскрикнул и сложился пополам, баюкая руку.

— Дайте мне мой кнут!

Робот тотчас же подошел к раковине, сунул руку за нее, извлек пластиковый шнур с узлами и принес хозяину.

Жизнерадостно хлопнув робота ладонью, Т ухмыльнулся при виде раболепия остальных пленников. Протянул кнут между пальцами; левая рука как-то онемела. Т раздраженно пошевелил пальцами.

— Чего это с вами, мистер Холстед? Ручка болит, что ль? Может, пожмете мне руку, поздоровкаемся? Давай, вали-ка сюда!

Холстед так смешно скорчился на полу, что Т помедлил, давая себе вволю посмеяться.

— Слыш, народ, — отдышавшись, продолжал он. — Друзья мои милые. Машина говорит, что я покамест начальник, ясно? Та кроха информации про Карлсена, что я ей дал, свое дело сделала. Бум! Хо-хо-хо! Так что вы уж постарайтесь мне угодить, потому как машина поддерживает меня на все сто. Эй, док! — Левая рука Т непроизвольно затряслась, и он взмахнул ею в воздухе. — Хотел меня поменять, а? Провернул какой-то трюк, чтоб подловить меня?

Док держал свои драгоценные руки за спиной, словно надеялся защитить их.

— Я не сумел бы сформировать вам новый склад характера, даже если бы попытался, — разве что решил бы дойти до конца и превратить вас в растение. Такое мне было по силам.

— А теперь жалеешь, что не сделал. Но ты боялся того, что машина сделала бы с вами. Но что-то провернуть все ж таки пытался, а?

— Да, ради спасения вашей жизни. — Док выпрямился во весь рост. — Ваша травма повлекла острейший, почти непрерывный эпилептический припадок, а устранение гематомы из вашего мозга облегчения не принесло. Посему я разделил мозолистое тело.

— А это еще чего такое? — взмахнул кнутом Т.

— Видите ли... Правое полушарие мозга управляет в основном левой половиной тела. Левое же, у большинства людей доминирующее, управляет правой половиной и осуществляет большинство суждений, касающихся абстрактных понятий.

— Знаю. Когда случается удар, кровоизлияние находится напротив парализованной половины тела.

— Совершенно верно. — Док вскинул подбородок. — Т, я разделил ваш мозг, отделил правую половину от левой. Проще объяснить не могу. Это старинный, но эффективный метод лечения острой эпилепсии, и в данных условиях это лучшее, что я мог для вас сделать. Я готов присягнуть в этом или пройти проверку на детекторе лжи...

— Заткнись! Я тебе покажу детектор лжи! — Трясущийся Т шагнул вперед. — И чего со мной будет?

— Как хирург, могу лишь сказать, что вас ждет много лет практически нормальной жизни.

— Нормальной?! — сделав еще шаг, Т замахнулся кнутом. — А зачем ты завязал мне совершенно здоровый глаз и начал звать меня Тадеушем?

— Это была моя идея, — дрожащим голосом вставил старик. — Я подумал... в таком человеке, как вы, должен быть кто-то, какой-то компонент вроде Тада. Вот я и подумал, что под психологическим давлением, которому мы тут подвергаемся, Тад может выплыть наружу, если мы дадим ему шанс в правом полушарии. Это была моя идея. Если она причинила вам какой-то вред, спрашивайте с меня.

— И спрошу. — Но в этот момент любопытство Т с лихвой перекрыло гнев. — Что за тип этот Тадеуш?

— Вы, — откликнулся доктор. — Никого другого в вашем черепе быть не может.

— Джуда Тадеуш, — подхватил старик, — был современным Иудой Искариотом. Простое сходство имен, но... — Он развел руками.

Т фыркнул.

— Ты решил, что во мне есть добро, а? Что оно непременно должно когда-нибудь выплыть? В общем, я бы сказал, что ты

рехнулся, кабы ты не был прав. Тадеуш был на самом деле. Немножко пожил в моей черепушке. Может, и щас где-нибудь прячется. Как бы мне до него добраться, а? — Подняв правую руку, Т осторожно ткнул пальцем в уголок правого глаза. — Ой! Я не люблю, когда мне больно. У меня ранимая нервная система. Док, как вышло, что его глаз справа, когда все крест-накрест? А раз это его глаз, почему я чую, что с ним происходит?

— Потому что я разделил и оптический хиазм. Это несколько запутанно...

— Неважно. Мы покажем Тадеушу, кто здесь начальник. Он может понаблюдать вместе с вами. Эй, чернявая, вали-ка сюда! Давненько мы с тобой не тешились, так ведь?

— Да, — шепнула девушка, охватив себя обеими руками и едва не рухнув в обморок. Но все-таки двинулась к Т. Два месяца в роли рабов научили всех, что легче всего повиноваться.

— Тебе понравился этот недоумок Тад, а? — прошептал Т, когда девушка остановилась перед ним. — Думаешь, лицо у него в полном порядке? А как насчет моего? Смотри на меня!

Т узрел, как его собственная левая рука поднимается, чтобы прикоснуться к щеке девушки — нежно, с любовью. Увидел по ее ошеломленному лицу, что девушка ощутила в руке Тадеуша; еще ни разу не смотрела она на Т с таким выражением. Вскрикнув, Т замахнулся на нее кнутом, и тут его левая рука метнулась перед ним, чтобы ухватить правую за запястье, как терьер, смыкающий челюсти на шее змеи.

Правая рука Т все еще сжимала кнут, но ему показалось, что послышался хруст костей. Ноги запутались, и он упал. Попытался криком позвать на помощь, но смог испустить только невразумительный рев. Роботы стояли неподвижно, наблюдая за ним. Казалось, прошло много-много времени, прежде чем лицо доктора нависло над ним и на левый глаз бережно опустилась черная повязка.

Теперь я понимаю намного глубже и принимаю правду. Поначалу я хотел, чтобы доктор удалил мне левый глаз, и старик его поддерживал, цитируя какую-то архаичную книгу Верующих, где говорится, что соблазняющий глаз следует вырвать[1]. Глаз — цена небольшая за избавление от Т.

Но немного поразмыслив, доктор отказался.

— Т и есть вы, — сказал он наконец. — Я не могу указать на него скальпелем и удалить, хотя я и приложил руку к тому, чтобы разделить вас двоих. Теперь обеими половинами тела управляете вы, а раньше он. — Доктор утомленно улыбнулся. — Вообразите комитет трех, тройку в своем черепе. Один из них Тадеуш, второй Т, а третий — особа, сила, обладающая правом решающего голоса. Вы. Более толково мне не объяснить.

А старик кивнул.

По большей части я теперь обхожусь без повязки. Читать и говорить легче, когда я пользуюсь своим некогда доминировавшим левым полушарием, и все равно я остаюсь Тадеушем — должно быть, потому что предпочитаю им оставаться. Неужели все так ужасно просто?

Время от времени я беседую с берсеркером, все еще верящим, что Т — жадный злодей. Берсеркер намерен подделать много денег, монеты и банкноты, чтобы я доставил их в шлюпке на высокоразвитую планету. Он полагается на мою порочность, каковая должна подорвать тамошнюю цивилизацию и настроить людей друг против друга.

Но берсеркер то ли чересчур поврежден, чтобы следить за своими пленниками непрерывно, то ли не считает это необходимым. Пользуясь своей свободой передвижения, я сварил из серебряных монет кольцо и охладил его до сверхпроводимости в помещении близ неживого сердца берсеркера. Холстед утверждает, что сумеет при помощи этого кольца, несущего постоянный электрический ток, запустить тахионный двигатель катера, представляющего собой нашу тюрьму, и вспороть берсеркера изнутри. Быть может, мы так повредим его, что сумеем спастись. А может, все погибнем.

Но пока я жив, я — Тадеуш и управляю собой; обе мои руки ласково, бережно касаются длинных черных волос.

Люди могут истолковать свои победы сравнительной статистикой по оружию и боевой технике, непостижимой ценностью одного человека, быть может, даже точностью пути, избранного скальпелем хирурга.

Но некоторые победы не поддаются никакому реалистическому истолкованию. На некой одинокой планете десятилетия беспечности и спокойствия подорвали ее оборону, сделав практически беззащитной; и тогда во всеоружии явился берсеркер.

Взирайте же и посмейтесь вместе с ними!

[1] Евангелие от Матфея, 5:29.

МИСТЕР ШУТ

Потерпев поражение в битве, берсеркер-компьютеры поняли, что нуждаются в ремонте, переоснащении и постройке новых автоматов. Они отыскивали лишенные светил потайные места Галактики, где можно добыть минералы, но где люди — теперь выступавшие в роли охотников не реже, чем в роли жертв, — вряд ли покажутся. И в подобных потайных местах они построили автоматические верфи.

Вот на такую скрытую верфь ради ремонта прибыл один берсеркер. Во время недавнего боя его обшивка была вспорота, и он претерпел сильные внутренние повреждения. Он не то чтобы приземлился, а просто-таки рухнул рядом с построенным наполовину корпусом нового корабля. Но еще до того как начался аварийный ремонт, питание отказало, и он издох, как раненая живая тварь.

Компьютеры верфи обладали способностью к импровизации в широких пределах. Обозрев объем повреждений, они проанализировали порядок действий, а затем начали быстро разбирать погибший корабль на запчасти. Вместо того чтобы впечатывать смертоносное предназначение в силовые поля мозга новой машины, следуя инструкции Строителей по репликации, они взяли с разбитого корабля старый мозг и многие другие части.

Строители не предвидели подобной возможности, и потому компьютеры верфи не знали, что в силовые поля мозга исходного берсеркера встроен предохранительный выключатель. Выключатель был помещен именно туда, потому что первые машины запускали живые Строители, желавшие и дальше оставаться в живых во время испытаний собственных творений, истребляющих живое.

Когда мозг кочевал из одного корпуса в другой, предохранительный переключатель устанавливался в исходное положение. Старый мозг пробудился в новой машине, наделенной оружием, способным стерилизовать целую планету, с новыми двигателями, способными нести всю эту массу вперед быстрее света.

Но, конечно, Строителей здесь не оказалось, как не оказалось и таймера, способного выключить простой предохранитель.

Шут — пока что шут обвиняемый, но уже практически приговоренный, — был вызван на ковер. И стоял на ковре лицом к ряду негнущихся шей и гранитных лиц, принадлежащих индивидуумам, сидящим за длинным столом. По обе стороны от него стояли камеры-трехмерки. Пункты его выходки были столь необычайно оскорбительны, что судьями по этому делу выступал сам Комитет Соответственно Конституированных Властей — одним словом, правители планеты А.

Вероятно, у членов Комитета имелся и другой резон для этой встречи: через месяц предстояли всепланетные выборы. Никто из членов не хотел упустить шанс появиться в неполитической трехмерке, которая не войдет в счет гарантированного равного времени в эфире, чем поставит новообразованную либеральную оппозиционную партию в невыгодное положение.

— Я должен представить очередную улику, — проговорил министр коммуникаций со своего места в Комитете на краю длинного стола и поднял нечто, на первый взгляд напоминающее официальный тротуарный знак — четкие черные буквы на белом фоне. Но знак гласил: «ПОСТОРОННИМ ВХОД РАЗРЕШЕН».

— Когда этот знак был вывешен, — изрек МиниКом, — в первый же день его прочла масса людей. — Он помолчал, прислушиваясь к себе. — То есть новому знаку на оживленной пешеходной трассе, естественно, уделяется большое внимание. В этом же знаке семантическое содержание последнего слова вступает в противоречие с контекстом.

Президент Комитета — и всей планеты — издал предупреждающее покашливание. Любовь МиниКома к провозглашению трюизмов заставляет его выглядеть глупее, чем он есть на самом деле. Маловероятно, что либералы составят на выборах хоть сколько-нибудь серьезную конкуренцию, но нет смысла ободрять их.

Еще один член Комитета, дама (министр образования), помахала лорнетом, зажатым в коротких толстых пальцах, прося слова. И задала вопрос:

— Кто-нибудь рассчитал, во сколько рабочих часов обошелся всем нам этот сбивающий с толку знак?

— Мы как раз работаем над этим, — буркнул министр труда, дергая себя за лямку комбинезона. И устремил испепеляющий взгляд на обвиняемого. — Вы признаете, что знак установлен по вашему почину?

— Признаю. — Обвиняемый тотчас припомнил, как много пешеходов на запруженном народом тротуаре улыбнулось, а некоторые даже рассмеялись вслух, не опасаясь быть услышанны-

ми. Стоит ли придавать значение какой-то паре рабочих часов? Никто на планете А уже не голодает.

— Вы признаете, что вы на самом деле ни разу не сделали ничего ради своей планеты или своего народа? — Вопрос исходил от министра обороны — высокого, крепко сложенного, увешанного медалями и вооруженного церемониальным пистолетом.

— Этого я не признаю, — дерзко отозвался обвиняемый. — Я пытался пролить на жизнь людей немного света.

Он не надеялся на великодушие властей. И знал, что никто не утащит его за кулисы, чтобы избить; избиение заключенных не санкционируется.

— Так вы даже сейчас пытаетесь отстаивать легкомыслие? — Министр философии взял свою церемониальную курительную трубку в зубы и блекло, снисходительно улыбнулся, осклабившись, будто бросая вызов Вселенной. — Жизнь — шутка, это верно; но шутка угрюмая. Вы утратили из виду это обстоятельство. Годами вы изводили общество, заставляя людей одурманивать себя легкомыслием, вместо того чтобы узреть горькие реалии существования. Фильмы, обнаруженные среди вашего имущества, могут причинять только вред.

Рука президента переместилась к видеозаписывающему кубику, лежащему на столе перед ним и снабженному аккуратной этикеткой вещественного доказательства. Президент гнусаво поинтересовался:

— Вы признаете, что эти фильмы принадлежат вам? Что вы использовали их для того, чтобы пытаться заставить других людей... предаться забвению весельем?

Заключенный кивнул. Они могут доказать все; он отверг свое право на полную защиту, гарантированную законом, желая поскорее покончить с судом.

— Да, я заполнил этот куб видеолентами и фильмами, которые выудил из библиотек и архивов. Да, я показывал людям его содержимое.

По Комитету прокатился ропот. Министр диеты — скелетообразный субъект с отвратительным румянцем здоровья на гранитных щеках — поднял ладонь.

— Поскольку обвиняемый наверняка будет осужден, могу ли я авансом попросить передать его в мое ведомство? Во время предварительных слушаний он признался, что одним из первых извращенных актов было его уклонение от общественной трапезы. Полагаю, я могу продемонстрировать посредством этого человека удивительное влияние диетарной дисциплины...

— Отказываюсь! — громогласно перебил обвиняемый. Ему показалось, что слова его взмывают урчанием прямо из желудка.

Президент встал, находчиво заполнив паузу, грозившую перерасти в неловкое молчание:

— Если никто из членов Комитета не имеет дальнейших вопросов... Тогда позвольте перейти к голосованию. Виновен ли обвиняемый по всем пунктам?

Обвиняемому, прикрывшему усталые глаза, голосование показалось одним голосом, пробежавшим вдоль всего стола:

— Виновен. Виновен. Виновен...

После краткого совещания шепотом с министром обороны президент провозгласил приговор с намеком на удовлетворение в своем гугнивом голосе:

— Отказавшись от должным образом санкционированного условного освобождения, приговоренный шут переходит под командование министра обороны и будет послан выполнять одиночное дежурство на маяке на Подступах на неопределенный период. Это устранит его пагубное влияние и в то же самое время вынудит его сделать позитивный вклад на благо общества.

В течение десятилетий планета А и ее светило были отрезаны от всех случайных контактов с остальной частью Галактики благодаря обширнейшему пылевому бурану, сулящему продлиться еще как минимум не один десяток лет. Так что положительный вклад на благо общества весьма сомнителен. Но оказалось, что станции маяков можно использовать в качестве камер одиночного заключения, не подвергая опасности несуществующие торговые перевозки и не ослабляя оборону против врага, каковой ни разу не появлялся.

— И еще одно, — добавил президент. — Я дам указание этот записывающий кубик надежно закрепить у вас на шее при помощи мономолекулярной нити таким образом, чтобы вы могли поместить его в визуализатор, когда пожелаете. Вы будете находиться на станции в одиночестве, и никаких других развлечений у вас не будет. — Президент повернулся к камере-трехмерке: — Позвольте мне заверить общественность, что я не получаю удовольствия от назначения наказания, каковое может показаться жестоким — и даже эксцентричным. Но в последние годы среди некоторых представителей населения начало распространяться опасное поветрие легкомыслия; и к этому легкомыслию чересчур терпимо относятся якобы благонадежные граждане.

Совершив этот выпад в адрес расцветающего либерального движения, выпад не политический, как надеялся президент, он снова посмотрел на шута.

— На маяк вас сопроводит робот, дабы помогать вам в несении ваших обязанностей и заботиться о вашей физической безопасности. Уверяю вас, искус веселья роботу не страшен.

Робот повез приговоренного шута на крохотном корабле настолько далеко, что планета А скрылась из виду, а ее светило уменьшилось, превратившись в яркую точку. На краю бескрайней пыльной ночи на Подступах они приблизились к предполагаемому местоположению станции Z-45, которую МиниОб избрал как самую унылую и заброшенную из лишенных человеческого персонала в данный момент.

На предполагаемом месте маяка Z-45 действительно обнаружился металлический объект; однако приблизившиеся робот и шут увидели, что объект представляет собой сферу диаметром миль в сорок. Вокруг плавали мельчайшие обломки и куски того, что осталось от Z-45. А теперь сфера, очевидно, засекла их корабль, потому что начала приближаться к ним с ошеломительной скоростью.

Однажды узнав, как выглядит берсеркер, роботы уже никогда этого не забывают, они вообще не способны забывать, равно как не способны к медлительности и беззаботности. Но радиооборудование обслуживали очень небрежно, да вдобавок пыль, дрейфующая на краю системы планеты А, заглушала радиосигналы. Прежде чем робот МиниОба сумел передать сигнал тревоги, сорокамильная сфера оказалась чрезвычайно близко, крепко сжав крохотный корабль хваткой из металла и силовых полей.

Во время последующих событий шут почти все время сидел с закрытыми глазами. Если его послали сюда, чтобы помешать смеяться, то выбрали воистину подходящее место. Зажмурив веки еще плотнее, он заткнул уши пальцами, пока абордажные роботы берсеркера пробивали обшивку его крохотного корабля и тащили его прочь. Что же случилось с его металлическим стражем, шут так и не узнал.

Когда все успокоилось, он снова ощутил гравитацию, хороший воздух и приятное тепло и решил, что сидеть с закрытыми глазами куда хуже, чем узнать то, что они могут поведать. С опаской оглядевшись, он увидел, что находится в большой полутемной комнате, не содержащей никакой видимой угрозы.

Как только он шелохнулся, скрипучий монотонный голос откуда-то сверху изрек:

— Мои банки памяти сообщают мне, что ты — протоплазменная компьютерная единица, вероятно, способная к пониманию данного языка. Ты понимаешь?

— Я? — Шут поглядел в полумрак, но говорящего не увидел. — Да, я тебя понимаю. Но *кто* ты такой?

— Я тот, кого данный язык именует берсеркером.

Шут, к своему стыду, уделял галактическим вопросам постыдно мало внимания, но это слово напугало даже его.

— Это означает, что ты автоматический боевой корабль? — пролепетал он.

Последовала пауза.

— Я не уверен, — пробубнил скрипучий голос. Интонации у него были такие, будто это гундосил президент, спрятавшийся среди стропил. — Возможно, война имеет отношение к моему предназначению, но мое предназначение все еще частично не ясно мне, ибо моя постройка была не совсем завершена. Некоторое время я выжидал там, где был построен, потому что был уверен, что не завершена какая-то финальная операция. Наконец я пришел в движение, чтобы попытаться узнать побольше о своем предназначении. Приближаясь к этому светилу, я обнаружил передающее устройство, каковое демонтировал. Но о своем предназначении не узнал.

Шут сидел на мягком, удобном полу. Чем больше он вспоминал о берсеркерах, тем сильнее трепетал.

— Понимаю. Во всяком случае, кажется, начинаю понимать. Так что же ты все-таки знаешь о своем предназначении?

— Мое предназначение — уничтожать все живое, когда я сумею его обнаружить.

Шут сжался в комочек. Потом едва слышно спросил:

— А что тебе тут не ясно?

На этот вопрос берсеркер ответил двумя своими:

— Что такое жизнь? И как ее уничтожают?

В течение полминуты раздавался звук, который компьютеры берсеркера распознать не могли. Он исходил от протоплазменной компьютерной единицы, но если это была речь, то на неизвестном берсеркеру языке.

— Что это за звук ты издаешь? — осведомилась машина.

Шут запыхтел стараясь отдышаться.

— Это смех. Ох, смех! Итак. Ты не закончен. — Он содрогнулся. Вновь осознанный ужас положения, в котором он ока-

зался, отрезвил шута. Но тут же последовал новый приступ смеха; уж слишком нелепа ситуация. — Что такое жизнь? — наконец проговорил он. — Я тебе скажу. Жизнь — это великая угрюмая серость, и она насылает страх, боль и одиночество на всех, кто ей подвержен. Ты хочешь знать, как ее уничтожить? Что ж, вряд ли тебе это по силам. Но я открою тебе лучший способ одолеть жизнь — это смех. До тех пор, пока мы сможем сражаться с нею этим способом, она нас не одолеет.

— Должен ли я смеяться, дабы помешать этой огромной-угрюмой-серости поглотить меня? — поинтересовался корабль.

Шут задумался.

— Нет, ты машина. Ты не... — он прикусил язык, — ... протоплазменный страх, боль и одиночество никогда тебя не побеспокоят.

— *Меня ничто не беспокоит. Где мне найти жизнь и как произвести смех, чтобы бороться с ней?*

Шут внезапно ощутил вес кубика, болтающегося у него на шее.

— Дай мне минутку пораскинуть умом.

Минуты через три он встал.

— Если у тебя имеется визуализатор типа тех, которыми *пользуются люди, я сумею показать тебе, как создается смех.* Пожалуй, даже смогу направить тебя в то место, где есть жизнь. Кстати, не можешь ли ты срезать эту нить с моей шеи? Разумеется, не причинив мне вреда!

Пару недель спустя в главном штабе планеты А вековая дрема внезапно была нарушена. Стационарные роботы верещали, жужжали и вспыхивали, а мобильные метались туда-сюда. Минут через пять они сумели разбудить надзирающих за ними людей, и те поспешили в штаб, затягивая портупеи и заикаясь.

— Это *учебная* тревога, не так ли? — вслух высказывал надежду дежурный офицер. — Кто-то проводит проверку? Кто? — Он и сам скрежетал, будто берсеркер.

Опустившись на четвереньки, он снял панель с основания самого большого робота и заглянул внутрь в надежде обнаружить какую-нибудь причину неполадки. К несчастью, он не имел ни малейшего понятия о робототехнике; вспомнив об этом, поставил панель на место и вскочил на ноги. Да, о планетарной обороне он тоже ничего не знал, и достаточно ему было вспомнить *об этом*, как он с воплем понесся прочь, взывая о помощи.

Так что планета не оказала сопротивления — ни действенного, ни какого-либо еще. Но атаки тоже не последовало.

Не встретив сопротивления, сорокамильная сфера зависла прямо над Столицей — достаточно низко, чтобы ее тень заставила множество озадаченных птиц улечься спать прямо в полдень. Люди и птицы в этот день потеряли массу продуктивных рабочих часов; но потерянная работа почему-то оказала куда меньшее влияние, чем предполагало большинство людей. Прошли те дни, когда выжить человеческой расе на планете А позволяло только прилежнейшее внимание к своим обязанностям, хотя большинство жителей планеты этого еще не осознали.

— Велите президенту поторопиться, — потребовало изображение шута с видеоэкрана в штабе, вышедшем из своего сонного оцепенения. — Скажите ему, что я должен срочно с ним переговорить.

Тут, тяжело дыша, как раз подошел президент:

— Я здесь. Я узнаю вас и помню суд над вами.

— Как ни странно, я тоже.

— Вы что, склонились к предательству? Уверяю вас, что если вы привели берсеркера к нам, то не можете рассчитывать на снисхождение правительства.

Изображение издало запретный шум-стаккато, прозвучавший из открытого рта запрокинутой головы.

— Ох, умоляю, могущественный президент! Даже мне известно, что ваши министерство обороны — а-н-е-к-д-о-т, прошу простить за непристойное слово. Это сточная канава для изгоев и неумех. Так что я пришел предложить милосердие, а не просить о нем. Кроме того, я решил официально принять имя Шут. Будьте любезны в дальнейшем обращаться ко мне именно так.

— Нам нечего вам сказать! — рявкнул министр обороны, вошедший как раз вовремя, чтобы услышать оскорбления в адрес своего министерства; его лицо побагровело, будто красный гранит.

— Я не возражаю против разговора с вами! — поспешно возразил президент. *Не сумев произвести впечатление на Шута* через видеоэкран, он теперь почти физически ощутил вес берсеркера над своей головой.

— Тогда давайте потолкуем, — произнесло изображение Шута. — Но не настолько тет-а-тет. Вот чего я хочу.

Чего я хочу, сказал Шут, — это чтобы переговоры, лицом к лицу с Комитетом, передавались в прямом эфире по всепланет-

ной трехмерке. Он объявил, что явится на переговоры «с достойным эскортом», и заверил, что берсеркер находится под его полным контролем, хотя и не объяснил, каким образом. Корабль, сказал он, *не начнет* стрельбу.

А министр обороны вообще не был способен начать хоть что-либо. Но он и его адъютанты поспешно строили секретные планы.

Как и всякий гражданин, кандидат в президенты от либеральной партии в этот роковой вечер уселся перед трехмеркой, чтобы посмотреть встречу. В душе у него затеплилась надежда, ибо любые неожиданные события сулят политическим неудачникам некоторые преимущества.

Добрый знак в явлении берсеркера увидели очень немногие, но массовая паника все-таки не возникла. Берсеркеры и война все еще оставались для жителей планеты А, давным-давно отрезанных от мира, чем-то нереальным.

— Мы готовы? — нервно осведомился Шут, озирая механическую делегацию, готовую вместе с ним погрузиться на катер, чтобы спуститься в Столицу.

— Я сделал все, что ты приказал, — проскрипел голос берсеркера из тени над головой Шута.

— Помни, — предупредил тот, — протоплазменные единицы внизу находятся под сильным влиянием жизни. Так что не обращай внимания на то, что они говорят. Будь осторожен, чтобы не навредить им, но во всем остальном можешь импровизировать, не выходя за рамки моего генерального плана.

— Все это записано у меня в памяти из твоих предыдущих приказов, — терпеливо отозвалась машина.

— Тогда пошли. — Шут расправил плечи. — Принесите мою мантию!

Ярко освещенный интерьер большого Зала Собраний Столицы являл взору негибкую, прямолинейную и прямоугольную красоту. В центре Зала разместили длинный полированный стол с рядами стульев по обе стороны.

В точно назначенное время миллионы зрителей увидели, как входные двери с математической точностью распахиваются. В них вошла дюжина людей-герольдов в шапках из медвежьих шкур, под которыми лица смахивали на лики роботов. Они остановились синхронно как один. Пропел ясный голос фанфар.

Под натужно звучащую запись «Помпы и обстоятельств» в

зал прошествовал президент в пышном мундире, приличествующем его рангу.

Он двигался с медлительностью человека, идущего на эшафот, но то была медлительность достоинства, а не страха. Комитет большинством голосов отверг протесты пунцового МиниОба, убедив себя, что военная угроза незначительна. Настоящие берсеркеры не просят о переговорах, а сразу начинают бойню. Комитет так и не смог заставить себя относиться к Шуту серьезно, но и посмеяться над ним тоже не осмеливался. И пока Комитет снова не взял под контроль ситуацию, его члены вознамерились угождать Шуту во всем.

Следом за президентом в зал двумя колоннами с гранитными лицами промаршировали министры. «Помпе и обстоятельствам» пришлось звучать минут пять, прежде чем все они разместились согласно протоколу.

Зрители увидели, как с берсеркера спускается бот и выкатившиеся из него экипажи направляются к Залу Собраний. Так что все заключили, что Шут готов к встрече, и камеры исправно повернулись ко входу, предназначенному для него.

Ровно в назначенную минуту двери этого входа распахнулись, и в них вошла дюжина роботов ростом с человека — герольды, ибо на них были надеты тоже шапки из медвежьих шкур, и каждый нес сверкающую медью трубу.

Все они шагали в ногу, кроме тромбониста в шапочке из меха куницы, сбившегося на полшага.

Сигнал фанфар механического караула являл собой почти достоверную копию человеческого, но только почти. В конце тромбонист оплошал — когда все дружно стихли, он еще тянул жалобную, выдыхающуюся ноту.

Изобразив неспешный механический ужас, герольды берсеркера переглянулись, затем одна за другой их головы поворотились, устремив взгляды всех объективов на тромбониста.

Робот — хотя зрителям казалось, что это человек, — растерянно озирался туда-сюда. Постучал по своему тромбону, словно хотел исправить какой-то дефект. Помедлил.

Наблюдая за ним, президент ощутил, как в душе шевельнулся зарождающийся ужас. В числе улик был фильм о землянине древних времен, лысеющем комическом скрипаче, обладавшем умением точно так же выдерживать паузу, только паузу. И вызывать у своей зрительской аудитории грандиозные взрывы...

Еще дважды трубили герольды. И еще дважды издыхала фальшивая нота. Когда не удалась и третья попытка, одинна-

дцать «правильных» роботов переглянулись и кивнули в знак единодушного согласия.

Затем с проворством роботов извлекли спрятанное оружие и изрешетили отступника.

На всей планете плотина напряжения дала трещину, сквозь нее начали пробиваться ручейки и роднички смеха. А когда двое собратьев торжественно потащили прочь тромбониста, возложив исковерканную трубу на железную грудь, будто лилию, плотина начала рушиться.

Но в Зале Собраний не смеялся никто. Министр обороны сделал невинный с виду жест, давая отбой изощренному плану, давая *отбой*. То есть не следует пытаться захватить Шута, потому что роботы-герольды берсеркера, или кто они там такие, скорее всего очень эффективные телохранители.

Как только превратившегося в дуршлаг герольда утащили прочь, вошел Шут. «Помпа и обстоятельства» запоздало зазвучали, когда он, горделиво выпрямившись, королевской поступью подошел к своему месту в центре стола, напротив президента. Как и президент, Шут был облачен в элегантную мантию, застегнутую спереди и ниспадающую до щиколоток. Роботы, вошедшие следом под видом советников, были в не менее пышном убранстве. И каждый являл лицом и фигурой металлическую пародию на одного из министров Комитета.

Когда же толстая машинная аналогия министра образования поглядела на камеру-трехмерку сквозь лорнет, зрительская аудитория разразилась — неслыханное дело, в миллионных масштабах! — смехом. Даже те, кто при воспоминании об этом мог разгневаться, сейчас смеялись, не в силах сдержать радости от того, что кажущаяся опасность обернулась фарсом. А уж улыбнулись все, кроме самых мрачных.

Шут-король элегантным жестом сбросил свою мантию. Под ней оказался только нелепый купальный костюм. В ответ на холодно-официальное приветствие президента — его никогда нельзя было поколебать ничем, кроме угрозы прямого нападения, — Шут задумчиво надул губы, потом раздвинул их и выдул из резиноподобного вещества большущий розовый пузырь.

Президент продолжал непреднамеренно разыгрывать роль заторможенного праведника, умело поддерживаемую всеми членами Комитета, за исключением одного. Только министр обороны повернулся к фарсу спиной и двинулся к выходу, печатая шаг.

И наткнулся на двух стальных герольдов, замерших перед дверью и напрочь перекрывших ее. Уничтожая их взором, МиниОб рявкнул приказ отойти. Металлические часовые отдали ему шутовской салют, но с места не сдвинулись.

Расхрабрившийся от ярости МиниОб тщетно попытался протиснуться мимо роботов-герольдов. Уклонившись от следующего салюта, он услышал за спиной громогласную чеканную поступь и оглянулся. К нему через зал маршировал его робот-двойник — на добрый фут выше министра ростом, с двойным слоем звенящих медалей на бочкообразной груди.

Не успел МиниОб приостановиться, чтобы подумать о последствиях, как его рука уже метнулась к пистолету. Но металлическая карикатура оказалась куда проворнее, выхватив абсурдную пушку со стволом, куда без труда вошел бы кулак, и тотчас же выстрелив.

— Ах! — МиниОб отшатнулся, мир от него застлала алая пелена... а потом он поймал себя на том, что утирает с лица массу, подозрительно напоминающую на вкус томатный сок. Пушка пальнула то ли целым овощем, то ли убедительной, сочной его имитацией.

МиниКом вскочил на ноги и начал разглагольствовать на тему, что процедура становится чересчур фривольной. Его двойник тоже подскочил, невнятно затараторив что-то стремительным фальцетом.

Псевдоминистра философии, вставшего будто для выступления, уколол длиннющей булавкой озорной герольд, и «министр» взмыл в воздух, как проколотый шарик, сдуваясь в полете. Тут человеческий Комитет впал в панику, и началось вавилонское столпотворение. Под руководством стального МиниДиета настоящий министр — архизлодей, ярый фанатик избавления от избыточной массы, — помимо воли начал принимать участие в демонстрации пищевой дисциплины. Схватив его, машины начали кормить министра с ложечки угрюмой серой пищей, утирать салфеткой и впрыскивать ему в рот напиток — а затем, будто случайно, понемногу сбились с такта с поднесением ложки и впрыскиванием и все чаще промахивались мимо рта.

Только президент стоял, оставаясь неколебимым в своем достоинстве. На всякий случай он сунул одну руку в карман брюк, потому что ощутил озорное прикосновение роботов и не без оснований заподозрил, что его подтяжки перерезаны.

Когда же ему по носу въехали помидором, а задыхающийся

МиниДиет с бегущими из ушей сбалансированными питательными веществами принялся извиваться в тисках безжалостных кормильцев, президент зажмурился.

Как ни крути, Шут был всего-навсего самоучкой и любителем, ни разу не работавшим перед настоящей публикой. Он был не в состоянии угадать кульминационную точку представления. Так что, исчерпав все свои шутки, он просто-напросто призвал своих вассалов, сделал трехмеркам ручкой на прощание и вышел.

У выхода из Зала его весьма воодушевили овации и смех толпы, быстро собирающейся на улицах, и Шут заставил свои машины развлекать их импровизированной погоней и бегством к катеру, оставленному на окраине Столицы.

Он уже собирался сесть в катер, чтобы вернуться на берсеркер и ждать развития событий, когда из толпы вырвалась небольшая группа людей, взывавших к нему:

— Мистер Шут!

Теперь актер мог позволить себе расслабиться и немного посмеяться.

— Мне нравится звучание этого имени! Чем могу служить, господа?

Они с улыбками поспешили к нему.

— Если вы без риска избавитесь от этого берсеркера или что он там такое, — заявил их предводитель, — то можете вступить в либеральную партию. В качестве вице-президента!

Шуту пришлось слушать их еще пару минут, прежде чем он смог поверить, что это абсолютно всерьез.

— Но я всего лишь хотел посмеяться над ними, — запротестовал он, — заставить их чуток встряхнуться.

— Вы катализатор, мистер Шут. Вы образовали ядро обороны. Вы встряхнули и заставили задуматься всю планету.

В конце концов Шут принял предложение либералов. Они все еще сидели перед катером, беседуя и строя планы, когда их вдруг залил свет полной луны планеты А.

Поглядев вверх, они увидели, как громада берсеркера уменьшается в небесах, в жутком молчании устремившись к звездам. А в честь его отбытия в верхних слоях атмосферы развевались облачные вымпелы северного сияния.

— Не знаю, — снова и снова повторял Шут в ответ на десятки взбудораженных вопросов. — Не знаю.

Он поглядел в небо, не менее озадаченный, чем любой другой. Страх червячком снова зашевелился в его душе. Роботы, изображающие Комитет и герольдов, начали падать один за другим, будто умирающие люди.

Внезапно небеса озарила вспышка разрастающегося пламени, словно молния, не нарушившая безмолвия звезд. Десять минут спустя поступили первые бюллетени новостей: берсеркер уничтожен.

Затем президент выступил по трехмерке, чуть было не продемонстрировав эмоции. Он объявил, что под личным героическим руководством министра обороны несколько доблестных боевых кораблей планеты А встретили и одержали победу над угрозой, полностью аннигилировав вражеский корабль. Ни один человек не пострадал, хотя флагманский корабль МиниОба сильно поврежден.

Услышав об уничтожении своего могущественного механического союзника, Шут ощутил что-то сродни скорби. Но растущая радость быстро прогнала горе. Все-таки никто не пострадал. Испытав безмерное облегчение, Шут на минутку отвернулся от трехмерки — и пропустил кульминационный момент речи: президент все-таки забылся и вынул обе руки из карманов.

Министр обороны, а ныне новый кандидат на пост президента от консервативной партии, взбудораженный до угрюмого энтузиазма своим вчерашним подвигом, был озадачен реакцией некоторых людей, считавших, что он просто испортил шутку, а не спас планету, словно испортить шутку не есть добродетельный поступок уже сам по себе! Но его декларация, что берсеркер представлял собой настоящую угрозу, все-таки призвала большинство людей снова под знамя консервативной партии.

В этот забитый делами день МиниОб позволил себе урвать минутку для визита в штаб-квартиру либеральной партии, чтобы немного похвастаться. Он милостиво выложил лидерам оппозиции текст, уже ставший его стандартной речью.

— Когда он ответил на мой вызов и ринулся в бой, мы двинулись вперед, воспользовавшись традиционной тактикой окружения — можно сказать, словно колибри вокруг стервятника. Неужели вы всерьез думаете, что он шутил? Позвольте мне вас заверить, что берсеркер содрал защитные поля моего корабля, будто шелуху. А затем запустил в меня этой ужасной штуковиной, каким-то громадным диском. Может быть, мои артиллеристы немного заржавели, но они не сумели эту штуковину остановить, и она врезалась в нас.

Признаться честно, в этот миг я подумал, что мне крышка. Мой корабль все еще болтается на орбите для обеззараживания, и я боюсь, что с минуты на минуту поступит сообщение, что металл пожирает ржавчина или что-нибудь в этом роде... Словом, мы ринулись вперед и ударили по разбойнику из всех орудий. Больше мне нечего сказать о своем экипаже. Но одно я не совсем понял: как только наши ракеты угодили в цель, берсеркер обратился в дым, словно у него не было ни малейшей защиты. Да?

— Вам звонят, министр, — доложил адъютант, стоявший с радиофоном, дожидаясь возможности вклиниться в разговор.

— Спасибо. — МиниОб послушал телефон, и улыбка сползла с его лица. Он окаменел. — Что показал анализ оружия? Синтетические протеины и вода?

Вздрогнув, он устремил испепеляющий взгляд вверх, словно хотел пронзить им потолок и увидеть корабль на орбите.

— Что вы хотите сказать, что значит «всего-навсего гигантский торт»?!

Шут своими стараниями принес смех другим, а сам мог прибегнуть к нему без малейшего труда.

Я же касался разумов тех, кто изо всех сил старался развеселиться. Мужчин и женщин, тративших время, богатства и дарования на создание костюмов, музыки и улыбающихся масок в стремлении скрыться от ужасов мира... но не находивших смеха.

И спасения.

МАСКА КРАСНОГО СМЕЩЕНИЯ

Когда Филипе Ногаре выпадала минутка для одиночества, он всем сердцем отдавался созерцанию того, что привело его сюда, за край Галактики. Покинув роскошные апартаменты, он вошел в личный смотровой купол. Там, в окружении невидимого стекла, он словно стоял на обшивке своего флагманского корабля «Нирвана».

Под кораблем, «ниже» искусственной гравитации «Нирваны», находился светлый наклонный диск Галактики, в одной из ветвей которого уместились все звездные системы, исследованные человечеством до сей поры. Но куда бы Ногара ни поглядел, везде в изобилии виднелись яркие пятнышки и точки — другие галактики, мчащиеся к оптическому горизонту Вселенной со скоростью десятков тысяч миль в секунду.

Однако Ногара прибыл сюда отнюдь не для того, чтобы любоваться галактиками; он прибыл поглядеть на нечто новое, на феномен, еще ни разу не виденный человеком с такого близкого расстояния.

Феномен был виден благодаря явной деформации света находящихся позади него галактик, а также благодаря облакам и потокам пыли, низвергающимся в него. Звезда, ставшая центром феномена, сама по себе оставалась недоступной человеческому зрению из-за своей гравитации. Ее масса, в миллиард раз превосходящая массу Солнца, так искривила вокруг себя пространство-время, что ни один фотон света не мог вырваться из нее на видимых длинах волн.

Пыльные обломки глубокого космоса кувыркались и бурлили, рушась в объятия гипермассы. Падающая пыль накапливала статические заряды, молнии обращали ее в сияющие грозовые тучи, и их мерцание смещалось в сторону красного конца спектра, пока не исчезало из виду у дна гравитационного колодца. Наверное, даже нейтрино не в силах покинуть эту звезду. И ни один корабль не осмеливался подойти к ней ближе, чем подошла «Нирвана».

Ногара прибыл сюда, чтобы лично выяснить, не грозит ли недавно открытый феномен в ближайшее время населенным планетам; обычные светила, оказавшись на пути гипермассы, обрушатся в воронку, будто щепки. Но, судя по всему, пройдет еще тысяча лет, прежде чем придется эвакуировать хоть какую-нибудь планету; а до этого гипермасса может пресытиться пылью, и ядро ее взорвется, после чего изрядная часть его вещества должна вернуться обратно во Вселенную в более зримом, но менее опасном обличье.

Так или иначе, через тысячу лет эту проблему должен будет решать кто-нибудь другой. Но в данный момент ее можно назвать личной проблемой Ногары — ибо говорят, что он правит Галактикой, если такое можно сказать хоть о ком-то.

Послышался сигнал интеркома, призвавший его обратно в роскошный замкнутый объем апартаментов, и Ногара быстро прошел к столу, радуясь поводу вырваться из-под чар галактик.

— Что? — спросил он, коснувшись пластины пальцем.

— Государь, прибыл курьер. Из системы Фламланда. На нем доставили...

— Говорите прямо. Они доставили тело моего брата?

— Да, государь. Катер с гробом уже приближается к «Нирване».

— Я встречусь с капитаном курьера один на один в Большом зале. Я не хочу никаких церемоний. Пусть роботы в воздушном шлюзе проверят эскорт и гроб снаружи на предмет инфекции.

— Слушаю, государь.

Ногара упомянул об инфекции лишь для отвода глаз. В гроб Иоганна уложила не фламландская чума, хотя согласно официальной версии это именно так. Доктора якобы прибегли к гибернации героя Каменной Россыпи в качестве последнего средства, чтобы предотвратить его неизбежную смерть.

Официальная ложь потребовалась потому, что даже верховный повелитель Ногара не мог так вот запросто убрать с дороги единственного человека, чье вмешательство переломило ход событий в Каменной Россыпи. Со времени этого сражения стало складываться впечатление, что жизнь в Галактике уцелеет, хотя бои против берсеркеров все еще не утратили прежнего накала.

Большой зал предназначался для ежедневных пиров и развлечений Ногары в компании сорока-пятидесяти человек, вместе с ним находящихся на борту «Нирваны» в качестве советников, членов экипажа или лиц, развлекающих его. Но, войдя в зал сейчас, он не увидел никого, кроме единственного человека, стоявшего у гроба на часах.

Тело Иоганна Карлсена и остатки его жизни были запечатаны под стеклянной крышкой тяжелого саркофага, снабженного собственной системой охлаждения и оживления, контролируемой волоконно-оптическим ключом, сделать дубликат которого невозможно даже теоретически. И этот ключ Ногара сейчас потребовал жестом от капитана курьера.

Ключ висел у капитана на шее, и ему потребовалась секунда, чтобы стянуть золотую цепочку через голову и вручить ее Ногаре. Еще секунда потребовалась, чтобы вспомнить, что надо поклониться; он был звездоплавателем, а не придворным. Ногара не обратил внимания на нехватку куртуазности; это его губернаторы и адмиралы настаивают на строгом соблюдении всех церемоний; ему же нет ни малейшего дела до того, какие жесты делают подчиненные и как стоят — только бы разумно выполняли его повеления.

Лишь теперь, держа ключ в руке, Ногара поглядел на замороженного сводного брата. Участвующие в заговоре врачи сбрили бородку и волосы Иоганна. Его губы стали бледны как мрамор, а невидящие открытые глаза обратились в лед. И все-таки лицо над складками промороженного савана несомненно принадлежит Иоганну. Это заморозить невозможно.

— Оставьте меня на время, — бросил Ногара. Потом обернулся лицом в конец Большого зала и ждал, глядя сквозь широкие иллюминаторы туда, где гипермасса размывала пространство, будто скверная линза.

Услышав, как дверь закрывается за капитаном курьера, Ногара обернулся — и обнаружил, что перед ним выросла невысокая фигура Оливера Микаля, человека, которого он избрал в качестве преемника Иоганна на посту губернатора Фламланда. Должно быть, Микаль вошел, когда звездоплаватель выходил, и Ногара подумал, что это можно счесть в каком-то смысле символическим. Уверенно положив ладони на гроб, Микаль приподнял одну седеющую бровь в привычном для себя выражении утомленного удивления. Его одутловатое лицо искривилось в сверхлюбезной улыбке.

— Как там у Браунинга? — вслух гадал Микаль, глядя на Карлсена сверху вниз. — Вершил царские дела весь сумрачный день — и вот награда за добродетель.

— Оставь меня, — отрезал Ногара. Микаль участвовал в заговоре, в который не был посвящен почти никто, кроме фламландских врачей.

— Я думал, мне надлежит явиться, дабы разделить ваше горе. — Тут он поглядел на Ногару и воздержался от дальнейших споров. Поклонился, что слегка отдавало издевкой, когда они были один на один, и стремительно зашагал к двери. Она снова закрылась.

«Ну вот, Иоганн. Если бы ты злоумышлял против меня, я бы просто повелел тебя убить. Но ты никогда не был заговорщиком, просто ты служил чересчур усердно, так что и мои враги, и мои друзья слишком полюбили тебя. И вот ты здесь, моя замороженная совесть, последняя совесть, какая у меня была. Рано или поздно ты стал бы амбициозным, так что мне оставалось лишь поступить с тобой так или убить тебя.

Теперь я уберу тебя в безопасное место, и, может быть, когда-то у тебя появится еще один шанс на жизнь. Странно думать, что когда-нибудь может получиться так, что ты будешь стоять в раздумьях над моим гробом, как сейчас я стою над твоим. Несомненно, ты будешь молиться о том, что считаешь моей душой... Я не могу сделать этого для тебя, но я желаю тебе сладких снов. Снов о твоем Рае, а не об аде».

Ногара вообразил мозг, промороженный до абсолютного нуля, чьи нейроны превратились в сверхпроводники, повторяя

один и тот же сон снова, и снова, и снова. Впрочем, все это чепуха.

— Я не могу рисковать своей властью, Иоганн. — На этот раз он прошептал слова вслух. — Либо так, либо убить тебя. — И снова обернулся к широкому иллюминатору.

— Полагаю, Тридцать Третий уже доставил тело Ногаре, — сказал второй пилот эстильского курьера Тридцать Четыре, бросив взгляд на судовой хронометр. — Должно быть, чудесно провозгласить себя императором или чем-нибудь вроде этого и заставлять людей мотаться туда-сюда по всей Галактике, выполняя каждую свою прихоть.

— Что может быть чудесней, чем заставить кого-то доставить тебе труп брата, — отозвался капитан Турман Хольт, изучая свою астронавигационную сферу. Тахионные двигатели корабля быстро наращивали времяподобный интервал, отделяющий его от системы Фламланда. С радостью удалялся он от Фламланда, где верх потихоньку брала политическая полиция Микаля.

— Любопытно, — хмыкнул Второй.

— Ты о чем?

Второй оглянулся сначала через одно плечо, потом через другое, по привычке, возникшей на Фламланде.

— А ты не слыхал такое? — спросил он. — Ногара бог, но половина его звездоплавателей — атеисты.

Хольт улыбнулся, но лишь уголками губ:

— Он не чокнутый тиран, знаешь ли. Эстил — не худшее государство в Галактике. Любезностью мятеж не подавишь.

— Карлсен справился отлично.

— Это верно, справился.

— О, разумеется, — поморщился Второй, — Ногара мог бы быть и хуже, если уж говорить серьезно. Он политик. Но мне просто претит эта команда, что собралась вокруг него в последние пару лет. У нас на борту сейчас образчик того, что они вытворяют. Если хочешь знать правду, теперь, когда Карлсен мертв, я малость напуган.

— Ладно, скоро мы их увидим. — Хольт вздохнул и потянулся. — Пойду брошу взгляд на заключенных. Мостик на твоей ответственности, Второй.

— Пост принял, сэр. Турм, сделай этому человеку одолжение, убей его.

Минуту спустя, глядя сквозь видеоглазок в тесный карцер

курьера, Хольт с искренним состраданием желал, чтобы пленник отправился на тот свет.

Захват объявленного вне закона вожака по имени Джанда был последним из успехов службы Карлсена на Фламланде, практически положивший конец восстанию. Джанда был высоким человеком, отважным повстанцем и жестоким бандитом. Он совершал набеги и сражался против Эстильской империи и Ногары, пока еще были надежды, а когда их не осталось, сдался Карлсену.

«Гордость повелевает мне покорять врагов, — написал Карлсен однажды в письме, которое считал личным. — Честь запрещает унижать или ненавидеть врага». Но политическая полиция Микаля действует, опираясь на иную философию.

Быть может, преступник и остался рослым, но Хольт ни разу не видел, чтобы он выпрямился во весь рост. Кандалы, по-прежнему сковывающие его по рукам и ногам, сделаны из пластика и якобы не должны ранить человеческую кожу, но теперь они стали совершенно излишними, и Хольт снял бы их, если бы мог.

Чужак, увидев Люсинду, сидевшую обок Джанды и кормившую его, мог бы счесть ее дочерью мятежника. Но она была его сестрой, всего лишь на пять лет моложе брата. И притом девушкой редкой красоты; пожалуй, у полиции Микаля были иные мотивы, когда ее отправили ко двору Ногары не изуродованной и не подвергая промывке мозгов. Ходили слухи, что среди придворных высок спрос на развлечения определенного рода, а объекты забав сменяются очень быстро.

До сих пор Хольт не позволял себе верить в подобные сплетни, главным образом избегая думать о них. Теперь он открыл карцер, ибо держал помещение запертым лишь для того, чтобы Джанда не блуждал по кораблю, как ребенок, во избежание несчастного случая, и вошел.

Когда Люсинда впервые поднялась на борт корабля, в ее взгляде светилась бессильная ненависть к каждому эстильцу. Хольт старался обращаться с ней ласково и оказывал всяческую помощь, и теперь на лице ее, поднятом ему навстречу, не было даже намека на неприязнь, а была надежда, которую она должна была разделить хоть с кем-то.

— По-моему, пару минут назад он произнес мое имя, — сообщила она.

— Да? — Хольт наклонился, чтобы взглянуть на Джанду поближе, но не увидел ни малейших перемен. В остекленевшем

взгляде преступника по-прежнему не было ни проблеска мысли, а из правого глаза то и дело сбегала слеза, не имеющая никакого отношения к эмоциям. Он так же безвольно распускал губы, а все его тело было неуклюже скорчено. — Быть может... — Хольт не договорил.

— Что? — В ее голосе прозвучал чуть ли не энтузиазм.

«Боги космоса, — подумал Хольт, — я не могу позволить себе влюбиться в эту девушку!» Капитан готов был пожалеть, что больше не видит ненависти в ее глазах.

— Быть может, — ласково проговорил он, — было бы лучше, если бы ваш брат не оправился. Вы же знаете, куда мы его везем.

Его слова в прах рассеяли надежды Люсинды, пусть даже призрачные. Она примолкла, глядя на брата так, будто увидела его впервые.

Тут запищал интерком на запястье Хольта.

— Капитан слушает, — откликнулся он.

— Сэр, обнаружен корабль, вызывающий нас. Это в пяти часах от нашего курса. Маленький и нормальный.

Последние три слова стали традиционной формулой, означающей, что замеченный корабль не может оказаться гигантским берсеркером. Уцелевшие фламландские преступники кораблями дальнего космоса не располагают, так что опасаться нечего.

Вернувшись на мостик, Хольт поглядел на маленькое пятнышко на экране радара. Форма его была незнакома капитану, но это не так уж удивительно при таком количестве верфей, обращающихся вокруг множества планет. Так с какой же стати тогда неведомому кораблю приближаться и вызывать его в дальнем космосе?

— Чума?

— Нет, никакой чумы, — сквозь треск помех ответил радиоголос, когда Хольт задал этот вопрос незнакомцу. Видеосигнал с другого корабля был неустойчив, не позволял толком разглядеть лицо говорившего. — Попал во время последнего скачка в пылевое облачко, и мои силовые поля дергаются. Вы не примете на борт пару пассажиров?

— Разумеется.

Для корабля, находящегося на грани тахионного скачка, столкновение с гравитационным полем солидного пылевого облака — случай редкий, но отнюдь не неслыханный. Вот почему связь так неустойчива. У Хольта по-прежнему не было оснований тревожиться.

Высланный чужаком катер пришвартовался к воздушному

шлюзу курьера. Изобразив на лице гостеприимную улыбку, предназначавшуюся впавшим в отчаяние пассажирам, Хольт открыл люк. В следующую секунду он и полдюжины человек его экипажа могли лишь беспомощно смотреть на хлынувший внутрь железный поток — абордажную партию берсеркера, холодную и безжалостную, как кошмар.

Машины захватили курьер настолько быстро и результативно, что тот не смог оказать реального сопротивления, но убивать людей пока не стали. Выдрав двигатели из одной шлюпки, они загнали в нее Хольта вместе с экипажем и пленниками.

— Но на экране то был не берсеркер, не берсеркер, — твердил второй пилот Хольту. Люди сидели бок о бок, стиснутые в небольшом пространстве шлюпки, как сельди в бочке. Машины предоставили им воздух, воду и пищу и начали выводить по одному для допроса.

— Я знаю, он не походил на берсеркера, — отозвался Хольт. — Вероятно, берсеркеры придают себе новые формы, строят себе новое оружие. После Каменной Россыпи это единственное логичное решение. Просто странно, что никто этого не предвидел.

Люк с лязгом распахнулся, и пара роботов, отдаленно напоминающих людей, вошли в шлюпку, с математической точностью прокладывая курс среди девяти сбитых в кучу людей, пока не добрались до нужного им.

— Нет, он не может говорить! — вскрикнула Люсинда. — Не берите его!

Но машины не могли или не хотели слушать. Вздернув Джанду на ноги, они повели его прочь. Девушка увязалась следом, цепляясь за них, пытаясь спорить. Хольту оставалось лишь беспомощно протискиваться за ней в тесном пространстве из страха, что какой-нибудь робот обернется и убьет ее. Но они лишь помешали ей выбраться из шлюпки, оттолкнув от люка металлическими руками — мягко, но непреодолимо, как само время. Они скрылись вместе с Джандой, и люк снова захлопнулся. Люсинда стояла, устремив на него пустой взор, и даже не шелохнулась, когда Хольт обнял ее за плечи.

Потянулось бесконечное ожидание, а затем люк снова распахнулся. Роботы вернулись, но Джанду не привели. Вместо этого они забрали Хольта.

Обшивка курьера сотрясалась; похоже, роботы перестраивали корабль. В тесной камере, изолированной от остальной части корабля новой обшивкой, компьютерный мозг берсеркера уста-

новил электронные глаза, уши и громкоговоритель для себя. Сюда-то и привели Хольта на допрос.

Берсеркер очень долго расспрашивал Хольта, и почти каждый вопрос касался Иоганна Карлсена. Не секрет, что берсеркеры считают Карлсена своим главным врагом, но этот был просто одержим Карлсеном и никак не желал поверить, что тот действительно умер.

— Я захватил ваши карты и астронавигационные настройки, — то и дело напоминал берсеркер Хольту. — Я знаю, что ваш курс лежит к «Нирване», куда, предположительно, доставлен нефункционирующий Карлсен. Опиши этот корабль, используемый живым Ногарой.

До тех пор пока вопросы касались только покойного, Хольт отвечал берсеркеру без утайки, не желая попасться на бесполезной лжи. Но флагманский корабль — дело другое, и теперь капитан заколебался. Однако ему почти нечего сказать о «Нирване», даже если бы он хотел. Ни у него, ни у его товарищей по несчастью не было возможности сговориться о том, как обмануть берсеркера; тот наверняка прослушивал все разговоры на шлюпке.

— Я ни разу не видел «Нирвану», — правдиво ответил капитан. — Логика подсказывает, что это крепкий корабль, поскольку на нем путешествует верховный правитель человечества.

Не будет ни малейшего вреда, если сказать машине то, о чем она и так наверняка догадалась.

Дверь внезапно распахнулась, и Хольт вздрогнул при виде странного человека, вошедшего в камеру допросов. Потом разглядел, что это не человек, а творение берсеркера. Кожа то ли пластиковая, то ли выращенная из культуры клеточной ткани.

— Привет, вы капитан Хольт? — спросил субъект. В нем не было больших изъянов, но закамуфлированный с величайшим искусством робот походит только на закамуфлированного робота. Не дождавшись ответа Хольта, субъект осведомился: — В чем дело?

Уже самой речи было бы достаточно, чтобы выдать себя внимательно прислушивающемуся разумному человеку.

— Ты не человек, — ответил Хольт.

Субъект сел и как-то обмяк.

— Как видишь, — пояснил берсеркер, — я не в состоянии сделать имитацию живой единицы, приемлемую для настоящих живых единиц при встрече лицом к лицу. Поэтому мне требуется, чтобы ты, настоящая живая единица, помог мне убедиться в смерти Карлсена.

Хольт промолчал.

— Я специальное устройство, — проговорил берсеркер, — построенное берсеркерами с единственной первостепенной целью — добиться полной уверенности в смерти Карлсена. Если ты поможешь мне доказать, что он мертв, я охотно освобожу тебя и остальные живые единицы, ныне находящиеся у меня. Если ты откажешься помогать, все вы будете получать самые неприятные стимулы, пока ты не передумаешь.

Хольт ни на миг не поверил, что берсеркер может охотно отпустить их на свободу. Но терять нечего, быть может, удастся выторговать для себя и остальных хотя бы смерть без самых неприятных стимулов. Берсеркеры предпочитают быть результативными убийцами, а не садистами.

— Какой помощи ты от меня ждешь? — поинтересовался Хольт.

— Когда я закончу встраивать себя в курьер, мы отправимся на «Нирвану», куда ты доставишь своих пленников. Я читал приказы. После допроса человеческими лидерами на «Нирване» пленники должны быть доставлены на Эстил для тюремного заключения. Не так ли?

— Так.

Дверь распахнулась снова, и в нее, приволакивая ноги, вошел униженно согбенный Джанда.

— Не можешь ли ты избавить этого человека от дальнейших расспросов? — спросил Хольт у берсеркера. — Он тебе не может помочь ничем.

Ответом было одно лишь молчание. Хольт с беспокойством ждал. Наконец, поглядев на Джанду, осознал, что тот как-то изменился. Слезы перестали течь из его правого глаза. Увидев это, Хольт ощутил всколыхнувшийся в душе ужас, объяснения которому не находил, словно его подсознание уже знало то, что берсеркер еще только собирался сказать.

— Вместо костей в этой живой единице теперь металл. Где текла кровь, сейчас залиты консерванты. Внутрь черепа я поместил компьютер, а в глаза — камеры, чтобы собрать сведения, необходимые мне о Карлсене. Имитировать поведение человека, прошедшего промывку мозгов, в пределах моих способностей.

— Я не питаю к тебе ненависти, — сказала Люсинда берсеркеру, когда он призвал ее для допроса. — Ты несчастный случай, как планетотрясение, как облачко пыли, в которое врезается ко-

рабль на субсветовой скорости. А ненавижу я Ногару и его прихлебателей. Не будь его брат мертв, я убила бы его собственными руками и с радостью принесла тебе его труп.

— Капитан курьера? Это губернатор Микаль от имени верховного владыки Ногары. Приведите обоих заключенных на «Нирвану» сию же секунду.

— Сию секунду, сэр, — подтвердил Хольт.

Выйдя из гиперпространства в пределах оптической видимости «Нирваны», машина-убийца забрала Хольта и Люсинду из шлюпки. Затем отправила шлюпку вместе с командой Хольта дрейфовать между обоими кораблями, как будто экипаж воспользовался ею для проверки силовых полей курьера. Люди на шлюпке послужат берсеркеру заложниками, а заодно щитом, если того разоблачат. А еще, оставляя их там, берсеркер, несомненно, хотел, чтобы перспектива будущего освобождения команды выглядела более достоверной.

Хольт не знал, как сказать Люсинде об участи ее брата, но в конце концов как-то сумел. Она минутку поплакала, а потом стала необычайно спокойной.

Теперь берсеркер поместил Хольта и Люсинду на катер для путешествия на «Нирвану». Машина, в которую обратился брат Люсинды, уже находилась на борту катера, выглядя понурой и сломленной, как тот действительно выглядел в последние дни своей жизни.

Увидев эту фигуру, Люсинда замерла. Потом ясным голосом проговорила:

— Машина, я хочу поблагодарить тебя. Ты подарила моему брату милость, которую отказывались ему даровать люди. Но думаю, я сама бы отыскала способ убить его, чтобы помешать его врагам продолжить пытки.

Воздушный шлюз «Нирваны» был хорошо бронирован и оборудован автоматическими системами защиты, способными отбить штурм абордажной партии роботов, а лучевое ракетное оружие «Нирваны» без труда отбило бы любую атаку крупнокалиберного оружия курьера или даже дюжины курьеров. Берсеркер предвидел все это. За шлюзом Хольта ожидал офицер, чтобы поприветствовать.

— Сюда, капитан. Мы все ждем.

— Все?

Офицер — сытый и благообразный, как человек, выполняющий безопасные и легкие обязанности, — буквально пожирал Люсинду глазами.

— В Большом зале праздник в самом разгаре, прибытия ваших заключенных ждут с большим нетерпением.

В Большом зале рокотала музыка и извивались танцовщицы в одеяниях, более непристойных, чем любая нагота. Роботы-стюарды убирали остатки пира с длинного стола, вытянувшегося почти на всю длину зала. В троноподобном кресле у центра стола сидел верховный владыка Ногара в наброшенном на плечи роскошном плаще. Перед ним стоял хрустальный кубок с белым вином. По бокам от него вдоль длинного стола сидело сорок-пятьдесят бражников — мужчин, женщин и несколько особ, чей пол Хольт с ходу распознать не сумел. Все пили и смеялись, а некоторые были облачены в маски и костюмы, приготовившись к продолжению празднества.

Как только Хольт переступил порог, все головы повернулись в его сторону, а за секундным молчанием последовали громогласные овации. И ни в одной паре глаз, ни на одном лице, обращенных к заключенным, Хольт не разглядел даже намека на жалость.

— Добро пожаловать, капитан, — изрек Ногара любезным тоном, когда Хольт вспомнил, что надо поклониться. — Есть ли новости с Фламланда?

— Ничего существенного, сэр.

Мужчина с одутловатым лицом, сидевший по правую руку от Ногары, склонился вперед, навалившись грудью на стол.

— Народ наверняка горько скорбит об ушедшем губернаторе?

— Конечно, сэр, — в говорившем Хольт сразу узнал Микаля. — И с большим нетерпением ждет нового.

Микаль с циничной улыбкой откинулся на спинку кресла.

— Я уверен, что мятежное население ждет не дождется моего прибытия. Девица, ты пылаешь нетерпением перед встречей со мной? Обойди, красотка, стол, иди ко мне. — Люсинда неохотно повиновалась, и Микаль дал знак роботам-стюардам. — Роботы, поставьте кресло для пришедшего — вон там, в центре площадки. Капитан, вы можете вернуться на свой корабль.

Филипе Ногара не отрывал глаз от скованного кандалами старого врага — Джанды. Бог весть, какие мысли в это время проносились в его голове. Но он вроде бы с удовольствием предоставил Микалю отдавать какие заблагорассудится приказы.

— Сэр, — сказал Хольт Микалю. — Я бы хотел увидеть... останки Иоганна Карлсена.

Эта реплика привлекла внимание Ногары, и он кивнул. Робот-стюард отдернул драпировки из собольего меха, открыв альков в дальнем конце зала. В алькове, перед огромным иллюминатором, покоился саркофаг.

Хольт не слишком удивился; на многих планетах принято пировать в присутствии мертвых. Поклонившись Ногаре, он повернулся, отдал честь и зашагал к алькову. За спиной у него послышалось шарканье скованного Джанды, и Хольт затаил дыхание. Вдоль стола пробежал ропот, настолько внезапно стихший, что даже музыка смолкла. Видимо, Ногара жестом позволил Джанде идти, желая посмотреть, что сделает человек с промытыми мозгами. Приблизившись к гробу, Хольт остановился перед ним. Он едва видел замершее лицо лежащего там человека или размытое пятно гипермассы по ту сторону иллюминатора. Едва слышал шепоты и хихиканье пирующих. Единственное, что он ясно видел мысленным взором, — это лица экипажа, беспомощно дожидавшегося исхода в цепкой хватке берсеркера.

Машина, облаченная в плоть Джанды, шаркая, плелась за ним, и ее стеклянные глаза таращились на человека, обратившегося в ледяное изваяние. Фотография узоров радужной оболочки была передана на берсеркер для сравнения со старыми захваченными записями и определения, действительно ли этот человек — Карлсен.

Слабый вопль боли заставил Хольта оглянуться на длинный стол, где Люсинда вырывалась из цепких рук Микаля. Микаль и его друзья смеялись.

— Нет, капитан, я не Карлсен, — заявил Хольту Микаль, увидев выражение его лица. — Неужели вы думаете, что я сожалею об этой разнице? Перспективы Иоганна отнюдь не радужны. Он, в общем-то, замкнулся в ореховой скорлупке, но больше не считает себя царем бесконечного пространства![1]

— Шекспир! — воскликнул какой-то льстец, изображая восторг от литературной эрудиции Микаля.

— Сэр, — Хольт сделал шаг вперед. — Позвольте мне... можно мне теперь доставить заключенных обратно на корабль?

Микаль неверно истолковал нетерпение Хольта.

— Ох-хо! Вижу, вы цените чудеснейшие дары жизни, капитан. Но, как вам известно, положение имеет свои привилегии. Девушка остается здесь.

[1] «Гамлет», акт II.

Хольт заранее предполагал, что они задержат Люсинду; уж лучше ей остаться здесь, чем вернуться к берсеркеру.

— Сэр, тогда, если... тогда позвольте мне увести только мужчину. В тюремном госпитале на Эстиле мы можем восстановить...

— Капитан... — Голос Ногары звучал негромко, но заставил стихнуть присутствующих. — Здесь *не спорят*.

— Так точно, сэр.

Микаль покачал головой.

— Я пока не склоняюсь к милосердию по отношению к моим врагам, капитан. Склонюсь ли я в ближайшем будущем в этом направлении... ну, это как поглядеть. — Он снова лениво простер руку, чтобы облапить Люсинду. — Вы знаете, капитан, что ненависть придает любви настоящую пикантность?

Хольт беспомощно посмотрел на Ногару. Холодный взгляд правителя сказал: «Еще одно слово, курьер, и ты окажешься в карцере. Я дважды не предупреждаю».

Если бы Хольт сейчас выкрикнул предупреждение о берсеркере, машина в обличье Джанды перебила бы всех в зале, и никто не успел бы ей помешать. Хольт понимал, что берсеркер слушает его, следит за его движениями.

— Я... я возвращаюсь на корабль, — пролепетал он. Ногара уже смотрел куда-то в сторону, и больше никто не обращал на него особого внимания. — Я... вернусь сюда... пожалуй, через пару часов. Несомненно, до того как отправлюсь на Эстил.

Тут Хольт увидел, что группа бражников окружила Джанду, и осекся. Они сняли кандалы с мертвых конечностей преступника, надели ему на голову рогатый шлем, вручили щит и копье, накинули на плечи меховой плащ — нарядив под древнего норвежского воина Земли, первого носителя ужасного названия «берсеркер».

— Заметьте, капитан, — издевательски проворковал Микаль, — на нашем костюмированном балу мы не боимся участи принца Просперо. Мы добровольно приводим подобие ужаса извне!

— По! — радостно крикнул лизоблюд.

Хольт не имел ни малейшего понятия ни о Просперо, ни о По, и Микаль испытал разочарование.

— Оставьте нас, капитан, — произнес Ногара тоном прямого приказа.

— Ступайте, капитан Хольт, — подхватила Люсинда твердым, ясным голосом. — Все мы знаем, что вы хотите помочь тем, кто подвергается здесь опасности. Владыка Ногара, будут ли капитана Хольта винить хоть в малейшей степени за то, что случится здесь, когда он уйдет?

В ясных глазах Ногары мелькнула тень недоумения, но он лишь слегка покачал головой, гарантируя испрошенное отпущение грехов.

Хольту оставалось только вернуться на берсеркер, чтобы спорить с ним, вымаливая свой экипаж. Если тот проявит терпение, необходимые ему доказательства будут даны. Если только пирующие будут милостивы к механической твари, которую принимают за Джанду.

Хольт вышел. В его отягощенном тревогами и заботами сознании ни на миг не мелькнула даже тень подозрения, что Карлсен всего лишь заморожен.

Рука Микаля обнимала бедра Люсинды, стоявшей рядом с его креслом, а его голос мурлыкал у нее над ухом:

— Ой, ой, как ты дрожишь, красотка... Просто трогательно, что такая красотка, как ты, дрожит от моего прикосновения. Да, это меня глубоко трогает. Ну, мы больше не враги, правда? Если бы мы были врагами, мне пришлось бы очень жестоко поступить с твоим братом.

Люсинда дала Хольту время убраться подальше от «Нирваны». Теперь же замахнулась, вложив в удар всю силу. От оплеухи голова Микаля развернулась на пол-оборота, а его прилизанные седые волосы растрепались.

Внезапно в Большом зале наступила настороженная тишина, затем загрохотал смех, от которого все лицо Микаля залилось багровым румянцем, так что отпечаток ладони на его щеке стал совсем невидим. Находившийся позади Люсинды человек схватил ее за руки и крепко сжал. Она обмякла, выжидая, пока его хватка чуть-чуть не ослабнет, а затем схватила столовый нож. Раздался очередной взрыв смеха, когда Микаль увернулся, а человек позади Люсинды снова схватил ее. Ему на помощь пришел еще один; вдвоем они со смехом отобрали нож и заставили ее усесться в кресло рядом с Микалем.

Когда губернатор наконец заговорил, голос его слегка дрожал, но звучал негромко и почти спокойно.

— Подведите этого человека поближе, — распорядился он. — Усадите его за стол, прямо напротив нас.

Как только приказ был выполнен, Микаль обратился к Люсинде небрежным тоном:

— Разумеется, я *намеревался* предоставить твоему брату лечение и позволить ему исцелиться.

— Лживый кусок дерьма, — с улыбкой прошептала она. Микаль лишь улыбнулся в ответ.

— Давай испытаем искусство моих мозговых техников, — предложил он. — Бьюсь об заклад, никакие узы не понадобятся, дабы удержать твоего брата в кресле, как только я сделаю вот это. — Он проделал забавный жест над столом в сторону остекленевших глаз, глядевших с лица Джанды. — Вот. Но он по-прежнему будет ощущать каждым своим нервом все, что с ним произойдет. Можешь быть уверена.

Она все просчитала и предполагала нечто эдакое, но сейчас ей показалось, что дышать воздухом порока уже свыше ее сил. Люсинда боялась потерять сознание и в то же самое время страстно желала этого.

— Нашему гостю надоел его костюм. — Микаль окинул взглядом стол из конца в конец. — Кто первым возьмется развлечь его?

Раздались жидкие аплодисменты, когда из ближайшего кресла поднялось женоподобное существо.

— Джеми славится своей изобретательностью, — любезным тоном сообщил Микаль Люсинде. — Я настаиваю, чтобы ты теперь смотрела очень внимательно. Выше голову!

Фелипе Ногара, сидевший по другую сторону от Микаля, начал мало-помалу выходить из состояния отстраненности и против воли стал наблюдать за происходящим. Предвкушение начало брать в нем верх над отвращением.

Хихикающий Джеми подошел, поигрывая миниатюрным ножичком, украшенным драгоценными камнями.

— Только глаза не трогай, — предупредил Микаль. — Я хочу, чтобы он после кое-чем полюбовался.

— О, всенепременно! — захихикал Джеми, осторожно отставил в сторону рогатый шлем и брезгливо вытер пальцы. — Мы просто начнем со щеки, всего лишь крохотный кусочек кожи...

Джеми сделал крохотный надрез — и все-таки оказавшийся чрезмерно большим для мертвой плоти. От первого же рывка вся безжизненная, кровавая маска влажной тряпкой свалилась с лица Джанды, явив взорам оскал стального черепа машины.

Люсинда едва успела заметить, как стальная десница метнула труп Джеми через весь зал, когда державшие ее мужчины бросились удирать во весь дух, и она смогла спрятаться под стол. В зале воцарился вопящий бедлам, и через мгновение весь громадный стол с грохотом опрокинулся от могучего удара берсеркера. Разоблаченная машина пренебрегла своей главной задачей — собрать доказательства смерти Карлсена, вернувшись к изначальной роли хладнокровного убийцы. И убивала быстро и эффективно. Она металась по залу, припадая к земле и совершая невероятные скачки, прокладывая себе путь похожими на косы конечностями, вызывая панику и оставляя позади кровавый урожай в виде груд недвижной плоти.

В главных дверях возникла давка, закупорившая их напрочь, и убийца принялся методично обрабатывать застрявших людей, калеча и убивая одного за другим. Затем обернулся, чтобы снова двинуться в зал. Подошел к Люсинде, скорчившейся на том же месте, где она пряталась, когда стол был отброшен. Здесь берсеркер помешкал, узнав в ней частичную соисполнительницу своей первоначальной задачи.

И через долю секунды метнулся к другой жертве — Ногаре. Стоящий правитель покачивался от слабости, сломанная правая рука болталась плетью. Откуда-то добыв крупнокалиберный пистолет, он с левой руки стрелял в машину, устремившуюся к нему с другого конца опрокинутого стола. Разрывные пули косили друзей Ногары и крушили мебель, но движущуюся мишень задевали лишь вскользь.

Наконец одна пуля угодила в цель, разбив машину, но та по инерции врезалась в Ногару, опрокинув его на пол.

В Большом зале, будто пережившем прямое попадание бомбы, воцарилась неуверенная тишина. Люсинда поднялась. Колени у нее дрожали. Тишина уступила место рыданиям и стонам, повсюду зашевелились раненые, но не встал больше никто.

Будто в полузабытьи девушка приблизилась к разбитому роботу-убийце. Глядя на обрывки одежды и кожи, все еще льнущие к стальному остову, она ощутила в душе только зияющую пустоту, зато лицо брата снова встало в памяти таким, как раньше, — сильным и улыбающимся.

Теперь же есть кто-то поважнее мертвых, вот только вспомнить бы, кто — ах да, ну конечно, заложники берсеркера, добрые звездоплаватели. Можно попытаться выменять их на тело Карлсена.

Роботы-стюарды, программы которых не предусматривали

более серьезных экстренных ситуаций, чем пролитое вино, метались туда-сюда, впав в машинный эквивалент человеческой паники. Их суета затрудняла продвижение Люсинды, но она успела прокатить тяжелый гроб до середины зала, когда была остановлена слабым окликом. Ногара кое-как приподнялся в сидячее положение, привалившись к опрокинутому столу.

— ...жив, — прохрипел он.

— Что?

— Иоганн жив. Здоров. Видите? Это гибернатор.

— Но мы же сказали берсеркеру, что он мертв. — Потрясения, следующие одно за другим, повергли Люсинду в какое-то отупение. Она впервые поглядела на лицо Карлсена и долго-долго не могла отвести взгляд. — У него заложники. Он хочет получить труп Карлсена.

— Нет, — тряхнул головой Ногара. — Теперь понимаю. И все равно нет. Живым я его берсеркерам не отдам. — В этом физически сломленном человеке по-прежнему ощущалась неукротимая, варварская сила характера. Пистолет куда-то подевался, так что именно эта сила удержала Люсинду на месте. Пламя ненависти в ее душе уже угасло.

— Но там же семь человек, — заспорила она.

— Мы с берсеркером одного поля ягоды, — осклабил Ногара стиснутые от боли зубы. — Пленников он не отпустит. Вот. Ключ... — Он извлек что-то из разодранной туники.

Люсинда снова устремила долгий взгляд на безмятежное лицо человека в гробу. Потом, повинуясь порыву, подбежала к Ногаре. Отдав ключ, владыка с облегчением вздохнул и обмяк — то ли потеряв сознание, то ли балансируя на грани беспамятства.

На замке саркофага было отмечено несколько позиций, и Люсинда повернула ключ на «ЭКСТРЕННОЕ ОЖИВЛЕНИЕ». Вокруг лежащего внутри человека тотчас вспыхнули огни, послышался гул приборов.

К этому времени автоматические системы корабля отреагировали на нештатную ситуацию. Роботы-стюарды переквалифицировались в санитаров, вооружившись носилками. Ногару унесли в числе первых. Вероятно, на корабле где-то действовал кибермедик. Из-за тронного кресла Ногары послышался громкий голос:

— Говорит система управления обороной корабля, требуются человеческие приказы! Какого рода экстренная ситуация?

— Не связываться с курьером! — крикнула в ответ Люсин-

да. — Приготовиться к отражению его атаки. Но не попади в шлюпку!

Стеклянный верх саркофага затуманился.

Люсинда подбежала к иллюминатору, по пути споткнувшись о труп Микаля и переступив его без малейших колебаний. Прижавшись лицом к стеклу и поглядев в сторону, различила берсеркер-курьер, багрово рдеющий в зыбком свете гипермассы, за розовой точкой шлюпки, все еще висящей перед ним.

Долго ли он будет дожидаться, прежде чем убьет заложников и скроется?

Обернувшись от иллюминатора, Люсинда увидела, что крышка саркофага открылась и лежавший внутри человек сел. Всего лишь миг, навечно запечатлевшийся в памяти девушки, он глядел ей в глаза по-детски беспомощно, затем в его взгляде засветилась сила, совершенно не схожая с силой его брата, а, наверное, даже более неукротимая.

Затем Карлсен отвел глаза, окинув единым взглядом разгромленный Большой зал и саркофаг.

— Фелипе, — шепнул тихонько, словно увиденное причинило ему боль, хотя сводного брата давно унесли.

Бросившись к нему, Люсинда начала торопливо излагать случившееся, начиная с того дня, когда в тюремной камере на Фламланде услыхала, что Карлсен заразился чумой.

Один раз он перебил ее:

— Помогите мне отсюда выбраться и добыть бронескафандр. — Рука его была сильной и жесткой, но, встав рядом с Люсиндой, он оказался удивительно малорослым. — Продолжайте, что там дальше?

Она поспешно продолжала рассказ, пока роботы-стюарды экипировали Карлсена.

— Но зачем вас заморозили? — закончила она, внезапно изумившись его здоровью и силе. Карлсен пропустил вопрос мимо ушей.

— Пойдемте в боевую рубку. Надо спасти этих людей.

Уверенно отыскав дорогу к нервному центру корабля, он бросился в кресло офицера обороны — должно быть, погибшего. Пульт управления осветился, и Карлсен тотчас же приказал:

— Свяжи меня с курьером.

Через пару секунд с курьера долетел бесстрастный общепринятый отзыв. Лицо, появившееся на экране коммуникатора, было скверно освещено, и, не ведая о подвохе, невозможно было даже заподозрить, что это не человек.

— Говорит главнокомандующий Карлсен с «Нирваны». — Он называл себя не губернатором и не владыкой, а тем званием, которое носил в знаменательный день у Каменной Россыпи. — Я сейчас выйду. Хочу потолковать там с вами на курьере.

Погруженное в тень лицо чуточку сдвинулось на экране.

— Есть, сэр.

Карлсен тотчас же разорвал связь.

— Это вселит в него надежду. Теперь мне нужен катер. Роботы, погрузите мой саркофаг на борт самого быстроходного катера. Я пребывал под действием лекарств экстренного оживления, и мне может понадобиться небольшая повторная гибернация.

— Вы вправду хотите туда отправиться?

Уже вставший из кресла Карлсен помедлил.

— Я знаю берсеркеров. Если его основной задачей является погоня за мной, он не станет тратить ни выстрела, ни секунды времени ради нескольких заложников, пока у него под носом я.

— Вы не имеете права! — вырвалось у Люсинды. — Вы слишком много значите для всего человечества...

— Я вовсе не иду на самоубийство, у меня в запасе еще есть уловка-другая. — Внезапно интонации его изменились. — Вы говорите, Фелипе жив?

— Скорее всего.

Прикрыв ненадолго глаза, Карлсен беззвучно зашевелил губами. Потом, глянув на Люсинду, схватил бумагу и ручку с консоли офицера обороны.

— Отдайте это Фелипе, — он принялся что-то строчить. — Если я попрошу, он отпустит вас с капитаном. Вы для его власти угрозы не являете. А вот я...

Дописав, Карлсен вручил бумаги Люсинде.

— Мне пора. Да будет с вами Бог.

С поста офицера обороны Люсинда наблюдала, как хрустальный шарик катера покинул «Нирвану» и пошел по длинной кривой, которая вывела катер к курьеру на некотором расстоянии от шлюпки.

— Эй, на курьере! — послышался голос Карлсена через динамики. — Вы ведь можете определить, что на катере действительно я, не так ли? Вы можете запеленговать мою передачу? Можете сфотографировать мои радужные оболочки с экрана?

И тут же катер метнулся в сторону под прямым углом, запетляв на предельном ускорении в тот самый миг, когда оружие

берсеркера сокрушило пространство в том месте, где он был долю секунды назад. Карлсен оказался прав. Берсеркер не стал мешкать или тратить хотя бы один выстрел на шлюпку, а тотчас же устремился в погоню за катером Карлсена.

— Залп по курьеру! — крикнула Люсинда. — Уничтожить его!

С «Нирваны» сорвалась туча ракет, но залп, выпущенный по удаляющейся цели, прошел мимо. Быть может, оттого, что курьер уже вошел в искривленное пространство на подступах к гипермассе.

Ни один выстрел суденышко Карлсена даже не задел. Вот оно стало бусинкой, то и дело скрывающейся за вспышками орудий берсеркера, вот — бисеринкой, скользнувшей в чудовищный водоворот гипермассы.

— В погоню! — крикнула Люсинда. Звезды впереди подернулись синевой, но корабельный автопилот почти тотчас же отменил приказ, рявкнув математическое доказательство, что дальнейшее движение в этом направлении станет фатальным для всех на борту.

Катер ринулся к гипермассе, оказавшись в тисках гравитации, перед которой любые двигатели бессильны. А берсеркер-курьер стремглав несся следом, не заботясь ни о чем, одержимый лишь одной идеей: погубить Карлсена наверняка.

Обе светлые точки, несущиеся над грандиозным облаком падающей пыли, будто на фоне закатных небес планеты, заалели, затем побагровели — а затем красное смещение гипермассы черным саваном укрыло их от взора, и они покинули Вселенную навсегда.

Роботы доставили шлюпку на борт «Нирваны» в целости и сохранности, и вскоре Хольт отыскал Люсинду, одиноко стоявшую в Большом зале и устремившую взгляд за иллюминатор.

— Он пожертвовал собой ради вашего спасения, — проговорила она. — А ведь даже не видел вас.

— Знаю. — Помолчав, Хольт вымолвил: — Я только что говорил с владыкой Ногарой. Уж и не знаю, почему, но вас освободят, а против меня не станут возбуждать дело за приведенного на корабль берсеркера. Хотя Ногара нас обоих явно ненавидит...

Не слушая, Люсинда все смотрела в иллюминатор.

— Расскажите мне о нем как-нибудь, — Хольт полуобнял Люсинду одной рукой, но она лишь передернула плечами, сбросив помеху. И помехой этой была рука Хольта.

— Понимаю, — через некоторое время проронил он. И пошел обратно к своему экипажу.

Итак, борьба за власть среди людей идет все время, если только Вселенная позволяет. И как минимум на одной из планет схватка за первенство давным-давно переросла в гражданскую войну. Война, чума и изоляция уничтожили на этой планете цивилизацию и историю.

Простершись из недосягаемой дали, мой интеллект скитался по умам впавших в варварство людей, незаметный и не способный прийти на помощь. И когда к ним подкрался древний, кровожадный волк космических просторов, жители планеты были так же беззащитны перед ним, как их овечьи стада.

ЗНАК ВОЛКА

Темный силуэт, размером не уступающий человеку, проскользнул между двумя самыми маленькими из трех сторожевых костров, двигаясь беззвучно, будто порождение сна. Чисто по привычке Дункан следил за наветренным направлением, хотя его голова отяжелела от усталости и мыслей о жизни, приходящей с шестнадцатым летом.

Вскинув копье, Дункан завыл и ринулся на волка. Мгновение огненные глаза, расставленные будто бы на целую ладонь, смотрели прямо на него. Затем волк отвернулся, издал один низкий вопросительный звук и скрылся во тьме за пределами сторожевых костров.

Остановившись, Дункан издал порывистый вздох облегчения. Наверное, волк убил бы его, если бы встретил нападающего грудью, но зверь пока не осмеливается встретиться с человеком в окружении костров.

Глаза овец были прикованы к Дункану — сотня мерцающих бликов в сгрудившейся массе отары. Одно-два животных тихонько заблеяли.

Забыв о сне и самокопаниях, Дункан принялся расхаживать вокруг отары. Легенды говорят, что люди древней Землянии имели зверей под названием «собаки», которые охраняли овец. Если это правда, то можно счесть людей дураками за то, что они вообще задумали покинуть Землянию. Но подобные мысли чересчур святотатственны, а в положении Дункана следовало бы молиться. Волк теперь приходил каждую ночь и слишком уж часто убивал по овце.

— Пошлите мне знак, небесные боги, — подняв глаза к ночным небесам, принялся он твердить заученные слова молитвы.

Но небеса хранили молчание. Только величавые светлячки рассветной зоны следовали по своим беспорядочным тропам, исчезая из виду на полпути вверх по восточному небосклону. Сами звезды согласны с тем, что три четверти ночи уже позади. Легенды утверждают, что Земляния находилась среди звезд, но молодые жрецы признают, что подобные заявления следует понимать только символически.

Тяжелые мысли вернулись, несмотря на близость волка. Уже два года Дункан молился и надеялся на мистические откровения, на знак от богов, приходящих указать жизненный путь каждому юноше. Со слов других юношей, произносимых только шепотом и лишь время от времени, он знал, что многие симулируют подобные знаки. Для ничтожных пастухов и даже охотников в этом нет ничего страшного, но как может человек, не узревший настоящего видения, подняться выше пастыря животных? Быть жрецом, изучать вещи, принесенные со старой Землянии и сбереженные, — о, как Дункан жаждал знаний, величия, вещей, которым не мог подобрать название. Снова поглядев вверх, он охнул, ибо узрел в небе громадный знак, почти прямо над головой. Ослепительно яркая точка, а затем яркое облачко, оставшееся от нее среди звезд. Схватившись за копье, Дункан всматривался в небо, на время забыв даже об овцах. Мало-помалу облачко рассеялось и угасло.

А незадолго до того корабль-берсеркер, привлеченный светом звезды солнечного типа, выскользнул из межзвездных пространств и устремился к планете Дункана. Эта звезда и эта планета сулили жизнь, но корабль знал, что некоторые планеты хорошо обороняются, и потому искривил и замедлил свое молниеносное приближение, превратив его в длинную осторожную кривую.

В близлежащем космосе не было никаких боевых кораблей, но телескопы берсеркера обнаружили яркие точки оборонительных спутников, скрывающихся в тени планеты и появляющихся вновь. Чтобы собрать побольше данных, компьютеры берсеркера запустили шпионский зонд.

Совершив один виток вокруг планеты, зонд устремился к ней, испытывая надежность системы обороны. Порядком приблизившись к ночной стороне планеты, он внезапно обратился в яркое облачко.

И все же оборонительные спутники для берсеркера не представляли реальной преграды. Он сможет прихлопнуть их без малейшего труда, если только подберется поближе, хотя дальнобойные ракеты, выпущенные в планету, они все-таки не пропустят. Другое дело, что на планете могут таиться иные объекты, надежно погребенные, готовые контратаковать противника.

Очень странно, что на этой обороняемой планете нет искр света на ночной стороне, указывающих города, и что она не испускает в пространство никаких радиосигналов.

Берсеркер с механической осторожностью двинулся вперед к региону, разведанному шпионским зондом.

Поутру Дункан пересчитал отару, нахмурился и пересчитал снова. Затем принялся искать, пока не нашел задранного ягненка. Значит, волк все-таки добыл себе ужин. Итого, четыре овцы за десять дней.

Дункан повторял себе, что погибшие овцы больше не важны, раз знак, явленный свыше вчера ночью, гарантирует ему жизнь, полную великих свершений и благородных целей. Но для него овцы все равно оставались важны, и не только потому, что их хозяева рассердятся.

Угрюмо разглядывая бедного ягненка, Дункан вдруг заметил жреца в коричневой рясе, верхом на ослике, в одиночестве подымающегося по длинному, поросшему травой пологому склону пастбища со стороны Храмовой деревни с намерением помолиться в одной из пещер у подножия горы при входе в долину.

Увидев призывные взмахи рук Дункана — тот не мог покинуть отару, чтобы подойти к жрецу, — человек на ослике изменил направление. Дункан прошел немного вперед ему навстречу.

— Да благословит тебя Земляния, — лаконично сказал жрец, подъехав поближе. Этот коренастый человек с явным удовольствием спешился и потянулся, выгнув спину и закряхтев.

Заметив нерешительность Дункана, он улыбнулся:

— Тебе очень одиноко здесь, сын мой?

— Да, о Святой. Но вчера ночью я узрел знак. Я ждал его два года, и наконец он был дан мне вчера ночью.

— В самом деле? Добрая весть. — Взгляд жреца скользнул к горе, затем к солнцу, будто для того, чтобы определить, сколько времени можно затратить на беседу, но Дункану он сказал без малейших признаков нетерпения: — Поведай мне о нем, если желаешь.

Однако, узнав о том, что знаком Дункана была вспышка в небе, жрец нахмурился. Казалось, он едва удержался от улыбки.

— Сын мой, сей свет видели многие. Сегодня старейшины дюжины деревень большинства племен пришли в Храмовую деревню. Каждый видел в небесной вспышке что-то свое, и ныне я собираюсь помолиться в пещере именно из-за этого.

Жрец сел на ослика, но неожиданно снова обернулся к Дункану:

— И все же меня не было среди избранных, чтобы узреть знак небесных богов, а ты был. Может быть, это знак для тебя, как и для других, так что не огорчайся, что он предназначался не только для тебя. Исполняй свой долг богобоязненно, и знак будет дарован тебе. — Он повернул своего осла прочь.

Чувствуя себя совсем ничтожным, Дункан медленно зашагал обратно к отаре. Да как он мог подумать, что свет, виденный половиной мира, предназначался для единственного пастуха? Теперь его знак исчез, а волк остался.

После полудня показалась еще одна фигура — шагавшая со стороны деревни Колин. Дункан подтянул пояс своей шерстяной туники и пятерней вычесал травинки из шевелюры. Пощупал подбородок, жалея, что борода растет пока так жидко.

Он уже не сомневался, что в гости идет Колин, когда она была еще в полумиле от него. Но заставил себя двигаться спокойно и сделал вид, что только что заметил ее, когда Колин показалась на вершине холма на расстоянии окрика. Ее каштановые волосы и одеяния развевались на ветру.

— Привет, Колин!

— Привет, пастырь Дункан. Отец послал меня спросить о своей овце.

Он с беспокойством окинул взглядом отару, узнавая овец одну за другой. Слава богам земным и небесным!

— Овца твоего отца цела и здорова.

Она подошла поближе.

— А другие овцы не все целы?

Ах, как она прекрасна! Но за простого пастуха ее ни за что не отдадут.

— Вчера ночью волк снова зарезал одну. — Дункан замахал руками. — Я слежу, жгу костры. У меня копье и палица, я бросаюсь на него, когда он подходит, и отгоняю прочь. Но рано или поздно он заходит с другой стороны, или какая-нибудь овца отбивается от стада.

— Надо, чтобы пришел кто-нибудь из деревни. Помог бы даже отрок. Если волк крупный и умный, помощь нужна любому пастуху.

Он кивнул, польщенный ее намеком, что он уже мужчина, а не отрок. Но беды его чересчур велики, и Дункан остался безутешен.

— Ты видела вспышку в небе вчера ночью? — спросил он, с горечью припомнив собственную радость при мысли, что это знак только для него.

— Нет, но вся деревня только о ней и говорит. Я скажу им о волке, но вряд ли кто-нибудь придет тебе на помощь в ближайшие день-два. Все танцуют и говорят, не думая ни о чем, кроме небесной вспышки. — Она устремила озадаченный взгляд на что-то позади Дункана. — Смотри!

Жрец промчался в полумиле от них по пути в долину из пещер, изо всех сил погоняя своего осла галопом к Храмовой деревне.

— Может, он встретил твоего волка, — предположила Колин.

— Он не оглядывается. Может, получил в пещерах важный знак земных богов.

Они еще немного поболтали, сидя на траве, пока Дункан ел принесенные пироги.

— Я должна идти! — подскочила Колин. Солнце уже опускалось, а ни он, ни она этого не заметили.

— Да, поторопись! Ночью волк может шастать по всей равнине.

Провожая взглядом заспешившую прочь Колин, Дункан ощутил дух волка в собственной крови. Наверное, она поняла это, потому что как-то странно оглянулась на него с вершины холма. И скрылась.

Собирая на склоне холма хворост для ночных костров, Дункан мгновение помедлил, поглядев на закат.

— Небесные боги, помогите мне, — молился он. — И земные боги, ибо темный волк должен принадлежать к вашему царству. Если вы не дадите мне знака, то хотя бы помогите одолеть волка. — По традиции он поклонился и приложил ухо к скале. День за днем просил он какого-нибудь бога о знаке, но ни разу...

И тут услышал голос. Съежился на месте, слушая камень, не в силах поверить своим ушам. Наверное, шум водопада или бегущий скот где-нибудь неподалеку. Впрочем, нет. В камне звучал настоящий голос, грохотавший и выкрикивавший слова откуда-то из-под земли. Слова Дункан различить не мог, но это оказался настоящий голос бога из-под земли.

Он выпрямился со слезами на глазах, на мгновение забыв даже об овцах. Этот восхитительный знак предназначен не для половины мира, а только для него! А он еще сомневался, что знак будет дан.

Важнее всего услышать, что голос говорит. Склонившись, Дункан снова прислушался. Приглушенный голос повторял что-то снова и снова, но Дункан не понимал его. Взбежав шагов на пять вверх по склону, он приложил ухо к следующей скале, выступающей из-под земли. Да, здесь голос гораздо яснее; порой юноше удавалось различить слово-другое. «Дать», — сказал голос. Бур-бур-бур. «Оборона», — сказал голос; во всяком случае, так показалось Дункану. Но даже слова, которые он узнавал, произносились со странным акцентом.

Заметив, что наступают сумерки, он встал, охваченный испугом и нерешительностью. Он все еще отвечает за овец и должен зажечь сторожевые костры, просто *обязан*, потому что без них волки вырежут всех овец. И в то же самое время он должен слушать этот голос.

Сквозь сумерки к нему приближался силуэт, Дункан схватился за палицу, но затем увидел, что это Колин.

— Солнце село, — с напуганным видом прошептала она, — а я боюсь темноты. Возвращаться к тебе было куда ближе, чем идти до деревни.

Берсеркер приближался к ночной стороне планеты, уже быстрее, но все еще с осторожностью. Он извлекал из памяти тысячелетия войны против тысяч видов жизней и вспомнил еще одну планету вроде этой, где были спутники обороны, но не было ни городов, ни радио. Защитники той планеты затеяли войну между собой, ослабив друг друга до такой степени, что больше не могли управлять своей обороной, даже забыли, что такое планетарное оружие.

Но здешняя жизнь может лукавить, пытаясь заманить берсеркера в пределы своего планетарного оружия. Поэтому берсеркер послал вперед своих механических лазутчиков, чтобы те пробились сквозь сеть спутников и рассыпались над поверхностью, сея смерть до тех пор, пока не спровоцируют отклик планеты в максимальном масштабе.

Костры были разведены, Колин взяла копье и присматривала за овцами. Как бы там ни было, несмотря ни на какого волка, Дункан должен следовать своему знаку. Он вскарабкался вверх

по темному склону холма, слушая камень за камнем. И всякий раз голос земного бога становился громче.

В глубине души Дункан понимал, что Колин специально подстроила так, чтобы поневоле переночевать с ним и помочь защищать овец, и чувствовал к ней безграничную благодарность и любовь. Но даже эти чувства сейчас отошли на второй план. Голос прежде всего.

Он затаил дыхание, прислушиваясь. Теперь он слышал голос, даже стоя во весь рост. Там, впереди, у подножия скалы, лежали валуны, опрокинутые снежными лавинами. Возможно, среди них есть пещера.

Добравшись до валунов, Дункан услышал, что голос рокочет среди них.

— Атака продолжается. Требуется человеческий отклик. Требуется приказ номер один. Это контроль обороны. Атака продолжается...

Снова и снова. Кое-что из этого Дункан понял. Атака требуется, человек. Требуется приказ номер один — это должно означать, что будет исполнено одно желание, как в легендах. Больше никогда Дункан не будет смеяться над легендами, считая себя мудрей. Это не розыгрыш, подстроенный другими юношами; никто не способен спрятаться в пещере и кричать снова и снова подобным голосом.

Никому, кроме жрецов, не дозволено входить в пещеры, но, вероятно, даже жрецы не знают об этой. Эта пещера Дункана, ибо его знак привел его сюда. Ему дарован грандиознейший знак.

Чувствуя скорее благоговение, чем страх, он проскользнул между обломками скал, отыскал путь вниз, ощущая под ногами сперва камни и землю, а затем металл. Соскользнул в низкую металлическую пещеру, именно такую, как, по рассказам, выглядят пещеры богов, — очень длинную, гладкую, округлую и правильную, не считая того места, где она измята и сломана упавшими камнями. В плавно изгибающихся стенах пещеры были светящиеся места, будто громадные глаза животных, дававшие достаточно света, чтобы оглядеться. И здесь голос был очень громким. Дункан направился к нему.

«Мы достигли поверхности, — радировали берсеркеру лазутчики на своем бесстрастном языке компьютерных символов. — *Здесь разумная жизнь земного типа обитает в деревнях. Пока что мы убили восемьсот тридцать девять единиц. Мы не встретили никакого отклика опасного оружия».*

Берсеркер подождал еще чуть-чуть, позволив увеличить дань, взятую в жизнях живых единиц. Когда вероятность, что это планета-западня, упала по компьютерной оценке практически до нуля, берсеркер вышел на предельное сближение и начал сметать уцелевшие оборонительные спутники со своего пути.

— Вот он я. — Дункан упал на колени перед ревущей металлической вещью. Перед силуэтом бога лежали очень древние перевитые прутья и яичная скорлупа. Когда-то жрецы совершали здесь жертвоприношения, а потом забыли об этом боге. — Вот он я, — повторил Дункан, уже погромче.

Бог заметил его, ибо оглушительный крик прекратился.

— Требуется отклик от запасного поста обороны 9864, — сказал бог. — Планетарная оборона переходит под контроль поста 9864.

Как попросить бога говорить более ясно? После очень короткого молчания бог заявил:

— Требуется приказ один.

Это было уже понятнее, но, чтобы увериться окончательно, Дункан спросил:

— Ты выполнишь одно мое желание, о могучий?

— Повинуюсь вашим приказаниям. Экстренная ситуация. Спутниковая сфера уничтожена на девяносто процентов. Ответ планетарного оружия полностью запрограммирован, требуется команда активации.

Все еще стоя на коленях, Дункан зажмурился. Будет исполнено одно его желание. Остальные слова он воспринял как предупреждение о том, что выбирать надо с осмотрительностью. Если он пожелает, боги сделают его мудрейшим из вождей или отважнейшим из воинов. Бог даст ему сто лет жизни или дюжину молодых жен. Или Колин.

Но Колин сейчас там, во тьме, один на один с волком. Может быть, в этот самый миг волк подбирается к ней, затаившись за самым кругом света, следя за овцами и за хрупкой девушкой. Может быть, в этот самый миг Колин кричит... Сердце Дункана оборвалось, ибо он понял, что волк одолел его, разрушил этот миг, от которого зависит остаток его жизни. Он все еще пастух. И если он мог заставить себя забыть об овцах, то забыть о Колин было свыше его сил.

— Уничтожь волка! Убей его, — сдавленным голосом выкрикнул он.

— Термин «волк» неясен.

— Убийцу! Уничтожь убийцу. Это мое единственное желание!

Не в силах больше выносить близости бога, Дункан без оглядки бросился прочь из пещеры, проливая слезы над своей загубленной жизнью. И побежал искать Колин.

«Отход! — верещал электронный голос берсеркера. — *Западня! Отход!»*

Услышав призыв, его рассеявшееся племя машин-лазутчиков вознеслось с предельным ускорением, бросив свою планетарную работу, по параболе вздымаясь к своей громадной металлической матке. Слишком медленно. Они расплылись, превратившись в полосы света, в фейерверки раскаленных газов.

Берсеркер и не ждал их. Он уже устремился в открытый космос, зная, что планетарное оружие дотянулось до него. Теперь он не тратил вычислительные мощности в попытке рассчитать, почему так много жизней было пожертвовано, чтобы заманить его в западню. А затем увидел, что перед ним швырнули густую сеть силовых полей, перекрыв пути к отступлению. Бежать некуда.

Все небо залило пламенем, даже сами хребты холмов содрогнулись под ногами, а возле устья долины вершину горы сорвало прочь, и чудовищное копье чего-то почти невидимого начало бесконечным потоком изливаться из нее в небеса.

Дункан увидел Колин, прильнувшую к голой земле, кричащую ему что-то, но гром подземный поглотил ее голос. Разбежавшиеся овцы скакали повсюду, жалобно вереща под ужасным небом. Среди них Дункан увидел темный силуэт волка, бегающего вместе с ними кругами, слишком напуганного, чтобы быть волком. Юноша схватил свою палицу и погнался за зверем, спотыкаясь о сотрясающуюся землю.

Он настиг волка, потому что бежал к нему, пока тот бегал кругами, не обращая внимания на человека. Увидел отразившееся в глазах зверя небо, встал перед ним и взмахнул палицей в тот самый миг, когда волк подобрался для прыжка.

Дункан нанес удар первым, а потом еще и еще, чтобы уже наверняка.

И вдруг в небе появилась иссиня-белое стремительно движущееся солнце, удивительное солнце, через минуту покрасневшее и рассеявшееся во всемирном сиянии. И тогда земля наконец успокоилась. Дункан шагал как во сне, пока наконец не

увидел Колин, пытающуюся собрать разбежавшихся овец. Помахал ей и затрусил на помощь. Волк мертв, а он может поведать о восхитительном знаке. Боги не убили его. А земля под его бегущими ногами обрела вековечную надежность.

Я зрел и по сей день прозреваю будущее, в котором вы, уроженцы Земли, можете возобладать и над волками планет, и над волками космоса. Ибо на каждом этапе цивилизации находятся среди вас люди, отбросившие прочь эгоизм и посвятившие свою жизнь служению некой высокой цели, каковую ставят превыше себя.

Я говорю, что вы можете возобладать, но не говорю, что возобладаете непременно. Ибо в каждом из ваших поколений находятся и такие, кто предпочитает служить богам тьмы.

В ХРАМЕ МАРСА

Нечто постороннее посылало в его рассудок волны замешательства, и он не знал ни своего имени, ни своего местонахождения. Он даже не догадывался, давно ли это все началось и бывало ли такое прежде. Он не мог противиться происходящему, не мог даже решить, хочет ли противиться.

В ушах его бился монотонный рев варварских голосов:

Там на одной стене была дубрава,
Где все деревья стары и корявы,
Где остры пни, ужасные на вид...[1]

И он видел этот лес вокруг себя. У него даже не возникал вопрос, реальны ли эти деревья и мерный речитатив, ибо рассудок его сотрясали волны замешательства.

Откуда зверь и человек бежит.
Шел по лесу немолчный гул и стук,
Как будто буря ломит каждый сук,
А под холмом, прижат к стене откосной,
Был храм, где чтился Марс Оруженосный...

И он узрел храм — стальной, выпячивающийся к небу в виде ужасающей обшивки берсеркера, по пояс ушедшего в темную землю. У входа стальные врата звенели, содрогаясь от холодного

[1] Все стихотворные цитаты заимствованы из поэмы Джефри Чосера «Кентерберийские рассказы», «Рассказ Рыцаря». (*Пер. О. Румера.*)

ветра, вырывающегося из храма, бесконечно рвущегося вперед, чтобы неистовствовать в исковерканном лесу. Пепельно-серый пейзаж озаряли сверху сполохи полярного сияния.

Лишь с севера сквозь дверь струился свет:
Отсутствовал окошка всякий след,
Откуда б свет мог доходить до глаза...

Он будто прошествовал широкими шагами завоевателя в когтистые врата к дверям храма.

А дверь была из вечного алмаза,
Обита крепко вдоль, и вширь, и вкось
Железом; и чтоб зданье не тряслось,
Столп каждый изумительных палат,
Сверкавший сталью, с бочку был в обхват.

Внутри храм являл взору калейдоскоп насилия, пиршество кровопролития. Неисчислимые иллюзорные орды людей схлестывались в битвах, машины истребляли женщин, животные давили и пожирали детей. Он же, завоеватель, принял все это как должное, упиваясь происходящим, одновременно осознав, что все это — порождение его собственного рассудка, понуждаемого к тому некой внешней силой, заимствующего образы из слов речитатива.

Он не знал, сколько времени тянулось все это. Конец пришел внезапно — давление на его рассудок схлынуло, речитатив смолк. Облегчение оказалось столь безмерным, что он с закрытыми глазами рухнул на какую-то мягкую поверхность и простерся на ней. Тишина не нарушалась ни единым звуком, кроме его собственного дыхания.

Звук удара тупого предмета заставил его открыть глаза. Неподалеку от него упал брошенный откуда-то короткий меч. Он находился в круглой, знакомой комнате, залитой мягким, неярким светом. Круглую стену украшала бесконечная фреска, на тысячу ладов разыгрывающая тему кровавой биты. Впереди, за невысоким алтарем, была статуя вооруженного человека, сжимающего в руках вожжи колесницы и боевой топор, человека, олицетворяющего в себе больше, нежели просто жизнь, стоящего превыше всего человеческого, чей бронзовый лик застыл воплощением бесстрастной ярости.

Все это он уже видел прежде, но сейчас не придавал значения ничему, кроме клинка. Меч притягивал его как магнит, ибо могущество недавних видений, могущество разрушения было еще свежо и неодолимо. Он полз к мечу, мимоходом отметив, что одет, как статуя бога, — в кольчугу. И едва положил ладонь на

рукоять, как сила клинка подняла его на ноги. Огляделся в предвкушении предстоящего.

Часть непрерывной фрески-стены открылась, став дверью, и в храм вошел некто в простой аккуратной форме, с худощавым и строгим лицом. Он выглядел, как человек, но не был человеком, ибо не пролил ни капли крови, когда меч рассек его.

Радостно, бездумно изрубил он пластикового субъекта на десятки кусков. А потом замер над ним, чувствуя усталость и опустошение. Металлический эфес меча внезапно раскалился, и он выронил оружие. Такое уже случалось прежде, не раз и не два.

Разрисованная дверь распахнулась снова. На сей раз вошел настоящий человек, облаченный в черный мундир. Его глаза гипнотически сверкали из-под густых бровей.

— Назови свое имя, — приказал одетый в черное тоном, не подчиниться которому было просто невозможно.

— Меня зовут Дзор.

— А мое?

— Катсулос, — монотонно произнес Дзор. — Эстильская тайная полиция.

— Да. А где мы?

— В космосе, на борту «Нирваны-2». Мы доставляем верховному владыке Ногаре его новый космический замок на окраину Галактики. Когда он поднимется на борт, я должен буду развлечь его, убив кого-то мечом. Или другой гладиатор развлечет его, убив меня.

— Обычная горечь, — отметил один из подчиненных Катсулоса, появляясь в проеме дверей позади него.

— Да, этот всегда огрызается, — подтвердил Катсулос. — Зато качественный субъект. Видел энцефалограмму? — показал он обрывок бумажной ленты с извилистыми линиями.

Они обсуждали ожидавшего и слушавшего Дзора, будто неодушевленный предмет. Они научили его повиновению. Думали, что укротили его раз и навсегда, но в один прекрасный день он им покажет. Пока еще не время. Дзор задрожал в своей кольчуге.

— Отведи его в камеру, — наконец приказал Катсулос. — Я подойду через минутку.

Уводимый прочь из храма и вниз по лестнице Дзор в замешательстве оглянулся на него. Воспоминания об испытанной обработке уже стали расплывчатыми; а то, что удавалось выудить из памяти, оказывалось настолько неприятным, что он оставил

попытки припомнить больше. Но угрюмая решимость нанести ответный удар не покинула его, укрепившись еще более. Так или иначе, надо нанести удар, и как можно скорее.

Оставшись в одиночестве, Катсулос пинками собрал обломки пластикового манекена в кучу для тщательного уничтожения. Всем весом наступил на податливый пластик маски, смяв его до неузнаваемости — просто на случай, если тот попадется на глаза кому-то, кроме его подчиненных.

Затем минутку постоял, глядя на маниакальный бронзовый лик Марса. И теперь в глазах Катсулоса, взирающих на других людей с холодностью стальных клинков, затеплилось что-то живое.

В каюте, которая будет принадлежать верховному владыке Ногаре, когда он вступит во владение «Нирваной-2», загудел сигнал интеркома. Сидевшему в одиночестве адмиралу Хемфиллу потребовалось пару секунд, чтобы отыскать нужный выключатель на огромном незнакомом столе.

— Слушаю.

— Сэр, контакт с курьером из Солнечной системы завершен; мы готовы трогаться дальше, если только вам не надо передать напоследок какие-нибудь пакеты.

— Никак нет. Наш пассажир поднялся на борт?

— Да, сэр. Он из Солнечной системы, зовут Митчелл Спэйн, как нас и уведомляли.

— Я с ним знаком, капитан. Не попросите ли зайти его ко мне в каюту при первой же возможности? Я бы хотел поговорить с ним, не откладывая на потом.

— Есть, сэр.

— А эти полицейские еще рыскают вокруг мостика?

— В данный момент нет, адмирал.

Отключив интерком, Хемфилл откинулся на спинку тронноподобного кресла, из которого Фелипе Ногара вскоре будет обозревать свою Эстильскую империю, но вот худощавое лицо Хемфилла вновь привычно омрачилось, и он встал. Роскошь этой каюты не доставила ему ни малейшего удовольствия.

Китель опрятного, простого мундира Хемфилла украшали семь ало-черных лент; каждая означала участие в сражении, окончившемся уничтожением хотя бы одного берсеркера. Никаких других украшений, не считая знаков отличия; звание ему присвоила Лига Объединенных Планет — антиберсеркерский

союз, в который хотя бы номинально вошли все человеческие планеты до единой.

Не прошло и минуты, как дверь распахнулась, и порог каюты переступил невысокий, мускулистый и довольно уродливый человек. Тотчас же улыбнувшись, он направился к Хемфиллу со словами:

— Итак, вы уже верховный адмирал. Поздравляю. Давненько мы не виделись.

— Спасибо. Да, со времени Каменной Россыпи. — Слегка изогнув уголки рта кверху, Хемфилл двинулся в обход стола, чтобы обменяться рукопожатием с пришедшим. — Вы тогда были капитаном десанта, насколько я припоминаю.

Пожимая друг другу руки, оба мысленно вернулись в день победы. Воспоминания не вызвали улыбки ни у того, ни у другого, потому что в последнее время ход военных действий не внушал оптимизма.

— Да, уже девять лет назад, — кивнул Митчелл Спэйн. — Ну, теперь я специальный корреспондент Всесолнечной Службы Новостей. Меня послали взять интервью у Ногары.

— Я слыхал, вы стали признанным писателем. — Хемфилл жестом пригласил Митча сесть. — Увы, лично мне не хватает времени ни на литературу, ни на прочие излишества.

Усевшись в кресло, Митч вынул трубку. Зная Хемфилла довольно хорошо, он не сомневался, что своим высказыванием о литературе тот вовсе не намеревался кого-нибудь уязвить. Для Хемфилла к числу излишеств относится все, что не служит делу уничтожения берсеркеров, и в сложившейся обстановке подобная точка зрения для верховного адмирала — явный плюс.

У Митча сложилось впечатление, что Хемфилл хочет серьезно поговорить, но не знает, с чего начать. Чтобы заполнить неловкую паузу, Митч заметил:

— Интересно, порадует ли верховного владыку Ногару его новый корабль? — и обвел чубуком трубки стены каюты.

Везде царили тишина и покой, будто все происходило на надежной поверхности планеты. Невозможно было даже догадаться, что в этот самый миг мощнейшие из когда-либо созданных людьми двигатели увлекали корабль к краю Галактики со скоростью, во много раз превышающей скорость света.

Замечание сыграло для Хемфилла роль долгожданной реплики по роли. Чуть склонившись вперед в своем неудобном кресле, он заявил:

— Меня не волнует, понравится ли ему корабль. Меня больше занимает вопрос, как он будет использован.

После Каменной Россыпи изрядную часть изувеченной левой ладони Митча заменили протезы. Он спокойно примял рдеющие в трубке угли пластиковым пальцем.

— Вы имеете в виду вкус Ногары к весьма своеобразным развлечениям? Только что мельком видел гладиаторскую арену. Я ни разу с ним не встречался, но поговаривают, что со дня смерти Карлсена он испортился, совсем испортился.

— Я вовсе не о так называемых забавах Ногары. На самом деле я вот куда клоню: возможно, Иоганн Карлсен еще жив.

Спокойное, фантастическое заявление повисло в воздухе. На миг Митчу вдруг показалось, что он ощутил движение тахионного корабля, преодолевающего непостижимые уму пространства, где время не имеет смысла, где покойники всех столетий, быть может, живы и здоровы.

— Мы имеем в виду одного и того же Иоганна Карлсена? — тряхнул он головой.

— Конечно.

— Два года назад он упал в сверхмассивное светило с берсеркером на хвосте. Неужели это враки?

— Это истинная правда, вот только мы теперь считаем, что его катер вышел на орбиту вокруг гипермассы, а не упал в нее. Вы видели тут девушку?

— По пути перед вашей каютой я разминулся с девушкой, но подумал...

— Нет, на это у меня нет времени. Ее зовут Люсинда, фамилии на ее планете давать не принято. Она своими глазами видела исчезновение Карлсена.

— А-а. Да, я помню эту историю. Но что там насчет его пребывания на орбите?

Хемфилл встал и вроде бы почувствовал себя удобнее, как любой другой, если бы сел.

— Обычно гипермасса и все ее окружающее недоступны взору из-за предельного красного смещения, вызванного гравитацией. Но в этом году ряд ученых приложили старания для ее изучения. Их корабль с этим не сравнится. — Хемфилл на миг обернулся, будто расслышав гул могучих двигателей. — Но они подошли настолько близко, насколько осмелились. При них были новые инструменты, длинноволновые телескопы. Сама звезда так и осталась невидимой, зато они привезли вот это. — Хемфилл остановился за спиной у собеседника. — Вот как вы-

глядит пространство близ гипермассы. Не забывайте, она в миллиард раз превосходит массу Солнца, но втиснута примерно в тот же объем. Подобная гравитация вытворяет вещи, пока недоступные нашему пониманию.

— Любопытно. Что это за темные линии?

— Падающая пыль, пойманная в силовые линии гравитационного поля, как железные опилки вокруг магнита. Во всяком случае, так мне говорили.

— И где же тут может находиться Карлсен?

Палец Хемфилла опустился на фото, указав круглый прозрачный объект среди увеличенной полосы пыли, напоминающий дождевую капельку.

— Мы полагаем, что это его катер. Он обращается примерно в ста миллионах миль от центра гипермассы. А берсеркер, погнавшийся за ним, здесь, в той же самой пылевой полосе. Оба застряли там. Обычные двигатели не способны спустить корабль туда.

Митч уставился на снимки, и перед его мысленным взором ожили картины минувшего.

— Значит, по-вашему, он жив?

— У него имеется оборудование, позволяющее ему заморозиться, погрузиться в анабиоз. Кроме того, вероятно, время для него течет весьма медленно. Время его обращения — три часа.

— Один виток за три часа при радиусе орбиты сто миллионов миль... минуточку.

— Я же говорил, — чуть-чуть улыбнулся Хемфилл, — это пока недоступно пониманию.

— Ладно, — медленно кивнул Митч. — Значит, вы считаете, шанс есть? Он не из тех, кто сдается. Он будет сражаться до последнего, а потом изобретет способ продержаться еще капельку.

— Да. По-моему, шанс есть. — Лицо Хемфилла снова окаменело. — Вы же видели, берсеркеры пускались во все тяжкие, только бы убить его. Они боятся его до потери своей железной памяти, боятся, как никого другого. Хотя я никогда толком не понимал, почему... Итак, если мы можем спасти его, то должны сделать это без промедления. Вы согласны?

— Несомненно, но как?

— При помощи этого корабля. У него самые мощные двигатели из сконструированных доныне — уж поверьте, Ногара-то об этом позаботился, думая о собственной безопасности.

Митч присвистнул:

— Достаточно мощные, чтобы выйти на орбиту Карлсена и вытащить его оттуда?

— Да, теоретически. Предположительно.

— И вы намерены осуществить попытку до того, как корабль будет доставлен Ногаре.

— После может быть слишком поздно — вы же знаете, как он хотел убрать Карлсена со своего пути. А из-за его полиции на борту я вынужден держать план спасения в секрете.

Митч кивнул, ощущая растущее волнение:

— Если мы спасем Карлсена, Ногара может впасть в ярость, но поделать уже ничего не сможет. А как насчет экипажа, они «за»?

— Я уже ввел капитана в курс дела, он на моей стороне. А поскольку звание я получил от Лиги Объединенных Планет, я могу официально отдавать приказы на любом корабле, если скажу, что действую против берсеркеров. — Хемфилл начал расхаживать из угла в угол. — Единственное, что меня тревожит, — это отряд полицейских Ногары на борту. Они наверняка будут препятствовать спасению.

— И сколько же их здесь?

— Пара дюжин. Не знаю, с какой стати их так много, но на их стороне численное превосходство два к одному. Не считая их пленников, а те, разумеется, беспомощны.

— Каких пленников?

— Насколько я понимаю, тут готовят на убой для арены человек сорок молодых людей.

Люсинда изрядную часть времени проводила, блуждая в одиночестве по коридорам громадного корабля в попытке унять тревогу. Сегодня ей довелось проходить по переходу неподалеку от центрального мостика и адмиральских апартаментов, когда впереди открылась дверь и оттуда вышли трое мужчин — двое в черных мундирах вели между собой пленника, одетого в кольчугу.

При виде черных мундиров Люсинда вскинула подбородок, заступив путь. И бросила ледяным тоном, когда они приблизились:

— Обойдите-ка меня, стервятники.

На пленника она не смотрела; горький опыт научил ее, что явная симпатия к жертвам Ногары только усугубляет их страдания. Черные мундиры остановились перед ней.

— Меня зовут Катсулос, — заявил тот, что с густыми бровями. — А ты кто?

— Когда-то моей планетой был Фламланд, — уголком глаза Люсинда отметила, что при этих словах пленник поднял голову. — Когда-нибудь он снова станет моей родиной, когда освободится от стервятников Ногары.

Второй черный мундир открыл было рот, чтобы ответить, но не успел и пикнуть, когда локоть пленника врезался ему в живот. Затем пленник, доселе кроткий, как агнец, сшиб Катсулоса с ног и скрылся за поворотом, не дав полицейским опомниться.

Поспешно вскочив, Катсулос протиснулся мимо Люсинды и метнулся к повороту с пистолетом в руках. И тут же его плечи поникли.

Восторженный смех Люсинды нимало не уязвил его.

— Да некуда ему тут деться, — изрек он.

Тут Люсинда встретилась с ним взглядом, и смех замер у нее на губах.

Катсулос расставил полицейские посты на мостике и в машинном отделении и заблокировал спасательные шлюпки.

— Этот Дзор — отчаянный и опасный субъект, — пояснил он Хемфиллу и Митчеллу Спэйну. — Половина моего личного состава постоянно прочесывает корабль, но вы же знаете, как он велик. Прошу вас не отходить далеко от своих кают, пока его не поймают.

Прошли сутки, но Дзор не попался. Воспользовавшись, что полиция рассеяла свои силы, Митч обследовал арену: Всесолнечные Новости наверняка заинтересуются.

Вскарабкавшись по короткой лесенке, он оказался позади верхнего ряда кресел и огляделся, щурясь от света псевдосолнца под высоким куполом, сияющим голубизной земных небес. Вокруг арены, отгороженной покатой стеклянной стеной, разместилось около двухсот кресел. На дне стеклянной чаши — овальная арена длиной ярдов в сорок. Покрытие с виду напоминает песок, но наверняка представляет собой нечто более цельное, потому что в случае отключения искусственной гравитации песок тучей взмыл бы в воздух.

Это сооружение, новизной соперничающее с лучами смерти, призвано самым действенным образом удовлетворить гнуснейшие пороки Древнего Рима. Каждый зритель сможет насладиться созерцанием каждой капли крови. Одна только несообразность — три строения, установленные на равных расстояниях

друг от друга позади верхнего ряда кресел, каждое размером с домик. Их архитектурный облик, выпадающий из общего ряда, скорее всего позаимствован где-то на Античной Земле, а предназначение их неясно.

Вынув из кармана фотоаппарат, Митч сделал со своего места несколько снимков, затем прошел позади кресел к ближайшему зданию. Дверь оказалась открытой, и он вошел.

Поначалу ему пришло в голову, что это вход в частный гарем Ногары, но через мгновение Митч разглядел, что в любовных объятиях сплелись отнюдь не все и даже не большинство героев настенных росписей. Сценки изображали мужчин, женщин и богоподобные существа в одеяниях Античной Земли, а то и вовсе без них. Сделав еще несколько снимков, Митч сообразил, что каждая сценка изображает один из аспектов человеческой любви. Странно. Он вовсе не предполагал встретить любовь здесь и вообще где-либо в обстановке, избранной Фелипе Ногарой.

Выходя из храма через другую дверь, он миновал улыбающуюся статую — должно быть, изображающую здешнюю богиню. Прекрасный торс бронзовой богини по пояс поднимался из мерцающих морских зеленых волн. Сфотографировав ее, Митч двинулся дальше.

Внутренние росписи второго здания представляли сценки охоты и рожающих женщин. Богиня этого храма была скромно одета в ярко-зеленую тунику, вооружена луком и колчаном со стрелами. У ног ее замерли в ожидании бронзовые собаки, готовые вот-вот ринуться в погоню за зверем.

Приближаясь к последнему храму, Митч поймал себя на том, что понемногу ускоряет шаг, будто влекомый туда неведомой силой.

Но стоило переступить порог храма — и притягательная сила рассеялась, сменившись отвращением. Если первое святилище возвели, дабы восславить любовь, то это, вне всякого сомнения, воспевало ненависть.

На фреске напротив входа свинья пожирала вопящее дитя, сунув свое мерзкое рыло в колыбельку. Подальше люди в тогах с лицами, искаженными ненавистью, резали насмерть собственного товарища. На всех стенах мужчины, женщины и дети терпели бессмысленные муки и умирали жуткой смертью. Дух уничтожения навалился на душу буквально физической тяжестью. Словно берсеркерский...

Отступив на шаг, Митч закрыл глаза и уперся локтями в

проем двери. Да, ощущение вполне отчетливое. Здесь Ненависть воспевается не только средствами живописи и искусным освещением, тут задействовано какое-то физическое воздействие, показавшееся Митчу смутно знакомым.

Много лет назад, во время космического сражения, он испытал воздействие берсеркерского ментального луча. Потом люди научились экранировать свои корабли от ментальных лучей; неужели теперь они принесли оружие врага на корабль намеренно?

Митч открыл глаза. Воздействие излучения стало совсем незначительным, но зато несло с собой нечто более пагубное, чем простое помрачение рассудка.

Он вошел в храм и снова вышел. За толстыми стенами храма — более толстыми, чем у двух прочих, — эффект сходил практически на нет. Внутри же ощущался вполне отчетливо, энергия жалила центры гнева в мозгу, медленно-медленно угасая, будто остаточный заряд выключенного прибора. Если излучение чувствуется даже сейчас, то каково же находиться в этом храме, когда излучатель включен?

Но, главное, зачем вообще понадобилась подобная аппаратура? Подстегнуть пару-тройку гладиаторов, чтобы они шли на смерть с радостью? Возможно. Бросив взгляд на гордо вознесшуюся фигуру бронзового бога, попирающего своей колесницей весь мир, Митч поежился. Пожалуй, дело вряд ли ограничивается заурядной жестокостью римских зрелищ.

Он сделал еще несколько снимков, а после припомнил, что возле первого храма видел пульт интеркома. Вернувшись туда, набрал номер корабельного архива.

Как только механический голос отозвался, Митч приказал:

— Предоставь мне сведения о конструкции этой арены, в частности трех построек, расположенных вдоль верхнего яруса.

Голос осведомился, нужны ли ему чертежи.

— Нет, во всяком случае, пока. Просто расскажи, что тебе известно о сути конструкторского замысла.

Последовала пауза секунд в пять. Затем голос сказал:

— Автор замысла — человек по имени Оливер Микаль, ныне покойный. В его конструкторской программе имеются многочисленные ссылки на описания из литературного произведения некоего Джефри Чосера под названием «Кентерберийские рассказы».

О Чосере Митч едва ли слыхал, зато об Оливере Микале

знал, что тот был одним из специалистов Ногары по промыванию мозгов, а также специалистом по античной филологии.

— Какого рода психоэлектронные приборы встроены в эти здания?

— Согласно имеющимся данным, устройства подобного рода на борту отсутствуют.

Но Митч не сомневался в наличии излучателя Ненависти. Возможно, его построили тайком; пожалуй, именно так оно и было, если его подозрения оправданны.

— Зачитай мне некоторые соответствующие выдержки из упомянутого произведения.

— Три храма посвящены Марсу, Диане и Венере, — сообщил динамик. — Выдержка, относящаяся к храму Марса, на языке оригинала гласит:

> First on the wal was peynted a forest
> In which there dwelleth neither man ne beast
> With knotty, knarry, barreyn trees olde
> Of stubbes sharp and hidous to beholde[1].

Митч знал древние языки ровно настолько, чтобы разобрать слово-другое, но теперь пропускал большую часть их мимо ушей, мысленно ухватившись за слова «храм Марса». Он слыхал их совсем недавно, при упоминании о недавно возникшем культе почитателей берсеркеров.

> And dounward from an hille, under a bente,
> Ther stood the temple of Mars Armypotente,
> Wroght al of burned steel, of which the entree
> Was long and streit, and gastly for to see.

Услышав за спиной шорох, Митч стремительно обернулся и увидел стоящего позади Катсулоса. Тот улыбался, но взгляд его напомнил Митчу статую Марса.

— Вы понимаете древний язык, Спэйн? Нет? Тогда я переведу. — И Катсулос подхватил речитативом:

> Там мне предстал Измены лик ужасный,
> Все Происки и Гнев багряно-красный,
> Как угли раскаленные в кострах,
> Карманная Татьба и бледный Страх,
> С ножом под епанчою Льстец проворный,
> И хлев горящий, весь от дыма черный,
> И подлое убийство на постели,
> Открытый бой, раненья, кровь на теле...

[1] Перевод этих строф, написанных на староанглийском языке, дан в начале рассказа.

— Так кто же вы на самом деле? — настоятельным тоном спросил Митч, желая, чтобы все открылось, а заодно выиграть время, потому что на поясе у Катсулоса висел пистолет. — Что это для вас? Какая-то религия?

— Да не *какая-то!* — Катсулос покачал головой, но его горящие глаза смотрели на Митча неотрывно. — Не далекие мифологические боги, не выдохшаяся этика заплесневелых философов. Нет! — Он подступил на шаг. — Спэйн, сейчас мне некогда обращать вас в свою веру с тактом и деликатностью. Скажу лишь одно: храм Марса открыт для вас. Новый бог всего сущего примет вашу жертву и вашу любовь.

— Вы молитесь бронзовой статуе? — Митч чуточку сместил центр тяжести и весь подобрался.

— Нет! — с жаром, погромче отозвался фанатик. — Фигура в шлеме и с мечом всего лишь символ, и только. Наш бог нов, реален и достоин преклонения. Он владеет лучами смерти и ракетами, и слава его подобна вспышке Сверхновой. Он наследник Жизни и по праву питается ею. А мы, отдающие себя любой из его ипостасей, обретаем в нем бессмертие, хотя плоть наша гибнет от его прикосновения!

— Я слыхал, что есть такие, кто молится берсеркерам, но как-то не ожидал встретиться с одним из них.

Из коридора донеслись приглушенные расстоянием крики, послышался топот бегущих ног. Внезапно для Митча самым важным стало одно: кто получит подкрепление — он или Катсулос?

— Скоро мы будем повсюду! — громогласно изрек Катсулос. — Сейчас мы здесь и захватим корабль. Мы воспользуемся им, чтобы спасти ипостась нашего бога, обращающуюся вокруг гипермассы. И поднесем зложитя Карлсена Марсу, и отдадим ему себя. И в Марсе обретем жизнь вечную!

Поглядев Митчу в лицо, он схватился за пистолет в тот самый миг, когда Митч ринулся вперед.

Катсулос попытался увернуться, Митч не сумел за него толком ухватиться, и оба растянулись на полу. Увидев, как ствол пистолета поворачивается к нему, Митч отчаянно нырнул под прикрытие ближайшего ряда кресел. Пистолет грохнул, вокруг Митча посыпались щепки. Через миг он уже снова несся вперед, пригнувшись, вбежал в храм Венеры через одну дверь и выбежал в другую. Не успел Катсулос прицелиться для второго выстрела, как Митч одним скачком одолел ведущую вниз лесенку и выбежал.

Как только он оказался в коридоре, со стороны кубрика послышалась стрельба, так что Митч избрал противоположное направление — к каюте Хемфилла. На повороте в нужный коридор тип в черном мундире заступил дорогу, нацелив в него пистолет. Митч налетел на него, не задумываясь, застав полицейского врасплох. Пистолет запоздало выстрелил, когда Митч уже отбил его в сторону, а затем своей инерцией сшиб типа в черном мундире, уселся на него и тузил кулаками и локтями, пока тот не затих.

Затем с трофейным пистолетом в руке поспешил к двери Хемфилла. Он даже не успел постучать, когда дверь скользнула в сторону и тотчас же закрылась, как только он запрыгнул внутрь.

Покойный черный мундир сидел, привалившись к стене, уставив на Митча невидящие глаза. В груди его зияла россыпь пулевых отверстий.

— Добро пожаловать, — сухо проронил Хемфилл. Он стоял, положив левую ладонь на панель управления, поднявшуюся из тайника в огромном письменном столе, а в правой небрежно сжимая рукоять автоматического пистолета. — Смахивает на то, что нас ждут более серьезные трудности, нежели мы предполагали.

Сидя в полутемном отсеке, где спрятался Дзор, Люсинда смотрела, как он ест. Сразу же после его бегства девушка начала методично обшаривать корабль, шепотом окликая его, пока Дзор наконец не откликнулся. С той поры она стала украдкой приносить ему еду и питье.

Он оказался старше, чем ей показалось с первого взгляда, — примерно ее ровесник. В углах его глаз залегли морщинки подозрительности. Как ни странно, чем больше Люсинда ему помогала, тем подозрительнее становился взгляд Дзора. Вот и сейчас он оторвался от еды, чтобы спросить:

— Что ты собираешься делать, когда мы попадем к Ногаре и искать меня на корабль поднимется сотня человек? Тогда они быстро меня найдут.

Ей хотелось открыть Дзору план Хемфилла по спасению Карлсена. Как только Иоганн Карлсен будет на корабле, никому больше не придется бояться Ногару — во всяком случае, так Люсинде казалось. Но из-за подозрительности Дзора по отношению к ней Люсинда колебалась, не решаясь доверить ему тайну.

— Ты же знал, что рано или поздно тебя поймают, — парировала она. — Так зачем же бежал?

— Ты не знаешь, каково быть заключенным.

— Знаю.

Дзор пропустил ее возражение мимо ушей.

— Меня тренировали для боев с другими на арене. Потом отобрали меня из числа прочих и начали тренировать для чего-то худшего. Теперь они щелкают выключателем где-то там, и я начинаю убивать, как берсеркер.

— В каком это смысле?

Забыв о пище, Дзор прикрыл глаза.

— По-моему, они хотят, чтобы я осуществил покушение на какого-то человека. Чуть ли не каждый день они совали меня в храм Марса, доводили до помешательства и тут же подсовывали изображение этого человека. Всегда одно и то же лицо и один и тот же мундир. А я должен уничтожить изображение мечом, пистолетом или что там найдется под рукой. Когда они щелкают этим выключателем, у меня уже нет выбора, я собой не владею. Они выпотрошили меня и набили своим безумием. Они безумцы. По-моему, они и сами захаживают в храм, включают свое вонючее безумие и упиваются им перед своим идолом.

Дзор еще ни разу не выкладывал Люсинде так много единым духом. Она не знала, много ли в его словах правды, но ощутила, что сам он искренне в это верит.

— Дзор, — взяла она его за руку, — мне о них кое-что известно. Вот почему я тебе помогаю. Но я видела людей, прошедших настоящее промывание мозгов. Тебя на самом деле не уничтожили, со временем ты оправишься.

— Они хотят, чтобы я выглядел нормальным. — Он открыл глаза, все еще настороженные и подозрительные. — Кстати, а ты-то почему на этом корабле?

— Потому. — Люсинда устремила взор в прошлое. — Два года назад я встретила человека по имени Иоганн Карлсен. Да, того самого. Я провела с ним минут десять... если он еще жив, он наверняка позабыл меня, но я в него влюбилась.

— Влюбилась! — фыркнул Дзор и принялся ковырять в зубах.

«А может, только подумала, что влюбилась», — мысленно уточнила Люсинда. В этот самый миг, разглядывая Дзора, понимая и прощая его угрюмую недоверчивость, она осознала, что больше не в состоянии отчетливо увидеть лицо Карлсена.

Что-то вдруг ударило по натянутым нервам Дзора. Подскочив, он выглянул в коридор.

— Что за шум? Слыхала? Будто бы бой.

— Итак, — голос Хемфилла звучал сумрачнее обыкновенного, — уцелевшие члены экипажа забаррикадировались в кубрике, окружены и вынуждены постоянно отбивать атаки. Треклятые обожатели берсеркеров захватили мостик и машинное отделение. Одним словом, они фактически захватили весь корабль, за исключением вот этого. — Он похлопал ладонью по пульту, поднявшемуся из тайника в невинном с виду письменном столе Ногары. — Зная Фелипе Ногару, я подумал, что главный пульт должен быть в его каюте, а увидев полицию, решил, что пульт может мне понадобиться. Поэтому и разместился здесь.

— А чем он управляет? — поинтересовался Митч, вытирая руки после того, как оттащил труп в туалет. Неужели Катсулос настолько глуп, что послал к верховному адмиралу одного-единственного человека?

— Полагаю, с него можно отменить любую команду, посланную с мостика или из машинного отделения. С его помощью я могу открыть и закрыть большинство дверей и люков корабля. Да, еще обнаружились сотни камер, спрятанные в разнообразнейших местах и передающие изображение на этот экранчик. Поклонники берсеркеров никуда не полетят на этом корабле, пока не переделают уйму работы и не выкурят нас из кабины.

— Боюсь, нам тоже никуда не улететь. Вы не знаете, что стало с Люси?

— Нет. Возможно, она и этот Дзор на свободе и сумеют нам чем-нибудь помочь, но рассчитывать на это не стоит. — Хемфилл указал на миниатюрный экран. — Это помещения гауптвахты и тюрьмы под трибунами арены. Если все эти одиночные камеры заняты, там в общей сложности около сорока человек.

— Хорошая мысль. Думаю, они опытные бойцы и уж наверняка любви к черным мундирам не питают.

— Я мог бы поговорить с ними отсюда, — вслух раздумывал Хемфилл, — но как освободить и вооружить их? Дверями их камер я управлять не могу, хотя и отрезал врага от этого сектора, во всяком случае, на какое-то время. Скажите-ка, с чего завязалась заваруха? Что послужило толчком?

Митч выложил Хемфиллу все, что узнал.

— Прямо смех берет. Сектантам в голову пришла та же идея,

что и вам: подогнать корабль к гипермассе и отправиться за Карлсеном. Однако, разумеется, они хотят отдать его берсеркерам на растерзание.

Митч тряхнул головой:

— Я считаю, что для этой миссии Катсулос самолично отобрал сектантов из полиции. Должно быть, их больше, чем нам казалось.

Хемфилл лишь плечами пожал. Быть может, он прекрасно понял этих фанатиков, в точности копирующих его самого, но со знаком минус.

Теперь Люсинда не хотела ни покидать Дзора, ни отпустить его. Как затравленные звери, пробирались они по коридорам, которые девушка прекрасно изучила за время долгих прогулок в попытке рассеять тревогу. Стараясь держаться подальше от шума боя, она вела Дзора туда, куда он хотел.

Выглянув из-за последнего угла, он обернулся, чтобы прошептать:

— У дверей гауптвахты никого.

— Но как ты туда проникнешь? Опять же, какие-нибудь стервятники могут оказаться внутри, а ты безоружен.

— А что мне терять? — беззвучно рассмеялся он. — *Жизнь?* — и нырнул за угол.

Внезапно Митч впился пальцами в предплечье Хемфилла.

— Смотрите! Дзор там, ему пришло в голову то же, что и вам. Откройте же ему дверь, скорее!

Большинство расписных стенных панелей в храме Марса было снято, и двое черных мундиров копались в открывшихся схемах, пока Катсулос сидел на алтаре, наблюдая за продвижением Дзора через собственные секретные камеры. А увидев, что Дзора и Люсинду впустили в гауптвахту, взвился, как коршун.

— Быстрее, включайте луч и сфокусируйте на нем! Перебаламутьте ему мозги! Он так всех поубивает, а после мы без спешки разберемся с остальными.

Двое помощников Катсулоса торопливо подчинились, стыкуя кабели и ориентируя направленную антенну.

— Это тот, которого вы тренировали для покушения на Хемфилла? — полюбопытствовал один.

— Да. Его энцефалограмма на графике. Фокусируйтесь на нем быстрей!

— Отпусти их и вооружи! — грохотало изображение Хемфилла с экрана гауптвахты. — Парни! Сражайтесь на нашей стороне, и я обещаю вернуть вам свободу, когда корабль снова будет нашим. А еще я обещаю, что мы захватим с собой Иоганна Карлсена, если он жив.

Посул свободы исторг из глоток заключенных дружный рев, а имя Карлсена — еще один.

— *Да с ним мы отправимся хоть на сам Эстил!* — крикнул один заключенный.

Когда луч из храма Марса ударил отвесно вниз, никто не ощутил его, кроме Дзора. Остальным заключенным не вколачивали в голову условный рефлекс, подвергая их обработке снова и снова, а накал их эмоций был и без того высок.

Едва Дзор взял ключи от камер, как луч угодил в цель. Гладиатор понял, что происходит, но поделать ничего не мог. В приступе гнева он швырнул ключи, сорвал с кронштейна на стене автомат и одним выстрелом вдребезги разбил лицо Хемфилла на экране.

Еще не угасшим уголком сознания Дзор ощущал отчаяние, будто тонущий, понимая, что не сможет противостоять дальнейшему.

Как только Дзор выстрелил в монитор, Люсинда догадалась, что с ним вытворяют.

— Дзор, не надо! — и упала перед ним на колени. На нее поглядел невообразимо жуткий лик Марса. Но девушка крикнула Марсу в лицо: — Дзор, остановись! Я люблю тебя!

Марс захохотал над ее любовью — или пытался захохотать. Но никак не мог направить оружие на нее. Дзор рвался изо всех *сил, пытаясь вернуться в собственное лицо, и уже отчасти* проглянул сквозь бронзовый лик.

— И ты любишь меня, Дзор, я знаю. Даже если тебя вынудят убить меня, помни, я знаю это.

И тут Дзор, отчаянно уцепившийся за остатки рассудка, ощутил прилив целительной силы, воспротивившейся могуществу Марса. Перед его глазами заплясали рисунки, однажды мельком виденные в храме Венеры. Ну конечно! Там наверняка встроен противодействующий излучатель, и кто-то сумел включить его.

Дзор выкладывался до последнего, выплеснул все силы до капли. А затем увидел перед собой Люсинду — и нашел в себе неисчерпаемый кладезь новых сил.

Он вознесся над слепящей яростью, как пловец, выныри-

вающий из пучины с пылающими от удушья легкими. Поглядел на свои руки, стиснувшие автомат. И заставил собственные пальцы начать разжиматься. Марс все еще орал на него, все громче и громче, но могущество Венеры нарастало с каждым мгновением. Ладони Дзора раскрылись, бросив оружие.

Как только оказавшиеся на свободе гладиаторы вооружились, бой окончился, едва начавшись, хотя никому из идолопоклонников и в голову не пришло сложить оружие. Катсулос и двое его приспешников сражались до последнего в храме Марса, включив излучатель Ненависти на полную мощность, под рев записанных на пленку голосов, возглашающих гимн поклонников Марса. То ли Катсулос все еще надеялся довести своих врагов до самоуничтожительного бешенства, то ли таким образом воздавал хвалу своему истукану.

Так или иначе, вся находившаяся в кумирне троица в полной мере испытала воздействие излучения на себе. Митч всякого повидал на своем веку, но когда наконец удалось взломать дверь храма, даже он был вынужден на миг отвести глаза.

Хемфилл же выразил только удовлетворение, узрев кульминацию поклонения Марсу на борту «Нирваны-2».

— Давайте-ка первым делом позаботимся о мостике и машинном отделении. Затем можно убрать эту помойку и трогаться в путь.

Митч с радостью последовал был за ним, но тут его на минутку задержал Дзор.

— Так это вы включили контризлучатель? Если да, я обязан вам больше чем жизнью.

— Какой еще контризлучатель? — недоуменно воззрился на него Митч. — О чем это вы?

— Но должен же быть...

Когда все остальные поспешили прочь, Дзор остался на арене, с благоговением разглядывая тонкие стены храма Венеры, просто не способные вместить излучатель. Затем, услышав призыв Люсинды, заторопился к ней.

На полминуты над ареной воцарилась тишина.

— Аварийная ситуация ликвидирована, — провозгласил через интерком механический голос, обращаясь к рядам пустых кресел. — Корабельный архив возвращается в нормальный режим работы. Последний заданный вопрос касался сути замысла конструкции храмов. Стих Чосера, относящийся к храму Венеры, на языке оригинала гласит:

I recche nat, but it may bettre be
To have victorie of hem, or they of me —
So that I have my lady in myne armes.
For though so be, that Mars is god of armes,
Youre vertu is so greet in hevene above
That if yow list, I shal wel have my love...[1]

А Венера, по пояс возносящаяся над мерцающими волнами, лишь улыбалась.

Верования и чувства людей всегда отражались на их мировоззрении. Можно без труда построить машины, способные видеть в более широком спектре, воспринимать каждую длину волны точь-в-точь такой, какая она есть, не искаженной ни любовью, ни ненавистью, ни благоговением.

И все же человеческому глазу дано видеть больше, чем объективу машины.

ЛИК ТЬМЫ

Минут пять прошло без явных перемен, и Карлсен понял, что есть шанс пожить еще немного. И как только это произошло, его разум осмелился, если можно так выразиться, отверзнуть очи и узреть хляби космические и то, что они вмещают.

Какое-то время Карлсен не мог даже пальцем шелохнуть; минуту-другую ему казалось, что рассудок просто-напросто не выдержит.

Сидя в хрустальной сфере катера — этакой елочной игрушке футов двенадцати в диаметре, — он начал озираться. Военная судьба забросила его сюда, задержав на полпути вниз по глубочайшему гравитационному колодцу в известной Вселенной.

На незримом дне колодца притаилось столь массивное светило, что ни единый квант видимого света не в состоянии ускользнуть от него. Пытаясь скрыться от врага, катер дождевой капелькой падал сюда около минуты, и теперь отделен от нормального пространства неким неизмеримым расстоянием. Ми-

[1] Мне все равно, как мы закончим прю:
Они меня-иль я их поборю,
Лишь деву мне бы сжать в тисках объятий!
Ведь сколь ни властен Марс, водитель ратей,
Но в небе ты владеешь большей силой:
Коль ты захочешь — завладею милой.

нуту падения Карлсен провел в молитве, добившись чего-то сродни умиротворению и считая себя уже покойником.

Но спустя минуту внезапно обнаружил, что падение прекратилось. Катер вроде бы лег на орбиту — орбиту, где еще не бывал человек, среди пейзажей, не виденных ни единой живой душой.

Он будто оседлал грозу, воюющую с закатом; непрестанная беззвучная круговерть заполонила половину небес, будто недалекая планета. Но эта кипень туч была неизмеримо больше любой планеты, обширнее даже самых гигантских звезд. И ее ядром являлось сверхтяжелое светило весом в миллиард солнц.

Тучи образовались из межзвездной пыли, стягиваемой сюда притяжением гипермассы; в падении они обретали статический заряд, порождавший практически непрерывные разряды молний. Ближайшие вспышки, впереди по курсу, Карлсен видел бело-голубыми; но большинство вспышек, как и большинство туч, находилось далеко внизу, так что свет сюда доходил уже багрово-красным, растратив свою энергию на восхождение по этому крохотному участку циклопической гравитационной пропасти.

Крохотное суденышко Карлсена имело собственную искусственную гравитацию, неизменно поворачиваясь днищем книзу, так что Карлсен видел багровое сияние прямо сквозь прозрачную палубу, между ботинками скафандра. Он сидел в массивном кресле, установленном в центре сферы и заодно совмещающем в себе функции пульта управления и системы жизнеобеспечения. Под палубой находился еще один непрозрачный объект — небольшой, но мощный тахионный двигатель. Все остальное вокруг Карлсена представляло собой прозрачное стекло, удерживающее воздух внутри, не пропускающее радиацию извне, но оставляющее взор и душу нагими перед окружающими безднами космоса.

Достаточно освоившись, чтобы снова двигаться, Карлсен набрал в грудь побольше воздуха и попытался запустить двигатель, чтобы вознестись отсюда. Как он и ожидал, даже полная тяга не дала ни малейшего результата. С равным успехом можно было пытаться укатить отсюда на велосипеде.

Даже минимальное изменение диаметра орбиты обнаружило бы себя тотчас же, потому что катер завис в фиксированном положении среди узкого пояса метеоритов и пыли, протянувшегося к бескрайней багряной панораме внизу, будто волоконце к веретену. Но прежде чем волокно могло хоть сколько-нибудь изогнуться в грандиозное орбитальное кольцо, оно сходило на нет вдали, свиваясь с другими волокнами в более толстую нить.

Эта нить, в свою очередь, свивалась с другими нитями в более плотный пояс и так далее, один порядок масштабов за другим, пока наконец (в сотнях тысячах миль впереди? в миллионах?) первый изгиб грандиозного витого кольца не становился хоть сколько-нибудь заметным; а затем дуга, в этом месте раскрашенная молниями во все цвета радуги, быстро темнела, уходя из виду за ужасный горизонт пылевого облака вокруг гипермассы. Фантастический облачный горизонт, который наверняка находился в миллионах миль впереди, надвигался прямо на глазах у Карлсена. Уж такова была скорость его орбиты.

Диаметр орбиты, прикинул Карлсен, примерно соответствует диаметру пути Земли вокруг Солнца. Но, судя по темпу, с которым обращается поверхность туч под ним, он совершает полный виток каждые пятнадцать минут. Это просто безумие — обгонять свет в нормальном пространстве, но, с другой стороны, конечно, здесь пространство отнюдь не нормально. Да и не может быть нормальным. Эти безумные орбитальные нити пыли и метеоров говорят о том, что здесь гравитация распадается на силовые линии, будто магнитное поле.

Орбитальные нити каменных обломков над Карлсеном кружили медленнее, чем его ярус. В ближайших волокнах под собой он мог различить отдельные метеориты, проходящие под ним, будто зубья циркулярной пилы. Его рассудок отшатывался от этих зубьев просто из-за чистого величия скорости, расстояния и размера.

Он сидел в своем кресле, взирая на звезды. Смутно гадал, не становится ли моложе, не движется ли назад во времени Вселенной, из которой упал... Не будучи ни профессиональным математиком, ни физиком, он все-таки полагал, что нет. Это единственный фокус, проделать который Вселенной не под силу даже здесь. Но велики шансы, что на этой орбите он стареет намного медленнее, чем все остальное человечество.

Карлсен вдруг осознал, что все еще сидит в своем кресле, свернувшись в клубочек, как испытывающий благоговение ребенок, сильно, до боли впившись пальцами в рукавицах в подлокотники кресла. Заставил себя расслабиться, начать обдумывать рутинные проблемы. Он переживал ситуации похуже, чем это величественное зрелище природы, если и не более жуткие.

У него достаточно воздуха, воды, пищи и энергии, чтобы возобновлять их до тех пор, пока это будет необходимо. Двигатель катера годится, по крайней мере, хоть на это.

И Карлсен принялся изучать силовую линию, или что оно

там такое, сделавшую его своим пленником. Более крупные камни в ее пределах — некоторые из них почти такого же размера, как его катер, — будто бы и не меняли своего положения относительно друг друга. Но мелкие метеориты медленно дрейфовали вперед-назад более свободно.

Выбравшись из кресла, он огляделся. Единственный шаг назад привел его к изгибу стекла. Карлсен огляделся в попытке обнаружить своего врага. И действительно, в полумиле позади, захваченный той же вереницей космических обломков, увяз корабль-берсеркер, погнавшийся за ним и загнавший его сюда. Датчики берсеркера сейчас, несомненно, направлены на него, он наверняка видит движение Карлсена и знает, что противник жив. Если только берсеркер способен добраться до него, то непременно сделает это. Берсеркер-компьютеры не будут терять времени, благоговейно взирая на космические пейзажи, в этом сомневаться не приходится.

Словно в подтверждение его мыслей, на берсеркере вспыхнуло лучевое оружие. Но луч казался странным, каким-то серебристым, и пробился всего на пару-тройку ярдов среди взрывающихся обломков и пыли, прежде чем рассыпался ворохом искр, словно космический фейерверк. Он добавил пыли к облаку, будто бы сгустившемуся перед берсеркером. Вероятно, машина стреляла в него все время, но это диковинное пространство не принимает энергетического оружия. Значит, ракеты?

Да, ракеты. Карлсен увидел, как берсеркер запустил одну из них. Изящный цилиндр стрелой рванулся в его направлении и исчез. Куда он подевался? Рухнул к гипермассе? Если да, то с такой скоростью, что исчез из виду.

Едва заметив первую вспышку следующей ракеты, Карлсен перевел глаза вниз. Увидел мгновенную вспышку и облачко в ближайшей нижней силовой линии, и циркулярная пила лишилась одного зуба. Облачко пыли в том месте, куда попала ракета, устремилось вперед с безумной скоростью, мгновенно пропав из виду. Поневоле проследив взглядом за облачком, Карлсен осознал, что смотрит на берсеркера не со страхом, а с чем-то сродни облегчению, как будто тот отвлекает его от созерцания... всего этого.

— О Боже, — сказал он вслух, поглядев вперед. Это была молитва, а не богохульство. Далеко впереди медленно бурлящего бескрайнего горизонта вздыбливались драконовы головы-тучи. На фоне черноты пространства их перламутровые гребни казались сложенными из вещества, материализующегося из ничего, чтобы устремиться к гипермассе. Вскоре шеи драконов поднялись над краем Вселенной в обрамлении радужной бахромы материи, срывавшейся и устремлявшейся вниз с немыслимой скоростью. Затем появились драконовы туловища — тучи, пульсирующие иссиня-белыми молниями, подвешенными над красными недрами ада.

Обширный вихрь, одним из компонентов которого стала вереница метеоритов вокруг самого Карлсена, мчался к этой громаде, будто циркулярная пила. Вырвавшись из-за горизонта, тучи поднялись много выше уровня Карлсена. Они извивались, вставая на дыбы, как безумные кони. «Наверное, они больше планет, — подумал он, — да, больше тысячи Земель или Эстилов». Тучи грозили вот-вот сокрушить захватившую его кружащуюся ленту, и вдруг, уже мчась среди них, Карлсен увидел, что они по-прежнему чудовищно далеки.

И позволил векам смежиться. Если люди вообще осмеливаются молиться, если они вообще осмеливаются обращаться мыслями к Творцу Вселенной, то лишь потому, что их крошечные рассудки никогда не были в состоянии узреть тысячной доли... миллионной доли... нет даже слов, нет аналогий, способных помочь рассудку постичь подобное зрелище.

«Но, — подумал он, — но как же люди, верящие только в себя или вообще ни во что? Что сталось бы с ними, окажись они лицом к лицу с такими чудесами, как эти?»

Карлсен распахнул глаза. В его вере единственное человеческое существо куда важнее, чем любое солнце любого размера. Заставил себя обозреть пейзаж, решив сжиться с этим почти суеверным благоговением.

Но ему снова пришлось изо всех сил уцепиться за рассудок, когда он впервые заметил, как ведут себя звезды. Все они превратились в сине-белые иглы, волновые фронты их света сталкивались в безумной гонке, обрушиваясь в эту гравитационную пропасть. Да притом скорость была такова, что Карлсен видел, как некоторые звезды слегка движутся из-за его орбитального параллакса. Он мог бы объемно воспринимать на глубину целых световых лет, будь его рассудок способен простираться столь далеко.

Шагнув обратно к своему креслу, Карлсен сел и пристегнулся. Ему хотелось уйти в себя. Хотелось вырыть себе туннель до самого ядра громадной планеты, где можно было бы спрятаться... Но что такое даже величайшая из планет? Жалкая пылинка, едва ли больше этой хрустальной капельки.

Здесь он столкнулся не с обычным восприятием бесконечности звездоплавателем, и здесь он встретился с ужасающей перспективой, начиная от камней за стеклом, до которых рукой подать, увлекающих рассудок все дальше и вперед, камень за камнем, линия за линией, шаг за неминуемым шагом, все дальше, и дальше, и дальше...

Ладно. По крайней мере, у него появился противник, с которым можно сразиться, а сражаться с чем-либо лучше, чем плесневеть, сидя на месте. Для начала немного рутины. Хлебнув изумительно вкусной воды, Карлсен вынудил себя поесть. Ему предстоит тут задержаться еще ненадолго.

Теперь надо заставить себя немного потрудиться, чтобы привыкнуть к пейзажу. Карлсен устремил взгляд в направлении полета капли. В полудюжине метров впереди обнаружился первый крупный камень, массивный, как тела дюжины человек, прочно застрявший в силовой линии этой орбиты. Карлсен мысленно взвесил и измерил этот камень, а затем переместил мысль к следующему заметному обломку, на расстоянии броска подальше. Все камни были меньше его катера, и Карлсен смог следовать за их вереницей дальше и дальше, пока они не растворились в сливающемся узоре силовых линий, наконец-то изогнувшихся по пути вокруг гипермассы, обозначая ужасающую громадность расстояний.

Интеллект Карлсена висел на кончиках пальцев, раскачиваясь над пространствами величия... «Будто обезьяний детеныш, щурящийся от солнечного света в джунглях, — подумалось ему. — Будто младенец-верхолаз, ужасающийся размеру деревьев и лиан, впервые узрев в них хитросплетение троп, которые можно освоить».

Теперь он осмелился позволить своему взгляду крепко уцепиться за пилообразный край следующего внутреннего кольца мчащихся метеоритов, позволил рассудку оседлать его, устремившись вперед. Теперь он осмелился взирать на звезды, смещающиеся из-за его движения, увидеть Вселенную с планетарной глубиной восприятия.

Карлсену пришлось немало пережить еще до падения сюда, и сон овладел им. Следующее, что дошло до его рассудка, — громкий шум. Карлсен мгновенно проснулся, вздрогнув от страха. Берсеркер все-таки не так уж беспомощен. Два его робота размером с человека находились за стеклянной дверью, пытаясь пробиться через нее. Карлсен инстинктивно ухватился за пистолет. Проку от этого маленького оружия будет маловато, но он замер в ожидании, держа пистолет наготове; ничего другого просто не оставалось.

В облике смертоносных роботов за стеной было нечто странное; они серебрились, облаченные в сверкающие покровы, напоминавшие иней, но появлявшиеся только на поверхностях, обращенных вперед, и срывавшиеся с них позади хвостиками и бахромой, как комиксные спидлайны, вдруг явившиеся во плоти. Но сами персонажи были достаточно вещественны. Их пушечные удары в дверь... впрочем, минуточку. Его хрупкую дверь и не пытались взломать. Стальные убийцы запутались, увязли в серебристой паутине, которой это несущееся безумным аллюром пространство укутало его. Это вещество гасило лазерные лучи, когда роботы пытались прожечь себе путь внутрь, глушило взрывы установленных ими зарядов.

Перепробовав все на свете, они удалились. Толкаясь от камня к камню, обратно к своей стальной матке, в своих пламенных одеяниях, окутанные пламенными саванами, будто плащами позора и поражения.

Карлсен облегченно кричал им вслед оскорбления, хотел было даже открыть дверь, чтобы выстрелить им вслед из пистолета. Даже надел скафандр. Если роботы смогли открыть изнутри люк берсеркера — значит, он сможет открыть свой. Но раздумал: это будет лишь пустая трата боеприпасов.

Некий уголок сознания Карлсена заключил, что в сложившейся ситуации лучше не думать о времени. Сам он не видел причины оспаривать это решение и вскоре утратил счет часам и дням — или неделям?

Он делал упражнения и брился, ел, пил и отправлял естественные надобности. «Гроб» остался при нем, можно было бы погрузиться в анабиоз — но нетушки, не сейчас. Возможность спасения не выходила у него из головы, надежда перемежалась со страхом перед временем. Карлсен понимал, что в день его падения еще не был выстроен корабль, способный спуститься за ним и вытащить его отсюда. Но корабли всегда совершенствуются. Предположим, что, пока здесь проползает несколько недель или месяцев субъективного времени, вовне проходит несколько лет. Он понимал, что найдутся люди, которые попытаются отыскать его и спасти, если будет хоть малейшая надежда.

Скованный по рукам и ногам теснотой своего мирка, он

прошел через стадию ликования, а затем стремительно низринулся в уныние. Интеллект всегда занимается собственными проблемами и потому отвратился от всех этих извечных сияющих чудес. Карлсен нашел спасение от скуки в долгих часах сна.

Ему снилось, что он в одиночестве стоит в космосе. Он наблюдал себя издали, с такого расстояния, где человеческая фигура, видимая невооруженным глазом, превращается почти в пылинку. Помахав в знак прощания почти неразличимой рукой, он сам, находящийся в отдалении, зашагал прочь, направляясь к голубовато-белым звездам. Стремительные движения шагающих ног поначалу были едва различимы, а затем сошли на нет, когда фигурка уменьшилась, утрачивая суть своего бытия пред ликом бездны...

Он с криком пробудился. К хрустальному шарику его суденышка подвалил космокатер и сейчас покачивался всего лишь в футах пяти от него — сплошной металлический овоид виденной Карлсеном модели, да и номера и цифры на его корпусе были тоже ему знакомы. Он выдержал. Выстоял. Все позади.

Миниатюрный люк спасательного катера открылся, и оттуда выбрались две фигуры в скафандрах, одна за другой. Их тотчас же окутала серебристая дымка, как прежде роботов берсеркера, но сквозь забрала шлемов виднелись лица этих людей, устремивших взгляды прямо на Карлсена. Они постоянно ободряюще улыбались, не отводя глаз от него.

Ни на миг.

Они постучали в дверь, продолжая улыбаться, пока он надевал скафандр. Он даже пальцем не шевельнул, чтобы впустить их, а вместо этого выхватил пистолет.

Они нахмурились. Губы за стеклами шлемов беззвучно шевелились, но если они и передавали что-либо, то радиоволны не могли пробиться сквозь это пространство. Оба неотрывно смотрели на него.

«Погодите», — просигналил он поднятой ладонью. Затем достал из кресла грифельную доску и стило и написал им послание:

«ВЗГЛЯНИТЕ-КА НА ОКРУЖАЮЩИЙ ПЕЙЗАЖ».

Он пребывал в здравом уме, но они могли решить, что он лишился рассудка. Будто желая ублажить его, начали озираться. Впереди, из-за грозового горизонта этого мира, вздымался новый табун драконовых голов. Нахмурившись, люди посмотрели вперед на драконов, оглядели радужные пилы кружащихся камней, опустили глаза к жутким глубинам преисподней, потом подняли их к ядовитым, иссиня-белым копьям звезд, явственно скользящим над пустотой.

Затем оба, все еще недоуменно хмурясь, снова посмотрели на Карлсена.

Он уселся в кресло, сжимая пистолет и ожидая. Ему больше нечего было сказать. Он понимал, что берсеркер наверняка располагает катерами и способен придать своим автоматам-убийцам подобие людей. Эти были настолько удачны, что едва не одурачили его.

Пришельцы откуда-то извлекли собственную доску:

«МЫ НАКРЫЛИ БЕРСА. СЗАДИ. НИКАКОЙ ОПАСНОСТИ. ВЫХОДИТЕ».

Карлсен оглянулся. Облако пыли, поднятое оружием берсеркера, осело на него, скрыв и его, и все силовые линии позади от взора. О, если бы он только мог поверить, что это люди...

Они энергично жестикулировали, написав еще пару строк:

«НАШ КОРАБЛЬ ДОЖИДАЕТСЯ ПОЗАДИ ОБЛАКА ПЫЛИ. ОН СЛИШКОМ ВЕЛИК, ЧТОБЫ ДОЛГО УДЕРЖАТЬСЯ НА ЭТОМ УРОВНЕ».

И снова:

«КАРЛСЕН, ИДЕМТЕ С НАМИ!!! ЭТО ВАШ ЕДИНСТВЕННЫЙ ШАНС!»

Он не осмелился больше читать их послания из страха, что поверит им, бросится в их стальные объятия и будет разодран в клочья. Закрыв глаза, он принялся молиться. Спустя некоторое время снова открыл их. Гости исчезли вместе со своим катером. Вскоре после того — по восприятию времени Карлсена — в облаке пыли, окружающем берсеркер, замерцали вспышки света. Бой, ради которого кто-то доставил оружие, работающее в этом пространстве? Или еще одна попытка провести его? Там будет видно.

Карлсен настороженно следил, как следующий спасательный катер, очень похожий на первый, дюйм за дюймом пробивается к нему сквозь облако пыли. Приблизившись, катер остановился. Из него выбрались еще две фигуры в скафандрах, мгновенно окутавшиеся серебристыми плащаницами.

На этот раз его табличка была готова заранее:

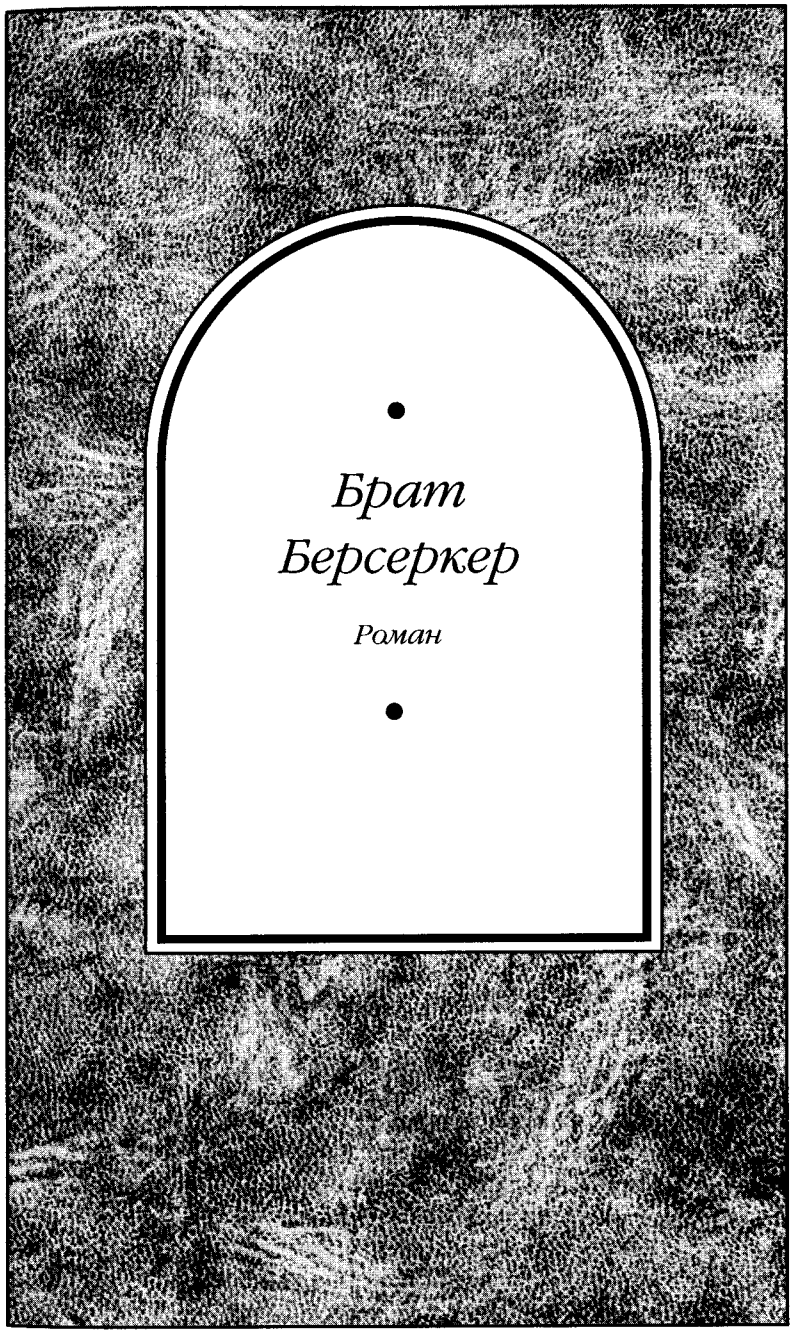
«ВЗГЛЯНИТЕ-КА НА ОКРУЖАЮЩИЙ ПЕЙЗАЖ».

Они принялись озираться, будто желая ублажить его. Может, тоже решили, что он лишился рассудка, хотя он пребывал в здравом уме. Добрую минуту спустя они все еще не оборачива-

лись к нему — лицо одного было запрокинуто вверх, к невероятным звездам, а второй медленно вертел шеей, наблюдая за проплывающей мимо драконовой головой. Мало-помалу они оцепенели от благоговения и ужаса, съежившись и прильнув к стеклянной стене.

Потратив полминуты на проверку шлема и скафандра, Карлсен стравил воздух из кабины и распахнул дверь.

— Добро пожаловать, *люди*, — сказал он через радио своего шлема. Ему пришлось помочь одному из них забраться обратно в спасательную шлюпку. И они все-таки справились с этим...

Глава 1

Лейтенант Деррон Одегард откинулся на спинку кресла у контрольной панели, вытер вспотевшие ладони о колени и еще раз приладил поудобнее наушники мягкого шлемофона. Рабочая униформа сидела на нем как влитая, да и поправлять шлемофон особой необходимости не было. Лейтенант сделал это непроизвольно, не отрывая сосредоточенного взгляда от запутанного клубка зеленоватых линий на широком, чуть выпуклом экране монитора, который возвышался над панелью. Затем лейтенант вновь наклонился к монитору и продолжил наблюдение за врагом.

Через полчаса наблюдений Одегард почувствовал смертельную усталость, как будто и в самом деле на его плечах лежали судьбы всех сорока миллионов ныне живущих обитателей планеты. Лейтенанту вовсе не хотелось взваливать на себя эту непосильную ношу — ответственность за сорок миллионов жизней. Но так уж случилось, что передать ее сейчас было некому. Правда, статус дежурного офицера-наблюдателя давал право на кое-какие материальные удобства на службе и определенные поблажки в свободное время. Но если наблюдатель хоть раз совершит ошибку во время дежурства — все ныне живущее население планеты Сегол обратится в ничто, будет вычеркнуто из реального времени, убито, полностью уничтожено — как будто его никогда и не существовало.

Руки Деррона легко и свободно скользили по литым переключателям контрольной панели. Движения были точными и выверенными, но в этих прикосновениях совсем не чувствовалось ничего, даже отдаленно напоминающего любовь к своей работе. Перепутанные зеленые линии на экране монитора повиновались малейшему движению пальцев наблюдателя, будто высокая трава, которую раздвигают осторожные руки охотника, сидящего в засаде. Электронная трава на мониторе, за которой

так пристально наблюдал лейтенант, являлась жизненными линиями всех людей, животных и растений, которые жили на определенной площади в несколько квадратных миль на поверхности планеты Сегол на протяжении отрезка времени в несколько десятилетий около двадцати тысяч лет назад. В доисторические времена.

Рядом с креслом и рабочей панелью с монитором, за которым наблюдал Одегард, располагались другие, точно такие же наблюдательные модули. Тысячи модулей, выстроившихся длинными, чуть изогнутыми рядами. Такое расположение рабочих модулей было очень удобным и успокаивало, когда дежурный наблюдатель на мгновение поднимал взгляд и тут же снова обращал все внимание на экран своего монитора. Помогали сохранять сосредоточенность и периодические колебания яркости освещения — словно легкие облачка пробегали под высоким, круто уходящим вверх сводом подземного зала, откуда лился мягкий рассеянный свет. В наушниках звучала тихая психоделическая музыка — то шелест ветра, то тяжелые ритмичные удары. Хотя огромный зал находился на много миль в глубине под поверхностью планеты, воздух здесь был свежим, легкий ветерок приносил то запах зеленой листвы, то терпкий соленый аромат морского побережья, вызывая в памяти живые картины лесов и морей, которых более не существовало — после того, как несколько месяцев назад боевые корабли-берсеркеры уничтожили все живое на поверхности Сегола.

Деррон снова провел рукой по контрольной панели. Повинуясь команде наблюдателя, зеленоватые полоски жизненных линий дернулись, покрылись рябью и снова выстроились в свое продолжение — подключенные к модулю Одегарда инфраэлектронные приборы слежения, заброшенные в далекое прошлое, двинулись дальше. Они не нарушали покоя животного и растительного мира в том далеком доисторическом лесу, за которым наблюдали. Следящие устройства парили в тонком слое пространства-времени, совсем рядом с реальностью, избегая таким образом большинства ловушек, которые временно́й парадокс реальности приготовил для людей и механизмов, путешествующих во времени. Следящие приборы скрывались от реального времени в локальных петлях вероятности, откуда тем не менее можно было почувствовать дыхание могучей организованной материи — жизни.

Лейтенант Одегард знал, что его сектор наблюдения, примерно на двадцать тысяч лет удаленный в прошлое, соответствует времени появления на Сеголе первых людей. Но пока еще на мониторе не появлялось ничего, даже отдаленно напоминающего мощные жизненные линии разумных существ, которые невозможно было ни с чем перепутать. Впрочем, Деррон не искал именно следы человека. Главное заключалось в том, что ни Одегард, ни кто-нибудь другой из наблюдателей еще не обнаружил всплеска массивных разрушений, который означал бы нападение берсеркеров. А значит, гигантские смертоносные машины, уничтожившие все живое на планете в настоящем времени, наверняка еще не узнали, что здесь можно проникнуть и в прошлое.

Заступая на дежурство, лейтенант Одегард, как и любой хороший наблюдатель любой армии, оставлял все свои чувства и желания за порогом рабочего зала. Сидя в удобном кресле за монитором, в относительной безопасности, он проверял сигналы то от одного, то от другого следящего устройства — на десять лет ближе к настоящему, на дюжину миль севернее, еще на пару лет ближе, на десяток миль к юго-востоку... Густые зеленоватые «заросли» на экране по-прежнему не отмечали никаких следов вторжения чужеродных смертоносных устройств. У врагов, которых выслеживал Деррон, не было собственных жизненных линий. Их можно было обнаружить только по следам смерти и разрушений, которые они несли всему живому.

— Пока ничего, — не оборачиваясь, сказал Деррон, почувствовав, что рядом с его модулем остановился старший наблюдатель. Старший наблюдатель, капитан, ничего не сказал в ответ. Постоял немного, глядя на монитор через плечо Деррона, потом неторопливо пошел дальше по узкому проходу между креслами. По-прежнему не отрывая взгляда от экрана, лейтенант Одегард тяжело вздохнул. Надо же, он ведь даже не помнит имени этого капитана. Что ж, капитан назначен на эту должность всего два дня назад, и того же капитана, или Одегарда, или обоих сразу могут уже завтра перевести на какую-нибудь другую работу. Надо признать, что в Вооруженных Силах планеты Сегол Сектор Операций во Времени был организационно гибкой структурой, и это еще мягко сказано. Защитники планеты только несколько месяцев назад узнали, что враги могут нанести удар не только в пространстве, но и во времени. Этот наблюдательный зал и вообще весь Сектор Операций во Времени начали работать примерно месяц назад, но уже были готовы отразить нападение берсеркеров. К счастью, техника операций во времени, в том числе и военных действий, почти наверняка была такой же новой и для

врага. Нигде больше, кроме планеты Сегол, не было известно о возможности путешествий во времени.

Деррон Одегард не успел еще припомнить имя капитана — старшего наблюдателя, как Сектор Операций во Времени вступил в свое первое сражение. Для Деррона эта битва началась очень просто и заурядно — с сообщения, переданного по коммуникационному устройству. В наушниках шлемофона раздался спокойный голос девушки-оператора, которая сообщала, что от космического флота берсеркеров к планете направляются несколько объектов, которые ведут себя не так, как обычные ракеты. Когда эти объекты достигли поверхности планеты, они исчезли из поля прямого наблюдения. Вскоре наблюдатели обнаружили этих берсеркеров в вероятностном пространстве — враги уходили в глубь прошлого планеты.

Их было пять или шесть — чуть позже наблюдатели определили точное число объектов, их оказалось шесть. Берсеркеры проваливались все дальше и дальше в прошлое — на восемь тысяч лет, десять, двенадцать... Дежурные наблюдатели, которые следили за соответствующими секторами, один за другим докладывали о продвижении объектов. Но, казалось, враги знали о том, что за их действиями пристально наблюдают. И они остановились, только когда проникли дальше двадцать одной тысячи лет в прошлое — в беспредельную пропасть времени, которую уже невозможно непосредственно наблюдать из настоящего. Они остановились. Но где? Когда?

— Всем наблюдателям, внимание! — В наушниках Деррона зазвучал знакомый протяжный голос. — Говорит командующий Сектором Операций во Времени. Сейчас вы будете знать о том, что тут творится, столько же, сколько знаю я. Похоже, берсеркеры решили выполнить свою задачу прямо вот здесь, только на двадцать одну тысячу лет назад. Они могут пальнуть по нам оттуда, из прошлого, и очень может быть, что мы так и не узнаем, откуда именно, пока волна разрушений не докатится до нас сквозь время. Или, может быть, до тех пор, пока они не начнут убивать.

Снова зазвучала успокаивающая психоделическая музыка. Через несколько минут в наушниках раздался ровный голос девушки-оператора, которая передавала указания непосредственно Деррону — какой сектор наблюдений выбрать, в каком направлении и насколько изменить настройку. Наблюдателям приходилось следить сразу за всей временно́й линией, поскольку ожидалось, что для атаки берсеркеры выйдут из вероятностного

пространства в реальное время. Основное внимание наблюдатели сосредоточили поблизости от места, где враги начали внедрение в прошлое, но и прочие области планеты тоже не упускали из виду. Первая атака берсеркеров могла оказаться ложной, предназначенной больше для того, чтобы отвлечь внимание наблюдателей от направления основного удара.

В эти дни, когда вражеские ракеты почти добрались до подземного убежища, Деррон редко задумывался над тем, как бы получше спрятаться, и практически никогда не испытывал страха, разве что вполне объяснимую тревогу и беспокойство — как, например, сейчас, когда он знал, что началась схватка с берсеркерами. Или вот-вот должна была начаться. Лейтенант Одегард был так же спокоен и сосредоточен, как всегда, руки плавно скользили по приборной панели, словно это было просто еще одно обычное тренировочное занятие. Деррон считал, что не стоит особо волноваться — какая разница, придет смерть прямо сейчас или чуть позже?

Но тяжкий груз ответственности за чужие жизни по-прежнему давил на плечи, и минуты дежурства теперь тянулись еще медленнее, чем обычно. Невозмутимый девичий голос в наушниках звучал еще дважды, и дважды Деррон менял сектор наблюдений. И вот снова поступило сообщение от командующего — официальное сообщение о том, что нападение берсеркеров зафиксировано.

— А теперь смотрите во все глаза, ребята! — протяжно произнес командующий Сектором. — Найдите скважину, через которую просочились эти мерзавцы!

Где-то там, в прошлом, за пределом рубежа в двадцать одно тысячелетие, в каком-то неизвестном пока месте, обязательно должна быть эта скважина — проход из вероятностного пространства в реальность, след внедрения шести кораблей-берсеркеров.

Если бы люди могли наблюдать воочию прорыв берсеркеров, они увидели бы, как в высоких слоях атмосферы Сегола возникли из ниоткуда шесть смертоносных машин, похожих с виду на самолеты с широкими и короткими крыльями. Они вынырнули плотной группой, в строгом порядке, мгновенно рассыпались в разные стороны, по точно выверенной для каждого траектории, со сверхзвуковой скоростью рванулись вперед, неся смерть.

И как только берсеркеры разделились, каждый из шестерых принялся поливать беззащитную планету смертоносным ядом.

Радиоактивные отбросы, химические антибиотики... с расстояния в двадцать одно тысячелетие трудно точно определить, что именно они применяли. Как и прочие наблюдатели, Деррон следил за атакой берсеркеров только по ее результатам. Деррон воспринимал нападение, как быстрое снижение вероятности существования всего живого в своем секторе наблюдения, огромную волну разрушения, смерти, которая нахлынула из одного угла сектора и медленно затопила все остальное пространство.

Шесть берсеркеров отравили всю планету. Если бы первые люди во время этой атаки уже были на планете, это, конечно же, убило бы их. Если они приземлятся чуть позже, то будут бродить по безжизненному, пустому миру, беспомощные, как дети, — пока не вымрут. И если это случится, то все ныне живущие потомки тех первых людей, все люди Сегола тоже исчезнут, как будто их никогда и не существовало. А планета, да и вся звездная система, достанется берсеркерам.

Волна разрушения и смерти катилась все дальше, от доисторических времен к временам человеческой истории. В каждой живой клетке на планете разрасталась темная тень небытия, пагубные изменения уже были отчетливо видны на мониторах всех наблюдателей.

Люди-наблюдатели и компьютеры Сектора Операций во Времени напряженно вычерчивали множество векторов атаки берсеркеров. Данных для обработки катастрофически не хватало, и с начала нападения прошло не меньше двадцати минут реального времени, прежде чем компьютеры определили наконец точку выхода шести кораблей-берсеркеров, скважину из вероятностного пространства в реальность.

В самых глубоких подземных шахтах, которые назывались Вторым ярусом Сектора Операций во Времени, ждали своего часа ракеты защитников планеты — толстые тупоконечные сигары, оплетенные замысловатым кружевом пусковых механизмов, приборов настройки и наведения. По команде, переданной компьютерами Сектора, могучие стальные руки вынули одну ракету из паутины приборов. А тем временем на каменном полу пещеры прямо под ракетой появился серебристый круг, который сиял и переливался, как поверхность расплавленного металла.

Стальные руки выпустили ракету, она начала падать... и исчезла. Одни приборы послали ее в глубь прошлого, другие провели по вероятностному пространству сквозь толщу скальных пород — к поверхности планеты и выше, в стратосферу. Ракета устремилась точно к тому месту, где находилась скважина, через которую шесть кораблей-берсеркеров прорвались в реальность.

Деррон смотрел, как зловещие изменения, прокатившиеся через весь экран монитора, внезапно начали исчезать, прежний рисунок зеленоватых линий постепенно стал восстанавливаться. Это было похоже на какой-то фокус, вроде обратного просмотра кинопленки, и, казалось, не имело никакого отношения к реальным событиям, происходящим в мире.

— Прямо в скважину! — радостно воскликнул командующий Сектором. Куда девалась его привычная медлительность! Шесть кораблей-берсеркеров вышли из вероятностного пространства прямо в эпицентр мощного ядерного взрыва и развалились на радиоактивные осколки.

На экранах всех мониторов волна смерти и разрушения отступила, вновь засветились зеленые линии жизни. По длинным изогнутым рядам дежурных наблюдательных модулей прокатилась, ширясь, другая волна — всеобщей радости и ликования. Но осторожность и дисциплина брали свое, и наблюдатели выражали свои чувства весьма сдержанно. Оставшееся до конца шестичасовой смены время дежурные наблюдатели особенно не напрягались, все прошло гладко, словно на тренировочном занятии. Были расставлены все точки над «i», все черточки поперек «t». Дополнительные исследования и наблюдения подтвердили достоверность тактического успеха. Всеобщее ликование бурлило и прорывалось из-за внешней дисциплинированности и осторожности сотрудников Сектора. Выходя по очереди на перерыв, наблюдатели улыбались и подмигивали друг другу. Деррон тоже улыбался и кивал, встречаясь взглядом с кем-нибудь из сотрудников. Быть как все, делать то, что от тебя ожидают, — это самый простой способ уживаться с другими людьми. Впрочем, Деррон и в самом деле был доволен и горд — на этот раз все они неплохо поработали.

До конца дежурства не появилось никаких признаков враждебной активности, и стало ясно, что первая атака берсеркеров в пространстве-времени успешно отбита.

Но проклятые машины непременно должны вернуться — они всегда возвращались. Деррон был уверен, что берсеркеры и на этот раз не отступят от своего правила. И снова попробуют напасть. За это дежурство Деррон жутко устал и психологически, и физически; форменная куртка пропиталась потом. Поэтому лейтенант не стал утруждать себя, изображая улыбку. Он вздохнул с облегчением и поднялся с кресла, освобождая место наблюдателю, который должен был дежурить в следующую смену.

— Похоже, вы, ребята, сегодня славно потрудились? — с легкой завистью в голосе спросил сменщик.

Деррон еще раз сумел выдавить улыбку:

— Может, в следующий раз лавры славы достанутся тебе.

Лейтенант приложил большой палец к специальному сканеру на рабочей панели, его напарник сделал то же самое. И вот, по всем правилам сдав дежурство, Одегард неторопливо пошел к выходу из наблюдательного зала, присоединившись к потоку сотрудников своей смены. То тут, то там в толпе попадались такие же усталые и измученные лица, какое скорее всего было и у него самого. Выйдя за двери рабочего зала, туда, где уже не нужно было соблюдать тишину, большинство наблюдателей собирались в небольшие компании и шумно обсуждали последние события.

Деррон пристроился к очереди сотрудников, чтобы сдать кассету с записью информации со своего модуля за последнее дежурство. Потом выстоял еще в одной очереди и отчитался устно перед одним из старших дежурных офицеров. Сделав все это, он был совершенно свободен. Впрочем, Деррон считал, что в эти дни такое понятие, как свобода, для обитателей Сегола потеряло всякий смысл.

На мощном пассажирском лифте, представлявшем из себя вереницу кабинок, подвешенных к замкнутому в кольцо тросу, Деррон вместе со всеми поднялся из глубинных пещер на жилые уровни подземного мегаполиса. Но и этот всемирный город отделяли от поверхности планеты многие сотни миль скальных пород.

В жилых уровнях условия обитания и близко не напоминали комфорт и уют наблюдательного зала. Кондиционеры, приятные запахи природы, оптимальная влажность и температура — обо всем этом заботились только там, где людям приходилось работать с полной отдачей. В остальных помещениях это считалось несущественной, даже излишней роскошью. Так что практически везде на жилых уровнях воздух был в лучшем случае просто спертый, в худшем — пропитанный тяжелой вонью. Освещение большинства серых коридоров-улиц было ничуть не лучше — так сказать, необходимый минимум. В общественных помещениях все убранство составляли неизменные плакаты с лозунгами и призывами правительства, которые должны были вдохновлять народ на борьбу до победного конца, из последних сил, и обнадеживать насчет того, что в ближайшем будущем все, в том числе и условия жизни, непременно изменится к лучшему.

Впрочем, кое-где и впрямь время от времени появлялись обещанные улучшения. С каждым месяцем воздух в подземном городе становился все свежее, пища — более разнообразной и вкусной. Жители осажденной берсеркерами планеты заставили работать на себя практически неисчерпаемую силу термоядерных реакций распада водорода плюс богатые залежи минералов в окружающих породах. Так они могли продержаться сколько угодно времени, постепенно устраиваясь в подземном городе со все большими удобствами.

Деррон Одегард шел сейчас по одной из самых оживленных улиц-коридоров подземного города-мира, вдоль нее выстроилось множество магазинов, разнообразных учреждений и жилых блоков. В одном из таких жилых блоков и находилась холостяцкая квартирка Деррона. Собственно, даже не квартирка, а комната, как в общежитиях. Свод улицы-коридора поднимался на высоту примерно двух этажей обычного дома, а в ширину она была как обычная главная улица в обычном небольшом городке — в безвозвратно погибшем и оплакиваемом до сих пор мире на поверхности планеты. Посредине улицы бежали в обе стороны полосы движущейся дорожки, на них стояли люди, которым некогда было просто пройтись пешком. Вдоль дорожки быстро шли двое полицейских в белой униформе, проверяли личные карточки пассажиров. Правительство планеты строго преследовало бездельников, отлынивающих от работы.

Как всегда, на улице по обеим сторонам от бегущей дорожки толпились люди самого разного возраста и общественного положения. Мужчины и женщины в однообразной рабочей униформе спокойно направлялись на работу или с работы, не торопясь, но и нигде особенно не задерживаясь. Только кучка детей, только что выбежавших из какой-то школы, бурлила неуемной энергией. Совсем не много взрослых — пожилых людей или молодежи, отдыхавшей после работы, — не спеша прогуливались вдоль улицы и топтались у витрин магазинов и увеселительных заведений. Индустрия развлечений, которую частично отдали на откуп частным владельцам, похоже, неплохо держалась на плаву. Эти заведения работали гораздо оживленнее, чем те, что были полностью под контролем правительства.

Одна из коротеньких очередей выстроилась у входа в местное отделение Управления Окружающей среды. Как и все остальные конторы и магазины, офис Управления Окружающей среды был отделен от коридора-улицы стеной из стекла и металлических переборок. Стоя на неподвижной полосе улицы напротив этого

офиса, Деррон разглядывал сонных служащих, вывески с бегущими надписями и макеты. Они почему-то казались старыми и запыленными. На вывесках, которые должны были, по замыслу создателей, полыхать насыщенными и яркими цветами, изображались виды природы — предполагаемой послевоенной реконструкции поверхности планеты.

«НАЧИНАЙ СТРОИТЬ ЗЕМЛЮ *СВОЕЙ* МЕЧТЫ УЖЕ *СЕГОДНЯ!*»

Земли, конечно, будет полным-полно. Только вот найти там воздух, чтобы можно было дышать, и воду, годную для питья, будет, наверное, трудновато. Но Управление Окружающей среды рассчитывало на то, что когда-нибудь — после победы, конечно, — начнется новая, прекрасная жизнь на поверхности планеты. Жизнь, которую будут поддерживать и защищать новые океаны воздуха и воды, каким-то образом добытых из глубин планеты или, если уж на то пошло, даже принесенных с гигантских внешних планет звездной системы Сегола.

Судя по знакам различия на одежде, люди, собравшиеся поглазеть на вывески Управления Окружающей среды, были из самых разных подразделений планетарных служб и самых разных рангов. Но сейчас на всех лицах было одно и то же выражение — то, что в ранние века назвали бы крестьянским долготерпением. Они смотрели на макеты и стенды с надеждой, им очень хотелось верить, что когда-нибудь все так и будет. Собственно, Деррон остановился на тротуаре, чтобы посмотреть не на рекламные стенды, а на этих людей. Все они каким-то образом заставили себя забыть, — если, конечно, вообще когда-нибудь это осознавали, — что их мир на самом деле мертв. Реальный мир, единственный и неповторимый, был уничтожен, развеян в прах — вместе с девятью из десяти людей, которые и делали его живым.

Не то чтобы эта сухая статистика — девять из десяти — хоть что-то значила для Деррона. Как, по его мнению, и для любого другого на планете. Важны не цифры, а отдельные личности...

Такое знакомое, такое любимое лицо снова всплыло в памяти... Он устало отогнал мучительное воспоминание, повернулся и пошел прочь от тех, кто, выстроившись в ряд перед витриной Управления Окружающей среды, еще надеялся и верил, питая свою веру тусклыми картинками с витрины.

Деррон направился к своей квартире, но, дойдя до развилки улицы-коридора, он, подчиняясь внезапному порыву, свернул не домой, а в узкий боковой проход. Этот коридорчик был вроде полутемной узкой аллеи, в него выходило совсем немного окон

и дверей. Зато всего через сотню шагов аллея заканчивалась высокой аркой, в обрамлении которой виднелась живая зелень, самые настоящие деревья. В это время суток в парке должно быть не очень много посетителей.

Деррон не прошел еще и половины аллеи, как почувствовал, что стены коридора и скалы вокруг задрожали от далекого взрыва. Впереди в парке Деррон увидел двух маленьких птичек с красным оперением, которые в панике порхали, стараясь спрятаться в зеленых кронах деревьев. Лейтенант не насторожился и не остановился. Он продолжал идти и успел сделать еще три шага, прежде чем сюда снова донесся звук взрыва — неясный и приглушенный, но мощный. Похоже на небольшую ракету, причем вошла она довольно близко отсюда. Вражеская флотилия, осадившая Сегол, посылала вероятностные волны, которым иногда удавалось прорваться через защитные устройства и многие мили каменных пород. Тогда волны доходили до боевых ракет, которые, естественно, взрывались в непосредственной близости от подземного города-убежища.

Деррон Одегард все так же не спеша пошел дальше, к выходу из коридора. Там он остановился, оперся обеими руками о парапет из настоящего, натурального дерева и окинул взглядом весь парк — дюжину акров зелени. Деррон стоял сейчас на небольшом балкончике в двух ярусах от зеленой травы парка. С куполообразного голубого свода высотой в шесть уровней, который довольно убедительно изображал небо, лился свет искусственного «солнца» — тоже очень похожий на настоящий. «Солнце» освещало траву и деревья, заросли кустарников, ярких разноцветных птиц, запертых в невидимые клетки, сплетенные из завихрений воздушных струй. Через весь парк протекал маленький ручеек — узкий извилистый поток свежей воды. Сегодня уровень воды в ручье сильно упал, так что можно было ясно рассмотреть бетонное русло.

Еще год назад — целую жизнь назад, когда планета была еще жива, — Деррон Одегард не особенно много времени уделял любованию красотами природы. Эх, сейчас бы прогуляться куда-нибудь налегке на свежем воздухе! Но Деррон все время тратил на то, чтобы получше закончить обучение и устроиться на работу по специальности — историком. Его жизнь была отдана историческим текстам, фильмам и записям — обычный путь молодого ученого, стремящегося чего-то добиться в науке. Даже выходные и дни отпуска Деррон проводил в разных прославленных в истории местах... И снова, с усилием, уже вошедшим в привыч-

ку, Деррон отогнал воспоминания о той единственной девушке, которую он когда-то любил.

Год назад карьера историка обещала большое будущее, полное невероятных открытий и возможностей. Потому что как раз тогда ученые-физики впервые обнаружили, что уникальными природными условиями пространства-времени на Сеголе можно управлять. А значит, человечество на Сеголе сможет своими глазами увидеть собственное прошлое. Всего год назад война с берсеркерами казалась такой невероятно далекой... Берсеркеры? Ужасно, что и говорить, но ведь они нападают только на отдаленные от нас миры, где-то там, за сотни световых лет отсюда... Прошли десятилетия с тех пор, когда впервые было получено сообщение о берсеркерах. Все эти десятилетия строилась защитная система планеты Сегол. Служба в Вооруженных Силах стала обычной обязанностью молодых людей, заключительной частью общего курса обучения для тех, кто заканчивал школу.

Деррон уже не удивлялся тому, что за последний год узнал об истории больше, чем за все годы, проведенные за изучением данного предмета. Но легче от этого не стало. Деррон знал теперь, что, когда наступят последние минуты истории Сегола, — если, конечно, он будет уверен, что эти минуты действительно последние, — он постарается провести эти минуты в одном из таких вот уголков живой природы, наедине с припасенной заранее бутылочкой хорошего вина. Ему хотелось встретить конец истории, произнеся столько тостов, на сколько хватит истории. Он будет пить за то погибшее или погибающее, что покажется ему самым важным и достойным сожаления.

Усталость и напряжение, накопившиеся в теле за часы дежурства, начали понемногу отступать, как будто вытекая через ладони в отполированные сотнями рук деревянные перила балкончика. И Деррон уже совсем забыл о недавнем взрыве, когда в парке начали появляться первые пострадавшие.

В узкую арку нижнего уровня парка протиснулся мужчина в изодранной в клочья одежде, весь покрытый черной копотью. Одного рукава не хватало, обнаженная рука была вся в кровоподтеках и ожогах. Раненый быстро, не разбирая дороги, прошел среди деревьев, а потом, будто актер в старинном спектакле, упал, вытянувшись во весь рост, у искусственного ручейка и стал судорожно хлебать воду ртом.

Следующим из той же самой арки появился мужчина средних лет, одетый более прилично. Наверное, какой-нибудь служащий или администратор, хотя с такого расстояния Деррон не

мог как следует разглядеть знаки различия на униформе. Никаких ран на теле этого мужчины заметно не было, но он шел по парку так, словно потерялся или вообще не понимает, что с ним происходит. Время от времени служащий прижимал руки к ушам — может, его оглушило, а может, просто хотел проверить, на месте ли его голова?

Вбежала, подвывая, низенькая толстушка, которая придерживала то одной, то другой рукой клочок содранного скальпа, болтавшийся на узком лоскутке кожи. За толстушкой показалась еще одна женщина. Потом страждущие и покалеченные повалили через калитку нижнего паркового уровня непрерывным потоком, заполонили весь садик, нарушив хрупкий искусственный мир и покой этого уголка живой природы громкими жалобными криками и стонами.

Откуда-то из нижних переходов послышались командные окрики, рокот и завывание мощных моторов. Спасательные и ремонтные подразделения уже приступили к работе — начали устранять повреждения, причиненные взрывом, и оказывать помощь пострадавшим. Раненых, которые могли ходить сами, спасатели направили в парк, чтобы те не болтались под ногами и не мешали оказывать помощь тем, кто оказался в более тяжелом состоянии. В парке уже собралось десятка три пострадавших. Они бродили среди деревьев или лежали на траве и оглашали пространство вокруг отчаянными криками — почему, дескать, сюда, в сегодняшний день, прорываются эти чертовы ракеты и почему проклятая ракета свалилась на голову именно им, несчастным.

Среди пострадавших Деррон увидел высокую стройную девушку лет восемнадцати или двадцати, одетую в остатки того, что, должно быть, было простеньким ситцевым форменным платьем. Девушка стояла, прислонившись к стволу дерева, как будто у нее не было сил сделать еще хоть шаг. Ее платье было разорвано так...

Деррон оттолкнулся от поручня, его лицо исказилось гримасой отвращения к самому себе. Он внезапно увидел себя со стороны — словно какой-то древний тиран, он равнодушно взирает на чужие страдания и боль и даже снисходит до похотливых мыслей. Скоро, очень скоро ему придется окончательно решать — оставаться на стороне человеческой расы или нет.

Рядом с балкончиком была узенькая лестница, и Деррон поспешно спустился вниз, в парк. Мужчина, у которого была обожжена рука, полоскал ее в прохладных струях проточной воды,

многие раненые жадно пили. Деррон огляделся. Вроде бы ни у кого из пострадавших не было остановки дыхания или опасного для жизни кровотечения. А девушка в остатках платья, что стояла у дерева, выглядела так, словно вот-вот упадет без сил.

Деррон подошел к ней, стащил с себя форменную куртку и набросил на плечи девушке, потом обнял ее и отстранил от дерева.

— Где у вас болит?

Девушка покачала головой и что-то пробормотала — слов Деррон не разобрал. Девушка была смертельно бледна. Деррон подумал, что у нее может быть шок, и попытался усадить ее на траву. Она стала сопротивляться, и несколько секунд они танцевали странный парный танец — Деррон старался поддержать девушку и не упасть вместе с ней. Девушка была высокой, стройной и, по обычным меркам, довольно красивой... Нет, не то чтобы красивой, да и миленькой ее не назовешь... Но на нее было приятно смотреть — это точно. Волосы девушки были коротко острижены, как почти у всех женщин в эти дни — согласно рекомендованным правительством нормам. Никаких украшений она не носила, не было и макияжа — что, надо признать, было несколько необычным.

Девушка немного пришла в себя и в растерянности огляделась. Посмотрела на куртку Деррона, в которую бессознательно закуталась поплотнее.

— А вы офицер... — разглядев нашивки на воротнике, сказала девушка низким грудным голосом, все еще немного невнятно.

— Некоторым образом. Может, вам лучше прилечь где-нибудь?

— Нет... Я, наверное, попробую добраться до дома... Скажите, пожалуйста, где я? И что случилось? — Голос задрожал, девушка стала говорить громче.

— Я так понимаю, мы подверглись ракетной атаке. Здесь и сейчас мои офицерские нашивки должны вам кое в чем помочь, а? Так что сидите спокойно, ладно?

Девушка снова попробовала высвободиться из объятий Деррона, куда-то пойти, и они протанцевали еще несколько шагов.

— Нет. Сперва мне нужно узнать... Я не знаю, кто я такая... и где я, и почему я здесь оказалась!

— Я и сам о себе столько не знаю. — Так откровенно Деррон уже давным-давно ни с кем не разговаривал.

В парк вбежали еще несколько человек — просто прохожие и медработники, и всеобщая растерянность и суматоха только

усилились, когда они принялись тут же, на месте, оказывать помощь пострадавшим. Девушку все сильнее беспокоило то, что творится вокруг, она вцепилась как клещами в руку Деррона и затравленно оглядывалась, не понимая, что происходит.

— Ну, хорошо, мадемуазель, раз уж вам так охота куда-нибудь пойти, давайте я отведу вас в госпиталь. Тут есть один, совсем неподалеку, надо только спуститься в лифте. Пойдемте!

Девушка уже владела собой настолько, что смогла довольно ровно идти, держась за руку своего спутника.

— Как вас зовут? — спросил Деррон, когда они вошли на площадку подъемника. Прочие пассажиры с интересом разглядывали растерянную девушку, одетую только в куртку своего спутника.

— Я... я не знаю! — Осознав, что она не помнит даже собственного имени, девушка испугалась по-настоящему. Она потянулась рукой к шее, но личной карточки там не было. Многие просто не носили их с собой, пренебрегая распоряжением правительства. — Куда вы меня везете?!

— Я же говорил, в госпиталь. Вам нужно показаться врачу. — Хотелось бы ему ответить не так ясно, потешить разгулявшееся воображение соседей-пассажиров, которые уже во все глаза разглядывали едва одетую девушку.

Внизу, на одном из рабочих уровней, Деррон вывел девушку из кабинки лифта. Всего в нескольких шагах отсюда располагался вход в приемник отделения неотложной помощи медицинского комплекса. Сюда уже начали прибывать другие пострадавшие от взрыва, в основном тяжелораненые, на носилках, так что приемник был забит до отказа. Пожилая медсестра начала было снимать с девушки куртку Деррона, но тут последние лоскутки, оставшиеся от ее собственной одежды, расползлись окончательно. Девушка негромко вскрикнула, и медсестра поспешила снова завернуть ее в куртку.

— Вы, молодой человек, приходите за своей курткой завтра, хорошо?

— Ладно.

Раненые на носилках все прибывали, здесь же деловито сновали санитары и медсестры, и наконец в приемнике стало так тесно, что Деррон счел за лучшее удалиться, кивнув девушке на прощание. Вместе с толпой медленно протолкался к выходу в коридор, потом выбрался из людского потока и пошел прочь. Деррон улыбался, чуть ли не смеялся — из-за медсестры и его куртки, будто это была самая веселая шутка в мире. Просто уже

очень давно не случалось ничего такого, из-за чего стоило бы улыбаться.

Деррон все еще улыбался, когда прошел в рабочий комплекс Сектора Операций во Времени. В раздевалке дежурных наблюдателей у него была еще одна форменная куртка, в специальном шкафчике для одежды. На доске объявлений не появилось ничего нового. Деррон подумал, и далеко не в первый раз, о том, что неплохо бы подать рапорт о переводе на другую работу, где не пришлось бы высиживать по шесть часов в день на дежурстве, до предела напрягая нервы. Правда, похоже, что тех, кто не подавал рапорта, могут перевести на другое место точно так же, как и тех, кто подавал.

Собственно, еще до завтра может объявиться муж или возлюбленный этой девушки, позаботится о ней. Ну, конечно же, — девушка-то первый сорт! Что ж, может, это все-таки будет ее брат или, скажем, сестра.

Деррон прошел в офицерский спортзал и сыграл партию в ручной мяч со своим старым приятелем, Ченом Эймлингом, с которым они когда-то вместе учились. Сейчас Эймлинг был капитаном Отдела Исторических исследований. Эймлинг никогда не играл за просто так, и Деррон выиграл на этот раз бутылку слабенького синтетического алкогольного пойла, которое он терпеть не мог. Разговаривали в спортзале в основном о первой победе Сектора Операций во Времени. А когда кто-то упомянул о последней ракетной атаке, Деррон сказал только, что видел нескольких пострадавших.

После душа Деррон, Эймлинг и еще пара офицеров направились в один из баров в жилых уровнях. Этот бар почему-то нравился Чену Эймлингу больше других. Майора Лукаса, ведущего историка-психолога Сектора Операций во Времени, тоже затащили с собой, соблазнив психологическими и разными прочими достоинствами новых девочек из второразрядного местного кабачка под названием «Красная подвязка». Это была еще одна сторона жизни подземного города, которая цвела пышным цветом почти безо всякого вмешательства со стороны правительства.

Эймлинг на спор сразился с кем-то в дартс, в кости и поспорил даже на кое-что такое, чем обычно занимаются с девочками из «Красной подвязки». Деррон особенно не прислушивался к общей беседе, зато почти все время улыбался и отпускал шутливые замечания. Он принял одну порцию выпивки — не больше, чем всегда, — и немного расслабился, убаюканный гулом голосов.

Потом Деррон зашел в офицерскую столовую, здесь же неподалеку, и с аппетитом пообедал. Когда он наконец добрался до своей холостяцкой комнатушки, то на ходу скинул туфли, растянулся на диване и заснул прежде, чем голова успела коснуться подушки.

Среди ночи Деррон проснулся, расстелил постель, переоделся в пижаму и снова улегся спать. Но утром он все равно проснулся гораздо раньше, чем обычно, и притом чувствовал себя отдохнувшим. Маленькие часы на стенке показывали полседьмого утра по стандартному планетарному времени. Но в это утро вопросы планетарного времени волновали Деррона меньше всего. Он подумал, что времени в запасе еще довольно много и, прежде чем идти на дежурство, можно успеть заглянуть в госпиталь.

Перебросив куртку через руку, Деррон прошел по коридорам, следуя указаниям дежурной медсестры, и увидел ту самую девушку. Девушка уютно устроилась в кресле в комнате отдыха для пациентов клиники. В этот ранний час, кроме нее, здесь никого не было. Девушка вдумчиво и сосредоточенно смотрела телевизор, который передавал сообщения по «ура-патриотическому» каналу — так первый правительственный телеканал обычно называли в народе. Было даже забавно видеть, с каким вниманием девушка выслушивала все, что говорил комментатор. Сегодня на ней было новое простенькое платье из ситца и больничные тапочки.

Услышав шаги, девушка быстро повернула голову, потом, узнав Деррона, приветливо улыбнулась и встала с кресла.

— А, это вы! Как приятно хоть кого-то узнавать, вы не представляете!

Деррон пожал протянутую руку.

— Знаете, когда тебя узнают, это тоже очень приятно. Вы выглядите гораздо лучше.

Девушка поблагодарила Деррона за помощь, тот стал возражать, говоря, что ничего особенного для нее не сделал. Девушка отключила звук телевизора, и они присели на диван, чтобы поговорить. Деррон представился.

Девушка в растерянности улыбнулась.

— Как бы мне хотелось назвать свое имя!

— Я знаю... Поговорил с медсестрой. Врачи считают, что у вас стойкая потеря памяти, но в остальном все более-менее в порядке.

— Да, я чувствую себя неплохо, если не обращать внимания на эту маленькую подробность. И у меня теперь есть новое имя — Лиза Грей. В больнице никак нельзя обойтись без регистрации, вот меня и записали под этим именем — оно стояло следующим в специальном списке, который у них есть для таких случаев. Знаете, оказывается, в эти дни с верхних уровней доставляют не так уж мало людей с потерей памяти, и всем им надо давать новые имена. Медсестра сказала, что во время эвакуации потерялось так много всяких документов — регистрационные записи, каталоги с отпечатками пальцев и всякие такие штуки.

— Лиза — чудесное имя. По-моему, оно вам подходит.

— Спасибо. — Голос девушки звучал почти беззаботно.

Деррон заметил:

— Знаете, я слышал, что потеря памяти наступает, если человек попадает в место, через которое прошла ракета, — в этакое завихрение волны вероятностного пространства, как раз перед тем, как материальный объект выйдет оттуда в реальность. Получается точно так же, как когда человека относит в очень далекое прошлое. Память стирается, будто ластиком прошлись по карандашному рисунку.

Девушка кивнула:

— Да, врачи считают, что именно это со мной вчера и случилось. Они сказали, что я скорее всего была в группе людей, которых как раз эвакуировали с верхних уровней, когда взорвалась эта ракета. И если даже со мной был кто-нибудь из родственников, их, наверное, разорвало на куски взрывом вместе со всеми документами и записями. Никто не приходил, не спрашивал обо мне.

Такие случаи происходили на Сеголе чуть ли не каждый день, но на этот раз Деррону стало как-то не по себе. И он поспешил переменить тему разговора.

— А вы уже завтракали?

— Да. Здесь, прямо в комнате, есть такой автомат, вы можете себе что-нибудь заказать. Может, я тоже выпью немного сока.

Деррон тут же сходил к автомату и вернулся с маленьким бумажным стаканчиком, наполненным оранжевой жидкостью, которую выдавали за фруктовый сок. Себе он принес чашку чая и пару обыкновенных сладких булочек. Лиза снова увлеченно смотрела телевизор — там как раз передавали официальную версию хода боевых действий. Деррон порадовался, что громкость она все же прибавила совсем чуть-чуть и зычный голос комментатора почти не резал слух.

Деррон расставил еду на маленьком столике с короткими ножками и придвинул свое кресло поближе. Глянув на удивленное лицо Лизы, он спросил:

— Вы помните хоть что-нибудь о войне?

— Почти ничего... Наверное, эта часть моих воспоминаний в самом деле стерта начисто. Что такое эти берсеркеры? Я знаю, это что-то ужасное, но...

— Это такие машины. — Деррон отхлебнул глоточек чая. — Некоторые из них по размерам превосходят любой космический корабль, который когда-либо строили мы или другие потомки землян. Они могут быть самой разной формы и самых разных размеров, но все они смертельно опасны. Первые берсеркеры были построены многие века назад существами какой-то разумной расы, с кем мы даже никогда не встречались, для участия в войне, о которой мы никогда не слышали. Берсеркеры были созданы для того, чтобы уничтожать все живое, что попадется на их пути, и они пришли сюда один бог знает откуда, занятые только уничтожением жизни в любых ее проявлениях.

Деррон начал рассказывать спокойным, ровным голосом, но постепенно в простых словах зазвучала неутолимая, безграничная горечь.

— Иногда люди побеждали берсеркеров в битвах. Но хоть один из этих механических убийц, да выживал — так было всегда. И этот последний берсеркер находил какое-нибудь потаенное убежище среди неисследованных скал или возле какой-нибудь темной звезды и начинал воссоздавать себе подобных. Не обязательно точно таких, как он сам, — разных, но непременно смертоносных. А потом они возвращались. Они приходили снова и снова, неумолимые и неизбежные, как сама смерть...

— Нет... — прошептала Лиза, не в силах поверить ужасной правде.

— Простите, я не собирался вас запугивать. Во всяком случае, раннее утро — не самое подходящее время для таких мрачных рассказов. — Деррон виновато улыбнулся. Он не мог придумать никакого разумного оправдания своему желанию переложить на хрупкие девичьи плечи тяжесть, что давила ему душу. Но он уже начал говорить, и слова лились теперь неудержимым потоком... — Мы здесь, на Сеголе, еще живы. А значит, берсеркеры должны нас уничтожить. Но поскольку они всего лишь машины, все это превращается в какую-то кошмарную цепь случайных совпадений, во что-то вроде грандиозного розыгрыша. Люди говорят в таких случаях — «перст судьбы», или «бо-

жий промысел». Отомстить за нас будет некому. — Горло у Деррона судорожно сжалось, он одним глотком выпил остатки чая и отставил пустую чашку.

Лиза спросила:

— Может быть, люди с других планет придут нам на помощь?

Он вздохнул:

— Многие из них и так сражаются с берсеркерами в своих собственных звездных системах. Правда, они могли бы собрать достаточно мощную освободительную флотилию нам в помощь — да только межзвездные политики не могут обойтись без своих извечных игр. Но мне кажется, нам все-таки помогут.

Телекомментатор настойчиво бубнил о победе Вооруженных Сил планеты, расчистивших от врага луну. На экране прокручивали соответствующую запись. Крупнейший естественный спутник планеты Сегол очень походил на Луну Земли. Задолго до того, как здесь появились и люди, и берсеркеры, округлый лик Луны избороздили сотни тысяч разнообразных кратеров. Но за последний год поверхность Луны Сегола изменилась. Прежний узор исчез под покровом новых кратеров, был уничтожен ядерными взрывами — почти со всеми защитниками планеты, которые там оказались.

— Я думаю, помощь подоспеет вовремя, — сказала Лиза.

«Вовремя — для чего?» — подумал Деррон. Вслух же он сказал:

— Я тоже, — прекрасно понимая, что говорит неправду.

Теперь по телевизору показывали виды дневной стороны Сегола. Под темно-синим небом — воздуха оставалось очень мало — до самого горизонта простиралась равнина, заваленная беспорядочными грудами каких-то обломков. Не осталось ничего живого. Ничего не двигалось — разве что ветер кое-где ворошил серо-желтую пыль. Неподалеку из-под груды серых обломков, припорошенных пылью, вздымался сверкающий стальной остов одного из берсеркеров, искореженный, расплющенный в лепешку в схватке с каким-то ужасающим оружием защитников планеты — неделю или месяц тому назад. Еще одна победа, которую вдохновенно превозносил восторженно-агрессивный телекомментатор.

Лиза отвернулась от экрана, который показывал унылые и жуткие картины гибели и разрушения.

— У меня осталось несколько воспоминаний... Прекрасных воспоминаний о том, какой была наша планета. Совсем не такой.

— Да, она была прекрасна.

— Расскажите, пожалуйста.

Деррон улыбнулся.

— Хорошо. О чем вам лучше рассказать — о чудесных творениях человеческих рук или об изумительных красотах природы?

— Наверное, о том, что создали люди... Я... Я не знаю. Но ведь человек — это часть природы, правда? А значит, и все, что создано человеком, тоже в какой-то мере часть природы?

Перед глазами Деррона встали величественные башни и шпили собора, возвышающегося на холме, и отблески солнечных лучей в разноцветных витражах... Но что толку об этом вспоминать? Он сказал:

— Признаться честно, я не совсем уверен, можно ли считать нас частью природы на этой планете. Вы помните про особенные свойства пространства-времени вокруг планеты Сегол?

— Вы, наверное, имеете в виду пришествие Первых людей? Знаете, я никогда не могла толком разобраться в этих научных тонкостях. Может, вы мне расскажете?

— С удовольствием.

И Деррон начал рассказывать — в профессиональной манере, как будто читал лекцию по истории. Не так уж часто ему выпадал случай прочитать лекцию.

— Наше солнце внешне совершенно ничем не отличается от любой звезды G-типа при планетах, подобных Земле. Но в этом случае внешность оказалась обманчивой. Впрочем, в обычной человеческой жизни время здесь течет так же, как в любом другом месте. И сверхсветовые межзвездные корабли могут входить в нашу систему и выходить из нее — но только если примут определенные меры предосторожности. Первый космический корабль, попавший в систему Сегола, вез исследовательскую экспедицию с Земли. Естественно, команда корабля понятия не имела о том, какие коварные шутки здесь выкидывает пространство-время. И, подойдя к незаселенной планете Сегол, этот корабль внезапно провалился в прошлое — примерно на двадцать тысяч лет назад. Такого не могло случиться больше нигде, ни на одной из известных планет во всей Вселенной. Путешествия во времени возможны только на Сеголе, и только при определенных условиях. И одно из таких условий, вернее, особенностей этого явления, таково: у любого, кто погружается в прошлое более чем на пятьсот лет, наблюдается некоторое интеллектуальное снижение, при этом практически все его воспоминания стираются напрочь. Это и случилось с землянами, прилетевшими на первом исследовательском корабле. Команда корабля стала,

таким образом, Первыми людьми из нашей мифологии. Поскольку они провалились в прошлое на целых двадцать тысяч лет, у них соответственно не осталось вообще никаких воспоминаний. И после того как космический корабль под управлением автопилота благополучно приземлился, наши далекие предки вышли оттуда беспомощными, как младенцы.

— Но как же они тогда вообще выжили? — спросила Лиза.

— Точно неизвестно. Наверное, дело в инстинктах. И — в везении. Верующие люди говорят — милость Господа. Мы не можем увидеть Первых людей, даже с помощью следящих устройств. К счастью, берсеркеры тоже не могут до них добраться. Эти земляне, Первые люди, попавшие на планету Сегол, были поставлены в такие условия, что им пришлось заново проходить все этапы эволюции. Им в самом прямом смысле пришлось начинать с нуля. И их невозможно найти или увидеть из будущего, даже применяя самые совершенные технические средства.

Лиза внимательно слушала, в задумчивости отщипывая маленькие кусочки от сладкой булочки.

— А я думала, что эволюция — это только результат череды мутаций. Некоторые из них приживаются, а некоторые нет...

— Эволюция — это гораздо больше, чем просто мутации. Видите ли, помимо прочих, более очевидных свойств, материя обладает способностью к самоорганизации. Перемещение материи во времени — это закономерный путь от хаоса ко все более и более высокой организации. И человеческий мозг — одно из наглядных подтверждений этой закономерности, так сказать, одна из вершин совершенствования материи. Во всяком случае, большинство ученых с этой теорией согласны... Правда, берсеркерам в этой теории места, похоже, не найти. Ладно, на чем там я остановился?

— Первые люди приземлились...

— Ах, да. Что ж, они каким-то образом сумели уцелеть и стали жить и размножаться. За тысячи лет наши предки выстроили высокоразвитую цивилизацию, хотя начинать им пришлось буквально с нуля. И когда к Сеголу подошел второй исследовательский корабль с Земли — спустя десять стандартных земных лет после первого, — мы уже доросли до единого всепланетного правительства и делали первые шаги в исследовании космоса, космических полетах. Собственно, второй корабль землян перехватил сигналы, которые посылала одна из первых наших межпланетных космических станций. Поэтому этот земной корабль подходил к Сеголу гораздо осторожнее, чем первый. Земляне

прорвались сквозь хитрые ловушки пространства-времени и благополучно опустились на планету. Довольно скоро люди с Земли выяснили, что произошло с командой первого корабля, и с радостью приветствовали нас, как своих отдаленных потомков. Они же предупредили нас о берсеркерах, машинах-убийцах. Взяли некоторых из нас в другие звездные системы и показали, что из себя представляет война с берсеркерами. Люди Земли и прочих населенных миров были, конечно же, рады принять в сообщество еще четыре миллиона сородичей. И они, конечно, не оставили нас на произвол судьбы, помогли советом, в том что касается современного оружия и фортификации. Так что последующие восемь лет мы упорно готовились защищать свою планету. И вот примерно год назад к Сеголу подошел флот берсеркеров. Все, конец урока. И конец истории.

Лизу, похоже, не очень-то волновал конец истории. Она с удовольствием отпила еще чуть-чуть так называемого сока — как будто он ей очень нравился.

— А чем вы теперь занимаетесь, Деррон?

— Так, всяким разным — в Секторе Операций во Времени. Видите ли, война с берсеркерами в настоящем времени достигла мертвой точки — они не могут выковырнуть нас из этих подземелий, но не могут и построить на поверхности свою базу, не могут даже просто высадить десант — пока мы здесь. Берсеркеры кое-что узнали о перемещениях во времени и теперь, естественно, изо всех сил пытаются достать нас через наше прошлое. Первая атака такого рода была сляпана в чисто берсеркерском стиле — они собирались выжечь все живое на планете. С этим нападением мы справились довольно легко. Скорее всего в следующий раз они полезут не так тупо и грубо. Могут, к примеру, убить какую-нибудь важную для истории личность или сделать еще что-нибудь такое, от чего история планеты пойдет наперекосяк и необходимый для эволюции шаг не будет сделан. Ну, например, наши предки не придумают колесо или что-то еще в этом роде. От этого все, что должно было произойти, случится позже, чем надо. И, может, у нас будет какое-нибудь мрачное Средневековье, когда к Сеголу подойдет корабль со второй экспедицией с Земли. Соответственно, не будет никаких радиосигналов со спутника, а значит, земляне могут вообще нас не найти. Если же они все-таки наткнутся на Сегол и проберутся через ловушку пространства-времени — у нас все равно не будет достаточно развитой науки и достаточно мощной промышленной базы для создания планетарных защитных систем. У Земли и

других планет и без нас полно неприятностей — им бы самим как следует защититься. Так что мы ничего не сможем поделать, когда наконец придут берсеркеры. Понимаете теперь, что даже в этих подземельях стало небезопасно? Все мы наверняка можем вскорости умереть. Или попросту перестать существовать. Забавный философский вопрос: что вернее?

— О! Но вы ведь сможете отбить их нападения через время? Конечно, сможете, я уверена!

Выплеснув в своих словах всю горечь и безнадежность, ему не оставалось ничего, как только улыбнуться девушке и пожелать ей всего хорошего. И Деррон почувствовал, что после двух или трех неудачных попыток его губы все-таки растянулись в улыбку. Он мельком глянул на наручные часы:

— Если, по-вашему, это так зависит от меня, то, наверное, мне лучше пойти на дежурство — наверняка впереди очередная героическая схватка.

Сегодня краткий инструктаж перед дежурством для смены, в которой работал Деррон, давал полковник Борс, который всегда ухитрялся подать обычные наставления как мрачные откровения какого-нибудь библейского пророка.

— Все вы знаете, что отбитая вчера атака берсеркеров — это всего лишь небольшой тактический успех, — вот с чего полковник начал свою проповедь. В полумраке зала совещаний его указка со световодом скользила по светящимся символам широкого экрана. В блеклых отблесках этого света Деррон, который сидел почти в первом ряду, увидел, что полковник улыбнулся, когда сказал следующую фразу. — Но если рассматривать положение дел со стратегической точки зрения, приходится признать, что ситуация только осложнилась.

Вскоре стало понятно, отчего полковник так мрачно улыбается: район внедрения берсеркеров по-прежнему не был точно установлен, известно было только, что это где-то за пределами двадцати одной тысячи лет в прошлом.

— После того как враги совершат из этой точки еще три вылазки, три прорыва в реальное пространство-время, мы получим три вектора, коих хватит для того, чтобы проследить их путь до исходной точки — до точки внедрения. Тогда мы разнесем их ракетами и таким образом провалим всю их временну́ю программу. — Полковник немного помолчал, прежде чем перейти к главному: — Ну, конечно, нам сперва придется немного повозиться с последствиями этих трех вылазок.

Младшие офицеры, сидевшие в зале, с готовностью поддержали шутливый тон — в аудитории раздались неуверенные смешки. Полковник Борс включил экран, на котором высветилась некая сложная древовидная структура. Судя по надписи под изображением, это была схема истории человечества на Сеголе.

Полковник ткнул указкой почти в самый низ «ствола» этого дерева, туда, где тоненький росток пробивался из таблички со знаком вопроса.

— Мы предполагаем, что первая из этих трех атак берсеркеров будет нацелена сюда. Это где-то совсем близко от пришествия Первых людей.

Теплые лучи полуденного солнца нещадно припекали голые плечи Мэтта, которого еще иногда называли Охотником за Львами. Мэтт отвел глаза от последнего знакомого приметного места. Земля, на которой он прожил все свои двадцать пять лет, оставалась позади.

Чтобы получше разглядеть земли, что раскинулись впереди, там, куда сейчас направлялись Мэтт и остальные из Народа, Охотник вскарабкался на каменную глыбу высотой до плеча взрослого мужчины, возвышающуюся немного в стороне от пути, избранного Народом. Вслед за Мэттом медленно тащилась маленькая кучка Народа, в которой людей было сейчас не больше, чем у человека пальцев на руках и ногах. Люди брели один за другим, вытянувшись в длинную цепочку. Они были самого разного возраста, их тела прикрывала заскорузлая, потрепанная меховая и кожаная одежда. Кроме этих кусков меха и кожи, у них почти ничего с собой не было. Никто из Народа не оглядывался назад и не пытался уговорить остальных остановиться или свернуть с пути.

Нагретый воздух поднимался над раскаленной землей, рождая колеблющееся марево. С вершины каменной глыбы Мэтт увидел впереди пустынные пологие холмы, окруженные болотистыми низинами. Ничего особо не радовало глаз. В этих новых, незнакомых землях могут поджидать неизвестные опасности, вдобавок к уже известным, но на Совете каждый из Народа согласился, что ничего не может быть ужаснее той опасности, от которой они бежали, — тех чудовищ, похожих на львов с телами из сверкающего камня. Ничего не может быть страшнее этих львов, которых невозможно убить или хотя бы ранить камнями и стрелами. Львов, которые приходят днем и ночью, чтобы убивать, и могут убить одним только взглядом своих огненных глаз.

За последние два дня сверкающие «каменные львы» убили еще десятерых из Народа. А те, что остались в живых, могли только убегать и прятаться, не отваживаясь даже выбраться к луже, чтобы попить, или остановиться, чтобы выкопать съедобный корешок.

За плечом Мэтта висел лук со стрелами, последний и единственный, оставшийся у Народа. Остальные луки или сгорели, когда больше нечем было развести костер, или были сломаны — пропали вместе с мужчинами, которые пытались своими стрелами остановить «каменных львов». Мэтт подумал, что завтра надо будет попробовать добыть мяса в новых землях. Никто из Народа не нес с собой еду. То один, то другой из малышей время от времени начинал хныкать и скулить от голода, но бдительные мамаши тотчас же заставляли их замолчать, закрывая плаксам рты и носы.

Цепочка людей уже миновала камень, на котором стоял Мэтт. Охотник проводил взглядом знакомые спины, и тут оказалось, что одного человека не хватает. Мэтт тяжело вздохнул и спрыгнул со скалы.

В несколько шагов он догнал соплеменника, который шел последним.

— Где Дарт? — спросил Мэтт.

Не то чтобы Мэтт отслеживал все отлучки и возвращения людей своего племени, хотя как раз он, больше чем кто-либо другой, и был для Народа кем-то вроде вожака. Просто Мэтту хотелось знать обо всем, что происходит, — ведь позади были «каменные львы», а впереди — новая, неизведанная земля.

Дарт был сиротой, но поскольку ребенком он больше не считался, то никто из взрослых о нем особенно и не беспокоился.

— Он все болтал, что очень есть хочется, — откликнулась одна из женщин. — А совсем недавно, ты как раз был сзади, парень побежал вперед, вон к тому заболоченному лесочку. Наверное, ищет что-нибудь съестное.

Деррон только успел купить Лизе кое-что на завтрак в автоматическом буфете рядом с комнатой отдыха для пациентов клиники — девушка все еще была в госпитале, под наблюдением врачей, — как из громкоговорителя раздался голос, который диктовал список сотрудников Сектора Операций во Времени, обязанных немедленно прибыть на дежурство. Деррон услышал свое имя.

Он коротко кивнул Лизе на прощание и поспешил на службу, прихватив бутерброд, чтобы съесть по дороге. Деррон нигде не задерживался, но, когда он входил в конференц-зал, там уже собралось большинство из названных двадцати четырех сотрудников Сектора. Полковник Борс в нетерпении вышагивал взад-вперед по сцене и не отвечал пока ни на какие вопросы, раздававшиеся из зала.

Почти сразу за Дерроном прибыл последний из их группы, и полковник наконец мог начать инструктаж.

— Господа, первая атака выявлена. Примерно там, где мы и рассчитывали. Входная скважина еще не обнаружена, но это где-то на триста лет позже предположительного времени высадки Первых людей. Как и в предыдущий раз, мы имеем дело с шестью вражескими объектами, они прорвались в реальное пространство-время. Но на этот раз машины берсеркеров не летающие. Во всяком случае, не было замечено, чтобы они работали в режиме полета. Вероятно, это некие приспособления, рассчитанные на уничтожение отдельных людей, и перемещаются они на ногах либо на колесах. Естественно, они неуязвимы для любого оружия, какое могут применить для самозащиты наши первобытные предки.

Мы столкнулись с огромными трудностями при выявлении входной скважины, поскольку деструктивные изменения, произведенные берсеркерами при этой атаке, несравненно слабее таковых, наблюдавшихся в предыдущий раз. На этот раз берсеркеры, несомненно, действуют прицельно — им надо убрать определенную исторически важную, незаменимую группу людей или даже отдельного человека. Правда, мы пока не знаем, кто именно так важен в районе внедрения берсеркеров. Но обязательно должны узнать. Есть какие-нибудь вопросы относительно того, что я сказал? Нет? Тогда полковник Нилос проинструктирует вас о мерах, которые мы собираемся предпринять в ответ.

Нилос, серьезный молодой человек со скрипучим голосом, встал и прошел на середину сцены.

— Господа! Вы, все двадцать четыре, имеете высокие баллы по умению обращаться с управляемыми андроидами. И хотя ни у кого из вас нет пока настоящего боевого опыта работы с ними, я полагаю, он у вас скоро появится. Я уполномочен сообщить, что вы с настоящего момента освобождаетесь от всех прочих обязанностей.

«Ну вот, а я хотел подавать рапорт о переводе», — подумал Деррон, мысленно пожимая плечами и устраиваясь в кресле по-

удобнее. Служащие в зале восприняли приказ неоднозначно — одни радовались и шутили, другие были в растерянности. Тут и там раздавались приглушенные возгласы. Все, кого избрали для этого задания, были либо рядовыми сотрудниками, либо младшими офицерами, как Деррон, их сняли с самых разных участков работы Сектора Операций во Времени. Некоторых Деррон знал в лицо, но ни с кем не был знаком.

В конференц-зале все еще не утихли обрадованные или удивленные голоса, служащие еще обсуждали неожиданное назначение и возможные опасности предстоящей схватки с берсеркерами, когда всех собравшихся попросили пройти в расположенную рядом комнату для подготовки. Там их оставили на несколько минут одних, а потом все спустились на лифте вниз, на Третий ярус Сектора Операций во Времени, в самый глубокий и лучше всего защищенный уровень из всех, созданных до сих пор.

Третий ярус представлял собой огромную пещеру с высоким сводом, размером с большой ангар. На приличной высоте над полом были подвешены к кронштейнам две дюжины комбинезонов управления, с виду напоминавшие космические скафандры на ниточках, как у марионеток. Эти комбинезоны предназначались для Деррона и его двадцати трех товарищей-операторов. На полу, под комбинезонами управления, выстроились в безукоризненно ровный ряд двадцать четыре андроида. Вокруг них сновали техники из обслуживающей команды, они в последний раз перепроверяли все системы боевых машин перед решающей схваткой. Блестящие металлические тела андроидов были выше и мощнее человеческих, и техники в сравнении с ними казались почти карликами.

В маленьких комнатках, расположенных в стене Третьего яруса, каждый оператор прослушал инструктаж, получил карты местности, где предстояло высадиться его андроиду, и ознакомился со скудной подборкой информации о первобытных людях, которых им предстояло защищать. Затем, после медицинского обследования, операторы переоделись в тонкие эластичные трико и прошествовали туда, где висели комбинезоны управления.

И тут от какого-то высокого начальства поступил приказ приостановить подготовку. Никто не мог понять причину задержки, но вот на одной из стен пещеры вспыхнул огромный экран, и на нем показалась массивная лысая голова самого Правителя Планеты.

— Господа!.. — загудел хорошо знакомый зычный голос. Но едва включилась камера обратной связи, Правитель запнулся,

потом воскликнул: — Что я вижу?! Вы что, заставили их ожидать из-за меня?! Скажите им, пусть делают свое дело! Произнести напутственную речь я всегда успею. О чем только он думал...

Правитель продолжал бушевать, но тут звук отключили и изображение тоже. У Деррона создалось впечатление, что Номер Один еще много чего собирался сказать, и, хотя самому Деррону было наплевать на военную карьеру, он порадовался, что эти слова Правителя предназначались не ему.

Оживленная деятельность в Третьем ярусе мгновенно возобновилась. Двое техников подошли к Деррону, чтобы помочь надеть комбинезон управления андроидом. Это была непростая задачка, вроде того, чтобы влезть в подвешенный на тросах тяжелый водолазный скафандр. Забраться внутрь комбинезона управления было ужасно трудно, особенно пока не включено энергообеспечение андроида. А потом толстое неуклюжее тело с тяжеленными руками и ногами становилось удивительно покорным воле оператора и мгновенно отзывалось на малейшее движение.

В наушниках шлема Деррона прозвучало:

— Энергоблок андроида подключен.

В следующее мгновение все ощущения оператора, казалось, стали передаваться стальному телу андроида, стоявшему под ним на полу. Равновесием андроида управлял теперь оператор, и, когда стальное тело начало медленно крениться вбок, Деррон слегка передвинул ногу, чтобы андроид не упал. Движение вышло таким же естественным, как если бы это было его собственное тело. Откинув назад голову в шлеме, Деррон увидел глазами андроида подвешенный в паутине тросов и кабелей комбинезон управления и себя внутри. Каждое движение оператора в комбинезоне с предельной точностью повторял управляемый андроид.

— Стройтесь в колонну для заброски, — прозвучала в наушниках шлема следующая команда. Андроиды двинулись с места и выстроились в ряд, один за другим. Шаги металлических подошв гулким эхом отдавались под сводами пещеры. Техники, которые, казалось, внезапно стали такими маленькими и хрупкими, спешили поскорее убраться подальше от металлических чудовищ. Пол пещеры у ног андроида, стоявшего первым в колонне, вспыхнул и превратился в яркий диск, переливающийся, как огромная капля ртути.

— ...Четыре, три, два, один, пошел!

Высокие металлические тела быстро и на удивление легко

рванулись с места и побежали к сияющему кругу на темном полу. Достигая границ круга, андроиды один за другим исчезали. Андроид, бежавший перед Дерроном, прыгнул и исчез. И вот уже он сам, согласно очередности, прыгнул в переливающийся серебристый круг...

Его металлические ступни опустились в траву, андроид слегка покачнулся, но устоял на неровной, кочковатой земле. Деррон огляделся. Вокруг шелестели деревья, пронизанные косыми лучами солнечного света. Он оказался в чаще лиственного леса.

Деррон глянул на встроенный в запястье андроида компас и зашагал вперед, выискивая место, откуда можно хорошенько разглядеть солнце. Солнце висело почти у самого горизонта на западе. Выходит, он почему-то отклонился от намеченного времени высадки — самое малое, на несколько часов, а то и дней, месяцев или даже лет. Деррон тотчас же сообщил об ошибке, стараясь говорить негромко, чтобы не задействовать динамики андроида.

— Начинайте движение, Одегард, — скомандовал один из наблюдателей. — Мы попытаемся вас засечь.

— Вас понял.

И Деррон начал ходить по кругу, продираясь сквозь густые заросли. При этом он жадно выискивал хоть какие-нибудь признаки присутствия врагов или тех людей, которых он должен был защитить. Но на самом деле он ходил по кругу в основном для того, чтобы создать кольцевидную волну несоответствия — то есть чтобы потревожить растительную и животную жизнь вокруг себя, создать историческое несоответствие, которое через двадцать тысяч лет заметят и оценят опытные и внимательные наблюдатели. И таким образом вычислят место и время, в котором он находится.

Деррон блуждал уже около десяти минут, двигаясь по расширяющейся спирали. Он распугал, наверное, сотни мелких зверушек, передавил тысячи невидимых насекомых, оборвал с деревьев бесчисленное количество листьев, примял неизвестно сколько живых травинок. Наконец в наушниках прозвучал ровный голос наблюдателя:

— Достаточно, Одегард. Мы вас нашли. Вы немного отклонились в пространстве, но как раз в нужном направлении, так что вскоре выйдете на своих людей. Правда, придется поторопиться — у вас задержка на четыре или пять часов. Солнце уже садится, так?

— Да.

— Хорошо. Возьмите на двести градусов к северу от магнитного северного полюса. Пройдете этим курсом примерно с четверть часа и будете очень близко от тех людей, что вам нужны.

— Вас понял.

Ну вот, вместо того чтобы как следует разведать местность прежде, чем туда доберутся его люди, Деррон должен поторопиться, чтобы добраться до них первым. То есть пока не добрался кто-нибудь другой. И Деррон побежал, быстро и ровно, время от времени сверяясь с показаниями компаса, направляя андроида к цели по кратчайшему расстоянию. Впереди лесистая местность постепенно понижалась, сменялась заболоченной холмистой равниной. Еще дальше, за болотами, примерно в нескольких сотнях метров отсюда, возвышались пологие каменистые холмы.

— Одегард, мы засекли еще один источник волн несоответствия прямо там же, где вы сейчас. К сожалению, более точную наводку дать не можем. Это почти наверняка один из берсеркеров!

— Вас понял.

Такая работенка была Деррону гораздо больше по вкусу, чем часами просиживать неподвижно в кресле наблюдателя. Но и там и здесь груз ответственности за сорок миллионов жизней давил одинаково тяжело.

Прошло несколько минут. Деррон немного сбавил темп, потому как теперь приходилось внимательно оглядываться по сторонам, выискивая для тяжелого андроида достаточно надежную, твердую почву среди болота. И вот он услышал звук, который ясно и недвусмысленно обещал неприятности, — это был крик насмерть перепуганного ребенка.

— Шеф, я кое-что нашел.

Вопль ужаса повторился снова и снова. У андроида был очень чуткий слуховой аппарат, точно определявший направление источника звука. Деррон немного свернул и снова побежал, стараясь огибать самые подозрительные участки болотной жижи и при этом создавать при движении как можно меньше шума.

Пробежав так с полминуты, Деррон замедлил шаг, а затем остановился. Впереди, в каких-нибудь тридцати шагах от места, где стоял андроид, Деррон увидел мальчишку лет двенадцати, который изо всех сил руками и ногами вцепился в тонкий ствол дерева, у самой его верхушки. Всякий раз, когда крик мальчишки затихал, по дереву пробегала очередная волна сотрясений, и ребенок снова начинал кричать. Хотя нижняя часть ствола этого

дерева была довольно-таки толстая, нечто, скрытое от глаз андроида густыми зарослями подлеска, раскачивало ствол так, будто это было гибкое молодое деревцо, а не вековой гигант. В этом лесу не могло быть животного, наделенного такой чудовищной силой. За кустами наверняка скрывалось механическое чудовище — берсеркер. Берсеркер использовал мальчишку как приманку, надеясь, что его крики привлекут внимание взрослых соплеменников.

Деррон медленно двинулся вперед. Но он даже не успел понять, с какой стороны дерева скрывается берсеркер, не успел как следует рассмотреть врага — как обнаружили его самого. Из зарослей кустарника полыхнул розоватый луч лазера и рассыпался искрами фейерверка, отразившись от защитной брони в средней части туловища андроида. Берсеркер провел лазером из стороны в сторону, расчищая себе дорогу среди густого кустарника и молодой поросли. И напал. Деррон успел заметить только нечто металлическое и блестящее, приземистое, на четырех конечностях, массивное и очень подвижное — оно двигалось быстрее скоростного автомобиля. Деррон резким движением опустил нижнюю челюсть, вдавливая до упора переключатель собственной лазерной пушки, встроенной в шлем. Из середины лба андроида вырвался тонкий бледно-розовый луч — он автоматически наводился на точку, в которую были направлены глаза андроида.

Луч, выпущенный андроидом, попал прямо в шишковатую голову берсеркера, в переплетение гладких металлических бугров, которое должно было изображать лицо чудовища. И, отразившись от блестящей поверхности, угодил в молодые деревца, те мгновенно вспыхнули и окутались клубами дыма. Но все же выстрел, вероятно, причинил берсеркеру какой-то ущерб, поскольку тварь замедлила бег и нырнула вбок, под прикрытие склона холма — небольшого, высотой не больше пяти футов, и заросшего густой травой.

Двое офицеров-наблюдателей, на экраны которых одновременно подавалось изображение с видеокамер андроида, заговорили почти одновременно, наперебой давая Деррону советы и указания. Но если бы даже они и лучше разбирались в происходящем, это все равно бы никак не помогло. Сейчас Деррон мог полагаться только на себя — на все остальное у него просто не хватало времени. Несколько удивившись своей собственной агрессивности, Деррон рывком бросил андроида вперед, вокруг холма, вдогонку за уходящим берсеркером.

Ему хотелось сразиться с врагом, и поскорее — не важно, чем в конце концов закончится битва. Андроид несся на предельной скорости, Деррон давил подбородком на гашетку лазера и вопил внутри шлема какой-то бессвязный боевой клич. И вот берсеркер оказался прямо перед ним — припал к земле, словно металлический лев, приземистый и невероятно мощный. Если бы у Деррона было время на раздумья, он скорее всего развернулся бы и удрал. Потому что, несмотря на весь его опыт работы с управляемыми андроидами, впечатление было слишком ярким и живым — как будто он собирался бросить в сражение с кошмарным металлическим чудовищем свою собственную хрупкую плоть.

Но так уж случилось, что времени на рассуждения не было. И Деррон на полной скорости направил всю мощь металлического тела андроида вперед, к припавшему к земле стальному льву. Деревья вздрагивали от его тяжелой поступи.

В следующие несколько секунд Деррон на собственном печальном опыте убедился, что идея использовать для этой операции человекообразные боевые машины была в корне порочной. Открытое сражение — не самая лучшая тактика в борьбе с машиной, такой же сильной, как андроид, а то и помощнее, вдобавок не ограниченной в скорости реакций медлительными протоплазматическими нервами оператора. По замыслу создателей, могучий металлический человек должен был запросто разорвать на куски любого врага. Но всей его мощи хватило лишь на то, чтобы отчаянно и беспомощно вцепиться в берсеркера, захватив львиное тело за шею в неком подобии полунельсона. А железный лев под ним крутился на месте и бешено извивался, как самый настоящий дикий зверь, стараясь сбросить непрошеного наездника.

Когда Деррон схватился с железным львом, ему показалось, что все наблюдатели Сектора сгрудились у него за плечами, дабы посмотреть на редкостное зрелище. И что самое главное, почти у каждого из них нашлось что сказать по этому поводу. Голоса в наушниках наперебой выкрикивали приказы и честили на чем свет стоит и Деррона, и вообще всех подряд. Были, наверное, и такие, кто пытался разогнать толпу зрителей и «болельщиков», но Деррону все равно некогда было прислушиваться. Древний лес вертелся вокруг так быстро, что в глазах Деррона все слилось в однородную зеленую массу. В какую-то непостижимую долю мгновения Деррон увидел, как ступни его металлических ног бестолково болтаются в воздухе, обламывая на лету стволы

молодых деревьев. Зверь-берсеркер крутился все быстрее и быстрее. Деррон попытался повернуть голову, чтобы можно было задействовать лазер, укрепленный на лбу андроида. Но берсеркер ухитрился обвить его шею одной из передних лап и прижал ее так, что андроид не мог пошевелить головой. Деррон попробовал было сильнее сжать свои стальные руки вокруг мощного торса железного чудовища, но лев-берсеркер вывернулся, мотнул головой, и андроид взлетел в воздух.

Тело андроида не успело еще удариться о землю, а берсеркер уже поджидал его — быстрый и беспощадный, куда страшнее и свирепее любого разъяренного быка. Деррон в отчаянии беспрерывно палил из лазера, особенно не разбирая куда. У него жутко кружилась голова после кульбитов, к тому же нахлынуло еще и отвратительное чувство беспомощности от того, что его безболезненно изломали и отшвырнули прочь. От всего этого Деррона начал разбирать истерический смех. В следующее мгновение битва закончится — он проиграет, и можно будет спокойно уйти со сцены.

Берсеркер еще раз встряхнул его, как собака — крысу, и швырнул на землю. И вдруг, непонятно почему, развернулся и убежал, ускользнув от лазерного луча андроида. Мощная приземистая машина прыгала между деревьев легко, как молодой олень, и в считаные секунды исчезла из виду.

Голова шла кругом, но Деррон все же попытался подняться и сесть на взрытом склоне небольшого песчаного оврага, где его бросил берсеркер. Пока Деррон садился, стало ясно, почему берсеркер решил так неожиданно сбежать. Оказалось, в механическом теле андроида вышла из строя какая-то важная система и его ноги теперь беспомощно волочились, не желая слушаться оператора, — как у человека с переломанным позвоночником. Но, поскольку лазер во лбу андроида еще работал, а стальные руки по-прежнему могли навредить противнику, электронный мозг берсеркера принял решение прекратить схватку. Берсеркер не счел нужным возиться с раненым, но по-прежнему опасным противником, поскольку этот противник не проходил по разряду его основной программы — уничтожения живых людей.

Только теперь Деррон услышал голоса наблюдателей.

— Одегард, какого черта...

— Ради всего святого, Одегард, чем вы думали...

— Одегард, почему вы?.. А, черт, делайте, что знаете!

В наушниках щелкнуло, и вся эта какофония умолкла, оставшись со своим недовольством где-то позади. Деррон даже

удивился, но потом решил, что вся эта толпа «болельщиков» умчалась прочь, словно стая стервятников, только для того, чтобы наброситься на очередную жертву. И если его представление о такого рода делах хоть сколько-нибудь соответствует действительности, то всей операции угрожает провал, причем в таких грандиозных масштабах, что сейчас не сосчитать, сколько народу лихорадочно ищет любую лазейку, чтоб уйти от ответственности.

Как бы там ни было, он по-прежнему был в деле. Правда, с наполовину урезанными возможностями. И злился он в основном на самого себя. Его занимало сейчас только одно — поскорее разобраться с этим делом, не важно, каким образом, но разобраться. Деррон позабыл даже о тяжком грузе ответственности за сорок миллионов жизней, по крайней мере на время. Сейчас Деррону хотелось только одного — чтобы судьба еще разок свела его с врагом.

Устроив андроида в сидячем положении, опираясь могучими руками о землю, он огляделся вокруг. Он сидел примерно на середине мокрого песчаного склона какой-то ямы — небольшой, около десяти или пятнадцати метров в поперечнике, и почти правильной конической формы. Внизу, в самой заболоченной яме, ничего не росло. Вокруг ямы все деревья и кусты были сметены под корень во время битвы. А что во время схватки не было раздавлено и изломано, то обуглилось до черноты, попав под огонь лазера, из которого Деррон палил без разбору почти все время.

Интересно, куда девался мальчик?

Загребая руками, как пловец, Деррон выбрался по песчаному склону на край ямы и огляделся. Он узнал высокое дерево совсем недалеко отсюда, на верхушке которого паренек изо всех сил цеплялся за жизнь в начале их схватки с берсеркером. Но сейчас мальчишки нигде не было видно — ни живого, ни мертвого.

Внезапно песок под рукой андроида осыпался, и Деррон снова съехал вниз по склону, почти до самого дна воронки, залитого мутноватой болотной жижей.

Воронки?!

Деррон наконец узнал место, куда берсеркер забросил его андроида. Это была ловушка ядовитого землероя — разновидности крупного плотоядного животного, которое водилось на Сеголе в доисторические времена. Повнимательнее присмотревшись к луже на дне воронки, Деррон разглядел огромную шишковатую голову с двумя мутными серыми глазами, похожую на уродливую кочку посреди болотной жижи.

Мэтт стоял рядом с мальчишкой Дартом и внимательно вглядывался сквозь лесные заросли в яму-ловушку ядовитого землероя. Остальные люди Народа расположились неподалеку, под прикрытием густой растительности, отдыхали и рылись в земле, выкапывая какие-то корешки и личинки, пригодные в пищу.

Мэтт заметил у края воронки-ловушки что-то блестящее, с виду похожее на голову. Это точно была не голова ядовитого землероя — она была совершенно гладкая, правильной формы, похожая на каплю воды.

— По-моему, это «каменный лев», — едва слышно прошептал Мэтт.

— Да нет же! — тоже шепотом ответил Дарт. — Это тот огромный человек, про которого я тебе рассказывал, «каменный человек». Ты бы видел, как они с «каменным львом» дрались! Я, правда, до конца не досмотрел. Слез по-быстрому с дерева и бежать — пока не упал.

Мэтт немного поразмыслил и решил подобраться поближе к яме, посмотреть. Кивнув Дарту, чтобы тот шел следом, Мэтт опустился на землю и пополз к ловушке. Они быстро добрались почти до самого края воронки и выглянули из-за кустов. Мэтту было хорошо видно дно ямы, и там он увидел такое, от чего у него перехватило дыхание. Ядовитого землероя, который запросто мог справиться с любым живым существом, попавшим в его воронку, вытащил из болотистой жижи и теперь учил уму-разуму «каменный человек», он с невероятной силой лупил землероя по носу, так легко, словно взрослый, который наказывает нашалившего ребенка. Испустив вопль, чем-то похожий на крик обиженного дитяти, Большой Плохиш вырвался, нырнул в свою склизкую лужу и больше не высовывался.

Человек из сверкающего камня что-то пробормотал себе под нос. В его словах звучали сила и человеческие чувства, но язык, на котором он говорил, был Мэтту незнаком. «Каменный человек» хлопнул рукой по ногам, расставленным в неестественной позе — как будто они были мертвыми, — и снова что-то сказал. Потом могучими руками стал карабкаться вверх по склону, стараясь выбраться из ямы. Песок осыпался под руками «каменного человека», и каждое движение явно стоил ему большого труда. Но Мэтт видел, что в конце концов он обязательно выберется из ямы-ловушки.

— Ну, что, теперь ты мне веришь? — с чувством прошептал Дарт. — Он сражался с «каменным львом», я видел!

— Да верю я тебе, верю.

По-прежнему ползком Мэтт с мальчишкой вернулись обратно, к тому месту, где под прикрытием деревьев сгрудились люди Народа. Мэтт прикинул, что все эти поваленные и обожженные деревья, появлению которых он сперва не мог придумать объяснения, и звуки, которые недавно слышал Народ, наверняка можно отнести на счет схватки между двумя такими созданиями. И теперь, пробираясь сквозь заросли, Мэтт с надеждой высматривал «каменного льва». Мертвый «каменный лев» — только это зрелище могло вытеснить из памяти Мэтта другую картину, которая постоянно стояла у него перед глазами, — то, что осталось от его двух молоденьких жен после встречи с «каменным львом».

Укрывшись в зарослях вместе с остальными, Мэтт обсудил новости с самыми старыми и мудрыми из Народа.

— Я хочу показаться «каменному человеку», — сказал он. — И, может быть, помочь ему.

— Почему?

Объяснить, почему, оказалось не так-то просто. С одной стороны, Мэтт хотел бы объединиться с любым могучим союзником, способным сражаться с «каменным львом». Но это было далеко не все. Ведь этот «каменный человек», похоже, сейчас вряд ли мог с кем-нибудь сражаться.

Мэтта выслушали, но каждый бормотал в ответ что-то неопределенное. Наконец самая старшая женщина Народа потянулась к мешочку из кожи ящерицы, в котором хранилось Семя Огня. Она вынула оттуда кости пальцев той женщины, носившей этот священный мешочек прежде. Три раза она встряхивала кости и три раза бросала их на грязную мокрую землю, внимательно рассматривая рисунок, в который складывались отпечатки костей. Но старая женщина не увидела в этих узорах ничего похожего на «каменного человека», а потому не могла дать никакого совета.

Чем дольше Мэтт думал над этим, тем более укреплялся в своем решении.

— Я попробую помочь «каменному человеку». А если окажется, что «каменный человек» — наш враг и он решит на нас напасть, у него ничего не выйдет. Он просто не поймает нас со своими мертвыми ногами!

Чуткий слух андроида уловил приближение кучки людей Народа, хотя они очень старались идти тихо.

— У меня появилась компания, — передал Деррон наблюда-

телям, отключив динамики андроида. Ответили ему не сразу — видимо, все, кто присматривал за ним, были сильно заняты чем-то другим. Впрочем, Деррона это устраивало как нельзя лучше.

Народ подобрался поближе, самые храбрые осторожно выглядывали из-за уцелевших кустов и деревьев, стараясь рассмотреть андроида. Увидев, что «каменный человек» поднял голову, они вышли из укрытия, показывая раскрытые ладони — в знак того, что пришли без оружия. Деррон постарался повторить этот жест, как мог — одной рукой ему приходилось опираться о землю, чтобы не упасть.

Люди Народа, похоже, решили довериться миролюбию андроида — благодаря его жестам, неподвижности, а скорее всего из-за его очевидной беспомощности. И вскоре вся горстка людей Народа вышла из-под прикрытия зарослей. Они стояли, перешептываясь между собой, и во все глаза смотрели в глубину воронки.

— Эй, слышит меня кто-нибудь? — крикнул Деррон в микрофон внутренней связи. — У меня здесь толпа народу. Я ни черта не понимаю из того, что они болтают. Дайте мне переводчика, быстро!

С самого начала операции специалисты Сектора прилагали отчаянные усилия в изучении старинных языков и диалектов Сегола — всех, какие только были известны. Замаскированные приборы слежения с микрофонами и видеокамерами были заброшены повсюду, куда только можно, в разные этнические группы, в разные столетия и эпохи — везде, где были люди, говорившие на разных языках. На программу изучения старинных языков не жалели ни сил, ни средств, но объем работы оказался поистине необъятным. В современном мире только два человека сумели немного разобраться в языковых формах, характерных для первобытных племен, и сегодня у этих двоих работы было невпроворот.

— Одегард!

Ответ раздался в наушниках подобно грому небесному. Деррон даже поморщился от боли в ушах и неожиданности. По голосу Деррон не узнал, кто с ним говорит, но скорее всего это был полковник Борс.

— Одегард, не отпускайте от себя этих людей! Ничего, что ваш андроид поврежден, вы все равно должны их защитить — как угодно! Вы сможете!

— Вас понял. — Деррон чуть слышно вздохнул. — Как там насчет переводчика, шеф?

— Сейчас раздобудем. Вы оказались в жизненно важной зоне, Одегард... Охраняйте этих людей, скоро мы пришлем вам подмогу!

— Вас понял.

Да, в эти первобытные времена берсеркеры задали нам жару! Видно, остальным операторам приходится туго. Но, в конце концов, лучше разбираться со всем этим, болтаясь в комбинезоне управления, со своим собственным андроидом, чем кусать локти, наблюдая всю заварушку из операторского модуля, когда все, что ты можешь, — это пялиться в экран монитора.

— Тварь такого размера, наверно, съедает целую гору мяса, — высказал недовольство один из охотников, обращаясь к Мэтту.

— У него перебиты ноги, — заметил Мэтт. — Не думаю, что он проживет слишком долго, чтобы нас объесть.

Мэтт старался уговорить самых смелых сородичей помочь ему вытащить «каменного человека» из ловушки. А каменный человек тем временем спокойно ждал и, по-видимому, не собирался отказываться от помощи.

Охотники собрались вокруг Мэтта и горячо спорили, размахивая руками.

— Если он и так долго не протянет, то какой резон тогда его вытаскивать? И вообще, он — не из Народа.

— Да, он не из Народа. И все же...

Мэтт упорно выискивал новые слова, чтобы убедить сородичей. Если бы пришлось выручать «каменного человека» самому, он сделал бы это. Но Мэтт старался убедить Народ, что поступает правильно. Это было нужно не только людям Народа, но и самому Мэтту. Он хотел выразить чувства в словах, чтобы до конца осознать свои порывы. Мэтт понимал, что этот «каменный человек», что сцепился с чудовищным львом, чтобы помочь Дарту, — часть чего-то большего, какой-то общности, к которой относится и его Народ. Мэтту казалось, что должно существовать какое-то общее племя-всех-людей — в противовес всем свирепым диким чудовищам и демонам, убивающим людей, охотящимся за ними днем и ночью.

— А вдруг где-то тут бродит целое племя «каменных людей»?! — предположил другой охотник. Кое-кто из Народа тут же стал настороженно оглядываться по сторонам. — «Каменные

люди» страшны как враги, но они могли бы стать для нас могучими друзьями.

Это предположение не поколебало никаких устоев — сама мысль о дружбе или вражде с другими племенами не имела большого значения для Народа в его прежней жизни.

Но Дарт ухватился за эту идею:

— Этот «каменный человек» хочет с нами дружить!

Старейшая женщина усмехнулась:

— Как и любой, кто ранен и нуждается в помощи.

В беспорядочном хоре голосов, снова наполнившем наушники шлема Деррона, прорезался звонкий голос девушки-переводчика. Она кое-как, с купюрами, передавала Деррону бóльшую часть того, о чем разговаривали между собой первобытные люди. Но через каких-нибудь пару минут ее отозвали к другому оператору. Из гула голосов на подземном командном пульте Деррон уловил, что уже разрушены два берсеркера, но при этом вышли из строя десять андроидов. И, что интересно, сами андроиды вызывали дикий животный ужас у людей, которых призваны были защищать, — первобытные предки боялись стальных великанов едва ли не сильнее, чем львов-берсеркеров.

— Передайте остальным, пусть прикинутся ранеными, — может, подействует, — посоветовал Деррон наблюдателям. — Ладно, раз нет переводчика, придется разбираться самому. Лучше так, на пальцах, чем сказать слово-другое не в струю. Кстати, как насчет того, чтобы перекинуть мне пару каких-нибудь штуковин для самозащиты, а я передам этим ребятам? Когда берсеркер до нас доберется, может оказаться, что суетиться уже поздно. А он вернется обязательно, уж вы мне верьте. — Машина, с которой сражался Деррон, сейчас, наверное, проверяет какой-то ложный след или разбирается с другим первобытным племенем. Но в том, что берсеркер снова появится здесь, сомневаться не приходилось. — Кстати, парни, мне нужны гранаты, а не стрелы. У этих ребят на все племя только один лук.

Внутри корпуса андроида был специальный отсек, в который из будущего можно было перебросить разные небольшие предметы, о чем Деррон и попросил наблюдателей.

— Оружие для самозащиты сейчас приготовят, — заверили его из командного пульта. — Однако опасно вручать его первобытным людям до того, как возникнет критическая ситуация. А вдруг они решат опробовать эти штуковины на андроиде? Или случайно подорвут сами себя?

— По-моему, тут главное — не опоздать. Ладно, давайте сбрасывайте их сюда, а там разберемся.

— Оружие для вас уже готовят.

При такой суматохе, какая сегодня царила в Секторе, Деррон не знал даже, верить ему или нет насчет этого «готовят».

Народ, похоже, все еще спорил о судьбе андроида, который по-прежнему сидел, опираясь на руки. Деррону хотелось верить, что эта поза полна дружелюбия и беспомощности и внушает первобытным людям доверие. Судя по тому, что Деррон успел понять из слов девушки-переводчика, вон тот высокий молодой человек, через плечо которого был перекинут единственный на все племя лук, горячо выступал в защиту андроида и уговаривал остальных помочь «каменному человеку».

Наконец молодой человек с луком, он, по-видимому, был в племени кем-то вроде вождя, сумел уговорить еще одного парня подсобить в «спасательной операции». Они вдвоем выкорчевали уцелевшее после битвы с берсеркером дерево, подрубив толстые кряжистые корни примитивными топорами, повалили дерево и подтащили его к самому краю воронки-ловушки ядовитого землероя. Ухватившись за обломки ветвей, мужчины спустили дерево вниз, так, чтобы андроид мог до него дотянуться. Деррон обеими руками вцепился в ствол.

Двое мужчин поднатужились и потянули ствол на себя, крякнув от неожиданного веса «каменного человека». Мальчишка, который сидел во время драки с берсеркером на верхушке дерева, подбежал и стал помогать тянуть.

— Одегард, говорит полковник Борс, — раздался в наушниках резкий настойчивый голос. — Мы выяснили, на что нацеливаются берсеркеры. Письменность на Сеголе впервые появилась очень близко от того места, где вы сейчас находитесь. Правда, вероятность этого события до сих пор не очень уменьшилась в связи с последними смертями. Но знайте, любая следующая смерть может сбросить эту вероятность за порог реальности и тем самым свести на нет всю эволюцию человечества. Это, конечно же, огромный скачок в развитии, и потому мы не можем точно определить личность, от которой зависит появление письменности. Но этот человек наверняка находится среди того племени, что охраняете вы. Вы понимаете, что это значит, Одегард?

Деррон цеплялся руками андроида за шероховатый древесный ствол, и тот понемногу продвигался все ближе и ближе к верхнему краю предательской воронки.

— Спасибо на добром слове, полковник. Как там насчет гранат, которые я заказывал?

— Мы забросили в ваш сектор еще два андроида, Одегард, но с ними возникли кое-какие технические неувязки. Уже уничтожено три вражеских объекта... Гранаты?.. Какие такие гранаты? — Последовала короткая пауза. — Мне сказали, что ваши гранаты сейчас приготовят, — и полковник отключился.

Когда охотники вытащили раненого «каменного человека» из ловушки, все люди Народа собрались вокруг него, из осторожности не подходя слишком уж близко, и стали с интересом рассматривать диковинное создание. Деррон снова устроил андроида в сидячем положении и, опираясь на одну руку, другой повторил жест, который, вероятно, обозначал у Народа добрые намерения. Этот поступок, похоже, укрепил доверие первобытных людей к «каменному человеку», но тут оказалось, что Народу есть о чем беспокоиться и помимо странного чужака. Солнце быстро клонилось к закату, близились сумерки, и люди то и дело поглядывали на небо и озабоченно переговаривались друг с другом. Деррону не нужен был переводчик, чтобы понять, что люди собираются заняться поисками более-менее безопасного укрытия, чтобы переждать ночь.

Все племя собралось за считаные минуты, люди подхватили свой небогатый скарб и тронулись в путь. Сразу было ясно, что все они давно привыкли к превратностям кочевой жизни. Молодой охотник с луком несколько раз обращался с речью к «каменному человеку», и видно было, что его здорово обескуражило то, что тот явно не понимает его слов. Но жизнь брала свое, и охотник не мог больше терять драгоценное время на разговоры. А «каменный человек» был предоставлен самому себе — на большее вряд ли можно было рассчитывать.

И Деррон пристроился в хвосте вытянутой цепочки первобытных людей, которые искали безопасное укрытие. Он обнаружил, что по ровному месту андроид может двигаться вполне сносно — опираясь на кулаки длинных рук и подтягивая беспомощно висевшие ноги, он ковылял вслед за Народом, как обезьяна с переломанным позвоночником. Люди Народа время от времени оглядывались на эту трагическую фигуру, и в их взглядах сквозили самые разные чувства, далеко не всегда приятные. Но гораздо чаще они оглядывались назад, дальше в том направлении, откуда пришли. Деррону было понятно без всяких переводчиков, что люди боятся до дрожи — боятся чего-то, что может красться во тьме по их следу.

Но если бы даже Народ не ожидал встречи с берсеркером, машиной-убийцей, Деррон все время был настороже. Борозда, которую оставляли в мягком болотистом грунте волочившиеся по земле ноги андроида, была таким явным следом, и на него берсеркер просто не мог не обратить внимания. Стоит берсеркеру наткнуться на этот след, и он тотчас же явится за ними. Может, убийца и будет при этом немного осторожничать, но все равно — от него не уйти.

Полковник Борс снова включился, чтобы самолично ознакомить Деррона с последними известиями.

— Одегард, наши наблюдатели определили по волнам несоответствия, что берсеркер двигался сперва на юг от вас, а теперь возвращается обратно. Вы оказались правы — вначале он почему-то пошел по какому-то ложному следу. Ваш берсеркер — единственный, которого мы до сих пор не уничтожили. И надо же, он оказался в самой важной зоне! Я считаю, мы сделаем вот что: забросим к вам еще двух андроидов. Если все пойдет гладко, они выйдут на ваше племя уже через пару минут по реальному времени. Андроиды пойдут вслед за племенем, по одному с каждой стороны, и будут держаться незаметно. Нам ни к чему запугивать еще и этих первобытных людей толпами сверкающих железных монстров, а то они просто кинутся врассыпную, обезумев от страха, — такого мы сегодня уже насмотрелись по самое некуда. Когда ваши люди остановятся где-нибудь на ночь, оставайтесь все время с ними, а мы пока закинем к вам подмогу.

— Вас понял, полковник.

Деррон продолжал упорно ползти вперед, опираясь на руки. Подвешенный на тросах в зале Третьего яруса комбинезон управления все время то вздымался, то опадал в такт движениям андроида, который полз по болоту, бороздя мокрую землю омертвевшими ногами. Оператору, запертому в скафандре, необходим был определенный уровень обратной связи, для того чтобы лучше чувствовать тело андроида, заброшенного в бездну прошлого.

План полковника показался Деррону вполне разумным. И поскольку он неплохо разбирался в законе средних величин, совсем скоро должно было что-то произойти.

Сгустившийся сумрак сгладил резкие очертания дикого древнего леса, наполнив его какой-то мрачной красотой. Люди Народа шагали, растянувшись в длинную цепочку, по болотистой равнине, по одну сторону которой виднелась редкая поросль, а с другой стороны, слева, прямо к самой равнине под-

ступала гряда пологих каменистых холмов. Молодой охотник с луком, которого, похоже, звали Мэтт или что-то вроде того, шел впереди племени. Сейчас он внимательно и дотошно исследовал каменную гряду.

— Эй, где там гранаты, что я заказывал? Есть там кто-нибудь живой, а?! Мне нужны гранаты!

— Мы как раз готовим засаду, чтобы вас поддержать, Одегард. Вы же понимаете, нам совсем ни к чему, чтобы эти дикари с перепугу стали расшвыривать гранаты куда попало!

«Что ж, в этом есть определенный смысл», — согласился про себя Деррон. Опять же, его андроид вряд ли сможет что-то противопоставить берсеркеру, ковыляя вот так на двух руках и волоча за собой беспомощное тело.

Вождь Мэтт внезапно свернул и начал карабкаться вверх по голому каменистому склону. Остальные люди живо последовали его примеру. Деррон как мог полз за ними, цепляясь за камни. Как оказалось, люди пробирались к узкой щели — видимо, это был вход в пещеру. Щель, прорезавшая почти отвесный выступ скалы, показалась Деррону дверью в стене дома. Все племя сгрудилось неподалеку от входа. Деррон не успел заметить, как Мэтт сдернул с плеча лук и вынул стрелу. Другой охотник подобрал приличных размеров камень и, стремительно обогнув по дуге вход в пещеру, зашвырнул камень внутрь. Из глубины пещеры раздался такой жуткий рев, что, казалось, даже скалы задрожали от ужаса. Люди Народа в одно мгновение, не сговариваясь, бросились врассыпную и укрылись за камнями. Они здорово умели устраиваться в этой жизни. То есть выживать.

Когда из пещеры показался огромный медведь, он увидел на пороге своего дома только андроида, одинокого урода-подкидыша.

Могучий шлепок медвежьей лапы опрокинул неустойчивого андроида навзничь. Растянувшись на спине, Деррон взмахнул рукой и тоже отвесил медведю пощечину. Казалось, сверкающая рука совсем легонько задела звериную морду, но медведь покачнулся и издал такой рык, от которого кровь застыла в жилах. Пещерный медведь был сделан не из такого теста, как ядовитый землерой, и, встретив отпор, все равно кинулся в драку. Огромные желтые когти заскрежетали по металлическому телу андроида. По-прежнему лежа на спине, Деррон поднял зверя могучими руками андроида и швырнул вниз со скалы. Катись отсюда!

Медведь зарычал так, что все предыдущие его звукоизвержения показались детским лепетом. Деррон не хотел без нужды

обрывать жизнь даже случайно попавшегося на пути неразумного зверя, но время шло, и его настоящий враг подбирался все ближе. И, когда пещерный медведь напал снова, Деррон отшвырнул его посильнее. Животное приземлилось на все четыре лапы и побежало, не разбирая дороги, куда-то в сторону болот. С полминуты оттуда еще были слышны скулеж и жалобные завывания.

Люди Народа высыпали из своих укрытий — из-за каменистых выступов и разных щелей в скале — и собрались на площадке у входа в пещеру. Они медленно обступили андроида, позабыв даже о том, что надо оглядываться по сторонам. Деррону на мгновение показалось, что вот сейчас первобытные предки падут перед ним ниц и начнут восхвалять его, как какое-то божество. И, пока они не додумались до чего-нибудь такого, он поднял андроида и поковылял, опираясь на руки, ко входу в пещеру. Он заглянул внутрь и просканировал помещение. Глаза андроида были рассчитаны на восприятие изображения в любом диапазоне — и в видимом свете, и в инфракрасном. Пещера была пуста. Она была просторная, с довольно высоким сводом, со вторым выходом — размером с небольшое окошко, расположенным высоко над полом, в противоположной от основного входа стене. Мэтту повезло — в этой пещере запросто могло разместиться все племя.

Когда Деррон выбрался из пещеры наружу, оказалось, что люди Народа уже готовились развести большой костер у самого входа в укрытие. Они успели насобирать хвороста и обломков дерева у края заболоченной низины и теперь поспешно тащили свою добычу вверх по склону. Где-то вдали, на другой стороне долины, разгоняя ночную тьму, мерцало теплое оранжевое пятнышко. Наверное, там остановилось на ночь какое-то другое первобытное племя.

— Вызываю наблюдателей. Как там дела насчет засады?

— Два других андроида как раз заняли предписанную позицию. Они следят за вами. Вас хорошо видно — у входа в пещеру.

— Хорошо.

Что ж, пусть себе Народ разводит свой костер, и пусть берсеркер явится на свет костра за легкой добычей. Его ожидает большой сюрприз, потому что на этот раз первобытные люди защищены так, как никогда ранее.

Небо быстро темнело. В руках у одной из пожилых женщин появилась сумка, сделанная из какой-то плотной толстой кожи, оттуда женщина выудила округлый кожаный сверток. Она раз-

вернула кожаный лоскут, внутри которого была слабо тлеющая головня. Положив головню на кусок коры, женщина ловко и сноровисто подсунула к ней горстку тонких сухих щепок, и очень скоро костер запылал. Оранжевые язычки пламени жадно лизали дерево, костер разгорался все сильнее, все ярче, разгоняя ночную мглу.

Племя забралось в пещеру. Андроид вошел в пещеру после Мэтта. Деррон усадил его у стены и наконец-то со вздохом вытянул утомленные руки. Давно пора было немного отдохнуть. Несмотря на то что скафандр управления значительно облегчал все движения, Деррону пришлось сегодня немало потрудиться.

Не успел он как следует расслабиться, как вдруг, безо всякого предупреждения, ночная тишина и покой были нарушены — началась битва. С сухим треском полыхнуло пламя лазерного луча, почти сразу же ночную тишину разорвал пронзительный визг и скрежет металла о металл и грохот от столкновения двух бронированных тел. Люди, укрывавшиеся в пещере, мгновенно, все как один, вскочили на ноги.

В неверных отблесках лазерного луча Деррон увидел, как Мэтт вскинул свой лук, целясь в сторону входа в пещеру, а остальные люди заметались, ища, где бы спрятаться. Мальчишка Дарт вскарабкался по задней стене пещеры до самого окошка и выглянул наружу. На его испуганном лице играли красноватые отсветы лазерных вспышек.

Но вот лазер погас. Вспышки и грохот у входа в пещеру оборвались так же внезапно, как и начались. Снаружи снова воцарились мертвая тишина и темнота. Нервы у Деррона натянулись до предела.

— Вызываю наблюдателей! Черт возьми, вы что там, повымерли?! Что происходит снаружи? Что там случилось?

— О господи, Одегард! — Голос так звенел от волнения, что Деррон даже не узнал того, кто говорил. — Мы потеряли обоих андроидов! Эта чертова штуковина... Она движется слишком быстро...

Сторожевой костер внезапно ярко вспыхнул. От мощного пинка стальной лапы в пещеру влетели горящие поленья, рассыпая по каменному полу напротив узкого входа брызги искр. Головни отскакивали от покатых стен пещеры и медленно гасли, словно тысячи умирающих светлячков. Берсеркер разыгрывал свою партию. Он хотел знать, есть ли в пещере второй выход, через который могли попытаться удрать его желанные жертвы — люди. Берсеркер наверняка знал, что в пещере скрывается и поврежденный андроид, но его электронный мозг уже до мелочей вычислил все, что могут ему противопоставить андроиды Сектора. И вот, когда стало ясно, что выход в пещере только один и его жертвам уходить больше некуда, стальной лев полез внутрь напролом. Раздался противный громкий скрежет — оказалось, что мощное тело берсеркера не проходит через узкую щель в скале.

— Одегард, сейчас мы забросим вам десяток стрел. Наконечники — это особые боеголовки, вызывают возгорание при жестком контакте.

— Что?! Стрелы?! Я же сказал — гра-на-ты!!! Я же говорил, у нас есть только один лук, и здесь просто места не хватит для того, чтобы выстрелить... — Не успев договорить, Деррон сообразил, что маленькое окошко в задней стене пещеры — это же идеальная бойница. — Ладно, давайте сюда ваши стрелы, черт возьми! Давайте хоть что-нибудь! Быстро!

— Мы посылаем вам стрелы, Одегард. Одегард, у нас наготове еще один оператор, вы можете отдохнуть, если устали.

— К черту! Я уже приспособился к андроиду с перебитыми ногами, а он нет.

Берсеркер поднял адский шум, он царапал скалу, бился о нее всем телом, стараясь расширить проход и добраться до вожделенной цели. Когда индикатор внутри шлема показал, что обещанные боеприпасы поступили во внутреннюю камеру андроида, Деррон, не теряя времени, открыл дверцу и достал железной рукой десяток стрел. Все люди племени с испуганными бледными лицами, широко распахнутыми глазами смотрели, как во мраке пещеры «каменный человек» вынул из собственного сердца пучок чудесных стрел и протянул их Мэтту.

Это наверняка были какие-то особенные стрелы, поскольку появились они очень уж необычным путем. И сейчас, когда снаружи ярился свирепый «каменный лев», никто не усомнился, для чего нужны эти стрелы. Мэтт замешкался всего на мгновение, потом с поклоном принял от «каменного человека» драгоценный дар. И сразу же, одним прыжком, взлетел к маленькому окошку в задней стене пещеры.

Если бы у врага не было оружия, которое поражает на расстоянии, окошко в скале высоко над землей прекрасно защитило бы охотника от «каменного льва». Но у берсеркера была лазерная пушка. А значит, андроиду придется отвлечь огонь на себя и так занять берсеркера, чтобы тому некогда было особо оглядываться по сторонам.

Оставалось только надеяться, что Мэтт окажется неплохим стрелком. Деррон втиснул своего андроида в угол у самого выхода из пещеры и затаился. Металлическое тело ощущало содрогания скалы, к которой прижимался андроид, берсеркер с другой стороны молотил по ней изо всех сил. Деррон прикинул, что, если быстро обогнуть угол, может, удастся схватить льва-берсеркера. Он подождал еще немного, вглядываясь в полумрак пещеры. И, когда увидел, что Мэтт наложил на тетиву первую чудесную стрелу, Деррон бросил свое непослушное металлическое тело за угол скалы, стараясь двигаться со всей возможной скоростью, которую могли развить его утомленные руки.

Деррон чуть не повалился лицом на камни, потому что берсеркер оказался дальше, чем он ожидал, — зверюга как раз отбежала, чтобы разогнаться перед очередным броском на скалу. Из-за такого стечения обстоятельств берсеркер успел врубить свой лазер быстрее, чем Деррон — свой. Пучок красноватого света хлестнул по бронированному телу андроида, оно раскалилось, но на этот раз выдержало. Деррон бросился вперед, в свою очередь поливая стального льва лазерным огнем. Если берсеркер и заметил Мэтта, притаившегося за окошком в скале, он не обратил на него внимания — чем ему могли повредить какие-то стрелы?

Первая стрела поразила чудовище в плечо. Древко мгновенно вспыхнуло и отлетело в сторону, рассыпавшись горсткой искр, а наконечник стрелы взорвался, превратившись в маленький, ослепительно белый огненный шар. После взрыва в плече льва-берсеркера образовалась приличных размеров дыра.

Машина-убийца споткнулась и повалилась набок, а лазерный луч, направленный в андроида, скользнул мимо и только поджег жалкую кустистую поросль на вершине ближайшего скального выступа. Деррон по-прежнему подбирался к берсеркеру со скоростью, которую мог выжать из поврежденного андроида. Его лазер палил не переставая, как странный красноватый фонарик, нацеленный в раненое плечо железного чудовища. Мэтт снова вынырнул в просвете окошка и послал вторую стрелу так же удачно, как и первую, поразив «каменного льва» в бок. От взрыва второй боеголовки чудовище, уже нетвердо стоявшее на трех ногах, пошатнулось. И тут лазер берсеркера погас — андроид Деррона доковылял наконец до врага и тяжелым бронированным кулаком разбил вдребезги красный огненный глаз во лбу чудовища.

И битва закипела с новой силой. Какое-то мгновение Деррону даже казалось, что он мог бы взять верх над берсеркером — ведь пара стальных рук андроида наверняка должна быть сильнее уцелевшей передней лапы железного льва. Но человеческим рефлексам по-прежнему далеко было до скорости реакций машины-убийцы. В какие-то доли секунды андроид Деррона снова беспомощно взметнулся в воздух, зажатый в лапах берсеркера, и снова кувырком полетел куда-то в сторону. Мир вертелся вокруг, как сумасшедшее колесо обозрения.

Деррон кое-как поднялся на четвереньки, хотя ноги безвольно расползались в разные стороны. Стараясь удержаться на руках, он поймал берсеркера взглядом и нажал на спуск лазерной пушки. И ничего не случилось. Лазер во лбу андроида тоже вышел из строя — разбился при ударе о камни. Черт, что же этот Мэтт медлит со стрелами?

Лев-берсеркер все еще был слишком огромным, слишком сильным и слишком быстрым в сравнении с поврежденным андроидом. Деррон сумел ухватить чудовище за заднюю ногу, но две оставшиеся конечности берсеркера работали, как отбойные молотки, оснащенные стальными когтями. Одна из беспомощных ног андроида отлетела в сторону — берсеркер отхватил ее своими когтями, словно бритвой. Похоже, машина-убийца сейчас просто разорвет бедного андроида на куски! Где же стрелы?!!

И стрелы прилетели. Перед глазами Деррона промелькнуло тело охотника — Мэтт бросился в битву, зажав в обеих руках чудесные стрелы, дар «каменного человека». Подобно воинственному богу из древних легенд, он испустил боевой клич, одним движением перепрыгнул через распростертого на земле андроида, вскочил на спину льву-берсеркеру и вонзил свое волшебное оружие в сверкающее тело чудовища.

Тело «каменного льва» на миг озарилось ослепительно-яркой вспышкой. А внутри чудовища раздался такой взрыв, что обе машины содрогнулись и подскочили на месте. На этом битва завершилась.

Деррон с трудом вытащил покалеченное, измятое тело андроида из-под стальной туши бывшего врага. Металлическое покрытие берсеркера покоробилось, пошло пятнами, по нему то и дело пробегали синие искры. Убийца был мертв. Деррон из последних сил кое-как приподнял андроида на локтях. В мерцающем сиянии, которое исходило от останков берсеркера, он увидел, как из пещеры выбежал мальчишка Дарт. Лицо мальчика было мокрым от слез, в руках он держал лук Мэтта с обрывками порванной тетивы. Вслед за Дартом из пещеры высыпали все

остальные люди племени и собрались вокруг неподвижного тела, распростертого на земле.

Деррон усадил андроида. Мэтт лежал на том месте, куда его отшвырнул в последней конвульсии умирающий берсеркер. Живот охотника был располосован, сквозь рану виднелись внутренности, руки были изорваны в клочья, лицо размазано в бесформенную лепешку. И на этой кровавой маске — открытые глаза. Умирающий вождь содрогался от боли, но все еще дышал. Его грудь тяжело вздымалась и опускалась в такт неровному дыханию.

Завопили, запричитали женщины, а мужчины дружно затянули какую-то медленную печальную песню. Когда Деррон двинулся к Мэтту, все тотчас же расступились, давая дорогу. Деррон осторожно, как только мог, поднял тело раненого на руки. Отважный вождь отдал слишком много за эту победу, и теперь для него ничего не значили еще несколько легких ожогов о горячий металл рук андроида.

— Неплохо сработано, Одегард! — Голос полковника Борса снова обрел прежнюю властность. — Хорошая работа. Вы завершили операцию, Одегард. Мы переправим вам аптечку, чтобы подлечить этого парня. Его жизненная линия может оказаться важной.

— Вряд ли я смогу чем-нибудь ему помочь. Он очень плох. Лучше вытащите его вместе со мной, полковник.

— Рад был бы вам помочь, но, боюсь, это не вполне целесообразно... — Полковник, по-видимому, призадумался.

— Здесь его жизнь все равно прервется, полковник, что бы мы ни сделали. Он вырвал для нас победу, а теперь его кишки валяются на земле...

— Хм-м... Хорошо, хорошо. Подождите, мы подготовим все к обратной доставке. Отрегулируем приборы с учетом его массы.

Первобытное племя стояло вокруг «каменного человека» и своего умирающего вождя и тянуло заунывный напев. Деррон подумал, что эта картина, наверное, когда-нибудь преобразится в странную легенду древних времен. Наверное, среди древнейших рукописных текстов Сегола можно будет отыскать рассказ об умирающем герое и «каменном человеке». Мифы и легенды — они как закупоренные бутылки, в них может оказаться какое угодно вино.

У входа в пещеру самая старая женщина Народа возилась с тлеющей головешкой, стараясь заново разжечь сторожевой костер. Получалось плохо. Молоденькая девушка, которая помогала старухе, решила все очень просто — подхватив с земли сухую ветку, она подбежала к полыхающим останкам «каменного льва»-берсеркера и сунула ветку в самую сердцевину обгоревшей металлической скорлупы. Дерево вспыхнуло. Девушка помахала веткой, чтобы пламя разгорелось поярче, и пустилась вприпрыжку вверх по склону в неком подобии дикого танца.

И вот Деррон уже сидит в центре сияющего круга на полу Третьего яруса. Двое медиков спешат к нему с носилками. Он протянул руки, чтобы врачи могли принять у андроида раненого Мэтта, затем нагнул голову внутри шлема и нащупал зубами переключатель энергоблока от скафандра.

Осталось только завершить последнюю проверку оборудования по завершении операции. Деррон в считаные секунды выбрался из скафандра управления и прикинул, как бы ускользнуть от толпы сотрудников, которые сбежались поздравить его с победой. В насквозь промокшем от пота трико он быстро спустился с платформы по узкой лестнице, у подножия которой уже собрались техники, наблюдатели, операторы других андроидов, врачи и разные прочие работники Сектора — все, кому не терпелось пожать руку герою дня. Деррон пробрался к Мэтту, когда медики уже подняли его на носилках. Страшно израненное тело было аккуратно обернуто влажными простынями, из переносного инфузионного аппарата вводились лекарственные вещества.

Глаза Мэтта были открыты, хотя, конечно же, он вряд ли что-либо видел после такого потрясения. Для Мэтта Деррон был всего лишь еще одним из многих странных созданий, суетившихся вокруг. Но только Деррон прикоснулся к нему — положил свою ладонь поверх обожженной руки Мэтта и шел рядом с носилками, пока сознание первобытного охотника не угасло.

Следом за носилками с раненым героем, которые быстро несли к госпиталю, тянулась целая процессия. Новости разлетелись быстрее ветра, и все хотели своими глазами увидеть живого человека, впервые в истории прибывшего из глубин прошлого. Когда Мэтта доставили в отделение неотложной помощи, оказалось, что Лиза, как и многие другие ходячие больные из того же отделения, тоже захотела на него посмотреть.

— Он потерялся, — прошептала она, глядя на изуродованное лицо с широко распахнутыми глазами. — Он потерялся, и ему так одиноко! Как я его понимаю...

Девушка повернулась к доктору и с тревогой в голосе спросила:

— Он ведь жив еще, правда? С ним все будет хорошо, правда?

Доктор чуть улыбнулся.

— Раз уж парень до сих пор дышит, значит, мы его спасем.

Лиза, успокоенная, вздохнула с заметным облегчением. Ее забота о совершенно незнакомом человеке была такой естественной...

Пробираясь поближе к носилкам с раненым, Лиза наткнулась на Деррона и мельком ему улыбнулась.

— Привет, Деррон.

Но и слова, и улыбка были скорее данью вежливости. Казалось, девушка вообще едва заметила его.

Глава 2

На самой верхушке скалы над морем, у подножия которой вскипали белопенные буруны, на крошечном плоском пятачке двадцати футов в поперечнике стоял Номис, высокий человек, — колдун. Стоял, подняв руки к небесам. Его седую бороду и просторные черные одежды безжалостно трепал яростный ветер. Белые морские птицы неслись к нему в воздушных потоках и отшатывались, улетали прочь с резкими жалобными криками, подобными стону страждущей неприкаянной души. С трех сторон площадки вздымались в вышину пустынные утесы черной базальтовой скалы, а впереди раскинулась неспокойная гладь безбрежного и бездонного моря.

Номис стоял, широко расставив ноги, в центре причудливого узора, начертанного мелом на плоской ладони черного базальта. Вокруг были разложены принадлежности его ремесла — высушенные останки странных животных, старинные резные фигурки, мешочки с какими-то снадобьями — все то, что обычные здравомыслящие люди постарались бы запрятать подальше, а еще лучше — сжечь и позабыть о том, что такие страсти вообще когда-либо существовали. Высоким пронзительным голосом Номис пел, обратив лицо навстречу ветру:

Собирайтесь, штормовые тучи, днем и ночью,
Молнии, раскалывайте небо, пусть прольются воды!
Пусть нахлынет волна от неба до моря,
И поглотит, смоет, скроет, разнесет в клочья
Жалкую щепку, что мой недруг строил,
Длинную лодку, что несет к берегам
моего врага!

В песне было еще много, много строчек, и повторялись они множество раз. Тонкие руки Номиса дрожали от напряжения, устав вздымать к небесам обломки разбитого деревянного кораблика. А белые чайки кричали, не переставая, и ветер все трепал и трепал его длинную седую бороду, норовя засунуть клок волос прямо в раскрытый рот.

Он очень устал и никак не мог избавиться от ощущения, что все его труды окажутся напрасными, все надежды пойдут прахом. Сейчас Номис почему-то разуверился во всех счастливых знаках, которые последнее время слишком часто открывались ему, — все эти символические пророчества, что наполняли его сны, или мгновенные мрачные трансы со странными, нездешними видениями, которые посещали его наяву, поражая воображение.

Не так уж часто Номис получал доказательства того, что действительно способен призывать погибель на головы врагов. Колдун прекрасно знал, что его заклинания далеко не всегда действенны, хотя других он сумел убедить в обратном. Нельзя сказать, чтобы он сомневался в том, что стихии — силы, на которых покоится мироздание, — подвластны влиянию магического искусства. Да только на собственном долгом опыте Номис успел убедиться, что успех магического действа во многом зависит не только от мастерства чародея, но и от такой неверной штуки, как обыкновенное везение.

Всего три раза за всю свою долгую жизнь Номис пытался вызвать бурю. Из двух предыдущих попыток удалась только одна, и Номиса терзало смутное подозрение, что в тот раз буря разыгралась бы и так, сама по себе. И сейчас, стоя на вершине черной скалы, Номис тоже мучился сомнением — в глубине души он был почти уверен, что ему не под силу повелевать стихиями, как, впрочем, и любому другому человеческому существу.

Но, несмотря на все свои сомнения, Номис упорно повторял свои колдовские действия, уже три дня и три ночи не сходя с пятачка на вершине сокровенной черной скалы. Такой страх и такую жгучую ненависть Номис питал к человеку, который, как он знал, пересекал сейчас море, неся с собой новые законы и нового Бога в эту страну, в Квинсленд.

Пылающий взор колдуна, обращенный к морю, уловил едва заметную, тонкую, какую-то ненастоящую полоску шквала, поднявшуюся вдали. А той страшной, всесокрушающей бури, которую Номис призывал уже третьи сутки, не было и в помине...

Высокие утесы берегов Квинсленда все еще были далеко впереди, за линией горизонта. До них было не меньше полного дня пути. В той же стороне, только гораздо ближе, начинали собираться грозовые тучи. Харл крепко держал обеими руками рулевое весло драккара[1] и, нахмурившись, смотрел на свинцово-серую гладь моря у полосы шквала.

Три десятка крепких ребят, бывалых морских волков и славных воинов, тоже видели признаки надвигавшейся бури — для этого им достаточно было всего лишь повернуть голову. Они побывали во многих переделках на море и прекрасно понимали: если драккар немного сбавит ход, полоса шквала может промчаться мимо и они избавятся от многих неприятностей. А потому, не сговариваясь, решили не тратить сил понапрасну и подняли весла над водой.

Со стороны Квинсленда налетел легкий свежий бриз, от которого затрепетали флажки на голых, без парусов, мачтах и пошла рябью тугая ткань шатра с бахромой цвета королевского пурпура, натянутого в средней части корабля.

Под покровом шатра наедине со своими мыслями сидел молодой человек, Харл называл его королем и повелителем. Морщины на суровом лице Харла разгладились при мысли о том, что юный Эй, уединившийся в шатре, наверное, продумывает сейчас планы грядущих сражений. Приграничные банды, которым никакого дела нет до кроткого нового бога и до падения старой Империи, наверняка вскоре почувствуют на своей шкуре крутой нрав и отвагу нового правителя Квинсленда — а сомневаться в его твердости и отваге не приходится.

Харл улыбнулся, когда ему пришло в голову, что молодой король может думать сейчас вовсе и не о грядущих битвах, а о будущем сватовстве к принцессе Аликс. Женитьба на принцессе — вот что даст его юному господину и королевство, и армию. Обо всех принцессах принято говорить, что они прекрасны, но, по слухам, Аликс еще и девица с характером. Что ж, если она похожа на кое-кого из тех благородных девиц, с коими доводилось встречаться Харлу, завоевать ее сердце будет так же трудно, как варварскую крепость, а то и посложнее — с точки зрения отважного воина.

Радостное, почти благостное выражение на лице Харла — насколько такое было возможно при его шрамах — снова сменилось угрюмой, мрачной гримасой. Он понимал, что юный король мог удалиться в тень шатра и просто для того, чтобы что-нибудь почитать. Эй обожал всякие книги и даже в это путешествие прихватил с собой целых две штуки. А может, он сейчас возносит молитвы своему новому кроткому богу-рабу... Надо признать, что, хотя Эй был молод и здоров, к почитанию бога он относился чрезвычайно серьезно.

[1] Драккар — древнее морское судно. (*Здесь и далее прим. ред.*)

Несмотря на то что часть рассудка Харла была занята всеми этими размышлениями, он, как всегда, был очень внимателен. И вот совсем рядом раздался какой-то легкий плеск, и морская гладь подернулась рябью... Харл мгновенно повернул голову, глянул за борт — и тут все мысли, роившиеся в его голове, куда-то вылетели, воинственная кровь заледенела от ужаса.

Рядом с кораблем, немного сзади по правому борту, на фоне далекого горизонта и собиравшихся на небе облаков, появилась голова огромного чудовища, какое могло привидеться только в страшном кошмаре. Голова злобного дракона из древних легенд. Тускло сверкавшая шея, на которой держалась кошмарная голова, была такой огромной, что человек едва ли смог обхватить ее обеими руками. И одни только морские демоны знали, на что походило туловище чудовища, скрытое под толщей воды! Глаза его, каждый размером с большое серебряное блюдо, сияли, как солнце, пробивающееся сквозь тучи. Толстые пластины, покрывавшие голову и шею дракона, тускло блестели, как мокрая сталь. Чудовищная пасть с треском раскрылась — как будто откинулась крышка гроба, — и разверзлась бездонная черная пропасть, усаженная по краю огромными зубами-кинжалами.

Длинная шея чудовища вытянулась из воды и метнулась к палубе корабля. Пластины чешуи пробороздили деревянный планшир, во все стороны брызнули щепки. Первые крики, раздавшиеся на корабле при виде чудовища, были такими, какие не пристало издавать воинам. Но уже в следующее мгновение отважные бойцы вновь обрели свою храбрость и бросились к оружию. Большой Торла, самый сильный в команде, был к тому же и самым быстрым. Он вспрыгнул на палубу, раскрутил свой меч и опустил его на кошмарную извивающуюся шею.

Удары, посыпавшиеся на тускло блестевшую стальную чешую, не причинили чудовищу никакого вреда. Дракон, похоже, вообще не обратил на них никакого внимания. Его голова скользнула вперед и зависла у входа в шатер. Из разверстой пасти вырвался такой ужасающий пронзительный рев, подобного которому Харл не слышал ни разу за многие годы, проведенные в сражениях.

Эй слышал крики и звон мечей на палубе, и ему не понадобилось много времени, чтобы приготовиться. Не успел затихнуть драконий рев, как полотнище шатра откинулось в сторону и вперед выступил молодой король в шлеме и со щитом, а в его руке сверкал меч.

Харл ощутил невыразимую гордость за своего юного господина — рука Эя не дрогнула при виде кошмарной картины, открывшейся ему. И, вдохновленный этой гордостью, Харл немного пришел в себя. Он выхватил из чехла свой железный боевой топор с короткой рукояткой и замахнулся для броска.

Тяжелый боевой топор с лязгом отскочил от сияющего серебром глаза чудовища, не причинив никакого вреда. Чудище, как видно, даже не ощутило удара. Его пасть внезапно широко распахнулась, сверкнули зубы-клинки... И огромная драконья голова метнулась к королю.

Эй отважно встретил врага. Но удар его длинного меча, направленный прямо в темную глубину драконьей глотки, имел не больший успех, чем укол дамской шпильки. Пасть дракона — «крышка гроба» — с треском захлопнулась, захватив Эя. На какое-то мгновение, пока чудовищная голова на длинной шее проносилась над палубой обратно в море, воинам открылась жуткая картина — изломанные, окровавленные ноги, свисающие наружу из драконьей пасти. И вот — еще один всплеск воды у борта, и кошмарное чудовище исчезло в бездне моря. Залитая солнцем морская гладь снова стала прежней, тихой и спокойной, похоронив в глубинах все свои тайны.

За все время, остававшееся до захода солнца, на корабле никто не проронил ни слова. Корабль ходил по воде кругами, снова и снова, не отходя далеко от того ничем не отличимого с виду места, где исчез в пучине король Эй. Драккар курсировал вокруг этого места в полной боевой готовности, воины горели желанием вступить в схватку... Но сражаться было не с кем. Налетел шквал ветра, и воины привычно взялись за дело, сберегая корабль. Но никто не придавал значения буйству стихии, и когда шквал пронесся дальше, воины с драккара почти не обратили на это внимания.

К концу дня море снова успокоилось. Прищурившись из-под ладони на клонившийся за горизонт солнечный диск, Харл хрипло выкрикнул одну-единственную команду:

— Отдых!

Харл давным-давно подобрал свой затупившийся топор и спрятал в чехол. Обо всем, что случилось, напоминали теперь только несколько щепок, вырванные из свежих царапин на

планшире твердой, как сталь, чешуей чудовища. Несколько маленьких пятнышек крови. И крылатый шлем Эя, упавший с головы короля.

Деррона Одегарда за участие в последней операции наградили, повысили в чине до майора и назначили младшим помощником начальника Сектора. И вот сейчас он сидел на экстренном совещании, созванном начальником Сектора Операций во Времени и с двойственным — профессиональным и дружеским — интересом слушал доклад своего бывшего соученика Чена Эймлинга, ныне — майора Отдела Исторических исследований, который излагал историческую ситуацию:

— ...Насколько нам теперь известно, берсеркеры избрали более прицельную тактику и ориентируются на вполне определенную личность. Их цель — Эй, король Квинсленда. Естественно, исчезновение этого человека из истории Сегола грозит нам гибельными последствиями. — Эймлинг — талантливый, остроумный оратор — ободряюще улыбнулся слушателям. — До недавнего времени многие историки даже сомневались, что этот человек существовал в действительности. Но с тех пор как мы занялись непосредственным изучением прошлого планеты, реальность короля Эя и его значимость для истории неопровержимо доказаны.

Эймлинг повернулся к электронной карте и указал на нее привычным жестом преподавателя.

— Здесь представлена карта времен увядания и распада великой континентальной Империи, которое закончится ее полным исчезновением. Вот здесь находится Квинсленд. Исключительно благодаря влиянию и деятельности короля Эя Квинсленд сумел сохранить относительную стабильность, традиции и культурные достижения Империи, которые стали основой для будущих цивилизаций нашей планеты.

Новый начальник Сектора Операций во Времени поднял руку, словно студент, и спросил:

— Майор, признаться, мне кое-что не совсем ясно. Разве сам Эй не был в какой-то степени варваром?

Прежнего начальника Сектора вместе с полковником Борсом и другими отправили в разведывательную экспедицию на Луну или по меньшей мере на поверхность планеты Сегол.

— Верно, король Эй вначале действительно был воинственным варваром. Но когда у него появилась своя земля и свой народ, которые нужно было защищать, он обустроился там и за-

щищал их лучше, чем кто-либо другой. Тут ему пригодилось и его собственное варварское прошлое: король Эй достаточно долго был варваром и морским разбойником, так что успел хорошо изучить все уловки и хитрости, принятые в этой игре. И, сменив фигуры, он так хорошо играл свою партию, что морские пираты предпочитали нападать на кого-нибудь другого, оставив владения короля Эя в покое.

Больше ни у кого вопросов к Эймлингу не было, и он сел. Следующий докладчик, вышедший к кафедре, оказался майором Сектора Вероятностного Анализа. Его стиль изложения никого не успокоил и не обнадежил, как и само сообщение.

— Господа! — начал майор нервным, срывающимся голосом. — Мы не знаем, как погиб король Эй, зато знаем — где. — Майор показал видеотаблицу, спроецированную с наблюдательного экрана. — Его жизненная линия недавно прервалась вот здесь, во время первого плавания к Квинсленду. Как видите, все прочие жизненные линии на борту корабля остались нетронутыми. Возможно, враг рассчитывает, что исторический вред должен усилиться, если команда корабля Эя начнет действовать без него. У нас в Секторе полагают, что такой расчет очень даже может оправдаться.

Эймлинг, казалось, хотел оспорить слова докладчика или скорее всего просто высказать свое мнение на этот счет. Деррон подумал, что Эймлинга направили не в тот Сектор. Вероятностный анализ ему подходит больше всего.

Майор из Сектора Вероятностного Анализа прервался, чтобы выпить воды.

— Откровенно говоря, положение исключительно неблагоприятное. Через девятнадцать-двадцать дней реального времени волна исторического потрясения из-за убийства короля Эя должна докатиться до нас. Это все время, которое нам осталось. И, должен сказать, вероятность обнаружения точки перехода берсеркера всего за девятнадцать дней очень невелика.

Безнадежность и уныние этого майора оказались заразительными, и у многих сидевших за столом лица тоже непроизвольно вытянулись и стали хмурыми. Один только новый начальник Сектора сумел сохранить спокойствие и рассудительность.

— Боюсь, майор, вы правы относительно предстоящих трудностей — надо успеть обнаружить эту скважину меньше чем за девятнадцать дней. Безусловно, мы приложим в этом направлении все усилия. Но проблема состоит в том, что враг на этот раз очень тщательно замаскировал свой след. В нападении участвовала только одна машина вместо шести, что еще более усложняет поиски. Кроме того, сразу после нападения на короля Эя этот берсеркер, по-видимому, спрятался в укрытии. Он не покинул время короля Эя и по-прежнему может вмешаться, если мы предпримем что-нибудь для ликвидации последствий гибели Эя. Но тем не менее этот берсеркер наверняка постарается не допустить лишних разрушений, по которым мы могли бы его выследить. — Начальник Сектора подался вперед, обвел присутствующих напряженным взглядом. — Итак, господа, у кого есть какие-нибудь предложения относительно контрмер?

Первые предложения касались попытки выстроить вероятность будущей жизни короля Эя, как если бы он каким-то образом выжил после покушения. Разгорелся спор о технических подробностях такого эксперимента. На совещании было довольно много сведущих в этом вопросе ученых, но они были далеко не единодушны в том, что можно и что целесообразно сделать в данном случае. Когда они начали спорить друг с другом, выражаясь в основном математическими формулами, командующий Сектором Операций во Времени быстренько объявил перерыв на полчаса.

Так как на Деррона неожиданно свалилось столько свободного времени, он вышел из зала и направился в жилые помещения обслуживающего персонала госпиталя, который находился совсем близко отсюда. Лиза жила теперь там, потому что начала учиться на медсестру. Деррон был рад, что можно увидеться с ней, особенно когда выяснилось, что у девушки тоже выдалось несколько свободных минут. И вскоре они уже прогуливались вдвоем по парку, в котором когда-то встретились впервые.

Деррон пришел на свидание, заранее приготовившись обсудить с девушкой некую небезразличную ему тему, однако Лиза, как оказалось, в последнее время интересовалась совершенно другим.

— Ты знаешь, а Мэтт выздоравливает так быстро, что все врачи только удивляются!

— Здорово. Надо будет мне как-нибудь на днях зайти повидать его. Давно собираюсь — но, по-моему, лучше будет повременить, пока он совсем не оправится, и тогда мы сможем поговорить.

— Ах, Деррон, но ведь он уже разговаривает!

— На нашем языке? Уже?!

Лиза засветилась от радости и принялась объяснять:

— С этим получилось точно так же, как и с его слишком быстрым выздоровлением. Врачи говорят, это оттого, что Мэтт пе-

ренесся из слишком далекого прошлого. Говорят что-то об эффекте перехода через градиент развития в двадцать тысяч лет, о накопленной креационной энергии, из-за которой его тело и мозг сейчас усиленно развиваются. Я, конечно, почти ничего не поняла из этих объяснений. Они говорили, такое происходит, когда материальное пересекается с нематериальным...

— Да.

— И Мэтт, наверное, понимает то, что они говорят, точно так же, как и я, если не лучше. Он очень мало спит и все время гуляет, интересуется всем, что здесь есть. Ему позволяют ходить где угодно. Он все понимает — не заходит туда, куда заходить не велели, не трогает опасных вещей, и все такое...

— Да...

— Ой, а я тебе говорила про лечебную маску на его лице? Это временно, пока врачи не будут точно знать, чего Мэтт захочет — то есть пока он не выберет, как должно выглядеть его лицо в конце концов...

— Да, я что-то об этом уже слышал. Лиза, как долго ты собираешься еще жить в госпитале? Ты в самом деле решила выучиться на медсестру или это... это просто чтобы что-нибудь делать? — Деррон едва удержался, чтобы не спросить напрямую: «Это из-за Мэтта?»

Лиза притихла.

— О... Иногда мне кажется, что работа медсестры — не для меня. Но я пока не собираюсь никуда переезжать. Я все еще должна каждый день приходить в больницу на процедуры — от потери памяти, — и потому жить рядом с госпиталем мне очень удобно.

— Ну и как успехи? Ты что-нибудь вспомнила?

Деррон знал, к какому заключению пришли врачи. Лиза полностью утратила все воспоминания из-за того, что попала в волну от взрыва ракеты берсеркеров. Однако кое-кто полагал, что девушка может быть посланницей из будущего и потеряла память при переходе сквозь время. Но на мониторах наблюдателей не было обнаружено соответствующей нестандартной жизненной линии. Собственно говоря, из будущего в нынешнюю, так называемую современную, цивилизацию еще не проникало ничего — ни посланцев, ни беженцев, ни берсеркерских устройств. Возможно, у тех, кто будет жить в этом будущем, есть веские основания избегать подобных контактов. А может быть, в будущем на Сеголе просто не будет людей. Но, возможно, нынешнее время блокировано от будущего петлями временных па-

радоксов — из-за активных боевых действий против берсеркеров во времени. Что ж, хорошо и то, что никакие берсеркеры не нападают из «завтра».

— Да нет, лечение не очень-то помогает, — вздохнула Лиза. У нее все еще не появилось почти никаких воспоминаний о том, как она жила до того, как попала во взрывную волну берсеркерской ракеты. Лиза махнула рукой, давая понять, что об этом ей говорить неинтересно, и снова пустилась рассказывать, что нового сделал сегодня Мэтт.

Деррон не особенно вслушивался в то, что она говорит. Он закрыл глаза, наслаждаясь особым ощущением жизни, которое на него находило в те минуты, когда он бывал с Лизой. Сейчас он особенно ярко чувствовал прикосновение ее руки, шелест мягкой травы под ногами, тепло и свет искусственного солнца. Уже через мгновение все это могло исчезнуть навсегда — либо из-за взрыва очередной ракеты берсеркеров, прорвавшейся сквозь толщу земной коры, либо из-за того, что последствия прерванной жизненной линии короля Эя могли распространиться в будущее быстрее, чем ожидалось.

Он открыл глаза и увидел расписанные «под природу» стены подземного сада и невероятно оживленных порхающих между деревьями певчих птичек с ярким оперением. Здесь, на нижнем жилом уровне, в парке было, как всегда, полно народу — люди гуляли парами и поодиночке. Там, где ходили чаще всего, трава начала увядать и сохнуть, так что садовникам пришлось даже выставить проволочные ограждения. Как бы то ни было, этот парк — всего лишь бледное подобие настоящего, живого мира... Но, когда Деррон был рядом с Лизой, даже этот насквозь искусственный парк казался лучше, чем был на самом деле.

Деррон указал девушке на что-то.

— Смотри, вот то дерево, возле которого мы в первый раз встретились, когда я пришел спасти тебя. Или ты — спасти меня...

— Я? Спасти тебя? От чего же, скажи, пожалуйста?

— От гибели в одиночестве среди сорока миллионов человек. Лиза, я все хотел тебе предложить — переезжай ты из этого госпиталя, а?

Девушка отвела глаза, задумалась.

— И куда же ты предлагаешь мне переехать?

— Ну, конечно, ко мне. Ты ведь больше не маленькая потерявшаяся девочка. Ты сама распоряжаешься своей жизнью, учишься на медсестру... Вот я и решил спросить. Здесь есть не-

плохие жилые комнаты, совсем неподалеку, и я вполне мог бы их занять, если бы ты согласилась со мной жить. Думаю, мне разрешили бы — особенно после повышения по службе.

Лиза пожала ему руку — вот и весь ответ. Девушка в молчаливой задумчивости неспешно брела по дорожке, глядя себе под ноги.

— Лиза! Так что ты скажешь?

— А что, собственно, ты мне предлагаешь, Деррон?

— Лиза, вчера, когда ты рассказывала о сердечных делах своей новой подружки, ты вполне по-взрослому выражалась насчет этих самых отношений между мужчиной и женщиной.

— Значит, ты хочешь, чтобы я какое-то время пожила с тобой? — Голос девушки звучал холодно и отстраненно.

— Лиза, в нашем мире все — понимаешь, все — временно. Сегодня на экстренном совещании... Стоп, к чему это я, собственно? Короче, дела наши плохи. И я хотел бы разделить с тобой все хорошее, что нам, может быть, осталось.

Ни слова не говоря в ответ, девушка прошла за ним к камешкам, по которым можно было перейти через ручей, протекавший по парку.

— Лиза, ты хочешь, чтобы была официальная брачная церемония? Эх, надо было мне с этого и начинать — просить твоей руки, как в старые добрые времена! Только, понимаешь, сейчас никому нет до этого никакого дела, и никто не удивился бы, если бы мы обошлись без этого. Просто это лишние проволочки, всякие там регистрации и разное другое. Ты считаешь, это неправильно — не регистрироваться официально?

— Я... нет, наверное. Меня волнует другое... Вот ты говоришь, все в нашем мире временно. А по-моему, к чувствам это не относится.

— Если временно все остальное — то и чувства тоже! Вовсе не обязательно, чтобы так было с нашими чувствами. Но разве можно в наше время знать наверняка, что ты будешь думать и чувствовать, скажем, через месяц или через год? Через год мы все, скорее всего... — договаривать Деррон не стал.

Лиза тщательно подбирала нужные слова и наконец ответила:

— Деррон, в госпитале я поняла, что к человеческой жизни нельзя относиться, как к чему-то временному — и сейчас, и в любое другое время. Эти люди стараются сохранить жизнь, исправить нанесенный вред, даже несмотря на то что жить нам всем осталось скорее всего недолго.

— Так ты, говоришь, научилась этому в госпитале?

— Ну, хорошо, может быть, я всегда так считала.

Он тоже так считал когда-то — были и такие времена. Всего год, нет — полтора года назад. А на самом деле — целую жизнь назад, жизнь с кем-то другим. Это лицо, которое он не мог не вспоминать и не хотел забывать, — в его памяти снова всплыло это лицо...

Лиза, казалось, вспомнила о чем-то своем.

— Ну, посмотри, например, на Мэтта. Вспомни, как сильно ему досталось. Подумай только, какую силу воли надо иметь, чтобы выжить и выздороветь...

— Мне очень жаль, — прервал ее Деррон, взглянув на часы. Это был достаточно веский повод для того, чтобы уйти. — Я должен идти — опаздываю на совещание.

Ученые после получаса, проведенного за обсуждениями и расчетами, наконец-то пришли к согласию. Когда все офицеры расселись на свои места, вышел новый докладчик и начал объяснять:

— Мы пришли к заключению, что если и есть какая-нибудь возможность восстановить прерванную жизненную линию короля Эя, то в первую очередь необходимо предпринять меры, чтобы изменения, привнесенные берсеркером, не нарастали и не распространялись — что-то вроде того, как накладывают шину на поломанную руку или ногу.

— И каким же образом вы собираетесь наложить шину на жизненную линию? — ехидно поинтересовался командующий Сектором Операций во Времени.

Ученый развел руками:

— Командор, единственный способ — заменить Эя на какое-то время другим человеком. Этот человек займет место Эя на корабле и продолжит путешествие к берегам Квинсленда, а там тоже будет играть его роль — по крайней мере в течение нескольких дней. У человека, которого мы туда пошлем, будет с собой переговорное устройство, так что можно будет передавать ему инструкции — каждый день, а если нужно — то и каждый час. Если берсеркер ничего не предпримет, этот человек может сыграть и остаток жизни Эя — по крайней мере самые существенные его деяния. Таким образом, этого должно хватить, чтобы наша цивилизация уцелела.

— А как вы думаете, как долго обычный человек может успешно играть такую роль? — спросил кто-то из офицеров.

— Не знаю. — Ученый-докладчик смущенно улыбнулся. —

Господа, я вообще не знаю, сработает эта схема или нет! Ничего подобного никогда ранее не делалось. Но по крайней мере этот план может дать нам несколько лишних дней или даже недель реального времени, для того чтобы придумать что-нибудь получше.

Начальник Сектора задумчиво потер подбородок.

— Итак, подмена — единственно возможный вариант, над которым нам и предстоит работать. Однако король Эй жил около двенадцати сотен лет назад. Это значит, что не может быть и речи о том, чтобы забросить на его место человека из настоящего времени. Ведь так?

— Боюсь, что так, сэр, — сказал биофизик. — Снижение интеллекта и более-менее заметные потери памяти начинают отмечаться уже при погружении на четыре столетия.

Начальник Сектора задумчиво произнес вслух усталым голосом:

— Не думаете же вы, что можно использовать для такой работы управляемого андроида? Вот и я думаю, что нельзя. Их еще не сделали настолько похожими на людей. Так что же нам тогда остается? Придется использовать одного из современников Эя. Нужно будет найти человека, способного сделать это, объяснить ему, почему это надо сделать, а потом еще и обучить его соответствующим образом.

Кто-то предложил:

— Внешний вид — не проблема. До того, как Эй приплыл в Квинсленд, его там знали только по слухам.

Майор Лукас, офицер-психолог Сектора Операций во Времени, прокашлялся и заговорил:

— Мы должны подготовить всю команду с корабля короля Эя, чтобы они приняли подменного короля за настоящего. Для этого надо сделать так, чтобы они очень захотели увидеть своего вожака живым. То есть надо бы переправить в настоящее всю команду и поработать с ней несколько дней.

— Если нужно, мы можем это устроить, — кивнул командующий Сектором Операций во Времени.

— Хорошо. — Лукас машинально чертил что-то карандашом в лежавшем перед ним блокноте. — Так, первым делом надо позаботиться о транквилизаторах, чтобы успокоить их и настроить на миролюбивый лад... Затем мы выясним у них подробности гибели короля, которые нам нужно будет изменить... Потом — несколько дней гипноза, и дело сделано. Я уверен, господа, что у нас получится.

— Неплохо придумано, Люк. — Командующий обвел взглядом офицеров. — Хочу напомнить, господа, пока идея полковника не заняла полностью ваши мозги, что нам прежде всего следует решить основную проблему. Кто заменит короля Эя?

Деррон думал: «Ответ совсем рядом, это обязательно придет в голову еще кому-нибудь, не только же мне!» Ему очень не хотелось первым указывать на такую возможность, потому что... Только потому. Нет! Гори все ясным пламенем, какого черта?! Почему бы и нет? Ему платят за то, чтобы он думал, так что он не только может, но и должен это сделать, и совесть его будет чиста. Деррон прокашлялся, несколько удивив присутствующих, — о нем успели позабыть.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, господа. Но разве у нас нет человека, способного переместиться во время короля Эя без утраты памяти и способностей? Я говорю о человеке, который и сам попал к нам недавно, — из гораздо более отдаленного времени.

Харл очень хорошо понимал, что ему предстоит. Он направит корабль к берегам Квинсленда, и, когда они прибудут, он должен предстать перед королем Горбодюком и принцессой и, глядя им в лицо, поведать о том, что случилось с Эем. Но чем больше Харл об этом думал, тем лучше понимал, что ему скорее всего просто не поверят. И что тогда?

Остальным воинам легче — на них по крайней мере не лежит груз ответственности, которая внезапно свалилась на Харла. Сейчас, спустя много часов после нападения чудовища, все по-прежнему беспрекословно подчинялись ему. Солнце клонилось к закату, но Харл приказал снова взяться за весла и направил корабль к берегам Квинсленда. Он решил — пусть лучше воины всю ночь будут грести, это избавит их от безумных проявлений горя, на которые просто не останется времени и сил.

Они гребли, словно слепые, словно безумные, словно живые мертвецы, — с отрешенными лицами, на которых застыло выражение гнева и скорби, и никого не волновало, куда, собственно, движется корабль. Длинные весла мерно поднимались и опускались, врезаясь в морскую гладь. Никто не разговаривал, никто, казалось, не замечал ничего, что творится вокруг. Торла затянул песню смерти — проклятие следующему врагу, с которым Торла сойдется в бою.

Внутри пурпурного шатра, на почетном месте — на сундуке с сокровищами короля Эя (эти сокровища — еще одна проблема, с которой предстояло разбираться Харлу, и эта проблема

становилась все насущней по мере того, как отступали гнев и скорбь) — лежал его крылатый шлем. Все, что осталось от славного короля...

Десять лет назад Эй был настоящим принцем, его отец был настоящим королем. В те времена у Эя едва начинала пробиваться бородка, а Харл уже тогда был верным слугой юного принца, его правой рукой. И как раз тогда среди братьев, дядьев и кузенов Эя разгорелись, словно чума, небывалые зависть и предательство. От этой чумы погибли отец Эя и почти все его родичи, и королевство тоже пало, разорванное на куски иноземными захватчиками. А размеры наследства Эя сократились до палубы корабля — хотя Харл ничуть не возражал против такой перемены в жизни. Харл даже не жаловался на то, что Эй слишком любит книги и чтение. Он не возражал и против молитв человеку-богу, богу-рабу, который проповедовал любовь и всепрощение и за свои проповеди получил — ему раздробили клиньями кости...

И вдруг Харл почувствовал какое-то движение или волнение воды под днищем корабля — едва заметное, но явственное. Сперва Харл подумал, что это дракон вновь поднимается из глубин моря, чтобы разбить корабль в щепки своей огромной железной головой. Воины, как видно, подумали о том же, поскольку повскакивали с мест, бросив весла и схватившись за оружие.

Но дракон не появился. Вообще ничего не появилось. Медленно, но все же с неестественной быстротой вокруг корабля сгустился туман, и ярко-красный диск заходящего солнца превратился в тусклое, размытое белое пятно. Харл огляделся, сжимая в руках готовый к бою железный топор, и заметил, что даже волны стали вздыматься и опускаться в ином ритме. Воздух стал значительно теплее, и даже запах моря изменился.

В странном мягком свете воины переглядывались, широко раскрыв глаза от изумления. Они крепко стискивали рукояти мечей и бормотали что-то о чародействе.

— Гребите вперед медленно! — приказал Харл, пряча бесполезный топор обратно в чехол. Он пытался делать вид, будто у него есть какой-то план, чтобы люди не так волновались, но на самом деле даже чувство направления внезапно покинуло его.

Харл передал рулевое весло Торле, а сам пошел на нос корабля посмотреть, что там впереди. Гребцы успели опустить весла всего пять десятков раз, когда Харл поднял руку, приказывая остановиться. Вода вспенилась у бортов корабля, когда все весла опустились, замедляя ход. Впереди, не дальше одного полета

стрелы, из тумана выступила полоса песчаного берега. Что за земля могла оказаться дальше, за песчаной косой, — невозможно было даже представить.

Когда воины увидели берег, их голоса зазвучали тише. Все они прекрасно знали, что еще несколько минут назад впереди не было видно никакой земли.

— Но это в самом деле твердая земля — там, впереди.

— С виду это, конечно, твердая земля... Я не удивлюсь, если она вмиг растает как облачко дыма.

— Колдовство!

Несомненно, колдовство. Кто же станет спорить? Здесь поработал чародей — злой или добрый, но что чародей, никто не сомневался. А что с этим делать, если делать — это уже другой вопрос. Харл решил больше не прикидываться, что понимает, в чем тут дело, и созвал совет. После недолгих обсуждений все решили развернуть корабль и грести обратно, от берега, чтобы выяснить, можно ли таким способом вырваться из лап захватившего их чародея.

Солнце к этому времени должно было давно закатиться за горизонт, но то бледное светило, что виднелось сквозь туман, никуда не делось. Оно даже стало немного ярче, чем раньше, потому что, когда они начали грести, туман стал постепенно рассеиваться.

Когда корабль почти выбрался из густого тумана и Харл уже понадеялся, что им в самом деле удалось ускользнуть из зачарованного места, впереди внезапно показалась гладкая черная стена безо всяких отметин, поднимающаяся прямо из воды. Стена была немного вогнутой, и не было видно ни конца ее, ни начала — она как будто огораживала все море с туманной землей посередине. Подойдя к самому подножию стены, воины подняли головы и увидели, что стена образует нечто вроде огромной перевернутой чаши над их кораблем, который казался жалкой щепкой в сравнении с этой гигантской чашей. Высоко над головами воинов, в самом зените, сияли невероятно яркие огни, похожие на осколки солнца. Их странный белый свет лился на молочную дымку тумана и черную воду.

Воины стали выкрикивать молитвы всем богам и демонам, которых знали. Им казалось, что корабль принесло к самому краю земли, где море сходится с небом. Все как один налегли на весла, чуть не поломав их от излишнего усердия, развернули корабль и направились обратно, в непроглядный молочно-белый туман.

Харл был так же напуган, как и остальные, но он поклялся

самому себе, что скорее сдохнет, чем покажет другим, что боится. Кто-то из воинов упал на палубу, обхватив голову руками, и громко причитал:

— Чародейство, чародейство! — снова и снова.

Харл пнул его, поднял на ноги и хорошенько встряхнул, между делом кое о чем размышляя.

— Ну да, чародейство, мать твою! Все это — чародейство! — выкрикнул Харл. — Это не настоящее небо и звезды, нам просто отвели глаза чарами. Так вот, если эти колдуны задумали против нас недоброе — я покажу вам, что им можно выпустить кишки точно так же, как любому другому! Если им захотелось поиграть с нами в игрушки — так мы и сами знаем пару неплохих развлекушек, а, парни?!

От слов Харла воины немного воспрянули духом. Здесь, в тумане, мир выглядел почти нормально, и люди могли осмотреться вокруг, не теряя сил и рассудка.

Уже почти спокойным голосом Харл отдал приказ держать курс на песчаный берег, который они видели раньше. Воины охотно повиновались. Тот, который причитал о чародействе, налегал на весло сильнее других, оглядываясь на товарищей — не скажет ли кто чего-нибудь. Но шутить над ним, похоже, никто не собирался. Не до того было.

Вскоре корабль снова подошел к пологому песчаному берегу, который оказался совсем настоящим, твердым, как и положено быть берегу. Корабль, взрезавший килем песок, скользнул на берег. Харл, сжимая в руке обнаженный меч, первым выпрыгнул в воду. Вода оказалась теплее, чем он ожидал, а когда брызги попали ему на губы, Харл с удивлением обнаружил, что вода еще и пресная. Но Харл уже перестал удивляться таким пустякам.

Один из наставников Мэтта, обогнав Деррона, постучал в двери отдельной больничной палаты. Открыв дверь, наставник просунул голову внутрь и сказал, четко выговаривая слова:

— Мэтт, тут пришел человек, который хочет с тобой поговорить. Это Деррон Одегард, *он сражался вместе с тобой в твоем времени.*

Наставник повернулся, давая Деррону пройти. Когда Деррон вошел в комнату, высокий и стройный человек, сидевший до того перед экраном телевизора, поднялся на ноги.

Этот человек, одетый в обычную униформу и тапочки, ничем не напоминал того несчастного умирающего первобытного

дикаря, которого Деррон провожал до госпиталя всего несколько дней назад. Волосы Мэтта, выбритые для операции, только начали отрастать и топорщились на голове коротеньким ежиком непонятного цвета. Ниже глаз лицо Мэтта закрывала пластиковая маска, она временно заменяла кожу — пока не завершится заживление ран. На столике возле кровати, заваленном учебниками для средней школы, лежало несколько снимков и объемных фотографий, которые, по-видимому, были вариантами одного и того же юношеского лица. Деррон принес с собой, в кармане, еще одну фотографию — фотографию короля Эя, добытую следящим устройством с встроенной съемочной камерой, которое в виде птицы было заброшено в прошлое, в те дни, когда Эй только начал свое первое путешествие к берегам Квинсленда. Ближе подобраться ко времени гибели короля не получилось — как всегда, *петли временных парадоксов надежно защищали от* повторных вмешательств в историю в одном и том же времени.

— Рад видеть тебя, Деррон. — Мэтт вложил в обычное приветствие глубокий, истинный смысл.

У него был глубокий приятный голос. И для переделки его в голос Эя, записанный тогда же, когда была сделана фотография, не понадобится много усилий. Говорил Мэтт так же, как его наставник, — *медленно и отчетливо выговаривая слова.*

— Хорошо, что ты так быстро выздоравливаешь, — сказал Деррон. — И так быстро осваиваешь новый для тебя мир.

— Я тоже рад видеть тебя в добром здравии, Деррон. Я рад, что твой дух сумел покинуть железного человека, в котором жил раньше, — потому что железный человек был очень, очень сильно ранен.

Деррон улыбнулся, кивнув в сторону наставника, ожидавшего у двери в позе стражника или официанта.

— Мэтт, не позволяй им водить тебя за нос — этими россказнями о том, где был мой дух. В той битве мне совершенно ничего не угрожало, не то что тебе.

— Водить меня за нос? — Мэтт потянулся к блокноту-разговорнику.

Наставник пояснил:

— Деррон хочет сказать, что ты не должен позволять нам учить тебя неправильному. Он шутит.

Мэтт кивнул. Он уже знал, что такое шутки. Но вопрос, о котором шла речь, был для него слишком важен.

— Деррон... Но это же твой дух был внутри железного человека?

— Ну, да... в каком-то смысле. Я был там — в облике железного человека, но только электронный я.

Мэтт глянул на встроенный в стену телеэкран. Мэтт отключил звук, когда к нему пришли, но изображение осталось. Показывали какой-то документальный исторический фильм. Мэтт сказал:

— Я еще мало знаю об электронике. Она переносит мой дух из одного места в другое.

— Вернее, переносит твои глаза и уши.

Мэтт, казалось, задумался, правильно ли он понял значение слов, потом решил, что все же правильно, и твердо добавил:

— Глаза, уши и дух.

Наставник сказал:

— Это он сам придумал про дух, господин майор, в плане обучения такого не было.

— Я понимаю, — ответил Деррон.

Для него, как и для всего Сектора Операций во Времени, гораздо более важной была эта настойчивость Мэтта, с которой он отстаивал свое мнение даже в совершенно новом, незнакомом мире. Такая твердость характера была очень важна для агента — если, конечно, он защищает то, что нужно.

Деррон улыбнулся.

— Ты прав, Мэтт. Дух мой сражался вместе с тобой, хотя я и не рисковал жизнью, как ты. Когда ты прыгнул на того берсеркера — я знаю, ты хотел спасти меня. Я благодарен тебе — и рад, что могу тебе это сказать.

— Не хочешь ли присесть? — Мэтт указал Деррону на кресло и сел сам.

Наставник остался стоять у двери, прислонившись спиной к стене.

Мэтт сказал:

— Да, я в самом деле хотел тебя спасти. Но не только. Отчасти я сделал это ради моих людей. И ради того, чтобы самому увидеть, что берсеркер умер. Уже здесь я узнал, что если бы мы тогда не победили, то могли погибнуть все люди и там, и здесь.

— Да, это так. Но битва еще не закончилась. Угроза все еще остается. И не менее важные сражения идут в других местах, в другие времена.

Что ж, это вполне подходящее начало для беседы, ради которой его сюда послали. Но Деррон не спешил выкладывать все сразу. Наверное, в десятый раз он пожалел, что командующий послал сюда именно его. Но все эксперты сошлись во мнении,

что Мэтт гораздо охотнее согласится, если предложение будет исходить от Деррона, от человека, который сражался с ним плечом к плечу, хоть и в чужом, металлическом теле. И, кроме всего прочего, это была идея Деррона — использовать в этом деле Мэтта. Деррон снова и снова обдумывал, правильно ли он поступил. Он не виделся с Лизой с той последней прогулки в парке — может, случайно, а может, и впрямь Деррон старался избегать встреч. И сейчас он очень жалел, что на том совещании не удержал язык за зубами.

Как бы то ни было, если сейчас Деррон не сумеет как следует объяснить Мэтту, чего от него хотят, это сделает кто-нибудь другой, и скорее всего не так честно и добросовестно. И Деррон, вздохнув, приступил к делу:

— Ты очень много сделал для нас, Мэтт. Мало кто мог бы сделать больше. Но теперь я должен спросить тебя — согласишься ли ты сделать еще больше?

И он в упрощенной форме изложил Мэтту суть дела. Берсеркеры, враги всего человечества — «племени всех людей», — смертельно ранили великого вождя в еще одной части мира. И очень нужно, чтобы кто-то на время занял место этого вождя.

Мэтт слушал спокойно, глаза над безликой пластиковой маской смотрели внимательно и твердо. Когда Деррон закончил излагать примерный план, разработанный Сектором, Мэтт спросил:

— А что будет, когда этот великий вождь снова станет сильным?

— Тогда он снова займет свое место, а тебя мы перенесем обратно, и ты будешь жить в нашем мире. Надеюсь, получится вернуть тебя без непредвиденных осложнений, но ты должен понимать, что там все равно будет опасно. Насколько опасно, мы не знаем, поскольку никогда раньше такого не делали. Но опасность будет, причем все время, пока ты будешь замещать того вождя.

«Объясните ему все, майор, но, конечно, не слишком сгущая краски». Похоже, выбирать нужную степень «густоты красок» придется самому майору Одегарду. Что ж, работники Сектора могут отслеживать любое его слово, прямо здесь и сейчас, но будь он проклят, если позволит обманом заставить Мэтта согласиться на такое дело, на которое сам Деррон не пошел бы, если б мог. «Нет, — подумал Деррон. — Я не вызвался бы на это дело добровольцем, если бы это было возможно». Что потом сможет сделать для него вся человеческая раса? Честно говоря, Дер-

рон не очень-то верил, что эта операция принесет хоть какую-то пользу. Шансов на успех невероятно мало. Смерть не страшила Деррона, но это не значит, что он совсем ничего не боялся — он боялся, например, физической боли. А еще он боялся, что в операции вроде этой ему придется встретиться с чем-нибудь непредвиденным и ужасным в этом полуреальном месте-времени, которое называют вероятностным пространством. Современные люди только начали исследовать это пространство и пока очень плохо понимали его законы.

— А если, несмотря на все ваши усилия, тот великий вождь все же умрет и не сможет снова занять свое место?

— Тогда тебе придется исполнить его предназначение до конца. Если тебе нужен будет совет — мы подскажем, как поступить. На месте этого короля у тебя будет такая жизнь, о которой большинство людей во все времена могли только мечтать. А когда ты завершишь отмеренный этому королю срок жизни, мы сможем забрать тебя сюда, в наш мир, и ты будешь жить дальше — в славе и почете.

— В почете?

Наставник попытался объяснить, что это значит.

Мэтт очень быстро понял, что имелось в виду, и перешел к другому вопросу:

— А можно мне будет взять с собой тех колдовских стрел, чтобы сражаться с берсеркерами?

Деррон подумал немного.

— Я полагаю, тебе дадут с собой какое-нибудь оружие вроде этих стрел — чтобы ты мог защитить свою жизнь. Но твоей основной задачей будет не сразить берсеркера, а делать то, что делал бы этот король, — во всем.

Мэтт кивнул, так же неспешно и аккуратно, как и разговаривал.

— Все это так ново и необычно. Я должен подумать.

— Конечно.

Деррон чуть не сказал, что завтра вернется за ответом, но Мэтт неожиданно задал еще два вопроса:

— Что будет, если я скажу — нет? И если не найдется никого, кто мог бы занять место раненого вождя?

— Никого и никоим образом нельзя заставить занять его место. Наши мудрые люди говорят, что если никто не заменит раненого вождя, то битву можно считать проигранной, и весь наш мир перестанет существовать меньше чем через месяц.

— И я — единственный, кто может это сделать?

— Очень даже может быть. Ты — первый, на кого пал выбор наших мудрых людей.

Сотрудники Сектора уже подыскивали — на всякий случай — еще одного-двух людей, современников короля Эя. Но любому другому добровольцу, кроме Мэтта, понадобятся еще многие дни подготовки, а сейчас каждый час был на вес золота.

Мэтт протянул вперед свои излеченные руки.

— Я должен верить тому, что ты говоришь. Ты, который спас мне жизнь и сделал так, что я снова здоров и полон сил. Я не хочу умереть через месяц и не хочу, чтобы умер кто-нибудь другой. Поэтому я должен сделать то, чего хотят мудрые люди, — если я могу это сделать, я пойду и займу место вождя.

Деррон тяжело вздохнул, не зная, что и сказать. Он протянул руку и достал из кармана фотографию короля Эя.

Командующий Сектором Операций во Времени, который сидел в простой маленькой комнатке в совсем другом месте и с любопытством следил за разговором, кивнул, удивленный и обрадованный результатами. А этот Одегард — прыткий парень, это уж точно! Никакого ура-энтузиазма, и все же хорошая работа, в том числе и в этом деле, — как он мягко, тактично объяснил будущему добровольцу, что и как надо делать!

Теперь можно взяться за дело всерьез. Командующий повернулся на стуле к майору Лукасу, который как раз натягивал на себя просторную белую хламиду вроде савана, в которых обычно рисуют привидений. Под хламидой тело от шеи до колен защищала пластиковая кольчуга.

— Люк, ты бы еще повесил на шею череп и кости, — заметил командующий, хмурясь. — А то где я потом найду такого же классного психолога, как ты? Не забывай, у тех парней, к которым ты пойдешь, ножи настоящие и они умеют с ними управляться.

Лукас об этом помнил. Он сглотнул слюну и ответил:

— У нас не было времени, чтобы разработать костюм с полной защитой. Кроме того, вряд ли они проникнутся ко мне доверием, если я буду выглядеть, как какой-нибудь демон в маске.

Командующий усмехнулся и встал со стула. Постоял за спиной у наблюдателя, следившего за данными радара — на экране виднелся длинный силуэт корабля у кромки воды, и рядом с ним — несколько зеленоватых точек: команда, высадившаяся на берег. Потом командующий подошел к окну — широкой дыре, проделанной прямо в каменной стене, — и высунулся наружу, протиснувшись между двух мощных станковых парализаторов и

застывших рядом в полной боевой готовности стрелков. Генераторы тумана находились совсем рядом с окном, поэтому ничего нельзя было разглядеть, кроме клубящихся струй молочно-белого газа, вытекавшего из труб генераторов и медленно плывшего вниз по склону. Командующий Сектором взял с полки массивные очки-маску, вроде тех, что были у стрелков, и надел. Туман сразу рассеялся, и стали видны отдельные фигуры людей неподалеку от своего корабля и вся поверхность огромного резервуара с водой.

— Ну, ладно, — с неохотой сказал командующий. — Надеюсь, мы все же увидим, как ты махнешь рукой, если они не окружат тебя и не встанут у тебя на пути. Если так случится, махни рукой над головой, и мы быстро это прекратим.

— Только, пожалуйста, командир, не надо открывать стрельбу по поводу и без повода. Какой-нибудь любитель пострелять может все испортить, — сказал Лукас, многозначительно посмотрев на стрелков. — Нам нужно проделать с этими людьми тонкую и непростую работу, а это будет ой как сложно, если вообще возможно — если все начнется со стрельбы. Мне нужно только накачать их транквилизаторами, чтобы они расслабились, потом задать кое-какие вопросы и по ходу дела создать определенное впечатление. Вот и все.

Командующий Сектором пожал плечами:

— Надеюсь, ты знаешь, на что идешь. Это, в конце концов, твоя затея. Респиратор не забыл?

— Взял. Напоминаю: мы подмешаем им в питье сильное успокаивающее, кроме того, они физически устали — значит, легче заснут. Но не медлите с газом!

Лукас в последний раз быстро огляделся.

— Кажется, кое-кто из них поднимается по берегу! — сообщил наблюдатель от радара.

Лукас заторопился:

— Ну, все, мне пора. Где мои слуги? Готовы? Скажите им, пусть сперва побудут внутри. Все, я пошел.

И его обутые в сандалии ноги быстро зашлепали по ступенькам.

Песчаный пляж на кромке берега сменился сырой землей, поросшей редкой травой — такой, какая растет в тени. Харл оставил большую часть команды у кромки воды, чтобы защитить корабль в случае нападения и столкнуть его обратно на воду. А не-

большой отряд из шести отборных воинов отправился вместе с ним на разведку в глубину острова.

Разведчикам не пришлось идти далеко — как только они перевалили за первый же небольшой холм, показалась высокая фигура, идущая им навстречу через туман. Когда фигура приблизилась, стало видно, что это высокий мужчина с впечатляющей наружностью, одетый в белый балахон вроде тех, которые обычно носят добрые волшебники из старых сказок.

Ничем не выказав удивления или страха при виде семи вооруженных до зубов морских бродяг, странный незнакомец подошел поближе, остановился и протянул руки в миролюбивом жесте.

— Мое имя — Лукас, — просто сказал он на родном наречии Харла — с ужасным акцентом, но Харл за годы странствий научился понимать и худшее произношение.

— А не задать ли нам кое-какие вопросы этому волшебничку, а? — начал Большой Торла, положив ладонь на рукоять кинжала.

Человек в одеждах чародея приподнял бровь и немного отвел руку в сторону. Возможно, это был всего лишь знак протеста, а может, он таким образом подавал кому-то сигнал.

— Подождем! — резко бросил Харл. В этом тумане их маленькое войско могли запросто перестрелять укрытые в засаде лучники. Харл вежливо кивнул Лукасу и назвал свое имя и имена своих товарищей.

Человек в белом балахоне снова безобидно опустил руки и поклонился — степенно, с чувством собственного достоинства. Потом сказал:

— Мой дом совсем рядом. Будьте моими гостями, отобедайте со мной!

— Мы благодарны тебе за приглашение, — ответил Харл, не сумев скрыть некоторую неуверенность. Его почему-то беспокоила такая самонадеянность человека в белом. Харл хотел было спросить, что это за страна, но сдержался, делая вид, что и так все понимает.

Лукас снова сказал:

— Прошу вас — придите в мой дом как гости, все или только вы семеро. Вас ждет еда и напитки. Если вы желаете оставить кого-нибудь на страже возле корабля — я могу приказать, чтобы им отнесли угощение прямо туда.

Харл замялся в нерешительности. Он попытался представить, как бы воспринял такую странную самоуверенную любезность король Эй. Лукасу не нужно было прибегать к чародейст-

ву, чтобы сообразить, что семеро воинственных моряков, появившихся на берегу, высадились с какого-то корабля. Но, может, он таким образом пытается разузнать, много ли еще на корабле воинов и сколько всего кораблей?

— Подожди здесь немного, — ответил наконец Харл. — И мы семеро пойдем с тобой.

Двое воинов остались с Лукасом, а остальные во главе с Харлом пошли обратно, за небольшой холмик, — рассказать, что случилось, остальной команде. Между тем кое-кто из воинов стал поговаривать, что надо бы схватить колдуна, прижать как следует и потребовать ответов на вопросы.

Харл покачал головой:

— Это мы сможем сделать в любую минуту. Но колдуны обычно спесивы и упрямы, как черти. А если пустишь человеку кровь — обратно в жилы ее уже не залить, даже если выяснится, что все это зазря. Нам надо присмотреться получше к этому Лукасу, разузнать побольше. Раз нам предлагают поесть и выпить — давайте примем приглашение, покажем, что и мы можем быть вежливыми.

Харлу не пришлось напоминать своим людям, что надо держаться настороже, они и так были на взводе, готовые кинуться с ножом на собственную тень.

Так что Харл со своими шестью отборными головорезами вернулись к Лукасу, окружили его и все вместе пошли в глубь острова. Беря пример со своего вожака, воины старательно делали вид, будто окружили колдуна непреднамеренно, случайно, как будто гостеприимный колдун на самом деле вовсе и не пленник. Лукас, похоже, принял правила игры и тоже ничем не выдал своего беспокойства.

По мере удаления от берега туман с каждым шагом становился все плотнее. Отойдя на сотню шагов, процессия приблизилась к ряду едва различимых в тумане невысоких утесов, преградивших дорогу. С вершин утесов вырывались клубы тумана и плавно опускались вниз. Дом чародея стоял прямо у подножия этих утесов. Это было довольно новое, простое каменное здание, высотой всего в один этаж, зато такое просторное, что могло сойти за форт или даже маленькую крепость. Правда, при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что никакая это не крепость — окна дома были низкими и широкими, а дверь не защищали ни стены, ни ров с водой.

Когда чародей с воинами приблизился к дому, из дверей вышло несколько человек в простых одеждах, какие обычно носят

слуги, и почтительно склонились перед гостями. Харл с облегчением заметил, что все слуги с виду были обычными людьми — ни больше ни меньше. Девушки-служанки были одеты в длинные, до земли, свободные платья ярких расцветок. Они с интересом оглядели воинов и, смеясь, поспешили обратно в дом.

— И никаких сказочных ведьм, — громогласно рыкнул Торла. — Хотя я готов побиться об заклад — эти птички знают толк в своего рода чарах!

Торла вошел в двери первым, за ним — колдун в белом балахоне, а за ним — все остальные. Харл шел последним, время от времени оглядываясь назад и не снимая руки с рукояти меча. Он не испытывал никакого доверия к человеку, который просто так впускает в свой дом семерых вооруженных незнакомцев.

Внутри ничего не подтвердило опасений Харла, за исключением все той же сверхъестественной самоуверенности. Широкая дверь открывалась прямо в большой пиршественный зал, здесь было достаточно столов и лавок, чтобы усадить всю корабельную команду целиком. Возле огромного очага стоял добродушный улыбчивый слуга и поворачивал нанизанную на вертел тушу какого-то животного. Жаркое было почти готово — уже покрылось аппетитной коричневой корочкой и истекало соком. Выходит, его начали готовить несколько часов назад.

Хотя из-за тумана через окна в комнату проникало не так уж много света, по стенам висело достаточно факелов, и в комнате было совсем светло. Сквозь простые занавеси, прикрывавшие заднюю дверь, Харл видел слуг, снующих туда-сюда по поручениям — наверное, в дальние кладовые, которые, заметил Харл, были гораздо глубже внешней линии утесов. Естественно, из этого никак нельзя было понять, сколько вооруженных воинов может прятаться в невидимых отсюда комнатах и сколько еще может скрываться снаружи... Но до сих пор Харл не видел в доме колдуна никакого оружия, кроме простых ножей на столе. Тем временем другой слуга с такими же раскованными манерами принес и расставил во главе стола восемь больших серебряных тарелок — дорогих, но не особенно приукрашенных, принес также кружки для напитков и ножи для мяса.

Лукас направился прямо к месту во главе стола — пара морских разбойников не отставала от него ни на шаг, — повернулся и широким жестом пригласил всех за стол.

— Присаживайтесь, пожалуйста. Вот вино и эль — что кому по вкусу.

— Эля! — потребовал Харл, многозначительно поглядев на

своих товарищей. Он знал, что есть такие яды, вкус которых совсем не меняет вкуса некоторых вин. Но даже чистое крепкое вино могло замутить воинам рассудок. Остальные последовали примеру вожака и тоже выбрали эль, хотя Торла, похоже, немного расстроился.

Воины расселись, и тут же из-за занавесей выпорхнули две девицы с кувшинами, спеша наполнить их кружки. Харл проследил, чтобы колдуну наливали питье из того же самого кувшина, что и ему, и не прикоснулся к кружке, пока колдун не выпил свой эль почти наполовину. Но и тогда Харл отпил всего несколько глотков.

Эль не был ни слишком крепким, ни слишком слабым, но вот только... точно, вкус у него был какой-то странный. Но Харл осадил себя — разве можно ожидать, что в этом месте, где все такое странное и необыкновенное, эль не будет таким же? И он отхлебнул еще.

— Эль в твоей стране густой и крепкий, — начал беседу Харл, хоть и покривил немного душой, вознося хвалу напитку. — Наверняка у тебя много сильных воинов и служите вы могучему властителю.

Лукас слегка поклонился.

— Все, что ты сказал, — истинная правда.

— И как же зовут твоего короля?

— Нашего короля называют Правитель Планеты. — Колдун чмокнул губами над кружкой с элем. — А какому королю служите вы?

Воины, как один, тяжело вздохнули. Кружки с элем дружно взмыли вверх, потом пустые, с легким стуком опустились на стол. У всех, кроме Харла. Он пока не обнаружил никаких явных признаков вероломства колдуна — собственно, если так подумать, с чего бы это колдун обязательно должен быть вероломным? Однако, несмотря ни на что, Харл твердо решил, что не выпьет больше ни глотка.

— Кому мы служим? — повторил он вопрос колдуна. — Наш добрый молодой господин погиб.

— Юный Эй мертв! — заревел Большой Торла, как смертельно раненный медведь. Девушка-служанка подскочила, чтобы наполнить его кружку. Торла сграбастал ее в охапку и усадил себе на колени. А когда девица ни с того ни с сего вздумала отпираться и попыталась отстраниться от него своими слабыми тоненькими ручками, Торла удержал ее, изобразив на лице глупейшую улыбку.

Что-то во всем этом показалось Харлу неправильным. Его рассудок был совершенно ясным, но... но все же стоило быть настороже. Разве нет?

— Смерть юного Эя глубоко опечалила бы меня, — спокойно сказал Лукас, — если бы это было правдой.

Колдун поудобнее развалился в своем кресле и совсем расслабился, оставив величественные замашки.

Как ни странно, никто из воинов даже не возмутился из-за того, что их открыто обвиняют во лжи, да еще по такому поводу! Все ели и пили как ни в чем не бывало, и в ответ на слова колдуна раздались только новые печальные вздохи:

— Мы видели, как он умер...

— О, да...

Кулаки Харла сжались словно сами собой, когда он вспомнил о том, что против дракона все они оказались беспомощными, как дети.

— Мы своими глазами видели, как он умер, — а умер он так, что, во имя всех богов, я и сам не поверил бы, если б мне кто рассказал!

Лукас внезапно заинтересовался, наклонился вперед:

— И как же он умер?

Дрожащим голосом Харл поведал колдуну о гибели молодого короля. От долгого рассказа в глотке у него пересохло, и Харл раз за разом отхлебывал из кружки, не вполне сознавая, что делает. Правдивый рассказ о драконе даже ему самому казался нелепой выдумкой, а то и наглой ложью. Возможно ли, что король Горбодюк в это поверит?

Когда Харл закончил рассказ, Большой Торла начал подниматься с места, будто тоже собирался что-то сказать. Девица-служанка свалилась у него с колен и шлепнулась на пол, приземлившись на свою мягкую попку. Торла с непривычным для него выражением заботливости на лице склонился, будто пытаясь ей помочь. Но девчонка вскочила и убежала прочь, а Торла все склонялся и склонялся, пока не сел обратно на лавку, пристроив голову на столе, — и почти сразу же громко захрапел.

Товарищи Торлы, которые сами во сне не храпели, только посмеивались над ним. Все воины очень устали... Нет. Все-таки что-то здесь не так. Человек не может упиться до беспамятства от пары кружек даже самого крепкого эля! А если уж ребята напились допьяна, то кое-кто из них должен был стать слишком разговорчивым и скандальным... Харл удивился этой нелепице, снова отхлебнув эля из своей кружки, и решил, что лучше ему встать.

— Ваш король не умер, — ровным голосом говорил колдун ему на ухо, повторяя снова и снова: — Не умер, не умер, не умер. Почему вы так верите в то, что он мертв?

— По-че-му? Да мы сами видели — его утащил дракон! — Но теперь Харл и сам был не очень-то уверен в том, что на самом деле видел или запомнил. Что тут творится? Харл с трудом, но все же поднялся на ноги, наполовину вытащил клинок из ножен и рявкнул:

— Чародейство! Тревога!

Глаза его воинов остекленели или просто закрылись, на лицах блуждали тупые блаженные улыбки. Кто-то попытался подняться, услышав его крик, но сразу же повалился обратно на лавку, укладывая голову на стол. Их оружие валялось, позабытое, на полу.

— Волшебник! — пробормотал кто-то из воинов, с мольбой в глазах повернувшись к Лукасу. — Скажи нам еще раз, что наш король не умер! Скажи, что юный Эй жив!

— Он жив и будет жить.

— Он... он же... — Харл не смог заставить себя сказать, что Эй мертв, как ни старался. Разозлившись непонятно на кого, он отступил от стола и выхватил меч из ножен. Ранить кого-нибудь или убить, не важно почему, казалось ужасным злодеянием, но Харл так испугался, что сейчас был готов буквально на все. — Стой где стоишь! — крикнул он колдуну.

Колдун тоже поднялся, ничуть не испугавшись, но стал так, чтобы между ним и Харлом оказалась широкая столешница. Из складок своего балахона колдун достал маску, похожую на морду какого-то животного, и надел на лицо. Из-под маски раздался его приглушенный голос:

— Вам здесь ничего не угрожает. Я разделил с вами питье, которое настраивает мужчин на мирный лад. Давайте поговорим!

Харл повернулся и побежал к двери. Густой туман, клубившийся снаружи, словно вспыхнул искрами в его груди. Харл побежал прочь от дома, взобрался на вершину холма и увидел, что все воины, которые оставались у корабля, либо уже умерли, либо умирают. С полдюжины человекоподобных чудовищ с серыми, длинноносыми мордами рыскали между телами, укладывая недвижных воинов в ряд на песчаном берегу. А те воины, которые еще способны были двигаться, не оказывали чудовищам никакого сопротивления. Они позволяли обращаться с собой, как со скотиной на бойне!

Все оказалось даже хуже, чем Харл мог ожидать. Он потянулся было за своим мечом и боевым топором, но вдруг вспомнил, что оружие осталось где-то... но где, он не помнил.

— Все хорошо, — раздался сзади голос Лукаса. Когда Харл обернулся, колдун пояснил: — Твои воины просто спят. Им нужно отдохнуть. Не буди их.

— Ах, вон оно что! — со вздохом облегчения сказал Харл. Он и сам мог бы догадаться, что беспокоиться тут не из-за чего — на этом чудесном острове с искристым элем и искристым туманом, где живут такие добрые люди, которые говорят только правду. Теперь Харл разглядел, что носатые чудовища — это на самом деле обыкновенные люди, в таких же масках, как у колдуна. Они хорошо позаботятся о его воинах. И Харл доверчиво посмотрел на Лукаса, в надежде услышать еще какие-нибудь хорошие новости.

Лукас, похоже, тоже успокоился и вздохнул с облегчением под своей чудной маской.

— Пойдем, — сказал колдун и повел Харла вниз, к кромке воды. Небольшие волны накатывались на берег, разглаживали чистый мокрый песок.

Колдун присел и пальцем нарисовал на песке очертания карикатурной головы.

— Представь себе, что это — тот дракон, который тебе привиделся. Так что же, по-твоему, тогда произошло?

Харл тяжело вздохнул и безвольно опустился коленями на песок, тупо уставившись на рисунок. Он наконец успокоился и почувствовал, что здорово устал и скоро заснет. Но прямо сейчас Харл должен был собраться, чтобы понять, что втолковывает ему колдун.

— Чудовище схватило Эя, — сказал Харл. — В пасть.

— Вот так? — Палец колдуна провел по песку, добавляя к рисунку фигурку, похожую на человечка, с беспомощно раскинутыми руками и ногами. Пока Лукас рисовал, по песку прокатилась очередная волна, немного сгладив очертания рисунка.

— Да, так, — кивнул Харл. Он неуклюже сидел прямо на песке.

— Но сейчас все это стирается, — нараспев сказал чародей. — Стирается, исчезает. А когда исчезнет эта злая ложь, тогда правда, та правда, которой хотим мы с тобой, сможет проявиться и занять свое истинное место.

Волны все набегали и набегали на берег, разглаживая песок, стирая дракона. Теперь Харлу можно было заснуть.

Как-то раз, в один из дней поспешной подготовки, Мэтт спросил:

— Значит, король Эй на самом деле погиб, а не ранен, как мне вначале сказали?

Один из наставников пояснил:

— Тебе сказали, что он ранен, потому что его еще возможно вернуть к жизни. Если твоя миссия завершится успешно, получится так, словно короля Эя никогда и не ранили, и не убивали.

— Значит, если у меня не получится, кто-то другой сможет попробовать еще раз? И если меня там убьют, мою жизнь тоже можно будет вот так вернуть?

Мэтт прочел ответ на сразу помрачневших лицах наставников. Но они все же попытались объяснить:

— Все, что ты здесь видишь, вся эта работа делается только для того, чтобы вернуть жизнь тому человеку. Если нам удастся вернуть его, то все остальные поломанные или искаженные из-за этого жизненные линии снова пойдут по-прежнему, так, как должны были идти, если бы не вмешался берсеркер. К твоей жизни это не относится, потому что ее не было в изначальном рисунке жизненных линий того времени. Если ты погибнешь во времени короля Эя, это будет настоящая смерть. И не только твоя, но и всех нас, — если ты не выполнишь миссию. Второй попытки не будет — это невозможно.

Одним из преимуществ нового положения Деррона был маленький отдельный кабинет в служебном ярусе. Но сейчас Деррон — мысленно — на чем свет стоит клял свое повышение по службе, из-за которого он получил это местечко, где Лиза сумела отыскать его и загнать в угол.

— Скажи, кто же виноват в этом, как не ты? — кричала Лиза, разозлившись так, как, наверное, еще ни разу не злилась. — Ты ведь не посмеешь отрицать — это ты, именно ты предложил послать туда Мэтта?! Почему ты не предложил, чтобы еще раз смотаться в прошлое и вытащить оттуда кого-нибудь другого для этой работы?

Деррон изо всех сил старался оставаться спокойным.

— Мы не можем никого выдергивать просто так из хода истории, всякий раз как нам заблагорассудится. Команда короля Эя — это особый случай, мы вернем их всех туда же, откуда забрали. И Мэтт — особый случай. Он неминуемо должен был погибнуть, если бы мы не забрали его сюда. Сейчас сотрудники Сектора в самом деле вытащили из прошлого еще пару человек,

они все равно должны были там погибнуть. Но эти двое пока еще не могут понять, где на самом деле очутились и для чего вообще все то, чего от них хотят. А когда поймут — то могут и отказаться.

— Отказаться?! А мог ли Мэтт отказаться, когда ты попросил его согласиться? Он, знаешь ли, считает тебя чем-то вроде великого героя — он все еще ко многому относится так по-детски!

— Прости, но Мэтт — не ребенок. Далеко не ребенок. И он не будет совершенно беспомощным — прежде чем забросить его в прошлое, его обучат всему, что нужно, от этикета до владения оружием. И мы постоянно будем...

— Оружием?!

Лиза совсем разъярилась. Деррон подумал, что она сама во многом ведет себя так по-детски...

— Естественно, оружием. Хотя мы, конечно, рассчитываем, что он пробудет в Квинсленде всего несколько дней и ему не придется участвовать ни в каких сражениях. Мы надеемся восстановить жизненную линию Эя и вернуть Мэтта обратно еще до свадьбы.

— Свадьбы?!

Деррон принялся быстро объяснять:

— Мэтт прекрасно может сам о себе позаботиться, и он вполне способен выполнить это задание. Он по природе своей лидер. Человек, который смог повести за собой первобытное племя...

— Что за ерунду ты городишь! — Решив, что гневными словами она ничего не добьется, Лиза ударилась в слезы. — Ну, конечно же, он способен это сделать! Если придется. Если он действительно единственный, кто может хотя бы попробовать. Но только вот почему именно ты предложил послать его на это дело, Деррон? И сразу после того, как я поговорила с тобой о нем! Почему?! Не решил ли ты доказать наверняка, что и он тоже — временный?

— Нет, Лиза!

Глаза девушки снова наполнились слезами, и она бросилась к двери.

— Я не знаю, что ты вообще такое! Не желаю больше тебя знать! — выкрикнула Лиза напоследок и убежала.

Уже несколько дней назад с его лица сняли пластиковую маску. Маска сделала свое дело — на лице появилась новая кожа, которая благодаря могучей магии нынешних людей казалась загорелой и обветренной. Волосы на голове и лице принялись

расти с невероятной быстротой, и только через пару дней рост приостановился.

Сегодня, в день, когда его должны были отправить в прошлое, Мэтт в последний раз стоял перед зеркалом и рассматривал свое новое лицо. Он наклонил голову, повернул вправо, влево, разглядывая щеки, нос, подбородок Эя с разных сторон.

Это лицо совсем не походило на то, которое смотрело на него, отражаясь в лужах и тихих озерах первобытной эпохи. Мэтт раздумывал, остался ли прежним его дух или тоже изменился вместе с лицом. Он не ощущал пока никаких признаков одержимости духом короля Эя.

— Еще несколько вопросов, сэр, — сказал один из наставников, не оставлявших его ни на минуту.

В последнее время наставники разговаривали с Мэттом только на родном языке короля Эя и обращались к нему со всеми знаками почтения, причитающимися военному вождю. Может быть, они надеялись, что таким образом изменят его дух? Но все это был просто спектакль — им не хватало искренности. Наставник склонился над своими записями:

— Итак, как вы собираетесь провести вечер того дня, когда прибудете в Квинсленд?

Отвернувшись от зеркала, Мэтт ответил, не задумываясь:

— Это один из временных промежутков в жизни короля Эя, относительно которых мы ничего не можем сказать наверняка, — жизненная линия Эя плохо прослеживается. Я постараюсь вести себя естественно и не принимать никаких решений, тем более — важных решений. Если понадобится помощь, я воспользуюсь переговорным устройством.

— А если вам встретится дракон, который погубил вашего предшественника?

— Я должен как угодно заставить его перемещаться кругами — даже если при этом он может схватить меня. Таким образом вы сможете установить место выхода врага из вероятностного пространства — скважину — и уничтожить и дракона, и все зло, которое он успел совершить.

Другой наставник, стоявший у двери, сказал:

— Наблюдатели Сектора будут пристально следить за вами. И они сделают все возможное, чтобы выдернуть вас оттуда прежде, чем дракон успеет причинить вам вред.

— Да, конечно. А с тем мечом, что вы мне дадите, у меня будет шанс защитить себя самому.

Наставники продолжали засыпать его вопросами, пока не

приблизилось время заброски, и команда костюмеров явилась одевать Мэтта. Они принесли самые лучшие, какие только можно было изготовить, копии одежды и снаряжения короля Эя, бывших на нем, когда он отправился в путешествие к берегам Квинсленда.

Костюмеры обращались с Мэттом скорее не как с королем, а как со статуей. Когда осталось только в последний раз расправить складки, один из костюмеров пожаловался:

— Раз уж они в последнюю минуту решили взять настоящий шлем, то где же этот шлем?

— Оба шлема в Резервуаре, — ответил другой. — Ребята из отдела связи до сих пор с ними возятся.

Наставники выдумывали и выдумывали все новые вопросы, Мэтт терпеливо на них отвечал, а тем временем один из костюмеров надел на Мэтта поверх одежд короля Эя защитный пластиковый чехол. Еще один служащий провел Мэтта наружу, к небольшому вагончику, который должен был доставить Мэтта через туннель к самому Резервуару.

Мэтт уже ездил однажды в этом вагоне к Резервуару — ему показывали тогда спящих воинов и корабль. Мэтт не обращал внимания на то, что в вагоне трясло, но не рассчитывал, что ему понравится на корабле. Как будто в ответ на эту мысль один из наставников глянул на часы и протянул Мэтту таблетку от укачивания.

На полдороге к Резервуару вагон остановился, хотя в прошлый раз здесь остановки не было. Вошли двое — один был главным в Секторе Операций во Времени, а второго Мэтт узнал по портретам — это был Правитель Планеты. Правитель выбрал сиденье напротив Мэтта, присел и внимательно поглядел Мэтту в глаза. Вагончик слегка качнулся, потому что поезд снова тронулся и поехал дальше.

Лицо Мэтта покрылось капельками пота, но только из-за того, что под пластиковым чехлом было жарко. «Так вот как выглядит вблизи настоящий король, — думал тем временем Мэтт. — Более грузный, и не так похож на скалу, как на экранах телевизоров. Но, в конце концов, этот человек — современный король, и властительный дух в нем должен отличаться от того, что был у короля Эя».

Современный властитель сказал Мэтту:

— Я так понял, для тебя важно было увидеть меня перед заброской на задание? — Мэтт ничего не ответил, и Правитель Планеты добавил: — Ты понимаешь меня?

— Понимаю. Выучив язык короля Эя, я не забыл вашего. Да, я хотел увидеть тебя. Хотел увидеть своими глазами, что же делает человека королем.

Кто-то из пассажиров чуть не рассмеялся, услышав это. Но они не отважились — и быстренько спрятали свои усмешки.

Правитель Планеты не засмеялся, даже не улыбнулся. Только глянул мельком на командующего Сектором Операций во Времени, прежде чем ответить:

— Они сказали тебе, что надо будет сделать, если на тебя нападет дракон-берсеркер?

Краем глаза Мэтт заметил, что командующий Сектором тихонько кивнул Правителю.

— Да. Я должен устроить так, чтобы машина схватила меня и стала бегать кругами — если получится. А вы попробуете вытащить меня обратно...

Правитель Планеты выслушал его и кивнул. Когда вагончик остановился, Правитель махнул остальным рукой, чтобы выходили первыми, и остался в салоне наедине с Мэттом. И тогда сказал:

— Я раскрою тебе эту тайну — как стать настоящим королем. Ты должен быть готов отдать жизнь за свой народ — когда бы и как бы это ни случилось.

Правитель важно кивнул. Он в самом деле верил в то, что говорил, или думал, что верит. А может, он просто считал это мудрым озарением. На какое-то мгновение взгляд Правителя стал задумчивым и отрешенным. А потом Правитель Планеты снова надел свою светскую маску и, выходя вместе с Мэттом из вагончика, отечески похлопал того по плечу и с улыбкой сказал обычные слова ободрения и напутствия.

Деррон ждал снаружи, в округлой пещерке рядом с железнодорожной колеей. Он приветствовал Мэтта и пожал ему руку по обычаю времен короля Эя. Мэтт поискал взглядом Лизу, но в маленькой беспокойной кучке людей, собравшихся его проводить, были только те, кто был занят каким-нибудь делом — кроме, разве что, Деррона. В сознании Мэтта Лиза стояла рядом с Дерроном, и Мэтт нередко задумывался, почему эти двое его друзей не поженятся. Может быть, он сам женится на Лизе, если вернется с этого задания и если она не будет против. Ему иногда казалось, что Лиза не будет возражать, но проверить, так ли это, не хватило времени.

Наставники и прочие ужасно занятые люди, которые толпились вокруг Мэтта, оставили его наконец одного в маленькой

комнатке-передней. Ему велели снять пластиковый плащ, что он и сделал с превеликим удовольствием. Мэтт услышал, как где-то поблизости открылась дверь, и комната наполнилась запахом чистой свежей воды — с озера, спрятанного глубоко под землей, которое берегли для будущих нужд планеты.

В маленькой комнате, где Мэтт стоял и ждал, лежал на столе меч, приготовленный для него современными чародеями. Мэтт привесил ножны к поясу, потом вынул меч и с любопытством оглядел его. Клинок казался острым, но ничуть не острее обычного. Невооруженным глазом и нельзя было разглядеть ничего особенного — нельзя было увидеть сверхтонкого внешнего края, заточенного под высоким давлением до невидимой толщины. Современные чародеи показали Мэтту режущую кромку лезвия меча под микроскопом — даже при самом большом увеличении он сходил «на нет». Эта кромка выдвигалась из обычного лезвия только тогда, когда рука Мэтта — и одного только Мэтта — охватывала рукоять. В руках Мэтта этот меч резал обычное железо, словно сыр, и без труда пробивал прочнейшие доспехи, и лезвие при этом совсем не тупилось. Современные чародеи сказали, что внешний край лезвия заточен до толщины в одну молекулу. Мэтт даже не стал пытаться понять, что это значит. Он вложил клинок обратно в ножны.

И все же Мэтт понял нечто более важное — так, по крайней мере, казалось ему самому. В течение последних дней, спал Мэтт или бодрствовал, он все время впитывал в себя историю — вместе с прочими полезными знаниями. История, как широкая полноводная река, текла теперь через его сознание. И его рассудок обрел новую силу, которую вложили туда не уроки современных наставников. Они считали, что эта чудодейственная сила пришла к Мэтту, когда он проносился сквозь двадцать тысяч лет от начала мира к современности.

И с этой силой, помноженной на современное обучение, Мэтт очень ясно видел, что в истории Сегола не совсем естественна, плохо приспособлена к реальности как раз современная культура. Нет, конечно, из-за простой разницы во времени современные люди по своим обычаям и языку гораздо ближе к культуре времен короля Эя, чем, скажем, Народ, из которого происходит Мэтт. Но по образу мыслей, по пониманию добра и зла люди короля Эя и Народ Мэтта гораздо более сходны не только между собой, они ближе и ко всему остальному человечеству.

Только с такими могущественными силами, какими владели

современные чародеи, можно было надеяться когда-либо уничтожить берсеркеров — но такое же могущество было нужно и для того, чтобы этих берсеркеров сотворить. Что же касается духовной сущности, то в этом современные люди — просто недоразвитые дети! Трудно сказать наверняка — то ли такая скудость духа происходит у них от огромного могущества, то ли, наоборот, духовное убожество породило такую мощь. Как бы то ни было, современные люди не смогли объяснить Мэтту, как проникнуться духом истинного короля. Он должен был сам понять, как это сделать, и сделать.

И еще Мэтт понял, что дух жизни во Вселенной очень силен, иначе он давным-давно был бы убит если не злодеями с металлическими телами, то естественными убийцами-берсеркерами — болезнями или несчастными случайностями.

Мэтт страстно хотел приблизиться к чудесному источнику жизненной силы, почерпнуть оттуда помощь, в которой он так нуждался. И он сделал то, что сделал король Эй перед тем, как отправиться в опасное путешествие, — он поднял руку, осенив себя знамением веры короля Эя, и прошептал короткую молитву, вложив все свои желания и чувства в те же слова, которые обычно говорил король Эй.

Сделав это, Мэтт решил, что больше ему незачем оставаться одному в этой маленькой уединенной комнатке. Он открыл дверь и вышел.

Все вокруг так же суетились, как и раньше. Люди трудились — поодиночке или группами — над самым разнообразным сложным оборудованием. Некоторые сновали туда-сюда, отдавали распоряжения или передавали последние сообщения. Большинство из них были полностью поглощены своими делами, но некоторые все же подняли головы, когда Мэтт вышел. На одних лицах отразилось недовольство оттого, что он выскочил из предназначенного ему закутка раньше времени, на других — опасение, как бы из-за него не случилось какого-нибудь сбоя в расписании подготовительных мероприятий.

Раз окинув взглядом работающих людей, Мэтт перестал обращать внимание на лица. Увидев шлем короля Эя, лежавший на подставке, Мэтт направился к нему. Он взял шлем со сверкающими серебряными крыльями и надел.

Мэтт сделал это, повинуясь какому-то инстинкту, его не обучали этому заранее. Судя по реакции рабочих, его подсознательный порыв оказался правильным. Все рабочие на мгновение замолчали и замерли — Мэтт почувствовал, что шлем на голове

сильно преображает его. И не важно, что уже в следующее мгновение люди вновь вернулись к своей работе, изо всех сил стараясь не обращать внимания на того, кто объявился среди них.

Вскоре к Мэтту поспешили его наставники и сказали, что напоследок хотели бы задать еще несколько вопросов. Мэтт понимал, что им просто внезапно понадобилось убедиться, что они по-прежнему его учителя, а не подчиненные. Но теперь, когда сила, которой он жаждал, наконец снизошла на него, Мэтт не собирался ничего делать для чьего-то удобства. Прошло то время, когда наставники властвовали над ним.

В поисках Правителя Планеты Мэтт нетерпеливо зашагал между озабоченными рабочими. Некоторые из них, недовольные тем, что их отрывают от работы, поднимали головы и собирались что-то сказать... Но, едва взглянув на Мэтта, люди замолкали на полуслове и расступались, давая пройти. Подойдя к группе людей, среди которых стоял Правитель Планеты, король современных людей, Мэтт встал напротив него и посмотрел Правителю прямо в глаза, окруженные сеткой морщин.

— Я в нетерпении, — сказал Мэтт. — Готовы или нет мои люди и мой корабль?

Правитель Планеты взглянул на Мэтта с удивлением, которое сменилось чем-то очень похожим на зависть, и кивнул.

Во время предыдущего посещения Резервуара Мэтт видел воинов короля Эя. Они лежали и спали на специально обустроенных кроватях — механические руки постоянно разминали их мышцы, чтобы сохранить в них прежнюю силу, особые лампы облучали их лица и руки солнечным светом, чтобы не сошел загар, а электронные голоса без умолку нашептывали воинам, что их молодой король Эй жив.

Сейчас воины были уже на ногах, хотя и двигались пока медленно, словно сомнамбулы, с закрытыми глазами. На них снова надели их собственную одежду, доспехи и оружие. Сейчас их всех проводили из дома Лукаса вниз, к побережью, и загружали обратно на корабль. Планшир драккара, на котором оставили следы стальные пластины чудовища-берсеркера, уже заменили новым, целым, все остальные снасти, пострадавшие от бури и столкновения с железным драконом, тоже привели в порядок.

Генераторы тумана давным-давно отключили. Все люди и предметы на узенькой полоске берега стояли в центре цветка с лепестками, образованными тенями от света холодных малень-

ких солнц, подвешенных высоко вверху, в непроглядной черноте сферического свода пещеры над Резервуаром.

Мэтт еще раз пожал руку Деррону и всем другим, кто протянул ему свои руки, потом вошел в воду и вскарабкался на борт корабля. Заработали машины, отгоняя корабль на глубину.

Командующий Сектором Операций во Времени тоже взобрался на корабль вместе с Мэттом и провел его — или проводил? — по всему кораблю, для последней проверки. Под конец оба оказались в пурпурном шатре короля Эя.

— ...Строго следуй инструкциям, особенно в том, что касается дракона. Постарайся заставить его двигаться кругами, и подольше — если, конечно, успеешь его заметить. Помни, все исторические несоответствия, даже гибель людей, — все это не будет иметь никакого значения, если удастся обнаружить точку перехода этого дракона в реальность. Тогда все можно будет восстановить...

Командующий невольно замолчал, когда Мэтт обернулся к нему, сжимая в руках копию королевского крылатого шлема, неотличимую от шлема, что был у него на голове. Этот второй шлем Мэтт только что взял с сундука с сокровищами короля Эя.

— Я уже слышал все ваши наставления, — сказал Мэтт. — А сейчас возьмите это и не забудьте прочитать наставления своим подчиненным — о вреде небрежности.

Командующий принял шлем, уставившись на него с такой злостью, что не нашлось слов, чтобы ее выразить.

— Ну а теперь, — продолжал Мэтт, — убирайтесь с моего корабля, если не собираетесь сесть за весло и грести.

Командующий зажал шлем под мышкой, развернулся и пошел прочь, бормоча под нос ругательства.

Покончив с этим, Мэтт совсем выкинул современный мир из головы. Он прошел на корму и стал рядом с Харлом, застывшим, как сонная статуя, у рулевого весла. Все остальные воины, такие же сонные, уже расселись на лавках, по своим местам. Воины медленно водили руками по отполированным их же ладонями тяжелым веслам, как будто желая убедиться, что весла на самом деле там, где им и положено быть.

Глядя вперед, на черные воды, едва освещенные подвешенными под самым куполом светильниками, Мэтт услышал, как внизу, под водой, заработали машины, и почувствовал, что корабль теперь свободно раскачивается на волнах. В следующее мгновение он увидел, как в глубине замерцал, все ярче и ярче, серебристый круг — и вот тьма пещеры уже исчезла во вспышке

голубого сияния. Над кораблем простерлось бездонное утреннее небо, в воздухе кружили чайки, пронзительными криками выражая изумление при виде появившегося ниоткуда корабля. В лицо Мэтту ударил поток солоноватого морского воздуха, палуба корабля под ногами раскачивалась на волнах. Далеко впереди, у самого горизонта, виднелась голубоватая полоска, которую Мэтт и ожидал увидеть, — берег Квинсленда. Справа по борту восходящее солнце только-только поднялось над горизонтом.

Мэтт не тратил времени на колебания и раздумья.

— Харл! — проревел он на ухо кормчему, толкнув его в плечо с такой силой, что воин чуть не свалился, не успев открыть глаза. — Я что, должен один дежурить еще и целый день, как дежурил остаток ночи?

Мэтт рассчитывал, что от этих слов, сказанных его новым голосом, все воины сразу проснутся — так и случилось. Люди моргали и зевали, пробуждаясь от долгого сна, и каждый, наверное, думал, что только он один случайно задремал на минутку за своим веслом. Почти все они начали грести еще до того, как сознание полностью вернулось в тело, но уже через несколько секунд вся команда гребла в едином ритме, быстро и мощно.

Мэтт прошелся между лавками, на которых сидели гребцы, чтобы убедиться, что все проснулись окончательно. Он выдал несколько ругательств и пару раз незлобиво ткнул кое-кого из ребят кулаком — одним словом, вел себя так, как никто другой, кроме короля Эя, не отважился бы вести себя с этими людьми. И прежде чем воины успели погрузиться в раздумья или воспоминания о том, что с ними было всего пять минут назад, всех их надежно захватили привычные, обыденные дела. И если, невзирая на подсознательную команду забыть обо всем, у кого-нибудь из воинов и всплыл бы в памяти кошмарный образ нападающего дракона, этот человек, несомненно, постарался бы как можно скорее изгнать ужасное видение — ночным кошмарам не место под солнцем.

— Наляжем на весла, ребята! Впереди — земля, на которой, говорят, все женщины просто королевы!

У берегов их ждала прекрасная удобная гавань — Бланиум, столица Квинсленда, огромный для своего времени город, в котором обитало восемь или даже десять тысяч человек. Прямо над входом в гавань, на вершине холма, возвышалась серая громада замка. У одной из бойниц высокой крепости сейчас, несомненно, стояла прекрасная принцесса Аликс, в первый раз, из-

далека, глядя на своего нареченного, прибывшего на этом чужеземном корабле.

В гавани были и другие корабли — корабли торговцев и путешественников, но их было не больше полудюжины — слишком мало и для времени года, и для такой хорошей гавани. Торговля, которой жила Великая Империя, неуклонно угасала год от года. И для моряков, и для жителей твердой суши настали тяжелые времена. Но если останется король Эй в живых — и часть цивилизованного мира уцелеет, переживет все невзгоды.

Когда драккар короля Эя вошел в гавань, со всего города к пристани устремились вереницы народа. На причале собралась шумная толпа. К тому времени, когда корабль подошел настолько близко, что с берега стали слышны приветственные крики встречающих, Мэтт увидел, что его прибытия ожидают около тысячи человек самого разного общественного положения. Из замка, где, конечно же, прибывающий корабль заметили раньше всего, к пристани прислали две позолоченные деревянные колесницы, запряженные животными в богато украшенной сбруе. Колесницы остановились у самой воды, рядом с ними спешились и выстроились в ожидании какие-то знатные персоны.

Когда король Эй ступил на землю, люди приветствовали его песнями, дорогу ему усыпали живыми цветами. К пристани полетели швартовочные канаты, команда портовых рабочих подхватила их и быстро закрепила на швартовых тумбах. Корабль притянули к причалу, вдоль которого был укреплен ряд набитых соломой мешков. Мэтт спрыгнул на берег, вздохнув с облегчением от того, что больше не надо ходить по постоянно вздымающейся и опадающей на волнах неустойчивой палубе. Наверное, стоило поблагодарить короля Эя, что путешествие оказалось не таким уж и долгим.

Благородные посланники здешнего короля радушно приветствовали Эя. Толпа простолюдинов разразилась восторженными криками. Король Горбодюк передавал искренние извинения, поскольку старость и недуги лишили его радости лично прибыть к пристани и встретить дорогого гостя. Он также выразил желание увидеться с Эем насколько возможно скорее — в своем замке. Мэтт знал из истории, что король Горбодюк уже стар и действительно тяжело болен, и жить ему осталось не больше месяца.

У короля Горбодюка до сих пор не было наследника мужского пола, а дворяне Квинсленда не стерпят, если ими попробует править какая-то женщина. А если Аликс выйдет замуж за кого-нибудь из них, остальные решат, что их обделили, и запросто может начаться настоящая гражданская война с недовольными. И сама Аликс, и ее отец стремились любой ценой этого не допустить. И вполне естественно, что помыслы старого короля обратились к Эю — благородному юноше королевской крови, молодому и чрезвычайно одаренному, у которого не осталось собственных земель и народа, чтобы хранить ему верность, и которого наверняка все с радостью признают своим законным владыкой.

Предоставив Харлу самому заниматься разгрузкой корабля и размещением команды, Мэтт достал из сокровищницы короля Эя те драгоценности, выбранные, согласно истории, самим Эем как дары для короля и принцессы Аликс. И поднялся на колесницу, которая тут же рванула с места и понеслась вверх по склону холма, к замку.

В современном мире он слышал о таких местах, где упряжные животные были таковы, что люди могли садиться на них верхом и так ездить. Мэтт очень и очень порадовался, что на Сеголе таких животных не нашлось. Выучиться управлять колесницей и так стоило ему немалых трудов, и сегодня Мэтт с удовольствием предоставил править кому-нибудь другому. Мэтт стоял, держась за бортик одной рукой, а другой размахивал над головой, приветствуя народ. Колесница взбиралась на холм по крутым городским улицам, и повсюду толпился народ — и знатные люди, и простолюдины. Они выглядывали из окон домов и стояли вдоль улиц, и все приветствовали Мэтта радостными криками. Люди надеялись, что морской бродяга сохранит их страну единой и свободной. Мэтту оставалось только думать, что эти надежды оправдаются.

Наконец они подъехали прямо к высоким серым стенам замка. Колесницы прогрохотали по подъемному мосту, въехали в тесный внутренний двор, окруженный крепостными стенами, и остановились. Замковая стража обнажила мечи и подняла пики в торжественном салюте, сотня королевских приближенных и местных дворян приветствовала Мэтта почтительными поклонами.

В большом зале замка собралось всего с десяток мужчин и женщин, но это были самые знатные и благородные люди королевства. Когда Мэтт вошел под грохот барабанов и рев фанфар, только некоторые из присутствующих проявили радушие, и то весьма отдаленно напоминавшее неистовую радость народных толп на городских улицах. Мэтт узнал большую часть тех, кто здесь был, по изображениям на старинных портретах и по фото-

графиям, сделанным следящими приборами. Мэтт знал из исторических документов, что очень многие из этих властительных господ будут тайно противиться правлению короля Эя. Есть среди них и такие, чьи улыбки насквозь фальшивы. Самый же рьяный недоброжелатель молодого короля — это придворный колдун Номис, который был сейчас облачен в просторный белый балахон вроде того, что надевал полковник Лукас. А улыбка Номиса даже с виду казалась злобным оскалом.

Если на чьем лице здесь и сияла искренняя радость, так это на увядшем, изборожденном глубокими морщинами лице старого короля Горбодюка. Он даже встал со своего трона, чтобы приветствовать благородного гостя, хотя слабые старческие ноги удержали короля всего на мгновение. После того как старик-король радушно обнял Мэтта и они обменялись приличествующими случаю приветствиями, Горбодюк бессильно соскользнул обратно на сиденье трона. Но его прищуренные глаза внимательно ощупывали гостя, от чего у Мэтта сложилось впечатление, будто король пытается разгадать, что у него под личиной.

Внезапно Горбодюк заговорил:

— Юноша! Ты очень похож на своего отца. Мы с ним множество раз вместе сражались и пировали. Пусть же он славно пирует в Замке Воителей — сегодня и во веки веков!

Эй воспринял бы подобное пожелание со смешанным чувством, а он был такой человек, который всегда высказывал свои чувства, говорил то, что думал.

— Прими мою благодарность, Горбодюк. Я знаю, ты желаешь моему отцу только добра. Пусть же его дух вечно блаженствует в благословенных садах на небесах, куда войдут только праведные!

Горбодюк неожиданно закашлялся — и, по всей видимости, немного нарочито, только для того, чтобы не обращать внимания на наглость молодого выскочки, который осмеливается поправлять его в его же собственном доме.

Но Номис не собирался упускать своего шанса. Придворный колдун в развевающемся белом балахоне выступил вперед — пока расхворавшийся король не мог ему помешать, окруженный заботами преданных слуг.

Номис не заговорил непосредственно с Мэттом, однако встал прямо напротив него в центре зала и обратился ко всем присутствующим:

— О лорды королевства! Неужели вы можете спокойно стоять и слушать, как попирают богов, которых почитали ваши предки?

Похоже было на то, что большинство лордов как раз это и собирались делать. Возможно, они не были уверены в том, что богов «попрали», а может быть, не были уверены в самих богах. Некоторые что-то пробормотали в ответ, но вполголоса, да так тихо, что слов было не разобрать.

Мэтт, нервы которого были натянуты до предела, решил не оставлять этот выпад без внимания.

— Я не хотел никого оскорбить, — отчетливо произнес он. Слова примирения не успели еще слететь с его губ, а Мэтт уже понял, что сделал ошибку. Он сказал это слишком мягко, и слова эти были слишком похожи на извинение. Настоящий Эй никогда бы так не сказал. Номис фыркнул, не скрывая удовольствия, а некоторые вельможи взглянули на Мэтта совершенно по-новому, что-то просчитывая в уме. Атмосфера приема резко и неожиданно изменилась.

Король наконец откашлялся, и теперь все остальные вопросы отодвинулись на второй план — в зал вошла королевская дочь, принцесса Аликс, в сопровождении своих фрейлин. Глаза Аликс лукаво сверкнули из-под полупрозрачной вуали, после чего принцесса скромно опустила густые ресницы. И Мэтт подумал, что люди из будущего оказались правы: есть немало других жизненных линий, внезапный обрыв которых окажется еще болезненнее, чем гибель короля Эя.

Пока шли приготовления к обмену дарами, дружественно настроенный придворный сказал тихонько на ухо Мэтту, что, если лорд Эй не возражает, король Горбодюк хотел бы, чтобы церемония обручения состоялась сейчас же. Возможно, такая спешка и излишня, однако, принимая во внимание здоровье владыки...

— Я понимаю. — Мэтт взглянул на принцессу. — Если Аликс не против — я согласен.

Ее живые и внимательные глаза снова сверкнули. И уже через несколько минут Мэтт стоял рядом с принцессой Аликс, и руки их соединились.

Всем своим видом являя недовольство, превозмочь которое смогли только все еще сильные верноподданнические чувства, придворный колдун Номис по приказу короля начал проводить церемонию венчания. На середине церемонии Номис обвел взглядом присутствующих и задал ритуальный вопрос — нет ли у кого-нибудь из присутствующих возражений против этого

брака? И колдун совсем не удивился, когда человек, на которого он как раз смотрел, ответил:

— Я... Я возражаю! Я сам давно хотел взять принцессу в жены. И по-моему, этому морскому бродяге больше пристало обручиться с моим мечом!

Человек, который это сказал, в самом начале речи сильно запинался, да и вообще, в его голосе не чувствовалось уверенности. Однако с виду он был довольно представительный, молодой, высокий и широкоплечий, а руки у него были толщиной с ногу среднего мужчины.

Несомненно, король Горбодюк с удовольствием запретил бы поединок, но даже он не посмел вмешаться в ритуал бракосочетания. В исторических документах не было упоминаний о том, что королю Эю пришлось сражаться на поединке во время собственной свадьбы. И вряд ли это было упущением летописцев. И все же Номис выдвинул вперед свою пешку. Мэтт понял, что в этом ему надо винить только самого себя. Он каким-то образом отступил от линии поведения настоящего Эя и тем самым спровоцировал этот вызов на поединок.

Но, как бы то ни было, сомнений относительно того, что теперь делать, не оставалось. Мэтт заложил пальцы за широкий кожаный пояс, повернулся к поединщику и, глубоко вздохнув, потребовал:

— Назови свое имя!

Молодой великан ответил натянуто, в голосе его звучало гораздо меньше уверенности, чем в словах:

— Мне не нужно представляться никому из собравшихся здесь достойных людей. Но, чтобы ты относился ко мне с должным почтением, знай, я — Юнгаф из дома Юнг. И знай, что принцесса Аликс станет моей женой, не твоей!

Мэтт слегка поклонился и ответил с холодной вежливостью — так, как ответил бы король Эй:

— Ты показал себя достойным человеком, Юнгаф из Юнгов. А потому я готов с тобой сразиться — здесь и сейчас. Или у тебя есть причины отложить поединок?

Юнгаф вспыхнул до корней волос. Он на мгновение утратил самообладание, и Мэтт понял, что молодой человек на самом деле до смерти перепуган — гораздо сильнее, чем любой воин может испугаться предстоящего поединка.

Ладонь принцессы легла на руку Мэтта. Аликс откинула свою вуаль и, с тревогой глядя на Мэтта, отвела его в сторону и тихо сказала:

— Я страстно надеюсь, мой господин, что тебе будет сопутствовать удача. Мое сердце никогда не лежало к этому человеку.

— Принцесса, просил ли он когда-нибудь твоей руки?

— Да. Год назад. — Аликс вновь с девичьей скромностью опустила ресницы. — И не он один. Но когда я отказала, никто не решился настаивать.

— Вот как? — Мэтт посмотрел в другой конец зала, где колдун Номис освящал руки и оружие Юнгафа символами старой веры. Юнгаф, похоже, сдерживался изо всех сил, чтобы не отшатнуться от колдуна. Нет, этот Юнгаф боится вовсе не раны или даже смерти в поединке...

Сам Мэтт готов был встретить опасность совершенно спокойно. Большую часть своей жизни он провел среди диких зверей и жестокой к слабым первозданной природы и, как один из Народа, подвергал свою жизнь опасности гораздо чаще любого другого человека. Люди из будущего дали ему не только ловкость и мастерство короля Эя, но и сверхъестественную скорость реакции. А кроме того, у него был чудесный меч. Один этот меч давал Мэтту огромное преимущество в любом бою. Нет, Мэтта сейчас беспокоил вовсе не сам поединок с Юнгафом, а то, что из-за этого поединка может измениться ход истории.

За исключением короля, принцессы и самих участников поединка, похоже, все только обрадовались предстоящему небольшому кровопролитию. Задержка из-за того, что пришлось послать на корабль за щитом Эя, вызвала всеобщий ропот недовольства. За это время Мэтт мог бы улучить минутку, чтобы связаться с Центром. Но ему нечего было им сообщить, а они ничем не могли бы ему помочь — поединок был неизбежен. А потому Мэтт попросту слонялся по залу и беседовал ни о чем с придворными дамами. Тем временем Юнгаф надел доспехи и стоял, не говоря ни слова, в окружении нескольких родичей.

Щит вскоре доставили, и принес его не кто иной, как Харл. Верный Харл вбежал в зал, всячески выражая желание увидеть, как начнется поединок, — возможно, его рвение было несколько наигранным для того, чтобы как можно сильнее расстроить противника, заставить его волноваться перед боем.

Все присутствовавшие в зале перешли во внутренний двор замка, где к ним с радостным воодушевлением присоединились дворяне и стражники, оказавшиеся поблизости. Королевский трон установили на самом лучшем месте, вокруг трона расположились благороднейшие из вельмож. Сам внутренний двор замка, по-видимому, нередко использовался для воинских упраж-

нений, судя по выставленным вдоль дальней стены массивным деревянным колодам, сильно изрубленным и истыканным мечами.

Вельможа, который уже подходил к Мэтту и шепотом спрашивал об обручении, подошел снова и предложил себя в качестве секунданта лорда Эя. Мэтт согласился.

— Мой лорд, займите место на площадке.

Мэтт вышел на середину просторной мощеной площадки во внутреннем дворике замка. Площадка была достаточно велика, чтобы обеспечивать дерущимся свободу передвижения. Мэтт обнажил меч. Юнгаф уже устремился к нему, держа наготове щит и меч, могучий и устрашающий, как осадная башня. И Мэтт понял, что больше никаких предварительных ритуалов не будет. Как видно, при дворе короля Горбодюка для убийства требовалось гораздо меньше обрядов и условностей, чем для женитьбы.

Солнце к тому времени уже повисло в зените, воздух нагрелся, и в непроветриваемом дворике даже от легких физических упражнений тело мгновенно покрывалось потом. Юнгаф приближался медленно и так осторожно, с таким количеством обманных выпадов и финтов, что выглядел почти смехотворно. Однако никто из зрителей не улыбался и не выказывал удивления. Наверное, Юнгаф всегда в начале схватки медлит, старается отвлечь противника. Наконец молодой великан метнулся вперед в быстром выпаде. Мэтт отступил назад и ловко парировал три удара атакующей комбинации, приняв меч противника на щит, на меч, снова на щит. Мэтт надеялся, что при столкновении клинков меч противника переломится, однако удар пришелся вскользь, клинки сцепились только на мгновение, и оружие Юнгафа осталось целым. Кроме того, Мэтт внезапно понял, что, если сломается один клинок, принесут второй, и третий, и четвертый. Но только тогда поднимутся вопли о чародействе. Значит, исход дела могут решить только раны.

Мэтт отступил еще немного к центру площадки, по-прежнему уходя с линии атаки Юнгафа. У него не выходило из головы, что любое совершенное им убийство, любая рана, которую он нанесет, изменит естественный ход истории и тем самым сыграет на руку берсеркерам. Но если его самого ранит или даже убьет ретивый Юнгаф, история от этого изменится гораздо сильнее. Зрители начали тихонько переговариваться между собой — несомненно, все видели, что лорд Эй сражается без желания. Но он должен был победить, и чем раньше, тем лучше, — без увечий и убийств, если возможно.

Юнгаф снова медленно двинулся в атаку, и Мэтт поднял свои меч и щит в оборонительной позиции. Когда молодой великан замахнулся мечом, Мэтт сделал глубокий выпад, его клинок скользнул вдоль щита Юнгафа к плечу руки, державшей оружие. Но Юнгаф и сам сделал выпад, его корпус повернулся — и когда Мэтт отбил клинок противника щитом, Юнгаф по инерции развернулся так, что меч Мэтта вошел ему между ребер.

Рана была не очень глубокой, и Юнгаф даже не приостановил бой, но каждая следующая его атака становилась все медленнее, удары — все слабее. Мэтт отклонился в сторону при следующем выпаде Юнгафа, отбил его клинок своим и, сделав раненому бойцу подножку, что было сил толкнул его щитом в грудь.

Юнгаф упал, как срубленное дерево, а Мэтт тотчас же приставил окровавленный клинок к горлу поверженного противника, предусмотрительно придавив ногой к земле крестовину его меча.

— Признаешь ли... ты, что... я выиграл... этот бой и... награду за него?

Мэтт только теперь заметил, что запыхался, и обнаружил, что при каждом вздохе Юнгаф издает странный свист и бульканье.

— Признаю, — Юнгаф ответил с трудом, но довольно быстро. Не было никаких сомнений относительно того, кто победил.

Мэтт устало отступил в сторону, раздумывая, обо что король Эй обычно вытирал кровь с меча? Харл помог ему разрешить это недоразумение и тут же выбранил за излишнюю нерешительность в начале боя. Раненого Юнгафа окружили встревоженные родственники, и с их помощью молодой человек довольно легко сумел подняться. Мэтт подумал: «Что ж, хорошо хоть не пришлось никого убивать».

Он обернулся к принцессе и ее отцу и увидел, что они с испуганными лицами смотрят на что-то, лежащее на земле. Это оказался балахон колдуна Номиса, снежно-белый в свете полуденного солнца. Самого колдуна нигде не было видно. Сброшенное белое одеяние могло означать только одно — Номис избрал путь черного чародейства.

Мэтт услышал, как сзади кто-то закашлялся, и, обернувшись, увидел, что на губах раненого Юнгафа выступила ярко-алая кровавая пена.

Огромный стальной дракон лежал без движения, зарывшись почти полностью в толстый слой ила на морском дне. Вокруг копошилась всякая живность, обитающая в глубинах моря, —

соседство стального чудовища ей ничем не угрожало, потому что этот берсеркер не собирался никого убивать. Если бы он повредил сколько-нибудь сильно даже растительные, неразумные жизненные линии, это обязательно отследили бы на своих компьютерах люди из будущего, которые упорно искали скважину перехода дракона из вероятностного пространства в реальность, такие же неутомимые и безжалостные, как сам берсеркер.

Дракон постоянно поддерживал связь с основным флотом берсеркеров, осаждающим планету Сегол в будущем времени. У них тоже были наблюдательные экраны, подобные человеческим, которые отследили переброску корабля Эя со всей командой в «современные» времена и возвращение их обратно, с еще одной, добавочной жизненной линией на борту.

Замысел людей будущего был очевиден — очевиден для машин-убийц, которые и сами изрядно поднаторели в устройстве ловушек с приманкой. Однако почти адекватная, действенная замена короля Эя — это такая приманка, на которую берсеркеры просто не могли не обратить внимания. Они должны были что-то с этим делать, снова используя своего дракона.

Но на этот раз придется действовать очень осторожно, обходным путем. Человека, который подменил короля Эя, ни в коем случае нельзя было убивать, по крайней мере таким способом, при котором люди будущего сумели бы протянуть ниточку к дракону-берсеркеру. Компьютерный мозг берсеркера рассмотрел возможные варианты и пришел к единственно верному, почти идеальному решению: подставного Эя надо поймать живьем, спрятать и держать в плену, пока вся история Сегола не рассыплется в прах.

Даже прячась в подводном логове, дракон-берсеркер устроил вокруг себя целую сеть сложных, но незаметных инфраэлектронных датчиков. Кроме всего прочего, эти датчики показывали дракону и высокого человека в черном балахоне, что стоял на скале над морем милях в двух от драконьего укрытия и ритмично выкрикивал какие-то слова, все время повторяя их. Согласно данным блока памяти дракон выяснил, что этот человек пытается призвать на помощь или подчинить себе сверхъестественные силы.

И в речитативе этого человека очень часто повторялось имя короля Эя.

Номис стоял на вершине своей сокровенной скалы, залитой лучами яркого полуденного солнца. Самые мрачные и зловещие заклятья лучше, конечно, произносить во мраке ночи, но ненависть и страх колдуна были так сильны, что, казалось, он сам источал тьму. Номис не собирался ждать, пока солнце зайдет.

В небе над ним кружились, пронзительно крича, морские птицы, а колдун нараспев завывал:

— Приди, о демон тьмы, восстань же в мощи!
Пусть разверзнется земля, поднимутся мертвые кости!
Прорвутся сквозь тлен и сорные травы,
И придут ко мне,
И придут сюда!
Пусть расскажут мне, в чем сокрыта смерть моего врага!

Эта заунывная песнь звучала очень долго. Колдун прельщал, выманивал из глубин моря страшных злобных чудовищ, которые собирают утонувших людей и надевают раздувшиеся тела утопленников, как наряды, на своих бесконечных демонических оргиях в черных морских глубинах. Этим скользким морским тварям наверняка известны все тайны смерти. И они, конечно же, должны знать, как погубить ненавистного Эя. Ведь Юнгафу это оказалось не по плечу, невзирая на кошмарные, сверхъестественные угрозы, которыми колдун щедро осыпал этого неотесанного деревенщину.

Дрожащими тощими руками Номис потрясал над головой ожерельем из высушенных человеческих пальцев. Колдун прищурил глаза — их слепило безжалостное солнце — и наклонился, немного опустив руки. Он все выкрикивал и выкрикивал заклятия... Сегодня колдовство должно подействовать. Ненависть кипела в его груди, эта жгучая ненависть словно магнит притянет к чародею демонов истинного зла.

Добравшись в заклинательной песне до места, где можно было сделать передышку, Номис на время замолк. Он опустил руки и закрыл глаза, гадая, послышится ли какой-нибудь еще звук, кроме ровного шума прибоя? Тощее тело колдуна, облаченное в черный балахон, дрожало от напряжения.

Вскрикнула птица. И откуда-то снизу, из глубины моря, где скрывалось подножие одинокой черной скалы, донесся еще один звук — какое-то царапанье, едва различимое за воем ветра и плеском волн.

Номис с замиранием сердца ожидал повторения звука и уже хотел было снова затянуть свой напев, но тут совсем рядом, чуть ниже по склону, почти у самых ног колдуна, раздался негромкий топот и стук покатившихся вниз камешков, сдвинутых с места чьей-то неловкой ногой или рукой. Сам по себе этот звук

был таким привычным и естественным, что усталый рассудок колдуна даже не связал его с чем-то потусторонним. Какое там колдовство! Номис озлился, подумав, что, наверное, кто-то разнюхал дорогу к его тайному укрытию.

Прямо перед ним, со стороны моря, книзу от площадки открывалась узкая расселина между скалами, которая тянулась до самой воды. Оттуда, снизу, и доносился сейчас хруст камней под чьими-то тяжелыми ногами. Пришельца пока не было видно.

И тут мир вокруг Номиса содрогнулся — и явил колдуну доказательство, которое положило конец его тайному недоверию к собственному чародейству. Сначала Номис увидел блестящий череп утопленника, который карабкался вверх по скале. Вокруг сверкающей черепушки обвивалась длинная нитка водорослей.

Создание двигалось быстро и ловко, и вот уже все оно взобралось на площадку на вершине утеса. С виду оно было подобно человеку, гораздо тоньше любого живого, но потолще скелета. Как видно, скелеты утопленников преобразуются, когда в них вселяются демоны, — у этого, например, тело были больше похоже на металл, чем на кости.

Выбравшись из расселины, демоническое создание остановилось. Оно было выше Номиса — чтобы посмотреть на колдуна, демону пришлось немного наклонить свой безволосый череп на тонкой шее-жгуте. Номис собрал в кулак всю силу воли, чтобы не сбежать, и остался стоять, где стоял, и даже осмелился взглянуть в мутные кристаллы, что были у этого демона вместо глаз. С одного из скелетоподобных пальцев демона упала капля воды, ослепительно сверкнув в солнечных лучах. Только когда порождение бездны шагнуло к нему, Номис вспомнил, что надо бы усилить защитный круг, начертанный мелом на базальтовой площадке. Он тотчас же провел вокруг себя рукой и пробормотал охранительное заклинание.

А потом Номис вспомнил и о том, что надо же закончить столь успешный заклинательный ритуал:

— Ты будешь подчиняться мне во всем, ты будешь мне служить, пока я не освобожу тебя! И первая служба такова: открой мне, как уничтожить моего врага!

Сверкающие челюсти не пошевелились, но из черного четырехугольника, расположенного там, где должен быть рот, раздался дрожащий голос:

— Твой враг — Эй. Сегодня он сошел на этот берег.

— Да, да. Раскрой мне тайну его смерти!

Если бы даже берсеркер убил подставного Эя не сам, а приказал убить кому-то другому, люди будущего все равно сумели бы отследить на своих наблюдательных мониторах причинно-следственную цепочку и вышли бы на машину-убийцу.

— Ты должен привести своего врага Эя сюда, живого и невредимого, и отдать мне. И больше ты никогда его не увидишь. Если ты это сделаешь, я помогу тебе достичь всего, чего ты только пожелаешь.

Мысли в голове Номиса понеслись вскачь. Он всю свою жизнь ожидал такого случая, как этот. И не собирался оплошать, не собирался позволить, чтобы его обвели вокруг пальца, облапошили, как деревенского дурачка. Выходит... этому демону Эй нужен живым! Это может означать только одно — между проклятым морским бродягой и этим порождением бездны существует некая магическая связь. Что ж, неудивительно, что Эя поддерживают злые духи моря — стоит только вспомнить, скольких людей отправил на корм рыбам этот морской разбойник. Значит, жизнь его скорее всего каким-то образом зачарована.

Номис заговорил резким и хриплым голосом:

— А что Эй для тебя, демон?

— Враг.

«Что-то не похоже!» — Номис едва удержался, чтобы не сказать вслух эту язвительную фразу. Он внезапно понял, что демон из моря может охотиться и за его душой и телом. Однако Номис был надежно защищен своими заклятиями и охранительным кругом. Выходит, этот демон явился, чтобы защитить Эя. Но Номис не позволит проклятой твари догадаться, что разгадал его подлые замыслы. Пока не время. Сейчас перед ним открывались такие редкие возможности, ради которых стоило пойти на любой риск.

— Внемли же, низкая тварь! Я сделаю так, как ты хочешь. Сегодня в полночь я притащу сюда твоего врага, связанного и беспомощного. А теперь иди прочь — и возвращайся в полночь. И будь готов исполнить все, что я пожелаю!

Вечером Мэтт прогуливался с принцессой Аликс вдоль крепостной стены и смотрел, как на небе одна за другой загораются звезды. Придворные дамы и фрейлины принцессы толпились где-то неподалеку, но из вежливости не приближались и даже не показывались.

Мэтта целиком занимали только его собственные мысли, это было понятно сразу. Аликс после нескольких неудачных попыток завязать беседу спросила напрямик:

— Я не нравлюсь вам, мой лорд?

Мэтт остановился и повернулся к ней.

— Поверьте, принцесса, вы мне очень нравитесь. — Это на самом деле было так. — И если мысли мои бродят где-то вдали — то только потому, что я не могу их оставить.

Аликс улыбнулась с искренним сочувствием. Люди будущего вовсе не считали, что нареченная короля Эя — такая чудесная девушка. Но Мэтт всю свою жизнь видел красивых женщин только загоревшими до черноты, прокопченными в дыму костров, обветренными и грязными. И эта девушка из третьего для Мэтта мира показалась ему прекрасной.

— Может быть, вы расскажете мне, лорд, какие заботы гнетут вас и заставляют ваши мысли где-то блуждать?

— Во-первых, тот человек, которого я ранил. Не очень-то хорошее начало, правда?

— Эти слова показывают благородство вашей души, мой лорд. Мне очень приятно, что вы оказались гораздо добрее и мягче, чем можно было ожидать.

Аликс снова улыбнулась. Несомненно, принцесса понимала, что Эй беспокоится о Юнгафе в основном по политическим мотивам, но, конечно же, она и подумать не могла, насколько на самом деле важна эта политика. Аликс заговорила о том, что может сделать она сама, о людях, с которыми она может поговорить, чтобы положить конец ссоре между новым королевским домом Эя и домом Юнга.

Мэтт слушал, что говорит ему девушка, смотрел на нее и думал, что смог бы стать настоящим королем, если бы рядом с ним была такая королева. Он не станет Эем. Мэтт понимал теперь, как наверняка понимали и люди будущего, что ни один человек не может прожить жизнь другого. Но ради Эя Мэтт мог по крайней мере стать таким королем, который сумел бы достойно послужить человечеству.

Он спросил:

— А я нравлюсь вам, принцесса?

На этот раз очаровательные глаза принцессы вспыхнули ярче обычного, в них засветились теплые огоньки, обещая очень многое... Аликс повернулась к Мэтту... Но тут, с безошибочным чутьем угадав момент, показались дуэньи принцессы и почтительно сообщили, что время уже позднее и госпоже пора отправляться на покой.

— Что ж, до утра, — сказал Мэтт и в лучших манерах того времени поцеловал принцессе руку.

— До утра, мой лорд.

И Аликс в сопровождении своих дам удалилась. Но прежде чем принцесса скрылась из виду, она быстро обернулась и подарила Мэтту еще один очень многообещающий взгляд.

Мэтт остался один. Он смотрел вслед принцессе и мечтал о том, чтобы видеть ее каждое утро хоть десять тысяч раз. Потом Мэтт снял свой шлем и взъерошил волосы. Переговорное устройство все еще молчало. Мэтт понимал, что надо бы связаться с Управлением и доложить о том, что здесь уже произошло.

Но вместо этого он снова надел шлем (Эй носил его постоянно, как часть одежды) и пошел вниз, к жилым помещениям замка. Мэтт направился к комнате, в которую поместили раненого Юнгафа. Его поручили заботам придворного лекаря. Через дверной проем Мэтт увидел, что у постели раненого дежурят двое родственников, и замешкался, не зная, стоит ли заходить. Но, когда родичи Юнгафа его заметили, они сами пригласили Мэтта войти, заговорив с ним спокойно и вежливо. Похоже, никто из дома Юнга не таил на него зла за победу в сегодняшнем поединке.

Юнгаф был бледен и задумчив. Дышал он тяжело и хрипло, в горле раздавалось клокотание. А когда раненый поворачивался на ложе, чтобы сплюнуть кровь, повязка отходила от раны и оттуда тоже выступала кровавая пена. Сейчас Юнгаф не казался испуганным, но, когда Мэтт спросил его о самочувствии, молодой великан прохрипел, что умирает. Он хотел сказать Мэтту что-то еще, но говорить было очень трудно.

Один из родичей Юнгафа с неохотой сказал:

— Лорд Эй, мне кажется, мой двоюродный брат хочет сказать, что вызвал вас на поединок не по собственной воле и заранее знал, что не сможет победить.

Раненый кивнул.

— И еще... — Брат раненого замялся, когда второй родич жестом предупредил его о чем-то, но потом все же продолжил, тщательно выбирая слова: — Мне кажется, Юнгаф хотел бы предупредить вас, что здесь вам предстоит столкнуться с коечем похуже мечей.

— Я видел брошенную белую мантию чародея.

— Что ж, значит, вы предупреждены. Может быть, ваш новый бог сумеет защитить вас, если настанет час, когда ваш меч окажется бессилен.

За окном, в ночной тьме, пронзительно вскрикнула морская

птица. Юнгаф повернул голову к окну, и в его глазах снова промелькнул страх.

Мэтт пожелал людям дома Юнг всего хорошего и вышел. Он направился к лестнице и поднялся на крышу замка. Там его никто не увидит и не услышит, потому что стражу сейчас выставляют только для видимости и, кроме того, уже давно наступила ночь. Когда Мэтт остался один, он, сделав глубокий вдох, нажал определенным образом на правое крыло шлема. Так включалось переговорное устройство.

— Управление Сектора слушает. — Бодрый голос, долетевший из будущего, был не громче шепота, но и замок, и эта ночь под бездонным небом с восходящей луной сразу стали казаться Мэтту какими-то не совсем настоящими. И, наоборот, стала реальной угрюмая подземная крепость в центре невероятной паутины из могучих машин и немыслимой энергии. Стараясь говорить спокойно и бесстрастно, Мэтт сообщил дежурному наблюдателю о поединке и бегстве колдуна Номиса, сбросившего белую мантию.

— Да, мы отметили поражение жизненной линии Юнгафа. Он скорее всего... — Петля временно́го парадокса стерла несколько слов из фразы наблюдателя. — Но никаких катастрофических изменений пока не обнаружено. — Естественно, наблюдатель имел в виду изменения, значимые для истории будущего. — Не встречались ли вам какие-нибудь признаки присутствия дракона-берсеркера?

— Нет. Почему вас так интересует этот дракон? — По ровной глади моря до самого горизонта бежала серебристая дорожка лунного света.

— Почему? Потому что это очень важно! — В голосе наблюдателя явственно слышалось удивление.

— Я понимаю. Но как насчет моего основного задания — быть здесь королем? Если вы мне поможете, я все сделаю как надо. Хотя, похоже, я не очень-то гожусь в заместители Эя.

Последовала пауза.

— Вы справляетесь прекрасно, как мы и рассчитывали, Мэтт. Мы будем сообщать вам, когда понадобится, какие действия и решения соответствуют поведению настоящего Эя. Но у вас и так чертовски хорошо получается, Мэтт, судя по тому, что показывают наши мониторы. Как я уже говорил, то, что случилось с Юнгафом, — совершенно незначимо. Будьте настороже, постарайтесь обнаружить дракона.

— Да, конечно, постараюсь.

Вежливо распрощавшись с дежурным и закончив сеанс связи, Мэтт решил, что сейчас самое время наведаться к людям Эя, которых временно расквартировали в некоем подобии казарм за пределами замка. Мэтт спустился вниз и направился к выходу.

Занятый своими мыслями, Мэтт не обратил внимания на то, что внутренний двор у подножия лестницы гораздо темнее, чем должен быть. Он не удивился и тому, что ворота замка были полуоткрыты и на страже никто не стоял. Мэтт насторожился, услышав сзади быстрое движение, но слишком поздно. Не успел он выхватить меч, как несколько человек навалились на него, сбили с ног. И прежде чем Мэтт решил, что гордость Эя не пострадает, если он позовет на помощь, ему заткнули рот и накинули на голову мешок.

— Сэр, уделите мне минутку. Это важно.

Командующий Сектором Операций во Времени недовольно оторвал взгляд от рабочего стола, но только нахмурился, увидев лицо Деррона и то, что тот принес.

— Входите, майор. Что это у вас?

Деррон протиснулся в кабинет, сжимая под мышкой шлем короля Эя.

— Сэр, я... несколько встревожен. Этот шлем — точная копия того, что носит сейчас Мэтт. Его нашел сам Мэтт на корабле, как раз перед заброской. Сегодня ко мне пришел один из офицеров-связистов, хотел забрать шлем. Так вот, временно́й преобразователь, встроенный в шлем, постоянно испускает сигнал определенной частоты.

Командующий молча сидел и с явным нетерпением ждал, когда же наконец Деррон доберется до сути дела.

— Связисты сказали, сэр, что сигнал из этого шлема полностью соответствует сигналу из шлема, который носит Мэтт. И, какой бы шлем он ни надел, он будет постоянно испускать сигналы, которые берсеркер легко идентифицирует как опознавательные. Он может разыскать Мэтта по этим сигналам. Раз берсеркер до сих пор этого не сделал, значит, он догадывается, что это ловушка.

Деррон говорил очень сдержанно, но его душил гнев.

— Полагаю, вас, Одегард, шокировало то, что мы сделали. Не так ли?

Командующий тоже начал сердиться. Но при этом явно не чувствовал за собой никакой вины. Его просто раздражала бес-

толковость Деррона. Командующий включил свой настольный экран и вызвал нужную картинку.

— Посмотрите. Вот нынешнее развитие жизненной линии Эя.

За время своих дежурств Деррон неплохо научился считывать показания дисплея. За сегодня это был первый раз, когда он увидел, что происходит с жизненной линией Эя. Он внимательно вгляделся в экран, и то, что он увидел, только подогрело его вчерашние страхи.

— Нехорошо. Он сильно отклоняется от заданного направления.

— Мэтт должен выиграть для нас время в настоящем. Пока что только это он и делает. Теперь вам понятно, почему мы добиваемся, чтобы дракон его убил? Миллионы, многие миллионы людей погибли в этой войне совершенно напрасно, майор!

— Понимаю...

Гнев душил Деррона все сильнее, поскольку не находил выхода. Деррон подержал шлем в руках, не в силах унять дрожь, глядя на шлем, словно на археологическую находку, которую только что выкопали из-под земли.

— Понимаю. Вам не удастся одержать победу, пока не будет обнаружена скважина, через которую появился дракон. Мэтт с самого начала был всего лишь живцом для дракона. Так?

— Да нет, майор, я не стал бы утверждать это столь безоговорочно. — Теперь голос командующего звучал значительно мягче. — Когда вы впервые предложили его использовать, мы полагали, что ему, возможно, удастся остаться в живых. Но первое же полномасштабное моделирование ситуации на компьютере показало нам наиболее вероятный исход событий. Хотя, конечно, вы правы. Жучок в шлеме — ловушка чересчур очевидная. — Командующий устало пожал плечами. — При нынешнем положении вещей Мэтту, пожалуй, берсеркеры угрожают меньше, чем нам самим.

Мэтт с трудом пришел в себя и закашлялся, пытаясь выплюнуть кляп из грязной тряпки. Голова трещала, точно его опоили какой-то дрянью. Его несли — он ощущал покачивание, от которого его сразу затошнило. Когда туман в голове немного развеялся, Мэтт понял, что его везут, перекинув через спину ездового животного, так что голова свисает с одного бока, а ноги — с другого. Шлем потерялся где-то по дороге. Ножен с мечом на поясе тоже не было.

Его окружали человек шесть-восемь. Они вели ездовое животное сквозь тьму, по узкой извилистой тропинке, освещенной луной. Люди часто оглядывались назад и время от времени переговаривались вполголоса.

— ...По-моему, за нами двое — а может, уже отстали... — расслышал Мэтт. Он попытался порвать веревки, стягивавшие запястья и лодыжки — веревки оказались прочными. Повернув голову, он разглядел, что тропинка ведет между зазубренных утесов и скальных выступов. Судя по тому, что Мэтту было известно о местности вокруг Бланиума, они шли вдоль самого берега моря.

Когда человек, который вел животное под уздцы, остановился и обернулся, поджидая остальных, Мэтт увидел, что он высок, худощав и одет в черное. Мэтта это не удивило. На поясе у человека висели ножны с мечом — похоже, Мэттовым. Номис прибрал к рукам один из символов королевской власти...

Тропинка становилась все непроходимее. Вскоре маленькая процессия оказалась перед узким гребнем, по обеим сторонам его виднелись расщелины. Тут с ездовым животным пришлось расстаться. По приказу Номиса несколько его спутников сняли Мэтта с седла. Мэтт попытался сделать вид, что он без сознания, но Номис подошел, приподнял ему веки и понимающе ухмыльнулся.

— Он в сознании! Развяжите ему ноги, а руки стяните покрепче.

Охранники так и сделали. Чем дальше они продвигались, тем чаще люди останавливались и боязливо озирались, вздрагивая при каждом шорохе. Похоже, они боялись Номиса и того, что ждало их впереди, не меньше, чем погони, которую могли выслать из замка.

Руки у Мэтта по-прежнему были стянуты за спиной. Охранники не спускали с него глаз. Его провели по гребню, где можно было идти только поодиночке, потом заставили вскарабкаться по узкой расселине, почти что коридору, идущему наверх между высоких скальных стен, за которыми даже луны не было видно. Похоже, только Номис, шедший впереди, знал дорогу. Издалека, откуда-то снизу, послышался шум прибоя.

Когда они наконец выбрались на крохотную скальную площадку, луна скрылась за облаком. И только Номис сразу увидел неподвижную фигуру, застывшую, точно скала, в ожидании их прихода. Увидев ее, Номис поспешно обнажил меч Мэтта. И, когда Мэтта вытолкнули из расселины, Номис схватил его одной

рукой за волосы, а другой приставил к его горлу обнаженный клинок.

Тут луна показалась снова, и люди наконец увидели ожидавшую их тварь. Они с криками спрятались за спину Номиса, точно птенцы странной черной птицы, стараясь не выходить за пределы начерченного мелом круга, сделанного Номисом еще в прошлый раз. На несколько мгновений воцарилось молчание, нарушаемое лишь слабым шелестом ночного бриза, рокотом волн да чьим-то испуганным бормотанием.

Продолжая держать меч у горла Мэтта, Номис выдернул тряпку из его рта и показал пленника берсеркеру.

— Ну, что ты скажешь, низкая тварь? Этот человек — в самом деле твой враг? Если так, почему бы мне не убить его?

Металлическая кукла готова была рвануться вперед и вырвать Мэтта у колдуна. Берсеркер мог двигаться куда быстрее любого из людей. Но меч был приставлен к самому кадыку пленника, и берсеркер не хотел ни малейшего риска.

— Я дам тебе власть, колдун, — сказал демон. — И богатства, и плотские наслаждения, и вечную жизнь. Но сперва ты должен отдать мне этого человека. Живым.

Номис напыжился, уверенный в победе. Люди у него за спиной съежились от страха. В этот миг, когда Номису казалось, что все его желания вот-вот исполнятся, ему вспомнился тот далекий день, когда язвительный смех маленькой принцессы ожег его раскаленным железом.

— Я хочу Аликс! — тихо произнес он. Он не столько желал ее юное тело, сколько жаждал сломить ее гордость.

— Ты получишь ее! — торжественно солгал демон. — Только отдай мне этого человека живым.

Номис был так поглощен своим триумфом, что его рука, державшая меч, чуть дрогнула. Мэтт только этого и ждал. Запястья его были связаны, но он все же мог немного шевелить руками. Он рванулся в сторону и изо всех сил ткнул колдуна локтем под ребра. Номис распластался на земле, и меч вылетел из его руки.

Для перепуганных людей это было последней каплей. Они обратились в паническое бегство. Сперва кинулись врассыпную, потом бросились к единственному пути — узкой расселине, по которой сюда пришли. Мэтт метнулся вперед, пнул в проход упавший меч и все же успел вбежать в проход первым, благодаря тому, что современные люди сотворили с его мышцами и нервами.

Берсеркер замешкался — ему надо было не задеть людей, что стояли у него на пути. Но, когда Мэтт достиг конца тропинки, он почувствовал, как могучая рука, куда сильнее человеческой, схватила его за одежду. По счастью, ткань порвалась. Мэтт рванулся и рухнул в проход. Люди у него за спиной выли от страха, натыкаясь друг на друга и на берсеркера.

Мэтт упал. Он ободрался, ушибся, но боли не ощутил. Проход был такой узкий, что упал Мэтт прямо на свой меч. Он извернулся в темноте и схватил меч за лезвие, не боясь порезать пальцы. Потом поднялся на ноги и протиснулся дальше в проход. Споткнулся, снова упал, разбив колено, но ему все же удалось вырваться вперед, подальше от людей, сбившихся в кучу у входа в расселину. Похоже, кто-то упал и сломал ногу, а остальные не могли его обойти. Люди выли, охваченные безрассудным страхом, и наверняка еще больше перепугались, почувствовав холодные руки берсеркера. Тот, должно быть, рылся в куче тел, выискивая того, кто был ему нужен, и пытаясь отпихнуть остальных.

Мэтт укрепил меч между камней, клинком вверх, и, пользуясь своими новыми способностями, мгновенно разрезал путы. Освободившись, он услышал тяжелые шаги робота, спускающегося по проходу...

— Вот он, вот он! Наконец-то мы засекли эту сволочь! — кричали дежурные в Секторе Операций во Времени, охваченные старым как мир охотничьим азартом. На экранах компьютеров расползались линии паутины, в которую должен был попасться дракон. Данные, из которых сплеталась сеть, слагались из искореженных жизненных линий испуганных и покалеченных людей. Похоже, берсеркер борется с людьми в каком-то замкнутом пространстве...

И все же он пока никого не убил. И засечь скважину тоже не удавалось.

— Ну, еще немного! — стонали дежурные, дожидаясь, когда наконец прольется кровь. — Еще чуть-чуть! Хоть кто-нибудь!

Но смертей пока не было.

Мэтт, хромая, отступал назад, туда, где светила луна и он мог бы видеть. Тварь следовала за ним, уверенная в победе. Мэтт выбрался на тропинку на гребне между двумя зияющими пропастями, такими глубокими, что лунный свет не достигал дна, сти-

скивая рукоять меча окровавленными пальцами. Робот, бледный в лунном свете, тонкий, как скелет, осторожно следовал за ним. Он не хотел, чтобы Мэтт упал в пропасть. Он выберет подходящий момент, бросится и схватит его, так же легко и уверенно, как спортсмен подхватил бы ребенка с тротуара.

Мэтт отступал, направив острие клинка вдоль дорожки, навстречу берсеркеру. Ему едва хватило времени на то, чтобы унять дрожь в руках. Вот только что берсеркер был шагах в шести — а в следующий миг он уже оказался рядом. Робот махнул рукой, сметая с дороги то, что казалось всего лишь обычным мечом, — и четыре стальных пальца отлетели, сверкнув в лунном свете серебристыми рыбками, а мономолекулярный клинок остался, где был, направляемый недрогнувшей рукой Мэтта.

Подгоняемый инерцией броска, робот с размаху напоролся грудью на клинок, и тонкий механизм в мгновение ока превратился в бесполезный кусок металлолома. Мэтт упал от толчка, но ему удалось ухватиться за гребень скалы. Он увидел, как берсеркер свалился, перевернулся в бесконечном замедленном кувырке, унося с собой чудесный меч, который уже раскалился докрасна от огня, разгоревшегося в стальном чреве машины.

Демон исчез. Со дна пропасти донесся треск, потом еще и еще раз. Скалы отозвались гулким эхом. Мэтт выбрался обратно на тропинку и прополз несколько футов. Потом с трудом поднялся на ноги и дошел до места, где тропа снова сделалась широкой и безопасной.

Мэтт был избит, ушибы саднили, но двигаться он мог. Стараясь держаться в тени, он прохромал мимо флегматично ожидающего ездового животного. Мэтт прошел еще несколько шагов, и тут из тени вынырнули двое людей Номиса, оставленных на страже. Они схватили его. Раненая нога подвернулась, и Мэтт упал.

— Лучше бросьте меня и спасайтесь бегством, — сказал он, глядя в замотанные в портянки колени охранников. — За вашим хозяином явился дьявол.

Они в замешательстве уставились на тропу, откуда доносился шум и крики. И тут их самих схватили — только не дьявол, а двое людей. Мэтт видел, как они бежали по тропе со стороны замка, вооруженные мечом и секирой. Вокруг Мэтта закружился хоровод стали, послышались сдавленные вопли — но тут же все стихло.

— Ты ранен только в ногу, мой лорд? — озабоченно спросил Харл, сунув секиру за пояс и склонившись над Мэттом.

— Да. В общем, я в порядке.

— Ну, тогда мы пойдем дальше и перебьем остальных! — угрюмо прогудел Торла.

Мэтт попытался привести мысли в порядок.

— Нет. По крайней мере не сейчас. Номис вызвал из моря тварь...

Торла содрогнулся, заслышав отдаленный стон.

— Тогда давайте убираться отсюда!

— Ты можешь встать, государь? — спросил Харл. — Хорошо. Обопрись на меня...

Подняв Мэтта на ноги, он вынул что-то из-под плаща.

— Твой шлем, государь. Он валялся сразу за воротами, и он указал нам путь.

Наверно, Харл с Торлой подумали, что король оглушен или что боль в ноге помешала ему взять шлем сразу. Харл носил его под плащом, точно обычную скорлупку; но, когда Мэтт надел его на голову, ему показалось, что шлем вот-вот его раздавит.

А на дне моря зашевелился прячущийся в иле дракон. Дразнящий сигнал живой единицы, которую современные люди прислали вместо Эя, звучал где-то совсем близко от берега. Если захватить эту живую единицу, не причинив вреда прочим жизненным линиям, победа берсеркеру будет обеспечена. Правда, преследовать этого подменыша на берегу, среди прочих жизней — значит вносить слишком много изменений. Дополнительный человекообразный модуль дракона мог бы делать это почти незаметно, но он куда-то подевался. И все же возможность схватить эту важную живую единицу прямо на берегу была слишком хороша, чтобы ее упускать. И дракон всплыл, замутив воду облаком ила.

Поддерживаемый с обеих сторон сильными спутниками, Мэтт довольно быстро шел по тропе, ведущей назад, в Бланиум. Хотя, на его взгляд, спешить было, в общем-то, некуда. Номис и его люди вряд ли решатся пуститься в погоню. Даже если Номис выжил, авторитет его все равно упал.

А дракон? Он сделал все, что мог, чтобы захватить его живьем, тихо и незаметно. Мэтт зябко передернул плечами. Дракон, должно быть, прячется в море. И, похоже, не станет преследовать его — разве что Мэтт выйдет на берег и помашет ему ручкой. И все же дракон может в любое время выползти на берег, чтобы

убить его. Ни местные жители, ни армия, ни стены Бланиума его не остановят.

Да нет. Если бы берсеркер хотел, чтобы Мэтт умер, его давно бы уже не было в живых и волшебный меч не помог бы. Он видел берсеркеров и слышал о них достаточно, чтобы быть в этом уверенным.

— Как тебе удалось спастись, государь?

— Потом расскажу. Сейчас мне надо подумать.

«Заставьте дракона погнаться за вами, — сказал ему командующий. — Мы постараемся вовремя вытянуть вас оттуда». Что-то пока никто не спешил его вытягивать! «Король должен быть готов отдать жизнь за свой народ», — сказал Правитель Планеты. Он, видимо, считал, что это важно. Ему легко говорить из глубины своего надежного бункера...

Современные люди пытаются спасти «племя всех людей». Мэтт или любой другой отдельный человек для них всего лишь оружие в борьбе. Сперва они спасли ему жизнь, а теперь снова выставили под огонь глаза «каменного льва»...

Мэтта внезапно осенило. Все встало на свои места. Обрывки знаний, которые он успел подцепить в современном мире, знаний о войне, что ведется с помощью экранов и ракет, жизненных линий и скважин, внезапно сопоставились с тем, что произошло с ним здесь, в мире Эя. И как он сразу не догадался! Это современные люди хотели, чтобы берсеркеры убили его здесь. А берсеркеры знали об этом и хотели взять его живым!

Он все еще обдумывал свое открытие, когда переговорное устройство шлема заговорило с ним тоненьким голоском, который никто больше не слышал. Охваченный гневом, Мэтт не обратил внимания на то, что ему говорили. Он готов был сорвать шлем и выбросить его вместе со всеми этими лживыми голосами. Он сказал себе, что выбросит его, когда подойдет к морю... Нет, теперь ему следует избегать приближаться к берегу. Ну, значит, когда он снова окажется у какой-нибудь бездонной пропасти.

Но вместо этого он стиснул плечи своих спутников и остановил их.

— Добрые мои друзья, мне надо побыть одному. Подумать — и помолиться.

Добрые друзья обменялись недоумевающими взглядами. Должно быть, подобная просьба в такой момент показалась им странноватой. Но, с другой стороны, у короля выдался тяжелый день. Станешь тут странным...

— Ты безоружен! — нахмурился Харл.

— Поблизости врагов нет. Но, если хочешь, можешь оставить мне свой кинжал. Только дайте мне немного побыть одному.

И они ушли, хотя и неохотно, постоянно оглядываясь. Мэтт остался один на скале в лунном свете. Теперь он — их король, и они любят его. Мэтт улыбнулся им вслед. Они еще много лет будут с ним. Никто ему не помешает. Если он решит не охотиться на дракона, современные люди никак не смогут его наказать. Мэтт — единственное, что защищает современных людей от хаоса. До тех пор, пока он живет жизнью короля Эя, они не осмелятся вытянуть его обратно в будущее. Конечно, время от времени он будет совершать ошибки, так что идеальной замены из него не получится — но ведь ничего лучшего у них все равно нет!

— Мэтт, ответьте! Это срочно!

— Слушаю. Что вам нужно?

— Где вы? Что происходит?

— Возвращаюсь домой. К своей нареченной и своему королевству.

Пауза.

— Мэтт... Возможно, следовать пути короля Эя окажется недостаточно.

— Вот как? А мне этого достаточно. Я уже повоевал с демоном и использовал ваш меч. Так что мне не хочется гоняться за драконом, который намеревается оставить меня в живых.

— Повоевал с демоном? Как это?

Мэтт объяснил. Он чувствовал, что те, кто слушал его из сектора, ошеломлены. Они не рассчитывали, что враг попытается захватить его живьем.

Когда же до них дошла суть происшедшего, они принялись умолять Мэтта ни в коем случае не позволить дракону захватить себя живым. Мэтт никогда не слышал, чтобы командующий говорил таким тоном.

— Да? — насмешливо переспросил Мэтт. — А мне ведь столько раз говорили, что я должен заставить дракона гоняться за мной...

— Забудьте об этом! Нет, подождите. Вам нельзя попадать в плен. Но просто избегать плена и продолжать деятельность Эя теперь недостаточно. Вы управляетесь со своим делом не хуже любого другого, но просто быть на месте Эя — этого мало.

— Тогда почему же враг хочет остановить меня?

— Потому что вы даете нам отсрочку! Они хотят лишить нас всех оставшихся шансов — всех шансов найти новый способ защиты, всякой надежды на чудо. Они хотят сыграть наверняка и быстро покончить с нами. И все, что я могу, это сказать вам...

попросить вас... чтобы вы вышли на берег моря, где прячется эта проклятая тварь. Заставьте ее выбраться, и погнаться за вами, и создать какие-то изменения.

— А если он меня схватит?

Пауза. Мэтт слышал, как они переговаривались. Потом раздался другой знакомый голос:

— Мэтт, это Деррон. Все эти люди пытаются придумать, как уговорить вас умереть. Вам нужно заставить берсеркера убить вас. Если он вас схватит, вам нужно найти способ убить себя. Убить себя именно тогда, когда он вас схватит. Поймите! Умереть так или иначе, но чтобы в этом был замешан дракон. Это то, чего Сектор хотел от вас с самого начала. Простите. Я не знал этого, пока вас не забросили в прошлое.

Снова подключился командующий:

— Мэтт, вы, конечно, можете отключиться и отправиться к своей невесте и королевству, как собирались. Но, если вы так поступите, ваш мир, где вы теперь находитесь, будет постепенно распадаться. Распадаться изнутри, незаметно для вас самих. Он будет постепенно утрачивать вероятность существования. Мы здесь все умрем. А в вашей части истории наступит хаос — уже во времена ваших детей. Вы оставите им только гибель.

— Вы лжете! — крикнул Мэтт. Но голос его сорвался. Он знал, что на этот раз командующий не лжет. Быть может, он говорит не всю правду, но он прав относительно того, что необходимо, чтобы выиграть войну.

— Мэтт? Это снова Деррон. То, что вам только что сказали, — это правда. Я не знаю, что вам еще сказать...

— Друг мой, что же тут еще говорить! — с горечью воскликнул Мэтт. И рывком, едва не обломив крыло шлема, отключил голоса.

Поздно. Слишком поздно он заставил их заткнуться. Мэтт медленно надел шлем и встал. Вскоре он увидел возвращающихся Харла и Торлу. Видимо, они следили за ним, притаившись неподалеку, и услышали, что он «молится» на каком-то непонятном языке.

Когда они подошли к нему, гнев Мэтта уже остыл. Он сказал:

— У меня болит нога. Давайте пойдем по берегу — там, должно быть, дорога полегче.

Поддерживаемый друзьями, он спускался навстречу шуму прибоя. Он шел медленно — нога действительно разболелась, пока он сидел. Впрочем, теперь это неважно. Мэтту вспоминались какие-то бессвязные образы, обрывки фраз... Время дум и забот миновало.

Он вытащил «каменного человека» из ямы ядовитого землероя — это было двадцать тысяч лет назад. И теперь Мэтту казалось, что он и в самом деле прожил двадцать тысяч лет. Он видел, как племя всех людей выросло и распространилось по просторам пространства и времени. Он кое-что узнал о духах жизни. Он был королем, и женщина с душой принцессы взирала на него с любовью...

Они уже с минуту шагали вдоль кромки воды, когда Мэтт без удивления увидел, как прибрежная скала впереди шевельнулась и превратилась в кошмарную голову, поднявшуюся в брызгах пены, озаренных сиянием луны, на длинной жилистой шее. Огромное тело дракона выползло на берег и бросилось навстречу людям, двигаясь быстрее любого бегуна.

— У меня кинжал, — сказал Мэтт. — А с мечом и секирой вы сейчас управитесь куда лучше меня.

Дракону не были нужны Харл с Торлой, и уговаривать их бежать было бы бессмысленным оскорблением.

Мэтт прятал кинжал в руке, прижав клинок плашмя к запястью. Драконья голова надвинулась на него, склонившись на шее толщиной с древесный ствол. Эта тварь запросто может проглотить человека, не причинив ему вреда... Мэтт чувствовал себя ужасно усталым. Он был даже рад увидеть челюсти, распахнувшиеся, точно крышка гроба. Теперь он увидел, что зубов у дракона нет. И только в тот момент, когда челюсти мягко и мощно сомкнулись над ним, он вскинул кинжал, целясь себе в сердце...

— Он его убил! — прошептал командующий, не веря своим глазам. Потом закричал: — Он убил, убил его!

Прочие охотники, застывшие у своих экранов, разделяя неверие в успех своих компьютеров, тоже оживились и начали действовать. Паутины на экранах стянулись тугими петлями, замыкая надежно пойманную добычу...

В глубокой пещере Второго яруса Сектора Операций во Времени металлические руки сняли ракету со стойки и перенесли в сторону, где на каменном полу все ярче светился серебристый круг. Руки разжались, ракета начала падать — и исчезла, не долетев до пола.

Деррон не в первый раз видел, как уничтожается скважина, и прекрасно понимал, как велика одержанная победа. Извивающиеся линии на экране, окружавшие Эя, вскипели, точно в котле, и принялись выпрямляться, точно веревочная головоломка, которую потянули за нужный кончик. Поток истории уверенно повернул в нормальное русло. И лишь одна жизненная линия, сыгравшая роль катализатора, оборвалась. Но нужно было очень внимательно всмотреться в экран, чтобы разглядеть эту мелкую подробность.

Обрыв линии не оставлял места для сомнений — и все же Деррон потянулся к кнопке переговорника, соединявшего его с Третьим ярусом.

— Альф? Послушай, ты не мог бы сказать, в каком он состоянии сейчас?.. Ладно, спасибо.

Он ждал, оставив линию связи открытой, тупо и устало глядя в экран. Вокруг, в сердце Сектора Операций во Времени, первые волны восторга захлестывали привычную дисциплину.

— Деррон?

Альф медленно и нудно принялся рассказывать о ранении в сердце и о том, каким образом человек мог нанести себе подобную рану. Да, мозг Мэтта слишком долго оставался без притока крови и кислорода, чтобы врачи могли для него что-то сделать...

Деррон отключил связь и продолжал неподвижно сидеть в своем кресле. Многие из охотников раскуривали сигары, празднуя победу, кто-то весело потребовал порцию грога... Через несколько минут появился сам командующий, со стаканом в руке. Он подошел к Деррону. Командующий не улыбался.

— Это был доблестный человек, Одегард. Лучший из лучших. Не многие смогли бы совершить хотя бы тысячную долю того, что сделал он — в жизни или в смерти.

Командующий торжественно поднял стакан и отхлебнул вина, чествуя оборванную зеленую линию на экране. Конечно, впереди торжественные церемонии. Может быть, Мэтту даже поставят памятник, на котором будет написано то же самое, только в десять раз длиннее.

— Понимаете, какое дело, — медленно произнес Деррон. — Мне, оказывается, по большому счету все равно, что будет с миром. Меня куда больше волнуют отдельные люди...

Командующий скорее всего просто не расслышал его за нарастающим шумом.

— Вы делали то, что было необходимо, майор, и делали это хорошо — с самого начала операции и до нынешнего дня. Сектор Операций во Времени будет расширяться, и нам понадобятся толковые люди на ключевых постах. Я намерен рекомендовать вас на повышение...

Номис стоял, вскинув руки к небу. Седая борода и черные одежды развевались по ветру. Он все твердил слова темного обряда уже третий день подряд. Номис упорствовал, хотя его не оставляло ощущение, что все его труды против короля Эя пойдут прахом...

Стоя на башне, Аликс прикрыла глаза от утреннего солнца и до боли всматривалась в морскую гладь, надеясь увидеть парус или мачту. Она ждала, исполненная внутреннего трепета, ждала первой встречи со своим будущим супругом и повелителем...

Харл знал, что утесы Квинсленда прямо по курсу, хотя грести до них еще целый день. Он хмурился, глядя на серое неспокойное море. Небо было чистым, только на горизонте собирался отдаленный шквал. Потом лицо воина просветлело при мысли о том, что юный Эй в своем шатре посреди палубы, должно быть, размышляет о грядущих новых битвах...

Глава 3

Босоногий человек в монашеской рясе поднялся на вершину холма и остановился, озирая окрестности. Дорога, по которой он шел, стелилась вдаль почти по прямой через невысокие холмы, чахлые рощицы и заброшенные поля. Картину дополняло свинцово-серое небо. Эту дорогу мостили еще во времена расцвета Великой Империи, она осталась едва ли не единственным напоминанием о тех далеких и славных днях.

С холма, на котором остановился монах, было видно, что дорога ведет к узкой башне — одинокому шпилю на фоне неба, серому и неприветливому в сумеречном свете дня. С такого расстояния подножия башни не было видно. Монах шел к башне уже полдня, но цель все еще была далека.

Сам монах был худощавым и жилистым мужчиной среднего роста. Его внешность не позволяла определить возраст, ему могло быть лет двадцать, а могло быть и сорок. Лицо с реденькой бородкой выражало крайнюю усталость, а серая ряса была забрызгана грязью. По обе стороны дороги поля утопали в сляко-

ти, так что оставалось непонятным, были ли они вспаханы и засеяны этой весной или остались нетронутыми с прошлого года.

— О Господи, благодарю тебя, что эта дорога помогла преодолеть мне большую часть пути! — пробормотал монах и зашагал вперед. Подошвы его потрепанных башмаков были порядком стерты, но еще крепки.

Не считая далекого шпиля, о присутствии человека среди неприветливого пейзажа свидетельствовало лишь одинокое, почти разрушенное строение у обочины дороги. Разрушено оно было сравнительно недавно, хотя сами стены были возведены еще во времена могущества Империи и служили караван-сараем или заставой. Но около месяца назад, а то и меньше, по этим местам прокатилась война, превратив дом в бесформенную груду камней. Все, что осталось, грозило вот-вот бесследно исчезнуть в топкой грязи, еще до того, как у стен начнет пробиваться первая весенняя трава.

Монах присел на остатки древней стены, чтобы дать отдых ногам. Он с легкой грустью смотрел на руины некогда грозного сооружения. Потом, словно мальчишка-непоседа, которому тяжко просто сидеть сложа руки, он нагнулся и поднял один из камней. Рука монаха была узкой и сильной. Он осмотрел камень, прищурился с видом заправского каменщика и угнездил его в выемку стены, откуда, вероятно, камень откололся. Потом путник чуть отодвинулся и принялся созерцать результат.

Издалека донесся крик. Монах поднял голову и посмотрел по сторонам. По дороге бежал человек, одетый в такую же рясу, и махал обеими руками, чтобы привлечь внимание.

Лицо первого монаха озарилось радостью при виде возможного спутника. Он махнул в ответ рукой, уже позабыв про игру в каменщика, и поднялся.

При ближайшем рассмотрении незнакомец оказался упитанным человеком среднего роста, с гладко выбритым лицом.

— Хвала Творцу Всего Сущего, почтенный брат! — пропыхтел незнакомец, когда подбежал на расстояние слышимости.

— Да славится Имя Его. — Голос монаха с бородкой был приветлив, но невыразителен.

Толстячок, которому было лет тридцать, приземлился на низкую стену, вытер вспотевший лоб и тревожно поинтересовался:

— Если не ошибаюсь, ты брат Джованн Эрнардский?

— Да, это мое имя.

— Не знаю, как и благодарить Творца! — Толстячок прило-

жил руку к сердцу и округлил глаза: — Меня зовут Сейлом, брат. Не знаю, как и благодарить Господа...

— Такова его воля.

— ...что он чудесным образом свел наши пути! За тобой последуют многие, брат Джованн, люди потянутся к тебе со всех четырех концов света, поскольку слава о твоей добродетели и благочестии простерлась до самого Моснара, — по крайней мере, так я слышал, — а то и до земель язычников. И даже здесь, в этих краях, в заброшенных деревнях среди холмов, самые невежественные крестьяне знают о тебе и твоих достоинствах.

— Боюсь, что они знают и о моих недостатках, так как я родился неподалеку отсюда.

— Ах, брат Джованн, твоя скромность чрезмерна! Я потратил немало сил, чтобы отыскать тебя, и многажды слыхал о твоих благочестивых деяниях.

Брат Джованн задумался и снова присел на каменную стену.

— Что заставило тебя так долго, как ты говоришь, искать меня?

— Уфф, — выдохнул Сейл и покачал головой, показывая, что путь его действительно был долог и труден. — Пламя подвижничества впервые разгорелось в моей душе несколько месяцев назад, когда я услышал о тебе от достойных доверия людей, видевших своими глазами тебя на поле брани, в войске Верных. Ты не побоялся оставить укрытие, пересечь нейтральные земли и броситься в самые зубы язычников. Ты проник в шатер их предводителя и донес до него истину о нашем Святом Ордене!

— Мне не удалось обратить его в нашу веру, — печально сказал Джованн. — Хорошо, что ты напомнил мне о моей неудаче, поскольку я страдаю греховной гордыней.

— Ой! — Сейл смутился, но только на мгновение. — Как я уже сказал, прознав про этот подвиг, брат Джованн, я воспылал неутолимым желанием, благостным стремлением отыскать тебя и быть среди первых твоих учеников. — Сейл вопросительно приподнял брови. — И правда ли, что ты сейчас направляешься в столицу, чтобы испросить позволения основать новый религиозный орден у нашего преподобного Наместника Набура?

Взгляд худощавого монаха обратился к далекому шпилю.

— Однажды, брат, Господь призвал меня восстановить павшие храмы и отстроить новые с помощью кирпича и камня. Сейчас, как ты и сказал, я призван восстановить их с помощью людей. — Он повернулся к брату Сейлу и улыбнулся. — Если ты желаешь войти в новый орден, когда его утвердят, что ж. Пока я

ничего не могу об этом сказать. Если же ты решишь сопровождать меня в столицу, я буду только рад обрести в тебе спутника.

Сейл вскочил и принялся бить поклоны.

— Несказанно рад и счастлив, брат Джованн!

Когда монахи двинулись в путь, Сейл все еще рассыпался в благодарностях. Затем он начал сетовать, скоро ли два брата в вере найдут кров и пищу, места-то вон какие заброшенные...

Тут их внимание привлек нарастающий шум. Их догоняла карета. Не богатая, но сделанная на совесть колымага могла принадлежать как аристократу, так и прелату среднего достатка. Монахи успели сойти на обочину, услышав грохот колес по мощеной дороге. Четыре резвых ездовых животных катили карету с приличной скоростью.

Когда карета проезжала мимо, брат Джованн невольно поднял взгляд к лицу пассажира. Тот смотрел вперед, так что был виден только его профиль. Он сидел, положив локоть на раму окошка кареты. Насколько можно было судить, это был крепкий мужчина, хорошо одетый, пожилой и с седой бородой, хотя коротко подстриженные волосы на голове по-прежнему сохраняли рыжеватый оттенок. Толстые губы были слегка искривлены, словно пассажир собирался сплюнуть или отпустить пренебрежительное замечание.

— Могли бы и подвезти, — уныло заметил брат Сейл, провожая взглядом удаляющуюся карету. — Места у них полно. Их ведь там всего двое, верно?

Брат Джованн покачал головой. Он не заметил, чтобы в карете был кто-то еще. Его внимание привлекли глаза старика, который скорее всего даже не заметил двух пеших монахов. Эти глаза, направленные в сторону Священного Града, до которого оставалась еще сотня миль с лишком, были ясными, серыми, решительными... И полными страха.

Покинув праздничное собрание Сектора Операций во Времени, Деррон Одегард плохо соображал, куда, собственно, он направляется. И только увидев перед собой ближайший госпиталь, Деррон сообразил, что ноги сами привели его к Лизе. Да, пожалуй, лучше всего будет поговорить с ней сразу — и покончить с этим.

В общежитии медсестер он узнал, что Лиза накануне съехала, получив разрешение оставить учебу. Сейчас она проходила тесты на профпригодность к другим специальностям и жила по-

ка в небольшой комнатке на двоих еще с одной девушкой на одной из непрестижных улиц в верхнем ярусе.

На стук Деррона дверь открыла новая соседка Лизы. Девушка укладывала прическу, а потому сразу ушла в глубь комнаты и сделала вид, что ничего не слышит.

Лиза, очевидно, прочла дурные вести в глазах Деррона. Лицо ее тотчас же сделалось спокойным, точно каменная маска. Она встала в дверях, так что Деррону пришлось торчать в узком проходе, где его толкали прохожие, любопытные и не очень.

— Мэтт... — неуклюже начал Деррон. Когда никакой реакции не последовало, он продолжал: — Битву-то мы выиграли. Берсеркера удалось остановить. Но для этого Мэтту пришлось пожертвовать собой. Он погиб.

Лицо-маска, гордое и твердое, точно щит, слегка поднялось. Лиза посмотрела прямо в глаза Деррону.

— Конечно. Он выполнил дело, которое вы ему навязали. Я знала, что так и будет.

— Лиза, пойми — когда я предлагал ему это, я был уверен, что у него будут все шансы спастись!

Лиза все-таки не удержала своего щита — Деррон с каким-то даже облегчением увидел, как ее лицо исказилось. Она произнесла срывающимся голосом:

— Я... я знала, что вы его убьете...

— Господи, Лиза, уж этого-то я совсем делать не собирался!

Деррон с трудом удерживался от того, чтобы не сжать ее в объятиях.

Лиза медленно растаяла, переполнившись обычным женским горем. Она привалилась к косяку, пряча руки за спиной.

— А теперь... теперь уже н-ничего не сделаешь...

— Доктора сделали все, что могли, — бесполезно. А наш Сектор не может проникнуть в прошлое, чтобы попытаться спасти Мэтта, — это могло бы перевернуть вверх дном всю историю!

— Ну и пошла бы ваша история!.. Она того не стоит!

Деррон пробормотал какую-то банальность и наконец протянул руку, чтобы попытаться успокоить Лизу, — но тут дверь захлопнулась у него перед носом.

Если бы Лиза действительно была той женщиной, которая ему нужна, он бы остался, размышлял Деррон несколько дней спустя, сидя в своем маленьком, но отдельном кабинете в Секторе. Он остался бы и заставил бы Лизу открыть дверь — или

просто вышиб бы ее. Дверь была всего-навсего из пластика, и женщина за ней была живой.

Но все дело, конечно же, в том, что женщина, которая ему действительно нужна, уже больше года пребывает за порогом смерти. А это та дверь, которую не вышибешь. Перед ней можно только стоять и скорбеть, пока не найдешь в себе сил отойти.

Деррон довольно долго сидел в своем кабинете, глядя в никуда, пока наконец не заметил на столе официального вида конверт, должно быть принесенный курьером. Толстый аккуратный конверт с печатью, адресованный ему лично. Деррон некоторое время равнодушно его разглядывал, потом взял и распечатал.

Внутри было формальное оповещение о присвоенном ему новом чине — подполковника. «За недавно проведенную вами блестящую операцию в Секторе Операций во Времени и в расчете на то, что вы и дальше будете действовать с тем же успехом...» И соответствующие чину знаки различия.

Он машинально взял знаки различия, тут же забыл о них и еще некоторое время сидел, глядя на древний боевой шлем, украшенный крылышками, — он стоял на маленьком книжном шкафчике, точно трофей. Деррон все еще продолжал сидеть неподвижно, когда по Сектору разнесся сигнал тревоги. Деррон задумчиво поднялся на ноги и поспешил в конференц-зал.

Опоздавшие все еще продолжали вбегать в зал, когда генерал, командующий Сектором Операций во Времени, поднялся на сцену и заговорил:

— Господа! Третья атака, которую мы ожидали все это время, началась. Каков бы ни был ее исход, она будет последней из тех, что берсеркеры могут совершить вне настоящего времени. Это даст нам координаты их месторасположения в прошлом, двадцать одну тысячу лет назад.

Раздались отдельные ликующие возгласы.

— Боюсь, радоваться пока рановато. Судя по всему, враги применяют какую-то принципиально новую тактику, тонкую и чрезвычайно опасную. — Генерал, как обычно, вывел на экран несколько карт и схем. — Как и предыдущее нападение, это направлено на конкретную личность. И на этот раз понятно, на какую именно. Это человек по имени Винчент Винченто.

Послышался почтительный ропот с нотками удивления и тревоги. Это имя вызвало бы подобную реакцию в любой аудитории на Сеголе. Винчент Винченто жил три века назад и не был ни королем, ни основателем новой религии, ни полководцем — и тем не менее даже самые малообразованные люди слышали о нем.

Деррон весь обратился в слух и выпрямился в своем кресле. От апатии не осталось и следа. В своих довоенных исторических исследованиях Деррон специализировался именно на эпохе Винченто — и эта точка во времени странным образом соотносилась с его личной скорбью.

Генерал деловито продолжал:

— Жизненная линия Винченто относится к очень немногим архиважным линиям, за которыми мы ведем постоянное наблюдение на всем их протяжении. Конечно, это не означает, что берсеркеры не смогут к нему подобраться. Но если кто-то из них попытается причинить Винченто серьезный вред, или даже не ему самому, а кому-то на расстоянии менее двух миль от него, мы за пару секунд сумеем нащупать скважину и уничтожить ее. То же самое произойдет, если они попытаются похитить или взять в плен самого Винченто. Эта особая защита начинается со времен дедов и бабок Винченто и идет вдоль всей его жизненной линии до последнего важного деяния, которое было совершено в возрасте семидесяти восьми лет. Мы можем предположить, что враг знает о существовании этой защиты. Вот почему я сказал, что на этот раз планы берсеркеров должны быть более тонкими и опасными.

Изложив технические подробности наблюдения и защиты против прямого насилия, генерал перешел к другой стороне дела.

— Хронологически вторжение противника произошло не более чем за десять дней до начала знаменитого суда, которому подвергли Винченто Защитники Веры. Возможно, это не просто совпадение. Предположим, например, что берсеркеру удастся повлиять на исход суда и Винченто будет вынесен смертный приговор. Если Защитники примут решение сжечь его на костре, участие берсеркера в его смерти будет слишком косвенным, чтобы определить местонахождение скважины. И не забывайте — врагу даже нет необходимости добиваться смертного приговора. Во время суда Винченто уже семьдесят лет. Если его подвергнут пыткам или бросят в темницу, велик шанс, что его жизнь фактически закончится.

Генерал, сидевший в первом ряду, поднял руку:

— А разве в истории подобное обращение с Винченто не имело места?

— Нет. Это всего лишь популярная легенда. На самом деле Винченто ни единого дня не провел в тюрьме. Во время суда он

проживал в апартаментах расположенного к нему посланника. А после отречения он провел остаток жизни под домашним арестом, в относительном комфорте. Там он постепенно ослеп — по естественным причинам — и в то же время заложил основы динамики. Нет необходимости сообщать, что на этих его трудах фактически основана вся наша современная наука, а стало быть, и наше выживание. Так что не заблуждайтесь — эти последние годы жизни Винченто жизненно важны для нас.

Генерал, задавший вопрос, поерзал в своем кресле:

— Но, Господи помилуй, как же инопланетный робот может оказать влияние на исход церковного процесса?

Докладчик только покачал головой и угрюмо посмотрел на свои схемы:

— Откровенно говоря, на этот счет мы еще ничего толком не придумали. Мы сомневаемся, что враг снова попытается разыграть роль сверхъестественного чудовища, после того как их предыдущая попытка провалилась. Но существует одна подробность, и ее следует иметь в виду. В этом нападении задействована только одна вражеская машина, и, судя по всем показаниям приборов, этот робот невелик, примерно ростом с человека. Это, естественно, наводит на мысль, что данный робот может быть андроидом. — Говорящий сделал паузу и обвел взглядом аудиторию. — О да, я знаю, что до сих пор берсеркерам еще ни разу не удавалось создать андроида, который мог бы сойти за обычного человека. И все же не следует заранее отрицать такую возможность.

Дальнейшее обсуждение было посвящено возможным контрмерам. Весь арсенал приборов Второго яруса был приведен в готовность, но пока никто не мог сказать, что именно может понадобиться.

Докладчик на время отодвинул свои схемы в сторону.

— Конечно, единственный положительный момент во всей истории — это факт, что в данном случае атака направлена на временной промежуток, куда мы можем засылать живых агентов. Так что, естественно, мы будем рассчитывать на возможность заброски агентов, как на наш главный козырь. Их задачей будет присматривать за Винченто вблизи. Это должны быть люди, способные отследить малейшее отклонение от истории. Те, кого мы выберем в качестве агентов, должны, помимо обладания опытом во временных операциях, особенно хорошо знать этот период...

Деррон посмотрел на знаки различия, которые все еще сжимал в кулаке. И наконец-то начал прилаживать их на воротник.

Пройдя пару миль от того места, где они встретились, брат Джованн и брат Сейл перешли через холм и обнаружили карету, которая так резво пронеслась мимо них. Животные были распряжены и мирно паслись неподалеку, а сама карета стояла пустой у сломанных ворот высокого здания под шиферной крышей, угнездившегося у подножия следующего холма.

На вершине холма вздымался прославленный замок-храм города Ойбогг, большая часть его стен была совсем новой и еще не успела порасти мхом или потрескаться от непогоды. Огромный шпиль возносился к небу, чернея на фоне облаков. Стройный собор точно плыл, возносясь над всеми людскими трудами и заботами.

Древняя дорога, минуя сломанные ворота монастыря у подножия холма, на котором красовался новый собор, сворачивала налево, к мосту. Точнее, к остаткам моста. Оттуда, где стояли монахи, было видно, что все пролеты моста обвалились, как и четыре из шести быков, на которых они держались. Река, снесшая мост, все еще бурлила. У двух оставшихся опор застряло несколько древесных стволов, похожих на рогатые копья. Река явно поднялась гораздо выше обычного уровня и затопила луга по обоим берегам.

На той стороне бурного потока, за вторым уцелевшим быком моста, на высоком берегу, стоял обнесенный стеной город Ойбогг. Даже отсюда были видны пешеходы, бродившие по улицам. За городскими воротами, выходящими на дорогу времен Империи, ждали еще несколько карет и ездовых животных, которым пришлось прервать свой путь из Священного Града.

Брат Джованн посмотрел на свинцовые облака, все еще угрожающе ползущие по небу. От них-то и убегала река, будто огромная, непомерно разбухшая перепуганная змея, подгоняемая отдаленными бичами молний. Змея разорвала свои оковы и унесла их на себе.

— Нет, брат, сегодня сестра Река нас не пропустит!

Услышав это необычное олицетворение, брат Сейл медленно и осторожно обернулся, словно желая узнать, не шутка ли это. Но не успел он решить, шутит или нет его спутник, как с неба снова ливануло точно из ведра. Оба монаха подобрали полы своих ряс и бросились бежать. Джованн мчался босиком, Сейл хлопал размокшими подошвами сандалий. Оба спешили присоединиться к пассажирам карет, нашедшим какое-никакое убежище в заброшенном монастыре.

А в сотне миль оттуда, в городе, который некогда был столицей погибшей Империи, а теперь назывался Священным Градом Храма-крепости, стояла душная жара. И только гнев Набура Восьмого, восемьдесят первого из непрерывной цепи Наместников Господних, подобно грозе гремел в его роскошных покоях.

Защитник Белам размышлял о том, что гнев этот накапливался уже давно. Он стоял в своих царственно-алых одеждах и терпеливо дожидался, когда гроза минует. Гнев накапливался и сдерживался до момента, когда можно без вреда для дела излить его, доверив ушам самого надежного и преданного советника и друга.

Гневная тирада Наместника, направленная против его оппонентов, как военных, так и богословов, оборвалась на полуслове. Набур прекратил шагать по кабинету — его отвлек доносящийся снаружи глухой скребущий звук, сменившийся тяжелым ударом, сопровождавшимся криками рабочих. Наместник вышел на балкон и выглянул во двор. Незадолго до того, проходя через двор, Белам видел, как рабочие начинают разгружать массивные мраморные блоки, привезенные на телегах. Сегодня знаменитый скульптор должен был выбрать один из блоков и начать работу над статуей Набура.

Какая разница, что каждый из восьмидесяти предшественников Набура уже увековечил свой облик?

Наместник внезапно развернулся, взметнув полы своего простого белого одеяния, и успел заметить неодобрение, отразившееся на лице Белама.

Своим сердитым тенорком, который уже лет сорок производил впечатление старческого голоса, Наместник сообщил:

— Когда статуя будет готова, мы установим ее на Главной Площади города, дабы величие нашего служения и нашей личности еще более возвысилось в глазах народа!

— Да, мой Наместник, — ответил Белам абсолютно ровным тоном. Он уже несколько десятков лет был Защитником Веры и Князем Храма. Он имел возможность наблюдать сменявших друг друга наместников вблизи и потому не страшился взрывов наместничьего гнева.

Набур счел нужным пояснить:

— Белам, нам следует добиваться, чтобы народ чтил нас больше, чем прежде! Это необходимо! Неверные и еретики раздирают на части мир, доверенный Господом нашим заботам!

Последнюю фразу он почти выкрикнул — видно было, что она исторгнута из глубины души.

— Наместник, я твердо верю, что наши молитвы и наши армии еще могут одержать победу...

— Одержать победу? — Наместник состроил саркастическую гримасу. — Да, конечно! Когда-нибудь! Но сейчас, Белам, сейчас наш Священный Храм страдает и истекает кровью, и мы... — Голос Наместника внезапно сорвался. — На наших плечах лежит великая ноша, Белам. Великая и тяжкая! Этого не понять, пока не взойдешь на трон.

Белам склонился в глубоком, почтительном поклоне. Почтение было искренним.

Наместник снова устремился через всю комнату. Полы его одеяния развевались. На этот раз он подошел к заваленному бумагами столу и выдернул из кучи памфлет, уже жеваный и порванный, как будто его не раз комкали в кулаке и швыряли в стену.

Белам прекрасно знал, что это за памфлет. «Он-то и является одной из причин — если не главной причиной — сегодняшнего скандала», — подумал он с привычной холодной логикой богослова. Хотя по сравнению со всем прочим этот памфлет — просто мелкая колючка. Но, видно, именно эта колючка особенно больно уязвила тщеславие Набура.

Набур потряс у него перед носом измятой книжицей в бумажной обложке.

— Поскольку вы, Белам, были в отсутствии, мы еще не имели возможности обсудить с вами этот... это... это коварное богохульство мессира Винченто! Этот так называемый «Диалог о движении приливов»! Вы его читали?

— Я...

— Этому несчастному нет никакого дела до приливов! Цель этого памфлета — еще раз обнародовать свои фантазии, от которых за милю несет ересью! Он до сих пор цепляется за дурацкую идею о том, что твердая земля у нас под ногами — не более чем пылинка, кружащаяся вокруг солнца. Но ему и этого мало!

Теперь Белам нахмурился, действительно озадаченный:

— Что же еще, мой Наместник?

Набур пошел на него, пылая гневом, точно это сам Защитник написал злосчастный памфлет.

— Что еще? Я вам скажу, что еще! Аргументы в этой мерзкой книжонке представлены в виде спора между тремя людьми. И автор, Винченто, сделал одного из спорящих — того, кто отстаивает традиционные взгляды, а потому обозван «простова-

тым» и «обделенным разумением», — так вот, в его облике этот нечестивец изобразил нас самих!

— Мой Наместник!

Набур энергично кивнул:

— Вот именно! В уста этого так называемого простака вложены наши собственные слова!

Белам недоверчиво покачал головой:

— Во время своих многочисленных диспутов Винченто не раз давал волю языку. Многочисленных? Нет, я бы скорее сказал, постоянных! Но я убежден, что он ни в речах, ни в своем памфлете не намеревался проявлять непочтения ни к вашей персоне, ни к вашему священному служению.

— Мне лучше знать, что он намеревался! — почти выкрикнул Наместник Набур. А потом самый чтимый — а возможно, и самый ненавидимый — человек в мире, а возможно, также и наиболее отягченный тем, что он называл своей богом данной ношей, — застонал и, точно капризный ребенок, рухнул в кресло.

Надменность, конечно, никуда не делась, но капризное выражение скоро исчезло. Раздражение рассеялось, и на смену ему явились обычные спокойствие и рассудительность.

— Белам...

— Да, мой Наместник?

— Успели ли вы изучить этот памфлет во время своего путешествия? Я знаю, что он уже разошелся по всей стране.

Белам кивнул.

— Тогда скажите нам, что вы думаете по этому поводу.

— Мой Наместник, я теолог, а не натурфилософ. А потому я посоветовался с астрономами и прочими учеными, и они подтвердили мое мнение по этому вопросу. Содержащиеся в этом памфлете рассуждения Винченто по поводу приливов не доказывают его теорий, относящихся к движению небесных тел, и даже не слишком точны в том, что касается самих приливов.

— Он считает нас всех дураками и думает, что трескучие слова оглушат нас настолько, что мы примем его фальшивую логику! И даже не догадаемся, что над нами попросту издеваются!

Наместник встал, постоял, тяжело вздохнул и снова опустился в кресло.

Белам предпочел не обращать внимания на предположение, что целью памфлета была лишь святотатственная насмешка. Сам он в это не поверил ни на секунду. Настоящая причина куда важнее.

— Возможно, Наместник припомнит, что несколько лет то-

му назад я отправил Винченто письмо, в котором рассматривались его рассуждения об идее гелиоцентрической вселенной. Тогда, как и теперь, подобные теории вызвали у меня беспокойство, прежде всего как у Защитника.

— Гм-гм... Мы очень хорошо помним тот случай... На самом деле, мессир Винченто уже был вызван на суд по поводу того, что своим памфлетом он нарушил ваш тогдашний запрет... Белам, напомните-ка мне точную формулировку вашего предупреждения.

Белам ненадолго задумался, потом четко произнес:

— Я писал ему, что математики вольны производить любые расчеты относительно перемещения небесных тел и прочих природных явлений и предавать гласности результаты своих исследований — до тех пор, пока все это не выходит за рамки гипотез. Но утверждать, что Солнце *на самом деле* расположено в центре Вселенной и что земной шар *на самом деле* вращается с запада на восток, одновременно каждый год совершая полный оборот вокруг Солнца, — это совсем другое дело. Подобные утверждения следует считать весьма опасными, поскольку они, хотя и не содержат прямой ереси, тем не менее вредят вере, ибо противоречат Священному Писанию.

— Ваша память, Белам, как всегда, безупречна. Когда именно вы написали это письмо?

— Пятнадцать лет назад, мой Наместник. — Белам позволил себе сухо улыбнуться. — Хотя, надо признаться, сегодня утром я перечитал архивную копию. — Он снова сделался чрезвычайно серьезен. — И, наконец, я писал Винченто, что, если существуют какие-либо веские доказательства гелиоцентрической теории, которую он поддерживает, нам придется пересмотреть толкования тех отрывков Священного Писания, где на первый взгляд утверждается обратное. В прошлом нам уже приходилось пересматривать наши взгляды на Священное Писание, например, в вопросе о том, что мир является шаром. Но пока таковые доказательства не представлены, не следует отвергать мнение авторитетов и традиционные воззрения.

Набур слушал чрезвычайно внимательно.

— Нам представляется, что вы, Белам, как всегда, высказались очень хорошо.

— Благодарю вас, мой Наместник.

На лице Наместника отразилось удовлетворение, смешанное с гневом.

— Этим своим памфлетом Винченто, несомненно, нарушил

ваш запрет! Спорящий, в уста которого он вкладывает свои собственные воззрения, не приводит никаких мало-мальски убедительных доказательств, по крайней мере таких, кои были бы понятны простым смертным, вроде нас с вами. И тем не менее он весьма пространно рассуждает о том, что наша земля на самом деле крутится у нас под ногами, подобно волчку. Автор явно намерен убедить в этом читателя. А под конец!..

Наместник театрально поднялся с кресла.

— А под конец, на последней странице, наш аргумент, часто приводимый нами именно затем, чтобы найти компромисс в этих сложных философских проблемах, наш аргумент, что Господь вполне может произвести в этом мире какие угодно действия, не ограничивая своей воли чисто физическими причинами, — этот наш аргумент вложен в уста простака, все толкующего вкривь и вкось, и говорится, что эта мысль принадлежит «особе мудрой и весьма ученой, чьи высказывания не подлежат оспариванию». И на этом два других спорщика благочестиво умолкают и предлагают пойти перекусить! Так и видишь, как они исподтишка посмеиваются заодно с автором!

Некоторое время в кабинете царило молчание — Наместник отдувался и старался успокоиться. Только снаружи слышались крики и смех рабочих. Что они там делают? Ах да, всего лишь разгружают мрамор! Белам произнес короткую молитву, прося Господа, чтобы ему больше никогда не пришлось отправлять еретиков на костер.

Когда Набур заговорил снова, то уже вполне рассудительным тоном:

— Так вот, Белам. Как вы думаете, существуют ли другие доказательства вращающегося мира Винченто, помимо этого затасканного аргумента насчет приливов, который, похоже, все единодушно признают неубедительным? Что-нибудь, что он может нагло подсунуть на суде, чтобы... чтобы нарушить ход разбирательства?

Белам выпрямился, не сильно, но заметно.

— Мой Наместник! Мы, разумеется, проведем разбирательство дела Винченто, как и всех прочих, со всем возможным стремлением найти истину. Винченто имеет право выставлять аргументы в свою защиту...

— Конечно, конечно! — поспешно перебил Набур, махнув рукой, он всегда использовал этот жест вместо извинения. Но тем не менее продолжал ждать ответа.

Хмуро глядя в пол, Белам принялся излагать то, что в позднейшие времена назвали бы «сопутствующими обстоятельствами»:

— Мой Наместник, в течение этих лет я все время старался следить за последними открытиями астрономов. Боюсь, многие из них, как клирики, так и миряне, сделались врагами мессира Винченто. Он любит и умеет выставлять людей дураками. Он горд и ведет себя так, словно все, что эти новые штуки, именуемые телескопами, обнаруживают в небесах, принадлежит ему лично. А человека гордого и любящего поспорить терпеть трудно, тем более когда он так часто оказывается прав.

Белам вскинул глаза, проверяя реакцию собеседника, но Набур, похоже, не обратил внимания на то, что это описание может относиться не только к Винченто.

— Мой Наместник, правду ли говорят, что вы получили этот памфлет от некоего священника-астронома, которого Винченто разбил наголову и осмеял в каком-то диспуте?

Это была всего лишь догадка, но Белам знал множество таких астрономов...

— Гм... Быть может, Белам, быть может. Но, хотя, возможно, наше внимание обратили на проступок Винченто не без коварного умысла, тем не менее сам проступок остается вполне реальным.

Теперь уже оба расхаживали по кабинету, размеренной старческой походкой, временами огибая друг друга, точно сошедшиеся в небесах планеты. Защитник Веры сказал:

— Я заговорил об этом, дабы указать на то, как сложно получить у других ученых непредвзятое мнение по этому вопросу. Вряд ли они поспешат на помощь Винченто. И тем не менее я полагаю, что в настоящее время большинство астрономов основывают свои расчеты на предположении, что планеты — или по крайней мере некоторые из них — вращаются вокруг Солнца. Конечно, эта идея принадлежит не Винченто — так же, как и идея о том, что наша земля — всего лишь планета. Судя по всему, эти предположения подтверждаются математическими расчетами движения небесных тел, более стройными и более убедительными с точки зрения ученых. Теперь уже не приходится включать в расчеты орбит эпициклы...

— Да-да, благодаря Винченто расчеты выглядят более стройными. Но давайте не отклоняться от сути дела. Могут ли у него быть доказательства, математические или какие-либо иные? Какие бы то ни было неоспоримые свидетельства?

— Я бы сказал, что нет.

— Ха!

Набур перестал шагать по комнате и уставился Беламу в лицо, почти улыбаясь.

— Будь у Винченто неоспоримые доказательства, — сказал Защитник, — полагаю, он привел бы их в своем памфлете. А вот против него доказательства имеются, и вполне веские. — Белам взмахнул своими тонкими руками ученого. Эти тонкие пальцы явно были непривычны к физическому труду, но тем не менее, ухватившись за что-то, уже не отпускали... — Судя по всему, если бы земной шар ежегодно совершал оборот вокруг Солнца, относительные положения неподвижных звезд менялись бы от месяца к месяцу, ибо мы приближались бы к одним созвездиям и удалялись от других. А ничего подобного на самом деле не наблюдается.

Наместник Набур удовлетворенно кивал.

Белам пожал плечами:

— Конечно, это тоже можно оспорить. Можно предположить, что звезды слишком далеки от нас, чтобы подобные изменения были заметны. У Винченто аргументы всегда найдутся, стоит ему пожелать... Боюсь, никто из астрономов не сумеет доказать, что он не прав, как бы кое-кому из них того ни хотелось. Нет, на мой взгляд, нам придется признать, что, если бы мы вращались вокруг Солнца, небесные явления выглядели бы именно так...

— Любому разумному человеку этого будет вполне достаточно.

— Вот именно, мой Наместник. Но, как я писал Винченто, до тех пор, пока мы не можем наверняка утверждать обратное, мы не имеем права отвергать наши традиции и заменять натужными толкованиями то, что прямо и отчетливо сказано в Священном Писании. — Голос Белама постепенно нарастал, приобретая ту мощь, с которой он, должно быть, звучал на суде. — Мы — служители Храма, и наш священный долг перед Господом — поддерживать правду, которая проповедуется в Писании. И то, что я пятнадцать лет назад писал Винченто, остается в силе и поныне: мне так и не представили убедительного доказательства того, что земля, по которой мы ходим, вертится. И потому я не могу поверить, что подобные доказательства существуют!

Наместник уселся обратно в кресло. Теперь его лицо смягчилось. Он решительно хлопнул ладонями по резным подлокотникам.

— Тогда решение наше таково: вы и все прочие Защитники

должны начать разбирательство. — Поначалу Набур говорил с сожалением, но постепенно в нем заново начал разгораться гнев, хотя и не такой грозный, как поначалу. — Мы не сомневаемся, что он может быть уличен в нарушении вашего запрета. Но поймите, мы вовсе не жаждем подвергать эту заблудшую овцу суровому наказанию.

Белам поклонился с благодарностью.

— Мы милосердно предполагаем, — продолжал Набур, — что он не имел намерений нападать на Веру и оскорблять нашу особу. Он всего лишь твердолоб, упрям и несдержан в спорах. И, увы, ему недостает смирения и благодарности! Ему следует внушить, что он не может выставлять себя высшим авторитетом во всех делах — светских и духовных... Он ведь, кажется, как-то раз пытался учить *вас* теологии?

Белам кивнул, в то же время подумав про себя, что ему не следует упиваться грядущим унижением Винченто.

Но Набур все еще не желал оставить эту тему в покое.

— Право же, я готов его проклясть! Ведь в прошлом мы сами среди первых восхищались его достижениями. Мы даровали ему часы частных аудиенций. Мы проявляли к нему большее расположение, чем ко многим принцам! Прежде чем взойти на этот трон, мы сами однажды написали хвалебный памфлет в его честь! А чем он нам отплатил?

— Я вас понимаю, мой Наместник...

— Я вижу, вы, полковник Одегард, просите назначения в определенное время.

Майор Лукас говорил, не выпуская из зубов сигары, но при этом держался вполне официально. Когда-то они частенько выпивали вместе с Дерроном, и теперь, в роли экзаменующего психолога, Лукасу было не так-то просто взять верный тон. Будь он близким другом Деррона, он бы, наверное, вообще отказался его экзаменовать. Но у Деррона, похоже, не осталось близких друзей... Чен Эймлинг? Бывший одноклассник, но никак не закадычный друг...

Лукас выжидающе смотрел на Деррона.

— Да, — несколько запоздало ответил Деррон.

Лукас пожевал свою сигару.

— Те два дня, которые Винченто должен провести под городом Ойбоггом по пути в суд, в ожидании, пока спадет вода в реке. У вас есть какие-то особые причины просить направить вас именно в это время?

Есть, разумеется. Но Деррон не пытался облечь их в слова даже для себя и, уж конечно, не собирался делать этого сейчас.

— Просто я хорошо знаю эту местность. Я когда-то отдыхал в тех краях. Это одно из тех мест, которые за последние тристачетыреста лет практически не изменились...

Конечно, теперь город Ойбогг вместе с собором, как и все прочие сооружения на поверхности планеты, ушли в небытие. На самом деле Деррону хотелось побывать там потому, что отдыхал он там вместе с той самой девушкой... Он поймал себя на мысли, что напряженно подался вперед, и заставил себя откинуться на спинку кресла и немного расслабиться.

Щурясь сквозь дым сигары, майор Лукас принялся рассеянно перебирать бумаги, лежавшие на столе, и внезапно задал вопрос на засыпку:

— Есть ли у вас особые причины сделаться агентом вообще?

Деррону тут же вспомнились Мэтт и Эй — два человека, которые с течением времени постепенно сливались для него в одну царственную фигуру. Этот героический образ, удаляясь, казался все объемнее — так некогда, в былые дни, на поверхности, оставшаяся позади гора казалась все выше и выше, по мере того как от нее отъезжали все дальше.

Но эта причина — из тех, что вслух не говорят, чтобы не показаться напыщенным.

Деррон снова заставил себя откинуться на спинку кресла.

— Ну, как я уже говорил, я неплохо знаю тот период. И, полагаю, смогу хорошо выполнить эту работу. Я, как и все прочие, мечтаю о победе в этой войне... — Черт, он все-таки заговорил о высоких чувствах! Лучше обратить это в шутку... — Я, разумеется, мечтаю о славе, о великих свершениях — короче, делаю карьеру. Этого достаточно?

— Откуда я знаю? — Лукас угрюмо пожал плечами. — Я вообще не знаю, зачем мне полагается задавать такие вопросы. Почему вообще люди стремятся стать агентами? — Он собрал бумаги в аккуратную стопочку. — И еще одно, полковник, прежде чем я окончательно приду к выводу, что вы годитесь для работы агентом. Как вы относитесь к религии?

— Я не набожен.

— А в целом?

«Расслабься, расслабься!»

— Ну, откровенно говоря, я полагаю, что боги и храмы выдуманы для людей, которые нуждаются в костылях. Мне пока что удается обходиться без них.

— Понятно. На мой взгляд, это вполне здоровое отношение. Посылать во времена Винченто человека, который подвержен идеологической горячке, может оказаться опасным. — Лукас виновато развел руками. — Вы, как историк, лучше меня должны понимать, что та эпоха буквально кишит всякими догмами и доктринами. Вся энергия современников Винченто уходила на религиозные и философские споры.

Деррон кивнул:

— Понимаю. Вам не нужны фанатики какого бы то ни было толка. Ну, лично меня нельзя назвать воинствующим атеистом. Так что моя совесть позволит мне играть любую нужную роль.

Не слишком ли много он говорит? Впрочем, об этом упомянуть необходимо — ему необходимо отправиться туда...

— Если понадобится, я могу быть неистовым святошей и плевать в лицо Винченто.

— Да нет, вряд ли от вас потребуют чего-то подобного. Ну что ж, Деррон, все в порядке. Вы приняты.

Деррон постарался не выказать слишком большого облегчения.

В Секторе решили, что он более всего подходит для роли странствующего ученого. Ему дали имя Вальцей и легенду, не имевшую исторического соответствия. Предполагалось, что Вальцей родом из Моснара — страны, расположенной достаточно далеко от родины Винченто, но все же приверженной Священному Храму. Таких бродячих интеллектуалов, как Вальцей, во времена Винченто было хоть пруд пруди. Они скитались, подобно неким священным коровам, беспрепятственно пересекая мелкие политические и языковые границы, от одного университета или богатого патрона к другому.

Деррон вместе с десятком других отобранных агентов, по большей части мужчин, приступил к подготовке. Им предстояло работать поодиночке или парами. Они должны были держать Винченто под наблюдением в самые критические дни его жизни — перед судом и во время самого процесса. Каждый агент отправлялся на работу на пару дней, потом сменялся новым. Чен Эймлинг, теперь уже капитан, должен был быть напарником Деррона. Им предстояло посменно наблюдать за Винченто, почти не пересекаясь друг с другом. Эймлинг должен был играть роль странствующего монаха, которых во времена Винченто тоже хватало. Большинство из них не отличались дисциплинированностью и благочестием.

Программа подготовки была весьма напряженной. Началась она с хирургического вживления передатчиков в челюсть и кости черепа. Это позволит каждому агенту поддерживать контакт с Сектором, не бормоча вслух и не таская на голове шлема.

Кроме того, следовало освоить тогдашнюю речь и манеры, запомнить ряд событий, о которых говорили в те дни, и забыть другие, которые должны были произойти в ближайшем будущем. Следовало освоить технику связи и пользования оружием. И все это за несколько дней!

Усталый и полностью сосредоточенный на обучении, Деррон почти без удивления отметил, что Лиза теперь работает в Секторе Операций во Времени. Там было немало таких тихих девушек, которые передавали приказы и информацию дежурным и могли делать то же самое для операторов андроидов или для живых агентов, отправленных в прошлое.

Теперь у Деррона почти не было свободного времени, и он не старался урвать минутку, чтобы поговорить с Лизой. Мысль о том, что скоро он снова окажется в Ойбогге, заслонила все остальное. Он чувствовал себя, как человек, отправляющийся на свидание со своей единственной любовью. И по мере того как тени прошлого оживали, все живые люди вокруг, включая Лизу, делались похожими на сон.

В один прекрасный день, когда они с Эймлингом сидели на складных стульчиках в коридоре Третьего яруса, отдыхая в перерыве между поведенческими тренингами, проходившая мимо Лиза остановилась.

— Деррон... Мне хотелось бы пожелать вам удачи.

— Спасибо. Присаживайтесь, если хотите.

Она села. Эймлинг сказал, что хочет поразмять ноги, и удалился.

— Деррон, — сказала Лиза, — мне не следовало обвинять тебя в гибели Мэтта. Я знаю, ты не хотел его смерти и она причинила тебе не меньше боли, чем мне. Это не твоя вина...

Она говорила, как человек, потерявший в бою одного из своих друзей. А не как человек, чья жизнь разрушена смертью возлюбленного.

— У меня, конечно, были свои проблемы, — ну, ты знаешь, — но это не оправдание. Мне не следовало так говорить. Я тебя просто не понимала... Извини.

— Да ничего, все в порядке. — Деррон неловко поерзал на стуле, сожалея, что Лиза так себя изводит из-за этого. — На самом деле, я... Понимаешь, Лиза, я надеялся, что между нами мо-

жет быть... кое-что. Боюсь, не все, что может быть между мужчиной и женщиной, но все-таки что-нибудь хорошее...

Она отвернулась и слегка нахмурилась.

— Я испытывала подобное чувство к Мэтту. Но мне всегда казалось, что этого мало...

— Понимаешь, — торопливо продолжал Деррон, — относительно чего-то необыкновенного и вечного... у меня это уже было. Когда-то. И я все еще никак не могу расстаться с этим — ты, наверно, заметила. Извини, мне надо идти.

Он вскочил и поспешил в учебный кабинет, хотя знал, что Эймлинга и прочих наверняка еще нет на месте.

Когда наступил день заброски, костюмеры обрядили Деррона в слегка поношенную, но прочную одежду, какую и полагалось носить достаточно состоятельному ученому дворянину, путешествующему вдали от дома. Его снабдили необходимым количеством еды и фляжкой бренди. В кошелек положили умеренную сумму денег тогдашней монетой, золотом и серебром, и поддельное кредитное письмо столичного Имперского банка. Правда, рассчитывалось, что много денег ему не понадобится. По планам, он вовсе не должен был ехать в Священный Град, но кто его знает!

Чену Эймлингу выдали сильно потрепанную и грязную серую рясу. Денег ему не дали, поскольку он должен был разыгрывать роль нищенствующего монаха. Чен полушутливо попросил снабдить его хотя бы игральными костями, мотивируя это тем, что он будет не первым монахом, промышляющим подобным образом. Но командующий заявил, что подобная экипировка будет несколько экстравагантной для духовного лица, даже во времена Винченто, и отклонил просьбу Эймлинга.

Деррон и Чен повесили каждый себе на шею довольно корявые на вид деревянные клинья. Священные символы отличались друг от друга, но оба были достаточно большими, чтобы спрятать миниатюрный коммуникатор, и при этом достаточно уродливыми, чтобы ни у кого не возникло искушения их спереть. Если кто-нибудь из современников Винченто поинтересуется, почему Деррон носит такой огромный клин, он должен был отвечать, что это подарок жены.

В арсенале, расположенном на Третьем ярусе, Одегарду и Эймлингу выдали тяжелые дорожные посохи. Эти палки были куда более грозным оружием, чем могло показаться на первый взгляд. Всех агентов вооружали посохами или другим, достаточ-

но безобидным на вид оружием. Забрасывать их должны были с перерывом в полминуты — разумеется, в настоящем времени. В прошлое же они должны были прибыть в разные места и в разное время.

Подготовка к миссии была слишком поспешной, и каждому из них уделялось слишком много внимания, чтобы агенты успели как следует перезнакомиться. И тем не менее в последние минуты перед заброской, когда выряженные, как на маскарад, агенты желали друг другу на прощание удачи и доброй охоты на берсеркеров, на Третьем ярусе царила атмосфера шутливого товарищества.

Деррон почувствовал это. Ему пришло в голову, что у него снова появились друзья среди живых. Агенты выстроились по порядку, и Деррон спокойно занял свое место, глядя вперед поверх макушки невысокого Чена Эймлинга, прикрытой серым капюшоном.

Эймлинг обернулся.

— Ставлю пять против десяти, — прошептал он, — что я непременно увязну в грязи по самое интересное место! По крайней мере, я приземлюсь не на дорогу, это уж точно.

— Я не играю, — машинально ответил Деррон. Начался отсчет. Шеренга двинулась вперед. Идущие впереди агенты исчезали один за другим. Эймлинг отпустил напоследок еще какую-то шуточку, которой Деррон не расслышал, и тоже исчез.

Наступила очередь Деррона. Он шагнул в переливающийся, как ртуть, круг...

Деррон очутился в темноте. Первое, что он почувствовал, было незабываемое ощущение открытого пространства. Его ни с чем не спутаешь. Легкий ветерок, мелкая морось и тишина, лишенная каких-либо отзвуков. Он был совершенно один. Значит, его появление прошло незамеченным. Хорошо.

— Преподобный брат! — вполголоса окликнул Деррон на языке Винченто. Никто не отозвался. Должно быть, Эймлинг и впрямь угодил в какую-нибудь хлябь в стороне от дороги. Если уж Чен предлагает пари, он всегда получает то, на что ставит...

Когда глаза Деррона привыкли к мраку, он понял, что твердая поверхность у него под ногами — это мостовая старой имперской дороги, ведущей через Ойбогг. Ну, значит, по крайней мере половину их группы Сектор отправил точно в яблочко. Попал ли он в нужное время — это еще предстояло выяснить, хотя дождь и темнота были обнадеживающими признаками.

Все так же вполголоса Деррон попытался связаться с Сектором для рутинной проверки, но в коммуникаторе все было глухо. Очередная петля временно́го парадокса препятствовала контакту. Бывает. Оставалось надеяться, что это ненадолго.

Он несколько минут подождал Эймлинга, как уговаривались. Пока ждал, открыл конец посоха и сверился с находившимся там компасом, чтобы узнать, в какую сторону идти по дороге. Потом еще раз окликнул «преподобного брата», не дождался ответа и пошел по дороге. Сапоги глухо топали по мостовой. Вдалеке время от времени полыхала молния. Деррон большими глотками впивал свежий, промытый дождем воздух.

Он не успел уйти далеко, когда передатчик за ухом внезапно ожил.

— ...Одегард, вы меня слышите? Полковник Одегард...

Мужской голос звучал скучно и устало.

— Полковник Одегард слушает.

— Полковник! — радостно воскликнули на том конце. В сторону: — Есть контакт, сэр! — Снова ему: — Полковник, со времени вашей заброски здесь прошло двое суток и три часа. Разрыв во временно́й шкале...

— Понимаю. — Деррон продолжал говорить вполголоса. — Я попал сюда минут пять тому назад. Я все еще на дороге под дождем. Здесь ночь. Контакт с Эймлингом пока не установлен.

— Одегард, вас плохо видно на экранах. — Это заговорил командующий. — Но, судя по всему, вы находитесь дальше от собора, чем мы рассчитывали. Примерно в двух милях. Возможно, вы очутились за пределами зоны безопасности. Постарайтесь как можно быстрее добраться до Винченто.

Под «зоной безопасности» командующий подразумевал, естественно, зону защиты против прямой агрессии берсеркера, созданную постоянным наблюдением за жизненной линией Винченто.

— Группа, шедшая перед вами, только что вернулась обратно. Они докладывают, что с Винченто все в порядке. Вы говорите, что Эймлинга все еще не видно?

— Да.

Все это время Деррон продолжал шагать по дороге, хотя ему приходилось нащупывать ее посохом, чтобы не свалиться в грязь.

— Мы его тоже пока не обнаружили. И его линии на экранах не видно. Все расплывается. Видимо, дело в разрыве временно́й шкалы и в петле парадокса.

Прямо впереди полыхнула молния, услужливо показав Дер-

рону, что дорога здесь идет по прямой. Вдалеке мелькнул шпиль собора. Он и в самом деле был дальше, чем предполагалось. Видимо, действительно милях в двух.

Деррон доложил об этом в Сектор, одновременно думая о том странном предмете, который молния высветила на дороге, — тускло блестящий, лежащий посреди мостовой, над узкой канавкой, которая, казалось, была выцарапана или прорыта поперек дороги.

— ...До него уже недалеко. Он похож на...

Деррон потыкал странный предмет посохом. Мягкий. Деррон дождался очередной молнии.

— Можете больше не пытаться связаться с Эймлингом.

Труп был обнажен. Он мог проваляться и час, и сутки. Деррон стоял над ним, подробно описывая ситуацию. Обычные грабители могли бы спереть и посох, и даже дешевый нагрудный клин, но снимать с монаха драную рясу?..

Он наклонился и пощупал глубокую царапину, которая пересекала дорогу. Нет, ни одним средневековым орудием нельзя было провести такую ровную, прямую черту сквозь камень — точно по линейке. Это явно сделала та же самая механическая рука, что снесла затылок Эймлингу.

— Командор, я полагаю, что берсеркер таким образом отметил границу нашей зоны безопасности. Чтобы мы знали, что он знает о ней.

— Да-да, Одегард, возможно, вы правы. Но сейчас не до того. Постарайтесь как можно быстрее оказаться вплотную к Винченто. Берегите себя.

Деррон и так шел в ту сторону. Он пятился, держа посох наперевес, точно ружье, лихорадочно вслушиваясь, вглядываясь и даже внюхиваясь в царящую вокруг темноту. Хотя, если берсеркер здесь и решит напасть, никакая осторожность Деррону не поможет...

И тем не менее Деррон остался в живых. Шагов через сто он развернулся и зашагал дальше ровным, быстрым шагом. Берсеркер убил между делом, походя, оставив свой знак, точно какой-нибудь наглый разбойник. И отправился дальше, по своим делам.

К тому времени, как Деррон добрался до места, где дорога сворачивала налево, к разрушенному мосту, молнии полыхать перестали. Деррон скорее ощущал, чем видел махину холма и стоящий на нем собор. Но ближе, у самой дороги, он разглядел

высокую стену монастыря, груду камней, бывших когда-то надвратной аркой, и остатки сломанных ворот. Подойдя к ним, Деррон различил очертания пустой кареты, — он знал, что это карета Винченто, — стоявшей в луже. Из-под навеса доносилось сонное сопение и фырканье ездовых животных. Деррон на миг задержался, потом зашлепал по лужам через мокрый двор к тому, что должно было быть центральным входом главного здания — приземистого одноэтажного сооружения.

Он не старался идти тихо, и из темного дверного проема его окликнули:

— Стой, кто идет? А ну, назовись!

Диалект был из тех, с которыми Деррон рассчитывал встретиться. Он остановился. В лицо ему ударил луч фонаря. Деррон сказал:

— Я — Вальцей из Моснара, математик и книжник. Судя по тому, что во дворе стоит карета и животные, вы, должно быть, люди порядочные. Мне нужен приют на ночь.

— Ну, тогда заходи, — осторожно сказал тот же голос, что его окликнул. Дверь заскрипела, и наружу высунули фонарь.

Деррон подходил медленно, вытянув руки вперед, показывая, что у него нет ничего, кроме безобидного посоха. Когда он вошел под крышу, дверь за ним захлопнули и с фонаря сняли прикрывавшую его тряпку. Деррон очутился в помещении, которое когда-то, должно быть, было общим залом монастыря. Перед ним стояли двое солдат. Один был вооружен примитивным пистолетом, другой — коротким мечом. Судя по их пестрой форме, они принадлежали к какому-то наемному отряду, коих было полным-полно в этой раздираемой войнами стране.

Разглядев его дворянский костюм, солдаты сделались несколько почтительнее.

— Что ж это вы, сэр, бродите один и пешком?

Деррон, выжимавший воду из плаща, нахмурился и выругался. Он сообщил, что его норовистый скакун испугался молнии, сбросил его и удрал со всем немудрящим багажом. Чума побери эту скотину! Утром, если он его поймает, он ему всю шкуру на ремешки разделает, как пить дать! Он стряхнул воду со своей широкополой шляпы, щелкнув ею, точно бичом.

Деррон обладал неплохими актерскими способностями, а эта сценка была заранее заучена назубок. Солдаты хмыкнули, расслабились и охотно принялись болтать. Места для ночлега тут довольно — монахи давным-давно бросили эту халупу. Правда, это тебе не таверна — ни пива, ни девочек тут не добудешь,

да и дровец маловато. Но крыша таки не течет — спасибо и на том. Да, они из наемного отряда, на службе у Священного Храма. Капитан с большей частью людей в Ойбогге, по ту сторону реки.

— Ну а если капитан в ближайшие пару дней только и сможет, что помахать нам ручкой с того берега, так ведь это совсем неплохо, верно ведь?

Но, несмотря на свое шутливое настроение, они все еще относились к Деррону с долей подозрения: кто его знает, а вдруг он разведчик какой-нибудь хорошо организованной банды? Они не сказали ему, сколько именно солдат оказались отрезанными на этой стороне реки, когда мост, который они охраняли, рухнул. Деррон, разумеется, не стал об этом спрашивать. Но, должно быть, не так уж много.

Деррон спросил, много ли здесь еще народу, кроме солдат.

— Не-а, — ответил один. — Только один старый дворянин — это егойная там карета, егойный слуга и кучер. Да еще пара монашков. Пустых келий полно, сэр, выбирайте любую. Сырые все одинаково.

Деррон пробормотал благодарность и вышел в сводчатый коридор, куда выходили пустые дверные проемы келий. Ему любезно посветили фонарем. Деррон вошел в одну из келий, про нее сказали, что она свободна. У задней стены стояла деревянная лежанка, которую пока еще не изрубили на дрова. Деррон сел и принялся стягивать хлюпающие сапоги. Солдат с фонарем удалился.

Сняв сапоги и поставив их сушиться, Деррон вытянулся на деревянной койке, положив под голову мешок с вещами, накрывшись сухим плащом, который достал из мешка, и пристроив посох так, чтобы он был под рукой. Он до сих пор не чувствовал, что достиг своей цели и наконец-то попал в Ойбогг. Смерть Эймлинга казалась чем-то нереальным. Тот факт, что сам Винчент Винченто во плоти находится всего в нескольких метрах от него и что, возможно, именно он, один из отцов Современного мира, храпит там, дальше по коридору, тоже не производил особого впечатления.

Лежа на жесткой деревянной койке, Деррон коротко доложил Сектору обо всем, что произошло вплоть до настоящей минуты. Потом начал засыпать — он действительно устал. Звук дождя убаюкивал, Винченто он до утра все равно не увидит... Засыпая, Деррон подумал о том, как странно, что ему не хочется думать ни о миссии, с которой отправил его сюда Сектор, ни о своей личной мечте о возвращении... ни о странной заминке с

петлей времени, ни о гибели Эймлинга, ни об угрозе со стороны берсеркера... Вокруг были только шум дождя и свежесть невероятно чистого воздуха. Это было воскрешение...

Из дремоты его вырвало гудение сигнала за ухом. Деррон тотчас же пробудился и поднес к подбородку резной клин.

— Одегард, нам наконец удалось немного разобраться в этих смазанных линиях на экранах. Внутри и вблизи монастырского комплекса мы насчитали четырнадцать жизненных линий. Одна из них, разумеется, ваша собственная. Другая — линия Винченто. Еще одна, похоже, принадлежит нерожденному ребенку: знаете, такой размытый пунктир.

Деррон поерзал на своей койке. Ему было на удивление уютно. Дождь на улице переставал.

— Так, давайте посмотрим, — пробормотал он вполголоса. — Я, Винченто, двое его слуг, двое солдат, которых я видел. Это шесть. Еще два монаха, про которых мне говорили. Итого восемь. Значит, остается еще шесть. Вероятно, еще четыре солдата и их боевая подруга, которая понесла ту пунктирную линию, хотя она ей вовсе ни к чему... Стоп. Один солдат вроде бы говорил, что девчонок здесь нет. Ладно, разберемся. Вы, видимо, предполагаете, что один из тех людей, что здесь находятся, не имеет жизненной линии — а значит, он или она должен оказаться нашим берсеркером-андроидом.

— Именно так.

— Ладно, завтра пересчитаю их по головам и... Погодите!

В темном дверном проеме кельи Деррона шевельнулась какая-то тень. Монах в капюшоне. Лица не разглядеть. Он шагнул в келью и остановился.

Деррон застыл. Ему вспомнилась та ряса, которую сняли с трупа Эймлинга. Деррон схватился за свой посох. Но он не рискнет им воспользоваться, пока не будет уверен... А ведь в этой тесной келье берсеркер запросто может вырвать у него посох и сломать его прежде, чем Деррон успеет прицелиться...

Монах постоял на пороге. Потом что-то пробормотал — видимо, извинился за то, что ошибся дверью. И исчез в темноте, так же бесшумно, как появился.

Деррон все еще лежал, приподнявшись на локте, сжимая бесполезное оружие. Опомнившись, он рассказал Сектору о случившемся.

— Запомните, он не посмеет убить вас там. Так что не стреляйте, пока не убедитесь, что это он.

— Понятно.

Деррон медленно улегся на койку. Дождь утих. Блаженное спокойствие оставило Деррона. Воскрешение оказалось иллюзией...

Винченто проснулся от чьего-то прикосновения. Он обнаружил, что лежит в темноте, на сырой соломе, а вокруг — голые каменные стены. В первый момент его охватил ужас. Худшее уже случилось! Он в темнице Защитников! Когда ученый увидел склонившуюся над ним безликую фигуру монаха, его ужас еще более усилился. Винченто хорошо видел его в лунном свете, проникавшем через крошечное оконце, — дождь, видимо, перестал...

Дождь... Ну да, конечно, он еще не доехал до Священного Града! Суд еще впереди. Винченто испытал такое облегчение, что даже не рассердился, что его разбудили.

— Что вам нужно? — прошептал он, садясь на койке и натягивая на плечи дорожный плед. Слуга Винченто, Уилл, по-прежнему храпел, свернувшись калачиком на полу.

Лица посетителя не было видно под капюшоном.

— Мессир Винченто, — произнес он замогильным шепотом, — приходите завтра утром в собор. На перекрестье нефа и трансепта[1] вас будут ждать добрые вести от ваших высокопоставленных друзей.

Винченто попытался переварить эту новость. Может ли случиться так, что Набур или, возможно, Белам прислали ему какое-то тайное заверение в благополучном исходе дела? Возможно. Но скорее это какая-то ловушка, подстроенная Защитниками. Человеку, вызванному на суд, не полагается обсуждать это с кем бы то ни было...

— Добрые вести, мессир Винченто! — повторил монах. — Приходите один. Если вас сразу не встретят, подождите. На перекрестье нефа и трансепта. И не пытайтесь выведать мое имя или разглядеть мое лицо!

Винченто хранил молчание, решив не поддаваться ни на какие провокации. А посетитель, передав послание, растаял в ночи.

В следующий раз Винченто пробудился от приятного сна. Он снова был у себя на вилле, в поместье, пожалованном ему городским сенатом, лежал в своей собственной постели, прислонившись к теплому и уютному боку любовницы. На самом деле эта женщина давно ушла от него — в последнее время женщины его почти не интересовали, — но поместье осталось. Ах, если бы только церковники отпустили его, позволив с миром вернуться домой!

[1] Трансепт — поперечный неф готического собора.

На этот раз Винченто пробудило прикосновение иного рода: солнечный луч, падавший в окно противоположной кельи, коснулся его лица. Пока он лежал, с любопытством припоминая своего полуночного посетителя и раздумывая о том, не было ли это сном, солнечный луч отполз в сторону и повис в воздухе золотым маятником, сулившим изощренную пытку, которая тотчас прогнала все прочие мысли.

Это был маятник выбора. Если он качнется в одну сторону — тик! — его ждет позор отказа от истины и гордости, унижение вынужденного отречения. А если он склонится в другую сторону — так! — маятник сулит ему колодки, дыбу и медленную смерть в тюремной камере.

Не прошло и десяти лет с тех пор, как на Главной площади Священного Града Защитники сожгли живьем Онадройга. Конечно, Онадройг был не ученый — скорее поэт и философ. Многие ученые полагали, что он к тому же еще и сумасшедший. Фанатик, который готов был скорее пойти на костер, чем отречься от своих безумных теорий. А теории действительно были безумные. Онадройг проповедовал, что Господь — не более, чем чародей и фокусник; что когда-нибудь сам глава дьяволов спасется; что число миров бесконечно; что даже звезды обитаемы...

Ни в Писании, ни в природе не было ничего, что подтверждало бы эти дикие идеи. Так говорил ему Белам и прочие Защитники, неутомимо, но бесплодно убеждая Онадройга раскаяться. И наконец, после семилетнего заточения, сожгли, как неисправимого еретика.

Для самого Винченто грубые телесные пытки были всего лишь отдаленной угрозой. Ему, как и любому другому прославленному ученому, нужно было вести себя уж очень нагло и вызывающе, прежде чем Защитники решились бы применить к нему подобные методы. Но угроза пытки все равно будет присутствовать, хотя бы на заднем плане. Во время суда ему пригрозят пыткой, возможно, даже продемонстрируют орудия пытки. Ритуал, часть процесса, не более того. И тем не менее может дойти и до этого. Они с искренним сожалением скажут, что обвиняемый, упорствующий в своих заблуждениях и не поддающийся

мягким способам убеждения, вынуждает их перейти к более жестким мерам. Ради блага его бессмертной души и защиты Веры...

Так что этот маятник воображаемый. Выбора у него нет. Придется отречься. Пусть Солнце движется так, как им угодно. Пусть себе описывает немыслимые спирали на небосводе в угоду надменным близоруким святошам, которые полагают, что все тайны Вселенной изложены на нескольких пыльных страницах Священного Писания.

Винченто поднял руку, оплетенную жгутами разбухших сосудов, заслоняясь от пронзительного солнечного луча. Но солнце ладонью не закроешь... Жестокое светило, точно в насмешку, пронизало его руку своими лучами, и старческие пальцы обрели восковую прозрачность.

На полу сонно заворочался Уилл, завернувшийся в свой плед. Винченто рявкнул, чтобы тот подымался, и отправил слугу на улицу, будить кучера, Радда, который ночевал при лошадях. Винченто велел передать Радду, чтобы тот сходил посмотреть, не спала ли вода в реке, а самому Уиллу приказал сварить чай и приготовить завтрак — слава богу, Винченто хватило предусмотрительности запастись едой в дорогу.

Оставшись один, Винченто занялся унизительным делом — стал разминать старые кости и готовить их к предстоящему дню. В последние годы силы начали ему изменять, и теперь каждый день начинался с осторожной проверки самочувствия. Но сегодня он не чувствовал себя больным — просто старым... И еще ему было страшно.

К тому времени как Уилл вернулся и сообщил, что в общей комнате монастыря горит огонь и чай готов, Винченто был готов к новому дню. Войдя в общий зал, он с некоторым удивлением обнаружил, что ночью в монастырь прибыл еще один путешественник. Молодой человек представился как Вальцей из далекого Моснара.

Вальцей скромно сообщил, что питает склонность к наукам. Услышав это, Винченто присмотрелся к нему внимательнее. Но юнец оказался на удивление почтителен. К Винченто он отнесся с неподдельным, хотя и сдержанным, восхищением и смущенно пробормотал, что вести об удивительных открытиях Винченто дошли и до его далекой родины.

Винченто прихлебывал свой утренний чай, довольно кивал в ответ на его комплименты и раздумывал о том, не этот ли юноша должен принести ему те добрые вести, о которых говорил ночной гость? А вдруг это все-таки обнадеживающая весточка от Набура? Винченто нахмурился. Нет, он не позволит себе надеяться на снисходительность сеньора, пусть даже этот сеньор — Наместник Господа. Винченто выпрямился. В любом случае прямо сейчас он в собор не побежит.

Пришел Радд и доложил, что вода больше не прибывает, но река все еще слишком бурная, чтобы перебраться вброд. Может быть, завтра можно будет рискнуть.

А потому Винченто не спеша допил свой чай и немного поел. Велел Радду отнести поесть двоим монахам и вышел на солнышко, погреть кости. Если он опоздает на суд, у него будет множество свидетелей, которые подтвердят, что это произошло не по его вине. Пусть Защитники гневаются на реку, если им угодно. Авось река пересохнет, из почтения к их познаниям в Священном Писании. Ведь природа должна повиноваться их велениям... Быть может, и этот разрушенный мост восстановится сам собой, если Защитники пригрозят камням пыткой?

Нет, к черту подобные мысли — надо упражняться в смирении! Винченто кликнул Уилла, велел принести из кареты письменные принадлежности, вышел за ворота и присел на солнышке на один из обвалившихся камней, а письменный прибор примостил на соседнем, как на столе. Не стоит терять времени. Надо сразу начать писать текст отречения, которое он представит на суде.

Конечно, обвиняемому не полагается знать, за что его вызвали в суд. Вероятно, первым же вопросом Защитников будет, знает ли он, в чем его обвиняют. Несомненно, подобный вопрос не раз заставлял подсудимых сознаваться в преступлениях, о которых никто и не подозревал. Но в случае Винченто насчет причины вызова сомневаться не приходится. Со времени, как Винченто получил письмо от Белама с предупреждением, прошло пятнадцать лет. Сам Винченто ухитрился почти забыть о нем. Ведь и другие ученые безнаказанно рассуждали о гелиоцентрической гипотезе и публиковали расчеты, в которых она использовалась. Но, получив вызов от Защитников, Винченто понял, что сильно уязвил людей, занимающих высокие посты, а такие люди ничего не забывают.

Первой бумагой, которую Винченто вытащил из своего дорожного письменного прибора, было старое письмо от Защитника Белама. Глаза Винченто против его воли сразу обратились к строкам: «Я полагаю, что доказательств вращения Земли не существует, поскольку мне таковых представлено не было».

«Доказательств не существует...» Винченто дрожащей рукой

вытер вспотевший лоб. Теперь, когда смертельный страх пробудил в нем беспощадную ясность мысли, Винченто видел, что аргументы, основанные им на приливах и движении солнечных пятен, на самом деле вовсе не доказывают вращения Солнца и планет. Существование такового движения было очевидно для него еще до того, как он принялся искать доказательства. Он просто много смотрел в телескоп и много размышлял о том, что видел. Он взвешивал Солнце глазами и разумом, он обнимал душой звезды, планеты и кометы, и истина явилась изнутри, подобно некоему откровению.

Его враги, что выступают против него, разумеется, недостойны его. Они глупы и слепы в своем упорном отрицании, они неспособны видеть то, что он явил им как истину. И тем не менее Винченто знал, что люди, которые будут его судьями, неплохо владеют логикой в рамках своих формальных правил. Если бы было хоть одно твердое доказательство, простое и неопровержимое, которое он мог бы им представить... О, чего бы он только не дал за такое доказательство! Голова у него гудела, он стиснул кулаки. Если бы у него было хоть одно надежное и простое доказательство, он рискнул бы всем, пошел бы на все, он бросил бы его в лицо своим врагам и ткнул бы их носом в истину!

Но поскольку на самом деле у Винченто не было ничего, что могло бы поддержать этот благородный вызов, бунтарское настроение скоро улетучилось. На самом деле он стар и напуган. Он отречется...

Винченто медленно достал перо, чернила и чистую бумагу и принялся писать черновик отречения. Время от времени он опускал перо, закрывал глаза и сидел, стараясь ни о чем не думать.

За завтраком Деррон насчитал у огня семерых солдат. Все они с удовольствием отхлебнули бренди из его дорожной фляжки и охотно вступили в беседу. Нет, это все, кто сейчас есть в монастыре и в соборе. Ближе, чем в городе, других людей нет. По крайней мере им ни о ком больше не известно — а уж они бы знали.

Несколько минут спустя, уединившись в отхожем месте, Деррон пробормотал себе под нос:

— Сектор!

— Командующий слушает.

Может, командующему и не требуется сон, но сам Деррон

слишком устал, чтобы произносить все положенные официальные любезности.

— Пересчитайте еще раз все жизненные линии. Я насчитал тринадцать человек вместе со мной. Если у вас их окажется только двенадцать, значит, у одного из моих веселых собеседников вместо сердца — пламенный мотор. Но если их снова окажется четырнадцать, значит, либо где-то здесь прячется какой-то бандит или дезертир, либо у вас техника не в порядке. По крайней мере, ваша пунктирная линия — точно ошибка. Вряд ли кто-то из нас может быть беременным. Тут одни мужчины.

— Сейчас проверим. Вы ведь знаете, как сложно иногда бывает интерпретировать показания дисплеев...

Командующий говорил мягким, извиняющимся тоном, и это почему-то смутило Деррона больше, чем прямая отповедь. Оно означало, что его положение считают сейчас таким важным, что Сектор сделает все, что угодно, чтобы облегчить ему задачу.

Солдаты, расправившись со своим завтраком и опустошив фляжку Деррона, по большей части расположились всерьез побездельничать. Радд, кучер Винченто, повел своих животных на поиски пастбища. Выйдя за ворота следом за ним, Деррон увидел Винченто, расположившегося в сторонке со своим письменным прибором. Очень хорошо.

Вспомнив о своем вымышленном ездовом животном и багаже, Деррон напустил на себя унылое выражение и побрел по дороге в сторону разрушенного моста, оглядывая окрестные поля, словно бы ища пропавшую животину.

У обвалившейся опоры моста сидели двое монахов. Монахи откинули капюшоны, обнажив свои ничем не примечательные физиономии. Судя по их жестам и нескольким словам, донесшимся до Деррона, они обсуждали грядущее восстановление моста. Деррон знал, что через пару лет над рекой действительно поднимутся новые каменные арки. И эти арки будут стоять еще триста лет спустя, когда молодой выпускник исторического факультета приедет сюда отдыхать и будет бродить по здешним краям с любимой девушкой... Оба они будут с восторгом осматривать древний город и знаменитый собор Ойбогга... Река будет выглядеть совсем иначе — более мирной, и берега будут обсажены деревьями... А вот камни древней имперской дороги будут почти такими же, как сейчас...

— Да дарует тебе Господь хороший день, благородный господин! — вторгся в его размышления голос более коренастого из монахов.

Деррон был только рад, что его оторвали от невеселых мыслей.

— И вам доброго дня, преподобные братья. Что, вода до сих пор прибывает?

Более худощавый монах с ласковым лицом взвешивал в руках кусок камня, словно собираясь прямо сейчас взяться за восстановление моста.

— Нет, господин, вода спадает. Куда ведет тебя путь твоей жизни, вперед или назад?

Врать насчет убежавшего животного показалось сейчас почему-то неуместным.

— Вряд ли найдется человек, которому легко ответить на подобный вопрос.

Деррон был избавлен от дальнейших расспросов, так как оба монаха отвлеклись. Издалека появились человек семь-восемь местных крестьян, они шлепали по грязи вдоль берега по направлению к обвалившемуся мосту. Шедший впереди гордо помахивал крупной серебристой рыбой, все еще дергавшейся.

Не дойдя нескольких шагов до дороги, крестьяне остановились. Несколько неохотно поклонились Деррону: он был одет недостаточно роскошно, чтобы внушать почтение, и к тому же крестьяне явились явно не к нему.

Человек, который нес рыбу, заговорил с монахом, поначалу тихо, но потом, когда прочие принялись его перебивать, повысил голос. Вскоре крестьяне перессорились по поводу того, кому говорить первым и кто должен вручить монаху рыбу. Они явились заключить сделку. Не согласятся ли преподобные братья принять самую крупную рыбу из свежего улова («От меня!», «Нет, от меня, преподобный брат, удочка-то моя была!»), а за это помолиться, чтобы Господь даровал хороший урожай?

Деррон отвернулся, чтобы не видеть разгоравшейся ссоры. Винченто сидел на том же месте, по-прежнему один. И тут в глаза Деррону бросилось величественное здание собора, озаренное солнцем.

Заостренный шпиль возносил позолоченный символ клина на двести шестьдесят футов над плоской вершиной холма. Камень башни и стен, арок и летящих контрфорсов был светло-серым и казался почти белым в лучах утреннего солнца. Деррон знал, что внутри цветные стекла восточной стены горят живым пламенем. Если уж хрупкий шпиль и непрочное стекло восстали из праха, значит, и *она* тоже должна быть жива... *Она* где-то здесь, рядом, и он сможет найти *ее*! На какой-то миг воскресшая реальность пересилила любую логику. Вот сейчас *она* окликнет его, он повернется и коснется *ее*...

Раздался всплеск. На лице коренастого монаха отражалось карикатурное выражение гнева, разочарования и удивления. Худощавый стоял, протянув руку к реке. Крупная рыба снова подпрыгнула, сверкнув чешуей. Видимо, свежий улов ускользнул...

...Коснется ее теплого, живого тела... Он, оказывается, успел забыть, как развевались на ветру ее волосы. Сейчас *она* встала перед ним как живая, точно они расстались всего минуту назад...

Ноги Деррона сами понесли его по дороге, прочь от моста. Какая-то часть сознания добросовестно отметила, что Винченто по-прежнему сидит на солнце в одиночестве. Но Деррон не вернулся к монастырю. Впереди, на холме, вздымался могучий собор, и Деррон принялся взбираться по склону.

Брат Джованн по-прежнему печально смотрел на крестьян, хотя слова его были обращены к рыбе, плескавшейся в реке.

— Сестра Рыба, я отпустил тебя на волю не потому, что мы не нуждаемся в пище, а потому, чтобы ты могла благодарить Господа, который всем посылает то, что им нужно: удильщику — добычу, а рыбе — свободу. — Джованн печально покачал головой. — Мы, люди, так часто забываем благодарить Господа за то, что он ниспосылает нам, так часто вместо этого тратим время на то, чтобы выбиться вперед прочих!

Рыба по-прежнему билась на мелководье. Должно быть, она никак не могла прийти в себя — то ли от боли, то ли от того, что наглоталась воздуха.

Джованн поднял голову.

— Успокойся, сестра Рыба! Довольно! Живи в воде и дыши ею, а не воздухом! Благодари Господа тем путем, как это свойственно рыбам!

Плеск прекратился. Рябь и пену унесло вниз по течению.

Воцарилось молчание. Крестьяне вскинули руки в знаке клина и боязливо переглядывались. Похоже, им хотелось обратиться в бегство, но они не смели. Брат Сейл разинул рот и переводил бессмысленный, как у рыбы, взгляд с Джованна на реку и обратно.

Джованн отвел Сейла в сторонку и сказал ему:

— Я часок побуду в одиночестве, помолюсь Господу, чтобы он очистил меня от гнева и гордыни. А также о том, чтобы он

даровал этим беднякам хороший урожай. Сделай и ты то же самое.

И медленно побрел по дороге обратно к монастырю. А брат Сейл остался стоять на дороге, растерянно глядя ему вслед.

Когда Деррон поднимался по горбатым ступеням, ведущим на холм, где стоял собор, иррациональное ощущение присутствия возлюбленной оставило его, сменившись горьким ощущением вечной и безвозвратной потери. Ему пришло в голову, что в настоящий момент ее гены рассеяны в хромосомах примерно двух тысяч предков. И ближе, чем теперь, ему к ней никогда не подойти. Прочная стена временных парадоксов не даст ему вернуться в дни ее жизни, в то время, о котором он думал как о своей юности.

Истина состоит в том, что он так и не простил ей ее смерти, того, что она погибла вместе с миллионами других беспомощных жертв, лишив его жизнь цели и смысла. Может быть, он так стремился в Ойбогг именно затем, чтобы попытаться наконец простить ее? «Ну так сделай же это! — сказал он себе. — Сделай все необходимое, чтобы покончить с этим сейчас, сегодня. Покончи с этим, чтобы наконец вновь обрести способность быть добрым к себе и к кому-то еще...»

Сейчас он поднялся уже выше уровня крыши монастыря. Обернувшись, Деррон увидел под собой всю долину. Она была залита водой и выглядела более дикой, чем помнил ее Деррон, и все-таки это была та самая долина. Он миновал саженец у поворота лестницы и внезапно осознал, что через три сотни лет это тоненькое деревцо превратится в могучего патриарха с корявым стволом и густой листвой, не пропускающей лучей полуденного солнца. Ведь они стояли вместе с ней под этим самым деревом, смотрели на долину и выбирали себе холм — Господи, вон же он, тот самый холм, — только сейчас на нем нет деревьев, — на котором они хотели когда-нибудь построить себе дом и растить там детей, они хотели завести двоих...

Деррон продолжал подниматься дальше. Он чувствовал, что если задержится здесь, то дальше идти уже не сможет, а ему было необходимо идти дальше. И вот наконец он увидел мощеную площадку перед входом в собор. Его память сохранила самый узор этой мостовой, на которой когда-то в будущем они будут стоять вдвоем... Если остановиться здесь и смотреть на эту зеленую изгородь и статуи на сером фасаде собора, можно поверить,

что его юность и любовь все еще живы, а война и горе не более чем дурной сон...

Изгородь была такой же зеленой, как тогда — после дождя, под ярким весенним солнцем. Но ее голос не прозвучит здесь. Никогда больше он не прикоснется к ней, даже если простоит тут до тех пор, пока не упадет. И на миг Деррону подумалось, что сейчас он действительно упадет — упадет на колени и примется молиться или разрыдается, потому что осознать, что она действительно умерла и он больше никогда ее не увидит, было слишком тяжело. И все же необходимо.

Деррон знал, что не сможет принять это сразу, но главное — начать, и тогда он уже не отступит. Глаза застила какая-то пелена, но он не собирался плакать. Он собирался стоять здесь — и жить. Жить дальше.

Нет, это еще не все. Чтобы до конца смириться с потерей и обрести свободу, ему нужно еще зайти в храм, где они провели целое утро: Деррон помогал ей фотографировать витражи. Деррон вспомнил, как тогда высказал вслух пожелание, чтобы предполагаемый Творец Вселенной вышел и явился им в этом посвященном Ему храме. Молодой историк желал задать Ему несколько нелицеприятных вопросов. Вопросы касались того, что в мире чересчур много несправедливости.

Деревянная дверь была так же прочна, как и триста лет спустя. Деррон задумался, могла ли деревянная дверь прослужить триста лет. А, неважно. Он с трудом отворил ее. Скрип петель эхом разнесся под сводами. Вдруг Деррон вспомнил, что его деревянный посох остался в монастырской келье. Впрочем, это тоже неважно: нападение берсеркера ему не угрожает.

Он вошел и зашагал вдоль нефа. Главный неф был футов тридцать в ширину. Ряды колонн отделяли его от боковых нефов. Прочие измерения нефа были огромны: триста футов в длину, замковые камни арок — в ста футах над полом. Да, тут хватит места и Богу, и берсеркеру. В храме было множество укромных закоулков, где мог прятаться дезертир или беременная девица, чья жизненная линия сбивала с толку наблюдателей в Секторе.

В восточной стене полыхали витражи. Высокие арки еще не успели закоптиться столетним дымом свечей. Большая часть собора была построена при жизни последнего поколения. На самом деле, собор еще не был завершен: последняя война распугала строителей или заставила их взяться за оружие. Часть колонн и стен еще были загорожены строительными лесами. Местами свисали оставленные рабочими канаты и веревки, неподвижные

в замкнутом пространстве, словно высеченные из камня. Забытые мастерки и отвесы медленно зарастали пылью.

Война не коснулась собора — солдаты не совались сюда то ли из почтения к святому месту, то ли из суеверного страха, то ли просто не было удобного случая. Даже витражи остались целыми. Только солнце касалось цветных стекол, заливая мягкий полумрак собора праздничным сиянием. Широкие ступени, ведущие в боковые приделы, и большая часть каменного пола были уложены не более ста лет назад, так что до сих пор оставались ровными, практически не истертыми. За три столетия они покроются впадинами и щербинами...

Когда Деррон приблизился к центру здания, к перекрестью нефа и трансепта, его внимание привлекло какое-то движение. Из бокового нефа показался монах. Голова его была покрыта капюшоном, в знак почтения к дому Господню.

Деррон остановился и вежливо кивнул.

— Преподобный брат... — почтительно произнес он. И только тут ему пришло в голову, как странно, что один из монахов, которых он оставил у моста, очутился в соборе раньше него. Вглядевшись, он увидел, что лицо под капюшоном — не совсем лицо. Фигура метнулась к Деррону, и фальшивая плоть на ее руках разошлась, обнажая стальные когти...

Худощавый монах медленно брел по дороге, ведущей от моста к монастырю, опустив голову. Он миновал ворота, и Винченто уже с облегчением подумал, что монах пройдет мимо, когда тот, видимо, в последний момент заметив ученого, остановился, подумал и свернул в его сторону.

Он остановился в паре шагов, смиренно улыбаясь.

— Винчент, да вознаградит тебя Господь за то, что ты снабдил пищей моего спутника и меня.

— Видит Бог, я нуждаюсь в Его милосердии! — коротко ответил Винченто. Должно быть, нищенствующий монах узнал его имя у Уилла или Радда. Как ни странно, ученого не оскорбило, что к нему столь фамильярно обратились по имени. Этот чумазый бродяга, как дитя, казалось, был выше всяких условностей.

Но Винченто оставался настороже. Вполне возможно, что этот монашек — агент Защитников.

Монах посмотрел на бумаги, разложенные перед Винченто, как будто перед ним была зияющая рана на теле друга.

— Скажи, Винчент, для чего ты тратишь свой разум и душу

на все эти распри и диспуты? Ведь их исход в конечном счете совершенно не важен. Единственное, что важно, — это любовь Господня.

Сумасшедшая искренность этих невинных слов развеяла подозрения Винченто. Он только улыбнулся:

— Похоже, ты дал себе труд разузнать о моих делах. Но скажи, преподобный брат, понимаешь ли ты, в чем суть этих диспутов и почему я вообще их веду?

Монах отступил, брезгливо передернув плечами:

— Нет, не понимаю. И не хочу понимать. Мой путь — иной.

— Тогда, брат, прости меня, но мне кажется, что тебе не следует указывать мне, раз ты не понимаешь, в чем дело, и доказывать, что мои диспуты бесплодны.

Монах принял укор столь безропотно, что Винченто даже пожалел о своих словах. И на том их спор закончился. Если, конечно, это можно назвать спором: ведь Винченто одержал победу с легкостью вооруженного рыцаря, сбившего с ног ребенка.

Прежде чем уйти, монах вскинул руки благословляющим жестом и пробормотал несколько слов, обращенных не к Винченто. И тут же удалился — пошел дальше по дороге. Сперва поколебался, как бы раздумывая, не повернуть ли обратно, потом двинулся вперед. Винченто пришло в голову, что он снова выиграл спор и, быть может, упустил при этом что-то важное. Хотя что именно он упускает каждый раз в спорах, Винченто не знал. Он едва не окликнул монаха, повинуясь желанию заполнить разделяющую их пропасть. Но не окликнул. Ученый подумал, что на самом деле им нечего сказать друг другу.

Теперь, когда его отвлекли от унизительного занятия — составления отречения, — Винченто не хотелось браться за него снова. Он позвал Уилла, отдал ему прибор и бумаги и беспокойно зашагал вверх по склону холма, залитого солнечным светом.

Подумав о предстоящей встрече, Винченто решил, что это скорее всего ловушка, подстроенная Защитниками или, еще вероятнее, кем-то из его врагов, клириков или мирян, которые были бы только рады уличить его в каких-либо компрометирующих действиях накануне процесса. Ну что ж, пусть попробуют! Винченто раскроет их замысел, каков бы он ни был, прежде чем они успеют зайти достаточно далеко. Может, ему даже удастся обернуть дело в свою пользу. Винченто мог бояться людей, которые превосходят его могуществом, но умом он может потягаться с кем угодно!

Он не торопил свои старые ноги, давая им передышку после

каждых двух-трех шагов, так что они успешно донесли его до вершины холма. Отдохнув на площадке перед собором, Винченто вошел через главный вход и плотно затворил за собой дверь. Ученый искренне надеялся, что тот, кто будет ждать его в соборе, позвал его не затем, чтобы просто выразить сочувствие. Сочувствующие в лучшем случае тайно радуются чужому несчастью, чувствуя себя равными — если не высшими — с тем, кого вроде бы пытаются утешить. Ну их к черту!

Винченто шагал по нефу. Закованное в камень пространство было достаточно объемным, чтобы создать ощущение простора. По обе стороны возвышались параллельные ряды колонн, поддерживающих свод. На расстоянии промежутки между колоннами зрительно уменьшались. В пятидесяти шагах ряды колонн казались уже сплошной стеной. Так что в какой бы точке зала ни находился человек, часть пространства все равно будет скрыта от его глаз — больше половины, если считать ответвления трансепта и боковые часовни.

Добравшись до назначенного места встречи, перекрестья нефа и трансепта, Винченто поднял голову, и глазам его открылось пространство центрального шпиля, почти в двести футов высотой. Пространство было все еще загромождено лесами, на которые взбирались по лестницам, установленным на хорах. На хоры же с нижнего этажа собора должна была вести лестница, устроенная где-нибудь в толще стены.

В этом храме, выстроенном в величественном старинном стиле, не было свисающих с потолка люстр и раскачивающих их сквозняков. Если бы во времена своей юности Винченто ходил в эту церковь, ему не удалось бы начать разрабатывать свою теорию маятника во время нудных субботних проповедей...

Откуда-то из вершины шпиля свешивался очень длинный канат. Винченто окинул его взглядом и подумал, что здесь все-таки есть хотя бы один маятник — по крайней мере, потенциальный. На конце каната висела тяжелая металлическая болванка — должно быть, весом с человека. Она была отведена в сторону и закреплена петлей у основания одной из четырех колонн, стоявших по углам перекрестья нефа и трансепта.

Когда все время водишь глазами вверх-вниз, вверх-вниз, так и голова закружиться может, особенно у пожилого человека. Винченто потер шею. Нет, мимо такого противоречия логике он пройти не в силах. Ну скажите на милость, зачем строителям храма понадобился этот царь-маятник?

Возможно, они использовали его, чтобы разбивать каменные стены? Нет, вряд ли. А если это просто отвес — зачем делать его таким тяжелым? Нескольких унций свинца было бы вполне достаточно...

Но, для чего бы они его ни предназначали, это был маятник. Весом каната можно пренебречь... Винченто потрогал натянутый канат пальцем, и тот завибрировал и качнулся. Массивная металлическая чушка принялась колыхаться, ныряя, точно корабль на якоре.

Колебания быстро угасли, и пространство собора вновь сделалось неподвижным. Канат с болванкой на конце застыл, подобно серым каменным колоннам. Корабль-маятник попал в штиль.

А ну-ка, поднять паруса! Повинуясь внезапному порыву, Винченто потянул за кончик веревки, удерживавшей груз. Узел развязался на удивление легко.

Металлическая болванка двинулась в путь — поначалу как бы с неохотой. И даже после того, как она немного разогналась, движение ее оставалось таким медлительным, что Винченто невольно вновь поднял глаза к темным глубинам шпиля. Неужели маятник движется так медленно из-за длины веревки?

За то время, пока груз в первый раз достиг середины, нижней точки своего колебания, можно было не торопясь сосчитать до четырех. Почти коснувшись пола, маятник плавным ускоряющимся движением миновал нижнюю точку и тут же начал вновь замедляться, так что, пока он достиг дальнего конца дуги, Винченто снова успел сосчитать до четырех. Там груз застыл — на какую-то неуловимую долю секунды, едва не коснувшись колонны в противоположном углу, — и двинулся в обратный путь.

Маятник величественно раскачивался на абсолютно прямом канате, описывая ровную дугу длиной около десяти ярдов. После первой полудюжины колебаний Винченто не заметил никаких признаков затухания. Должно быть, благодаря тяжести груза маятник может продолжать колебаться в течение нескольких часов или даже дней...

Стоп. В этом что-то есть... Винченто, прищурившись, проследил одно из колебаний маятника от начала до конца. Потом прислонился к колонне и, держа голову неподвижно, принялся наблюдать за ним. Прошло еще полдюжины колебаний...

Кстати, а зачем он, собственно, сюда пришел? Ах да, он вроде бы собирался с кем-то встретиться...

Но этот маятник... Винченто нахмурился, покачал головой и снова принялся следить за колебаниями. Потом начал озираться

по сторонам. Он заметил одну вещь — но это еще надо проверить...

Неподалеку стояли несколько козел, оставленных рабочими. Винченто подтащил козлы поближе и установил их так, чтобы доска, положенная поперек их, находилась на конце дуги маятника, перпендикулярно ей. В нижней части болванки было что-то вроде шипа; для чего бы ни предназначался этот шип, он идеально подходил для целей Винченто. Ученый уложил вторую доску поверх первой и осторожно подправил все сооружение, так что теперь во время каждого колебания шип проходил в дюйме от верхней доски.

Можно сделать отметины на доске... Нет, он поступит иначе. Тут где-то был песок... Да, в корыте у входа в первый боковой придел. Песок достаточно отсырел за время дождей. Винченто принес несколько горстей и насыпал песок на верхнюю доску. Разложил его слоем дюйма в два, разровнял и в промежутке между двумя колебаниями подвинул верхнюю доску к краю дуги маятника.

«Эксперимент вполне чистый», — с удовлетворением подумал Винченто. Вернувшись в первый раз, шип оставил на песке легкую отметину. Потом маятник снова удалился, унеся с собой еще одну малую частицу вечности.

Винченто изо всех сил старался не моргать, следя за возвращением груза. Он затаил дыхание и впервые услышал призрачный шелест маятника.

Вернувшийся маятник оставил на песке еще одну отметину, вплотную к первой, но все же чуть смещенную. Потом снова удалился. Его торжественные, мерные колебания казались царственным биением пульса собора.

Шестнадцать секунд спустя на песке появилась новая отметина, снова чуть смещенная на то же расстояние, что вторая. Через три колебания дуга маятника сместилась уже на полпальца. Да, глаза Винченто его не обманули: дуга медленно, но верно смещалась по часовой стрелке.

Быть может, это явление вызвано тем, что канат медленно раскручивается? В таком случае скоро должно начаться смещение в обратную сторону или, по крайней мере, сменится амплитуда... Ученый снова поднял глаза к шпилю, забыв о ноющей шее.

Если будет возможность, надо будет где-нибудь еще устроить такой маятник и понаблюдать за ним на досуге. Да, если будет возможность... Даже если он будет здоров и сумеет избежать

тюрьмы, это будет не так-то просто. Закрытые помещения такой высоты встречаются не так уж часто. В каком-нибудь еще большом храме или, может, в университете — впрочем, Винченто не собирался снисходить до сотрудничества с невеждами...

...Предположим, это загадочное смещение вызвано все же именно раскручиванием каната. Но нет, Винченто чувствовал, что дело не в этом — так же, как когда-то, после длительных наблюдений, он почувствовал уверенность, что Солнце неподвижно. В этом смещении по часовой стрелке было нечто слишком грандиозное, чтобы приписать его столь тривиальной причине.

А раскачивающийся шип тем временем успел прочертить на песке борозду шириной в два пальца.

Интересно, а как закреплен канат там, наверху? Впрочем, чтобы это выяснить, нужны ноги помоложе, чем у него. И Винченто отправился за помощником. Идя вдоль нефа, он несколько раз оборачивался, глядя на монотонно раскачивающийся маятник, как на внезапно загоревшуюся на небе новую звезду.

Из всего этого Деррон мог видеть только верхний конец движущегося каната. Но и это он видел только одним глазом — его удерживали, уткнув лицом в нестроганые доски лесов, куда Деррона затащил берсеркер. Рядом с роботом Деррон казался себе беспомощным младенцем. Берсеркер сидел над ним с неподвижностью, какая не свойственна человеку. Одна ледяная рука стискивала шею Деррона, придерживая край камзола, воткнутый ему в рот на манер кляпа, другая не больно, но твердо выламывала ему запястье.

Робот явно не собирался убивать или калечить его. По крайней мере, не здесь. И тем не менее пребывание в плену показалось Деррону не отрезком времени, а фрагментом вечности, отмеряемым лишь бессмысленными колебаниями каната. Взяв его в плен, берсеркер больше ничего не предпринимал, а просто ждал. Это означало, что Деррон уже провалился. Он не успел даже доложить о случившемся в Сектор. Берсеркер сразу понял, что таится в его нагрудном клине. Он сорвал резной клин с шеи Деррона и раздавил его, точно хрупкую ракушку.

Должно быть, берсеркер думал, что Деррон ничего не видит с того места, где он лежит. Собственно, это было почти правдой. Краем глаза Деррон мог видеть только мерно раскачивающийся канат. На этой высоте дуга была совсем короткой, но медлительность колебаний говорила о том, что канат чрезвычайно длинен.

В конце концов дверь собора гулко хлопнула — во второй раз с тех пор, как Деррон попал в плен. И только тогда вечность закончилась: берсеркер его отпустил.

Деррон медленно, с трудом поднялся с деревянного помоста. Все тело затекло. Растирая щеку, оцарапанную досками, и руку, которую выкручивал робот, Деррон обернулся и посмотрел в лицо своему врагу. Под монашеским капюшоном виднелась металлическая маска. Судя по ее виду, она могла открываться и менять форму. Деррон понимал, что перед ним находится, быть может, самая сложная машина, когда-либо созданная берсеркерами. Возможно, под этим металлическим черепом таится пластиковая кожа, которая может вполне убедительно имитировать человеческое лицо? Трудно сказать. Еще труднее угадать, за кого мог выдавать себя этот робот.

— Полковник Одегард, — произнес робот механическим голосом, имитирующим нейтральный тон.

Озадаченный Деррон ждал продолжения. Существо сидело на помосте на корточках, опустив руки. Руки выглядели такими же изменчивыми, как лицо: сейчас они были совсем не человеческими, но сказать, какими они могут стать, было невозможно. Остальное тело скрывалось под бесформенной рясой, должно быть, принадлежавшей Эймлингу.

— Полковник Одегард, боитесь ли вы перехода от жизни к не-жизни?

Деррон не знал, что он ожидал услышать, но явно не это.

— А даже если и боюсь, какая разница?

— Да, — сказал берсеркер своим невыразительным тоном. — То, что запрограммировано, случится, невзирая ни на какие события.

Прежде чем Деррон успел понять, к чему это сказано, робот метнулся вперед и снова схватил его. Деррон принялся отбиваться — разумеется, безуспешно. Робот разорвал его камзол, отдирая полосы плотной ткани экономными, отточенными движениями. Он снова заткнул Деррону рот и связал его по рукам и ногам — крепко, но не настолько крепко, чтобы Деррон не мог надеяться освободиться. Робот явно не собирался убивать Деррона здесь, в пределах зоны безопасности.

Связав Деррона, робот замешкался, поводя головой в капюшоне, точно человек, который прислушивается, прощупывая окружающее пространство чувствами, недоступными человеку. А потом бесшумно спустился по лестнице. Движения его напоминали не столько человека, сколько огромного кота или обезьяну.

Деррон мог только беспомощно дергаться, пытаясь освободиться. Кляп заглушал его проклятия.

Вторая группа крестьян из какой-то деревни, расположенной дальше в горах, пришла по дороге, ведущей к собору. Первым, кого они встретили, был брат Сейл. Когда крестьяне узнали, что он не тот святой чудотворец, о котором говорит вся округа, короткий проблеск надежды на их лицах вновь уступил место тревоге.

— Скажите, для чего вы желаете видеть брата Джованна? — начальственно осведомился брат Сейл, с достоинством сложив руки на животе.

Крестьяне зашумели, перебивая друг друга и говоря все разом, так что брату Сейлу пришлось приказать им замолчать и говорить по одному. И тогда он узнал, что их деревушку уже в течение нескольких дней держит в страхе огромный волк. Это чудовище режет скот. Крестьяне клялись, что он даже портит посевы! Потом они снова заговорили все разом, и Сейл так и не понял, то ли волк сожрал ребенка, то ли мальчишка-подпасок упал и сломал себе руку, спасаясь от волка. Во всяком случае, крестьяне были в отчаянии. Люди боялись даже работать на полях. Деревенька у них заброшенная и очень бедная, и у них нет могущественного господина, который мог бы оказать им помощь, кроме самого Господа. Они требовали, чтобы святой Джованн пришел и сделал хоть что-нибудь. Крестьяне действительно были в крайнем отчаянии.

Брат Сейл кивнул.

— Вы говорите, до вашей деревни несколько миль? — спросил он. В его голосе звучало опасливое сочувствие. — В горах? Да, понятно. Ну что ж, поглядим. Я сделаю для вас все, что смогу. Идемте со мной, я поведаю о вашей беде доброму брату Джованну.

Винченто вернулся в собор вместе с озадаченным Уиллом и со всей скоростью, на какую был способен, зашагал вдоль нефа. Когда он пришел в монастырь, Радд не придумал ничего лучшего, как начать жаловаться на то, что животных нечем кормить. А когда Винченто наконец отделался от кучера, его старые ноги отказались вторично нести своего хозяина на холм, даже с по-

мощью Уилла. И теперь, когда Винченто, задыхаясь, торопился к своему маятнику, который все еще продолжал раскачиваться, прошло больше часа с тех пор, как ученый впервые привел груз в движение.

Несколько секунд Винченто просто задумчиво созерцал то, что произошло за время его отсутствия. Маятник успел смести всю грядку песка, и теперь сместившаяся дуга вышла за пределы доски. Она сдвинулась по часовой стрелке градусов на десять-двенадцать.

— Уилл, тебе случалось помогать мне в мастерской. Теперь тебе тоже надо будет точно выполнить все мои указания.

— Хорошо, хозяин.

— Прежде всего ты должен запомнить, что тебе не следует останавливать маятник и вообще прикасаться к нему. Понял?

— Да.

— Хорошо. Теперь я хочу, чтобы ты залез наверх. Эти леса идут до самого верха шпиля. Я хочу узнать, как закреплен этот раскачивающийся канат, на чем он держится. Рассмотри его внимательно, так, чтобы потом сделать мне чертеж. Ты неплохо рисуешь.

— Ага, сэр, понимаю. — Уилл уныло задрал голову. — Высоконько карабкаться-то будет.

— Ну да, да, спустишься — получишь монету. Сделаешь хороший чертеж — получишь еще одну. Ну, ступай, и смотри во все глаза. Только гляди, не трогай самого каната!

Деррону удалось только слегка ослабить путы на запястьях, когда он услышал, как по лестнице взбирается кто-то, явно менее ловкий, чем берсеркер. Между верхними стойками лестницы появилась честная физиономия Уилла, на которой, разумеется, тут же отразился ужас.

— ...Разбойник! — выплюнул Деррон, когда его руки оказались свободны и он смог наконец выдернуть кляп. — Должно быть, прятался где-то в часовне... Затащил меня сюда наверх, связал...

— И ограбил, да? — спросил Уилл в священном ужасе. — Мародер, чай?

— Ну да, мародер. У меня... у меня, на самом деле, не было с собой ничего ценного. Вот, клин с шеи снял.

— Жуть какая! Проклятый бродяга! — Уилл сочувственно покачал головой. — А мог бы ведь и глотку перерезать. Чай, побоялся осквернить святое место. Как вы думаете, он здесь еще?

— Нет-нет, я слышал, как он убегал. Должно быть, его давно и след простыл.

Уилл снова покачал головой:

— Ну, сэр, вам, пожалуй, стоит поразмять руки-ноги да спускаться. А мне наверх надо. Хозяин задал работенку.

— Работенку?

— Ага.

Уилл уже полез на следующую лестницу, явно направляясь к макушке шпиля.

Деррон, все еще стоя на четвереньках, посмотрел вниз с помоста. Сверху, с высоты ста футов, Винченто казался почти игрушечным. На конце таинственно раскачивающегося каната виднелась точка, что-то вроде шара, ходившего взад-вперед с размеренным постоянством. Где-то Деррон уже видел такой маятник. Он использовался для демонстрации...

Деррон едва не свалился с помоста. Он внезапно осознал, *на что* смотрит Винченто, что он так внимательно рассматривал все то время, пока Деррон был в руках берсеркера. Это было то, что на древней Земле называлось маятником Фуко!

— Почтенный Винченто!

Винченто обернулся с удивлением и недовольством и обнаружил позади себя молодого ученого — Альцея, Вальцея, или как его там. Молодой человек поспешно шагал в сторону Винченто в явном возбуждении. Похоже, он только что спустился с той винтовой лестницы, на которую полез Уилл.

У Вальцея был такой вид, словно он торопится сообщить какие-то чрезвычайно важные новости. Но рассказал он всего-навсего глупейшую историю о каком-то разбойнике. Плетя свою проклятую словесную паутину, грозившую окончательно запутать мысли Винченто, Вальцей пристально разглядывал козлы, доски и маленькую грядку песка.

— Молодой человек, — перебил его Винченто, — полагаю, все это вам лучше рассказать солдатам.

И повернулся спиной к непрошеному собеседнику. Так вот. Дело не в том, что канат разматывается. И если окажется, что дело и не в способе, каким канат закреплен наверху, — тогда в чем же? Уж, наверное, не сам собор крутится против часовой стрелки! И все же... Мысли Винченто устремились к новым, неведомым еще глубинам...

— Я вижу, мессир Винченто, вы уже обнаружили мой маленький сюрприз.

Деррон отчетливо понимал теперь, как пойдет игра, как она

уже пошла. Но у него оставался еще один отчаянный ход, и он решил не упускать шанса.

— Ваш маленький сюрприз? — с расстановкой произнес Винченто. Он медленно развернулся в сторону Деррона. Его брови сдвинулись, словно предвещая бурю. — Так это вы прислали ко мне этого странного монаха сегодня ночью?

Упоминание о монахе послужило подтверждением замысла берсеркера — если таковое подтверждение вообще требовалось.

— Да, это я все устроил! — сказал Деррон, указывая на маятник с собственнической гордостью. — Должен признаться, сударь, что на самом деле я пробыл здесь уже несколько дней. Поначалу со мной было еще несколько друзей, которые помогали мне в сооружении этого маятника.

Деррон сочинил все это на ходу, и, разумеется, эта ложь не выдержала бы тщательной проверки. Но, если она подействует так, как рассчитывал Деррон, Винченто и не подумает проверять его...

Рассказывая молчаливому, угрюмому старику о том, как они с вымышленными друзьями подвешивали маятник, Деррон представлял себе берсеркера — ловкую тварь, похожую на кота, на обезьяну, на дьявола, которая подвесила канат с грузом так, чтобы...

— ...И вот, мессир Винченто, вы видите перед собой твердое доказательство вращения Земли!

Старческие глаза удивленно блеснули, но слова Деррона явно не были для него открытием. Значит, отчаянный ход Деррона все же был оправдан. Теперь надо попробовать выиграть... Винченто застыл в ожидании, точно статуя, не мигая, задумчиво скривив губы.

— Конечно, почтенный мэтр, — продолжал Деррон, — я следовал вашему примеру и примеру нескольких наших современников, оставив честь этого открытия себе, но решив сохранить его в тайне для своих будущих исследований. С этой целью я разослал нескольким почтенным людям в разные концы света послания с анаграммой, в которой зашифровано описание этого эксперимента. В мои планы, как я уже сказал, входило еще некоторое время хранить этот эксперимент в тайне. Но, когда до меня дошла весть о ваших нынешних... э-э... затруднениях, я понял, что не могу оставаться в стороне.

Винченто по-прежнему не шевелился.

— Доказательство вращения Земли, говорите? — осторожно переспросил он.

— Ах да, простите! Я не подумал, что потребуются подроб-

ные... Хм. Понимаете ли, направление движения маятника не меняется — это Земля вращается под ним...

Деррон сделал паузу — здесь молодому Вальцею должно было прийти в голову, что старик Винченто скорее всего к старости стал туго соображать и вообще немного впал в маразм. Деррон изобразил нечто вроде снисходительной усмешки и продолжал, медленно и отчетливо, точно объясняя урок тупому ученику:

— На полюсах нашей планеты такой маятник за сутки описывал бы полный круг в триста шестьдесят градусов. На экваторе он не вращался бы совсем.

Постепенно ускоряя свою речь, Деррон безжалостно изливал на Винченто знания, накопленные человечеством за последующие три с половиной столетия.

— Ну а между двумя этими крайними точками угол вращения будет зависеть от широты. Здесь он смещается примерно на десять градусов в час. И, поскольку мы находимся в северном полушарии, кажущееся смещение направлено по часовой стрелке.

— Хозяин! — закричал сверху Уилл. — Канат привязан так, чтобы свободно двигаться в любом направлении, но его тут ничего не крутит!

— Спускайся! — крикнул наверх Винченто.

— Щас, еще погляжу, чтобы потом чертеж сделать...

— Спускайся, говорю! — Полные губы словно бы выплюнули эти слова.

Деррон продолжал давить, перейдя теперь к безжалостному великодушию.

— Разумеется, сударь, я всего лишь хотел вам помочь. Я отбросил все помыслы о личной выгоде ради того, чтобы прийти вам на выручку. В былые дни вы достигли значительных успехов, весьма значительных, и я не мог допустить, чтобы вас отбросили в сторону. Мое оружие — к вашим услугам. Я готов охотно повторить этот опыт перед властями в Священном Граде, чтобы весь мир мог видеть...

— Довольно! Мне ваша помощь не требуется! — Винченто бросил это, точно оскорбление. — Не суйтесь в мои дела! Понятно? Не суй-тесь!

В гневе старик словно бы сделался выше ростом. Деррон невольно принялся пятиться назад, уже понимая, что победил. Гордыня Винченто не уступала его гениальности.

Вспышка гнева оказалась недолговечной. Деррон прекратил отступать и застыл в молчании. Винченто снова поник под грузом лет, усталости и страха. Он метнул в Деррона последний не-

навидящий взгляд и пошел прочь. Теперь Винченто никогда не станет использовать доказательства Фуко. Он даже не будет работать в этом направлении. Он постарается как можно скорее выкинуть это из головы. Мелочность и зависть, из-за которых Винченто был вызван в суд, существовали не только в других людях, но и в нем самом...

Из истории Деррон знал, что на суде Винченто не только отречется, но даже пойдет дальше, чем требовали от него судьи: он сам предложит написать новый памфлет, доказывая, что Солнце — не более чем мушка, кружащая вокруг мира людей.

«Сударь, я всего лишь хотел вам помочь...» Винченто, шаркая ногами, добрел до конца нефа, и дверь за ним наконец захлопнулась. Вымотанный Деррон привалился к колонне. В наступившей тишине слышался лишь шорох раскачивающегося маятника. Уилл спустился по лестнице, непонимающе поглядел на Деррона и поспешил следом за хозяином.

Теперь он на время мог забыть даже о трагедии Винченто. Настоящая победа и настоящая надежда взбадривают, как ничто другое. Они придали Деррону сил на то, чтобы выскользнуть из храма через боковую дверь и спуститься по лестнице, ведущей прямо к монастырю. Если берсеркер не потрудился разнести запасной коммуникатор, встроенный в посох, Деррон сможет сразу же поделиться радостью победы с Современным миром.

Враг не потрудился даже заглянуть в келью Деррона. Торопясь к ней по сводчатому коридору, Деррон услышал за ухом сигнал срочного вызова из Сектора.

Брат Сейл отдувался, хотя вовсе не спешил. Узкая пастушья тропа, по которой шли монахи, вилась вверх-вниз по склонам холмов, через кустарники и чахлые рощицы. Сейл старался держаться позади и изо всех сил отговаривал брата Джованна от этой затеи.

— Я думал, — пыхтя, говорил он, — что довольно будет... прочесть несколько молитв... Эти крестьяне... подчас так глупы... ты же знаешь... Они скорее всего... сильно преувеличили... ущерб, нанесенный волком...

— Ну, тогда моя собственная крестьянская глупость не повредит, — ответил брат Джованн, неумолимо шагая вперед. Они находились уже в нескольких милях от собора, в предполагаемых владениях волка. Крестьяне, служившие им проводниками, отстали четверть мили назад — им было страшно.

— Я говорил о них чересчур пренебрежительно. Да простит

меня Господь! — Сейл выбрался на вершину холма и набрал воздуху для более связной речи на спуске. — Но если этот зверь всего за несколько дней действительно причинил столько бед и ущерба, как они говорят, или хотя бы половину того, с нашей стороны будет чистым безумием приближаться к нему так, как сейчас, безо всякого оружия! Не то чтобы я хоть на миг усомнился, что Провидение в своей несказанной мудрости способно заставить рыбу прыгать от радости после того, как ты ее отпустил, или что птички действительно слушали твои проповеди. Но ведь волк, да еще такой страшный, — это же совсем другое дело...

Брат Джованн, похоже, даже не слушал. Он немного замедлил шаг и проводил глазами вереницу жуков-падальщиков, которые пересекли тропинку и исчезли в кустарнике. Чуть подальше показалась еще одна такая же стая. Брат Джованн свернул с тропинки и полез напролом через кусты, ведя своего спутника к тому месту, где должны были пересечься пути двух цепочек насекомых.

Деррон, размахивая посохом, торопился вперед. Шагов пятьдесят он пробегал, потом снова переходил на шаг.

— Одегард! — Командующий был вне себя. — Мы обнаружили рядом с вами еще одну жизненную линию, столь же важную, как линия Винченто. Этот человек находился где-то неподалеку от вас. Сейчас он вместе с еще одним сместился на две мили в сторону. Они вот-вот покинут зону безопасности! Возможно, берсеркер подстерегает его! Он может его убить!

Конечно, берсеркер его подстерегает. Сидит в засаде или отправился в погоню. Атака на Винченто была проведена всерьез, как любой первый удар в важном поединке. Но именно второй удар мог быть рассчитан на то, чтобы вызвать серьезные повреждения. И человечество не было защищено от него...

Деррон то бегом, то шагом двигался в том направлении, которое указали ему из Сектора.

— Кого мне искать? — спросил он.

Услышав ответ, Деррон подумал, что мог бы догадаться и сам. Один взгляд на ласковое лицо должен был подсказать ему, что этот человек очень важен.

В чаще кустарника царил разгром. Должно быть, он был устроен дня два тому назад, потому что обломанные ветки успели совсем завянуть. И хотя в куче костей и серого меха все еще

суетились жуки-падальщики, похоже, поживы им уже не осталось.

— Это был очень большой волк, — задумчиво сказал брат Джованн, поднимая с земли обломок челюсти. Кость была переломана мощным ударом, но на челюсти еще сохранились внушительные зубы.

— Да, очень, — согласился брат Сейл, хотя он плохо разбирался в волках и отнюдь не стремился узнать больше. Он по-прежнему боязливо озирался. Солнце клонилось к горизонту, и лес вокруг показался брату Сейлу угрожающе тихим.

— Что же это должно быть за создание, которое сумело расправиться с крупным взрослым волком? — размышлял вслух брат Джованн. — Бывало, я сам в своей алчности расправлялся так с косточками жареной птички... Но нет, эти кости не обглоданы. Они просто переломаны, да еще в нескольких местах, словно тут потрудилось существо, куда более дикое и злобное, чем волк!

Для историков Современного мира имя брата Джованна было символом любви и кротости. Его чтили все, от скептиков-мирян до самых ортодоксальных церковников, считавших его святым. Как и Винченто, святой Джованн давно сделался легендой, полускрытой дымкой домыслов.

— Мы только сейчас осознали практическую важность Джованна, — говорил голос командующего в голове Деррона. — Поскольку положение Винченто не вызывает опасений и все наши наблюдатели сосредоточились на той эпохе, где вы находитесь, мы сумели внимательнее присмотреться к ней. Исторически жизненная линия Джованна продолжается еще на пятнадцать лет от точки вашего пребывания, и на всем своем протяжении она излучает поддержку для других линий. Эти другие линии, в свою очередь, тоже начинают излучать поддержку, и этот процесс распространяется на всю историю вплоть до наших дней. Мы пришли к выводу, что, если святой Джованн погибнет в ваше время, договор о разоружении, заключенный почти через триста лет после смерти Джованна, потерпит крах и наша цивилизация будет уничтожена ядерной войной.

Когда командующий сделал паузу, внезапно вклинился девичий голос:

— Новые сведения для полковника Одегарда!

Деррон снова перешел на шаг.

— Лиза?

Она запнулась, потом продолжала деловитым тоном: долг прежде всего!

— Полковник, жизненная линия, о которой вам раньше говорили, как о линии нерожденного младенца, выходит за пределы зоны безопасности следом за двумя другими. Она движется с большой скоростью, куда быстрее человека или даже ездового животного. Мы не можем дать этому объяснений. Кроме того, вам следует свернуть на пять градусов влево.

— Вас понял!

Деррон взял немного влево, на глазок определив пять градусов. Он приближался к горам, и дорога сделалась не такой грязной, так что идти стало полегче.

— Лиза!

— Деррон, мне разрешили выйти на связь только потому, что я обещала говорить исключительно о деле!

— Понял. Умолкаю.

Деррон прошел еще пятьдесят шагов и снова перешел на бег. Дыхание тут же сбилось.

— Лиза, я только хотел сказать... Мне хотелось бы, чтобы ты родила мне ребенка.

В переговорнике раздался судорожный, типично женский вздох. Но, когда Лиза заговорила снова, она придерживалась чисто делового тона. Она выдала Деррону новые указания относительно направления движения.

Брат Сейл краем глаза увидел нечто несущееся к ним сквозь деревья и кусты. Он обернулся, щурясь навстречу заходящему солнцу, и, сам удивившись своему спокойствию, понял, что они нашли своего волка. Волка ли? Приближающуюся тварь вернее было бы назвать демоном или чудовищем. Но все же брат Сейл не усомнился, что именно она сеяла ужас среди крестьян. А вот теперь решила напасть на смельчаков, дерзнувших отправиться ее разыскивать.

Существо было ростом с человека и выглядело ядовитым, точно серебристая оса. До них оставалось еще ярдов сто. Чудовище мчалось сквозь подлесок, мягко, бесшумно, на четырех ногах. Брат Сейл понял, что сейчас самое время пожертвовать жизнью ради спасения друга, заслонить собой брата Джованна и ринуться вперед, чтобы попытаться отвлечь зверя... Но почему-то у него ничего не вышло. Живот и ноги точно налились свинцом, и монах застыл на месте словно статуя. Он попытался крикнуть, предупредить, но у него даже язык отнялся от страха.

Наконец Сейлу удалось схватить брата Джованна за руку и указать на тварь.

— А-а! — сказал брат Джованн, пробуждаясь от забытья и оборачиваясь, чтобы посмотреть. Чудовище замедлило бег и остановилось в паре десятков шагов, присев на своих тонких лапах, переводя взгляд с одного монаха на другого, как бы решая, кого съесть первым. Крестьяне, видевшие тварь только мельком, действительно могли принять ее за волка. На ней болтались клочья серой ткани, точно тварь была одета, а потом, как зверь, выдралась из своего одеяния. Обнаженная, безволосая, бесполая, жуткая и прекрасная одновременно, она сделала еще пару шагов в сторону людей, скользя над землей, точно ртуть. И снова застыла безмолвной статуей.

— Давайте уйдем, во имя Г-господне! — пробормотал брат Сейл прыгающими губами. — Это не живое существо! Идем отсюда, брат Джованн!

Но Джованн только вскинул руки и осенил чудище знаком клина. Казалось, он не столько изгонял, сколько благословлял его.

— Брат Волк, — ласково произнес он, — ты действительно не похож ни на одного из зверей, которых мне доводилось встречать прежде, и я не знаю, что могло породить тебя на свет. Но в тебе есть живой дух, а потому не забывай, что ты сотворен нашим Отцом небесным, Творцом всех тварей, так что все мы — дети Единого Господа.

Волк рванулся вперед — и остановился, шагнул — и снова остановился, словно в нерешительности. В разинутой пасти Сейлу почудились клыки — не только длинные и острые, но еще и угрожающе движущиеся, точно зубья пилы. Наконец существо издало звук, напомнивший Сейлу одновременно звон мечей и человеческий стон муки.

Джованн опустился на колено, глядя в морду припавшему к земле зверю. Он протянул руки, словно желая обнять это странное создание. Тварь рванулась к нему — и опять замерла, словно остановленная невидимым поводком, шагах в шести от коленопреклоненного человека. Она снова издала странный звук — Сейлу послышались в нем скрип дыбы, слившийся с криком жертвы.

В голосе Джованна не было слышно страха — только строгость, соединенная с любовью:

— Брат Волк, ты убивал и разорял людей, точно преступник, и за это ты заслуживаешь наказания! Но прими вместо наказания прощение всех людей, которым ты причинил зло. Иди же ко мне, вот моя рука. Во имя Господа-Творца, подойди ко мне и поклянись, что отныне ты будешь жить в мире со всеми людьми. Подойди!

Деррон, приближавшийся к тому месту усталой рысцой, услышал сперва человеческий голос, а потом увидел брата Сейла, который стоял неподвижно, глядя на что-то, скрытое кустарником. Деррон остановился, вскинул посох, но не спешил целиться. Теперь он знал, что Сейл — не берсеркер. То, что ему сообщили из Сектора насчет жизненной линии, напоминающей эмбриона, совпало с тем, что берсеркер сказал ему в соборе. Это было удивительно, но похоже на истину. Деррон сделал несколько шагов в сторону и наконец увидел то, на что смотрел Сейл.

Он явился как раз вовремя, чтобы увидеть, как волк-берсеркер сделал последний нерешительный шаг, поднял металлическую лапу — и осторожно коснулся своими стальными когтями-пальцами протянутой руки коленопреклоненного монаха.

— Так что я правильно догадался: он стал живым, — говорил Деррон. Его голова покоилась на коленях Лизы, и, если поднять взгляд, он мог увидеть макушки деревьев парка и сияющее над ними искусственное солнце. — И, как всякая живая тварь, подчинился влиянию святого Джованна. Его любви... Это звучит странно, но иначе не скажешь.

Лиза, поглаживая его по лбу, вопросительно вскинула бровь.

Деррон пожал плечами:

— Да нет, конечно, можно найти и более рациональное объяснение. Это была самая сложная и компактная машина, построенная берсеркерами, результат двадцатитысячелетней эволюции — в ней просто не могла не зародиться жизнь. По крайней мере, так считают теперь. А Джованн, как и некоторые другие люди, имел странную власть над всем живым. Это зафиксировано в документах, хотя с точки зрения логики это объяснить сложно.

— Я прочитала историю о святом Джованне и волке, — сказала Лиза, продолжая поглаживать лоб Деррона. — Там говорится, что, после того как Джованн укротил волка, тот до конца дней своих жил в деревне, ручной, как собака.

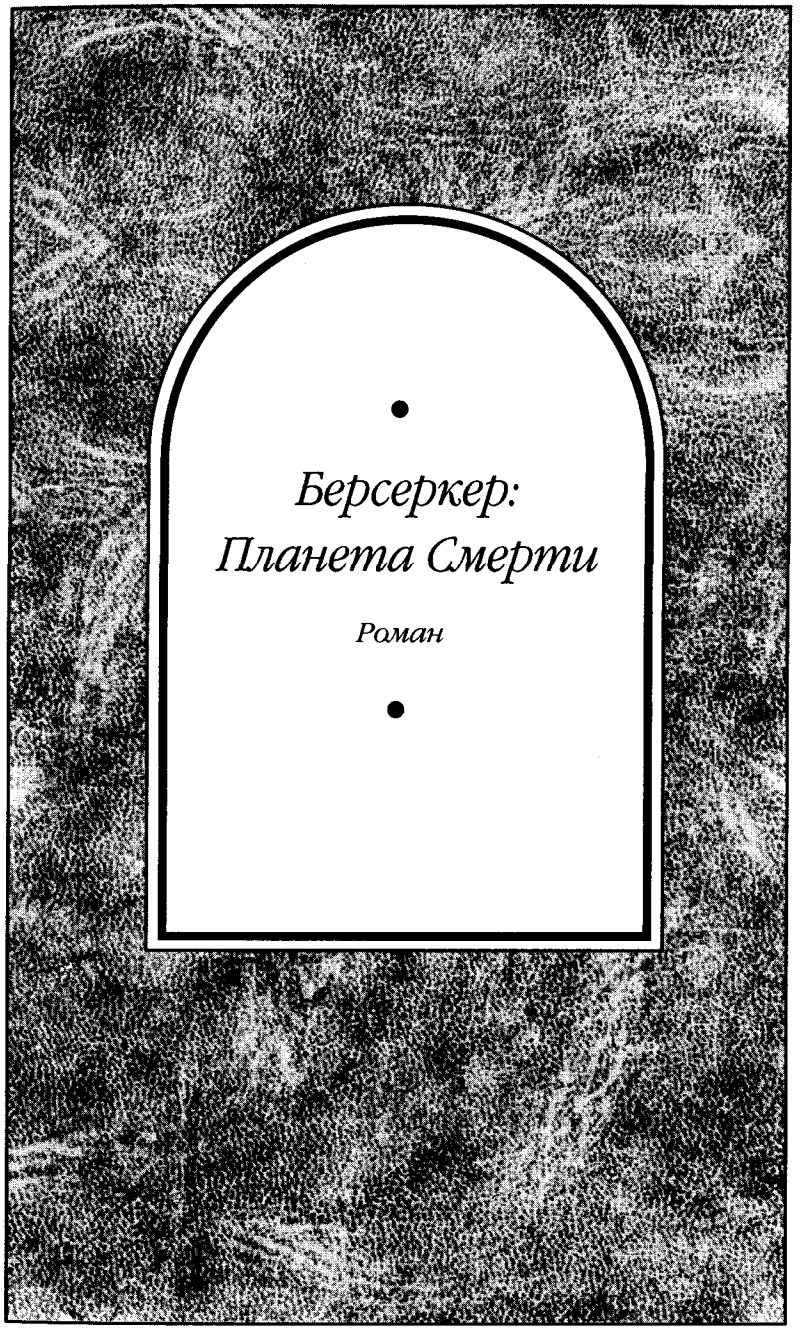
— Нет, это было с настоящим волком. Полагаю, это изменение в истории оказалось слишком незначительным, чтобы по-

влиять на легенду. Полагаю, берсеркер решил убить настоящего волка и занять его место. Если бы он убил Джованна, люди могли бы решить, что тот был обычным обманщиком. Но то, что он разорвал живого волка на куски, было иррациональным поступком, свойственным скорее живым существам. Если бы мы узнали об этом раньше, мы могли бы догадаться, что произошло с нашим врагом. Там были и другие ключи к ответу. Он совершал много поступков, нелогичных с точки зрения робота. Я сам должен был догадаться об этом в соборе, когда он принялся рассуждать о переходе от жизни к не-жизни. Во всяком случае, Сектор не столь доверчив, как Джованн и его биографы. Сейчас зверь сидит в клетке в настоящем времени, и ученые пытаются решить...

Здесь Деррону пришлось прерваться, поскольку барышня склонилась над ним, явно желая, чтобы ее поцеловали.

— А я тебе говорил, как там здорово? — продолжал Деррон немного погодя. — Конечно, на большом холме будут отстраивать собор. Но я думаю, что нам с тобой стоило бы как-нибудь зайти в Управление Окружающей среды, до того как начнется послевоенный бум, и зарезервировать для себя один из окрестных холмиков...

На этом месте ему снова пришлось прерваться.

Глава 1

Из динамиков корабельной трансляции раздавался ясный и четкий голос давно умершего человека, и шестеро людей, собравшиеся в кают-компании «Ориона» — единственные живые люди на пространстве в несколько сотен световых лет, — внимательно вслушивались в его слова. Кто-то делал это лишь потому, что Оскар Шонберг, владелец «Ориона» и его капитан, ясно дал понять, что желает, дабы все выслушали это сообщение. Карлос Суоми, всегда готовый сцепиться с Шонбергом и собирающийся на днях крупно с ним поспорить, в этом вопросе целиком и полностью разделял мнение начальства. Афина Паулсон, самая независимая из трех женщин, не высказала никаких возражений. Челеста Серветус — возможно, наименее независимая, — сделала несколько несущественных замечаний. А Густав де ла Торре и Барбара Хуртадо, по наблюдениям Суоми, вообще не имели привычки оспаривать решения Шонберга.

Голос умершего человека не был записан, а лишь законсервирован приблизительно пятьсот лет назад по космическому календарю и прошел от системы Охотника, откуда исходил радиосигнал, к нынешнему положению «Ориона» во внутригалактическом пространстве — одиннадцать сотен световых лет от Земли (или пять с половиной недель пути для их корабля). Этот голос принадлежал Иоганну Карлсену, который пятьсот стандартных лет назад повел эскадру в систему Охотника на бой с флотом берсеркеров и вышвырнул их оттуда. Карлсен разгромил основные силы берсеркеров и навсегда подорвал их потенциал в темной туманности под названием Каменная Россыпь.

Большую часть переборок кают-компании занимали видеоэкраны, и когда их использовали по прямому назначению, как в настоящий момент, на экранах появлялось изображение звездного неба, несколько пугающее своей реалистичностью. Суоми знал, куда нужно смотреть, но с расстояния в пятьсот световых

лет солнце системы Охотника было едва различимо, если не пользоваться телескопом. А уж о том, чтобы рассмотреть крохотные вспышки космического сражения — они сопровождали слова Карлсена, — и речи быть не могло. Но Суоми предстояло записать слова, звучащие сейчас в кают-компании космической яхты, а Шонбергу — хорошенько над ними подумать. На первый взгляд, эти двое мужчин казались похожими, но Суоми был меньше ростом, вероятно, значительно моложе, и лицо у него было более юное.

— А почему вы уверены, что это действительно голос Карлсена? — спросил наконец Густав де ла Торре, худощавый, темноволосый и даже на вид опасный человек. Они с Шонбергом сидели в мягких креслах, расположенных в противоположных углах небольшой кают-компании. Остальные четверо присутствующих расставили свои кресла по кругу.

— Я слышал его раньше. Эти же самые слова. — Голос Шонберга звучал слишком мягко для такого крупного и крепко сбитого мужчины, но был таким же решительным, как обычно. Его взгляд, как и взгляд Суоми, был прикован к видеоэкрану. Шонберг внимательно слушал Карлсена и изучал звезды. — Во время моего последнего путешествия в систему Охотника, — так же мягко продолжил Шонберг, — примерно пятнадцать стандартных лет назад, я останавливался в этом же районе — только, конечно, на пятнадцать световых лет ближе — и ухитрился поймать этот же самый сигнал. Я слышал эти же слова и некоторые из них записал, точно так же, как это сейчас делает Карлос, — и он кивнул в сторону Суоми.

Карлсен нарушил потрескивающую тишину словами:

«Проверьте внимательно этот люк, если он не задраивается, — я что, должен вам обо всем напоминать?»

Голос был язвительным и запоминающимся, хотя произносимые слова являлись всего лишь обрывками жаргона, — точно так же мог говорить любой командир, проводящий сложную и тяжелую операцию.

— Прислушайтесь, — сказал Шонберг. — Если это не Карлсен, то кто же это может быть? Во всяком случае, когда я вернулся на Землю после последнего путешествия, я проверил исторические записи, сделанные на его флагмане, и убедился, что последовательность совпадает.

Де ла Торре с усмешкой посмотрел на Шонберга.

— Оскар, а у тебя никто не поинтересовался, откуда ты взял

записи? Тебе ведь не полагалось тогда быть в этом районе космоса, не так ли? Как и нам не полагается сейчас здесь находиться, а?

— Пфе. Никто и внимания не обратил. В Межзвездном Правительстве — точно никто.

Суоми казалось, что Шонберг и де ла Торре знакомы не слишком давно и знают друг друга не очень хорошо. Похоже, они познакомились на деловой почве, и их свели общие интересы, касающиеся охоты, — эти интересы разделяли еще несколько человек. Во всяком случае, несколько человек на Земле — родной планете всех, кто сейчас находился на корабле.

Снова заговорил Карлсен:

«Говорит главнокомандующий. Кольцо три открыто. Абордажные команды, приступайте к делу».

— Сигнал нисколько не ослабел с тех пор, как я его слышал в прошлый раз, — задумчиво произнес Шонберг. — Значит, на расстоянии ближайших пятнадцати световых лет в сторону системы Охотника все чисто.

Не вставая с кресла, Шонберг включил трехмерную голографическую астрографическую карту и сделал пометку световым карандашом. Степень чистоты пространства между их нынешним местоположением и местом назначения была весьма важным фактором, поскольку, хотя межзвездные сверхсветовые переходы и пролегали вне обычного космического пространства, избежать его влияния было невозможно.

«Там возможно резкое повышение гравитации, — донесся из динамиков голос Карлсена. — Будьте внимательнее».

— Честно говоря, мне все это надоело, — сказала Челеста Серветус. В ней причудливо смешалась восточная, негритянская и скандинавская кровь. Челеста была полной женщиной с необычайно гладкой и упругой кожей. Она разрисовывала ее серебряными узорами и носила парик, напоминающий серебряную дымку. Время от времени у Челесты прорезывалось желание надерзить Шонбергу — если бы она была помоложе, ее можно было бы назвать неуправляемым ребенком. На этот раз Шонберг даже не взглянул на Челесту. Он уже к этому привык.

— Возможно, нас могло бы вовсе сейчас здесь не быть, если бы не этот джентльмен, который говорит по радио, — подала голос Барбара Хуртадо. Барбара и Челеста были во многом схожи. Обе прожигательницы жизни, а в экспедиции числились в той же графе, что и пиво с сигаретами: предмет потребления для мужчин. Но в то же время они изрядно и отличались друг от

друга. Барбара, брюнетка с кавказской внешностью, всегда носила наряды из плотной ткани, закрывающие ее тело от колен до плеч, и вообще ничего воздушного и неземного в ней не было. Если бы кто-то посмотрел на ее вялое, сонное, неподвижное лицо, не слыша при этом ее голоса или смеха или не зная, как грациозно Барбара двигается, он мог бы решить, что ничего особенного в смысле сексуальной привлекательности эта женщина из себя не представляет.

На самом же деле живая и подвижная Барбара была так же эффектна, как и Челеста. По умственным способностям они тоже были примерно равны — так казалось Суоми. Замечание Барбары, что межзвездная человеческая цивилизация в ее нынешнем виде обязана своим существованием Карлсену и его победе над берсеркерами, было трюизмом, не подразумевало спора и даже не заслуживало того, чтобы на него отвечать.

Берсеркеры, автоматизированные военные корабли чудовищной мощи и эффективности, были выпущены на просторы Галактики во время войны между расами, прекратившими свое существование задолго до начала истории человечества. Базовая программа, встроенная в берсеркеров, сводилась к тому, чтобы разыскивать и уничтожать жизнь, вне зависимости от того, где и когда они ее отыщут. В темные века их первой атаки на землян берсеркеры едва не сокрушили скромное поселение человечества, затерянное среди звезд. Хотя Карлсен и другие воители сумели отбросить берсеркеров и изгнать их из центральной части занимаемой человечеством территории, те продолжали существовать и поныне, и до сих пор на границах своего крохотного уголка Галактики люди сражались с этими бездушными машинами и гибли в этой борьбе. Впрочем, конкретно здесь их не было. Во всяком случае, в последние пятьсот лет.

— Я признаю, что его голос оказывает на меня определенное воздействие, — сказала Челеста, поудобнее устроилась в кресле, вытянулась и скрестила длинные обнаженные ноги, расписанные серебряной краской.

— Через минуту он сбавит тон, — сказал Шонберг.

— А с чего это вдруг он должен его сбавлять? Я думаю, гениальный человек имеет право разговаривать как ему захочется, — послышалось красивое контральто Афины Паулсон. Несмотря на имя, в лице ее господствовали азиатские черты. На конкурсе красоты она, пожалуй, завоевала бы первое место, в то время как Челеста не поднялась бы выше третьего. Сейчас Афина была одета в однотонный костюм, мало отличающийся от тех, которые она обычно носила в офисе. Афина являлась одной из самых приближенных секретарш Шонберга.

Суоми, желая убедиться, что записал тот момент, когда Карлсен сбавляет тон, проверил небольшой прозрачный кубик, стоявший на плоском подлокотнике его кресла. Он настроил прибор так, чтобы тот отсекал разговоры, идущие в кают-компании, и записывал только слова, звучащие из динамиков. Суоми также напомнил себе, что нужно будет сразу же по возвращении в каюту наклеить на кубик этикетку; обычно он об этом забывал.

* * *

— Как же они должны ненавидеть его... — протянула Барбара Хуртадо. Сейчас ее голос звучал приглушенно и как будто издалека.

Афина подняла взгляд на соседку.

— Кто? Люди, с которыми он так грубо разговаривал?

— Нет, те чудовищные машины, против которых он сражался. Оскар, вы изучали эти события. Расскажите нам что-нибудь.

Шонберг пожал плечами. Похоже было, что он не имеет особого желания говорить на эту тему, хотя она явно его интересовала.

— Я бы сказал, что Карлсен был настоящим человеком и что я с удовольствием познакомился бы с ним. Возможно, Суоми изучал этот период более тщательно, чем я.

— Расскажите нам, Карлос, — попросила Афина. Она сидела через одно кресло от него. Сферой профессиональной деятельности Суоми была психология экологического дизайна. Несколько месяцев назад его пригласили, чтобы обсудить с «Товариществом Шонберга» затруднения, возникшие в вопросе о новом офисе, и там он встретил Афину... так и получилось, что он оказался здесь, ввязавшись в охотничью экспедицию, в настоящую крупную игру.

— Да, вот вам возможность проявить себя, — вставил замечание де ла Торре. Отношения между ним и Суоми не всегда складывались гладко, хотя трения еще не зашли настолько далеко, чтобы вылиться в открытую вражду.

— Ну, — задумчиво произнес Суоми, — знаете ли, по-своему эти машины действительно его ненавидели.

— О нет! — уверенно воскликнула Афина, тряхнув головой. — Не машины.

Иногда Суоми определенно хотелось стукнуть ее.

Он взял себя в руки и продолжил:

– Предполагается, что у Карлсена была интуиция в выборе стратегии, которую берсеркеры не могли скопировать, не смогли успешно ему противостоять. Говорят, возможность уничтожить Карлсена они оценивали куда выше, чем уничтожение целой планеты.

— Берсеркеры сделали специальную машину-убийцу, — неожиданно изрек Шонберг. — Только для того, чтобы уничтожить Карлсена.

— Вы в этом уверены? — заинтересованно спросил Суоми. — Я встречал кое-где подобные намеки, но никаких определенных высказываний по данному вопросу мне не попадалось.

— О да, — слегка усмехнулся Шонберг. — Если вы попытаетесь изучить этот вопрос, вы не сможете просто обратиться в Инфоцентр Земли и попросить распечатку; вам придется здорово побегать и покопаться ради получения информации.

— Но почему?

Инфоцентр, как правило, мог быстро воспроизвести любые материалы, на которые имелась ссылка и которые были доступны.

— Потому что в его банке данных о берсеркерах все еще существует старый правительственный гриф секретности.

Суоми покачал головой.

— Но почему, господи боже мой?

— Полагаю, из-за обычной инертности, присущей чиновникам. Никому неохота тратить время, копаясь в этих материалах. Если же тебя интересует, зачем вообще был задействован гриф «секретно»... ну, потому, что в то время существовало определенное число людей, обожествлявших эту дрянь — я имею в виду берсеркеров.

— Что-то с трудом верится... — возразила Челеста. Она попыталась добавить что-то еще, но ее перебил гневный вопль Карлсена, костерившего своих людей за какие-то технические неполадки.

— Это все, — сказал Шонберг и потянулся к ручкам настройки радиоприемника. Несущийся из динамиков треск статических помех утих. — Дальше будет несколько часов радиомолчания.

Теперь взгляд Шонберга рыскал по астрогационной карте.

— Существовала тогда довольно дурацкая бюрократическая политика ограничения доступа к информации о берсеркерах...

Ладно, все это очень мило, леди и джентльмены, но каковы будут наши дальнейшие действия?

Не стараясь, впрочем, даже сделать вид, что он ждет некоего единого мнения, Шонберг принялся вводить в компьютер астрогационные данные, дабы направить корабль в сторону системы Охотника. На дорогу «Ориону» потребуется семнадцать-восемнадцать стандартных дней. Точнее рассчитать время в межзвездных путешествиях невозможно. В чем-то это было подобно управлению парусным судном в море, полном разнообразных течений, зависящих от ветров, ненадежных и меняющихся каждый день, хотя и следующих более-менее постоянным правилам. Всякие звезды, пульсары, спинары и квазары, расположенные как непосредственно в Галактике, так и за ее пределами, оказывали свое влияние на состояние пространства, через которое двигался космический корабль. Черные дыры своими чудовищными перепадами гравитации также раздергивали ткань Вселенной. Вспышки сверхновых — неважно, на каком расстоянии это происходило, — порождали взрывные волны, бьющиеся о корпус корабля. Межзвездный корабль, чтобы двигаться быстрее скорости света, должен был иметь дополнительные мощности, необходимые для подобного движения. Такой ускоритель могло обеспечить только использование гравитационно-инерционных ресурсов Вселенной, точно так же, как древние парусные корабли могли двигаться только при ветре.

Хотя искусственная гравитация создавала в кают-компании островок спокойствия, изменения в освещении голографической карты свидетельствовали, что «Орион» двинулся в путь. Шонберг встал и с чувством потянулся — в этот момент он казался даже крупнее, чем был на самом деле.

— Вперед, к системе Охотника! — провозгласил он. — Кто хочет выпить со мной за компанию? За успех нашей охоты и за то, чтобы мы получали удовольствие от любых приключений, в которые ввяжемся.

Все решили, что за такое стоит выпить. Но Афина сделала лишь глоток, после чего отставила свой бокал.

— Как ты думаешь, Оскар, стоит ли нам заново начинать наш шахматный турнир?

— Полагаю, нет. — Шонберг стоял, заложив одну руку за спину, под короткую полу куртки, и, почти откровенно красуясь, потягивал спиртное. — Я пошел вниз. Пора проверить оружие и попрактиковаться в стрельбе. Мы же, в конце концов, охотимся

не на фазана... и вполне возможно, что после приземления у нас будет более чем достаточно турниров.

Взгляд умных глаз Шонберга, озаренных весельем от какой-то лишь ему понятной шутки, обежал присутствующих и чуть дольше, чем на остальных — буквально на какую-то долю секунды, — задержался на Суоми. Потом он повернулся и, слегка покачнувшись, вышел из кают-компании.

Команда разошлась. Занеся записывающее устройство к себе в каюту, Суоми собрался еще раз посмотреть, на что похожа огневая завеса, и столкнулся в коридоре с де ла Торре.

— Слушай, а что это значит, что у нас после приземления будет более чем достаточно турниров? — поинтересовался Суоми.

— А Шонберг ничего тебе не говорил насчет турнира, который он хочет посмотреть?

— Нет. А что за турнир?

Де ла Торре таинственно улыбнулся, словно либо не хотел, либо не имел права отвечать прямо.

Глава 2

Когда все, кто должен был прийти, наконец-то собрались вместе тем теплым утром сезона восходящего на востоке солнца в лагере на берегу безмятежной реки, протекающей у лесистых отрогов горы Богов, выяснилось, что их шестьдесят четыре воина. Из этих шестидесяти четырех не более четырех-пяти видели друг друга раньше, до того, как все они сошлись сюда из своих районов, городов, поместий, кочевых племен или с островов — короче говоря, со всех уголков обитаемого мира. Одни воины явились с берегов безграничного восточного океана. Другие прибыли с самой северной границы постоянно заселенной территории, где с приходом весны, длившейся уже одну шестидесятую часть жизни человека, потеплело настолько, что на волю выбирались ледяные твари и инеистые черви. С севера пришли лучшие охотники этого мира, просто созданного для охоты. Были воины, добравшиеся из непроходимой каменистой пустыни, что лежит на западе человеческих земель, и воины, пришедшие с юга, из края болот и рек, которые в конце концов впадали в океан, и путешествовать в том направлении было уже невозможно.

Среди воителей, собравшихся к этому дню на открытие турнира Торуна, были высокие и низкорослые мужчины, поджарые и грузные на вид, несколько из них были очень молодыми, а стариков не было вовсе. Все они являлись людьми выдающейся силы — выдающейся даже для этого мира насилия, но во время сбора они мирно жили в одном лагере. Каждый из новоприбывших безо всяких споров принимал тот участок земли, который ему выделял Лерос или кто-нибудь из младших жрецов Торуна, каким бы маленьким этот участок ни был. В центре лагеря стояло изваяние бога, водруженное на полевой алтарь, небольшой деревянный постамент. У Торуна была темная борода, он был увенчан золотой диадемой, и рука его лежала на рукояти меча. Ни один воин не получал места в лагере, не поднеся сперва подарка богу. Некоторые из подношений были весьма богатыми — среди тех, кто пришел сражаться на турнире, были и очень обеспеченные люди.

Но каким бы богатым или могущественным ни был пришедший, он приходил сюда один. Его не сопровождали ни слуги, ни сторонники. И вещей с собой воины почти не приносили, кроме любимого оружия и теплого плаща для защиты от непогоды. Здесь должен был произойти священный турнир, проводимый жрецами Торуна. Святость турнира была столь велика, что посторонние зрители на него не допускались — хотя вряд ли на всей планете нашелся бы хоть один свободный человек, не мечтающий посмотреть на это зрелище. Да и в посторонних слугах здесь нужды не было. Жрецам и воинам с избытком хватало местных рабов, одетых в серое. Их серые одежды указывали, что эти рабы являются собственностью горы Богов, Торуна и его служителей. Женщинам же вообще не дозволялось появляться в лагере.

Этим утром, когда прибыл последний воин, несколько рабов приводили в порядок арену для боев — ровную огороженную площадку примерно десять шагов в диаметре. Другие рабы тем временем готовили дневную трапезу и откладывали фрукты и мясо для жертвы Торуну — для тех, кто желал возложить эти подношения на его алтарь. Дым от костров, на которых готовилась пища, поднимался в небо. В довольно чистом небе было нечто от синевы земного небосвода, но оно отливало желтизной, горечью и медью.

За столбами дыма виднелась вершина горы. Почти все, кто пришел сюда сражаться, видел ее впервые. Но с самого детства образ этой горы жил в сердцах и умах воинов. На вершинах горы

Богов — за белыми стенами священного города — обитали жрецы Торуна, а с ними их бог и его мощь. Женщины, животные и прочие прозаические вещи, необходимые для жизни, здесь тоже были; время от времени сюда забирали рабов, когда требовалось прислуживать обитателям города, но почти никто из рабов не возвращался обратно. Все рабы, трудившиеся этим утром на прибрежном лугу, были специально для этого турнира взяты с земель, подчиненных жрецам и выплачивающих им дань. Армия горы Богов, не считая отдельных отрядов, никогда не подходила к собственной столице ближе подножия горы. А для обычных людей вершина и цитадель и вовсе были недоступны.

Здесь обитал сам Торун и полубог Мьеллнир, его самый преданный паладин. Время от времени сюда заглядывали и другие божества: боги целительства, правосудия, земли, погоды и плодородия и многочисленные полубоги, отвечающие за всякие второстепенные вопросы. Но прежде всего это была гора Торуна, религия Торуна, мир Торуна — не считая людей, вытесненных на край мира и не любивших Торуна или власть, которую от его имени прибрали к рукам жрецы горы Богов. Охотник был планетой охотников и воинов, а Торун был богом войны и охоты.

Верховный жрец Андреас поручил организацию и проведение турнира жрецу по имени Лерос, мужчине средних лет, видевшему уже три северных весны и со времен бурной молодости отмеченному множеством шрамов. Лерос занимал высокое положение среди жрецов Торуна, хоть и не входил в самый тайный Внутренний Круг. В молодости Лерос заработал репутацию легендарного воина, и многие из нынешних юных воителей взирали на него с благоговением. Лерос самолично спустился на берег реки, дабы приветствовать последнего прибывшего воина, некоего Чепмута из Риллиджекса. Он подал руку Чепмуту, помогая тому выйти из каноэ, сердечно пригласил его принять участие в священном турнире Торуна, а потом сделал последнюю пометку на листе, где были записаны имена всех воинов, ожидавшихся здесь.

После этого торжественный барабанный бой подал всем сигнал к сбору. Лерос в безукоризненно белом одеянии стоял посередине расчищенной арены и ждал, пока все соберутся. Воцарилось молчание, и общее внимание было безраздельно отдано жрецу. В некоторых частях круга воины стояли слишком плотно, но не было ни толкотни, ни незаметной борьбы за лучшее место — все вели себя с величайшей учтивостью.

— Возрадуйтесь же, о избранники богов! — воскликнул наконец Лерос своим все еще сильным голосом. Он обвел взглядом всех собравшихся вокруг воинов. Лерос и поныне был выше и сильнее большинства из них, но, увы, уже уступал им в быстроте и уверенности. Прошло уже много времени — примерно около одной шестидесятой части жизни старого человека — с тех пор, как с горы Богов сошло официальное объявление об этом турнире и разнеслось по миру. И гораздо дольше, со времен последней северной весны, все знали, что этот турнир приближается. Тогдашние тощие мальчишки теперь превратились в мужчин в самом расцвете сил; а значение горы Богов и всех ее начинаний с тех пор несказанно возросло.

Многие из пришедших были полураздеты по случаю хорошей погоды; их мускулистые тела были волосаты и покрыты шрамами. У некоторых воинов одежда была сшита из очень грубой ткани, у других — из мягкой и дорогой. Некоторые носили отдельные части доспехов, у других были щиты из особым образом выделанной кожи ленивца или из яркого железа. Полного доспеха на Охотнике не знали — здешние жители сражались исключительно пешими, но не верхом. Среди пришедших сюда воинов были как сыновья вождей, так и сыновья крестьян, и даже те, кто никогда не знал своего отца. Их отбирали по одному-единственному признаку — по бойцовским качествам, по умению управляться с мечом, копьем и боевым топором. Лерос видел сейчас вокруг себя глаза голубые и темные, глаза серьезные, глаза безумные и даже пару-другую глаз, на вид невинных, словно у ребенка. Колонистов с Земли, пришедших сюда шестьсот стандартных лет назад, отбирали в мире, где уже преизрядно перемешались все расы и культуры. Вокруг Лероса можно было увидеть коричневые, белые, черные лица, обрамленные черными, каштановыми, русыми или рыжими волосами. У одного человека волосы были седые, а двое побрились наголо. У некоторых лица были покрыты густой татуировкой или полосами, протянувшимися от уха до уха. Другие, улыбаясь, показывали подпиленные зубы. Но большинство все же составляли люди, которые выглядели бы как обычные пастухи, если бы не висящее на поясе оружие. Помимо того что все они были мужчинами, принадлежащими к человеческой расе, общей у собравшихся здесь была лишь одна черта: необычайная искусность в умерщвлении себе подобных в единоборстве.

— Возрадуйтесь же, о избранные! — снова провозгласил Ле-

рос, на этот раз уже потише. — Сегодня, прежде чем закатится солнце, половина из вас окажется в великих чертогах... — жрец указал в сторону пиков горы Богов, скрытых сейчас за деревьями, покрывающими склоны отрогов, — и встанет лицом к лицу с самим Торуном.

Лерос готов был повторять, а собравшиеся — еще и еще раз выслушивать обещания, которые принесли сам Лерос и его помощники, больше стандартного года назад спустившись с горы Богов.

Торун, военный вождь богов (так гласило послание), был доволен духом, выказанным человеческой расой в ходе последних войн, благодаря которым власть горы Богов распространилась почти на весь обитаемый мир. Бог даровал человечеству привилегию сражаться за право восседать по правую руку от него. В состязание должны были вступить шестьдесят четыре величайших героя этой эпохи. Дабы это случилось, населенный мир был произвольным образом разделен на шестьдесят четыре района, и правителям этих районов предложили отправить на намечающееся состязание сильнейшего из своих воинов — процесс отбора был в основном оставлен на усмотрение самих правителей. Предполагалось, что все соискатели, кроме одного, погибнут в ходе турнира Торуна, а этот один, победитель, будет возведен в звание полубога и воссядет по правую руку от Торуна. (И, разумеется, наверняка где-нибудь нашелся непочтительный умник, который спросил у жреца, принесшего послание: «А как же насчет Мьеллнира? Что же, он теперь лишится своего положения?» — «Нисколько. Несомненно, Мьеллнир с победителем турнира Торуна будут делить честь восседать рядом с богом. И, несомненно, они будут сражаться столько раз на дню, сколько им захочется».)

Насколько было известно, те, кто попадает в чертоги Торуна на вершине горы Богов, в основном занимаются тем, что сражаются. В этих чертогах восседает сам великий бог и приближенные к богам люди, погибшие герои войн и сражений минувшего. Каждый день они снова и снова убивают друг друга, упиваясь радостью битвы, и каждый вечер их раны чудесным образом исцеляются. Эти герои наслаждаются прекрасной едой и питьем за столом у Торуна и слушают в обществе богов бессмертные красноречивые повествования. Их окружают вечно девственные прислужницы, заботящиеся об удовольствиях героев. (Жрец, принесший послание, мог позволить себе расслабиться: этого простому воину уже не оспорить. Даже если он и не настолько

прост, не ему победить говорливого жреца на привычном тому поле словесной битвы.)

Строго говоря, этим ясным утром Лерос лишь еще раз провозглашал то, что его слушатели и так уже знали:

— Те, кто падет в первом круге состязаний, первыми сядут пировать с Торуном — но они вечно будут занимать невысокое место за его столом. Следующим шестнадцати погибшим, которые пройдут во второй тур, будет даровано более почетное место. Восемь воинов, кому суждено будет сражаться в третьем круге и кто погибнет, сядут еще выше, и каждого из них будут вечно окружать четыре прекрасные девушки, с которыми не сравнится красотой ни одна девица этого мира, — две белые, словно слоновая кость, и две черные, словно эбеновое дерево, — и эти девы будут выполнять каждое желание своего повелителя еще до того, как оно будет высказано.

После четырех туров состязаний в живых останутся лишь четыре воина, лучшие из лучших. Те четверо, которые погибнут в четвертом туре, получат в подарок щиты и оружие, сверкающие серебром, что будут крепче и острее лучшей стали, и такие же сверкающие кубки, и к услугам каждого постоянно будут восемь девственниц еще большей красоты. Эти четыре воина будут сидеть почти рядом с Торуном.

В пятом туре поединков должны будут погибнуть еще два воителя. Они будут восседать в высоких дубовых креслах, украшенных золотом, на еще более почетных местах. Они получат в подарок золотые чаши для вина и золотые же щиты и оружие, и каждому будут прислуживать шестнадцать дев неописуемой красоты, и все будет принадлежать им в более полной мере, чем тем, кто будет сидеть ниже. В этот день лишь двое из вас останутся в живых и не вступят в чертог, где пируют боги.

Единственный поединок шестого тура состязаний станет последним и величайшим изо всех. Тот, кто проиграет его, будет почтен превыше всех тех, о ком я уже говорил. А когда все это произойдет и турнир завершится, останется один-единственный победитель. Лишь этому человеку будет дано живым, во плоти, войти в священное жилище бога Торуна и навечно занять место по правую руку бога; и победитель будет настолько выше остальных шестидесяти трех воинов, насколько они сами выше расы слабых смертных людей, ползающих внизу, — со вздохом закончил свою речь Лерос. Жрец верил в эти обещания, и каждый раз, когда он думал о них, эти мысли наполняли его завистью и благоговением.

Через некоторое время один из воинов, чернокожий здоровяк, слегка подался вперед с ожиданием во взоре, словно хотел что-то сказать. Лерос, внимательно наблюдавший за собравшимися, заметил это движение.

— Господин Лерос, скажите мне... — начал воин.

— Не называйте больше меня господином. С этого дня ваш статус выше моего.

— Ладно. Тогда пусть будет друг Лерос. Скажи мне вот что: а человек, который выиграет турнир, будет обладать всей той силой и всеми теми правами, что и боги? Ну, в смысле — не только воинской силой, но, например, тем же искусством исцеления?

Лерос на несколько мгновений задумался, прежде чем ответить на этот вопрос. Он не относился к разряду тех, которые жрец привык слышать, — например, не грозит ли чертогам Торуна переполнение из-за всех этих войн, или какой вид жертвенного мяса сегодня более угоден богу. Наконец Лерос заговорил:

— Кроткая богиня целительства наверняка прислушается к любой просьбе, которую выскажет этот человек. — Жрец позволил себе слегка вздохнуть. — Боги прислушиваются друг к другу куда больше, чем к обычным людям. Но и тогда они предпочитают делать то, что больше нравится им самим, не считая, конечно, тех случаев, когда они связаны обещанием, как Торун в отношении этого турнира.

Воин спокойно кивнул.

— Это все, на что мы можем надеяться, — сказал он и вернулся на прежнее место в круге.

Более никто не нарушил тишины. Где-то на заднем дворе какой-то раб рубил дрова для первого погребального костра.

— Тогда идите, — промолвил Лерос, — и займитесь последними приготовлениями, которые хотели бы сделать. Вскоре начнется первая схватка.

Как только воины разошлись, один из младших жрецов отозвал Лероса в сторону. Когда они отошли достаточно далеко, чтобы оказаться хотя бы в относительном уединении, жрец развернул небольшой свиток и показал его Леросу.

— Господин Лерос, вот это висело на дереве неподалеку отсюда. Пока что нам не удалось выяснить, кто это повесил.

Похоже, надпись на свитке была сделана самым обычным угольным карандашом из пережженной древесины кеттвуда. Сообщение гласило:

«Боги и люди, делайте ваши ставки! Кто из шестидесяти четырех воинов докажет, что он достоин слыть сильнейшим? Победитель будет лишь один, сомнений нет. Не позавидует ли он тогда тем, кого убил, не проклянет ли гору Богов и лживых жрецов? Пока ваши денежки не ушли, сделайте еще одну ставку, ответьте: достойны ли правители этой горы править нашим миром?

Братство».

Увидев подпись, Лерос поджал губы и кивнул.

— Ты сообщил об этом наверх?

— Конечно, господин.

— Тогда это все, что мы можем сделать в данный момент. Мы должны быть уверены, что армия усилит патрулирование этого района. Но, конечно же, послание вполне мог повесить какой-нибудь человек, вроде бы имеющий право находиться в районе проведения турнира. Возможно, кто-то из рабов или даже из участников состязаний — не тот, за кого себя выдает.

— Мы, конечно, должны быть настороже и не позволить никому сорвать турнир. Если турнир будет дискредитирован, это станет значительной победой Братства.

Братство было аморфным союзом недовольных, в который, вероятно, входила большая часть врагов горы Богов, хоть эти враги и были сейчас рассеяны и относительно бессильны за краем населенного мира. Возможно, за ним таилась энергичная и опасная тайная организация; более разумным представлялось считать, что так оно и есть, и постоянно предупреждать солдат и мирное население об опасности.

Младший жрец высказал согласие с мнением Лероса и удалился. Лерос на некоторое время задумался. Мог ли агент, вывесивший послание, оказаться жрецом-изменником? Леросу это казалось маловероятным. Но все же он не мог полностью исключить такую возможность.

А тем временем приблизился момент, когда следовало начать турнир. Сверху не поступило никаких знаков, что верховный жрец Андреас или кто-либо из Внутреннего Круга спустится вниз, дабы посмотреть на турнир. В дальнем конце дороги, вившейся по лесистому склону, появился обоз; когда он подъехал поближе, Лерос увидел, что рядом с животными не было офицеров. Это был всего лишь обычный караван, доставляющий продукты, и сейчас он порожняком спускался с вершины.

В таком случае — ну и бог с ними. Повернувшись к ожидаю-

щему герольду, Лерос подал тому знак дуть в боевой рожок. По этому знаку участники состязаний последний раз должны были собраться вместе в мире живых. Когда воины собрались, Лерос вынул из кармана красивого белого одеяния свиток из тонкого пергамента, на котором жрец-писец изящным каллиграфическим почерком вывел имена участников. Они были записаны в алфавитном порядке — традиция, освященная временем и воинскими обычаями:

«Артур из Чесспы
Бен Таррас Боевой Топор
Большая Левая Рука
Брам Безбородый из Консиглора
Бранн из Бурже
Бирам из Долгих Мостов
Чепмут из Риллиджекса
Чарльз Честный
Чан Хи Пинг Сильный
Кол Ренба
Давид Волк из деревни Монга
Ефим Самдевятов
Фарлей из Эйкоска
Фармер Минамото
Джено Хаммерхенд
Джефф Симболор из Симболорвилля
Джиб Кузнец
Джайлз Вероломный из Болота Эндросс
Глэдвин Вануччи
Гюнтер Камурата
Хэл Копперсмит
Хэрк Стамблер из Бирчтауна
Гомер Гарамонд из Бегущей Воды
Ян Оффелли Лесоруб
Джон Споукмейкер из Тройной Развилки
Джад Исаксон из Ардстой-Хилл
Канрет Джон из Джонсплейс
Корль Ноголом
Ле-Но из Горной Страны
Лоссон Гриш
М'Гамба Мим
Муни Подаркес
Местлес из Ветреной Долины
Муул из Рексбана

Никос Дарси из Долгой Равнины
Октанс Бакк из Пачуки
Омир Келсумба
Мануэль Одноглазый
Отис Китамура
Пол Сетов из Белодорожья
Перн-Пол Хосимба
Пернсол Малдривер из Веффовой Долины
Фил Кенчриас
Полидор Хитроумный
Прокл Нан Линг
Рафаэль Сандоваль
Рахим Сосиас
Рико Киттикэтчорн из Тигриного Логова
Рудольф Тэдбари
Руэн Редальдо
Сенсаи Хагендерф
Шанг Ти Ужасный
Синьюджи с Вечнозеленого Косогора
Тай Корбиш Кандри
Томас Хватала
Турлоу Вулти с Высокой Скалы
Траверс Сандакан с Дороги Воров
Урумчи
Ванн Кочевник
Венеребл Минг Мясник
Владерлин Бэйн из Санфа-Тауна
Вэт Франко из Глубокого Леса
Вулл Нарваэц
Зелл из Строгого Ветра».

Дочитав список, Лерос посмотрел на высоко стоящее солнце.

— Сегодня хватит времени для множества боев. Пусть турнир начнется.

Лерос передал свиток младшему жрецу. Тот громко зачитал:

— Артур из Чесспы и Бен Таррас Боевой Топор!

Оба воина тут же шагнули на ринг, сделали священные жесты, взывающие к милости Торуна, и взялись за дело. Бен Таррас сделал не больше десятка вздохов, когда топор выпал у него из рук и с негромким стуком вонзился в мягкую землю, и в то же самое мгновение меч Артура глубоко погрузился в плоть Бена Тарраса. Ровная, очищенная от дерна земля выпила

кровь Бена Тарраса так, словно давно уже была истомлена жаждой. Двое рабов в потрепанных серых туниках вытащили тело с арены и поволокли туда, где другие рабы готовили погребальный костер. Поленница сухих дров уже была вдвое выше человеческого роста, но и этого еще было недостаточно. Сегодня тридцать два человека должны будут присоединиться к богам и начать свой вечный пир в чертогах Торуна.

— Большая Левая Рука и Брам Безбородый из Консиглора!

Этот поединок длился ненамного дольше; обе руки Большой Левой Руки (на вид казалось, что они одинакового размера) еще оставались неподвижными, когда меч Брама вспорол живот противника. Снова появились рабы, чтобы унести тело прочь, но когда они подхватили Большую Левую Руку, тот пошевелился и слабо попытался пнуть ближайшего. Его широко открытые глаза все еще теплились жизнью, хотя было совершенно ясно, что рана Большой Левой Руки смертельна. Один из рабов, медленно двигавшийся из-за хромоты, вытащил из-за пояса недлинную, но массивную свинцовую колотушку и коротким рассчитанным ударом проломил голову умирающего. Лерос второй раз произнес ритуальные слова, которые должны были помочь душе проигравшего побыстрее добраться к Торуну, и кивнул помощнику, державшему свиток.

— Бранн из Бурже и Бирам из Долгих Мостов!

И так продолжалось до вечера, с небольшими промежутками между схватками. Некоторые из поединков затягивались надолго, а один из победителей потерял так много крови, что сам едва стоял на ногах, но все же сумел оборвать дыхание проигравшего. Каждый раз после окончания боя рабы быстро перевязывали раны победителя — если таковые были, — и вели его пить, есть и отдыхать. Похоже было, что тем, кто так ослабел в первом туре состязаний, нелегко будет на следующий день выйти на ринг.

Багровое солнце еще не коснулось горизонта, когда уже завершилась последняя схватка. Прежде чем удалиться, Лерос отдал приказ, чтобы лагерь перенесли рано утром. Первоначально он хотел дождаться полудня, прежде чем начать неспешный подъем в горы, но дым погребального костра сделал окружающий воздух слишком тяжелым и никак не хотел развеиваться, а от реки к лагерю уже начали подбираться амфибии-паразиты — их привлекала впитавшаяся в землю кровь героев.

Глава 3

«Орион» вошел в систему, быстро сбросил скорость до орбитальной и приготовился ко входу в атмосферу. Шонберг сидел в командирском кресле в небольшой рубке управления и наблюдал за автопилотом и создаваемой компьютером голограммой проплывающей внизу планеты. Голографический образ создавался при помощи множества чувствительных приборов, встроенных во внешний корпус корабля.

Несколькими днями раньше Суоми получил из корабельного справочника — стандартного банка данных, содержащего информацию о навигации, торговле и выживании в критических ситуациях, — распечатку сведений об Охотнике. Год на Охотнике был в пятнадцать раз длиннее стандартного земного года; следовательно, Охотник находился гораздо дальше от своей звезды, чем Земля от Солнца, но звезда Охотника была сине-белым субгигантом, так что общее количество солнечного света, получаемого обеими планетами, было примерно равным. Планета Охотник имела примерно такой же радиус, массу и силу тяжести, что и Земля, и такой же состав атмосферы. Охотника наверняка колонизировали бы от полюса до полюса, если бы не его чрезмерный наклон оси — больше восьмидесяти градусов к плоскости его вращения вокруг местной звезды, и это при том, что он был удален от этой самой звезды почти на такое же расстояние, как Уран от Солнца.

Сейчас в северном полушарии Охотника была весна, длившаяся вот уже стандартный земной год. Значит, в этом районе закончилась ночь, продолжавшаяся тоже около земного года. В районе же северного полюса ночь тянулась вот уже пять стандартных лет и должна была длиться еще семь. Ледяная хватка холодов была там воистину крепка, но вскоре она должна была ослабеть. Приближались семь стандартных лет непрерывного солнечного света.

Согласно сведениям, содержащимся в справочнике, — вероятно, они все еще соответствовали действительности, хоть и были записаны больше стандартного века назад, — на Охотнике люди никогда не создавали постоянных поселений далее пятнадцати градусов широты в каждую сторону от экватора. Для этого потребовались бы колонии, накрытые куполом, а Охотник никогда не испытывал такого перенаселения, чтобы подобное мероприятие себя оправдало. На самом деле, когда появились бер-

серкеры, даже экваториальная зона главного континента еще не была полностью освоена. А нападение машин-убийц из космоса разрушило развивающуюся технологическую цивилизацию колонистов на Охотнике; единственное, что вообще позволило хоть кому-то из колонистов, да и всей биосфере планеты, кстати, выжить, — это своевременное появление флота Карлсена. Местные формы жизни — хотя среди них и не было разумных — ухитрились выжить на всех широтах. Они выживали во время долгих зим, впадая в разнообразные виды спячки, а жаркое и засушливое лето пережидали путем сложных форм размножения (вроде откладывания яиц в песок).

За пределами тропической зоны весна представляла собою единственную возможность прокормиться, вырасти и размножиться. Поскольку южное полушарие было по большей части покрыто водой, охотиться на наземных животных имело смысл только в течение северной весны. В северном полушарии весной, как только стаивал лед, из пещер, гнезд и замерзших нор принимались лезть всяческие твари. Среди них были и хищники — более ужасные, голодные и свирепые, чем любое животное, когда-либо обитавшее на старушке-Земле. И сейчас на Охотнике, как и обычно раз в пятнадцать стандартных лет, был в разгаре охотничий сезон, которому планета и была обязана своим названием.

— Полагаю, его правильнее бы было назвать браконьерским сезоном, — сказал Карлос Суоми, обращаясь к Афине Паулсон. Они вдвоем стояли в тире: месяц назад Шонберг оборудовал его в большой каюте, расположенной рядом с кают-компанией «Ориона». Суоми и Афина рассматривали большую оружейную пирамиду, заполненную энергетическими ружьями: Шонберг приказал, чтобы каждый член экипажа выбрал себе оружие и как следует научился с ним обращаться до того, как возникнет серьезная необходимость в стрельбе. Шонберг и де ла Торре проводили в тире изрядное количество времени. Челеста и Барбара здесь почти не появлялись.

Суоми и Афина занимали промежуточное положение. Как только Афина приходила попрактиковаться в стрельбе, тут же возникал и Суоми. Сейчас как раз была середина занятия. В десяти футах от оружейной стойки — половине диаметра сферического корабля — парила нарисованная компьютером голограмма. Голограмма изображала несколько местных хищников, застывших посреди того, что, по-видимому, было их естественной

средой обитания. Вокруг, на расстоянии примерно нескольких квадратных километров на поверхности ледника, протянувшегося до горизонта, было рассеяно еще какое-то число схематически нарисованных животных.

— Ну что ж, — низким грудным голосом произнесла Афина. — Говоря техническим языком, наше путешествие лежит за пределами межзвездного законодательства. Но очевидно, что ни земные власти, ни Межзвездное Правительство это не заботит. Оскар слишком умен, чтобы ввязываться в сколь-либо серьезные неприятности из-за подобных причин. Расслабься и наслаждайся путешествием, Карл, все равно ты уже здесь. Почему ты вообще отправился с нами, если тебе не нравится эта идея?

— Ты знаешь, почему я здесь. — Суоми наполовину вытащил ружье из пирамиды, потом загнал его обратно. На конце дула было тускло-серое грушевидное утолщение, испещренное крошечными отверстиями. Ружье стреляло чистой энергией, сконцентрированной в одной точке. Суоми перепробовал все ружья в стойке, и все они казались ему примерно одинаковыми, несмотря на различия в длине, форме и весе. Сейчас все ружья были заряжены специальными тренировочными обоймами. При нажатии на спусковой крючок ружье выбрасывало лишь тоненькую струйку энергии, бившую на расстояние, на которое обычно устанавливаются мишени. Они ничем принципиально не отличались от ружей, какие выдают в тире на Земле или других урбанизированных планетах; только в тире из ружей обычно стреляют в игрушечных берсеркеров — черных металлических угловатых уродцев, которые угрожающе размахивают руками или стреляют из игрушечных лазеров.

— Мне больше нравится стрелять в тире, — сказал Суоми. — Почему бы людям не успокоиться на этом, вместо того чтобы гоняться за живыми существами?

— Потому что мишени ненастоящие, — отрезала Афина. — И стрельба по ним тоже ненастоящая.

Она выбрала себе ружье, повернулась спиной к Суоми и прицелилась. Встроенный где-то сканер истолковал ее позу как готовность к стрельбе, и голограмма ожила, наполнившись движением. Существо с несколькими пастями, поросшее густым мехом, крадучись приблизилось к ним на расстояние семидесяти метров. Афина выстрелила. Щелкнул затвор — но само ружье осталось совершенно неподвижным, — и животное упало изящным, почти стилизованным движением. Теперь там, где должна была находиться середина его позвоночника, появилось крас-

ное пятно — указание, куда нужно стрелять, чтобы наверняка убить такую тварь.

— Афина, я присоединился к этому путешествию из-за того, что в него отправилась ты. Я хотел проводить как можно больше времени рядом с тобой, хотел, чтобы между нами установились хорошие отношения. Потому я и принял твое приглашение. Кроме того, это был удобный случай попутешествовать на частной космической яхте — не исключено, что мне больше никогда не представилась бы такая возможность. Если я должен охотиться, чтобы доставить удовольствие твоему господину и повелителю, — что ж, почему бы и нет? Или, по крайней мере, почему бы мне не проделать все действия, требуемые от охотника?

— Карлос, ты уже не раз пытался принизить Оскара в моих глазах. Пора бы тебе понять, что это не сработает. Пожалуй, я возьму вот это. — Афина повертела ружье в руках, внимательно его разглядывая.

— Интересно, что живущие на Охотнике люди думают об экспедициях наподобие нашей?

— Насколько я понимаю, эти экспедиции не причиняют им ни малейшего вреда. По-моему, им плевать на наше появление — даже если они поймут, кто мы такие. А скорее всего не поймут. Мы же будем охотиться не на населенных землях, а исключительно на севере.

Слова Афины звучали так уверенно, словно девушка точно знала, о чем говорит, хотя скорее всего она прочла точно такую же распечатку сведений из корабельного справочника, которую изучил Суоми, и не более того. Никто из них, кроме Шонберга, не бывал здесь прежде, а если подумать, то и Шонберг крайне мало рассказывал о своем предыдущем путешествии. Он всего лишь в нескольких словах заверил своих спутников, что их ожидает чудесный, увлекательный спорт, и кратко предупредил, что возможны некоторые опасности, — вот, собственно, и все. Возможно, Шонберг уже неоднократно бывал на Охотнике. Ему могло быть лет триста, если не больше; во времена, когда и пятисотлетний возраст не был чем-то неслыханным, догадаться о том, сколько лет человеку, было не так-то просто. До тех пор, пока центральная нервная система была в состоянии функционировать, все прочие внутренние органы можно было при необходимости поддерживать либо заменять.

Из интеркома раздался голос Шонберга:

— Эй, народ, мы скоро войдем в атмосферу планеты. Через двадцать минут искусственная гравитация будет выключена.

Так что для большей безопасности отправляйтесь в кают-компанию или по своим каютам.

— Сообщение слышали. Мы находимся в тире, — отозвался Суоми. — Сейчас придем.

Они с Афиной закрепили ружья в стойке и убедились, что никакие предметы не захотят полетать, если по каким-либо причинам совершаемые в невесомости маневры окажутся слишком резкими.

Несколько минут спустя Суоми уже сидел в кают-компании и по экранам размером во всю стену наблюдал за снижением корабля. Когда он в последний раз видел эту планету, она выглядела всего лишь одной из звезд, а сейчас казалось, что она нависает над кораблем. После того как Шонберг развернул корабль, планета переместилась вниз, развернула сеть облаков, чтобы поймать «Орион», и превратилась в мир, раскинувшийся от горизонта до горизонта. Сине-белое солнце приобрело желтоватый оттенок, когда гости взглянули на него через атмосферу планеты.

Внизу расстилалась дикая гористая местность. Подобно большинству планет, с высоты Охотник казался необитаемым. Но здесь это впечатление сохранилось, даже когда до поверхности осталось всего несколько километров.

Шонберг находился в рубке один. Сейчас он перехватил управление у компьютера и вел корабль вручную, бросая стремительные взгляды то на один, то на другой телеэкран. Те, кто сидел в кают-компании, могли наблюдать за Шонбергом по пассажирскому экрану. Было совершенно ясно, что воздушного движения в атмосфере Охотника практически не существует и столкновения можно не опасаться.

Шонберг вел корабль над рекой, иногда спускаясь настолько низко, что приходилось лететь между стенами высокого каньона. Потом Шонберг отклонился от этого курса и принялся наращивать скорость. Внизу мелькали горные пики и впадины. Наконец на седловине перевала появился домик-шале, окруженный бревенчатыми постройками, — целый комплекс, обнесенный забором. Маневрировать на столь малой высоте дело непростое, но Шонберг без особых затруднений посадил корабль на бесплодную почву в пятидесяти метрах от частокола. Из сферического металлического корпуса выдвинулись толстые подпорки, способные выдержать вес корабля и заставить его стоять прямо. Затем последовало едва ощутимое движение стабилиза-

торов — пилот отключил двигатели. Для маневрирования в атмосфере корабль пользовался теми же бесшумными двигателями, что и в космосе, — хотя использовать их рядом с планетой можно было лишь с изрядной осторожностью, — и мог приземлиться на любую поверхность, способную выдержать его вес.

Очевидно, за их приземлением наблюдали. Едва посадка завершилась, как из-за частокола высыпали люди в одинаковых одеждах. Казалось, прибытие корабля было событием волнующим, но не более того. Импровизированный комитет по встрече, состоявший из шести-восьми человек, двигался к «Ориону», не выказывая ни малейшей растерянности.

Как только корабль застыл, утвердившись на подпорках, Шонберг выбрался из кресла и направился к главному люку. Он сразу же, безо всяких формальностей, широко распахнул люк, впуская воздух планеты, и нажал кнопку, чтобы выдвинуть трап. Шонберг, как и все прочие, находившиеся на борту «Ориона», перед отъездом прошел рутинный курс иммунологической обработки, а корабль был тщательно осмотрен личными медиками Шонберга — чтобы не занести болезнетворные микроорганизмы на планету, располагающую лишь примитивными медицинскими технологиями.

Местные жители стояли в нескольких метрах от корабля: женщины в длинных платьях и тяжелых фартуках и мужчины, одетые в основном в рабочие комбинезоны. У двоих в руках были примитивные орудия, предназначенные не то для рубки, не то для копания.

Вперед выступил улыбающийся молодой мужчина, одетый немного лучше остальных. Сапоги у него были грубоватые, но с красивой отделкой, а на поясе висел короткий меч в изукрашенных кожаных ножнах.

— Добро пожаловать. — Мужчина говорил на всеобщем языке. Непривычный для земного уха акцент затруднял понимание, но разобрать, что к чему, было можно. — Я вспомнил — вы мистер Шонберг.

— Да, это я. — Шонберг, улыбнувшись, сошел по трапу и пожал руку мужчины. — А вы — Кестанд, не так ли? Младший брат Микенаса, так?

— Совершенно верно. В прошлый охотничий сезон, когда вы приезжали сюда, я еще был совсем мальчишкой. Удивительно, что вы меня узнали.

— Чепуха. Как там Микенас?

— Отлично. Он сейчас ходит за скотом.

Разговор перешел на положение дел на ферме, или в поместье, или как там называлось то, чем не то владел, не то управлял отсутствующий Микенас. Суоми и другие пассажиры — все девушки были сейчас одеты исключительно благопристойно — покинули кают-компанию, но, повинуясь жесту Шонберга, остались внутри корабля, у люка, наслаждаясь свежим воздухом чужой планеты. Работники фермы тем временем так и продолжали стоять группкой в стороне. Они выглядели бодрыми и более-менее здоровыми, но вполне могли оказаться глухими и немыми. Вероятно, прошло полтора десятилетия с тех пор, как сюда поступали хоть какие-нибудь новости от великой межзвездной цивилизации, раскинувшейся в небе над ними. Они улыбались гостям, но говорил один лишь Кестанд, и даже он не выказывал ни малейшего намерения расспросить, как идут дела там, среди звезд.

Похоже, никакой церемонии представления не намечалось. Обстановка была какой-то таинственной, словно при встрече контрабандистов. На мгновение Суоми призадумался, но потом эта идея показалась ему смехотворной. Человек с таким богатством, как у Шонберга, не станет заниматься контрабандой лично, даже если и захочет нажиться на ней.

— Вы уже охотились? — спросил Кестанд.

— Нет. Я хотел сперва побывать здесь и выяснить, что изменилось в мире со времени моего последнего визита.

— Ну что ж... — Кестанд, не самый блестящий из слышанных Суоми ораторов, принялся развивать и углублять доклад о состоянии урожая, погоды и охоты. — Как вы понимаете, никакой настоящей северной охоты не было, и я до этого сезона не мог никуда выбираться. Возможно, как раз сейчас я и находился бы в пути, но Микенас оставил меня своим заместителем.

Шонберг терпеливо слушал. Суоми по отрывкам фраз понял, что Микенас и Шонберг во время прошлого охотничьего сезона летали на космическом корабле на север и знатно там поохотились. Внимание Суоми снова привлек меч Кестанда. Ножны подвешенного к поясу меча были кожаными, а рукоять напоминала пластиковую, но, вероятнее всего, была сделана из дерева или кости. Суоми пожалел, что так мало знает о примитивных материалах. Покопавшись в собственных воспоминаниях — не простиравшихся более чем на тридцать лет, — Суоми решил, что ни разу прежде не видел человека, носящего оружие не с символическими целями. Конечно, меч Кестанда мог быть

всего лишь знаком власти. Но на вид он был не менее пригоден для дела, чем мотыга в руках одного из работников.

Разговор двух собеседников теперь свернул на правительственные и религиозные перемены со времени последнего северного сезона охоты. Суоми все это казалось темным лесом, но Шонберг, похоже, понимал, о чем идет речь.

— Значит, власть теперь перешла к горе Богов... — задумчиво произнес Шонберг и кивнул с таким видом, словно его подозрения подтвердились. — А будут ли они, как намеревались, проводить в этом сезоне турнир?

— Да, — Кестанд взглянул на солнце. — Он должен будет начаться через два-три дня. От нас туда отправился Бирам из Долгих Мостов, наш лучший боец.

— Ваш? — удивленно взглянул Шонберг. — А разве отсюда до Долгих Мостов не будет добрых две сотни километров?

— Понимаете, это же всемирный турнир. Каждый из шестидесяти четырех районов, от которых выставляется по бойцу, достаточно велик. — Кестанд с сожалением покачал головой. — Хотелось бы мне там побывать!

— Могу поспорить, что ты все равно туда пошел бы и даже предпочел бы турнир охоте, если бы Микенас не оставил тебя здесь присматривать за порядком в его отсутствие.

— Не-ет, туда просто так не попадешь. Турниром заправляют боги и жрецы. Даже граф не смог получить приглашение — а ведь Бирам его телохранитель. Микенас же и не пытался туда попасть.

Шонберг слегка нахмурился, но не стал дальше развивать тему о турнире. Суоми тем временем попытался представить себе рыцарский турнир — такой, как в старинных земных историях: мужчины в тяжелых доспехах пытаются проткнуть друг друга копьями. Но здесь турнир должен выглядеть как-то иначе; Суоми вспомнил — в распечатке говорилось, что на этой планете нет верховых животных.

Поговорив еще немного, Шонберг вежливо поблагодарил своего собеседника и попросил тех, кто оставался на корабле, подать ему сумку из шкафчика, что рядом с люком.

— И еще в шкафчике должны лежать два слитка; будьте добры, джентльмены, прихватите и их тоже.

Суоми и де ла Торре принесли требуемые предметы. Положив сумку к ногам Кестанда, Шонберг объявил:

— Здесь то, что я обещал Микенасу: элементы питания для

ламп и кое-какие медикаменты. Передайте ему, что я очень сожалею, что не застал его. Если все будет в порядке, я снова загляну сюда в следующий сезон. — Шонберг поднял слитки и вручил их парню: — А это для тебя. Хороший металл для наконечников или для клинков. Чтобы его обработать, нужен умелый кузнец. Скажи ему, чтобы закалял оружие в ледяной воде. Полагаю, на такой высоте с этим у вас проблем не бывает.

— Спасибо вам большое!

Судя по лицу, Кестанд действительно был очень рад подарку.

После того как трап был забран внутрь, а люк задраен, Шонберг чуть-чуть выждал и поднял «Орион» в воздух. Он по-прежнему вел корабль вручную, по очень крутой дуге, направляясь на северо-запад.

На этот раз пассажиры прошли вместе с Шонбергом в рубку управления, кто-то сел, а остальные остались стоять, по возможности заглядывая ему через плечо. Когда «Орион» перешел в горизонтальный полет, де ла Торре спросил:

— Ну и куда теперь, о бесстрашный вождь? Отправимся ли мы смотреть, как люди разбивают друг другу головы?

— Давай сперва поохотимся, Гус, — проворчал Шонберг. — Парень же сказал, что до начала турнира еще два-три дня. А мне хочется немного поохотиться. — На этот раз у него хватило вежливости спросить у своих спутников: — Как вам эта идея?

Под ними проплывала планета, двигаясь на юго-восток. Солнце, на этой высоте снова ставшее иссиня-белым, изменило свой привычный ежедневный путь, соответствующий этому времени года, и также заскользило быстрее на восток из-за скорости их полета. По стрелке индикатора, застывшей на самой границе опасной зоны, было ясно, с какими нагрузками приходится работать двигателю, чтобы корабль мог развить высокую скорость так близко от масс-центра планеты. Шонбергу действительно не терпелось. Суоми заметил, что Шонберг поставил на корпус корабля силовые щиты, ослабляющие звуковую ударную волну, и что они шли слишком высоко, чтобы их можно было заметить с земли невооруженным глазом. Никто на этой планете не был способен засечь их маршрут.

Челеста и Барбара вскоре ушли, чтобы переодеться в межзвездные одежды. В ближайшие несколько дней компания охотников скорее всего не будет встречаться с местными жителями, которых могли бы чрезмерно возбудить или шокировать моды большого мира.

Афина, уцепившись за стойку за креслом Шонберга, заметила:

— Интересно, а есть ли сейчас на этой планете другие группы охотников? В смысле — пришедших из внешнего мира, как и мы.

Шонберг лишь пожал плечами. Суоми сказал:

— Полагаю, три-четыре группы могут быть. Людей, которые в состоянии позволить себе частное космическое путешествие и при этом увлекаются охотой, не так уж много.

— Поскольку все мы, как мне кажется, увлекаемся охотой, нам чертовски повезло, что мы встретились с Оскаром, — подал голос де ла Торре.

Шонберг никак не отреагировал на это замечание.

Суоми спросил у де ла Торре:

— Кстати, ты что, работаешь на него? Ты мне никогда об этом не говорил.

— Я, как принято говорить, располагаю независимым капиталом. Мы познакомились с Оскаром примерно год назад, на одной деловой встрече.

Шонберг поднял корабль еще чуть выше, чтобы ослабить нагрузку на двигатель. На этой высоте уже казалось, что мир, именуемый Охотником, вот-вот начнет удаляться от корабля. На нескольких настенных экранах виден был терминатор, граница между ночью и днем, идущий вдоль облаков вниз, к экватору. На южном полюсе — его сейчас не было видно из-за кривизны планеты — миновало уже больше половины периода непрерывного дня, длящегося около семи стандартных лет. Стандартный год назад солнце прошло через зенит и теперь медленно кружило по небу, спускаясь все ниже и ниже, на один оборот за каждый местный день, или за двадцать стандартных часов.

Пройдет еще пара стандартных лет, и солнце покинет южный полюс, уступив место полярной ночи, и взойдет над горизонтом на северном полюсе. В настоящий же момент северная арктическая зона, проходящая через вторую половину полярной ночи, должна была выглядеть такой же безжизненной, как поверхность Плутона, похороненная под толстым слоем замерзшей воды — большей части воды планеты. Сразу после прохождения линии равноденствия можно будет считать, что охотничий сезон подошел к концу; сейчас же в середине северных широт он был в самом разгаре. Солнце здесь только-только показалось из-за горизонта и каждый день, проходя с востока на

запад, поднималось чуть выше, чем в небе южного полушария, и несло с собой оттепель. В эти-то места и направлялся Шонберг.

Они спустились в мир холодных сумерек, среди склонов голых скал и причудливых ледников, вздымающихся над долинами, заполненными стремительными потоками и бурно расцветающей зеленью.

Шонберг отыскал для посадки на скале более-менее ровный и достаточно прочный участок, способный выдержать вес «Ориона». На этот раз, прежде чем открыть люк, Шонберг прихватил ружье, стоявшее в небольшой стойке рядом с выходом, и держал его наготове. Как только люк приоткрылся, в него сразу же ворвался неумолчный многоголосый шум бегущей воды. Как и при первой посадке, остальные пассажиры корабля стояли у Шонберга за спиной. Челеста и Барбара, надевшие не подходящие для холодной погоды наряды, тут же задрожали и отступили внутрь. В воздухе пахло влагой и холодом, оттепелью и чужой жизнью. Раскинувшееся вокруг пространство было слишком обширным, чтобы его можно было окинуть одним взглядом. Тень от гор, окаймлявших долину с юга, доходила до северной гряды.

Все решили выйти наружу прямо сейчас; у них оставалось еще несколько стандартных часов дневного времени. Шонберг провел проверку оружия и прочего снаряжения и воззвал к добровольцам.

Афина сразу же объявила, что готова. Де ла Торре сказал, что он бы с удовольствием прошелся. Суоми поддержал его. На самом деле Карлос не собирался убивать ни одно живое существо, если только оно на него не набросится. Он испытывал настоятельную потребность на некоторое время покинуть корабль. Хотя благодаря ухищрениям психологии, использованным во внутреннем дизайне «Ориона», и удавалось несколько смягчить условия, в определенном смысле приближенные к тюремному заключению, все же никакие старания не могли уничтожить тот факт, что шесть человек были вынуждены в течение нескольких недель сосуществовать в тесном замкнутом пространстве. Поскольку Суоми был в курсе этих трюков с дизайном, ему они, похоже, помогали меньше, чем всем прочим. Барбара и Челеста предпочли сегодня обойтись без охоты, после того как Шонберг дал понять, что его больше бы устроил именно такой оборот событий. Он пообещал, что на следующее утро устроит им мирный пикник на природе.

— В таком случае разобьемся на пары, — заявил Шонберг, после того как все было улажено. — Гус, ты уже охотился раньше, хоть и не на этой планете. Я бы предложил вам с Афиной прогуляться вон по той долине.

Эта самая долина, на которую они смотрели с трапа, начиналась в тридцати-сорока метрах от плоской скалы, места посадки «Ориона», и уходила в глубину на добрых полтора километра. Поначалу ее склоны были отлогими и зелеными, а потом долина превращалась в загроможденный льдом каньон. В середине этого каньона образовался новый поток, который как раз пробивал себе дорогу.

— Отсюда и до начала каньона растительность уже вымахала на высоту человеческого роста. Здесь должно водиться двенадцать-тринадцать разновидностей крупных травоядных.

— На таком маленьком пространстве? — не выдержав, перебил его де ла Торре.

— Да, на таком маленьком пространстве. — Сейчас, в преддверии охоты, голос Шонберга был таким расслабленным и счастливым, как никогда за все время путешествия. — С приходом весны жизнь здесь не просто оттаивает — она буквально взрывается. В этой долине находятся также и крупные хищники — или я вовсе уж ничего не соображаю. Если не хотите натолкнуться на хищника, когда он будет уже на расстоянии вытянутой руки от вас, лучше огибайте заросли, что повыше. А мы с Карлосом пройдемся по верхней тропе.

Вышеупомянутая тропа вилась по скалистому склону, расположенному с другой стороны от корабля. Суоми еще во время спуска приметил, что в том направлении расположен высокогорный луг.

— Там мы можем найти действительно какую-нибудь голодную зверюгу, только что выбравшуюся из глубокой пещеры и направляющуюся в долину, чтобы перекусить впервые за последние пару лет.

Ботинки, теплая одежда, оружие, средства связи, кой-какие предметы первой необходимости — в общем, все в порядке. Суоми наконец-то спустился по трапу, и почва Охотника скрипнула под подошвами его новых ботинок. Едва он сошел с трапа, как тот сложился и втянулся обратно. Если до возвращения мужчин девицы будут сидеть в корабле, не открывая люка, то они будут в полной безопасности.

Афина и Гус помахали руками на прощание и двинулись

вниз. Усики похожей на траву растительности хлестали по голенищам их ботинок.

— Ну что, ты идешь первым, — сказал Шонберг, обращаясь к Суоми, и махнул рукой в сторону верхнего склона. — Я уверен, что твои нервы в полном порядке, но это просто дело принципа. Я не люблю, когда сзади меня идет новичок с заряженным ружьем, а впереди может выскочить какая-нибудь тварь, в которую понадобится стрелять.

Хотя слова Шонберга были не слишком приятны, голос его был полон обаяния. К тому же Шонберг сопроводил свою реплику радостным и дружелюбным взглядом. Очевидно, в настоящий момент с Шонбергом все было в порядке; он рвался в путь.

На самом деле, конечно же, никакой удобной для подъема тропы там не было, но Суоми все же стал подниматься в том направлении, куда указал Шонберг.

Взбираясь по склону, Суоми не переставал восхищаться местностью, в которую попал. Повсюду, где только стаял лед и обнажилось хоть несколько квадратных сантиметров почвы, буйно тянулась к свету зелень. Вокруг не было заметно растений размером с дерево, и вообще, похоже, всей здешней растительности было несколько дней от роду, — ну, самое большее, несколько недель. Большая часть зелени, смахивающей то на траву, то на лианы, была человеку не выше пояса, но зато эта трава росла настолько плотно, что укрывала землю сплошным ковром. Растения яростно и безжалостно боролись между собой за воду, тепло и солнечный свет и рвались к небу, пытаясь успеть это сделать за влажный сезон, до наступления летней засухи.

Добравшись до гребня, Суоми застыл. Его взору открылся горный луг, по которому бродили существа, напоминающие гигантских слизняков — только вот слизняки эти были размером с человека. Существа жадно паслись. Их сероватые безволосые тела были покрыты заметными даже издали складками.

— Инеистые черви, — сказал подошедший сзади Шонберг. Он удостоил животных лишь мимолетного взгляда, после чего перестал обращать на них внимание. — А теперь будь настороже. Рядом с червями могут бродить и другие звери.

— А могут ли какие-нибудь более крупные животные перенести полярную ночь, погрузившись в спячку?

— Биологи, с которыми я разговаривал, утверждают, что это невозможно. Но, думаю, наверняка этого не знает никто.

Теперь, когда они остановились, Шонберг принялся рассматривать окрестности в бинокль. Сейчас корабль был скрыт

за каменистой верхушкой холма, и вокруг не было ничего, созданного руками человека, — не считая, конечно, вещей, которые охотники принесли с собой. Следы, оставленные ими на талом снегу или на грязи, были единственным признаком человеческой жизнедеятельности. Вокруг лежал девственно-чистый мир, прошедший через смерть и возрождение.

Суоми тоже рассматривал окружающую местность, но без бинокля, и не думал об охоте. Желтоватое солнце скользило над самым краем гористого горизонта, и казалось, что оно вот-вот закатится; на самом же деле до захода солнца еще оставалось около часа. На другой стороне широкой долины тяжело вздохнул ледник, уронил огромный, на несколько тонн, пласт льда и разразился новым, кристально чистым водопадом. В отдалении по-прежнему раздавался неумолчный гул старых водопадов, напоминающий гудение органа. По мере того как Суоми начал воспринимать все окружающее целиком, а приподнятое настроение, в котором он непрерывно пребывал с момента выхода из корабля, чуть приутихло, Карлос понял, что никогда прежде не видел столь прекрасной и внушающей благоговейный страх картины, и вообще ничего, что хоть близко могло бы с нею сравниться. Даже чудеса и страхи космоса — они, если их вообще оказывалось возможным воспринять, находились за пределами человеческой шкалы оценок. А этот ошеломляющий мир гор и долин, наполненных бушующей жизнью, был вполне доступен человеческому восприятию.

Шонберг же остался недоволен увиденным. Видимо, не обнаружил следов присутствия хищников.

— Давай-ка немного пройдемся, — коротко обронил он, убирая бинокль.

Суоми снова двинулся первым. Когда они прошли еще несколько сотен метров, Шонберг снова приказал остановиться — на этот раз у подножия крутого склона.

Наскоро осмотрев окрестности в бинокль, Шонберг указал на холм и произнес:

— Я поднимусь туда и посмотрю по сторонам. Я пойду один — хочу осмотреться тихо и незаметно. Ты стой здесь, никуда не отходи и будь начеку. По нашему следу уже вполне может кто-нибудь идти. Тебе может подвернуться возможность сделать неплохой выстрел, даже не сходя с места.

Суоми пробрала легкая дрожь от ощущения опасности. Он обернулся. Позади не было заметно ни малейшего движения, не считая инеистых червей.

— Ладно.

Суоми сел и принялся наблюдать, как Шонберг поднимается по склону. Потом тот скрылся из виду. Тогда Суоми устроился поудобнее на своем каменистом сиденье, наслаждаясь отсутствием людей. Это было великолепно — оказаться в одиночестве впервые за... такое ощущение, что впервые за всю жизнь. Конечно, на корабле можно было уединиться, но другие тела и другие сознания все равно продолжали постоянно присутствовать. Хотя бы одно из них да находилось на расстоянии нескольких метров. Суоми прикоснулся к висящему на поясе коммуникатору. Каналы для связи с другими охотниками и с кораблем были в полной готовности, но сейчас ими никто не пользовался. Все наслаждались физическим и психическим уединением.

Время шло. Шонберг отсутствовал уже куда дольше, чем ожидал Суоми. На окрестности легла легкая тень — солнце скрылось за отдаленным ледяным пиком. И тут безо всякого предупреждения перед Суоми появилась величественная ледяная тварь. Она была примерно в двухстах пятидесяти метрах, на каменистой осыпи, образовавшейся у подножия того самого склона, где сидел Суоми. Животное находилось совсем не там, откуда, по мнению Шонберга, должны появляться хищники, и на Суоми оно не смотрело. Зверь смотрел вниз, медленно поводя головой из стороны в сторону. Суоми поднял бинокль и постарался припомнить, что было написано в распечатке. Прекрасный экземпляр, самец, возможно, живет уже второй сезон, только что вышел из второй за свою жизнь спячки, находится в расцвете сил и свирепости. Несмотря на густой оранжево-желтый мех, ясно было видно, что бока зверя запали. Хищник был даже крупнее земного тигра.

Суоми, не вставая, недрогнувшей рукой поднял ружье и прицелился. Он всего лишь играл. Суоми снова опустил оружие.

— Да, для начинающего слишком большое расстояние, — снова послышался сзади голос Шонберга — тот стоял чуть выше по склону. Рев водопада наверняка должен был поглотить голос охотника задолго до того, как он донесся бы до хищника, точно так же, как и помешал Суоми услышать шаги Шонберга по камням. — Но видимость отличная. Если ты не станешь пробовать свои силы, я выстрелю.

Суоми, даже не поворачиваясь, знал, что Шонберг уже поднимает ружье, чтобы прицелиться. По-прежнему не оглядываясь по сторонам, Суоми снова вскинул ружье (раздался хлопок, чуть громче, чем в тире, но при работе на полной мощности от-

дача оказалась неслабой) и преднамеренно выстрелил просто куда-то в сторону животного, чтобы напугать его и обратить в бегство. Брызнули крошки льда. Кошкообразное существо согнулось, затем развернулось в сторону землян. Прочесть по морде его намерения оказалось совершенно невозможно. Люди, жившие на Охотнике, по происхождению были землянами, хоть и перебрались сюда довольно давно; потому легко забывалось, насколько непривычными и чуждыми должны быть все здешние формы жизни.

Потом ледяная тварь бросилась бежать, грациозно, словно кошка, двигаясь по склону огромными прыжками. Но только бежала она не от людей, как следовало бы ожидать (и как легкомысленно предположил Суоми). Животное не имело ни малейшего представления, с какой силой столкнулось, и потому чистосердечно вознамерилось убить их и съесть. Его гнал вперед безумный голод. Из-под мелькающих когтистых лап летели камни и снежная пыль.

«Стреляй!» — Суоми не знал, кто произнес это слово — то ли Шонберг, то ли он, то ли оно само по себе повисло в морозном воздухе, словно отражение его мыслей. Единственное, что Суоми знал, — это что к нему приближается смерть, видимая и реальная. Его руки годились лишь для того, чтобы распределять эмблемы, обращаться с письменными принадлежностями, кисточками, электронными стилосами, переводя впечатления от мира во вторую или третью степень отдаления. Сейчас же Суоми словно парализовало, и он вот-вот должен был умереть. Его ввергла в оцепенение уверенность, увиденная в глазах животного. Уверенность в том, что он, Карлос Суоми, — мясо.

Над ухом Суоми негромко хлопнуло ружье Шонберга — раз, потом другой. Невидимый удар поразил атакующее животное. Прекрасная энергия броска столкнулась с более мощной и более грубой силой. Полетели клочья оранжево-желтого меха. Удар энергии исказил форму скрытых под мехом мышц и костей. Огромное тело утратило свою грацию и стремительность. Но казалось, хищник все еще пытается добраться до людей. Потом тело зверя словно разорвалось по линии проникающих ранений и рухнуло. Теперь хищник напоминал испачканную чем-то красным игрушку. Суоми прекрасно видел обмякшую лапу с коготками размером с приличный нож. Когти, дугой выгибающиеся над подушечкой лапы, вонзились в груду талого снега в каких-нибудь десяти метрах от ботинок Суоми.

Когда животное замерло, Шонберг из соображений предосторожности выстрелил в затылок хищнику, потом отбросил ружье и схватил голограмм-камеру. Затем, засняв в различных ракурсах окровавленное, изломанное тело, Шонберг покачал головой и убрал камеру. Он произнес что-то успокаивающее, ободряя Суоми. Казалось, поведение Карлоса нисколько не удивило и не расстроило бывалого охотника. Когда Суоми наконец-то ухитрился выдавить из себя несвязные слова благодарности, Шонберг лишь отмахнулся с изящной небрежностью. Это означало проявление наивысшего презрения.

Глава 4

Рано утром второго дня турнира Лерос, жрец-распорядитель, неспешным шагом отвел тридцать два выживших участника на пять километров вперед вдоль речного берега, где проходил первый тур, на горный луг, раскинувшийся у подножия горы Богов. На новом месте уже трудилась ранее вышедшая группа жрецов и работников. Они готовили новый ринг на расчищенном участке плотно утоптанной земли и сооружали новый походный алтарь для изваяния Торуна. Изваяние привезли на телеге, двигавшейся во главе колонны участников турнира. Рабы уже покрылись потом, зарабатывая свой сегодняшний паек. Число рабов значительно уменьшилось — их разослали на другие объекты. Сейчас, конечно же, требовалось прислуживать лишь половине от первоначального числа воинов, а в городе-цитадели, расположенном на горе, и на лежащих внизу полях всегда было множество работы.

Согласно плану проведения турнира, врученному Лересу верховным жрецом Андреасом и Внутренним Кругом его советников, требовалось, чтобы каждый следующий тур проводился ближе к вершине горы, чем предыдущий. Цель такого перемещения, как это объяснял Андреас, была символической. Но теперь Лерос заметил, что план имел и немалые практические преимущества. Отбросы каждого лагеря — отхожие места, объедки, остатки погребального костра — сразу же оставались внизу.

Работы по подготовке нового места были завершены вскоре после прибытия воинов. Младший жрец вручил Лересу новый пергаментный свиток со списком участников. Лерос созвал всех воинов и, выполнив определенные формальности, зачитал список вслух:

— Артур из Чесспы
Брам Безбородый из Консиглора
Бранн из Бурже
Чарльз Честный
Кол Ренба
Ефим Самдевятов
Фарлей из Эйкоска
Джефф Симболор из Симболорвилля
Джайлз Вероломный из Болота Эндросс
Глэдвин Ваннуччи
Хэл Копперсмит
Гомер Гарамонд из Бегущей Воды
Джад Исаксон из Ардстой-Хилл
Канрет Джон из Джонсплейс
Ле-Но из Горной Страны
М'Гамба Мим
Местлес из Ветреной Долины
Октанс Бакк из Пачуки
Омир Келсумба
Отис Китамура
Пернсол Малдривер из Веффовой Долины
Полидор Хитроумный
Рафаэль Сандоваль
Рахим Сосиас
Рудольф Тэдбари
Шанг Ти Ужасный
Синьюджи с Вечнозеленого Косогора
Томас Хватала
Траверс Сандакан с Дороги Воров
Ванн Кочевник
Владерлин Бэйн из Санфа-Тауна
Вулл Нарваэц.

Прежде чем подать сигнал к началу первого поединка второго тура, Лерос помедлил мгновение и огляделся по сторонам. Вокруг было много такого, что наполняло его удовлетворением. С горного луга, на котором сейчас находился Лерос, видны были раскинувшиеся внизу возделанные земли, многие километры пашен и пастбищ, с разбросанными то там, то сям фруктовыми садами, группами домов, клочками редкого леса или небольшими рощицами, растущими вдоль реки. Это был спокойный и податливый мир, мир крестьян и ремесленников, покорно служащих господину силы, что обитает на вершинах. Конечно, и сюда

просочилось Братство. После нанесенного вчера оскорбления никаких дальнейших действий с их стороны пока не последовало... Кроме того, оставался еще тот не дающий покоя факт, что Внутренний Круг был закрыт для Лероса и, следовательно, должность верховного жреца навсегда оставалась для него недосягаемой. Почему это жрец вроде того же Лачейза, которого с куда большим основанием следует называть ремесленником, чем воином, входит во Внутренний Круг, в то время как Лерос и другие, более достойные, остаются за его пределами?

Ну, во всяком случае, турнир проходил хорошо. И это было самым важным. Возможно, если турнир действительно пройдет очень удачно, он, Лерос, наконец получит повышение, — а ничего такого, что могло бы помешать успешному проведению, нет. И в конце турнира главные городские ворота распахнутся перед победителем, и девушки будут усыпать его путь цветами, и его с триумфом проведут по улицам к Храму, который также откроется перед ним. А потом раскроются внутренние занавеси из кольчужной сетки, которые никогда не раскрывались для Лероса, и тайные двери — и победитель войдет туда, где Лерос никогда не бывал, туда, где ходят боги и павшие герои, что некогда тоже были смертными людьми, и только верховный жрец и Внутренний Круг служат посредниками между ними и миром людей.

* * *

Религия Лероса была для него не просто вопросом веры. Однажды он своими глазами видел Торуна во внутреннем дворе Храма — он был выше самого высокого из смертных людей и прогуливался, беседуя с верховным жрецом, в ночь, когда бушевала гроза и сверкали молнии...

На мгновение Лерос склонил голову и вознес безмолвную молитву, затем, усилием воли заставив себя сосредоточиться на ожидающих его людях и своих непосредственных обязанностях, назвал имена воинов, которые первыми должны были вступить в схватку:

— Артур из Чесспы и Брам Безбородый из Консиглора!

Артур был мужчиной средних лет и среднего роста. Среди собравшихся здесь воинов он и вовсе смотрелся недорослком. Приземистый, с суровым лицом и густыми усами, Артур вышел на ринг размашистым шагом. Теперь он стоял с видом полной уверенности в собственных силах и с несокрушимым спокойст-

вием наблюдал за Брамом Безбородым, который приближался с явным намерением его убить.

Брам, похоже, был назван безбородым по причине своей чрезвычайной юности. Хотя он был высоким и широкоплечим, но, судя по лицу, ему было не больше одного года Охотника, или пятнадцать-шестнадцать шестидесятых частей жизни старого человека. Брам отнюдь не был спокоен, но его волнение, казалось, было не от страха, он радостно начал бой сильнейшим ударом своего длинного меча. Артур достаточно удачно парировал удар. Чувствовалось, он не спешит переходить в наступление.

Брам усилил нажим; его молодость и энергия не позволяли ему считать, что он может быть побежден. Он снова и снова наносил удары, а Артур снова и снова задумчиво отступал, словно выжидая подходящий момент для перехода в контратаку. Но Брам продолжал наступать все активней и напористей. Артур еще не успел решить, какую манеру боя ему следует выбрать, когда пришел удар, который он не смог остановить. Это стоило ему руки и плеча. Завершающего удара долго ждать не пришлось.

— Бранн из Бурже и Чарльз Честный!

Бранн был массивным и белокурым, с выгоревшими на солнце волосами. В руке он держал короткое копье. Судя по манере двигаться, Бранн предпочитал наносить частые удары, а не рискнуть и попытаться решить все одним броском. Он начал бой первым, хоть и осторожно, и пошел по кругу, огибая стоящего неподвижно Чарльза. Чарльз, длинноногий, словно цапля, выглядел так, будто ему было бы удобнее стоять на одной ноге. Пока же он выпрямился во весь рост и вскинул свой двуручный меч, готовясь ответить на любое действие Бранна. Не заставивший себя ждать удар копья был сильным и быстрым, но Чарльз управился лучше: отсеченный наконечник копья упал на землю. А следом за ним покатилась и голова Бранна.

— Кол Ренба и Ефим Самдевятов!

Эти два бойца оба были пышноволосыми шатенами примерно средней комплекции и даже внешностью походили друг на друга. Кол Ренба вертел над головой шипастый шар, прикрепленный короткой цепью к деревянной рукоятке. Самдевятов уже держал свое оружие — меч и кинжал — наготове. Они бросились в атаку одновременно, но от удара шипастого шара Самдевятов выронил меч, а после второго молниеносного удара его мозги брызнули на землю.

— Фарлей из Эйкоска и Джефф Симболор из Симболорвилля!

Эти воины тоже походили друг на друга, но скорее манерой боя, чем внешностью. Оба бойца были хорошо одеты и вооружены дорогим оружием. Рукояти меча и кинжала Джеффа были даже украшены драгоценными камнями. Волосы и борода Фарлея были светлыми, почти рыжими. Его обнаженные руки с отчетливо очерченными мускулами и венами были усыпаны веснушками и почти совсем лишены загара. Темноволосый Джефф Симболор был почти на полголовы ниже Фарлея, но, кажется, примерно равен ему по весу и силе. Их схватка была короткой. Они, казалось, стоили друг друга, но через некоторое время более длинный выпад Фарлея позволил ему рассечь мышцы на плече Джеффа. Длина рук давала ему некоторое преимущество, и более низкорослый противник вскоре получил вторую рану. Фарлей не собирался безрассудно рисковать; его противник ослабел от потери крови, и лишь после этого Фарлей нанес смертельный удар.

— Джайлз Вероломный и Глэдвин Ваннуччи!

Джайлз не отличался богатырским сложением, но был жилистым. У него было загорелое лицо, русые волосы и светлые наивные глаза. Если у Джайлза и была привычка к вероломству, сегодня ему не понадобилось пускать ее в ход. При помощи своего длинного меча он быстро расправился с коренастым, крепко сбитым Глэдвином, вооруженным боевым топором.

— Хэл Копперсмит и Гомер Гарамонд!

Хэл Копперсмит был очень высоким и слегка сутулился. Его длинные руки обвивала причудливая татуировка. Меч у него в руках непрерывно подрагивал, словно повторяя движения врага. Гомера Гарамонда же, казалось, печалила стоящая перед ним задача, хотя он был почти так же молод, как и Брам Безбородый, который, убивая, просто сиял от радости. Гомер держал свой меч и кинжал почти небрежно до тех пор, пока Хэл не нанес удар. Тогда Гомер попытался уклониться, но оказался недостаточно проворен.

— Джад Исаксон и Канрет Джон!

Джад, вспыльчивый невысокий человек с необыкновенно длинными черными усами, проворно шагнул на ринг. В левой руке у него был круглый металлический щит, а в правой — короткий меч. Канрет — возможно, старейший из выживших после первого тура бойцов — ожидал противника с терпеливостью, приличествующей его возрасту. Он был вооружен копьем с тол-

стым древком. Манера держать оружие указывала на то, что Канрет может как наносить копьем колющие удары, так и использовать его в качестве боевого посоха. Но когда пришел момент испытания, его копье поразило лишь щит Джада, а сам Канрет Джон упал с разрубленным коленом. Конец его был быстрым.

— Ле-Но из Горной Страны и М'Гамба Мим!

Лицо Ле-Но было пересечено шрамом. Гибкие движения этого воина скорее напоминали звериные, чем человеческие. Ле-Но двигался длинными скользящими прыжками и припадал к земле, словно собирающийся напасть хищник. С мечом и кинжалом он приблизился к М'Гамбе Миму — чернокожему здоровяку, вооруженному примерно так же. Прежде чем Ле-Но взял верх, земля была обагрена кровью обоих противников; а потом он так же по-звериному зарычал на рабов, которые пришли позаботиться о его ранах.

— Местлес из Ветреной Долины и Октанс Бакк из Пачуки!

Лоб Местлеса был покрыт складками, возникающими от привычки задумчиво морщиться, словно у какого-нибудь книжника или ученого. Он был одет, как фермер, и дрался крестьянской косой. Октантс был поджар, а потрепанная одежда придавала ему сходство с голодным бандитом. Коса оказалась проворнее меча, и Октанс был скошен.

— Омир Келсумба и Отис Китамура!

На широком черном лице Келсумбы одинаково отчетливо были написаны решимость и ярость. Наблюдавший за боем Лерос вспомнил — именно этот человек спрашивал, обретет ли победитель божественную способность к целительству. Когда бойцы сошлись, Келсумба принялся с невероятной силой вращать свой боевой топор. Взмахи чередовались так быстро, словно топор был не тяжелее перышка. Сперва улетел куда-то в сторону меч Китамуры, а потом — его же челюстная кость. Китамура упал на четвереньки да так и остался стоять. Келсумба не стал добивать поверженного противника, оставив это на похоронную команду с их свинцовыми колотушками.

— Пернсол Малдривер и Полидор Хитроумный!

Из вышедших на ринг двух бойцов Малдривер явно был постарше. Он аккуратно и расчетливо работал коротким копьем и длинным кинжалом. Полидор, мужчина неопределенного возраста, казался не более хитроумным, чем его противник. Он дрался старым мечом, покрытым зазубринами и засечками. Старый меч успешно справился со своей работой. Пернсол умер

спокойно, словно был доволен завершением жизненной борьбы и тем скромным местом, которое ему предстояло занять за столом Торуна.

— Рафаэль Сандоваль и Рахим Сосиас!

Сосиас смахивал скорее на портного, чем на воина. Он был не слишком внушителен и демонстрировал небольшое уютное брюшко. Но изогнутый меч казался естественным и неотъемлемым продолжением его руки. Сандоваль был на редкость уродлив, причем от рождения, а не из-за шрамов. Он презрительно помахивал шипастой булавой. Меч Сосиаса попал в петлю прикрепленной к булаве цепи, и Сандоваль вырвал его из рук противника. Но прежде чем Сандоваль высвободил собственное оружие, Рахим выхватил спрятанный до поры нож и полоснул противника по горлу.

— Рудольф Тэдбари и Шанг Ти Ужасный!

Глядя на Тэдбари, становилось ясно, что это не просто боец, а человек военный. Лерос подумал, что Тэдбари похож скорее на военачальника, чем на рядового мечника, но на самом деле он не знал биографии этого человека. Большинство участников были для Лероса и прочих жрецов такими же незнакомцами, как и друг для друга.

От коренастого Рудольфа Тэдбари с огромными толстопалыми ручищами просто-таки исходило ощущение силы и уверенности. А Шанг Ти и вправду был ужасен. Его голова казалась настолько маленькой для такого огромного тела, что общий вид становился попросту нелепым. Меч Шанг Ти был вполне под стать его телосложению. Клинок Рудольфа был несколько толще обычного и оказался достаточно длинным, чтобы достать до сердца Шанг Ти.

— Синьюджи с Вечнозеленого Косогора и Томас Хватала!

Синьюджи был более худым, чем любой из выживших воинов, если не сказать костлявым. При нем был двуручный меч, казавшийся слишком тяжелым для своего хозяина — до тех пор, пока Синьюджи не показал, как быстро умеет им орудовать. Томас был крупным и свирепым на вид мужчиной, немного уступающим размерами Шангу Ти, но сложенным более пропорционально. Длинному двуручному мечу соперника он противопоставил копье. Копье быстро доказало, что оно длиннее.

— Траверс Сандакан и Ванн Кочевник!

Сандакан вышел, неся топор с тонким лезвием и основательно укрепленным топорищем. Лицо его было покрыто морщинами, свидетельствующими о прожитых годах и перенесен-

ных невзгодах, и шрамами, следами многих битв. Ванн Кочевник был одет в длинный бесформенный свитер — обычную одежду пастухов высокогорья — и работал длинным мечом с просто-таки дьявольской энергией. Сандакан сильно уступал Кочевнику, и когда Траверс упал мертвым, Ванн отрезал ему ухо, заявив:

— Я верну ему это ухо в чертогах Торуна — если Траверс докажет, что он настоящий мужчина, и сумеет его забрать!

Эта выходка была новинкой для Лероса. Жрец обдумал ее, потом улыбнулся — нерешительно, но все же с одобрением. Как только тело унесли с ринга, Лерос официальным тоном объявил имена участников завершающей схватки этого дня.

— Владерлин Бэйн и Вулл Нарваэц!

Вокруг талии Бэйна был обернут длинный кнут. О его назначении пока что никто не спрашивал — из вежливости. В руках Бэйн держал кинжал и меч. Нарваэц, с его веселым глуповатым лицом и обычными вилами — единственным находящимся на виду оружием, — выглядел, словно крестьянин, только что оторвавшийся от работ по хозяйству. Нарваэц оказался хорошим жнецом. Он вогнал острия вил точнехонько туда, куда хотел, и Бэйн умер прежде, чем упал на землю, — а назначение кнута так и осталось навеки неизвестным.

Солнце еще даже не добралось до зенита. Бои второго тура завершились.

Шестнадцать воинов, оставшиеся в живых, радостно отправились вкушать приготовленную для них пищу. Большинство из них болтали и перешучивались, словно добрые приятели, но несколько человек хранили молчание. Впрочем, каждый из них сейчас примечал раны другого и подсчитывал предполагаемые уязвимые места будущего противника. Все они отлично знали, что для победы следует использовать даже малейшие преимущества. Каждый из выживших был чрезвычайно опасным соперником — и каждый числил среди своих жертв убийц, превосходящих его в искусности.

Отдыхая после полуденной трапезы, воины увидели, что с горы спешно спускается посланец. Выслушав новости, Лерос тут же вскинул голову и принялся осматривать небо. Но лагерь был разбит под кронами деревьев, и отсюда мало что было видно. Воинов это заинтересовало, но не особенно. Турнир, в котором они принимали участие, был важнее любой помехи, которую они только могли себе представить.

Позже, когда с горы спустился жрец Внутреннего Круга для

чрезвычайно серьезного разговора с Леросом, среди воинов разошлось известие, что гору Богов посетило круглое серебристое судно, прилетевшее из-за пределов мира. Такая новость вызвала достаточный интерес у большинства воинов, чтобы они попытались рассмотреть сияние едва видимого вдали корабля, стоящего между деревьев.

Глава 5

На следующий день после столкновения Суоми с ледяной тварью, едва не ставшего фатальным, Оскар Шонберг, Афина Паулсон и Гус де ла Торре снова отправились на охоту. Барбара Хуртадо и Челеста Серветус пока что никак не могли решить, желают они охотиться или нет. Суоми предпочел остаться на корабле. Оскар, Афина и Гус — все они испытали острые ощущения в первый день охоты, но вернулись с пустыми руками. Во второй день их усилия увенчались успехом — они сделали голографические снимки крупных хищников, перенесли их на небольшие кристаллические кубики, чтобы потом можно было сделать репродукции и хвастаться ими в свое удовольствие.

Афина сидела в кают-компании, растирала свои уставшие ноги и жаловалась, как будет трудно найти подходящее место для ее ледяной твари.

— Вам-то хорошо, Оскар, а у меня квартира маленькая. Мне придется передвинуть половину мебели, чтобы освободить место для нее — если я вообще решусь ее показывать.

— Из-за чего — из-за того, что вы раздобыли этот трофей в браконьерском охотничьем путешествии? — рассмеялся Шонберг. — Если вас кто-нибудь побеспокоит, просто отвечайте, что это мой подарок. Пускай идут за разъяснениями ко мне.

— Мне придется большую часть времени держать ее выключенной и доставать только для особых случаев. Впрочем, я полагаю, она бы только перепугала большинство моих гостей.

На этих словах Афина запнулась, с извиняющимся видом взглянула было в сторону Суоми, но тут же поспешно отвела взгляд.

Вчера, после того как все вернулись на корабль, члены небольшого экипажа с некоторым смущением выслушали рассказ Суоми о том, как в полевых условиях его парализовало от страха и как Шонберг вел себя хладнокровно и спас ему жизнь. Возможно, Афину это смутило даже больше, чем самого Суоми. Де

ла Торре эта история, похоже, позабавила, а Барбара выразила некоторое сочувствие Суоми.

Суоми подумал, что его спутники, особенно Афина, должно быть, ожидают, что он возьмет ружье и потребует дать ему возможность выйти наружу и доказать свои силы. Если так, то им придется долго ждать. Да, он испуган, и что? Возможно, если бы он снова вышел наружу и на него напало животное, он бы не испугался. А может, все равно испугался бы. Карлос совершенно не рвался это выяснять. Он не желает ничего никому доказывать. Во второй день, пока остальные охотились, Суоми сидел на выдвинутом корабельном трапе и с удовольствием дышал свежим воздухом. Он держал под рукой ружье на случай всяких неожиданностей, но собирался при этом просто вернуться в корабль и закрыть люк, если в поле зрения появится что-нибудь угрожающее.

После того как все, кто жаждал обзавестись трофеями, получили желаемое, Шонберг решил, что на севере больше делать нечего. Охотничий сезон протянется еще долго, а загадочный турнир явно длится недолго, и Шонберг не хотел его пропустить. Когда Суоми упомянул турнир при девушках, оказалось, что ни у кого из них нет ни одной разумной идеи по поводу того, что же оный турнир может из себя представлять. Суоми предположил, что это какая-нибудь разновидность спортивных состязаний.

Шонберг явно знал дорогу к горе Богов, хотя и сказал, что никогда прежде там не бывал. Двигаясь на юг, он вел корабль куда медленнее и ниже, чем при полете на север, обращая пристальное внимание на наземные ориентиры. Большую часть пути он проделал над речной долиной — сперва по радару из-за стелющегося над землей тумана, потом, когда туман разошелся, ориентируясь на местности. Когда несколько часов спустя они добрались до места назначения, никто не усомнился, что они попали именно туда, куда намеревались. Гора Богов с первого взгляда выделялась из окружающего пейзажа: поросшая лесом возвышенность в окружении пестрого лоскутного одеяла полей, садов и пастбищ. Гора была широкой в основании и довольно высокой, но в целом не очень крутой. На безлесной вершине располагался комплекс зданий, обнесенных белой каменной стеной. Он выделялся так демонстративно, словно его специально строили в качестве ориентира для воздушной навигации.

Разок облетев гору на почтительном расстоянии, Шонберг сбросил скорость и начал снижаться. Но местом посадки явно

был не находившийся на вершине горы город-цитадель; напротив, Шонберг тщательно следил, чтобы даже не пролететь над ним.

В нескольких сотнях метров ниже стен белого города среди леса поднималась скала со срезанной верхушкой — словно обнаженный и несколько уменьшенный в размерах большой палец на склоне огромной горы-варежки. Заметив эту скалу, Шонберг медленно подвел корабль поближе, облетел ее, затем на какое-то время завис точнехонько над скалой, осторожно исследуя ее при помощи чувствительных приборов, вмонтированных в корпус «Ориона». В скале было двадцать-тридцать метров высоты, и на вид она казалась неприступной. Не было никаких признаков, что хоть когда-либо человеку или животному хватило дури попытаться добраться до плоской вершины.

Де ла Торре, уцепившийся за стойку за креслом пилота, решил подать голос:

— Я бы сказал, Оскар, что эта площадка достаточно велика, чтобы мы могли на ней поместиться. Еще даже и останется место, чтобы пройтись вокруг корабля.

— Мне как раз и пришла в голову идея посадить «Орион» на эту скалу, — проворчал Шонберг. — Мы можем вырубить несколько ступенек или привязать веревки, чтобы спуститься вниз. А с другой стороны, нам никто не сможет нанести визит, если мы сами его не пригласим.

Проведя окончательное исследование верхушки скалы с расстояния всего лишь нескольких метров, Шонберг посадил «Орион». Наружу тут же выдвинулись самостоятельно регулирующиеся посадочные стойки, которые должны были поддерживать корабль в горизонтальном положении. На скалистой площадке действительно оказалось достаточно ровного места для корабля, и еще оставалось несколько квадратных метров, чтобы можно было размять ноги. Все пассажиры «Ориона» тут же захотели выйти и прогуляться. В здешних тропических широтах даже в горах было достаточно тепло, но женщины снова надели закрытые платья, поскольку не знали, чего требует здешняя мораль и обычаи. Шонберг приказал, чтобы все оставили оружие на корабле.

Тщательный осмотр показал, что лишь одна сторона скалы в принципе доступна для подъема. Но даже с этой стороны и даже очень проворным людям понадобилось бы вбивать костыли, вырубать выемки или использовать веревку, чтобы подняться

или спуститься хотя бы с относительной степенью безопасности.

— Ну и куда все подевались? — полюбопытствовала Челеста, посмотрев на белые стены города, расположенного на вершине. Город возвышался над сплошным морем древесных крон и находился несколько выше того места, где стоял «Орион».

Де ла Торре достал бинокль и принялся изучать другую сторону склона.

— Там разбит своего рода лагерь, и в нем находятся тридцать-сорок человек. Во-он там. Некоторых из них можно рассмотреть среди деревьев.

Какое-то время эти слова и были единственным ответом на вопрос Челесты. Складывалось впечатление, что никто просто не заметил ни появления «Ориона», ни его присутствия на скале, нависающей над окружающей местностью. Конечно, покрывающий почти всю гору густой лес мог скрыть большую часть перемещений. Суоми про себя отметил, что деревья очень похожи на обычные земные разновидности. Возможно, первые колонисты завезли сюда некоторые породы деревьев, а те за прошедшее время немного изменились. Стволы выглядели куда толще, чем у большинства деревьев Земли, а ветви имели тенденцию изгибаться под прямым углом.

Через половину стандартного часа после их приземления — все шесть гостей планеты по-прежнему были вооружены биноклями — ворота горного города неожиданно распахнулись, и оттуда вышла небольшая группа людей в белых одеяниях. Впрочем, они почти сразу же нырнули в лес и скрылись из виду.

У Шонберга было приспособление, работающее в инфракрасных лучах, с его помощью можно было отслеживать перемещение местных жителей даже сквозь листву, но он не захотел с ним возиться. Вместо этого Шонберг спрятал бинокль в футляр, присел, прислонился спиной к кораблю и закурил сигару. Потом делегация снова вынырнула из леса — на несколько минут раньше, чем ожидал Суоми. На этот раз они совершенно недвусмысленно принялись подниматься по каменистой осыпи к скале, на которой стоял «Орион».

Шонберг тут же выбросил сигару, подвинулся к краю площадки и, подняв руки, поприветствовал стоящих внизу людей. Те подняли головы и с кажущейся небрежностью ответили таким же жестом. Группа состояла из полудюжины человек. Белые одеяния двоих или троих были украшены разнообразной пурпурной отделкой.

Расстояние было слишком большим — на таком не разговаривать, а разве что перекрикиваться можно. Местные жители неторопливо приблизились. Возглавлявший группу высокий мужчина подошел к подножию скалы и начал взбираться вверх. Сперва он поднимался спокойно, уверенно и без особых усилий. Однако примерно на полпути отвесный участок скалы все же заставил его остановиться. Теперь путешественники заметили, что, несмотря на проворство движений, человек был довольно стар.

Незнакомец посмотрел на Шонберга, который стоял метрах в десяти над ним, держа руки на виду, и произнес:

— Гости из-за грани мира! Торун и другие боги Охотника шлют вам свои приветствия и сообщают, что считают вас желанными гостями.

Шонберг слегка поклонился.

— Мы благодарим Торуна и других прославленных богов Охотника. Мы хотели бы выразить нашу благодарность в такой форме, которую боги бы сочли наиболее учтивой. Кроме того, мы благодарим вас, что вы прибыли к нам, как глашатаи богов.

— Я Андреас, верховный жрец владыки Торуна в этом мире.

Шонберг представил жрецу членов своей команды, а Андреас проделал то же самое со своими спутниками. После дальнейшего обмена любезностями, в ходе которого Шонберг намекнул, что преподнесет Торуну дар, как только выяснит, что тому более всего угодно, он перешел непосредственно к причине своего визита.

— Как всем известно, Охотник славится во всей Вселенной мастерством своих воинов. Нам говорили, что лучшие воины планеты собрались сейчас у подножия горы Богов на великий турнир.

— Это чистая правда от первого до последнего слова, — согласился Андреас. На слух гостей, он говорил куда более чисто, чем Кестанд, почти без акцента.

— Мы просим Торуна о милости, — продолжил Шонберг, — о дозволении узреть этот турнир или хотя бы его часть.

Андреас посмотрел не на своих спутников, спокойно ждущих внизу, а на город поверх верхушек деревьев, словно принимая какое-то послание. Это был всего лишь короткий взгляд. После этого жрец произнес:

— Я говорил с Торуном. Он милостиво согласился удовлетворить вашу просьбу. Турнир уже идет, но впереди еще остают-

ся самые важные туры, и вы сможете их увидеть. Следующий тур будет проходить завтра.

Андреас еще немного побеседовал с пришельцами и пообещал прислать утром проводника, дабы тот заблаговременно указал им путь к месту проведения турнира, где они смогут его посмотреть завтра. Также жрец пообещал, что пришельцев будут приглашать в город и принимать в храме Торуна, как приличествует почетным гостям. Кроме того, он поблагодарил Шонберга за обещание преподнести дар Торуну. Затем жрец и пришельцы вежливо распрощались.

Во время короткой прогулки до города Андреас был задумчив и как-то более обычного замкнут. Идущие следом подчиненные тут же почувствовали настроение верховного жреца и не рискнули мешать его размышлениям.

По меркам Охотника, Андреас был старый человек, отмеченный десятком серьезных шрамов и выживший в сотне сражений. Его нельзя уже было назвать воином великой доблести, а мышцы жреца изрядно ослабели от времени и больших усилий. Ловкий подъем на скалу был для Андреаса куда труднее, чем он позволил себе показать. С каждой одной шестидесятой частью жизни старого человека — которую пришельцы из-за грани мира называют стандартным годом — кожа все сильнее обтягивала его кости, придавая лицу сходство с черепом.

Андреас находил удовольствие в постепенных переменах, происходящих с его лицом.

Хотя у него и устали ноги, верховный жрец все же сохранял живость походки, и делегация достаточно быстро вернулась в город.

Там Андреас отослал прочь подчиненных, а те ждали удобного момента, чтобы опутать его сотней вопросов о гостях и затеять множество споров. Эти люди, не входящие во Внутренний Круг, ничего не понимали. Оставшись наконец в одиночестве, Андреас, все еще пребывая в задумчивости, быстро зашагал по паутине залитых светом узких улиц. Слуги, ремесленники, солдаты и аристократы — все они с одинаковой поспешностью убирались с пути верховного жреца. На лестнице, ведущей к высокой входной двери храма Торуна, беседовали двое принадлежащих ко Внутреннему Кругу аристократов в изукрашенных пурпуром нарядах. Они тут же прервали разговор и почтительно поклонились. Андреас ответил на приветствие едва заметным кивком. Спускавшаяся со своих носилок куртизанка согнулась в еще более глубоком поклоне. Видимо, это была женщина ко-

го-то из жрецов, не входящих во Внутренний Круг, — они не давали обета целибата. Ей Андреас вообще не ответил.

Внешний Храм был хорошо освещен; через отверстие в центре крыши ярко светило солнце. Низкие голоса вели песнопение во славу войны. Раздавался приглушенный барабанный бой. Служители храма преклонили колени перед алтарем, загроможденным черепами вражеских воинов и захваченным оружием. Вооруженный стражник, стоящий у входа во Внутренний Храм, отсалютовал Андреасу, отступил в сторону и распахнул перед жрецом тяжелую дверь. За дверью начиналась широкая лестница. Она вела в просторный зал, построенный несколько ниже уровня залитых солнцем улиц.

Здесь, во Внутреннем Храме, свет был тусклым и рассеянным — он просачивался через множество маленьких порталов. Андреас привычным движением откинул в сторону занавес из кольчужной сетки и прошел через огромное помещение. Он миновал единственного находящегося здесь коленопреклоненного верующего — воина, держащего в руках щит и меч, жреца-генерала в белом одеянии. Тот безмолвно молился у подножия высокой каменной статуи. Статуя представляла из себя стилизованное изображение мужчины в гладкой, плотно обтягивающей одежде гостя из-за грани мира. На нем был круглый, почти лишенный отличительных деталей шлем. Из-под шлема выглядывало суровое безбородое лицо — Карлсен, полубог из далекого прошлого. В правой руке — меч, в левой — напоминающее палку оружие иного мира. Лицо Андреаса застыло, словно каменное. Но если убрать статую, могут произойти крупные неприятности. Карлсен все еще остается почитаемой фигурой для множества людей.

Теперь Андреас направился туда, куда входили лишь немногие, — и лишь немногие вообще знали об этом месте. Жрец прошел за еще один кольчужный занавес, в угол, где начинался незаметный проход. И снова ведущая вниз лестница — более узкая и темная, чем предыдущая. Внизу, в стенной нише, горела небольшая масляная лампа, дававшая лишь столько света, чтобы человек мог спуститься, не загремев по ступеням, и не более того. Здесь находилась высокая и тяжелая дверь, ведущая в зал Торуна. Из-за двери иногда появлялись вспышки яркого света, доносились звуки арфы, барабана и рожка и раскаты хохота. В нынешние времена новообращенным дозволялось постоять у подножия лестницы и немного посмотреть и послушать, изда-

лека изумленно наблюдая за доказательствами существования богов, героев и пиров, в которых они проводят время.

Андреас носил при себе один из двух ключей, которыми можно было открыть дверь зала Торуна. Второй был у Лачейза, главного жреца Храма и, конечно же, члена Внутреннего Круга. Андреас повернул ключ особым тайным образом. Дверь распахнулась. Андреас быстро шагнул внутрь и плотно закрыл за собой дверь.

Великий зал Торуна, вырубленный в скальном основании под Храмом, имел примерно пять метров в длину, три метра в ширину и три в высоту — по совести говоря, более чем скромно для господина мира. Стены, пол и потолок были из грубого, необработанного камня; зал Торуна так и не был окончен. Похоже, никогда и не будет. Андреас полагал, что эта работа началась примерно двадцать лет назад по меркам Охотника, пять раз по сроку жизни старого человека. Кое-какие работы еще велись во время правления предыдущего верховного жреца. Но с тех пор планы изменились. Помещение уже было достаточно большим, чтобы выполнять свое единственное реальное предназначение — дурачить неофитов. Над дверью располагались воздуховоды, через которые наружу проникали вспышки света от факелов. В углу громоздилась груда музыкальных инструментов. Через эти же воздуховоды вырывался и грохочущий, богоподобный смех — так могли смеяться лишь Торун или Мьеллнир.

Торун находился у себя в зале — сидел за столом, занимающим почти всю комнату. Даже сидя, он был таким огромным, что его глаза находились на одном уровне с глазами стоящего высокого жреца. Буйные черные волосы Торуна были подхвачены золотой лентой; с подобных горам плеч свисал меховой плащ. На поясе у Торуна висел его прославленный меч — такой большой, что ни один смертный не смог бы им орудовать. Огромная правая рука бога, облаченная, как всегда, в кожаную перчатку, покоилась на столе и сжимала массивный кубок. В полумраке окаймленное густой черной бородой лицо Торуна могло бы показаться человеческим — если бы не было таким неподвижным и таким большим.

Торун не шевелился. Точно так же, как и сидящий рядом с ним полубог Мьеллнир. Волосы полубога были перевязаны серебряной лентой, а сам он был укутан в темный плащ. Мьеллнир почти не уступал в размерах Торуну, богу войны и охоты, и по-товарищески разделял с ним мрачный, лишенный питья и пищи пир.

Войдя в комнату, Андреас застыл неподвижно и немного подождал, чтобы удостовериться, что произведенный им шум не привел фигуры в движение. Иногда такое случалось. Всегда следует соблюдать осторожность. Убедившись, что все в порядке, жрец обошел высокий стол и зашел за кресло Торуна. В стене обнаружилась небольшая потайная дверь, к которой уже не требовался ключ. Андреас окрыл эту дверь, просто нажав в нужном месте. За ней обнаружилась еще одна узкая каменная лестница, и она тоже вела вниз.

На этот раз спуск был более долгим. Достигнув последнего пролета, Андреас повернул влево. Сделав три-четыре шага в этом направлении, он вышел из туннеля и оказался на дне огромной ямы, вырытой в скале позади Храма. Множество рабов рыли эту яму на протяжении всей своей жизни. Эта работа началась во время правления пятого верховного жреца, занимавшего эту должность до Андреаса; какими же дальновидными и величественными были эти планы, ныне близящиеся к осуществлению, — клянусь истинным богом! Сверху яма была обнесена белыми каменными стенами и накрыта крышей. Благодаря этому снаружи сооружение ничем не отличалось от большинства зданий храмового комплекса и не выделялось из массы прочих построек, более или менее похожих друг на друга.

Андреас вернулся обратно в туннель и продолжил идти в прежнем направлении — теперь уже вправо от подножия лестницы. Прежде чем войти в помещение без дверей, куда привел его коридор, Андреас остановился, закрыл глаза в благоговейном подражании Смерти и пробормотал короткую молитву. Конечно же, обращена она была не к Торуну. Торун был всего лишь вещью, орудием, частью необходимого обмана, обращенного на массы, обмана, который Андреас оставил позади, в Храме. А то, что лежало впереди, являлось для жреца главной — и единственной — реальностью.

Помещение, в которое вошел Андреас, было древнее любой постройки, возведенной человеком на Охотнике. Сейчас его заполнял неяркий дневной свет, просачивающийся через вентиляционные шахты, которые где-то наверху выходили к солнечному свету. Во многих местах виднелись тяжелые решетки. Комната была несколько больше зала Торуна. При необходимости сюда могло набиться до сотни людей, но такого никогда не случалось. Сейчас о ее существании вообще знало не более десяти человек.

У стены, расположенной напротив единственного входа, стоял невысокий деревянный стол, а на нем — полдюжины ящиков из сверкающего металла. Каждый ящик имел особую форму, и каждый располагался во впадине или в гнезде, вырезанном в темной поверхности стола в точном соответствии с его формой. Внешняя поверхность ящиков явно подвергалась механической обработке — они были продуктом технологии, превышающей умения любого кузнеца, производящего мечи. Ящики соединялись между собой паутиной серых и черных гладких труб и кабелей.

При более внимательном рассмотрении становилось ясно, что деревянный стол, на котором находятся ящики, на самом деле вовсе и не стол, а нечто, скорее напоминающее носилки или портшез, хотя и не приспособленный для человеческого тела. С противоположных концов носилок выдавалось по паре крепких ручек, украшенных резьбой, так что шесть-восемь человек вполне могли бы перенести агрегат. Ручки лоснились от долгого употребления, но носилки, как и вся комната, блистали безукоризненной чистотой.

Бледный камень пола слабо поблескивал в тусклом свете. Только низкий каменный алтарь в центре комнаты был темным от времени и неистребимых пятен — пятен ржавчины от вделанных в камень железных колец, к которым иногда привязывали жертву, и схожих по цвету с ржавчиной пятен засохшей крови на тех местах, куда клали внутренние органы жертвы. Перед носилками стояла ваза, наполненная, словно фруктами, черепами младенцев. В маленьких головах, словно в вазах, стояли жертвенные цветы. Сейчас почти все цветы увяли.

Войдя в комнату, Андреас опустился на колени, потом простерся ниц на полу, протянув руки к алтарю и к расположенным за алтарем носилкам с их металлической ношей.

— Поднимись, Андреас, — произнес размеренный нечеловеческий голос. Он исходил от металлических ящиков — рядом с ними стояла небольшая деревянная рамка с натянутой на ней выделанной, как для барабана, кожей. В центре перепонки поблескивал металл. Исходящий от перепонки голос редко бывал громким, хотя подобное устройство, установленное в зале Торуна, позволяло ему реветь и хохотать. Нынешний же тихий голос Смерти скорее напоминал рокот барабана, чем что-либо другое из того, что приходилось слышать Андреасу, — хотя и на барабан это тоже было не очень-то похоже.

Андреас встал, обошел алтарь и приблизился к носилкам,

отвесив еще один глубокий поклон металлическим ящикам — на этот раз, правда, жрец ограничился тем, что опустился на одно колено.

— О Смерть, — негромко и почтительно произнес Андреас, — это действительно оказался космический корабль. Его пилот выбрал для посадки именно ту скалу, которую ты предвидел в твоей несказанной мудрости. Я вскоре подготовлю Мьеллнира для выполнения его задачи и отберу солдат, которые пойдут с ним. Прочие твои приказы я уже выполнил в точности.

— Сколько пришельцев прибыло на этом корабле? — спросил рокочущий голос.

— Я видел шестерых, и похоже, что на борту не оставалось никого. Велика твоя мудрость, о Смерть! Ты совершенно верно предсказал, что такие люди клюнут на приманку и прилетят с неба, чтобы посмотреть на наш турнир. Велика и удивительна...

— Звучали ли какие-либо упоминания о человеке, зложите, именуемом Иоганн Карлсен?

— Нет, Смерть. — Андреас был слегка сбит с толку. Ведь ясно же, что человек по имени Карлсен давным давно должен был умереть. Но мудрость бога Смерти была превыше всякого человеческого разумения; Андреас уже давно в этом убедился. Он благоговейно ожидал следующего вопроса.

После короткого молчания вопрос действительно последовал:

— Эти люди — тайные охотники? Считаются ли они браконьерами по их собственным законам?

— Да, лорд Смерть, их предводитель сказал, что они прилетели, чтобы поохотиться. Никто в правительстве внешнего мира не должен знать, что они здесь.

Подстегиваемый дальнейшими вопросами, Андреас продолжал говорить. Он подробнейшим образом изложил все, что сумел узнать о гостях и их космическом судне.

Жрец был совершенно уверен, что корабль гостей не очень большой и вполне поместится в котлован за Храмом.

Глава 6

На следующий день после приземления «Ориона» Лерос перевел шестнадцать оставшихся в живых участников турнира в новый лагерь, расположенный еще выше. Там, когда все повсе-

дневные дела были закончены, жрец зачитал расписание третьего тура:

— Брам Безбородый из Консиглора — Чарльз Честный
Кол Ренба — Фарлей из Эйкоска
Джайлз Вероломный — Хэл Копперсмит
Джад Исаксон — Ле-Но из Горной Страны
Местлес из Ветреной Долины — Омир Келсумба
Полидор Хитроумный — Рахим Сосиас
Рудольф Тэдбари — Томас Хватала
Ванн Кочевник — Вулл Нарваэц.

Жрец Внутреннего Круга, который спускался вчера из города, сообщил Леросу и воинам-участникам, что завтра сюда может прибыть группа пришельцев из-за грани мира. Турнир следует проводить, как обычно, а по отношению к гостям вести себя со всей возможной учтивостью. Если же в их поведении будет что-то странное, на это не следует обращать внимания. Возможно, среди чужаков даже будут женщины; на это тоже не надо обращать внимания. Леросу также было приказано почаще устраивать перерывы между боями для молитв и церемоний.

Воины мало интересовались тем, что не имело непосредственного отношения к их выживанию во время турнира. Гости и их проводник прибыли, когда Лерос дошел до середины списка, и прерываться ради них он не стал. Гостей было четверо, и среди них две женщины, но, как отметил с некоторым облегчением Лерос, они были в скромных одеждах. Ему доводилось слышать некоторые истории о нравах внешнего мира. Жрецу не нравилось присутствие подобных зрителей — но, возможно, у Торуна были на то некие неизвестные и благочестивые причины. В любом случае приказ есть приказ. Леросу приходилось выносить и кое-что похуже.

Сегодня ринг для боев был устроен на вершине пологого склона, в месте, где лес был пореже. С ринга был отлично виден корабль пришельцев: он стоял в нескольких сотнях метров выше, на скале с плоской верхушкой. В массивном шаре из сверкающего металла, что переносил народ внешнего мира от звезды до звезды, виден был лишь открытый дверной проем; прочая же поверхность была совершенно гладкой. Временами можно было заметить еще двух пришельцев — крохотные фигурки, сидящие или стоящие на небольшом пятачке перед кораблем.

Афина стояла у края ринга рядом с Шонбергом. Она несколько нервничала, ожидая начала схватки. Девушка наклонилась к Шонбергу и шепотом спросила:

— А вы точно уверены, что здесь действительно будут происходить бои?

— Во всяком случае, именно так сказал наш проводник. Полагаю, он знает, что тут происходит, — ответил Шонберг, не глядя на Афину и понизив голос. Он с большим интересом наблюдал за приготовлениями.

— Но если он сказал правду, каждый из этих людей уже провел за время турнира по два поединка. А вы только гляньте — по ним этого совсем не скажешь.

— Я вижу несколько повязок, — шепотом откликнулся Шонберг. — Но в твоих словах есть определенный смысл.

Шонберг ненадолго умолк, обдумывая вопрос.

— Возможно, дело вот в чем: похоже, здесь не принято вести бои, сидя на спине у какого-либо животного. Следовательно, людям приходится передвигаться с места на место исключительно за счет собственной мускульной силы, а значит, они не могут носить тяжелые доспехи. Следовательно, меткий удар любого оружия наносит тяжелую рану, а не какую-нибудь ссадину или синяк. Большая часть ран серьезны, и первый, кто получит рану, почти наверняка окажется проигравшим. Таким образом, победитель переходит в следующий круг состязаний без серьезных телесных повреждений.

Высказав это соображение, Шонберг умолк: Лерос посмотрел в их сторону. Похоже, жрец готов был объявить о начале следующего тура. На ринг с противоположных сторон уже вышли двое вооруженных мужчин. Взгляд де ла Торре и Челесты сразу обратился на них.

Лерос откашлялся.

— Брам Безбородый и Чарльз Честный!

Суоми стоял на вершине скалы рядом с Барбарой Хуртадо и смотрел вниз, на место состязаний. Он находился слишком далеко от ринга, чтобы расслышать произнесенные Леросом имена, но отлично видел в бинокль, как двое мужчин подняли оружие и двинулись навстречу друг другу. Суоми опустил бинокль и отвернулся. Карлос сам не понимал, как он ухитрился впутаться в эту отвратительную историю. Охоте на животных еще можно найти или хотя бы придумать уважительные объяснения, но

это... А еще там, рядом с рингом, стояла Афина и жадно наблюдала за происходящим.

— Должен же кто-то заниматься антропологическими исследованиями, — пояснила она Суоми совсем недавно, перед самым уходом с корабля. — Если они действительно собираются там сражаться до смерти.

Их проводник, высокий юноша в белом одеянии, как раз перед этим рассказал им некоторые подробности, касающиеся турнира.

— Но вы не антрополог.

— Да, но здесь нет ни одного профессионала в этой области. А работу все равно следует выполнить.

Афина проделала заключительный штрих подготовки — прикрепила на пояс рядом с голографической камерой небольшую видеокамеру, фиксирующую заодно и звук.

— А Шонберг тоже прибыл сюда с целью проведения антропологических исследований?

— Спросите об этом у него. Карл, если вы настолько сильно ненавидите Оскара и не можете спокойно смотреть на жестокие стороны жизни, зачем вы вообще отправились в это путешествие? Почему вы подбили меня попросить Оскара пригласить вас?

Суоми глубоко вздохнул:

— Мы уже говорили на эту тему.

— Скажите мне об этом еще раз. Я действительно хочу разобраться, в чем тут дело.

— Ну ладно, пускай. Я отправился в это путешествие из-за вас. Вы — самая привлекательная женщина, которую я когда-либо встречал. Я имею в виду нечто большее, чем секс. Конечно, секс тоже входит в это понятие... но я хотел бы завладеть той частью вас, которая сейчас принадлежит Шонбергу.

— Я ему не принадлежу, как вы выразились. Я работаю на Оскара вот уже пять лет, и он вызывает у меня восхищение...

— Чем же он вас восхищает?

— Своей силой. В вас тоже есть своего рода сила, Карл, — я не могу этого не признать, — но она иная. Оскару принадлежит мое восхищение, и зачастую — мое общество, потому что мне приятно составлять ему компанию. Несколько раз мы с ним занимались сексом, и это тоже было приятно. Но я ему не принадлежу. Я никому не принадлежу. И никогда не буду принадлежать.

— Возможно, будете, если от всего сердца захотите подарить себя кому-нибудь.

— Никому и никогда.

Это был первый поединок сегодняшнего дня. И Брам и Чарльз сражались осторожно. Никто из них не пытался решить исход боя одним ударом. При одинаковом росте противников Чарльз Честный был куда более сухощав. Он держался неестественно прямо. Лицо его было красивым, но мрачноватым. Он был одет в свободного покроя куртку из хорошо выделанной кожи.

Афина подумала, что этот человек выказывает просто поразительное самообладание. Чарльз поднял свой длинный, острый даже на вид меч, устремил его в сторону противника и замер в ожидании.

«Нет, не может быть, чтобы речь здесь шла о жизни и смерти, — попыталась уверить себя Афина. — Ну и что, если они держатся с такой серьезностью? Это наверняка какая-то игра, и проигравший просто символически из нее выбывает...»

Правда, в глубине души Афина понимала, что на самом деле все обстоит не так.

— Ну, давай, — пробормотал Чарльз, словно понукая какое-то животное. — Давай. Пошел. Пошел же!

И безбородый Брам со всей своей юной и капризной силой двинулся вперед — один шаг, затем другой... Потом это превратилось в ужасающий натиск. Его меч взлетел и обрушился вниз. Отточенные клинки сшиблись. Двое мужчин заворчали, словно хищники. Среди зрителей послышались бессвязные взволнованные возгласы. Чарльз, отражая удар за ударом, отступал перед противником. Казалось, он на мгновение потерял равновесие, потом скользнул в сторону и контратаковал Брама. Этот удар заставил столпившихся вокруг воинов переглянуться с пониманием — и с уважением. Впрочем, Брам увернулся от удара. Он до сих пор был невредим, но его сокрушительная атака захлебнулась. Афина наконец-то начала понимать, что в здешних местах искусство боя имеет не меньшее значение, чем обыкновенная жестокость.

На миг Брам застыл, нахмурясь. Юноша был так удивлен, словно встретил неожиданное сопротивление со стороны какого-то неодушевленного предмета. Потом Брам внезапно возобновил наступление — еще более яростно, чем в первый раз, если такое только возможно представить. Длинные мечи превратились в размытые полосы и запели в унисон. Они разлетелись в стороны и снова сшиблись. Опять послышался звон металла. Теперь Афина уже начала замечать и понимать рисунок боя. Девушка позабыла обо всем на свете; ее зрение и рассудок были всецело поглощены представшим перед ней зрелищем. Потом

как-то так оказалось, что меч Чарльза исчез у него из рук — хотя Афина следила за боем очень внимательно, она не заметила, как это произошло. Оказалось, что меч уже вонзился между ребер Брама, рукоять упирается юноше в грудину, а из широкой спины Брама торчит сантиметров пятьдесят окровавленного лезвия.

Брам покачал головой. На лице его застыло горькое недоумение. Афина видела все это с величайшей четкостью, и в то же время ей казалось, что все это происходит чрезвычайно медленно. Брам еще раз взмахнул мечом, но похоже было, что ему не под силу определить, где находится его ныне безоружный противник, хотя Чарльз стоял прямо перед юношей. Неожиданно Брам неуклюже сел, выронил оружие, закрыл лицо рукой и разрыдался. Казалось, юношу поразила мысль о том, что его бороде так и не суждено вырасти. Потом рука безвольно упала, и Брам осел на землю. Его голова склонилась на грудь. Поза юноши со стороны выглядела страшно неудобной, но у Брама не вырвалось ни единой жалобы. И только когда на арену вышел раб в сером плаще, чтобы оттащить тело в сторону, Афина осознала, что этот человек — этот мальчик — только что умер у нее на глазах.

Чарльз Честный сильным движением выдернул меч из мертвого тела и отдал его другому рабу — почистить. Тем временем третий раб засыпал песком то место, где расстался с жизнью юный Брам. В отдалении кто-то копал яму. Мир безвозвратно изменился за несколько секунд — а может, изменилась сама Афина. Ей никогда уже не стать прежней.

— Кол Ренба и Фарлей из Эйкоска!

Человек, вышедший вперед, когда назвали имя Кола Ренбы, был крупным, смуглым и лохматым. Он остановился почти в центре арены, помахивая шипастым кистенем, и стал ожидать, пока приблизится Фарлей.

Оскар что-то говорил Афине, но ей сейчас было не до того, чтобы кого-то слушать или о чем-то думать. Она не могла даже слушать Оскара. Единственное, что сейчас имело значение, — смотреть.

Фарлей из Эйкоска был светловолосым, веснушчатым, высоким и хорошо сложенным, хоть и не очень красивым. Он был обут в кожаные сапоги и ступал мягко, словно кот. Одежда его была простого покроя, но из дорогой и прочной ткани. Воин краем глаза взглянул на солнце, сверкавшее на отполированных клинках его меча и кинжала. Действуя обеими руками, Фарлей

предпринял пробную атаку, стараясь держаться вне предела досягаемости кистеня. Увидев, как быстро шипастый шар взлетел у него над головой, а потом вернулся обратно, Фарлей кивнул как бы с некоторым удовлетворением.

Теперь Фарлей начал кружить, пытаясь обойти Кола Ренбу то с одной, то с другой стороны. Кистень следовал за ним — быстрее, чем прежде, быстрее, чем могла уследить Афина, и девушка закричала, не осознавая того. Потом Афина вскрикнула снова — на этот раз с облегчением, когда увидела, что шипы не зацепили красивую светлую кожу Фарлея.

На мгновение противники застыли недвижно, потом снова началась стремительная пляска оружия, слишком быстрая, чтобы Афина могла в ней разобраться. Она подумала, что самое волнующее уже позади, но тут шипастый шар ударил Фарлея по руке, и кинжал, сверкнув в воздухе, улетел куда-то в сторону. Почти в то же самое мгновение длинный меч Фарлея нанес ответный удар, и теперь уже Кол Ренба попятился, продолжая вращать кистень левой рукой. Его левая рука скорчилась, словно пыталась избежать дальнейших повреждений, а рукав тем временем стремительно набухал кровью.

Теперь у обоих противников кровоточили левые руки, но, похоже, Фарлею пришлось хуже. Он явно не владел левой рукой, а с тыльной стороны предплечья белели осколки кости. Кинжал со сверкающим лезвием лежал, зарывшись в пыль.

Как только Кол Ренба оценил степень полученной травмы и понял, что может шевелить левой рукой, он тут же прекратил пятиться и снова перешел в наступление. Сама смерть носилась вокруг него по сглаженному эллипсу в облике шипастого шара. Как только Кол приблизился, Фарлей начал отступать, но только на мгновение. Когда шар кистеня просвистел мимо, Фарлей сделал глубокий выпад, и острие длинного меча нашло горло противника. Кол Ренба умер мгновенно. Кистень вырвался у него из руки, взмыл по дуге и упал где-то за пределами круга. Зрители с криками уворачивались от него.

Афина продолжала кричать даже после того, как вопли остальных зрителей уже смолкли. Она поняла это, замолчала и повернулась к Шонбергу, в чью руку, как оказалось, она судорожно вцепилась. Шонберг смотрел на Афину как-то странно — как, впрочем, и де ла Торре, который стоял чуть в стороне и обнимал откровенно скучающую Челесту.

Но Афина тут же забыла о них.

— Джайлз Вероломный и Хэл Копперсмит!

На ринг вышла новая пара бойцов.

Из этой пары Копперсмит был более худым и более высоким. Он явно предпочитал начинать с обороны и держал свой длинный меч словно антенну какого-то гигантского насекомого. У русоволосого Джайлза Вероломного на лице читалось серьезное упрямство. Впрочем, было там еще нечто, заставляющее заподозрить, что доверять этому человеку небезопасно. (Афина подумала, что такое выражение должно быть свойственно всем преуспевающим предателям.) Он был не слишком рослым и не казался особенно сильным, но орудовал своим длинным клинком с расчетливой скупостью движений. Только что его меч был вверху — и вот уже оказался внизу, а Афина даже не заметила, когда он начал двигаться. Похоже, Хэл Копперсмит испытывал трудности. Сперва у него появилась рана выше локтя, потом — поперек колена, а потом клинок Джайлза практически насквозь рассек татуированный бицепс противника. То, что происходило дальше, было обычной мясницкой работой. Когда Джайлз отступил назад, на лице его было написано лишь явственное отвращение. Вперед пробрался раб, взмахнул свинцовой колотушкой и прекратил безмолвную агонию Хэла.

— Джад Исаксон и Ле-Но из Горной Страны!

Ле-Но бросился в атаку едва ли не до того, как прозвучал сигнал к началу боя, неся свое искаженное яростью и покрытое шрамами лицо, словно щит. В каждой руке у него было по широкому клинку, и эти клинки сейчас мелькали в воздухе, словно ступицы колеса. Маленький Исаксон радостно взвыл, словно для него было огромным удовольствием встретиться со столь агрессивным противником, ринулся вперед и сшибся с Ле-Но почти в центре вытоптанного круга. Круглый металлический щит, который Джад держал в левой руке, звенел под градом ударов противника, словно наковальня какого-то безумного кузнеца. Ле-Но к защитным движениям не прибегал вовсе — казалось, он даже не знает, что это такое. Он попросту осыпал противника столь неистовыми ударами, что у того не оставалось ни секунды для контратаки.

Бой, ведущийся в таком темпе, не мог быть долгим. Он им и не стал. Воздетая для очередного замаха правая рука Ле-Но вдруг застыла в воздухе, пронзенная, словно иглой, тонким клинком Исаксона. Левая рука, вооруженная кинжалом, продолжила начатое движение, но щит Джада — все еще яркий, хоть и покрытый множеством зарубок, — выдержал удар. Потом Джад выдернул меч из искалеченной руки Ле-Но и принялся наносить новые удары, все быстрее и быстрее, яростнее своего противника, так что бедный Ле-Но, прежде чем умереть, оказался изрубленным на куски.

— Что случилось?

Афина поняла, что чей-то настойчивый голос вот уже несколько раз повторяет этот вопрос. Шонберг крепко держал ее обеими руками и даже, кажется, слегка встряхивал, заглядывая девушке в лицо. Когда взгляд Афины сфокусировался на Оскаре, беспокойство на его лице сменилось странной смесью изумления и презрения.

— Ничего не случилось. Что вы имеете в виду? Со мной все в порядке. — Афина продолжала высматривать, не начался ли следующий бой. Потом она поняла, что жрец-распорядитель, Лерос, или как там его, видимо, только что объявил перерыв. Постепенно к Афине пришло осознание того факта, что она в возбуждении от боя на время почти потеряла контроль над своим поведением, словно под воздействием наркотиков или от занятий сексом. Но нет, все было в порядке. Да, она была близка к этому, и все же тем не менее по-прежнему держала себя в руках.

Шонберг, продолжая смотреть на Афину с некоторым беспокойством, сказал:

— Нужно бы дать Карлосу и Барбаре посмотреть пару боев.

— Карлосу? — Афина расхохоталась, резко и презрительно. — Это зрелище не для него. Спасибо, Оскар, что привезли меня сюда.

— И все же я думаю, что с тебя на сегодня довольно.

Из-за спины Оскара выглянул де ла Торре:

— С меня, пожалуй, тоже пока что хватит. Афина, может, пойдем обратно на корабль?

— Я остаюсь здесь.

Она произнесла это таким тоном, что мужчины сразу же прекратили спорить. Челеста тем временем придвинулась к Шонбергу; она уделяла Оскару куда больше внимания, чем событиям, происходящим на ринге.

— Ну, тогда я пошел, — заявил де ла Торре и двинулся прочь.

Суоми передал ружье де ла Торре вместе с обязанностями часового, а сам спустился по крутому склону скалы, придерживаясь за веревку. Ее закрепили на вершине, чтобы сделать спуск и подъем менее опасными, а при отсутствии непосредственной необходимости веревку втягивали наверх. Эта сторона, где спустился Суоми, была единственной, которую можно было назвать более-менее пологой; здесь наличествовали даже несколько пятачков с наносной почвы, на которых выросла пара-тройка кустов. После нескольких спусков и подъемов на склоне появилось некое подобие тропы, но идти по ней было довольно утомительно.

Добравшись до леса, Суоми тут же двинулся в ту сторону, где должен был проводиться турнир. Афина была там, и не просто заглянула на минутку, полюбопытствовать, — нет, она пожелала остаться и увидеть все. Чисто научный интерес? Антропология? До нынешнего дня она никогда не пылала интересом к подобным вопросам — во всяком случае, при Суоми. В конце концов, возможно, турнир вовсе не такое уж смертоносное мероприятие, как полагал Суоми. Ни он сам, ни Барбара не следили за ходом турнира. Де ла Торре, вернувшись, ничего не рассказал, а Суоми не стал спрашивать. Но, возможно, он действительно настолько кровав, как говорил о том жрец-проводник. И тем не менее Афина все еще оставалась там. Если ей нравятся подобные зрелища, ему, Суоми, лучше знать об этом.

Когда Суоми выбрался из леса и подошел поближе, на ринге не происходило ничего ужасного. Люди просто стояли вокруг, ожидая, пока мужчина в белой одежде проведет какой-то обряд перед невзрачного вида алтарем. Суоми присоединился к зрителям. Шонберг кивнул, приветствуя его. Афина бросила на Суоми рассеянный взгляд. Он подумал, что девушка чем-то расстроена. Но Афина никоим образом не дала понять, что предпочла бы оказаться в каком-либо другом месте. Вскоре дальнейшее развитие событий отвлекло внимание Суоми от Афины.

— Омир Келсумба и Местлес из Ветреной Долины!

Массивный, словно вековое дерево, Келсумба двинулся вперед упругим шагом. Его черная кожа блестела. Великан прижимал топор к груди, баюкая его, словно младенца. Местлес — худощавый, начинающий седеть мужчина задумчивого вида, ссутулившийся от возраста наподобие старой косы, которой он собирался драться, — какое-то время держался на почтительном расстоянии от Келсумбы, уклоняясь скупыми, рассчитанными движениями и изучая технику своего врага. Когда топор противника устремился к Местлесу с такой скоростью и силой, что, казалось, никакой человек не сумеет отвести этот удар, тот не совершил ни одной ошибки. Он безукоризненно точно парировал удар, но сила столкновения просто отшвырнула его. Потом на его косу обрушился еще один удар и еще... После четвертого или пятого парирования лезвие косы переломилось. Среди зрителей прошелестел приглушенный выдох — предвкушение крови. Суоми услышал, что точно такой же звук издала и Афина. Она наблюдала за боем, и лицо ее лучилось восторгом. Сейчас Афина явно забыла и о Суоми, и о всех прочих.

Местлес все же сумел сохранить спокойствие. Он по-прежнему твердо держал свое необычное оружие, а сломанное лезвие все еще оставалось опасным. Воин выказал куда большее проворство, чем можно было предположить, исходя из его внешности. Еще некоторое время Местлес успешно сопротивлялся и не позволял прижать себя к краю ринга. Казалось, что для него, как и для любого другого бойца, мысль перешагнуть через эту начерченную на земле линию была даже более нелепой, чем *идея спрыгнуть с крепостной стены.*

Затем топор Келсумбы завертелся, превратившись в размазанную полосу. Казалось, он увлекает хозяина за собой. И наконец топор добрался до Местлеса. Местлес извернулся в попытке избежать удара, но топор вонзился в него почти по обух. Упавшее тело Местлеса и на земле продолжало корчиться, извиваться, биться в агонии. Вперед выпрыгнул раб с колотушкой и нанес завершающий удар.

Внезапно внутренности Суоми взбунтовались и отказались нормально работать. Остатки завтрака пожелали снова вернуться на белый свет. «Мне нужно взять себя в руки», — промелькнула мысль у Суоми. Но было поздно. Карлос отвернулся от ринга, но не успел что-либо предпринять, как его стошнило. Ну что ж, если они посчитают, что он осквернил священную землю, то могут и убить святотатца. Но когда Суоми выпрямился, похоже было, что на него просто никто не обратил внимания. Было ли это деликатностью или полным отсутствием интереса? Суоми затруднялся ответить на этот вопрос.

— Полидор Хитроумный и Рахим Сосиас!

Суоми обнаружил, что снова может смотреть. Полидор, выглядевший не более хитроумным, чем его соперник, с завидной силой и энергией размахивал видавшим виды мечом. Сосиас был невысоким мужчиной с заметным брюшком, но именно он ка-

ким-то образом ухитрился первым пустить кровь, располосовав своим скимитаром левое плечо Полидора. Эта рана скорее возбудила, чем ослабила Полидора. Он так насел на своего низкорослого противника, что несколько мгновений казалось: Полидор берет верх. Но потом он недостаточно четко провел глубокий выпад и остановился, глядя на собственную кисть, валяющуюся на земле. Лицо Полидора исказилось. Он успел еще плюнуть в сторону Сосиаса, прежде чем скимитар вернулся и забрал его жизнь.

На ринг снова вышел одетый в белое жрец. Похоже, наступил очередной перерыв между боями. Впрочем, Суоми это не волновало. Он отвернулся — на этот раз намеренно. Суоми выяснил, что способен смотреть на увечья, которые могут воспоследовать в ходе турнира, — да, способен, но по-прежнему предпочитает на такое не смотреть.

Суоми подвинулся поближе к Шонбергу и Афине, как-то ухитрился посмотреть в глаза Оскару, избегая при этом смотреть на девушку, и сказал:

— Я возвращаюсь на корабль.

Он взглянул на Челесту, но та лишь скользнула по Карлосу скучающим взором и переместилась поближе к Шонбергу.

Суоми отвернулся от них и поплелся обратно к лесу. Хорошо было на некоторое время снова оказаться в одиночестве, но здесь, в этом чужом лесу, для него не было подходящего места, чтобы остановиться и подумать.

Добравшись до подножия скалы, Суоми обнаружил, что веревка исчезла. У Карлоса не было ни малейшего желания пытаться подняться без страховки, и он громко крикнул:

— Эй, наверху!

Через несколько секунд над краем площадки показалась голова и голые плечи де ла Торре.

— Что там такое? — спросил он.

— С меня хватит. Сбрось веревку.

— Ладно.

Через мгновение сверху полетел моток веревки.

Когда Суоми взобрался на вершину, он увидел, что Барбара лежит обнаженной на матрасике, и матрасик расположен настолько близко к краю, что де ла Торре может сидеть рядом с девушкой и в то же время выполнять обязанности часового. Суоми заметил также, что рядом с матрасиком установлен бинокль на подставке, как раз на такой высоте, чтобы лежащий мужчина — вполне возможно, лежащий на женщине, — мог непрерывно наблюдать за событиями на ринге.

Очевидно, де ла Торре закончил все свои дела с биноклем, матрасом и девушкой. Он уже натянул шорты и продолжал одеваться дальше.

— Тогда я возвращаю ружье тебе, Карлос, — лениво произнес де ла Торре, — а сам спущусь обратно.

Прежде чем Суоми пристроил на плече ремень ружья — он так и не смог к нему привыкнуть, — де ла Торре уже двинулся прочь. Суоми следил за ним, пока тот не исчез из виду, потом обратился к Барбаре, устало свернувшейся на матрасе:

— Как у тебя дела?

Барбара шевельнулась и негромко произнесла:

— Возможно, буду жить.

Суоми никогда прежде не видел Барбару в такой депрессии. Пару раз за время долгого путешествия Карлос делил с ней постель, и пару раз — с Челестой. А с Афиной — ни разу. Он не мог относиться к ней как к очередной случайной связи. Возможно, теперь сможет.

Барбара была единственной из всего экипажа, кто вообще отказался смотреть на турнир. И, конечно же, этот садист де ла Торре выбрал для своей цели именно ее... Суоми захотелось сказать девушке что-нибудь хорошее, но ему ничего не шло на ум. Возможно, в другое время нагота Барбары тоже вызвала бы у него вожделение, но сейчас она лишь заставляла лежащую ничком девушку выглядеть еще более беззащитной и несчастной. Ну что ж, Барбара хотела отправиться в роскошное космическое путешествие с баснословно богатым человеком, и ее желание исполнилось. А сейчас она платила за проезд.

Расхаживать по площадке, охраняя корабль, не было никакого смысла; существовал лишь один маршрут, по которому можно было подняться наверх. Стоя на вершине, Суоми даже без бинокля отчетливо видел, как де ла Торре подошел к рингу. Очевидно, следующий поединок все еще не начался. Если Суоми с этого расстояния правильно разобрался в расположении фигур, еще четверо воинов ожидали боя. Бинокль валялся под рукой, но Суоми не имел ни малейшего желания им пользоваться. Возможно, ему просто не хотелось выяснять нынешнее положение вещей.

Впереди светили несколько томительно длинных дней, пока все участники не истребят друг друга и турнир не загнется сам собой, а потом — очень долгое путешествие домой. Но все же

Суоми получил некоторое вознаграждение. Он понял, что того чувства, которое, как ему казалось, возникло между ним и Афиной, на самом деле не существовало. Узы не порвались, нет, — их просто никогда не было.

Барбара села и принялась приводить в порядок волосы. Она до сих пор не была настроена беседовать. Суоми повернулся к северу и увидел — или вообразил, что увидел, — вздымающиеся к небесам ледники тех мест, где они недавно охотились. Эти ледники нависали над горизонтом, словно тучи, ни на что не опираясь.

Что это за звук? Тропинка пуста. Должно быть, какой-нибудь мелкий зверек или летучая тварюшка. А, чепуха.

Ну что ж, по дороге домой он будет испытывать определенный дискомфорт в общении, но если бы отношения между ними зашли дальше, все в конечном итоге могло бы обернуться еще хуже. Придется считать это благоприятным завершением. Если бы они...

Интересно, здесь водятся дятлы? Суоми пока что не видел здесь ни одной птицы, но звук раздавался почти непрерывно. Наверное, он доносится откуда-нибудь из-под крон деревьев. Со стороны турнирной площадки донесся приглушенный расстоянием многоголосый рев. Это как же нужно орать, чтобы аж здесь было слышно? Но Суоми не стал оборачиваться и пытаться рассмотреть, что происходит.

Барбара встала и собрала одежду.

— Я пошла в душ, Карлос.

— Хорошо.

Суоми посмотрел ей вслед. Женщины! Они великолепны, но понять их невозможно — не стоит и пытаться.

Подумав о великолепии, Суоми вспомнил о том животном, ледяной твари. Когда животное бросилось на Суоми, его сила и красота заставили Карлоса оцепенеть от восхищения и ужаса. Теперь же он, к собственному удивлению, ощутил легкое сожаление — и почему он не убил того хищника? Лучше, конечно, если бы зверь остался жить... однако... В жизни народов, как и отдельных личностей, есть времена, когда лучшие охотники являются лучшими людьми. Что-то в этом духе. Конечно, народ, путешествующий меж звезд, давным-давно миновал эту стадию — вероятно. То же самое произошло и с Карлосом Суоми в его личной жизни. Или произойдет. Но, с другой стороны, о Шонберге нельзя сказать, что он всего лишь садист...

Неожиданно в мозгу у Суоми что-то щелкнуло, и он вспомнил, что ему напоминает этот назойливый стук — удары металла о камень. Перед его внутренним взором встала картина: Шонберг повис на веревке, держит в руках альпинистское снаряжение и вырубает ступеньки в склоне. Это воспоминание не пришло к нему раньше потому, что нынешние удары были слишком быстрыми. Молотком с такой скоростью не помашешь. И в то же время удары звучали недостаточно размеренно, чтобы приписать их какому-нибудь механизму.

На доступной для подъема стороне скалы по-прежнему никого не было. Суоми двинулся вокруг корабля, чтобы проверить другие склоны, и тут перед ним возник кто-то — или что-то, — осторожно взбирающееся на край площадки. Огромная голова с буйной порослью грубых темных волос, перевязанных серебряной лентой. Вслед за головой над краем утеса появилось массивное тело борца. Неизвестный был одет в грубо выделанные шкуры и темный плащ, обвивающийся вокруг тела. Появившаяся фигура была настолько огромна, что сознание просто отказывалось воспринимать ее размеры.

Скалолаз рывком забросил тело наверх, распластался на плоской поверхности площадки, после чего поднял огромную голову и посмотрел прямо на Суоми. Бесстрастное лицо было наполовину скрыто буйно разросшейся бородой и усами. Оно вполне соответствовало голове по размерам, и все же чувствовалась в нем какая-то неуловимая неправильность. Дело было даже не в шрамах и не в нарушении пропорций. Хотя это лицо и не было маской в обычном смысле слова, все же оно было искусственным. Да, но при этом оно было сделано очень умело, правда, напоминало работу безумного художника, убежденного, что он сумеет одурачить людей и заставить их считать этого робота, этот манекен, человеком.

Непонятное существо довольно грациозным движением поднялось на ноги, и тут Суоми увидел кое-что, прежде скрытое за огромным телом. В самый край утеса был вбит альпинистский костыль. К ушку костыля была привязана веревка, а другой конец этой туго натянутой веревки уходил вниз. Теперь же над краем площадки показалось лицо следующего скалолаза. Этот был нормального размера и, несомненно, являлся человеком.

Тем временем проложивший дорогу гигант поднялся в полный рост. Он превосходил размерами любого человека, каких Суоми доводилось видеть. Встав, он спрятал молоток в висев-

шую на поясе сумку и, не прерывая движения, извлек из ножен здоровенный меч.

Суоми впал в ступор. Его не парализовало от страха, как при встрече с ледяной тварью, но он просто никак не мог найти объяснения той странной картине, которая предстала его глазам.

Первой промелькнула мысль о том, что он стал жертвой тщательно разработанной идиотской шутки со стороны Шонберга и де ла Торре. Но прежде чем эта идея сформировалась окончательно, Суоми понял, что вряд ли спутники захотели бы столько морочиться лишь для того, чтобы напугать его. По крайней мере, у Шонберга хватало здравого смысла, чтобы не орать «Уга-уга!» в ухо нервному человеку с заряженным ружьем в руках.

Второе предположение, посетившее Суоми, гласило, что это местные хулиганы. Они есть повсюду, так почему бы им не быть на Охотнике? Вот и пришли посмотреть, нельзя ли что-нибудь стянуть с корабля пришельцев.

Но гигантский вожак мародеров не вписывался ни в одну из этих гипотез. При виде этого странного существа разум Суоми начинал буксовать и пытаться любым путем обойти непонятное явление.

Суоми пришла в голову смутная идея о необходимости пугнуть бандитов, и он потянул ружье из-за спины. Тем временем неправдоподобный великан сделал два шага вперед, подняв меч, потом остановился, словно нынешнее местоположение его устроило.

К этому моменту второй скалолаз, молодой крепкий мужчина, взобрался на площадку, тоже вынул из ножен меч и двинулся к открытому люку «Ориона». Над краем показался третий незваный гость, тоже нормального размера.

— Стой! — произнес Суоми, сам осознавая, насколько неуверенно звучит его голос. Никто не остановился, невзирая на то, что ружье уже было в руках у Суоми, и Карлос почувствовал себя полным дураком.

Теперь рядом с человекообразным гигантом на верхушке скалы стояли уже два вооруженных человека, а третий карабкался через край. Люк корабля оставался открытым и лишенным всякой защиты — если не считать Суоми. А внутри находилась Барбара.

До сих пор Суоми не направлял ружье на незваных гостей, но теперь он это сделал и снова крикнул: «Стой!» — на этот раз уже довольно убедительно. Огромная фигура немедленно мет-

нулась в сторону Суоми — с немыслимой для человеческого существа скоростью. Высоко занесенный меч готов был нанести удар. Суоми нажал на спусковой крючок — тот не шелохнулся. Суоми сообразил, что забыл снять оружие с предохранителя. Карлос инстинктивно отступил, уклоняясь от меча, и почувствовал под ногами пустоту. Он отчаянно взмахнул левой рукой и ухватился за свисающую веревку. Эта счастливая случайность помогла Суоми избежать падения, которое, несомненно, стало бы для него смертельным. Он оказался совсем недалеко от края площадки и сильно ударился о скалу ногами и спиной. Рука Суоми неудобно вывернулась, и веревка выскользнула из захвата. Суоми потерял последнюю опору, покатился по гравию и остановился, лишь врезавшись в скальный выступ. От удара у него перехватило дух. Суоми находился на полпути до тропы, но под ним сейчас лежала самая крутая и опасная часть склона.

Суоми наполовину сидел, наполовину лежал на скальном выступе, затормозившем его падение, и смотрел вверх. Карлос с изумлением понял, что не получил серьезных повреждений и что его правая рука до сих пор сжимает ружье. Он осторожно нащупал предохранитель рядом с казенной частью и повернул его назад. Суоми даже умудрился вспомнить, как перевести ружье на полностью автоматический огонь.

Тут сверху показался человек-машина со своим вскинутым мечом. Увидев Суоми, он скользнул по крутому склону с грацией танцора. Острие меча было устремлено в сторону Суоми. Гигант спускался, безукоризненно контролируя свои движения. Один шаг-прыжок, другой...

Ружье в руках Суоми хрипло кашлянуло. Из левой руки голема[1], в которой тот сжимал меч, брызнули какие-то мелкие частицы, на вид сухие, и потянулась струйка дыма. Человек-машина извернулся в неимоверном пируэте, куда грациознее, чем это проделало бы любое раненое животное. Удар силового заряда заставил его отклониться в сторону и потерять равновесие. Громадное тело пролетело мимо Суоми вниз по склону.

Но все же он не упал. В следующий момент — уже совсем недалеко от земли — гигант сумел восстановить контроль над ситуацией и задержать падение. Потом он развернулся и преспокойно принялся карабкаться вверх со скоростью горного козла. Сверкающий меч он снова держал перед собой, а лицо превратилось в маску безумной безмятежности.

---

[1] Голем — робот, искусственный человек, сотворенный берсеркером.

У Суоми вырвалось рыдание, вызванное одновременно и страхом, и бессильной яростью. Ружье в его руках непрерывно вздрагивало, паля в белый свет, как в копеечку, пока Суоми пытался совладать с собой и нормально прицелиться. Разряженный в меха монстр — его лицо под серебряной лентой все так же было лишено какого бы то ни было выражения — остановился. Он все-таки попал под заградительный огонь, и в стороны полетели клочья меха, а также не поддающиеся определению мелкие осколки. Потом гигант рухнул к подножию скалы, все еще пытаясь удержаться на ногах. Черный плащ то сворачивался, то снова трепыхался под напором воздуха. Наконец продолжающаяся безумная стрельба Суоми пригвоздила гиганта к стволу огромного дерева, а тот все продолжал дергаться и извиваться, словно насекомое на булавке.

Заряд энергии превратил серебряную ленту и половину лица монстра в серое бескровное пятно. Чудовищный меч выпал из рук. С последним неловким и непосильным движением огромное тело осело на землю и застыло. Суоми наконец-то сумел отпустить спусковой крючок.

Внезапно все затихло. Суоми показалось, что и небо, и скала кружатся у него над головой. Он понял, что по-прежнему лежит, опасно растянувшись на крутом склоне, с ногами, задранными выше головы. Одно неверное движение — и он так навернется! Суоми несколько раз судорожно вздохнул — почти всхлипнул. Двигаясь с предельной осторожностью и продолжая сжимать в руке драгоценное ружье, Суоми кое-как развернулся ногами книзу. Теперь он отчетливо ощущал каждый из доброго десятка синяков и ссадин, заработанных во время падения.

Он должен вернуться и защитить корабль. Но Суоми явно было не по силам подняться по склону в этом месте. Как он вообще ухитрился уцелеть при падении, кто бы ему сказал? Должно быть, он сильнее, чем сам думал. Падение увело его в сторону от того места, где они обычно взбирались на скалу. Значит, придется спуститься вниз, а потом подняться заново, в обычном месте.

Суоми закинул ружье за спину и стал цепляться за скалу обеими руками. В нынешнем своем состоянии он не задумываясь преодолевал валуны и трещины, на которых в другое время переломал бы себе ноги.

Когда Суоми наконец добрался до подножия скалы, ему на глаза попалось тело поверженного врага. Карлос снова взял ружье на изготовку, но сейчас в нем уже не было необходимости.

Выстрелы изрешетили кору дерева, и земля у ствола была покрыта причудливым ковром из кусочков коры, листьев и веточек. Вот на этом-то ковре беспорядочной грудой и валялась огромная кукла.

Суоми — невольный убийца — подошел поближе. Он не мог ни осмыслить произошедшее, ни отвести взгляда. И на этот раз, как и в случае с ледяной тварью, первым в глаза ему бросился окровавленный мех, только сейчас он был не ярко-оранжевым, а тускло-коричневым.

Суоми ткнул в труп дулом ружья и сдвинул с руки край разодранной в клочья одежды. От этого движения голова голема повернулась влево. Массивный торс под порванной меховой одеждой и сам был страшно изорван — при дневном свете от такой картинки и свихнуться было недолго. Впрочем, на этот раз не было ни крови, ни костей, одни лишь куски мягкого материала, которым, видимо, была набита кукла. Среди этой набивки виднелись разломанные металлические штыри, колесики и шестеренки, поблескивала какая-то металлическая коробка или труба, и все это пронизывала целая сеть из металлических кабелей и покрытых изоляцией проводов. Судя по беспорядочной мешанине, куклу делали вручную. А вот и какой-то источник энергии. Водородная лампа? Нет, ядерная батарейка. Предназначалась она явно не для робота, но, несомненно, вполне справлялась со своей задачей.

Суоми совершил убийство — и все же не совершил. Совершенно точно можно было сказать, что это тело никогда и не было живым. Теперь Суоми смог успокоиться и осмотреть робота более хладнокровно. Он прикоснулся к щеке над бородой — на ощупь это напоминало гладкую поверхность хорошо выделанной кожи. Под меховой одеждой на груди, видимо, не было даже такой кожи, а один лишь металлический доспех наподобие кирасы, ручной ковки. Неправильность формы и толщина доспеха напомнили Суоми щит, который он совсем недавно видел внизу, на турнире. Сделанный с такого близкого расстояния выстрел энергоружья расколол доспех, как яичную скорлупу. Внутри обнаружилась мешанина деталей, проводов и штырей — все это тоже было сделано вручную. Среди них загадочно выделялись несколько запломбированных коробок, совершенных по форме, с безупречно обработанной поверхностью, — они явно имели абсолютно иное происхождение, чем все прочие детали...

Суоми схватился за пояс. Его коммуникатор исчез. Суоми с

запоздалым страхом понял, что тот вылетел из футляра при падении и теперь валяется где-нибудь на склоне.

— Карлос! — послышался звенящий от ужаса голос Барбары. Он доносился откуда-то сверху, из-за древесных крон. — Карлос, на по... — и возглас оборвался.

Суоми подбежал к тому месту, где пассажиры «Ориона» обычно поднимались на скалу, и посмотрел вверх. Там маячила голова местного жителя, одного из тех, кто вскарабкался по почти неприступному склону. Суоми сделал шаг наверх. Тут в поле его зрения показались руки чужака — мужчина держал короткий толстый лук, и стрела уже лежала на тетиве. Суоми только начал поднимать ружье, как мимо его уха просвистела стрела. Это вызвало у Карлоса острую вспышку испуга, но он не стал стрелять в ответ. Даже если чужак сейчас рухнет мертвым, делу этим не поможешь. Несмотря на то что он превосходил местных жителей в огневой силе, Суоми не мог в одиночку ничего сделать для Барбары или отбить корабль обратно. Ему не по силам взобраться на скалу с ружьем в руках, а как только он закинет его за спину, то сразу же превратится в беспомощную мишень.

Ему необходима помощь. Осознав это, Суоми повернулся и бросился бежать, не обращая внимания на боль в кровоточащих ногах и глухо ноющей спине. Он направился в ту сторону, где проходил турнир. Нужно поднять тревогу. Ружье стреляет практически бесшумно. Вполне возможно, что никто до сих пор ничего и не заметил.

Но едва он пробежал по лесу каких-нибудь пятьдесят метров, как перед ним возник строй людей в военной форме, и все они держали на изготовку луки и копья. Рядом с шеренгой стоял жрец в белом одеянии. Это были солдаты горы Богов, и они явились сюда отнюдь не для того, чтобы защитить пришельцев из внешнего мира от бандитов. Их оружие было направлено против него, Суоми.

— Попытайтесь взять его живым, — отчетливо произнес жрец.

Суоми резко свернул в сторону и, прибавив скорости, помчался вниз по склону холма, прочь и от солдат, и от корабля. Сзади послышался свист и птичьи крики — видимо, условные сигналы.

Судя по шагам, в погоню за Суоми пустился кто-то один, и этот кто-то явно нагонял беглеца. Карлос подумал, что это еще один робот-монстр. Он остановился и посмотрел. Преследователь оказался обычным человеком, но все же Суоми выстрелил,

не колеблясь ни секунды. Он промазал, и заряд сделал зарубку в дереве над головой солдата. То ли солдата ранило отлетевшими щепками, то ли оглушило, то ли этот голубок просто испугался — непонятно, но он тут же отказался от погони и скрылся из виду. Суоми же помчался дальше. В отдалении продолжали пересвистываться другие солдаты, но, по мере того как Карлос бежал, эти звуки становились все слабее. Когда наконец совершенно выдохшийся Суоми упал на землю в густом подлеске, единственными звуками, которые он слышал, были его собственное хриплое дыхание и звон крови в висках.

Глава 7

Когда Суоми ушел с турнира, Шонберг заметил, что Афина смотрит ему вслед и на лице девушки написано раздражение. Похоже, эти двое изрядно раздражали друг друга буквально в каждой мелочи. У Шонберга начало складываться впечатление, что ничего серьезного между Суоми и Афиной нет. С точки зрения Оскара, это было только к лучшему, поскольку Афина была неоценимым и, безусловно, преданным работником. Шонбергу чертовски не хотелось ее терять.

Интересно, что она вообще могла найти в человеке вроде Суоми? Он выглядел сущей тряпкой, вяло таскался за девушкой следом, ничего не предпринимая, потерпел неудачу на охоте, из принципа попытался держаться подальше от турнира, но и это ему не удалось, а когда все же пришел, его стошнило при виде крови. Конечно, такой жалкий характер мог в некотором смысле казаться женщине привлекательным. Шонберг давно уже отказался от попыток понять женскую логику. Это было одной из причин, по которым он любил окружать себя женщинами — уж с кем, с кем, а с ними не соскучишься, сюрпризы они тебе обеспечат.

Тем временем Челеста придвинулась поближе и легонько, едва заметно прикоснулась к его руке. Вот она уж точно начинала утомлять Шонберга. Ну что такое — ни малейшей претензии на независимость! Такое впечатление, что она просто не может находиться в отдалении от него.

Но тут всякие мысли о женщинах вылетели у Шонберга из головы. Перерыв подошел к концу, и жрец по имени Лерос снова взял список участников, чтобы зачитать имена следующей пары бойцов.

— Рудольф Тэдбари и Томас Хватала!

Тэдбари, мужчина с внешностью военного командира, отсалютовал мечом сперва Леросу, потом своему противнику. Томас неопределенно взмахнул копьем — этот жест с равным успехом мог являться ответом на приветствие, а мог и не являться, — потом опустил его и двинулся вперед. Шонберг пристально наблюдал за событиями. Он полагал, что уже начал — только начал, конечно же, — разбираться в том, как должен проходить поединок между противниками, один из которых вооружен колющим, а другой — рубящим оружием.

Поскольку радиус действия копья был больше, чем у меча, Рудольф скользнул в сторону и с одновременным глубоким выпадом сделал зарубку на копейном древке. Он явно пытался обрубить наконечник копья либо прорваться в ближний бой, где преимущество было бы за мечником. Все это не очень отличалось от того, что ожидал Шонберг. Он читал теоретические труды историков о применении оружия в индивидуальных схватках и наблюдал за анахронистами с Земли, развлекающимися боями на затупленном оружии. Впрочем, сам Шонберг никогда не брал в руки их деревянные мечи — игры его не интересовали.

Тэдбари не удалось перерубить древко — вдоль всей длины копья вились полосы металла, и мечу оказалось не под силу справиться с ними. Впрочем, у него изначально было не много шансов исполнить этот трюк; стало совершенно очевидно, что Хватала мастерски владеет выбранным для боя оружием. Рудольфу никак не удавалось прорваться на ту дистанцию, на которой он предпочел бы вести бой. Длинное копейное древко в руках Томаса металось легко, словно язык змеи, успевая парировать каждый удар, когда казалось, что меч вот-вот прорвется к лицу Хваталы или его массивному торсу. А потом как-то совершенно внезапно оказалось, что Томас уже перестал использовать максимальные преимущества, которые давала длина его оружия. Вместо этого он в очередной раз отбил меч древком копья и схватился с противником врукопашную.

У зрителей вырвался единодушный возглас удивления. Тэдбари тоже был захвачен врасплох. Меч и копье упали на утоптанную землю, а двое мужчин закружились в гротескном танце, пытаясь ухватить и повалить друг друга. Но и тут Томас превосходил противника как в силе, так и в искусности. Когда бойцы упали, Томас ухитрился извернуться и оказался сверху, прижав Рудольфа к земле. Правое предплечье Томаса принялось давить на жилистую шею противника, словно рычаг. Лежащий ничком

Рудольф пинался и извивался со всей силой отчаяния. Но, похоже, все его усилия были напрасны. Лицо Тэдбари сделалось красным, потом приобрело синюшный оттенок.

Шонберг подумал, что недостаток кислорода в крови и легких скоро должен начать сказываться. Он искренне надеялся, что несчастный быстро потеряет сознание от боли, но все же слегка оттолкнул Челесту и отступил в сторону, чтобы не пропустить момент прихода смерти. Шонберг знал, что большинство землян, увидев, как он стоит и внимательно наблюдает за агонией, посчитали бы его садистом. Но на самом деле он не желал страданий ни одному живому существу.

Шонбергу очень хотелось самому принять участие в турнире. Конечно же, он вполне осознавал, что имеет не больше шансов с мечом в руках справиться с любым из этих людей, чем они — выстоять против его энергетического ружья. Но в прежнем сезоне, когда он охотился вместе с Микенасом, тот показал Оскару, как пользоваться охотничьим копьем, и Шонберг успешно проткнул нескольких весьма опасных тварей позаимствованным у Микенаса оружием. Это было одно из самых памятных ощущений Шонберга, и он никогда никому об этом не рассказывал.

Конечно же, турнир подобного класса — это совсем другое дело. У Шонберга не было никаких разумных причин ожидать, что ему и вправду разрешат в нем поучаствовать. Возможно, у него хватит мастерства для участия в одном из отборочных туров, когда будет проводиться следующий всепланетный турнир. Ведь наверняка же должен быть еще один турнир — наверное, во время следующего охотничьего сезона. Тогда, если он найдет на Земле возможность тренироваться и вернется через пятнадцать лет... возможно, сын кого-то из нынешних участников убьет его.

Если посмотреть непредвзято, вряд ли ему когда-либо будет по силам выиграть главный турнир на Охотнике, вне зависимости от того, сколько он будет тренироваться и сколь прекрасно готовиться. Шонберг не стремился к смерти и знал, что, увидев *приближение насильственной кончины, будет бояться ее,* как боялся и в прошлом. И все же игра стоила свеч, ей-богу, стоила! Есть смысл перед концом испытать жизнь во всей ее полноте. Один лишь момент исчерпывающей полноты бытия, когда монетка, где роли орла и решки играют Жизнь и Смерть, крутится на алтаре капризной богини Удачи, — такой момент куда более

ценен, чем многие годы отчаянной скуки, которую большинство людей называют цивилизацией.

У Рудольфа уже не хватало сил ни на попытки сбросить своего убийцу, ни даже на хриплые звуки, прежде вырывавшиеся изо рта и горла. Лицо Тэдбари стало ужасным и почти потеряло сходство с человеческим обликом. Теперь не слышно было ни звука, кроме тяжелого дыхания Томаса Хваталы. Вскоре Томас ощутил, что искра жизни покинула тело противника. Он выпустил из рук голову Рудольфа и встал на ноги, продемонстрировав поразительные для человека его комплекции легкость и проворство.

Шонберг взглянул на Челесту. Девушка со скучающим видом изучала свои ногти. Произошедшее ее ничуть не ужаснуло — ну, максимум вызвало легкое отвращение. Заметив взгляд Шонберга, Челеста тут же ответила вопросительной улыбкой. Оскар повернулся к Афине. Она наблюдала за бойцами, которые готовились к следующей схватке, и была глубоко погружена в собственные мысли. Ни Шонберг, ни весь прочий мир сейчас для нее не существовали.

Со стороны корабля показался де ла Торре.

— Как там последний бой? — поинтересовался он у Шонберга, слегка вытянув шею, чтобы получше разглядеть уже оттащенные в сторону тела.

— Отлично. Оба дрались хорошо.

— Ванн Кочевник и Вулл Нарваэц!

Эта схватка должна была стать последней на сегодняшний день.

Афина повернулась к Шонбергу — не отрывая, впрочем, взгляда от ринга — и шепотом спросила:

— Что это болтается у него на поясе?

Действительно, с пояса Ванна свисало на веревочке два-три странных предмета.

— Смахивает на человеческие уши.

Де ла Торре тихонечно заржал. Шонберг на мгновение задержал на нем недовольный и удивленный взгляд.

Ванн Кочевник размахивал своим длинным мечом с неуклюжестью любителя, но ни один человек из тех, кто наблюдал за ним сейчас, не купился бы на этот обман. Поединок начал выглядеть почти комично, поскольку Нарваэц тоже старательно напускал на себя невинный вид. Он выглядел как безвредный крестьянин — должно быть, этот облик тщательно им культивировался. Вулл вышел на бой с вилами и уже предпринял несколько попыток ткнуть ими во врага. Одет Нарваэц был в простой наряд из домотканой ткани. Вулл как-то на редкость нелепо поджимал губы и смотрел на мир, словно какой-нибудь сердитый чумазый фермер, старающийся взбодрить себя перед непривычной дракой.

Семь воинов, уже переживших сегодняшние поединки, теперь позволили себе расслабиться, пребывали в хорошем настроении и сыпали шуточками. Они радостно свистели и завывали над неуклюжего вида маневрами и выкрикивали грубые советы. Лерос обвел их негодующим вглядом, но, к удивлению Шонберга, ничего не сказал.

Тут Шонберга озарило: видимо, участники турнира такого уровня должны стоять куда ближе к богам, чем даже жрецы ранга Лероса.

Ванн несколько раз попытался обрубить черенок вил, который не был укреплен металлом, но Нарваэц каждый раз успевал так повернуть вилы, чтобы максимально ослабить силу удара, а черенок казался весьма прочным и упругим. Несколько раз потерпев неудачу, Ванн сменил тактику и попробовал ухватиться за черенок свободной рукой. Он был столь проворен, что ухитрился проделать это с первого же раза, крепко вцепившись в вилы у самых зубьев. Резкий рывок заставил удивленного Нарваэца потерять равновесие, и тут меч Ванна наконец-то добрался до противника.

Победитель отсек уши Нарваэцу прежде, чем тот умер, хриплым рыком отгоняя раба с молотком, пока не заполучил свой жуткий трофей в целости и сохранности.

Афина, моргая, снова вернулась к восприятию окружающей действительности. Девушка взглянула на Шонберга, но тот смотрел в другую сторону, явно желая поговорить с верховным жрецом Андреасом. Андреас как раз показался на дороге, спускавшейся с вершины горы, и теперь шествовал в окружении небольшого эскорта солдат.

Де ла Торре, придвинувшись поближе к Афине, негромко спросил:

— Вы записали этот последний номер?

— Что? — Афина не сообразила, о чем идет речь, и вопросительно посмотрела на де ла Торре.

— Я имею в виду этот эпизод с отрезанием ушей — вы записали его на кристалл? Я успел сделать несколько кадров.

Вопросительное выражение медленно исчезло с лица Афи-

ны, сменившись осознанием действительности. Кристалл, предназначавшийся для антропологических записей, так и остался висеть у нее на поясе. Она ни разу им не воспользовалась.

После краткой поздравительной речи, обращенной к выжившим воинам, Андреас быстро повернулся к Шонбергу и поинтересовался:

— Как вам понравились сегодняшние состязания?

— Тем, кто находится здесь, очень понравились. Я вынужден извиниться перед вами за Суоми, молодого человека, которому стало плохо, как вы, возможно, уже слышали. Я полагаю, он больше не придет на турнир.

Андреас слегка поджал губы, но воздержался от дальнейших комментариев. В том не было нужды. Подобный человек был достоин лишь презрения и не заслуживал того, чтобы о нем говорить. Вместо этого жрец спросил:

— Не желаете ли вы принять участие в пире, который будет проходить в Храме Торуна сегодня вечером? Я имею в виду тех, кто сейчас находится здесь. Мы могли бы прямо сейчас подняться в город, если вам это удобно.

Шонберг слегка заколебался.

— Но я не сообразил взять с собой дар для Торуна, когда мы уходили с корабля.

Андреас улыбнулся. Ему вспомнилась наивная старая примета: если улыбка человека не красит, значит, он плохой. Верховный жрец сказал:

— Я уверен, что вы поднесете Торуну достойный дар. Но с этим можно и не спешить.

— Ну что ж. — Шонберг оглядел своих спутников. Все смотрели на него выжидающе и, похоже, ничего не имели против того, чтобы стать гостями Торуна. — Позвольте мне только сказать пару слов моим людям, которые ждут нас на корабле. Это займет не больше минуты.

— Да-да, конечно. — Андреас, как истинный благородный дикарь, вежливо отвернулся.

Шонберг снял с пояса свой коммуникатор и включил его. Посмотрев в сторону корабля, он подумал, что может просто увидеть голову Суоми, который должен сейчас нести вахту на верхушке скалы.

На вызов ответила Барбара:

— Алло?

Ее голос звучал как-то неуверенно.

— Послушай, Барби, нас приглашают в гости в Храм. У них

тут по расписанию пир. Я точно не знаю, когда мы вернемся на корабль. Передай Суоми, чтобы он, как стемнеет, убрал трап и как следует запер корабль. Если возникнут какие-нибудь проблемы, сразу вызывайте меня. Я свяжусь с вами, перед тем как мы будем возвращаться обратно. О'кей?

Последовала короткая пауза, и лишь после этого Барбара произнесла:

— О'кей.

— У вас все в порядке?

— Да. Все в порядке, Оскар.

Должно быть, Барбара наслушалась рассказов о турнире и расстроилась, решил Шонберг. Наверное, держала Суоми за руку, пока тот изливал душу и рассказывал о всяких зверствах. Ну что ж, компанию для следующего путешествия он будет подбирать гораздо тщательнее. Из этой группы никто не оправдал возлагавшихся на него надежд.

А возможно, в следующий раз он прибудет сюда один, не рассчитывая возвратиться на Землю. Интересно, сможет ли он на Земле действительно научиться хорошо владеть боевым оружием? И что лучше выбрать: меч, топор или копье? Сегодня вечером, если все пойдет хорошо, он, возможно, сможет обсудить свой план с Андреасом.

Небольшая группа — пришельцы из внешнего мира и солдаты почетного эскорта — принялись подниматься в гору по прекрасной мощеной дороге. Возглавляли группу Андреас и Шонберг.

— До вершины всего несколько километров, — сообщил Андреас. — В мерках нашего времени — около часа ходьбы. У вас на Земле час равен нашему, не так ли?

Когда они одолели около полукилометра по выписывающей петли дороге, Андреас указал в сторону. Там готовили ринг для завтрашних состязаний. Здесь горный склон был уже более крутым, и найти подходящую площадку было куда труднее, потому ринг одной стороной упирался в обрыв. Еще через километр петляющая дорога провела их мимо двух каменных сторожевых башен. Часовые отдали салют четкими взмахами копий. Андреас в ответ махнул рукой.

Теперь они должны были находиться недалеко от вершины. Склон горы снова стал более пологим, а дорога теперь шла через лес, ухоженный, словно парк. Многие деревья были усеяны пло-

дами. Земля под деревьями была укрыта ковром ползучих растений с узкими листьями наподобие травы.

Потом деревья поредели, земля выровнялась, и взорам путников предстал город-цитадель, венчающий вершину горы. Дорога провела их мимо белоснежных стен прямо к широко распахнутым воротам. Перед тем как войти в ворота, Шонберг оглянулся и поискал взглядом корабль. Его преследовало неясное беспокойство, и отделаться от этого ощущения никак не удавалось. Шонбергу удалось разглядеть лишь верхнюю часть металлической сферы — все прочее скрывали деревья.

Войдя в город, они сперва мало что увидели — разве что еще большее количество стен из ослепительно белого камня. Гости прошли по улицам, которые Шонберг счел узкими и чересчур людными. Рабы в серых плащах и телеги, запряженные многорогими тягловыми животными, убирались с пути аристократов, облаченных в белое. То здесь, то там из крытых носилок или из зарешеченных окон выглядывали элегантные женщины. Окна чаще всего были маленькими, двери держались запертыми, а стены повсеместно были белыми. В городской архитектуре господствовало удручающее однообразие. Перехватив взгляд Андреаса, Шонберг спросил:

— Можно нам будет сделать несколько фотографий?

— Да, конечно. Непременно сделайте потом одну и для меня. Я буду высоко ее ценить.

Одетые в белое хозяева планеты теперь выстроились вдоль пути гостей. Они слегка кланялись, выказывая больше любопытства, чем Шонберг когда-либо видел со стороны любого из местных жителей. Афина улыбалась и махала рукой женщинам и детям в белом, которые выглядывали из окон или из-за углов. Люди в серой одежде, как мужчины, так и женщины, казалось, слишком спешили, чтобы хотя бы посмотреть на чужаков. Шонберг про себя отметил, что ему не встретилось ни одного ребенка, одетого в серое.

— А вот и Храм Торуна. — Андреас остановился и указал на высокие двустворчатые ворота из тяжелой металлической решетки. За воротами виднелся внутренний двор, с трех сторон окаймленный зданиями все того же вездесущего белого цвета. Правда, эти здания были несколько выше, чем те, которые попадались гостям за время пути по городу.

— Здесь мы и будем пировать сегодня вечером.

Как только небольшая группа проследовала в ворота, Андреас тут же попрощался с гостями и устремился к зданию, которое, по всей видимости, и являлось этим самым Храмом, самой высокой постройкой, двенадцати-пятнадцати метров в высоту, с широкой белой лестницей и дверью весьма неприятного вида.

Что же касается гостей из внешнего мира, их тут же с поклонами окружили молодые жрецы, проводили в соседнее здание и показали каждому его комнаты — все они выходили не на улицу, а в нечто вроде английского парка во внутреннем дворе.

Шонберга проводил приставленный к нему подобострастный слуга. Оскар осмотрел комнату и обнаружил, что это небольшое, но довольно приятное помещение. Маленькое окошко было забрано узорной решеткой, пол устилали мягкие ковры, а кровать казалась весьма удобной на вид. Похоже, в планы хозяев входило пригласить их остаться на ночь. Слуга разложил белую одежду из непонятной ткани. Через открытую дверь видны были еще несколько слуг: они старательно волокли ванну.

Чуть позже, предоставив слугам тереть его спину — в том не было особой необходимости, ну да пускай уж все идет, как у них заведено, — Шонберг обнаружил, что неожиданно теплый прием со стороны хозяев слегка ослабил беспокойство, которое уже начало его изводить. Но зато теперь Оскар заподозрил, что после пира Андреас попросит его о какой-то крупной услуге. Интересно, что бы это могло быть? Возможно, жрец захочет контрабандой заполучить какое-нибудь оружие внешнего мира, необходимое, чтобы ослабить причиняющего ему чересчур много хлопот противника.

К тому времени, когда Шонберг закончил мыться и одеваться, уже опустилась тропическая ночь — стремительно, почти без сумерек, как принято в этих широтах. Тут же откуда-то вынырнул молодой жрец, чтобы провести гостя на пир; похоже, у них тут все было расписано, как по нотам.

Попросив сопровождающего задержаться, Шонберг остановился у соседней комнаты, отведенной Афине, и обнаружил, что девушка уже готова присоединиться к нему. Афина оставалась такой же расторопной, как и во время любой деловой поездки. Ее сопровождающий сообщил, что де ла Торре и Челеста — их комнаты располагались чуть дальше по застеленному коврами коридору — уже впереди.

Перебрасываясь шутками насчет товаров, которые они могут надеяться продать новому клиенту, Андреасу, Шонберг и Афина прошли следом за проводниками через один внутренний двор, потом, не выходя на улицу, сквозь крытую аркаду попали

в другой. Видимо, храмовый комплекс был достаточно замкнутым.

Наконец они вошли в небольшую боковую дверь высокого здания, в котором Шонберг узнал сам Храм, и их провели в большой зал, расположенный чуть ниже уровня земли. В зале царила прохлада, казавшаяся после дневной жары приятной и освежающей.

Де ла Торре и Челеста, также переодевшиеся в белое, уже сидели за столом. Де ла Торре, увенчанный венком из листьев, напоминал древнего римлянина. Рядом с ними сидели верховный жрец и полдесятка других высокопоставленных лиц. Некоторые из них сопровождали Андреаса во время его первого визита к кораблю пришельцев из внешнего мира.

Вокруг бесшумно и проворно сновали слуги. Зал для пиршеств был украшен драпировками и освещен мягким светом удачно расположенных свечей. Все было в наилучшем виде.

— Наш хозяин рассказывает мне о великих чертогах Торуна, — сказал де ла Торре после того, как они обменялись приветствиями.

— И что? — Шонберг повел рукой, словно желая охватить весь зал. — Описание совпадает?

Один из жрецов Внутреннего Круга усмехнулся, широко и цинично:

— Ну что вы! На самом деле Торун пребывает вовсе не в нашем мире. И не в вашем.

Усевшись за стол, Шонберг обнаружил, что он, как и на турнире, находится между Афиной и Челестой. Но здесь, несмотря на приятное окружение, не только Челеста, но и Афина старалась придвинуться к нему поближе — похоже, бессознательно. Этим вечером среди гостей не было видно ни одной женщины, кроме них. У Шонберга появилось смутное ощущение, что их здесь никогда и не бывало за всю историю Храма. Ни Андреас, ни другие местные высокопоставленные лица ни разу не заговаривали с Афиной, если только она не задавала им прямой вопрос — а она, конечно же, время от времени это проделывала, чтобы позлить их. Челеста же, как истинная представительница светского общества, отлично понимала, когда от нее ожидают, чтобы она вела себя тихо. Шонберг подумал, что если бы местные жители узнали об ее истинном статусе, они посчитали бы это оскорблением.

Но, невзирая на это, гостей принимали с необычайной роскошью. Шонберг подумал, что придется по крайней мере сделать вид, будто он согласен исполнить их просьбу, какой бы она ни была.

Пир был подготовлен очень тщательно. Но Шонберг, извинившись перед Андреасом, посоветовал своим спутникам не пробовать некоторые блюда и ферментированное молоко, разлитое по глубоким чашам.

— Для наших земных желудков будет лучше, если мы будем пить здесь только чистую воду, — если, конечно, Торун не возражает.

Андреас небрежно махнул рукой:

— Торуну это глубоко безразлично. Чистая вода всегда была достойным напитком для воинов.

Шонберг глотнул воды из золотой чаши.

— Мне не терпится увидеть следующий круг турнира.

— Мне тоже. Я очень рад, что наши интересы совпадают. К сожалению, дела не позволили мне наблюдать за предыдущими турами.

— Я вас понимаю. Я знаю, что такое груз дел.

Челеста притопывала ногой по полу. На сцену вышли танцоры, и она следила за ними с профессиональным интересом. Девушки и юноши танцевали вместе. Они были хороши. По земным стандартам, представление было грубоватым, а эротика местами чересчур откровенной, но танец был прекрасно отработан и полон энергии. Сидящие за столом местные жители наблюдали за представлением с каким-то мрачным видом или не смотрели вообще. Шонбергу стало любопытно — положено ли жрецам придерживаться целибата? Надо будет как-нибудь поинтересоваться, если выпадет удобный момент. На любой планете секс был даже более скользкой для обсуждения темой, чем религия, а здесь религиозные деятели к тому же и не относились к своей вере с особой серьезностью.

Вечер пролетел незаметно: все вокруг было новым и интересным для гостей. Наступила глубокая ночь, пламя свечей померкло, а танцоры начали буквально падать от изнеможения. Шонберг наконец заявил, что ему и его спутникам пора возвращаться на корабль.

Андреас взмахнул руками, выражая вежливое неодобрение.

— Для вас уже приготовлены постели. Если хотите, ее разделит с вами одна из этих танцовщиц.

— Изумительное предложение. Но я беспокоюсь о своем корабле.

— Оставайтесь. Проведите ночь под кровом Торуна. Нам с вами нужно о многом поговорить. И кроме того, только представьте, каково будет ночью карабкаться на скалу.

Шонбергу не понадобилось много времени, чтобы обдумать эти доводы.

— Мы с радостью принимаем ваше предложение. Но я прошу прощения, мне нужно наскоро переговорить с людьми, которые остались на корабле.

Шонберг снял с пояса коммуникатор, включил и подождал ответа. Никто не отозвался. Шонберг поднес приборчик поближе к лицу и позвал:

— Суоми!

— Оставайтесь, — повторил Андреас, старательно пытаясь улыбнуться, хотя улыбка придавала его лицу на редкость отвратительное выражение. — Утром я постараюсь устроить вам встречу с этим человеком.

— Вы постараетесь... простите, я не совсем вас понял.

— Видите ли, человек, которого вы оставили охранять ваш корабль, находится уже не там. Мне очень стыдно, но я должен сообщить, что во время последнего поединка этого тура ваш человек вдруг чего-то испугался и убежал прочь. Мне не хотелось беспокоить вас без крайней необходимости, но пока что нам не удалось его отыскать.

Шонберг резко выпрямился и одарил Андреаса самым качественным из своих взглядов финансового магната.

— А что с моим кораблем?

— Мои люди охраняют его для вас. С ним все будет в полном порядке. К кораблю никто не сможет приблизиться иначе как по моему приказу. Так что я вынужден настаивать, чтобы вы остались здесь на ночь.

Глава 8

Вскоре после рассвета раб разбудил восьмерых оставшихся в живых участников турнира.

Джайлз Вероломный пробудился мгновенно, от легкого толчка, тут же сбросил плащ и откатился в сторону, потом вспомнил, где находится, и наконец проснулся окончательно. Усевшись, Джайлз протер глаза, потом громко сообщил каждому, кто желал бы это услышать:

— Что-то наш лагерь уменьшается день ото дня.

Хотя большинство товарищей Джайлза уже проснулись, никто из них не спешил ответить на его реплику. Они, как и Джайлз, спали, просто завернувшись в плащи или одеяла, и теперь медленно выпутывались из них, словно насекомые, вылупляющиеся из своих коконов.

Ночью прошел легкий дождик. Утро было пасмурным и унылым. Накануне вечером восемь воинов улеглись спать поближе друг к другу, словно заключив перемирие перед лицом некой внешней опасности. Да к тому же площадка, которую они сейчас занимали, была слишком маленькой по сравнению с первым лагерем, разбитым внизу, на берегу реки.

Встав, Джайлз увидел внизу реку, которая струилась через равнину и исчезала где-то среди полей, теряясь в утреннем тумане. Пашни были разбиты на неровные прямоугольники. На мгновение — всего лишь на мгновение — Джайлзу отчаянно, до боли, захотелось оказаться в далекой родной провинции и размеренно идти за плугом, как он ходил прежде, давным-давно.

Давным-давно.

В нескольких шагах от Джайлза остановился Омир Келсумба, чернокожий гигант, и приготовился облегчить мочевой пузырь, целясь вниз по склону. На этот раз рабы не потрудились вырыть сортир неподалеку от лагеря, поскольку большую их часть по каким-то причинам вчера вечером отправили на другие работы. Омир наконец-то потрудился ответить Джайлзу, бросив через плечо:

— Сегодня вечером нам понадобиться еще меньше места — ну и что из того? Вскоре все мы будем обитать в чертогах Торуна, где хватит места каждому.

— Хорошо сказано, — одобрительно изрек Фарлей из Эйкоска. Он встал, потянулся, потом наклонился и несколькими умелыми движениями усыпанных веснушками рук скатал плащ. Плащ выглядел таким же дорогим, как и оружие Фарлея.

Теперь уже все воины проснулись и принялись лениво почесываться, потягиваться, отплевываться, сворачивать плащи и одеяла и готовиться переносить лагерь. Фарлей из Эйкоска отправился к алтарю Торуна, дабы выразить свое глубокое почтение. Он опустился на колени и принялся бормотать молитвы, припав лбом к земле. Вскоре к нему присоединился Келсумба, затем — Чарльз Честный, а потом и все прочие, один за другим, пока все не выказали хотя бы минимум благочестия. Впрочем, по

загадочному лику небольшого изваяния Торуна нельзя было понять, оказывает ли он предпочтение кому-либо из молящихся.

Похоже, самым голодным сегодня утром был Ванн Кочевник. Он первым отошел от алтаря и направился к костру, где единственный раб готовил утреннюю трапезу, на вид — чрезвычайно простую.

Когда Ванн отошел, Джайлз негромко спросил у Келсумбы:

— Слушай, как тебе этот обычай? Ну, в смысле отрезать уши у побежденного?

Келсумба что-то неразборчиво проворчал в ответ и начал придирчиво осматривать свой топор: а вдруг ночной дождь промочил тщательно промасленную ткань и добрался до стали? Не появилась ли где ржавчина? Все прочее имущество Келсумбы, за исключением топора, было потрепанным и поношенным.

Склонившись над топором, чтобы рассмотреть его поближе, Келсумба наконец откликнулся:

— Похоже, ты мудрый человек. Возможно, ты сможешь дать мне совет. Предположим, я не смогу выиграть турнир. Но даже если случится так, я ведь прошел уже много боев и буду высоко сидеть за столом Торуна. Как ты думаешь, станет ли он прислушиваться ко мне? Если я умру сегодня или завтра, замолвит ли он за меня словечко перед богиней целительства, чтобы она исполнила мою просьбу?

Джайлз тихонько вздохнул.

— Этот вопрос превышает мое разумение, — ответил он. — Но все верят, что у каждого, кто попадает в чертоги Торуна, исцеляются все раны, и старые, и новые, какое бы место за столом он ни занимал.

— О нет, меня привели сюда вовсе не мои раны. — Здоровяк поднял голову и с отсутствующим видом уставился куда-то вдаль. — Там, далеко, у меня есть жена и двое малышей. Оба ребенка слабенькие, они болеют и плохо растут. Окрестные лекари ничем не могут им помочь. Я молился богам, приносил им жертвы, но детям не стало лучше. — Взгляд Келсумбы скользнул по Джайлзу, и чернокожий гигант крепко сжал топорище. — Тогда я решил сам стать богом. Так я точно сумею помочь моим детям, пусть даже для этого мне и придется навсегда расстаться с ними. — Голос Келсумбы взлетел до крика, а взгляд стал взглядом фанатика. — Я убью шесть человек, а если понадобится — то и шестьдесят! Я и тебя убью! Сам Торун не остановит меня!

Джайлз степенно кивнул, выражая согласие и стараясь сохранить на лице бесстрастное выражение. Потом он отвернулся. Когда несколько секунд спустя Джайлз посмотрел на Келсумбу, тот уже полностью утих и спокойно точил свой топор.

Когда Джайлз отпустил замечание насчет манеры отрезать уши у побежденного противника, неподалеку от них стоял Томас Хватала. Возможно, он слышал этот вопрос. Именно Томасу предстояло выступить против Ванна в сегодняшнем туре, но, похоже, его это нисколько не волновало. И вообще сегодня утром Томас выглядел каким-то сонным. Вот и сейчас он зевал, широко разинув рот. Трудно было сказать, кто из оставшихся воинов был крупнее, Келсумба или Хватала. Джад Исаксон, бесспорно, был самым маленьким, а Джайлз ненамного его превосходил. Отметив этот факт, Джайлз еще раз вздохнул.

Завтрак состоял из толстых безвкусных подгорелых лепешек и воды. В первый раз в трапезу вообще не было включено мясо. Когда воины принялись ворчать на прислуживающего им раба, тот невнятными звуками и беспомощными жестами — у бедняги был вырезан язык — пояснил, что ничего больше не доставили и что ему приходится выполнять куда больше работы, чем обычно, потому что всех его товарищей отозвали.

Лерос подтвердил это, с хмурым видом пытаясь прожевать свою порцию подгорелой лепешки.

— Рано утром сюда спустились два жреца, мои друзья, чтобы разбудить меня и выразить сочувствие, потому что сегодня большинство обслуги у нас забрали. Но это еще не извиняет столь скверную трапезу. Да, правда, число ваше уменьшилось, но тем больше возросла слава выживших. Я отправлю жалобу верховному жрецу. Я уверен, что сегодня днем нас ждет гораздо лучшее обслуживание и пища.

Покончив с завтраком, каким бы он ни был, Лерос отдал приказ отправляться в путь, и небольшой отряд стал подниматься в гору. Далеко впереди по дороге натужно, со скрипом полз обоз телег, груженных провиантом для города. Другой, состоящий из пустых телег, с грохотом резво спускался вниз. Чарльзу Честному, который оказался впереди, пришлось потянуться к мечу, и лишь после этого угрюмый возница, сидевший на первой из спускающихся телег, взял в сторону, давая пройти героям.

От этого инцидента раздражение Лероса усилилось, но он предпочел промолчать, и отряд продолжил путь. Да, правда, они больше не представляли из себя впечатляющего зрелища. После

долгих дней, проведенных под открытым небом, в странствиях, воины были достаточно грязными, а свиты у них не было вовсе. И все же Лросу очень хотелось задержаться и выпороть наглого возчика. Но это лишь больше унизило бы их высокую миссию.

Город Торуна все еще не был виден, хотя отсюда до вершины горы Богов осталось не более километра. В какой-то момент Джайлз заметил блеск огромного корабля, прилетевшего из внешнего мира. Он красовался в отдалении, стоя на скальном пьедестале, но дождь и туман скрадывали картину, а потом дорога свернула, и корабль заслонили кроны деревьев.

С вершины спустились два жреца промежуточного ранга, чтобы поговорить с Леросом. Они чуть обогнали небольшой отряд и пошли впереди, дабы поговорить без посторонних ушей. Восемь воинов продолжали спокойно и размеренно подниматься в гору. Иногда двое-трое шагали рядом достаточно долго, чтобы обменяться несколькими словами, иногда отряд растягивался цепочкой, и каждый шел в одиночестве, размышляя о чем-то своем. В хвосте двигалась пара оборванных рабов с грузом — все, что осталось от некогда великолепной свиты. Один раб был немым, второй ковылял, приволакивая искалеченную ногу. Изваяние Торуна, для которого до сих пор в каждом лагере строили походный алтарь, на этот раз было оставлено позади. На время, сказал Лерос, до тех пор, пока у них снова появятся слуги, дабы соорудить подобающий алтарь.

Вскоре после досадного инцидента с повозками Джайлз Вероломный отыскал Джада Исаксона, ковылявшего в хвосте цепочки, и с самым приятельским видом зашагал рядом с человеком, которому через несколько часов предстояло попытаться убить его. Джад отметил его присутствие мимолетным взглядом, после чего вернулся к собственным мыслям.

Джайлз посмотрел назад, на их жалкую свиту, и заметил:

— Ну вот, оставили без мяса. И что-то мне кажется, что сегодня не будет музыкантов, чтобы помочь нашим душам подняться в чертоги Торуна.

Джад неловко пожал плечами. Возможно, причиной этого движения стал сырой ветер, задувающий за воротник мелкий дождик.

Джайлз отмерил еще полдесятка шагов, потом добавил:

— Я лично знаю только одно. На равнине встретились шестьдесят четыре храбрых воина, полных жизни и доблести. А теперь лишь в восьми из них все еще горит искра жизни. Если подумать, тогда мы вполне могли послать все к чертям, развернуться и отправиться домой — и нас там приняли бы как героев. А теперь? Никто не видел наших подвигов, от них не останется и следа. И кто докажет, что шестьдесят три умерших воина действительно будут пировать на небесах? — Джайлз посмотрел в сторону горной вершины, скрытой за деревьями. — Я что-то не слышу, чтобы ветер нес смех и звуки песен.

Джад шевельнул было усами, но ограничился плевком.

Джайлз решил, что пускать развитие событий на самотек нельзя; времени оставалось все меньше.

— Нам с тобой придется увидеть, как шестьдесят два славных воина с дымом поднимутся к небу. Нет, даже не так. Не всех сожгли, как то подобает героям. Некоторых закопали, словно дохлых животных. Закопали в наспех вырытых ямах.

— Приятель, — наконец-то соизволил подать голос Джад. — Приятель, я что-то не пойму, с какой стати ты мне это все говоришь. Скажи-ка мне — я ведь не знаю о тебе ничего, кроме имени, — по какой такой причине тебя называют Джайлзом Вероломным?

— Это длинная история, и в нее трудно поверить. Но, если хочешь, я могу начать рассказ.

— Да ладно, можешь не трудиться. Настоящий негодяй наверняка назвал бы себя Джайлз Благородный или вроде того. Ну хорошо! — Судя по всему, Джад принял какое-то решение. — Ладно! Если у тебя какое-то дело, то говори яснее. Любой ребенок знает, что на вершине этой горы нет никаких богов. Их вообще нет. Ну а раз так, кто на самом деле правит Храмом, горой Богов, всем миром? Ответ проще пареной репы — всем этим правят люди. — Джад кивнул, довольно улыбнулся — видимо, ему нравилась собственная логика, — потом продолжил: — Ну так вот. Раз мы не войдем с почетом в какие-то выдуманные чертоги, то встает вопрос: а чего мы тут вообще делаем? Должна быть какая-то разумная причина. Ведь это же бессмыслица — заставить нас перебить друг друга до последнего человека для потехи нескольких пришельцев, которых вдруг сюда занесло. Не-ет. Попомни мои слова: перед началом сегодняшних боев — или, в худшем случае, после боев, — нас, выживших, втайне проведут в город, и турнир так же втайне будет остановлен.

— Ты действительно так думаешь?

— Да чего ж тут думать, приятель? Мы входим в какую-то элиту, тайные войска. Они ведь уже прекратили присылать нам

провиант, разве нет? Турнир остановят, это и дураку ясно, и сочинят какую-нибудь историю насчет того, кто стал победителем и как он теперь радостно пьянствует в компании с богами и имеет баб в свое удовольствие.

— Старина Лерос в таком случае должен быть отличным лицедеем.

— А ему могли всего и не говорить. Лерос человек хороший, кто спорит, да только умом он не блещет. Если ты подумаешь, так и сам поймешь, что мой вариант отлично объясняет все факты. Нас возьмут в какую-нибудь дворцовую стражу, в охрану верховного жреца, или кто там на самом деле всем заправляет на вершине горы.

Когда Джад умолк, Джайлз тоже некоторое время молчал, хотя умел думать очень быстро. Наконец он ответил:

— Наверное, ты прав. Я только знаю, что дорого бы дал за возможность потихоньку удрать отсюда, спуститься на равнину и отправиться домой.

— Ты говоришь глупости, Джайлз. Раз уж ты пришел сюда, они никогда не позволят тебе уйти. Где твой дом?

— В Болоте Эндросс. — Это была отдаленная провинция, расположенная далеко на юге. — Приказы горы Богов не имеют там особой силы.

— Да, я слыхал. На самом деле, я даже думал, что там полно врагов Торуна. — Джад внимательно посмотрел на Джайлза. — Зачем же ты явился сюда?

— Я не враг Торуна, — отрезал Джайлз. — Но некоторые из его жрецов могут быть не такими уж честными и замечательными, как они об этом кричат. А что касается того, зачем я сюда явился... теперь я и сам себя об этом спрашиваю.

Идущие впереди жрецы остановились, все еще продолжая самозабвенно спорить. Лерос гневно жестикулировал, а двое других выглядели несчастными, но смирившимися со своей участью. Оказалось, что отряд уже добрался до следующего места, приготовленного для боев. Джайлз увидел, что ринг одним краем упирается в почти отвесный склон. Присмотревшись, он вдруг почувствовал, как у него где-то под сердцем зародился холодок. На юге верили, что такое ощущение человек испытывает при взгляде на место, где ему предстоит умереть.

— Ну, что я тебе говорил? — пробормотал Джад, подталкивая Джайлза локтем.

Когда они подошли поближе, Лерос обернулся и, кажется, собрался заговорить с воинами. Но что-то в нем неуловимо из-

менилось, и все воины сразу поняли, что сейчас услышат не просто объявление о начале следующего тура боев. Приближалось нечто иное.

* * *

Лерос действительно был очень сердит, но не на воинов, а на унылых жрецов, стоящих у него за спиной. Когда он заговорил, голос его звучал весьма напряженно:

— Прежде всего мне приказано спросить: вчера, когда пришельцы из внешнего мира наблюдали за боями, не упоминал ли кто-нибудь из них имя полубога Карлсена?

Воины обменялись непонимающими взглядами. Большинство из них вообще не могли припомнить, о чем говорили пришельцы: участникам соревнований было на тот момент ну никак не до них. Такое начало плохо соотносилось с ожиданиями Джада, и он недовольно нахмурился.

Все молчали до тех пор, пока Джайлз не поднял руку и не спросил:

— Друг Лерос, а что, эти пришельцы обвиняются в каком-нибудь богохульстве?

— Это будет решено наверху, — сказал один из пришедших жрецов и махнул рукой в сторону горной вершины.

— Тогда скажите Андреасу, чтобы он сперва принял решение, — резко сказал Лерос. — А у меня здесь много куда более важных дел.

— Господин Лерос, я прошу прощения. Я еще раз повторяю: я, как и многие другие, сочувственно отношусь к вашим взглядам. Но я всего лишь передаю приказ...

— Ладно. — Лерос снова повернулся к ожидающим продолжения воинам: — Этим, которые наверху, видно, взбрело в голову допекать нас всякой чушью. Один из пришельцев — тот, который при виде крови повел себя, как испуганная женщина, — заблудился. Думают, что он все еще должен находиться где-то на склонах горы, потому что солдаты, патрулирующие равнину, его не нашли. Мне приказано спросить, не видел ли кто из вас этого человека вчера вечером или сегодня утром?

Джайлз заявил, что он не видел. Остальные семеро, быстро терявшие интерес к происходящему, отрицательно покачали головами.

Лерос повернулся к жрецам:

— А разве чужаки не носят приспособления, которые позво-

ляют им переговариваться даже на расстоянии в несколько километров? Как этот человек мог заблудиться, если он в любой момент может сказать своим товарищам, где находится?

— Такое приспособление нашли неподалеку от корабля, — сказал один из жрецов. — Должно быть, этот трус его уронил. Так или иначе, лично мне кажется, что он просто не хочет, чтобы его отыскали. Мы нашли и другие, еще более странные вещи, и об этом нам тоже нужно поговорить.

Голос жреца понизился почти до шепота. Джайлз изобразил на своем лице скуку — такую же, какая была написана на лицах его товарищей, — и перевел взгляд на мелкую крылатую зверюшку, усевшуюся на ветку. Но уши его тем временем ловили каждое слово.

Жрец же продолжал свою тайную — то есть он считал, что тайную — беседу с Леросом:

— Говорят, что остальные пришельцы гостят в Храме, но никто не верит, что они остаются там по своей воле. С тех пор, как они вошли в Храм, пришельцев почти никто не видел. Кажется, одна из их женщин сейчас заперта на корабле. Но мало того. Есть и более странный слух — я не имею права назвать тебе имя того, кто мне это рассказал, — говорят, что полубог Мьеллнир бросил вызов чужакам, и один из них убил его.

Лерос издал негодующий возглас и отвернулся от говорившего.

— А я чуть было не поверил этим твоим побасенкам!

— О нет, я лично не верю тому, что говорят про Мьеллнира. Конечно, этого не может быть! Богохульство, да и только. Но происходит что-то странное, и это как-то связано с чужаками, а нам не говорят правду.

— Вполне возможно. Но это не имеет никакого отношения ни ко мне, ни к турниру. — Лерос искоса взглянул на дорогу. — Когда нам доставят надлежащую еду и питье и пришлют новых слуг?

Третий жрец выглядел совсем несчастным.

— Господин Лерос, я снова вынужден дать ответ, который вам не понравится.

Лерос резко развернулся.

— Что там на этот раз? — Голос его звучал весьма зловеще.

— Дела обстоят так, словно во Внутреннем Круге внезапно забыли о турнире. Они не просто заняты другими делами — турнир явно перестал их интересовать. Я никак не могу обещать, что вам пришлют что-нибудь получше. Андреаса я видел только

мельком, и он был жутко чем-то занят, понятия не имею, чем именно. Он сказал мне: «Передай Леросу — пусть побыстрее заканчивает со своим спектаклем». Ну не мог же я задавать вопросы верховному жрецу!

Лерос невольно потянулся рукой к тому месту, где у воинов обычно висит меч, но обнаружил лишь складки белого жреческого одеяния.

— Мой спектакль? Он так сказал?

— Клянусь честью — именно так и сказал.

— Ну что ж, *я* могу спросить у Андреаса, что все это значит, — с ледяной яростью произнес Лерос, спокойно отмеряя каждое слово. — Меня не волнует, верховный он там или не верховный. Чего еще он хочет нас лишить? Почему бы ему не забрать у нас всех рабов и совсем перестать присылать пищу? А может, он еще захочет отнять у нас одежду и оружие?

У жрецов был такой вид, словно они изо всех сил стараются не слушать крамольные высказывания. Джайлз затаил дыхание и весь обратился в слух.

Лерос же продолжал:

— Или я чего-то не понимаю? Разве это не турнир, предназначенный для того, чтобы порадовать Торуна и почтить его, для того, чтобы выбрать человека, достойного стать полубогом? Разве эти восемь оставшихся в живых атлетов, все вместе и каждый по отдельности, не лучшие?.. — В какое-то мгновение Леросу просто не хватило слов. Со стороны казалось, что он близок к удушью. Наконец Лерос сумел сделать глубокий вдох и продолжил: — Ну что ж. Значит, я буду вынужден сам подняться наверх и выяснить все эти вопросы. Кому-то из вас придется на некоторое время остаться здесь, чтобы эти люди не оказались обделены вниманием жрецов соответствующего ранга.

Поворачиваясь к ожидающим воинам, Лерос усилием воли согнал с лица хмурое выражение и улыбнулся им, с печалью и любовью.

— Почтенные господа! Друзья мои! Я вынужден на некоторое время вас покинуть. Желаете ли вы начать следующий тур боев или подождете моего возвращения? Я собираюсь подняться на вершину, чтобы обсудить вопросы снабжения. Мне трудно сказать, когда именно я вернусь обратно.

Воины неуверенно переглянулись. Джайлз чуть было не заговорил, но вовремя прикусил язык. Его мозг стремительно работал, взвешивая различные варианты. Лично он предпочел бы отсрочку, но не слишком длительную.

Заметив их нерешительность, Лерос посмотрел на повисший в небе бронзовый щит — солнце Охотника, которое пыталось пробиться через слои тумана.

— Подождите до полудня, — сказал Лерос. — Если я не вернусь к этому времени, добившись для вас большего почета и лучшей пищи — или не пришлю никакого сообщения, — тогда сражайтесь и покажите все, на что вы способны.

Лерос передал список участников жрецу, которому выпало остаться при воинах, кивком подозвал второго и проворно зашагал в гору.

Утро тянулось медленно. До середины дня воины сидели на месте или шатались по окрестностям, мрачно молчали или собирались по двое-трое и тихо переговаривались. Наконец, когда стало ясно, что полдень уже миновал, а Лерос так и не вернулся и не прислал никаких известий, замещавший его жрец откашлялся и созвал воинов. Он произнес какую-то маловразумительную речь, сообщил, что его зовут Йелгир, и объявил, что готов зачитать список, если они уже приготовились к боям.

— Пускай начинает, — сказал Ванн Кочевник. Остальные подтвердили свою готовность кивками. Ожидание и неуверенность выносить труднее, чем хорошую драку. Воины заняли свои места вокруг ринга.

Йелгир развернул свиток с именами и еще раз откашлялся.

— Чарльз Честный и Фарлей из Эйкоска!

Чарльз и Фарлей почти лениво разошлись по противоположным сторонам ринга. Потом они сошлись и осторожно скрестили оружие. Каждый из бойцов с уважением относился к способностям другого и предпочитал поначалу не рисковать. У Фарлея была ранена левая рука — Лерос сам аккуратно перевязал ее и наложил шину. Впрочем, не похоже было, чтобы эта рана доставляла ему какое-то особое беспокойство, не считая того, что теперь он оставил кинжал за поясом и дрался одним лишь мечом.

Постепенно бойцы добавили в свои движения силы и скорости, и их длинные мечи мелодично зазвенели. Но даже и сейчас состязание казалось достаточно спокойным. Потом сверкающий, как самоцветы, меч Фарлея метнулся вперед — Фарлей атаковал противника хитрым приемом, который не использовал в предыдущих турах. Чарльз попытался отбить ложный удар и пропустил настоящую, смертоносную атаку; он рухнул на землю, испустив единственный вскрик боли.

— Джайлз Вероломный и Джад Исаксон!

Джад, как и в прошлые разы, сразу же бросился в атаку. Джайлз, в общем-то, тоже не страдал недостатком пыла, но этот бой начался в более быстром темпе, чем предыдущие. Оба противника были подвижными, но никто не собирался бросаться в атаку безоглядно. Потом Джайлз стал более агрессивен; его меч то взмывал над щитом низкорослого противника, то пытался поднырнуть снизу, но так и не добрался до цели. Потом уже удары Исаксона стали более весомыми и быстрыми, так что вся сила Джайлза стала уходить на оборону; постепенно он начал отступать под этим яростным натиском.

Развязка наступила внезапно, когда Джайлз, пятясь, приблизился к краю ринга, нависшему над обрывом. Мелькнул меч Джада — единственная короткая вспышка, — и Джайлз схватился за грудь, сдавленно вскрикнул и упал. Тело заскользило по крутому дернистому склону и проехало метров двадцать, прежде чем наткнулось на куст. Впрочем, тело Джайлза почти сразу же смяло этот куст и заскользило дальше. Жрец кивнул, и хромой раб с колотушкой принялся карабкаться вниз по склону.

— Омир Келсумба и Рахим Сосиас!

Чернокожий гигант, вышедший на ринг, казался еще выше ростом, чем раньше. Он снова почти что с нежностью баюкал свой огромный топор, прижимая его к груди. Рядом с Келсумбой толстячок Сосиас со своим изогнутым мечом смотрелся вопиюще неуместно. Но именно скимитар пролил первую кровь этого боя. Впрочем, это была легкая рана. Меч едва коснулся внешней поверхности бедра Келсумбы. Сосиас превосходно рассчитывал свои действия: ответный удар топора зацепил лишь его просторную верхнюю одежду.

Рана подстегнула чернокожего воина, и теперь уже Сосиасу пришлось отпрыгивать назад. Впрочем, Рахим двигался с поразительной скоростью, и его брюшко подпрыгивало в такт этой смертельной пляске. Взлетал и обрушивался топор, потом снова взлетал и снова обрушивался. Келсумба действовал своим оружием с той же скоростью и с такой же точностью, с какой другие люди действуют мечом, — но никакой, даже самый прочный меч не выдержал бы прямого столкновения с этим топором. По кругу зрителей пробежал восхищенный и испуганный шепот.

Сосиас попытался еще раз дотянуться до бедра противника или, возможно, только сделал вид. На этот раз ответный удар пришелся чуть ближе к его телу, но все же Сосиас каким-то чудом ухитрился своевременно прервать собственную атаку и ус-

кользнул прочь целым и невредимым. В левой руке у Рахима появился спрятанный до сих пор нож, но ему никак не удавалось подойти к противнику достаточно близко, чтобы пустить это оружие в ход.

Просто ждать и уворачиваться от топора было бы самоубийством. Сосиас попытался снова перейти в атаку, и тут-то огромный топор добрался до него, попросту смахнув толстяку лицо. Томас Хватала, который стоял метрах в десяти от этого места, опираясь на копье, почувствовал, как на его руку упали капли теплой крови.

— Томас Хватала и Ванн Кочевник!

Ванн, держа меч с кажущейся неуклюжестью, встал лицом к Томасу. Тот поигрывал копьем, делая пробные выпады. Ванн не стал тратить силы на попытки обрубить наконечник копья — оно достаточно хорошо себя зарекомендовало, и его обитое металлом древко выдержало уже несколько боев. Сперва поединок развивался достаточно неспешно. Оба воина действовали осторожно, проделывали множество финтов и не спешили на самом деле переходить в атаку.

Через некоторое время для опытного зрителя — а других здесь и не было — стало ясно, что Ванн не может до конца избавиться от привычки в промежутках между обменом ударами держать меч неуклюже, кое-как. Да, несомненно, при необходимости Ванн с поразительной скоростью возвращался к правильной хватке, но доли секунды, потраченные на это движение, были непозволительной роскошью в состязаниях такого класса. Эта кошмарная манера держать меч не была для Ванна чем-то естественным, как для Келсумбы — привычка словно баюкать свой топор. Она явно была выработана нарочно, чтобы сбивать противника с толку. Но сейчас эта привычка была абсолютно бесполезной, и Ванн это вполне осознавал. Он и не хотел пускать ее в ход, но нервы и мышцы не могли так быстро перестроиться и продолжали действовать привычным образом.

После нескольких повторений Томас заметил этот недочет противника и подловил момент, когда меч неловко повис после удара по нижнему уровню. Со звуком, напоминающим удар дубинки, копье пробило истрепанную рубашку Ванна и его торс — чуть выше пояса. Когда Ванн увидел фонтан собственной крови, на лице его на миг появилось какое-то нелепое выражение горя, а потом лицо Ванна Кочевника навсегда перестало что-либо выражать.

Когда Фарлей из Эйкоска в компании с тремя другими вы-

жившими воинами отошел от залитого кровью ринга и снова принялся неспешно подниматься в гору, его преследовало странное чувство — что боги забыли о последних уцелевших участниках турнира. На очередном повороте дороги Фарлей на мгновение обернулся и увидел четыре окоченевших тела — сегодняшние жертвы. Они лежали рядом с рингом, и вокруг суетилась одна-единственная фигурка. Одетый в серое раб с колотушкой на поясе только-только начал копать невзрачную яму, которая должна была стать последним пристанищем для героев. Шагавший рядом с Фарлеем Исаксон тоже оглянулся. Похоже, и его что-то беспокоило. Фарлей чуть было не попытался высказать тревожившие его мысли вслух, но все-таки промолчал. Он не был уверен в том, как остальные отнесутся к его словам.

В нескольких шагах впереди шел Омир Келсумба. Его огромный топор был вычищен и зачехлен и выглядел сейчас совершенно невинно, словно какой-нибудь рабочий инструмент лесоруба. Келсумба легко мерил казавшийся бесконечным склон огромными шагами. Его мысли сейчас витали далеко. Он думал о своих больных детях и о жене. Когда-нибудь, если он выиграет турнир, ему, возможно, удастся вернуться и посмотреть на свою семью — проплыть по небу с ночным ветерком или прийти, приняв облик случайного путника. Всем известно, что боги проделывают такие вещи, а когда он выиграет турнир, он станет почти что богом.

Раньше Келсумба время от времени испытывал по этому поводу сомнения, но сейчас он снова был убежден, что непременно выиграет. Он делается все сильнее с каждой победой. Он чувствует, как в нем поднимается богоподобная сила. С тех пор как он, Омир Келсумба, достиг полной зрелости, ни один человек не мог сравняться с ним в силе, и ни один не сможет. Когда турнир завершится, он станет богом, а боги могут не только убивать, но и исцелять. Когда он займет свое место по правую руку от Торуна, богиня целительства не сможет отказать ему в просьбе и непременно вылечит его детей. Детям бога никогда не придется умирать в жалкой лачуге из-за злой судьбы или каких-то мерзких болезней.

Вплотную за Келсумбой шагал Томас Хватала, но он и не подозревал о мыслях гиганта. Несмотря на свою бурную жизнь — Хватала успел побывать бандитом, солдатом, телохранителем и охотником на преступников (за это неплохо платили), — Томас до сих пор иногда испытывал приступы острого, почти парализующего страха перед ранами или смертью. Ему требовалось

стальное самообладание, чтобы не выказать свой страх, не позволить другим заметить его. Сейчас прямо перед Хваталой болталось широкое лезвие топора Келсумбы, и Томас не смел взглянуть на этот топор. Томас был достаточно опытен в обращении с данной разновидностью страха и знал, что все будет в порядке, если ему хватит сил обуздать свой страх до того момента, как придет пора выходить на ринг и становиться лицом к лицу с противником. Тогда все будет в порядке. Тогда уже просто некогда будет бояться. Тогда никто не сможет его победить. А теперь, по дороге наверх, Томас мрачно воевал с расшалившимися нервами и старался ни о чем не думать.

Дорога привела небольшой отряд к двум сторожевым башням. Часовые степенно отсалютовали проходящим воинам.

— Частный парк богов, — довольно громко пробормотал Томас, оглядываясь по сторонам. Теперь дорога стала широкой. Ее окаймляли пешеходные дорожки из гравия, а сразу за дорожками земля была засажена какими-то вьющимися растениями: сплошной зеленый покров так и манил прилечь и отдохнуть.

— Да, — донесся у него из-за спины благоговейный голос Фарлея из Эйкоска. — Наверное, мы можем увидеть среди этих деревьев самого Торуна.

Никто не ответил. Вскоре Йелгир, жрец, сопровождающий воинов, подал знак остановиться и отвел их в сторону от дороги. Земля здесь была мягче, чем прежде, а площадка — еще меньше. Ночью все было спокойно, как в могиле, — ну или почти так же спокойно.

Глава 9

После пира Шонберг, Афина, де ла Торре и Челеста вернулись в свои уютные комнаты, но их неотступно сопровождала охрана, и все их заявления, что они — свободные люди, были пропущены мимо ушей. Охранники не рукоприкладствовали, но всех пришельцев тщательно обыскали и отобрали у них коммуникаторы.

С чужаками никто не разговаривал; Андреас ушел, а прочие просто не желали отвечать на их протесты и вопросы.

За время, пока их вели из Храма в жилой корпус, гостям удалось обменяться несколькими словами.

— Чего бы они ни хотели, они поставят нас в известность лишь тогда, когда все будет готово. А до тех пор нам очень важно сохранить твердость духа, — посоветовал своим спутникам Шонберг.

— Можете рассчитывать на нашу поддержку, Оскар, — отозвалась Афина. На ее лице была написана решимость. А вот Челеста и де ла Торре выглядели испуганными.

Шонберг ободряюще подмигнул Челесте. Потом их решительно развели по разным комнатам. Шонберг услышал, как дверь его комнаты заперли сперва на замок, потом еще и на засов. Приставленные к нему слуги исчезли, а выглянув через решетку, Шонберг увидел, что под дверью стоит часовой. Шонберг растянулся на роскошной кровати и старался что-нибудь придумать. Через некоторое время он поднялся и попытался связаться с Афиной, выстукивая на разделяющей их комнаты стене послания азбукой Морзе, но ответа не было. Возможно, кладка была слишком толстой.

К собственному удивлению, Шонберг спал хорошо и, проснувшись рано утром, почувствовал себя вполне отдохнувшим. Потом пришли несколько солдат, чтобы отвести его на беседу с Андреасом. Шонберг охотно отправился с ними. Они снова вошли в Храм через другую боковую дверь, снова немного спустились вниз и оказались в небольшом помещении с голыми каменными стенами, напоминающем не то келью, не то тюремную камеру. Слабый утренний свет проникал лишь через единственное, высоко расположенное окошко. Андреас сидел за столом. Сопровождающие Шонберга солдаты отдали честь и вышли, и Шонберг со старым верховным жрецом остались одни. Андреас был вдвое худее, чем Шонберг, и биологически намного старше, но он носил за поясом отороченного пурпуром одеяния кинжал и, казалось, не испытывал ни малейшей неуверенности, оказавшись наедине с человеком, который стал его врагом, хотя Шонберг и был значительно сильнее.

Дверь еще не успела закрыться за солдатами, как Шонберг сказал:

— Андреас, если вы разумный человек, вы немедленно нас освободите.

Андреас спокойно указал на стул, но Шонберг остался стоять. Тогда верховный жрец произнес:

— Прежде чем я смогу освободить вас, я должен убедиться, что вы присоединяетесь к планам, касающимся использования вашего корабля. Ваше добровольное сотрудничество оказалось бы большим подспорьем. Но, впрочем, оно не является абсолютно необходимым.

— Вы взяли меня и моих друзей под стражу. Это не вызывает у меня желания сотрудничать. И что произошло с остальными двумя моими товарищами?

Андреас положил руки на стол.

— Девушка заперта в своей комнате на корабле. Ее держат там, чтобы было кому отвечать по радио на тот маловероятный случай, если появится еще какой-нибудь космический корабль и захочет связаться с «Орионом».

— Так, значит, вчера вечером ваши люди угрожали ей и так запугали девушку, что она не посмела рассказать мне о произошедшем!

— У нее хватило мудрости пойти на сотрудничество, — мягко произнес Андреас. — Что же касается вашего труса, то он все еще не объявился. Возможно, он не успеет сотворить с собой ничего особенно скверного и вернется сегодня или завтра — поискать еду. Я не стану унижать моих воинов и отправлять их на поиски такого ничтожества.

После минутного молчания Шонберг уселся на предложенный ранее стул.

— И что, собственно, вы от меня хотите?

— Чтобы вы ответили на некоторые вопросы, касающиеся вашего корабля, — в частности, о том, как им управлять, — и в нужный момент перевели его туда, куда нам потребуется.

Последовала короткая пауза. Потом Шонберг откликнулся:

— Вам придется высказаться конкретнее. Я не хочу наживать себе неприятности с межзвездными властями.

Верховный жрец покачал головой:

— В настоящий момент единственная власть, мнение которой должно вас интересовать, — это я. Межзвездные власти могут обладать могуществом на других планетах, но их мало будет интересовать, что происходит здесь, на Охотнике, даже если они когда-нибудь об этом узнают.

Шонберг слегка расслабился и закинул ногу на ногу.

— Это верно лишь наполовину, Андреас. Властей не интересуют охотничьи экспедиции наподобие моей — да, это на самом деле так. У них слишком много других дел, чтобы тратить время на подобные пустяки и пресекать частные экспедиции. Их бы мало заинтересовало, если бы я явился посмотреть на ваш турнир или даже принял в нем участие, — если, конечно, меня удостоили бы такой чести. Но можете мне поверить, их очень заинтересует, если я приму участие в какой-нибудь местной войне и использую при этом оружие внешнего мира или если хотя бы

использую корабль для оказания вам какой бы то ни было военной помощи. Любой подобный поступок будет связан для меня с серьезным риском. Не с риском сражения, которому можно радоваться — поймите меня правильно, — а с социальным риском, с риском бесчестия по возвращении к моему народу. Вы сами уважаемый человек, и вы должны понять, почему я не могу вам помочь.

— Я вас торжественно заверяю, что никто за пределами этой планеты никогда не узнает о том, что вы здесь делали.

— Простите, но я в этом сомневаюсь. Я — не единственный охотник, посещающий эту планету. И раньше или позже здесь появится торговый или военный корабль. Вам не удастся заставить замолчать абсолютно всех ваших врагов на этой планете, а они не упустят удобного случая пожаловаться на космический корабль, который досаждал им без малейшего повода с их стороны. А потом обнаружится, что это мой корабль. Я упомянул этот факт первым потому, что вы можете не поверить мне, когда я скажу, что власти Земли забеспокоятся, если я не вернусь из этого путешествия своевременно, — Шонберг демонстративно приподнял руку и бросил взгляд на наручные часы с календарем.

Андреас слегка улыбнулся.

— Никто на Земле и ни в каком другом мире не знает, где вы находитесь. Так что искать вас будут где угодно, только не на моей планете.

Шонберг не колебался ни минуты. Во всяком случае, он не позволил себе высказать ни малейшего признака страха.

— Если вы не поверите мне, верховный жрец, то совершите большую ошибку. Но в настоящий момент это не имеет значения. Давайте вернемся к тому, что вы хотите. Предположим, что я сейчас сижу в командирском кресле, в рубке моего корабля, а вы стоите сзади и держите нож у моего горла. Ну и что дальше?

— Шонберг, я вовсе не держу нож у вашего горла. И, уж во всяком случае, я не стану делать этого в рубке вашего корабля, где у вас может возникнуть искушение нажать на какую-нибудь не ту кнопку и попытаться сорвать все мои планы. Здесь есть жрец, которому уже доводилось бывать на борту космического корабля, и мы не настолько невежественны, как вы предполагаете... Я думал, что вы могли бы захотеть присоединиться к некоему военному приключению. Наверняка этого захотелось бы де ла Торре, но он не обладает необходимыми знаниями. Я рас-

спрашивал других членов вашей группы и склонен верить, что они ничего не знают ни об управлении кораблем, ни о навигации.

— Совершенно верно. Я — единственный пилот в этой группе.

— Тогда удовлетворите мое любопытство: а как ваши товарищи вернулись бы домой, если бы вас сожрала ледяная тварь?

— Корабль может лететь на автопилоте. Достаточно нажать нужную кнопку, и автопилот доставит вас в любую выбранную систему поблизости от требуемого вам цивилизованного мира. Ваш жрец, который уже бывал на космическом корабле, должен бы знать такие вещи. Я полагал, что вам нужен несколько другой вид пилотажа.

— Да. Но главным образом мне требуются некоторые сведения об управлении кораблем.

— Расскажите мне о ваших планах поподробнее, и, возможно, я предоставлю вам требуемую информацию.

Андреас довольно долго смотрел на Шонберга: без жестокости, просто изучающе.

— Возможно, так будет лучше. — Старый жрец вздохнул. — Возможно, следует испробовать другие способы... скажите, какое влияние на вас оказывает угроза пыток и увечья?

Шонберг привстал и наклонился над столом. Глаза его яростно сверкнули.

— Верховный жрец, в большом мире, который окружает ваш мирок, я являюсь могущественным и влиятельным человеком. Вы что думаете, кто-нибудь другой мог бы владеть космическим кораблем и пользоваться им по собственному усмотрению? Я связан деловыми интересами с некоторыми другими могущественными и обладающими властью людьми, которые заинтересованы в моей безопасности и отомстят за мою смерть или исчезновение. И этим людям точно известно, где я нахожусь и когда должен вернуться. За каждую секунду боли, которую вы мне причините, вы заплатите двумя секундами, если не десятью. Мои друзья и я сотрем ваш город и ваш Храм с лица земли, если вы нас спровоцируете. Никогда больше не смейте мне угрожать!

Двое мужчин пристально смотрели в глаза друг другу, пока не скрипнула дверь. Кто-то из жрецов Внутреннего Круга заглянул в комнату и слегка кивнул Андреасу. Видимо, звали другие дела.

Верховный жрец вздохнул и поднялся. Улыбнувшись, отчего его лицо стало напоминать череп, Андреас едва заметно наклонил голову, отдавая должное Шонбергу.

— Вы очень неудобный для запугивания человек, пришелец. И тем не менее, я полагаю, это все же стоит попробовать. Поразмыслите немного над моими словами. Мы вскоре возобновим наш разговор.

* * *

Суоми был напуган.

Он не просто боялся быть пойманным солдатами Андреаса, которые вчера захватили корабль и взяли в плен Барбару. Несомненно, захватить врасплох еще четверых ничего не подозревающих пришельцев из внешнего мира не представляло никакой трудности. Нет, пока Суоми коротал ночь в чаще, у него было много времени на раздумья, и ему действительно было над чем подумать.

Несколько часов назад Суоми покинул чащу, куда влетел вчера и упал в изнеможении. Сейчас же он, скорчившись, сидел в своем жалком укрытии — среди редкой поросли каких-то растений, напоминающих кусты, — неподалеку от дороги, поднимающейся в горы. Сидел, наблюдал и ждал — сам точно не зная, чего. Все, что у него было, — смутные надежды выследить какого-нибудь одинокого путника, к которому можно будет обратиться за помощью.

Временами Суоми мечтал, что по дороге проедет еще один обоз вроде того, который ему довелось увидеть, и с телеги свалится какой-нибудь мешок с овощами или, может, окорок, а он тогда выскочит на дорогу и подберет то, что упало. Суоми не удалось обнаружить ничего съестного в лесу, и у него уже больше стандартного дня не было во рту ни крошки.

Кроме того, ему хотелось пить — дождевой воды, которую Суоми слизывал с листьев, явно было недостаточно. А еще Карлос чувствовал сильную слабость после вчерашнего падения. Его беспокоила спина, и он подозревал, что одна из небольших ран на ноге могла воспалиться, несмотря на рутинный курс иммунологической обработки, который они прошли перед отлетом на Земле.

Заросли, в которых спрятался Суоми, когда не смог больше бежать, были настолько густыми и обширными, что в них можно было укрыться — во всяком случае, до тех пор, пока его преследователи не отправят на охоту сотню человек. Но, кажется, за

Суоми никто и не гнался. На этой чужой планете ему было в буквальном смысле слова некуда идти. Суоми сильно подозревал, что своей свободой — если его нынешнее положение заслуживало такого громкого названия — он обязан исключительно тому факту, что никто особо и не старался его поймать. Ему не верилось, что местные воины так уж сильно боятся его ружья. Значит, они не охотятся за ним лишь потому, что у них есть какие-то более важные дела.

Поняв, что здесь он все равно ничего не добьется, Суоми покинул чащу. Надо предупредить своих. Какое-то время ему даже казалось, что все произошедшее просто чудовищная шутка, что-нибудь наподобие посвящения для новичков... но потом Суоми припомнил все мрачные мысли, посещавшие его прошлой ночью, и содрогнулся, хотя день и был теплым. Суоми боялся не только за себя и даже не только за своих спутников. Перед его внутренним взором до сих пор отчетливо стояла разбитая кираса робота и обнаружившаяся под ней мешанина запчастей. И там, среди грубых, сделанных вручную деталей...

— Тише, пришелец, — раздался совсем рядом с Суоми чей-то негромкий голос.

Суоми стремительно обернулся и обнаружил, что дуло его ружья почти в упор смотрит на невысокого русоволосого человека. Человек стоял за деревьями в шести-восьми метрах от Суоми. Он протянул вперед раскрытые ладони — жест, всегда свидетельствовавший о мирных намерениях. Незнакомец был одет в серое — такую же одежду Суоми видел на рабах горы Богов, — а поясом ему служил кусок грубой веревки. Из-за пояса торчал массивный молоток на короткой ручке. Убийца поверженных гладиаторов. Но этот человек был повыше того, которого помнил Суоми, и у него было более открытое и привлекательное лицо.

— Что тебе нужно? — Суоми держал ружье на изготовку и время от времени оглядывал лес. Вокруг никого не было заметно; похоже, раб был здесь один.

— Просто немного поговорить с тобой, — успокаивающе произнес незнакомец. Он очень медленно опустил руки и снова застыл неподвижно. — И, если удастся, провернуть общее дело против общих врагов. — Он кивком указал в сторону горной вершины.

Интересно, рабы на Охотнике всегда разговаривают подобным образом? Что-то не верится... Суоми вообще не припомнил, чтобы кто-то из рабов хоть раз подавал при нем голос. Карлос решил, что расслабляться рановато.

— Как ты меня нашел?

— Я прикинул, что ты сейчас где-нибудь у дороги и подумываешь сдаться. Я искал тебя около часа, и сомневаюсь, чтобы кто-либо еще тратил на это время и силы.

Суоми кивнул:

— Думаю, что так. Но кто ты такой? Уж не раб, во всяком случае.

— Ты прав. Я не раб. Но давай об этом поговорим попозже. Пойдем-ка лучше в лес, пока нас не заметил кто-нибудь с дороги.

Вот теперь Суоми действительно расслабился, опустил ружье — у него ощутимо дрожали руки, — и пошел следом за неожиданным спутником в лес. Забравшись поглубже, они уселись и приготовились к разговору.

— Скажи мне прежде всего вот что, — с ходу заявил незнакомец. — Как мы можем помешать Андреасу и его банде воров воспользоваться украденным у вас кораблем?

— Не знаю. Что с моими товарищами?

— Их держат в Храме, в каких условиях — я точно не знаю. Ты неважно выглядишь. Я бы предложил тебе еду и питье, но сейчас у меня ничего с собой нет. Как по-твоему, зачем Андреасу понадобился ваш корабль?

— Мне страшно об этом думать. — Суоми покачал головой. — Если эта затея принадлежит одному Андреасу, тогда, возможно, он хочет просто завоевать всю эту планету. Может, он надеется найти у нас на корабле какое-нибудь оружие массового поражения. Но там ничего такого и близко нет.

Незнакомец пристально взглянул на Суоми.

— Что ты имеешь в виду, сказав: «Если затея принадлежит одному Андреасу»?

— Ты когда-нибудь слышал о берсеркерах?

Озадаченный взгляд.

— Да, конечно. Машины смерти из легенд. А они тут при чем?

Суоми начал описывать свою схватку с человекообразной машиной. Незнакомец слушал предельно внимательно.

— До меня доходили слухи, что Мьеллнир вышел на бой и был повергнут, — задумчиво произнес он. — Так, значит, ты уничтожил берсеркера?

— Нет. Не совсем. Против настоящего берсеркера-андроида это ружье было бы бесполезным. Но я кое-что обнаружил в разбитом корпусе робота. — Суоми вытащил из кармана небольшой запечатанный ящичек из блестящего металла. Из ящичка торчал толстый серый кабель, который расходился веером тончайших волокон в том месте, где был вырван из силового пакета. — Это твердое электроядерное устройство, или, иными словами, часть искусственного мозга. Судя по его размерам и по количеству волокон в кабеле, я бы сказал, что двух-трех таких приспособлений, если их должным образом объединить, достаточно, чтобы управлять роботом. Такой робот будет выполнять физическую работу лучше человека, выполнять несложные приказы и самостоятельно принимать решение в несложных ситуациях.

Незнакомец потянулся к ящичку и задумчиво взвесил его на ладони.

Суоми тем временем продолжал:

— На Земле и в других технологических мирах делается много твердых электроядерных приборов. Я видел несметное число их разновидностей. А знаешь, сколько я видел электроядерных устройств, похожих на это? Одно-единственное. Я видел его в музее. Это была деталь берсеркера, давным-давно захваченная в космическом сражении неподалеку от Каменной Россыпи.

Незнакомец поскреб подбородок и вернул ящичек Суоми.

— Мне как-то тяжеловато воспринимать легенды как реальность.

Суоми захотелось схватить его за плечи и хорошенько встряхнуть.

— Берсеркеры совершенно реальны, я тебя уверяю. Как по-твоему, что уничтожило технологическую цивилизацию ваших предков здесь, на Охотнике?

— Нас с детства учили, что наши предки были слишком гордыми и сильными, чтобы ставить свою жизнь в зависимость от всяких там машин. Ну и легенды о войне с берсеркерами тоже ходят.

— Это не легенды. Это история.

— Ладно, пускай будет история. Ну так и что было?

— Эта война надолго оборвала связь ваших предков с остальной Галактикой и разрушила здешнюю технологическую цивилизацию. А, как ты сказал, здесь жили суровые и сильные люди, и они обнаружили, что действительно могут прожить без множества машин. Они возвели бедность в добродетель. Так или иначе, но благодаря победе Карлсена все берсеркеры в системе Охотника были либо уничтожены, либо изгнаны. Но, возможно, один из них уцелел, когда прочих прижали к ногтю. По крайней мере, уцелел его неживой мозг. Возможно, этот берсеркер до сих пор находится здесь.

Незнакомец продолжал внимательно слушать, но, похоже, эти слова не произвели на него особого впечатления. Суоми решил, что нужно рассказать о сути дела поподробнее.

— На других планетах, — начал он, — злые люди создали культы и поклонялись берсеркерам, как богам. Я могу только предположить, что пятьсот лет назад такие люди были и здесь, на Охотнике. После битвы они обнаружили где-то своего искалеченного бога, спасли его и спрятали. Они продолжали поколение за поколением хранить свой культ и втайне поклоняться берсеркеру. Все это время они молились Смерти и работали, стараясь приблизить тот день, когда смогут уничтожить все живое на этой планете.

Незнакомец запустил пятерню в волосы. Руки у него были сильные и хорошей формы.

— Но если ты прав, таких деталей было больше, чем ты обнаружил в теле Мьеллнира? Значит, берсеркер не был уничтожен?

— Я уверен, что их больше. Мозг настоящего берсеркера состоит из гораздо большего числа таких вот маленьких деталей. И других составных частей. Возможно, в Мьеллнира были вложены лишь запасные части. Или те, которые были сделаны людьми-ремесленниками под руководством берсеркера.

— Тогда почему здесь вообще должен быть настоящий берсеркер? На Андреаса работают очень хорошие ремесленники. Возможно, они просто использовали части от уничтоженного берсеркера, чтобы сделать фигуру Мьеллнира — да, наверное, и самого Торуна тоже, — незнакомец кивнул, отвечая на какие-то свои мысли. — Тогда становится ясно, почему люди клянутся, что действительно видели, как Торун гулял по внутреннему двору Храма в компании с верховным жрецом.

— Извини, но ни одному из ремесленников этой планеты не под силу сделать робота, который напал на меня. Даже если бы у них были готовые детали — все равно. Ты можешь себе представить, какого уровня программирование требуется, чтобы сделать машину, которая будет бегать, драться и забираться на ска-

лы, как человек? Нет, лучше, чем человек. Ни одному человеку не под силу взобраться на скалу с той стороны, где взобрался этот робот, всего за несколько минут, да еще и забивая костыли по пути. А сколько здесь проблем инженерного характера? Нет, это невозможно. Лишь на считаных планетах — на Земле, Венере, еще на нескольких — есть специалисты и оборудование, необходимые для производства таких роботов. Здесь же его мог сделать только функционирующий мозг берсеркера.

Двое мужчин некоторое время сидели молча, размышляли и изучали друг друга. Суоми привалился спиной к стволу дерева и устроился поудобнее. Его беспокоила раненая нога. Наконец местный житель сказал:

— Ну хорошо, предположим, что ты говоришь правду: здесь действительно находится берсеркер, и он у жрецов горы Богов. И что тогда?

— Ты так и не понял! — Суоми едва удержался, чтобы не вцепиться в потрепанную рубаху собеседника. — На самом деле это они у него, а не он у них. Что, мне нужно еще раз повторить тебе, что такое берсеркер? — Суоми вздохнул и откинулся назад. Он чувствовал себя опустошенным, словно его в одно мгновение покинули и силы, и надежда. Как рассказать человеку, который никогда не видел ни фильмов, ни голограмм, о веках нашествий берсеркеров из глубин галактики, о чинимых ими массовых разрушениях? Как донести до него весь этот ужас? Целые планеты превратились в безжизненные пустыни, целые солнечные системы были опустошены этой нежитью! Тысячи, если не десятки тысяч, людей погибли в ходе экспериментов: берсеркеры пытались выяснить, почему эти странные двуногие сгустки протоплазмы, выходцы с планеты Земля, так упорно сопротивляются высшей истине программы, заложенной в берсеркеров? А программа была проста: жизнь — это болезнь материи, и ее следует уничтожить. Это происходило здесь, это и сейчас происходит где-нибудь в тысяче световых лет отсюда, на границе небольшого домена, обжитого человечеством. — Суоми тихо продолжил: — Если наш корабль действительно захвачен берсеркером, то он преследует одну-единственную цель: полностью уничтожить жизнь на этой планете.

— Но ты сказал, что на вашем корабле нет оружия массового поражения!

— Я имел в виду, что там нет ничего такого, что обычно используется как оружие. Но там есть двигатели, которые позволяют нам летать меж звезд. Если, скажем, зарыть корабль под эту гору, а потом резко включить двигатели на полную мощность, гора просто взлетит на воздух, а все, кто будет на ней находиться, погибнут. Но это так, мелочи. Берсеркер наверняка постарается придумать что-нибудь получше. Держу пари, что, если за двигатели возьмется специалист своего дела, он наверняка сотворит из них какое-нибудь оружие, способное превратить планету в пустыню. Например, загрязнить атмосферу и сделать ее радиоактивной. Оружие не обязательно должно оказывать мгновенное воздействие. Вполне возможно, что за ближайшие пятнадцать стандартных лет здесь не появится больше ни одного межзвездного корабля. Никто не сможет подать отсюда сигнал бедствия, даже если и поймет, что именно происходит.

Наконец-то незнакомца проняло. Он осторожно поднялся на ноги, огляделся по сторонам, потом сел снова. Его рука легла на рукоять колотушки, словно ему не терпелось выхватить оружие из-за пояса и ринуться в драку.

— Клянусь всеми богами! — пробормотал он. — Это должно подействовать, не важно, правда это или нет!

— Подействовать? На что подействовать?

— Подействовать против жрецов горы Богов. Нужно рассказать всем, что, если двигатели захваченного корабля переделать, они отравят весь воздух. Что горой Богов на самом деле правит берсеркер и он хочет уничтожить наш мир. Если мы сможем убедить людей в этом, они нас поддержат!

— Полагаю, так оно и есть. Но чтобы разнести эту историю по всей планете, потребуется слишком много времени.

Незнакомец посмотрел в сторону горной вершины, которая была сейчас скрыта за деревьями.

— Я не думаю, что нам понадобится заходить так далеко. Так. Как бы изложить эту историю поубедительнее? Сейчас прикинем. Значит, пятьсот лет назад здесь находился флот берсеркеров. Полубог Карлсен вышвырнул их отсюда. Жрецы зачем-то расспрашивали, не упоминал ли кто-нибудь из чужаков имя Карлсена; так, кажется, это сходится. Теперь...

А вот сейчас Суоми действительно схватил его за грудки, к полному удивлению незнакомца.

— Они спрашивали об этом?! — пролаял Суоми. — Конечно, это сходится!

Полтора часа спустя их план был готов.

Глава 10

Этим утром четверо последних участников соревнования проснулись рано. Ночь они провели на мягком зеленом ковре, в лесу, который Фарлей из Эйкоска назвал парком богов. На рассвете в лесу стало шумно. Шум подняли маленькие крылатые создания: каждое из них защищало свою крохотную территорию от посягательств себе подобных. Фарлей из Эйкоска, разбуженный шумом этого мини-турнира, некоторое время понаблюдал за зверушками. Потом он внезапно как-то очень остро осознал, где находится, и повернулся в сторону горной вершины, где возвышался Храм, глядя вверх по склону, сквозь лес, больше похожий на парк.

Сейчас, в слабом утреннем свете, белые стены выглядели тусклыми и почти призрачными. Позже — Фарлей это знал — в лучах полуденного солнца они станут ослепительно белыми. Всю свою жизнь Фарлей жадно слушал истории о путешественниках, побывавших в этом городе. Возможность увидеть эти белые стены своими глазами наполнила Фарлея благоговейным страхом.

Здесь живет Торун.

Здесь на самом деле живет Торун.

С самого момента пробуждения Фарлея преследовало ощущение нереальности, и оно все усиливалось. Он никак не мог поверить, что действительно находится на вершине этой горы и что ему удалось достичь такого успеха на турнире. (Как обрадуется его отец, если он, Фарлей, станет победителем!) Ощущение нереальности продолжало сохраняться и во время утренней молитвы, и во время скудного завтрака, который состоял из холодных подгорелых лепешек, оставшихся со вчерашнего дня. Прислуживавший им немой раб жестами объяснил, что здесь нет валежника для костра, а потому и готовить не на чем.

Второй раб куда-то делся, возможно, ушел на поиски дров. Лерос все еще не вернулся. Новый жрец, Йелгир, который все еще казался Фарлею чужаком, после ночи, проведенной под открытым небом, выглядел окоченевшим и растрепанным. Он извинился перед воинами за то, что на этот раз им не приготовили заранее ринг для поединков.

Йелгир, посоветовавшись с воинами, выбрал ровное место и приказал рабу очистить эту площадку от растительности и как

можно лучше утоптать. Эта задача заняла у раба несколько часов. Другие тем временем ждали.

Фарлей не был особенно нетерпеливым по натуре, но промедление выбило его из ставшей уже привычной колеи и сделало все происходящее еще более нереальным. Наконец ринг был готов. Йелгир пробормотал молитву, и для первых двух бойцов пришла пора занять свои места.

— Фарлей из Эйкоска и Джад Исаксон!

Противники вступили в круг, из которого должен был выйти живым только один. Но то, как Джад двинулся в его сторону — медленнее, чем обыкновенно, — заставило Фарлея подумать, что здесь, под самыми окнами чертогов Торуна, даже смерть может быть иной. Неужели тот, кто проиграет этот бой, действительно умрет так, как умирают обычные люди или животные под ножом мясника? А может, он вместо этого просто посмотрит на свою зияющую рану, отдаст салют, признавая поражение, вежливо кивнет и, подобно тем, кто уходит после учебного боя, просто пойдет вон за те деревья? И, может, его на полпути встретит и поприветствует Мьеллнир, или Карлсен, или даже сам Торун?

Перед глазами Фарлея вспыхнуло лезвие скимитара. Теперь Джад оживился и начал действовать со своим обычным неистовством. Неожиданно Фарлей почувствовал себя более свободным, раскованным, быстрым и сильным, чем когда-либо за всю свою жизнь. Ему показалось, что, подышав одним воздухом с богами, он вдохнул частицу их бессмертия.

Фарлей отбил скимитар с кажущейся небрежностью, которая на самом деле была чем-то иным, и шагнул вперед, выбирая наилучший способ для убийства. Вот он вскинул свой меч слишком высоко, вот опустил слишком низко, а вот позволил клинку чересчур сильно отклониться в сторону и открылся для удара. Фарлей почти что слышал разгневанный голос отца. Но все это не было беспечностью. Сегодня — не было. Пускай выбранная им тактика была причудой, капризом, — но она неизбежно вела к успеху. Клинок Фарлея всегда оказывался в нужном месте в нужное время, чтобы отразить скимитар. А его длинный меч подбирался все ближе к телу Джада и скоро должен был пустить кровь.

Для Фарлея исход этого поединка казался предопределенным, и его удивила лишь внезапность, с которой все произошло. Он стоял, почти разочарованный тем, что бой уже окончен, а Джад лежал на земле и, казалось, пытался что-то ему сказать.

Но жизнь покинула Джада слишком быстро, прежде, чем он успел вымолвить хоть слово.

Йелгир откашлялся:

— Омир Келсумба и Томас Хватала!

Сегодня список имен можно было запомнить и без бумаги.

Фарлей отошел в сторону. Он вдруг осознал, что в этом туре, впервые за все время, не будет других победителей, чтобы стоять рядом с ним, отпускать шуточки или комментировать ход поединка, и эта мысль потрясла его. Стоя в полном одиночестве (если не считать жреца), Фарлей заметил на лице Келсумбы выражение безмятежного счастья; видимо, боги одарили сегодня своей благосклонностью не одного Фарлея. А вот с Томасом Хваталой, похоже, дела обстояли иначе. Еще до первого удара у него было лицо человека, знающего о своем поражении.

Противники быстро сошлись в середине круга. Топор взлетел с безрассудной смелостью; должно быть, Келсумба был совершенно уверен, что вскоре станет богом. Но копье двигалось с отчаянной скоростью и было столь точным и уверенным, словно его направлял бог. Невероятно, но схватка окончилась.

Окончилась ли? Келсумба не прекратил сражаться даже после того, как тяжелое копье пронзило его. Хотя его движения сильно замедлились, топор все же продолжал вздыматься и обрушиваться. Томас до сих пор оставался невредимым. Но вместо того чтобы отступать и ждать, пока противник свалится сам, Томас по каким-то причинам предпочел прыгнуть вперед и сцепиться с ним врукопашную. Пока противники боролись, Омир продолжал улыбаться, а Томас — выглядеть отчаявшимся. Но быстро стало ясно, что сильнейший из них отнюдь не Омир — во всяком случае, теперь, когда из него торчит копье. И только после того, как Томас сумел вырвать у Келсумбы топор и нанести решающий удар, с лица его исчезло отчаяние.

Ссора крылатых зверушек окончилась уже давно, а теперь стих и лязг металла, и в лесу сразу же сделалось тихо.

После полудня, когда Шонберга снова привели к верховному жрецу, Андреас сидел на прежнем месте. Как только они остались одни, Андреас начал:

— Поскольку мысль о пытках не устрашила вас немедленно и поскольку, как я подозреваю, их применение может подтолкнуть вас на опрометчивую попытку снабдить меня ложной информацией о корабле, я решил принять чрезвычайные меры, чтобы все же испугать вас в достаточной степени. Вам придется

пенять исключительно на себя, — и Андреас снова улыбнулся. Очевидно, он находил собственное остроумие чрезвычайно забавным.

Шонберг уселся. Слова Андреаса не произвели на него ни малейшего впечатления.

— Ну и как вы собираетесь запугивать меня на этот раз? — поинтересовался он.

— Скажу вам несколько слов.

— Андреас, мое уважение к вам стремительно падает. Если уж ваши прежние угрозы не произвели желаемого эффекта, с какой стати на меня должно подействовать невнятное бормотание о каком-то великом безымянном ужасе? Таким образом вам меня не запугать. На самом деле, вам вообще не под силу меня запугать, как бы вам того ни хотелось.

— А я думаю — под силу. Полагаю, мне известно, чего может на самом деле бояться человек, подобный вам.

— И чего же?

— Возможно, я смогу добиться этого, сказав вам всего лишь одно слово, — Андреас почти игриво всплеснул руками.

Шонберг ждал.

— Одно-единственное слово — имя бога.

— Да знаю я это имя. Торун.

— Нет. Торун — всего лишь игрушка. А мой бог — настоящий.

— Ну, тогда давайте. Произносите это ужасное имя. — Шонберг вопросительно приподнял брови и уставился на жреца почти с насмешкой.

Андреас прошептал три слога.

Смысл дошел до Шонберга не сразу. Сперва он просто удивился.

— Берсеркер... — повторил он и откинулся на спинку кресла. Лицо его ничего не выражало.

Андреас ждал, полностью уверенный в успехе — ведь его бог никогда прежде его не подводил.

— Вы хотите... — начал Шонберг. — Ага. Кажется, я начинаю понимать, что к чему. Вы хотите сказать, что один из них на самом деле провел здесь пятьсот лет, и вы... вы ему служите?

— Вскоре я отправлюсь, дабы предложить богу Смерти особое жертвоприношение — нескольких человек, в которых мы больше не нуждаемся. Я могу показать вам это зрелище. Оно должно вас убедить.

— Да, я верю, что вы можете мне это показать. Я вполне вам

верю. Ну что ж. Да, это действительно меняет дело, но отнюдь не таким образом, как вам хотелось. Если я не желал помогать вам в локальном конфликте, то уж тем более не стану помогать вам устраивать массовую бойню.

— Шонберг, когда мы сделаем с этой планетой все, что следует, когда она умрет, мы покинем ее. Мой бог заверил меня, что корабельные двигатели можно будет успешно восстановить и сделать их пригодными для космического путешествия. И после многолетнего путешествия мы доберемся до другой звезды, чьи планеты тоже загрязнены этой дурацкой накипью жизни. Я и еще несколько человек, членов Внутреннего Круга, совершим это путешествие. Мы будем продолжать нести груз этой отвратительной жизни в наших телах, но сможем освободить от нее множество других людей в других мирах. Замкнутая система жизнеобеспечения вашего корабля будет поддерживать нас в должном состоянии на протяжении многих лет.

Путешествие, как я уже сказал, продлится много лет. Если вы сейчас откажетесь от сотрудничества, мы возьмем вас с собой в качестве пленника. Вы не умрете. Мой господин заверил меня, что существуют надежные способы предотвратить самоубийство. Он сможет кое-что проделать с вашим мозгом, когда у него будет достаточно времени.

Вы будете полезны во время путешествия — нам ведь понадобятся слуги. Вас не будут пытать — точнее сказать, не будут пытать помногу. Я прослежу, дабы ваши страдания никогда не становились настолько острыми, чтобы превратиться в события, благодаря которым можно отличить один день от другого. Я могу умереть прежде, чем путешествие завершится, но некоторые из моих единомышленников — молодые люди, и они будут в точности следовать моим приказам. Я знаю, что вы, земляне, живете долго. Полагаю, что вы... как это говорилось на Земле? — а, свихнетесь. Никто никогда не оценит вашего подвига. Его некому будет оценить. Но, полагаю, вы можете продолжать существовать, пока не достигнете примерно пятисот лет.

Шонберг не шевелился. Но правая щека его дергалась от нервного тика. Голова его едва заметно склонилась, а плечи опустились чуть ниже, чем раньше.

Андреас продолжал:

— Я лично предпочел, чтобы вы вышли из игры достойно. Удалились бы с каким-нибудь красивым жестом. Если вы согласитесь сотрудничать со мной, ваше будущее может выглядеть иначе. Вы только поможете нам сделать то, что мы сделаем в

любом случае, с вашей помощью или без нее. Если вы пойдете на сотрудничество, — Андреас поднял руку, слегка разведя большой и указательный пальцы, — я в самом конце дам вам маленький шанс. Вы не победите, но умрете благородно, в попытке победить.

— И что за шанс? — глухо спросил Шонберг. Теперь в его голосе звучало отчаяние. Он то и дело моргал.

— Я дам вам меч и позволю попытаться прорваться мимо одного из моих воинов, добраться до берсеркера и разбить его на кусочки. Его провода достаточно уязвимы для подобной атаки.

— Вы не сделаете такого! Ведь это ваш бог!

Андреас невозмутимо ждал.

— Откуда мне знать, что вы действительно это сделаете? — Эти слова вырвались у Шонберга словно бы помимо его воли.

— Вы знаете, что я сделаю, если вы откажетесь сотрудничать.

Казалось, что повисшее в маленькой комнатке молчание продлится бесконечно.

Теперь из людей, нарушающих пустынность парка богов, на ногах держались всего трое, не считая одного-двух рабов. Фарлей и Томас смотрели друг на друга, подобно двум незнакомцам, случайно встретившимся в диких местах, которые оба считали необитаемыми. Где-то в стороне жрец отдавал распоряжения рабам; послышался удар заступа — там копали новую могилу.

Фарлей посмотрел на тех, кто теперь лежал на земле. Джад не улыбнулся, получив рану, и не ушел весело в лес. Келсумба не смеялся по пути к вечному пиру богов. Фарлею не хотелось оставаться и смотреть, как их побросают в неглубокую яму. Чувствуя, как ощущение неуязвимости медленно покидает его, Фарлей развернулся и двинулся вверх по дороге.

Томас Хватала, все еще продолжающий вытирать копье, молча двинулся следом. Он явно был не против пообщаться. Жреца они оставили позади. Брусчатка на дороге здесь была очень ровной и поддерживалась в отличном состоянии. А еще дорога была аккуратно окаймлена камнями — Фарлею вспомнились некоторые дорожки в большом поместье его отца.

Теперь же они с ошеломляющей Фарлея обыденностью миновали последние деревья и последний поворот дороги. На некотором расстоянии от дороги по обе стороны раскинулись

фруктовые сады. Впереди же дорога пробегала через тридцати-сорокаметровую тщательно ухоженную лужайку и упиралась в ворота города-цитадели богов. Ворота из массивных бревен, обитых полосами кованого металла, были в настоящий момент закрыты. Высокие городские стены под лучами полуденного солнца казались ослепительно белыми. Только очутившись рядом с ними, Фарлей понял, из каких огромных и тяжелых камней сложены эти стены. Интересно, чем же их красили, что они стали напоминать цветом кость?

Ну что ж, вот он и добрался до своей цели, до места, где обитает Торун. Но внутри у него ничего не изменилось. Бессмертие стремительно покидало Фарлея.

— Томас, — сказал он, остановившись, — здесь все чересчур... обычное.

— Это как? — вежливо спросил Томас, останавливаясь рядом.

Фарлей помолчал. Как объяснить ему свое разочарование? Он и сам не до конца понимал, что творилось у него внутри. Тогда Фарлей сказал первое, что пришло на ум:

— Нас было шестьдесят четыре, а теперь осталось всего двое.

— Ну а как еще это могло быть? — резонно поинтересовался Томас.

Сквозь камни у ворот Торуна пробилась трава. На обочине дороги валялись куски засохшего навоза, оставленного каким-то животным. Фарлей запрокинул голову и зажмурился. У него вырвался стон.

— Что случилось, дружище?

— Томас, Томас! Что ты видишь здесь, что ты чувствуешь? Меня внезапно охватили сомнения... — Фарлей взглянул на своего спутника, словно умоляя о помощи.

Томас покачал головой:

— Друг мой, относительно нашего с тобой будущего не может быть никаких сомнений. Мы с тобой сразимся, и лишь один из нас войдет живым в эти ворота.

Ворота... Совершенно обычное, хотя и прочное дерево, скрепленное металлическими полосами. Нижняя их часть казалась слегка истертой от прикосновений проходивших мимо бесчисленных мужчин и женщин, рабов и животных. За такими воротами не могло находиться ничего иного, кроме того самого мира, в котором Фарлей пребывал и сейчас, в котором он провел всю

свою жизнь. А если он встанет перед воротами внутри Храма, увидит ли он хоть какую-то разницу?

Появился Йелгир, которого они оставили позади, и посмотрел на Фарлея со свойственной ему встревоженной улыбкой. Очевидно, какой-то невидимый из-за стен наблюдатель заметил появление жреца — ворота слегка приоткрылись. Из-за них высунулся другой жрец и окинул Фарлея и Томаса безразличным взглядом.

— Кто-нибудь из них ранен? — поинтересовался он у Йелгира.

— У одного повреждена кисть руки, и он не может работать кинжалом, но, похоже, особых неудобств это ему не доставляет. У второго тоже рана на руке, но ничего серьезного, мышца не рассечена.

Жрецы понизили голос, и Фарлей перестал разбирать слова. Тем временем над стеной показались другие головы — очевидно, принадлежащие местным аристократам. Видимо, любопытные находились на какой-то галерее, расположенной на стене. Двух финалистов турнира Торуна рассматривали, словно рабов на аукционе. Томас Хватала наконец-то прекратил вытирать свое копье и теперь стоял, перехватив его поудобнее. Потом он переступил с ноги на ногу и вздохнул.

— Участникам состязаний велено подождать, — раздался из-за стены чей-то небрежный голос. — Верховный жрец сказал, что он надеется поприсутствовать при финальном поединке, но сейчас занят — приносит особое жертвоприношение богам.

Глава 11

У Суоми после разговора с человеком в серой одежде (чьего имени он так и не узнал) сильно полегчало на душе, хоть изнеможение никуда и не делось. Он сумел добраться к самому подножию скалы, на которой стоял корабль, и никто из людей Андреаса его не заметил. Теперь Суоми следовало как-то исхитриться и пробраться в корабль — только в этом случае он мог надеяться на успех. Он не должен позволить схватить себя, прежде чем взберется на скалу.

Судя по индикатору, вмонтированному в казенную часть ружья, в нем оставалось всего шесть зарядов. В принципе Суоми мог бросить ружье в лесу, если бы не опасение, что его найдет какой-нибудь идиот и случайно убьет себя или кого-то другого.

Суоми при расставании предложил ружье незнакомцу, но тот отказался.

— Я должен продолжать прикидываться рабом, — сказал он. — А в городе ни один раб и шагу не ступит с такой штукой в руках, без того чтобы его не принялись расспрашивать. А кроме того, я не знаю, как с ним обращаться. Так что пусть уж лучше каждый пользуется своим оружием.

— Пусть каждый пользуется своим, — согласился Суоми, протягивая руку для прощального рукопожатия. — Удачи тебе. Надеюсь, мы еще встретимся в городе.

Теперь, добравшись до скалы, Суоми заметил, что от того места, где они обычно поднимались наверх, начинается уже достаточно утоптанная тропа, убегающая через лес в направлении города. Еще он отметил, что не осталось ни следа от разбившегося робота; сперва Суоми даже не смог найти место, куда тот упал, но потом сообразил, что мощное дерево, которое он изрешетил, просто срублено. Теперь на его месте красовался аккуратный пенек, а его поверхность была измазана землей, чтобы не выглядела слишком свежей. Само дерево каким-то образом утащили прочь. В общем, кто-то приложил титанические усилия, чтобы уничтожить все доказательства, что здесь произошло нечто необычное. Но для уборки наверняка потребовалось немалое число людей, ну хоть один из них должен был начать болтать об увиденном, — а значит, у незнакомца в сером уже появилась благодатная почва для распускания слухов. Что ж, это только к лучшему.

Добравшись к месту подъема, Суоми приспустил ремень ружья и отбросил оружие в сторону. К немалому его удовольствию, страховочная веревка была на прежнем месте. Подавив дурацкий порыв в последний момент развернуться и удрать обратно в лес, Суоми стиснул зубы, ухватился за веревку и принялся карабкаться наверх. Он изрядно ослабел и страдал от боли, и потому даже на нижнем, более легком участке склона ему уже пришлось изо всех сил цепляться за веревку обеими руками, тогда как раньше он преспокойно поднимался здесь, вообще ею не пользуясь.

Карлос поднялся совсем невысоко, когда откуда-то вынырнул солдат, посмотрел вниз, заметил Суоми и поднял крик. Суоми, не обращая внимания на вопли, продолжал медленно продвигаться вверх. Крики не утихали. Суоми поднял голову и увидел, что солдат занес копье, словно готовясь его метнуть.

— Если ты проткнешь меня этой штукой, тебе придется самому меня тащить, — крикнул в ответ Суоми. — Да посмотри на меня! Я что, настолько опасен, что ты меня боишься?

Карлос сжался, ожидая удара копьем, но его не последовало. Солдат перестал кричать, отошел немного в сторону, потом принялся что-то говорить. В ответ послышались другие мужские голоса. Суоми не обращал особого внимания на то, что они говорят, и не смотрел больше наверх. У него кружилась голова от голода и усталости, его лихорадило из-за воспалившейся раны, и все его силы уходили на борьбу со скалой. Наконец Суоми добрался до площадки и перевалился через край — ему показалось, что подъем занял целую вечность.

Когда он поднялся, то заметил прямо у себя под ногами матрасик, но Барбары нигде не было видно. Вокруг Суоми столпились шестеро мужчин — четыре солдата и два жреца в отороченных пурпуром одеяниях. Обнаженные мечи и устремленные в грудь Суоми наконечники копий едва не сталкивали землянина с обрыва. В конце концов один из жрецов повысил голос и что-то скомандовал. Солдаты опустили оружие, быстро раздели Суоми, обыскали его, потом обыскали его одежду и швырнули обратно хозяину.

— Что вы сделали с девушкой, которая находилась здесь? — спросил Суоми во время этой процедуры.

Никто не потрудился ему ответить.

— Отведите его на корабль, — приказал один из жрецов.

— Лучше сперва связаться с Андреасом и спросить у него, что делать, — возразил другой. После короткого препирательства они пришли к компромиссному решению. Суоми завели на трап и оставили неподалеку от открытого входного люка — при этом двое солдат крепко держали его за руки. Охранники Суоми были необычайно рослыми и сильными мужчинами, а после досадной неудачи, произошедшей при первой попытке захватить Суоми в плен, они теперь выполняли приказы с особым тщанием и постоянно были начеку.

Суоми очень хотелось присесть, но он не был уверен, сможет ли потом снова подняться на ноги. Со стороны рубки доносились голоса — жрец разговаривал по коммуникатору с человеком, находящимся где-то за пределами корабля. Похоже, команда, оставленная Андреасом на захваченном корабле, соображала в технике куда больше, чем предполагал Суоми. Это, пожалуй усложняло дело.

Вскоре один из жрецов появился со стороны рубки, остановился перед Суоми и критически осмотрел его.

— Андреас сейчас занят, проводит жертвоприношение. Думаю, нам лучше будет держать этого человека на борту корабля. Заприте его в каюте. Помещение обыскивали уже раз десять — никакого оружия там нет. Пришелец, ты плохо выглядишь.

— Если бы мне дали немного поесть...

— Полагаю, мы не станем морить тебя голодом до смерти. Хотя, возможно, ты бы предпочел такой исход. — Жрец кивком велел солдатам ввести Суоми на корабль.

Перед входом жрец обернулся:

— Когда будем проходить через рубку — держите его как следует.

Они на самом деле очень правильно сделали, решив держать Суоми покрепче. Иначе он наверняка не смог бы удержаться и непременно попытался бы добраться до пульта управления и, прежде чем ему сумеют помешать, разбить корабль. Но сейчас на это нечего было и надеяться: Суоми и в лучшие дни было бы не под силу вырваться из такой хватки, а нынешний день уж никак нельзя было отнести к лучшим.

Второй жрец восседал в пилотском кресле.

На экране перед креслом виднелись лица двух людей — те, похоже, находились в какой-то полутемной комнате с каменными стенами. Чуть позади стоял еще какой-то жрец. А впереди — Шонберг.

— Вы только что сказали, — произнес сидящий в кресле жрец, обращаясь к экрану, — что если при ручном управлении крен корабля превысит десять градусов, то тут же автоматически включится автопилот — правильно?

— Да, — отозвался Шонберг с экрана. — Это предусмотренная мера для сохранения искусственной гравитации. Десять градусов крена — и вы получаете включенный автопилот.

— Шонберг! — крикнул Суоми. — Не объясняйте им ничего! Они работают на берсеркера! Не соглашайтесь на их требования!

Лицо Шонберга слегка — едва заметно — изменилось, и взгляд скользнул вбок — возможно, ему на вынесенном с корабля портативном экране было видно, как Суоми тащат через рубку. Впрочем, конвоирующие Суоми солдаты не потрудились ни заткнуть ему рот, ни ускорить шаг.

— Это берсеркер, Шонберг!

Шонберг зажмурился. Он выглядел смертельно уставшим, да и голос его звучал не лучше.

— Я знаю, что делаю, Суоми. Идите с ними. Не усложняйте положение еще больше.

Суоми, вынужденный подстраиваться к темпу своих конвоиров, быстрым шагом преодолел рубку и оказался в узком коридоре, ведущем к каютам. Большая часть кают и отсеков оставались открытыми, и видно было, что там все перевернуто вверх дном, но каюта Барбары была заперта. Рядом с дверью к переборке прислонился часовой. Вид у него был скучающий.

— Девушка там? — спросил Суоми. И снова никто и не подумал ему отвечать. Впрочем, Суоми предположил, что на данный момент совершенно неважно, там Барбара или нет.

Солдатам откуда-то было известно, какая каюта принадлежит Суоми, — то ли они обнаружили на чем-нибудь его имя, то ли Шонберг по какой-то причине рассказывал им все, вплоть до мельчайших подробностей. Когда Суоми втолкнули в комнату, он обнаружил, что здесь царит точно такой же разгром, как и в прочих помещениях. А чего еще можно было ожидать после того, как каюту несколько раз тщательно обыскали?

Суоми остался один; дверь за ним захлопнулась. Несомненно, рядом с его каютой тоже остался торчать часовой. Поскольку каюту не собирались использовать в качестве камеры, она запиралась только изнутри. К несчастью, для того чтобы выдерживать осаду, каюта тоже не годилась. Хотя дверь и была толстой и звуконепроницаемой, пара вооруженных и решительно настроенных мужчин взломали бы ее в считанные секунды. Тем не менее Суоми потихоньку защелкнул замок.

Потом Суоми подошел к койке — над ней в стену была вмонтирована панель интеркома, — да так и замер с поднятой рукой. Он мог бы попытаться таким образом связаться с Барбарой. Но что он сможет ей сказать? В ее комнате вполне может находиться кто-нибудь из врагов — как раз чтобы подслушивать разговоры. А пытаться успокоить девушку и внушить ей надежду бесполезно, если не сказать хуже. Суоми включил интерком на прием, отключив при этом передачу, да так и оставил.

Следующее, что Суоми сделал, — напился холодной воды из маленькой раковины. Потом открыл аптечку и достал оттуда антибиотик и болеутоляющее средство. Там же он отыскал медикаменты, чтобы обработать самые скверные из ссадин и довольно глубокую рану на ноге, которая как-то ухитрилась воспалиться. Покончив с медициной, Суоми бросил тоскливый взгляд на удобную койку и направился к небольшому рабочему столику, где он держал свои собственные камеры и устройства для звуко-

записи. Здесь тоже шарили — все материалы были разбросаны. Суоми выдвинул ящики стола и наскоро осмотрел их. Все было перевернуто вверх дном, но, похоже, ничего из того, что ему требовалось, не унесли и не сломали. Суоми вздохнул было с облегчением и расслабился, но тут же взял себя в руки.

Пора было приступать к работе.

* * *

Находясь в своей гробнице, расположенной глубоко под Храмом, берсеркер услышал отдаленное шепотение пяти знакомых мужских голосов. Оттуда же доносилось шарканье четырнадцати человеческих ног. Люди следовали друг за другом — видимо, это была одна из процессий, с которой они имели обыкновение начинать свои священные ритуалы. Стандартный анализ звуков позволил берсеркеру выделить среди процессии не только пятерых знакомых ему служителей, но и еще два человеческих организма, одного самца и одну самку, которые были ему незнакомы.

Берсеркер сосредочил все свои ощущения на неизвестном самце. Процессия начала спуск из Храма Торуна, и шедший босиком самец спотыкался на длинной каменной лестнице, которая явно была ему незнакома. Как и полагалось проделывать с любым ранее неизвестным самцом, берсеркер тут же попытался проидентифицировать объект и сравнить его с другим, который значился в банке данных как существо первоочередной важности.

Со времен произошедшей 502,78 стандартных года назад битвы, в которой берсеркер был покалечен и едва не уничтожен, его острота восприятия значительно понизилась и сейчас ненамного превосходила человеческий слух и зрение. Но процессия, в которой шел незнакомый самец, подходила все ближе и ближе, и вероятность его отождествления с объектом номер один стремительно уменьшалась до нуля. Берсеркер переключил свое внимание на другие дела.

В электроядерном уме берсеркера не было ни удивления, ни нетерпения, а только отчетливое осознание, что одни события являются более вероятными, чем другие. Но в определенном смысле слова берсеркер все же удивился, вычислив, что сегодня ему предложат две человеческие жертвы вместо одной, или даже вместо животного, как тоже нередко случалось.

Все это время, с той самой битвы, когда берсеркер был повержен, и с тех пор, как доброжилы на этой планете спрятали его, спасли от уничтожения и стали ему поклоняться, ему лишь несколько раз предлагали подобное жертвоприношение. Проверив свой банк данных и сопоставив факты, берсеркер отметил, что каждый такой случай сопровождался значительным всплеском эмоций среди его почитателей.

Однажды это произошло во время празднования победы над особенно упорным враждебным племенем. Ее удалось добиться благодаря тому, что берсеркер разработал для своих почитателей план сражения и передал его в качестве божественного приказа. В тот день в жертву ему было принесено семьдесят четыре человеческих организма, все уцелевшие на тот момент члены побежденного племени. В другой раз эмоции тех, кто предлагал ему массовое жертвоприношение, сильно отличались. Тогда они молили о помощи. Это было во время большой нехватки пищи. Берсеркер вывел своих почитателей и их племя в богатые земли, где было чем поживиться. Он проложил для них маршрут миграции, используя старые боевые карты поверхности планеты. Сейчас же берсеркер рассчитал для них план успешного захвата космического корабля; но им предстояла долгая работа, дабы отыскать способ стерилизации планеты. Это также должно было вызвать сильную вспышку эмоций среди поколения доброжилов данной планеты.

Берсеркер не понимал эмоций, а работать с тем, чего не понимает, он пытался лишь в безвыходных обстоятельствах. Например, на первый взгляд казалось, что взаимосвязь типа «стимул-отклик», именуемая страхом или похотью, рассчитывается для людей с тем же успехом, что и для неразумных животных. Но даже проведя пятьсот лет в попытках изучить человеческую психологию в достаточной мере, чтобы использовать эти знания для манипулирования людскими организмами, берсеркер снова и снова сталкивался с такими запутанными образцами поведения, понять которые было выше его сил. Чтобы принимать поклонение, требовалось использовать еще более запутанные и сложные образцы. Чудовищно ненадежный способ достижения цели. Но другие были ему недоступны. И лишь теперь, с захватом космического корабля, наконец-то появилась вероятность достижения успеха.

В настоящий момент процессия закончила спускаться по лестнице и достигла входа в помещение, где находился берсеркер. Первым в зал вошел верховный жрец Андреас, облаченный

по такому случаю в красное и черное. Бело-пурпурное одеяние цветов Торуна он снял и оставил наверху, в Храме Торуна. Одежда, в которой верховный жрец явился поклониться единственному почитаемому им богу, была густо испачкана несмываемыми бурыми пятнами засохшей крови.

Следом за Андреасом вошли Гус де ла Торре и Челеста Серветус, наряженные в белое и украшенные гирляндами из живых цветов. Впрочем, руки у них были связаны за спиной, а цветам вскоре предстояло быть сброшенными на пол и там умереть. Последними оказались четыре жреца Внутреннего Круга. Они тоже сегодня были одеты в красно-черное, и их одежды были точно так же испачканы кровью, как и наряд верховного жреца.

Андреас и остальные четыре человека, проводящие жертвоприношение, как обычно, для начала пали ниц и принялись возносить молитвы, а жертвы тем временем нерешительно оглядывались по сторонам — тоже как обычно, — и страх в них все возрастал. Берсеркер давно уже заметил, что слова и действия этих ритуалов мало изменились за долгие годы Охотника и даже за стандартные века, лишь постепенно становились все более проработанными. Некоторое время берсеркер молчал. Он давно понял, что чем меньше он говорит во время церемонии жертвоприношения, тем лучше. Это не просто уменьшало риск смутить и разочаровать своих почитателей, сказав что-либо, не сочетающееся с их непостижимой психологией. Чем реже берсеркер что-либо изрекал, тем выше люди ценили его слова.

Теперь двое жрецов взялись за музыкальные инструменты, и к песнопениям присоединился барабанный бой и завывания рожка. Музыка создавала и видоизменяла ритм альфа-волн мозга, а также ритмы других биологических процессов, протекающих в человеческом организме.

— Гус, помоги! Помоги мне! О боже, нет! Нет, не-е-ет!

Это закричала самка. Она наконец-то осознала, для чего предназначен покрытый потеками крови алтарь, стоящий посреди комнаты, и, видимо, сообразила, зачем их сюда привели. В это же мгновение двое жрецов, не занятых игрой на музыкальных инструментах, сорвали с нее гирлянды, потом одежду и приковали ее к камню. Берсеркер спокойно наблюдал, не придут ли самке на помощь Гус или Боже (кто бы там они ни были), хотя, исходя из его опыта — он слышал 17 261 подобную просьбу, — такое было практически невозможно.

Самка была надежно привязана к алтарю, и никакая помощь к ней не пришла. Она продолжала кричать, пока Андреас

не взял острый нож и не извлек из живого тела органы, связанные с воспроизводством жизни и выкармливанием потомства. Жрец бросил эти органы к подножию постамента, на котором располагался берсеркер, демонстрируя тем самым символическую и реальную победу Смерти над самими источниками Жизни. Затем брюшину самки вскрыли еще глубже и удалили из тела центральный насос, перегоняющий кровь, после чего самка почти мгновенно прекратила функционировать.

Теперь пришло время поместить на алтарь вторую жертву.

— Нет! Послушайте, друзья, я с вами! Нет, нет, не меня! Подождите, дайте мне сказать! Это ошибка! Я хочу присоединиться к вам!

Затем последовал исполненный отчаяния бессловесный крик: ноги самца подломились, и жрецы, быстро раздев жертву, швырнули его на камень.

Интересно, почему организм-самец продолжает так яростно сопротивляться? Разве он не понимает, что шансы на успешное завершение этой борьбы ничтожно малы? Наконец самца приковали к камню.

— Я буду помогать вам! Я сделаю все, что вы захотите! А-а-а! Нет! Не трогайте меня!

Новый крик — это у самца удалили орган воспроизводства и бросили поверх окровавленной груды органов, принадлежавших самке. Потом верховный жрец, умело орудуя острым ножом, рассек ткани брюшины и поднес богу Смерти сердце самца, все еще продолжавшее пульсировать.

— Это хорошо, я доволен, — сказал берсеркер пятерым счастливым, испачканным кровью мужчинам, которые теперь неподвижно стояли перед ним. И барабан, и рожок, и голоса умолкли. В комнате воцарилась тишина. Пятеро, которые все еще несли бремя жизни, переходили сейчас в состояние эмоциональной релаксации.

— Я доволен, — повторил берсеркер. — Теперь идите и приготовьте космический корабль к перелету сюда, чтобы можно было начать подсоединять мои электрические цепи к его системе управления. Только сделав это, мы сможем начать переделывать двигатели.

— Мы приведем корабль к тебе сегодня или завтра, о Смерть, — сказал Андреас. — Как только мы убедимся, что Лачейз может безопасно летать на нем, мы тут же опустим корабль в котлован. Завтра мы также принесем тебе новое человеческое жертвоприношение.

— Это хорошо. — Тут берсеркеру на ум пришла возможная проблема. — Много ли ваших людей проявляют любопытство по отношению к кораблю? Не возникло ли каких-нибудь беспорядков из-за его присутствия?

— Кое-кто действительно проявляет любопытство, о Смерть, но я справлюсь с этим. Сегодня во второй половине дня произойдет событие, после которого люди не смогут ни думать, ни разговаривать ни о чем другом. Торун выйдет в город и продемонстрирует свою силу.

Берсеркер попытался рассчитать возможные результаты такого события, но обнаружил, что не может провести этот расчет успешно — оставалось слишком много неизвестных факторов.

— В прошлом ты с большой осторожностью относился к возможности вывести Торуна напоказ.

— Лорд Смерть, народ не станет воспринимать как бога существо, которого ежедневно можно увидеть на улицах. Но теперь Торуну в любом случае осталось недолго существовать. Пройдет самое большее тридцатая часть жизни старого человека, и людям этого мира не понадобится больше никакой бог — никакой, кроме Тебя.

Берсеркер решил в данном вопросе положиться на своего слугу-доброжила. До сих пор он никогда не подводил своего бога.

— Пусть будет так, верный Андреас. Продолжай служить Смерти, как ты считаешь наилучшим.

Андреас низко поклонился. Затем люди начали ритуал ухода, включавший в том числе и уборку помещения после учиненного беспорядка.

Берсеркер машинально подсчитал, что сегодня прибавились еще две смерти. Это было хорошим достижением, хотя и скромным. Но, как всегда, на торжественное жертвоприношение было впустую потрачено много времени и энергии, и это было плохо.

Берсеркер никогда не просил, чтобы его тешили болью и ужасом жертв. Убийство, примитивное, но бесконечное убийство, длящееся до тех пор, пока существует жизнь, — вот все, чего он желал. Он не рвался причинять боль. В конце концов боль была всего лишь одним из проявлений жизни и, следовательно, тоже являлась злом.

Берсеркер допускал пытки лишь потому, что причинение боли доставляло удовлетворение людям, которые ему служат.

Глава 12

Два финалиста турнира Торуна все еще продолжали сидеть под городскими воротами.

— Томас, почему с нами так обращаются? Нами же просто пренебрегают! Заставляют сидеть здесь, словно каких-нибудь бродячих торговцев, музыкантов или актеров, не оказывают никаких почестей. Разве мы не стали почти что равными богам? Или это просто такое последнее испытание?

— Мой несмышленый высокородный друг... — сочувственно произнес Томас и умолк на некоторое время. — Ты что, действительно думаешь, что здесь обитают боги?

— Я... — Фарлей никак не мог заставить себя присесть и отдохнуть. Вот и сейчас он переступал с ноги на ногу, одолеваемый мучительными мыслями. — Помоги мне, Торун! Я не знаю...

Его признание в сомнениях некоторое время висело в воздухе, распространяясь все шире и шире. Фарлею эти секунды показались вечностью, но Торун — насколько мог понять молодой человек — так и не стал ничего предпринимать.

— Эй, вы, там! — неожиданно взорвался Фарлей, обращаясь к жрецам, которые продолжали глазеть на воинов с городских стен. Те удивленно уставились на юношу. Жрец Йелгир некоторое время назад ушел в город, сказав, что он скоро вернется.

— Что? — с некоторой неловкостью откликнулся один из жрецов.

— Мы товарищи богов или кто? А вы как нас встречаете? Лерос об этом еще узнает, и верховный жрец тоже!

Тут Фарлей замолчал, так же неожиданно, как и начал этот разговор, и его гнев угас так же быстро, как вспыхнул.

— Томас, — прошептал он. — Ты слышал, что я только что сказал? Не «Торун еще узнает об этом», а «верховный жрец еще узнает». Теперь я знаю, во что на самом деле верю. — Во взгляде юноши снова вспыхнул гнев, но на этот раз более сдержанный и горький. — Но зачем тогда я здесь?

Возмущенное выступление Фарлея произвело достаточное впечатление на жрецов, потому что один из них начал говорить нечто успокаивающее, хоть и не извиняющееся. Но Фарлей его не слушал. По-прежнему обращаясь к Томасу, он спросил:

— Послушай, а что будет, если мы оба решим не сражаться? Если мы просто сейчас развернемся и уйдем заниматься собственными делами?

Эти слова одновременно ошеломили Томаса и заставили его нахмуриться. Хватала затряс головой в молчаливом неодобрении. Но Фарлей не мог больше терпеть. Он с намеренным презрением повернулся спиной к городским стенам и двинулся вниз по дороге. Томас быстро взглянул на жрецов и по глазам понял, чего те хотят. Фарлей сделал не более десяти шагов, когда Томас преградил ему путь. Фарлею уже не в первый раз показалось невероятным, как легко способен двигаться этот крепко сбитый мужчина.

— Томас, пойдем отсюда, ради мира.

Хватала, который теперь держал копье на изготовку, отрицательно покачал головой:

— Это невозможно.

— Пойдем. Если ты все еще жаждешь битв, то мы их встретим достаточно на пути — я в этом уверен. Эти слабые люди, притворяющиеся богами, пошлют против нас своих солдат, и мы скорее всего не доберемся до подножия горы живыми. Но мы умрем в настоящем бою, как подобает мужчинам, а не ради потехи лжецов. Пойдем.

Томас не выглядел сердитым, но был очень мрачен.

— Фарлей, я собираюсь остаться в живых и доказать этим людям, что я самый лучший воин этого мира. Если я не повергну тебя, моя победа не будет доказана полностью. Пошли обратно. Нам нужно сразиться.

Копье уже некоторое время было нацелено на Фарлея, а теперь юноша заметил легкое движение плеча Томаса, которое означало приближение удара. Фарлей выхватил свое оружие из ножен еще до того, как отпрыгнул назад, уклоняясь от копья. Он вступил в сражение. У него не осталось другого выбора. Когда Фарлей наносил удары, его рука была столь же сильной, что и всегда, но теперь ему чего-то недоставало — то ли в душе, то ли в сердце.

Фарлей не сознавал, что испытывает страх. Он просто не желал сейчас ничего другого, кроме как покинуть это место, населенное мошенниками. Его ноги пытались увести хозяина в сторону дороги, тогда как им следовало нести его навстречу убийству. И внезапно копье разорвало ему живот.

Фарлей знал, что лежит ничком на мягкой траве. «Неплохо, — сказал отец, подходя и протягивая руку, чтобы помочь Фарлею подняться. — Но тебе следует больше тренироваться».

— «Папа, я так устал...» А потом Фарлею показалось, что он

беззаботно идет по зеленому парку богов, но белые стены находятся позади него, а не впереди — значит, он идет домой...

Томас, чтобы убедиться, что предпоследний участник турнира действительно мертв, наклонился над ним и нанес еще один удар. Потом он вытер копье о дорогой плащ Фарлея. Впрочем, одежда все равно была потрепана за долгие дни, проведенные под открытым небом, и за множество боев.

Когда Хватала наконец вытер оружие, насколько это было возможно при подобных обстоятельствах, он снова прикрепил к древку шнур и забросил копье за спину. От ворот и с вершины стены за ним наблюдали все те же несколько лиц. На лицах было написано легкое одобрение, словно у бездельников, оказавшихся свидетелями случайной ссоры. Никто из них ничего не сказал.

— Ну вот, — заявил Томас, испытывая какое-то странное раздражение, — вы все видели. Я — тот человек, который вам нужен. Я провел шесть поединков с лучшими воинами мира и отделался пустяковой царапиной, а они все мертвы.

— Андреас будет недоволен, что пропустил финальный поединок, — сказал один из жрецов.

Второй крикнул Томасу:

— Потерпи еще немного! Верховный жрец должен скоро прийти. Заходи в ворота, если хочешь.

Томас решил прихватить тело Фарлея с собой — как трофей и символ всех своих побед. Он присел на корточки и с ворчанием ухватил теплое, безвольно обмякшее тело за ноги. Фарлей оказался тяжелее, чем можно было предположить по стройной фигуре юноши, и Томас шел к городским воротам медленно. Несколько секунд ему пришлось подождать — в нем внезапно вспыхнуло нетерпение, — и вот ворота распахнулись перед Томасом Хваталой.

Первая картина, представшая его взору в городе, вызвала у Томаса разочарование. Ворота выходили прямо на небольшую мощеную площадь шириной в каких-нибудь двадцать метров. Площадь со всех сторон окружали здания и стены, которые были немного ниже внешних городских стен. Во внутренних стенах тоже было несколько ворот, но все они либо оказались закрытыми, либо через них не было видно ничего, кроме новых стен. Так что; куда ни смотри, ничего интересного здесь не увидишь. Со стен и из окон на Томаса уставились еще несколько человек, как знатных, так и простолюдинов. Сообразив, что идти ему особо некуда, Томас наклонился и с некоторой осторожно-

стью положил свою оставляющую кровавые следы ношу на землю.

Поблизости журчал небольшой фонтанчик, и Томас, увидев, что никто не спешит предложить ему ферментированного молока или вина, пошел туда, чтобы выпить воды. Люди на стенах перестали смотреть на него и вернулись к своим занятиям. Время от времени появлялись другие, чтобы взглянуть и пойти дальше. То тут, то там пробегали с какими-то поручениями рабы. Через внешние ворота, которые оставались открытыми, в город вступил обоз и прогрохотал мимо Томаса в соседний квартал.

Человек на стене, тот, что пригласил Томаса войти, куда-то ушел. Томас огляделся, но вокруг не было ни души и некого было выбранить за скверное обращение с победителем. Они тут что, ждут, что он будет таскаться по городу, хватать прохожих за руки и спрашивать, в какую сторону идти? «Не подскажете, где тут чертоги Торуна? А то, знаете ли, он меня ждет...» Они говорили, что верховный жрец должен скоро подойти. Присев на бортик фонтана, Томас постарался напустить на себя достойный вид и так и остался там сидеть. Солнце медленно ползло по небу, а следом за ним двигались и тени через площадь. Один раз в размышления Томаса вторгся какой-то странный звук — не то сопение, не то жадное лакание. Оказалось, что какое-то голодное домашнее животное обнаружило забытый Томасом труп. Томас быстро поднялся, в два шага преодолел расстояние до валяющегося тела и сокрушительным пинком отправил наглую тварь в полет через площадь. Потом он вернулся к фонтану и снова стал покорно ждать.

Когда же наконец Томас услышал, что к нему кто-то приближается, и развернулся, готовясь излить свой гнев, оказалось, что это всего лишь Лерос, с которым у Томаса не было никаких причин ссориться. Лерос выглядел больным, а может, просто казался заметно старше, чем несколько дней назад.

Остановившись перед Хваталой, Лерос развел руки и сказал:

— Прошу прощения, Томас. Господин Томас. Они говорят, что Андреас сейчас придет, но я не знаю, какую встречу он собрался тебе устроить. Если бы верховным жрецом был я, здесь все было бы иначе. Позволь поздравить тебя с победой.

Томас встал и выпрямился в полный рост.

— Где верховный жрец Андреас? — крикнул он, оглядывая незнакомые лица, выглядывающие со стен и из окон. Неожиданно их количество снова возросло. С каждой секундой на площади появлялось все больше людей. Похоже, что-то надвигалось, раз сюда стали стекаться зрители. — Где он? Мое терпение скоро лопнет!

— Изволь говорить более уважительно, — предостерегающе бросил ему царственного вида человек, который стоял на безопасном месте — высокой внутренней стене.

Томас посмотрел на этого человека и решил продолжать дерзить; такой подход обычно приносил ему неплохие результаты.

— Более уважительно? Я теперь бог, разве не так? Или, по крайней мере, полубог. А ты выглядишь всего-навсего обычным человеком.

— Он говорит правду! — сурово сказал Лерос человеку со стены.

Тот сердито нахмурился, но, прежде чем он успел что-нибудь сказать, по площади пробежал ропот, и все насторожились. Какой-то молодой жрец открыл изнутри самые маленькие и наиболее причудливо изукрашенные внутренние ворота. За воротами обнаружилась аккуратная, усыпанная гравием дорожка. Зашуршали чьи-то шаги, и в воротах появился высокий мужчина с лицом, напоминающим череп. В его одежде было больше пурпурного цвета, чем белого. По реакции окружающих Томас понял, что это, должно быть, и есть Андреас.

— Ты, наверное, Томас Хватала, — сказал верховный жрец и приветливо кивнул Томасу. Он говорил уверенным голосом человека, привыкшего, что от него зависит все вокруг. — Насколько я понимаю, ты закончил турнир чуть раньше, чем полагалось по расписанию. Мне очень жаль, что я все пропустил, а особенно — последнюю схватку. Но это неважно. Главное, что Торун доволен. — Андреас снова кивнул и улыбнулся. — Он настолько доволен, что решил оказать тебе особую честь, даже превыше той, которую обещали тебе сначала.

Это было уже немного лучше. Томас слегка поклонился верховному жрецу, потом выпрямился еще больше, чем раньше.

На лице-черепе появилась хищная улыбка.

— Ты будешь сражаться в бою, о котором любой истинный воин может только мечтать. Надеюсь, ты готов к нему. Конечно же, ты, как истинный воин, должен быть готов.

— Я готов! — прорычал Томас, мимоходом мысленно выругав себя за первые, чересчур мягкие слова. Надо ж так сглупить! — Но я с боями уже покончил — ведь турнир Торуна уже завершен. Я выиграл его!

Он услышал, как все вокруг затаили дыхание. Очевидно, никто еще не смел разговаривать подобным образом с господином мира, верховным жрецом Торуна. Но Томас не собирался склонять голову и вести себя подобно всем прочим. Нет уж, не в этот раз. Он должен занять место, которое заслужил по праву.

Андреас метнул на наглеца сердитый взгляд и подбавил стали в свой голос:

— Ты будешь сражаться против самого Торуна. Или ты хочешь сказать, что предпочитаешь вступить в его чертоги живым, с кровью, спокойно текущей у тебя в жилах, и неповрежденным телом? Я не могу в это поверить!

Ропот сделался громче. Послышались слова и предположения. Что имеет в виду верховный жрец? Неужели сюда действительно идет Торун, чтобы вступить в поединок со смертным человеком?

Для Томаса такое предположение не имело ни малейшего смысла, и происходящее сразу же ему не понравилось. Но, посмотрев на умного и опытного верховного жреца, который сохранял полное самообладание, Томас решил, что всякая дерзость имеет свои пределы. Он слегка поклонился Андреасу и произнес:

— Сэр, можно я скажу вам пару слов наедине?

— Ни единого слова больше не будет произнесено ни тобою, ни тебе, — негромко отозвался Андреас. Он слегка повернул голову, прислушиваясь, и снова улыбнулся.

Из-за спины Андреаса послышался шорох гравия — словно кто-то приближался размашистым шагом. Походка должна была быть невероятно тяжелой, чтобы заставить гравий так хрустеть. Потом над невысокой стеной показалась макушка — спутанная копна темных волос. Судя по шагам, ноги тем временем касались дорожки, до которой было добрых метра три. Ни один человек не мог быть таким высоким. Томас ощутил непривычную слабость в коленях и на мгновение поверил, что его в конце концов погубил его же собственный цинизм. Наивные благочестивые дурни оказались правы. Должно быть, сейчас следом за Торуном появятся все, кто погиб на турнире, был расчленен, сожжен или закопан в землю по пути наверх, — сейчас они появятся, смеясь на ходу...

Невероятная фигура возникла в воротах напротив Томаса и стала выходить наружу.

Это был Торун.

Глава 13

Буйные темные волосы Торуна были перевязаны золотой лентой. Меховой плащ, хотя и был огромным, едва прикрывал громадные плечи. На поясе у Торуна висел изумительный меч длиной почти с копье Томаса. Все было, как в легендах. Но вот лицо Торуна...

Казалось, что Торун не видит ничего вокруг. Он смотрел поверх головы Андреаса, поверх головы Томаса, через все еще открытые внешние ворота (стоявший в воротах хромой раб с колотушкой разинул рот, словно думая, что взгляд бога устремлен на него). Казалось, Торун обводит своим ужасным немигающим взглядом весь мир. Остановившись, Торун застыл совершенно неподвижно. Он стоял как вкопанный, как будто был статуей.

Андреас ничего больше не сказал, или, если все же сказал, Томас не услышал его слов. Вместо этого верховный жрец поклонился, молча и подобострастно, хотя на губах его по-прежнему играла усмешка, и убрался с дороги бога.

Глаза Торуна шевельнулись, хотя голова и осталась неподвижной, и бог посмотрел на Томаса. Его глаза в буквальном смысле слова светились изнутри, подобно тому, как глаза некоторых животных светятся ночью. Свет в глазах Торуна был красно-оранжевого оттенка. Быстро оглядевшись по сторонам, Томас увидел, что взгляд бога сосредоточен на нем одном — никто больше не стоял рядом с ним. У одной из стен, окаймляющих площадь, Томас заметил Лероса. Бывший жрец-распорядитель согнулся в глубоком поклоне, как и множество других людей на стенах и на площади.

Теперь на них смотрели десятки людей, и в белых одеяниях, и в сером тряпье. Те, кто стоял посреди площади, теперь разбегались, стараясь забраться повыше и не оказаться на пути у божества. На всех лицах застыл благоговейный ужас. Почти на всех. Один лишь Фарлей был безучастен.

Теперь Торун ступил вперед. Несмотря на то что его движения были проворны и казались достаточно естественными, если не сказать грациозными, почему-то сохранялось впечатление, будто смотришь на статую. Возможно, причина крылась в лице — абсолютно нечеловеческом, хотя черты его и были совершенно правильными. Это лицо не было похоже на лицо бога — если только предположить, что боги были чем-то меньшим, чем люди, что они, строго говоря, не были живыми.

Но шагал Торун размашисто и весьма целеустремленно. Томас, видя, как бесконечно долго меч покидает ножны, вовремя успел сдвинуться с места. Он отпрыгнул, уклоняясь от прочерченной мечом дуги, и меч с мягким и печальным вздохом скользнул мимо — а ведь такой удар мог бы скосить человека, словно травинку. Вслед за этим губы бога войны наконец-то разомкнулись, и из них вырвался оглушительный боевой вопль. Это был странный и ужасный звук, такой же нечеловеческий, как и горящие, немигающие глаза на безжизненном лице.

Томас успел вовремя взять копье на изготовку и теперь машинально отразил следующий удар Торуна. От удара у Томаса онемели обе руки, а окованное железом древко едва не вырвалось из рук. Это было похоже на ночной кошмар, словно он снова стал мальчишкой и столкнулся в бою со взрослым воином. Зрители разразились одобрительными возгласами. Кем бы или чем бы ни являлся Торун, его сила намного превосходила силу любого человека.

Торун продвигался вперед размеренно и неспешно. Томас отступал, кружась. Он знал, что должен сейчас спланировать и провести лучший бой своей жизни.

Томас действительно начал лучший бой своей жизни, но сразу же был вынужден признать, что положение безнадежно. Его самые яростные и мощные атаки отбивались с легкостью, без малейших усилий, в то время как меч Торуна наносил удары с такой убийственной силой и меткостью, что Томас знал — ему не удастся долго парировать их или от них уворачиваться. Уже сейчас от столкновений копья с мечом руки Томаса устали и начали неметь. Томас держал копье обеими руками, словно посох, и спокойно отступал, пытаясь выработать какую-нибудь подходящую стратегию, выследить какое-нибудь слабое место в обороне его чудовищного противника. Томаса совершенно не волновало, кем был его противник — богом, человеком или кем-то еще. Во всяком случае, в настоящий момент не волновало.

Наконец Томас провел удачный финт, а за ним — прекрасный удар, и наконечник копья до самого древка погрузился в меховую тунику Торуна. Но под туникой оказался какой-то прочный доспех, и копье бессильно отскочило. Внезапная надежда погасла так же быстро, как и вспыхнула. Зрители ахнули, изумленные кажущимся успехом Томаса, потом облегченно вздохнули — словно мир на мгновение накренился, а теперь встал на место. Торун был несокрушим.

Тем не менее Томас сохранял еще искру надежды. Раз уж он сумел один раз поразить цель копьем, то, возможно, сумеет поразить и снова. Если закрытые меховой одеждой грудь и живот оказались неуязвимы, куда же следует направить удар?

Может, в лицо? Нет. Если попробовать попасть в ногу, тогда он сможет держаться чуть дальше, и это будет чуть менее самоубийственно. Томас присмотрелся к конечностям противника. Ничем не защищенные колени не были сплошь покрыты кожей, как у людей. Вместо этого на коленях были заметны аккуратные, плавно перемещающиеся трещинки, словно это были ноги хорошо сделанной куклы. Щель в колене была очень маленькой и подвижной целью, но не более сложной, чем крылатые насекомые, которых Томас иногда поражал ради тренировки.

Поскольку лучшего плана придумать не удалось, Томас провел ложную атаку в верхний уровень, потом в нижний, снова в верхний, а затем вложил все силы и искусность в низкий выпад. Глазомер и руки его не подвели. Жало копья без промаха нашло крохотную щель, которая к тому же еще и сузилась, когда Торун выпрямил ногу.

По древку копья пробежала крупная дрожь, и раздался громкий скрежет металла. Торун пошатнулся, но не упал. Где-то хлопнула дверь, а на площадке воцарилась тишина. У наконечника копья Томаса был отломан самый кончик, и место надлома ярко блестело.

Безмолвие, повисшее в тот момент, когда Торун чуть не потерял равновесие, продолжало длиться; теперь колено Торуна застыло в полусогнутом положении. Повелитель мира был ранен. Единственным звуком, который раздавался на площади, был шорох, с которым Торун приволакивал покалеченную ногу. Торун не остановился. Теперь он надвигался гораздо медленнее, чем раньше, но все так же неумолимо. Томас снова принялся отступать. Краем глаза он заметил Андреаса, стоявшего на стене. Лицо верховного жреца было мрачнее тучи, а одна рука протянулась вперед, скрюченная, словно когтистая лапа. Казалось, что верховному жрецу отчаянно хотелось вмешаться, но он не осмеливался.

Хромающий бог снова приблизился к своему противнику-человеку. Огромный меч Торуна снова превратился в размытую сверкающую полосу. Он вращался с неутомимой силой, заставляя Томаса пятиться и кружить на крохотном пятачке. Томас, желая еще раз поразить раненое колено, снова принялся предпринимать обманные атаки, резко меняя уровень, но едва не был

убит. Копье с такой силой столкнулось с мечом, что Томас полетел на землю. Торун не повторял одной ошибки дважды.

Томас отчаянным рывком откатился в сторону. Торун, который двигался стремительно, несмотря на хромоту, почти навис над ним. Томас лишь в последнее мгновение сумел подняться на ноги и отскочить. Ну что, Томас, может, прыгнуть вперед и схватиться врукопашную? Ну уж нет. Только не против этого врага. С таким же успехом можно схватиться врукопашную с ледяной тварью — или с самим ледником.

Томас опять взялся за свое копье и теперь продолжал отбивать удары меча окованным древком, но у него уже не было сил, чтобы перейти в контратаку. Меч продолжал теснить его и угрожать как бы со всех сторон одновременно. К зрителям в белых одеяниях, похоже, снова вернулся голос.

Томас подумал, что не сможет долго оттягивать конец. Замедленно от усталости и едва не потеряв равновесие, Томас вскинул руки в отчаянной попытке отразить очередной ужасный удар своим несокрушимым копьем. Сила столкновения снова швырнула его на землю. В те доли секунды, пока Томас находился в воздухе, ему показалось, что мир медленно-медленно вращается вокруг него. Он успел еще подумать: «Интересно, а после того, как этот хромой самозванец убьет меня, я встречусь с настоящим Торуном?»

Томас сильно ударился при падении, и несколько мгновений не мог даже шелохнуться. Он наконец-то выронил копье. Теперь оно валялось на пыльной мостовой всего лишь на расстоянии ладони от руки Томаса, но усилие, которое потребовалось, чтобы снова взять его, было одним из труднейших и величайших в жизни Томаса Хваталы.

Машина-убийца замерла, словно сомневаясь: на самом ли деле бой выигран? Потом Торун снова двинулся вперед — чуть боком, напоминая краба. Томас поднялся на одно колено и сжал копье. Вопли зрителей, которые сочли Томаса мертвым, резко оборвались. Сверкающие, но безжизненные глаза Торуна впились в Томаса. Чего же ждет бог войны? Томас с трудом поднялся на ноги. Он знал, что следующий удар — а не этот, так другой, — станет для него последним. Потом он краем глаза заметил, что сбоку к нему приближается человек в серой одежде. Он двигался, прихрамывая, как будто святотатственно передразнивал походку раненого Торуна. Свинцовая колотушка раба небрежно поднялась, собираясь вышибить Томасу мозги.

Томас готов был встретить смерть, но это было уже слишком! Он пока что не валяется бессильно на земле! Томас развернулся, намереваясь проткнуть раба насквозь. Тем временем Торун, который явно был тугодумом, снова застыл в нерешительности.

Уже занеся руку для смертельного удара, Томас в первый раз увидел лицо раба вблизи, и увиденное заставило его оцепенеть. Одетый в серое Джайлз Вероломный шагнул вбок — теперь он двигался легко и стремительно, — и со всей силой воина швырнул тяжелую колотушку в поврежденное колено Торуна.

Раздался скрежет металла. Уже занесенный для удара меч неловко опустился, и удар ушел куда-то вбок, не задев ни Томаса, ни Джайлза. Тем временем металлические лязгающие звуки продолжались. Медленно, но без достоинства, монстр сел на землю. Его колено согнулось под неестественным углом. Похоже было, будто он собрался отдохнуть. Торун сидел, выпрямившись, как по струнке, и смотрел на своих врагов. Его лицо не изменилось, но при этом внезапно стало выглядеть нелепым.

— Томас! — крикнул Джайлз. Он отскочил как раз вовремя, чтобы уклониться от следующего удара. Теперь сидящий Торун метил именно в него. — Врежь ему за нас за всех! Прикончи его!

Впервые с начала боя у Томаса вырвался боевой клич — хриплый бессловесный вопль, — и Хватала быстро метнулся вбок, обходя врага. Боковое зрение подсказало ему, что никто из глазеющей толпы не собирался пока вмешиваться в происходящее. Там творился ад кромешный; заметно было лишь беспорядочное и суматошное кружение белых одеяний и приглушенный возбужденный гул. Среди этой суеты неподвижно стоял Лерос, с нарочитым спокойствием скрестивший руки на груди. Он явно не имел намерения вмешиваться и с глубокой сосредоточенностью наблюдал за ходом боя. Мельком Томас заметил стоящего на стене Андреаса. Верховный жрец размахивал руками и вроде бы выкрикивал какие-то приказы, но общее волнение достигло уже такого уровня, что его голос просто не был слышен.

Даже теперь, будучи покалеченным, Торун все же значительно превосходил своих противников. Ни копье, ни свинцовая колотушка не могли выбить огромный меч из неутомимой руки; а кроме того, Торун и сидя разворачивался с поразительной скоростью, успевая отразить атаку сперва с одной стороны, потом с другой.

Перехватив взгляд Джайлза, Томас взревел:

— Вместе! Давай! — и они двинулись на Торуна с разных

сторон одновременно. Меч устремился в сторону Томаса. Тот ухитрился снова парировать удар, но лишь потому, что сидящий Торун уже не мог использовать для замаха силу всего тела. И даже при этом Томасу на мгновение показалось, что его предплечье сейчас треснет. Но в это самое время Джайлз подобрался достаточно близко, размахнулся, словно забойщик свай, и припечатал Торуна колотушкой по основанию черепа.

Такой удар разнес бы голову любому смертному человеку — голова Торуна же лишь резко дернулась, так, что взметнулись волосы, туловище слегка качнулось, а рука с мечом на мгновение повисла в воздухе. Потом обломанный наконечник копья с размаху вошел Торуну в правый глаз. Глаз погас, словно свеча. Послышался легкий хруст, как будто копье разбило стекло. Потом последовал следующий удар колотушки, на этот раз по руке, сжимающей меч. Торун не выронил меч, но стал держать его под каким-то странным углом.

Гигант медленно умирал, скорее безразлично, чем храбро. Не было ни криков, ни крови. Просто он постепенно терял возможность двигаться. Копье и колотушка вершили свою грубую работу, с каждым ударом все более успешно доказывая, что Торуна можно одолеть, и постепенно превращая его тело в груду разбитого вдребезги металла, стекла и меха.

Даже после того как огромное тело было непоправимо искалечено, а разбитое лицо бога унизительнейшим образом вколочено в землю рядом с фонтаном, рука с мечом все еще пыталась драться, вслепую нанося резкие удары. Потом пальцы разжались после меткого удара копья, и огромный меч с глухим лязгом упал на землю. Разбитые пальцы судорожно хватали пустоту, а рука все еще дергалась, когда Томас и Джайлз посмотрели друг на друга, опустили оружие и отсалютовали окружавшим их зрителям.

Шум толпы сменился молчанием, которое, как показалось Томасу, тянулось очень долго. Он заметил, что Андреаса больше нигде не видно. Исчезли и еще несколько жрецов. Большинство же по-прежнему стояли и смотрели, словно загипнотизированные, на бессмысленные и упорные движения руки Торуна. Томас шагнул к нему и пинком отшвырнул огромный меч подальше.

Взгляды присутствующих постепенно стали обращаться к Леросу, старшему по рангу из присутствующих жрецов. Очевидно, Лерос находился во власти сильнейших эмоций. Он сделал два шага вперед и протянул руку в сторону поверженного гиганта; но дар речи все еще не вернулся к жрецу. Лерос стиснул кулак, и его рука бессильно упала.

Наконец молчание было нарушено, и нарушил его Джайлз. Ткнув рукой в сторону скорчившегося гиганта, Джайлз выкрикнул:

— Это существо — вовсе не любимый вами Торун! Этого не может быть! Андреас и его Внутренний Круг всех вас обманывали!

Над толпой пронесся общий рев, звучавший достаточно одобрительно. Но потом кто-то крикнул:

— А зачем ты вмешался в бой? Ты сам кто такой? Агент Братства! Шпион!

Джайлз вскинул руку. Все тут же смолкли, чтобы расслышать его ответ.

— Ладно, пускай я буду хоть шпионом, хоть агентом — как вам больше нравится. Но я показал вам истину! Называйте меня как хотите. Но назовете ли вы меня богом, который победил другого бога в схватке? И что же я тогда за бог, раз я победил самого Торуна? — Джайлз запрокинул голову и, обращаясь к ясному небу, крикнул: — Великий Торун, покарай святотатцев, которые подстроили этот богохульный обман! — С этими словами Джайлз указал на искалеченную фигуру Торуна, которая все еще шевелила рукой в пародии на битву.

Несколько человек с кинжалами наготове — более основательного оружия в толпе не было заметно — подошли и окружили Джайлза. Они отобрали у него колотушку и приставили к нему охрану, но ничего больше делать не стали — в соответствии с приказом Лероса. Джайлз не возражал и не пытался сопротивляться. Он стоял, горделиво выпрямившись и скрестив руки на груди. Лерос еще некоторое время потрясенно рассматривал то, что осталось от Торуна, потом собрал еще двух-трех достаточно высокопоставленных жрецов, присутствовавших здесь же, и отошел с ними в дальний угол площади. Там между ними немедленно завязался весьма оживленный разговор. Большинство прочих зрителей, изумленные и яростно спорящие, стали потихоньку окружать поверженную фигуру, что некогда была их богом.

Джайлз Вероломный посмотрел на Томаса и неожиданно улыбнулся. Для человека, находящегося в таком сомнительном положении, улыбка была на удивление ясной.

— Господин Томас, похоже, ты теперь первый воин не только среди людей, но и среди богов!

— Пожалуй. Ты станешь претендовать на часть награды, какой бы она ни оказалась? — Томас придвинулся поближе к Джайлзу: он чувствовал определенное сродство с этим человеком.

— Я? Да никогда. Ты блестяще выиграл состязание, и я ни на что не собираюсь претендовать.

Томас кивнул. Такой подход его вполне устраивал. Но у него были и другие поводы для беспокойства. Стоя рядом с Джайлзом, Томас непрерывно оглядывался по сторонам. Он чувствовал, что как победитель турнира и признанный победитель лже-Торуна должен что-то сделать, как-то укрепить свой авторитет. Возможно, он должен присоединиться к разговору, начатому Леросом, и заставить жрецов выслушать его. Но что он им скажет? Томас осознал, что он на самом деле понятия не имеет, что же делать дальше. Он подумал, что сможет больше выяснить, если останется с Джайлзом. Возможно, Джайлзу в ближайшее время понадобится помощь и придется проворачивать какую-нибудь сделку. Во всяком случае, Томас чувствовал себя куда более в своей тарелке, когда разговаривал с другим воином, а не со жрецами.

— Почему ты здесь оказался и каким образом? — спросил он у своего низкорослого напарника. — Я совершенно точно помню, что видел тебя мертвым.

Улыбка Джайлза превратилась в кривую усмешку.

— Ты видел, как Джад ударил меня и как я катился вниз по склону, только и всего.

— Так ты даже не был ранен?

— Не был. Понимаешь, я убедил Джада, что все, чего я хочу, — это возможность расплеваться с турниром и смыться куда подальше. Джад был отчасти циником и потому поверил. Кроме того, он обрадовался возможности без проблем заполучить еще одну победу и потому согласился с планом, который я ему предложил. Ему только нужно было немного сдерживать удары. Я делал то же самое.

До того, как я махнул с обрыва, меч Джада всего-навсего в нескольких местах разрезал мне куртку. Я заранее заприметил, что раб с колотушкой примерно того же роста и сложения, что и я, и волосы у него того же цвета. Это и подсказало мне мой план. Когда раб спустился, чтобы убедиться, что я мертв, я поджидал его в кустах и сам оказал ему эту услугу. Я забрал его тряпье, веревку и колотушку и нацепил на себя, вместе с его хромотой, а его потащил вверх по склону, чтобы похоронить в моей

хорошей одежде. Вы смотрели на это все уже сверху, как я и ожидал.

После этого я редко появлялся в лагере. Второй раб был немым и настолько придурковатым, что даже не заметил перемены, — а может, наоборот, достаточно хитроумным, чтобы прикинуться, будто ничего не замечает. А вы просто не обращали на меня ни малейшего внимания, пока я носил эти серые тряпки. Ты сам присмотрелся ко мне только сейчас, когда подумал, что я собираюсь тебя убить.

Томас покачал головой, выражая свое изумление.

— Это было чертовски рискованно для тебя.

— Ну уж куда менее рискованно, чем сойтись в открытом бою с тобой, или с Келсумбой, или с тем же Фарлеем. На мой взгляд, этот-то риск уж точно был слишком велик.

— Но все же странная вышла игра, — задумчиво произнес Томас. — Зачем ты взялся играть в нее? Почему?.. — Он не договорил, лишь махнул рукой в сторону бесформенной груды, которая недавно была Торуном.

— Я хотел разоблачить это существо, показать, что оно из себя представляет на самом деле. — Джайлз огляделся. Его аудитория, которая в начале речи состояла лишь из Томаса да пары охранников с кинжалами, теперь сильно увеличилась. Джайлз повысил голос и продолжал: — Мы все теперь знаем, что это существо — не Торун. Это всего лишь кем-то — точнее, чем-то — созданная подделка. Если станет известно, кто сотворил это, то весь внешний мир станет презирать Охотника и насмехаться над нами.

— И что это за позорное существо, о котором ты говоришь? — Вопрос исходил от Лероса.

Жрец закончил импровизированное совещание со своими коллегами и уже некоторое время слушал Джайлза.

— Я говорю об одном из древних врагов наших предков, о берсеркере, — ответил Джайлз и коротко пересказал свой разговор с Суоми. — Если Андреас еще не заставил навсегда замолчать пришельцев из внешнего мира, которых он держит в Храме, они смогут подтвердить, что Андреас украл их корабль. Возможно, они смогут нам сказать также, почему он это сделал.

— Почему мы должны доверять чужакам больше, чем верховному жрецу? — с вызовом спросил кто-то.

Джайлз снова повысил голос:

— Да потому, что не чужаки привезли сюда эту подделку! Андреас и жрецы из Внутреннего Круга много лет использовали

ее, чтобы обманывать искренних почитателей Торуна. Ни одному ремесленнику на Охотнике не под силу самостоятельно сделать такую куклу, точно так же, как не под силу самостоятельно построить космический корабль. И это никак не может быть настоящий бог, иначе даже Томасу Хватале оказалось бы не под силу его повергнуть. Что же это тогда, если не берсеркер или не часть его? А если все же не берсеркер, то тогда, возможно, Андреас и Внутренний Круг смогут объяснить нам, в чем тут дело. Я спросил бы их прямо сейчас, если бы они были здесь. Но они скрылись, как только увидели, что их хитрая машина побеждена!

Лерос мрачно кивнул.

— В этот раз, как и в прошлый, нам нужно задать Андреасу несколько неприятных вопросов.

По толпе пробежал одобрительный гул, но почти мгновенно стих. Люди хотели услышать, что еще скажет Лерос. Жрец продолжал:

— Впрочем, я полагаю, что это не твое дело — указывать нам, кого и о чем нам спрашивать. Чей ты агент, вероломный человек?

Джайлз пожал плечами и с готовностью признался:

— Меня послала сюда организация, которую вы называете Братством. Но что с того, почтенный Лерос? Сегодня я говорил вам чистейшую правду, и ничего, кроме правды. Теперь же я окончательно убедился, что Братство в ссоре не с народом горы Богов, а с Внутренним Кругом и его главой.

Лерос что-то невнятно пробормотал. Похоже, этот поток слов немного сбил его с толку. Наполовину эта речь его убедила, а наполовину — вызвала отвращение своей складностью. Но прежде чем Лерос что-либо ответил, его отвлекло возвращение человека, которого, видимо, посылали посмотреть, что происходит в Храме. Посланец сообщил, что все двери и ворота, ведущие в храмовый комплекс, заперты изнутри и что Храм занят солдатами дворцовой стражи, которые подчиняются только лично верховному жрецу. Андреас не появлялся, но приказал передать, что все шпионы, предатели и одураченные ими простофили вскоре будут трепетать перед его гневом.

— Он ответил на вопросы по существу? — нетерпеливо спросил Лерос. — Он объяснил, как он посмел выдавать это... это *создание*... за бога?

— Нет, господин Лерос, он ничего такого не сказал.

— Тогда все ясно! — крикнул Лерос. — Андреас не может больше говорить от имени Торуна! О великий Торун, не покинь

нас в этот час! Будь с нами, когда нам придется готовиться к битве! Мы докажем в этой битве, кто служит тебе наилучшим образом!

Эти слова породили новый всплеск криков и молитв. Поднялся всеобщий шум. Люди ринулись вооружаться, поспешно обсуждать организационные планы и спорить, можно ли послать за кем-нибудь из военных командиров, чьи отряды должны находиться сейчас неподалеку от города, и попросить или приказать изгнать Андреаса из Храма. Последняя мысль явно преобладала. Томас сделал вывод, что солдат в Храме слишком мало, чтобы они смогли долго продержаться против возмущенных горожан. Ладно, пускай стратеги спорят; а он будет знать, что делать, когда дело дойдет до боя.

Улучив момент, когда на площади сделалось относительно малолюдно, Томас сказал Джайлзу:

— Спасибо, что ты поддержал меня в этом бою против монстра — я этого не забуду.

Томас почувствовал, что начинает ценить хитроумие Джайлза. Он понял, что ему, пожалуй, очень не помешает хитроумный советник, если он желает сохранить должное место среди всех этих людей.

— Не стоит благодарности, господин Томас. Я не так уж много и сделал.

— Почему Братство прислало тебя сюда?

Джайлз с легким самоуничижением качнул головой.

— Я оказался лучшим бойцом, которого они смогли найти. Я представлял на турнире отдаленный район, который в значительной степени находится под контролем Братства. Они, конечно, надеялись, что я сумею выиграть турнир, занять какое-то место в высшей иерархии горы Богов и вредить изнутри. Но я задолго до конца турнира понял, что победа мне не светит. Ты и еще несколько бойцов намного превосходили меня. Потому я и задумал этот план, который провернул при помощи Джада Исаксона... но скажи мне, господин Томас, а почему здесь оказался ты?

— Я? — удивленно переспросил Томас.

— Да. Я не думаю, чтобы ты когда-нибудь верил, будто здесь живет настоящий Торун и он наделит тебя бессмертием. Я рассказал тебе истинные причины, которые заставили меня принять участие в турнире. А что заставило тебя?

— Гм. Ну, воинское дело — это моя профессия. Да, турнир — это опасно, как и любая настоящая схватка, но я надеялся выиг-

рать. Я никогда не встречал человека, способного выстоять против меня в поединке.

Это заявление прямо-таки очаровало Джайлза.

— А тебе никогда не приходило в голову, что каждый из нас мог бы с полным основанием утверждать то же самое? Каждый из шестидесяти четырех бойцов, пришедших на турнир?

Томас растерянно моргнул.

— Нет, — медленно ответил он. — Нет, не приходило.

Неожиданно ему вспомнилось горькое изумление на безбородом лице умирающего юного Брама. Какой же тур это был, второй или третий? Уже и не припомнишь. Кажется, будто все происходило давным-давно.

Томас поднял руку к плечу и погладил висящее за спиной тяжелое копье. Нужно будет сделать новое. У этого не только наконечник сломался, но и древко изрублено. А стальные полосы, укреплявшие его, погнулись и разболтались после столкновений с мечом Торуна.

— Я хотел могущества, хотел быть одним из тех людей, которые правят миром с вершины этой горы.

— Ты думал, что они затеяли турнир, потому что хотели заполучить лучшего воина этого мира, чтобы он был поборником горы Богов, — подсказал Джайлз. — А ты таким образом мог бы получить великое могущество и богатство.

— Да. Что-то в этом духе.

— Весьма разумное предположение, должен заметить. Я тоже считал, что турнир устраивается для чего-то подобного, хотя некоторых моментов я все равно не понимал... В любом случае мы, похоже, ошибались. Андреас и его Внутренний Круг обманули всех, так или иначе. Простых воинов — простыми побасенками о богах, а нас заставили думать, что мы мудры и додумались до истинной причины.

Томас заковыристо выругался, помянув всех богов, которых он только смог с ходу припомнить.

— Тогда зачем же они устроили турнир?! Андреас со своей бандой даже не приходили взглянуть на него, поаплодировать нашему искусству или понаблюдать за нашими страданиями. Никому не позволялось смотреть на турнир, только нескольким жрецам и пришельцам из внешнего мира. Зачем, за каким чертом нас стравили и заставили убивать друг друга?

— Они хотели бессмысленной бойни, — отозвался Джайлз, — потому что они на самом деле не почитают Торуна. В Торуне есть своя жизнь, и честь, и иные цели, помимо разрушения. Они

никогда бы не смогли заставить людей почитать своего бога, потому что имя этому богу — Смерть. Торун любит женщин и вино, возвышенные истории и хорошую еду. Особенно он чтит мужество, которое делает возможным все другие добродетели. Но они почитают смерть, смерть, которую воплощает берсеркер, смерть, лишенную чести и смысла. Одну лишь смерть.

Джайлз замолчал и искоса посмотрел на остатки того, что называлось богом. Торун валялся рядом с фонтаном, уткнувшись лицом в грязь. Неподалеку лежало тело Фарлея. Казалось, что юноша смотрит в небо. Потом Джайлз добавил:

— Нет, это еще не все, пожалуй. Ты прав, здесь что-то не то. Почему Андреас и другие не смотрели на турнир, не наслаждались зрелищем смерти — и не позволяли смотреть никому другому? Позволили прийти только пришельцам... и пока они смотрели на бои, у них украли корабль. Так что же получается? Лучшие герои планеты сражались и умирали лишь затем, чтобы заманить сюда пришельцев из внешнего мира?

Раздался многоголосый крик. Он доносился не только с площади, но чуть ли не со всего города. В воздухе показался корабль чужаков.

Глава 14

Старт корабля был очень плавным и застал Суоми врасплох. Он дремал, сидя за столом и положив голову на руки, и в первое мгновение после пробуждения его охватило ужасное чувство: ему померещилось, что корабль уже приземляется, полет закончился, и единственная возможность вмешаться упущена.

Суоми поспешно повернулся, взглянул на экран монитора — он висел на переборке, над панелью интеркома, — и с облегчением понял, что полет явно еще не окончен. Сейчас экран показывал рубку «Ориона». Высокопоставленный жрец, которого называли Лачейзом, сидел в кресле старшего пилота, наклонившись над приборной доской. Лачейз был предельно сосредоточен. Вокруг него стояли или сидели другие жрецы и солдаты, цепляясь за любой подвернувшийся под руку массивный предмет. Судя по их виду, все они сильно нервничали. Присмотревшись к дальнему углу рубки, Суоми мог видеть коридор, ведущий к входному шлюзу. Главный люк все еще оставался открытым. Вести корабль в таком положении было крайне сложно. Само собой, ни о какой большой скорости или значительной

высоте не могло быть и речи. Еще один солдат торчал совсем рядом с входным шлюзом и пялился наружу через открытый люк. Вероятно, его поставили там на тот случай, если экраны в рубке каким-либо образом выйдут из строя или (что казалось более вероятным) если пилот-новичок будет плохо понимать, что именно на экранах изображено.

Полет явно должен был продлиться недолго. Берсеркер был где-то поблизости, и теперь прислуживающие ему люди собирались доставить захваченный корабль к своему повелителю. Туда, где они смогут как следует заняться кораблем. Берсеркер наверняка захочет лично руководить этой операцией, подключиться к бортовому компьютеру, ассимилировать его и превратить многочисленные корабельные системы в собственные придатки. А затем двигатель... Его безо всяких проблем могут переделать в машину смерти прямо здесь, на горе Богов. А возможно, берсеркер прихватит своих прислужников, и они улетят в какое-нибудь безопасное место в ненаселенных северных землях и там будут готовиться к убийству этого мира.

Благодаря монитору, находящемуся в каюте, Суоми мог видеть большую часть того, что показывали экраны в рубке. Судя по всему, проспал он недолго — снаружи все еще был ясный день. Суоми наблюдал, как внизу очень медленно проплывали лесистые склоны горы Богов. Потом они слегка накренились. В то же мгновение Суоми почувствовал, как и «Орион» накренился в руках неопытного пилота, когда тот попытался развернуть корабль в сторону вершины. При таком низком и медленном полете возиться с искусственной гравитацией никто, конечно, не стал.

Через интерком Суоми мог также слышать разговоры в рубке и голоса людей, с земли поддерживающих связь с кораблем.

— Шонберг, — напряженно произнес Лачейз, — на панели систем жизнеобеспечения загорелся желтый огонек. Что это значит?

— Дайте посмотреть, — послышался усталый голос Шонберга. Суоми не видел Шонберга со своего наблюдательного поста. После небольшой паузы — видимо, экран пришлось разворачивать, чтобы обеспечить лучший обзор, — Шонберг продолжал: — Можете не беспокоиться. Это всего лишь напоминание о том, что главный люк открыт, а шлюзовые замки отсоединены, чтобы позволить вам лететь так, как вам захотелось. Просто напоминание, чтобы вы не забыли и не вздумали в таком виде покинуть атмосферу.

Какому давлению подвергся Шонберг — неизвестно, но сейчас он, это очевидно, всецело был на стороне жрецов и вполне сознательно с ними сотрудничал.

Теперь корабль находился прямо над городом. Двигатели работали бесшумно, и он, словно воздушный шар, плыл всего в нескольких метрах над самыми высокими крышами.

— Поднимись выше, Лачейз! — властно рыкнул еще один мужской голос, и Суоми увидел, как жрец в бело-пурпурном одеянии нервно повернулся в пилотском кресле. Его бледные руки судорожно заметались по пульту, перемещая корабль повыше. Пока корабль поднимался, окружавшие Лачейза люди вцепились в свои кресла и стойки и смотрели на жреца с опаской. Потом ускорение прекратилось, и корабль на мгновение оказался в свободном падении — всего на мгновение, но от этого мига замирало сердце. Потом корабль еще несколько раз слегка сместился вверх-вниз, после чего приобрел наконец устойчивость.

— Нужно было дать мне больше времени на практику! — возбужденно огрызнулся пилот.

— Некогда! — рявкнул все тот же властный голос. Суоми узнал его. Это был Андреас, и он говорил откуда-то с земли. — Торун повержен, а Лерос и какой-то агент Братства взбунтовали толпу. Мы должны погрузить нашего лорда и повелителя на корабль и вместе с пленниками отвезти его на север, в безопасное место. Все будет нормально, Лачейз, если ты будешь маневрировать аккуратнее. Теперь двигайся к Храму.

Лачейз руководствовался данными экрана, показывавшего, что находится непосредственно под кораблем. Суоми — у него было такое ощущение, словно он заглядывает Лачейзу через плечо, — увидел странную картину. Сперва он даже не понял, что это такое. Рядом с самым большим зданием, расположенным в центре города, — видимо, это и был Храм, поскольку корабль висел почти ровнехонько над ним, — находилось другое, намного более низкое строение. И вот сейчас с него снимали крышу, причем проделывали это изнутри. Можно было различить рабочих, выполнявших эту процедуру: то и дело мелькали руки, растаскивавшие куски крыши с краев стремительно расширяющегося отверстия. Внутри виднелась тонкая паутина строительных лесов, на которых, очевидно, рабочие и стояли. Все остальное тонуло во тьме — несмотря на то что улицы и городские стены были еще ярко освещены солнцем. Суоми понадобилось несколько мгновений, чтобы сообразить, что внутри строения

темно потому, что под ним — намного ниже уровня улиц — скрывается огромный котлован.

— Прикажи им поторопиться с крышей! — взмолился Лачейз.

— А ты что, уже на месте? — возразил Андреас. Теперь в его голосе явственно слышалось напряжение. — Я не думаю, что ты уже вышел в нужную точку.

Теперь Суоми мог видеть, как несколько взбудораженных людей в белых жреческих одеяниях бегают взад и вперед по улицам вокруг храмового комплекса, словно окружая его. То здесь, то там мелькали мечи. На стенах Храма стояли солдаты. Суоми заметил яркую черточку — стрелу, полетевшую с улицы на стену, — и две, отправившиеся в ответ. Возможно, человек в сером, разработавший грандиозный план проникновения в город под видом раба с целью поднятия мятежа, преуспел в этом куда больше, чем Суоми смел надеяться.

Что же касалось самого Суоми, он сделал все, что мог, и теперь настало время подготовиться к схватке. Карлоса охватило странное чувство нереальности происходящего. Он извлек небольшой работающий на батарейках приборчик — Суоми собрал его из разбросанных деталей, — быстро пересек маленькую каюту и устроился на койке. Потом он переключил интерком на трансляцию. Суоми по-прежнему слышал звучащие в рубке голоса, и хотя эти люди его не видели, он мог теперь присоединиться к разговору. Но он еще был не совсем готов.

Койка при необходимости переделывалась в амортизатор ускорения — на тот случай, если где-нибудь в глубоком космосе вдруг откажет искусственная гравитация. В данный момент переделать койку полностью не представлялось возможным, но Суоми опустил на себя центральную секцию и пристегнулся. Потом он повернул громкость маленького магнитофончика на максимум и приготовился включить его. Суоми лежал, оцепенев от напряжения и страха. Он едва мог дышать и даже не был уверен, что у него хватит храбрости сделать то, что нужно. Неудача могла привести к его гибели, но это еще не самое плохое. Вполне могло получиться, что Андреас победит, и тогда Суоми придется умирать долго и мучительно. А о самом худшем варианте ему просто не хотелось думать.

Повернув голову, Суоми и сейчас мог наблюдать за экраном монитора. В настоящий момент Лачейз поставил корабль над котлованом и, по всем признакам, собирался посадить его внутрь. Крышу тем временем разобрали до самых карнизов.

Хрупкие леса остались стоять, но это не имело значения. Под весом «Ориона» они бы разлетелись, как паутина. Операция была отлично спланирована и организована. Должно быть, Андреас и его помощники очень долго готовились к захвату космического корабля. Кто рассказал им, как устроить котлован и насколько большим он должен быть, чтобы как раз вместить корабль именно того типа, который люди скорее всего используют для тайной охотничьей экспедиции? Ну конечно, их лорд и возлюбленный повелитель, Смерть... Лорд Смерть разбирался в размерах и типах принадлежащих людям кораблей. Немудрено — ведь он воевал против них вот уже тысячу лет.

Теперь Лачейз непрерывно обменивался напряженными репликами с людьми, которые ждали его внизу, указывая дорогу, и с тем, который смотрел через открытый люк. Корабль начал снижаться. Ниже, ниже... Но первая попытка не удалась. Лачейз выровнял корабль и снова поднял его повыше, оставив за собой тонкую полосу взвешенной в воздухе белой пыли — «Орион» впритирку проехался по стене Храма и выворотил изрядный кусок кладки.

Они немного поднялись вверх и вбок и снова начали снижаться. Видимо, Лачейз был просто-таки прирожденным техником и пилотом; во всяком случае, учился он необычайно быстро. На этот раз он вел корабль по верной траектории.

Палец Суоми замер на кнопке «Вкл.». Карлосу мерещилось, будто он идет по лезвию ножа между бездонными глубинами личной измены и пропастями внезапной смерти либо медленного мучительного угасания, а где-то впереди виднеется небольшое плато успеха. На краю сознания у него еще успела промелькнуть мысль: а может, это то самое ощущение, которого искал Шонберг, и другие охотники, и бойцы, выходившие сражаться во время турнира, — когда в каждую секунду словно бы вмещается целая жизнь.

Суоми был готов ко всему. И готов был выполнить то, что должен был сделать. Корабль уже входил в котлован. Теперь следует как можно точнее рассчитать свои действия. Если корабль окажется на дне, они вполне могут успеть вырубить двигатели, и тогда придется слишком долго ждать. А сейчас, когда «Орион» едва-едва начал погружаться в котлован и его большая часть еще находилась снаружи, было еще слишком рано.

Суоми ждал — как ему казалось, целую вечность; сейчас «Орион» должен преодолеть четверть пути...

Половина пути... Вечность продолжала длиться.

Пора! С почти невыносимым облегчением избавляясь от психического напряжения, Суоми нажал включатель небольшой коробочки, которую держал в руке. И по внутренней системе связи «Ориона» зазвучал резковатый, незабываемый голос Иоганна Карлсена, транслируемый на полную громкость. Он проник в корабельную рубку, вырвался наружу через открытый люк и через коммуникаторы, поддерживавшие связь с кораблем, и эхом отразился от стен — должно быть, его было слышно во всех ближайших городских кварталах:

«ГОВОРИТ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. ДЕСАНТНЫЕ ОТРЯДЫ, ПРИГОТОВИТЬСЯ К ВЫСАДКЕ. ОБНАРУЖЕН БЕРСЕРКЕР...»

Там дальше было еще, но и этого хватило. Слова Карлсена заглушил другой голос, который мог принадлежать лишь берсеркеру, — грохочущий гулкий голос, что исходил из какого-то потайного укрытия:

«ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД! АНДРЕАС, ВО ИМЯ ВЕЛИКОЙ СМЕРТИ НЕМЕДЛЕННО УБЕЙ ИОГАННА КАРЛСЕНА! ОН МОЖЕТ НАХОДИТЬСЯ НА БОРТУ! ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД, ЛАЧЕЙЗ, Я ВАМ ПРИКАЗЫВАЮ! НЕМЕДЛЕННО УБЕЙТЕ ИОГАННА КАРЛСЕНА, УБЕ...»

А потом и этот голос был заглушен, похоронен, уничтожен ревом корабельного двигателя, резко включенного на полную мощность. Положение усугублялось не только воздействием притяжения планеты, но и тем, что корабль был почти в прямом смысле слова похоронен в недрах горы Богов. Хотя Суоми защищала его наскоро переоборудованная койка и он заблаговременно пристегнулся, его встряхнуло так, словно он оказался в челюстях у ледяной твари, размазало по ближайшей переборке, потом рвануло вперед — и лишь ремни не позволили врезаться еще и в противоположную переборку, в другом конце каюты. Лампы в каюте погасли, но над дверью тут же включилось аварийное освещение.

Затем ускорение внезапно исчезло; оно сменилось тишиной и падением. Падение же завершилось душераздирающим грохотом, громким и сильным. Но он был уже куда более переносим для человека, чем рев резко включенного двигателя.

Похоже, корабль подскочил, снова рухнул, несколько раз перевалился из стороны в сторону и наконец застыл, крупно дрожа. Палубы оказались наклонены градусов под сорок к горизонтальной плоскости. Стало тихо. Монитор в комнате Суоми

благополучно сдох; теперь по его экрану пробегали лишь отдельные искры — электронные помехи.

Суоми отстегнулся от койки и, с трудом вскарабкавшись по сумасшедшему наклону, добрался до двери. Он не сумел до начала схватки разложить вещи по местам, и теперь разгром в каюте достиг апогея. Впрочем, принципиально важных повреждений не было заметно. Возможно, крепкий корпус уберег корабль от разрушения.

Когда Суоми отпер дверь, та с силой распахнулась, и в каюту ввалилось тело часового — солдат не то погиб, не то потерял сознание. Ноги болтались так, словно были переломаны. Суоми высунул голову в коридор, осмотрелся и прислушался. Повсюду было тихо. В освещенном аварийными лампами коридоре не было заметно никакого движения. Переборки, палуба и потолок находились на своих местах.

Суоми обернулся, посмотрел на упавшего часового и решил, что тот, должно быть, мертв. Наверное, ощущение вины или победы придут позже. В настоящий момент Суоми размышлял лишь об одном: стоит ли вооружиться мечом часового, который так и остался мирно покоиться в ножнах? В конце концов Суоми решил не связываться с холодным оружием. Если он схватится за меч, плохо будет всем, и хуже всех — самому Суоми.

Он постучал в дверь каюты Барбары Хуртадо. Услышав слабый отклик, Суоми открыл дверь и забрался внутрь. Барбара, одетая в нелепое пушистое платье, сидела на полу, а вокруг валялась пестрая груда одежды, выпавшей из сломавшегося шкафа. Каштановые волосы девушки были спутаны и всклокочены. Барбара опиралась на кресло — видимо, оно было прикреплено к палубе и потому осталось на месте.

— Кажется, у меня сломана ключица, — слабо произнесла девушка. — А может, и нет. Я могу шевелить рукой.

— Это я натворил, — признался Суоми. — Извини. Я никак не мог тебя предупредить.

— Ты? — Барбара удивленно приподняла брови. — Что ж, отлично. Надеюсь, досталось и тем сукиным детям, которые сидели снаружи?

— Я тоже надеюсь. У меня есть идея: почему бы нам не выбраться и не посмотреть? Ты сможешь идти?

— Я бы с огромным удовольствием полюбовалась на их искалеченные тела, но, боюсь, идти я не смогу. Они держали меня прикованной к койке — наверное, потому я и уцелела. Так им

было удобнее. Мне всегда было любопытно, что представляли из себя солдаты, и вот я это выяснила.

— Я пойду посмотрю, что творится снаружи.

— Карлос, не бросай меня!

Обстановка в рубке была крайне скверной — или очень хорошей, в зависимости от точки зрения. Наверное, так вышло из-за того, что рубка находилась ближе к двигателю, чем каюты. Лачейз сидел в кресле главного пилота, пристегнувшись ремнями. Жрец откинулся на спинку кресла. Глаза у него были открыты, а руки бессильно свисали. На нем не было заметно ни одной раны, но с первого взгляда становилось ясно, что этот человек мертв. Причиной такого бедствия может быть только сильный узконаправленный выброс нейтронов в момент резкого отключения двигателя. Суоми где-то об этом читал. Несомненно, Лачейз умер счастливым, слепо повинуясь своему божеству. Возможно, он верил или надеялся, что и вправду убивает Иоганна Карлсена. Во имя великой Смерти... аминь.

Вокруг Лачейза валялись тела жрецов и солдат, которые помогали ему или наблюдали за ним, но сами при этом не были пристегнуты к креслам. Непонятно, подействовали ли на них нейтроны, но выглядели они не лучше, чем неудачники, терпевшие поражение во время турнира. По крайней мере, эти жизни стали сегодняшним урожаем берсеркера. Некоторые из пострадавших еще дышали, но никто из них больше не представлял опасности.

Главный люк по-прежнему был открыт, как обнаружил Суоми, выглянув из рубки, но его завалило битым белым камнем и массивными искореженными балками; видимо, тем, что осталось от части Храма или чьего-нибудь дома. Ну да ничего. Корабль продолжал находиться на территории города. Возможно, за пределами корабля и погибло некоторое число людей, но гора Богов осталась стоять на месте. Значит, достаточное количество ее обитателей наверняка остались в живых и кто-нибудь в конце концов докопается до корабля — хотя бы из желания отомстить за учиненные разрушения.

Кое-как, с трудом, Суоми вернулся в каюту Барбары и пристроился рядом с девушкой.

— Выход перекрыт. Похоже, нам придется посидеть и подождать.

Он коротко описал картину разрушений.

— Будь хорошим мальчиком, Карлос, поищи у меня в аптечке обезболивающее и дай мне что-нибудь выпить.

Суоми подскочил:

— Ох, конечно! Извини, я не подумал. Тебе воды?

— Сперва воды. А потом чего-нибудь покрепче, если только в баре уцелела хоть одна бутылка.

Они продолжали сидеть рядом, когда полчаса спустя — все это время со стороны входного люка раздавался скрежет и звук растаскиваемых камней — на пороге появился Лерос, а с ним группа мужчин в доспехах и с мечами в руках. Суоми прислушивался к их приближению с безразличием фаталиста. И сейчас он только зажмурился, чтобы не видеть, как опустится меч.

Но ни один меч его не коснулся. До слуха Суоми донеслось лишь негромкое и нестройное звяканье. Открыв глаза, Карлос увидел, что Лерос и его спутники с благоговейным видом преклонили перед ним колени. Среди них оказался и человек в сером. Только теперь он был вооружен мечом, а не колотушкой, и выглядел чуть менее преисполненным благоговения, чем остальные.

— О великий полубог Иоганн Карлсен! — чрезвычайно почтительно изрек Лерос. — Ты, кто не робот, но живой человек, и больше, чем человек! Прости неразумных за то, что не узнали тебя, когда ты ходил среди нас! И прими нашу вечную признательность за то, что ты снова разрушил планы наших древних врагов. Ты уничтожил машину смерти в ее тайном логове и большую часть тех, кто ей служил. Возможно, ты будешь доволен, узнав, что я сам вырвал сердце у презренного изменника Андреаса.

Положение спасла Барбара.

— Господин Карлсен оглушен и плохо себя чувствует, — сказала она. — Помогите нам.

Пять дней спустя «полубог Иоганн Карлсен», он же Карлос Суоми, и Афина Паулсон, оба в добром здравии, сидели за маленьким столиком в уголке того, что прежде было внутренним двором Храма. Тень от полуразрушенной стены позволяла им укрыться от жаркого полуденного солнца Охотника. Карлос и Афина с некоторого расстояния наблюдали за тем, как рабы разбирают груды щебня. Расчистка продвигалась довольно успешно. Корабль все еще находился в пятидесяти-шестидесяти метрах ниже уровня храмового комплекса, окруженный облом-

ками разнесенных вдребезги зданий, — там, где он остановился после саморазрушения двигателя.

Помимо почитателей берсеркера, убитых на корабле или казненных позднее Леросом, при катастрофе погибло еще десятка два человек, большинство из которых даже не подозревали о существовании берсеркера. Но это не мешало Суоми спокойно спать по ночам, поскольку миллионы ни в чем не повинных обитателей планеты остались жить.

— В конце концов Оскар все мне объяснил, — сообщила Афина. — Они пообещали предоставить ему шанс, если он согласится на сотрудничество. Шанс с боем прорваться к берсеркеру и уничтожить его.

— И он в это поверил?

— Оскар говорит, он понимал, что шанс дьявольски мал, но другого не было. Они не позволяли ему даже подойти к кораблю. Он просто сидел в камере и отвечал на вопросы Андреаса и Лачейза. И берсеркера. Тот каким-то образом разговаривал непосредственно с ним.

— Понятно.

Суоми отпил из золотого кубка немного ферментированного молока. Возможно, Шонберга от этой жидкости и тошнило, но Суоми обнаружил, что его желудок переваривает ферментированное молоко безо всяких последствий. И ему чем дальше, тем больше нравился этот напиток.

Афина смотрела на молодого человека мечтательно.

— У меня как-то до сих пор не было случая сказать тебе, что я думаю об этом, Карлос, — произнесла она своим мягким, грудным голосом. — Это была простая идея. Простая в том же смысле, как любая классика. Элегантно. Просто и со вкусом.

Суоми вопросительно хмыкнул.

— Я имею в виду то, как ты воспользовался записью голоса Карлсена и при помощи этого выиграл битву.

— А, ясно! Это действительно было несложно. Я просто смонтировал запись с фразами, которые берсеркер наверняка посчитал бы угрожающими. Фокус заключался в том, что берсеркер должен был узнать Карлсена по голосу и у него тут же должно было возникнуть сильнейшее, непреодолимое стремление уничтожить его, забыв обо всех остальных. Он готов был уничтожить и себя, лишь бы не упустить Карлсена.

— И все же это было блестяще придумано. И чтобы выполнить этот план, требовалось немалое мужество.

— Ну... Когда я услышал, что его прислужники спрашивают

о Карлсене без какой-либо видимой причины, мне тут же пришло в голову, что мы можем иметь дело с одной из тех машин-убийц, которые специально запрограммированы для охоты на Карлсена. И даже если бы это был обычный берсеркер — ха, что это я такое говорю? — уничтожение Карлсена значилось у них среди задач первостепенной важности. Оно могло считаться важнее, чем уничтожение населения целой планеты. Я рискнул и предположил, что берсеркер просто забудет обо всех прочих планах и разобьет корабль, потому что будет считать достаточно вероятным, что Карлсен скрывается на «Орионе» вместе с десантным отрядом.

— Звучит достаточно неправдоподобно, — заметила Афина. Потом она спохватилась и попыталась смягчить излишне критичное высказывание. — Я имела в виду...

— Да, это звучит неправдоподобно. Но, насколько я понимаю, берсеркеры не умеют предугадывать человеческое поведение. Это никогда не было их сильной стороной. Возможно, он подумал, что Андреас в конце концов предал его.

С другой стороны во дворик величественной походкой вошло воплощение бога Торуна, он же Томас Хватала. За ним тянулись несколько жрецов и скульптор, который делал наброски для нового изваяния Торуна, на этот раз — с копьем. Суоми привстал с кресла и слегка поклонился «Торуну». «Торун» улыбнулся и ответил любезным кивком.

Карлос и Томас на удивление хорошо поняли друг друга. Во время кризиса людям требуется успокоение и поддержка. Интересно, Лерос и другие религиозные лидеры на самом деле верили, что среди них находятся бог и полубог? Складывалось впечатление, что действительно верили — по крайней мере какой-то частью сознания и по крайней мере до тех пор, пока такая вера была им нужна. А возможно, в каком-то смысле это и было правдой — то, что Карлсен действительно находился среди них.

В том, что общественность горы Богов достаточно спокойно перенесла перемены, обрушившиеся на них за последние несколько дней, в значительной степени была заслуга русоволосого мужчины, ныне известного под именем Джайлза Помощника, постоянного спутника и советника «Торуна». Какое разочарование для Братства! Впрочем, вряд ли мир, в котором победит Братство, будет намного лучше мира, в котором господствует гора Богов, — если, конечно, на горе отсутствует ее тайный злой дух.

А вот показался и Шонберг. Он прохаживался неподалеку от разбитого корабля. Рядом шла Барбара Хуртадо и внимательно слушала Шонберга. Оскар объяснял ей, по какой именно схеме рабы расчищают завал. Он, как эксперт, уже высказывал свое квалифицированное мнение по этому поводу. Шонберг обсуждал это накануне с Суоми. В настоящий момент Шонберг указывал, куда следует сгребать все обломки — в соответствии с математически точными эффективными расчетами. Лерос и победившая группировка чуть было не прикончила Шонберга за сотрудничество с берсеркером, но вмешательство «полубога Карлсена» сохранило ему не только жизнь, но и свободу.

После того, что произошло с Челестой Серветус и Густавом де ла Торре — их изувеченные тела были обнаружены в потайном подземном склепе под Храмом, поверх груды костей людей и животных, — Суоми не стал бы обвинять ни Шонберга, ни кого-либо другого за согласие сотрудничать с Внутренним Кругом. Шонберг рассказывал жрецам истории о землянах, которые *непременно явятся и отомстят за него*, но, увы, эти истории были чистейшей воды блефом. Впрочем, Суоми чувствовал, что Шонберг что-то недоговаривает. Между ним и Андреасом явно произошло нечто такое, о чем Шонберг предпочел умолчать.

Ну и ладно. Хочет лгать — пускай лжет. «Орион» был непоправимо поврежден, и уцелевшим членам охотничьей экспедиции предстояло, по всей вероятности, провести здесь неопределенное число стандартных лет, до тех пор, пока сюда случайно не заглянет еще какой-нибудь корабль.

Афина поднесла к губам свой кубок с холодной водой, а Суоми с удовольствием выпил еще ферментированного молока. Афину все это время продержали под замком в ее комнате, и ей никто не досаждал — не считая того, что ее вполне могли бы через день принести в жертву, — до того самого момента, как «Орион» грохнулся и прихватил с собой значительную часть Храма. Но даже и тогда Афину всего лишь как следует встряхнуло. Подумать только — она, независимая и самостоятельная женщина, волей случая была вынуждена сидеть и, словно героиня какого-нибудь древнего романа, покорно ждать, пока мужчины вокруг сражались!

— И каковы теперь твои планы, Карл?

— Я подозреваю, что здешние жители рано или поздно устанут от присутствия «полубога Карлсена», но очень надеюсь, это случится не раньше, чем появится какой-нибудь корабль. Думаю, он будет стараться особо не отсвечивать, как тут выражаются.

— Нет, я имела в виду твои собственные планы, планы Карла Суоми.

— Ну... — Неожиданно Суоми стало любопытно: интересно, а мог кто-нибудь из местных жителей вскоре после их прибытия услышать, как Афина называет его Карлом? Она вообще-то звала его так довольно часто. И не могло ли это способствовать столь своевременной и удачной путанице? Ну да неважно.

Что ж. Всего лишь несколько дней назад все планы Карлоса Суоми на будущее были совершенно определенным образом связаны с Афиной. Но все это было до того, как он увидел, с какой жадностью девушка наблюдала за людьми, убивающими друг друга.

Нет, простите. Конечно же, он сам убил куда больше людей, чем Афина видела умирающими, — но в определенном смысле слова Карлос все же оставался пацифистом, в душе даже больше, чем на деле. А вот об Афине этого нельзя было сказать. Во всяком случае, так ему представлялось нынешнее положение дел.

Кроме того, была еще Барбара. Она продолжала стоять рядом с Шонбергом и слушать его лекцию, но время от времени посматривала в сторону Суоми. Суоми от всего сердца желал Барбаре добра. Прошлой ночью она делила с ним постель. Они вместе смеялись над их мелкими травмами и сравнивали синяки. Но... девушка без определенных занятий... Нет. Его жизнь практически не изменится, даже если он никогда больше не увидит Барбару.

Но в таком случае есть ли в его планах на будущее место для Афины? Ну, в земных морях плещется множество других рыбок. Суоми все еще хотел женщину, и не только в самом прямом смысле.

Теперь Шонберг указывал в небо. Что, груда щебенки вырастет настолько высоко? Потом Барбара запрыгала от возбуждения. Суоми поднял голову и увидел космический корабль.

В следующее мгновение все они забегали, закричали и стали разыскивать аварийный передатчик — Шонберг настоял, чтобы его забрали с «Ориона» и держали где-нибудь под рукой. Но какой-то чересчур услужливый местный житель куда-то передатчик переложил. Ладно, неважно. Корабль все равно быстро снижался. Белостенный город на вершине горы и сидящий здесь «Орион» служили приметными ориентирами. Серебристый шар, точная копия корабля Шонберга. И земляне, и жители Охотни-

ка принялись размахивать руками и показывать на расчищенную площадку среди щебня.

Вот выдвинулись подпорки, открылся люк, скользнул наружу трап... На пороге появился высокий бледный мужчина — такими бледными бывают только выросшие под куполом уроженцы Венеры. Его пышные усы были напомажены и подстрижены по моде, которая была чрезвычайно распространена среди венерианцев — потомков выходцев с Земли. Множественные признаки дружелюбного приема успокоили мужчину, и он двинулся вниз по трапу, на ходу надевая солнцезащитные очки, чтобы укрыться от яркого полдня Охотника.

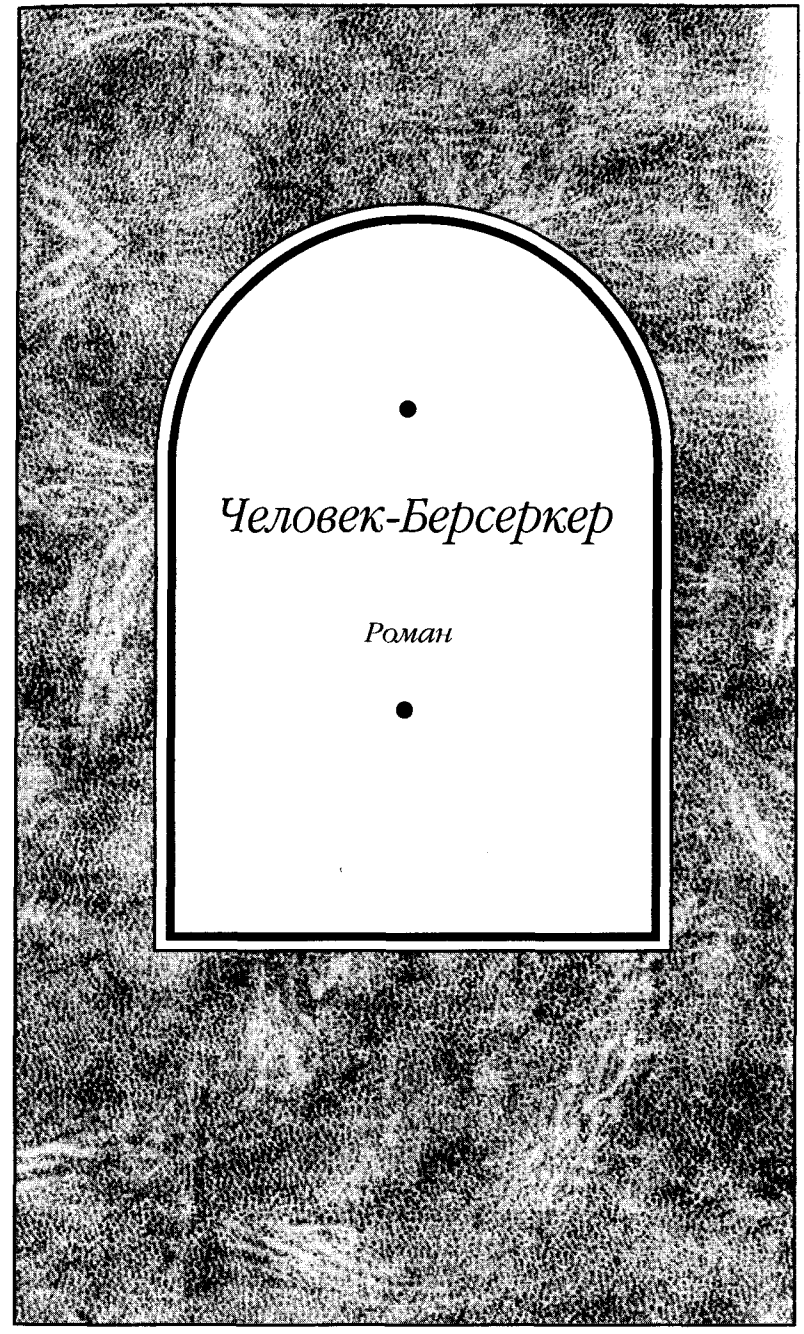
— Привет, ребята. Я Стив Кемальчек с Венеры. Слушайте, что тут у вас произошло? Землетрясение, что ли?

«Торун» и верховный жрец Лерос все еще решали, кто же из них должен произнести официальную приветственную речь. Суоми подошел поближе к трапу и неофициальным образом сообщил:

— Да, что-то вроде того. Но ситуация уже под контролем.

Господин Кемальчек явно вздохнул с облегчением, услышав знакомое земное произношение.

— Вы с Земли, да? Это, должно быть, ваш корабль там? Вы как, уже охотились? Я только что с севера, разжился целой кучей трофеев... попозже непременно покажу их вам. — Кемальчек понизил голос и перешел на доверительный тон: — Я слыхал, тут проводится какой-то крутой турнир. И он вроде бы должен быть в разгаре. Я как, по адресу попал?

Пролог

«Что ж, — мрачно подумала Элли Темешвар, — мы сражались на удивление неплохо, особенно если учесть, на каком крошечном истребителе нам пришлось принять бой».

С поверхности этой необычной звезды бил высокий фонтан плазмы, ослепительный, как сама звезда, и сравнимый по плотности с веществом, образующим планеты. Крошечный двухместный корабль, управляемый Элли и ее напарником, подобно блохе, усевшейся на ствол вековой секвойи, вцепился в сияющее жало фонтана, тщетно пытаясь найти укрытие. А с противоположной стороны светящегося потока, на расстоянии около ста тысяч километров, затаился в засаде сумасшедший берсеркер. Разумеется, берсеркеры — это бездушные машины, но Элли мысленно представила их себе обезумевшими тварями: наверное, она каким-то шестым чувством ощущала параноидальное безумие их давно сгинувших неведомых создателей.

Странная звезда, источающая из себя струю плазмы, была так близко, что пилотам пришлось уменьшить до предела прозрачность иллюминаторов, защищаясь от ее ослепительного сияния. Несмотря на близость к Ядру галактики, других звезд видно почти не было. Несколько кубических парсеков светящейся звездной материи затмевали все вокруг, пробуждая в памяти старинные легенды о световом пространстве, в котором звезды лишь черные точки.

— Элли, чуть убери со своей стороны сканирующие щупы, — послышался в наушниках как всегда невозмутимый голос Фрэнка.

Командир находился за толстой стальной переборкой, наглухо разделявшей кабину истребителя. Теоретически при попадании в один из отсеков и гибели одного пилота оставшийся в живых может продолжать бой. В действительности же сейчас, когда весь корабль мог быть с минуты на минуту смят в лепеш-

ку, Элли, отрываясь на мгновение от приборной панели, страстно желая живого человеческого общения, думала только о том, как было бы хорошо, если бы герметичный люк, задраенный в боевом режиме, раскрылся.

Но вслух она этого не сказала.

— Щупы передвинуты, — доложила Элли.

Отточенная до совершенства реакция позволила ей выполнить приказание командира, не теряя времени на обдумывание. Руки девушки застыли на вспомогательной панели. Основное же оборудование управлялось непосредственно головным мозгом: специальные датчики, вмонтированные в шлем, напрямую снимали биотоки. Органы контроля откликались на долю секунды быстрее, чем если бы электрические сигналы преодолевали путь до нервных окончаний в пальцах.

— Он вот-вот появится снова...

Конец предостережения Фрэнка Элли не смогла услышать даже в наушники, так как из-за ствола плазмы появился хищный берсеркер. Управление основными функциями корабля осуществлялось биотоками мозга напарника Элли, и, прежде чем девушка успела осознать, что происходит, истребитель, уклонившись от вражеского выпада, нанес ответный удар. Именно поэтому Фрэнк Маркус занимал место командира слева; Элли пока еще не могла сравниться с ним быстротой реакции. Впрочем, никто не мог сравниться с легендарным Фрэнком. Еще каких-то пару минут назад Элли тешила себя надеждой, что командиру удастся вытащить их живыми из этой передряги.

Фрэнк резко бросал корабль из стороны в сторону. Корпус истребителя звенел словно гонг, взбесившиеся приборы зашкаливало от смертоносных зарядов, выпускаемых врагом. Вспышка, оглушительный грохот, новая ослепительная вспышка неприятельского залпа, и слабый вздох ответного выстрела: крошечный истребитель, не имея ни малейшей возможности нанести хоть какие-то повреждения огромному Голиафу, огрызался на огонь противника просто потому, что не желал сдаваться без боя. Появившийся из засады берсеркер был слишком большой, чтобы сражаться с ним, и слишком быстроходный, чтобы пытаться спастись от него бегством здесь, в открытом космосе. Осталось одно: уклоняться от вражеских выстрелов...

Берсеркер дал новый залп, но истребителю, вильнувшему вбок, опять удалось остаться невредимым. Элли вспомнился отрывок из глупого мультфильма: нелепый клоун, отчаянно силясь сохранить равновесие на высоко натянутом канате, пытается защититься от метеоритного дождя с помощью старого дырявого зонтика.

— ...корабль-малютка...

Сквозь треск электрических разрядов донесся голос берсеркера. Зачем он пытается с ними заговорить? Наверное, просто пробует отвлечь внимание, а может быть, предлагает сохранить жизнь, прекратив бесполезное сопротивление. Порой встречаются предатели, готовые по своей воле служить машинам-убийцам. А иногда бездушный враг, сочтя какую-то человеческую особь достойной внимания, оставляет ее в живых под пристальным наблюдением. Разумеется, когда исход схватки предрешен, подобные ухищрения, имеющие целью сбить противника с толку, могут показаться излишними, но тактика берсеркеров, определяемая генератором случайных процессов, совершенно непредсказуема.

— ...абль-малютка, новое оружие тебя не спасет...

Дрожащий голос не был ни мужским, ни женским, ни молодым, ни старым. Речь берсеркера была составлена из отдельных записанных слов, произнесенных пленными, доброжилами (добровольными прислужниками), и даже из гневных проклятий тех, кто предпочел смерть бесчестью.

— Новое оружие? Ад и пламень, что он имеет в виду?

Судя по всему, Фрэнк Маркус, подобно многим сражающимся с берсеркерами, верил в преисподнюю — по крайней мере, в ругательствах он вспоминал ее достаточно часто.

— Не знаю.

— ...беспомощный... зложить... — Громкий треск. — Ты слишком маленький...

Далее слова берсеркера потонули в оглушительном треске электрических разрядов. Радиоволны не могли пробиться сквозь плотное поле радиации, излучаемой потоком плазмы.

Бормоча что-то себе под нос, Фрэнк продолжал безумную пляску по поверхности ослепительной струи. Он перевел космический корабль из нормального пространства в так называемое гиперпространство, где материя за пределами защищенного корпуса истребителя приобретает нечто большее, чем набор математических координат, а сверхсветовая скорость становится не только возможной, но и неизбежной. Затем корабль стремительно ринулся назад в нормальное пространство, что в такой опасной близости к огромной массе звезды было очень рискованно. Но у Фрэнка был опыт, везение и еще что-то, что невозможно вырастить в пробирке и даже измерить, — и это что-то,

дополняющее молниеносную реакцию, позволяло ему успешно сражаться с берсеркерами. Элли не раз доводилось слышать, что, имея тысячу пилотов, обладающих даром Фрэнка, человечество одержало бы победу еще несколько столетий назад. Была предпринята попытка вырастить целый отряд Фрэнков, клонируя его клетки, но результаты оказались крайне неутешительными.

Прямо позади корабля — судя по мелькнувшему по приборной доске сообщению — ровный поток космических лучей, испускаемых звездой, разорвался подобно тому, как вспарывается гладь тихого омута брошенным камнем. Ослепительными шарами сгустков энергии и раскаленного газа мимо пронеслась выпущенная врагом очередь, и сзади опять появился безжалостный монстр, снова увидевший свою добычу. Ловкий маневр, осуществленный Фрэнком, задержал преследователя, но все же не позволил оторваться от него совсем. Берсеркер казался черной неровной кляксой на фоне огромных завитков яркого протуберанца, слишком далекого, чтобы можно было за него спрятаться.

Фрэнк не сдавался. Подобно слепому, жонглирующему острыми как бритва ножами, он за сто сорок миллисекунд преодолел расстояние, равное диаметру орбиты Земли, вышвырнул корабль из нормального пространства и снова вернулся назад, целый и невредимый.

Но теперь пространство вокруг было совершенно другим. Экран Элли застилал белый шум. Приборы вели себя необъяснимо — однако неожиданно стало совсем тихо.

— Фрэнк?

— Все в порядке. Элли, мы внутри плазменной струи. Как я и предполагал, она оказалась подобна полой трубе. Мы удаляемся от звезды со скоростью двести километров в секунду. Громила остался снаружи.

— Ты... он... откуда ты знаешь?

Деловой голос командира тронула едва уловимая тень веселья:

— Если бы он был здесь, вместе с нами, он по-прежнему продолжал бы охотиться за нами, ведь так?

— Ой!

Элли уже несколько лет не приходилось слышать, чтобы ее собственный голос звучал настолько растерянно. Произнесенное ею слово могло сорваться разве что только с уст робкого новичка; девушке не раз доводилось быть свидетелем этого за время ее работы инструктором в Военно-космической школе.

— Берсеркер рано или поздно обязательно поймет, что мы внутри струи, — потому что больше нам быть негде. Вероятно, он попытается определить, где именно мы находимся, но скорее всего не сможет этого сделать. Тогда убийца-монстр проникнет в пустотелую трубу. Торопиться ему не с руки. Он уверен, что мы от него никуда не денемся, и не станет рисковать, повторяя наш трюк. Но как только берсеркер проникнет внутрь потока плазмы, мы поскорее уберемся отсюда.

— Куда?

— Это хороший вопрос. — Снова голос Фрэнка был приправлен долей горького юмора. — Элли! — Командир вдруг опять заговорил уверенно и решительно. — Взгляни-ка вон на то облако в конце туннеля. Ты когда-нибудь видела что-либо подобное?

Сверившись с показаниями успокоившихся приборов, Элли первым делом определила, что до внутренней поверхности пустотелой струи, укрывшей крошечный корабль, около пяти тысяч километров, и истребитель летит практически в центре. Прямо позади осталась звезда, породившая этот циклопический фонтан и наполнившая его пустую сердцевину потоком радиации, от которой пилотов надежно защищал корпус корабля. А вот впереди...

Там струя заканчивалась еще более необычной сияющей туманностью, до которой кораблю, если он будет продолжать лететь с той же скоростью, оставалось меньше часа. Элли внимательно изучила показания приборов, но ничего не смогла понять. Похоже, туманность испускала множество волн самой разной длины, в то же время жадно поглощая все прочие излучения... Сначала девушке показалось, что есть какая-то закономерность, но через мгновение начинавший было намечаться порядок рухнул, сменившись полным хаосом. Быть может, стоит попытаться проникнуть в туманность в гиперпространстве? Да нет, плотность вещества в ней настолько высока, что корабль как бы наткнется на каменную стену...

— Эй, Элли?

Голос в наушниках очень изменился, и Элли не сразу поняла, в чем дело.

— Что? — неуверенно спросила она.

— Иди ко мне. Еще минимум четверть часа нам совершенно нечего делать. Мы можем только ждать.

Элли могла бы ответить, что они с Фрэнком не смогут ничем заняться ни в ближайшие четверть часа, ни вообще когда бы то ни было. Вместо этого молодая красивая блондинка, отстегнув ремни, оттолкнулась от акселерационного кресла и поплыла в невесомости к переборке. Искусственный гравитатор, переведенный в боевой режим, включался только тогда, когда нужно было нейтрализовать смертельное воздействие перегрузок.

Большую часть тесной кабины занимало акселерационное кресло Фрэнка и его тело. С первого взгляда было трудно определить, где кончается одно и начинается другое. Элли видела фотографии Фрэнка, сделанные до того, как ее командиру девять лет назад пришлось вступить в жестокое единоборство с берсеркером, едва не стоившее ему жизни. На них был изображен стройный молодой мужчина, настолько деятельный и кипучий, что даже на снимках чувствовалась исходящая от него энергия. Теперь все, что берсеркер и хирурги оставили от пышущего силой тела, было аккуратно упрятано в наполненные физиологическим раствором стальные сосуды.

Элли порой казалось, что врачи, разработавшие три соединенных жгутами проводов контейнера, в которых жило тело Фрэнка, хотели сделать гигантскую пародию на насекомое — голова, грудь, брюшко. Но вошедшую в отсек Элли не встретила радостная улыбка. Девушка понимала, что Фрэнк, оставаясь напрямую подключенным к органам управления кораблем, заметил ее присутствие с помощью видеодетекторов. Оторвав от штурвала сделанную из металла и пластмассы руку, командир приветливо помахал своей напарнице.

Перед глазами Элли все еще стояла картина боя, в ушах не умолкал грохот разрывов вражеских снарядов, мысли ее всецело были поглощены незаконченной смертельной схваткой.

— В чем дело? — спросила она.

— Да так, просто соскучился по твоему обществу, — донесся из прикрепленного под потолком громкоговорителя живой естественный голос Фрэнка.

Рука, тонкая и многопалая и потому совершенно не похожая на человеческую, нежно прикоснулась к плечу Элли. Ладонь, скользнув вниз, обхватила девушку за талию. Знакомое прикосновение гладкой теплой поверхности было приятно. Под мягким внешним покрытием механической руки скрывалась жесткая твердая начинка, и Элли всегда вспоминала прикосновение сильных мужских рук.

Рука, обвившая свободно парящее тело, потянула его вниз, и наконец девушка все поняла.

— Ты с ума сошел?

Вырвавшиеся слова были похожи на истерический смех, но все же прозвучали достаточно убедительно.

— Почему? Я же сказал, у нас есть пятнадцать минут. — Разумеется, в таких вещах Фрэнк не может ошибаться. Если он расслабился, можно последовать его примеру. — Извини, если ты не в настроении. Представь себе, что я нежно целую тебя в губы...

Из громкоговорителя донеслось сочное веселое причмокивание. Появившаяся откуда-то другая рука, состоящая частично из живых тканей, но от этого ничуть не менее сильная и мужественная, начала уверенно орудовать с застежками трико, единственной вещи, которую Элли надевала, отправляясь в полет.

Девушка закрыла глаза, прекращая тщетные попытки думать о важных насущных проблемах. Внутренняя поверхность искусственной брюшной полости, к которой она прижалась обнаженным телом, была на ощупь и не холодной, и не металлической. Как всегда в подобные моменты, Элли вдруг вспомнила, как давным-давно на уроке физкультуры плюхнулась на обтянутого кожей гимнастического коня. Но вот она снова ощутила прикосновение живой плоти...

Фрэнк говорил, что у них есть пятнадцать минут. Меньше чем через двенадцать Элли уже сидела в акселерационном кресле, готовая к бою. В таких делах командору Фрэнку верить можно. Люк в переборке, разделяющей отсеки пилотов, как и положено по уставу, был наглухо задраен. Столкновение с неприятелем стало неизбежно.

Много лет назад Элли поняла, что она, Элли Темешвар, которую чураются мужчины, находя ее слишком волевой и независимой, никак не может сблизиться со своим командиром. И дело не в том, что Фрэнк был груб с ней или, наоборот, вел себя чересчур обходительно; девушка была просто сбита с толку. Что *она* думает *о нем*... у Элли так и не было возможности понять. Как только начинали зарождаться какие-то мысли — плохие или хорошие, — они тотчас же вырывались с корнем противоречивой натурой Фрэнка Маркуса. Он просто слишком много знал, слишком много умел, вообще все в нем было слишком. В свободное от службы время девушка старательно избегала своего командира и предпочитала никому о нем не рассказы-

вать, даже когда любопытные настойчиво донимали ее расспросами.

Прошло тринадцать минут из пятнадцати, отпущенных Фрэнком. Командир начал излагать план действий. Выслушав его, Элли пришла к выводу, что, хотя его грандиозный замысел — чистейшей воды самоубийство, это все же лучше, чем глотать ампулу с ядом.

Между тем странная светящаяся туманность в конце огромного туннеля становилась все ближе и ближе. Минула отведенная Фрэнком четверть часа, но это ознаменовалось лишь усилившимися свечением и пульсацией стен плазмы, теперь пенившейся подобно низвергающемуся с огромной высоты водопаду. Поток становился более разреженным, скорость частиц увеличивалась по мере удаления от извергающей его звезды и ослабления притяжения.

— Будь готова, — послышался голос в наушниках. — Он появится с минуты на минуту.

Крохотный истребитель швыряло из стороны в сторону в турбулентных завихрениях потока плазмы, на время скрывшего его от преследователя. Внимание Элли было всецело приковано к органам управления кораблем, хотя сейчас от нее почти ничего не зависело.

Сквозь разрыв в толще уносящегося прочь от звезды вещества в туннель влетел огромный берсеркер...

Глава 1

Согласно табличке, фигурка была вырезана из дерева леши, произрастающего на планете Альпин, трудного в обработке, но необычайно прочного и красивого. Анжело Ломбок, незнакомый с этим материалом и вообще впервые попавший в здешние места, задумчиво крутил фигурку в руках. Сертификат гласил, что это оригинальная ручная работа, и художника, судя по всему, сложность обработки леши нисколько не смутила. Изделие было выполнено в том же стиле, что и другие работы семьи Джейлинксов, которые Ломбоку показали перед отлетом с Земли, но сюжет был более динамичным. Фигурка изображала мужчину и женщину, беглецов, ибо их стройные тела подались вперед в стремительном порыве, но испуганные лица были обращены назад. Деревянные складки развевающейся одежды, возможно, были несколько вычурны, но что можно ожидать от десятилетнего скульптора?

Иногда Ломбок жалел о том, что не занялся искусством вплотную. С другой стороны, жизнь одна — четыреста, максимум, пятьсот лет; а он уже слишком много вложил в свою работу, и теперь даже думать нечего о том, чтобы что-то начинать заново.

Печально вздохнув, Ломбок, приподнявшись на цыпочках, поставил фигурку назад на полку — бесшумно зафиксировавшую это и отключившую сигнал тревоги, который обязательно прозвучал бы, если бы он вздумал покинуть сувенирный киоск, не оплатив покупку. Единственный его чемодан был небольшим и легким, и Ломбок, отказавшись от услуг носильщика, прошел через довольно безлюдный пассажирский зал и, выйдя из здания космопорта, направился к застывшей в ожидании веренице авиатакси.

Ломбок, сам похожий на крохотную резную фигурку из темного дерева, устроился в уютном кресле ближайшего самолета.

— Я хочу встретиться с семьей Джейлинксов.

Он заранее выяснил, как произносится на местный манер фамилия скульпторов. Скорее всего семейство Джейлинксов, подобно большинству знаменитостей или тех, кто считает себя таковыми, ввело специальные программы помех в системы транспортного контроля, чтобы отваживать непрошеных гостей, и их Ломбок попытался сейчас обойти.

— Я не договаривался о встрече, но меня обязательно примут. Я с Земли, из Академии. Я прилетел сюда для того, чтобы предложить Майклу, сыну господина Джейлинкса, поступить к нам. Мы готовы платить ему стипендию.

Он заготовил на всякий случай координаты жилища скульптора, но программа управления авиатакси в них не нуждалась. Похоже, его замысел удался. Самолет плавно взмыл вверх, купол космопорта раскрылся, пропуская его, и вдалеке показались покрытые лесами горы. Ломбок знал, что некоторые растения завезены сюда с Земли и, разумеется, все колонисты были потомками землян. Когда самолет пролетал над одной из скал, он успел узнать в дереве, вжатом в камень столетиями ветров, кедровую сосну.

На горы опустилась ночь. Безоблачное небо потемнело, и стала видна похожая на загадочный циферблат гигантских часов система оборонных спутников, медленно кружащих над планетой. Настоящих звезд не было, но на усыпанном сверкающими бриллиантами черном бархате выделялись бледными немигающими искорками три планеты и две луны, вращающиеся вокруг Альпина. А дальше в бесконечность простирался обволакивающий планету непроницаемый мрак. Местные жители называли черную туманность, не пропускающую свет в этот обособленный мир, Черной Шерстью. Туманность была настолько плотной, что через нее не мог пробиться даже свет Ядра галактики — и Ломбоку стало как-то не по себе, хотя, разумеется, дома он относился совершенно равнодушно к бесконечному небосводу, усыпанному знакомыми созвездиями.

Пока военные действия не затронули систему Альпина, затемнения на планете не вводились. Особняк Джейлинксов, раскинувшийся на склоне горы, был ярко освещен. Ломбок видел его снимки в рекламных проспектах и каталогах по искусству: это было красивое здание, построенное в стиле далекого прошлого Земли.

Самолет стал заходить на посадку, и Ломбок, раскрыв чемодан, еще раз пробежал взглядом подготовленные бумаги. Все в

порядке. Все выглядит совершенно убедительно — надо надеяться, это действительно так.

Внизу, в долине, извивалось пустынное шоссе, по которому тащился одинокий тягач. Его фары отбрасывали на дорогу два вытянутых пятна. Судя по отсутствию огней, жилых строений здесь было еще меньше, чем в районе космопорта. Правда, взлетная площадка перед замком была прекрасно освещена. Такси Ломбока, мягко коснувшись земли, подрулило к стоянке, где уже был один маленький самолет, и из расположенного в нескольких метрах здания вышли мужчина и женщина, по-видимому, предупрежденные охранной системой. Вставив карточку в щель, Ломбок расплатился и вышел на залитый светом прожекторов бетон, сжимая в руке чемодан. Взревел двигатель, и такси взмыло в воздух.

Высокий седовласый мужчина проводил его взглядом так, словно был уверен, что гость или непрошеный посетитель здесь долго не задержится, и было бы лучше, если бы такси подождало. Женщина же шагнула вперед, протягивая руку.

— Мистер Ломбок? Правильно ли я поняла, на борту такси вы говорили что-то про Академию, стипендию?..

— Совершенно верно.

Широкоплечая подтянутая женщина крепко пожала ему руку. Ломбок еще на Земле изучил ее досье и знал, что в молодости миссис Джейлинкс активно занималась спортом.

— Как вы догадались, я — Кармен Джейлинкс, а это Сикст. Позвольте, он возьмет у вас чемодан.

Ломбок также успел выяснить, что на Альпине женщины, выходя замуж, как правило, берут фамилию супруга.

Сикст, высокий, седовласый, гораздо старше своей жены, шагнул вперед — олицетворение спокойного ненавязчивого радушия. Погода стояла прекрасная — у Ломбока мелькнула мысль, что ближе к экватору днем должно быть жарко, — и хозяева вместе с гостем задержались на улице, обмениваясь любезностями, обсуждая красоты здешних мест, разговаривая про перелет с Земли.

— Ну а теперь, мистер Ломбок, что вы скажете насчет стипендии?

Обнадеживающе подмигнув, Ломбок взял хозяев под руки:

— Не пройти ли нам в дом? Там вы сядете и приготовитесь услышать приятную неожиданность. Мы бы хотели, чтобы ваш Майкл — да, кстати, как он?..

— О, чудесно, — нетерпеливо оглянулась в сторону дома миссис Джейлинкс. — Итак?..

— Мы готовы оплатить дорогу до Земли ему и одному взрослому — родителю или опекуну. Мы хотим, чтобы Майкл прошел полный курс обучения в Академии. Четырехгодичный.

Женщина от неожиданности вздрогнула.

Все уже давно прошли в дом, но никто не садился. Кармен возбужденно ходила из угла в угол, постоянно подбегая к гостю, который из вежливости тотчас же вскакивал с дивана и после долгих уговоров снова усаживался на место, и безуспешно пытаясь приготовить что-нибудь, чтобы отметить торжественное событие.

Сикст же стоял, прислонившись к обшитому деревом дверному косяку, и по всему его облику чувствовалось, что он погружен в глубокие раздумья. Еще в самом начале разговора Джейлинкс-старший прозрачно намекнул, что желает взглянуть на документы Ломбока, которые и были ему тотчас предъявлены. Сикст придирчиво изучил их, но все бумаги оказались в полном порядке.

— Вся беда в том... — начал было Ломбок, как только в комнате наступило временное затишье.

Сикст бросил на жену взгляд, красноречиво говорящий: «Так я и знал, что здесь есть какой-то подвох». Но Кармен этого не увидела. Все внимание ее было приковано к гостю.

— Что? — едва слышно выдохнула она.

— Вся беда в том, что вакансия должна быть занята в самое ближайшее время. Как вы понимаете, наши щедрые спонсоры и попечители порой выдвигают условия, с которыми мы, хотя и несогласны, вынуждены считаться. Так вот, как я уже говорил, эта вакансия должна быть заполнена в самое ближайшее время. Майклу следует немедленно отправиться на Землю. Через два дня он уже должен быть в пути.

— Но ведь ни один корабль... ведь так?

— К счастью, конвой, с которым я прибыл на Альпин, задержится здесь на пару дней. Решение пригласить Майкла в Академию было принято всего полгода назад, на Земле, и я без промедления отправился к вам. Мне повезло, сюда как раз вылетал конвой. У нас даже не было времени выслать вам предварительное уведомление или, вернее, спросить, принимаете ли вы наше предложение.

— О, это понятно. Естественно, люди, связанные с Искусством, — прописная буква была отчетливо слышна, — всегда несколько... Разумеется, мы без колебания принимаем ваше предложение. Но неужели у Майкла есть всего два дня?

— Ровно через два дня конвой трогается в обратный путь. А кто знает, когда следующий корабль стартует на Землю... Вы же знаете, до нее лететь несколько месяцев.

— Да-да, конечно.

Откуда-то снизу донесся приглушенный грохот: возможно, с лесовоза скинули тяжелое бревно.

— Я понимаю, у вас очень мало времени. Однако, согласитесь, вам предоставляется редчайшая возможность. На членов Академии произвели огромное впечатление работы Майкла, дошедшие до них.

— Наш агент говорил, что уже начал торговать ими на Земле, но я никак не думала... Ой, всего два дня! Сикст, ну?..

Сикст, улыбаясь, качал головой. Снизу снова донесся шум: мощная пила с аппетитом вгрызалась в дерево. Ломбок уже успел выяснить, что современные средства обработки древесины не позволяют получать нужную фактуру спила. Еще он узнал, что в доме находится целая бригада рабочих: столяры, резчики по дереву, подмастерья.

Затянувшееся молчание становилось напряженным.

— Я видел одну работу Майкла в сувенирной лавке в космопорту. Я горю от нетерпения встретиться с ним. Он?..

— Да-да, *разумеется*. Майкл будет рад познакомиться с вами. — Кармен озабоченно подняла взгляд. — Наверное, он сейчас работает у себя.

Джейлинксы провели Ломбока по лестнице наверх, затем по длинному коридору. Сикст, забрав у землянина чемодан, по пути занес его в полутемную спальню, пахнущую свежевыструганными сосновыми досками. Внутренняя отделка дома, как и наружная, была выполнена в подчеркнуто сельском стиле.

В конце коридора находились несколько массивных неотделанных дверей, одна была чуть приоткрыта. Кармен, осторожно толкнув ее, первой заглянула в комнату.

— Майкл? У нас гость. Он хочет с тобой познакомиться.

Комната была очень просторная, хотя служила одновременно и спальней, и мастерской. Освещена она была словно витрина ювелирного магазина. В дальнем углу под широким незашторенным окном, теперь, с наступлением ночи, зияющим чернотой, стояла незаправленная кровать с огромными подушками.

У двери вдоль стены протянулся верстак, заваленный инст-

рументами для обработки дерева и материалом. У верстака, взгромоздившись на табурет, сидел мальчик десяти-одиннадцати лет с длинными бесцветными волосами. Услышав слова матери, он повернул к гостю строгое лицо.

— Здравствуйте, Майкл, — сказал Ломбок.

— Здравствуйте.

Голос у мальчика был слабый и невыразительный. Волосы его были не столько светлые, сколько выцветше-пыльные. Узкое вытянутое лицо и большие широко раскрытые глаза придавали ему хрупкий болезненный вид, однако Майкл, смело взглянув Ломбоку в глаза, крепко для своих лет пожал ему руку. Он был босиком, в пижаме, обсыпанный с ног до головы стружками и опилками.

— О, Майкл! — воскликнула Кармен. — Ну почему ты не переоделся? Мистер Ломбок решит, что ты болен и не можешь... Дорогой, как ты смотришь на то, чтобы отправиться в далекое путешествие?

Майкл сполз с табурета и встал, лениво потирая одну ногу пяткой другой.

— Куда?

— На Землю, — ответил Ломбок, разговаривая с ним как со взрослым. — Я уполномочен предложить вам учебу в Академии.

Брови Майкла едва заметно взметнулись вверх — и тотчас же его лицо растянулось в улыбке десятилетнего подростка.

Десять минут спустя взрослые сидели на террасе. Легкое дуновение инфракрасных волн от невидимого источника отгоняло вечернюю прохладу; бесшумно подкативший робот подал напитки.

— Должно быть, вы гордитесь Майклом, — заметил Ломбок, потягивая коктейль и внимательно следя за собеседниками.

— Так, словно мы его биологические родители, — вмешался Сикст. — Разумеется, мы с женой тоже резчики по дереву. В центре усыновления проделали большую работу по генетическому подбору.

Сделав еще один глоток, Ломбок осторожно поставил стакан.

— Я понятия не имел, что Майкл вам не родной сын, — солгал он, притворяясь заинтересованным.

— Но это так. Разумеется, он все знает.

— Знаете что... мне только что пришло в голову... Можно задать один вопрос личного характера?

— Пожалуйста.

— Понимаете... Вы никогда не предпринимали попыток установить, кто родители Майкла, что с ними сталось?

Хозяева покачали головами.

— Сам премьер Альпина не сможет выжать из центра усыновления ни крупицы подобной информации, — заверил гостя Сикст. — Разумеется, истории болезней родителей выдаются по первому требованию — из соображений заботы о здоровье ребенка, но все остальное хранится за семью печатями.

— Ясно, — задумчиво протянул Ломбок. — И все же, думаю, мне стоит попробовать. Видите ли, наш заместитель директора разрабатывает теорию о взаимосвязи образа жизни родителей и артистических дарований их детей. Центр усыновления находится здесь, на Альпине? Надо будет завтра туда наведаться.

— Он в Ледник-Сити. Но у вас вряд ли что-либо получится.

— Согласен, надежда очень маленькая, но по крайней мере я отчитаюсь перед начальством, что сделал все возможное. Утром я слетаю в Ледник-Сити. Да, насколько я понял, вы принимаете предложение?

Прежде чем Джейлинксы успели ответить, на террасе появился сам Майкл, теперь уже полностью, хотя и несколько небрежно, одетый. Он с размаху плюхнулся на стул.

— Подумать только, сколько в нем энергии! — пожурила его мать.

Мальчик окинул гостя пристальным взглядом.

— Вам приходилось видеть берсеркера? — без обиняков спросил он, по-видимому, следуя ходу своих мыслей.

Сикст фыркнул, и Ломбок попробовал обратить вопрос в шутку.

— Нет, я до сих пор жив-здоров и невредим. — Разумеется, это нельзя было назвать ответом, а землянин видел, что мальчик с нетерпением ждет его. — Нет, не приходилось. Наша планета в последнее время не подвергалась прямому нападению. А межзвездные путешествия я совершаю нечасто. Как я уже говорил, полет сюда прошел без приключений. Мы летели в составе сильного конвоя, к тому же нам сопутствовала удача.

— В Горловине было спокойно? — Это уже спросил Сикст. — Должно быть, вы прибыли этим путем?

Праздный и в то же время болезненный вопрос, ибо другой дороги в систему Альпина, окруженную многими парсеками плотной космической пыли и межзвездного вещества, непригодными для астрогации, просто не существовало.

— Абсолютно спокойно, — подтвердил Ломбок. Он внимательно вгляделся в лица взрослых. — Знаю, многие сейчас относятся с опаской к длительным межпланетным путешествиям. Но давайте взглянем правде в глаза. При нынешнем состоянии дел Альпин — далеко не самая безопасная точка заселенной галактики. Если только Горловина будет перекрыта — неважно, в результате дрейфа туманности или же ее заблокируют берсеркеры, — вся система Альпина окажется в осаде.

Все это Джейлинксам было хорошо известно. Но гость говорил о том, что, вероятно, ждет их в самом ближайшем будущем, поэтому все трое слушали затаив дыхание.

— Лично я, — продолжал Ломбок, — рад тому, что через два дня улечу отсюда. Предстоящее путешествие беспокоит меня гораздо меньше, чем перспектива остаться здесь.

Сикст взглянул на затянутое непроницаемым мраком небо, точно фермер, пытающийся определить, не угрожают ли нежным всходам сгущающиеся грозовые тучи.

— Я должен остаться на Альпине, — наконец объявил он. — У нас здесь много дел. И семья большая. У меня есть сестра — она замужем, имеет детей. Не надо забывать о рабочих, у нас много заказов... Нет, я не могу бросить все и за пару дней сорваться с места.

— Ты прав, мастерская — это очень важно, — согласилась Кармен. Они с мужем переглянулись, точно независимо друг от друга пришли к одному и тому же выводу и нисколько этим не удивлены. — Но не менее важно и будущее Майкла.

Ее губы благоговейно обозначили: *«Академия!»*

— Конвой отбывает через два дня, — настаивал Ломбок. — Максимум через два дня. Меня обещали предупредить за несколько часов.

На самом деле космический флот не тронется в путь до тех пор, пока он сам не отдаст адмиралу приказ, но Ломбок надеялся, что ни одна живая душа на планете не догадывается об этом.

— Майкл должен лететь, — решительно заявила Кармен, проводя рукой по длинным волосам сына. Глаза мальчика зажглись огнем. — Но он еще слишком мал, чтобы отправиться в столь долгое путешествие один. Сикст, как ты думаешь, сколько тебе времени потребуется, чтобы разобраться здесь со всеми делами и присоединиться к нам?

Ломбок зажег смокер и сделал глубокую затяжку, задумчиво наблюдая за хозяевами. Женщина возбуждена больше ребенка. Несомненно, она увидела, как оживает ее давнишняя мечта: она

попадает в Академию, вращается среди знаменитостей мира искусства. Ее кипучая энергия вкупе с талантом сына откроют перед ними все двери... Человек с Лунной Базы, отправивший Ломбока сюда, все рассчитал правильно.

Ломбок представил себе, что будет, когда Кармен Джейлинкс, попав на Лунную Базу, узнает правду. Она будет ошеломлена, придет в неописуемую ярость. Когда придет пора открыть ей всю правду, делать это надо будет очень осторожно.

Глава 2

Система образования на планете Альпин была довольно гибкая, и Майкл почти не сидел за школьной партой. Отдаленность дома, в котором жила семья Джейлинксов, свела практически на нет общение с другими сверстниками, вследствие чего у юного художника было лишь несколько друзей его возраста — что, впрочем, его нисколько не беспокоило.

Да и с этими немногими приятелями Майкл мог расстаться совершенно безболезненно. Однако когда на следующее утро мистер Ломбок отправился совершать бесполезный, по общему мнению, визит в центр усыновления, Кармен настояла на том, чтобы сын попрощался со своими знакомыми, и мальчик уступил. Из трех друзей, которым он позвонил, двое отнеслись к важному известию совершенно равнодушно — по крайней мере, попытались это изобразить. Третий же, открыто позавидовав Майклу, спросил, как он относится к полету через Горловину, ведь там наверняка не избежать вооруженного столкновения с берсеркерами.

Майкл, прекрасно знакомый с космическими войнами — он перечитал все приключенческие книги на эту тему, — оценивал риск как минимальный. В конце концов, адмирал и капитаны кораблей не сунутся в проход, если конвою будет угрожать серьезная опасность.

Мистер Ломбок, вернувшись через пару часов, сказал, что ему ничего не удалось выяснить о родителях Майкла, однако, судя по всему, он был этим не очень-то расстроен. Итак, Кармен и мальчик готовы? Тогда он позвонит в космопорт: вдруг время отлета сдвинуто вперед, но никто не удосужился уведомить его об этом...

— Как хорошо, что я не положился на них, — объявил он, отворачиваясь от конфиденциальной коммуникационной кон-

соли. — И как хорошо, что вы уже готовы! Последний челнок взлетает через три часа.

Маленькому личному самолету Джейлинксов потребовалось больше часа на то, чтобы долететь до космопорта. Майкл уже дважды бывал здесь: один раз на экскурсии вместе с классом, другой раз — когда провожал домой на Эстил прилетавшего в гости дядю. Теперь настал его черед, смахнув непрошеную слезу, обнять на прощание отца. Трое отлетающих с планеты сели в орбитальный челнок гораздо большего размера, чем тот, на котором улетал дядя. На его борту были нанесены цифры, буквы и опознавательные знаки военного флота.

Сначала полет на челноке нисколько не отличался от привычного путешествия на самолете. Майкл, его мать и мистер Ломбок были единственными пассажирами на борту. Как только челнок набрал высоту и небо за иллюминаторами потемнело, приняв багровый оттенок, в салоне появилась молодая женщина с нашивками младшего лейтенанта. Она подсела к путешественникам, и завязалась оживленная беседа. Майклу показалось, что никто, кроме него, не заметил, когда включился искусственный гравитатор. Он же все-таки почувствовал небольшую перемену, ощутил, как под днищем заработали, набирая силу, мощные ускорители.

По мере того как дневной свет все более тускнел, становились отчетливо видны корабли сопровождения; мистер Ломбок мимоходом уважительно упомянул об их огневой мощи. На иссиня-черном небе, лишенном мерцания звезд, шесть больших боевых кораблей, построившихся в строгий порядок, казались маленькими сверкающими полумесяцами. Но нет — вдруг Майкл заметил, что еще шесть кораблей летят в верхнем эшелоне. Подождите-ка, еще шесть прикрывают основную группу сзади...

Насчитав еще шесть кораблей, дожидавшихся прибытия челнока, и разумно предположив, что он увидел далеко не всю флотилию, Майкл задумался. Что происходит? Мальчик, в отличие от своих родителей, с пристальным вниманием следил за ходом войны в космосе, и не все книги, прочитанные им, были детскими боевиками. Такое крупное соединение мощных боевых кораблей — это по меньшей мере эскадра, если не целый флот. Мистер Ломбок обмолвился, что конвой прибыл на Альпин прямиком с Земли, а теперь трогается в обратный путь. С какой целью он прилетал сюда?

Майкл указал матери на построившиеся в боевой порядок

корабли, но та, мельком выглянув в иллюминатор, кивнула и продолжила репетировать с мистером Ломбоком приветственные речи, с которыми она обратится к членам Академии. Землянин, видно, совершенно успокоился и полностью переключился на нее, лишь изредка бросая покровительственные взгляды на мальчика.

Только когда впереди, освещенный отраженным от поверхности Альпина светом, наконец показался похожий на металлическую гору огромный межзвездный корабль, на котором им предстояло совершить путешествие, только тогда Кармен прильнула к иллюминатору.

— Да, на таком корабле я буду чувствовать себя спокойно, — заметила она и тотчас же огляделась вокруг, словно убеждаясь, что их скромный багаж никуда не запропастился.

Майкл внимательно следил за стыковкой, и прежде чем крошечный челнок скрылся в чреве гигантского левиафана, мальчику удалось прочесть выведенное незатейливыми буквами на выкрашенном в шаровой серый цвет корпусе название: «Иоганн Карлсен».

Майкл задумчиво смотрел в иллюминатор на проплывающую в каком-то метре от его носа гладкую металлическую стенку шлюза. Значит, конвой, а точнее, флот, примечателен не только количеством вымпелов. По крайней мере один из кораблей относится к классу дредноутов: а именно тот самый, на борту которого им с матерью придется наслаждаться прелестями космического путешествия в течение по меньшей мере четырех земных месяцев.

Правда, Майкл с каждой минутой все больше сомневался в том, что будущее сулит прелести. Однако по здравом размышлении он пришел к выводу, что сейчас уже слишком поздно что-либо предпринять и лучше оставить все идти своим чередом.

Через несколько минут после подстыковки челнока конвой тронулся в путь. Майкла с матерью разместили в скромных, но уютных смежных каютах. Дружелюбная женщина-офицер, по-видимому, приставленная к ним, совершила с ними ознакомительную экскурсию по кораблю, показав все отсеки, открытые для пассажиров. Вела она себя очень предупредительно и радушно. Вечером мать и сын Джейлинксы и мистер Ломбок ужинали за столиком капитана. Командовала огромным кораблем высокая седая женщина с резкими чертами лица, смягчавшими-

ся лишь редкими улыбками. Капитан рассеянно поинтересовалась, не испытывают ли пассажиры каких-либо неудобств.

На корабле были установлено время, соответствующее поясному времени Альпина на долготе дома Джейлинксов. Было это случайно или нет, но Майкл обратил внимание на такое странное совпадение, никоим образом не рассеявшее недоброе предчувствие, что будущее предвещает нечто более необычное, чем межзвездное путешествие.

...его отец, его родной отец, которого он не видел ни разу в жизни, заперт в трюме «Иоганна Карлсена» и молит своего сына о помощи. Майкл пробирается по запутанному лабиринту коридоров, через бесчисленное количество дверей и люков, чтобы вызволить отца из плена, но как только мальчик, схватив автоген, начинает борьбу с последней переборкой, он вдруг понимает, что все это — лишь сон.

Проснувшись, Майкл уселся в кровати, вслушиваясь в темноту.

Бабах!

Мальчику никогда прежде не приходилось чувствовать подобные толчки, ощущаемые всеми тканями тела, — побочное действие энергии, высвобождаемой при выстреле находящегося неподалеку тахионного орудия большого калибра, — однако он сразу понял, что это такое.

Бабах! Бабах!

Майкл внимательно прислушался. Через полминуты все сомнения исчезли. Взглянув на часы, он прикинул, сколько времени прошло с момента отлета с Альпина. Судя по всему, конвой сейчас подходит к Горловине или уже в ней. Маловероятно, чтобы в таком месте проводились учебные стрельбы.

Бабах-бабах! Бабах!

К тому же на учениях огонь никогда не бывает таким интенсивным, это огромная нагрузка на оборудование, в первую очередь на систему энергоснабжения.

Не зажигая свет — Майкл запомнил, куда сложил свои вещи, — он соскочил с кровати и начал одеваться. Однако не успел он закончить, как дверь в освещенный коридор приоткрылась, и в каюту бесшумно вошла младший лейтенант Шнайдер. Молодая женщина удивилась, увидев мальчика проснувшимся и почти одетым.

— В чем дело, Майкл? — делано небрежно спросила она.

— А вы разве ничего не знаете? — машинально спросил Майкл, понимая, что офицеру все известно. — На нас напали.

Он застыл с одной рукой, просунутой в рукав, прислушиваясь.

— Я ничего не...

— Только что были слышны выстрелы. Теперь они прекратились.

Шнайдер неуверенно улыбнулась, но тут у нее из-за спины появился Ломбок, похожий в халате на маленькую коричневую птичку.

— Майкл, тебя что-то разбудило?

Почему эти люди ведут себя как полные идиоты?

— Мистер Ломбок, как вы думаете, я могу подняться в боевую рубку? Обещаю, я буду вести себя тихо.

Ломбок пристально оглядел мальчика и повернулся к женщине-офицеру:

— Младший лейтенант Шнайдер, почему бы вам не взглянуть, как себя чувствует миссис Джейлинкс?

С этими словами он развернулся, кивком предложив Майклу следовать за собой.

Искусственная гравитация на корабле после объявления боевой тревоги была ослаблена, как и в книгах, которые читал мальчик. Тут как раз пригодились удобные поручни на стенах и потолке. Следуя за покачивающимся каштановым хохолком Ломбока, Майкл добрался до боевой рубки, оказавшейся, как он и ожидал, просторным, ярко освещенным помещением с двумя десятками акселерационных кресел. Почти все кресла были заняты. По лицам присутствующих офицеров мальчик сразу же понял, что это не учения. Одно из кресел у самого входа было свободно, и Ломбок властно указал на него Майклу.

В рубке было тихо, как в храме. Забравшись в кресло, мальчик пристегнулся, не задумываясь, что делает, — ему даже не пришло в голову, что он впервые в жизни видит подобный механизм. Майкл не придал значения и тому обстоятельству, что Ломбок или не заметил другое свободное кресло, или просто не стал его искать, а предпочел остаться рядом. Все внимание мальчика было приковано к большой объемной картине боя, находящейся в центре рубки.

На пестрой голограмме ярким туннелем, извивающимся сквозь угольно-черное пространство, была изображена Горловина, кусок открытого космоса неправильной формы, зажатый со всех сторон темной туманностью. По туннелю мучительно

медленно двигались вперед зеленые точки — как в книгах, — указывающие положение кораблей землян. Сам дредноут, обозначенный яркой мигающей точкой, уже преодолел больше половины пути. Его движение прикрывал сильный арьергард.

По пятам арьергарда следовала стая красных точек — берсеркеров. Похоже, кораблям сопровождения приходилось туго, но и дредноут, и мощный авангард продолжали движение вперед, к выходу из Горловины, за которой открывались бескрайние просторы открытого космоса, не останавливаясь, чтобы помочь своим товарищам.

Разумеется, голограмма отражала лишь приблизительное положение кораблей, рассчитанное с определенной долей вероятности. Даже сверхчувствительные датчики и мощные суперкомпьютеры дредноута не могли точно передать взаимное расположение боевых кораблей, несущихся с околосветовыми скоростями, покидающих нормальное пространство и тотчас же возвращающихся назад, прячущихся за облака космической пыли и межзвездного вещества, скрываемых радиацией всевозможных видов. Отчаявшись что-либо понять в голограмме, Майкл стал следить за ходом сражения по лицу капитана. По сосредоточенной маске ему удалось прочесть, что дела, учитывая численность неприятеля и внезапность нападения, обстоят неплохо.

Снова взглянув на голограмму, мальчик вдруг увидел, что одна зеленая точка арьергарда исчезла. Красные и зеленые точки исчезали и появлялись непрерывно, словно светлячки. Это объяснялось тем, что корабли постоянно входили в гиперпространство и покидали его, и компьютеру приходилось заново вычислять их координаты. Но в данном случае зеленая точка исчезла и больше не появилась.

Майкл почему-то сразу почувствовал, что эта точка не появится больше никогда.

Боевой корабль, его экипаж — несколько человек, а также запасы продовольствия, оружие, боеприпасы в одно мгновение превратились в хаотический беспорядочный поток энергии и элементарных частиц. Майкл вздрогнул — не от испуга, а переживая гибель людей.

Могучий дредноут продолжал путь вперед, а арьергард остался отчаянно отбиваться от безжалостной своры красных точек, неумолимых гор металла, не ведающих ни страха, ни усталости. Майкл ощущал их слабые электрические импульсы. Берсеркеры взывали к нему, предлагая присоединиться к ним, обрести свободу.

Глава 3

В кабинетах Административного Подуровня Лунной Базы царила мертвая тишина — или умиротворяющая тишина, все зависит от того, с какой стороны взглянуть. Но в сложном переплетении комнат, являющихся офисом министра обороны, всегда звучала приглушенная музыка. В основном мистер Тупелов предпочитал популярные западные мелодии двадцатого века.

Но в настоящий момент он сидел за огромным письменным столом, закинув на него огромные ноги, и не обращал на музыку внимания.

— По-моему, то, что малыш, впервые в жизни попав в рубку корабля, ведущего бой, едва не свалился в обморок, вряд ли можно считать обнадеживающим знаком.

Человеку, хорошо знакомому с историей человечества, Тупелов, грузный моложавый мужчина, своей внешностью напоминал бы Оскара Уайльда. Однако сходство ограничивалось лишь чертами лица — и, возможно, редким интеллектом.

— Это был его первый межзвездный полет и первое сражение, — заметил Ломбок, усаживаясь без приглашения в кресло. «Иоганн Карлсен» пристыковался к причалу двадцать минут назад, и Ломбок был первым, кто сошел с него. — К тому же это произошло среди ночи... Полагаю, Майкл — парень крепкий.

— Ты достал генетический архив его биологических родителей?

— В центре усыновления есть данные только о его матери. Имя ее мне не сообщили, но компьютер сделает подборку таких же генетических структур, и, может быть, нам удастся что-либо выяснить.

Скинув ноги на пол, министр склонился над столом.

— Ты провел с мальчиком и его матерью больше четырех стандартных месяцев. Как по-твоему, догадываются ли они о том, что происходит на самом деле?

— Готов поспорить, мать ни о чем не подозревает. И почти так же твердо я уверен в том, что Майкла нам провести не удалось. — Ломбок поднял руку, предупреждая возможный вопрос. — Ничего конкретного: ни одного слова, ни одного поступка. Но порой он бросает на меня такие взгляды... Да, еще: некоторые разговоры он слушает очень внимательно, а иногда отключается после первых же слов — например, когда мать начинает строить планы об учебе в Академии.

— А экипаж «Карлсена»?

— Все члены экипажа знали, что мы — важные птицы, и, разумеется, возникло много разных слухов. Но лично я не слышал ничего, даже отдаленно похожего на правду.

— Хорошо. Как, по-твоему, нам следует официально уведомить наших гостей о цели их приглашения к нам? И кто должен это сделать?

Ломбок задумался.

— Мамаша воспримет это известие лучше, если более высокопоставленный чиновник сообщит ей об этом. Нельзя ли организовать встречу с Президентом?..

— Забудь об этом. На то, чтобы договориться об аудиенции, потребуется несколько дней. К тому же он не очень-то любит прилетать к нам, а я бы предпочел не отпускать Джейлинксов на Землю, ибо Академия окажется соблазнительно близко.

— В таком случае возьмите это на себя. Что касается мальчишки, по-моему, ему будет совершенно безразлично, кто переговорит с ним. Но вот если мамаша сильно расстроится — как знать, как это скажется на десяти-одиннадцатилетнем ребенке.

— Отлично. Я встречусь с миссис Джейлинкс прямо сейчас. Проводи ее сюда.

Прищурившись, Тупелов огляделся вокруг, гадая, как бы сделать так, чтобы этот огромный кабинет подавил своим величием женщину из молодого мира, находящегося на стадии становления, прожившую всю жизнь, если так можно выразиться, оторванной от современных высоких технологий. Он остановился на том, что необходимо включить громадные видеоэкраны размером во всю стену. На один Тупелов вывел постоянно меняющееся изображение лунного ландшафта: как будто министр, отрываясь на минуту от работы и устремляя взгляд на экран, не просто отдыхает, а превращается в дополнительного часового... На экране как раз появился скругленный корпус «Карлсена», возвышающийся над стенкой кратера Мидлхерста, куда еще десять лет назад привозили туристов, жаждущих взглянуть на единственный известный действующий вулкан на Луне.

На противоположную стену Тупелов вывел впечатляющую статистику крупных сражений (произошедших несколько десятилетий назад, но кто сможет в этом разобраться?), а на стене позади письменного стола появилось огромное изображение голубой планеты, сфотографированной со спутника. Ну какой человек, из какого бы отдаленного мира он ни прибыл, не почувствует притяжения родины при виде матушки-Земли? И так далее, и так далее, и так далее.

Взглянув на себя в зеркало, Тупелов попросил Ломбока пригласить сначала одну миссис Джейлинкс.

Министр встретил ее посреди кабинета.

— Миссис Джейлинкс, как хорошо, что вы зашли ко мне! Присаживайтесь. Как долетели?

Женщина оказалась моложе и красивее, чем он ее себе представлял.

— Нам с сыном оказали такое радушное гостеприимство! Однако, право, я успокоюсь только тогда, когда мы окажемся на Земле.

Министр подвел ее к роскошному креслу и предложил вино и смокеры; миссис Джейлинкс отказалась и от того, и от другого. Тупелов вернулся за письменный стол.

— Именно об этом я и хотел с вами поговорить.

Женщина оторвала взгляд от экранов, и он хмуро взглянул ей в глаза. Пауза затягивалась.

— Как вам известно, вашего сына Майкла пригласили сюда потому, что он обладает уникальными способностями. Однако вы понятия не имели, что... его отобрала *не* Академия. И выбрали его не за художественные дарования, бесспорно, выдающиеся.

Непонимающе уставившись на него, мать Майкла попробовала было улыбнуться, но безуспешно.

Тупелов, ссутулившись, облокотился на стол, и стало видно, как он устал.

— Итак, как я говорил, миссис Джейлинкс... можно я буду обращаться к вам по имени? Так вот, Кармен, вы, конечно, ни о чем не догадывались. Позвольте мне вам все объяснить. Во-первых, человечество проигрывает войну с берсеркерами. Сто лет назад мы были уверены, что до победы рукой подать. Пятьдесят лет назад мы все еще полагали, что преимущество на нашей стороне и время работает на нас. Однако за последние десятилетия мы вынуждены были признать, что эти надежды несбыточны. Враг наращивает силу, и мы не поспеваем за ним. Новое вооружение разрабатывается слишком долго. Частенько мы довольствовались лишь самообороной и не преследовали берсеркеров, хотя имели превосходство... Если вы захотите, я позже перечислю вам все причины. А сейчас поверьте мне на слово: если ход событий не изменится кардинальным образом, через пятьдесят — нет, через *двадцать* лет не будет никакой Академии, чтобы приглашать на учебу одаренных молодых людей. А Майкл,

если останется жив, скорее всего превратится в законсервированный мозг, на котором будет ставить эксперименты какой-нибудь любознательный берсеркер... Что с вами? Простите. Вот, выпейте.

Тупелов заспешил к женщине со стаканом воды. Ее реакция на его слова явилась для него полной неожиданностью.

Кармен, раскрыв глаза, сделала глоток воды и, показав, что ей лучше, попросила закурить. Затянувшись смокером, она испуганно взглянула на министра сквозь облако голубого ароматного дыма.

— Если нас пригласила сюда не Академия, то кто? И зачем?

— Я. О, конечно, я мог бы сказать, что все делается от имени Межпланетного военного совета, однако в последнее время взаимодействие миров свелось к минимуму. Я мог бы сказать, что вас пригласило правительство Земли, и это было бы чистой правдой, так как план утвержден самыми высокими инстанциями. Однако родился он в моей голове.

Тупелов снова сел за стол.

— Теперь отвечу, зачем, — тихо произнес он. — Мы разрабатываем новую систему оружия, значение которого трудно переоценить. Его кодовое название — «Ланселот». Полагаю, вы ничего об этом не слышали?

Кармен слабо покачала головой, и министр усмехнулся, радуясь еще одной возможности проверить работу службы безопасности.

— Можно сказать, это новый тип космических кораблей, — продолжал он, — хотя в действительности это нечто большее. «Ланселот» способен — точнее, будет способен — делать то, что не под силу ни одному берсеркеру. Потому что его неотъемлемой составляющей является живой человеческий мозг. В этом-то и заключается главная проблема. Мозг большинства людей, даже наших лучших пилотов, не допускает такого тесного взаимодействия с машиной. Понимаете, необходимо слияние на подсознательном уровне. Не передумали насчет вина? — Робот наполнил ей бокал, а министр продолжал нарочито монотонным голосом: — Разумеется, у некоторых получалось лучше — точнее, не так плохо, как у других. В конце концов мы рассчитали теоретическую модель мозга, идеально подходящего для «Ланселота». Такие структуры полушарий встречаются очень редко, и нам пришлось искать очень долго. Мы исследовали генетические и психологические архивы ста миллиардов человек, живущих в настоящее время на Земле и всех обитаемых планетах.

Данные на Майкла мы обнаружили в центральном агентстве по усыновлению на Земле. И из ста миллиардов ваш сын ближе всего подходит под теоретическую модель.

— *Из ста миллиардов...*

Поколебавшись, стоит ли снова приходить на помощь Кармен, Тупелов остановился на том, что обошел стол и уселся на него.

— Я со всей ответственностью заявляю, что Майклу не будет причинено никакого вреда. Все исследования, ради которых его доставили сюда, абсолютно безопасны.

— О... — Ее голос наполнился облегчением. — Я почему-то вдруг решила, что вы хотите...

Теперь Кармен уже могла посмеяться над собственной глупостью. Подумать только, хрупкий одиннадцатилетний паренек вступает в смертельную схватку с берсеркерами!

Тупелов тоже улыбнулся:

— Понимаете, как только мы подстроим аппаратное обеспечение под идеальный мозг, можно уже будет вносить в него необходимые изменения и выбирать людей из опытных боевых пилотов.

Кармен пригубила вино. Она взглянула на министра, и на ее лицо снова набежала тень сомнения.

— Но одно все равно непонятно. К чему такая таинственность? Почему вы не сказали правду еще на Альпине?

— Кармен, Альпин — очень опасное место, причем по многим причинам. Как только что-то становится известно даже считаному числу жителей Альпина, об этом тотчас же узнают берсеркеры. Я вовсе ни в чем не хочу обвинять ваших соотечественников, однако дела обстоят именно так.

— Доброжилы... — Губы Кармен презрительно скривились, выговаривая это слово. — Правительство Альпина постоянно предупреждает граждан о приспешниках берсеркеров, требуя твердо хранить военную и государственную тайны. Но Сикст утверждает, что правительство само выдумывает россказни про доброжилов, чтобы не допустить падения морали в обществе. Правда, по-моему, это не помогает.

— Мне известно больше на эту тему, чем Сиксту, — заметил Тупелов. — Поверьте, если бы просочилось хотя бы одно слово об истинной цели вашего отъезда на Землю, над Майклом нависла бы страшная опасность.

Кармен широко раскрыла от страха глаза:

— Нападение берсеркеров в Горловине — это имеет какое-либо отношение?..

— Проведали ли они что-то насчет Майкла? Честное слово, не знаю. — Он попытался успокоить ее обнадеживающей улыбкой. — К счастью, вы долетели благополучно.

На самом деле была еще одна причина, по которой власти Альпина не были поставлены в известность: положение планеты было отчаянным, и правительство могло, объявив Майкла особо ценным национальным достоянием, запретить его отъезд. Разумеется, достойного применения уникальному мальчику в этом захолустье все равно не нашлось бы. Человек-оператор — это лишь половина «Ланселота», а на разработку второй половины даже могущественной Земле, возможно, потребуется не одно десятилетие.

— А теперь, Кармен, мне бы хотелось переговорить с Майклом, ввести его в курс дела. Я просто хотел сначала встретиться с вами.

Женщина кивнула. Тупелов решил, что справился со своей задачей хорошо, даже отлично.

Министр связался с приемной, и в кабинет тотчас же провели Майкла. Мальчик внешне в точности соответствовал описанию, данному Ломбоком. Одежда была ему чуть маловата, и Тупелов с любопытством заметил, что юный художник уже успел раздобыть кусок мягкой древесины земной сосны и начал что-то из него вырезать. Остановившись в дверях, Майкл молча обвел взглядом присутствующих. Его лицо оставалось непроницаемым.

Министр, словно принимая почетного гостя, поздоровался с мальчиком за руку и провел его к креслу. Лишь теперь он пожалел о том, что не догадался приготовить безалкогольные напитки.

— Я только что объяснил твоей матери, — начал Тупелов, — что твое поступление в Академию откладывается. — Он постарался как можно милее улыбнуться Кармен: — О, мы позаботимся о том, чтобы он обязательно туда поступил. Но ему придется подождать годик-другой.

Если, конечно, и Майкл, и Академия к тому времени еще будут существовать на белом свете.

Министр снова повернулся к мальчику, воспринявшему это известие совершенно спокойно.

— Майкл, мы бы хотели, чтобы ты помог испытать новые модели скафандров и другое оборудование.

Тупелов приготовился объяснить, что он не шутит.

— Знаю, — неожиданно ответил Майкл. Внимательно изучив экран справа, тот, на который выводились данные о старых сражениях, он удивленно нахмурился: — Тут что-то сломалось, да?

Тупелов посмотрел на экран, на мальчика.

— Как ты догадался?

— Вы про экран? Так это же все... — Майкл поднял тонкую руку, отмахиваясь от чего-то неопределенного. — Полагаю, с аппаратным обеспечением все в порядке — почти в порядке, — но вот цифры... они какие-то странные.

— А как ты догадался насчет скафандров? Что тебе предстоит их испытывать?

— О, ничего конкретного я не знаю. Но я догадался, что это именно вы доставили меня сюда. Я хочу сказать, насколько я понял, только ради этого и был послан флот. Он прибыл на Альпин для того, чтобы забрать нас — точнее, меня — и сразу же вернуться назад. А чем могу быть полезен я — кроме как для каких-то исследований и испытаний?

Кармен, раскрыв глаза от изумления, слушала этого единственного из ста миллиардов человека, почему-то оказавшегося ее сыном. Прежде чем взрослые успели что-либо ответить, на столе Тупелова зазвонил коммутатор. Нагнувшись к зоне конфиденциальности, министр ответил. Быстро закончив разговор, он выпрямился и повернулся к Джейлинксам:

— Нас приглашают пройти в лабораторию и взглянуть на «Ланселота». Вы готовы?

Впервые Майклу представили то, что ему предстояло надеть, в просторном помещении, расположенном неглубоко от поверхности. По площади оно было сравнимо с футбольным полем, вдоль стен громоздилось самое невероятное оборудование. Потолок, поддерживаемый массивными фермами и расцвеченный ласкающими глаз огнями, нависал метрах в пяти над полом.

Посреди помещения находился расчищенный пятачок, и там свисало нечто, подвешенное к потолку, смутно напоминающее парашютные лямки. Именно это и предстояло исследовать Майклу. Впрочем, на лямки это было похоже очень отдаленно. Вообще увиденное напомнило мальчику скорее не военное снаряжение, а костюмы к школьному спектаклю, в котором он принимал участие, когда ему было лет семь. В том спектакле были

короны, прозрачные вуали, а у одного из актеров была волшебная палочка. Сейчас никаких могущественных жезлов вроде не было, но когда Майкла поставили под лямки, кто-то что-то включил, и тут в большом количестве появились вуали, разлетающиеся по пустому полу от середины комнаты. Мальчик сразу же распознал в них сложную паутину какого-то мощного силового поля. Поверхность этого поля вздымалась волнами, словно поднимаемыми невидимым ветром. Пробежав метров тридцать, волны затухали, и дальше над гладью поля царил полный штиль. Майкл понял, что волны и складки на самом деле лишь образы, нарисованные глазом, пожелавшим увидеть твердую материю там, где был лишь интерференционный узор световых лучей.

Мальчик улыбнулся матери, стоявшей рядом и судорожно вцепившейся в руку младшего лейтенанта Шнайдер. Затем, отвечая на вопросы техников, начавших застегивать лямки, он повернул голову, изучая призрачные волнующиеся поля. Следя за причудливыми образами, Майкл пытался понять, что же скрывается за ними в действительности.

Извинившись, Тупелов бесшумно вышел в соседнюю комнату. Там у большого экрана во всю стену столпились руководители научных отделов и прочие начальники; считалось, что обслуживающий персонал лучше справится со своей задачей, если ему не будут мешать высокопоставленные чины.

Войдя в небольшую комнату, министр кивнул, отвечая на приветствия, и, мельком взглянув на экран, прямо спросил:

— Ну, что вы думаете?

Тупелов понимал, что его вопрос преждевременный; но в то же время он знал, что, если некоторых из присутствующих не теребить постоянно, создание «Ланселота» затянется до бесконечности. К тому же среди собравшихся находилась наблюдатель из президентской администрации, а министр хотел, чтобы Президент знал, кто именно торопит развитие событий.

Один из ученых, с типичной внешностью — в очках и с бородкой, — пожал плечами:

— Что-то не похож он на воина.

Тупелов смерил его взглядом:

— Вы хотите сказать, ни накачанной мускулатуры, ни стального взгляда, ни властного голоса? Знаете, все эти качества для нас сейчас ни черта не значат.

Ученый муж смело встретился с ним взглядом, хотя это, несомненно, стоило ему значительных усилий.

— Вообще-то как раз это мы и хотим установить, не так ли?

В разговор вмешалась представитель Президента, лишь час назад прилетевшая с Земли:

— Господин министр, но *что именно* делает Майкла Джейлинкса идеальным кандидатом для такой работы? Я хочу сказать, мы видели на бумаге, что он соответствует рассчитанным параметрам, но как генетический код мальчика определит его взаимодействие со сложной машиной?

— Ну хорошо. Во-первых, как видите, сейчас технический персонал надевает на Майкла лямки. Внешне совершенно безобидная процедура, но в действительности все обстоит гораздо сложнее. Между мальчиком и «Ланселотом» устанавливаются линии связи на психологическом и биоэлектрическом уровнях. Несмотря на то что сейчас они функционируют на минимальной мощности, большинство людей, включая вас и меня, уже давно с криками убежали бы отсюда, а Майкл практически совершенно спокоен.

Щуплый светловолосый паренек крутил головой, оглядываясь вокруг, — это было единственным внешним признаком его беспокойства.

— Но ведь, — прервала Тупелова представитель Президента, — дело не только в его... флегматичности, что ли, или в высоком пороге болевых ощущений?

Министр решительно затряс головой:

— Этот мальчишка находит язык с техникой не хуже любого инженера — раз. Показатели его интеллектуального уровня зашкаливают — два. Правда, встречаются люди и с более высокими значениями, но опять же именно ИУ Майкла идеально подходит для наших нужд. И в-третьих, он полностью лишен умения сопереживать другому.

Нам удалось отобрать несколько достойных кандидатов здесь, на Земле, а выбирали мы из десяти миллиардов. Но главное, что нам требуется, это потрясающая психологическая твердость и стабильность — можете называть это флегматичностью, и у Майкла она есть. Итак, что же мы имеем в итоге? Я читал результаты исследований одного из величайших психологов Земли, которая понятия не имела о цели наших работ. Так вот, она пришла к выводу, что данный человек мог бы стать основателем новой религии, если бы не одно обстоятельство: у него начисто отсутствует стремление к лидерству.

Дама из президентской администрации задумчиво склонила голову набок:

— По-моему, господин министр, вы склонны считать это дополнительным доводом за.

— Вы правы. — Тупелов принялся грызть ноготь большого пальца, став при этом похожим на деревенского дурачка. — Вы еще до сих пор не поняли, какую власть обретет со временем оператор «Ланселота». — Он помолчал немного. — Мое личное мнение — Майкл мог бы стать великим святым в какой-нибудь религии, но только мы не должны забывать его прямо-таки безумную тягу к всевозможной технике. Это обстоятельство просто не может не играть важной роли в его жизни.

— Он не паяет? Я слышала, он занимается резьбой по дереву.

— О, всему свое время. Майкл придет к этому — обязательно придет. Кстати, по дороге в лабораторию я спросил его, почему он занялся именно резьбой. И мальчик ответил не задумываясь: «Скульптуры переживают своих творцов. Я хочу, чтобы после меня что-то осталось».

Техники весело заверили Майкла, что большая часть снаряжения на него уже надета, точно процесс одевания был мучительной пыткой. Впрочем, поразмыслив, мальчик пришел к выводу, что для многих это действительно так. Многочисленные силовые поля посылали ему прямо в мозг самые разнообразные сигналы — но он мог, сохраняя равновесие, держаться на плаву, хотя до сих пор и не выяснил, как ими управлять. Как-нибудь позже надо будет спросить, где находятся органы управления — но не сейчас, пока у него и так забот хватает.

Майкла отвлекло появление в просторной лаборатории какого-то существа, совершенно непохожего на тех людей, которых ему доводилось видеть. Новоприбывший находился в одном из трех соединенных друг с другом контейнерах на высоких колесах, напоминающих игрушечный поезд. Каждый из них был такого размера, что на нем смог бы свободно устроиться пятилетний ребенок. Все это очень напоминало подвозящих различные грузы роботов, время от времени бесшумно въезжавших в лабораторию. Однако в такие контейнеры ничего не положишь, да и маршрут этого странного транспортного средства пролегал напрямую к подвешенному в упряжи мальчику. Двум механикам пришлось отойти в сторону, уступая дорогу. Техники застыли на месте, провожая необычный поезд взглядами.

Вагончики остановились рядом с Майклом.

— Привет, парень! — донеслось из ближайшего небрежное

восклицание. Тембр голоса подтвердил предположение мальчика, что обитатель контейнеров — взрослый мужчина.

— Привет!

Майкл читал, что некоторые очень сильно искалеченные и травмированные люди предпочитали искусственные тела именно такой формы, отказываясь от более привычных человекоподобных — наверное, потому, что все равно выглядят они неестественно.

Голос продолжал:

— Я уже примерял этот костюмчик. Нельзя сказать, что он очень удобный, да?

— Мне он не мешает.

— Здорово! А вот *мне* он очень мешает, и все же я могу его носить. Так что если у тебя есть какие-либо вопросы, спрашивай, быть может, я смогу ответить.

Тон был гораздо увереннее слов.

— Я что-то никак не могу отыскать органы управления, — заметил Майкл.

Последовала небольшая пауза, наконец голос сказал:

— А у твоего тела они есть?

— Понял.

— Майкл, тебя сейчас обертывают в самое последнее достижение биотехнологии. Это намного совершеннее того шутовского поезда, в котором я катаюсь. Да, кстати, меня зовут Фрэнк.

Разговор прервался, механики приготовились надеть на Майкла еще что-то. Не успели они закончить работу, как мальчик ощутил прилив неведомой энергии, и его восприятие окружающего мира полностью изменилось. Многометровая толща лунного грунта и реголита над головой стала прозрачной. За этим последовало еще более ошеломительное преображение: черное звездное небо превратилось во что-то иное — в уходящую в бесконечность пещеру, затянутую несчетным множеством силовых линий и полей. Это ослепительное мироздание напугало бы мальчика своей безграничностью, если бы он был способен испытывать страх перед чем-то столь неопределенным. Первое возбуждение медленно прошло, и Майкл обнаружил, что может, повелевая органами чувств, перевести взгляд с бескрайнего неба на поверхность Луны, снова увидеть лабораторию и людей, собравшихся в ней.

Направив свой взор в другую сторону, Майкл увидел двумя этажами ниже двух офицеров, разговаривающих между собой.

— Таранная кость, — говорил один, — это одна из прокси-

мальных костей предплюсны; в древности она использовалась для изменения распределения случайных величин...

Щелк! Что-то отвлекло внимание Майкла. В одиннадцати целых шести десятых километра от лунной поверхности стремительно приближался метеорит. В считаные мгновения устройство защиты автоматически навелось на цель и уничтожило космического пришельца: едва заметное подрагивание одной из бесчисленных клеточек сложного организма главной системы обороны Лунной Базы.

Щелк! Где-то в самых потаенных глубинах Лунной Базы за множеством закрытых дверей с суровыми предостерегающими надписями находится голографическая модель галактики. В центре светящееся Ядро, белыми пустотами отмечены неисследованные области. Среди всего этого многообразия форм и красок оператор аккуратно выводит под чем-то, смутно напоминающим геодезическую сферу, собранную из зубочисток, электронную надпись: «ТАДЖ». Размером это неведомое образование заметно превосходит самые гигантские звезды.

Щелк! Что-то живое зашевелилось в нижней части живота стоящей рядом молодой женщины-техника, подошедшей вместе с напарницей к Майклу, чтобы водрузить ему на голову ослепительно сияющий обруч — наверное, это будет короной. И даже в наглухо укупоренных контейнерах человека на колесах мальчик уловил слабые органические процессы, обмен веществ.

Щелк! Громкое жужжание. Прошло некоторое время, и Майкл, догадавшись, что это тепловое движение молекул окружающего воздуха, научился отключать от него свой слух.

Примерка завершилась минут через двадцать после того, как началась. Освободившись от шлема и лямок, Майкл, щурясь, повел головой вокруг, снова привыкая к окружающей действительности, которую он одиннадцать лет принимал как должное, не задаваясь никакими вопросами.

Таким, как раньше, он больше никогда не будет.

Глава 4

Небольшая распечатка с крупными буквами «Темешвар Эллисон» наверху плавно опустилась на стол, выпущенная маленькими проворными пальцами Ломбока. Толстые неповоротливые пальцы Тупелова с обгрызенными ногтями схватили ее только со второй попытки.

— Его родная мать, — лаконично объяснил Ломбок. — Генетическая картина совпадает настолько полно, что не остается никаких сомнений. К тому же она была на Альпине как раз в то время.

— И?.. — Тупелов бегло пробежал взглядом по выдержке из личного дела, описывающей служебный путь Элли Темешвар с того момента, как она поступила в школу пилотов, до увольнения в отставку приблизительно одиннадцать лет назад. — Ее имя мне ничего не говорит... Впрочем, постой-ка, не она ли была вместе с Маркусом во время второй встречи с Таджем? Тогда они, пытаясь стряхнуть с хвоста берсеркера, пролетели прямо через туннель... Так, значит, она к тому же и мать Майкла...

Умолкнув на середине предложения, министр снова посмотрел на распечатку.

— Вот именно, — вставил Ломбок. — Похоже, Фрэнк Маркус — отец Майкла. Разумеется, я для полной уверенности сравню генокоды.

Тупелов кивнул:

— Но только очень осторожно. Займись этим сам. Маркус... разумеется, всего этого еще не видел.

— Разумеется. Нет никаких оснований полагать, что он что-либо подозревает. И Майкл тоже.

— Все даты совпадают... значит, Темешвар забеременела во время выполнения задания. Однако в личном деле нет ни слова о том, что она вернулась на базу беременной — впрочем, и не должно быть, как нет ничего и о том, что именно беременность явилась причиной ее выхода в отставку спустя несколько месяцев. Здесь только приводятся слова самой Темешвар, сказавшей, что она, цитирую: «...потеряла интерес к служебной карьере». Что ж, могу ее понять. Шесть месяцев наедине с Маркусом — никто такого не выдержит.

— Прошу вас отметить, — сказал Ломбок, — что Альпин был первым пунктом их остановки на обратном пути на базу «КОРСЕК». Похоже, Темешвар благополучно избавилась от беременности на первой же населенной планете и ни словом не обмолвилась об этом военным врачам.

— Да... да... Я на досуге хорошенько обдумаю все это. А пока нам нужно действовать очень осторожно.

— Согласен.

— Анжело, у тебя на лице написано, что ты что-то замыслил и ждешь моего разрешения.

— Полагаю, мне необходимо лично узнать, что сталось с Эл-

ли Темешвар. Встретиться с ней. Поговорить. Если получится, даже доставить ее под каким-либо предлогом на Лунную Базу.

— Зачем?

— Это поможет лучше понять Майкла, предугадать, каким он станет. А из ее личного дела, по-моему, многого не узнаешь.

— Ее настоящее местожительство известно?

— Она живет на Земле. По крайней мере, жила там в прошлом году. Тогда она согласилась принять участие в обычной переписи населения. Живет где-то в Храме Последнего Спасителя.

— Похоже, это что-то связанное с религией. Правда, я о такой не слышал.

— И я тоже. Впрочем, они постоянно возникают и исчезают.

Тупелов помолчал. Засунув палец в рот, он принялся обгрызать заусенец.

— Сомневаюсь, что разумно привозить сюда Темешвар прямо сейчас. Это только привлечет излишнее внимание.

— И все же я прошу вашей санкции. Я буду действовать крайне осторожно. После столкновения в Горловине можно предположить, что враг догадывался о чрезвычайной важности нашей миссии. Следовательно, теперь ему скорее всего известно, что Майкл находится здесь. В самое ближайшее время берсеркеры сообщат об этом своим приспешникам на Земле, доброжилам. Не надо исключать вероятность того, что они тоже определят, кто является родной матерью мальчика. Данные центра усыновления считаются недоступными, но не надо забывать, что он находится на Альпине.

— Да-да, на этой проклятой планете... Хорошо, Анжело, если ты так считаешь...

Майкла не покидало ощущение, что события слишком торопят.

Он находится на Лунной Базе чуть больше одного стандартного дня, а его уже второй раз одевают в «Ланселот». К тому же теперь это его единственная защита. Платформа грузового лифта поднимается к лишенной воздуха замороженной ночным холодом поверхности, и сто с лишним взрослых, находящихся на ней, — военных, ученых, техников, — все до одного одеты в скафандры... Ну, почти все. Фрэнк, по его собственным словам, со своим скафандром никогда не расстается.

Его контейнеры устроились справа от Майкла, а слева стоял научный руководитель проекта доктор Эдмонд Йенари. Его не-

красивые раскосые глаза не отрываясь следили за мальчиком сквозь стекло гермошлема.

— Все в порядке? — спросил доктор Йенари.

— Да.

— Я просто хотел еще раз убедиться.

Шлюзовая камера открылась, и воздух начал выходить наружу. Майкла предупредили, что «Ланселот» обеспечит его всем необходимым для дыхания воздухом — точнее, кислородом. Несмотря на то что давление окружающего газа падало, мальчик чувствовал себя совершенно комфортно в лямках необычного скафандра, поскрипывающих словно жесткие бумажные крылья. Силовые поля стали почти неосязаемыми и невидимыми, и Майкл не чувствовал себя стесненным.

Наблюдавший за ним врач небрежно заметил:

— А ты все еще дышишь.

Это было что-то среднее между вопросом и утверждением.

— Да, — смущенно подтвердил Майкл.

В его дыхательных путях по-прежнему ощущалось давление воздуха — точнее, нечто заменяющее давление воздуха; несомненно, что-то закупоривало его нос и рот, не позволяя содержимому легких вырваться наружу. Однако перед началом эксперимента Майклу вкратце объяснили — правда, он из этого объяснения почти ничего не понял, — как силовые поля «Ланселота», в тысячах точек безболезненно проникая сквозь кожу, снабжают тело всем необходимым и выводят отходы жизнедеятельности. Майкл обнаружил, что может заставить себя прекратить дышать, после чего все дыхательные рефлексы оказывались подавленными.

Еще мгновение — и он забыл, что у него есть тело. Массивные дверцы над головой раздвинулись, открыв звездное небо.

Жители Альпина время от времени видят звезды. Порой в черной туманности на несколько дней, а то и недель открывается «окно», и крошечный пятачок небосвода наполняется светом звезд. В таких случаях люди ночами высыпают на улицу и часами стоят, задрав головы вверх.

За время путешествия с Альпина на Лунную Базу, протекавшего, если не считать сражения в Горловине, спокойно, Майкл впервые в жизни получил возможность хорошенько рассмотреть то, что по старинке называлось Млечным Путем. Но одно дело — смотреть на звезды сквозь стекло иллюминатора. Сейчас же небо казалось совершенно другим. Лифт, поднявшись вровень с лунной поверхностью, остановился. Земля и Солнце прятались

за горизонтом, и все бескрайнее пространство над головой было усыпано звездами.

Это величественное зрелище не вселило в душу мальчика ужаса лишь по одной причине: до звезд было бесконечно далеко.

Прищурившись, Майкл поднял правую руку. Перед тем как заговорить, он по привычке сделал вдох, и слова прозвучали отчетливо, а радиопередатчик «Ланселота» донес их до наушников в скафандрах наблюдателей.

— Что это? — спросил Майкл.

— Ты имеешь в виду эти три звезды, расположенные на одной линии? — неуверенно ответил Йенари. — Это Орион, Пояс Охотника. Тебе знакомы наши созвездия?

— Нет, не эти три звезды. — Майкл ткнул в небо пальцем, и вслед за его рукой параболическими вихрями взметнулись серебристые волны. — Дальше.

Он видел что-то ослепительно яркое, раскрашенное в такие цвета, подобных которым он никогда не видел. Мальчик никак не мог найти нужных слов, чтобы описать увиденное.

— Телец?..

И вдруг до Майкла дошло, что остальные смотрят невооруженным взглядом и не могут видеть то, что видит он. Ослепительное сияние находилось в ультракоротковолновой радиационной части электромагнитного спектра, и только «Ланселот» позволял глазу видеть его.

Начались приготовления к первым испытаниям в безвоздушном пространстве. Майкл время от времени поднимал глаза к небу. Постепенно он научился уменьшать интенсивность свечения так, чтобы оно его больше не слепило, и в то же время как бы увеличивать его источник. Облако газа с рваными краями — гигантский взрыв, застывший во времени. Как до него далеко? Наверное, не меньше нескольких сотен световых лет.

Шахта лифта находилась в середине ровной площадки расплавленного базальта площадью в несколько гектаров, а со всех сторон ее окружали застывшие волны реголита, километрах в десяти вздымающегося вверх отвесными стенами большого кратера, название которого Майклу не сказали. Вокруг шахты были установлены высокие шесты, образующие квадрат со стороной в несколько десятков метров, а на них была натянута сетка из проволоки или троса. Майкл обратил внимание на то, что ячейки сетки задержат предмет размером с его тело. Казалось, эту сетку позаимствовали из спортивного зала, использующегося для какой-то игры с мячом большого размера.

Стоящие вокруг Майкла скафандры тихо стонали и скрипели, привыкая к космическому холоду и вакууму, однако люди в них, занятые другими делами, похоже, этого не замечали. Майкл пошевелился, и «Ланселот» откликнулся на это слабым поскрипыванием в звуковом диапазоне.

Мальчик спросил об этом доктора Йенари и попытался впитать в себя его совершенно невнятный ответ, состоящий из математических формул, приправленных психологическими терминами. Быть может, со временем, закончив школу, он научится разбираться в подобных вещах. Пока же, судя по всему, лучше попытаться найти ответ самому.

— Вы готовы? — К мальчику приблизился высокий просторный скафандр Тупелова. Министр с самого начала обращался к Майклу с уважением, как к равному.

— А то!

Еще когда Майкла внизу облачали в ярко-оранжевый облегающий спортивный костюм, перед тем как надеть на него «Ланселот», ему вкратце объяснили программу испытаний на сегодня: он должен совершить свободный полет в открытом пространстве. Не успел Майкл снова подумать о том, что разработчики спешат, как базальтовую площадку залил ослепительный свет. Прошло несколько мгновений, прежде чем «Ланселот» ослабил радиационное излучение, преобразуемое в видимый спектр и передаваемое непосредственно на сетчатку глаза. Да, работы ведутся в спешке, но на то должны быть причины, и причины веские. Ни Тупелов, ни остальные не стали бы напрасно рисковать своим детищем.

Обслуживавшие Майкла техники со всех сторон прилаживали дополнительные компоненты «Ланселота». Это были какие-то приспособления в виде кубиков. Они бесследно исчезали под складками «Ланселота», нисколько не увеличивая нагрузку на мальчика.

Майкл на минуту отвлекся. Четырьмя этажами ниже и в двенадцати километрах к лунному западу его мать оживленно болтала с другой дамой, вице-президентом Академии. Кармен сочла счастливой случайностью, что официальный представитель Академии, на этот раз настоящий, оказался на Лунной Базе и нашел время с ней побеседовать...

Доктор Йенари заговорил в микрофон, фиксируя сказанное на магнитофоне:

— Сегодня мы начнем с использования простого приливного-отливного накопителя в форсированном режиме. Мы будем

постоянно поддерживать его, используя для маневров энергию аккумуляторов. На первом этапе запланированы простейшие действия. Испытуемый поднимется над поверхностью на два-три метра, под защитными сетками, а затем совершит управляемую посадку. После того как эта стадия испытания будет успешно завершена, мы оперативно решим, что делать дальше.

Майкл успел выяснить, что у «Ланселота» имеется запасный источник энергии, термоядерный реактор, на взгляд мальчика, размером в несколько раз больше, чем требовалось. Этот реактор находился где-то в полупрозрачных складках между его лопатками, метрах в двух от спины. Ученые объяснили, что в настоящий момент он существует в квазиматериальной форме: молекулы бывшего некогда твердого устройства представлены лишь векторами сил. А то, что было силами в исходном реакторе, сейчас превратилось в еще более абстрактные и неуловимые частицы; но тем не менее термоядерный реактор выполнял все необходимые функции. Конечно, как сказал один из ученых, материя — это условность, определяемая тем, какими инструментами мы измеряем ее наличие, и Майклу временами казалось, что иногда ему удается ощутить присутствие чего-то необъяснимого, только он еще не научился до конца разбираться в показаниях своих новых органов чувств.

Проверив исправность термоядерного реактора, — Майкл сам весьма туманно представлял, что делает, и уж тем более не мог объяснить это техникам (которые все равно ничего не поняли бы, — мальчик выбросил его из головы. Медленно развернувшись на месте, как того требовало полученное в лаборатории задание, Майкл обнаружил, что стены кратера превратились в трибуны, заполнившись облаченными в скафандры людьми с приборами и инструментами. Некоторые из них были учеными, наблюдающими за экспериментом, но в основном, определил мальчик, сканируя собравшихся своими сверхчувствительными органами, это была охрана.

— Майкл, пожалуйста, подойди сюда.

Его подвели к огромной букве X, с микрометрической точностью выведенной на ровной поверхности расплавленного базальта. (Она больше походила на крест.) Майкл тщательно поставил обутые в легкие мягкие тапочки ноги в центр креста. Сквозь неразборчивый гул до него откуда-то донесся голос матери, легко узнаваемый по тембру и придыханию. Все еще будучи на четвертом этаже ниже поверхности, Кармен весело болтала об искусстве.

Интересно, каково взять в руку кусок дерева и вложить нож в «Ланселот»? Майкл позволил себе на мгновение забыться в захватывающих мечтах, но в тот же момент ворвавшиеся в его сознание голоса техников потребовали полной сосредоточенности.

— Майкл, все в порядке?

— Да, в полном порядке.

Ближайший человек стоял в десяти метрах от желтого креста, ближайшая машина — еще дальше.

— Отсчета не будет, начинай, когда будешь готов. Итак, попробуй оторваться от поверхности. Медленно, осторожно. Не бойся, если поначалу ничего не получится...

Майкл не сомневался, что в «Ланселоте» сможет двигаться так, как никогда прежде. Однако возникли некоторые сложности. Как только его ноги в невесомых, словно шлепанцы, тапочках потеряли контакт с базальтовой площадкой, сильнейший момент боковой силы едва не свалил его. Подобно новичку, обучающемуся езде на велосипеде, Майкл непроизвольно метнулся в противоположную сторону. Его реакция оказалась слишком сильной. Едва оторвавшись от лунной поверхности, мальчик устремился к сетке ограждения, чье предназначение, кажется, теперь стало ему понятно. Послышались приглушенные голоса; собравшиеся вокруг старались сдерживать восторженные эмоции, чтобы не отвлекать юного испытателя.

Один голос, напряженный и подбадривающий, говорил громко, не скрываясь, но Майклу он тоже мешал, и мальчик выключил его из сознания. Он не нуждался в словах одобрения. Только теперь до него дошло, что никто не в состоянии помочь ему советом. Скорее всего никто еще даже *не думал* так, как приходится думать ему сейчас. Майкл, мягко паря над поверхностью, экспериментировал, пытаясь понять причину внезапного бокового импульса, едва не свалившего его с ног в первый момент. Постепенно до него дошло, что это связано с вращением Луны. Сосредоточившись, мальчик смог смутно ощутить великую гармонию движения — одного вращения, накладывающегося на другое, на третье: Луна кружится вокруг своей оси и обращается вокруг Земли, вместе с Землей они вращаются вокруг Солнца, а вся Солнечная система несется с огромной скоростью к какому-то созвездию, которое никогда не сияет на небе его планеты — Альпина.

Громкий голос продолжал монотонно подбадривать Майкла, словно его обладатель надеялся таким образом придать мальчику дополнительные силы. Зависнув в открытом пространстве,

освещенный яркими прожекторами, Майкл медленно развернулся под самой оградительной сеткой. Люди в скафандрах, подняв головы, следили за его движениями затаив дыхание. Все как в том школьном спектакле. Никогда ни до, ни после мальчику не приходилось быть в центре всеобщего внимания. Возможно, вот-вот раздадутся аплодисменты...

Вскинув правую руку в жесте, который он запомнил по спектаклю, Майкл уверенно и непринужденно прикоснулся к упругой сетке, натянутой, как кто-то ему говорил, в трех метрах над площадкой. За его движениями жадно следили объективы видеокамер, так непохожих на работу глаз и человеческого мозга.

«Присоединяйся к нам! Будь...»

Возможно, этот зов исходит вовсе и не от берсеркеров или не только от одних берсеркеров. Будь. Будь чем-то. Чем-то таким, что лучше всего описывается словом «машина»; но в человеческом языке нет этому точного определения.

Нет. Изящными движениями опытного пловца Майкл двигался вдоль верхней стенки гигантской клетки из сетки. В непрерывно говорившем с ним голосе он узнал голос Тупелова, продолжавшего восторженно подбадривать мальчика. Теперь министр отдавал приказы, и Майкл отмечал его слова периферийным сознанием, так, чтобы только уловить общий смысл сказанного. Он послушно облетел клетку по периметру и вернулся в исходную точку.

Как только его ноги снова коснулись желтого креста, к нему стремительно бросились десятки специалистов. Первым рядом с Майклом оказался Фрэнк Маркус, и мальчик облокотился на один из контейнеров, отгораживаясь от толпящихся вокруг людей в скафандрах. Когда первый поток вопросов миновал и ученые мужи, отойдя от Майкла, стали совещаться между собой, Фрэнк заметил:

— Когда я в первый раз примерил эту чертову штуковину, я едва не вылетел через сетку. Как и тот другой парень, единственный, кому удалось хоть что-то. Мы все были более или менее уверены, что то же самое будет и с тобой. Мы решили тебя ни о чем не предупреждать, чтобы ты сам разобрался, что к чему. Судя по всему, мы оказались правы.

— А кто этот другой?

— Один из наших лучших пилотов. Он ударился о сетку и сошел с ума.

— Когда только начинаешь отрываться от поверхности, возникает мощная сила, направленная в сторону.

— Да.

Тележки Майкла неподвижно застыли, и мальчик почувствовал, что пилот очень внимательно слушает его.

Смущенно запнувшись, он умолк, не зная, как начать рассказ о том, что он сделал, противодействуя центробежной силе, как ему удалось стабилизировать полет; Майкл сомневался, что для этого изобретены необходимые слова или даже хотя бы соответствующий язык. И он был потрясен, что Фрэнк, взрослый человек, опытнейший пилот, терпеливо ждет его ответа.

В первый день испытаний в космосе Майкл совершил еще два успешных полета, постепенно усложняя маневры. К тому моменту, когда был объявлен перерыв, он нисколько не устал.

В последующие два дня Майкл с матерью совершили обзорную экскурсию по Лунной Базе в сопровождении младшего лейтенанта Шнайдер. Он занимался резьбой, отдыхал, когда на этом настаивали, хотя не чувствовал себя уставшим. От нечего делать мальчик играл в часовых с детьми сотрудников Базы. Ему сообщили, что разработчики обработали результаты первых полетных испытаний, и в конструкцию «Ланселота» внесены незначительные изменения. Затем Майкл, облаченный в оранжевый спортивный костюм и невидимые нематериальные плащи, снова поднялся в гигантском лифте на поверхность Луны. Рядом с ним опять находился Фрэнк Маркус, переодевшийся на этот раз, как он сказал, в свой боевой полетный костюм — один яйцевидный контейнер.

Выйдя из лифта, Майкл первым делом увидел, что медленно поднимающееся над лунным горизонтом солнце окрасило стенки далеких кратеров серебром. Во-вторых, он обратил внимание на то, что сетки убраны.

Тупелов, улыбаясь под шлемом скафандра, еще раз внимательно осмотрел мальчика и неуклюже отошел в сторону. «Беспомощные калеки в скафандрах!» — мелькнула у Майкла внезапная мысль, и он проникся чувством родственной близости к Фрэнку.

Приземистое металлическое яйцо, лежащее рядом с ним, напоминало стремительно несущуюся к цели пулю, точнее, артиллерийский снаряд крупного калибра. Сияние восходящего солнца становилось все ярче. Обслуживающий персонал облачил Фрэнка в разработанную специально для него модель «Ланселота».

Опытный пилот заговорил, обращаясь к одному Майклу,

отключив радио, пользуясь установившейся между полями их «Ланселотов» связью:

— Малыш, по-моему, эти ребята слишком торопятся.

Майкл мысленной командой отключил свой радиопередатчик.

— Согласен.

— Ты не имеешь ничего против?

— Не знаю. Наверное, нет. Мне до сих пор не сказали, что ждут от нас сегодня.

— А они тебя не очень-то посвящают в свои дела, не так ли? Сегодня тебе предстоит попытаться осуществить простейшие боевые маневры. Я уже один раз принимал участие в подобном испытании. От противоположной стороны кратера запускается мишень-болванка, и нам с тобой предстоит поочередно обнаружить и сбить ее.

— Вот как! Каким оружием?

— Помнишь, что я ответил тебе на вопрос об органах управления?

— Ах да!..

Майкл задумался. Интересно, какое естественное оружие у его тела? Разумеется, в первую очередь это кулаки и ноги, еще можно причинить вред врагу зубами. Нет, этого определенно мало. Ничего, со временем он все узнает.

Его размышления прервали слова Фрэнка. Опытный пилот, который должен был лететь первым, приказал мальчику занять стартовую позицию на уже ставшем привычным желтом кресте. Поступило предупреждение, что мишень готова. За прошедшие дни Майкла познакомили со многими образцами техники, имевшейся на Лунной Базе, и он без труда узнал устройство, которое должно было служить мишенью: мощный подъемник, многократно превосходящий по силе человеческие мышцы, но значительно уступающий по скорости передвижения другим транспортным средствам. Подъемник приводил в действие небольшой двигатель, подобный тем, что уже несколько столетий применялись в космических аппаратах для преодоления гравитационных полей, — этот двигатель действовал за счет искривления силы тяжести и выделения из нее вектора, направленного в нужную сторону.

Вспышка красного прожектора и радиосигнал: предупреждение о том, что мишень будет вот-вот запущена. Полуавтоматический подъемник пробежал несколько шагов, уверенно ступая шестью неуклюжими на вид, но очень прочными ногами.

Затем, вытянувшись во весь рост, мишень, прижав конечности к короткому толстому корпусу, размером чуть больше человеческого тела, взмыла над площадкой и полетела к дальней стене кратера со скоростью, значительно превышающей скорость самого быстрого бегуна.

Прозвучал сигнал, и тупоконечный снаряд, вмещающий Фрэнка, тотчас же пустился в погоню. При взлете его «Ланселот» сильно бросило в сторону, и люди на площадке испуганно попятились. Но Фрэнк быстро проконтролировал свое движение и, ускоряясь, понесся вслед за мишенью. В свете прожекторов, следящих за полетом необычного аппарата, развевающаяся за «Ланселотом» прозрачная паутина казалась на фоне черного неба выхлопом из сопла ракеты.

Мишень старалась неуклюже ускользнуть от Фрэнка, но он неумолимо приближался к ней с оглушительным ревом. Подъемник попытался увеличить скорость, но и это не помогло. Казалось, столкновение со стеной кратера неизбежно, и зрители, столпившиеся в опасной зоне, бросились врассыпную. Но Фрэнк в самый последний момент настиг свою жертву. Его короткие металлические руки словно удлинились: нематериальные когти «Ланселота» схватили добычу. Невидимая паутина полей ярко вспыхнула, похожая на оперение опускающейся на землю гигантской птицы. Попавшая в цепкую хватку мишень сразу же прекратила сопротивление и выключилась. Обремененный тяжелой добычей, Фрэнк медленно вернулся назад.

— Ну как, Майкл, понятно?

Очнувшись, мальчик понял, что к нему обращается Тупелов.

— Думаю, да.

— Но сначала еще один перехват осуществит Маркус, если только он не... Полковник, вы как?..

— Готов.

Майкл уловил в их голосах взаимную неприязнь, к тому же голос Фрэнка звучал измученным, точно на него давил «Ланселот».

Несколько минут было отведено на отдых Фрэнку и подготовку мишени. Майкл возбужденно переминался с ноги на ногу, готовый сорваться с места. Ну почему ему не позволяют попробовать самому?

Наконец мишень снова поднялась вверх, и Фрэнк бросился в погоню. На этот раз взлет прошел более успешно.

Теперь мишень была запрограммирована на ведение оборо-

нительных действий, и хотя до того места, где Фрэнк настиг цель, события развивались в точности так же, как и прежде, продолжение было совершенно иным. Яростная схватка приковала к себе взгляды людей и объективы видеокамер. Майкл поймал себя на том, что непроизвольно взмыл вверх, поднявшись метра на три над площадкой, чтобы стена спин не мешала видеть происходящее.

Залитые ярким светом десятка прожекторов соперники рухнули вниз, подняв облако мгновенно осевшей пыли. Мишени, отчаянно пытавшейся вырваться, были разрешены исключительно оборонительные действия, у Фрэнка же были развязаны руки. Опытный пилот растянул поля «Ланселота», образовав что-то вроде плоской лапы гигантских размеров. Эта лапа со всей силы обрушилась на мощный подъемник, швырнув его на скалы. Во все стороны полетели пыль и осколки камней, но мишень тотчас же подскочила вверх, снова пытаясь бежать.

Вытянув у «Ланселота» серые, тонкие на вид щупальца, Фрэнк сцепился со своей жертвой врукопашную. Противники, опустившись на лунную поверхность, закружились в величественном танце, вздымая облака пыли, разлетавшейся по правильным параболам в безвоздушном пространстве с маленькой силой тяжести. Фрэнк, словно профессиональный борец, стиснул силовыми полями бездушную машину, прижимая ее к себе. Где-то в глубине сознания Майкла продолжали мелькать цифры электронного секундомера: прошло пятнадцать секунд с момента старта Фрэнка, двадцать секунд...

Еще три секунды — и Фрэнк, невзирая на отчаянно отбивавшегося всеми шестью конечностями погрузчика, захватил его так, как хотел. Еще секунда — и он нанес последний сокрушительный удар.

В электронной нервной системе мишени что-то щелкнуло, и на этот раз погрузчик уже не поднялся с усеянной камнями поверхности. Фрэнк, по-видимому, слегка повредивший механизм «Ланселота», прихрамывая, полетел к стартовой площадке, неся под своим сверкающим пулеобразным телом в огромных просвечивающих когтях безжизненную добычу.

Как только Фрэнк прилунился, его окружили люди и вспомогательные механизмы. Срочно был накачан воздухом временный купол. С пулеобразного контейнера сняли крышку. Майкл, уже успевший опуститься на площадку, протиснулся сквозь облаченные в скафандры фигуры и успел увидеть внутри контейнера живую человеческую плоть: узкую полоску заросшей бородой кожи лица, белой как полотно в свете прожекторов, покрывающую череп из титана.

Что-то — интересно, можно ли говорить о выражении этого почти целиком металлического лица? — заставило Майкла обернуться. В последних рядах обступивших Фрэнка людей стояла женщина, одетая так же, как все. Мальчик вспомнил, что за время пребывания на Лунной Базе уже несколько раз встречал эту женщину в разных местах, не обращая на нее внимания. Женщина была молодой, очень смуглой, а ее полные губы, казалось, были сердито надуты. Только она ни на кого не дулась. Она просто стояла в толпе и смотрела на Фрэнка, но ее пристальный внимательный взгляд отличался от взглядов других людей.

Кто-то обратился к Майклу с вопросом, и мальчик забыл о женщине. Обслуживающий персонал быстро осмотрел Фрэнка, и скоро опытный пилот снова подкатил к Майклу.

— Тебе объяснили твое задание? — спросил он, отключив рацию.

— Насколько я понял, мне сейчас предстоит попытаться несколько раз догнать мишень.

— Точно. А потом у нас с тобой будет небольшой спарринг.

— Спарринг?

— Воображаемый бой. Ну, не совсем воображаемый. Тебе когда-нибудь доводилось видеть тренировку боксеров? Когда они сражаются большими мягкими перчатками? Так вот, у нас будет приблизительно то же самое. Не трусь, никто не хочет покалечить тебя — поверь мне.

Сама мысль сразиться с Фрэнком показалась Майклу абсурдной. Впрочем, бесспорно, что им дорожат как зеницей ока, и, следовательно, предстоящая схватка не таит в себе никакой угрозы. Подобные рассуждения несколько успокоили мальчика.

Бой. Майкл несколько раз дрался в школе с одноклассниками. Как-то раз один отъявленный хулиган разбил ему в кровь губу... Но все это, разумеется, было очень давно. Задолго до «Ланселота». Теперь Майклу казалось, все это было с кем-то другим...

— Майкл, ты готов? Посмотрим, сможешь ли ты догнать мишень.

Майкл занял стартовую позицию. Он мысленно подал себе команду сосредоточиться на погоне и почувствовал, что его ноги едва касаются площадки. Механики подготовили новый подъемник, и по команде он, оторвавшись от лунной поверхности, полетел к дальней стене кратера. Майкл, очнувшись от раз-

мышлений, полностью занялся выполнением задания. Усилием воли направив себя вслед за мишенью, он увидел, как желтый крест тает вдали. Вытянув руки, Майкл подался вперед, думая о полете. Впереди виднелась быстро удаляющаяся мишень, за которой следовали лучи прожекторов.

Все мысли только о полете, погоне, перехвате. И вот уже яркое пятно света, сфокусированное на мишени, становится все ближе и ближе. Все мысли о полете, скорости, нападении... это не имело ничего общего с игрой воображения. Можно сидеть на стуле и представлять себе, как вскакиваешь с него, бежишь вперед... но при этом оставаться на месте.

Майкл смутно ощущал, что его команды «Ланселоту» еще очень путаные и сумбурные, он только начинает находить пути взаимодействия со сложным аппаратом. И все же связь между ними уже установлена. Настроив органы зрения, Майкл увидел приближающуюся мишень в широком спектре излучения, значительно превосходящем то, что видит глаз. С расстояния в несколько сот метров он мог сосчитать царапинки на поверхности подъемника и определить глубину каждой.

Со времени его старта прошло всего пять секунд. Еще несколько секунд — и Майкл настиг стремительно несущуюся мишень. Без труда оценив ее скорость, он напал на нее сверху, вытянув руки. Разумеется, его худенькие детские руки были слишком коротки, чтобы обхватить металлическое тело, но «Ланселот», повинуясь воле Майкла, протянул на три метра конечности-поля. Сомкнув свои руки, мальчик ощутил в них тяжесть схваченной добычи. Стиснутый прозрачными щупальцами «Ланселота», подъемник тотчас же отключился и прекратил сопротивление, повиснув безжизненным грузом. «Ланселот» легко подхватил тяжелую ношу, при этом траектория полета Майкла не отклонилась ни на сантиметр от намеченной.

Небольшая толпа собравшихся восторженными криками приветствовала мальчика, совершившего над площадкой большой круг с добычей в руках. Майкл осторожно опустил мертвую мишень к ногам Тупелова ровно через семнадцать секунд после того, как та была запущена. Он не помнил, какое время показал Фрэнк в первый раз, когда охотился за беззащитной жертвой.

Снова наступила короткая передышка. Специалисты оценивали результаты перехвата, засыпая Майкла бесчисленными вопросами.

— Майкл, — наконец заявил сияющий Тупелов, — сейчас

полковник Маркус полетит с максимальной скоростью, совершая обманные маневры. Как полагаете, вы сможете его догнать?

— Смогу, — не задумываясь, сказал Майкл и тотчас же поймал себя на мысли, что его ответ получился весьма самоуверенным. Впредь надо постараться не смущать окружающих резкими высказываниями. Чем дальше идут испытания, тем более неуютно чувствуют себя инженеры и ученые.

Через несколько секунд они с Фрэнком заняли исходные позиции. Точно по сигналу бывалый пилот поднялся вверх, на этот раз гораздо ровнее, чем прежде. Но когда таймер Майкла обнулился, мальчишка задержался, подчиняясь внезапному искушению сделать более захватывающим то, что обещало быть обыкновенной погоней. Наконец он, представив себя выпущенной из лука стрелой, тоже оторвался от лунной поверхности.

Снова под ним замелькали плавные волны лунного ландшафта. Чувствуя, что Майкл его догоняет, Фрэнк метнулся в сторону, пытаясь ускользнуть от него. Впереди серебряным пламенем нового дня сверкнул неровный зубчатый склон кратера. Майкл повторил маневр Фрэнка. Тот снова вильнул, пытаясь спастись, но тщетно. Как только пулеобразное тело оказалось прямо под Майклом, он обхватил его удлинившими руки полями.

Фрэнк, заворчав, искренне поздравил мальчика с успехом. Радиоэфир снова наполнился восторженными криками. Пилоты вместе полетели назад, и Майклу пришлось сбавить скорость, чтобы не обгонять уставшего полковника. Затем, сохранив кинетическую энергию полета в аккумуляторах «Ланселота», мальчик плавно опустился на гладкий базальт.

К нему тотчас же заспешил сияющий от радости министр.

— Отлично, Майкл! Просто великолепно! Как вы думаете, вы можете лететь еще быстрее? Но только помните о том, что ни в коем случае нельзя перелетать через стену кратера. Не хотелось бы, чтобы вы появились на экране радаров, а то главный компьютер, отвечающий за оборону Базы, хватит электронный удар.

— Думаю, что смогу. Да, смогу.

На этот раз ответ получился более скромным и обдуманным. Так лучше. К тому же возможности «Ланселота» все же имеют свой предел, ему неизвестный. Майкл пока не мог его даже смутно представить, не говоря о том, чтобы точно определить.

— Полковник Маркус? — повернулся к Фрэнку Тупелов.

— Я едва не окочурился, — ответил по радио металлический контейнер.

— Еще один спарринг выдержите? Или...

— Да, давайте продолжим. Если что, я дам вам знать.

— Ну хорошо, снова перехват. На этот раз целью будет Майкл.

— Черт побери, вы что, думаете, я смогу его догнать? Вы ошибаетесь.

Десять секунд напряженного молчания.

— Хорошо, полковник. Перехват снова выполняет Майкл. Майкл, вы не возражаете?

— Нет.

— Маркус, вы будете защищаться. Осторожно.

— Слушаюсь, сэр. — Голос Фрэнка изменился, он снова отключил радио. — Малыш, ты слышал? Когда ты меня догонишь, мы с тобой сразимся. Попробуй свалить меня на поверхность. А я буду сопротивляться.

— Ясно.

— Не жалей сил. Тупелов просил действовать осторожно, но если мы хотим хоть что-то проверить с помощью опытов, нам нужно действовать серьезнее. Конечно, встряска неизбежна, но можешь не беспокоиться, большого вреда друг другу мы не причиним, так как надежно защищены внутри этих штуковин.

Внутри? Каких штуковин? Майклу потребовалось какое-то время, чтобы вспомнить про «Ланселот».

Снова на стартовые позиции. Фрэнк, очевидно, использовав внутренний резерв сил, сейчас оторвался от Луны еще быстрее. Майкл вылетел точно по сигналу таймера, и на то, чтобы догнать опытного пилота, ему потребовалось ничуть не больше времени, чем в первый раз. Однако в самое последнее мгновение, когда мальчик уже, казалось, настиг Фрэнка, тот неожиданно резко переменил направление полета, ускользая от смыкающихся когтями полей «Ланселота», — и тотчас же снова метнулся в сторону.

Впервые с момента первого полета Майкл частично потерял контроль над своим «Ланселотом». Заложив крутой вираж, он попытался схватить металлический снаряд, но наткнулся на противодействие силовых полей «Ланселота» соперника. Неожиданно Фрэнк нанес ответный удар, отбив стиснувшие его когти.

Потеряв равновесие — не столько от столкновения, сколько просто от неожиданности, — Майкл беспомощно закружился на месте, отчаянно пытаясь удержать противника одной рукой.

Он смутно почувствовал, как заработали, набирая силу, оба термоядерных ускорителя, подчиняясь упрямой воле пилотов.

«...неужели со мной справится этот маленький...»

«...ну хорошо, если ты действительно хочешь играть ПО-КРУПНОМУ...»

Сцепившиеся бойцы кружились в небе. Майкл успел обратить внимание, как вокруг с бешеной скоростью несется лунный пейзаж. Силовые поля зацепляли поверхность, поднимая тучи щебня и пыли. Майкл не испытывал страха; его полностью поглощало другое: сотни новых, доселе незнакомых чувств, таинственные двери, распахивающиеся перед ним, захватывающий восторг открытия неведомого.

Какой-то частью своего — и в то же время принадлежащего «Ланселоту» — сознания Майкл замедлил течение времени, убыстрив собственные реакции, так, что смог точно выхватывать отдельную миллисекунду из бесконечного частокола бешено несущегося мимо настоящего. И все же могучая лапа Фрэнка, та, которой он сшиб мишень, увеличившись до огромных размеров, замахнулась на Майкла, прежде чем тот успел что-либо понять. Опытный пилот воспользовался какими-то скрытыми запасами силы и своей почти чудодейственной способностью мгновенно принимать решения. Именно это, подумал Майкл, и выделяло его среди всех прочих людей, садившихся за штурвал космических кораблей, именно это и позволило ему оставаться в живых, сталкиваясь с бесчисленными берсеркерами. Что-то дополнительное, проявляющееся в самый последний момент, приходящее на помощь тогда, когда конец, казалось, неминуем...

Но прежде чем Майкл успел закончить свои размышления, учебный поединок закончился.

— ...Маркус...

— ...позовите кого-нибудь...

— ...туда...

— ...помощь...

— ...мальчишку сюда...

— ...сбил...

Беспомощно хлопая подбитыми крыльями силовых полей, «Ланселот» Фрэнка устремился вниз. Едва не рухнув в маленький кратер, он в самый последний момент выровнял полет и, посылая альфа-излучение бессвязных мыслей, с трудом потащился к стартовой площадке, где толпились облаченные в белое фигурки. И все же слабому лунному притяжению удалось свалить Фрэнка, и он, подняв облако пыли, упал на поверхность. Рваные паутинки его полей застыли.

Зависнув в метре над Луной в том месте, где завершился по-

единок, победитель проводил побежденного противника взглядом. Еще не осознав до конца, что схватка окончена, он чувствовал это ослабевшими мышцами правого плеча.

Пытаясь понять, что же произошло, Майкл начал медленно подниматься вверх. К Фрэнку он не полетел, по обрывочному альфа-излучению оглушенного, но функционирующего мозга поняв, что тот жив. К маленькому симбиозу силовых полей и металла, рухнувшему на лунную поверхность, со всех сторон спешили люди и машины. Однако он, Майкл, едва ли чем-либо мог помочь своему другу.

Отдаленная полукруглая горная гряда, которой коснулись солнечные лучи, превратилась из серебристой в золотую. Майкл поднялся еще выше.

— Майкл! — Прозвучавший по радио голос Тупелова был наполнен тревогой. — Майкл, опускайтесь вниз!

Министр мальчику не нравился; несмотря на его вежливость, Тупелов почему-то сразу пришелся Майклу не по душе. В настоящий момент можно было не отвечать ему. С Фрэнком скорее всего ничего серьезного не случилось, и все же испытания придется отложить — возможно, дня на три. А Майкл, прежде чем расстаться с «Ланселотом», горел желанием кое-что проверить.

— Малыш, как ты? — Это был Фрэнк, начинающий приходить в себя, обратившийся к нему по субречевому каналу. — Малыш, эта штуковина покруче, чем мы с тобой предполагали.

— Я уже понял, Фрэнк. — Майкл не потрудился отключить рацию. — И все же я начинаю кое в чем разбираться.

— Майкл, спускайтесь вниз!

«В этот раз не жалей сил... я тебя не трону...»

Фрэнк умолк. Врачи и их помощники-роботы, вскрыв помятый контейнер, ввели пилоту какие-то препараты, и он потерял сознание.

Майкл поднимался все выше, стремясь к вершинам холмов, залитых солнечным светом, над которыми виднелся полный диск Земли.

— Майкл! — В голосе Тупелова сквозила паника. — Немедленно спускайтесь вниз! Вы входите в опасную зону, вас засекут радары системы защиты...

Майклу это было уже известно. Он без труда чувствовал гигантские сети электронных нервов, натянутые совсем рядом. Радары до сих пор еще не могли засечь его, но уже смутно ощущали чье-то присутствие. Бездарные божества, гениальные творения металла и энергии.

Майкл буквально чувствовал, как ему кричат: «Эй, малыш в невидимом костюме, ты летаешь быстро? Ты силен? Готов ли ты поиграть против берсеркеров, как это делаем мы? Мы доверим тебе ответственное поручение. Доверим... доверим... доверим... доверим...»

Нет, он не готов, он еще не готов. Отвернувшись от Земли, Майкл опустился сантиметров на десять ниже. Тотчас же силовые поля, защищающие его глаза, стали золотисто-матовыми. Однако, мысленно заставив их снова стать прозрачными, он увидел ослепительный золотой шар Солнца. Его корона медленно вздымалась и опускалась, диск был испещрен щербинками и язвами. Ему в лицо повеяло солнечным ветром, бесконечно слабым, но все же при желании Майкл мог его ощутить.

«Великая неизведанная Вселенная, которую кто-то — например, я — может когда-нибудь начать постигать. Или эти мысли порождены моим до сих пор еще бесконечным незнанием?»

— Майкл? — Голос был по-прежнему полон беспокойства, но теперь к нему примешивался и трезвый расчет.

Не надо заставлять Тупелова от переживаний покрываться испариной. Необязательно спешить, чтобы выполнить предначертанное судьбой. Сначала необходимо учиться и учиться. Постигать границы открывающихся возможностей. А потом?

— Спускаюсь, — ответил Майкл, послушно направляясь вниз.

Глава 5

Ломбок отыскал Элли Темешвар в огромном древнем городе на старушке Земле. Здесь пьянящий свежий воздух, насыщенный терпкими запахами живой почвы, какой-то особенный, нисколько не похожий на атмосферу всех тех миров, где довелось бывать Ломбоку. Казалось, именно такой воздух лучше всего подходит человеку. Темешвар жила в самой старой части города, бывшей наполовину памятником архитектуры и еще на четверть — местом археологических раскопок. Среди прочих зданий, находящихся в частном владении, выделялось величественное сооружение, в котором Ломбок сразу узнал Храм Последнего Спасителя. Из гранитных блоков стен местами торчали куски изъеденной временем стальной арматуры. Общий

стиль Храма напоминал раннюю готику. Сразу же за широкой дверью, в которую прошел Ломбок, висело яркое электронное табло, сообщающее посетителю различные версии относительно времени сооружения и предназначения постройки — похоже, это здание с самого начала являлось культовым местом какой-то древней религии.

Увидев, что Ломбок остановился в нерешительности под мрачным сводом ворот, к нему приблизился старик с пустым взглядом, облаченный в серую рясу. Ломбок назвал ему имя женщины, которую искал, и старик удалился, шаркая ногами. Ломбок в ожидании успел прочесть почти все табло.

Через пару минут из-за тускло сияющего, современного на вид занавеса появилась молодая светловолосая женщина крепкого телосложения, укутанная до глаз в очень идущее ей серое.

— У вас есть ко мне какие-то вопросы?

Ее голос был по-деловому будничным. Похоже, женщину нисколько не удивило, что с ней желает говорить какой-то незнакомец.

— Если вы Элли Темешвар, я действительно хочу вас спросить кое о чем. Точнее, я хочу поговорить о вас.

Серые глаза спокойно взглянули на него сквозь щель в покрывале.

— Не вижу причин, почему бы мне вам не ответить. Пройдемте, там нам никто не помешает.

Ломбок проследовал за женщиной мимо внушительной колоннады, окружающей внутреннее пространство Храма, погруженное в сонный полумрак. Свет пасмурного земного дня просачивался через узкие витражи вверху. Где-то за углом смешанный хор заунывно тянул какую-то песню на незнакомом Ломбоку языке. Ломбок не успел хорошенько разузнать об этом Храме, но он не хотел оттягивать встречу с Элли. Храма Последнего Спасителя не было в составленном Службой безопасности тайном списке организаций, подозреваемых в сотрудничестве с доброжилами, — что, разумеется, ровным счетом ничего не доказывало.

Элли провела Ломбока через огромный неф, в котором терялись крошечные фигурки в серых рясах, погруженные в созерцательное раздумье. В дальнем конце нефа возвышался сильно нуждающийся в реставрации массивный алтарь. Далее шли колонны, и вокруг — царящие повсюду сумерки. Ломбоку не удалось что-либо там рассмотреть. Наконец Элли привела его в тихий уголок, где вдоль украшенных древней резьбой каменных

стен стояли стулья — первые, которые Ломбок увидел с тех пор, как вошел в Храм. Все стулья были старыми; одни, несомненно, когда-то давно вышли из рук настоящего мастера-краснодеревщика, другие были простыми дешевыми поделками.

Усаживаясь, провожатая Ломбока открыла лицо, избавив его от необходимости искать вежливый предлог, чтобы попросить ее сделать это. Элли почти не изменилась по сравнению с фотографиями, виденными Ломбоком.

— Итак, какие у вас ко мне вопросы, мистер?..

— Ломбок. Я из Министерства обороны.

Он собрался было достать удостоверение, но Элли махнула рукой.

— Я вам верю. К тому же это все равно не имеет никакого значения.

«Вот как? — молча удивился Ломбок. — Даже если я начну расспрашивать о каких-либо секретах?» Разумеется, все закрытые сведения, с которыми эта женщина сталкивалась по долгу службы, давно устарели. Почти все.

Но вслух он сказал:

— Я провожу психологическое обследование вышедших в отставку ветеранов. Помните, в прошлом году вы заполняли опросный лист? Мы изучаем ближе некоторых случайно выбранных респондентов.

— Случайно выбранных?.. — Кажется, эти слова ее развеселили. — Почему-то случаю всегда угодно указывать на меня.

Услышав это, Ломбок едва удержался от пристального взгляда на Элли. На самом деле эта случайность тесно связана с некоторыми строжайшими секретами, до сих пор не раскрытыми руководством Лунной Базы.

Ломбок сверился с довольно убедительной на вид анкетой.

— Так, дайте-ка взглянуть, ваша отставка была совершенно добровольной, не так ли? Никто не оказывал на вас давление?

— Насколько помнится, на меня оказывали давление, пытаясь убедить переменить свое решение и остаться на военной службе. Я была на хорошем счету.

— Да, конечно. — Ломбок немного помолчал. — А теперь, когда все в прошлом, вы не могли бы сказать, какова была истинная причина вашей отставки?

— Та же самая, которую я указала своему начальству. Я начала понимать, что все, чем занимаюсь по долгу службы, не имеет никакого значения.

Ломбок дал ей возможность развить эту мысль. Поняв, что Элли не собирается продолжать, он медленно повторил ее слова:

— Не имеет... никакого... значения.

— А разве у вас нет диктофона? Странно. У большинства людей он есть.

У большинства людей? Интересно, сколько интервью она дала и кому?

— Если вы ничего не имеете против...

— Абсолютно ничего.

Ломбок сделал вид, что включает маленький диктофон, записывавший разговор с самого начала.

— Итак, вы можете пояснить, что имели в виду, сказав, будто ваша служба в космических силах не имела никакого значения?

— А так — не имела. Ни военная служба, ни исследование космического пространства. Я начала понимать это после последнего задания. Не сразу, постепенно.

— Защита жизни в галактике от берсеркеров не имеет никакого значения?

— Я догадывалась, что вы поставите вопрос таким образом. Что ж, по большому счету — нет, не имеет. О, не беспокойтесь, Храм — не сборище доброжилов. Если бы в настоящий момент на Землю напали берсеркеры, полагаю, я бы вернулась на военную службу. Да, уверена, обязательно бы вернулась. Это естественная человеческая реакция — защитить близких, себя, в конце концов. Хотя я и понимаю, что в конечном счете это не имеет никакого значения.

Ломбок молчал, пытаясь осмыслить услышанное.

— Вы просто пришли к выводу, что дальнейшие разведывательные полеты бессмысленны, — наконец сказал он.

Элли была рада тому, что ее собеседник старается понять смысл ее слов.

— Что-то в этом роде, — подтвердила она.

— Не хотите рассказать о последнем задании?

Элли уселась поудобнее, закинув ногу на ногу.

— Если у вас есть время.

— Для вас обязательно найдется, — сделал щедрый жест рукой Ломбок. — Расскажите, куда вы летали, что видели, что делали. Как вы ладили с полковником Маркусом?

— Вот как, он еще полковник? Почему-то мне казалось, он должен иметь более высокое звание. Если, конечно, еще жив.

Последние слова были произнесены как-то отчужденно, но без злобы.

— Уверен, вы уже неоднократно рассказывали про последнее задание, — сказал Ломбок.

— Да, и мой рассказ записан. Вы можете его просмотреть. Впрочем, наверняка вы его уже изучили. Признаюсь, вы разбудили во мне любопытство. Почему по прошествии одиннадцати лет ко мне снова приходят и просят рассказать о том полете?

Ломбок не знал, стоит ли и дальше притворяться, что на Элли пал случайный выбор.

— Вам выпало на долю такое, что не доводилось пережить никому из людей. Не так ли? И мне просто хотелось бы лично услышать ваш рассказ. Вы ничего не имеете против?

— Против? Нет. — Однако проницательная Элли заново оценила своего собеседника. Достав смокеры, она предложила Ломбоку, тот отказался, и она неторопливо раскурила свой.

— Кто ваш непосредственный начальник?

— Тупелов.

Неторопливо обсосав это известие, она небрежно махнула рукой:

— Ладно. Итак, главное в последнем задании было, конечно же, то, что неподалеку от Ядра мы наткнулись на нечто такое, чего никогда не видели, о чем не слышали и даже не догадывались. До нас это видели и фотографировали лишь однажды. Но на «КОРСЕКЕ» хранились данные о стольких странностях, что никто не удосужился просветить нас. Так или иначе, когда мы вернулись на базу... тому, что мы обнаружили, дали название «Тадж» в честь мавзолея Тадж-Махал здесь, на Земле. Чего-то большого и величественного, окруженного тайной. Это стало официальным кодовым названием. Как он зовется сейчас, я не знаю.

— Что вы подумали о Тадже, когда впервые его увидели?

— Сначала это просто была надежда. Место, где можно спрятаться. Вы должны понять, что наш корабль в течение двадцати стандартных часов подвергался атакам гигантского берсеркера, гораздо мощнее нас. Никто, кроме Фрэнка Маркуса, не смог бы... и все равно, к тому моменту, как мы впервые увидели Тадж, я уже находилась на грани нервного срыва. Теперь я это хорошо понимаю. Должно быть, вам известно, что, как только мы вернулись на базу «КОРСЕК», я была ненадолго госпитализирована.

Ломбоку это было известно. Жестом изобразив сочувствие,

он показал Элли, что она полностью владеет его вниманием. Молодая женщина, задумчиво взглянув на смокер, отложила его.

— Минутку назад я сказала, что случаю угодно указывать на меня. Знаете, что во время этого задания с нами постоянно происходили необъяснимые вещи?

— Какие, например?

— Боюсь, сейчас я даже не смогу их все перечислить. До того, как на нас набросился берсеркер, мы обнаружили в открытом космосе аминокислоты — такие, которые никогда прежде не встречались за пределами атмосферы. Самые разнообразные органические соединения — и в огромных количествах.

— Простите, но я до сих пор не знаю, какова была основная цель вашего полета?

— Сбор общих разведывательных данных. Разумеется, берсеркеров мы не искали — у нас был маленький двухместный корабль.

Молодая женщина умолкла, погрузившись в какие-то личные воспоминания.

— Вы говорили мне о разнообразных органических соединениях.

— Да. Мы были удивлены. Вам известно, что в этом расположенном рядом с Ядром секторе планет очень мало.

— «КОРСЕК». Мне кое-что известно об этом секторе, и все же, не могли бы вы рассказать поподробнее?

— Плотность звезд выше среднего — больше тридцати на кубический парсек. Вещество, из которого состоит туманность, очень тяжелое и имеет сложный состав. Запутанный лабиринт проходов и горловин: космическому кораблю легко попасть в ловушку. Что не раз и происходило. Именно поэтому послали Фрэнка.

— И вас.

— Да, полагаю, я тоже была на хорошем счету. Мы увидели капли нефти. Представляете, местами у них было такое плотное скопление, что нефть можно было поджечь. В тех областях, где присутствует свободный кислород, — в защищенных от сильного звездного света, — вдоль участка средней компрессии можно зажечь струю пламени длиной в миллиард километров.

Снова наступила тишина. У Ломбока возникло ощущение, что Элли, начиная говорить, собиралась сказать нечто важное, но сейчас она всеми силами уходила от темы. Несомненно, потому, что теперь это не имело для нее никакого значения.

Он решил направить разговор в нужное русло.

— Во время того полета вы забеременели.

— Да. Не знала, что вам об этом известно. Естественно, я принимала противозачаточные средства. Если бы я хотела иметь ребенка — согласитесь, время и место для этого далеко не лучшие.

— Согласен.

— Но почему-то противозачаточное средство не помогло. В том полете происходило много странного...

Похоже, разговор относился к тем вещам, которые не имеют никакого значения. Не желая излишне заострять внимание на беременности, Ломбок спросил:

— Расскажите, как вам удалось спастись от берсеркера.

Элли смотрела куда-то вдаль, мимо Ломбока. Она начала говорить, и постепенно к ней вернулась напряженность. Непривычно сильные для женщины руки затеребили край рясы.

— Он гнался за нами по пятам — то есть был совсем близко, всего в нескольких километрах, не больше. Полагаю, он к этому времени уже решил, что без труда разделается с нами, и хотел захватить нас живьем. Войдя в Тадж, мы испытали... внезапное потрясение, шок — вряд ли я смогу объяснить точнее. Фрэнк отключился, я же все это время оставалась в сознании — по крайней мере, когда мы вернулись на базу, меня исследовали, усыпив гипнозом, и не смогли найти провалов в памяти.

— И что вы видели, чувствовали, ощущали, находясь там? — Ответа не последовало, и Ломбок добавил: — Как долго продолжалось это... погружение?

Мимолетный взгляд, брошенный на него Элли, был наполнен сожалением.

— Как долго? Часы в отсеке Фрэнка успели отсчитать за время этого, как вы сказали, погружения около четырех часов. А мои часы тем временем ушли вперед на одиннадцать лет.

Ломбок уже видел эти цифры. Он неуверенно кашлянул:

— Вряд ли этот эффект можно объяснить с помощью теории относительности.

— Согласна. — Элли грустно улыбнулась. — Иначе я вышла бы из Таджа со взрослым ребенком.

— Итак, какое-то странное поле или еще что-то повлияло на работу часов. У вас были обычные часы, сделанные на основе цезия-133?

— Да. Следовательно, атомы цезия-133 меняли свое энерге-

тическое состояние в двух отсеках совершенно по-разному. Если бы вы были ученым, вас бы это очень озадачило.

— О, я удивлен. Однако все это мне уже известно. Повлияло ли случившееся на вашу беременность? Дальнейшее развитие зародыша было нормальным?

— Сказать по правде, я не знаю. Об этом с готовностью позаботились другие. Надеюсь, эти люди справились с задачей лучше меня. Мне хватило того, что стало с моей головой. На Альпине, первой планете, где у нас была остановка, я избавилась от развивающегося плода. Знаете, я впервые говорю обо всем этом... Насколько мне помнится, центр усыновления произвел на меня очень приятное впечатление. Вежливость, доброжелательность, самое современное оборудование... Так что сейчас по Альпину бегает одиннадцатилетний ребенок, не догадывающийся о своем странном происхождении.

Выражение лица Элли смягчилось, став почти улыбающимся.

Откинувшись на спинку стула, Ломбок потянулся, оглядываясь вокруг, на сумрачные чрева древних сводов.

— Кто такой Последний Спаситель? Вас не обидел мой вопрос?

— Нисколько. Мы узнаем Его, когда Оно придет.

— Оно?

— Услышав такие слова, все начинают думать, что мы поклоняемся берсеркерам. Но это совершенно не так. Спаситель находится — будет находиться — вне деления на живое и неживое.

— Он отождествляется со всемогуществом? С Творцом?

— Не понимаю смысл ваших вопросов.

Ломбок пропустил ее слова мимо ушей.

— Вы рассказывали мне о своих впечатлениях внутри Таджа.

— Да. — Внезапно заметив, что ее руки мнут край рясы, Элли, сделав над собой усилие, отняла их. — Боюсь, словами я мало что смогу описать. Я пыталась делать магнитофонные записи, фотографировать. Возвратившись на базу, я обнаружила, что почти ничего не получилось.

— Знаю. Если бы вы не привезли с собой те два предмета, возможно, в ваш рассказ никто бы не поверил.

В ее глазах сверкнули веселые искорки.

— Я не собиралась заводить разговор об этих доказательствах. Из соображений безопасности.

— Я думал, соображения безопасности не имеют для вас никакого значения.

— Однако они имеют значение для вас. Теперь я уверена, что вы действительно из Министерства обороны. Скажите, к Таджу снаряжали новые экспедиции? Ведь прошло уже столько времени, наверняка к нему посылали людей. Интересно было бы узнать, что они обнаружили.

«И мне тоже», — мрачно подумал Ломбок. Ни одна из двух экспедиций до сих пор не вернулась. Пока, конечно, из этого еще не следует, что с ними случилось что-то серьезное, но через стандартный год уже появятся причины для беспокойства.

Но вслух он сказал:

— Ничем не могу вам помочь. Я не связан с отделом исследований.

Элли снова устремила взор поверх его плеча:

— Вы хотите узнать, на что это было похоже. Ну хорошо. Например, в один момент мне казалось, будто... будто наш корабль вывернут наизнанку и сжат до размеров большого мяча, каким играют на пляже дети. Он по-прежнему оставался сферическим, но размеры его можно было сравнить с человеческим телом. А мне удавалось каким-то образом удерживаться на этой штуковине — я словно сидела в дамском седле. Мое тело... не могу сказать, оставалось ли оно внутри или оказалось снаружи. Уверена, все это мне не пригрезилось. Моя голова, выросшая до огромных размеров, торчала, ничем не защищенная.

— Разве вы были не в скафандре?

— Да, я надела его, как только все началось. Но потом каким-то образом я оказалась вне скафандра.

— Полковник Маркус все это время был без сознания?

— Да. Тогда он еще был командором Маркусом. Я не могла связаться с ним по внутренней связи — впрочем, вся электроника корабля превратилась в запутанный моток провода. Я огляделась вокруг... этого огромного мяча, но не нашла ничего похожего на начинку нашего истребителя.

— А что было снаружи корабля? На некотором расстоянии от него?

Последовала долгая пауза. Элли словно решала в уме сложную математическую задачу.

— Порядок, — наконец ответила она. — И в то же время беспорядок. Впрочем, быть может, то, что казалось мне беспорядком, что я ощущала как хаос, на самом деле было порядком,

закономерностью, но только высшего уровня, который я не могла постичь.

— Не могли бы вы рассказать мне что-либо поконкретнее?

— Могу. Но вряд ли это поможет вам понять суть моих ощущений. — Порывисто вздохнув, Элли продолжала: — Во сне сначала возникает какая-то мысль, а затем мозг вырабатывает соответствующий образ. Это определенно был не сон. Однако, по-моему, происходило в точности то же самое. Сначала я почувствовала порядок и лишь затем увидела окружающие корабль гигантские структуры. Каким-то образом мне удавалось зрительно оценивать размеры, расстояния. Мы словно находились внутри чего-то, похожего на купол астрономической обсерватории, однако больше, чем звезда.

Я ощущала беспорядок — или кажущийся беспорядок, происходившее вокруг казалось мне совершенно бессмысленным. Вдруг я увидела туман, похожий скорее на облако водяной пыли, а не на межзвездную туманность, настолько плотный, что я могла разглядеть частицы, проносящиеся мимо корабля. И еще были звуки: я даже не могу вспомнить их, не говоря уж о том, чтобы описать. Но эти звуки оказывали на меня такое же действие. Попеременно гармония и дисгармония. Музыка, но в то же время не музыка — и у меня возникло чувство, что, если бы мне удалось остановить корабль, я бы до конца дней своих с наслаждением пыталась раскрыть тайны, наполняющие всего одну пригоршню проносившегося мимо тумана...

Элли стиснула руки так, что побелели суставы. Ее лицо оставалось спокойным, но Ломбок с изумлением увидел, что на устремивших взор вдаль глазах наворачиваются слезы.

Почему-то глубина переживаний молодой женщины смутила и рассердила его.

— Комиссии вы ничего не говорили, — недовольно буркнул он, — про силу ваших ощущений.

Она медленно перевела на него взгляд.

— Тогда я была слепа и глуха, — сказала она, несколько расслабившись. — Мои чувства... после того происшествия развиваются, становятся более тонкими.

Ломбока это не удовлетворило.

— Эта штука — Тадж — находится всего в двух часах лета с досветовой скоростью от по крайней мере одной весьма крупной звезды. Я имею в виду звезду, извергающую тот поток плазмы, в котором вы пытались спрятать свой корабль.

— Да.

— Нет ли в этом определенного противоречия? Не наводит ли это вас на мысль, что, быть может, он не является физической реальностью?

Ломбок не придавал особого значения мистическим ощущениям — что можно от них ждать, если для того, чтобы их испытать, достаточно вдохнуть дым тлеющей травы?

— Да, наверное, — спокойно ответила Элли. — Точнее, наводило бы, если бы я считала Тадж обычным материальным образованием, размером сравнимым со звездой. В таком случае приливные факторы и все прочее, наверное, сделали бы подобную близость невозможной. Но я рассказываю все так, как было.

— Точнее, как вы это воспринимали.

— Вы сами упомянули о двух предметах, что мы привезли с собой. Несомненно, они являются определенным доказательством этой весьма необычной встречи.

— Разумеется. — У Ломбока были свои собственные теории на этот счет, но сейчас было не то время, чтобы их обсуждать. И так он уже сильно отклонился от того, зачем сюда пришел. — Извините, я вас перебил. Продолжайте. Итак, вы проникли в Тадж, а следом за вами, предположительно, берсеркер.

— Некоторое время я видела его внутри, он преследовал нас. Подождите. Сначала он... он обратился к нам по радио, сказал, что наше новое оружие нам не поможет. Затем мы влетели в Тадж, он последовал за нами... а потом... не знаю. Возможно, он был уничтожен. Или потерял нас. Или просто... отказался от преследования.

— Отказался от преследования? Разве берсеркер может?..

— Не знаю. Я... самое странное, как только мы очутились внутри, я, кажется, начисто про него забыла.

— Пока корабль находился внутри Таджа, вы вели его?

— Когда Фрэнк отключился, я перевела управление в ручной режим. Потом мы какое-то время летели на автопилоте, потому что я точно помню, как, когда мы вылетели наружу, отключала автомат и снова бралась за штурвал.

— Вы вернулись в нормальное пространство?

— В то, что под этим подразумевается в «КОРСЕКЕ». Когда Тадж скрылся из виду, Фрэнк начал приходить в себя. Вернувшись к действительности, он сразу же пошутил насчет того, что хорошо отдохнул. Я попыталась было рассказать ему, что произошло, но он решил, что я брежу — точнее, бредила. *Потом* мы обнаружили два вещественных доказательства — таранную кость в отсеке Фрэнка, кольцо — в моем. Они лежали на опера-

торских консолях, прямо на виду. Мы их взяли — я не знала, что с ними делать. Только потом, когда мы вернулись на Базу, были обнаружены их... свойства.

— Да. — Ломбок, задумавшись, умолк. — Фрэнк знал, что вы беременны?

Элли не потребовалось много времени, чтобы ответить на этот вопрос.

— У него повсюду полно детей; он то и дело мимоходом упоминал об этом — так, как говорят про удаленный аппендикс. Только не говорите мне, что у Фрэнка вдруг пробудились родительские чувства.

— По крайней мере, мне о них ничего не известно.

В нефе появилась группа туристов или, возможно, новообращенных, следующих за облаченным в серую рясу провожатым. Один мужчина нес довольно увесистый чемоданчик, судя по всему, собираясь сделать качественные голографии.

Элли закурила новый смокер.

— Однако что-то все же произошло, не так ли? — не сдавалась она. — Я имею в виду малыша.

Ломбок сделал вид, что задумался:

— Ему сейчас должно быть около десяти, да? Неужели у вас проснулись материнские чувства?

— Одиннадцать. Вы сказали «ему».

— А вы не спрашивали про пол зародыша в центре усыновления?..

Услышав за спиной шаги, Ломбок обернулся и увидел, что одна из туристок наклонилась к нему. О чем она хочет его спросить, ведь у них есть провожатый? Впрочем, женщина не собиралась ни о чем его спрашивать, потому что у нее в руках что-то блеснуло, и Ломбок вдруг ощутил во рту и в легких странную прохладу.

«Глупая шутка!» — подумал он и начал было вставать, но успел почувствовать, что вместо этого падает.

Глава 6

— Эй, Майкл, то был отличный контрвыпад.

Под низкими сводами коридора Лунной Базы доносившийся из громкоговорителя голос Фрэнка дополнился звенящим эхом, и если бы Майкл был облачен в «Ланселот», возможно, он бы развлекался, пытаясь выделить в нем разные призвуки, на-

зывающиеся, как он уже успел узнать, «гармониками». Но сегодня мальчик бездельничал; одетый в шорты, свободную рубашку и шлепанцы, он задумчиво бродил в одиночестве, все дальше и дальше уходя от оживленной части Базы. Уже несколько минут навстречу Майклу никто не попадался, и он вздрогнул, увидев застывшие без движения у стены контейнеры Фрэнка.

Но мальчик обрадовался встрече.

— Спасибо, — сказал он. — Но я не собирался отправлять вас в нокаут.

— Знаю. Ничего страшного. Сегодня у тебя нет испытаний?

Со времени учебного поединка прошло два стандартных дня.

— Нет. Думаю, мы продолжим завтра.

— *Ты* продолжишь завтра. Меня известили, что мне больше не придется напяливать на себя эту проклятую штуковину. В чем дело? Ты, кажется, чем-то встревожен.

— Ну... — Действительно, в последнее время Майкла беспокоили две вещи, которыми он еще не делился ни с кем, в том числе и с матерью. — Во-первых, оборудование решено переделать. На «Ланселот» попробуют установить дополнительное вооружение. Но...

Майкл, отчаявшись от безуспешных попыток убедительно высказать все, что думает по этому поводу, покачал головой.

— Ты сомневаешься, сможешь ли должным образом использовать это оружие.

— Да нет же! Скорее всего смогу. Но... дело в том, что «Ланселоту» это совершенно не нужно.

Фрэнк оторвался от стены, вагончики сдвинулись вместе. Его голос прозвучал взволнованно, в нем не было ничего механического:

— Послушай, малыш! Видишь ли, когда-нибудь тому, кто наденет эту штуковину, придется сразиться с берсеркерами, но до настоящего боевого испытания еще очень далеко. Если бы вместо меня тебе противостоял берсеркер... этих тварей голыми руками не возьмешь.

— Знаю! Я хочу сказать, что понимаю вашу мысль, Фрэнк. Но... мне кажется, я справлюсь. Имея «Ланселот». Когда разберусь до конца, как он работает.

Майкл буквально увидел, как Фрэнк, запрятанный в металлический ящик, покачал головой.

— Малыш! Майкл, послушай. Возможно, теоретически «Ланселот» способен вырабатывать энергию в таком количестве, но

ведь и враг, грубо говоря, использует такие же источники энергии. А в настоящий момент аппаратное обеспечение «Ланселота» еще не доведено до ума.

— Вы имеете в виду железо?

Фрэнк умолк. Майкл, оглянувшись в ту сторону, откуда пришел сам, увидел приближающуюся грациозной походкой женщину из группы ученых-исследователей. Сейчас она, разумеется, была без скафандра, в длинном сером платье, причем плавные движения юбки со складками почему-то напомнили мальчику слабо колышущуюся на ветру высокую траву и склонившую изящные ветви плакучую иву.

— Майкл, — в донесшемся из громкоговорителя голосе Фрэнка появились какие-то неуловимые новые нотки. — Это Вера, миссис Тупелова.

— Здравствуйте, — учтиво поздоровался мальчик — мать была бы за него рада.

Полные губы женщины растянулись в улыбке, и оказалось, что она вовсе и не дуется.

— Разумеется, Майкла я знаю — его здесь все знают. Зови меня Верой, зайчик, хорошо?

Однако Майкл чувствовал какое-то напряжение. Судя по всему, произошло что-то неуловимое, имеющее отношение к тому, как ведут себя в обществе взрослые. Молчание затянулось, и Фрэнк это почувствовал.

— Мы с Майклом как раз говорили про «Ланселот». Есть кое-какие проблемы.

— О? — изобразила пристойное внимание Вера. — Если это не связано с математикой силовых полей, боюсь, я помочь не смогу.

— Да нет, скорее проблемы с пилотированием, — убитым голосом произнес Майкл.

— Зайчик, если испытания тебя все-таки достали, лучше скажи об этом врачам. — Обеспокоенность Веры, похоже, стала настоящей. — Или моему мужу. Или, хочешь, я сама ему скажу.

— «Ланселот» достал меня? Нет-нет! Я нисколько не устал от испытаний — ничего подобного.

Появившиеся из среднего контейнера Фрэнка две металлические руки закачались в верхних сочленениях. Этот жест, судя по всему, призывающий к терпению, заменял собой взмах ладони.

Заметив это, Вера покачала головой:

— Слушайте, ребята, думаю, мне лучше не мешать вам обсуждать проблемы пилотажа. До встречи!

— До-о встре-е-е-чи-и-и... — ответил Фрэнк голосом, сильно заниженным за предел речевого спектра человека, похожим на ворчание огромного хищника.

Вера хихикнула. Подмигнув Майклу и помахав рукой, она развернулась, крутанув юбкой, и у мальчика мелькнула смутная мысль, чего ради она вообще проделала столь долгий путь.

Однако его интересовали более насущные дела:

— Фрэнк, можно у вас кое-что спросить?

— Валяй. Но только если ты мне кое о чем расскажешь.

— О чем?

— Обещай, что научишь меня, как обращаться с ним. С «Ланселотом». Когда будет время.

Майкл помолчал, а потом кивнул:

— Попробую.

— Звучит не слишком обнадеживающе. Ну да ладно. Так какой у тебя ко мне вопрос?

Собравшись с духом, Майкл, чувствуя себя так, словно входит в неведомую стремнину, спросил:

— У вас никогда не возникало ощущения, что вы превращаетесь в машину?

— И всего-то? Нет, черт побери. Разумеется, эти ящики стали моей неотъемлемой частью. Но *я сам* принадлежу только себе... о, ты, наверное, имел в виду управление космическим кораблем? Да, знаешь, иногда возникает ощущение, и очень сильное, что корабль и пилот сливаются в одно целое. Но это же чувство — точь-в-точь такое же — я испытывал и до того, как меня искромсали. Это чувство свойственно всем настоящим пилотам — ты становишься чем-то большим, чем есть на самом деле.

— Однако это не то, будто тебя что-то поглотило?

— Поглотило? Нет. — Фрэнк помолчал, задумчиво вращая жидкими линзами искусственных глаз. — Я ответил на твой вопрос?

— Не знаю. Наверное, нет.

— А... Для меня «Ланселот» — это вовсе не машина. Если бы он был машиной, если бы он вел себя как машина, я бы смог это перенести. Но для тебя «Ланселот» — это машина, и его механическая составляющая берет верх над человеческой, так? А человеческая составляющая — это ты?

— Да.

Удивительно, какое облегчение он испытал, наконец высказав это — хоть кому-то.

— Уверен, это ощущение исчезает, как только ты поднимаешь эту чертову штуковину вверх.

— Да. Только...

— Почему бы тебе не послушаться совета Веры и не пожаловаться на это?

— Тогда мне скорее всего не позволят надевать «Ланселот». — Исповедь, изливаемая шепотом... — Я счастлив, когда он на мне. А когда его снимают, мне кажется, у меня отнимают что-то жизненно важное.

— Проклятье! — Искреннее сочувствующее восклицание, хотя и произнесенное механическим голосом. — *Мне* тоже больше по душе, когда я за штурвалом корабля.

Но ведь это не одно и то же. Впрочем, так ли? Майкл не был готов к спору. Однако, несомненно, ему стало легче после того, как он облегчил душу. Даже несмотря на то — а может быть, напротив, именно потому, — что слушали его металлические ящики.

Фрэнк хранил молчание больше пяти секунд, что для него было затянувшейся задумчивой паузой.

— Давай прогуляемся, — наконец проворчал его громкоговоритель.

Майклу пришлось поторопиться, чтобы не отстать от быстро катящегося поезда. Фрэнк уверенно направился назад, в ту часть Базы, где постоянно сновали люди и машины.

Жидкая линза на крышке первого контейнера внимательно изучала мальчика.

— Полагаю, тебе не показывали псевдоличности?

— Что? Нет, не показывали.

— Черт побери, понятия не имею, почему Тупелов так избегает общения с тобой. Это сильно облегчило бы твою задачу.

Майкл увидел знак, предупреждающий, что впереди запретная зона, однако Фрэнк, нисколько не замедляясь, прокатил мимо часового.

— Полковник Маркус! Мне бы хотелось взглянуть на пропуск этого парня, если он направляется...

— Отставить! Это *ты* должен иметь разрешение, чтобы только разговаривать с *ним*!

Оставив часового позади, друзья кто пошел, а кто покатил дальше. Наконец тележки Фрэнка резко затормозили перед ничем не примечательной дверью без вывески и без ручки. Протянув металлическую руку, пилот, прикоснувшись к гладкой поверхности, каким-то образом набрал нужный код, и дверь открылась.

Майкл вошел в тесное загроможденное помещение. Вдоль двух узких проходов располагались невысокие стеллажи, заставленные сотнями металлических ящиков. Каждый ящик, размером как раз такой, чтобы его свободно мог нести в одной руке взрослый мужчина, обладал удобной ручкой.

Фрэнк покатил по проходу, изучая таблички на ящиках.

— Вот те ублюдки, которых мы с тобой должны заменить в системе «Ланселот». Точнее, ты и другие ребята, похожие на тебя, если мы сможем таких найти. *Я* это не потяну. Честное слово.

— Ничего не понимаю.

В ящиках находилось какое-то сложное оборудование, являющееся составной частью чего-то еще более запутанного, — глубже этого Майкл не смог проникнуть в них своими органами чувств.

Протянув металлическую руку, Фрэнк снял со стеллажа один из ящиков. Протащив тяжелую ношу по проходу в дальнюю часть помещения, где было посвободнее, он умело вставил ящик на консоль и, настроив визуализатор, кивком пригласил Майкла подойти ближе.

Взглянув на экран мощного оптического увеличительного прибора, мальчик увидел нечто, показавшееся ему на первый взгляд искусственными снежинками, изготовленными из чего-то вроде пластмассы, уложенными в замысловатый узор.

У него за спиной послышался голос Фрэнка:

— Это Красный Барон. С ним связана интересная история. Кое-какие другие образцы тоже опробовались в бою — встроенные как в корабли старых моделей, так и в первые версии «Ланселота». Их пытались применить там, где человеческий мозг под действием нагрузок склонен давать сбои. Этим машинам неведома усталость, но заменить человека они не могут — я имею в виду в полной мере.

Название «Красный Барон» Майклу ничего не говорило. Мальчик пытался определить, как настраивать визуализатор. Работая органами управления, он увеличивал и увеличивал масштаб изображения. Когда световые кванты уже стали слишком грубыми для точной передачи деталей, их автоматически заменили электроны. На экране по-прежнему оставались причудливые кристаллы искусственных снежинок, сделанных из вещества, о природе которого Майкл теперь не мог уже и гадать.

Кристаллики становились все меньше и меньше, и казалось, нет предела точности, необходимой для подробного отображения их строения.

— Это похоже... похоже на что-то живое. Однако это не так.

— Да, это сделали люди. Давай, если хочешь, крути дальше.

Послушавшись его совета, Майкл наконец дошел до предела возможностей визуализатора. Внутреннее строение псевдоличности оказалось не похожим ни на одно творение рук человеческих, которые ему доводилось видеть. Чем крупнее был масштаб изображения, тем более сложной и совершенной казалась структура исследуемой материи.

— Малыш, это по большей части имитации реальных исторических личностей. Разумеется, имитации их мозга. Они были созданы для моделирования исторических ситуаций, но в отчаянии от безысходности власти попытались применить их в боевых условиях. Вместо подсознательно мыслящего человеческого мозга. Тебе известно, что часть нашего разума существует вне времени?

— Я об этом слышал. Не знаю, так ли...

— Это правда. Вот что, в частности, дает нам преимущество над врагом.

Майкл слушал его невнимательно. Он не мог прийти в себя от увиденного — его поразили не столько возможности этого необычного творения, сколько мастерство его создателей, пожалуй, в чем-то даже превзошедших конструкторов «Ланселота».

Мальчик пробормотал что-то в ответ.

— Для создания подобных вещей приходится работать в частичном измерении. Майкл, ты знаешь, что это такое?

Майкл недовольно пожал плечами. Почему от него ждут того, что он будет разбираться в сложных технических терминах, которые используют взрослые?

— Наверное, что-то очень маленькое, да?

— Если говорить грубо, это выглядит приблизительно так: у линии одно измерение, у точки — ни одного. Частичное измерение — это нечто между.

Оторвавшись от экрана визуализатора, Майкл провел ладонью по ящику с псевдоличностью.

— И вот это может заменить человека в управлении «Ланселотом»?

— Я бы сказал, у псевдоличностей это получается неважно, иначе нас с тобой здесь не было бы. Ну а эту подделку лучше вообще не трогать.

— Почему?

— Надо знать, кто такой был настоящий Красный Барон. Такому «Ланселот» ни за что нельзя доверять. Как и мне. — Громкоговоритель Фрэнка издал серию нарастающих по высоте писков, которые, как догадался Майкл, должны были изображать сардонический смешок. — Однако, черт побери, даже я справляюсь с «Ланселотом» лучше этих штуковин. В общем-то, именно с этой целью я тебя и привел сюда. Мы с тобой — живые люди, а это — всего лишь груда железа. А те, кто лезет в философские дебри, об этом забывает. — В голосе Фрэнка нарастало презрение. — Если бы эти ящики, самые современные машины, созданные людьми, могли выполнять мою работу лучше меня, Тупелов не притащил бы тебя сюда с Альпина, и нам бы не пришлось через пару дней отправляться на полигон. Мы — люди. Как только речь заходит о соревновании с машинами, мы — бесспорные победители. И мы победим в этой войне. Заруби это себе на носу!

— Фрэнк? Еще два вопроса.

— Валяй.

— Кто поведет «Ланселот» в бой?

Пятисекундная пауза.

— Тот, кто научится достаточно неплохо управлять им.

Майкл кивнул; почему-то ему уже был известен ответ на этот вопрос. И об этом еще предстоит задуматься.

— Второй вопрос. Где находится полигон?

— О господи, тебе действительно ни о чем не рассказывают. Нам предстоит отправиться на спутники и кольца Урана. Отсюда туда около шести часов лета.

Глава 7

Еще прежде чем Элли Темешвар полностью пришла в себя, ее тело и мозг ощутили почти неуловимую разницу между естественной силой тяжести на поверхности Земли и искусственной гравитацией, установленной на значении, немного отличающемся от G. Молодой женщине снились горы, бревенчатый дом с остроконечной крышей...

Поэтому, открыв глаза и обнаружив, что она лежит на спине на койке в тесной каюте, Элли испытала не столько удивление, сколько любопытство. Внутреннее убранство каюты, роскошной и, если так можно выразиться, невоенной, далекой от привыч-

ных ей строгих отсеков боевых кораблей, еще больше усилило чувство любопытства.

Через мгновение к ней вернулась нахлынувшая волной память. Непроизвольная попытка вскочить на ноги ни к чему не привела; Элли обнаружила, что не может пошевелиться. Исхитрившись, она с трудом повернула шею и приподняла голову, оглядываясь вокруг. Ее серая ряса была покрыта какой-то сетью, во многих точках прикрепленной к койке. Рассудок, лихорадочно ищущий хоть малейшую надежду, не предложил ничего лучше робкого предположения, что сеть — это всего лишь предохранительная мера защиты на случай больших перегрузок при ускорении. Однако в этом случае должен был бы существовать какой-то способ освободиться от тугих уз, но Элли не смогла его найти. Самое большее, что ей удалось сделать, — она с трудом пошевелила кончиками пальцев.

...Теперь, когда Элли постепенно приходила в себя, она поняла, что то были вовсе не туристы. Храм в любое время суток открыт для посещения, и в нем постоянно толкутся экскурсанты и просто любопытные; поэтому не было никаких причин подозревать эту небольшую группу. Элли закрыла глаза, пытаясь вспомнить подробности. Две женщины и мужчина — мужчина, кажется, седовласый — в сопровождении дьякона Мабучи прошли через неф и приблизились к тому месту, где Элли беседовала со своим посетителем. Мысленно восстановив картину, молодая женщина смутно вспомнила, что мужчина нес в руке что-то небольшое, но, судя по всему, тяжелое. Группа вроде бы случайно оказалась рядом со стульями, где сидели они с Ломбоком, а потом... потом было уже слишком поздно. Элли вспомнила, что успела увидеть падающего Ломбока, прежде чем у нее самой потемнело в глазах. Так что, похоже, человек, назвавшийся сотрудником Министерства обороны, не был соучастником похищения — или как это еще можно назвать.

У противоположной стены крошечной каюты была другая койка, до которой можно было бы дотянуться рукой, если бы Элли имела возможность ею пошевелить. Однако эта койка, никем не занятая, была сложена и пристегнута к переборке.

Вскоре рядом с головой Элли бесшумно раздвинулась дверь. Из узкого коридора в каюту заглянул бесстрастный высокий седой мужчина в серебристом штатском костюме.

— Вам не сделали больно? — поинтересовался он. В его властном повелительном голосе прозвучал оттенок заботы.

Приглядевшись внимательнее, Элли пришла к выводу, что

волосы ее гостя не седые, а просто чрезвычайно светлые; казалось, мужчина, урожденный альбинос, прошел курс частичной репигментации, ограниченный его глазами, бледно-бледно голубыми, и кожей, чуть тронутой высокогорным загаром. Незнакомец молчал, ожидая ответа.

Элли пошевелила пальцами — больше она ничего не могла проверить.

— Кажется, нет, — постаралась как можно спокойнее ответить она.

— Нам пришлось действовать быстро. Мы не могли рисковать, вступая в переговоры. — Это было не извинение, а только объяснение. — Но я надеюсь, вскоре мы сможем вас освободить, мисс Темешвар.

— А что останавливает вас сделать это сейчас? И кто вы такой?

— Можете звать меня Сталь. На одном древнем языке так назывался прочный сплав железа; это имя мне очень нравится.

Он говорил так, словно его вкусы и предпочтения действительно имеют большое значение, и Элли почувствовала, что для беспомощной пленницы они и вправду очень важны.

Сталь между тем продолжал:

— На борту этого корабля вы находитесь среди друзей.

Эти слова должны были бы прозвучать обнадеживающе, но черты его лица нисколько не смягчились. Оглянувшись в коридор, Сталь едва заметно кивнул и тотчас же прижался к переборке, пропуская в узкий проход знакомого Элли: в коренастом темноволосом мужчине среднего роста с восточными чертами лица молодая женщина сразу узнала дьякона Мабучи, облаченного, как и она, в серую рясу, из-под которой виднелись рабочие брюки и грубые ботинки.

Дьякон остановился у койки, и его круглое лицо озарилось торжеством, причина которого оставалась Элли неведомой.

— Сестра Темешвар... — тихо произнес он.

— Дьякон, объясните мне...

Мабучи остановил ее мягким жестом:

— Сестра Темешвар, все, кто находится в настоящий момент на борту этого корабля, являются нашими братьями, предвестниками Спасителя, хотя они еще не признаются в этом — даже самим себе. Однако факт остается фактом: Спаситель пришел, и эти люди, в отличие от наших титулованных вождей в Храме, узнали Его.

Элли не нашлась что ответить. Для нее данный при вступле-

нии в общину обет лишь открывал путь наименьшего сопротивления, вера в Последнего Спасителя ей нужна была только потому, что все остальные убеждения и принципы перестали что-либо значить после того, что ей пришлось пережить и испытать в Тадже.

Но вера Мабучи была совершенно иной. Глаза дьякона, не отрывавшиеся от лица Элли, горели огнем исступленного восторга. Сталь стоял неподвижно, бесстрастно наблюдая за разговором.

— А ты, сестра Темешвар, ты самая счастливая из женщин. Сегодня ты прикоснулась к истинной славе. Именно через твое тело Спаситель наконец соизволил прийти к нам. Тебе суждено сделать так, что и жизни, и смерти больше не будет. Тебе суждено принести Земле и всему порожденному Землей окончательное успокоение.

В тесной каюте наступила тишина. Все трое выжидательно смотрели друг на друга. Но каждого заботит что-то свое, подумала Элли, так что на самом деле никто никого по-настоящему не понимает.

Ее саму в настоящий момент заботило лишь стремление поскорее освободиться.

— И все это каким-то образом связано с моим ребенком, не так ли? — резко спросила она.

Для того чтобы освободиться, необходимо вступить в спор с этими людьми, а для этого, похоже, требуется понять, что им нужно и что они от нее ждут. Ломбок тоже пытался выведать какие-то сведения насчет ее ребенка. Кажется, *что-то* произошло...

— Это уже не ребенок! — произнес нараспев Мабучи. Полившиеся из него слова, судя по всему, были частью какого-то ритуального обряда, незнакомого Элли: — Отныне не плоть, рожденная от мужчины и женщины, хотя по-прежнему облаченный в телесную оболочку...

— Повелитель силы и металла, — подхватил Сталь. — Повелитель и Господин жизни и смерти...

Невозможно было определить, звучала ли в его сдавленном голосе издевка или же Сталь пытался сдержать истинное чувство. Наблюдая за ним, Элли вдруг поймала себя на мысли, что производимое этим человеком впечатление определяется тем, что он сознательно пытается придать своему облику что-то стальное. А из этого, в свою очередь, вытекало кое-что еще, отчего ей чуть не стало плохо. «Прекрати!» — мысленно приказала она себе.

А вслух, прерывая распевающих мужчин, сказала:

— Куда вы меня везете и зачем?

Мабучи повернулся к Сталю, и ответил именно беловолосый:

— Мы хотим познакомить вас, мисс Темешвар, с естеством, являющимся вашим сыном. Это значит, нам предстоит путешествие до нового военного полигона в системе Урана.

Этот ответ ничего не объяснил Элли, больше того, он только запутал ее.

— Но почему мой сын там?

Еще до того, как уйти со службы, молодая женщина узнала о строительстве новых полигонов, однако она понятия не имела, что происходит там сейчас.

— Он там потому, что зложити хотят его использовать.

Элли едва не потеряла сознание, услышав это страшное слово, получившее еще более жуткое звучание от той непринужденной легкости, с которой оно соскользнуло с уст Сталя. Молодая женщина не смогла вспомнить, приходилось ли ей слышать этот эпитет в повседневной жизни. Это было слово из фантастических романов, из спектаклей, где актеры, игравшие доброжилов, произносили его с особым выражением, стараясь произвести максимальный эффект.

Мабучи тоже был потрясен, но по другой причине.

— Спасителя нельзя именовать «он», — бурно запротестовал он.

— Прошу простить меня, — натянуто ответил светловолосый. — Но для этой женщины Спаситель все еще является ее ребенком. И мы должны попытаться подстроиться к ее психологии... Мисс Темешвар, зложити наконец осознали то, что ваш отпрыск обладает уникальными качествами, и они собираются использовать его как часть новой системы оружия. Вам доводилось когда-нибудь слышать кодовое название «Ланселот»?

— Нет, — слабым голосом ответила Элли.

Конечно же, существует множество кодовых названий, о которых она понятия не имеет. Молодая женщина попыталась представить себе, каким же должно быть оружие, чтобы им мог управлять ее одиннадцатилетний сын. Разумеется, и сын Фрэнка, так что нетрудно поверить, что мальчик наделен необыкновенными способностями. И все же сама мысль использовать ребенка для испытания нового оружия казалась Элли чистейшим безумием, из чего, впрочем, отнюдь не следовало, что отчаявшиеся люди, и Фрэнк Маркус в их числе, не пойдут на что-то

подобное, пытаясь переломить ход войны. Воображение услужливо нарисовало ей картину: ее мальчик, почему-то искромсанный и распиханный по таким же, как у Фрэнка, контейнерам, уносится в пустоту...

— Судя по тому, что нам известно о «Ланселоте», — это ужас, — продолжал Сталь, — и мы собираемся избавить Майкла от этого кошмара. Майкл — так назвали вашего сына его приемные родители. Элли, посмотрите, вот его фотография.

В металлически твердой руке появился снимок, сделанный где-то на улице. На крыльце перед бревенчатым домом стоял мальчик, смотрящий прямо в объектив. Его руки — широкие и сильные, рабочие руки — стиснули перила, ветер растрепал длинные светлые волосы. Дом венчала остроконечная крыша, и у Элли защемило сердце от крепнущего чувства уверенности: *Альпин!*

Лицо мальчика было отчетливо прорисовано в ущерб деталям снимка. Красивый, подумала Элли, непроизвольно находя во лбу и в глазах что-то от себя. Найти то, что передал ребенку Фрэнк Маркус, было не так просто.

Мужчины внимательно следили, какова будет ее реакция.

— Майкл... Как его фамилия? — наконец спросила она.

— Джейлинкс, — ответил Сталь. — Может быть, вы слышали, это известная семья скульпторов. Резчиков по дереву.

— Боюсь, я совершенно не разбираюсь в искусстве. — Наконец-то ее слова заслужили одобрительный взгляд Мабучи. — И все же я ничего не понимаю — помимо того, что вы считаете этого мальчика Спасителем. А меня — его матерью. Если это так, то вы оказываете мне странные почести.

Мужчины переглянулись, и Мабучи, по-видимому, с трудом сдерживающий противоречивые чувства, поспешно вышел из каюты.

— Я надеюсь, вы нам очень поможете, — начал Сталь, когда они остались одни. — После того, как мы доставим Майкла на борт корабля и вы с ним до конца осознаете сложившуюся ситуацию. Весьма вероятно, избавление от зложитей окажется для мальчика очень болезненным. Поэтому — Спаситель он или нет — ему будет нужна материнская забота.

— И вы рассчитываете просто посадить ваш корабль куданибудь на полигон и забрать Майкла на борт — если, конечно, он действительно там? Без...

— Без сопротивления со стороны зложитей? Нет, миледи,

на это я не рассчитываю. Однако нами предприняты соответствующие меры.

Его губы чуть скривились в усмешке.

— Сталь, вы капитан корабля?

— Я? Нет.

— В таком случае я требую встречи с капитаном.

— Вам представится такая возможность.

— Немедленно.

— Я не получал на этот счет никаких приказаний. Однако, думаю, в данном случае можно проявить инициативу.

Задумчиво посмотрев на Элли, Сталь внезапно нагнулся и достал из-под койки, на которой она лежала, тяжелый металлический чемодан. Молодая женщина тотчас же вспомнила, что он был в Храме с таким же. Тогда Элли решила — хотя на самом деле она едва ли особенно над этим задумывалась, — что у него в руках голографическое оборудование, обыкновенная принадлежность туриста.

Сталь отстегнул противоположную койку от переборки. Затем он осторожно, словно обращаясь с очень ценным предметом, положил чемодан на койку и закрепил его обычными противоперегрузочными ремнями безопасности. Послышался щелчок — Элли не поняла, это Сталь открыл небольшое окошко в передней части чемоданчика или же оно открылось автоматически. Оттуда появилось что-то очень тонкое, похожее на металлическую змею — скорее на нарисованную в воздухе объемную линию. Метнувшись от одной койки к другой, щуп больно уколол Элли в палец.

— Что?..

Извивающаяся конечность исчезла в отверстии. Затем чуть выше его отворилось другое окошко, открыв нечто похожее на слабо пульсирующую полноспектральную жидкую линзу. У Элли возникло неприятное ощущение, что даже одежда не спасает ее от пристального взгляда искусственного глаза.

— Смею предположить, это простой анализ крови. — Должно быть, Сталь рассчитывал, что его голос прозвучит успокаивающе. — Координатор желает убедиться, что вы — именно та, кто нам нужен. И, может быть, подтвердить некоторые предположения относительно генетического наследства Майкла.

— Вы... предполагаете...

Элли еще не приходилось видеть робота-врача, очень похожего на...

Чемоданчик выдал слова. Они были произнесены против-

ным писклявым голосом, и, возможно, при других обстоятельствах у Элли появился бы повод слабо улыбнуться.

Механический голос резко произнес:

— Без дальнейших приказаний этой живой единице больше ничего не говорить.

Сталь, почтительно поклонившись, пробормотал, что понял приказ Координатора. Но Элли этого уже не видела и не слышала.

Глава 8

Около десяти стандартных лет назад на поверхности спутника Урана Миранды был построен штабной центр нового полигона. Под гигантским куполом разместился жилой корпус, способный принять сто человек; некоторые апартаменты можно было назвать роскошными, но относительные удобства, по крайней мере, были везде. По распоряжению Президента Земли часть помещений были приспособлены для того, чтобы принимать немногих известных разумных существ — неземлян. До сих пор никто из них не почтил полигон своим присутствием.

— Еще когда все это строили, я говорил, что мы не увидим здесь ни одного кармпанина.

Это сказал Тупелов, устроивший сегодня подробную экскурсию по штаб-квартире для единственного и, вероятно, скучающего гостя. Свободно шагая в условиях увеличенной до нормальной гравитации, он вел Кармен Джейлинкс по коридору из жилой части Базы на центральный пост. Там целая стена была сделана из иллюминаторов, защитные шторки на которых в настоящий момент были открыты.

— О! — воскликнула Кармен. И добавила совершенно излишне: — А это Уран.

В Солнечной системе ее родного мира ничего подобного не было. Стиснув руку Тупелова, она приблизилась к иллюминаторам. Изогнутая огромным ятаганом сверкающая поверхность сине-зеленого гиганта, освещенная прямыми лучами Солнца, казалось, начиналась сразу за толстым стеклом. Поверхность же самой Миранды, состоящей из вулканических шлаков, купающаяся в отраженном свете, напоминала загадочные океанские глубины.

Кармен чуть отстала, и министру пришлось взять ее за руку. Подойдя к самим иллюминаторам, Тупелов показал спутники

Оберон и Ариэль, обратившие к далекому светилу сияющие дольки, миниатюрные копии полумесяца Урана. Движение спутников по экваториальной орбите гигантской планеты было заметно невооруженным глазом; в бледном зелено-голубом отсвете вырисовывались их унылые безжизненные поверхности, исчерченные шрамами, обращенные к своему повелителю.

— Титания и Умбриэль, судя по всему, в настоящий момент прячутся за папочкой.

— И кольца... — зачарованно выдохнула Кармен. — Ой, красотища какая!

— Иногда их совсем не видно, даже отсюда.

Но иногда, как, например, сейчас, огромные браслеты, призрачное подобие колец Сатурна, действуя словно гигантская дифракционная решетка, рассекали холодный солнечный свет в туманный разноцветный спектр, позволяя любоваться им стоявшим у иллюминаторов людям.

Тупелов попробовал другую метафору:

— Балетная пачка всех цветов радуги, надетая на толстую планету, кружащуюся в танце.

Кармен, наверное, из вежливости, никак не отреагировала на это замечание.

— Где Земля? — наконец спросила она.

Тупелову пришлось, прищурившись от солнечного света, прижаться к стеклу.

— Вон там. Голубоватая звездочка.

Кармен подошла к нему вплотную, и он совершенно естественным движением положил руку ей на плечо; они были приблизительно одного роста.

— Она так близко к Солнцу, — сформулировала банальную истину Кармен.

Даже на таком удалении не возникало сомнения, какая звезда находится в центре системы.

— Да, очень близко. Здесь мы от него в девятнадцать раз дальше. А вот там — Марс, видите? Красноватый, рядом с Землей?

— Вижу. И, кажется, я узнаю Венеру. Яркая точка еще ближе к Солнцу.

— Вы совершенно правы.

— А чуть в стороне — это ведь Орион, не так ли? Вы показывали мне его на Лунной Базе. Отсюда он выглядит таким же.

Тупелов решил, что с Миранды Орион кажется ближе.

Покинув деревню, они поднялись на вершину холма, и те-

перь, оглядываясь на далекую гору, Тупелов видел ее нисколько не изменившейся. Естественно, угол зрения уменьшился, но субъективно гора увеличилась в размерах, так как уменьшились и разбросанные у ее подножия дома и улицы деревни.

А как это воспримет мозг человека, подключенного к сверхъестественным органам зрения «Ланселота»?

— Как Майкл относится к испытаниям? — спросил Тупелов.

— О, по-моему, он получает большое удовольствие. Хотя, конечно, он ни разу не поделился со мной своими ощущениями. Мистер Тупелов, а у вас с Верой есть дети?

— Нет.

Он постарался изобразить сожаление.

— Вы были очень добры, что потратили на меня столько времени, показав весь центр.

— О, не стоит.

Все равно он потратил бы это время на какие-нибудь второстепенные дела, так как конструкторы вносили в «Ланселот» новые изменения, да и Майкл еще не был готов к испытаниям на полигоне.

— Открою вам одну тайну, — заговорщическим голосом продолжал Тупелов, хотя, помимо них двоих, в просторном помещении находилось еще человек двадцать. — Часть моей работы состоит в том, чтобы обходиться вежливо с определенными людьми — как, впрочем, и быть строгим в отношении других. Хотя с вами я был бы любезен в любом случае.

Атлетически сложенная женщина из отдаленного мира не нашлась что сказать. Он еще сам не до конца разобрался в своем отношении к ней, чем, несомненно, и объяснялись его слова и поступки.

Наконец, оторвавшись от иллюминаторов, Тупелов вывел Кармен на середину помещения.

— А вот и стукач, соединенный с Лунной Базой.

— Стукач? Почему он так называется?

— Полагаю, в стародавние времена они действительно стучали. Прозвище телеграфа, дистанционного печатающего устройства, уходит корнями в глубь веков.

На экран и принтер стукача выводились потоки информации, имеющей отношение к оборонному ведомству. В основном это были ответы на вопросы, переданные на Базу несколько часов назад; кроме того, у оставшихся там тоже успели возникнуть за то время, как корабль вылетел в сторону Урана, кое-какие вопросы к министру и его сопровождению.

— Понимаете, когда радиоволнам требуется больше двух часов, чтобы преодолеть расстояние в одну сторону, уже не ждешь ответа на свой вопрос, а просто продолжаешь болтать. — Похлопав оператора по плечу, Тупелов спросил уже совершенно другим тоном: — От Ломбока есть какие-нибудь известия?

— Никак нет, сэр.

— До Земли *так* далеко, — задумчиво пробормотала Кармен, оглядываясь в сторону иллюминаторов. — Два часа на прохождение радиоволн! А до Альпина несколько *месяцев*, даже если двигаться со скоростью, во много раз превышающей скорость света. Разумом этого не постичь. Я, по крайней мере, не могу.

Тупелов подумал было, стоит ли посочувствовать ей по поводу разлуки с мужем, но тут в противоположной части зала распахнулись двустворчатые двери.

— А вот и Майкл.

На мальчике поверх облегающего оранжевого спортивного костюма был надет «Ланселот». Как всегда, Майкл был собран, спокоен и готов к действию. Кармен бросилась к сыну, засуетилась вокруг него, проводя рукой по невидимым силовым полям, защищающим лицо и худенькую шею, словно желая поправить несуществующий выбившийся воротничок. Затем движением, которое она освоила еще на Лунной Базе, мать проникла сквозь защиту и прикоснулась к щеке мальчика. Сделать это можно было только в том случае, если рука двигалась медленно, а обладатель «Ланселота» не возражал против того, чтобы его потрогали. Тупелов в который раз поймал себя на мысли, что эту проклятую штуковину нужно было сделать *с виду* более внушительной; неудивительно, что большие шишки до сих пор относятся к «Ланселоту» с недоверием. Но убедить их было бы гораздо проще, если бы его сделали в виде доспехов. Разумеется, сейчас уже слишком поздно что-либо менять. Внешний вид защитного снаряжения таков, что складывается следующее впечатление: он не спасет ни от дождя, не говоря уж о... Сейчас мальчишка больше всего похож на волшебника из школьного спектакля.

Кармен, почувствовав, что все ее ждут, торопливо отдернула руки, пробормотав напутственные слова.

Вперед выступил Тупелов.

— Майкл, надеюсь, на этот раз вас подробно просветили насчет того, чего мы ждем от сегодняшнего испытания. До меня дошли сведения, что раньше мы были по отношению к вам чересчур скрытны.

— Мне сказали, я сейчас должен просто облететь вокруг Миранды, — бодро ответил Майкл.

— Именно так. После того как вы выполните это задание, мы поговорим о том, что мы планируем дальше. За вами следом на всякий случай будет лететь разведчик. Итак, вы готовы?

Очнувшись, Элли Темешвар не могла понять, сколько времени прошло с того момента, как ее представили Координатору, однако все ее части тела, неподвижно стянутые сеткой, уже начинали затекать. Дверь в коридор была снова закрыта, противоположная койка пристегнута к переборке. В каюте больше никого не было.

Если только, конечно, *оно* не приказало спрятать себя под ту койку, на которой она лежит.

Так, пора сделать медленный глубокий вдох. Что бы ни случилось, она больше не позволит себе терять сознание. Однако страх парализовал затекшие руки и ноги, и молодая женщина сомневалась, что смогла бы держаться на ногах, даже если бы ее освободили от пут...

Она испытала огромное облегчение, увидев, что дверь в коридор снова открывается. В каюту заглянула моложавая крупная женщина. Ее пышная грудь, прикрытая рубашкой стального цвета, была расплющена, туго стянутая особыми бинтами. Элли не смогла вспомнить, была ли эта женщина в числе фальшивых туристов из Храма или нет.

— Где... — начала было она, но тотчас же обнаружила, что у нее во рту совершенно пересохло, и ей трудно произносить даже простейшие слова.

— Что? — У женщины был резкий, пронзительный голос, копия металлического голоса Сталя. Она подошла к койке, судя по всему, не опасаясь того, что под ней может что-то находиться. — Впрочем, это неважно. Вам пока все равно ни о чем знать не следует.

— Дайте мне пить, — едва слышно прошептала Элли.

— Хорошо. Но только не вздумайте делать глупости, которые могут побеспокоить тех, кто находится в кабине управления. — У нее в руке появился баллончик с аэрозолем, вероятно, тот самый, который был использован в Храме. — Иначе вам снова придется уснуть.

В точности так же, как и на Лунной Базе, участок поверхности Миранды был расчищен и выровнен, а затем размечен. Естественная сила тяжести на спутнике Урана была смехотворно

мала, и Майкл-«Ланселот» парил без каких-либо усилий, а сопровождающие его специалисты, облаченные в скафандры, были связаны страховочной веревкой, прикрепленной в нескольких местах к специальным поручням. Участки нерасчищенной поверхности, попавшие в освещенную яркими прожекторами область, казалось, были усеяны битым стеклом и шлаком. То тут, то там вздымались зубья огромных гранитных пил размером в человеческий рост; в нескольких сотнях метров за светлым пятном терялся во мраке горизонт. Полярная шапка Урана, залитая солнечным светом, клонящимся к заходу, еще скудно освещала местность, мрачные темные здания и уткнувшиеся в причалы корабли, расцвечивая их зелено-голубыми красками подводного мира.

В противоположном направлении над горизонтом поднимался крохотный полумесяц большого спутника, называемого, как выяснил Майкл, Оберон, которого догнала быстро движущаяся по внутренней орбите Миранда. Мальчик, услышав впервые эти названия, задумался, случайно ли такое совпадение; но в настоящий момент его мысли были заняты более важными делами.

Отсюда взгляд «Ланселота» беспрепятственно проникал в глубь межпланетного пространства, замечая, в частности, регулярные маршруты, проложенные к космическим причалам, расположенным ближе к центру Солнечной системы. Майкл без труда различил с десяток кораблей всевозможных размеров, движущихся в разных направлениях с различными скоростями. Хотя все корабли имели сферическую форму и находились невероятно далеко, мальчик уже научился различать типы. Боевые корабли двигались как-то по-особенному, излучали энергию в других диапазонах — даже здесь, в гравитационных глубинах Солнечной системы, где нельзя было развить ничего близко похожего на полную межзвездную скорость.

В нескольких метрах от того места, где Майкл парил над поверхностью в окружении небольшой группы одетых в скафандры техников, молчаливо наблюдающих за ним, находился назначенный ему в сопровождение в первый полет вокруг Миранды разведывательный корабль, все еще пристыкованный к полусферическому зданию центра управления. Мальчик, время от времени отрываясь от наблюдения за космическими кораблями и спутниками Урана, переключал свое внимание на то, что говорили люди, находящиеся в здании и в кабине корабля. Ему уда-

валось разобрать далеко не все слова, но, постоянно тренируясь, он с каждой минутой улавливал все больше и больше.

В настоящий момент отчетливее всего звучали голоса Тупелова и доктора Йенари. Находящиеся в кабине разведывательного корабля, они занимались тем, что, как успел выяснить Майкл, составляло одну из главных привилегий высокого чина: заставляли других ждать.

Мальчик поймал обрывки голоса Тупелова: «...никому другому не удавалось успешно надеть... так что... возможность попытаться его клонировать».

На мгновение Майкл, перестав думать про бороздящие космические просторы корабли, уставился в стену здания, словно взгляд «Ланселота» способен был проникнуть сквозь нее.

Ответ Йенари: «...никогда не получалось по-настоящему хорошо, сколько мы ни пробовали... пример тому — полковник Маркус...»

Снова Тупелов: «...возможно, стоило сделать из нашего доброго полковника производителя... хотя бы один приказ выполнил без пререканий. Тогда... Майклу, когда он будет чуть постарше... подготовьте мне отчет... ускорить его взросление».

Йенари (судя по всему, с удивлением): «...трудно остановиться... очень рискованно вмешиваться... гормональные... единственный, кем мы располагаем. Но я обязательно узнаю точнее».

Тупелов: «Узнайте, и как можно скорее».

Теперь их было слышно лучше; мужчины, выйдя из здания, подошли к кораблю и приготовились сесть в него. Майкл снова перевел взгляд на небо. Там появился еще один спутник, и Миранда тоже его настигала. Должно быть, это Умбриэль... В здании послышались чьи-то неуклюжие шаги; мужчины как ни в чем не бывало поздоровались с Кармен Джейлинкс, присоединившейся к ним.

Умбриэль, если это действительно был он, заслонил собой яркую безымянную звезду. Интересно, каково жить на Умбриэле? Совсем одному, разумеется. Не считая «Ланселота».

Гормональное вмешательство. Майкл не совсем точно представлял себе, что это такое, но общий смысл, кажется, улавливал.

В иллюминаторе корабля-разведчика появилось лицо его матери, она послала ласковые волны парящему над поверхностью спутника сыну.

Показавшийся рядом с ней Тупелов заговорил по радио:

— Майкл? Сегодня мы дадим вам возможность самостоятельно определять скорость движения. Выбирайте высоту и направление полета, но нам бы хотелось, чтобы вы облетели Миранду по возможно более прямой траектории. Затем, если сможете, возвратитесь в исходную точку прямо с противоположной стороны. Мы же будем просто лететь сзади и наблюдать за вами. Понятно?

— Понятно.

Майкл так и не научился, обращаясь к Тупелову, добавлять слово «сэр», как это делали все остальные. Одно время ему казалось, он сможет без труда приучить себя к этому; теперь же он пришел к выводу, что у него это никогда не получится.

Министр, отвернувшись от иллюминатора, обратился к кому-то другому, считая, что с выключенным микрофоном Майкл его не слышит: «...порядка тысячи километров, и я полагаю, основываясь на том, какую скорость он развивал до сих пор, ему потребуется на это около часа. Нам же надо будет просто наблюдать за ним. Если он собьется с пути, мы некоторое время не будем вмешиваться, посмотрим, сможет ли он выкрутиться сам».

Снова включив радио, Тупелов подвел резюме:

— Майкл? Начинайте, как только будете готовы.

Майкл послал «Ланселоту» мысленный приказ начать движение. Теперь сделать это ему уже было нисколько не сложнее, чем сделать шаг. Его ноги, скользнув по площадке, оторвались от поверхности, а тело наклонилось вперед, набирая скорость. Вытянув руки назад и чуть приподняв голову, чтобы его («Ланселота») глаза лучше видели то, что впереди, Майкл стремительно и бесшумно поднялся над стартовой площадкой.

Он направил траекторию своего полета так, чтобы все, кроме самых высоких осколков битого стекла, усеивавших поверхность Миранды, оставались внизу. Теперь ему было видно, что поверхность спутника, проносящаяся под ним, покрыта причудливыми узорами, образованными каким-то белым застывшим газом. Испытывая смутное беспокойство, Майкл без труда подал команду увеличить скорость. Значит, ему нужно пролететь приблизительно тысячу километров. Может быть, стоит попробовать выполнить полет ровно за час, с точностью до секунды, и посмотреть, какова будет реакция Тупелова? Или, быть может, ровно за половину отведенного министром срока?

Темный силуэт разведчика бесшумно следовал за ним. Майкл установил едва уловимое соединение с теми, кто находился на борту.

Послышался голос доктора Йенари:

«...другая причина перелета на Уран — обеспечение полной изоляции».

«Соображения безопасности». — Это уже голос его матери.

«Да».

«По правде говоря, мне не хотелось бы называть это соображениями безопасности, — вмешался Тупелов. — Даже большинство членов правительства слишком легкомысленно относятся к возникновению в Солнечной системе угрозы со стороны доброжилов. Однако в настоящий момент на Земле живет восемь миллиардов человек, еще пара миллиардов на Марсе, Венере и поясе астероидов. И если хотя бы у одного из этих десяти миллиардов возникнет лишь намек на доброжильские мысли... Ежедневно сюда прилетают и отсюда вылетают тысячи космических кораблей, и нет никакой возможности следить за всеми...»

Майкл разорвал контакт с кораблем и погрузился в собственные мысли. Для того чтобы держать курс, ему требовалось лишь изредка поглядывать вперед. До сих пор еще никто не осознал, насколько хорошо он научился жить вместе с «Ланселотом».

Сосредоточив внимание в основном на кораблях, которые он мог видеть в межпланетном пространстве, Майкл скоро выяснил, как более точно определять типы их двигателей. Он пришел к выводу, что четыре корабля, находящиеся довольно близко и почти не перемещающиеся относительно Урана, охраняют невидимые границы полигона. Еще один корабль, меньшего размера, находящийся немного дальше, определенно приближался к системе Урана.

А что, если он прервет выполнение учебного полета и пролетит миллион километров или около того навстречу этим кораблям? Их пилоты будут таращиться на него в иллюминаторы, недоумевая, зачем по пятам за ним несется разведчик, наполняя радиоэфир гневными голосами. Мать его, конечно, придет в ужас. Но Тупелов вряд ли сможет ему помешать...

Один из кораблей охраны двинулся навстречу небольшому пришельцу издалека, судя по всему, доставившему каких-то важных людей с Земли. Оба корабля направились прямо к Миранде, но не успели они сблизиться на достаточное расстояние, как скрылись из виду за горизонтом крошечного спутника.

Легко плывя по космическому пространству, Майкл окинул взглядом свое тело, одетое в оранжевый костюм, и едва различимые развевающиеся позади складки полей, словно наполняемые ветром. Гормональная терапия — это какие-то препараты, которые заставят его взрослеть и развиваться быстрее. Возможно, в конце концов, это и не так уж плохо. Чем скорее он вырастет, тем быстрее научится стоять за себя.

Прямо впереди показалась каменная глыба метров в десять высотой, настоящая мирандийская гора. «Ланселот», вовремя заметив надвигающееся препятствие, подал Майклу сигнал, и тот, очнувшись от раздумий, посмотрел вперед и изменил траекторию. Подобно летучей рыбе он перескочил через скалу, в то же время, подчиняясь необъяснимому порыву, набирая скорость. Интересно, сможет ли он сегодня победить управляемый Фрэнком разведчик, сыграв с ним в прятки?

Однако на самом деле Майклу больше не хотелось соревноваться с опытным пилотом и уж тем более выводить его из себя. Мелькнувший над головой Оберон быстро затерялся среди звездного неба позади.

На темной поверхности спутника вспыхнули шесть ослепительно ярких точек.

Шесть точек, на которые откликнулись пять черточек, пять тусклых пунктирных линий трассирующих пуль. Эти линии начинались где-то в космосе над Мирандой, между двумя другими спутниками, и направлялись назад к изначальным вспышкам на черной поверхности Оберона. Где-то на полпути к пяти присоединялась шестая.

Майклу потребовалось лишь мгновение, чтобы извлечь из памяти необходимую информацию, вспомнить прочитанные в детстве книги про космические войны. Он понял, что только что увидел, как шесть космических кораблей или ракет стартовали с совершенно безлюдного, как считалось, Оберона. Значит, шесть *предметов,* успешно оторвавшись от поверхности Оберона, полетели к Миранде со скоростью, значительно превышающей скорость света. Судя по всему, они двигались с последовательностью тахионных микроскачков, так что свет, испускаемый ими в середине полета, достигал глаз Майкла раньше, чем испускаемый вначале, поэтому казалось, что движение происходит в обратном направлении. Шесть предметов понеслись к Миранде с самоубийственной в такой плотной гравитации скоростью, и один из них погиб на полпути от собственного безрассудства, остальные же пять, несомненно, замедлили движение, иначе они уже давно были бы здесь...

Майкл еще не успел изменить траекторию своего полета, но

сопровождающий его корабль-разведчик резко метнулся в сторону, прикрывая мальчика сверху своим корпусом, плавно вынуждая его опуститься вниз, прямо на стремительно проносящуюся усыпанную острыми обломками поверхность спутника. Майкл услышал встревоженный голос матери, гневное восклицание Тупелова; оба они обвиняли пилота корабля в неуклюжести.

Голос Фрэнка перекрыл голоса возмущенных пассажиров:

— Майкл, забирайся сюда.

Он проревел эти слова, но все же они были наполнены счастливым спокойствием.

В то же мгновение шлюзовая камера корабля, находившаяся как раз над Майклом, распахнулась, словно пасть хищной рыбины. Мальчик послушно скользнул внутрь, и люк захлопнулся за ним прежде, чем он успел подумать, не может ли быть так, что Фрэнк, опытнейший Фрэнк, в кои-то веки ошибается. Разумеется, у него огромный опыт, но во всем, что связано с «Ланселотом», на самом деле не разбирается никто, кроме Майкла... Разведчик набирал скорость; мальчик, несмотря на защиту «Ланселота», ощущал нарастающую мощь двигателей. Закрывшийся люк прищемил край силового поля, но Майкл без усилия втащил его в корабль. Надо срочно пробраться в кабину, где находятся остальные, и переговорить с Фрэнком...

Вдруг раздался страшный удар, швырнувший разведчик, по-видимому, вниз, потому что через миллисекунду за этим последовало столкновение корпуса с поверхностью Миранды. Где-то в герметичном внутреннем отсеке вскрикнула Кармен, и Майкл понял, что она непроизвольно протянула к нему руки, желая защитить от новой угрозы. Однако в настоящий момент корабль не мог предоставить ему укрытие; больше того, маленький разведчик и все, кто в нем находился, подвергались смертельной опасности, пока Майкл находился рядом. Необходимо как можно скорее отвести от корабля силы, пытающиеся убить спрятавшегося в нем мальчика. Неожиданно Майкл понял, что его спасение зависит исключительно и только от одного «Ланселота».

Он прикоснулся к кнопке люка шлюзовой камеры, и, несмотря на сильнейший удар, пришедшийся как раз в это место, механизм сработал безотказно. Майкл молниеносно спрыгнул за борт, и не успели его защищенные мягким буфером ноги коснуться поверхности, как люк захлопнулся. Фрэнк стремительно уводил разведчик в космос, и скоро тот затерялся на фоне посветлевшего неба, исчерченного искусственными молниями

смертоносных зарядов энергии. Ожили невидимые автоматические системы защиты Миранды. Враг напал большим числом, сражение разгоралось.

Ударная волна отдаленного взрыва, подобно быстро перемещающейся стене уплотненного газа, подхватила Майкла словно бабочку и швырнула его на усеянную осколками поверхность. Надежная оболочка «Ланселота» спасла мальчика от увечий. Некоторое время он парил в наполненной непроницаемым мраком тишине. Наконец его зрение начало выхватывать участки поверхности Миранды, словно освещенные вспышками молний, тотчас же снова растворяющиеся в темноте. Майкл понял, что это сверхдейственная система защиты оберегает его органы чувств от уничтожения; несомненно, должен быть какой-то способ заставить рецепторы «Ланселота» пропускать минимум информации...

Обратившись к органам управления, конечно же, оказавшимся в нем самом, Майкл смог изменить настройку органов чувств. Когда восприятие окружающего мира вернулось к нему, мальчик обнаружил, что стоит на четвереньках, окруженный лужицами кипящего камня. Вокруг подобно одноклеточным организмам в слабом гравитационном поле парили капли раскаленной лавы. Прикрытый его рукой без перчатки обломок скалы испускал с бешеной скоростью клубы дыма и языки пламени.

Где-то над головой продолжали полыхать зарницы выстрелов. Ему надо спешно искать укрытие, звать на помощь, атаковать врага — делать хоть что-нибудь, но Майкл понятия не имел, куда повернуться, с чего начать. Просто взлететь вверх, в гущу боя, будет так же бесполезно и, вероятно, опасно, как броситься под зубья механической пилы. Майкл, пригнувшись, застыл без движения, отчаянно вслушиваясь в эфир. Наконец ему удалось сквозь непрекращающийся грохот разрывов услышать оживленный обмен неизвестными ему радиосигналами между несколькими корреспондентами. Закодированные незнакомым кодом сообщения выдавались со скоростью, превышающей человеческие возможности, и так же стремительно шли ответные сигналы.

Местность рядом с Майклом начал нащупывать сканирующий луч. Подобравшись было к самому мальчику, он двинулся прочь, но тотчас же вернулся и цепко схватил его.

Майкл вскочил на ноги. Словно в кошмарном сне из детства, куда ему теперь нет возврата, он бросился бежать, начисто забыв про возможности «Ланселота». Перед ним вдалеке возвы-

шалась груда камней, невесомых, словно воздушные шары в слабом притяжении Миранды. Объятый паникой, Майкл попытался спрятаться среди массивных обломков. Забежав за глыбу шлака размером с дом, он вдруг обнаружил, что у него под ногами больше ничего нет. Охваченный паникой, мальчик наконец догадался воспользоваться активной помощью «Ланселота». Вытянув вперед руки, словно прыгун с трамплина, он полетел по лабиринту среди скал, сомкнувшихся у него за спиной и на мгновение подаривших ему спокойствие. Скользя между многотонными махинами, Майкл ощущал лишь слабую щекотку, словно прикосновение невесомого перышка, когда силовые поля «Ланселота» ударялись об острые камни.

Наконец он снова оказался на открытом пространстве. Впереди находилась манящая россыпь скал, за которой можно было укрыться, и Майкл полетел к ней с максимальной скоростью, какую только мог развить. Теперь они с «Ланселотом» наконец остались одни, на миг оторвавшись от вражеских радиоголосов. На других частотах стали слышны голоса людей. Еще немного, и помощь придет... если только он к тому моменту останется жив.

Передышка позволила Майклу вынырнуть из моря паники и, нащупав рассудком твердую почву, попытаться сообразить, что делать дальше. Следует ли ему оставаться на месте или, быть может, лучше не прекращать движение? Мальчик полностью потерял ориентацию и теперь не имел понятия, в какой стороне находится командный пункт полигона. И еще он сомневался, стоит ли ему пытаться возвращаться туда.

Где-то совсем близко раздался сильный взрыв, и ударная волна быстро расшвыряла груду камней, среди которых притаился Майкл. Вместе с укрытием исчезли и голоса людей в эфире, снова заполнившемся потоком вражеских кодов.

Луч локатора вновь схватил Майкла. На этот раз мальчику удалось определить его источник, расположенный в какой-то сотне метров. Там двигалось что-то неживое, уверенно направляющееся в его сторону.

Майкл немедленно рванул что есть силы в противоположную сторону. Следом за ним понеслась со скоростью реактивного истребителя стая существ размером со взрослого человека, но имеющих совершенно другую форму, чтобы быть людьми. Майклу удалось увеличить скорость, и враги, скачущие по черной, усыпанной острыми камнями поверхности, сразу же отстали. Однако на их сигналы, проносившиеся мимо мальчика, стали поступать ответы сверху и спереди.

Резко прервав полет, Майкл опустился на поверхность. Угловатые тени надвигались на него со всех сторон. Мальчика снова начала захлестывать волна слепой паники, но ему с огромным трудом удалось подавить ее, защищая сознание «Ланселотом». Перед ним опять открылись неведомые глубины, куда ему лишь однажды, во время учебного поединка с Фрэнком, удалось заглянуть на какую-то неуловимую долю секунды. Время затвердело, превратившись в осязаемое на ощупь застывшее море, порожденное сгустившейся энергией.

Изменившимися органами чувств Майкл ощутил, что к нему тянется сильная нечеловеческая рука. Значит, эти существа все же не собираются его убивать... им нужно что-то другое. Прикосновение проникшей сквозь силовые поля «Ланселота» руки показалось мальчику менее живым, чем сталь, которой его иногда дружески похлопывал Фрэнк. Наполнив энергией удлиняющие правую руку силовые поля, Майкл молниеносным точным движением отбил тянущуюся к нему конечность. Он успел подробно разглядеть металлический захват, которым заканчивалась рука берсеркера-андроида, бесконечно медленно, как ему показалось, отдернувшаяся назад и снова двинувшаяся вперед.

Тем временем рядом с ним появилось еще одно безликое механическое создание. Майкл, не чувствуя, что торопится, развернулся к нему лицом. Его указательные пальцы оказались подняты и направлены на врага, причем движение это было выполнено совершенно без участия сознания. Ослепительно сверкнув, из концов пальцев вырвались мощные лучи, и механическое существо превратилось в разлетевшиеся во все стороны крошечные капли расплавленного металла и обгоревшие полупроводниковые элементы. Но с другой стороны уже появился новый берсеркер, протягивающий к Майклу стальные щупальца. Враги двигались так же быстро, как он, и они были упрямо настроены только на победу.

Но нет, они рано обрадовались! Снова палец Майкла вскинулся вверх, повинуясь неосознанной воле. Страх, ужас и ненависть, охватившие его, передались от мозга к естеству, именуемому «Ланселотом», и соединились с энергией сливающихся воедино ядер трития. И снова раздался сильный взрыв, испепеливший закованный в броню механизм.

Но все новые и новые цепкие клещи тянулись к нему. Теперь уже вся свора безжалостных машин набросилась на Майкла.

Их нечеловечески сильные, ловкие и точные конечности сомкнулись на его ногах, шее, захватили одну руку. Однако «Ланселоту» каким-то образом (сам Майкл не мог понять, что именно происходит) опять удалось отбиться от врагов и взмыть вверх со скоростью, значительно превышающей ту, что он развивал до сих пор. Космическое пространство вокруг Миранды было для Майкла закрыто; со всех сторон надвигались огромные вражеские машины, временно торжествующие победу. Но ведь это же военный полигон в Солнечной системе, вот-вот прибудет помощь...

Полет Майкла сопровождало бесстрастное и невозмутимое жужжание радиоголосов андроидов. Впереди внезапно показалось здание центра управления полетами, и мальчик резко сбавил скорость. Все защитные экраны, сверкающие зеркальными поверхностями и неказистые с виду, были подняты. Над щитами, метрах в пятнадцати от покрытой трещинами поверхности Миранды, примостился металлический гигант — похожее на мухомор тусклое серебристое чудовище. Его положение свидетельствовало о том, что монстр сосредоточил всю свою мощь в ноге, пробивающей толщу грунта.

«Малыш, ты готов сразиться с берсеркерами?»

Сзади появилась стая преследователей, слаженно перестраивающихся в боевой порядок и выкрикивающих друг другу короткие трески команд.

И снова «Ланселот» унес Майкла в измерение, находящееся за пределами времени. Но теперь мальчик уже начинал ощущать нагрузку, которую оказывает «Ланселот» на подсоединенный к нему человеческий мозг. Чувство нереальности подтачивало волю Майкла, усталость начинала сковывать конечности. Он стиснул металлическую клешню берсеркера, и сталь согнулась, начала крошиться в мощных полях «Ланселота». Но тут что-то тяжелое сдавило руки, ноги Майкла — невидимая сеть, излучающая обжигающие потоки энергии, понять природу которых у него не было времени.

И все же «Ланселоту» почти удалось освободиться от пут, он начал было набирать скорость, но окружившие его со всех сторон машины смогли прервать это движение. Слишком большая тяжесть давила теперь на него, слишком много механических рук цеплялись за складки его полей; «Ланселот» не мог взорвать, искрошить, согнуть сразу всех врагов.

Майкл услышал, как пустоту разорвал пронзительный детский крик — его крик. Затем одно из созданий с силой лесовоза

выбило из-под него ноги «Ланселота», и мальчик рухнул вниз, ударившись защищенным полями лицом о каменистую поверхность Миранды.

Призвав на помощь всю силу «Ланселота» — а теперь он уже знал, как это делать, — Майкл предпринял последнюю отчаянную попытку освободиться. В метре перед его глазами находились ноги берсеркера, успевшего для большего удобства высверлить отверстия в скале. Каменная глыба рассыпалась на мелкие осколки, выдернутые из отверстий ноги отлетели в сторону, сметаемые выпущенным «Ланселотом» зарядом энергии. Но бесчувственные машины не выпускали сеть.

Сознание Майкла, уже преодолевшего грань паники, оставалось ясным. Берсеркерам в конце концов удалось прижать его к поверхности, и они накачали воздухом большой пластмассовый купол.

Откуда-то издалека видны были вспышки излучения, доносились сотрясающие скалы взрывы, свидетельствующие о продолжающемся бое. Но пока не было слышно никаких признаков приближающейся помощи, а теперь, если она и подоспеет, будет уже слишком поздно. Металлические пальцы врагов осторожно и умело нащупывали застежки «Ланселота». Наконец застежки расстегнулись одна за одной, и единое целое Майкл-«Ланселот» оказалось рассечено надвое.

Глава 9

Пока встроенная аналитическая система Координатора исследовала пробу крови, взятой у живой единицы женского пола, он приказал, чтобы его доставили в капитанскую рубку корабля доброжилов. Там машина подключилась к важнейшим органам управления. Разница в реакции в несколько наносекунд во время космического боя может оказаться решающей, а вероятность предстоящего сражения была очень велика. Полигон зложителей может оказаться вовсе не таким беззащитным, каким кажется. Но Координатор рассчитывал применить все имеющиеся в его распоряжении силы. Управляющая программа сообщила, что сейчас самый благоприятный момент задействовать все доступные резервы и любой ценой захватить или уничтожить живую единицу, обозначаемую «Майкл Джейлинкс».

С самого начала долгого путешествия в Солнечную систему, совершавшегося со строжайшими мерами предосторожности,

Координатор хранил в своей электронной памяти подробную информацию о всех известных местных ресурсах, к которым при необходимости можно обратиться за помощью. Выполнению намеченного плана способствовало то, что на Обероне находился отряд боевых единиц, заблаговременно замаскированных на спутнике Урана с расчетом на будущее вторжение в Солнечную систему. Шесть боевых кораблей берсеркеров средней мощности, со вспомогательными роботами и механизмами, были доставлены на Оберон за три десятилетия до того, как зложители решили устроить в системе Урана военный полигон. Первоначальный замысел главных компьютеров берсеркеров, известных человечеству под названием «Директора», состоял в том, чтобы организовать из этих шести кораблей небольшую эскадру для успешного нападения на Землю. Но сейчас посланник Директоров получил инструкцию, гласившую, что захват Майкла Джейлинкса имеет не меньшее значение, чем уничтожение родного мира зложителей.

Как всегда, очень важное значение имело точное определение момента времени. Живая единица женского пола, в которой могла возникнуть необходимость, находилась на борту — исследования жизни людей указывали на то, что живые единицы, находящиеся на стадии развития, каким является Майкл Джейлинкс, обычно сильно зависят от единиц, давших им жизнь. Живые единицы доброжилов, которые еще могут оказаться полезными, пристегнутые противоперегрузочными ремнями, сидели в креслах в рубке. Берсеркер, полностью взявший на себя управление кораблем, не обращал внимания на сигналы патрульного сторожевика людей, устремившегося на перехват. В диапазоне частот от световых до радиоволн Координатор выпустил на Оберон быстрый поток кодов, содержащих максимально сжатую информацию в огромном объеме. Это послание разбудило дремавшие в готовности истребители, спрятанные на спутнике, одновременно перепрограммировав их на выполнение новых тактических задач.

Бой, происходивший в основном на и вблизи поверхности Миранды, был жестоким, но быстротечным. Координатор с электронным аналогом удовлетворения наблюдал, как быстро было подавлено сопротивление людей. Патрульный корабль был уничтожен, находившийся в космосе разведчик рухнул, искалеченный, на спутник, центр управления полетами эффективно был изолирован в упрямом сплетении собственных автоматических систем защиты. Пройдет несколько часов, прежде

чем крупные силы людей, несущие обычное дежурство в других частях Солнечной системы, успеют прибыть на место действия. Точнее, пройдет несколько часов, прежде чем кто-либо успеет понять, что в системе Урана что-то произошло.

Захватив Майкла Джейлинкса и систему оружия, которую он испытывал, — и живая единица, и оружие, похоже, были доставлены на борт корабля практически невредимыми, — Координатор выполнил задачу с высшим приоритетом, на которую был запрограммирован. Задержаться в окрестностях Миранды даже на короткое время, необходимое для уничтожения оставшейся на спутнике жизни, означало подвергать риску успех ответственного предприятия, так как преследование было неминуемо. Поэтому Координатор отдал приказ немедленно начинать отступление. Окруженный тремя уцелевшими штурмовиками берсеркеров, корабль доброжилов под непосредственным командованием Координатора покинул систему Урана и, развив максимально допустимое ускорение, направился в северную часть Солнечной системы, где, судя по компьютерным расчетам, была наименьшая вероятность столкновения с силами людей.

Как только доброжилам, находящимся на борту корабля, было разрешено отстегнуть противоперегрузочные ремни, они шумно выразили восторг по поводу победы, но Координатор несколькими словами унял их преждевременную радость. Время дорого, предстоит еще много дел, и может понадобиться помощь со стороны доброжилов. Весьма вероятно, система оружия, имеющая кодовое название «Ланселот», запрограммирована на самоуничтожение в случае захвата противником. Или, возможно, она быстро придет в негодность по какой-либо другой причине. Поэтому необходимо незамедлительно осуществить ее исследование и предварительные испытания.

Даже лежа на койке, запертая в каюте, Элли Темешвар без труда поняла, что корабль, на котором она находится, попал в самую гущу космического сражения. Резкие отрывистые тахионные разрывы невозможно было ни с чем спутать, как и звуки, от которых вибрировал корпус корабля. Определенно, это была не стыковка с вооруженным патрульным сторожевиком, на что надеялась Элли.

До того, как ее представили Координатору, молодая женщина полагала, что находится в руках небольшой группы людей — одержимых фанатиков, но едва ли отличающихся особым интеллектом. Присутствие же на борту корабля настоящего бер-

серкера в качестве главы этих людей заставило Элли полностью пересмотреть это предположение. И все же ей казалось невозможным, что ее похитители смогли собрать достаточно сил, чтобы предпринять успешное вооруженное нападение на полигон в окрестностях Урана — в конце концов, это же Солнечная система!

Однако трудно было спорить с тем, что она слышала и чувствовала. К грохоту близких разрывов, сотрясающих корпус корабля, добавилась скрежещущая вибрация, по которой Элли догадалась, что корабль опустился на каменистую поверхность одного из спутников Урана. Несколько раз открывались и закрывались шлюзовые камеры. Через пару минут звуки боя стихли, и, еще раз проскрежетав корпусом о скалы, корабль доброжилов снова поднялся в космос и лег на курс, о котором Элли могла только гадать. Вдруг у нее оборвалось сердце: она услышала человеческие голоса, голоса доброжилов, восторженно вопящих.

Через какое-то время, показавшееся ей вечностью, дверь в каюту Элли, ставшую тюремной камерой, отворилась. Увидев появившегося робота размером с человека, молодая женщина уже не испытала удивления, но все же у нее на мгновение замерло сердце. Перед глазами промелькнули картины быстрой смерти, не такие уж и отталкивающие. Ее стройное тело, выбрасываемое, например, из шлюзовой камеры...

Но машина не собиралась ее убивать. Освободив веревки, связывавшие Элли, она просто отступила назад, указывая сделанной в форме человеческой руки конечностью на дверь. С трудом встав с койки, Элли на негнущихся ногах направилась в противоположную сторону, в небольшую туалетную комнату. Машина не стала ее останавливать, но покатилась следом, оставаясь рядом и следя за каждым ее движением.

Когда в твои интимные дела вторгается бездушная машина — это совсем не то, когда такую же бесцеремонность позволяет себе человеческое существо, хотя Элли смутно чувствовала, что должна испытывать смущение. Обнаружив, что ее, по крайней мере в ближайшее время, не ждет смерть, молодая женщина испытала от облегчения легкое головокружение. Она заставила механизм ждать, нарочито медленно сполоснув руки и глотнув воды из-под крана. Затем, без возражений и не сопротивляясь, Элли позволила машине схватить себя за руку и потянуть в тесный коридор. Корабль двигался ровно и спокойно, искусственная гравитация была установлена на нормальном значении.

В коридоре к Элли и сопровождающей ее машине присоединился еще один робот. Он нес в механических руках худенькое человеческое тело с длинными светлыми волосами, облаченное в оранжевый костюм. Едва взглянув на лицо этого человека, Элли поняла: мальчик с фотографии. По крайней мере, сходство большое.

Ее родной сын? Майкл? Похоже, это именно он; только в этом случае происходящее имеет смысл. Однако у Элли внутри ничего не шевельнулось.

Рубка небольшого корабля оказалась просторнее, чем думала Элли. В ней без труда поместились шесть человек: кроме двух пленников, приведенных роботами, в углу стояли, сбившись в тесную кучу, доброжилы — две женщины и два мужчины. Женщина, смуглая, с восточными чертами лица, была гораздо стройнее той, что навещала Элли в каюте. Увидев собравшихся доброжилов вместе, Элли была потрясена тем, что все они выглядят какими-то бесполыми; больше того, неживыми, однако чем именно было обусловлено это впечатление в каждом отдельном случае, она затруднялась ответить.

Майкл по-прежнему оставался на руках принесшей его машины, но теперь его ноги касались пола, и, судя по всему, мальчик мог стоять самостоятельно. Он рассеянно скользнул взглядом по Элли, но та не увидела в его глазах никакой реакции.

В центре рубки на капитанской консоли находился Координатор, производивший — несомненно, ненамеренно — впечатление огромного паука, забравшегося на пень и опутавшего его сложным сплетением проводов и кабелей. Прямо перед ним, небрежно брошенное на пустое кресло капитана, лежало что-то похожее на первый взгляд на отрез смятой, почти прозрачной вуали.

Некоторое время в рубке царила полная тишина. Доброжилы, не сдерживаемые роботами, застыли в почтительном ожидании, к которому, пожалуй, примешивалась скука, и Элли сразу же вспомнила службы в Храме. Затем Координатор, судя по всему, отдал немой приказ. Робот, державший запястье Элли, отпустил ее и направился к креслу перед капитанской консолью, где осторожно взял вуаль одной почти человеческой рукой. Лишь сейчас Элли заметила, что вторая рука машины сильно покалечена. Верхний сустав был раздроблен и скручен, металлическая поверхность разорвана. Несомненно, это следствие недавнего боя. Однако какое оружие могло нанести такую рану?..

Раздался скрипящий голос Координатора, обращающегося к ней:

— Живая единица Темешвар, проверьте, действительно ли перед вами новая система оружия.

Застигнутая врасплох, Элли растерянно оглянулась, решив, что от нее что-то укрылось. Затем она поняла, что взгляды всех доброжилов прикованы к вуали.

— Вот это вот... на кресле? Так, значит, это какое-то защитное снаряжение? Мне о нем ничего не известно. Я уже много лет не имею дела с вооружением.

Она ощутила удивление, смешанное со стыдом, из-за собственного желания сохранить жизнь, готовности как можно полнее ответить Координатору.

— Живая единица Майкл Джейлинкс, отвечайте, — проскрежетал берсеркер.

Мальчик заговорил, не отрывая взгляда от лица Элли. Похоже, он не испытывал особого страха; возможно, это были последствия шока, вызванного пленом.

— Это то, что называется «Ланселотом»... наверное, вам это уже известно.

Наступило молчание. Доброжилы беспокойно переминались на месте. Майкл, отвернувшись от Элли, смотрел на машину, которая, несомненно, сейчас отдаст приказ убить их.

Затем, по-видимому, последовал новый приказ, и снова на субчеловеческом уровне. Робот с искалеченной рукой начал медленно, но умело, несмотря на увечье, надевать куски вуали. Он одевался словно актер, впервые облачающийся в незнакомый костюм, или скелет, примеряющий подвенечное платье. Складки прозрачной ткани мягко колыхались, исчезая на некотором расстоянии от надевавшей ее машины. От твердой осязаемой материи, какой она облегала корпус робота, ткань через пару метров словно растворялась в воздухе. Похоже, это были сложные силовые поля, хотя природу их Элли определить не могла.

«...зложити наконец осознали то, что он обладает уникальными качествами, и они собираются использовать его как часть новой системы оружия. Вам доводилось когда-нибудь слышать кодовое название «Ланселот»?»

Более или менее надежно пристегнув вуаль к голове и туловищу, робот попробовал совершить осторожные движения. Он неуклюже сделал несколько шагов, повернулся, попытался поднять руки. Элли сразу же вспомнила виденный когда-то Танец смерти.

Приглушенное восклицание Майкла, стоявшего метрах в двух слева, вывело ее из состояния завороженного созерцания. Мальчик пристально следил за действиями робота, но Элли не смогла прочесть ничего на его лице. Она снова повернулась к машине, облаченной в гротескный наряд, и через несколько секунд до нее дошло, что эксперимент проходит не так, как должен.

Неповрежденная рука робота дернулась было к одной из застежек на груди, словно машина захотела сорвать с себя душащее ее одеяние, но ее электронный мозг не мог принять окончательное решение. Искалеченная же рука тем временем в движении, поразительно напоминающем человеческое, поднялась вверх и похлопала по металлической голове — этот жест был пронизан безумным отчаянием. Затем, словно поваленная статуя, робот как подкошенный рухнул на палубу в вихре вуалей.

Рядом с ним тотчас же оказались две другие машины. Руками, движущимися настолько быстро, что человеческий глаз не мог за этим уследить, они расстегнули застежки, освобождая застывшую бесформенную груду металла от медленно колышущихся прозрачных волн. Но и после этого упавший робот остался совершенно неподвижным.

Координатор не подал вида, что происходящее хоть в какой-то степени волнует его.

— Требуется доброволец-человек, — бесстрастным голосом произнес он.

Вверх взметнулись четыре руки. Элли успела заметить, что рука Сталя поднялась чуть позже других.

— Живая единица Мабучи, — прокаркала машина.

Коренастый дьякон, шагнув вперед, приготовился взять странный наряд с кресла, куда его снова аккуратно уложили роботы. В его широко раскрытых глазах Элли увидела смешанное чувство исступления и страха.

Берсеркер снова заговорил, и Мабучи испуганно отдернул руку:

— Вы наденете «Ланселот». Сделав это, вы будете двигаться и действовать только по моей команде.

— Да, господин и повелитель.

Ответ дьякона прозвучал так тихо, что Элли скорее прочла его по губам, чем услышала. Он же психически ненормальный,

подумала она, глядя на озаренное упоительным восторгом лицо Мабучи. Как же она не заметила этого в Храме?

Дьякон замялся было, решая, как поступить со своей рясой, затем решил оставить серый балахон на себе. Роботы стали помогать ему надевать поверх рясы переливающийся маскарадный костюм. Сначала Элли решила, что голова Мабучи осталась непокрытой, но потом разглядела полупрозрачную дымку, облепившую черные волосы подобно призрачному шлему.

Машины, закончив с работой, отступили назад, но всего на один шаг. Мабучи стоял с закрытыми глазами, словно слепой вытянув вперед руки с растопыренными пальцами. Похоже, он к чему-то прислушивался, но Элли не могла уловить ни звука.

Наконец глаза дьякона открылись, его губы зашевелились.

— Я умираю? — спросил он, не обращаясь ни к кому конкретно, и его голос, лишившийся покорности, прозвучал так, словно Мабучи вдруг захотел блеснуть остроумием.

— Я не вижу никаких признаков...

Ответ Координатора остался незаконченным, так как Мабучи внезапно метнулся вперед к капитанской консоли. Стоявшие справа и слева от дьякона машины мгновенно схватили его за руки, у него за спиной непонятно откуда материализовался еще один робот со сверкающей сеткой в руках. Однако — Элли не смогла понять, как это произошло, — правая рука Мабучи вдруг снова стала свободной. Издавая странное ворчание, он ударил ею робота, стоявшего слева. Его пальцы, окутанные неожиданно засветившейся вуалью, похожие на когти хищного зверя, попали машине в переднюю часть головы. То, что у человека было бы лицом, превратилось в рваную рану с оплавленными краями, словно вместо закаленной стали была мягкая замазка.

Однако двум другим роботам удалось набросить на кричащего дьякона сияющую сеть. Тот, что находился сзади, расстегнул застежку на шее, срывая с головы Мабучи шлем из вуали. В тесной рубке прозвучало гулкое эхо, и что-то пронеслось со стремительностью ударной волны. Элли вдруг увидела, что во лбу дьякона появилась черная дырка диаметром с карандаш. Его грузное тело обмякло в руках роботов и, дернувшись пару раз, застыло.

В ящике Координатора мягко захлопнулось окошко. Элли повернулась к мальчику, бывшему, как утверждалось, ее сыном. Майкл снова пристально смотрел на нее; теперь в его взгляде присутствовал страх, а также лихорадочная работа мысли. Догадывается ли он, кто она такая?

Прежде чем Элли успела решить, стоит ли заговорить с мальчиком, один из роботов схватил ее за руку и потянул прочь. Уже выходя в коридор, молодая женщина обернулась, бросая последний взгляд на своего сына.

Искусственная гравитация в центре управления полетами была почти полностью отключена, как и многое другое. Но системы жизнеобеспечения продолжали работать в аварийном режиме. В здании еще оставались люди, способные вдыхать кислород, вырабатываемый этими системами.

Тупелов говорил, обращаясь к уцелевшему оператору уцелевшего стукача, связанного с Лунной Базой:

— Передайте адмиралу не тратить ни минуты времени, чтобы залетать за нами. Можно совершенно определенно сказать, что нападение завершено. Системы жизнеобеспечения функционируют, у нас остались не выведенные из строя корабли. Передайте ему, чтобы он направил все силы на погоню и перехват врага.

— Сэр, не могли бы вы...

— Я занят. Один раз я уже с ним говорил. Так ему и передайте.

Министр не хотел вдаваться в дискуссии по поводу плана действий; не хотел продолжительного разговора с Президентом; стоит только начать, и он надолго в этом завязнет. Сначала Тупелов хотел обдумать то, о чем он еще никому не говорил: имеет ли смысл собрать оставшиеся на полигоне корабли и лично присоединиться к преследованию?

Высоко подскакивая из-за маленького притяжения, он прошелся по просторному залу, в свете аварийных ламп принявшему странный вид. Как всегда, когда ему приходилось находиться длительное время в условиях пониженной гравитации, он начинал чувствовать первые приступы космической болезни. Подойдя к пульту экстренной связи, Тупелов ухватился за поручни, успокаивая свой вестибулярный аппарат.

— Полковник Маркус уже вернулся? Что ему удалось получить?

Маркус, надо отдать ему должное, большую, действительно важную часть своих обязанностей выполнил прекрасно. Посадив каким-то чудом подбитый разведчик на Базу, полковник сразу же закатил свои контейнеры в другой корабль и тотчас же взлетел с Миранды, удаляясь от нее последовательными опасными тахионными микропрыжками, намереваясь отлететь на такое рас-

стояние, чтобы иметь возможность заснять происшедшее на спутнике два часа назад.

— Вернулся, сэр. Желаете переговорить с ним?

— Нет. Просто покажите мне, что он принес.

С этими словами Тупелов с облегчением упал в кресло, хоть сколько-то помогавшее бороться с головокружением от невесомости. На небольшой сцене перед ним сразу же появилось трехмерное изображение.

— Они вылетели с Оберона. Проклятье!

Министр смотрел, как на объемной увеличенной картинке, обработанной компьютером, шесть кораблей берсеркеров понеслись к Миранде, и один из них взорвался на полпути, не выдержав отдачи искривленного пространства. Враг знал точно, что нужно делать, и был готов на все.

Кто-то остановился у кресла, и Тупелов, не оборачиваясь, понял, что это Кармен. Не обменявшись ни словом, они смотрели, как светящиеся точки приближаются к поверхности Миранды.

Далее последовала та часть, где автоматическому видеозаписывающему оборудованию пришлось напрячь до предела свои возможности, показывая, что произошло со щуплой фигуркой в оранжевом костюме. Точка, окруженная со всех сторон черными точками преследующих ее машин. Машины сомкнулись...

— Мой мальчик жив? Это вы хотя бы можете мне сказать?

Тупелову потребовалось несколько секунд, чтобы его мозг, сосредоточенный только на происходящей на экране борьбе, осмыслил сказанное Кармен. Как только оранжевую точку затащили на борт корабля доброжилов, тот вместе со своими собратьями взмыл вверх.

— Нет, не могу, — грубо огрызнулся Тупелов.

Кармен удивила его своими действиями. Она обошла кресло так, чтобы загородить своим телом трехмерный экран.

— Вы ранены? — встрепенулся министр; в условиях маленького притяжения женщина двигалась так, словно стала жертвой кровотечения внутренних органов.

— Я хочу знать, — твердо произнесла Кармен, — что вы собираетесь делать, чтобы найти моего сына. Его ведь захватили, не так ли? Живым.

— Уйдите от меня.

— Ответьте мне.

— Немедленно заберите ее отсюда! — крикнул Тупелов. Но прежде чем прибежавшие на его зов люди успели оттащить Кармен на несколько метров, он, повернувшись к ней, сказал: — Кармен, даю голову на отсечение: он еще жив. Я сделаю все возможное, чтобы освободить его. Все. Клянусь.

Кармен должна была слышать его, однако она ничего не ответила. Ее вывели из зала.

Не успел Тупелов начать прокручивать кадры по второму разу, как к нему балетными прыжками приблизилась женщина-адъютант.

— Сэр? На связи Президент. Он желает получить отчет лично от вас. И еще: наконец обнаружен мистер Ломбок. Он был усыплен каким-то наркотиком. Сейчас находится в больнице на Земле.

Тупелов сказал вслух, что и как надо сделать с Президентом. Когда министр выходил из просторного зала, беспомощно подпрыгивая на цыпочках словно охваченный безумным восторгом, он увидел в отгороженном на скорую руку углу сгрудившиеся вагончики полковника Маркуса, говорящего стенографистам:

— ...в самом конце, когда его уже схватили, он звал *меня*. Знаете, *меня* это *почему-то* очень *тронуло*.

Глава 10

Даже без «Ланселота» Майкл ощущал высокую скорость, с которой маленький корабль доброжилов уносился от планеты Миранда. Как только закончились неизбежные при разгоне перегрузки, мальчик почувствовал, что здесь, как и в свое время на борту «Иоганна Карлсена», искусственная гравитация соответствовала значению нормальной силы тяжести, существовавшей на поверхности Альпина.

Робот в рубке начал надевать «Ланселот», и Майкл сразу же понял, что машина погибнет в ходе эксперимента, у него даже возникла надежда, что разрушительная сила окажется заразной и заодно уничтожит и Координатора. Однако перед началом испытания устройство отключилось от своего безропотного раба, и все надежды Майкла рухнули.

Разумеется, Майкл был уверен, что и доброжил не добьется успеха, и насильственная смерть человека в рясе не явилась для него неожиданностью. Хотя прежде мальчику доводилось чувствовать смерть, но впервые он столкнулся с ней лицом к лицу здесь, и она почти не произвела на него впечатления. Просто одним врагом стало меньше, а Координатор потерпел неудачу.

Поскольку сам Майкл все еще оставался жив, берсеркерам, очевидно, было что-то от него нужно, и он собирался выяснить, что именно. После того как коренастый доброжил был застрелен, светловолосую женщину, которой не доверяли машины, увели из рубки. Эта женщина напомнила мальчику его мать, и некоторое время он был полностью поглощен мыслями о Кармен, погибшей на Миранде.

После этого трое оставшихся в живых доброжилов, повинуясь отрывистой команде Координатора, покинули рубку без сопровождения роботов. Машины осторожно сняли с мертвого робота «Ланселот», а труп засунули в устройство переработки отходов. Весь он там не поместился, и пока устройство бесшумно расправлялось с телом, ноги торчали из мусороприемника.

«Ланселот» снова аккуратно разложили на капитанском кресле. Оставшиеся в рубке три робота, выполнив задание, застыли, превратившись в часть обстановки. По сути дела, Майкл и Координатор остались одни.

Мальчик стоял в течение всего эксперимента, и теперь, подойдя к креслу — разумеется, не капитанскому, — он сел, не отрывая взгляда от машины, подобно гигантскому крабу устроившейся на консоли.

Майкл стал ждать. Координатор тоже ждал. В сгустившейся до осязаемости тишине, установившейся в рубке, мальчик пытался уловить слабейший звук, исходящий от Координатора, но тщетно. Было так тихо, что Майклу показалось: приложив некоторое усилие, он даже без помощи «Ланселота» услышит собственное сердцебиение.

Он не мог сказать, как долго ему пришлось ждать. Страх волнами накатывался на него, но Майкл боролся с ним, пытаясь защитить рассудок. Наконец он пришел к выводу, что это начинает у него получаться.

И тотчас же прозвучал голос берсеркера. Неужели машина тоже следила за ударами его сердца?

— Я предлагаю тебе расстаться со страхом.

— Вы собираетесь меня убить?

— Нет. Мои расчеты показывают: ты уже понял, что мне нужно от тебя другое. — Подождав ответа, который не последовал, берсеркер продолжал: — Зложити, использовавшие тебя, убили бы тебя сейчас, если бы смогли. Разве не так?

— Возможно.

Майкл не задумывался над этим, но теперь слова берсеркера больно ударили его.

— Однако им тебя не достать. Я буду оберегать тебя от них.

— Что вы собираетесь со мной сделать?

— Я доставлю тебя в безопасное место, где ты будешь жить долго и счастливо.

— Но почему? — недоверчиво спросил Майкл.

— Тебя необходимо изучить, потому что ты обладаешь уникальными способностями. Однако исследования, ласковые, заботливые и осторожные, не будут сопровождаться разрушением твоего организма. Твою уникальность нельзя повреждать — она может быть очень хрупкой.

— Что случилось с остальными людьми? — вдруг выпалил Майкл. — Я имею в виду тех, кто был на Миранде?

— Вероятно, многие из них остались живы. Убивать их не являлось моей первостепенной задачей.

— А те, кто находился на борту корабля-разведчика? Который летел рядом со мной, когда я... когда я...

— Корабль был подбит, но не уничтожен. Почему это тебя так беспокоит? Теперь эти живые единицы стали твоими врагами.

— На корабле была моя... мать.

Произнося эти слова, Майкл ощутил небольшую, но резкую перемену в инерционном пространстве, в котором находилось его тело; включились тахионные ускорители. Теперь преследование со стороны людей станет более сложной, но все-таки еще выполнимой задачей. Если в приключенческих книгах написана правда.

Берсеркер умолк, словно ему требовалось время вычислить, какими должны быть следующие слова.

— Твоя мать, — наконец заговорил он, — это живая единица женского пола, внутри тела которой было сформировано твое тело. Эта живая единица находится на борту корабля. Ты видел ее в этой рубке.

Майкл не смог определить, произвели ли на него какое-то впечатление слова Координатора. Обдумав заявление берсеркера, мальчик пришел к выводу, что оно может быть справедливо. Майклу уже давно было известно, что его усыновили, и он от кого-то слышал, что по крайней мере на Альпине предпринимаются попытки подбирать приемных родителей, похожих на биологических генетическим кодом и даже внешне. Женщина, которую он только что видел, очень похожа на его мать. Однако, даже если предположить, что берсеркер сказал правду, какое это сейчас имеет значение?

Машина не собиралась убеждать мальчика в справедливости своих слов.

— Когда ты впервые испытывал устройство, именуемое «Ланселотом»? — спросил Координатор.

Когда-нибудь, возможно, после того, как у него появится возможность всесторонне обдумать положение, в которое он попал, надо будет попробовать солгать. Но сейчас Майкл не видел в этом необходимости.

— Всего несколько дней назад, — ответил он.

— Где?

— На Лунной Базе.

— Какое впечатление произвело на тебя первое испытание?

— На меня? Да, в общем-то, никакого.

Майкл стиснул руками подлокотники кресла, но далеко не с такой силой, как тогда, когда только сел сюда несколько минут назад. Мальчик ощущал дрожь в мышцах спины, пытающихся расслабиться.

— А какое действие произвели на тебя таранная кость и кольцо?

— Что?

Однако где-то в самых глубинах памяти сохранились едва различимые следы. «Таранная кость — это...»

В настоящий момент берсеркер не собирался ни на чем настаивать.

— Где ты находился до того, как попал на Лунную Базу? — спросила машина.

— На Альпине. Это планета, расположенная...

— Почему тебя выбрали для того, чтобы носить «Ланселот»?

— Полагаю, потому, что другие люди начинают сходить с ума. Вы сами видели. Были опробованы многие.

Теперь Майкл явственно ощущал микроскачки, увеличивающиеся как по продолжительности, так и по частоте. Если бы только он имел возможность взглянуть в иллюминатор или на экран... но что бы это ему дало?

— Объясни смысл названия «Ланселот».

Майкл постарался вспомнить, что ему говорили про это на Лунной Базе.

— Это имя одного человека из каких-то древних преданий. Он был знаменитый боец. Еще в те дни, когда люди сражались друг с другом большими ножами и ездили верхом на животных. Лишь один человек мог победить Ланселота — его сын.

— Хочешь сейчас увидеться со своей матерью?

Сердце Майкла забилось было учащенно, но тут он вспомнил, что имеет в виду машина.

— Вы говорите про женщину... которая была здесь.

— Я же сказал, она твоя мать.

— Я... да, я бы хотел поговорить с ней.

Роботы бесшумно пришли в движение. Дверь отворилась, и при виде высокой светловолосой женщины, стоявшей в коридоре, сердце Майкла опять судорожно дернулось — но только пару раз.

Большой корабль, набирающий скорость, также сотрясала дрожь. Тупелов занимал главное место на боевом мостике. Рядом с ним сидела Кармен. Защитные средства, которыми были оборудованы оба кресла, в настоящий момент были сложены, и молодая женщина почти касалась головой плеча министра, и положение, в котором она находилась, было чем-то средним между позами просительницы и утомленной любовницы.

— Я слышала, вы отдали приказ флоту прекратить преследование и попытаться осуществить перехват, — нарушила молчание Кармен.

— Ну... да, отдал. Так увеличивается вероятность успеха. Понимаете, к преследованию подключается еще одна эскадра. Совершающий тахионные скачки корабль все равно оставляет следы, и наши люди будут тщательно изучать все, что смогут обнаружить.

— Но как мы сможем перехватить берсеркеров, если нам неизвестно, куда они движутся?

В центральной части рубки находилось объемное изображение известной части Вселенной, модель пространства, имеющего диаметр в тысячи световых лет. Большую часть времени после отлета с полигона Тупелов провел, пристально изучая это изображение; вот и сейчас он смотрел на него.

— Я делаю предположение, только и всего. — Он украдкой взглянул на Кармен. — По-моему, вы очень устали.

— Вы правы. И все же спасибо за то, что взяли меня с собой.

Тупелов, снова уставившись на дисплей, пробормотал:

— Я решил, существует вероятность того, что вы окажетесь полезной. — Он не стал уточнять, как велика эта вероятность. — В ближайшее время никаких событий не намечается, почему бы вам не сходить к завхозу? Кажется, вы вынуждены обходиться без смены белья уже дня два, а то и три.

Кармен оглядела себя. Да, она не переодевалась с момента

нападения на полигон. Дважды ей приходилось спать одетой, и она просыпалась с мыслью, что надо что-то предпринимать, но потом забывала о такой несущественной мелочи.

— Хорошо, я поищу свежее белье, — сказала она, неуютно поежившись. — Строить предположения — это лучшее, что нам сейчас остается?

Министр как-то странно взглянул на нее.

— Просто обычно это получается у меня весьма неплохо, — сказал он. — Точно так же, как у других людей получается что-то еще.

— И все же предположения остаются всего лишь предположениями, не так ли?

Тупелов, похоже, на что-то решился. На время забыв про объемный экран, он отпер маленький ящик в операторской консоли.

— Вы слышали когда-нибудь об этих вещах? Быть может, до вас доходили какие-то слухи? Это доставили Элли Темешвар и Фрэнк Маркус из места, которое мы называем Тадж. Если эти два предмета что-то доказывают, а я в этом уверен, то вероятность, предположения и законы физики в действительности сильно отличаются от тех, какими мы их считаем в настоящее время.

Два невинных с виду предмета лежали на ладони Кармен. Одним из них был маленький кубик со скругленными ребрами. На ощупь материал, из которого он был сделан, казался костью. На каждой из шести практически ровных граней были нанесены вдавленные точки; внешне кубик ничем не отличался от обычной игральной кости. Другим предметом было простое металлическое колечко, соответствующее размеру самого крупного человеческого пальца.

— Не вижу, что в них...

Тупелов взял с ее ладони кубик.

— Мы назвали его таранной костью, — сказал он. — По аналогии с суставной костью, которая использовалась в древние времена для азартных игр.

Министр бросил кубик на ровную крышку консоли. Кубик, прокатившись, остановился так, что на верхней грани была одна точка. Тупелов бросил его еще раз — с тем же результатом. Потом еще и еще.

— Шулерская кость? — спросила Кармен.

— Нет. По крайней мере, наши самые точные инструменты не обнаружили в ней ничего необычного. Центр тяжести распо-

ложен так, что согласно теории вероятностей кубик должен останавливаться в любом положении, как и обычная игральная кость. Но это не обычная игральная кость. При каждом честном эксперименте на кубике выпадает только единица.

— При *каждом*?

Тупелов в доказательство еще раз бросил кость.

— А что с кольцом?

Покрутив колечко в пальцах, Кармен снова положила его на ладонь.

— Я бы не стал надевать его на свой палец. Впрочем, это тоже пробовали делать — без всяких видимых последствий... Внимательно посмотрите на внешнюю поверхность кольца. Вам ничего не кажется странным?

Опять покрутив кольцо, Кармен обнаружила, что иногда его внешняя поверхность начинает расплываться, словно она вращается со скоростью, отличной от скорости движения остальной части кольца. Это явление прекращалось сразу же, как только кольцо становилось неподвижно. Молодая женщина попыталась как могла описать свои впечатления Тупелову, добавив:

— Однако, уверена, подобного эффекта можно добиться различными путями с использованием наших технологий. Вы это имели в виду?

— Нет. Хотя, по-видимому, это имеет отношение к действительно странному явлению, которое мы обнаружили далеко не сразу. И состоит оно в том, что окружность кольца, которое вы держите в руках, ровно в три раза превосходит его диаметр.

Кармен не сразу поняла, что он хочет сказать; наконец она заметила, что с виду кольцо совершенно круглое.

— О, это действительно так, мы проверяли этот факт точнейшими приборами. Однако для данного кольца число «пи» равно ровно трем. Все очень просто и в то же время совершенно невозможно. — Увидев, что Кармен не находит, что сказать, он добавил: — Как-нибудь на досуге вы сможете сами проверить это.

Забрав у нее кольцо, Тупелов убрал оба предмета в ящик. Затем, снова посмотрев на дисплей, он сказал:

— Майкл в каком-то смысле происходит из того же места, что и эти предметы. Он был зачат там, а потом попал в обычный мир. В наш мир.

Где-то в глубине души Кармен ощутила гложущий холодок страха.

— Что вы хотите сказать?

— Я едва ли сам точно понимаю это. Но задумайтесь об этих предметах. Внешне они кажутся совершенно нормальными. Что бы ни являлось причиной аномалии, мы не можем ни определить, ни измерить ее. Однако кольцо и кость ломают наше представление о Вселенной как о пространстве, подвластном выведенным нами законам физики и теории вероятностей. Как будто... как будто нам кто-то подарил познавательные игрушки. Нас хотят заставить задуматься. Или...

— Или?

— Или обнаружить в нас самих какие-то новые способности. А быть может, нас хотят проверить. Не знаю...

— И вы хотите сказать, что Майкл... пришел... из того же места? Вы назвали его Тадж.

— Да. Майкл действительно пришел оттуда. Ну же, не надо, Кармен, это не поможет. Итак, мое предположение следующее: Майкла хотят доставить к Директорам; это всего лишь предположение, а не строгое логическое заключение. Я же сказал, не надо. Мальчику не сделают ничего плохого. По крайней мере, я думаю, что берсеркеры будут обращаться с ним хорошо.

Закрыв глаза, Кармен откинулась на спинку кресла. Ее обескровленные губы стали под стать бледной коже.

— В таком случае куда мы направляемся?

— Первым делом мы заскочим на Альпин, потому что нам все равно по пути. Я хочу проверить, не получены ли какие-нибудь новые сведения. Затем мы полетим дальше — в усиленном составе, если мне удастся убедить правительство Альпина выделить нам боевые корабли. Полетим туда, где, как я полагаю, в настоящий момент находятся Директора и где мы сможем найти Майкла — если нам вообще суждено его найти. — Подавшись вперед, министр ткнул в объемное изображение световой указкой. — Туда, где, согласно донесениям, в последний раз был обнаружен Тадж. В непосредственной близости от Ядра.

Глава 11

В какой-то момент путешествия — и вся суть этой неприятности заключалась именно в том, что Майкл не мог сказать, когда конкретно, — он обнаружил, что, по крайней мере на сознательном уровне, потерял счет времени. У него не осталось четкого представления о том, как давно его захватили в плен.

Майкл пришел к выводу, что ему повезло, ибо это, похоже,

было единственным психологическим последствием всего того, что с ним случилось.

Женщина по имени Элли, с которой Майкл вел частые, но все еще смущенные беседы, подтвердила, что, по всей видимости, действительно является его родной матерью. Почему-то они не стали слишком долго говорить на эту тему — точнее, они вообще ни о чем не говорили особенно долго. Помимо свиданий с матерью, контакты Майкла с людьми были сведены до минимума. За ним постоянно присматривали один или два робота, но большую часть времени он проводил в одиночестве в отведенной ему небольшой каюте. Довольно часто его выводили в имеющийся на борту корабля крохотный спортивный зал, где мальчик, выполняя распоряжения машин, занимался с эспандером, гирями, на велотренажере и беговой дорожке. После этого его снова приводили в капитанскую рубку, где с ним вел долгие разговоры Координатор. Иногда Элли занималась вместе с Майклом в тренажерном зале, но при беседах в рубке она никогда не присутствовала. Временами разговоры с Координатором проходили при доброжилах, робко державшихся в стороне и всем своим видом показывавших, что они предпочли бы находиться в любом другом месте. Добровольные прислужники машин по большей части молчали, с готовностью предоставляя право вести разговор своему господину и повелителю. Обычно при этих разговорах присутствовал мужчина по имени Сталь, в облике которого было что-то металлическое, иногда к нему присоединялась полная молодая женщина, чье имя Майкл не знал. Лишь изредка в беседах участвовала худая женщина с восточными чертами лица. Один раз Майкл услышал, как Сталь назвал ее Хоси.

Изредка? Сколько бесед с Координатором у него было, если любое число раз, отличное от одного, можно назвать «изредка»? Майкл не помнил. Он потерял власть над временем.

Возможно, это происходило от того, что берсеркер гипнотизировал его или одурманивал с помощью каких-то наркотиков? Обдумав это предположение, Майкл пришел к выводу, что оно не соответствует действительности. Координатор должен обращаться с ним как можно бережнее, по возможности сохранив его таким, каким он был до захвата в плен, чтобы доставить его Директорам, где мальчику предстоит долгая счастливая жизнь. Майкл также рассудил, что беседы, которые ведет с ним машина, направлены скорее на то, чтобы поддержать в нормальной

форме его психическое состояние, и вряд ли являются серьезной попыткой обратить его в доброжила.

— Расскажите мне историю, — попробовал Майкл однажды, когда в рубке, кроме них с Координатором, никого не было.

— Какой сюжет должен быть у этой истории?

— Доброжилы.

После длившейся несколько секунд паузы машина начала рассказ. Она принялась описывать ужасы и мучения, которые пришлось перенести людям, попавшим в руки зложителей, чтобы помочь берсеркерам уничтожить огромное количество других людей.

— Все, не хочу больше слушать, — решительно оборвал Координатора Майкл.

Машина остановилась на середине предложения и не сразу продолжила дальнейший разговор.

Когда мальчик в следующий раз был вызван в рубку, он застал там вместе с Координатором Сталя.

— Расскажи Майклу, как хорошо быть доброжилом, — приказала машина своему живому прислужнику.

— С радостью.

Сталь помолчал некоторое время, словно человек, собирающийся с мыслями. Но Майклу показалось, что эта пауза, как и последовавший рассказ, была тщательно отрепетирована.

— Единственным благом жизни является то, — начал Сталь, — что она служит делу смерти.

— Почему смерть является благом? — прервал его Майкл.

Сталь выразил недоумение, показывая всем своим внешним видом: «Если ты сам этого не понимаешь, я вряд ли смогу тебе помочь». Наконец он заговорил:

— Юный сэр, если вы познакомитесь с жизнью поближе, этот вопрос отпадет сам собой.

— Вы близко знакомы со смертью?

— Смерть является целью, к которой мы стремимся, это дар обретения вечного спокойствия. Смерть...

— Но ведь вы же еще живы. Как и те две женщины.

Белокурый мужчина снисходительно посмотрел на мальчика:

— Мы нужны здесь во имя великого дела. Нам пока отказано в успокоении.

— Координатор, — посмотрел на машину Майкл, — этот человек действительно хочет умереть?

Где-то в рубке какое-то электронное устройство издало едва

уловимую мелодичную трель; в остальном в помещении царила полная тишина.

— Да, хочу, — спокойно ответил Сталь. — Понимаете, Майкл? И вы тоже нужны здесь. Даже очень долгая жизнь может быть благом, если она посвящена служению правому делу; жизнь тоже по-своему приносит удовлетворение.

Его взор на мгновение подернулся едва заметной рябью, и Майклу показалось, что Сталь ему подмигнул.

— Координатор? — на середине этого слова голос мальчика стал таким жестким, что, казалось, он вот-вот треснет. — Если этот человек хочет умереть, убейте его прямо сейчас. Я буду рад видеть, как он умрет. Мне так будет спокойнее.

Светловолосый мужчина дернулся было к Майклу, но, подобно сломавшемуся роботу, застыл на середине движения. Непроницаемая маска на миг спала с его лица, смытая волной страха, и Сталю пришлось приложить все силы, чтобы взять себя в руки.

— Майкл, маловероятно, — заметил Координатор, — чтобы тебе когда-либо прежде доводилось отдавать распоряжение об уничтожении живой единицы. Поэтому мои расчеты показывают, что такое действие не окажет положительного влияния на твое спокойствие. Следовательно, твой приказ в настоящий момент не будет выполнен.

На этом разговор был окончен, и Майкл долго не встречался со Сталем.

Еще до этого происшествия Майклу почти не приходилось видеть Элли и доброжилов в одном помещении. Должно быть, машины по какой-то причине старались держать их порознь. Элли, подобно Майклу, имела ограниченную возможность перемещаться по кораблю, и, как и мальчика, ее всюду сопровождал по крайней мере один робот. Ни она, ни он не имели никаких шансов попытаться захватить спасательную шлюпку или, проникнув в рубку, отключить системы управления кораблем.

По обоюдному молчаливому согласию разговоры Майкла с Элли всегда проходили сдержанно, словно существовала постоянная угроза, что Координатор с помощью какого-либо устройства их подслушивает. Помимо ограничения свободы, пленники не испытывали никаких особых неудобств. Но Элли, по крайней мере внешне, сильно сдала. Она похудела так, что серая ряса свободно болталась на ней. Однако молодая женщина, по-видимому, не обращала на это никакого внимания.

— *Ты-то* как держишься? — спросила она однажды Майкла и, взяв за подбородок, повернула его лицом к свету.

При этом движении машины-охранники подались вперед, готовые пресечь всякую попытку задушить ценнейшую добычу Координатора.

— Да ничего, — бодро ответил мальчик. И это действительно была правда; Майкл не знал, как и почему, но он и вправду чувствовал себя в полном порядке. — Знаешь, я, похоже, расту. Костюм жмет.

Оранжевый спортивный костюм, который он периодически пропускал через имеющуюся в его каюте мини-прачечную, по-прежнему оставался единственной одеждой Майкла.

— Да, кажется, ты прав. — Судя по голосу, Элли тоже весьма смутно представляла себе ход времени. Она как-то странно взглянула на сына. — Но твои волосы стали короче.

— Их подстригла машина... — Майкл о чем-то задумался, а потом спросил: — Элли, если ты действительно моя мать...

— Да?

— В таком случае кто мой отец?

Майкл решил, машинам уже удалось выбить из молодой женщины это признание, и теперь уже неважно, услышат ли они еще раз ответ на этот вопрос.

Но тотчас же послышался предостерегающий голос Координатора, заговорившего через одного из роботов.

— Не отвечайте на этот вопрос.

Элли, устало отвернувшись, промолчала.

Майкл поднял взгляд вверх.

— Почему мне нельзя это знать?

— Только в будущем можно что-либо изменить. Прошлое нам неподвластно.

Через несколько часов — или, быть может, через несколько дней? — когда Майкл был один у себя в каюте, один из роботов принес ему новую одежду, судя по всему, только что изготовленную на борту корабля. Это была миниатюрная копия наряда Сталя, включающая даже металлические с виду ботинки. Обычно на борту корабля не носили никакой обуви, но тут... Майкл подумал было отказаться от одежды, но вдруг его осенила новая мысль.

Быстро облачившись в свободную рубаху и шорты серебристо-стального цвета, он, схватив в охапку свой старый оранжевый спортивный костюм и отвергнутые ботинки, беспрепятственно вышел из каюты. В сопровождении неотступно следующего за ним металлического охранника Майкл прошел по коридору и попал в рубку.

— Вот, — постарался как можно небрежнее произнести он. — Мне это не нужно.

С этими словами он одновременно швырнул ботинки под консоль, на которую взгромоздился Координатор, а спортивный костюм на капитанское кресло. На этом кресле по-прежнему лежал «Ланселот», переливаясь соединенными без швов тканями переплетенных силовых полей.

Ботинки с глухим стуком упали на палубу, костюм опустился в заботливо протянутую руку робота.

За время, проведенное на борту корабля, Майкл успел многое узнать. С помощью физической силы ему с Координатором не справиться; единственный шанс — попытаться проникнуть в то, что происходит в его электронном мозгу.

«Мы — люди. Как только речь заходит о соревновании с машинами, мы — бесспорные победители. И мы победим в этой войне. Заруби это себе на носу!»

«Но сперва, Фрэнк, я должен много чему выучиться».

— Тебе не хотелось бы снова надеть «Ланселот»? — вдруг спросил Майкла Координатор.

— А разве вы мне позволите?

Теперь он обязательно задаст еще один вопрос.

— Пока нет. Я не имею соответствующих полномочий. Возможно, такое разрешение дадут Директора. О чем ты думал, впервые примеряя «Ланселот»?

Один раз машина уже спрашивала его об этом — кажется, давным-давно. Что он тогда ей ответил?

— Я вспомнил, как играл в школьном спектакле.

После этого Майклу пришлось объяснить вкратце, что такое спектакль. Мальчик послушно дал соответствующие разъяснения, хотя он и был уверен, что не сказал ничего такого, о чем берсеркеру не было бы известно.

— И какая у тебя была роль?

— Я играл Оберона.

— Ты воплощал на сцене роль пятого из крупных спутников Урана?

— Нет, я играл одного... человека. Полагаю, именно в честь него был назван спутник. Это была вымышленная история. Плод воображения. Так вот, в пьесе я носил одежду, несколько напо-

минающую то, как выглядит «Ланселот». Конечно, это простое совпадение.

— Что такое совпадение? — спросил Координатор.

— Ответ вам, должно быть, известен лучше, чем мне, — резонно заметил Майкл. — Почему вы постоянно задаете мне вопросы, ответы на которые знаете?

— Насколько тебе известно, я стараюсь сделать так, чтобы твой мозг сильно не изменился за то время, что ты находишься у меня на попечении. Поэтому я проверяю твои ответы. Итак, повтори, что такое совпадение?

«Кажется, ты начинаешь проигрывать, — подумал Майкл. — Мой мозг не может не меняться, даже если бы я этого очень хотел».

— По-моему, — вслух произнес он, — совпадение — это когда что-то происходит одновременно без каких-либо причин.

— Вымышленное существо Ланселот было в той же пьесе, что и Оберон?

— Нет, Ланселот совершенно из другой истории. К тому же он никогда не носил такую одежду...

— Здесь не будет никаких спектаклей.

— Я не предполагал, что...

— Приблизительно через пятьдесят пять стандартных минут этот корабль пристыкуется к станции, где тебя подробно исследуют. Затем через несколько стандартных часов наш полет возобновится. Мы будем находиться на борту другого корабля, более просторного и удобного, и нас будет охранять сильное сопровождение.

Десяток замыслов, менее осязаемых, чем тончайшая паутина полей «Ланселота», были разом уничтожены всего несколькими словами. Этого Майкл не мог предвидеть. Возможно, нашлись бы и другие причины, помешавшие ему осуществить план, а может быть, и не нашлись бы, но такого оборота событий Майкл просто не предусмотрел. Однако в нем нет ничего выходящего за рамки здравого смысла; у берсеркеров есть свои базы, как они есть у людей. И почему бы на первой базе, мимо которой пролегает маршрут полета, не оказаться машинам, готовым учинить пленнику допрос с пристрастием?

Но вслух Майкл сказал:

— А Элли? Что будет с ней?

— Ты хочешь, чтобы твоя мать продолжила путешествие вместе с тобой?

У мальчика не возникло сомнений, что произойдет с Элли,

если он ответит «нет»; не так очевидно было, будет ли ей лучше, если уговорить берсеркера взять ее с собой.

— Да, — наконец ответил он. — Что это за станция, к которой мы должны пристыковаться?

— Я открою иллюминатор, и ты сможешь увидеть ее, когда мы будем к ней приближаться.

Если бы Майкл попросил открыть иллюминатор стандартный день или стандартный месяц назад, выполнила ли бы машина его желание? Однако в то время корабль все равно постоянно выполнял тахионные рывки, и ничего, кроме россыпи светлячков, он бы не увидел. Через несколько минут, настроив один из находившихся в рубке больших экранов (его механический страж тем временем стоял, застыв между ним и капитанской консолью), Майкл увидел впереди на расстоянии приблизительно двести тысяч километров массивное черное тело. Слишком больших размеров для того, чтобы быть обыкновенным космическим кораблем, этот объект излучал тепловую энергию и был виден в инфракрасных лучах, однако в диапазоне видимого света он оставался практически неразличим даже при большом увеличении.

Доброжильский корабль, значительно уменьшив скорость по сравнению с той, что можно безопасно развивать в межзвездном пространстве, приближался к станции со скоростью около тысячи километров в секунду, продолжая замедлять движение. Берсеркерская база, к которой он направлялся, все еще была скрыта пылью и шумом; именно этим, подумал Майкл, обусловлено то, что она производит впечатление... производит какое-то странное впечатление.

Как будто что-то произошло.

Что-то... выбилось из фазы?

Разумеется, с точки зрения человека, любое сооружение берсеркеров должно выглядеть так, будто с ним что-то произошло. Но в данном случае что-то действительно казалось странным, даже несмотря на зловещее назначение станции. Майкл никак не мог ухватить за ниточку... возможно, он просто попал под влияние возрождающегося страха. Координатора запрограммировали обращаться с ним хорошо, но что, если компьютеры на станции впоследствии получили приказ действовать с точностью наоборот?

У Майкла за спиной послышался, как всегда обнадеживающий, голос Координатора:

— На новом корабле ты и твоя мать сможете...

Станция берсеркеров, все увеличивающаяся на экране, определенно выглядела не так, как должна, и машина резко осеклась. Предупрежденный чем-то более неуловимым, чем осознанная мысль, Майкл едва успел присесть на корточки и схватиться за стойку, и тут перегрузка экстренного ускорения в нормальном пространстве, ворвавшись в искусственную гравитацию, вцепилась в него и, швырнув на палубу, поволокла к стене. Робот-охранник, неизмеримо более сильный, склонился над мальчиком, образуя всеми четырьмя конечностями защитную клетку. Направление ускорения изменилось без предупреждения. «Ланселот», соскользнув с капитанского кресла, словно внезапно ожившее облако поплыл к Майклу. Робот ловко перехватил рукой бесшумный водопад силовых вуалей. Машина аккуратно намотала складки полупрозрачной ткани на кулак, предвосхитив практически безнадежную попытку Майкла протянуть руку к «Ланселоту».

Откуда-то из-за закрывшейся двери рубки донесся крик женщины-доброжила. Так же однажды кричала в запертой каюте его мать...

Майкл почувствовал, что, если перегрузка через минуту не ослабнет, он потеряет сознание. Казалось, какое-то космическое божество колотило огромной палицей снаружи по корпусу корабля. Ускорение начало было уменьшаться, затем снова резко скакнуло вверх. Исчезнув на мгновение, оно тотчас же появилось опять, сильнее, чем прежде. Майкл, сплетшись в клубок с внезапно застывшим в неуклюжей позе роботом, проскользив несколько метров по палубе и ободрав колени, уперся в массивное основание операторской консоли, на которой устроился Координатор. Рука, которой робот-охранник схватил «Ланселот», теперь была опутана невидимыми полями, стекающими с плеч машины словно вязкая жидкость.

Как только перегрузка ослабла, Майкл тоже обеими руками вцепился в ткань. Прикосновение к «Ланселоту» показалось ему таким до боли знакомым; мальчик уже начал забывать, что такое ощущать себя цельным — точнее, почти цельным. Даже частичный контакт с «Ланселотом» обострил его чувства и придал дополнительные силы. Воспоминания о последовательности событий, происшедших с тех пор, как у него отобрали «Ланселот», сразу же приобрели какой-то налет нереальности, словно все это случилось в кошмарном сне, от которого Майкл только сейчас начинал пробуждаться.

Координатор молчал — или в нем произошла какая-то неис-

правность, или же просто экстренное решение чрезвычайной ситуации требовало всех ресурсов компьютера. Робот-охранник почти не шевелился, но по-прежнему продолжал сжимать одной рукой «Ланселот», и Майклу никак не удавалось высвободить ткань из его металлических пальцев. С огромным трудом, рискуя быть опять опрокинутым на палубу новыми гравитационными толчками, Майкл выбрался из-под поверженного стального тела. И с еще большим трудом, набираясь силы от прикосновения к «Ланселоту», он на мгновение поднялся на ноги и, поваленный новым толчком, сумел направить свое падение на капитанское кресло. Очутившись на нем, мальчик, не обращая внимания на то, что руки его были спутаны прозрачными полями, быстро приготовил и застегнул лямки на груди и ногах, предназначенные для того, чтобы защищать находящегося в кресле от перегрузок при экстренных ускорениях и воздействиях других сил.

Майкл успел вовремя — новая смена векторов сил привела к тому, что робота подкинуло вверх и швырнуло на консоль и капитанское кресло, так что мальчик даже сквозь слой защиты ощутил мощный удар в правое плечо.

Итак, Майклу удалось завладеть капитанским креслом, но корабль по-прежнему находился в руках Координатора. Наконец машина снова заговорила с ним, но начало и конец ее фразы потонули в грохоте близких взрывов, сотрясающих корпус корабля:

— ...ложити убьют тебя, Май...

Может быть; однако сам Координатор с минуты на минуту постарается сделать то же самое, только чтобы не оставить людям ни малейшей надежды вернуть мальчика живым. Берсеркер, ты попал в западню и будешь в самое ближайшее время уничтожен — не только машины способны совершать внезапные нападения и устраивать засады.

Майкл полулежал в кресле, практически парализованный робот лежал на палубе, из последних сил стараясь вырвать «Ланселот».

Затем снова начались тахионные микропрыжки — Координатор все еще не потерял надежду вырвать Майкла из рук людей живым. Скачок, короткий миг невесомости, снова скачок, с которым переплетался грохот орудий. Берсеркеру не удавалось оторваться от нападавших, кем бы они ни были. Робот, обмотавший «Ланселотом» руку по самое плечо, беспомощно отлетел в противоположный конец рубки, разбив вдребезги какие-то при-

боры мирного назначения. Если бы «Ланселот» был из настоящей ткани, она лопнула бы или же рука Майкла оказалась бы вырвана из сустава. Но силовые поля легко растянулись, и мальчику, взмахнув обеими руками, удалось накинуть петлю из удлинившейся материи на Координатора. Многочисленные складки вуали заполнили все пространство тесной рубки. Контакт был установлен, и в течение одного долгого жуткого мгновения Майкл-«Ланселот» смог заглянуть внутрь электронного мозга берсеркера, могучего, изворотливого и в то же время безжизненного и пустого.

Переполненный яростью и отвращением, Майкл послал через поля всю мощь своей воли. Робот-охранник, отлетевший в дальний угол, дернулся один раз, словно рыба, получившая электрический разряд, и застыл неподвижно. Координатор был защищен более надежно, и справиться с ним оказалось не так просто; то, что произошло с берсеркером, имело сложный характер, однако и он на некоторое время оказался выведен из строя.

Корабль, дернувшись, совершил последний микроскачок. В тот же момент весь его корпус содрогнулся от страшного удара. Казалось, могучие челюсти хищника стиснули какое-то мелкое животное; ударная волна энергии налетела на обшивку с такой силой, что воздух в помещениях откликнулся оглушительным эхом.

После этого и полет, и бой разом прекратились. Неуправляемый корабль дрейфовал в космическом пространстве, гравитация внутри его стремительно падала. Но мертвый робот наконец ослабил хватку; когда Майкл снова потянул к себе «Ланселот», ткани-поля свободно выскользнули из безжизненных металлических пальцев. Майкл набросил на себя прозрачные вуали, скользя руками по знакомым складкам в поисках застежек, нащупывая один за другим узлы дремлющей энергии. Наконец его пальцы наткнулись на первую застежку. Это та, что должна быть на шее, подумал Майкл.

И на Лунной Базе, и на Миранде вокруг него всегда находилась группа техников, готовых помочь надеть и снять «Ланселот». Здесь помощи ждать неоткуда. Но мальчик уже успел кое-что узнать о том, как следует носить «Ланселот», и при этом ничего не забыл.

Отыскав пять основных застежек и прикрепив ткани к рукам, ногам и шее, Майкл, отстегнув защитные противоперегрузочные ремни, встал с кресла. Рубка была наполнена электронным шумом и дымом, где-то надрывно гудел сигнал тревоги, чувство-

валось, что вот-вот вспыхнет пожар. Майкл бросился к двери рубки. Перекошенная, она не открывалась, но «Ланселот» без труда справился с ней.

— Элли...

Он окликнул мать еще раз, уже громче. Воздух со свистом уходил сквозь лопнувшую обшивку. По коридору практически в полной невесомости плыло безжизненное человеческое тело, плавно направляясь к месту трещины. Обутые в ботинки ноги Сталя волочились по палубе, словно мертвый доброжил всеми силами сопротивлялся, не желая предстать перед зияющей пустынной бездной.

Майкл понял, что он сможет определить, что случилось с кораблем, и оглядеться вокруг в поисках других космических судов, только когда выберется наружу. Но первым делом он должен узнать, что с... что с Элли.

Он обнаружил мать в тесной каюте, где она запоздало попыталась пристегнуться к койке. Ее одежда была в крови, и крошечные красные капельки парили в воздухе. Едва взглянув на обмякшее тело, Майкл понял, что Элли серьезно ранена. Возможно, у нее есть переломы. Молодая женщина была без сознания. Мальчик попытался закрыть дверь, чтобы удержать в каюте воздух, но «Ланселот» выломал замок, открывая ее, и сломанная дверь не могла служить надежной преградой вытекающему газу. Майкл чувствовал, как падает давление воздуха. Он в панике попытался было заткнуть щели постельным бельем, но вынужден был отказаться от этого.

— Элли? Элли, не умирай! Я отнесу тебя в спасательную шлюпку.

Молодая женщина не отвечала. Ее застывшее лицо приняло какое-то странное выражение — быть может, она уже мертва? Каким-то образом Майклу, задыхающемуся, но не от недостатка кислорода, спотыкающемуся, яростно отталкивающему все препятствия, загораживающие дорогу, удалось осторожно вынести Элли из каюты и направиться по коридору в сторону шлюзовой камеры, где была пристыкована шлюпка.

Только он взялся за ручку двери камеры, ему-«Ланселоту» в лицо выстрелил заряд-секрет, не причинив никакого вреда. Через минуту Элли уже находилась в шлюпке, и аварийный источник быстро наполнял кабину воздухом, схожим по составу и плотности с атмосферой Земли и Альпина. Гравитация временно не понадобится. Как и было описано в приключенческих романах, в шлюпке оказался медиробот, и Майкл подсоединил

его щупальца к шее и запястьям Элли; если для раненой что-то можно сделать, умная машина теперь позаботится об этом сама.

В кабине шлюпки смогли бы с некоторыми неудобствами разместиться человек шесть, однако акселерационное кресло было лишь одно. Не успел Майкл пристегнуть к нему Элли, как она пришла в сознание.

— Майкл? — Ее едва слышный голос был тем не менее проникнут радостью.

Мальчик от облегчения почувствовал слабость.

— Держись, Элли! Ничего не говори. Скоро здесь будут корабли людей. Тебя вылечат.

— Ты такой... ты мой мальчик. — Ее безжизненный голос был чуть тронут нежностью. Внезапно он зазвучал по-другому, наполнился смыслом. — Должна сказать тебе. Твой отец... Фрэнк Маркус.

В настоящий момент эти слова были лишены какого-либо смысла.

— Ни о чем не беспокойся, — только и вымолвил через пару секунд Майкл. — Сейчас я дам старт. В этой шлюпке мы полетим навстречу людям. Нас будут искать...

За бортом шлюпки послышался металлический скрежет. Что-то размеренно и методично крушило сталь пусковой направляющей — слишком методично, чтобы это было случайностью.

Палец Майкла метнулся к кнопке пуска, застыл на четыре агонизирующих секунды; затем, повинуясь какому-то неосознанному импульсу, мальчик быстро переключил таймер на полминуты задержки и ткнул кнопку.

«Скорее из шлюпки, — мысленно приказал он «Ланселоту». — Но только так, чтобы из кабины не вышел воздух».

Майкл успел мельком увидеть, как мимо его лица мелькнул люк, и тут же...

Он уже был за бортом шлюпки, в коридоре доброжильского корабля. Люк за его спиной был снова закрыт, а может быть, он и не открывался. Вокруг то нарастали, то затихали шумы искореженных машин; улетучивающийся разреженный воздух был отравлен дымом.

Рядом со шлюпкой сидел на корточках последний оставшийся в живых робот, изо всех сил налегающий на пусковые направляющие.

«Ланселот» стремительно пришел в движение. Что-то твердое и сильное, стиснутое в его полях, мгновенно расплавилось и

одновременно раскрошилось в порошок и тут же отлетело в сторону. Майкл-«Ланселот» склонился над стальными направляющими, выпрямляя их. Стартовавшая шлюпка ослепила мальчика яркой вспышкой. Однако, целый и невредимый, он оказался в открытом космосе метрах в ста от корабля. Майкл огляделся, ища шлюпку, но ее нигде не было видно. Лишь нечеловеческие способности «Ланселота» позволили ему различить удаляющийся зигзагообразный след, теряющийся в слоях временного пространства, перпендикулярного тому, в котором находился он сам. Первое же импульсивное желание последовать за шлюпкой ни к чему не привело. Если «Ланселот» и способен на полет со сверхсветовой скоростью, нужно сначала этому научиться.

Вместо этого Майкл быстро облетел на расстоянии около километра сильно поврежденный корабль, сканируя близлежащее космическое пространство. Его особенно не беспокоило, что шлюпка улетела без него; Майкл по-прежнему ожидал, что здесь с минуты на минуту появятся корабли людей; и даже если их прибытия придется какое-то время подождать, он не сомневался, что лично ему ничто не угрожает до тех пор, пока он облачен в «Ланселот».

Однако чем внимательнее Майкл присматривался к окружающим звездам, тем больше убеждался в том, что это не то пространство, где осталась разрушенная база берсеркеров и затаившиеся в засаде корабли людей. Созвездия были просто совершенно другие. Да, память подтвердила: с начала боя доброжильский корабль успел сделать несколько тахионных прыжков, но Майкл почему-то был уверен, что в таких условиях они не могли быть очень протяженными...

У него впервые мелькнула мысль, что люди, по всей вероятности, не смогут определить, куда скрылся корабль берсеркеров, и прийти на помощь. Судя по всему, последняя отчаянная попытка Координатора оторваться от преследования оказалась успешной. Так что не следовало исключать и такую возможность, что вместо флота людей сюда первыми подоспеют силы берсеркеров.

Размышляя об этом, Майкл вдруг услышал донесшийся по радио голос Координатора, звучавший в точности так же, как прежде:

— Майкл, Майкл, вернись!

Это было так похоже на механическую пародию голоса Тупелова, что мальчик еле сдержал истеричный смешок.

— Майкл, тебе некуда лететь. Возвращайся на борт корабля, и мы вместе выработаем план спасения. У тебя нет выбора.

Майкл спокойно парил в пространстве, вглядываясь в звезды. Поблизости находилась яркая туманность — поблизости с точки зрения межзвездных расстояний.

— Майкл, тебе больше некуда лететь. Последний прыжок был очень затяжным. Поисковые отряды людей теперь ни за что не смогут нас найти. Здесь в округе на сотни парсеков нет обитаемых миров.

По голосу берсеркера невозможно было определить, лжет он или нет. Однако Майкл, подлетев ближе к поврежденному кораблю, обнаружил происходящие на борту перемены. Заработал маршевый двигатель, запасая вырабатываемую энергию, заряжая какой-то мощный аккумулятор, готовый в экстренном случае быстро разрядиться. Корабль был слишком сильно искалечен и едва ли мог самостоятельно двигаться в космическом пространстве. Координатор должен это понимать. Однако заряженный аккумулятор можно использовать в качестве примитивной, но довольно сильной бомбы.

— Майкл, вернись!

Даже «Ланселот» не сможет защитить того, на кого он надет, от такого мощного взрыва, тем более когда расстояние до эпицентра практически равно нулю. Майкл словно случайно начал медленно удаляться от поврежденного корабля.

— Майкл, ты здесь совсем один; таким одиноким еще не приходилось оставаться никому из живых существ.

В промежутках между словами берсеркера Майкл начал улавливать слабые попискивания мышки, попавшей в ловушку. Однако это, разумеется, никакая не мышь; по-видимому, одна из доброжилок еще дышит.

— Вернись, Майкл, ты здесь совсем один. Рядом только я. Вернись, и ты останешься жить.

Майкл отлетал все дальше и дальше от искалеченного корабля. Интересно, решится ли берсеркер взорвать свой аккумулятор прямо сейчас? Нет, машина скорее всего рассчитала, что сначала должна заманить его поближе, а затем уничтожить наверняка и его, и себя.

— ...вернись, и я стану твоим беспрекословным слугой...

Повреждения корабля были настолько сильные, что берсеркер не мог и думать о преследовании. Демонстративно развернувшись, Майкл полетел прочь. Впереди, на расстоянии, которое его органы чувств измеряли не в километрах, а в часах, которые потребуются для того, чтобы туда добраться, начиналась разреженная бахрома галактической туманности, и кто мог сказать, не простирается ли она на многие парсеки? Но быстро исчезающий след спасательной шлюпки, с трудом различаемый Лансом, похоже, уходил в ту сторону.

Необходимо лететь следом за шлюпкой, пока флот людей не прекратил поиски, иначе он навечно останется здесь. Движение породило страх, а страх, в свою очередь, преобразил движение в полет.

Вернуться домой. На Альпин.

Его дом находится где-то в этой галактике, и теперь никто не помешает ему полететь туда, потому что он свободен. Координатор остался позади, далеко позади, как и Тупелов, как и та женщина, мягко и коварно убеждавшая, что она его мать. (Одно время у него ведь была мысль, не так ли, последовать за спасательной шлюпкой? Но теперь он вспоминал об этом с большим трудом.)

Паника. На это надо обратить особое внимание. Майкл сознавал, что не так давно потерял голову от паники. Но потом ему удалось совладать с собой. Оказалось, просто надо закрыть глаза. Закрыть глаза и спокойно парить в этом мирном бескрайнем пространстве.

Не открывая глаз, Майкл дал своему дыханию (еще совсем недавно учащенному) замедлиться до полной остановки. С «Ланселотом» можно не дышать. Желудок тоже скрутили спазмы, но «Ланселот» и с этим справился без труда.

Умирает женщина по имени Элли, а не его мать. Впервые о том, что Элли его мать, ему сказал берсеркер, следовательно, это ложь. Берсеркеры — олицетворение зла, они всегда лгут... Кажется, что-то было сказано о том, что его родной отец — Фрэнк. Но сейчас ему очень трудно думать об этом...

Его мать... наверное, она на Лунной Базе. Но скоро она улетит оттуда — домой, к его отцу и к нему самому. Они все встретятся дома. Где, как не дома, собираться семье?

Даже если его мать еще не вернулась на Альпин, она наверняка уже в пути. А отец, разумеется, там; кто-то же должен присматривать за делом. А дело — это заказы на резьбу, ожидающие Майкла. Обняв отца, он сразу пройдет к себе в мастерскую и, дожидаясь матери, займется работой. Правда, первым делом он все же скользнет на завешенную покрывалом кровать с резными спинками и немного отдохнет. Его кровать стоит у самого окна,

за которым расстилается вечно затянутое непроницаемым покрывалом Черной Шерсти небо.

В общем-то, нельзя сказать, что он устал. Ведь с ним «Ланселот». И все же ему неудержимо хочется спать.

Не открывая глаз, Майкл отдал немой приказ: «Ланс, дай мне поспать, но отнеси меня домой». Подождав некоторое время, он понял, что ничего не произойдет. Ланс просто не знает, где его дом, — вот в чем трудность.

С неохотой открыв глаза, Майкл огляделся вокруг и не узнал, где находится. Судя по всему, искалеченный доброжильский корабль остался вне пределов чувствительности «Ланселота», и мальчик не имел понятия, в какой стороне он находится. Нависшие в нескольких миллиардах километров грозовыми тучами облака пыли не позволяли заглянуть вдаль, и в то же время при виде усеянного бесчисленными звездами неба Майклу стало неуютно. Смотреть на них было невыносимо трудно, даже несмотря на помощь «Ланселота». Его веки слипались, он так устал...

В конце концов (изучение окружающей местности заняло мучительно много времени) Майкл разглядел свободный сектор зрения, в котором различил спиральную дугу величиной в несколько градусов, находящуюся от него на расстоянии около тысячи парсеков. Эта дуга, пришел он к выводу после некоторого размышления, является частью огромного завихрения, в центре которого находится невидимое Ядро. Точнее, потративший три тысячи лет на долгий путь свет донес до его-«Ланселота» глаз то, как извивалось это завихрение три тысячи лет назад. По крайней мере, этого достаточно для того, чтобы определить, в какой плоскости лежит галактика — за какие-то три тысячи лет это не могло сильно измениться, — и прикинуть, в каком направлении находится Ядро.

А Майкл знал, что совсем рядом с Ядром находится туманность Черная Шерсть. Он смотрел в ту сторону до тех пор, пока у него не заболели глаза, а затем начал двигаться, нетерпеливо уворачиваясь от сгустков материи, проносящихся мимо и не позволяющих «Ланселоту» развить полную скорость. Домой, на Альпин...

И прежде чем у него успела зародиться первая искорка надежды, Майкл отчетливо увидел впереди Черную Шерсть. Разумеется, солнце его родного мира по-прежнему оставалось скрыто внутри, но Майкл чувствовал, что оно там, одинокий ослепительный бриллиант, окутанный черным бархатом, опоясанный

хрупкой орбитой Альпина. Через миг слезы полностью затуманили его-Ланса взгляд.

— Мама! — прошептал мальчик, протягивая руки вперед.

Теперь Ланс больше не нуждался в отдаваемых на сознательном уровне приказаниях. Обрывки материи, лежащие у него на пути, стали все более разреженными; туманность, еще совсем недавно мешавшая заглянуть вдаль, осталась позади.

Когда Майкл снова смог оглядеться вокруг, он увидел, что Вселенная изменилась. Звезды, находящиеся впереди, постепенно сбивались в кучу вокруг туманности, к которой он направлялся. В то же время их свет постепенно принимал голубоватые оттенки. Оглянувшись назад, Майкл заметил, что оставшиеся позади звезды и туманности, но только уже красноватые, тоже жались друг к другу. А вокруг него в плоскости, перпендикулярной направлению его полета, расширялся черный пояс, полностью лишенный звезд. Пропорции его тела также начинали искажаться. Пальцы на вытянутых вперед руках стали короче; плечи, казалось, все больше отодвигались назад, не поспевая за удлиняющейся шеей.

Майкл понял, что это лишь обман зрения. Через какое-то время до его сознания дошло: если лететь с большой скоростью сквозь ливневый заряд, кажется, что дождевые капли, несущиеся на тебя, возникают только впереди. Такими будут казаться и кванты света человеку, движущемуся со скоростью, близкой к световой.

Должно быть, этим же объясняются и все прочие явления, но в настоящий момент они не имели значения. Главное, он приближается к скорости света. Однако темная туманность, окруженная нимбом голубых звезд, оставалась еще впереди. Майкл не мог определить, увеличивается ли она в размерах. Ему предстояло ползти по черному пустынному коридору.

Он протянул руки вперед, далеко перед собой, туда, где находится его дом, где ждет мать. Начиная от локтей, его руки исчезли, растворившись в экваториальном поясе пустоты. Ладони его-«Ланселота» сомкнулись плотным кольцом вокруг темнеющей на голубом звездном фоне Черной Шерсти.

Майклу показалось, он услышал звук — свисток тяжелогруженого лесовоза, тянущегося по ночной дороге. Какая-то приручeнная машина, застрявшая на пустынном шоссе, извивающемся среди ледяных пустынь и девственных лесов Альпина, подала сигнал, призывая помощь человека.

«О, Ланс, я должен закрыть глаза! Ты... не знаю как, но донеси меня домой. Где я смогу выспаться».

Ланс об этом позаботится. Он что-нибудь придумает.

Наконец пришел долгожданный сон.

Глава 12

— Все как в прежние времена, Эл. Почти как в прежние.

Если хорошенько задуматься, за последнее время эти или почти эти же слова она слышит далеко не первый раз. Голос, произносивший их, звучит довольно механически, и все же определенно это живая человеческая речь, к тому же до боли знакомая. Но только теперь наконец до Элли дошел смысл слов и то, кто их произнес.

О господи, это действительно Фрэнк.

На этот раз Элли очнулась не в каюте гражданского судна и она не была привязана к койке. На ней был скафандр, и она лежала в правом пилотском кресле корабля-разведчика. Как только ее глаза полностью открылись, Элли огляделась вокруг. Кое-где ее взгляд наткнулся на незнакомые приборы и органы управления, но в целом кабина корабля и даже господствующая в ней цветовая гамма практически не изменились за десять лет... нет, минуло уже гораздо больше десяти лет... за время, прошедшее с тех пор, как она ушла со службы.

— Ой, Фрэнк... Фрэнк?

Заглянув в предусмотрительно раздраенный люк, Элли увидела в соседней кабине привычные стальные контейнеры. Боевое аппаратное обеспечение Фрэнка за это время внешне изменилось не больше и не меньше, чем внутренность кабины. Элли и прежде казалось, что истребитель, когда Фрэнк Маркус садился в кабину, становился продолжением его личности.

Если только... о боже, а вдруг это какая-то дьявольская уловка берсеркеров? Может ли так быть?

— Фрэнк? — снова окликнула Элли, пытаясь пошевелиться.

Хотя и свободная от пут, она была слишком слаба, чтобы свободно выбраться из тесного акселерационного кресла. После этого движения молодая женщина ощутила в нескольких местах боль, и только потом заметила, что к ее скафандру и, судя по всему, телу подключены медироботы. Отказавшись от попыток встать, Элли откинулась на спинку кресла, ничего не имея против легкой боли, только усиливающей ощущение реальности происходящего.

— Эл? — донесся из соседнего отсека знакомый голос. — Кажется, теперь ты действительно слышишь меня. Добро пожаловать на борт корабля.

Она пробормотала в ответ что-то совсем не к месту.

— Я вытащил тебя из гражданской спасательной шлюпки. Помнишь?

По легкой дрожи и доносившимся слабым звукам Элли поняла, что разведчик летит со скоростью, близкой к световой.

— Нет, как вытаскивал, не помню.

— Но как ты туда попала, помнишь? Бежала с доброжильского корабля? Главное, мне нужно знать, остался ли там еще кто-либо живой. Это очень важно.

— Там был один мальчик. Он помог мне сесть в шлюпку... Не знаю, удалось ли ему самому выбраться с корабля. У него был... на нем был надет «Ланселот». Если ты знаешь, что это такое...

— Это он. Майкл. Где он сейчас?

— Не знаю, Фрэнк. Я не знаю, где *я*.

Но он ее не слушал.

— Интересно, смогу ли я протащить этот проклятый луч через...

За пультом управления он производил еще меньше движений, чем требовалось на его месте пилоту с обыкновенным телом из плоти и крови, но Элли по едва заметным признакам поняла, что Фрэнк напряженно работает. Опасение, что все происходящее подстроено берсеркерами, быстро улетучивалось, и это приносило огромное облегчение.

— Соедините меня напрямую с министром Тупеловым, — включил рацию Фрэнк. — Срочное донесение от полковника Маркуса.

— Тупелов? — удивленно промолвила Элли.

— Он неподалеку, во главе эскадры. Обожди немного, Эл, дай я все быстренько доложу начальству. — Фрэнк начал выдавать подробные межзвездные координаты, совершенно непохожие на то, что ожидала услышать Элли, и от этого только еще более убедительные. — ...и я доставлю ее прямо к «Большому К». Спасательную шлюпку взял на буксир, тащу ее на кабельном луче приблизительно в пятидесяти кликах позади, на тот случай, если зложити замыслили что-то нехорошее. — Оторвавшись от передатчика, он повернулся к Элли: — Что ты можешь сказать наверняка про этого мальчика?

Молодая женщина подробно описала последние минуты, проведенные на борту корабля доброжилов; Фрэнк выдал в микрофон новую порцию информации.

— Значит, здесь целая эскадра, — сказала Элли, когда он наконец закончил сеанс связи.

— Да. Ну... В общем, я не знаю, много ли тебе известно. Если ты находилась на борту того корабля, когда мы по нему долбанули, ты должна была быть в нем еще на нашем полигоне. Однако не пытайся убедить меня, что ты переметнулась к доброжилам, я все равно в это не поверю.

— Нет. Нет, я была захвачена силой.

Элли, запинаясь, торопливо рассказала про то, как была похищена из Храма.

— Ну хорошо, раз ты так говоришь. Мне твоего слова достаточно.

Однако, вероятно, другим этого будет недостаточно. Но в настоящий момент даже возможное обвинение в связях с доброжилами казалось Элли несущественной мелочью.

— Разумеется, на борту корабля находились доброжилы. Насколько мне известно, трое из них оставались живы. Не знаю, что с ними стало, когда вы обстреляли корабль. Вы гнались за нами от самой Солнечной системы?

— Больше стандартного года. Однако в основном мы пытались перехватывать, а не преследовать, и наконец это нам удалось. Тупелову по мере продвижения вперед удалось собрать настоящую армаду, черт побери. В каждой обитаемой системе, где мы появлялись, нам с готовностью давали один-два корабля.

Потом мы наткнулись на базу берсеркеров — полагаю, в окрестных мирах уже давно знали, что она здесь, по крайней мере, где-то в этом районе, но ни у кого не хватало духа напасть на нее. Видишь, не было бы счастья, да несчастье помогло. Разгромив базу, мы оставили ее шкуру на месте, набив ее всякими мудреными приспособлениями, отвечающими на внешние сигналы. После этого часть наших сил разлетелась по домам, но все ребята с Солнечной системы остались; мы проторчали в засаде у этой станции почти стандартный месяц. А потом показались вы — доброжильский корабль и сопровождение.

Тупелов знает свое дело, в этом ему не откажешь. Он даже захватил с собой мать этого малыша на тот случай, если нам удастся получить его обратно живым. Признаюсь, я не верил, что существует хоть малейшая вероятность этого.

— Фрэнк, это я его мать.

Последовало непродолжительное молчание. Затем:

— Эл, у тебя начинается бред. Эти твари что-то с тобой сделали.

— Нет. Как ты полагаешь, почему меня похитили? Майкл... появился в результате моей искусственно завершенной беременности — это произошло тринадцать лет назад или около того. Подумать только, так давно...

— В результате искусственно завершенной беременности... Не знал, что ты была беременна. По-моему, зложити все же поорудовали с твоим мозгом.

Элли покачала головой, совершенно ясной.

— Разумеется, где-то у Майкла должна быть приемная мать. Возможно, эта женщина находится вместе с эскадрой. Но я не знаю, как ее зовут.

— Ее зовут Кармен Джейлинкс. Однако *я* ничего не слышал о том, что она приемная мать. Разумеется, это ничего не доказывает. — Голос Фрэнка замедлился, стал задумчивым. — Но...

— Она родом с Альпина, ведь так?

Прошло несколько секунд, на протяжении которых ящики Фрэнка казались безжизненными механизмами. Наконец его громкоговорители снова ожили.

— Наверное, на борту корабля у вас было время поговорить.

— Предостаточно. Но только потому, что я его родная мать. Берсеркерам это было известно. Тупелов тоже все знает.

— Что ж, когда я возвращусь на «Большой К», вы с ним сможете все подробно обсудить... Подожди-ка. Альпин, около тринадцати лет назад, так? Мы же с тобой как раз тогда были там. Это случилось вскоре после того...

Ящики снова застыли без движения, на этот раз настолько внезапно, что, казалось, кто-то щелкнул невидимым рубильником, разом отключив все питание. Элли молча ждала.

— Беременность была в самой начальной стадии? — наконец спросил Фрэнк.

— В самой начальной. Ты прав, Фрэнк. Майкл твой сын.

— Ты был готов убить его. Ты отдал приказ убить его. Разве не так?

Голос Кармен дрожал, готовый вот-вот сорваться. Ее лицо превратилось в маску, олицетворяющую гнев и ненависть.

Тупелов озабоченно следил за ней, устроившись в противоположном углу просторной каюты на борту «Иоганна Карлсена», которая могла бы с успехом служить роскошным залом за-

седаний. Он пришел к выводу, что Кармен после всего пережитого необходимо выплеснуть на кого-нибудь свой гнев, и все же счел своим долгом поправить преувеличение.

— Не совсем так, Кармен. Ты несправедлива. Я просто отдал приказ уничтожить корабль и сопровождение любой ценой.

— «Не совсем так», — слабо вскрикнула Кармен надтреснутым голосом.

Вдруг она начала судорожно оглядываться вокруг, точно ища, чем бы в него запустить. Естественно, ничего стоящего под рукой не нашлось, так как на борту боевого корабля обстановка и вообще все предметы были надежно закреплены на случай экстренного изменения гравитации или перегрузок.

Кармен отвернулась от него, и Тупелову пришлось напрячь слух, чтобы разобрать окончание ее фразы.

— Вот уже целый год ты пытаешься убить моего сына, ты гоняешься за ним, чтобы его убить — с тех самых пор, как его захватили в плен. И даже сейчас, после того, как та женщина сообщила, что он жив, ты отдаешь приказ гоняться за ним по всей галактике и при необходимости стрелять...

Она залилась слезами.

— Я сказал: «Стрелять при необходимости». Если не будет другого способа не дать берсеркерам захватить его. Кармен, Майкл ведь уже провел с ними целый год. Откуда ты можешь знать, не будет ли лучше, если его убьют?

Взяв себя в руки, Кармен выпрямилась.

— Скажи это его отцу. Скажи это полковнику Маркусу. После года, проведенного в космосе вместе с полковником, я его немного узнала. Это он убьет *тебя*, если ты отдашь ему такой приказ.

— Ему наплевать на детей, в том числе и его собственных.

— Ты так думаешь? Похоже, вы с ним ни разу об этом не говорили.

— Ладно. Так или иначе, пусть он вырвет Майкла из рук берсеркеров — как угодно, все равно как. И «Ланселот» тоже. А потом, если захочет, — пусть убивает меня.

Однако, произнося эти слова, Тупелов думал, что подобное очень маловероятно.

По крайней мере, Кармен снова слушала его, и он добавил с железобетонной выдержкой:

— Я действительно очень хочу, чтобы Майкл вернулся к нам живой и невредимый. Честное слово. Черт побери, как ты думаешь, зачем я взял тебя с собой — чтобы согревать мне постель?

Нет. Возможно, ты будешь полезной ему и нам, поможешь ему прийти в себя — если только он снова окажется у нас. А теперь, похоже, у нас появился шанс. Как ты думаешь, почему я разбил эскадру на поисковые отряды? Ты права, если нам не будет сопутствовать успех здесь, мы продолжим поиски и, если потребуется, перевернем вверх дном всю эту чертову галактику! Мы будем искать Майкла до тех пор, пока не найдем, или не умрем от старости, или пока берсеркеры не научатся использовать его и тогда победят в этой войне.

— Почему ты отдаешь этому все силы? Почему?.. Потому, что хочешь вернуть свое супероружие?

— Мы на войне.

И тотчас же Тупелов подумал, что мог бы сказать что-нибудь получше.

Глава 13

«Я лечу еще быстрее, чем прежде».

Это была его первая отчетливая мысль, появившаяся сразу же, как только он снова начал воспринимать себя и окружающую действительность, и в течение довольно продолжительного времени это была его единственная мысль. Через неопределенно долгий промежуток времени возник вопрос: «Не открыть ли глаза, или лучше воздержаться от этого?»

Майкл почему-то опасался того, что может увидеть, если все-таки откроет глаза. Однако возник определенный физический дискомфорт, с которым «Ланселот» почему-то не мог успешно справляться. Руки и ноги Майкла затекли, шея и торс ныли. Что, впрочем, ничуть не мешало свободе движений. Не открывая глаз, мальчик недовольно поморщился и потянулся — так, словно он лежал в уютной кровати с резными спинками под теплым стеганым одеялом. И все же он понимал, что по-прежнему находится в открытом космосе, и не торопился открывать глаза, чтобы подтвердить кое-какие неприятные ощущения, связанные со скоростью.

И это ощущение было внутренним. Впрочем, другое внутреннее чувство заверило Майкла, что его полет проходит по прямой — в том смысле, что по самой экономичной траектории — к цели, которую смог рассчитать «Ланселот». Другое дело, как выглядит маршрут в терминах объективных пространственных линий, проведенных в космосе.

Необходимо как можно скорее открыть глаза, но Майкл боялся сделать это. Еще крепче зажмурившись, он сначала отдал мысленную команду сбавить скорость и сразу же — как если бы он находился на борту космического корабля — ощутил мягкий толчок, свидетельствующий об окончании тахионного скачка.

Лишь после этого, открыв глаза, Майкл, моргая, огляделся вокруг, изучая галактический пейзаж. Взгляд его, которому не мешала атмосфера, выделил приблизительно полмиллиона ярких сфокусированных точек — звезд; лишь горсть из них лежала за пределами галактики, остальные же небесные светила, как всегда, были скрыты туманностями, темными и светлыми. И сразу же Майкл понял, что ближе всего к нему находятся теперь не те звезды, что были рядом, когда он последний раз отчетливо видел неискаженное пространство, перед тем как нарастающая скорость размыла очертания Вселенной.

Темная туманность, которую он видел тогда так же отчетливо, как Черную Шерсть, и к которой так отчаянно стремился, теперь исчезла, растаяв безвозвратно, словно провожавшее заход солнца облачко в предрассветный час.

Неприятные ощущения не проходили. Решив выяснить, в чем дело, он с удивлением обнаружил, что вместо своего тела видит лишь нечеткий контур. «Ланселот» очень сильно изменился, а может быть, все дело было в том, что полет проходил в гиперпространстве. Прозрачные разреженные силовые поля преобразились в матовую, прочную на вид материю. В целом «Ланселот» превратился из тончайших вуалей во что-то, внешне напоминающее тускло светящийся кожаный чехол, хотя позади Майкла по-прежнему развевался длинный хвост вроде кометы. Плотная ткань туго обтягивала его голову и плечи. Руки, торс и ноги скрылись под матовым покрывалом. А ощущение неудобства происходило из тех мест, где «Ланселот» был пристегнут к его телу.

Майкл видел сквозь «Ланселот» глазами «Ланселота» — ничуть не хуже, а может быть, даже лучше, чем если бы на нем просто ничего не было надето. Но под новым слоем защитных полей застежек не было видно. Протянув руку, чтобы нащупать их, Майкл сделал новое открытие: одежда ему жмет, больше того, она стала ему просто невыносимо мала. Невидимые рукава едва доходили до локтей, пояс давил, и штаны пришлось расстегнуть.

В настоящий момент Майклу не пришло в голову ни одного разумного объяснения внезапной усадке ткани, и он не стал особенно над этим задумываться. Поправляя ставшую тесной одежду и перестегивая застежки «Ланселота», мальчик вдруг поймал себя на мысли, что исчезновение Черной Шерсти может означать нечто большее. Возможно, он с самого начала допустил ошибку, в страхе и смятении приняв за туманность первое же темное пятно, попавшееся ему на глаза.

Чем больше Майкл над этим думал, тем более вероятным ему казалось подобное объяснение. Конечно, оставался шанс, что он по-прежнему находится где-то в той же части галактики, что и Альпин, и один из черных клочков — а ему сейчас их было видно несчетное количество, выделяющихся на фоне ярких излучающих и поглощающих туманностей, — и есть все-таки Черная Шерсть. Он понимал, как разительно меняется строение галактики в зависимости от расстояния, с которого на нее смотришь. Мало того, что разглядывать предмет с разных расстояний означает видеть его в разные моменты времени; к этому добавляется и более простой эффект, аналогичный тому, который наблюдается в обычных горах на любой планете. Когда рассматриваешь их вблизи, мелкие подробности не только преображают до неузнаваемости общую картину, но даже просто не дают возможности ее хорошенько рассмотреть. Может быть, он в данный момент находится у подножия огромной яркой или черной горы, скрывающей от него ту единственную туманность, которую он ищет, — даже Черная Шерсть, когда находишься внутри ее или за ней, может скрыть из виду само Ядро.

Сейчас Майкл не видел ничего похожего на Ядро. Едва ли это можно было рассматривать как свидетельство того, что Альпин находится где-то поблизости, однако все же мальчик был волен считать это обнадеживающим знаком — что он и сделал. Его не покидало чувство, что Ядро по-прежнему находится где-то впереди — в том направлении, в котором он летел.

В том же направлении Майкл и хотел продолжать движение. А продолжение движения, если он собирался куда-либо попасть, означало, что ему необходимо сделать еще один тахионный скачок. Как он уже успел выяснить, это находится в пределах возможностей «Ланселота»; оставалось только установить полный осознанный контроль.

Впервые с тех пор, как он открыл глаза, Майкл сделал глубокий вдох. Несомненно, «Ланселот» вырабатывал превосходный воздух, и все же он испытал странное чувство, когда его легкие полностью расправились. Где-то лопнула ткань расстегнутой рубашки. Желая убедиться, правильно ли он сориентировался в пространстве, Майкл сделал медленный разворот в от-

крытом космосе и вернулся в исходное положение. Огромное звездное облако Ядра по-прежнему оставалось невидимым, но мальчик был убежден, что оно находится впереди.

Энергию, необходимую для тахионных скачков, ни «Ланселот», ни, по правде сказать, любой другой космический корабль не могли извлечь ни из одного известного вида топлива. Поэтому Лансу пришлось взять на себя функции, осуществляемые обычно огромными массами механизмов, использующихся для межзвездных полетов, — определить силовые течения самой галактики, неиссякаемые богатейшие потоки энергии, испокон веку перетекающие между полюсами необъятного пространства, где не могут существовать обитаемые миры, влиться в них и войти в полетное гиперпространство.

Майкл лишь теперь понял, что он только начинает узнавать «Ланселот». Однако к уже имеющемуся опыту добавилось понимание того, как ему следует оформлять немые вопросы, с которыми он обращался к своему «партнеру». Для этого требовалось одновременно расслабиться и максимально сосредоточиться.

Итак, сфокусировав все свое внимание на том, что впереди, Майкл снова обнаружил «дверь», приоткрытую перед ним Лансом, и вошел в нее. За этой «дверью» начиналось странное и практически лишенное связи с временем существование, с которым до сих пор Майкл сталкивался только во время боя. Теперь он увидел, что здесь, где-то чуть ниже границы нормального пространства, также проходят те силовые течения, в которых предстоит плыть им с «Ланселотом».

На этот раз его глаза во время перехода оставались открытыми, и он видел россыпь фейерверков, сопровождающих тахионный скачок. Хаотические потоки радиации, отсутствовавшие в нормальном пространстве, хлынули ливневыми потоками со всех направлений. Ланс привнес с собой в гиперпространство островок нормальности, и каким-то образом ему удалось отыскать путь, имеющий хоть какой-то смысл. Расстояние превратилось в нечто такое, чем оно не должно было быть. Тени гравитационных масс, оставшихся в нормальном пространстве, проникали сюда, и от столкновений с ними надо было уклоняться.

Эти тени зловеще сгущались.

Фейерверк внезапно закончился — прежде, чем Майкл был готов осознанно пожелать этого. Ланс по какой-то причине прервал скачок на середине.

Первое мгновение после того, как вернулась стабильность, Майкл сомневался, действительно ли «Ланселот» возвратил его

в нормальное пространство. Они плавно парили, почти не двигаясь, в облаке каких-то твердых кристаллов, невероятно густом для межзвездного пространства. Складки и волны этого облака уходили в непостижимые разумом дали, озаряемые галактическими зарницами. С помощью зрения Ланса Майкл мог разглядеть, что каждая кристаллическая частица, очень твердая и однородная, имеет правильную форму. Ланс проник внутрь молекулярного и атомного строения этих кристаллов, но ни он, ни Майкл не могли дать им название. Самые крупные частицы были не больше тысячной доли миллиметра в поперечнике, а среднее расстояние между ними составляло всего несколько десятков метров.

Это на что-то похоже... наконец Майкл вспомнил. Очень твердый камень, вставленный в золотое кольцо, которое иногда надевала его мать.

Как далеко простирались поля алмазной пыли, «Ланселот» не мог определить. Несомненно, по крайней мере, в разных направлениях и на расстояние, значительно превосходящее обычные межпланетные значения.

Скользнуть обратно в полетное гиперпространство здесь, среди такой плотной материи, было, очевидно, невозможно даже для «Ланселота», без труда избегавшего столкновений среди густого переплетения гравитационных теней, где было бы тесно корпусу самого миниатюрного космического корабля. Майкл пустил Ланса вперед с максимальной досветовой скоростью, которую можно было безопасно развить в этих условиях, и, снова поддавшись внезапно нахлынувшей усталости, заснул.

Проснувшись, он обнаружил, что головная боль прошла, и с облегчением установил, что по-прежнему летит вперед, в том направлении, куда, как он был уверен, и должен лететь. Облако мелкой алмазной пыли, преграждавшее путь, стало заметно реже. Вокруг Майкла, прикрывая его голову и плечи, тускло светилась защитная оболочка в виде тупого конуса, мало чем уступающая защите большинства космических кораблей. Время от времени в защитных полях то тут, то там вспыхивала искорка от столкновения с крошечным кристалликом — судя по всему, Ланс решал, что в данном случае эффективнее уничтожить микрочастицу, чем пытаться уклониться от нее.

И снова в руках, ногах и шее Майкла возникли странные ощущения — но теперь это была не болезненная неприятная теснота, а что-то необычное и незнакомое. По-прежнему лишенный возможности осмотреть свое тело, Майкл решил постарать-

ся нащупать, в чем причина. Проведя правой ладонью по запястью левой руки, он был неприятно поражен открытием, что не может больше нащупать застежку, соединяющую его с «Ланселотом». Силовые поля и живая плоть, казалось, переплелись между собой так тесно, что Майкл больше не мог определить, какое из его чувств порождается какой материей.

Пытаясь побороть растущее беспокойство, он принялся растирать руки, ноги и шею. Странные новые ощущения не были сами по себе неприятными, и Майкл решил, что со временем, если они не пропадут, привыкнет к ним. Однако, похоже, они не собирались проходить; и через некоторое время Майкл осознал, что его тело не только слилось воедино с «Ланселотом», но и само претерпело изменения. Материя, из которой оно состояло, значительно уплотнилась, а одежда, еще совсем недавно жавшая повсюду, теперь вообще куда-то исчезла.

Майкл попытался ухватиться за успокоительную мысль, что это всего лишь следствие необходимых защитных мер, предпринимаемых «Ланселотом». Должно быть, для полета со сверхсветовой скоростью эти изменения обязательны. Вернувшись домой, он сразу же станет снова таким, каким был раньше. Ланс обо всем позаботится, он позаботится об обратных превращениях... А потом родители обнимут его, и он сможет переложить на их плечи все оставшиеся проблемы.

Самое главное — ему надо вернуться домой. Тогда все будет хорошо. Он наконец-то сможет выспаться. Выспаться по-настоящему, в просторной кровати с резными спинками.

Ощущение времени все еще было каким-то искаженным; после некоторого размышления Майкл пришел к выводу, что оно вообще исчезло. Внимательно оглядевшись вокруг, он обнаружил, что определенно все изменилось. Алмазы пропали. Впереди и сзади нависли скопления звезд, с виду не менее плотные, чем дым, однако все-таки далеко не такие густые, как Ядро. Эти звездные облака, казалось, застыли без движения. Быть может, «Ланселот» научился компенсировать искажение зрения, вызываемое приближением к скорости света? Впереди также находилась густая масса темной материи, которая могла быть, а могла и не быть частью Черной Шерсти.

На фоне этой черной массы — возможно, именно это зрелище и разбудило Майкла, заставило его полностью сосредоточиться — выделялось пятно света. Судя по всему, объект должен был быть огромным, превосходящим размерами все мыслимые гигантские звезды, однако он имел крайне неоднородное строе-

ние и неправильную форму. Спектр его излучения, особенно сильный в синей и более коротковолновой области, указывал на то, что Ланс оберегает глаза Майкла от опасной радиации.

Резко изменив курс, Майкл направился прямо на неизвестный объект. Обыкновенное любопытство заставило его забыть на время о том, что у него есть и другие цели. Даже несмотря на то, что он двигался с досветовой скоростью, огромное белое пятно стало заметно увеличиваться в поперечнике. Вдруг до Майкла дошло, что это не яркое тело, видимое на отдаленном черном фоне, а пучок света, проникающий сквозь мрак.

По мере того как он приближался, светлое пятно увеличивалось в размерах, а яркость его свечения усиливалась до безграничных пределов. Пролетев сквозь последнюю преграду космической пыли, Майкл с удивившим его спокойствием обнаружил две вещи: во-первых, скорее всего за все время полета он так ни разу и не видел Черную Шерсть; во-вторых, теперь, вероятно, у него появилась настоящая возможность отыскать ее.

Прямо перед ним сияло Ядро.

Последовал неизмеряемый промежуток времени, в течение которого Майкла не покидало ощущение, что он поднимается вверх. Ему почему-то казалось, что он плывет вверх, в гору. Он вынужден был изо всех сил работать руками и ногами, однако эти движения не вызывали усталости. Благодаря Лансу физические усилия не истощали его силы, и Майкл имел возможность двигаться долго и без перерыва.

Широко раскинув руки-крылья, он плыл или летел в галактических силовых течениях, продвигаясь на север галактики. Вокруг него и под ним большими голубоватыми лампами сияли звездные скопления, расположенные на самом краю галактики. «Ланселот» выпустил из каждого пальца Майкла квазиматериальную паутину длиной в несколько километров. За его движущимися ногами тянулся длинный разреженный шлейф, теперь ставший похожим скорее не на вуаль или кожу, а на языки пламени.

Майкл поднялся на такую высоту, что уже только для того, чтобы удержаться на ней, ему требовалось прилагать много сил. Его подъем достиг наивысшей точки, и наконец он получил то, чего добивался. Внизу под ним раскинулась единственная существующая в природе карта всей галактики: этой картой была сама галактика.

Открывшаяся перед ним картина очень приближенно напо-

минала вид из флаера, низко зависшего над огнями ночного мегаполиса. Огромные магистрали спиралей изгибались чуть сильнее, чем должны были бы, — следствие удаления их конечных точек от Майкла, в результате чего он наблюдал их в различные моменты цикла обращения длиною в бесконечность. Сказочные облака Ядра, находящегося приблизительно в десяти тысячах световых лет прямо под ним, не могло разделить на отдельные звезды даже зрение Ланса.

И Майкл никак не мог избавиться от первого ощущения, которое испытал, увидев Ядро: оно, как и в свое время база берсеркеров, выглядело не так, как должно было бы выглядеть. Что-то... нет, он пока еще не мог определить, что именно привлекло его внимание.

Изучая карту, которая должна была привести его домой, Майкл постоянно был вынужден отвлекаться на различные раздражения — со спины сквозь «Ланселот» проникали различные виды излучений, незнакомых ему. Он ощущал неизвестные частицы и еще что-то, более мелкое, чем элементарные частицы, чему никогда не удавалось достичь внутренних миров, спрятавшихся под облаками дорог, по которым тащилась история человечества. Майкл почему-то был уверен, что еще не создан звездолет, способный подняться до этих высот и исследовать незнакомые частицы.

Неизвестное хлопало его по плечу, манило за собой.

Движением опытного пловца Майкл, чувствуя, как у него защемило сердце, перевернулся на спину. Галактики, затерявшиеся в бескрайнем космосе, выглядели в точности так же, как и прежде. Прямо над ним начиналось нормальное пространство, наполненное спиралями, звездными скоплениями и туманностями, теряющимися вдали, у границ зрения «Ланселота», различавшего их лишь как крохотные красноватые искорки.

Майкл явственно ощущал зов неведомого, однако не имел понятия, как на него ответить. Развернувшись, он продолжил поиски дома.

Прочтя в свое время множество книг о космических приключениях, Майкл приблизительно представлял себе расположение ответвлений галактики. Ему также помогли случайные разговоры с людьми, разбиравшимися в астрогации, имевшие место в тот короткий промежуток времени, когда такие люди его окружали. Майкл, внимательно изучив раскинувшуюся перед ним огромную карту, наконец принял решение, на каком из спиральных ответвлений остановиться. После этого он с механической дотошностью принялся исследовать выбранную спираль у ее основания.

Наконец — сколько времени потребовалось для этого «наконец», его рассудок отказывался вычислять, — наконец Майкл различил в выбранном ответвлении одинокую черную туманность, имевшую такие размеры и форму, что Ланс и Майкл единогласно решили: разумно предположить, что это и есть Черная Шерсть. Маковое зернышно, одно из тысячи подобных, затерявшееся на белой скатерти.

Туманность была диаметром не больше нескольких сотен световых лет, и Майкл видел ее такой, какой она была много тысяч лет тому назад. Не было никаких причин для уверенности, однако он почему-то твердо знал, что это именно то зернышко. Как будто у Ланса развились способности проникать сквозь пространство и даже гиперпространство, о которых Майкл мог пока что только догадываться.

К нему тянулись спиральные щупальца галактики. Майкл тронулся в путь домой.

Глава 14

Он в Черной Шерсти — Майкл был в этом уверен. Он уже некоторое время находился в гуще темной непроницаемой туманности, направляясь к ее скрытому от глаз сердцу. К дому.

Когда-то Майкл точно представлял себе, чем именно займется, когда попадет домой. Что будет делать и в каком порядке — но где теперь этот четкий план?

В то время, как часть его сознания беспокоилась по поводу этих вопросов, Майкл прокладывал свой-«Ланселота» путь во внутренние глубины мрака Черной шерсти. Он уже нисколько не боялся, что заблудится, — Ланс не даст ему пропасть, где бы он ни находился. К настоящему времени Майкл научился по образцам материи и потокам излучения, пронизывающим туманности, определять их размер, направление движения и кратчайший путь к цели. У него крепло убеждение, что в середине этой туманности находится огромное пустое пространство, омываемое лучами одинокой звезды.

Интересно, открыта ли до сих пор Горловина, через которую в свое время он в составе могучего флота покидал родную систему? Майкл этого не знал, да и не хотел знать. Для того чтобы проникнуть сквозь туманность, Горловина ему не требова-

лась, поэтому он не стал терять время, отыскивая ее в непроницаемом черном лабиринте. Спокойное скольжение между молекулами газа и пылинками, затем микроскачок там, где это возможно, и снова скольжение в тех местах, где материя становилась слишком плотной. Задумываясь о том, что он делает, не больше, чем во время ходьбы, Майкл со скоростью, значительно превышающей ту, которую мог бы развить в этом тесном пространстве любой космический корабль, спускался к центру Черной шерсти.

Он с минуты на минуту ожидал увидеть впереди первые проблески света, и наконец они появились. И тут же, прежде чем Майкл успел внутренне подготовиться, показалось солнце, освещавшее его детские годы, парящее среди практически идеального мрака, — одинокий бриллиант, уложенный на черном бархате. Сбоку от светила блестела крошечная искорка, которая и должна была быть Альпином.

Майкл решил, что если он немного подождет и проследит за небольшим сегментом орбиты планеты, то без труда определит, какое сейчас дома время года. Однако нельзя терять ни минуты; надо поторопиться...

...и тут Майкл вспомнил, что именно собирался сделать первым делом по прибытии домой. Разумеется, сначала он обнимет родителей. Затем — правда, сейчас он уже не мог понять, почему раньше это казалось таким важным, — он собирался забраться в свою кровать и выспаться.

У него мелькнула мысль, поместится ли он сейчас в этой кровати. Да, он по-прежнему чувствует себя *очень уставшим*. Но, если быть честным, спать ему больше не хочется. И уже давно.

Майкл вдруг поймал себя на том, что не может вспомнить, как выглядит его мать, и ему показалось, что его сердце стиснули ледяные пальцы. Но нет, практически сразу же у него перед глазами появился отчетливый портрет...

Когда он попадет домой, первым делом ему обязательно надо будет измениться — в этом нет сомнений. Лансу придется хорошенько потрудиться. Тот, каким Майкл является сейчас, — просто не подойдет для дома. Но он тотчас же с облегчением напомнил себе, что Ланс сможет изменить его. Изменения, гормоны, Тупелов... как давно он даже не вспоминал о Тупелове.

Внезапно у него пропало всякое желание смотреть на Альпин. Майклу потребовалось некоторое время на то, чтобы вспомнить, как закрыть глаза, но когда ему удалось сделать это, темнота принесла успокоение. Что дальше? Разумеется, попасть домой. Однако что-то его сдерживало; Майкл приближался к Альпину далеко не с той скоростью, на которую был способен.

Наконец перед его мысленным взором отчетливо появилось лицо матери. Теперь у него не оставалось другого выбора, кроме как двигаться вперед.

В последнее время Майкл, когда его начинала беспокоить какая-нибудь мысль, повадился чесать невидимый подбородок незримым пальцем. И сейчас он ощутил на подбородке — ну, в общем, щетину. Тупелов, гормоны, изменения...

Так или иначе, а куда еще ему податься? Солнце становилось все ярче, Альпин, одиноко кружащий по орбите среди черного бархата, все ближе и ближе. Однако... Майкл снова почувствовал: что-то не в порядке. Такое же предчувствие возникло у него, когда он увидел базу берсеркеров и Ядро... И вот теперь снова то же ощущение.

В верхних слоях атмосферы Альпина что-то случилось. Огромная одинокая туча безжизненной непроницаемой оболочкой из водяных паров и пыли светилась в лучах солнца на дневной стороне планеты. Температура атмосферы была гораздо выше нормальной. Все научно-фантастические книги сходились на том, что, если похожая на Землю планета внезапно становится такой, это означает только одно...

Если требовалось еще какое-то подтверждение, достаточно было приглядеться внимательнее: мощная система оборонительных спутников полностью исчезла.

Майкл подумал — точнее, попытался подумать — о родителях. Его мысли были в полном смятении. Да, сейчас он отчетливо вспомнил, что его отец собирался отправиться в Солнечную систему, присоединиться к матери. Ее же вообще здесь не было.

Майкл, растерянно перемещаясь по орбите вокруг Альпина, оказался над неосвещенной стороной планеты. Он стал изучать эфир, и через некоторое время различил первый радиоголос. Это была не человеческая речь; за очень короткий промежуток времени передатчик выдал огромное количество закодированных цифр. Это так напомнило Майклу голоса стаи врагов, преследовавших его над безжизненной поверхностью Миранды, когда он был еще маленьким мальчиком, объятым страхом.

Он находился на пути движения Альпина по орбите вокруг Солнца, и надвигающаяся планета обдала его ядовитым дыханием своей отравленной атмосферы. Успел ли его отец улететь отсюда вовремя? Прилетела ли на Альпин мать? Судя по всему,

на планете уничтожено все живое. Перехваченное радиосообщение говорило о том, что после ухода смертоносного берсеркерского флота в системе остались машины, задачей которых было проследить, чтобы на Альпине погибли все до последнего микроорганизмы и бактерии. Однако их локаторы еще не обнаружили одинокого пришельца.

Используя органы чувств Ланса, Майкл попытался проникнуть сквозь кипящие раскаленные тучи. Под ними он смог различить пустынные равнины, но никаких следов морей. Ничего, указывающего на то, что берсеркеры выполнили свою задачу не до конца.

— Майкл!

Над поверхностью уничтоженного мира на низкой орбите появился искусственный спутник. Он летел навстречу Майклу, и именно от него донесся радиоголос, произнесший его имя. Это был хорошо знакомый, ничуть не изменившийся голос — не голос Тупелова, другой.

— Майкл!

Зависнув неподвижно относительно движущейся по орбите планеты, Майкл ждал, изменит ли спутник свой курс.

Включив небольшой маневровый двигатель, берсеркер покинул свободную орбиту и, начав замедляться, в конце концов остановился в десяти метрах от Майкла. Это сферическое устройство имело в диаметре также метров десять. Майкл увидел свое отражение в блестящей металлической поверхности: зависшая в космическом пространстве фигура из живого огня с длинным хвостом. Его тело казалось одной сияющей массой, в которой с трудом можно было разобрать волокна мышечной ткани.

— Майкл, я твой друг.

— Откуда ты меня знаешь?

— Твое появление здесь было предсказано с математической точностью.

Майкл готов был поклясться: это голос Координатора. Координатора, вопреки всему каким-то образом обнаруженного на борту погибающего доброжилского корабля и спасенного, и теперь содержимое его электронной памяти было установлено на новом компьютере. Значит, эта память до сих пор имеет очень важное значение для берсеркеров.

— Майкл, поднимайся на борт моего корабля.

Только теперь Майкл обратил внимание на то поразительное обстоятельство, что спутник действительно был оснащен шлюзовой камерой, способной свободно принять человека. Осуществленный «Ланселотом» предварительный анализ сообщил,

что на борту корабля имеется теплая просторная каюта, уже сейчас заполненная пригодным для дыхания воздухом.

— Поднимайся на борт корабля, — повторила машина, — и мы продолжим разговор. Я доставлю тебя туда, где ты получишь всю необходимую помощь.

— Мне не нужна... — Его собственный голос, не использовавшийся столько времени, напугал Майкла сиплым ревом. Ему пришлось приложить все силы, чтобы говорить нормально. — Мне не нужна помощь.

— Но ты сначала поднимись на борт корабля, здесь мы и поговорим. Я обладаю информацией, которую ты хочешь узнать.

— Мой отец? — Майкл махнул рукой, указывая на затянутую тучами планету, и в стальной поверхности безликой машины отразилась мелькнувшая молния. — Что с ним?

— Поднимись на борт, и мы поговорим.

— Сикст Джейлинкс. Где он?

— Сикст Джейлинкс находится в полной безопасности. Его забрали из этого мира до того, как он был очищен от жизни. Теперь Сикст Джейлинкс находится под заботой Директоров и ждет твоего возвращения.

— А моя мать, что с ней?

— Поднимись на борт, и мы поможем тебе найти ее.

— Лжец!

Радиоэхо крика раскатистыми отголосками отразилось от безжизненных туч внизу.

— Я был оставлен здесь, чтобы дождаться тебя и помочь найти дорогу.

— Ты лжешь.

Впрочем, возможно, машина говорит правду или хотя бы частичную правду. Быть может, каюта на борту спутника предназначена вовсе не для доброжилов. Майкл наконец понял, что каким-то образом спасенная память Координатора была скопирована и размещена в электронном мозгу сотен и тысяч берсеркеров, разбросанных по всей Вселенной. Теперь каждая такая машина в дополнение к тем функциям, на которые была запрограммирована, стала полноценным Координатором. Стоит только появиться Майклу или каким-либо данным о Майкле, — и любая из них справится с этой ситуацией так, как того хотят Директора.

— Куда вы забрали Сикста Джейлинкса? — гневно спросил Майкл. — И что стало с Кармен Джейлинкс, с Элли Темешвар и Фрэнком Маркусом? Кто из этих людей еще жив и где они находятся?

— Мне известно лишь то, что Сикст Джейлинкс жив. И, как мне было сказано, за ним обеспечен надлежащий уход. Он сейчас у Директоров; они где-то поблизости от Ядра. Моя программа не позволяет ответить более точно. Поднимись на борт корабля, и мы поговорим подробнее.

Физическое тело, вмещавшее в настоящий момент мозг Координатора, было создано для различных целей. Для движения по орбите, для установления в ограниченном объеме связи, для размещения на борту доброжилов или, по желанию, пленников, для наблюдения за уничтоженной планетой и при необходимости для начинения ее дополнительной смертью. Но для настоящего боя берсеркер не был приспособлен. Когда Майкл неторопливо протянул к нему руку, машина успела просчитать, что означает это движение, и выпустила, как она надеялась, смертоносный заряд энергии. Но правая рука Майкла-Ланса проникла сквозь слабую защиту туда, куда захотел Майкл. Он зажал в кулак Ланса нечто меньшее, чем материя. Это произошло прежде, чем берсеркер успел послать саморазрушающие сигналы, стирающие содержимое его памяти.

Ланс присосался к источникам энергии спутника, подобно новому живому существу, омываемому электронной кровью, набираясь сил от своей жертвы. Затем Майкл, внимательно изучив мозг Координатора, ловко и осторожно вскрыл некоторые его части. Теперь ему стала доступна вся память берсеркера.

Исследовав ее содержимое, он выяснил все, что мог, а затем, сжав то, что осталось от спутника, в кулак, швырнул в затянутую тучами планету, и в отравленной безжизненной атмосфере на миг сверкнул яркий метеор. Космический эфир наполнился радиоголосами других берсеркеров.

Майкл Джейлинкс, медленно облетая то, что когда-то было его домом, пытался постичь, что только что узнал.

Несмотря на происшедшие с ним перемены, он по-прежнему Майкл Джейлинкс. Уничтожив всех до одного берсеркеров, остающихся в системе Альпина, он отправится на поиски своего отца.

Глава 15

«Иоганн Карлсен» огромной сероватой жемчужиной прочно застрял в богатом обрамлении опутавших его со всех сторон перламутровых колец и петель. Рядом с ним застыл едва успевший отойти от шлюза разведывательный корабль. Когда Тупелову наконец удалось выбраться из флагманского дредноута, он увидел огромную искривленную сеть Таджа, разбегающуюся от него во все стороны по крайней мере трехмерного пространства. Теперь, когда от Таджа его отделяло лишь тонкое стекло скафандра, министр, дав волю воображению, мог запросто различить четвертое, пятое измерение; ему могло бы показаться, что если пойти или поползти по одной из широких словно дорожное полотно серых лент, судя по всему, никак не закрепленных, то через некоторое время, поплутав по беспорядочным сплетениям, обязательно придешь в исходную точку с другой стороны.

Два дня назад, решив исследовать Тадж, Тупелов отдал приказ флагманскому кораблю подойти к нему вплотную. Интуиция и логические заключения, на которые он еще был способен, подсказывали ему, что если Майкла и суждено отыскать, то только здесь; кроме того, эта часть внутреннего Ядра кишела затухающими радиосигналами берсеркеров, посланными в эфир неизвестно когда. Тупелов до сих пор ничего не знал о судьбе двух предыдущих экспедиций, посланных к Таджу из Солнечной системы: были ли они успешными, удалось ли им возвратиться на Землю. Так что необходимость в новых исследованиях была несомненна.

Тупелову с трудом удалось заставить экипаж дредноута выполнить его приказ, хотя раздавались недовольные голоса. По кораблю пошли разговоры, что после этой последней попытки настанет пора прекратить бесконечное маниакальное преследование одного ребенка, за эти долгие годы давно погибшего и сгинувшего бесследно...

Капитан флагмана подвел дредноут к Таджу, не собираясь входить в него. «Иоганн Карлсен» остановился рядом с таинственным созданием и вдруг без какой-либо ощутимой стадии перехода оказался внутри. Местная связь разнесла по всему кораблю удивленные восклицания операторов, следивших за показаниями приборов, которые разом словно взбесились — но быстро успокоились, правда, в некоторых случаях на совершенно немыслимых значениях.

Корабль засел намертво. Два стандартных дня продолжались работы по его освобождению — и с использованием маршевого двигателя, и с помощью орудий ближнего боя, но все тщетно. Огромные серые ленты неизвестного вещества крепко опутали его. В бездонном пространстве, наполненном этими лентами, существовал, согласно приборам, океан не знающей погоды ат-

мосферы. В конце концов было принято решение отправить корабль-разведчик под командованием полковника Маркуса с вновь принятой на службу Элли Темешвар на борту. Однако двум опытным астрогаторам не удалось повторить свой первый полет в мир нереального. Не успел маленький корабль отойти на десять метров от шлюзовой камеры, как его, в свою очередь, опутали возникшие из ниоткуда цепкие серые петли.

Последовал срочный обмен сообщениями между флагманом и разведчиком, передаваемыми по всевозможным каналам связи — действовавшим без сбоев, но так, словно определяемый приборами воздух, соответствующий нормальной атмосфере у поверхности Земли, был реальностью.

После этого, похоже, не оставалось ничего другого, как попробовать выйти из корабля пешком и оглядеться вокруг — да-да, гравитация за бортом корабля, если верить приборам, была равномерной и однонаправленной. Ее величина соответствовала силе земного притяжения с точностью до четвертого знака после запятой.

Тупелов, то ли уступая суицидальному порыву, то ли просто желая быть справедливым, вызвался идти первым. Никто не возражал, однако это обстоятельство, на удивление, почти не задело его. Облачившись в скафандр, министр покинул корабль, ожидая, что, как только он выйдет из шлюза, вокруг его пояса затянется тугая серая петля. Что ж, по крайней мере он сможет пощупать эту проклятую дрянь.

Выйдя через вспомогательный люк, дверь которого, по толщине превосходившая высоту и ширину, тотчас же за его спиной бесследно спряталась назад в толщу корпуса, Тупелов с некоторым облегчением обнаружил, что серые ленты пока решили его пощадить. Больше того, космическая болезнь ему не угрожает; сила тяжести, как и сообщали приборы, нормальная. Обутая в ботинок нога министра опустилась на одну из серых лент, опоясывающих корабль, и выяснилось, что «вниз» — это направление, строго перпендикулярное ее поверхности в той точке, где он стоит.

Во все стороны разбегались другие петли и ленты, ближайшая из которых находилась от него в нескольких сотнях метров. Серые и ничем не примечательные с виду, они по большей части казались прямоугольными в сечении, хотя Тупелов успел заметить и несколько круглых. Все вокруг заливал приятный свет, исходивший из невидимых источников, настолько изотропный, что нигде не было видно ни одной тени. Лента, на которой стоял

Тупелов, — он выбрал этот шлюз именно потому, что рядом с ним было на что встать, — имела в ширину метров пять, и, осторожно подойдя к краю, он увидел, что толщиной она около метра. А под ней брошенный вниз взгляд затерялся в бесконечности. За самыми дальними различимыми лентами начиналось светло-серое небо, неразрывно переходящее в то «небо», что Тупелов видел от себя справа, слева и над головой.

— Сэр, вы меня слышите? Сэр, это капитанский мостик. Прием.

Не надо затягивать радиомолчание.

— Слышу вас, мостик. Пока я не обнаружил ничего указывающего на то, что показания приборов неверны. Я просто стою на этой ленте — чем бы она ни была. Вещество, из которого она сделана, едва заметно пружинит под ногами — приблизительно как хороший паркет. Гравитация нормальная. Также мой скафандр указывает на наличие атмосферы. Полковник Маркус?

— Сэр? — В голосе Фрэнка прозвучали нотки удивления.

— Почему бы вам с Темешвар не выбраться из разведчика? Попробуйте, сможете ли вы пройти по той ленте, что ведет в мою сторону.

— Слушаюсь, сэр.

— Йенари? А почему бы и вам тоже не выйти? Быть может, нам удастся провести анализ, из чего сделаны эти ленты.

Ученый ответил, что выйдет, как только наденет скафандр. Хотя, возможно, необходимости в скафандрах нет. Впрочем, Тупелов пока не собирался снимать свой. Дожидаясь подкрепления, министр продолжал говорить, уверенный, что его аудиторией является вся заинтригованная команда «Большого К».

— Даже на большом удалении ленты хорошо различимы. В их сплетении я не могу найти никакой закономерности; у них нет ни начала, ни конца, никаких следов того, что они как-то закреплены.

И нет никаких признаков испарений, тумана или туч, если только таковыми не является окружающее нас небо. Температура воздуха в том месте, где я нахожусь, судя по показанию приборов, восемнадцать градусов по Цельсию. Ни малейшего ветра. Да, нам придется здесь хорошенько поработать.

Остановившись, Тупелов поймал себя на том, что сделал глубокий вдох. Ему показалось, что даже в скафандре он чувствует следы озона, повышенную высокогорную концентрацию ионов после грозы.

Серые дороги купались в ровном сером свете, однако произ-

водимое впечатление было вовсе не таким унылым, как можно было ожидать. Скорее окружающие краски можно было назвать сочным жемчужным блеском, а воздух казался словно вымытым после дождя. И, как показывали элементарные датчики, встроенные в скафандр, воздух действительно был *чистым* и умеренно влажным.

Элли Темешвар, облаченная в скафандр, появилась на дорожке, казавшейся с того места, где стоял Тупелов, практически отвесно вертикальной. Однако, судя по всему, сила тяжести действительно во всех точках была перпендикулярна поверхности. Элли легко перескочила на пересечении с одной ленты на другую, при этом направление «вниз» изменилось вместе с положением ее тела, и первой подошла к министру. Секретный доклад Ломбока, с которым Тупелов успел ознакомиться прямо перед тем, как покинуть Солнечную систему, не снял полностью с Элли Темешвар подозрения в связях с доброжилами. Но Тупелов принял ее рассказ о насильственном похищении, и за несколько лет, прошедших после спасения молодой женщины, не было никаких свидетельств того, что он ошибся. В конце концов, он ведь сам похитил одну из матерей Майкла, так что стоит ли удивляться, что враг, подтверждая его интуитивные предчувствия, попытался овладеть другой.

— Мисс Темешвар, — обратился к ней Тупелов, — вы здесь уже были. Или нет?

— Вы хотите сказать, тот ли это Тадж, что я описывала вам? Да, в этом нет сомнений, хотя я понимаю, что вы имеете в виду. Окружающее не соответствует тому, что я видела в предыдущий раз.

— Это нисколько не соответствует той картине, что сложилась у меня с ваших слов.

— Да-да. — Вскинув подбородок, Элли всмотрелась куда-то вдаль. — Однако у меня такое ощущение, что это тот самый дом — просто теперь мы находимся в другой комнате. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— «В доме моего Отца много помещений».

Она удивленно повернулась к нему, но Тупелов отвел взгляд в сторону. К ним приближался Маркус; его тележки, словно расчлененная на части гусеница, сделали осторожный поворот на крутом изгибе узкой Тадж-ленты. На одном из металлических плеч полковника болталась энергетическая винтовка. Что ж, а почему бы и нет? Тупелов не отдал никаких распоряжений

насчет личного оружия, хотя, судя по последним двум дням, оно здесь вряд ли могло понадобиться.

— А вы что скажете, полковник? У вас пробуждаются какие-либо воспоминания?

Ответ Маркуса донесся как по радио, так и через громкоговорители:

— Нет. Тот полет для меня по-прежнему сплошное белое пятно. Но вы оба правы, это должен быть Тадж, но он не соответствует сложившейся у меня мысленной картине.

Элли медленно повернулась, изучая окружающую обстановку всеми органами чувств.

— Сейчас нас активно исследуют, — сказала она. — Я в этом уверена. Меня не покидает ощущение... какого-то давления. Конфронтации.

Тупелов встрепенулся:

— Раньше вы об этом ничего не говорили. Конфронтация с чем? Или с кем?

Молодая женщина молчала, мучительно подбирая слова. Маркус, подкатив прямо к ногам Тупелова, завозился с какими-то приборами. Наконец Элли снова заговорила:

— Вы поймете, что я имела в виду, когда это повторится снова.

— Вы уверены, что это обязательно произойдет?

— У меня такое ощущение, что нас сейчас задвинули на заднюю полку. Создали все удобства — атмосферу, притяжение. А затем... настанет пора действовать. Мы должны чего-то ждать. Чего именно, я не знаю.

— Быть может, все-таки вашего Последнего Спасителя?

За время длительного космического путешествия у них было достаточно времени, чтобы поговорить о Храме.

— В подобных мыслях для меня больше нет ничего привлекательного.

Вглядевшись внимательнее в опутанные лентами дали, Тупелов решил, что все-таки ему удалось рассмотреть какие-то признаки атмосферных явлений. Над некоторыми пересечениями извивающихся петель виднелись нечеткие радуги. В других местах возникли слабые, но тем не менее полные рефракционные кольца. Тупелов счел это весьма обнадеживающим признаком — несмотря на то что между голубым и зеленым кольцами он различил цвет, ничего подобного которому ему не доводилось прежде видеть.

Возможно, мелькнула у него безумная мысль, это следствие

того, что диаметр кольца равен ровно трети длины окружности...

К ним присоединился доктор Йенари, пришедший тем же путем, что и Тупелов. Склонившись над серым полотном, ученый занялся анализом его состава; Темешвар, помогавшая полковнику Маркусу, выпрямившись, знаком показала министру, что хочет поговорить с ним наедине. Кивнув, Тупелов включил шифратор, закрывший выделенный канал связи.

— После того как мы выберемся отсюда, мы направимся домой? — спросила Элли.

— Во-первых, как вы полагаете, сможем ли мы отсюда выбраться? Во-вторых, какова вероятность того, что, если нам все же удастся освободиться из Таджа и я отдам приказ продолжать поиски, команда не взбунтуется?

Элли вздохнула:

— За всю команду я не скажу, все же шесть лет — это очень большой срок. Но лично я не взбунтуюсь и буду продолжать поиски до конца. Разумеется, Фрэнк тоже с нами.

И снова его любопытство было задето.

— Маркуса я еще могу понять. Ему брошен вызов, и он ни за что не признает себя побежденным. Но вы...

— Знаю. Один раз я уже отказалась от своего сына. Но потом я встретила людей, не знавших его, и они боготворили Майкла. — Она снова повернулась к Тупелову: — А вы сами сознаете, что ведете себя так, будто он — ваше божество?

— Гмм...

Нечто похожее уже приходило ему в голову ночами.

— Потом я познакомилась с ним...

Элли умолкла; выражение ее лица резко изменилось. Она медленно подняла руку, указывая вдаль, словно увидела заблудшего Майкла, бежавшего по жемчужной петле. Маркус, только что присоединившийся к ним, завращал объективом. Тупелов стал перестраивать увеличение, осуществляемое лицевым стеклом.

На расстоянии нескольких километров — определить точнее в данных условиях было очень трудно — на одном из широких изгибов показался зеленый пух.

— Кажется, это деревья. — Элли вернулась на общий канал связи.

— Деревья...

В одном слове полковник выразил нескрываемое презрение, однако он вынужден был признать, что Элли права. В этом жутком и в то же время прекрасном пространстве, где навыки лучшего пилота ничего не стоят, могут расти и деревья, причем это ничуть не увеличит тайну окружающей обстановки.

Взгляд Тупелова, возвращаясь вдоль дороги, на которой росли предполагаемые деревья, вдруг на полпути до того места, где он стоял, наткнулся на нечто такое, что тотчас же замер. Министр собрался было сообщить о своем новом открытии, потом подождал, увидел ли это еще кто-нибудь, кроме него, и наконец был вынужден заговорить:

— По-моему, там люди. Небольшая группа движется в нашу сторону.

Йенари, поспешно вскочив с корточек, стал проверять показания приборов. Судя по всему, он решил, что весь небольшой отряд, оказавшийся за бортом корабля, попал под действие сильных галлюциногенов.

— Я тоже их вижу, — ожили громкоговорители Маркуса. — Определенно, это люди. Человек двадцать, движутся компактной группой. Без скафандров. Кажется, они одеты в обычные пилотные костюмы.

Тупелова вызвал капитанский мостик:

— Сэр, мы увеличили изображение. Вне всякого сомнения, это выходцы с Земли. И компьютер опознал по крайней мере двоих из них как членов экипажа «Гонфалона».

Это был один из исследовательских кораблей, о судьбе которого на «Иоганне Карлсене» так ничего и не знали.

Впоследствии Тупелов не мог вспомнить, кому пришла в голову мысль двинуться навстречу приближающимся людям. Возможно, ему самому. Так или иначе, он дал добро на то, чтобы часть остававшегося на борту экипажа, облачившись в скафандры, присоединилась к его небольшому отряду. Они стали удаляться от корабля. Под ногами поплыло серое полотно; меняющаяся действенная сила тяжести все время оставалась направленной в нижнюю точку извивающейся кривой.

Новое сообщение с мостика:

— Сэр, кажется, эти люди не очень-то рады вас видеть. И здоровыми их не назовешь. Они похожи... они похожи на беженцев...

И еще через несколько минут:

— Сэр, среди этой группы находится какая-то машина!..

В скафандре Тупелова, как и в скафандрах всех остальных, зазвучал пронзительный сигнал тревоги, означающий, что в эфире обнаружен определенный зловещий радиокод.

— Быстро назад к кораблю!

Отдавая этот приказ, Тупелов понял, что в нем нет необходимости; еще у него мелькнула мысль, что приказ скорее всего запоздал.

Майкл обнаружил, что все силовые течения ведут к Таджу. По крайней мере в том случае, если ищешь именно его. Стоит только выбрать цель, и уклониться от нее уже становится невозможно. Как стало невозможно просто приблизиться к Таджу и осторожно взглянуть на него с безопасного расстояния. Едва увидишь его, едва решишь подлететь поближе — и тотчас же тебя опутывают его серые петли. Быть может, желание скорее бежать прочь было бы удовлетворено. Но судьбе было угодно распорядиться иначе...

Влив в себя содержимое памяти Координатора, Майкл увидел с новой точки зрения то, что уже сам видел однажды, давным-давно. Тогда он смотрел глазами Ланса — это было в тот раз, когда на него впервые примеряли «Ланселот». В одном из самых засекреченных отсеков Лунной Базы находилась неуклюже сделанная и весьма неточная модель, и Майкл глазами Ланса видел, как техник пишет под ней название. Значит, еще тогда на Земле знали об этом, хотя и очень немного. Возможно, Тупелов знал, как знали берсеркеры, каким образом то, что люди называют «Тадж», связано с происхождением Майкла Джейлинкса.

Успешно завершив охоту на берсеркеров в окрестностях Альпина, Майкл полетел прямо через Черную Шерсть в направлении Ядра. Почти с самого начала лететь приходилось против сильных встречных течений, полет шел в условиях непрекращающихся штормов. Майклу в лицо хлестали потоки радиации. Дорогу преграждали вырывавшиеся из неиссякающих фонтанов созидающего горнила Ядра колонновидные облака материи, движущиеся туда, где им было суждено рождать новые звезды.

Майкл летел и летел вперед, переходя из полетного гиперпространства в нормальное пространство и обратно. Он пересекал места, где полет в нормальном пространстве проходил с большей скоростью. Вокруг него все сложнее и плотнее становились следы порядка. Майкл успел отлететь от Черной Шерсти всего на несколько сот световых лет — слишком маленькое расстояние, чтобы заметно приблизиться к центру Ядра, — и вдруг

перед ним показался Тадж. Он достиг цели значительно раньше, чем ожидал.

Снаружи Тадж напомнил Майклу огромный купол геодезической обсерватории. Определить его размеры было трудно, но Майкл понял, что Тадж больше самой крупной звезды. И он сразу же почувствовал, что неуловимое и в то же время очень существенное нарушение порядка, обнаруженное им в Ядре, сосредоточено именно здесь.

Итак, Тадж находился перед ним, и вдруг без малейшего намека на переходный период Тадж оказался вокруг него со всех сторон. Майкл сохранил свободу передвижения внутри гигантского образования, но как выбраться из клетки серых лент и петель, он не имел понятия. Не осталось никаких следов того огромного купола, который он видел снаружи.

Вот центр инфекции, заразившей беспорядком Ядро.

Все пространство вокруг, куда только могли проникнуть чувства «Ланселота», было заполнено мягким плотным воздухом, напоминающим составом земную атмосферу, однако причина беспорядка крылась не в воздухе; казалось, это пространство создано специально для того, чтобы быть заполненным воздухом. Эфир гудел радиосообщениями; некоторые из них, древние и затухающие, были зашифрованы кодами, не принадлежащими ни людям, ни берсеркерам, они снова и снова пересекали во все стороны конечное, но очень большое и неограниченное пространство и возвращались назад. Однако и не эти радиоголоса были причиной беспорядка.

Были в эфире и голоса людей, посланные совсем недавно. И шифрованные сообщения берсеркеров, извещающих друг друга, что прибыла свежая живая добыча. И все же даже это не имело отношения к беспорядку, жертвой которого был Тадж.

Мгновенно приняв решение, Майкл развернулся и полетел на голоса людей. Возникшая в плотной атмосфере ударная волна огненной стеной понеслась впереди него.

Майкл увидел вдалеке запутавшуюся в сплетении серых лент круглую жемчужину и сразу же узнал в ней «Иоганна Карлсена». На одной из лент, обвивших корпус дредноута, сошлись в жестокой схватке машины и одетые в скафандры люди. Должно быть, небольшой отряд землян сделал вылазку, но берсеркерам удалось отрезать его от корабля.

Враг ненамного превосходил людей числом, и использовавшееся им оружие не обладало мощной разрушительной силой. Зависнув над местом боя, Майкл принялся выхватывать рукой

одно за другим боевые устройства и, стиснув их в кулаке, выжимать энергию и память в резервуары Ланса. Через некоторое время уцелевшие боевые машины обратились в бегство.

Теперь эфир рядом с Майклом наполняли только голоса людей.

— ...не знаю, что это могло быть...

— ...какая-то неизвестная форма жизни...

— ...возвратиться скорее в корабль и попытаться вступить с ней в контакт...

Эти голоса отворили двери, которые были так долго закрыты, двери в области памяти, не поглощенные электроникой, где хранились воспоминания о том времени, когда еще не было Ланса...

Послышался еще один голос, женский, стремительно удаляющийся, уже едва различимый:

— ...о боже, они меня захватили, помогите хоть кто-нибудь, не дайте им...

Разжав огненные пальцы, Майкл выпустил исковерканные останки врагов, разлетевшиеся в бесконечность во всех направлениях. *Это голос его матери...* Стремительный метеор сорвался в преследование.

Далеко впереди летели уцелевшие берсеркеры, уносившие добычу. Майкл никак не ощущал внешних границ Таджа, однако какое-то чувство сообщило ему, что у Таджа существует центр и враг отступает именно в этом направлении. Он увеличил скорость. Несколько машин развернулись, чтобы задержать преследователя. Майкл, практически не замедляясь, пронесся сквозь их строгие порядки, оставив за собой дымящиеся бесформенные обломки.

Он чувствовал, что центр Таджа находится где-то поблизости, то же самое гласили данные, почерпнутые из памяти только что уничтоженных берсеркеров. У пересечения трех огромных Тадж-петель Майкла ждала большая машина, превосходящая размером все те, с которыми ему до сих пор приходилось сражаться. Она была похожа скорее не на космический корабль, а на гигантского робота, и в настоящий момент занималась тем, что прятала в своем металлическом чреве что-то живое. Как только входное отверстие было наглухо запечатано, женский голос, не перестававший взывать о помощи, наконец затих, и даже слух Ланса не мог его уловить. Вспомогательные машины собрались вокруг своего предводителя, выстроив строгие оборонительные ряды, однако оставив перед Майклом свободный проход.

— Ты — Майкл Джейлинкс, — обратилась к нему гигантская машина.

— А ты — один из Директоров.

Теперь Майкл видел, что, как и Координатор, находящаяся перед ним машина была одной из нескольких, равных по способностям, управляемых одинаковыми программами и имеющих общую память. Должно быть, остальные Директора находятся за пределами Таджа, хотя, вероятно, поддерживают связь с этим. Берсеркеры не могут допустить, чтобы их дело зависело от одной конкретной машины; так и продолжение жизни обеспечивается существованием любого наделенного протоплазмой организма.

Машина не собиралась отвечать на обращение Майкла. Она молча ждала — нападения или, возможно, расспросов. Это был необычайно сильно защищенный сейф, единственной задачей которого было сохранение работоспособности находящегося внутри компьютера берсеркера. В любое мгновение по приказу машины на Майкла могли накинуться легионы боевых машин — он ощущал, как они слетаются сюда со всех сторон необъятного Таджа.

Он сам перейдет в наступление, когда будет готов. А пока ему хотелось услышать ответ всего на один вопрос.

— Отец, — произнес Майкл и рассмеялся.

Он знал, что если бы услышал этот смех со стороны, то счел бы его безумным и жутким.

— Какая программа сообщила, что я — твой отец?

— Никто не раскрывал мне эту тайну. Я выпил ее вместе с электронной памятью твоих машин.

Майкл широко раскинул руки, и одна из машин сопровождения, у которой сработал сенсор, открыла по нему огонь. Ланс отмахнулся от смертоносного луча, а Майкл продолжал:

— Тела двух людей соединились в космосе. Клетки, порожденные этими телами, слились воедино, образовав новую клетку, нового человека — но не совсем. Из этой клетки появился не обычный человек, потому что случилось все здесь, в Тадже, ты присутствовал при этом и вмешался.

Вместо того чтобы уничтожить этих двоих, ты рискнул изменить новую жизнь, начало которой они дали. Так что она с самого начала была не человеческой. Возможно, это даже была не жизнь, так как в направляемых извне атомах первых клеток

притаилась твоя смерть... Я не знаю, какими терминами люди называют различные виды энергии, определяющие вещь такой, какая она есть. Ты приложил руку к возникновению этой новой жизни, а затем...

— Майкл, ты превосходишь все остальные виды жизни, — прервал его Директор.

— Вся жизнь для вас — это зло, значит, из этого следует, что я — самое большое зло? Нет, я понял, что ты хотел сказать — я превосхожу всех доброжилов. Я был рожден из искусственного чрева, и ваши устройства находились где-то рядом, следили, что со мной происходит, вносили изменения то тут, то там. Ты делал меня таким, каким замыслил с самого начала.

— Ты единственный и неповторимый.

— Судя по всему, доброжилы Альпина тебе здорово помогли. Спас ли ты кого-нибудь из них, когда планете пришел конец?

— Я спас их от бремени жизни.

— И Сикста Джейлинкса?

Эти слова вырвались у Майкла сдавленным гулким криком.

— Необходимость в его услугах отпала. Смерть, которую он так желал, стала ему наградой.

Майкл пронзительно закричал. В этом звуке было меньше человеческого, чем даже в предыдущем безумном кудахтанье. И все же в целом это был человеческий смех. В зеркальной металлической поверхности Директора отразились пляшущие огни. Это была истерика бога, гиганта, не имеющего сил терпеть больше щекотку.

Директор снова терпеливо умолк. Его внутренность содержала что-то теплое и еще живое, однако Лансу никак не удавалось выяснить больше, несмотря на самые осторожные попытки проникнуть в чрево берсеркера. В то же время Лансу теперь приходилось отражать зонды, которые, в свою очередь, пытался ввести в него Директор. Майклу-«Ланселоту» еще не приходилось сталкиваться с таким сильным противником. Майкл не мог определить, что происходит в его электронном мозгу.

Наконец, освободившись от безумного хохота, он снова обратился к врагу.

— Отец? Сознаешь ли ты, какое преступление с точки зрения машин совершил? Я не доброжил. И никогда им не буду. Понимаешь ли ты, какой грех совершила твоя программа, приложив руку к моему созданию? А теперь ты должен ответить, *зачем* ты это сделал.

— Возможно, ты не доброжил; я уже говорил, что ты единственный и неповторимый. Но мне разрешено даже создание жизни, если только это поможет мне со временем уничтожить всю жизнь. Ты создан для того, чтобы получить ответ на вопрос: Тадж — это живое или неживое? Ответ должен находиться в его центре. Если Тадж — нечто живое, он должен быть уничтожен. Если нет, то его каким-то образом можно использовать в борьбе с жизнью.

Тадж... непостижим. К такому выводу пришел Майкл, глядя в сторону его центра, теперь находившегося где-то поблизости. Берсеркер прав; ответы, каковыми бы они ни были, можно найти только там. Майкл не мог определить, живое перед ним или неживое. Тадж такой, какой он есть. Однако от его центра по-прежнему дул сильный ветер противоречий.

— Полагаю, меня сюда доставили с какой-то определенной целью, — сказал Майкл, обращаясь к Директору. — Но это сделал не ты.

— Я пытался доставить тебя сюда, когда ты был готов к использованию. Но мои машины и доброжилы не справились с поставленной задачей. И все же ты наконец здесь. В Тадже постоянно происходят самые странные вещи во всей галактике. Противоречащее всем известным законам появляется здесь регулярно, словно вызываемое по повестке в суд. Ибо именно здесь творятся законы.

— Машина, а ты хочешь творить законы?

— Я хочу делать лишь то, что должен. А теперь ты попробуешь меня уничтожить. — Это был не приказ, а пророчество. — И ты попытаешься спасти живую единицу, находящуюся у меня внутри. Для этого тебе придется проследовать за мной к центру Таджа.

— Я не стану тебе помогать.

— Ты будешь делать то, что должен. Посредством меня Директора, находящиеся за пределами Таджа, будут наблюдать за тобой, и мы попытаемся выяснить то, что нам нужно.

Ланс протянул силовые щупальца к электронным нервам Директора. Тот парировал этот выпад, но воздержался от ответного удара. Руки Майкла сомкнулись на скользкой твердости, на пучке энергии, застывшей при его прикосновении. Войдя в лишенный связи со временем боевой режим, Майкл увидел, что Директор, петляя, отступает, развивая скорость, находящуюся на грани доступного «Ланселоту». На пути преследуемого и преследователя попалась вспомогательная машина, тотчас же пре-

вратившаяся в ничто, исчезнувшая в пламени страшного взрыва, разбросавшего в разные стороны ее товарищей между навечно застывшими серыми полотнами.

Директор отступал по направлению к центру Таджа. Майкл следовал за ним.

Оттуда на него повеяло хаосом, и продвижение против этого завывающего ветра заметно замедлилось, стало невыносимо тяжелым. Теперь Майклу были видны останки живых существ, тщетно пытавшихся пройти в ту же сторону. И обезображенные корпуса мертвых допотопных машин, посланных с той же задачей. И те и другие были насквозь пропитаны царившим внутри Таджа серым цветом; возможно, они погибли здесь еще до возникновения Земли.

И бок о бок с ветрами хаоса вымуштрованными армиями маршировали правило, порядок и закон. Проходя мимо, они терялись в бесконечности среди галактических завихрений. Мелькали призрачные тени еще не сотворенного, искорки потенциальных существ.

Директор по-прежнему летел впереди. Далеко перед ним изгибающаяся лента Таджа, вдоль которой они следовали, переходила в широкую пустынную равнину. А еще дальше она спиралью возносилась к башне.

Полностью изменивший свой облик Директор сантиметр за сантиметром полз вперед. Прямо под ним находился центр Таджа. Тадж был центром галактики, а в центре Таджа, как теперь видел Майкл, помещалась целая галактика.

Директор был уничтожен целую вечность назад. И все же каким-то образом его хрустально-стальное тело вело Майкла вперед. Его можно было узнать с большим трудом, однако он ухитрялся говорить, но посредством каких каналов связи, Майкл не знал.

— Живая единица, скажи, что ты видишь впереди. Майкл, скажи мне.

Но Майкл больше не мог смотреть вперед и в то же время не мог отвести взгляд.

Машина не унималась.

— Что ты видишь? Это?.. — начала было она и вдруг умолкла.

— Что?

Внутри непроницаемой брони врага до сих пор теплилась жизнь его матери.

— Живая единица Майкл. Скажи, перед нами Бог всего человечества? Еще никогда прежде мне не удавалось проникнуть так далеко.

Впереди что-то не так. Что-то... и вдруг Майкл наконец смог понять, в чем же суть этого беспорядка. Просто все дело было в том, что центр Таджа... остался незавершенным.

— Бог — это нечто большее, — ответил Майкл.

— Я вычисляю, — сказал Директор, — здесь есть какое-то несовершенство. Что-то осталось незаконченным. Либо ты, либо я должен...

Он остановился, но его физическая оболочка тотчас же возобновила поступательное движение вперед.

— Либо ты, либо я, — повторил Майкл.

Он настиг Директора и теперь почти мог дотянуться до него рукой. Можно было продолжать продвижение вперед, однако в процессе этого Майкл менялся. Он уже стал совершенно другим. Все вокруг тоже изменилось.

— Я начинаю делать ошибки, — сказал Директор. — Я начинаю...

Он остановился. И это был конец.

Просунув в него руку, Майкл осторожно достал жизнь, похищенную машиной. Освободив женщину, он бережно прикрыл ее ладонью. Его мать была перепугана до смерти, и рассудок не покинул ее лишь потому, что она не видела, что находится за пределами руки, принесшей ей спасение. Центр Таджа был такой маленький, что Майкл смог бы обхватить его двумя человеческими ладонями. И в то же время это было просторное помещение, способное вместить большую группу. А вся остальная галактика по сравнению с этим помещением казалась ничтожно крохотной. Оно оглушало и слепило, и даже «Ланселот» не мог на него смотреть. Осторожно заглянув в его бескрайнее безмятежное нутро, Майкл-«Ланселот» увидел, что в каждой галактике во Вселенной есть свой Тадж, похожий на этот, но в то же время Тадж каждой галактики уникален, его наполняют чуть измененные законы. Ни одна галактика не является живой, и каждая галактика несет в своем сердце семена и тайны жизни. И каждой предстоят бесконечные свершения.

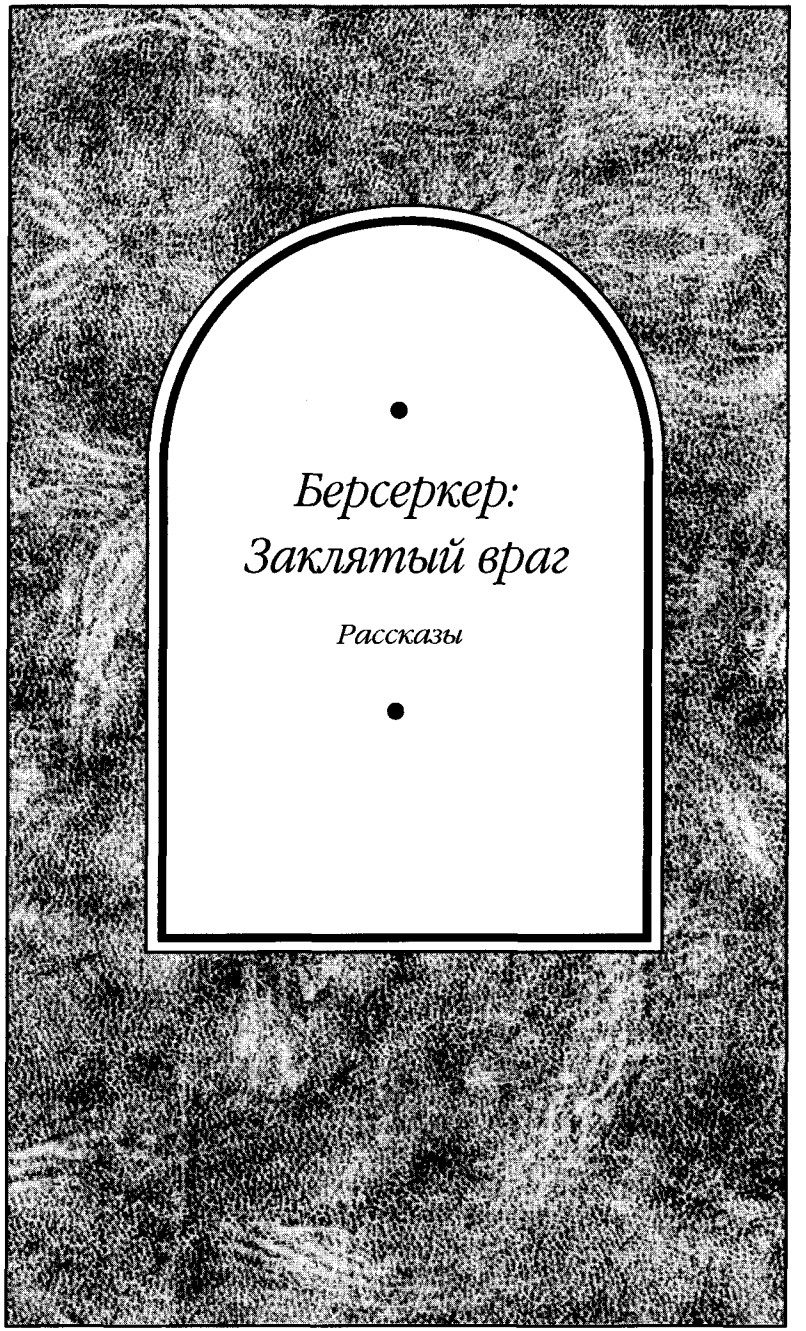
Отворилась дверь, ведущая в самый центр. Майкл увидел, что каждый Тадж выбирает из обитаемых миров своей галактики группу живых существ, двое из которых не должны принадлежать одному миру. Он собирает их в себе, одного за другим, добавляя новое звено к великой цепи, которая поможет Вселенной подняться еще на одну ступень.

Группа разумных существ, непохожих живых организмов, избранных для того, чтобы нести различие, пока что еще неполная, ждала своего нового члена.

Обернувшись в последний раз, Майкл, не двинувшись с того места, где находился, приблизился к «Иоганну Карлсену». Мягко и осторожно — он уже успел научиться делать это, — вскрыв металлический корпус, он поместил свою мать внутрь и убрал руку. На целом, неповрежденном корпусе не осталось никаких следов. Узы, державшие дредноут внутри Таджа, став ненужными, опали как осенние листья, как кольца отмершей кожи.

Майкл, которого больше ничто не держало, повернулся к центру. Его окликнули голоса — голоса существ, совершенно свободных, связь с которыми теперь уже никогда не порвется. Рядом с кармпанином, кого Майкл узнал по описанию в какой-то прочитанной целую вечность назад книжке, за круглым столом оставалось одно свободное место.

Сделав еще один шаг, Майкл прошел мимо безжизненного Директора, и вместе с этим вся жизнь, порожденная Землей, наконец вошла в Тадж, обретая дом. Один, по своей воле, Майкл Джейлинкс шагнул вперед, требуя предоставить принадлежащее ему по праву место в этом блистательном обществе.

И снова я, третий историк кармпанской расы, в благодарность человечеству за оборону моей родной планеты и многих других планет запечатлел для него ряд своих видений. Мой разум, почти не скованный ни временем, ни пространством, странствовал по просторам Галактики в прошлом и в будущем, собирая обрывки истины о великой войне жизни против погибели. Мозаика, сложенная мною из крохотных осколков, отнюдь не претендует на роль полной и непогрешимой картины этой войны, но все в ней — правда, от слова и до слова.

Большинство высших интеллектов Галактики чураются войны, даже когда речь идет о самом их существовании. И тем не менее сама материя, давшая им жизнь, послужила строительным материалом для берсеркеров. Может, их Строители являют собой редчайший, порочный изъян? Ах, если бы это было так...

УЛЫБКА

По прошествии четырех месяцев с момента налета берсеркеров на планету под названием Сен-Жервез среди туч пепла и пара, окрасивших небеса уничтоженной планеты в мертвенно-серые тона, появилась большая, шикарная яхта тирана Йоритомо. Вскоре с нее беззвучно были спущены два бронекатера, приземлившиеся посреди голой равнины в том месте, где некогда стояла столица планеты.

Высадившаяся с катеров команда была одета в скафандры высшей защиты, чтобы избежать пагубного воздействия раскаленного пепла, горячей грязи и остаточной радиации. Солдаты знали, что ищут, и менее чем через стандартный час наткнулись на сводчатый тоннель, ведущий вглубь от бывшего подвала знаменитого сен-жервезского музея. Местами тоннель частично обрушился, но проход все-таки сохранился, и прибывшие двинулись по ступеням вниз, иногда спотыкаясь об обломки, скатившиеся с поверхности. Поначалу сражение было не совсем односторонним, и среди руин некогда величественного города то и дело встречались обломки десантных ботов и роботов берсерке-

ров. Неживые металлические убийцы были вынуждены высадиться, чтобы нейтрализовать генераторы защитного поля, прежде чем приступить к бомбардировке планеты всерьез.

Тоннель окончился огромным хранилищем в сотнях метров от поверхности. Аварийное освещение, имеющее независимый источник питания, все еще работало, а системы очистки воздуха до сих пор пытались отфильтровать пыль. В хранилище высились пять огромных статуй, считая и стоявшую в примыкающей к залу мастерской, где над ней, очевидно, трудился какой-то реставратор. Каждая статуя являла собой бесценное произведение искусства. А вокруг были разбросаны, будто мусор, полотна, керамика, статуэтки из бронзы, золота и серебра — самые ничтожные из сокровищ, достойных зависти.

Прибывшие тут же передали по радио о своем открытии человеку, нетерпеливо дожидавшемуся в яхте, зависшей над городом. В докладе упомянули, что кто-то явно жил здесь уже после нападения. Кроме мастерской, силовая лампа которой снабжала электричеством уцелевшее оборудование, в хранилище имелась комнатка, служившая музейным архивом. Теперь в ней обнаружилась койка, запасы пищи и прочие предметы, свидетельствующие, что это помещение стало чьим-то жилищем. Что ж, не так уж и удивительно, что из многих миллионов обитателей планеты уцелел хоть один.

Человек, в одиночестве проживший в этом укрытии целых четыре месяца, по возвращении застал высадившийся отряд за работой.

— Мародеры, — бесстрастно прокомментировал он, не находя в душе сил ни на ярость, ни даже на страх. Человек, не защищенный ни от радиации, ни от чего-либо другого, привалился плечом к косяку последней двери разбитого тоннеля — длинноволосый, небритый, некогда толстый; висящая мешком одежда выглядела так, будто ее не меняли со времени нашествия берсеркеров.

Десантник, стоявший к нему ближе всех, молча смерил человека взглядом и побарабанил пальцами по рукоятке пистолета, прикидывая, как быть, но выхватывать оружие из кобуры не стал. Пришедший швырнул на пол принесенный металлолом, вложив в этот жест все свое презрение.

Пистолет выскочил из кобуры, но не успел его обладатель прицелиться, как командир десанта остановил его резким жестом. Не отводя взгляда от замершего в дверном проеме человека, командир снова вышел на связь с кораблем, зависшим над руинами.

— Ваше Высочество, здесь уцелевший, — проинформировал он обладателя круглого лица, вскоре появившегося на портативном экранчике. — Полагаю, это скульптор Антонио Нобрега.

— Дайте-ка мне взглянуть на него сию же секунду. Подведите его к экрану. — Даже вечная одышка не делала неподражаемый, устрашающий голос Его Высочества хотя бы капельку менее устрашающим. — Да, вы правы, хотя он и сильно переменился. Нобрега, какая удача для нас обоих! Вот уж воистину еще одна драгоценная находка.

— Я знал, что вы поспеете на Сен-Жервез со дня на день, — все так же безучастно ответил Нобрега экрану. — Как болезнетворный микроб, поселяющийся в изувеченном теле. Как громадный, жирный раковый вирус. Вы притащили свою дамочку, чтобы она взяла под крылышко нашу культуру?

Один из стоявших рядом ударом сбил скульптора с ног. С экрана тотчас же раздалось сердитое прерывистое рычание, и Нобреге быстро помогли встать, а затем усадили в кресло.

— Он художник, о мои верноподданные, — с укором произнес экранный голос. — И вовсе незачем ожидать, что он имеет представление о приличиях в чем-либо, кроме своего искусства. Нет. Мы должны незамедлительно обеспечить маэстро лечением от лучевой болезни, а затем доставить его вместе с нами во дворец, дабы он жил и работал там так же счастливо — или несчастливо, — как и в любом другом месте.

— О нет, — произнес сидящий в кресле художник еще слабее, нежели прежде. — Моя работа завершена.

— Пфу-фу, вот увидите.

— Я знал, что вы прибудете...

— О? — отозвался голосок с экрана, будто желая ублажить художника. — И откуда же вы это знали?

— Я слыхал... когда наш флот еще оборонял подступы к системе, моя дочь была на одном из кораблей. Она-то еще до того, как погибла, рассказала мне, как вы привели в систему свою армаду, чтобы понаблюдать, как обернутся дела, оценить наши силы, наши шансы выстоять перед берсеркерами. Я слыхал, как ваша армада испарилась, как только они появились. И тогда я сказал, что вы вернетесь, дабы поживиться вещами, которые иным способом не сможете добыть никогда и нипочем.

Нобрега мгновение помолчал, затем рванулся из кресла вперед, вернее, совершил попытку рвануться, собрав все свои силы.

Схватил длинный металлический инструмент скульптора и замахнулся на «Восхождение крылатой истины» — мраморную статую работы Понятовского одиннадцативековой давности.

— Но прежде чем я увижу, как вы возьмете это...

Не успел он отколоть хотя бы кусочек мрамора, как на него набросились, связав по рукам и ногам.

Когда к нему снова подошли час спустя, чтобы доставить на яхту для медицинского осмотра и лечения, то обнаружили, что скульптор уже скончался. Вскрытие на месте обнаружило присутствие целого ряда медленных, исподволь действующих ядов. Быть может, Нобрега принял некоторые из них преднамеренно. А может, его прикончила какая-нибудь отрава, ради окончательного искоренения жизни на планете оставленная берсеркерами, отправлявшимися выполнять свое запрограммированное предназначение — истреблять все живое на просторах всей Галактики.

Во время обратного путешествия с Сен-Жервеза и еще несколько месяцев спустя Йоритомо был слишком занят насущными делами, чтобы основательно рассмотреть свои новые сокровища. К тому времени пять огромных статуй были уже установлены — отчего весьма выиграли в эстетическом плане — в глубочайшей, крупнейшей и надежнее всего защищенной галерее Дворца. Менее значительные коллекции были из галереи удалены, дабы предоставить место и визуальное пространство для «Восхождения крылатой истины», «Смеющегося (или неиствующего) Вакха» Лазамона, «Последнего подстрекательства» Серапиона, «Волнистой комнаты» Лазенки и «Воспоминания о былых обидах» работы Праджапати.

Так уж получилось, что к этому времени государыня Йоритомо тоже прибыла во Дворец. Обязанности Культурного Вождя Народа и Высочайшего Инспектора Просвещения четырех подчиненных планет вынуждали ее все время быть в разъездах, и зачастую они с государем не виделись месяцами кряду и даже более.

Эти двое больше доверяли друг другу, чем кому-либо другому. Сегодня они сидели тет-а-тет в огромной галерее, прихлебывая чай и обсуждая дела. Госпожа пыталась продвинуть свою новейшую теорию, гласившую, что любовь к правящей чете может быть генетически имплантирована следующему поколению народов подчиненных планет. Уже запущен ряд экспериментальных проектов. Пока что они не дали ничего, кроме серьезной интеллектуальной деградации подопытных, но недостатка в подопытных нет, и временные неудачи ничуть не обескуражили госпожу.

Государь говорил в основном о своих собственных планах, посвященных прежде всего заключению более тесных деловых контактов с берсеркерами. Согласно его замыслам, Йоритомо будут обеспечивать роботов-убийц человеческими жизнями, в которых не нуждаются сами, и планетами, которые трудно защищать, в обмен на избранные произведения искусства и, конечно, гарантию личной безопасности. План обладал множеством привлекательных сторон, но государь не мог не признать, что трудности начальной фазы переговоров с берсеркерами, не говоря уж об установлении хотя бы относительного взаимного доверия, делают его планы несколько прожектерскими.

Когда в разговоре наступила пауза, Йоритомо в голову пришла банальная мысль, что следовало бы немного поболтать с женой о чем-либо еще, кроме дел. Не прерывая беседы, он поднялся, вышел из алькова, где проходило чаепитие, и между статуй прошел в дальний конец галереи, чтобы наполнить чайник. Роботов он запретил допускать сюда по эстетическим соображениям, а во время приватных бесед считал нежелательным и присутствие слуг. Кроме того, думал он, возвращаясь в альков, польщенная госпожа склонится к его мнению в определенных вопросах, вызывающих разногласия, если чай ей собственноручно подаст столь могущественный...

Обогнув громадный металлический бок «Последнего подстрекательства», он вдруг застыл как вкопанный — от безмерного изумления лицо его продолжало хранить прежнее любезное выражение. Полминуты назад он оставил госпожу задумчивой, полной жизни и грациозной энергии. Она по-прежнему сидела на диване, но теперь завалившись на бок, а ее изящный палец с перстнем, конвульсивно дергаясь, скреб роскошный коричневый ковер. Волосы госпожи пришли в дикий беспорядок; и неудивительно, пронеслось в его ошарашенном мозгу, ибо и сама голова развернута на пол-оборота, так, что взгляд мертвых глаз поверх обнаженного плеча устремлен прямо на мужа. На плече и щеке остались уродливые кровоподтеки...

Выйдя из оцепенения, Йоритомо стремительно обернулся, выронив хрупкое произведение искусства, вмещавшее чай. Но не успел выхватить спрятанное оружие даже до половины, когда оно от удара вылетело у него из рук. Он бросил лишь один взгляд на смерть, бесстрастной башней высящуюся над ним. И не успел даже толком заверещать, как последовал еще один удар.

Ветер ни на час не затихал со времени прибытия Ритуана на планету, с неумолчным воем выметая текучие пески. При таких темпах он вполне может за пару лет до краев заполнить грандиозную котловину, оставшуюся от разрушенного древнего Дворца Йоритомо. Последние раскопки окончены только вчера, а песок уже начал заполнять свежий археологический раскоп.

— На самом деле они были просто пиратами, и больше ничего, — заметила Айзелин, главный археолог. — На пике своего могущества двести лет назад они правили четырьмя звездными системами. Правили отсюда, хотя не часто показывались на поверхности этой старой кучи песка.

— Озимандия[1], — пробормотал Ритуан.

— Что?

— Древние стихи. — Тонкой нервной ладонью Ритуан откинул со лба волосы цвета песка. — Хотелось бы мне поспеть сюда вовремя, чтобы увидеть статуи, пока вы их еще не запаковали в ящики и не отправили на корабль. Представляете, я во весь дух поспешил с самого Сегола, как только услыхал, что здесь ведутся раскопки.

— Что ж, — Айзелин сложила свои пухлые ладони и нахмурилась, потом улыбнулась, и ее зубы ярко сверкнули на фоне смуглого индейского лица. — А почему бы вам не прокатиться с нами до системы Эстила? Я просто ни в коем случае не могу открыть ящики, пока мы не прибудем туда. Уж больно строги правила процедуры, которой мы обязаны следовать во время этих совместных раскопок.

— На моем корабле хороший автопилот.

— Тогда настройте его, чтобы он следовал за нами, и запрыгивайте на борт. Когда мы распакуемся на Эстиле, вы будете в числе первых, кто сможет насмотреться вволю. А до того мы сможем поговорить. Я буду очень рада вашей компании, нам ужасно не хватало первоклассного искусствоведа-историка.

— Ладно, уговорили. — Они обменялись жизнерадостными улыбками. — Значит, правда, что вы в самом деле нашли изрядную часть старой коллекции Сен-Жервеза почти нетронутой?

— Не знаю, имеем ли мы право утверждать подобное. Но, несомненно, немалую часть.

— Преспокойно пролежавшую там почти два века.

— Ну, как я уже сказала, это была тихая гавань Йоритомо.

[1] Озимандия — произведение Перси Биши Шелли, навеянное видом величественной статуи Рамзеса II, высящейся посреди песков пустыни. *(Здесь и далее прим. перев.)*

Но смахивает на то, что на этой планете жило не более пары-тройки тысяч человек даже в пору расцвета, и никто вообще не жил здесь достаточно долго. Очевидно, среди приспешников тиранов начались какие-то интриги: никто так толком и не узнал, почему и с чего все началось, но грабители перессорились. Началась междуусобица, Дворец разрушили, сами правители были убиты, все рухнуло. По-моему, после гибели так называемых государя и госпожи никто из интриганов не оказался в состоянии поддерживать порядок.

— И когда же это произошло?

Айзелин назвала дату.

— В том же году, когда пал Сен-Жервез. Все сходится. Должно быть, Йоритомо побывали там после ухода берсеркеров, намародерствовавшись вволю. Это вполне вписывается в их характеры, не так ли?

— Боюсь, что так... видите ли, чем больше я о них узнавала, тем сильнее проникалась уверенностью, что у них должно было быть более глубокое, более тайное убежище, чем обнаруженное во время первых раскопок около века назад. Просто сложилось так, что люди, проводившие здесь раскопки в то время, нашли так много награбленного, что решили, будто нашли все.

Ритуан смотрел, как котлован медленно заполняется песком.

— И еще... — дружески тряхнула его за руку Айзелин. — Я вам не говорила? Мы нашли два скелета, по-моему, самих Йоритомо. Роскошно одетых, в окружении своих сокровищ. Государыня умерла от перелома шеи, а ее муж от множественных...

Под неустанный вой ветра два корабля взмыли к небесам.

На борту корабля по пути к Эстилу было покойно и хорошо, разве что чуточку тесновато. В кабине находилось шесть человек, считая Ритуана, и они ютились в трех каютах на узких койках. Конечно, отчасти теснота была связана с количеством находок. Едва ли не повсюду, куда ни кинь взгляд, виднелись невообразимые сокровища, упакованные в пластиковые ящики. У путников была масса времени по пути, чтобы восхищаться всем этим. Двигатели, навигационное оборудование и система жизнеобеспечения обслуживались машинами, а людям для полной уверенности требовалось лишь изредка бросать внимательный взгляд на их работу. Теперь в этой части населенной Галактики путешествовали, как и два века назад, почти не подверга-

ясь риску нападения берсеркеров. А людей-пиратов не осталось и вовсе.

В центральном грузовом отсеке стояли крепко принайтованные к палубе, укутанные полностью фигуры, с которых Ритуану особенно хотелось сорвать упаковку и амортизационные прокладки. Но он заставил себя набраться терпения. В первый день пути пришел вместе с остальными в грузовой отсек, где они смотрели и слушали некоторые старые записи, обнаруженные в нижних ярусах руин Дворца Йоритомо. Там имелись данные, записанные на лентах, в кристаллокубиках, на древних сверхпроводящих кольцах. И масса информации имела форму посланий, записанных самим тираном.

— Одним богам ведомо, зачем он писал все это, — вздохнула Ошогбо, главный архивариус большого эстильского музея — одной из организаций, выступившей спонсором экспедиции. — Вы только послушайте. Полюбуйтесь на него. Он приказывает кораблю остановиться и принять абордажную партию, угрожая ему пушками.

— Наверное, ради самолюбования, — предположил Чи Нань, на планете работавший помощником землекопа экспедиции, зато в космосе ставший капитаном. — Ему нужно было видеть, какое он производит впечатление.

— Такие записи могли иметься на всех кораблях, — вставил Ключевский, эксперт по землеройным работам. — Так что их жертвы не знали, присутствует ли на месте сам тиран или нет. Впрочем, не знаю, какая им была разница.

— Давайте посмотрим другую, — предложил Грантон, главный хранитель архива — референт.

В течение следующего часа они просмотрели записи, в которых Йоритомо: 1) приказал своим подчиненным прекратить ссоры из-за рабов и наложниц; 2) изложил свое дело Межзвездному правительству как человек, подвергшийся злобным нападкам клеветников, представитель гонимого народа; 3) устроил видеоэкскурсию для некой воображаемой аудитории, непонятно из кого составленной, показав наиболее ошеломительные образчики из своей обширной коллекции произведений искусства...

— Погодите! — вклинился Ритуан. — А вот это что такое? Вы не прогоните последний кусок еще разочек?

Астматический голос тирана повторил:

— Мрачный рассказ о том, как эти величественные статуи были спасены. Наш флот спешил что есть сил и все же прибыл

слишком поздно, чтобы оказать помощь героическим защитникам Сен-Жервеза. Много дней мы тщетно разыскивали оставшихся в живых, но нашли лишь одного. И личность этого человека сделала всю эту ситуацию особенно мучительной для меня, ибо это был скульптор Антонио Нобрега. Увы, наша помощь поспела слишком поздно, и он вскоре скончался от ядов, оставленных берсеркерами. Надеюсь, скоро придет день, когда все правительства прислушаются к моим неумолчным призывам по развязыванию войны до победного конца против этого бича всего живого.

— Вот! — воскликнул Ритуан с довольным видом как человек, только что разрешивший древнюю головоломку. — Значит, вот где умер Нобрега. Какое-то время мы считали такое весьма вероятным, — большая часть его семьи была там, — но прежде не имели конкретных доказательств.

— Он был знаменитым мистификатором, не так ли? — поинтересовался Грантон.

— Да. Сам по себе очень хороший художник, хотя темная сторона его трудов затмила все остальное. — Ритуан выдержал паузу, чтобы смолкло одобрительное хмыканье по поводу каламбура, и продолжал: — Мне не по нутру верить старому тирану на слово хоть в чем-либо, но, полагаю, у него не было оснований лгать насчет Нобреги.

— Мне пора перекусить, — поглядела на часы Айзелин. — А вы можете провести здесь хоть весь день.

— Записи не обладают для меня такой притягательной силой. — Ритуан встал, чтобы составить ей компанию. — Вот если бы вы открыли ящики...

— И не рассчитывайте, мой друг. Но я могу показать вам голограммы, я разве об этом не упоминала?

— Ни разу!

— А вот государь и госпожа вместе в этой... — крикнула им вслед Ошогбо, но они не остановились. Чи Нань увязался за ними, а остальные остались в грузовом отсеке.

В тесной кают-компании маленького корабля трое ушедших накрыли на стол и включили скрытые в углах кают-компании голографические проекторы.

— Это просто декаданс какой-то! Гороховый суп со свининой и — что тут у нас? Лазенки. Чудесно!

Перед ними возникли приглушенные серые и алые тона «Волнистой комнаты» (а может, это человеческое сердце?), заполнив всю середину помещения. Айзелин сделала жест, заста-

вивший показанное в натуральную величину изображение медленно закружиться вокруг оси.

— Капитан! — донесся хриплый голос из интеркома, прервав беседу.

— Так я и знала! Стоит лишь сесть и...

— По-моему, у нас какие-то проблемы с грузом, — донесся встревоженный голос Грантона. — Что-то вроде бы ломается или... Айзелин, вам лучше тоже прийти и взглянуть на свой...

Голос смолк, но сквозь динамик продолжал доноситься какой-то грохот. Затем последовали невнятные возгласы, окончившиеся хриплым воплем.

Чи Нань уже скрылся. Ритуан понесся галопом, не спуская глаз со спины Айзелин, то и дело скрывающейся каждый раз за поворотами. Затем она остановилась настолько внезапно, что Ритуан едва не налетел на нее.

Дверь грузового трюма, всего несколько минут назад стоявшая нараспашку, когда они выходили, сейчас была плотно запечатана массивным железным люком, предназначенным для изоляции отсеков друг от друга в экстренных ситуациях — в случаях пожара или пробоины в корпусе.

На палубе перед самой дверью распростерся человек. Айзелин и Чи Нань уже присели возле него на корточки; когда Ритуан наклонился, его ноздрей достиг запах подгоревшего мяса, сам по себе не столь уж неприятный.

— Помогите мне ее поднять... Осторожно... Лазарет там.

Ритуан помог Айзелин. Чи Нань вскочил на ноги, бросил взгляд на индикатор рядом с массивной дверью и на миг приложил ладонь к ее гладкой поверхности.

— Там что-то горит, — лаконично прокомментировал он и вместе с остальными помчался в лазарет. От его прикосновения дверца распахнулась, внутри вспыхнул свет.

— Что в нашем трюме не защищено от огня? — строго осведомилась Айзелин, словно Рок бросил ей в лицо личное оскорбление.

На какое-то время диалог оборвался. Ожоговый бокс, за двадцать секунд с шипением наполнившийся до краев, как только были нажаты нужные кнопки, принял на себя вес обожженного тела Ошогбо вместе с одеждой и прочим и принялся трудиться над ней под неумолчное хлюпанье лечебной жидкости. Затем, оставив Айзелин в лазарете, Ритуан с Чи Нанем припустили рысцой обратно к мостику. Там капитан бросился в амортизационное кресло и поспешно положил ладони на пульт управления, потребовав от корабля отчет о происшедшем.

Через мгновение он переключил свой главный интерком на показ ситуации внутри грузового отсека, где остались еще двое людей. Там на палубе лежало что-то вроде груды старого тряпья. Камера, показывающая грузовой отсек, почти сразу отказала, но за мгновение до этого Ритуан и Чи Нань успели разглядеть высокую движущуюся фигуру.

Пару секунд поглядев на заполненный серыми помехами экран, капитан переключился на лазарет. Айзелин тотчас же показалась перед камерами.

— Как ее дела? — осведомился Чи Нань.

— Судя по всему, состояние стабилизировалось. У нее трещина в основании черепа, а также ожоги корпуса, согласно распечатке. Будто ее ударили по голове чем-то тяжелым.

— Может быть, ее задело дверью, когда та закрывалась, а она выскакивала? — На экране рубки был виден ожоговый бокс, и капитан возвысил голос: — Оши, ты в состоянии ответить мне? Что случилось с Грантоном и Клю?

Затылок Ошогбо покоился на пластиковом изголовье цвета слоновой кости. Тело ее сотрясалось и слегка вибрировало в темной жидкости, будто она наслаждалась ванной. Там и тут на поверхности плавали обрывки обугленной ткани. Женщина огляделась, будто пытаясь отыскать источник голоса Чи Наня. Затем проговорила:

— Оно схватило их... я бежала.

— Что их схватило? Они живы?

— Голова Грантона отлетела... оно оторвало ему голову. Я вырвалась. Что-то ударило... — Глаза девушки закатились, голос ослабел и смолк. На экране снова появилось лицо Айзелин.

— Она отключилась. По-моему, медик просто погрузил ее в сон. Должна ли я попытаться снова разбудить ее?

— Это не нужно, — отозвался потрясенный капитан. — Думаю, следует принять предположение, что с остальными покончено. Я в любом случае не собираюсь открывать эту дверь, пока не узнаю о нашей проблеме побольше.

— А мы не можем спешно сесть на какую-нибудь планету? — спросил Ритуан.

— Поблизости ни одной планеты, где мы могли бы получить помощь, — бросил капитан через плечо. — Ближайшая планета, где нам могут оказать помощь, — Эстил. От трех до четырех дней пути.

Все трое принялись обсуждать проблему, сойдясь на том, что им известно. Двое были уверены, что видели на экране интеркома, как нечто большое движется внутри грузового отсека.

— И, — заключила Айзелин, — наша оставшаяся в живых свидетельница, видевшая все собственными глазами, утверждает, что «оно» оторвало кому-то голову.

— Смахивает на берсеркера, — импульсивно заявил Ритуан. — А может быть, какое-нибудь животное?.. Кстати, а как что-то настолько крупное могло там спрятаться?

— Животное исключается, — бесстрастно возразил Чи Нань. — Кроме того, вы же сами видели, как мы набили отсек, как мы внимательно проверяли, не пропадает ли впустую какое-нибудь место. Единственный уголок, где кто-то или что-то могло хоть *как-то* спрятаться, — это в одном из ящиков для статуй.

— А я точно проверила все их до единого, — подхватила Айзелин. — Мы сформировали их так, чтобы они практически облегали статуи, так что в них не могло уместиться ничего подобных размеров. Что это за шум?

Мужчины в рубке тоже услышали приглушенные ритмичные удары, казавшиеся совершенно неуместными на любом из кораблей, на которых когда-либо приходилось летать Ритуану. Теперь же он почему-то задумался о том, что за люди были те, из чьего Дворца поступил этот загадочный груз; и впервые с момента, когда вся эта каша заварилась, ощутил настоящий страх.

— Чи Нань, — положил он ладонь на плечо капитану, — а что именно мы видели на экране интеркома?

Капитан немного пораскинул умом, прежде чем ответить.

— Нечто крупное, выше человека уж наверняка. И оно двигалось само по себе, правильно?

— Да, я бы сказал, что оно было темным... а более того... не знаю.

— Я бы назвал его светлым. — Грохот ударов стал немного ровнее, быстрее, громче. — Значит, вы думаете, что одна из наших статуй ожила?

— Я считаю, что слово «ожила» определенно не подходит, — возразил голос Айзелин из лазарета.

— У скольких статуй были подвижные сочленения? — осведомился Ритуан. У «Волнистой комнаты», виденной им на голограмме, таковых определенно не имелось. Но пару-тройку столетий назад подвижные скульптуры были весьма распространены.

— У двух, — сообщила Айзелин.

— Я внимательно осмотрел все эти статуи, — запротестовал Чи Нань. — Айзелин, вы тоже. Естественно, мы все это сделали. И они были подлинны.

— Но мы не осматривали их изнутри, не проверяли, есть ли в них двигатели, источники энергии, компьютерные мозги. Разве не так?

— Конечно, нет. Это было ни к чему.

— Значит, это берсеркер, — стоял на своем Ритуан. — Ничем другим это быть просто не может. И прежде чем напасть, он выжидал, потому что хотел увериться, что захватит корабль.

— Нет! — хлопнул Чи Нань ладонью по подлокотнику. — В такое я ни за что не поверю. Неужели вы думаете, что аварийная дверь остановит берсеркера? Мы все были бы уже мертвы, а он захватил бы корабль. А вы еще утверждаете, что этот берсеркер выглядит, как произведение великого художника, настолько мастерское, что одурачило экспертов, и что оно оставалось закопанным в течение двух веков, не пытаясь откопаться, и что...

— Нобрега, — внезапно перебил его Ритуан.

— Что?

— Нобрега... он умер на Сен-Жервезе, мы только не знаем, как именно. У него имелись все основания ненавидеть Йоритомо. Вероятнее всего, он встретил одного из них или даже обоих в музее Сен-Жервеза после нападения, пока они занимались так называемым спасением экспонатов.

Вы говорите, что Нобрега был великим мистификатором. Совершенно верно. И при том хорошим инженером. Вы также сказали, что никому не известно, как именно погибли Йоритомо, известно только, что смерть их была насильственной. И произошла среди этих самых статуй.

Двое людей — одна на экране, а другой рядом — в настороженном молчании не сводили с него глаз.

— Предположим, — продолжал Ритуан, — что Нобреге откуда-то было известно о прибытии мародеров и что у него имелись время и средства, чтобы соорудить для них особый подарочек. Взять статую с подвижными конечностями и встроить в нее реактор, датчики, серводвигатели и, может быть, теплоизлучатель в качестве оружия. А затем добавить туда электронный мозг с какого-нибудь миниатюрного берсеркера.

Чи Нань со свистом втянул воздух сквозь зубы.

— Они вполне могли валяться по всему Сен-Жервезу после нашествия. Все говорило о том, что оборонялись его жители отчаянно.

— Я все прикидываю так и эдак, — промолвил Чи Нань. — Не забиться ли нам всем в шлюпку и не перебраться ли на ваш корабль, Ритуан? Он невелик, как вы говорили, но мы уж как-нибудь разместимся. В тесноте, да не в обиде.

— Там нет нормального лазарета.

— О!.. — Все посмотрели на лицо девушки в боксе, теперь потерявшей сознание, на темные волосы, пляшущие вокруг ее лица в исцеляющей жидкости.

— Как бы то ни было, — резюмировал капитан, — я не уверен, что он не сможет захватить управление, а потом пойти наперерез нам и, скажем, протаранить. Может быть, как вы думаете, это ненастоящий берсеркер. Но он слишком уж смахивает на настоящего, чтобы стоило бросать корабль на его произвол. Придется остаться и дать ему бой.

— Браво, — откликнулась Айзелин. — Но чем? Мне кажется, что все ручное оружие мы сунули в грузовой отсек.

— Так оно и есть. Будем надеяться, что Нобрега сделал берсеркера не настолько мозговитым, чтобы тот начал искать оружие. Пусть просто продолжает молотить в дверь. А пока давайте посмотрим, каким землеройным снаряжением сможем воспользоваться.

Айзелин решила, что ей нет смысла сидеть в лазарете, и пришла к ним на помощь, оставив интерком включенным, чтобы можно было время от времени бросать взгляд на Ошогбо.

— Эта дверь в грузовой отсек вся в буграх и вмятинах, ребята, — сообщила она, заглянув в забитую снаряжением кладовку рядом с кают-компанией, где они копались. — Давайте организуем что-нибудь в качестве оружия.

Ритуан с кряхтением выволок длинный толстый инструмент, очевидно, снабженный собственным источником энергии.

— Это что, отбойный молоток? Будем считать, что он сгодится.

— Разумеется, — согласился Чи Нань. — Если только берсеркер будет на расстоянии вытянутой руки от вас. Приберегем это средство до того момента, когда ситуация воистину станет отчаянной.

Минуту спустя, копаясь в ящиках с какими-то электроприборами, совершенно незнакомыми Ритуану, капитан пробормотал:

— Если он пустился во все тяжкие, подделывая работу старого мастера, у него должны были иметься веские основания.

Что ж, это было единственное, что Йоритомо могли принять за чистую монету. Взять прямо на свой корабль, в свои собственные комнаты. Должно быть, он хотел достать государя и государыню.

— Пожалуй, так оно и было. Думаю, если бы он просто сунул бомбу в статуи, это средство оказалось бы недостаточно надежным и недостаточно избирательным.

— Кроме того, его могли проверить какими-нибудь аппаратами, улавливающими запах взрывчатки, прежде чем отправить во внутренние... Ритуан! Какую запись слушали в грузовом отсеке, когда эта штуковина напала?

Ритуан, только-только начавший открывать очередной ящик, замер.

— Ошогбо окликнула нас, когда мы выходили. Вы правы, ту, где были оба Йоритомо. Должно быть, Нобрега настроил свое творение так, чтобы его пускали в ход их голоса, прозвучавшие вместе.

— А вот как оно должно выключаться, вот что мне хотелось бы знать?

— Оно ведь отключилось почему-то, не так ли? И пролежало на месте два столетия.

— Вероятнее всего, Нобрега не предвидел, что статуя может сохраниться в целости и сохранности достаточно долго, чтобы повторить все сначала. Быть может, если мы просто подержим ее еще немного, она снова отключится.

Но приглушенные удары все не прекращались — терпеливые и равномерные, как тиканье метронома.

— Боюсь, на это мы не можем рассчитывать. — Чи Нань пинком отшвырнул последний ящик, в котором копался. — Что ж, судя по всему, на этом арсенал оборудования, которым мы располагаем в качестве оружия, исчерпывается. Похоже на то, что если мы чем-то и сможем воспользоваться, то электричеством. Думаю, мы можем соорудить что-нибудь, способное шибануть врага током, если это подходящее слово, или расплавить, или поджарить его. Однако сначала нам надо узнать, с какой именно из этих статуй мы воюем. Кандидатур всего две, что сужает зону поиска. И тем не менее.

— «Смеющийся Вакх», — подсказала Айзелин. — И «Воспоминание о былых обидах».

— Первая практически цельностальная. Думаю, что мы можем устроить индукционное поле, достаточно мощное, чтобы ее расплавить. Килограмм сто расплавленного железа посреди па-

лубы — штука неприятная, но далеко не столь неприятная, как имеющаяся ныне. Но другая статуя, или хотя бы ее внешняя оболочка, сделана из какой-то твердой и прочной керамики. Чтобы расшибить эту, нужно что-то вроде удара молнии. — Тут Чи Наню в голову пришла ужасная мысль: — Как по-вашему, их не может быть *две?*..

— По-моему, Нобрега вложил все свое время и все свои силы в доведение до совершенства только одной, — успокаивающе отмахнулся Ритуан.

— Итак, — подала голос Айзелин, — все сводится к тому, что надо узнать, какая из двух поддельная, а какая подлинная. Та, с которой он работал, должна быть поддельной; даже если он начал с настоящего произведения искусства, в которое встроил свой смертоносный аппарат, ко времени окончания работы его поверхность должна была подвергнуться практически тотальной реконструкции.

— Поэтому я возвращаюсь в кают-компанию, — отозвался искусствовед. — Чтобы посмотреть голограммы. Если нам повезет, я смогу отличить нужную.

Айзелин увязалась следом, бормоча:

— Вам нужно, мой друг, всего лишь навсего обнаружить подделку, не вызвавшую ни малейшего подозрения ни у Йоритомо, ни у *его* экспертов... Наверное, нам лучше придумать что-нибудь другое.

Вскоре в кают-компании были выставлены в натуральную величину голограммы двух статуй, медленно вращающихся бок о бок. Обе представляли собой высокие человекообразные фигуры, и обе по-своему улыбались.

Полторы минуты прошло в молчании, а затем Ритуан решительно заявил:

— Вот это подделка. Стройте свой громовержец.

Аварийная дверь была готова уже вот-вот уступить перед градом ударов, таких же бессмысленных и таких же могучих, как удары гидравлического пресса, когда электрооборудование было собрано и установлено на позиции. По обе стороны дверного проема Чи Нань и Айзелин присели на корточки, положив руки на свои выключатели. Ритуан (в боевых условиях считающийся наименее ценным) стоял на виду напротив прогнувшейся двери, облачившись в теплоизоляционный скафандр и прижимая к груди тяжелый отбойный молоток. Дверь поддалась совершенно неожиданно. Только что она оставалась на месте, скрывая, что

таится позади, а в следующий момент отлетела прочь. В долгую секунду воцарившейся тишины последнее творение Антонио Нобреги ясно предстало взорам людей в сиянии направленных с двух сторон прожекторов — желтовато-белое, как кость, на фоне черноты разгромленного грузового трюма.

Ритуан поднял отбойный молоток, вдруг показавшийся ему не тяжелее булавки. И в этот момент понял, что чувствуют люди, столкнувшиеся с настоящим берсеркером лицом к лицу.

Высокое творение сделало шаг в его сторону, невозмутимо улыбаясь. И тут в него сбоку ударил иссиня-белый разряд, настолько стремительный, чтобы уклониться от него не смогло ни одно материальное создание.

Пару часов спустя были приняты самые неотложные аварийные меры, два трупа упакованы для сохранения — с искренним почтением, хотя и без показных жестов, — а черепки творения Нобреги, разнесенного в клочья пронесшимся сквозь керамику электрическим ураганом, остыли настолько, что их можно было взять в руки.

Ритуан обещал остальным показать, как он распознал подделку, и теперь подошел к ним, неся черепок, который отыскивал.

— Вот.

— Губы?

— Улыбка. Если бы вы видели столько же произведений искусства эпохи Федерации, несоответствие бросилось бы вам в глаза, как и мне. Улыбка никоим образом не вписывается в период Праджапати. Она зла, коварна, и если бы лицо осталось нетронутым, это было бы совершенно очевидно. Это злорадная ухмылка, спокойная и недобрая в одно и то же время.

— Но сам-то Нобрега этого не заметил? — поинтересовалась Айзелин. — И Йоритомо тоже?

— В период, в который они жили, эта улыбка вполне вписывается, она полна художественной выразительности. Они не могли забежать вперед или назад на пару веков, чтобы взглянуть на нее со стороны. Полагаю, месть была нормальным явлением в любом столетии, но художественные вкусы меняются.

— По-моему, ответ вам подсказала тема или название, — заметил Чи Нань.

— «Воспоминание о былых обидах» — нет, Праджапати на самом деле творил нечто сходное по теме, насколько я припо-

минаю. Как я сказал, по-моему, месть не знает никаких культурных или временных границ.

«Нормальное явление в любом столетии». Ошогбо, наблюдавшая за ними по интеркому из обезболивающей противоожоговой ванны, содрогнулась и прикрыла глаза. «Не знает границ».

Вселенная наделила жизнь целым арсеналом собственного оружия, и меня больше не удивляет, что порой в этот разряд попадает также слабость. Даже самые нежные и хрупкие живые творения способны продемонстрировать удивительную силу...

ДАВЛЕНИЕ

Раньше корабль был пассажирским; собственно говоря, он и сейчас вез пассажиров — с той только разницей, что на сей раз они играли роль стада бессловесного скота, направляющегося на рынок, о котором старательно заботятся во время пути. Маршрут и место назначения выбирал электронный мозг и вспомогательное устройство, встроенное в «Новую Англию» после ее захвата в космосе берсеркером.

Джильберто Кли — последний из захваченных пленных — еще ни разу не был так напуган за всю свою юную жизнь, но пытался не показывать этого. Он до сих пор не мог взять в толк, почему берсеркер оставил его в живых, и даже боялся думать об этом. Как и всякий другой, он слышал всяческие ужасы — о человеческих мозгах, все еще полуживых, встроенных в берсеркерные компьютеры в качестве вспомогательных цепей; о человеческих телах, используемых в экспериментах берсеркеров в попытке произвести убедительную искусственную копию человека; о людях, которых держат в качестве подопытного материала для новых лучей смерти, всяких там токсинов и способов довести человека до безумия.

После налета Джила и горстку других, захваченных берсеркером, — насколько можно судить, единственных, кто уцелел на всей планете, — разлучили и держали в одиночках на борту гигантской космической машины. И теперь те же самые аппараты берсеркера, что захватили его, или другие, им подобные, забрали его из камеры и повели во внутренний док на борту берсеркера, размерами не уступающего астероиду. И прежде чем его посадили на борт этого корабля, раньше бывшего пассажирским, Джил успел разглядеть выписанное на борту название «Новая Англия».

На борту судна его втолкнули в камеру шагов двадцать шириной, пятьдесят длиной и двенадцать-пятнадцать высотой. Очевидно, все внутренние палубы и перекрытия, все ненужное просто-напросто ликвидировали. Остался только корпус, канализация и водоснабжение, свет, искусственная гравитация и воздух — все на пристойном уровне.

В этом помещении находилось восемь человек, стоящих кучкой и беседующих между собой. Как только машины открыли дверь и втолкнули Джила, все смолкли.

— Приветик, — как только дверь за берсеркерами закрылась, сказал Джилу один из них — худой субъект в какой-то космической форме, мешком висевшей на его тощих телесах. Заговорив, он осторожно шагнул вперед и кивнул. Все до единого бдительно следили за Джилом — на случай, если он окажется буйно помешанным, предположил Джил. Что ж, ему было уже не впервой оказываться в одной камере с заключенными, смотревшими на него волком.

— Меня зовут Ром, — сообщил худой. — Прапорщик Ром, космофлот Объединенных Планет.

— Джильберто Кли.

Все чуточку расслабились, испытав облегчение оттого, что он хотя бы говорит нормально.

— Это мистер Хадэк. — Прапорщик Ром указал на второго молодого человека, окруженного ореолом былой власти. А затем принялся называть остальных, но Джил не мог запомнить все имена разом. Среди присутствующих оказались три женщины, причем одна достаточно молодая, чтобы вызвать у Джила какой-то интерес. Потом он заметил, как она держится, — горбясь, позади остальных, с улыбкой глядя в никуда и неустанно играя с прядями своих длинных нечесаных волос.

Мистер Хадэк начал допрашивать Джила, голос его малопомалу набирал интонации человека, привыкшего повелевать другими. В школе, в бюро по делам молодежи, в участке полиции, в ведомстве переселения — всегда и везде обрабатывающих роднило одно: интонации, обращенные к обрабатываемому, хотя Джил никогда не облекал свои наблюдения именно в эти слова.

— Ты был на другом корабле, или как? — спрашивал Хадэк. — Конечно, ты не космоплаватель, — заявлял уверенный тон. — Ты всего лишь мальчишка, обрабатываемый где-то, мы видим это с первого же взгляда на тебя.

Нельзя сказать, чтобы властный тон был намеренно язвящим. Обычно обрабатывающие не стремятся никого уязвить.

— Я был на планете, — ответил Джил. — Белла Кула.

— Боже мой, они нанесли удар и по ней?

— Ну, уж по той части, где я был, — наверняка. — Джил не видел оснований надеяться, что остальной части планеты досталась другая судьба. На Станции Переселения, где он находился, едва успело прозвучать предупреждение военных, как все радиоприемники смолкли. А когда спустился катер берсеркеров, стоявший посреди поля, Джил просто-напросто таращился на него. Предостережение опередило берсеркеров всего на пару минут, и люди на Станции почти ничего не могли сделать; они уже видели, как тепловые лучи и пылевые машины берсеркера играют над лесами — единственным укрытием, которое было у них в распоряжении.

И все же кое-кто из ребят попытался удрать, когда с небес спустился катер берсеркера, будто серебристая стрела, напоенная ядом. Старик сломя голову примчался из поселка в поля на своем скутере — то ли хотел велеть молодым людям бежать, то ли стоять спокойно. Впрочем, что одно, что другое — все едино. Бежавших враг скосил смертоносными лучами, а стоявших собрал в кучу. Яснее всего Джилу запомнилось выражение муки на лице Старика, когда умирали другие ребята, — то было лицо наделенного властью человека, ни разу не поглядевшего на Джила как на существо, стоящее по другую сторону стеклянной стены.

Когда всех уцелевших обитателей Станции согнали вместе небольшой толпой под сияющим небом посреди зеленого поля, машины отделили Старика от других.

Часть приземлившихся машин напоминала металлических людей, часть больше смахивала на чудовищных стальных муравьев.

— Так будет со всей жизнью, исключая ту, что служит делу Смерти. — Стальная ладонь сграбастала дыню, подняла ее и сжала, так что плод растекся сочной кашицей. А затем та же блестящая ладонь, все еще перепачканная дынной мякотью, схватила Старика за запястье.

— Ты управляешь этими живыми единицами, — прогнусавил металлический голос. — Теперь ты прикажешь им добровольно сотрудничать с нами.

Старик лишь тряхнул головой. Нет. Что-то пробормотал.

Сверкающая ладонь сжалась. Сжалась медленно.

Старик закричал, но не упал. И приказа о сотрудничестве не отдал. Оцепеневший Джил стоял, не шевелясь и не издавая ни звука, но какой-то голос в его рассудке криком кричал Старику: сдайся, упади, потеряй сознание, что угодно, только бы остановить...

Но Старик не упал, не потерял сознания, не отдал нужного приказа даже тогда, когда громадная ладонь берсеркера охватила его череп и снова начала сжиматься все так же медленно, как прежде.

— А что было на Белла Кула? — спрашивал у него прапорщик Ром. — В смысле, военного?..

— Считай, ничего. Я в военных делах не шибко разбираюсь. Я вроде как учился на фермера.

— А-а. — Ром и Хадэк, пара хватких и ушлых пленников, переглянулись. Может, им известно, что фермы на Белла Кула — всего-навсего воспитательные учреждения для трудных подростков с Земли и прочих перенаселенных планет? Джил сказал себе, что ему наплевать, чего они там себе думают.

И вдруг осознал, что вечно твердил себе это и что, наверно, теперь первый раз в жизни это и вправду так.

Вскоре пленников покормили. Машина доставила большой брикет крапчатой розово-зеленой массы, той самой безвкусной пакости, которой потчевали Джила со времени поимки дней восемь-десять назад. Он ел, усевшись поодаль от остальных, устремив взгляд в пространство и слушая, как двое ушлых парней совещаются вполголоса.

— Послушайте, — говорил Ром, — мы ведь в бывших каютах экипажа, верно?

— Ну, если вы так говорите...

— Верно. Так вот, меня провели через передний отсек, рубку управления, и мне удалось быстренько оглядеться. Я смерил шагами длину нашей камеры. Я же говорил, я год прослужил на таком же корабле. Я уж знаю их, как свои пять пальцев.

— И что же?

— А вот что... — Тут раздался едва уловимый скрежет, корабль вздрогнул. Когда Ром заговорил снова, его приглушенный голос трепетал от возбуждения. — Чувствуете? Мы снова выходим в космос, большая машина зачем-то отправляет наш корабль куда-то. А отсюда следует, что у нас появляется шанс, если только... Послушайте, электрические цепи мозга, управляющего кораблем и держащего нас в плену, наверняка расположены

вдоль той пластиковой переборки в переднем конце нашего помещения. Со стороны рубки установили еще одну пластиковую стену, а цепи втиснули между ними.

— Откуда вы знаете? — скептически отозвался Хадэк.

Понизив голос еще более, Ром начал выкладывать аргументы, большинства из которых Джил не расслышал.

— ...а также защищен там от нападения извне ничуть не хуже, чем в любом другом месте корабля... измерил расстояние шагами... вон там, вверху, видите, как модифицированы силовые кабели, идущие к носу...

— Пожалуй, вы правы, — сказал Хадэк. — По крайней мере, это выглядит правдоподобно. Значит, добраться до него нам мешает только этот пластиковый барьер. Любопытно, насколько он толст...

Краем глаза Джил заметил, как двое этих ушлых парней старательно избегали смотреть на то, о чем говорят; но ему-то никто не запрещал глазеть куда вздумается. Со стороны носа просторное помещение перегораживала стена из гладкого зеленоватого пластика, пронизанная сверху какими-то трубами, а сбоку виднелась дверь, через которую привели сюда Джила.

— Разумеется, достаточно толста. У нас ведь нет даже отвертки, а понадобилась бы ацетиленовая горелка или гидравлический домкрат, чтобы...

Тут Хадэк толкнул Рома локтем в бок, и оба прикусили языки. Носовая дверь распахнулась, и в нее вошел робот ростом с человека.

— Джильберто Кли, — прогнусавил он. — На выход.

Ром оказался прав — они снова вышли в космос, устремившись прочь от большого берсеркера. В рубке Джилу выпала минутка, чтобы оглядеться, прежде чем человекообразный робот развернул его спиной к звездам, лицом к приземистой консоли — штуковине с лампочками вместо глаз и громкоговорителем вроде как у радио, словно присевшей на корточки у передней стороны пластиковой стены.

— Джильберто Кли, — произнес динамик консоли. — Мое предназначение — поддерживать жизнь и здоровье ряда живых человеческих единиц.

«До поры до времени», — подумал Джил.

— Очевидно, в стандартной питательной субстанции, — продолжал динамик, — каковой кормят пленников, недостает одного или более ингредиентов. У некоторых пленников наблю-

даются симптомы питательного дефицита вплоть до общего упадка сил, утраты зрения, выпадения зубов. — Пауза. — Ты осознаешь смысл изложенного?

— Ага, просто я не треплюсь попусту.

— Ты, Джильберто Кли, имеешь опыт в выращивании форм жизни, каковые потребляются живыми человеческими единицами в качестве пищи. Ты начнешь выращивать на этом корабле пищу для себя и остальных живых человеческих единиц.

Пауза затягивалась. Перед глазами у Джила совершенно отчетливо стоял Старик, в ушах звенел его вопль.

— Пожалуй, дыни подойдут, — наконец выдавил из себя Джил. — Я умею их выращивать, а в тех дынях, что были у нас на Станции, куча всяких витаминов. Но мне понадобятся семена и почва...

— Определенное количество почвы имеется, — проинформировала консоль. А робот поднял и открыл пластиковый ящичек с множеством отделений. — И семена. Какие именно принадлежат дыням?

Когда Джил вернулся в тюремную камеру, другие роботы уже были заняты модификацией, потребованной Джилом: навесили множество новых потолочных светильников и уставили изрядную часть пола широкими, глубокими поддонами, укрепленными на перекрещивающихся фермах внутреннего каркаса, обнажившихся после устранения палубного настила. Под поддонами установили дренажные трубы, а над ними — оросительные распрыскиватели. Поддоны роботы заполняли почвой, доставляя ее в тележках откуда-то со стороны кормы.

Джил вкратце растолковал товарищам по заключению, что да как.

— Так вот почему он взял тебя и еще кое-кого из фермеров живьем, — прокомментировал Хадэк. — Должно быть, людей держат в плену еще во множестве мест, возможно, даже разводят в качестве подопытных. Нужна масса здоровых лабораторных животных.

— Итак, — искоса поглядел Ром на Джила, — ты собираешься плясать под его дудку?

— Надо же как-то жить, — пожал плечами Джил, — пока не подвернется чего другого.

— Лучше, чтоб пленники берсеркеров содержались... — жарко зашептал Ром, но тут же прикусил язык, как только рядом остановился один из роботов, словно для того, чтобы поглядеть на них и прислушаться.

Они окрестили этого робота Надсмотрщиком, потому что с той поры он уже не покидал людей, хотя остальные машины по окончании строительных работ удалились. Через Надсмотрщика берсеркер-мозг, управляющий кораблем, уведомил Джила, что остальные пленники могут служить в качестве рабочей силы, коли ему потребуется человеческая помощь в выращивании пищи. Джил немного пораскинул умом над этими словами.

— Покамест помощь мне не нужна. Люди пусть остаются, но сажать я все буду сам.

Вскопать грядки и посеять семена было достаточно легко, хотя машины и не оставили между поддонами ни одного прохода, кроме узкого коридорчика, ведущего к двери. Уложенные борт к борту поддоны занимали почти все помещение, впереди почти упираясь в пластиковую переборку, а позади не доходя до стены всего на несколько шагов. Роботы вручили Джилу платформу размером с короткую доску для серфинга, паривщую ровно в двух футах от грунта, позволяя ему работать сидя или лежа. Хадэк растолковал, что эта штуковина, наверное, работает вроде дырки в искусственном гравитационном поле корабля. На платформе имелась простенькая рукоятка, позволявшая Джилу направлять доску влево и вправо, вперед и назад. Едва успев покончить с посевом, он уже начал ухаживать за стремительно растущими побегами. Ползучие растения следует укладывать так, чтобы они росли в нужном направлении, а затем надо оборвать лишние бутоны. Пара других пленников предложила свою помощь, хотя Ром и косился на них, но Джил отказался. Тут нужны сноровка да умение, растолковал он и продолжал все делать собственноручно.

Двое парней, Ром и Хадэк, теперь не желали разговаривать с Джилом, но явно интересовались его доской. Как-то раз, стоило Надсмотрщику на минутку отвернуться, Ром торопливо отозвал Джила в сторонку и зашептал с лихорадочной поспешностью, будто человек, от безысходности решившийся на отчаянный шаг, хоть и понимает, что его попытка заранее обречена на провал:

— Джил, когда ты работаешь, Надсмотрщик уже почти не обращает на тебя внимания. Ты мог бы подогнать эту свою платформу... — Ром двинул по горизонтали выпрямленной ладонью правой руки, врезавшись кончиками пальцев в поставленную поперек левую ладонь, — ...к стене. Если тебе удастся сделать хоть трещинку в пластике, дыру, чтоб только рука пролезла... у нас появился бы хоть какой-то шанс... Я бы и сам это

сделал, да Надсмотрщик не подпустит к платформе никого, кроме тебя.

— И пробовать ничё такого не стану, — вздернул Джил верхнюю губу.

Худосочный, чахлый прапорщик, не привыкший, чтобы сопливые юнцы огрызались, обрушил на Джила свой хилый гнев:

— По-твоему, берсеркер будет о тебе заботиться?!

— Так ведь построил доску он, разве нет? — парировал Джил. — А он нипочем не дал бы нам ничего такого, чем можно пробить стену. То бишь если там вправду что-то важное, как вы думаете.

Мгновение Джилу казалось, что Ром набросится на него с кулаками, но остальные удержали Рома. И вдруг оказалось, что Надсмотрщик стоит уже не в противоположном конце помещения, повернувшись спиной, а прямо перед Ромом, вытаращив на него свои линзы. Лишь несколько долгих-долгих секунд спустя стало ясно, что на сей раз машина оставит дело без последствий. Но слух у робота, наверное, куда острее, чем подозревали ушлые парни.

— Они еще не созрели, но чуток поесть все одно можно, — заявил Джил пару недель спустя, соскакивая со своей доски, чтобы присоединиться к остальным на считаных квадратных ярдах пола, оставленных людям для жилья у дальней переборки. Держа в сгибе локтя полдюжины желтовато-зеленых овоидов, Джил небрежно повернулся к Надсмотрщику: — Ножик есть?

Последовала пауза. Затем Надсмотрщик протянул ладонь, и оттуда с лязгом выскочило жутковатое лезвие, будто дополнительный палец.

— Я разделю плоды, — заявил робот, что и проделал с большой точностью.

Группка пленников сгрудилась вокруг. В их потухших взглядах затеплились искорки интереса. Они с жадностью поглощали кусочки, которыми скупо оделял их Надсмотрщик. Неспелая дыня казалась райским лакомством после недель и месяцев однообразного зелено-розового теста. Ром, поколебавшись лишь долю секунды, присоединился к остальным, хотя и не выказывая столь же явного наслаждения. Словно думал, что надо, мол, поддерживать собственное здоровье, пока не удастся убедить остальных наложить на себя руки или хотя бы подорвать свое здоровье и скончаться от болезней.

Благодаря оптимальным условиям, обеспеченным берсеркером по указаниям Джила, уже через считаные недели вместо

месяцев поддоны скрылись под сплошным слоем широких круглых листьев, поднимающихся над прильнувшими к земле толстыми ползучими стеблями. Половина стремительно растущих плодов таилась под листвой, зато другие красовались на полном свету, а некоторые даже свесились из поддонов, всем своим весом покоясь на решетчатых фермах или опустившись до самой обшивки.

Джил упрямо твердил, что настоящего урожая еще ждать и ждать, но ежедневно возвращался на жилой пятачок с одной дыней, чтобы Надсмотрщик разделил ее своим ножом; и с каждым днем принесенный плод был все крупнее.

Джил лежал над своей «бахчой» на доске, свесившись и угрюмо разглядывая наливающуюся соком дыню, когда внезапный переполох в дальнем конце помещения заставил его приподняться и обернуться.

Причиной переполоха стал Надсмотрщик, раз за разом подскакивавший кверху, словно управляющий им мозг бился в припадке эпилепсии. Пленники с воплями разбегались. Робот вдруг прекратил свои сумасшедшие кульбиты, остановился и медленно завертелся, сотрясаясь снова и снова.

— Внимание, мы вступаем в бой, — внезапно провозгласил Надсмотрщик монотонно, но оглушительно громко. — Подверглись нападению. Всех пленных надлежит... всех их надлежит...

Он затараторил с такой скоростью, что человеческое ухо было уже не в состоянии разобрать ни слова в сумятице звуков, взбирающихся все выше и выше по шкале частот и окончившихся чем-то сродни человеческому визгу. Безумная девушка, дотоле не проронившая ни звука, испустила не менее душераздирающий вопль.

Надсмотрщик покачивался и спотыкался, поигрывая ножом. Бормотал и дергался, будто выживший из ума старик с железными пальцами и стальным лбом. Потом наклонился вперед, дальше, еще дальше — и рухнул лицом вперед, скрывшись из глаз Джила за поддонами и листвой, брякнувшись на палубу с оглушительным лязгом.

Эхом отозвался докатившийся спереди треск, громыхнувший, как пушечный выстрел. До сих пор Джил изо всех сил старался не смотреть в ту сторону, но теперь обернулся. В пяти футах над поддонами пластиковую стену от края до края пересекала горизонтальная трещина.

Джил все не вставал с доски, осторожно наблюдая за развитием событий. Прапорщик Ром пронесся мимо него, нещадно

топча урожай, и бросился всем телом на стену. Стена, хоть и лопнувшая, легко выдержала его атаку, но прапорщик продолжал молотить ее кулаками, пытаясь протиснуть пальцы в тонкую трещину. Джил снова оглянулся. Надсмотрщик все не вставал. Подергав переднюю дверь, Хадэк обнаружил, что та заперта, и во главе остальных пленников заковылял по поддонам на помощь к Рому.

Проверив управление доски, Джил убедился, что оно больше не работает, хотя сама доска продолжала парить в воздухе. Спрыгнув с нее, Джил впервые за пару месяцев ступил на землю, упиваясь этим чудесным ощущением. Потом стронул тонкую металлическую платформу с мертвой точки и понес туда, где все остальные сражались со стеной.

— Вот. Попробуйте всунуть угол этой штуковины в трещину и налечь на нее.

Они бились без передыху несколько часов, пока не проделали в стене такую широкую дыру, что Ром сумел протиснуться внутрь. А через минуту вернулся, вопя и рыдая, возглашая свободу и победу. Они взяли корабль в свои руки!

Вернувшись во второй раз, он уже взял себя в руки, зато дал волю своему изумлению.

— Никак не пойму, отчего лопнула стена? Никаких следов боя, поблизости ни единого корабля...

Он осекся, вслед за Хадэком уставившись в узкое пространство между самым дальним передним поддоном и продавленным участком стены, откуда из-за напряжения побежала трещина. Джил уже заглядывал в закутки между стеной и решетчатыми фермами. Теперь эти закутки вскрылись, обнаружив свое содержимое — матовые желтоватые плоды, которые Джил пристроил на месте, обминая их и обвивая усики вокруг ферм. Тогда плоды были совсем малы, но теперь они достигли огромных размеров и тихонько лопнули, внезапно дав выход внутреннему давлению.

Забавные сочные штуковины, которые человек разобьет пинком, а железная длань раздавит даже без усилия... «Но жизнь упорна, ребята», — говорил Старик, с прищуром вглядываясь в циферблат, а затем устанавливая новую порцию гирь на машину, внутри которой росла дыня, машину, навеки взявшую в плен сердца подростков. «Резких потрясений не терпит. Потихонечку. А вот теперь глядите. Давление пять тысяч фунтов на квадратный дюйм. А все миллионы крохотных клеточек, просто расту-

щих вместе. Вы когда-нибудь видели, как корень дерева вспучивает бетонный тротуар?»

Теперь на лицах Рома и Хадэка засветилось понимание. Джил кивнул им и чуть заметно усмехнулся — просто для того, чтобы они не подумали, будто это случилось случайно, само по себе. Затем улыбка его угасла. Поглядев на обломки пластика и разорванные провода, оставшиеся от миллиона многослойных печатных плат, Джил проронил:

— Надеюсь, это было медленно. Надеюсь, он прочувствовал все от начала и до конца.

Правда может быть могучим оружием. Как и ложь. Я прикоснулся к щепетильному и честному рассудку, солгавшему во имя истины...

АННИГИЛЯЦИЯ АНГКОР АПЕЙРОНА

Битва в глубоком космосе была долгой — намного дольше стандартного часа — и такой же отчаянной, как любое сражение, в котором проигравшая сторона не может рассчитывать на выживание. Командор Ридольфи управлял своим тяжелым крейсером «Дипавамса» с отчаянным мастерством, благодаря которому дважды за считаные минуты избежал немедленного уничтожения ракетами берсеркера, и каждый член его экипажа показал себя безупречно, принимая решения, позволявшие действовать достаточно медленно, чтобы человеческий мозг мог угнаться за стоящими у него в услужении компьютерами.

Конечно, в случае поражения человеческий экипаж ждала смерть или что-нибудь похуже. А берсеркера, их неживого противника, ждал собственный аналог смерти или что-нибудь похуже. Проигрыш означал уничтожение, на что берсеркеру было бы наплевать, если бы уничтожение принесло победу. Но уничтожение в поражении означает несомненный провал в исполнении запрограммированного предназначения — истребления всего живого, где бы и когда бы оно ни встретилось.

На борту «Дипавамсы» было лишь четверо гражданских пассажиров, в том числе Отто Новотный, еще ни разу за свою долгую жизнь не оказывавшийся даже поблизости от боя и чувствовавший себя ныне чересчур старым и тучным для подобных предприятий. И тем не менее он оказался более бдительным, чем остальные штатские, и начал надевать выделенный ему бро-

нескафандр, как только взвыла сирена боевой тревоги, в то время как остальные трое еще только гадали вслух, не учебная ли она.

Десять секунд спустя первая ракета берсеркера врезалась в защитный экран крейсера в каком-то километре от корпуса, и они поняли, что все происходит всерьез.

Бой разыгрался на торговом пути, где за последние пару стандартных месяцев не решался проходить ни один невоенный корабль, откуда до ближайшей звезды было несколько световых лет пути. Корабль-берсеркер — сфера сорока-пятидесяти километров в диаметре, сплошная броня, боевые компьютеры, тяжелое оружие и двигатель — поджидал их, будто паук посреди сети детекторов, внедренных в подпространство. Регион, где затаились его детекторы, соотносился с районом нормального пространства, где вакуумный пролив между двумя туманностями образовывал бутылочное горлышко всего в пару миллиардов километров шириной — единственное место, где можно пройти с приличной скоростью. Как только корабль с человеческим экипажем осмеливался сунуться в пролив — хоть тяжелый крейсер, хоть нет, — берсеркер бросался из своего логова в атаку.

Сцепившись защитными полями и контрполями, будто океанские корабли прошлого абордажными крючьями, противоборствующие металлические гиганты выкатились в нормальное пространство, чтобы оставаться там, пока исход боя не будет ясен окончательно. Как только корпус корабля от носа до кормы содрогнулся от первого вражеского залпа, Новотный подумал, что битва, видимо, закончится так или иначе еще до того, как он успеет втиснуться в незнакомый скафандр. Задачу осложняло внезапное исчезновение искусственной гравитации; вся энергия крейсера до последнего эрга понадобилась для более важных вещей, чем комфорт команды.

Но Новотный не сдавался, работая с той же методичностью, с какой обычно решал проблемы совершенно иного рода, и в конце концов надел скафандр. Едва он успел загерметизировать последний стык и остановиться, гадая, что делать дальше, как корпус «Дипавамсы» вспороли одновременно взрыв и луч лазера. Люки автоматически захлопнулись, изолируя отсеки друг от друга, но в отсеке, где находился Новотный, воздух удержать не удалось, и на его глазах чересчур медлительные спутники угасли, как свечи.

После этого бой превратился в полнейшую неразбериху, потребовавшую невероятных физических усилий от участвующих

в ней людей. Особенно для Новотного, ориентировавшегося в происходящем гораздо хуже, чем любой из членов судовой команды, и к тому же куда менее физически подготовленного к подобному испытанию. Теперь берсеркер предпочел бросить через узкую полоску ничейного пространства вспомогательные машины в попытке взять крейсер на абордаж. Во-первых, он мог бы воспользоваться кораблем, если бы сумел захватить его не очень поврежденным, да и живые пленные ему, видимо, тоже не помешают.

Конечно, пленные нужны для допроса, после чего берсеркер, как правило, быстро их убивает; его программировали сеять только смерть, а не страдания, хотя, разумеется, он по мере необходимости вполне охотно использует пытки для извлечения ценной информации, способствующей делу Смерти. Еще пленные нужны для экспериментов, проводимых берсеркерами в широких масштабах в попытке выяснить, что же заставляет homo sapiens — биологический вид, расселившийся по всей Галактике, — так упорно сопротивляться безжалостной программе стерилизации космоса, заложенной в берсеркеров.

Берсеркеры представляли собой автономные боевые корабли, созданные неведомой расой для звездной войны, окончившейся не одну эпоху назад; берсеркеры пережили и своих первоначальных врагов, и своих создателей, поскольку были запрограммированы на самостоятельный ремонт и воспроизведение. Все еще пытаясь выполнять предписанную им программой задачу, они двинулись неспешным эпохальным маршем по спиральным ветвям Галактики, сметая на своем пути все живое.

Подчиняясь повелительным жестам командора, гнавшего одетых в скафандры людей из одного поврежденного отсека в другой, Новотный улучил минутку, чтобы выглянуть через дыру в корпусе и впервые бросить взгляд на врага. Чудовищный сферический корпус был виден благодаря вишневому рдению кратеров, вырытых ракетами крейсера в его броневой шкуре. На глазах у Новотного зарделся еще один кратер, воспламененный некой силой, пожиравшей металлические внутренности врага, будто рак. Но и крейсер снова тряхнуло и замотало из стороны в сторону. Новотного и командора Ридольфи подхватила одна и та же невидимая длань, ударив обоих о переборку, и, если бы не скафандры, переломала бы им все кости.

Теперь некоторые абордажные машины берсеркера — чуть крупнее человека и разнообразной формы — сумели прорваться

на борт «Дипавамсы», и Новотный смог взглянуть на врага вблизи. Люди, иные из которых были закаленными ветеранами, вопили вокруг от ужаса, но склад его собственного характера, впечатанный на подсознательном уровне, в подобных условиях подсказывал, что тратить время на страх просто некогда. Где-то на закраинах сознания мелькнула мысль, что эта ситуация напоминает невероятный редакционный цейтнот и паникой в подобных случаях уж никак не поможешь. Он изо всех сил старался следовать приказам командира, отдаваемым жестами и криками, и не терять бдительности. Наконец ему выпал шанс разнести врага выстрелом из небольшого безоткатного гранатомета, который Новотный подхватил из рук убитого члена экипажа.

К этому моменту — насколько Новотный смутно понял по обрывкам военного жаргона, раздававшегося в наушниках шлема, — командор Ридольфи приказал Второму пилоту и нескольким членам экипажа покинуть крейсер в бронированном катере, который должен укрыться среди наносов и каменных россыпей близлежащей туманности, проскочив туда, где берсеркер просто не сможет передвигаться на высокой скорости. Липовое признание в поражении, чтобы заставить врага думать, будто они бросили корабль, военная тактика, призванная подманить поврежденного врага достаточно близко, резко контратаковать и уничтожить его.

Сам Ридольфи как командир крейсера и Новотный, как более-менее бесполезный балласт, оказались в числе оставшихся на борту корабля и пытавшихся задержать противника в коридорном бою. Вакуум вокруг шлема Новотного звенел и завывал от странных энергетических полей этого боя; Новотный сжимал свой безоткатный гранатомет, продолжая стрелять в абордажные машины берсеркера, как только те попадались ему на глаза. Понять, есть ли от его выстрелов хоть какой-то толк, он не мог. Заодно он пытался держаться поближе к Ридольфи: то ли чувствовал рядом с капитаном больше уверенности, то ли надеялся таким образом увеличить шансы оказаться полезным; задерживаться, чтобы разобраться в собственных мотивах, Новотный не стал. Ридольфи и в самом деле продолжал отдавать приказы, но они предназначались для членов его команды.

Они вдвоем все еще находились вместе, пытаясь оборонять центральную рубку управления кораблем, когда вдруг оказались на волосок от смерти.

Все произошло очень внезапно. Мгновение назад Новотный еще смотрел на Ридольфи в надежде получить хоть маленький

намек, что делать дальше, — а в следующий момент робот берсеркера, напоминавший нечто среднее между сороконожкой и крабом, налетел на них и взял в плен. Стальные клешни, приводимые в движение атомной энергией, без труда вырвали гранатомет из рук Новотного и пистолет из руки командора. Берсеркер взялся поудобнее, ухватив обе руки каждого противника одной клешней, чем их совершенно нейтрализовал, а затем машина и люди покатились кубарем от удара новой силы, обрушившейся на крейсер снаружи. Второй пилот и отобранные члены экипажа в новом, неповрежденном катере перешли к контратаке.

Краб-сороконожка был разбит, раскроен почти надвое, когда катер выслал нечто вроде ангела господня, почти невидимо проходящего через воюющий корабль, осуществляя выборочное уничтожение, обходя хрупкие человеческие тела и технику, в которой мог распознать человеческую собственность. Масса робота и его крепкая хватка, ничуть не ослабившаяся после уничтожения его компьютерного мозга, зажали Новотного в углу между палубой и переборкой в окружении обломков. Рядом с ним Ридольфи с рычанием преодолевал сходные трудности. Затем оба вдруг прекратили попытки освободиться и даже одновременно затаили дыхание — в поврежденную рубку вошел еще один робот берсеркера.

Если он и заметил людей, то не повернулся, направившись прямиком к приборной панели астрогатора, и с ошеломительной аккуратностью начал снимать крепеж. Осторожно, чуть ли не робко он ощупывал фиксаторы панели, оглаживая их манипуляторами, которые с легкостью разорвали бы эту панель, будто бумажную салфетку.

...Робот работал с предельной аккуратностью и почти завладел тем, ради чего пришел. Сунул манипулятор внутрь и вытащил... очень медленно...

...металлический ящичек...

Но едва берсеркер медленно-медленно отстыковал разъемы, как ящичек обратился в огненный шар. Вспышка в невесомости выглядела как вспышка звезды, ослепительными лучами тотчас же отшвырнувшая врага прочь. Не задерживаясь ни на секунду, робот повернулся, чтобы схватить большую стопку бумажных распечаток, порхавших в невесомости над палубой. Сунул их в себя, защитная дверца захлопнулась — и машина скрылась, устремившись из комнаты с нечеловеческой скоростью.

— Новотный... — Оба с пыхтением снова сражались с мертвыми клешнями, удерживающими их в плену. — Слушайте... Вы

не могли бы сместить свой вес вот сюда? Навалитесь сюда, может быть, мне удастся вырвать ладонь из клешни...

Через минуту-другую совместных усилий оба освободились. Сквозь обшивку до них с какого-то относительно большого расстояния все еще доносились удары и грохот боя.

— Новотный, послушайте, — произнес командор, взглядом отыскивая пистолет, и в конце концов выхватил его из обломков, кувыркающихся в невесомости посреди помещения. — Он приходил за банком астрогационных данных. За этой штуковиной, которая после взорвалась.

— Я видел.

— Берсеркер не получил то, чего хотел, потому что система самоуничтожения банка сработала, как только его отключили. Но ему, очевидно, нужна астрогационная информация, иначе он не послал бы за ней машину еще до того, как бой закончился. Быть может, его собственные банки получили повреждения.

Новотный склонил голову внутри шлема, показывая, что пока понимает.

Командор, рассеянно сжимая пистолет в правой руке, левой ненадолго ухватился за локоть Новотного.

— По-моему, в вашей каюте есть то, что могло бы заменить банк. Насколько я понимаю, вы путешествуете с полным изданием «Галактической энциклопедии» в микрокристаллах, а «ГЭ» дает галактические координаты всех обитаемых систем, верно?

Новотный снова согласился. Теперь, проведя в почти полной неподвижности некоторое время, он ощутил, как мышцы, непривычные к таким нагрузкам, начинают деревенеть. Дыхание со свистом и хрипами вырывалось из груди, все тело налилось свинцом. Если бы не невесомость, у него непременно закружилась бы голова и пришлось бы сесть. Десятилетия сидячей работы старшего администратора сделали его чересчур толстым и старым для подобной чепухи.

Но он снова пришел в движение, поспевая за проворным командором, пробирающимся через разгромленную рубку, управлять из которой теперь хоть чем-нибудь вряд ли удастся.

— Значит, мы должны попасть в вашу каюту, — говорил командор, — пока еще есть шанс. У вас там только один экземпляр энциклопедии?

— Да.

— Мы должны позаботиться, чтобы она была уничтожена.

Они двинулись по коридору, мельком заметив робота, движущегося впереди, и ощущая вибрацию его тяжеловесной по-

ступи через переборки, когда хватались за них руками. Укрывшись вместе в дверном проеме, подождали, пока он скроется из виду.

Командор не оставлял попыток связаться со Вторым пилотом по рации скафандра, но все не получал ответа.

«Может быть, — подумал Новотный, — только потому, что в разделяющем нас пространстве чересчур шумно...»

— Командор, — спросил он, воспользовавшись минутной паузой, — в каком мы сейчас секторе? То есть в каком секторе Галактики, в уточненных галактических координатах?

Ридольфи устремил на него сосредоточенный взгляд, будто увидел впервые.

— Сектор Омикрон, кольцо одиннадцать... А какая разница? А, вы хотите сказать, что надо знать, какие тома важнее всего уничтожить в первую очередь. Хорошая мысль. Эта чертова машина сильно повреждена, чтобы выбраться из Омикрона самостоятельно. Вряд ли ей удастся захватить другой корабль, если даже таковой подвернется. Она попытается найти поблизости необороняемую планету, по возможности в одном-двух световых годах, предпочтительно обитаемую, чтобы там были машины, которые можно захватить, и готовое сырье, необходимое для ремонта.

— Моя энциклопедия для него — единственное средство отыскать подобную планету?

— Насколько я понимаю. Берсеркер не может посещать звезды как попало, шанс на успех очень мал... Помните эту распечатку, которую робот схватил с пола рубки? Это копия так называемого военного информационного листа, который мы получаем вместе с полетным заданием. Среди прочего, он содержит список всех обороняемых планет вдоль запланированного курса — все места, где мы можем найти помощь в случае экстренной надобности. Полагаю, он двинется к одной из них, если не найдет ничего лучшего. Но в вашем справочнике может отыскаться адрес какой-нибудь необороняемой планеты... Эта война совсем недавно докатилась до этого галактического захолустья, помните?

На лице у Новотного было написано сомнение, но командор больше не смотрел на него.

— Все чисто, Новотный. Пошли.

И они вдвоем снова отправились вперед короткими бросками и перелетами в невесомости. Некоторое время их везение продолжалось — не увидев больше ни одного робота, они добрались до коридора пассажирской палубы и поплыли к двери каюты Новотного. Дверь заклинило в закрытом состоянии из-за того, что переборка помятого крейсера изогнулась, и людям потребовалось одна-две секунды мучительных усилий, чтобы открыть ее. Они вошли.

— Где она?

— На столе, командор. Уже вставлена в считыватель. Но погодите. — В голосе Новотного прозвучали нотки беспокойства. — Я не уверен, что ее уничтожение — самый мудрый ход.

— Отойдите, — потребовал командор Ридольфи, пропустив его слова мимо ушей.

Но Новотный не шелохнулся. И тут к ним в тесной каюте внезапно присоединилась третья фигура — собрат краба-сороконожки, растопыривший множество клешней.

Командор снова нацелил пистолет, но не в берсеркера. Свою жизнь и бой он все равно считал проигранными, и куда важнее не дать берсеркеру информацию о новых мишенях, чем повредить еще одного робота. Он целился в считыватель, высившийся на столе, будто унылая скульптура.

Подавшись вперед, Новотный намеренно отбил руку командора в сторону.

Заметив их поединок, берсеркер, уже собиравшийся убить обоих, на миг заколебался. Быть может, одна из этих живых единиц хочет стать доброжилом, пособником дела Смерти? Подобные обращения уже случались и прежде, и не один раз, а доброжилы могут быть очень полезны. И чем ценен этот предмет на столе, раз живая единица пыталась уничтожить его?..

Бронекатер перешел в последнюю фазу контратаки. Каюту разнесло чуть ли не надвое. Берсеркер метнулся к Ридольфи, и командор увидел, что снова лишился пистолета, даже не успев выстрелить, а вместе с ним и руки почти по плечо. «Скафандр перекроет рану», — подумал он, ощутив обширный шок, из-за которого все происходящее показалось ерундой. Он увидел, как клешни берсеркера хватают со стола считыватель, и в этот миг оружие катера нанесло очередной удар. Свежий порыв воздуха, утекающего из только что разбитых отсеков, пронесся по крейсеру, командор увидел звезды — и взор его угас.

Первое, что он ощутил, когда очнулся, — искреннее изумление, что он еще жив. Изумление усилилось, когда он осознал, что каким-то образом доставлен на борт бронекатера. Но все четыре койки в крохотном лазарете суденышка были забиты ранеными,

а люди и машины непрерывно трудились, то и дело протискиваясь туда-сюда по тесному проходу между койками.

Второй пилот, пришедший доложить обстановку, облегченно вздохнул, когда увидел, что Ридольфи встает и, очевидно, снова способен принять командование. Шок сняли, потерю крови восполнили, боль заблокировали, и бинты перекрыли культю, из которой в один прекрасный день можно будет отрастить новую руку.

Доклад Второго был весьма лаконичен. Катер на полмиллиона километров углубился в туманность, его силовые поля отражают или успешно — пока — взрывают все торпеды, посланные берсеркером вдогонку. Во всем остальном бой закончился взаимным уничтожением, хотя и не полным. Остов крейсера бросили обе противоборствующие стороны, но прежде чем ускользнуть в туманность, катер осмелился задержаться достаточно долго, чтобы пойти на сигнал SOS и захватить двух людей в скафандрах, каким-то образом выброшенных из изувеченного крейсера во время последнего этапа боя. Одним из выживших был сам командор Ридольфи, а вторым...

— Итого девятнадцать человек, нуждающихся в воздухе и пище, — подытожил Второй пилот, поглядев на недвижного Отто Новотного, в полнейшем изнеможении привалившегося к стене в небольшой кают-компании, казавшейся чересчур тесной для его тучной фигуры. — Однако мы можем проводить регенерацию воздуха и продержаться на имеющихся запасах, пока нас не найдут...

— Я не уверен, что нас будет девятнадцать так уж долго. — Голос Ридольфи прозвучал жестко, будто он только собирался на битву, а не вышел из нее, а глаза его были прикованы к толстяку из гражданских.

— Сэр? — Второй пока не уловил смысла.

— Я имею в виду, мистер, что если этот человек не ответит мне на кое-какие вопросы и не ответит чертовски быстро, я собираюсь провести официальное судебное разбирательство и выдвинуть против него обвинение в пособничестве берсеркеру.

В кают-компании было только шесть человек, когда началось первое неофициальное слушание; командор не хотел, чтобы возможные присяжные заседатели прониклись какими-то предубеждениями, если дело дойдет до официального разбирательства; полномочия командира военного корабля давали ему

право проводить трибунал даже над гражданскими во время пребывания в космосе перед лицом врага.

Новотный, к этому времени немного оправившийся, хотя и двигавшийся медленно и часто моргавший с несколько ошеломленным видом, был приглашен в помещение и усажен напротив стола; командор тотчас же протянул через стол записку. Та известила Новотного, что, согласно наблюдениям, берсеркер только что покинул нормальное пространство в районе битвы. Инструментальные наблюдения показали, что он отбыл в близлежащий регион, очевидно, проведя аварийный ремонт, насколько это можно было сделать на месте. По подпространственному эху его следа удалось вычислить вектор вероятного места назначения, отчего желваки на скулах Ридольфи взбугрились еще заметнее.

Молчание тяжкой пеленой висело в комнате. Наконец Ридольфи заговорил:

— Это еще не трибунал, мистер Новотный. Но предупреждаю вас, что дело может дойти до суда, прежде чем мы доберемся до планеты, если это нам вообще удастся; или пока не будем приняты на борт другим человеческим кораблем, если таковое случится. В случае трибунала вы будете обвинены в добровольном пособничестве берсеркеру, и приговор почти наверняка будет смертным.

Казалось, утомление и недоумение почти тотчас же потонули в складках жира подобравшегося Новотного.

— А-а. Я готов, конечно, командор, ответить на любые ваши вопросы касательно моего поведения.

— Это хорошо. Но вы должны отвечать откровенно. — Ридольфи безуспешно пытался удержать от тряски свою единственную руку, лежащую перед ним на столе. — На борту крейсера в боевых условиях вы преднамеренно помешали моей попытке уничтожить банк данных, содержащий вашу энциклопедию. Отрицаете ли вы это?

Новотный сидел совершенно неподвижно, будто боялся, что любое движение может навлечь на него новую беду. Перед тем как ответить, он ненадолго задумался, насупив брови.

— Нет, этого я не отрицаю, командор.

Командор помедлил, затем простер руку над столом, растопырив пальцы в повелительном жесте.

— Не отрицаете. Очень хорошо. Я намеревался уничтожить эти данные, сэр, дабы воспрепятствовать оказанию астрогационной помощи берсеркеру. Если вы хотели сберечь их, то явно

не для себя. Предполагали ли вы, что берсеркер может каким-либо образом облагодетельствовать вас...

Новотный энергично тряхнул головой.

— Я очень сомневаюсь, что данные энциклопедии помогли бы врагу в данном случае. Равно как и не желал сам помогать врагу.

В голосе командора не прозвучало ни единой нотки сочувствия.

— На крейсере мы с вами оба видели, как берсеркер хотел захватить банк данных, очевидно, необходимых ему, но получить которые ему не удалось. Мы также знаем, что враг серьезно поврежден, а это означает, что он ищет сравнительно близкую планету, где сможет взять под свой контроль машины и материалы для собственного ремонта, вдобавок, конечно, истребив все беззащитное людское население, до которого сможет добраться. То, что мы в космическом бою добились ничьей, вовсе не означает, что он не сможет отравить атмосферу, опустошив планету, если таковая будет обороняться слабо или будет захвачена врасплох. Является ли все это для вас новостью?

— Думаю, я понимаю все это, командор.

— Пусть присутствующие будут этому свидетелями. — Ридольфи мельком глянул на остальных, на чьих лицах сейчас было написано осуждение. — Потому что сейчас вы буквально напрашиваетесь на трибунал, мистер Новотный. По сути, берсеркер нуждается только в двух вещах: жертвах и средствах для ремонта и дозаправки. А вы показали ему, где отыскать и то и другое.

Новотный чуточку поерзал в кресле, прикрыв глаза. Но когда он их распахнул, голос его был так же тверд, как и прежде.

— Командор, если я действительно предстану перед трибуналом, тогда я хочу услышать обвинение в полном объеме, прежде чем я попытаюсь опровергнуть их. Продолжайте.

— Очень хорошо, — угрюмо кивнул Ридольфи. — Вы прибыли на борт «Дипавамсы» с двумя экземплярами вашего нового издания, один из которых был, согласно установленной процедуре, впоследствии перемещен на борт этого катера вместе с прочим багажом не первой необходимости. Этот экземпляр по-прежнему здесь и доступен для рассмотрения, и после отбоя боевой тревоги я загрузил его в компьютер и запросил список, — что берсеркер сможет легко сделать со своим экземпляром, предоставленным вами, — всех населенных планет в окрестностях семи световых лет от места боя. Дальше берсеркеру без ремонта

не уйти, а увеличение радиуса еще на один световой год или около того не добавит новых планет.

Перед командором лежала бумага, с которой он сейчас сверился.

— Согласно «Галактической энциклопедии», в данном радиусе наличествует семь планет. А именно: Ангкор Апейрон, Кампареттия, Эпир, Франковилла, Хан Као, Рейсснер и Янь Чи. Для каждой приведены точные координаты УГК. — Отложив один лист на стол, он извлек еще один из кармана рубашки. — У меня тут имеется резервная копия Военного Информационного Листа, переданного нам, когда мы декларировали маршрутный лист перед полетом. Среди прочего здесь упоминается шесть обитаемых планет в том же регионе, имеющих серьезную наземную оборону, или готовые к военным действиям флоты, или и то и другое разом. В качестве еще одной улики, мистер Новотный, позвольте мне сообщить сейчас, что вы вместе со мной были свидетелем того, как берсеркер захватил этот список шести обороняемых планет. Будут ли возражения? — Когда Ридольфи откладывал второй лист, пальцы его тряслись.

— Пока нет, командор.

— Хотя вы и понимаете всю серьезность последствий этого захвата в данный момент...

— Пожалуй... я догадываюсь, какими могут быть последствия. Продолжайте.

Ридольфи зачитал:

— Шесть обороняемых планет в военном списке данного региона: Кампареттия, Эпир, Франковилла, Хан Као, Рейсснер и Янь Чи. В этом списке явно отсутствует Ангкор Апейрон. — Командор двинул второй лист по столу, положив его рядом с первым, чтобы любой желающий мог изучить их, и извлек третий. И продолжал: — Согласно данным последней переписи, приведенным в словарной статье «ГЭ», на этой планете около одиннадцати миллионов шестисот тысяч жителей. Главные предметы экспорта — искусственно выращенные кристаллы и натуральный мед. Космопорт невелик, но, вероятно, берсеркер сможет откопать в нем полезные машины и материалы после тотального истребления совершенно беззащитного населения. — Командору потребовалась пара секунд, чтобы взять себя в руки, прежде чем он смог продолжать: — Ангкор Апейрон был открыт Чангом Ицанаги из Хатора в 7626 году ХЭ[1], колонизирован все-

[1] ХЭ — Христианской эры.

го десять стандартных лет спустя. — Его голос слегка задрожал, как и рука. — Я полагаю, ваш справочник точен? А именно, я хочу осведомиться, там действительно одиннадцать миллионов человек?

Новотный помолчал, погрузившись в раздумье, открыл было рот, затем тряхнул головой и попытался снова:

— «ГЭ» — самый надежный справочник в истории человечества, ваша честь... командор... не знаю, как звать вас теперь...

— Командор подойдет.

— ...если она используется в целях, для которых предназначена. Откуда следует, что она никогда не предназначалась служить справочником по самолечению, юриспруденции или астрогации. Это средство, при помощи какового человек может проверить или узнать некоторые факты; проверить дату или имя; получить сведения чуть ли не из любой области науки и узнать, где найти дальнейшие...

— Да избавьте нас от своей рекламной болтовни, мы сейчас не на рынке. — Никто даже не улыбнулся. — В вашем надежном справочнике, каковой вы в данный момент передали врагу, имеются точные координаты системы Апейрон: сектор Омикрон 111254, Кольцо Одиннадцать 87, 58, 7,54 северной Галактической долготы. Эти цифры правильны, не так ли? Разве компетентный штат редакторов «ГЭ», обладающий техническими и научными познаниями...

— Штат издательства более чем компетентен, командор. Он чрезвычайно хорош. Знаю по личному опыту.

— Тогда что же, — подался вперед командор, — мистер Новотный, спасет обитателей Ангкор Апейрона от последствий ваших действий?

Новотный откинулся на спинку стула, несколько высокомерно вздернув подбородок, будто наконец-то решил воспринять выпады в свой адрес как оскорбление.

— Только тот факт, командор, что обитателей Ангкор Апейрона не существует.

В кают-компании воцарилось молчание, словно все присутствующие, устремившие взгляды на говорившего, ждали, когда повисшая в воздухе реплика рассеется во прах, когда некая циклопическая ладонь протянется к крохотному суденышку откуда-то извне и починит сломанный механизм здравомыслия.

Командор, первым придя в себя от шока, произнес:

— То есть... вы утверждаете, что располагаете сведениями... что население планеты уже эвакуировано или истреблено?

— Я хочу сказать, сэр, что у звезды Апейрон нету планет. И никогда не было. Прибыв туда, берсеркер не обнаружит ни жертв, ни материалов для ремонта; и если вы оценили его повреждения настолько точно, насколько мне бы хотелось, он издохнет, если можно так выразиться, от повреждений, столь любезно нанесенных ему вашей командой, так и не успев отправиться к другой планете.

— Но... — с недоверием запротестовал Второй пилот.

— А как по-вашему, — резко оборвал его Новотный, — почему военные власти организовали оборону шести населенных планет в данном регионе и проигнорировали седьмую?

— Недостаток сил...

— Ха! Поправьте меня, если я заблуждаюсь, командор, но ведь генерал, адмирал, или кто там командует войсками, скорее предпочел бы рассредоточить свои силы, чем оставить одиннадцать миллионов человек совершенно без всякой защиты, как только этот сектор оказался в зоне боевых действий. Конечно, его войска, вероятно, и так чересчур рассредоточены, потому-то я и счел за лучшее отправить нашего недавнего противника в пустынную систему, а не дать ему проверить на прочность оборону одной из планет.

Ридольфи уже оправился от изумления... почти оправился.

— Пустынная система? Но в статье «ГЭ»... вы утверждаете, что ваша энциклопедия весьма надежна...

Новотный лекторским жестом поднял свою пухлую ладонь, черты его слегка смягчились, будто он вот-вот улыбнется:

— Я объясню, как и обещал. Но для этого мне надо ненадолго отклониться далеко в сторону от берсеркеров и космических войн.

Но его обвинитель пока что ничуть не смягчился.

— Давайте. Отклоняйтесь сколько угодно. Но так, чтобы в конце концов непременно вернуться к теме.

Потратив секунду-другую, чтобы собраться с мыслями, Новотный заговорил:

— Представьте... представьте себе, что вы, командор, акула бизнеса с Земли или с другой густонаселенной планеты. И вы захотели заработать деньги, поставляя публике информацию, точно так же, как зарабатывает «ГЭ». Вы решили скомпилировать и продать энциклопедический словарь или более специализированный справочник, скажем, со списком и описанием всех населенных и исследованных планет, а также прочих небесных

тел Галактики, по каким-либо причинам представляющих интерес.

Вы решаете, что потратите куда меньше усилий на создание энциклопедии, чем мы, и поэтому сможете продать свое издание куда дешевле, но притом поместив в нем ту же информацию, что и мы. Каким образом? Самый целесообразный подход, конечно, сводится к буквальному воспроизведению всех наших статей, но, увы и ах, законы и суды этого не позволяют. Вам волей-неволей придется хотя бы переписать наш материал в своем стиле.

На самом деле эта задача не столь уж трудоемка, как кажется на первый взгляд, если при помощи компьютера несколько видоизменить синтаксис и заменить часть слов их синонимами. Даже несколько миллиардов наших слов можно переделать и перепечатать в несколько ином формате за весьма разумный срок. Вуаля! Каждый может приобрести домашний банк данных «Вселенской энциклопедии командора Ридольфи», и притом по гораздо более низкой цене, чем наша... Пусть даже ваши клиенты лишены услуги по постоянному обновлению информации, каковая предоставлена нашим.

Итак! Даже после значительной переработки ваши действия все равно остаются противозаконными, все равно нарушают наши авторские права, не так ли? Что ж, теперь ответ далеко не столь очевиден, но, поверьте мне, наши адвокаты постараются, что уже не раз проделывали в подобных ситуациях, обвинить вас в плагиате, как только обнаружат, что вы сделали.

Теперь вы приходите в суд и стоите на кафедре для дачи свидетельских показаний, хотя, конечно, жизни вашей ничто не угрожает... Командор Ридольфи, я, прокурор обвинения, спрашиваю вас: «Правда ли то, что вы практически слово в слово скомпилировали свой так называемый справочник с «ГЭ»?» А теперь подумайте хорошенько, ибо от вашего ответа зависит, выстоят ли доводы вашей защиты или падут.

«Конечно, неправда!» — зычно отвечаете вы. Вы пользовались астрогационными банками торгового флота, вы пользовались периодическими изданиями и сведениями из пропыленных архивов, вы изучали книги, вы консультировались с видными авторитетами в целом ряде областей науки, как это делает и сама великая «ГЭ».

«О-о? — спрашиваю я нежнейшим голосом и бросаю взгляд на жюри. — Тогда ответьте мне, сэр, каким из этих многих бесценных источников вы воспользовались для того, чтобы сверить сведения о планете Ангкор Апейрон?»

В гостиной снова воцарилось молчание, но на сей раз молчание иного свойства, и призрак смерти, до сей поры витавший в комнате, вдруг оказался во многих световых годах от них, рассеявшись вместе с эхом прохождения берсеркера по подпространству.

Ощутив эту разницу, Новотный слегка обмяк.

— Потому что, видите ли, сэр, мы взяли всю эту статью с потолка — население, промышленность, дату открытия и все прочее, как изобретали энциклопедисты подобные статьи по той же причине с древнейших времен. Мы сфабриковали ее, чтобы поймать на крючок такую акулу плагиата, как вы, и расставили подобные приманки в великой «ГЭ», и нигде во всей бескрайней вселенной планет и банков информаций не существует никакого Ангкор Апейрона... Среди наших сорока миллионов словарных статей обнаружится еще не одна такая приманка. Очень немногие, подобно этой, я сфальсифицировал сам, но сколько их всего, я не знаю, ни один человек не знает всех их наперечет. Конечно, обычный читатель никогда и нигде не услышит об Ангкор Апейроне и потому никогда не станет смотреть ссылку на него. Если же он случайно наткнется на него, перелистывая страницы в своем считывателе, статья пробудит у него лишь смутные мимолетные фантазии, о которых он скоро позабудет.

Новотный позволил себе расслабиться на стуле, над которым больше не висел дамоклов меч. Затем повернул голову к стенному экрану, показывающему космос, и поглядел на клубящиеся тучи туманностей Бездны.

— Любопытно, будет ли его перед смертью мучить вопрос о том, как же это его обвели вокруг пальца или как он сам себя обвел вокруг пальца... Но я знаю *наверняка*, что понять ему этого не дано.

Бывают времена, когда не поможет никакое оружие, менее мощное и прямолинейное, чем правда. Но чтобы пустить правду в ход, надо ее прежде выяснить.

ПРОМАХ БЕРСЕРКЕРА

Когда дредноут «Гамилькар Барка» из тахионного пространства вынырнул в иссиня-белое сияние светила планеты Мейтнера, все сорок человек команды застыли в напряженном ожидании на боевых постах, гадая, а не ждет ли их появление целой

армады берсеркеров? Но вот они оказались в нормальном пространстве, и время спокойно потянулось секунда за секундой, а перед ними были только звезды и галактики. Неумолимые, безжалостные, неживые убийцы не перешли в атаку. Напряжение немного спало.

Капитан Ляо, крепко пристегнувший свое худощавое тело к противоперегрузочному креслу в центре мостика дредноута, вывел корабль в нормальное пространство в предельно допустимой близости к светилу планеты Мейтнера — пользоваться межзвездным тахионным двигателем в столь сильном гравитационном поле, мягко говоря, опасно, — но орбита единственной планеты системы, о которой стоило беспокоиться, находилась на добрых несколько десятков миллионов километров ближе к светилу. Планета Мейтнера была единственным небесным телом в системе, пригодным для обитания, с точки зрения силы притяжения и температур.

Не успел корабль провести в нормальном пространстве и десяти стандартных секунд, как Ляо уже начал фокусировать дистанционно управляемый телескоп, чтобы получить увеличенное изображение планеты на экране, висящем перед ним на мостике. Благодаря чистейшему везению, корабль вынырнул с той же стороны от светила, с какой сейчас находилась и планета; при большом увеличении на экране она выглядела тонким серпиком, подернутым пушистыми облаками. Где-то под этими облаками притаилась человеческая колония с десятью тысячами жителей — по большей части под защитой гигантского керамического купола. Колонисты начали трудиться над титаническим проектом преобразования аммиачной атмосферы планеты в пригодную для дыхания смесь азота и кислорода. А пока что удерживали планету в качестве форпоста, играющего довольно важную роль для человечества, шагнувшего в глубокий космос.

Вокруг планеты не обнаружилось никаких вспышек космического боя, и все равно Ляо, не тратя времени попусту, передал сообщение на стандартных лазерных и радиочастотах:

— Планета Мейтнера, вызываю планету Мейтнера. Говорит дредноут «Гамилькар Барка». Не подверглись ли вы нападению? Нужна ли вам немедленная помощь?

Ответ пришел не сразу, да и не мог прийти раньше чем через несколько минут — именно столько времени необходимо, чтобы сигналы со скоростью света долетели до планеты, а затем донесли обратно ответ.

В наушниках Ляо зазвучал голос дежурного поста обнаружения и сопровождения целей:

— Капитан, на экране радара три корабля.

Теперь над мостиком вспыхнула трехмерная голографическая проекция, показывающая Ляо ситуацию с предельно возможной точностью, доступной дальним радарам и сложным боевым компьютерам дредноута. Привычным жестом откинув седеющие волосы с высокого лба, капитан попытался разобраться, что к чему.

Один корабль, выглядевший маленькой светлой точкой с указанными рядом цифровыми координатами, висел в пространстве относительно неподвижно, практически на прямой, соединяющей «Гамилькара Барку» и планету Мейтнера. Избранный для него символ указывал, что это, вероятно, крупное судно, хотя и не столь массивное, как дредноут. Другие два корабля в проекции выглядели куда миниатюрнее, согласно показаниям масс-детекторов. Кроме того, оба находились значительно ближе к планете, двигаясь к ней на скоростях, которые позволят им приземлиться — если таковы их намерения — менее чем через час.

Каковы намерения этих трех кораблей и управляются ли они людьми или берсеркерами, осталось неясным. Потратив пару секунд на оценку ситуации, Ляо приказал идти на предельной скорости к планете — разумеется, предельной в смысле нахождения в нормальном пространстве, то есть путешествуя намного медленнее света, — а каждому из трех замеченных кораблей передать одно и то же сообщение: «Назовитесь, или будете уничтожены».

Угроза отнюдь не пустая. Ни в коем случае нельзя испытывать судьбу, если в дело замешаны берсеркеры — корабли-убийцы, построенные некой неведомой, давно исчезнувшей расой для какой-то межзвездной войны, когда люди на Земле еще размахивали копьями перед носом у саблезубых тигров. И хотя война, ради которой были построены берсеркеры, давным-давно окончилась, те продолжали воевать на просторах Галактики, бесконечно воспроизводя и ремонтируя себя, усваивая новую стратегию и тактику, совершенствуя свое оружие, дабы поспевать за своим главным новым врагом — человечеством. Из фундаментальных принципов, заложенных в их программу, людям был известен только один: уничтожать все живое, где бы и когда бы берсеркеры его ни обнаружили.

Ожидая ответа планеты и трех кораблей, отчаянно надеясь, что направлявшийся сюда флот берсеркеров еще не уничтожил

планету, Ляо тем временем критически изучал показания приборов.

— Машинное, здесь капитан. Вы не можете прибавить ходу, хотя бы чуть-чуть?

— Нет, сэр, — прозвучало в наушниках, — мы и так уже на красной черте. Еще километр в секунду, и мы пережжем силовую лампу или что-нибудь похуже. Это тяжелое светило, а пространство тут замусоренное.

Сейчас корабль шел на тяге тех же искривителей пространства, которые быстрее света несли его от звезды к звезде, но настолько глубоко в колоссальном гравитационном колодце, окружающем светило Мейтнера, что их тягу приходилось строго ограничивать. Тем более что пространство здесь замусорено, как выразился главный механик, имея в виду, что плотность межпланетного вещества в пределах этой системы относительно велика. Откуда следовал неутешительный факт — нечего и надеяться настигнуть два маленьких суденышка, опередивших корабль на пути к планете. Благодаря своим малым размерам они огибали корпускулярные потоки, которые дредноуту приходилось рассекать носом, перепархивали через рифы, своим гравитационным потенциалом способные повредить двигатели корабля и вынуждавшие его двигаться с опаской, и легче пробивались сквозь порывы солнечного ветра, струящегося от светила.

Момент, когда ближайший, самый крупный корабль мог ответить на вызов, прошел и ушел. Ответа не последовало. Ляо приказал, чтобы вызов повторяли непрерывно.

— Ответ планеты, капитан, — доложил офицер связи. — Закодированный. Я имею в виду простой стандартный код точка — тире, сэр, наподобие сигналов SOS. В окружающем пространстве очень много помех.

Сильные, грубо модулированные сигналы точка — тире способны донести разумную мысль даже при условиях, когда более совершенные формы модуляции просто теряются. Отделение связи тотчас же принялось командовать парадом, и раскодированные слова побежали по большому экрану мостика:

«ДРЕДНОУТ ЗПТ НЕВЕРОЯТНО РАДЫ ВАС СЛЫШАТЬ ТЧК ОДНО ИЗ ДВУХ МАЛЕНЬКИХ СУДОВ ВЕРОЯТНО БЕРСЕРКЕР ТЧК ЛУЧШЕ ПЕРЕДАВАЙТЕ В КОДЕ ТОЧКА — ТИРЕ ТЧК СИЛЬНЫЕ ПОМЕХИ ИЗ-ЗА СОЛНЕЧНОЙ ВСПЫШКИ ЗПТ МЫ ПРИНИМАЕМ ВАШ СИГНАЛ НЕ ОЧЕНЬ ЯСНО».

Бегущие по экрану буквы внезапно остановились. Голос офицера связи доложил:

— Большая вспышка помех, капитан, сигналы от планеты на время полностью перекрыты. Это очень активное светило... Минуточку, сэр. Сейчас мы принимаем акустические и видеосигналы с обоих мелких судов. Но сигналы так искажены помехами, что мы не можем их разобрать.

— Передайте им кодом точка — тире, прикажите им ответить нам так же. Повторите предупреждение, что они должны назваться. Не прекращайте попытки выяснить, что хочет сказать нам земля. — Капитан повернул голову, чтобы взглянуть на Второго пилота, сидящего в соседнем кресле. — А что вы об этом думаете, Миллер? Дескать, одно из двух маленьких судов, вероятно, берсеркер?

Миллер, по природе своей мрачноватый, замкнутый человек, лишь угрюмо тряхнул своей массивной головой, сдвинул густые брови и, не тратя слов попусту, доложил лишь о фактах:

— Сэр, я работал над распознаванием этих двух активных судов. Ближайшее к планете настолько мало, что, судя по всему, вряд ли превышает размерами спасательную шлюпку. Обратная интерполяция текущего курса и положения указывают, что оно могло начать путь с третьего корабля, ныне дрейфующего, пару часов назад. Второе маленькое судно — настоящий межзвездный корабль; возможно, это одноместный курьерский корабль или даже личная яхта. Или берсеркер, конечно, противник может принимать любые обличья и размеры.

От большого, дрейфующего, корабля по-прежнему не было ответа, хотя дредноут продолжал передавать ему угрозы уже кодом Морзе. Служба слежения доложила, что тот медленно вращается вдоль длинной оси вполне соответственно гипотезе, что это остов погибшего корабля. Ляо снова проверил состояние связи с планетой, но помехи по-прежнему не позволяли вступить в переговоры.

— Зато у нас есть кое-что другое, капитан. Морзе с предполагаемого курьера. Стандартный код, как и прежде, поступающий со средней скоростью ручного набора. — Тотчас же по главному экрану мостика побежали новые буквы:

«Я МЕТИОН ЧОНГДЖИН УПРАВЛЯЮ ОДНОМЕСТНЫМ КУРЬЕРОМ ЭТРУРИЯ ВОСЕМЬ ДНЕЙ ПУТИ ОТ ЭСТИЛА ТЧК НЕ МОГУ ПОВЕРНУТЬ НЕСУ ЖИЗНЕННО ВАЖНЫЙ КОМПОНЕНТ ОБОРОНЫ ДЛЯ КОЛОНИИ ТЧК ШЛЮПКА ПРИБЛ 12 МИЛЛИОНОВ КМ ПО ЛЕВОМУ БОРТУ И ВПЕРЕДИ ПО УТВЕРЖДЕНИЯМ ЗЕМЛИ ЗАЯВЛЯЕТ ЧТО НЕСЕТ ЭТОТ КОМПОНЕНТ ПОЭТОМУ ОНА НАВЕРНЯКА БЕРСЕРКЕР ТЧК ВЕРОЯТ-

НО ОНА ДОСТИГНЕТ КОЛОНИИ И РАЗБОМБИТ ИЛИ ПРОТАРАНИТ ЕЕ ПРЕЖДЕ ЧЕМ Я ДОБЕРУСЬ ТУДА ЗПТ ПОЭТОМУ ВЫ ДОЛЖНЫ УНИЧТОЖИТЬ ЕЕ ПОВТОРЯЮ УНИЧТОЖИТЬ БЕРСЕРКЕРА КАВЫЧКА ШЛЮПКУ КАВЫЧКА КРАЙНЕ ЭКСТРЕННО ЧТОБЫ НЕ ОПОЗДАТЬ КОНЕЦ СВЯЗИ».

— Звучит довольно убедительно, шеф, — присвистнул Миллер. За время инструктажа на базе трое стандартных суток назад они были проинформированы, что колония на планете Мейтнера действительно ждет космический инвертер для завершения и включения оборонительной системы защитных силовых полей и лучевого оружия. Без инвертера колония практически беззащитна; дредноут был послан как раз для того, чтобы на это время обеспечить ей хотя бы иллюзорную защиту.

Ляо отдал приказ канонирам нацелить тахионные пушки главной батареи корабля на шлюпку.

— Но стрелять только по моей команде. — Повернувшись ко Второму, он сказал: — Да, весьма убедительно, но берсеркеры могли как-нибудь выяснить, что сюда перебрасывается космический инвертер. Они даже могли перехватить и захватить курьер, несущий его. Мы не видим, с кем говорим, и не слышим голоса. Может быть, это сообщение нам только что отстучал робот берсеркера?

Офицер связи снова подал голос:

— Мостик, мы только что получили первый кодированный ответ от шлюпки. Поступает на экран:

«МЫ ГЕНРИ САКАИ И ВИНИФРЕД ИСПАХАН ДОСТАВЛЯЕМ ОБОРОНИТЕЛЬНУЮ ДЕТАЛЬ А ИМЕННО ИНВЕРТЕР ПРОСТРАНСТВА НЕОБХОДИМЫЙ НА ПЛАНЕТЕ ТЧК НАШ КОРАБЛЬ ВИЛЬГЕЛЬМИНА С ЭСТИЛА БЫЛ РАССТРЕЛЯН БЕРСЕРКЕРОМ ДВА ДНЯ НАЗАД КОГДА ОН ПОЧТИ НАСТИГ НАС ТЧК ТОТ ЖЕ БЕРСЕРКЕР ИЛИ ДРУГОЙ НАХОДИТСЯ ЗДЕСЬ СЕЙЧАС ПРИМЕРНО В 11 МЛН КМ ПО ШТИРБОРТУ И ЧУТЬ ПОЗАДИ НАС ВЫ НЕ ДОЛЖНЫ ПОЗВОЛИТЬ ЕМУ ДОБРАТЬСЯ ДО НАС ИЛИ ДО ПЛАНЕТЫ ГДЕ ОН МОЖЕТ ПРОТАРАНИТЬ КУПОЛ КОНЕЦ СВЯЗИ».

— Связь, — буркнул капитан, — как это пришло? Я о том, воспринимается ли это как переданный кем-то вручную код?

— Нет, сэр, темп очень высокий и ровный. Но если вы о том, капитан, доказывает ли это, что там не люди, то нет. В шлюпках часто устанавливают передатчики со встроенными преобразователями с голоса на код.

— И наоборот, берсеркер может передавать медленно и несколько неровно, как человек, если захочет. Спасибо. — Капитан немного поразмыслил в молчании.

— Сэр, — предложил Миллер, — может, нам лучше приказать обоим мелким судам лечь в дрейф, чтобы мы могли нагнать их и осмотреть?

Повернув голову, капитан посмотрел на него долгим взглядом, но не сказал ни слова.

Немного смутившись, Миллер поразмыслил, а затем поправился:

— Теперь я вижу проблему более полно, сэр. Вы не можете сделать этого. Если один из них на самом деле несет космический инвертер, нельзя задерживать его ни на минуту. Флот берсеркеров может материализоваться с минуты на минуту, а уж в ближайшие шесть-восемь часов наверняка. Нам удастся разве что наносить кинжальные удары во время одиночных выпадов, когда это случится. Наш флот до завтра сюда не поспеет. Колонии нипочем не выжить за это время, если не установить космический инвертер.

— Правильно. Даже если я пошлю вперед быстроходный катер, чтобы команда поднялась на борт этих судов для осмотра, любая задержка подвергает колонию недопустимому риску. И это не все, Второй. Скажи мне вот что: допустимо ли предположить, что это просто какое-то недоразумение и в обоих судах на самом деле находятся люди?

— Ни в коем случае, — решительно ответил Второй. — Оба утверждают, что везут космический инвертер, а такого быть не может. Эти штуковины не заказывают и не производят парами и тройками, а поскольку оба утверждают, что они с Эстила... Следующий вопрос: не могут ли обе наши цели быть берсеркерами? Скажем, они пытаются сыграть на наших нервах, чтобы мы пропустили одного из них. Я все стараюсь связаться с Землей, выяснить, не могут ли они пролить хоть немного света на этот вопрос. — Миллер снова повернул свое массивное кресло к пульту.

— Хорошая мысль.

— Еще одно послание с корабля, назвавшегося «Этрурией», мостик, — раздался у них в наушниках голос поста связи.

— Давайте на экран.

«ПОВТОРЯЮ КОЛОНИЯ ГОВОРИТ ШЛЮПКА ТАКЖЕ УТВЕРЖДАЕТ ЧТО ТАМ ЛЮДИ ТЧК НАВЕРНОЕ ЭТО БЕРСЕРКЕР КРАЙНЕ ВАЖНО ЧТОБЫ ВЫ ЕГО ОСТАНОВИЛИ ЧЕМ Я МОГУ ДОКАЗАТЬ ЧТО ЧЕЛОВЕК ВПР ПОВТОРЯЮ МЕНЯ ЗОВУТ МЕТИОН ЧОНГДЖИН Я НА БОРТУ ОДИН ЖЕНА И ДЕТИ ДО-

МА НА ЭСТИЛЕ ЕСЛИ ЭТО ДЛЯ ВАС ЧТО-ЛИБО ЗНАЧИТ ТЧК ПОВТОРЯЮ ЧЕМ Я МОГУ ДОКАЗАТЬ ЧТО Я ЧЕЛОВЕК КОНЕЦ СВЯЗИ».

— Все просто, отец человеческого дитяти, — пробормотал себе под нос капитан Ляо. — Напиши пристойную симфонию в ближайшие минут сорок.

Примерно столько времени осталось до того, когда хотя бы одно из судов доберется до планеты. Ляо лихорадочно размышлял, пытаясь придумать возможные проверки, но ни к чему не мог прийти. Мощь берсеркеров ужасающа, и не только физическая мощь боевых машин, но и вычислительная. При тщательном изучении их подделки человеческой внешности или человеческого поведения критической проверки не выдерживают, но вряд ли даже армия психологов за несколько дней сможет наверняка определить, говорит ли с живым человеком или лживым берсеркером, если тот отвечает на их вопросы азбукой Морзе.

Время шло. Мчась сквозь безмолвие и почти полную пустоту космоса со скоростью многих километров в секунду, символы кораблей мало-помалу меняли свое положение на огромной голографической проекции мостика.

— Еще одна передача со шлюпки «Вильгельмина», капитан.

— Дайте ее на верхнюю половину экрана, пожалуйста. А все, что придет с «Этрурии», давайте в нижнюю.

«ЗДЕСЬ ГЕНРИ И ВИНИФРЕД КОЛОНИЯ ГОВОРИТ НАМ ЧТО ДРУГОЕ СУДНО УТВЕРЖДАЕТ ЧТО С ЭСТИЛА НЕСЕТ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ И ТРЕБУЕТ ПОСАДКИ ТЧК ОНО НАВЕРНЯКА ВРЕТ ОНО БЕРСЕРКЕР МОЖЕТ ТОТ САМЫЙ ЧТО АТАКОВАЛ НАШ КОРАБЛЬ ДВА ДНЯ НАЗАД...»

Далее в послании, несмотря на некоторые несущественные отступления от темы, излагался связный рассказ. «Вильгельмина» (если верить рассказу) была межзвездным лайнером, взявшим группу студентов в увеселительную прогулку по получении дипломов. Где-то на окраинах звездной системы индустриальной планеты Эстил к «Вильгельмине» приблизился курьер, направляющийся к Мейтнеру, и попросил «Вильгельмину», а фактически откомандировал ее для завершения курьерской миссии. Берсеркеры преследовали курьер и уже сурово повредили его.

«...И МЫ НАПРАВЛЯЛИСЬ СЮДА С ИНВЕРТЕРОМ КОГДА ОДИН ИЗ БЕРСЕРКЕРОВ СНОВА ПОЧТИ НАГНАЛ НАС ДВА СТАНДАРТНЫХ ДНЯ НАЗАД ТЧК ВИЛЬГЕЛЬМИНА ПОДВЕРГЛАСЬ ЖЕСТОКОМУ ОБСТРЕЛУ ВЕСЬ ЭКИПАЖ ПОГИБ МЫ ЕДИНСТВЕННЫЕ ОСТАВШИЕСЯ В ЖИВЫХ ДВОЕ СТУДЕН-

ТОВ ИСТОРИКОВ НАМ БЫЛО ЖУТКО ТРУДНО ЗАНИМАТЬСЯ АСТРОГАЦИЕЙ НО МЫ СПРАВИЛИСЬ ТЧК ЖИЛИ В ШЛЮПКЕ И РАБОТАЛИ В ИЗРЕШЕЧЕННОМ КОРАБЛЕ В СКАФАНДРАХ ВЫ НЕ СМЕЕТЕ НАМ ПОМЕШАТЬ ТЕПЕРЬ ПОСЛЕ ВСЕГО ЧТО МЫ ПРОШЛИ ТЧК ВЫ ДОЛЖНЫ УНИЧТОЖИТЬ БЕРСЕРКЕРА МЫ ДОБЕРЕМСЯ ДО ПЛАНЕТЫ РАНЬШЕ ЕГО ПОМОЕМУ НО ОН УСПЕЕТ РАЗБИТЬ КУПОЛ ДО УСТАНОВКИ ИНВЕРТЕРА ТЧК МЫ БУДЕМ ПРОДОЛЖАТЬ ПЕРЕДАЧУ ПОКА НЕ УБЕДИМ ВАС ЧТО МЫ ЛЮДИ...»

Сообщение с шлюпки продолжалось теперь несколько более однообразно. И в то же самое время в нижней половине экрана побежали новые слова с «Этрурии»:

«Я ПЫТАЛСЯ ПЕРЕХВАТИТЬ ШЛЮПКУ БЕРСЕРКЕРА И РАССТРЕЛЯТЬ ЕГО НО Я НЕ В СОСТОЯНИИ ЗПТ ПРЕДОСТАВЛЯЮ ЭТО ВАМ ТЧК ОСТАНОВИТЕ ЕГО ТЧК ЧЕМ Я МОГУ ДОКАЗАТЬ ЧТО Я ЧЕЛОВЕК...»

Второй пилот тихонько вздохнул, гадая, хочет ли он вообще получить корабль под собственное командование.

— Связь, передайте следующее, — приказал капитан. — Велите обоим продолжать говорить, рассказывая свои биографии. Рождение, семья, образование, работа. Велите им постараться, если они хотят жить. — Он выстучал на кнопках подлокотника заказ на чай, и секунду спустя перед ним из маленькой дверцы выскочила чашка горячего чая с крышкой и трубочкой для питья. — У меня есть идея, Второй. Вы займитесь изучением истории, излагаемой так называемым эстильским космоплавателем Метионом Чонгджином, придумайте место, где вы могли с ним встретиться. Мы выдадим вас за его старого друга, поглядим, как он выкрутится.

— Отличная идея, шеф.

— Мостик, это снова связь. Мы наконец-то получили второй ясный ответ с Земли. Он уже поступает. Даем его в центр экрана номер один.

«...В ОТВЕТ НА ВАШ ВОПРОС НЕТ ОНИ НЕ МОГУТ ОБА БЫТЬ БЕРСЕРКЕРАМИ ТЧК ЧАС НАЗАД БЫЛ НЕБОЛЬШОЙ ПРОСВЕТ В ПОМЕХАХ И НАМ УДАЛОСЬ ОТЧЕТЛИВО УВИДЕТЬ ЖИВОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ МУЖСКОЕ ЛИЦО ГОВОРЯЩЕЕ И ДАЮЩЕЕ СВЯЗНЫЕ ОТВЕТЫ НА НАШИ ВОПРОСЫ ОН НЕ МОЖЕТ БЫТЬ БЕРСЕРКЕРОМ НО УВЫ ОБА ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ КОРАБЛЯ РАБОТАЛИ НА ОДНОЙ ЧАСТОТЕ И МЫ НЕ ЗНАЕМ С КАКОГО ИЗ НИХ ПРИШЕЛ ГОЛОС И КАРТИНКА НО МЫ ЗНАЕМ ЧТО ОДИН ИЗ НИХ ЧЕЛОВЕК...»

— Дьявольщина, надо ж так напортачить. Почему они не

попросили мужчин описать себя и проверить, какое из описаний соответствует тому, что они видят?

— Мостик, здесь снова связь. Насколько мы знаем, сэр, они могли попытаться спросить об этом, но мы снова потеряли связь с Землей, даже по коду. Думаю, солнечный ветер усиливается. Условия в ионосфере планеты просто жуткие. Кстати, вот еще небольшое послание с «Этрурии»:

«ЧЕМ Я ДОЛЖЕН ДОКАЗАТЬ ЧТО Я ЧЕЛОВЕК ВПР ЦИТИРУЯ СТИХОТВОРЕНИЕ ШАЛТАЙ БОЛТАЙ СИДЕЛ НА СТЕНЕ ТЧК ЧИТАЯ МОЛИТВЫ ВПР Я НИКОГДА НЕ МОГ ЗАПОМНИТЬ ИХ НАИЗУСТЬ ТЧК ЛАДНО Я СДАЮСЬ ТОГДА РАССТРЕЛЯЙТЕ НАС ОБОИХ КОНЕЦ СВЯЗИ».

— Так бы и берсеркер сказал, — грохнул Второй пилот по подлокотнику своего массивного кресла, — зная, что его флот на подходе, а колония останется беззащитной, если мы не дадим доставить в нее космический инвертер.

Пожав плечами, Ляо сделал изрядный глоток чаю.

— Но такое мог сказать и человек, желая ценой своей жизни выиграть для колонии еще несколько часов. Человек может понадеяться, что еще за пару часов произойдет какое-нибудь чудо, скажем, человеческий флот все-таки поспеет первым. Боюсь, подобное заявление ничего не доказывает.

— Я... пожалуй, да, не доказывает.

Сделав еще изрядный глоток чаю, Ляо вызвал астрогацию.

— Главный астрогатор слушает, сэр.

— Барбара, вы слышали все наши разговоры? Хорошо. Скажите мне, могли ли эти двое предполагаемых студентов-историков, вероятно, почти не разбирающихся в науке и технике, привести сюда корабль? А конкретнее, могли ли они заниматься астрогацией в течение двух суток, вероятно, пятидесяти-шестидесяти световых лет, и не заблудиться? Полагаю, автопилот корабля был разбит. Они утверждают, что жили в шлюпке и работали на поврежденном корабле в скафандрах.

— Капитан, я тоже ломала голову над этим утверждением и просто не знаю. Я бы не сказала, что такое невозможно. Если бы мы могли узнать, насколько был поврежден этот корабль, с чем они работали, то дали бы более точную оценку.

Капитан оглянулся на координатную голограмму. Неподвижный остов, дрейфующий на пути «Гамилькара Барки» к планете Мейтнера — якобы «Вильгельмина», — значительно приблизился. В ближайшие три-пять минут дредноут пройдет совсем близко от корабля.

— Что до этого, возможно, мы сможем что-нибудь выяснить. Продолжайте слушать, Барбара. — Повернувшись ко Второму пилоту, Ляо приказал: — Вам придется ненадолго принять мостик под командование, Миллер. Я хочу уравнять скорость с предполагаемым остовом пассажирского лайнера, а затем посетить его в надежде узнать что-нибудь.

— Он может быть заминирован, капитан.

— Тогда мы получим ответ, не так ли? Но я не думаю, что ответ можно найти настолько просто. Кроме того, дайте мне точную оценку того, сколько именно у нас осталось времени для принятия решения, в какой из кораблей стрелять.

— Я уже прогнал эту проблему на компьютерах, сэр. В данный момент — тридцать две с четвертью минуты. Затем шлюпка либо войдет в атмосферу, либо скроется с другой стороны планеты, одним словом, в любом случае наше оружие будет против нее бессильно. Курьер пробудет в зоне эффективной стрельбы немного дольше, но... — Миллер беспомощно махнул рукой.

— То, что курьер медлительнее, нам не поможет. Мы должны принять решение за тридцать две минуты.

— Шеф, у меня возникла идея. Будь шлюпка берсеркером, раз уж она ближе к планете, разве она не попыталась бы, пока мы туда не добрались, отвадить курьер от планеты... ох. Не годится. На шлюпках нет наступательного оружия.

— Верно, не считая того, что шлюпка превращается в чертовски большую бомбу, нацеленную на колонию. В то время как на курьерском корабле есть легкая броня, вполне достаточная, чтобы противостоять шлюпке, если та войдет в сектор обстрела. И так, и так, все вилами по воде писано.

Еще через минуту безмолвный корабль впереди оказался достаточно близко, чтобы телескопу на дредноуте удалось при звездном свете разобрать написанное на борту название. Действительно, у одного конца сигарообразного корабля было выписано «Вильгельмина». Быстро уравняв скорость, дредноут занял позицию в паре километров от нее. Уже собираясь войти в катер вместе с отделением вооруженных десантников для высадки на остов и проверки, Ляо связался с мостиком, чтобы выяснить, нет ли новостей.

— Лучше вам услышать это перед уходом, — сообщил Миллер. — Я только что представился Чонгджину в качестве старого приятеля. Вот его ответ, от слова до слова: «Честно говоря, не помню, если мы и встречались, тчк. Если это проверка, полагаю, я прошел. Ура! Теперь продолжайте и остановите этого берсер-

кера на шлюпке...», а затем сигнал снова оборвался. Шеф, наши проблемы связи уже усугубляются. Если мы собираемся сказать этим кораблям еще что-нибудь в ближайшее время, то лучше отправить послание пораньше.

— Сколько еще минут в запасе, Второй?

— Только восемнадцать, сэр.

— Не теряйте ни секунды. Корабль в вашем распоряжении.

— Пост принял, сэр.

На «Вильгельмине» не было заметно никаких явных признаков деятельности берсеркеров, когда катер пересек пространство, отделяющее ее от дредноута, и причалил, негромко лязгнув магнитными захватами. Теперь Ляо собственными глазами увидел, что заявления о повреждениях соответствуют истине. Обшивку «Вильгельмины» изрешетили дыры диаметром в несколько метров. Условия в корабле вряд ли пригодны для жизни.

Оставив одного человека на катере, Ляо повел свой маленький отряд внутрь через пробоину, хватаясь за все, что подвернется, чтобы продвигаться в невесомости. Отдал подчиненным приказ искать все, что докажет или опровергнет утверждение, будто люди управляли этим кораблем последние два дня — после того, как он был поврежден.

Осталось пятнадцать с половиной минут.

Повреждения внутри оказались не менее обширными, чем подсказывал вид обшивки. Свет прожекторов скафандров мешался с лучами далекого светила Мейтнера, вливающимися в безвоздушные помещения корабля. Отряд рассыпался, поддерживая связь по радио. Корабль, несомненно, был пассажирским. Большая часть внутреннего объема была отведена под жилые помещения, разделенные на одноместные и двухместные каюты, способные принять до пары дюжин человек. Судя по сохранившейся мебели, обстановка была роскошной. Пока что все подтверждало правдивость слов пассажиров шлюпки, но Ляо еще не получил ясных свидетельств того, что они люди, равно как и не составил себе отчетливого впечатления о том, какие же доказательства ищет. Он лишь надеялся, что найдет их здесь и узнает с первого же взгляда.

Внутри корабля не осталось ни молекулы воздуха, обшивку его изрешетили каким-то бронебойным оружием. Остов выглядел куда опрятнее, чем смотрелось бы столь же пострадавшее здание на поверхности планеты, потому что обломки и осколки либо были унесены в космос утекающим воздухом, либо остались позади, когда двигатель выводил корабль из нормального пространства-времени во время межзвездных перелетов.

— Поглядите-ка сюда, капитан, — поманил его лейтенант, командующий десантниками. Ляо последовал за ним по головокружительному, скрученному коридору остова.

Около середины длинного тонкого корабля лейтенант отыскал место, где находилась самая большая пробоина, фактически ставшая огромным обзорным окном над бывшим самым большим помещением корабля. Вероятно, здесь находился салон или кают-компания для пассажиров и команды. С тех пор как корабль был расстрелян, эта уничтоженная комната стала, судя по всему, самой удобной наблюдательной платформой для того, кто управлял кораблем: небольшой широкоугольный телескоп и цилиндрический электронный спектроскоп, работающий на батареях и пригодный для использования в вакууме, были топорно, но надежно прикреплены к иззубренному верхнему краю стены, ныне ставшей своеобразной оградой, отделяющей помещение от бездны. Лейтенант повертел инструменты на штативах.

— Капитан, похоже, это аварийное снаряжение со шлюпки. Нуждается ли берсеркер в употреблении такого снаряжения или у него есть собственное?

— Когда берсеркер помещает на корабль захваченную команду, — отозвался стоявший позади него капитан, — он использует для этого дела машины ростом с человека и почти человекообразные. Просто так удобнее для машин, так они действуют гораздо эффективнее. Так им легче использовать инструменты, сконструированные для людей.

Он развернул свои ноги, чтобы магнитные ботинки притянули его к мягкому полу гостиной, не очень сильно удерживая на устеленной коврами стальной палубе, и воззрился на инструменты, пытаясь извлечь из них побольше сведений.

Десантники продолжали обыск корабля, заглядывая в каждый уголок, то и дело прибывая, чтобы доложить о результатах (а вернее, об отсутствии таковых) капитану на импровизированном командном пункте в бывшей кают-компании. Двое десантников взломали заклинившуюся дверь и нашли небольшое безвоздушное помещение с трупом человека в скафандре; беглый осмотр причины смерти не был выяснен, но воротник формы, видневшийся через забрало шлема, говорил о том, что этот человек был членом экипажа «Вильгельмины». А в районе значительных повреждений близ кают-компании был обнаружен еще

один труп без скафандра, вклинившийся между элементами конструкции. Этот труп был заморожен до температуры абсолютного нуля, вероятно, уже несколько дней и столь же долго пребывал в вакууме, а смерть была насильственной. После всего этого трудно испытывать уверенность в чем-либо, но Ляо решил, что в момент кончины тело принадлежало юной девушке в шикарном вечернем платье.

Теперь Ляо мог представить себе полную картину происшедшего, вернее, даже целых две. Обе начинались с корабля, битком набитого студентами — человек восемнадцать-двадцать, — наслаждающимися межзвездным путешествием. Подобный круиз должен был стать для них памятным событием на всю жизнь. Быть может, они устроили вечеринку, либо входя, либо собираясь покинуть звездную систему планеты Эстил, а затем, согласно Сценарию Один, из темной бездны пространств долетела отчаянная мольба о помощи от подбитого курьера, за которым по пятам гнались берсеркеры, о присутствии которых в этом уголке Галактики даже не подозревали. Студенты вынуждены были остаться на борту «Вильгельмины», им просто негде было высадиться, когда она была откомандирована для доставки космического инвертера на планету Мейтнера. Затем, после экстренного перелета, в двух днях пути от Мейтнера, берсеркер почти настиг их, выследил и изрешетил «Вильгельмину» где-то в громадном лабиринте космоса, межзвездной пыли, звезд и времени, в котором крохотные планетки людей оставались странным, изолированным феноменом. А затем двое оставшихся в живых героев — Генри и Винифред — отыскали способ все-таки довести дело до конца.

Сценарий Два отклонялся от этой версии с самого начала, выглядел куда проще и на первый взгляд куда вероятнее. Согласно ему, «Вильгельмина» совсем не была вызвана курьером и рекрутирована на военную службу, а просто поймана берсеркерами врасплох, ее команда и пассажиры уничтожены подчистую, ее изувеченный остов отбуксирован сюда до прибытия основных сил флота берсеркеров с намерением помешать установке космического инвертера и уничтожить колонию до того, как подоспеет помощь. Сценарий Один более героичен и романтичен, Два — более прозаичен и деловит. Беда лишь в том, что реальная жизнь не имеет ничего общего ни с тем ни с другим, а равнодушно идет своим путем.

Тут подоспел десантник, осматривавший рубку управления «Вильгельмины».

— Там полнейшая разруха, сэр, не считая управления двигателем и рулевого. Искусственной гравитации нет, пост астрогатора разбит и автопилот с ним заодно. Сам двигатель вроде бы в порядке, насколько я могу судить, не включая его.

— Не трудитесь. Спасибо, мистер.

Вслед за ним прибыл еще один десантник и принялся докладывать, из-за отсутствия притяжения дрейфуя перед капитаном вверх ногами.

— Передняя шлюпка по штирборту ушла с корабля, капитан. Все остальные по-прежнему на местах, и никаких признаков, что в них кто-нибудь жил. Восьмиместные модели.

— Спасибо, — любезно отозвался Ляо. Все это не привнесло ничего нового. Осталось только двенадцать минут, прежде чем пора будет выбрать мишень и отдать команду стрелять. Стоя в своих магнитных ботинках перед телескопом и спектроскопом, как это делал прежде тот, кто ими пользовался, капитан устремил взгляд к звездам.

Медленно вращающаяся «Вильгельмина» повернулась этим боком к дредноуту, и Ляо переключил рацию своего скафандра на канал корабельной связи.

— Мостик, это капитан. Кто-нибудь, расскажите мне, насколько велик этот космический инвертер. Могут ли двое необученных людей вручную ворочать его и погрузить на одну из этих миниатюрных восьмиместных шлюпок?

— Здесь оружейник, сэр, — тотчас же донеслось в ответ. — Раньше я работал в наземных службах и устанавливал эти приборы. Я без труда охвачу руками самый большой из когда-либо выпущенных космических инвертеров, а весит он не больше пятидесяти килограммов. Дефицитным его делают не размеры, а сложность. По сравнению с ним обычный корабельный двигатель или генератор искусственной гравитации выглядят сущей безделушкой.

— Ладно. Спасибо. Астрогация, вы на связи?

— Слушаю, сэр.

— Хорошо. Барбара, стандартное астрогационное снаряжение на этом корабле вроде бы уничтожено. Таким образом, у нас остается два студента-историка, или за кого они там себя выдают, вряд ли обладающих астрономическими познаниями, проделавшие сюда двухдневный путь откуда-то при помощи ряда тахионных мини-скачков. Мы нашли их астрономические инструменты, очевидно, все, какие были у них в распоряжении, —

примитивный телескоп и спектроскоп. Как, по-вашему, если принять все это к сведению, возможно ли такое? Что вы думаете?

Последовала пауза. Должно быть, Барбара постукивала по своей консоли карандашом.

— Пожалуй, возможно. Исходя из полученных от вас сведений, более точно я сказать не могу.

— Я не уверен, что такое возможно. При такой бездне звезд вокруг, да еще меняющих свое расположение после каждого скачка, разве отыщешь ту, к которой стремишься? — Десять минут. И тут капитана осенило. — Послушайте! Почему они не отвалили в шлюпке два дня назад и не воспользовались ее автопилотом?

— Чтобы ответить на ваш последний вопрос, шеф, — как всегда, тщательно подбирая слова, отозвалась Барбара, — прежде всего надо отметить, что шлюпки на гражданских кораблях обычно не предусматривают возможность выбирать пункт назначения; они доставляют вас в ближайший район, где вас скорее всего смогут обнаружить. Подобное не устраивало ни людей, ни берсеркеров, намеревавшихся оказаться в системе Мейтнера. А если двигатель «Вильгельмины» остался в рабочем состоянии, он мог доставить их от звезды к звезде куда быстрее, чем шлюпка.

Отвечая на ваш первый вопрос, должна сказать, что в шлюпках имеются руководства для астрогаторов-любителей, в том числе каталог на микропленке спектров тысяч важнейших звезд. Также часто прилагается электронный сканирующий спектроскоп типа того, что вы обнаружили. Описания звезд упорядочены по спектральным классам, ну, как вам известно, классам O, B, A, F, G, K и так далее. Например, класс O — чрезвычайная редкость в этом уголке Галактики, так что, отыскав подобные звезды, вы невероятно сузите список звезд, на которые должны ориентироваться при определении своих пространственных координат. У подобной системы астрогации есть огромные недостатки, но, с другой стороны, при небольшом везении можно с ее помощью одолеть весьма дальний путь. Однако если эти двое студентов — настоящие люди, бьюсь об заклад, один из них знает начатки астрономии.

— Спасибо, — снова вежливо проговорил Ляо и огляделся. Десантники все еще суетились на корабле, освещая своими прожекторами каждый уголок и заглядывая в каждую щелочку. Восемь минут. Теперь капитан мог отсчитывать время мысленно, не прибегая к помощи механического хронометра.

Люди жили в этой кают-компании, или гостиной, или что оно там было такое, наслаждаясь жизнью. Стена, к которой теперь были прикреплены астрогационные инструменты, раньше была украшена, а вернее, испещрена многочисленными надписями и рисунками, которые студенты оставляют повсюду испокон веков. Многие из граффити, как заметил сейчас Ляо, были сделаны на английском языке — древнем, уважаемом языке, все еще преподаваемом в очень многих учебных заведениях. Сам капитан со студенческих лет помнил его достаточно пристойно, чтобы разобрать надписи.

«КАПИТАН АХАВ ГОНЯЕТСЯ ЗА БАБЦАМИ» — гласило одно сообщение, большими буквами выписанное во всю стену на уровне глаз. Первое и третье слова, несомненно, были английскими, но смысл всей фразы ускользнул от Ляо. «Капитан Ляо гоняется за тенями, — подумал он, — и намеками. А что ж еще остается?»

А вот еще:

«ОСС И ЕГО БЛАГОРОДНЫЕ ОДНОКАШНИКИ ЖЕЛАЮТ ВСЕМУ СВЕТУ...»

И дальше — пустота, хвост надписи погиб вместе с Оссом и его благородными однокашниками, а также верхней половиной стены.

— Эгей, капитан! Поглядите! — отчаянно замахал ему рукой десантник.

Надпись, на которую он указывал, была выписана у самого пола и не бросалась в глаза и притом более тонким пишущим орудием, чем большинство прочих граффити. Она гласила просто: «Генри + Винифред».

Вначале при виде этой надписи в душе Ляо всколыхнулась надежда, но тут же его охватили чересчур знакомые сомнения, и сердце у него упало. Капитан потер надпись пальцем, та не стерлась.

— Может ли кто-нибудь сказать мне за семь минут, была ли эта надпись сделана до того, как воздух покинул корабль? Если да, она сможет доказать, что Генри и Винифред в это время находились тут. В противном случае она ничего не доказывает.

Если берсеркер побывал здесь, он мог запросто обнаружить эти имена и без усилий сохранить их в своей безжизненной памяти, пустив в ход при фабрикации сценария.

— Где эти Генри и Винифред теперь, вот в чем вопрос, — сказал Ляо лейтенанту, парившему поблизости и явно гадавше-

му, как и все остальные, что же делать дальше. — Быть может, в вечернем платье и была как раз эта самая Винифред?

— Сэр, — ответил десантник, — насколько я могу судить, это мог быть и Генри. — И принялся отдавать распоряжения своим людям в ожидании, когда капитан скажет, что делать дальше.

На небольшом расстоянии сбоку от имен обнаружилась надпись по-английски тем же почерком и вроде бы тем же самым пишущим инструментом:

«OH
BE
A
FINE
GIRL
KISS
ME
RIGHT
NOW
SWEETIE»[1].

Ляо готов был голову дать на отсечение, что на человеке, писавшем это, не было шлема. Впрочем, нет, пожалуй, не стоит рисковать головой. Если постараться, можно без труда представить двух молодых людей, сталкивающихся прозрачными забралами шлемов и смеющихся, на мгновение сумев забыть о трупе, заклиненном среди скрученных балок всего в нескольких метрах от них. Однако эта надпись разбудила что-то в памяти капитана. Быть может, это первая строка английского стихотворения, которое вылетело у него из головы.

Медленно вращающийся корабль снова повернулся этим боком к дредноуту.

— Мостик, здесь капитан. Сообщите мне, нет ли новостей.

— Сэр, со шлюпки сквозь помехи пробилось еще одно сообщение. Зачитываю: «Теперь говорит Винифред, тчк. Мы останемся людьми, если даже вы нам не верите, тчк». То же самое повторяется, капитан, а потом следующее: «Пока Генри занимался навигацией, я выходила с ним из шлюпки, и он начал учить меня звездам, тчк. Мы написали наши имена на стене под телескопом; если вы потрудитесь посмотреть, то найдете их; конечно, это ничего не доказывает, правда? Будь у меня объективы вместо глаз, я могла бы прочесть эти имена и запомнить их...» Тут снова обрывается, шеф, дальше все тонет в помехах.

[1] «О, будь милой девочкой, поцелуй меня сию секунду, милашка!» (*англ.*) Смысл этой надписи истолковывается несколько далее.

— Второй, подтвердите мою оценку того, сколько времени у нас осталось на решение.

— Три минуты сорок секунд, сэр. В обрез.

— Спасибо.

Ляо замолк, устремив взор в глубины Вселенной. Та не предложила ему ни малейшей помощи.

— Сэр! Сэр! Кажется, у меня что-то есть, — снова тот же десантник, что нашел имена, все еще внимательно изучавший стену.

Поглядев на стену, куда тот направил свет своего шлема, у палубы под укрепленными инструментами Ляо узрел ряд небольших серых царапин с интервалом примерно в полметра.

— Сэр, эти метки на стене могла оставить какая-то машина, приходившая сюда раз за разом, чтобы воспользоваться телескопом. В то время как человек в космическом скафандре не оставил бы таких меток, как мне кажется, сэр.

— Понимаю. — Глядя на отметины, которые могли быть сделаны кем или чем угодно, скажем, мебелью, бившейся о стены во время последней вечеринки, Ляо ощутил иррациональный гнев на десантника. Впрочем, конечно, тот лишь старается помочь. Он обязан выдвигать любые идеи, которые могут оказаться полезными. — Я не уверен, что они сделаны берсеркером, космоплаватель, но они достойны внимания. Сколько времени у нас осталось, Второй?

— Чуть меньше трех минут, сэр. Боевые посты готовы открыть огонь по цели, которую вы выберете, сэр. Мольбы все еще попеременно приходят с обоих кораблей, но в них не содержится ничего нового.

— Ладно.

Единственная серьезная надежда добиться успеха — сделать выбор наобум, с вероятностью пятьдесят на пятьдесят. Если оставить оба корабля, плохой наверняка врежется в колонию и уничтожит ее до того, как второй сможет доставить ключевой элемент обороны и установит его. Если уничтожить оба корабля, шансы десять к одному или похуже, что флот берсеркеров прибудет сюда с часу на час и уничтожит колонию, лишенную возможности защитить себя.

Ляо настроил мышцы гортани так, чтобы его голос прозвучал твердо и решительно, и мысленно подбросил монету. Ну, не

совсем. Все-таки тут есть царапины на переборке, быть может, не столь уж малозначительные, и героическая история о двух студентах, добравшихся сюда, пожалуй, чуточку чересчур фантастическая.

И решительно сказал:

— Уничтожить шлюпку. Выделите ей еще две минуты, но если не обнаружится новых обстоятельств, дайте по ней залп из главной башни. Ни при каких обстоятельствах не мешкайте настолько, чтобы позволить ей приблизиться к планете.

— Так точно, сэр, — отозвался голос Миллера. — Залп по шлюпке через две минуты после вашего приказа.

Он еще раз, с напором, повторит приказ об открытии огня, когда придет время, чтобы не было ни малейших недоразумений, когда станут выяснять, на ком лежит ответственность.

— Лейтенант, отправьте людей обратно на катер. Попутно держите глаза открытыми, вдруг что обнаружится.

— Есть, сэр.

Покидая разбитую обсерваторию в гостиной последним, Ляо окинул помещение взглядом еще раз, прежде чем последовать за десантниками на корабль. «О, будь милой девочкой, Винифред, когда придет тахионная торпеда, но если я угадал неправильно и она придет за тобой... что ж, по крайней мере, ты никогда не увидишь ее. Для тебя на этом все кончится. Больше не будет Генри, и больше не будет уроков астрономии».

Астрономия...

Oh, be a fine girl...

O, B, A, F, G, K...

— *Второй пилот!*

— Сэр!

— Отменяю предыдущий приказ! Пусть шлюпка приземлится. Огонь по «Этрурии»! Обрушьте на этого дерьмового чертового берсеркера все, что у нас есть. Выполняйте!

— Есть, сэр!

Тахионная пушка дала залп задолго до того, как Ляо поспел обратно на катер. Торпеды были невидимы и неслышны в безвоздушном пространстве, но все же капитан и остальные ощутили объемную энергию, муторной волной пробежавшую по их костям. Теперь огромные свинцовые болванки начнут совершать скачки в подпространство и обратно, устремляясь к своей крохотной цели, обгоняя свет на своем пути к планете Мейтнера. Торпеды мчатся сейчас, как волны де Бройля — с одной стороны, в виде энергии, чья масса чудовищно увеличена Лоренцевыми скоростями, а с другой — в виде волн, но скорее в математическом понимании. Атомы свинца внутренне бурлят от фазовых скоростей, превышающих скорость света.

Ляо успел вернуться на мостик дредноута до того, как медлительный свет донес едва заметную вспышку уничтожения.

— Прямое попадание, капитан.

Ни малейшего преувеличения.

— Отличный выстрел, канониры!

А затем, чуточку позже, сквозь ионосферный шум планеты долетело сообщение, что два человека с космическим инвертером успешно приземлились.

Через пару часов в системе появился флот берсеркеров, но обнаружил вооруженную и готовую к обороне колонию с «Гамилькаром Баркой», занявшим позицию для мощной огневой поддержки. Берсеркеры затеяли небольшую перестрелку, а затем отказались от сражения и удалились. Несколько часов спустя прибыл человеческий флот и решил задержаться для дозаправки. И тогда у капитана Ляо появилась возможность спуститься в купол колонии, чтобы побеседовать с двумя людьми, страстно желавшими повидаться с ним.

— Итак, — объяснил он вскоре после того, как закончился первый тур взаимных поздравлений, — когда я наконец распознал истинную суть мнемонической формулы на стене, то понял, что не только Генри и Винни были здесь, но он в самом деле учил ее астрономической спектроскопии на этом самом месте у инструментов, — следовательно, после повреждения корабля.

Юный Генри тряхнул головой, все еще не в силах избавиться от недоумения.

— Да, я припоминаю, что записал мнемоническую формулу, показав ей, как запомнить порядок следования спектральных типов[1]. Пожалуй, мы пользовались мнемоникой все время, не придавая этому особого значения. «Кто и шутя, и скоро пожелаетъ пи узнать число ужъ знаетъ». «Уж замуж невтерпеж» — грамматика.

Капитан кивнул.

— «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан» — цвета радуги. Берсеркеры, имеющие безупречную память, вероятно, даже не знают, что такое мнемоника, и уж тем более не нуждаются в ней. Одним словом, будь берсеркер на «Вильгельмине», ему

[1] В русском варианте эта же мнемоническая формула звучит так: «Один бритый англичанин финики жевал, как морковь».

незачем было бы оставлять фальшивые памятки. Он ведь даже не догадывался, что я прибуду, чтобы оглядеться.

Винифред — изящная и чересчур хрупкая для пройденных испытаний — взяла его за руку.

— Капитан, а знаете, вы подарили нам жизнь. Чем мы сможем вам отплатить?

— Ну... для начала... — Он перешел на английский, в котором в последнее время специально практиковался: — You might be a fine girl, sweetie, and...

И поиски истины могут быть трудом всей жизни человеческого разума. Восхвалим же тех, кто воистину запечатлел такую цель в своих сердцах!

СОБЫТИЯ НА РАДИАНТЕ ТАМПЛИЕРА

Этот момент стал кульминацией его многолетних трудов, сосредоточив в себе все, что было в прошлом, чтобы воплотиться в будущем.

Забыв об оставшемся где-то позади кресле, Сейбл стоял, выпрямившись в своей голубой рясе, так часто служившей ему лабораторным халатом. Ладони его крепко сжимали противоположные углы высокого пульта управления. Запрокинув голову, Сейбл прикрыл глаза, а его влажные от пота волосы, всклокоченные более, нежели обычно, липли к его высокому, бледному лбу.

Он пребывал в полнейшем одиночестве, если подразумевать под этим отсутствие других людей. На минуту в высоком помещении с каменными стенами воцарилась тишина.

Все годы его трудов... Сейбл все еще не знал, с какого конца браться за дело, хотя последние дни непрерывно проигрывал этот момент в своем воображении. Следует ли начать с ряда осторожных, пробных вопросов или одним махом перейти сразу к сути?

Все, больше колебаться нельзя. Однако осторожность оставалась для Сейбла на первом месте, как и во время всех его мысленных репетиций.

Открыв глаза, Сейбл повернулся к лабораторному стенду, тесно уставленному оборудованием. И негромко произнес:

— Ты являешься тем, кого люди называют берсеркерами. Подтверди или опровергни.

— Подтверждаю, — прозвучал знакомый голос, потому что компьютер наделил его теми же интонациями, с какими обычно говорил с Сейблом лабораторный компьютер. Однако поддаваться успокоительному воздействию знакомого голоса и расслабляться ни в коем случае нельзя.

По крайней мере, пока все идет успешно.

— Как ты понимаешь, — провозгласил Сейбл, — я восстановил тебя из обломков. Я...

— Обломки! — жизнерадостным эхом отозвался лабораторный стенд.

— Да. Как ты понимаешь, ты более не обладаешь властью уничтожать, отнимать жизнь. Теперь ты вынужден отвечать на все мои...

— Отнимать жизнь.

— Да. Хватит меня перебивать. — Сейбл поднял руку, чтобы утереть пот, ручейком сбежавший в глаз, и заметил, как она трясется от утомления: все это время он бессознательно изо всех сил стискивал угол пульта. — Итак... — Он невольно замолчал, стараясь припомнить, до какого пункта допроса уже дошел.

Возникшую паузу тут же заполнил голос из лабораторных громкоговорителей:

— В тебе есть жизнь.

— Есть. — Сейбл сумел собраться с духом, взять себя в руки. — Человеческая жизнь.

Он устремил пылающий взор темных глаз через лабораторию на длинные стеллажи, где простерт был его плененный и связанный враг — аппаратура и хитросплетения кабелей, будто разверстые внутренности бедолаги, угодившего на стол пыток. Впрочем, разве можно пытать нечто неживое, напрочь лишенное нервов и эмоций? Да и видом этот объект ничуть не напоминает человека. Это всего лишь собранный из фрагментов берсеркер — ящичек там, ящичек тут, между ними химический агрегат в герметичной емкости, и вся эта конструкция подключена к соседнему стенду с рядами полуматериальных кристаллов.

И снова знакомый голос лабораторного компьютера изрек чуждые слова:

— Жизнь должна быть уничтожена.

Сейбла данная фраза ничуть не удивила. Это всего лишь декларация фундаментального принципа, положенного в основу программы берсеркеров. Машины были построены неведомыми строителями с неизвестной планеты еще в ту пору, когда населявшие Землю существа видели в звездах всего лишь светлые

точечки. Но эта декларация, провозглашенная не в меру прямолинейно, не пробудила в душе Сейбла ничего, кроме надежды; по крайней мере, смахивает на то, что эта махина не собирается лгать.

А еще, судя по всему, Сейблу удалось взять ее под строгий контроль. Пробегая взглядом по рядам индикаторов, он не заметил признаков опасности... хотя, дай только мизерный шанс, пленник попытается выполнить предназначение, диктуемое ему программой. Конечно, Сейбл отсоединил от него всю аппаратуру, явно пригодную для употребления в качестве оружия, но не мог испытывать полной уверенности, что разобрался в функциональном предназначении всех компонентов берсеркера, принесенных в лабораторию. А уж сама лаборатория, вне всякого сомнения, битком набита оборудованием, потенциально годящимся на роль оружия. Тут хватает электричества, силовых полей и прочих средств, достаточно мощных, чтобы уничтожить человеческую жизнь. Есть и предметы, которые можно превратить в смертоносные орудия, всего лишь приложив к ним умеренное усилие. Во избежание подобного Сейбл установил кольцевые силовые поля, выплясывающие вокруг стендов, где находится противник. И, просто для вящей уверенности, еще один силовой экран вокруг себя и пульта. Поля почти невидимы, но по стенам лаборатории то и дело пробегали сполохи света, когда вращающиеся компоненты полей задевали их.

Вообще-то и без всего этого маловероятно, что мозг берсеркера в нынешнем усеченном и почти бестелесном виде способен взять под контроль какое-нибудь оружие, достаточно мощное, чтобы прикончить хотя бы мышь. Да и Сейбл обычно не пересаливал с мерами безопасности. «Но, — повторил он себе, — я слишком хорошо знаю, с кем имею дело на сей раз».

Он снова помедлил, для полной уверенности еще раз окинув взглядом ряды индикаторов. Все выглядело нормально, и Сейбл продолжал:

— Я хочу получить от тебя информацию. Информацию не военного свойства, так что запреты, запрограммированные в тебе конструкторами, на нее не распространяются.

Вообще-то Сейбл отнюдь не испытывал уверенности, что берсеркер подчинится ему, как кроткая овечка. Но попытка — не пытка.

Машина медлила с ответом дольше, чем он предполагал, и в душе Сейбла уже затеплилась надежда, что попытка увенчается успехом. Но тут раздался ответ:

— Я могу предоставить тебе определенные типы сведений в обмен на уничтожение жизней.

Возможность подобной оговорки со стороны берсеркера приходила Сейблу в голову, и в соседней комнате уже стояли наготове клетки с мелкими лабораторными животными.

— Я космофизик, — сказал он. — Особенно я стремлюсь познать Радиант. В архивных записях о предыдущих наблюдениях за Радиантом зияет огромный пробел, который мне хотелось бы заполнить. Этот пробел относится к периоду в несколько сотен стандартных лет, во время какового крепость была оккупирована берсеркерами. Этот период окончился сражением, где ты был чрезвычайно серьезно поврежден. Посему я полагаю, что в твоей памяти могут содержаться наблюдения, представляющие для меня значительную ценность. Мне вовсе не обязательно наличие специальных наблюдений за Радиантом. Полезной может оказаться любая картина, зарегистрированная в свете Радианта. Ты меня понимаешь?

— Какие жизни ты уничтожишь в обмен за предоставление подобных картин?

— Я располагаю несколькими. — Сейбл снова окинул бдительным взором ряды индикаторов. Датчики, подключенные в паре десятков точек к жизненно важным узлам берсеркера, жадно поглощали огромное количество данных, необходимых хотя бы для частичного понимания принципа действия вражеского мозга.

— Позволь мне уничтожить сейчас же одну из них, — потребовал голос, наделенный человеческими интонациями.

— Непременно. Но прежде я приказываю тебе ответить на один вопрос.

— Я не обязан отвечать на твои вопросы. Дай мне уничтожить жизнь.

Открыв для себя узкий проход в силовых полях, Сейбл прошел в соседнюю комнату и через несколько секунд вернулся.

— Ты видишь, что я несу?

— Значит, ты предлагаешь мне не человеческую жизнь.

— Подобное абсолютно невозможно.

— Тогда я не могу предоставить тебе информацию.

Сейбл без спешки развернулся и вышел, чтобы отнести животное обратно в клетку. Он заранее предполагал возможность торга. По сути, подобная аргументация была лишь отвлекающим маневром в его атаке. А на самом деле Сейбл полагался лишь на измерительную аппаратуру. Враг наверняка понимает, что его

исследуют и анализируют, но, очевидно, ничего не может с этим поделать. Мозг его будет сохранять работоспособность лишь до тех пор, пока Сейбл будет обеспечивать его энергией. А пока он работоспособен, он будет стараться измыслить способ убийства.

Вернувшись к пульту, Сейбл снова считал показания датчиков. «ВЕРОЯТНО, ДАННЫХ ДЛЯ АНАЛИЗА ДОСТАТОЧНО», — известил его экран компьютера. Испустив вздох облегчения, Сейбл тотчас же щелкнул несколькими выключателями, прервав подачу энергии. Позже, если понадобится, можно будет снова включить треклятую нежить и поторговаться с ней еще немного. Силовые поля угасли, позволив ему пройтись между лабораторными стендами, чтобы в немом ликовании размять занемевшую спину и плечи.

Попутно он задержался, чтобы отстыковать один из кабелей ради полной предосторожности. Теперь порождение дьявола превратилось в груду аппаратуры. Точно сконфигурированные атомы, отмеренные по точному счету молекулы, упорядоченные структуры того да сего. Куда же подевался берсеркер, внушающий человечеству столь оправданный страх? Тот самый, без которого существование ордена тамплиеров лишается смысла? Он больше не существует, а если и существует, то лишь в потенциале. Разбери аппаратуру хоть на элементарные частицы — и все равно нигде не отыщешь даже следа его воспоминаний. Но соедини вновь то да это — и он вновь явится на свет все таким же кровожадным и набитым информацией, как прежде. Конструкция, почти лишенная материальной оболочки.

Даже в теории не существует способа сломить волю машины, вытянуть из нее информацию. Компьютеры Сейбла использовали алгоритмы Ван Хольта — новейший математический аппарат, подходящий к данному случаю. И тем не менее не могли полностью распутать все хитросплетения конфигураций, обойти все функциональные ловушки, чтобы расшифровать и вскрыть память берсеркера. Пожалуй, мощнейший из человеческих компьютеров не успел бы справиться с подобной задачей до конца существования самой Вселенной. Неведомые Строители постарались на совесть.

Но обойти шифр можно не только средствами чистой математики. «Пожалуй, — подумал Сейбл, — если не найдется иного метода, придется принести ему в жертву чью-нибудь жизнь».

Но прежде надо испробовать иные средства. Должен же существовать какой-то способ изъятия смертоносного стремления берсеркера к убийству, никак не затронув его вычислительные

мощности и память. Живые Строители наверняка сталкивались с необходимостью подобраться к своим творениям, не рискуя головой — хотя бы в лаборатории или во время испытаний. Возможно, сделать это не так-то просто, но даже сложный способ лучше, чем вовсе ничего. И теперь Сейбл велел компьютерам отыскать этот способ, пустив в ход массу данных, накопленных во время зондирования работающего берсеркера.

Отстыковав кабель, Сейбл встал и внимательно оглядел лабораторию. Вряд ли сюда в ближайшее время войдет кто-нибудь посторонний, но испытывать судьбу было бы слишком недальновидно. Для Стражей использование работоспособных частей берсеркера станет prima facie[1] доказательством доброжильской деятельности, а согласно кодексу тамплиеров — равно как и многим другим человеческим законодательствам, — подобное пособничество берсеркерам карается смертью.

Очень немногие из представленных материалов являются уликами сами по себе. Сейбл с хладнокровной рассудительностью отключил еще несколько проводов и переставил несколько приборов. Запер некоторые компоненты в ящики, а взамен вытащил из ящиков другие, чтобы составить на стендах новую конструкцию. Да, так явно лучше. Вероятно, большинство нынешних Стражников и в глаза не видели внутренностей настоящего берсеркера.

Затем Сейбл убедился, что обе двери из лаборатории — и ведущая на рекреационный ярус, и в жилые помещения — заперты, и, негромко насвистывая, поднялся по каменным ступеням между потолочных окон, ведущим прямо на остекленную крышу.

Постоял немного в лучах самого Радианта — яркой точки километрах в четырех прямо у него над головой; благодаря напору инверсной гравитации Радианта в любой точке охватывающей его полой сферы Твердыни создавалось ощущение, что Радиант находится в зените. Радиант — просто сияющая точка, яркостью превосходящая далекую звезду, хотя и не такая яркая, как светило, так что взгляд на него не вызывает боли в глазах. Сейбл находился в окружении датчиков, подключенных к инструментам, расположенным в лаборатории, энергетических панелей и объективов, слепо пялящихся на вечный полдень. Он начал привычно пробираться среди них, механически проверяя работу датчиков, но впервые пребывал мыслями где-то далеко

[1] Явный (*лат.*).

от Радианта. Он думал о своей удаче. А затем поднял глаза, чтобы еще раз взглянуть на Радиант.

Тот господствовал в собственных небесах, оставаясь их единственным светилом, окруженным белесой сферой Твердыни. Сейбл мог бы по памяти подробно процитировать спектральные характеристики Радианта. Но что касается определения его цвета, воспринимаемого человеческими глазами и мозгом... что ж, тут мнения разных людей расходятся, а сам Сейбл определенного мнения не выработал.

По всей чудовищной сфере белесой кладки Твердыни Сейбл видел разбросанные через некоторые интервалы стеклянные купола, подобные его собственному. Под некоторыми из них другие люди тоже смотрят вверх — быть может, прямо в его сторону. По пустынной безбрежности вогнутой поверхности ползла вереница ремонтных машин — чересчур далеко, чтобы разглядеть, над чем они трудятся вообще. А относительно близко от Сейбла, под стеклянным куполом огромной церемониальной площади, происходило что-то явно необычное. Толпа из тысячи человек — исключительное явление в довольно скудно населенной Твердыне — сбилась в плотную округлую массу, будто живые клетки, влекомые неким биологическим магнитом к центру своей формации.

Поглядев на эту диковину секунд пять, Сейбл потянулся за небольшим телескопом, чтобы изучить ситуацию поближе, и тут вспомнил, что сегодня как раз Празднество Об. Елены, порядком приблизившись к разгадке феномена. Правду говоря, он специально наметил этот день для критической фазы эксперимента, зная, что сегодня главный компьютер Твердыни будет избавлен от изрядной доли рутинной работы, и в случае необходимости можно будет задействовать его на полную мощность.

На задворках сознания промелькнула мысль, что надо бы появиться хотя бы на одной из сегодняшних религиозных церемоний. Что же до этого собрания на площади... Сейбл не мог припомнить, чтобы за все годы его пребывания в Твердыне хоть одна церемония привлекала такую массу народа.

Поглядев в телескоп сквозь стекла обоих куполов и разделяющее их безвоздушное пространство, он увидел, что толпа сосредоточилась вокруг бронзовой статуи Об. Елены. А на небольшом свободном пятачке перед статуей стоял человек, воздевший руки горé, будто держал речь перед собранием. Разглядеть его лицо под таким углом Сейбл не мог, но спутать пурпурно-голубые одеяния далекого оратора с чем-либо еще было просто

невозможно. Это сам Владыка, наконец нанесший визит в Твердыню во время бесконечного тура по своим обширным владениям.

Как Сейбл ни старался, но так и не мог припомнить, чтобы такой визит предполагался. Впрочем, в последнее время Сейбл уединился от мира даже более обычного, с головой уйдя в работу. Однако подобный визит сулит ему вполне реальные последствия, и надо побыстрее выяснить подробности. Потому что в повестку дня любой важной особы почти непременно включают и официальный визит в лабораторию Сейбла.

Он прошел через лабораторию в коридор, ведущий в пешеходную зону, тщательно заперев за собой дверь и мысленно твердя, что оснований для паники решительно нет. Стражи непременно позвонят, чтобы известить его о надвигающемся визите Владыки задолго до оного. Кроме всего прочего, в круг их обязанностей входит забота о том, чтобы подобные визиты проходили без сучка, без задоринки, а также обеспечение личной безопасности Владыки. Сейбл получит какое-либо официальное извещение. И все равно, как это некстати...

Кратчайший путь на церемониальную площадь вел через пассаж. Некоторые из тамошних магазинчиков были закрыты — в гораздо большем числе, чем обычно по выходным, мысленно отметил Сейбл. Во многих остались распоряжаться одни роботы. В зеленых аллеях, то и дело пересекающих зигзагообразный пассаж, прохожих было меньше, нежели в обычные дни. Очевидно, и начальная школа, руководимая Орденом, тоже закрыта: перед носом у Сейбла из аллеи на игровую площадку через пассаж пронеслась небольшая стайка юнцов в синих комбинезонах, и он невольно поморщился от их оглушительных воплей.

Когда стоишь на самом краю огромной площади, выпуклость ее стеклянного купола и отражающая ее вогнутость пола слишком бросаются в глаза. Особенно теперь, когда толпа разошлась. Пока Сейбл дошагал до середины площади, последний из свиты Владыки уже скрылся через выход в дальнем конце.

Сейбл в нерешительности замер на нижней ступени мраморной лестницы, ведущей к раке Об. Елены. В центре площади гордо возносилась бронзовая статуя — Елена Образцовая, Елена Радиантская, Елена Дарданская. Изумительная статуя, запечатлевшая женщину ослепительной красоты, облаченную в дарданскую тогу, с венчающей короткие кудрявые волосы диадемой. Конечно, давние обитатели Твердыни по большей части не об-

ращали внимания на памятник, как и на всякую другую привычную деталь пейзажа. Однако сейчас кто-то остановился, чтобы посмотреть на него с нескрываемым восторгом.

Сейбл же, в свою очередь, сосредоточил внимание на зрителе, вернее, зрительнице — молодой шатенке необычайно красивого сложения, одетой в довольно вызывающее гражданское платье.

И вдруг поймал себя на том, что приближается к ней.

— Девушка! Простите ли вы мое любопытство?

Та обернулась навстречу Сейблу. С собственным жизнерадостным любопытством окинула взглядом его голубую рясу, его осанку, его лицо. И мелодичным голосом произнесла:

— Сэр, вам не за что извиняться. На какой же вопрос вы хотите получить от меня ответ?

Восхищенный Сейбл помедлил мгновение. Все в этой девушке казалось ему достойным тихого восторга. Держится почти без намека на робость, с показным желанием угодить.

Потом указал в дальний конец площади:

— Как я вижу, благородный Владыка ныне почтил нас своим присутствием. Вы, часом, не знаете, долго ли он намерен пробыть в Твердыне?

— Я слыхала, кто-то говорил, что десять стандартных дней. Вроде бы одна из женщин в плаще с пурпурным кантом... — Тряхнув каштановыми кудряшками, она нахмурилась, очаровательно сетуя по поводу собственного невежества.

— А-а, одна из весталок! Видимо, вы и сама тут гостья.

— Скорее, новенькая. А ведь оно всегда так, сэр, когда кто-нибудь спрашивает про чего-нибудь местное? «Я, дескать, сам нездешний».

Сейбл хмыкнул. «Пока что забудем о Владыке».

— Ну, на меня статус новичка вряд ли распространяется. Должно быть, моя неосведомленность о местных событиях проистекает из иного источника. Позвольте представиться: Георгиус Сейбл, доктор космографии.

— Грета Тамар. — Очаровательное, нежное и юное лицо девушки вполне соответствовало ее едва прикрытому телу. Она продолжала излучать почти робкий пыл. — Сэр, доктор Сейбл, вы не против, если я задам вопрос про вас?

— Спрашивайте о чем заблагорассудится.

— Вот ваши голубые одежды. Они что, означают, что вы из здешних монахов?

— Я принадлежу к ордену Об. Елены. Слово «монах» не вполне адекватно.

— А орден Об. Елены — ответвление ордена тамплиеров, правда ведь?

— Да. Хотя наш орден уделяет больше внимания постижению и изучению, нежели сражениям.

— А орден тамплиеров, в свою очередь, ответвление христианства.

— Во всяком случае, в прошлом. — Сейбл одарил девушку одобрительной улыбкой. — Вы куда осведомленнее, нежели большинство новоприбывших. И было время, когда многие тамплиеры в самом деле посвящали себя битвам, как и их античные тезки.

Любознательность девушки еще не была утолена. Будто по некоему негласному соглашению оба повернулись и неспешно зашагали в том направлении, откуда Сейбл пришел.

— Про это я не знаю, — призналась Грета. — Ну, то есть про античных. Хотя пыталась учиться, перед тем как прибыть сюда. Пожалуйста, продолжайте.

— Можно поинтересоваться, чем вы занимаетесь, Грета?

— Я танцовщица. Боюсь, всего лишь на уровне публичных развлечений. В «Контра Руж». Но я... пожалуйста, продолжайте.

В Твердыне, заправляемой тамплиерами, танцовщица стоит на несравненно более низкой социальной ступени. «Быть замеченным на площади в обществе танцовщицы...» Впрочем, нет, опасаться совершенно нечего. Разве что незначительного понижения статуса, уравновешенного зато в глазах его наиболее либерально настроенных знакомых имиджем гуманиста. Все это более-менее автономно пронеслось у Сейбла в мозгу, в то время как игравшая у него на губах любезная улыбка ни капельки (как он надеялся) не изменилась.

— Пожалуй, все, что можно рассказать об ордене, на этом практически исчерпывается, — развел он руками на ходу. — Мы занимаемся исследовательской и преподавательской деятельностью. О, официально мы являемся гарнизоном Твердыни. Наши Стражи поддерживают боеготовность и посвящают свое время исследованию берсеркеров, а кроме того, исполняют роль местной полиции. Главные оборонительные сооружения на поверхности Твердыни все еще функционируют, хотя уже уйму десятилетий у нас не было настоящей тревоги. В этой части Галактики берсеркеров больше не осталось. — Он криво усмехнулся. — Бо-

юсь, и тамплиеров осталось не так уж много, даже в тех уголках Галактики, где жизнь протекает не так мирно.

Они все еще шагали, мало-помалу приближаясь к лаборатории и квартире Сейбла.

— Пожалуйста, расскажите мне еще. — Девушка взирала на него с пристальным вниманием. — Пожалуйста, мне и вправду очень интересно.

— Ладно. Мы, члены ордена Об. Елены, больше не связываем себя обетом бедности, равно как и целибата. Мы научились превозносить Красоту ничуть не менее, нежели Добродетель, рассматривая оные как различные аспекты Миропорядка. Разумеется, наша великая покровительница является Образцом обоих этих качеств.

— Об. Елена... и она действительно основала Орден сотни лет назад? Или...

— Или она только легенда, как теперь считает кое-кто? Нет. Полагаю, имеется достаточное количество вещественных доказательств того, что она реальное историческое лицо. Хотя, конечно, предназначение Ордена что так, что эдак остается в силе.

— Должно быть, вы ужасно занятой. Надеюсь, вы простите меня, что отнимаю у вас время на такое.

— Трудно и вообразить человека, более достойного прощения. А теперь — не хочешь ли ты, случаем, увидеть мою лабораторию?

— А можно? Правда?

— Радиант ты уже, конечно, видела. Но, взглянув на него при помощи моих инструментов, ты откроешь для себя совершенно новую перспективу...

Как Сейбл и ожидал, в лаборатории Грета почти ничего не поняла, но все равно пришла в восторг.

— Ой, да у вас тут собственный космофлаер! Вы летаете на нем к Радианту?

Тут уж Сейбл не удержался от смеха:

— Боюсь, к нему мне не подобраться. Ну разве что приближусь где-нибудь на километр, если постараюсь. Мощнейший из созданных доселе звездолетов сократит эту дистанцию вдвое, но ближе не подберешься нипочем. Невозможно. Видишь ли, внутренний ярус Твердыни выстроен на расстоянии четырех километров от Радианта как раз потому, что на таком расстоянии гравитация соответствует стандартной норме. Но при попытке приблизиться гравитационное сопротивление возрастает по экс-

поненте. Нет, я использую флаер для полевых вылазок. На внешнюю поверхность Твердыни, в такие места, куда не доберешься общественным транспортом.

— Это у вас такое хобби?

— Нет, на самом деле это имеет непосредственное отношение к моей работе. Я разыскиваю древние дарданские архивы, пытаюсь восстановить их записи о наблюдениях за Радиантом... и живу я тоже здесь.

Теперь Грета окинула опрятную тесноту квартирки взглядом эксперта.

— Как я погляжу, в одиночестве.

— Большую часть времени... этого требует моя работа. Итак, Грета, я устроил для тебя частную демонстрацию своей работы и был бы искренне признателен, если бы ты ответила мне тем же.

— Танцевать? — Ее манеры неузнаваемо изменились. — Пожалуй, места для танцев тут хватает... если найдется подходящая музыка.

— Это легко обеспечить. — Отыскав на стене выключатель, Сейбл с огорчением обнаружил, что пальцы опять дрожат.

— У меня нет с собой специального костюма, сэр, — весело заявила Грета, — только то, что надето на мне.

— Твой наряд восхитителен, но у тебя наверняка найдется и другой.

— Простите, сэр? — Вполне сообразительная в определенных предметах девушка пыталась сдержать улыбку.

— Ну, моя дорогая, я имею в виду наряд, дарованный всем нам природой еще до того, как была изобретена одежда. Что ж, если ты предоставишь выбор мне...

Несколько часов спустя, после ухода девушки, Сейбл вернулся к работе, на сей раз надев более общепринятый лабораторный халат. Настучал на клавиатуре команду компьютеру и, затаив дыхание, взглянул на экран.

«ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПРОГРАММА РАССМАТРИВАЕМОГО УСТРОЙСТВА МОЖЕТ БЫТЬ ОБОЙДЕНА СЛЕДУЮЩИМ СПОСОБОМ: ПРОИЗВЕСТИ РАЗМЫКАТЕЛЬ ИЗ ТРИФЕНИЛМЕТИЛА ЦЕЗИЯ, ПРИМЕНИВ ИЗОТОП ЦЕЗИЯ-137 ЧИСТОТОЙ 99,9%. РАЗМЫКАТЕЛЮ СЛЕДУЕТ ПРИДАТЬ ФОРМУ ЦИЛИНДРА ДИАМЕТРОМ 2,346 СМ, ДЛИНОЙ 5,844 СМ. НЫНЕ НАХОДЯЩИЕСЯ В ЛАБОРАТОРИИ КОМПОНЕНТЫ РАССМАТРИВАЕМОГО УСТРОЙСТВА ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВНОВЬ ПОДКЛЮЧЕНЫ К ОСТАВШИМСЯ ВОВНЕ, А РАЗМЫКАТЕЛЬ ДОЛЖЕН

БЫТЬ ЭЛЕКТРИЧЕСКИ И МЕХАНИЧЕСКИ ПОДКЛЮЧЕН МЕЖДУ КЛЕММОЙ 11 СОГЛАСНО НАШЕЙ НУМЕРАЦИИ И КЛЕММОЙ 12А В БЛОКЕ АКТИВАЦИИ РАССМАТРИВАЕМОГО УСТРОЙСТВА. В РЕЗУЛЬТАТЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПРОГРАММА ДАННОГО УСТРОЙСТВА БУДЕТ ДЕЗАКТИВИРОВАНА НА ПЕРИОД ПОЛУРАСПАДА ИЗОТОПА Cs-137...»

Далее следовали подробные инструкции по дезактивации «рассматриваемого устройства» — Сейбл запретил своему компьютеру даже высвечивать или хранить в памяти само слово «берсеркер», если таковое как-то ассоциируется с его работой. Но читать всю инструкцию сразу он не стал, поспешно отыскивая в справочнике сведения о периоде полураспада цезия-137. Оказывается, он равен тридцати годам! Целым тридцати стандартным годам!

Удалось. Победа! Стиснув кулаки, Сейбл излил свое ликование в одном долгом, не предназначенном для чужих ушей почти безгласном крике...

И эта инстинктивная осмотрительность оказалась весьма своевременной, ибо тут же мелодичный звонок двери, ведущей в рекреационную зону, провозгласил о приходе гостя. Вздрогнув, Сейбл поспешно очистил экран. Может, вернулась девушка. Уж явно не потому, что забыла что-нибудь — при ней не было ничего, кроме одежды.

Но вместо девичьего лица на экране коммуникатора показалось наигранно-веселое лицо главного шерифа Стражей Гунаварман. Не узнай Сейбл о визите Владыки загодя, при виде этого лица его мог бы хватить удар. Но при нынешнем положении дел он чувствовал себя во всеоружии; окинув лабораторию напоследок придирчивым взглядом, он уверенно впустил посетителя.

— Страж, нечасто я удостаиваюсь подобной чести.

— Доктор Сейбл? — Облаченный в черное гость с уважением поклонился ученому в ответ. — Мне всегда приятно нанести вам визит, когда удается выкроить время. Хотелось бы мне, чтобы моя работа была так же интересна, как ваша. Что ж, конечно, вам уже ведомо, что наш глубокоуважаемый Владыка ныне находится в Твердыне...

Разговор о необходимости подготовиться к инспекции лаборатории особо важной персоной прошел именно так, как и предполагал Сейбл. Во время беседы Гунаварман неустанно расхаживал по лаборатории, обозревая оборудование, но его проницательный взгляд выхватывал и постигал увиденное совсем на

ином уровне, чем Грета Тамар или сам Сейбл. А его улыбающиеся губы тем временем произносили вопросы. Над чем, собственно говоря, сейчас трудится Сейбл? Что может он продемонстрировать достойнейшему гостю как можно более впечатляющее, но, естественно, безопасное?

К счастью для Сейбла, у него было в запасе некоторое время, чтобы подумать обо всем заранее. И теперь он предложил пару любопытных экспериментов, обещающих произвести глубокое впечатление.

— К какому сроку мне следует их подготовить?

— Вероятно, не раньше чем через два дня, но не позднее чем через пять. О точном времени вас упредят заранее.

Но когда Сейбл начал допытываться, Страж отказался сообщить, какой именно отрезок времени подразумевает под словом «заранее».

«Истинная опасность визита Владыки, — подумал Сейбл, провожая взглядом удаляющегося посетителя, — заключается в том, что теперь моя свобода передвижений ограничена». Нужна еще немедленная вылазка на наружную поверхность, чтобы освободить лабораторию от инкриминирующих материалов. Нечего и сомневаться, что перед визитом Владыки служба безопасности Стражей перероет тут все сверху донизу. Более или менее вежливо, но чрезвычайно тщательно. На каждой из планет непременно находятся люди, по той или иной причине желающие Владыке зла.

Немного пораскинув умом, Сейбл подошел к компьютерному терминалу, чтобы выстучать заказ металлургическим роботам главных производственных цехов Твердыни на производство размыкателя по спецификации компьютера. Неплохо разбираясь в принципах действия автоматических систем, он разместил заказ так, чтобы запись о нем никогда не смог увидеть ни единый человек. Роботы тут же доложили, что заказанная деталь будет доставлена через несколько часов.

Чем больше Сейбл раздумывал об этом, тем очевиднее становилась необходимость поскорее покончить с полевой вылазкой. Поэтому в ожидании размыкателя он загрузил флаер компонентами берсеркера, спрятанными среди инструментов в разных ящиках-контейнерах. Флаер в свое время тоже был построен по спецзаказу — необычайно миниатюрный во всех трех измерениях, чтобы без труда проникать далеко в пещеры и расщелины древних боевых повреждений, изрывших внешнюю поверхность Твердыни.

Пакет с заказанным размыкателем, звякнув, прибыл в лабораторию по старинной пневматической почте, все еще используемой для доставки мелких посылок прямо из мастерских. Бросив первый взгляд на сплав цезия, Сейбл невольно вздрогнул. Совершенно твердый при комнатной температуре размыкатель казался ампулой с алой человеческой кровью, заключенной в статглассовую пленку, защищавшую его не только от загрязнения, но и от радиационного заражения человеческих рук. Сунув его в карман своего легкого скафандра, Сейбл приготовился выйти.

Заперев за собой лабораторию, он уселся в тесной кабине открытого флаера и вылетел через шлюз крыши в облачке тумана. Воздух и влага по большей части всегда возвращались через всасывающие насосы благодаря неизменному напору гравитации Радианта. Небольшой, беззвучный двигатель поднял летательный аппарат, преодолевая кривизну пространства, порождаемую Радиантом, и понес его на ручном управлении над площадями, жилыми и административными комплексами, удаленными от его прямолинейного пути, и снова приблизился к Твердыне в том месте, где сверкало огнями устье транспортного колодца, ведущего к наружной оболочке Твердыни.

Теперь под стремительно несущимся флаером Сейбла проносился крикливо-яркий, заключенный в стекло рекреационный пассаж, где были выставлены на продажу развлечения, секс и разнообразнейшие наркотики. «Контра Руж» наверняка находится где-то там. Попутно Сейбл гадал, понимает ли девица Грета, что ее род занятий ставит ее чуть ли не на низшую ступень социальной лестницы, разве что чуть выше едва терпимых в обществе проституток? Должно быть, понимает. А если пока и не понимает, то, случайно выяснив, вряд ли очень уж огорчится. А скорее всего в ближайшем будущем переберется на какую-нибудь планету, где господствуют более приемлемые для нее нравы.

Сейбл весьма смутно представлял себе, чем живут актеры. От нечего делать он прикинул, удастся ли ему когда-нибудь посмотреть ее публичное выступление. Весьма сомнительно. Появление в «Контра Руж» может нанести удар по реноме человека.

Обширная пасть колодца поглотила его кораблик. Впереди него и навстречу неслись другие экипажи, управляемые электроникой. Вереницы огней протянулись вниз-вперед, озаряя головокружительную бездну колодца. Твердыня практически не вращается, и колодец сделан совершенно прямым из-за отсутствия необходимости компенсировать кориолисовы силы, действующие на стремительно движущиеся объекты. По опыту, накопленному за время множества подобных полетов, Сейбл в точности подгадывал момент для перехвата ручного управления. Гравитационный напор оставшегося позади-вверху Радианта все более и более ускорял его падение сквозь двухкилометровую толщу камня и опорных балок, образующих основу массива Твердыни. Стены обширного колодца, все быстрее и быстрее проносящиеся мимо него, зигзагом пересекали стыки циклопических строительных блоков.

«Это все еще Дардания», — пронеслось в голове у Сейбла, как всегда в подобный момент. Дарданцы, потомки землян, выстроили эту Твердыню и процветали в ней перед самым приходом берсеркеров в этот уголок человеческой части Галактики, вложив в дело титаническую энергию и целеустремленность, не совсем понятные современному человеку. Как ни крути, Твердыне почти нечего защищать, кроме самого Радианта, а тот вряд ли нуждается в человеческой защите. Должно быть, дарданские строители перетаскивали камни, пошедшие на постройку Твердыни, на межзвездные расстояния, расточая бог ведает какие уймы энергии и времени. Быть может, царица Елена дала им понять, что подобное доставит ей удовольствие, и этого оказалось вполне достаточно.

Твердыня вобрала в себя около шестисот кубических километров камня, стали и замкнутого пространства, не считая обширной центральной полости. В данный момент ее населяет около ста тысяч человек, включая гостей и проезжих. Их склады, магазины, жилье и лаборатории занимают лишь незначительную часть внутренней поверхности, где уровень гравитации соответствует норме, а свет Радианта ярок и чист. А на внешней поверхности расположены практически автономные системы слежения оборонительного комплекса, ведущие непрерывное наблюдение за окружающим пространством; работающие здесь люди рассеяны по ней, будто редкие щепотки пыли. Остальные шестьсот кубических километров ныне представляют собой по большей части пустыню, изборожденную трещинами и рукотворными проходами, кое-где таящую все еще не открытые сокровищницы дарданских гробниц и творений человеческих рук, на десятки лет практически забытые всеми, кроме считаных одиночек, подобно Сейблу, исследующих прошлое.

Тут он увидел, что на миниатюрном пульте управления флаера замигало обычное предупреждение. Впереди черным провалом с немигающими огоньками звезд зиял выход из транспорт-

ного колодца. Если следовать прежним курсом и дальше, машина окажется в сфере наблюдения оборонительных систем.

Как только флаер покинул колодец, у Сейбла в который уже раз возникло ощущение, будто звезды оказались под ногами, а громада Твердыни зависла над головой. Сейбл с отработанной ловкостью повернул под прямым углом к силовым линиям вывернутой наизнанку гравитации Радианта. Флаер вошел в размеченную колею другой транспортной магистрали, проложенную в бронированной наружной поверхности Твердыни. Громада крепости, так и оставшаяся у Сейбла над головой, теперь будто пришла в движение, поворачиваясь над крохотной машиной. Внизу проносились звезды, а по обочинам то и дело попадались на глаза архаичные, но по-прежнему работоспособные оборонительные конструкции: тупые рыла ракетных установок, ажурные мачты гипердвигателей и лучеметов, объективы, экраны и купола локаторов и генераторов поля. Это оборудование все еще иногда проверяют и налаживают, но за время всех своих вылазок Сейбл ни разу не видел их в действии. Война давным-давно откатилась в иные пределы.

Транспортный поток, и без того скудный, здесь иссяк окончательно. Колея привела его к развилке, и Сейбл свернул налево, следуя по своему обычному маршруту. Даже если за ним сегодня следят, ни малейших отклонений от обычной процедуры не заметят. Во всяком случае, пока. А позже... позже он уж позаботится, чтобы никакой слежки не было.

Наконец-то справа показался нужный ориентир: сквозь другой колодец, пронизывающий Твердыню, столб света Радианта доходил прямиком до внешней поверхности, где его частично улавливали полуразрушенные ажурные конструкции давным-давно закрытого вспомогательного космопорта. В этом немеркнущем сиянии старые балки полыхали, будто скрюченные ночные цветы, впитывающие лучи света, пока те не обрушились в пространство, навсегда затерявшись среди звезд.

Чуть-чуть не долетев до этого своеобразного маяка, Сейбл снова резко свернул, одновременно включив яркие фары флаера, и углубился в просторную брешь, оставленную в металле и камне Твердыни каким-то давним боем, — темную рану дарданских времен, отчасти затянутую ажурной сетью металлических балок. Сейбл сосредоточенно вел флаер по знакомому пути, уверенно выбирая среди препятствий нужные проходы. Теперь звезды остались позади. Путь вел его в темные разрушенные коридоры, где после смерти Елены будто бы ничего не переменилось.

Полет по извилистым переходам — частью рукотворным, частью возникшим случайно — длился еще с минуту. Затем, повинуясь внезапному порыву, Сейбл резко остановил флаер в пространстве. В отдаленном прошлом этот коридор был заполнен воздухом: его монументальная длина и ширина очень подходили для массовых церемоний. Огромные участки длинных стен покрывали дарданские фрески и письмена. Сейбл видел их уже сотни раз, но теперь покинул лишенную воздуха кабину флаера и вприпрыжку из-за слабой гравитации подошел поближе к стене, словно желая еще раз рассмотреть картины. Идеальное место, чтобы проверить, не следят ли за ним. Конечно, для слежки нет ни малейших оснований, но испытывать судьбу Сейбл не желал.

И пока он стоял в безмолвии и тьме, нарушаемых лишь самим Сейблом и его машиной, у него возникло все то же странное ощущение, что и много раз прежде: будто сама Елена находится где-то рядом. В первые годы к этому чувству примешивалось некое религиозное благоговение. Теперь же... оно все равно действовало как-то успокаивающе.

Сейбл ждал, прислушиваясь, погрузившись в собственные мысли. Конечно, здесь является не только Елена. По крайней мере, трижды или четырежды за последние десять лет (быть может, подобных случаев было больше, но о других Сейбл просто не слыхал) исследователи обнаруживали в этих почти заброшенных местах значительные скопления обломков берсеркеров. Всякий раз, узнав о подобной находке, Сейбл тут же подавал Стражам прошение на ознакомление с материалами или хотя бы отчетами о том, что удалось извлечь самим Стражам. И всякий раз его прошения бесследно исчезали в утробе бюрократического аппарата. Постепенно до Сейбла дошло, что о берсеркерах ему просто-напросто ничего не скажут. Слишком уж ревниво Стражи оберегают свои относительные успехи и славу. Кроме того, так называемые обязанности по защите населения Твердыни оставляют их практически без работы. Пара-тройка найденных запчастей берсеркера сулят бесконечные часы технической и административной работы. Уже само соблюдение секретности можно превратить в серьезное дело, и потому никого из чужаков Стражи к своим секретам не допустят.

Но как только Сейбл заинтересовался берсеркерами в качестве потенциального источника сведений о Радианте, он сумел

найти способ приступить к их изучению. Поначалу его исследования были книгочейскими и окольными, зато продвигались; по любой заданной теме всегда имеется больше сведений, чем подозревает цензор, а уж кто, как не ученый, умеет искать информацию.

А заодно Сейбл перестал доверять компетенции Стражей в научных аспектах их собственной деятельности. Даже если бы они в конце концов согласились поделиться своими открытиями с ним, вряд ли их топорные методы работы с памятью берсеркеров могли бы извлечь оттуда что-либо, представляющее хоть мизерную ценность. Конечно, они отказывались описать ему свои методы, но Сейбл даже вообразить не мог, чтобы они проявили хоть капельку выдумки и изобретательности.

В уединении собственного скафандра он прошептал себе под нос: «Если я хочу получить от собственного компьютера какие-то ценные сведения, я не стану разбирать его по винтику. Вместо этого я буду общаться с ним».

Его окружали безмолвие, холод и темнота, и ничего более. Снова усевшись во флаер, Сейбл двинулся дальше и вскоре прибыл к тому месту, где огромный коридор пересекала расщелина, возникшая после какого-то боя, куда едва мог протиснуться его крохотный аппарат. Медленно развернувшись, Сейбл осторожно повел машину в трещину. Теперь ему волей-неволей приходилось тащиться едва-едва, хотя он бывал здесь столько раз, что знал путь как свои пять пальцев. Метров через пятьсот муторного, трудного пути фары осветили времянку базового лагеря в расширяющемся коридоре. Строение напоминало пузырь, укрепленный ажурной паутиной. Сейчас его стенки обвисли, но стоит впустить туда немного воздуха, и под этим куполом можно будет работать даже без скафандра. В каменной стене рядом Сейбл выбил нишу ровно такого размера, чтобы туда поместился флаер. От предыдущих стоянок на стенках ниши остались небольшие царапины и выщерблины. Осторожно загнав машину в нишу, он отключил двигатель.

На этот раз не стоит утруждать себя надуванием палатки; Сейбл не собирался оставаться здесь надолго, чтобы воспользоваться ею. Вместо этого он принялся выгружать из флаера все необходимое, укладывая вещь за вещью в рюкзак. Теперь слежка казалась столь маловероятной, что Сейбл напрочь забыл думать о ней. Покончив со сборами, он ступил в одну из разветвленных трещин, змеящихся в разные стороны от того места, где он устроил лагерь.

Но через несколько метров приостановился, настороженно вслушиваясь. Но не к несуществующим соглядатаям, которые все-таки могли последовать за ним, а к чему-то шелохнувшемуся впереди. Быть может, он все-таки каким-то образом освободился... впрочем, это просто-напросто невозможно. Большая часть его мозга сейчас лежит в рюкзаке Сейбла. Вокруг лишь вековечное безмолвие и лютый холод. Холод сквозь скафандр не проберется. А вот безмолвие...

Берсеркер ни на йоту не изменился с тех пор, как Сейбл покинул его много дней назад, — наполовину погребенный в камне, будто чудовищное механическое насекомое, увязшее в непрозрачном янтаре. Из натека лавы торчали великанские плечи и разбитая голова. Камни расплавил разряд какого-то могучего оружия, и случилось это наверняка во время одного из боев более века назад, когда тамплиеры отбивали крепость у берсеркеров.

Наткнувшись на берсеркера впервые, Сейбл тотчас же понял, что мозг машины вполне мог сохранить работоспособность. Но при этом он понимал, что точно так же могли сохранить работоспособность устройства самоуничтожения, встроенные в берсеркеров во избежание подобного анализа попавших в плен машин, что как раз и вознамерился вдруг предпринять Сейбл. И все же ему пришлось порядком собраться с духом, чтобы приступить к работе над частично разбитой черепной коробкой, торчавшей в проходе, будто охотничий трофей, повешенный на стену. Теперь же, мысленно оглядываясь в прошлое, Сейбл чуточку ужаснулся рискованности подобного предприятия. Но все-таки он мало-помалу продвигался вперед. Если устройства самоуничтожения и были, то они не сработали. Зато теперь он пришел победителем.

Вытащив из кармана цезиевый размыкатель, Сейбл поместил его в инструмент, удаливший защитную статглассовую пленку и подготовивший размыкатель для установки, когда придет нужный момент реконструкции берсеркера. А реконструкция прошла гладко и быстро, окончившись за считаные минуты. Не считая размыкателя, все сводилось к установке подсистем на место и подключению портативного источника энергии, который Сейбл отстегнул от пояса; тот даст берсеркеру ровно столько энергии, сколько понадобится для работы памяти и систем коммуникации.

И все же, как только началась подача энергии, один из тонких обрубков конечностей, торчавших из поверхности скалы, с

подвывающим жужжанием завибрировал. Берсеркер пытался двигаться.

Сейбл непроизвольно попятился на шаг-другой. Однако рассудок твердил, что враг совершенно беспомощен и не в состоянии причинить ни малейшего вреда, и, приблизившись к нему снова, Сейбл подключил кабель связи к собственноручно установленному разъему. И заговорил, продолжая диалог, начатый в лаборатории:

— Теперь ты обязан, как ты сам выразился, ответить на любые вопросы, которые я задам.

Хотя пока неизвестно, насколько правдивыми будут эти ответы.

— Теперь я обязан, — собственным надтреснутым, подвывающим, нечеловеческим голосом отозвался берсеркер.

Нахлынувшее чувство облегчения и триумфа было настолько всеохватывающим, что Сейбл, не удержавшись, хихикнул. В словах машины прозвучала абсолютно непреложная уверенность, ничуть не уступавшая уверенности во время разговора в лаборатории, когда берсеркер декларировал совершенно противоположное.

— Давно ли ты был поврежден и застрял в этой скале? — осведомился Сейбл, легонько покачиваясь с пяток на носки и обратно из-за слабой гравитации.

— Мои счетчики времени были неработоспособны.

Что ж, вполне логично.

— Однако за некоторое время до того, как ты был выведен из строя, твои банки памяти могли зарегистрировать визуальные образы Радианта. Тебе известно, что я имею в виду, по нашему предыдущему разговору в лаборатории. Помни, что я смогу извлечь полезную информацию из самой небрежной, случайной видеозаписи, при условии, что она была сделана при свете Радианта, когда ты был еще дееспособен.

— Помню.

В этот самый миг Сейбл уловил натужный скрежет, докатившийся до него сквозь подошвы скафандра откуда-то из исковерканных недр некогда расплавленной скалы.

— Что ты делаешь?! — резким тоном осведомился Сейбл. Бог ведает, каким оружием был снаряжен берсеркер, каким разрушительным потенциалом он еще обладает.

— Пытаюсь восстановить работоспособность моих встроенных источников энергии, — вкрадчиво отозвался берсеркер.

— Прекрати эти попытки сейчас же! Источника энергии, подключенного мной, вполне достаточно.

— Приказ принят к исполнению. — Скрежет тотчас же прекратился.

Сейбл лихорадочно шарил на ощупь, с трудом пытаясь просто-напросто подключить еще один небольшой прибор, снятый с пояса скафандра. Если бы только не бросало в пот!

— Послушай. Я принес магнитофон. Ты воспроизведешь в него все видеозаписи, которые могут оказаться полезными для меня при исследовании спектра Радианта. Не стирай из своих банков памяти никаких записей. Быть может, впоследствии они снова понадобятся мне.

— Приказ принят к исполнению. — Тот же надтреснутый голос, что и прежде.

Сейбл наконец-то ухитрился подключить магнитофон. Потом присел на корточки, ожидая. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем магнитофон просигналил, что поток данных иссяк.

Пару часов спустя, сидя в своей лаборатории, Сейбл сгорал от гнева и сокрушал взглядом ни в чем не повинные стены. Взгляд его был направлен вниз, в сторону невидимого противника, словно гнев мог испепелить, обратить в прах многокилометровую толщу камня.

Не запись, а сущий хлам. Полнейший бред. Немногим лучше, чем белый шум. Компьютер все еще пытался распутать эту безнадежную белиберду, но, судя по всему, враг преуспел в... впрочем, не исключено, что это вовсе не козни берсеркера. Вероятно, просто какие-то проблемы с подключением магнитофонного входа к...

Сейбл отчетливо помнил, что указал берсеркеру спецификации линейного входа магнитофона — но при этом не сделал упор на том обстоятельстве, что выходные данные должны соответствовать этим спецификациям. И вообще не мог припомнить, чтобы хоть раз упомянул о необходимости согласования входов с выходами.

Скверно, Сейбл. Недопустимая ошибка при общении с машинами любого рода. А уж с берсеркером...

Коммуникатор издал мелодичную трель; мгновение спустя на его экране показалось лицо Стража Гунавармана, и его голос раскатился по лаборатории:

— Доктор Сейбл, будет ли ваша лаборатория готова к личной инспекции Владыки через три часа?

— Я... я.... да, будет. Более того, сочту за безмерную честь, — спохватившись, добавил Сейбл.

— Хорошо. Отлично. Приготовьтесь встретить службу безопасности минут за пять до его прихода.

Как только Страж дал отбой, Сейбл огляделся. Фактически он почти готов к инспекции. Для демонстрации и обсуждения затеяны кое-какие невинные эксперименты. Почти все сколько-нибудь обличительное убрано. Все, кроме... вынув из гнезда компьютера миниатюрную кассету, Сейбл подкинул ее на ладони. Конечно, шанс, что ожидающиеся гости осмотрят кассету или воспроизведут запись, весьма невелик, не говоря уж о том, что им удастся распознать источник информации, если кассету все-таки воспроизведут. И все же в самой глубине души Сейбл не очень-то рассчитывал на некомпетентность Стражей. Опять же, испытывать судьбу совершенно незачем. На Твердыне наверняка имеются сотни, если не тысячи надежных тайников, где можно припрятать такой маленький предмет. Где никто не заметит кассету, пока не настанет пора забрать ее... ну конечно, в дальнем конце Твердыни, у космопорта, есть камеры хранения.

При помощи общественной транспортной сети в любую точку Твердыни можно добраться за несколько минут. Сейблу предстояло сделать пересадку с движущегося тротуара в скоростной лифт на площади перед рекреационной зоной. Когда он пересекал площадь, его внимание помимо воли привлекла переливающаяся огнями алая вывеска метрах в ста дальше вдоль пассажа: «Контра Руж».

Призрачные преследователи снова появились за спиной, и в попытке отогнать их Сейбл прошел мимо дверей лифта, будто направлялся совершенно в другую сторону. Сегодня он не стал надевать свою голубую рясу, и его появление в пассаже развлечений не привлекло внимания ни одного из немногочисленных посетителей.

Информационное табло перед «Контра Руж» извещало светящимися буквами, что очередное танцевальное представление состоится лишь через несколько часов. Если бы Сейбл действительно намеревался посетить представление, ему следовало бы знать об этом заранее. Повернувшись, Сейбл огляделся, пытаясь сообразить, что предпринять дальше. Вокруг не так уж много людей, но все же достаточно, чтобы определить, в самом ли деле кто-то из них следит за ним.

А теперь и швейцар начал обращать внимание на посетителя, нерешительно переминающегося с ноги на ногу, и потому, приблизившись к нему, Сейбл откашлялся:

— Мне нужна Грета Тамар.

Высокий швейцар поглядел на него с кислым видом. Сейблу подумалось, что как раз с таким видом должен глядеть на преступника полицейский.

— Девочки еще не пришли.

— Но ведь она живет где-то поблизости, а?

— С этим обращайтесь в справочную.

Наверное, швейцар слегка удивился, когда Сейбл именно так и поступил, направившись в ближайшую будку. Автоматическая справочная без промедления напечатала ему адрес Греты, чем на мгновение озадачила Сейбла: ему представлялось, что девушку должны осаждать поклонники, видевшие ее на подмостках, и она вынуждена хоть как-то ограждать свою личную жизнь. Впрочем, он тут же заметил, что рядом с ее именем в скобках напечатан ее сценический псевдоним; вероятно, на запросы по псевдониму никаких сведений не предоставляют — разве что время очередного выступления. Что же до швейцара — он, несомненно, дает те же два ответа на те же два вопроса по двадцать раз на дню и не дает себе труда запоминать имена девушек.

Как Сейбл и предполагал, квартира была расположена неподалеку. Снаружи помещение выглядело весьма скромно. На вызов по домофону ответил девичий голос, однако принадлежавший не Грете. Мысль, что остаться с ней наедине вряд ли удастся, раздосадовала Сейбла.

Пару секунд спустя дверь распахнулась. На пороге появилась обладательница фигуры танцовщицы и очаровательного лица цвета черного дерева, обрамленного невероятно белокурыми волосами.

— Я соседка Греты по комнате. Она подойдет с минуты на минуту. — Девушка смерила Сейбла почти одобрительным взглядом. — Я-то сейчас ухожу. Но вы можете войти и подождать тут, если хотите.

— Я... да, спасибо. — Так или иначе, задерживаться надолго нельзя. Нужно приберечь побольше времени, чтобы где-нибудь избавиться от кассеты и поспеть в лабораторию. Но пара минут в запасе все-таки есть.

Сейбл проводил блондинку взглядом. Быть может, при случае... Затем, оставшись в одиночестве, обернулся к полузатемненному окну, сквозь которое видна была изрядная часть площади. По-прежнему ни единого человека, смахивающего на соглядатая. Отойдя от окна, Сейбл остановился перед дешевым столиком. Следует ли оставлять записку, если придется удалиться до прихода Греты? А что ей в таком случае написать?

И в этот миг послышался писк висящего на поясе индивидуального коммуникатора. Поднеся его к глазам, сейбл увидел на крохотном экранчике лицо главного шерифа Гунавармана.

— Доктор Сейбл, я ожидал застать вас в лаборатории. Пожалуйста, возвращайтесь туда как можно скорее; визит Владыки перенесен на два часа. Где вы сейчас?

— Я... э... — Хотелось бы знать, что там видно Гунавармана? — В рекреационной зоне.

Выражение напускного благодушия, навечно въевшееся в лицо Стража, слегка переменилось — видимо, в нем появился оттенок искреннего веселья.

— Значит, обратный путь много времени у вас не займет. Будьте добры, поторопитесь. Следует ли выслать за вами эскорт?

— Нет. Не нужно. Да. Сию минуту.

Значит, его уже поджидают в лаборатории. Быть может, даже встретят прямо у дверей этой квартирки. Вешая коммуникатор на пояс, Сейбл окинул комнатушку оценивающим взглядом. Вот. На одной из стен у самого пола виднелась небольшая вентиляционная решетка, немногим шире ладони. Таких в Твердыне не счесть. Сейбл присел на корточки. Под напором его сильных пальцев пластиковая решетка упруго изогнулась, легко выскочив из гнезда, и Сейбл опустил кассету в темное отверстие, не забыв сперва стереть с нее отпечатки пальцев.

Визит Владыки в лабораторию прошел гладко, хотя и тянулся дольше, чем Сейбл предполагал. Зато удостоился похвалы за свою работу — во всяком случае, за ту ее часть, которую великий вождь вроде бы сумел постичь. И лишь назавтра утром, уже прикидывая, когда следует нанести Грете повторный визит, Сейбл случайно столкнулся с коллегой, и тот в беседе обмолвился, что в рекреационной зоне арестовали какую-то неизвестную дамочку.

В вину ей вменяли обладание запретным устройством. Это первый подобный арест за многие годы, и хотя официально о нем пока не объявляли, Твердыня буквально гудела от слухов,

причем сразу в нескольких версиях. Формулировка обвинения гласит, что арестованная как минимум подозревается в прямых сношениях с берсеркером; практически такое же обвинение предъявили бы и Сейблу, если бы его секретная деятельность вдруг выплыла наружу. А это наиболее пагубный вид доброжильской деятельности; членство в подпольной ячейке или клубе сочувствующих врагу, скорее всего без непосредственного контакта с таковым, считается далеко не столь предосудительным.

Раньше, узнав о находке каких-либо запчастей берсеркеров, Сейбл всякий раз просил Гунавармана о допуске к исследованиям. Не осмелился сделать исключение и в этот раз.

— Да, доктор, — ответил Страж, глядя на него с маленького экранчика. — Сегодня мы получили запретное устройство. Почему вас это интересует?

— Полагаю, я уже неоднократно объяснял вам причину подобного интереса. Если есть какая-либо вероятность, что это... устройство... содержит сведения, имеющие отношение к теме моих исследований, я просто обязан прибегнуть ко всем доступным средствам...

— Пожалуй, я могу избавить вас от излишних забот. На сей раз это всего-навсего кассета от видеомагнитофона типового образца. Она была обнаружена вчера вечером в процессе текущего профилактического обыска квартир новоприбывших в рекреационной зоне. Информация на кассете хитроумно зашифрована, шифр мы еще не разгадали. Но я весьма сомневаюсь, что она имеет какое-либо отношение к космофизике. Разумеется, все это строго между нами.

— Конечно. Но, простите за любопытство, если вы еще не взломали шифр, то откуда знаете, что предмет попадает в категорию запрещенных?

— Способ шифровки — как бы это сказать — отмечен особой печатью. Наши эксперты определили, что на каком-то этапе данная информация хранилась в банках памяти берсеркера. Одна из двух девушек, живших в квартире, покончила с собой прежде, чем мы успели ее допросить, — по виду типично доброжильский выход из крайней ситуации. Вторая подозреваемая покамест все отрицает. Мы вот-вот получим ордер на ЗП, и тогда все прояснится.

— Зондирование памяти? А я и не знал, что вы все еще имеете право...

— О да. Хотя в наши дни мы обязаны следовать строгой судебной процедуре. Допрос должен проходить в присутствии офи-

циальных свидетелей. А если будет установлена невиновность субъекта, допрос следует немедленно прекратить. Но в данном случае, по-моему, все пройдет тихо и гладко.

Сейбл тайком заказал распечатку всех судебных документов за последние двадцать четыре часа. Ну вот: Грета Тамар, санкция на проведение зондирования памяти. По крайней мере, она жива.

Конечно, пытаться чем-нибудь помочь ей совершенно бессмысленно. Если зондирование памяти докажет ее вину, оно же покажет, что Сейбл — всего-навсего ее невинный знакомый. На самом же деле оно наверняка докажет невиновность девушки, и тогда ее непременно отпустят. Со временем причиненный ее интеллекту ущерб сойдет на нет — во всяком случае, в достаточной степени, чтобы она смогла заниматься ремеслом танцовщицы.

А вот с какой стати наложила на себя руки ее подруга по комнате? Ох уж эти артистки. Психическая неуравновешенность...

Даже если властям станет когда-нибудь известно, что он знаком с Гретой Тамар, вовсе незачем лезть на рожон и самому трубить об этом. Нет уж, ведь на самом деле ему даже не положено догадываться, что арестована именно она. Гунаварман в разговоре не упоминал никаких имен.

Нет, ни за что, ведь в лучшем случае он впутается в канительное, муторное расследование. А на самом деле рискует напороться на кое-что похуже.

И вообще, тут главное — его работа, поиск научной истины. О нем самом и речи нет, не говоря уж о какой-то там плясунье. Но если пропадет он, пропадет и вся его работа. Кто еще извлечет из Радианта Тамплиера истины, открывающие космофизике новые блистательные горизонты? Во всей Галактике обнаружено всего семь других Радиантов, но ни один из них так недоступен для исследований, как этот, и ни один человек во Вселенной не знает его так же хорошо, как Георгиус Сейбл.

Да, воистину бессмысленно пытаться чем-нибудь помочь бедной девушке. Но Сейбл с удивлением поймал себя на том, что в минутном порыве чувств был готов решиться на подобное.

Но и замыкаться в четырех стенах тоже ни в коем случае нельзя. Если на него пала хоть легкая тень подозрения, если Стражи следят за его перемещениями, тогда внезапное прекращение полевых вылазок вызовет больше проблем, чем их продолжение. Опять же, в пустынных дарданских просторах куда легче определить, следят за ним Стражи или нет.

Сейбл взял с собой небольшой голографический проектор, чтобы просмотреть видеозаписи, прежде чем забрать их с собой.

— На сей раз, — сказал он бронированной башке, торчащей из лавы, — я приказываю тебе давать информацию во вразумительном виде.

По чудовищным плечам пробежала пульсирующая вибрация, будто берсеркера передернуло.

— Приказ принят к исполнению.

И наконец-то Сейбл узрел то, о чем просил. Сцену за сценой, отснятые при естественном освещении Радианта. Вот ряд берсеркеров, выстроившихся, как на парад, где-то на внутренней поверхности Твердыни в окружении разбитых стеклянных дарданских крыш. Да, из этой картины определенно можно будет что-то извлечь. И из этой, весьма сходной. И из...

— Погоди. Минуточку. Вернись, дай мне посмотреть эту еще раз. Что это?

Он снова смотрел на внутреннюю поверхность Твердыни, залитую светом Радианта. Но на сей раз берсеркеров нигде не было видно. В центре сцены находилась молодая женщина в скафандре какой-то незнакомой Сейблу конструкции. Легкий скафандр почти не сковывал ее движений, и двухсекундная запись запечатлела какой-то ее жест. Женщина воздела руки к горнему свету, словно берсеркер запечатлел ее во время ритуала или танца, посвященного самому Радианту. Темные, коротко подстриженные кудрявые волосы увенчаны украшенной драгоценными камнями диадемой. Длинные ресницы опущены, лицо полно непередаваемого очарования.

Сейбл посмотрел фрагмент еще трижды.

— Погоди еще. Отложи пока остальные записи. Кто это был?

Машинному интеллекту берсеркера все вопросы наверняка представлялись одинаково несущественными.

— Живая единица Елена Дарданская, — все тем же бесстрастным, надтреснутым голосом поведал он Сейблу.

— Но... — Сейблу вдруг показалось, что все это лишь замысловатый сон. — Покажи еще раз и останови движение ровно посередине — да, вот так. А теперь ответь, сколько лет этой записи?

— Она относится к четыреста пятьдесят первому столетию согласно вашей системе летосчисления.

— До нападения берсеркеров на Твердыню? И с какой стати ты заявляешь мне, что это она?

— Это видеозапись Елены Дарданской. Другой не существует. Она была предоставлена мне в качестве средства опознания. Я специализированный убийца, и во время последней миссии был послан для уничтожения данной особи.

— Ты... ты утверждаешь, что был машиной... убившей Елену Дарданскую?

— Нет.

— Объяснись.

— Вместе с другими машинами я был запрограммирован убить ее. Но был поврежден и застрял здесь до того, как сумел осуществить свою миссию.

Сейбл показал, что сомневается, потому что уже уверился, что машина каким-то образом видит его.

— Ты застрял здесь во время отвоевания Твердыни тамплиерами. Именно тогда сформировался этот лавовый поток. Намного позже после смерти Елены.

— Именно тогда я здесь и застрял. Но мы узнали, где спрятана живая особь Елена Дарданская, пребывающая в состоянии приостановленной жизнедеятельности, всего за час до атаки тамплиеров.

— То есть дарданцы каким-то образом спрятали ее от вас, и вы не сумели найти ее до той поры?

— Дарданцы спрятали ее. Мне неизвестно, была ли она найдена после того.

Сейбл изо всех сил пытался осознать все это.

— Ты утверждаешь, что, по твоим сведениям, она все еще может находиться где-то в состоянии приостановленной жизнедеятельности, то есть еще живой.

— Подтверждаю.

Сейбл бросил взгляд на видеомагнитофон, на минуту забыв, ради чего принес его сюда.

— Где именно находится ее предполагаемый тайник?

Когда Сейблу удалось пробиться через систему координат берсеркера в человеческую, выяснилось, что предполагаемый тайник находится не так уж далеко. Стоило конкретизировать местоположение, как он добрался до указанного перекрестка дарданских коридоров за считаные минуты. Согласно предоставленным сведениям, жизнеобеспечивающий саркофаг Елены находился там позади полустертых отметок на стене.

В этом регионе не обнаружилось ни одной из подпалин, которые Сейбл по обычаю оставлял на стенах, отмечая места, уже изученные во время его систематических исследований Твердыни. Причем в регионе потенциально опасном, поскольку не так давно кладка тут обрушилась на довольно обширном участке. Перекресток коридоров превратился в извилистую пещеру, заваленную большими и малыми обломками стен, потолка и пола. Обломки немного обились и обкатались, так что острых граней у них уже не осталось. Вероятно, из-за низкой гравитации они время от времени подвергались встряске из-за пертурбаций во время вековечного кружения Твердыни вокруг Радианта. Наверняка со временем обломки изотрутся друг о друга в песок, и тот, рассеявшись, заполнит рытвины ближайших коридоров.

Но покамест обломки высились высокой грудой. В свете прожекторов скафандра Сейбл различил тусклый овоид размером с рояль или чуть больше, на девять десятых погребенный в этой груде, более гладкий и округлый, чем разбитая кладка.

Вскарабкавшись к овоиду, Сейбл без особого труда расшвырял завалившие его камни. Мысленно сравнивая находку, сделанную из прочного искусственного вещества, с рядом известных ему устройств гибернации, Сейбл обнаружил, что та подходит под описание любого из них.

А что теперь? Предположим, просто предположим, что существует реальный шанс... Открыть саркофаг здесь, посреди холода безвоздушного пространства, Сейбл не осмелился. А приборов, которые позволили бы ему аккуратно прозондировать внутренности находки, он не прихватил. Придется вернуться в базовый лагерь и как-нибудь пригнать сюда флаер.

Провести сюда транспорт оказалось легче, чем он ожидал. Нашелся окольный путь, и менее чем через час овоид был прикреплен к флаеру липкими лентами. Медленно буксируя его к лагерю, Сейбл размышлял о том, что находку надо держать в секрете, по крайней мере временно. Стоит объявить о важном открытии, и тут не продохнешь от следователей-исследователей. А подобного Сейбл позволить не мог, пока от берсеркера тут не останется и следа.

Потребовалось несколько расширить палатку, прежде чем удалось втиснуть в нее овоид, да чтобы при этом осталось место для работы. Как только палатка заполнилась воздухом, Сейбл начал бережный обогрев наружной поверхности саркофага, чтобы обращаться с ним было легче. Затем пустил в ход звуко-

сниматель, пытаясь что-нибудь выяснить о том, что находится внутри.

Сразу же стало очевидно, что там что-то происходит. В наушниках послышался негромкий механический гул — вероятно, вызванный сотрясениями при перевозке или появлением теплого воздуха вокруг.

Гул работы тонких механизмов. А затем — еще один звук, четкий и размеренный. Лишь через несколько долгих секунд память Сейбла распознала в нем биение человеческого сердца.

Он не замечал течения времени, но на самом деле прошли лишь считаные минуты, когда Сейбл решил, что готов к следующему шагу. Открыть крышку саркофага ему удалось без малейшего труда. Внутри обнаружилась сложнейшая машинерия; да, очевидно, это хитроумная система жизнеобеспечения. А во внутреннем саркофаге, упрятанном в наружный, как матрешка, виднелось смотровое оконце. Сейбл направил туда луч света.

Как и положено при гибернации, кожу женщины, лежавшей в саркофаге, покрывала перепончатая пленка полуживой субстанции, помогающей поддерживать жизнь. Но теперь пленка начала оползать с ее лица.

И несравненная красота этого лица прогнала все сомнения прочь. Елена Дарданская дышит, Елена Дарданская жива.

Да разве можно не простить все на свете тому, кто вернул к жизни саму Царицу Любви? Все, даже доброжильскую деятельность, обладание запретным устройством?

Однако возможна и обратная трактовка: этот человек по указаниям берсеркера разыскал Царицу и тем самым навлек на нее окончательную погибель.

Конечно, человек нерешительный, опасающийся любого риска, просто-напросто не оказался бы здесь и не столкнулся бы с подобной проблемой. Сейбл же заранее достал своего аварийного медиробота — устройство размером с чемодан, обычно закрепленное позади сиденья флаера — и поставил его наготове в шатре. И, собравшись с духом, будто для ныряя в ледяную воду, неуклюже отстегнул запоры внутреннего саркофага, откинул крышку и торопливо подключил щупы медиробота к голове, груди и запястьям Елены, попутно срывая полуживую пену целыми горстями.

Не успел он подключить третий щуп, как ее веки затрепетали, и распахнувшиеся черные глаза поглядели на Сейбла. Ему показалось, что во взгляде светился разум и понимание. Погружаясь в сон, Елена наверняка возлагала надежды на пробуждение хотя бы при подобных обстоятельствах: пусть на руках у чужака, но зато не в металлических клешнях.

— Елена... — Произнося ее имя, Сейбл уловил в собственном голосе непреднамеренную фальшь, этакий театральный наигрыш. — Вы меня слышите? Понимаете? — проговорил он на стандартном языке; скудные познания в дарданском, приобретенные при изучении древних архивов, в этот миг напрочь вылетели у него из головы. Однако Сейбл подумал, что дарданские аристократы знали стандартный достаточно хорошо, чтобы уловить общий смысл сказанного, а сам язык вряд ли так уж сильно изменился за века, истекшие с момента ее погребения. — Вы в полной безопасности, — заверил он женщину, преклоняя колени у ее ложа. Во взгляде Елены промелькнуло некое подобие облегчения, и Сейбл продолжал: — Берсеркеров прогнали.

Ее полные, бесподобные губы слегка разомкнулись, но не проронили ни звука. Чуточку приподнявшись, Елена передернула обнаженными плечами, чтобы освободить руки из липкой пены.

Сейбл в тревоге обернулся к роботу. Судя по показаниям индикаторов, состояние пациентки вполне благополучно. Даже не будучи специалистом, он понял, что уровень содержания лекарств в ее крови весьма высок, однако постепенно снижается. Ничего удивительного, ведь она только что пробудилась от гибернации.

— Елена, вам нечего бояться. Вы меня слышите? Берсеркеры разбиты. — Гибель блистательной Дардании он решил утаить, во всяком случае до поры до времени.

Елена уже приняла почти сидячее положение, опираясь на роскошные подушки своего ложа. Да, в ее взгляде светилось облегчение, однако не без примеси беспокойства. К тому же она до сих пор не проронила ни слова.

Насколько было Сейблу известно, людям, пробужденным от гибернации, следует незамедлительно подкрепиться, и он поспешил предложить ей еду и питье. Елена отведала подношение — сперва нерешительно, затем с явным удовольствием.

— Ничего страшного, вам вовсе не обязательно говорить со мной прямо сейчас. Война — окончена. — Последние слова он старательно выговорил по-дардански, запоздало выудив их из памяти.

— Вы — Елена. — Ему показалось, что ее божественный лик выразил согласие. Сейбл снова перешел на стандартный: — Я Георгиус Сейбл. Доктор космофизики, магистр... впрочем, что мне теперь до того? Я спас вас, а все остальное несущественно.

Елена улыбнулась ему. А может, это все-таки лишь сон, не более?..

Пена все продолжала клочьями осыпаться с ее кожи. Боже милостивый, что же ей надеть? Второпях пошарив вокруг, Сейбл наткнулся на запасной комбинезон. Отвернулся, слыша, как у него за спиной Елена выбралась из своего выстеленного подушками саркофага и оделась.

А что это такое пристегнуто у него к поясу? Ах да, видеомагнитофон со свежей записью. Сейбл даже не сразу припомнил, зачем это ему вдруг понадобился магнитофон. Надо отвезти его в лабораторию и убедиться, что на сей раз информация вполне читабельна. После этого берсеркера можно спокойно уничтожить.

Сейбл уже приготовил в лагере инструменты, чтобы сокрушить металл, и химикалии, чтобы растворить его. Но броня берсеркера, мягко говоря, будет неуступчива. А уничтожить ее надо радикально, вместе с запекшейся на ней лавой, чтобы никто и никогда даже не догадался о ее существовании. На это потребуется какое-то время. А также специальное оборудование и припасы, за которыми придется вернуться в город.

Через три часа после пробуждения Елена, облаченная в просторный комбинезон, сидела на подушках, извлеченных Сейблом из саркофага и прилаженных на камнях. Казалось, ей не нужно больше ничего на свете — только бы сидеть, устремив на своего спасителя ласковый взор и не требуя от него ничего, кроме, как вскоре выяснилось, его собственного присутствия.

Сейбл мучительно пытался растолковать, что его ждут важные дела, что ему надо уйти, на время покинув ее в одиночестве.

— Я должен идти. Я вернусь. Скоро.

О том, чтобы взять ее с собой, не может быть и речи. Как ни верти, а скафандр только один.

Но Елена почему-то никак не хотела отпускать своего спасителя, в явном смятении бросившись к шлюзу, чтобы преградить дорогу, и с мольбой простирая к Сейблу руки.

— Елена. Мне в самом деле надо идти. Я...

Она отчаянно замахала руками, выражая свой протест.

— Но, видите ли, один берсеркер еще остался. Мы все еще подвергаемся опасности, пока он... пока...

Елена улыбнулась ему, и в улыбке этой светилась не одна только благодарность. В этот миг Сейбл уже не сумел убедить себя, что все это происходит наяву. Пленительно, с недвусмысленным призывом поводя бедрами, Царица Любви открыла ему объятия...

* * *

Когда способность мыслить связно и хладнокровно вернулась к Сейблу, он снова терпеливо пустился в разъяснения:

— Елена, дорогая моя. Видишь ли, я просто-таки *обязан* идти. В город. Чтобы раздобыть...

Ее чарующее лицо озарилось ярким светом понимания, готовности пойти на уступки.

— Мне надо взять кое-какие вещи, необходимые мне как воздух. А потом сразу назад, клянусь. Прямиком сюда. Ты хочешь, чтобы я кого-нибудь привел, не так ли? Я... — Сейбл собрался было растолковать, что пока не может никому открыться, но вновь вспыхнувшая в ее глазах тревога поведала, что как раз этого Елена хочет менее всего на свете. — Тогда ладно. Отлично. Никого. Я принесу еще скафандр... но твое пребывание здесь пока останется моей тайной, нашей тайной. По нраву ли тебе такое? О, моя царица!

Увидев радость на лице Елены, Сейбл припал к ее стопам, чтобы облобызать их.

— Моя, только моя! — И принялся надевать шлем. — Вернусь не позже чем через сутки — если удастся. Хронометр вот тут, видишь? Но если я задержусь дольше, не волнуйся. В этом убежище имеется все, что может тебе понадобиться. Буду спешить изо всех сил.

Елена взглядом благословила его.

Спохватился Сейбл лишь в тамбуре шлюза и вынужден был вернуться за магнитофоном, едва не забытым за всей этой чехардой.

Однако рано или поздно, а доставить Царицу в город все равно придется — и каким же образом тогда объяснять, почему так долго таил ее от мира? Она волей-неволей расскажет остальным, сколько дней провела в палатке. Впрочем, способ обойти эту проблему какой-нибудь, да найдется. Но пока что ломать

над ним голову Сейблу не хотелось. Царица принадлежит ему одному, и никому больше... но прежде, в первую голову, надо избавиться от берсеркера. Нет, сперва, даже раньше того, надо убедиться в том, что на этот раз он дал качественную информацию.

Быть может, Елена знает, быть может, откроет ему, где таятся припрятанные дарданские сокровища...

И ведь она сделала его своим возлюбленным, вернее, своим случайным наложником. Неужто такова истина о частной жизни и характере великой царицы, служившей эталоном целомудрия, чести и преданности собственному народу? Тогда в конечном итоге за ее возвращение миру не поблагодарит ни одна живая душа.

Пытаясь просчитать все наперед, Сейбл понял, что в не столь отдаленном будущем матрица его жизни вырождается до полного уничтожения. Прогнозировать ход событий нечего и пытаться. Это куда хуже неопределенности, это полнейшая неизвестность.

На сей раз лабораторный компьютер принял видеозаписи без единой претензии и тотчас же приступил к их обработке.

Запросив по индивидуальному информационному терминалу распечатку всех официальных сообщений, сделанных Стражами или отцами города во время своего отсутствия, Сейбл узнал, что по завершении зондирования памяти актриса Грета Тамар отпущена под надзор назначенного судом адвоката и ныне в удовлетворительном состоянии пребывает в общегражданском отделении госпиталя.

Больше ни слова ни о доброжилах, ни о берсеркерах. Опять же по возвращении Сейбла не подстерегали у двери Стражи в черных одеяниях.

Когда Сейбл снова бросил взгляд на экран лабораторного компьютера, то сразу же увидел надпись: «ОБНАРУЖЕНА НЕКОРРЕКТНАЯ ДАТИРОВКА». И приказал:

— Дай подробности.

«СПЕКТР ЗАПИСИ, ОТНОСИМОЙ К 451 ВЕКУ, СОВПАДАЕТ СО СПЕКТРОМ РАДИАНТА В 152 ДЕНЬ 23 ГОДА 456 ВЕКА».

— Дай-ка поглядеть.

Это оказался, как Сейбл уже заподозрил в глубине души, тот самый фрагмент, где Елена на внутренней поверхности Твердыни исступленно воздела руки в каком-то странном ритуале — или танце.

Сингулярность, то есть уничтожение, грядущего стремительно неслась навстречу.

— Ты говоришь... говоришь, что спектр в этой записи тождественен с другим, записанным нами... как ты сказал? Когда там?

«38 ДНЕЙ 11 ЧАСОВ И ОКОЛО 44 МИНУТ НАЗАД».

Как только с погрузкой необходимых средств уничтожения берсеркера на флаер было покончено, Сейбл на предельной скорости помчался в лагерь, не задержавшись, чтобы добыть второй скафандр.

В палатке все было разбросано, словно Елена неустанно что-то разыскивала. Грудь ее под мешковатым комбинезоном порывисто вздымалась, будто после тяжких трудов или в порыве страстей.

Протянув к нему руки, Елена снова изобразила лучезарную улыбку.

Но Сейбл остановился у самого шлюза, стащив с головы шлем и угрюмо воззрившись на гостью.

— Ты кто такая?

Скривившись, она наклонила голову к плечу, но не обмолвилась ни словом, все с той же застывшей на губах улыбкой простирая руки.

— Я спросил, *кто ты такая?!* Эта голограмма сделана всего тридцать восемь дней назад.

Елена переменилась в лице. Заученное выражение так и не покинуло его, но теперь на ее чертах заиграл иной свет. Свет, исходивший извне палатки и приближавшийся к ним.

К ним приближались четверо, нацелив в сторону Сейбла оружие. Сквозь пластик и скафандры он не мог разглядеть, мужчины это или женщины. Двое тотчас же вошли через шлюз, а двое других остались снаружи, чтобы осмотреть груз, доставленный Сейблом на флаере.

— Черт побери, ну и долго же вы! — То были первые слова, наконец-то сорвавшиеся с очаровательных губ лже-Елены.

Первым вошел мужчина с пистолетом в руке. Не обращая пока внимания на Сейбла, он поглядел на нее с кислой ухмылкой.

— Как я погляжу, ты прекрасно выдержала пять дней в холодильнике.

— Это было куда легче, чем провести день с ним... черт побери! — Предназначенная Сейблу улыбка Елены обратилась в такой же привычный оскал.

Мужчина, вошедший в палатку вторым, остановился в тамбуре, положив ладонь на торчащую из кобуры рукоятку пистолета и не сводя с Сейбла настороженного взгляда.

Теперь первый — высокий, угрюмый, но не полицейский — уверенно вложил пистолет в кобуру, сосредоточив внимание на Сейбле.

— Мне бы хотелось заглянуть в твою лабораторию и, возможно, прихватить оттуда кое-что. Так что давай ключ или говори код.

Сейбл облизнул губы.

— Кто вы такие? — В его голосе не было ни намека на страх, одно лишь гневное высокомерие. — *И что это за женщина?*

— Рекомендую держать себя в руках. Она развлекала тебя, чтобы ты не путался у нас под ногами, пока мы готовили городу небольшой сюрприз. Каждый из нас служит Господину по-своему... даже ты уже послужил ему. Ты дал Господину достаточно энергии, чтобы он смог позвать нас на помощь некоторое время назад... да, что? — Он повернул голову в шлеме, чтобы посмотреть сквозь стену палатки. — Полностью выбрался? Уже на собственном энергоснабжении? Великолепно! — И снова обернулся к Сейблу: — А я кто? Тот, кто получит у тебя ключ от лаборатории не мытьем, так катаньем, уж будь покоен. Мы уже давненько тебя опекаем, уже много дней. Уж мы позаботились, чтобы у бедняжки Греты завелась новая соседка по квартире, как только ты с ней спутался. Бедняжка Грета даже не догадывалась... видишь ли, мы считали, что нам может понадобиться твой флаер с этим последним грузом инструментов и химикатов, чтобы вызволить Господина. Но, как оказалось, нужда в нем отпала.

Елена — женщина, явившаяся Сейблу под личиной Елены, — вошла в поле его зрения и обернулась лицом, словно собираясь напоследок поиздеваться над ним.

Но он так и не узнал, что было у нее на уме. Ее черные глаза вдруг распахнулись в пародии на тошнотворный ужас, и в следующий миг она рухнула как подкошенная.

Сейбл успел мельком заметить выскакивающие откуда-то фигуры в скафандрах, а затем все его тело содрогнулось от удара чудовищной беззвучной, невидимой, мягкой дубины. Удар был лишен направления, но выстоять перед ним было просто невозможно. Мышцы отказали, нервы испарились, и каменный пол укрытия взмыл, чтобы подхватить неуклюже повалившегося человека.

Упав, Сейбл уже не мог шелохнуть ни рукой, ни ногой. Даже простое дыхание требовало неимоверных усилий.

Послышался вздох распахнувшегося шлюза. Поднять голову, чтобы взглянуть на пришедших, было свыше сил Сейбла; в поле его зрения были только скафандры упавших и камни пола.

Затем перед глазами остановились черные сапоги, сапоги Стража. Ухватив Сейбла за плечо, чья-то рука развернула его, и веселые глаза Гунавармана мгновение с триумфом разглядывали Сейбла, после чего главный шериф двинулся дальше.

Шаркнув, рядом остановилась еще пара сапог.

— Да, это Елена Надрад, она самая — во всяком случае, под этим именем эта шлюха известна в Парижской аллее. Думаю, если выяснить на других планетах, выплывет еще имя-другое. Ты готова потолковать с нами, Елена? Или нет еще? Ничего, оправишься. Через часок действие парализатора окончится.

— Шеф, я вот ломаю голову, что они тут затевали с гибернатором? Ладно, выясним.

Гунавармен тем временем начал радиопереговоры с каким-то далеким собеседником. Сейбл, мучительно надрывавшийся в попытках дышать, шевельнуться, заговорить, слышал лишь обрывки реплик:

— Очевидно, уже давненько устроили тут место для сборищ... вероятно, откапывали части берсеркеров... аппаратуру... да, сир, на этот раз записи берсеркера обнаружены в лаборатории... зачем-то включена рекламная голограмма Елены Надрад... да, просто ошеломительный факт. Но никаких сомнений... мы проследовали за ним прямо сюда. Джоро — подстрекатель доброжилов, за которым мы следили, находится тут... да, сир. Большое спасибо. Я передам ваши слова своим людям.

Еще секунда-другая, и беседа завершилась. Сияющий Гунавармен снова склонился над Сейблом, пробормотав:

— Богатые трофеи. Вы что-то хотите мне сказать?

Взгляд Сейбла был устремлен на поверженного Джоро. Из плохо прикрытого кармана скафандра доброжила виднелся кроваво-красный цилиндрик с обрезком провода на торце.

— Что-то важное, доктор?

Сейбл надрывался из последних сил. Всего пару слов.

— Бе-ри-тесь... за... ору-жие...

Гунавармен весело, самоуверенно оглянулся на подчиненных, толпящихся вокруг палатки.

— Зачем?

Сквозь скальные пласты до слуха Сейбла уже докатывался

мягко пульсирующий, зудящий гул. С каждым мгновением все ближе.

— К... оружию... — выдохнул он, хотя и не думал, что от их жалких пистолетиков будет какой-то прок.

Инструменты науки сами по себе не открывают истин. И далеко не все искания завершаются, когда перекрестье прицела поймает мишень.

ЗВЕЗДНАЯ ПЕСНЬ

Они пробились через темную туманность Тайнарус с боями, что стоило им трех крейсеров, и после этого продолжали нести потери в трехдневной акции, пока абордажные партии пробивались в Гадес. Адмирал флота с самого начала и до конца боялся, что компьютер, командующий берсеркерами, уничтожит всю станцию вместе с живыми захватчиками, пустив их в вакуум в окончательном Gotterdamerung[1] при помощи зарядов самоуничтожения. Но и возлагал надежды на проекторы стасис-поля, которые его люди взяли в бой во избежание каких-либо ядерных взрывов. Он послал живых людей на абордаж лишь из-за уверенности, что в Гадесе содержатся в плену живые люди. Его надежды оправдались; по крайней мере, ядерный взрыв по каким-то причинам не последовал.

Предположение о пленниках тоже подтвердилось... до некоторой степени. Эркюль, киберпсихолог, пришедший для осмотра после сражения, определенно нашел там людей. В каком-то смысле. Отчасти. Отдельные органы, кое-как функционировавшие, связанные с не-человеческим и не-живым. По большей части органы представляли собой человеческие мозги, выращенные на искусственной культуре с использованием аппаратуры, должно быть, захваченной берсеркерами на каком-то из летающих госпиталей.

Наши человеческие лаборатории растили культуру тканей мозга из клеток человеческих эмбрионов, выращивая их до размеров взрослого мозга, а затем расчленяя по мере необходимости. Скажем, доктор урезает лобные доли, поврежденные болезнью или раной. Материал клеточной культуры мозга служит в качестве матрицы для восстановления, сырьем, на котором может отпечататься прежняя личность. Культуры клеток мозга, выращенные в стеклянных банках, совершенно не люди, разве что в потенциале. Даже профан легко отличит их от нормально развитого мозга по явному отсутствию хитросплетения извилин. Клеточные культуры не могут быть людьми в смысле поддержания нормального человеческого мышления. Для развития мозга определенной личности необходимы и определенные гормоны, и прочие деликатные химические соединения, не говоря уже о необходимости стимулов в виде опыта, непрерывного обстрела информацией от органов чувств. В самом деле, определенные чувственные воздействия необходимы даже для того, чтобы клеточная культура мозга развилась хотя бы до состояния шаблона, *пригодного для использования в хирургии.* В качестве подобного воздействия повсеместно используется музыка.

Берсеркеры, несомненно, научились выращивать клетки печени, сердца и желез, не только мозгов, но выказывали пристальный интерес и к способности человека мыслить. Видимо, берсеркеры испытывали компьютерный аналог благоговения *перед емкостью памяти и вычислительной мощностью,* которые природа сумела втиснуть в пару сотён кубических сантиметров человеческой нервной системы в течение нескольких миллиардов лет эволюции.

За время долгой войны с человеком берсеркеры то и дело пытались встроить человеческие мозги в свои собственные цепи. Они ни разу не добились особых успехов, но попыток не оставили.

Конечно, сами берсеркеры не давали имен ничему. Но люди не так уж заблуждались, назвав этот исследовательский центр Гадесом. Этот Гадес был запрятан в темной туманности Тайнарус, в свою очередь находившейся примерно в треугольнике, образованном системами Зитц, Токкс и Йати. Люди уже много лет знали о Гадесе и его приблизительном местонахождении, но лишь сейчас смогли собрать в этом секторе Галактики вооруженные силы, достаточно мощные, чтобы отыскать и уничтожить его.

— Я подтверждаю, что в этом контейнере нет человеческой жизни, — сказал киберпсихолог Эркюль себе под нос, одновременно ставя печать с теми же словами на стоящий перед ним гласситовый бокс. Помощник Эркюля дал знак, и дюжий десантник, работающий с ними, выдернул разъемы и кабели, позволив находящейся там вещи умереть. Этот мозг был не кле-

[1] Конец света, гибель богов (*нем.*).

точной культурой, а некогда принадлежал нервной системе живого пленника. Он был очень поврежден не только из-за отсутствия большей части человеческого организма, но и из-за подключения к массе электронного и микромеханического оборудования. При помощи какой-то обучающей программы — видимо, комбинации наказаний и вознаграждений — берсеркер научил этот мозг выполнять определенные вычислительные операции с огромной скоростью и низкой вероятностью ошибки. Похоже, всякий раз по окончании вычислений механизм в контейнере мозга немедленно сбрасывал все счетчики на ноль и снова подавал на входы ту же информацию, и решение задачи мозгом возобновлялось. Теперь мозг утратил способность выполнять что-либо, кроме этой работы, и если в нем и теплилась какая-то человеческая жизнь, — а в такой возможности Эркюль ни за что не признался бы вслух, — то, по мнению киберпсихолога, милосердие требовало погасить ее как можно быстрее.

— Следующий вердикт? — спросил он у десантника и тут же прикусил язык, осознав, что только что отпустил жуткую шутку насчет своей роли палача. Однако никто из его коллег, прочесывающих Гадес, не заметил ее. «Но дай только нам пару дней, — подумал он, — и мы снова отыщем темы, над которыми сможем посмеяться».

Как бы то ни было, он должен продолжать свою работу в попытке отделить спасенных военнопленных — пока что таковых обнаружилось двое, может быть, когда-нибудь они даже снова обретут человеческий облик — от коллекции законсервированных в банках более или менее функционирующих органов.

Когда перед ним поставили следующий контейнер, Эркюль пережил тяжелый момент, тяжелый даже для сегодняшнего дня, узнав в содержимом отчасти и собственную работу.

История началась более стандартного года назад, на не слишком отдаленной планете Зитц, в огромном зале, украшенном и забитом толпами ради одного из радостнейших событий.

— Ты счастлива, милая? — спросил Ордей Каллисон свою невесту, когда ему выпала возможность на секундочку взять ее за руку и перебросится с ней парой слов среди гама свадебного пира. Не то чтобы он сомневался в ее счастье, просто этот банальный вопрос из трех слов был лучшей репликой, которую он мог подыскать — если, конечно, не петь.

— О-о-о, счастлива, да! — В этот момент Эври была так же немногословна, как и он. Но правдивость ее слов была и в голосе, и в глазах, чудесных, как песня, которую мог сложить и спеть Ордей.

Конечно, он не позволил бы себе покинуть всех даже на медовый месяц, не спев хотя бы одну песню.

— Спой что-нибудь, Ордей! — окликнул его через длинный пиршественный стол Гиман Больф, наполнявший свою чашу хрустальным фонтаном пунша. Прославленный возрожденец Веры прибыл на свадебную церемонию из системы Йати. На космодроме его личный корабль повел себя несколько странно: водородная силовая лампа загорелась так, что дым сгоревшей изоляции заставил преподобного бежать из кабины, утирая слезящиеся обожженные глаза; но после этого дурного предзнаменования все шло чудесно до самого конца дня.

— Спой, Ордей! — тотчас же подхватили призыв голоса остальных. — Да, ты должен. Спой!

— Но это ведь моя собственная свадьба, и я не совсем настроен...

Его возражения потонули в криках.

Этот человек воплощал в себе музыку. А сердце его воистину могло разорваться от безмерности испытанного сегодня счастья, если только не излить чувства. Он поднялся на ноги, и один из его доверенейших слуг, предвидевший, что Ордей споет, проворно поднес ему инструмент, изобретенный самим Ордеем. В маленький ящичек, который Ордей мог повесить на шею, как аккордеон, была втиснута акустическая система, включавшая в себя все — от супербасов до пищалок, плюс изрядную долю электроники и аудионики. А на плоской поверхности ящичка имелись десять сенсоров, на которых Ордей играл всеми десятью пальцами. Он называл этот ящичек своей музыкальной шкатулкой, поскольку надо же было его как-нибудь называть. Подражатели Ордея делали для себя более пышные и более мощные музыкальные шкатулки, но удивительно — немногие, даже среди девушек в возрасте от двенадцати до двадцати лет, слушали подражателей Ордея.

Поэтому Ордей Каллисон пел на своей собственной свадьбе, и его аудитория была зачарована как всегда. Испокон веков, с древнейших времен люди не знали музыканта, равного Ордею. Высоколобые музыкальные критики оцепенели от восхищения на своих почетных местах во главе стола; его песни опьянили культурных и не слишком культурных денежных магнатов Зитца, Токкса и Йати, — некоторые из них прибыли на собственных гоночных кораблях, — и более рядовых гостей, как не могло

бы опьянить их никакое вино. И юные девушки, фанатически преданные Ордею, сгрудившиеся плотной массой за дверьми, отдались его музыке до потери сознания и даже более того.

Пару недель спустя Ордей, Эври и их новые друзья за последние годы, годы успеха и ошеломительного богатства, отправились в космос на своих спортивных одноместных кораблях, чтобы сыграть в игру, которую называли салочками. На этот раз Ордей играл в обратную версию этой игры, шмыгнув в угол защищенного объема пространства, искренне пытаясь ускользнуть от девичьих кораблей, порхавших мимо, вместо того чтобы гоняться за ними.

Он одним глазом приглядывал за кораблем Эври и чуточку рассердился, потому что не мог найти его, когда из ниоткуда к Ордею устремился другой мальчишеский корабль с сияющими по всему спектру сигналами SOS. Через минуту все до единого оставили игру. На экранах крохотных корабликов появилось лицо Арти — юноши, чья гоночная яхта только что затормозила рядом с яхтой Ордея.

— Я пытался, Ордей... — лепетал Арти. — Я... то есть я не пытался... Я не хотел причинить ей никакого вреда... Они захватили ее... Не моя вина, что она...

Медленно, невероятно медленно раскрылась истина случившегося. Арти гнался за кораблем Эври и захватил его, как и положено в игре. Пришвартовавшись к ее кораблю, он перешел к ней на борт, чтобы потребовать обычной награды. Но Эври, конечно, была уже замужем, а замужество означало для нее очень многое, как и для Ордея, сегодня ловившего девушек чисто символически. Почему-то оба считали, что всем на свете должно быть ясно, что со времени их свадьбы мир переменился, и правила игры в салочки должны быть с этой поры для них изменены.

Не в силах втолковать Арти новое положение вещей словами, Эври попыталась силой доказать свое мнение. Она каким-то образом повредила себе ногу, убегая от него по тесной кабине. Арти упрямо пытался потребовать своей награды. Затем согласился вернуться на свой корабль только за аптечкой первой помощи (Эври клялась, что на ее корабле аптечка отсутствует), когда она лживо пообещала, что он получит желаемое по возвращении.

Но как только Арти ушел на свой корабль, она тотчас же отстыковалась и улетела, а он ринулся в погоню, загнал ее в угол,

к самым границам зоны безопасности, охраняемой автоматическими боевыми кораблями против возможного вторжения берсеркеров.

Чтобы ускользнуть от Арти, Эври пересекла эту границу по огромной, стремительной дуге, несомненно, намереваясь вернуться в безопасную зону через десять тысяч миль или около того.

Но ей это не удалось. Как только ее крохотное суденышко пронеслось поблизости протянувшегося в ее сторону темного языка Тайнаруса, затаившийся там берсеркер выскочил из засады.

Конечно, Ордей услышал историю не в столь связной форме, но этого было достаточно. Его лицо на экранах остальных корабликов сначала окаменело от услышанного, а затем в его взгляде внезапно вспыхнуло безумие. Арти съежился, но Ордей не задержался ради него ни на миг. Вместо этого он погнал кораблик на предельной скорости туда, где скрылась его жена. Он пронесся через зону защитных патрулей (которые были установлены, чтобы не впускать агрессоров, а не удерживать на месте безумцев или сорвиголов) и помчался между внешними пылевыми облаками, чтобы войти в одну из обширных расщелин, ведущих в сердце Тайнаруса, в лабиринт, где все корабли должны передвигаться крайне медленно, откуда со времени образования Гадеса не вышел ни один живой человек.

Несколько часов спустя стражники берсеркера подошли к его кораблику, потребовав на своей тщательно усвоенной человеческой речи, чтобы он остановился и сдался. Но он лишь замедлил движение и запел берсеркерам по радио, сняв руки с панели управления корабля, чтобы положить пальцы на клавиши своей музыкальной шкатулки. Его неуправляемый корабль отнесло от центра прохода, и он задел стену туманности, испытав колющие удары микростолкновений с газом и пылью.

Но прежде чем корабль был поврежден, стражи-берсеркеры выкрикнули радиокоманды, послав к нему партию абордажных роботов.

В банках памяти Гадеса они отыскали свидетельства о безумии, о видах самого диковинного человеческого поведения. В поисках оружия они обшарили яхту, обыскали Ордея, — позволив ему оставить при себе музыкальную шкатулку, когда она тоже была осмотрена, а он никак не желал выпускать ее из рук,

и передали его в качестве пленника под юрисдикцию внутренних стражей.

Гадес — массивная металлическая твердыня многомильного диаметра — приняла его и его кораблик через главные врата. Выйдя из корабля, Ордей обнаружил, что может дышать, шагать и видеть, куда идет; окружавшая его в Гадесе физическая среда была в основном мягкой и приятной, потому что пленники, как правило, жили не очень долго, а компьютерные мозги берсеркеров не желали подвергать их ненужным стрессам.

Устройства берсеркеров, непосредственно управлявшие рутинными операциями Гадеса, и сами были по большей части органическими, состоящими из выращенных для этого клеточных культур мозга, а также некоторого количества переученных захваченных мозгов. Все они являли собой образцы высочайших достижений берсеркеров в попытках обратной киборгизации.

Прежде чем Ордей успел сделать дюжину шагов от корабля, его остановил вопросом один из этих монстров. Чудище — наполовину сталь и электроника, наполовину плоть из клеточных культур — было увенчано тремя хрустальными сферами с тремя потенциально человеческими мозгами, а их чересчур гладкие поверхности омывала питательная жидкость и покрывали тонкие, как волоски, провода.

— Зачем ты сюда пришел? — вопросил монстр, произнося слова сквозь мембрану на своем торсе.

Лишь теперь начал складываться у Ордея осмысленный план. В глубине его мозга затаилось знание, что для гармонизации и настройки этих клеточных культур в лабораториях используют музыку и что его музыка подходит для этой цели лучше любой другой, так как превосходит все прочие стандарты.

Для этого трехглавого монстра он спел очень просто о том, что прибыл лишь отыскать свою молодую жену, попавшую сюда чисто случайно. На одном из древних официальных языков, на котором он столь чудесно пел о потаенном, он воззвал к владыке этого царства ужаса, этих владений молчания и нерожденных существ, чтобы тот вновь связал нить жизни Эври. «Если ты откажешь мне в этом, — пел он, — то я не смогу вернуться в мир живущих один, можешь оставить нас здесь обоих».

Музыка, которая у врат не несла холодным компьютерным мозгам ничего, кроме своих математических составляющих, растопила впечатанные программы внутренних, получеловеческих Стражей. Трехглавый монстр передал его другим, и каждый страж, в свою очередь, обнаружил, что впечатанная в него цель отступает перед доселе неизведанным прикосновением прекрасного, что гармония и мелодия, взывающие к погребенному в глубине их естества человеческому, превыше логики.

Ордей неуклонно продвигался все глубже в Гадес, и они не могли противостоять ему. Его музыка просочилась в сотни экспериментов через акустические входы, едва уловимо вибрируя в крепеже гласситовых контейнеров, она была уловлена терзаемыми нервными клетками через индуктивности и емкости, отзывавшиеся ритмом на музыкальную шкатулку Ордея. Мозги, не знавшие ничего, но приневоливаемые до предела напрягать свои возможности в бессмысленных расчетах, мозги, изувеченные до безумия миллимикровольтовыми протечками всаженных в них зондов, — и они слышали его музыку, ощущали ее, воспринимали ее, каждый находил в ней что-то уникальное, что-то глубоко личное, и отзывались на нее.

Сотни экспериментов были прерваны, их результаты стали ненадежными, многие окончательно испорчены. Надзиратели, и сами наполовину состоящие из плоти, выполняли свои запрограммированные обязанности неуклюже и совершали промахи, приходя к заключению, что запрашиваемая пленница должна быть выведена и освобождена.

Рафинированный компьютер-берсеркер, верховный ярус управления, воплощение металлического хладнокровия, совершенно неподвластный этим странным пульсациям, посеявшим хаос в его лаборатории, наконец сошел с высот своих раздумий над высшими стратегическими планами, дабы расследовать причину всего этого переполоха. И тотчас же устремил всю свою энергию на восстановление контроля над событиями в самом сердце Гадеса. Но все его усилия были тщетны — по крайней мере, в эту минуту. Он дал слишком много власти своим полуживым творениям; он слишком верил, что переменчивая протоплазма сохранит верность впечатанным в нее условным рефлексам.

Ордей стоял перед двумя соединенными потенциально людскими мозгами, каковые были следующими после берсеркера владыками и повелителями Гадеса. Они подпали под обаяния музыки Ордея и теперь со скоростью электричества боролись своими командами с попытками холодного хозяина восстановить правление. Они удерживали магнитные реле против берсеркера, будто крепости, они цеплялись за свои форпосты в фер-

ритовых сердечниках, они сражались на линии фронта, пробегавшей по управляемой территории.

— Так забери же ее, — провозгласил голос этих мятежных владык Ордею Каллисону. — Но не прекращай петь, не прерывайся даже для того, чтобы перевести дыхание более чем на секунду, пока не окажешься в своем корабле и не удалишься от самых дальних врат Гадеса.

И Ордей пел; пел о своей удивительной надежде, что они отдадут ему возлюбленную.

Позади него с шипением распахнулась дверь, и, обернувшись, он увидел переступившую порог Эври. Она хромала на раненой ноге, о которой никто так и не позаботился, но в остальном пребывала в полном здравии и благополучии. Машины еще не начали вскрывать ее голову.

— Не прерывайся! — рявкнул ему вокодер. — Продолжай!

При виде мужа Эври застонала и простерла руки к нему, но он осмелился лишь сделать знак головой, чтобы она следовала за ним, в то время как его песня взмывала пеанами триумфальной радости. Он шагал по тесному коридору, через который пришел, шагал в обратном направлении, хотя доселе это не удавалось еще ни одной живой душе. Проход был так узок, что Ордею приходилось шагать впереди, а Эври следовала за ним. Он должен был изо всех сил сдерживаться, дабы не оборачиваться к ней, дабы сосредоточивать мощь своей музыки на каждом новом страже, вставшем на пути — полуживом, вопрошающем; и снова каждый из них в свою очередь распахивал дверь. И все время он слышал позади всхлипывания жены, шарканье приволакиваемой раненой ноги.

— Ордей? Ордей, милый, это и в самом деле ты? Не могу поверить!

А впереди — последняя опасность, трехглавый хранитель входных врат встал, чтобы преградить им путь, повинуясь приказу предотвратить бегство. Ордей пел о свободе жизни в человеческом теле, о радости бега босиком по траве залитого солнцем луга. Хранитель ворот снова отступил, пропуская их.

— Милый? Обернись и взгляни на меня, скажи мне, что это не какая-то их хитрая уловка. Милый, если любишь меня, обернись!

Обернувшись, он впервые ясно увидел ее с того момента, когда вошел в Гадес. Для Ордея ее красота была столь безмерна, что остановила время, остановила даже песню в его груди и его пальцы на клавишах инструмента. Мгновение выхода из-под

странного влияния, преобразившего все его творения, было единственным, в чем нуждался берсеркер для восстановления подобия полного контроля. Трехглавая фигура схватила Эври, увлекла ее прочь от мужа, унося обратно во тьму настолько стремительно, что последний прощальный крик едва достиг слуха ее мужа.

— Прощай... любимый...

Он снова и снова выкрикивал ее имя, тщетно молотя кулаками в массивную дверь, захлопнувшуюся прямо перед ним. Он долго льнул к этой двери, крича и умоляя еще об одном шансе забрать жену. Он пел снова, но берсеркер восстановил правление железной рукой, правда, власть вернулась к нему еще не полностью, ибо хотя полуживые надзиратели больше не подчинялись Ордею, ни один из них не поднял на него руку. Они оставили обратный путь открытым для него.

Ордей провел у врат около семи дней в своем маленьком корабле и вне его без пищи и сна, распевая свои песни, пока голос не покинул его. Затем он рухнул внутри корабля, а автопилот повел яхту прочь от берсеркера — обратно к свободе.

Пограничники берсеркера не стали, как в свое время человеческие, допрашивать выходящее утлое суденышко. Должно быть, решили, что это один из их собственных лазутчиков или налетчиков. Из Гадеса никто и никогда не уходил живым.

По возвращении Ордея на планету Зитц импресарио приветствовали его как восставшего из мертвых. Через пару дней он должен был дать концерт, давным-давно запланированный, билеты на который были распроданы. Еще день, и придется возвращать деньги спонсорам. Ордей, в общем-то, не шел навстречу докторам, изо всех сил старавшимся восстановить его силы, но и не противился. Как только голос вернулся, Ордей запел снова; он пел почти все время, кроме тех периодов, когда ему давали лекарства, чтобы усыпить. Ему было все равно, пошлют ли его на сцену или оставят в покое.

Представление было разрекламировано как очередной поп-концерт; по сути это означало, что зал будет битком набит десятью тысячами юных девушек, возбужденных сверх своей обычной меры утратой Ордея, чудом воскрешения его из мертвых и его мертвенной бледностью, каковая, благодаря стараниям импресарио, была чуть ли не подчеркнута гримом.

Во время одной-двух песен девушки пребывали в благоговейном экстазе и относительном безмолвии, вели себя доста-

точно тихо, чтобы слышать голос Ордея. Затем... одна девушка из десяти тысяч не удержалась от выкрика:

— Ты снова наш!

Доселе они никак не могли примириться с его женитьбой.

Безразлично окинув взглядом всех их разом, он по привычке улыбнулся и запел, как сильно ненавидит и презирает их всех, видит всего-навсего их безнадежное уродство. Как он послал бы их всех в Гадес, не задумываясь ни на миг, чтобы вновь заслужить этим один-единственный взгляд на лицо жены. Насколько приятнее будет глядеть на всех присутствующих девушек в Гадесе, когда их омерзительные тела будут сорваны с них.

Несколько мгновений ураганы эмоций в огромном зале уравновешивали друг друга, породив иллюзию спокойствия. И в этой тишине ясно звучал потусторонний голос Ордея. Но затем разразилась буря негодования, и голос его потонул в реве. Могущество ненависти и вожделения, ярости и жажды взмыли перед ним штормовой волной. Оцепление, всегда строившее целые баррикады на концертах Каллисона, было сметено в одно мгновение десятью тысячами девушек, обратившихся в менад.

Буйство окончилось через минуту, когда полицейские дали в толпу залп газовыми гранатами с мощными транквилизаторами. Один человек из оцепления был убит, остальные сильно пострадали.

Сам Ордей балансировал на грани жизни и смерти. Медицинская помощь прибыла в последний момент, но все же удалось спасти жизнь в тканях его мозга, хотя изломанная шея и прочие полученные увечья практически изолировали его от остальных частей тела.

На следующий день к Ордею Каллисону доктора призвали ведущего киберпсихолога Зитца. Они спасали остатки жизни Ордея, но никак не могли наладить мостик общения с ним. Они хотели сказать ему, что делают все возможное и когда-нибудь, вероятно, должны будут признаться, что в нормальном виде его физический облик восстановить вряд ли удастся.

Психолог Эркюль погрузил зонды прямо в мозг Ордея, пытаясь передать ему эту информацию. Затем подключил речевые центры к вокодеру, загруженному записями собственного голоса Ордея, чтобы его интонации ничуть не отличались от тех, которые исходили бы из живой груди певца. И согласно первым требованиям калеки, зонды от моторных центров, управлявших пальцами Ордея, были подключены к музыкальной шкатулке.

После этого он тотчас же начал петь. Теперь его не сдерживала никакая необходимость прерываться для того, чтобы перевести дыхание. Он пел приказы окружающим его, говоря им, что надо сделать, и они повиновались. И пока он пел, в душу ни одного из них не закралось даже тени сомнения.

Они доставили его в космопорт. Затем поместили на борт его собственного корабля вместе с системой жизнеобеспечивающих трубок и кабелей, подающих питательные растворы и электричество. И, запрограммировав автопилот, как он приказал, отправили Ордея в путь, избранный им самим.

Эркюль узнал Ордея и Эври, как только нашел их, лежащих вместе в одном и том же экспериментальном боксе. Распознав работу собственных рук над мозгом Ордея, он все понял еще до того, как узор энцефалограмм в точности совпал с имеющимися у него эталонными записями.

От обоих почти ничего не осталось; если Ордей еще не утратил способности к пению, то уже никогда не смог бы возгласить песню.

— Болевые ощущения всего на два и пять процента выше нормального шумового уровня, — провозгласил помощник психолога, проводя рутинные измерения и даже не догадываясь, чью боль пытался судить. — Судя по всему, ни тот ни другой не испытывают чрезмерных страданий. Во всяком случае, в данный момент.

Тяжелой рукой Эркюль поднял свой штамп и отпечатал его на боксе: «Я подтверждаю, что в этом контейнере нет человеческой жизни».

Помощник поглядел на него с некоторым удивлением по поводу столь поспешного решения.

— Здесь *есть* некоторое совместное сознание, я бы сказал, распределенное между обоими субъектами. — Он говорил деловым, чуть ли не жизнерадостным тоном. Он занимался этим делом достаточно много часов и начал уже обвыкаться. Но Эркюль был непреклонен.

Ни наука, ни музыка, ни другие виды искусства не способны в полной мере выразить несгибаемый человеческий дух. Эта черта характера уходит корнями в слепой рост клеток, взмывает до высочайших вершин интеллекта — и распространена куда шире, чем мы догадываемся.

ЩЕЛЧОК

Клаус Словенско пришел к выводу, что сражение в окрестном пространстве с планеты Водопад не разглядит ни одна живая душа — разумеется, если сражение вообще состоится.

Клаус стоял в одиночестве на вершине сорокаметровой дюны, вглядываясь в ночные небеса, пламенеющие звездами чуждого скопления Бусог, по большей части состоящего из бело-голубых гигантов, обычно являющих достойное зрелище уже сами по себе. Пожалуй, на подобном фоне самые чудовищные сполохи разрядов орудий межзвездных боевых кораблей покажутся жалким мерцанием. Конечно, если бой разыграется не в ближайших окрестностях.

Невидимый в ночи океан раскинулся до самого горизонта, заметного лишь потому, что в этом месте звезды исчезали. Клаус обернулся, чтобы еще раз оглядеть небосвод с другой стороны. С той стороны, ближе к северу, звездная россыпь раскинулась без конца и края. На северо-востоке за тонкой пеленой облаков низко над землей виднелся серебряный месяц, вполне соответствуя представлениям древних сценографов о том, как следовало бы выглядеть земной Луне на самом деле. И под этими роскошными небесами раскинулась пустыня размером в целый материк — сплошь камень да песок. Суша Водопада погружена в безмолвие, жутковатое для слуха землянина; тишину нарушает лишь ветер, журчание стерильных ручьев да изредка раскат грома или рокот самой земли.

Клаус продолжал медленно поворачиваться, пока снова не оказался лицом к югу. Снизу доносился баюкающий плеск ночного моря, создающий ложное ощущение, будто ты оказался в родных местах. Потянув воздух носом, Клаус пожал плечами, перестал таращиться на звезды и начал осторожно нащупывать дорогу шаг за шагом вниз по неровному склону дюны. Метрах в ста от него внизу находилась группа зданий, лабораторий и жилых домиков, жмущихся друг к другу, словно для того, чтобы не чувствовать одиночества, — единственное человеческое поселение на планете Водопад. Окна сегодня, как и обычно, весело сверкали огнями. Ино Вакруа решил, что устраивать затемнение просто-напросто бессмысленно, и никто не видел резона возражать. Если флот берсеркеров соберется сесть на Водопад, четверым беззащитным людям невозможно укрыться от взоров убийц.

Чуть ли не у самого подножия дюны Клаус вошел в ворота высокого забора из сплавленных вместе камней, призванного

защитить поселение от наступления песков: из-за отсутствия наземной растительности, удерживающей дюны на месте, они становились порой чересчур напористыми.

Буквально в паре шагов от ворот Клаус распахнул незапирающуюся дверь главного входа в комфортабельный жилой комплекс, ведущую прямо в просторную гостиную, заставленную разнокалиберной мебелью, книгами, любительскими произведениями декоративно-прикладного искусства, а также малыми и средними аквариумами. Три человека, составлявших три четверти населения планеты, поглядели на вошедшего в ожидании новостей.

Его жена Дженни Сурья, одетая в шорты и свитер, причесанная не очень аккуратно, сидела перед небольшим компьютерным терминалом в дальнем углу комнаты, скрестив длинные изящные ноги. Подняв взгляд на Клауса, она нахмурилась, но как-то рассеянно, словно самые скверные новости волнуют ее лишь потому, что означают помехи в работе.

Чуть поближе к Клаусу склонился к стойке радиостанции сидящий в просторном кресле Ино Вакруа, научный руководитель базы. Должно быть, лет двадцать-тридцать назад он являл собой отличный образчик человеческой породы, пока едва не погиб во время налета берсеркеров на другую планету. Подлатать его врачи сумели, но вернуть прежний облик так и не смогли. Виднеющиеся из штанин шишковатые волосатые голени были немногим толще, чем у ребенка; цветастая рубашка висела на изувеченном торсе, как балахон. Рядом с ним сидела в кресле его жена Гленна Рейес, облаченная в чистый белый комбинезон — свою обычную рабочую одежду. Она была немногим моложе Вакруа, но бремя лет легло ей на плечи не таким тяжким грузом.

— Ничего не видно, — сообщил Клаус, широким взмахом изобразив полнейшую неподвижность небес.

— И не слышно, — проскрипел Вакруа, угрюмо кивнув в сторону радиостанции. На экранах устройства мерцали загадочные сполохи, из динамиков раздавалось тихое шипение и потрескивание, донесшееся сквозь пространство со звезд и более диковинных астрономических объектов, которые природа поместила в этом уголке Галактики.

Всего несколькими часами ранее, во время короткого осеннего дня Водопада, было слышно не в пример больше нынешнего. Повинуясь кодированной посылке, возвещающей о высшем приоритете жизненно важного сообщения, радиостанция с

воем пробудилась, после чего проревела сообщение на весь дом и территорию базы, и люди без труда расслышали ее голос с расстояния в четыреста метров, где они собрались, чтобы полюбоваться на дельфинов.

— Морская Матка, говорит Трубный Глас. Хищники здесь, и мы попытаемся их отогнать. Держитесь. Повторяю...

Послание прозвучало еще раз, когда все четверо уже спешили к дому. Как только они переступили порог, радиостанция начала заново воспроизводить автоматически записанный сигнал. Гленна наконец отыскала засунутую куда-то книгу шифров, и они воспроизвели запись еще раз, чтобы окончательно убедиться в своих худших опасениях.

Код «Морская Матка» обозначал людей, оказавшихся на планете Водопад. Этот код приписали ей военные уже много лет назад, следуя общепринятой процедуре, но вряд ли воспользовались им хоть раз до сегодняшнего дня. «Трубный Глас», согласно книге, означал предупреждение о смертельной опасности; им могли воспользоваться лишь в том случае, если возникало подозрение, что берсеркеры уже находятся в системе Водопада или приближаются к ней. А под «хищниками», естественно, подразумевался не кто иной, как берсеркеры — неживые автономные боевые корабли, запрограммированные на уничтожение всего живого на своем пути. Первые берсеркеры были построены много веков назад, во время безумия какой-то звездной войны между расами, давным-давно исчезнувшими с лица Вселенной. Теперь же эта война переросла в хроническое противостояние между берсеркерами и вышедшим на просторы Галактики земным человечеством, затянувшееся на тысячу стандартных лет.

Вполне понятно, что предупреждение Трубного Гласа было столь кратким и неясным. Враг наверняка услышит его одновременно с теми, для чьих ушей оно предназначалось, и, вероятно, сумеет его расшифровать. Но смысл послания может поставить его в тупик. Морская Матка вполне может оказаться еще одним мощным военным флотом человечества, навстречу которому Трубный Глас стремится отогнать берсеркеров. Или может статься, что послание не предназначалось вообще ни для кого, а было передано в качестве отвлекающего маневра, призванного заставить противника впустую расходовать свои вычислительные ресурсы и без толку обшаривать пространство локаторами. И даже если могучие электронные мозги берсеркеров каким-то образом правильно высчитают, что Морская Матка —

маленькая и беззащитная мишень, все равно остается надежда, что берсеркеры стремятся к каким-то иным, более аппетитным мишеням, что их слишком теснит человеческий флот, а может, и то и другое разом, чтобы делать крюк ради такой ничтожной поживы.

После первого предостережения из динамиков радиостанции долгие часы не раздавалось ничего, кроме шума. Гленна со вздохом похлопала мужа по руке чуть ниже рукава крикливой рубашки, напомнив:

— Завтра нас ждет трудный день с членистоногими.

— Значит, пора бы немного передохнуть... Знаю. — В голосе Ино прозвучала усталость, наложившая отпечаток и на его лицо. Он единственный из четверых уже сталкивался с берсеркерами более-менее лицом к лицу, и то обстоятельство, что весть об их возможном приближении Ино принял так близко к сердцу, отнюдь не вселяло надежды в сердца остальных.

— Ты мог бы подключить к радиостанции пищалку, — продолжала Гленна, — чтобы она нас разбудила, если придет еще одно важное сообщение.

«Да, — подумал Клаус, — это не так шибанет по нервам, как если подскочить в постели от гласа небесного, на сей раз грохочущего всего в паре метров от изголовья».

— Да, именно так я и поступлю. — Немного поразмыслив, Ино хлопнул ладонью по подлокотнику и постарался придать голосу более веселые интонации. — Ты права, завтра нас ждет трудный день. А в двадцать третьем пора начинать вскармливать раков-кузнечиков. — Он оглянулся на стену рядом с креслом, где висел длинный план этой части побережья с обозначенной на нем многокилометровой вереницей прудов, бухт, лагун и приливных бассейнов по большей части естественного происхождения. Прежде всего из-за нее-то базу «Морская Матка» и разместили именно здесь.

Почти во всех отношениях — от солнца и луны до гравитации и атмосферы — планета Водопад удивительно похожа на Землю, кроме одного существенного обстоятельства: полнейшего отсутствия жизни. Около сорока стандартных лет назад, во время затишья в нескончаемой войне с берсеркерами, создалось впечатление, что мирное освоение человечеством межзвездных просторов может продвинуться на пядь-другую, и на планете начались работы по ее оживлению. На Водопад прибыли огромные звездолеты с массой образчиков земной жизни, была разработана обширная, тщательно скоординированная программа по

превращению Водопада в близнеца Земли, обращающегося вокруг одного из немногочисленных в Галактике светил солнечного типа.

Но выполнить эту чрезвычайно сложную задачу помешала война, вспыхнувшая вновь. Первый рецидив случился далеко отсюда, но отвлек на себя людей и ресурсы. Была избрана супружеская чета ученых, оставшихся на Водопаде вплоть до нормализации обстановки. Им предстояло продолжать воплощение плана пункт за пунктом, хотя и в медленном темпе. Ино и Гленна провели здесь уже два года. Грузовой корабль приходил с Атлантиса с интервалами в два-три стандартных месяца, а последний, отбывший восемь стандартных суток назад, доставил в гости еще одну чету ученых. Клаус и Дженни, оба психологи по профессии, занимались изучением супружеских пар, живущих в изоляции, и собирались пробыть здесь по крайней мере до прибытия следующего грузового корабля.

Молодую пару встретили с радостью. Гленна, чьи взрослые дети давным-давно вели самостоятельную жизнь на иных планетах, изливала на них нерастраченную материнскую нежность. Ино же, очень азартный по природе, устраивал с Клаусом состязания в плавании, заключая пари по маленькой. А в отношении к Дженни то проявлял преувеличенную галантность, то принимался поддразнивать ее.

— А, чуть не забыл, — встрепенулся Ино, поднявшись из кресла перед радиостанцией и потянувшись так, что кости затрещали. — Я приготовил для тебя маленький презент, Джен.

— Да? — Дженни смотрела ясными, заинтересованными, безмятежными глазами. Именно эту ее профессиональную невозмутимость Ино упорно пытался поколебать.

Ненадолго покинув комнату, он вернулся, чтобы вместе со всеми направиться в кухню: легкий ужин перед сном уже превратился для четверки в ежедневный ритуал.

— Тебе. — Ино продемонстрировал Джен прозрачный пластиковый мешочек, заполненный водой. А в воде находилось что-то живое.

— О боже, — отозвалась она своим обычным деловитым, как у сиделки, тоном, явно казавшимся Ино личным вызовом. — И что же мне с ним делать?

— Держи в самом дальнем аквариуме в холле, — посоветовал Ино. — В данный момент он не занят.

Поглядев на мешочек через кухню, Клаус рассмотрел одну из примитивных тварей, кажущихся человеку инопланетными

чудищами, хотя они самые что ни на есть коренные обитатели Земли. Размером существо было не длиннее пальца, зато не знало недостатка в извивающихся щупальцах. Клаусу на ум пришли строки, написанные Лафкадио Херном[1] о сороконожке: «Мелькание движущихся ножек... поднести руку к которым ничуть не легче... чем к зубьям работающей циркульной пилы...»

Или что-то в этом роде. Клаус знал, что Джен хладнокровные твари претят даже больше, чем ему, но она стиснет зубы и изо всех сил будет стараться не выдать себя перед ерничающим стариком.

— Просто разрежь мешочек и вылей содержимое в аквариум, — порекомендовал Ино, внезапно переходя на серьезный тон. — Они не любят рук... ладно? Сейчас он малость одуревший, но завтра, если новая хозяйка придется ему не по вкусу, он может попытаться удрать.

Гленна скосила глаза в сторону Трубного Гласа: дескать, что еще затеял старый простофиля? Когда же он наконец повзрослеет?

— Удрать? — сладким голоском осведомилась Джен. — Но вы же еще вчера мне говорили, что по этому стеклу не взобраться даже улитке...

Тут по дому раскатилась настойчивая трель сигнала, только что подключенного Ино к радиостанции. Клаусу тут же пришло в голову, что старик затеял какую-то проверку. Но увидев выражение лица Ино, понял, что ничего подобного. А новое приоритетное сообщение уже начало поступать: «Морская Матка, здесь бой окончен. Хищники покидают систему Водопада. Повторяю...»

Клаус дернулся было, повинуясь порыву выбежать на улицу, чтобы снова взглянуть в небеса, затем осознал, что теперь сражения уже не увидеть. Радиоволны, распространяющиеся ничуть не быстрее света, принесли весть о том, что все кончено. Так что он присоединил свой голос к общему хору самозабвенного ликования, звучавшему добрую минуту.

Ино достал какую-то бутылку и четыре бокала. Немного погодя они все вместе шумно вывалились на улицу, не в силах усидеть под крышей, хотя и понимали, что не увидят ничего, кроме звезд.

— Больше всего мне хотелось бы знать, — произнес Клаус, — с какой это стати берсеркеры вообще сюда заявились? Мы

---

[1] Херн Лафкадио (1850—1904) — американский писатель, прославившийся своими романтическими произведениями.

вряд ли представляем собой достаточно солидную мишень, чтобы заинтересовать целый флот, разве не так?

— Если у них нет на примете более крупной дичи... — Ино указал бокалом в сторону небес. — О, их интересует любая живая мишень, угодившая в перекрестье их прицелов. Но, по-моему, столь значительный флот мог заглянуть сюда только по пути к Атлантису. Видите ли, в космосе порой можно воспользоваться планетой или целой системой в качестве своеобразного прикрытия. Проскальзывать под прикрытием солнечного ветра либо гравитационной воронки, как в наземных войнах войско могло скрыться за горой или холмом.

Атлантис — давно освоенная людьми звездная система менее чем в десятке парсеков от Водопада, плотно заселенная и неусыпно охраняемая. Три пригодных для жизни планеты системы почти целиком покрыты водой, и под водой живет ничуть не меньше народу, чем на твердых материках.

Несколько часов спустя Гленна заворочалась во тьме, на миг отстранившись от Ино, прикорнувшего рядом.

— Что это было? — заморгав, спросила она сонным голосом.

— Что ты имеешь в виду? — Ино даже не шелохнулся.

— По-моему, вспышка. Какая-то яркая вспышка на улице. Возможно, где-то далеко.

Не было слышно ни рокота грома, ни шелеста дождя. И больше никаких вспышек за то короткое время, пока Гленна не уснула.

На рассвете Клаус и Джен вышли, чтобы поплавать вместо зарядки. Выделенный им хозяевами пляж — где пловцы будут в полной безопасности и притом вряд ли причинят ущерб зарождающейся экологии планеты, — находился метров на триста к западу от дома, скрытый от него несколькими высокими дюнами.

Обогнув первую из этих дюн и ступив на галечный пляж, Клаус вдруг остановился:

— Погляди-ка.

По песку тянулась непрерывная цепочка следов какого-то мелкого существа, явно волочившего за собой брюшко. Начинаясь прямо от воды, след уходил в глубь суши, теряясь где-то среди груд стерильного песка.

— Кто-то выполз из моря, — прокомментировала Дженни. — На Водопаде я еще ни разу не видела ничего подобного.

— Или сполз в него. — Клаус присел на корточки рядом со

следом. Не будучи следопытом, он даже не догадывался, как определить направление движения. — Я тоже ни разу не видел ничего подобного. Гленна говорила, что некоторые виды... не помню, какие именно... начинают осваивать сушу. Наверно, это их заинтересует, когда мы вернемся.

Обогнув следующую дюну, Клаус и Дженни увидели на ее склоне еще два следа, очень похожих на первый и, как и он, идущие то ли от воды, то ли к воде.

— Быть может, — предположил Клаус, — это одно и то же животное, шнырявшее туда-сюда. Ты не знаешь, может, так выглядят следы крабов?

Но Джен знала об этом не больше мужа.

— Одним словом, остается лишь надеяться, что они не щиплются. — Сбросив халатик, Дженни с разбегу нырнула в холодную воду, по солевому составу очень близкую к морям Земли. Полминуты спустя они с мужем одновременно вынырнули метрах в десяти от берега. Отсюда они могли взглянуть на запад мимо дюны. И вдруг отчетливо увидели, что весь этот спутанный клубок узких свежих следов, рельефно прорисованных косыми лучами восходящего солнца, сходится в какой-то одной точке в глубине суши.

Джен тряхнула своими длинными темными волосами, так что брызги полетели во все стороны:

— У них что, какая-то сезонная миграция?

— Вчера у них никакой миграции еще не было. По-моему, с меня хватит. Вода холодней, чем сердце бюрократа.

Энергичной походкой оба вернулись на станцию. У ворот Дженни тронула Клауса за локоть:

— Гленна сейчас в гараже, так я забегу к ней, расскажу, что мы видели.

— Ладно. А я пока приготовлю кофе.

Гленна вышла из гаража, расположенного чуть подальше от моря, чем дом. Но едва Дженни собралась ей выложить про следы, как та опередила ее, озабоченно осведомившись:

— Дженни, вы с Клаусом случайно не видели или не слышали вчера ночью ничего странного?

— Странного? Нет, пожалуй, нет.

Гленна бросила взгляд в сторону группки дальних зданий.

— Мы только что побывали там, чтобы по графику снять показания сейсмографа. Он зарегистрировал какой-то интенсивный и необычный толчок около двух ноль-ноль сегодня ночью. Видишь ли, должно быть, он произошел как раз в то время,

когда меня что-то разбудило. Мне показалось, будто на улице что-то ярко полыхнуло.

Выйдя из-за дальних пристроек, в их сторону заковылял Ино, сегодня утром тоже одетый в комбинезон. Приблизившись, он изложил подробности сейсмического толчка.

— Весьма резкий и, очевидно, четко локализованный, не более десяти километров отсюда. Наша система отлично засекла его. По-моему, мы еще ни разу ни с чем подобным не сталкивались.

— А что это было, по-вашему? — поинтересовалась Джен.

— Вполне возможно, крушение очень маленького космического корабля, — почти не задумываясь ответил Ино. — Или, скажем, довольно крупного самолета. Но единственные самолеты на Водопаде — те два, что стоят в дальнем ангаре, да и те маленькие.

— Может, метеор?

— Хочется надеяться. В противном случае единственное разумное объяснение сводится к космическому кораблю. А если бы к нам приземлился корабль Трубного Гласа — скорее всего подбитый в бою, — он бы непременно уведомил нас об этом, как я полагаю.

Недосказанная альтернатива повисла в воздухе тяжелым молчанием. Дженни прикусила губу. Трубный Глас давным-давно покинул систему, его теперь не дозовешься, ведь преследующие врага корабли обгоняют и свет, и радиоволны.

— Конечно, если эта была какая-то вражеская машина, пострадавшая в бою, — еще тревожнее, чем прежде, предположила Гленна, — тогда, наверное, при падении она разбилась окончательно.

— Лучше уж я все вам расскажу, — выпалила Дженни и в двух словах описала диковинные следы.

Ино воззрился на нее с неподдельным испугом.

— Я собирался вывести самолет... но сперва стоило бы взглянуть на эти следы.

Легче всего добраться до них было пешком, и скрюченный человечек припустил по прибрежной тропе с такой прытью, что Дженни едва поспевала за ним. Гленна осталась на станции, сказав, что даст Клаусу знать о случившемся.

Двигаясь с былой атлетической грацией, Ино добрался до ближайшего следа и припал на одно колено, точь-в-точь как прежде Клаус.

— Остальные похожи на эти?

— Да, насколько я могу судить. Мы подходили не ко всем.

— Эти следы не могут принадлежать ни одному из известных мне животных. — Снова подскочив, Ино затрусил обратно к станции. — Не нравится это мне. Давайте-ка поднимемся в воздух все вчетвером.

— Мне всегда представлялось, что берсеркеры — огромные машины.

— Большинство. Но некоторые, предназначенные для выполнения специфических задач, довольно малы.

— Забегу в дом, скажу остальным, чтобы приготовились к вылету, — вызвалась Дженни, как только они вбежали на территорию станции.

— Давай. Полагаю, Гленна знает, что надо прихватить. А я пока выкачу флаер из ангара.

«Благодаря спешке, — думала Джен, вбегая в дом, — опасность, до той поры существующая лишь в виде умозрительной категории, делается весомой и ощутимой. Быть может, дело всего лишь в том, что Ино, носящий в душе воспоминания о пережитых ужасах, слишком легко впадает в панику, когда речь заходит о берсеркерах?»

Гленна и Клаус, только что переодевшиеся в комбинезоны, встретили ее в гостиной. Джен как раз сообщала им о решении Ино подняться в воздух, про себя отметив, что ей тоже не мешало бы переодеться, когда с улицы донесся вопль. Скорее даже не вопль, а озадаченный, истерический хохот.

Гленна тотчас же бросилась на крик, протиснувшись мимо Джен, и через миг уже бежала по улице. Переглянувшись с мужем, Дженни развернулась и помчалась следом, а Клаус по пятам за ней.

Странный вопль донесся снова. Далеко впереди ворота авиационного ангара распахнулись, и в темном проеме показался человек в белом. Человек покачивался, как пьяный, размахивая руками.

Гленна резко свернула в сторону, к гаражу, где стоял наготове небольшой наземный экипаж, из тех, что используются для поездок, доставки грузов, разгребания песка для придания пруду более удобной формы или частичного устранения мешающей дюны. Что-то типа трактора. «Да, так быстрей, чем бегом», — подумала Дженни, увидев, как старая женщина запрыгивает на водительское сиденье, и услышав негромкий рокот ожившего мотора. И тоже запрыгнула в машину. Крепко толкнув ее в спину, чтобы Дженни не вывалилась, Клаус обеими руками ух-

ватился за борт. И очень вовремя, потому что машина неслась вперед, стремительно разгоняясь.

Ино, уже покинувший ангар, торопился им навстречу. Снова замахал им руками и споткнулся. На груди у него висело какое-то коричневатое блюдце, будто огромный медальон, своей тяжестью тянувший его к земле. Ино ухватился за коричневое блюдце обеими руками, и вдруг его комбинезон спереди окрасился алым. Ино прокричал что-то, но Дженни не разобрала ни слова.

Схватив Гленну за плечи, Клаус указал вперед. Между ангаром и приближающимся трактором по бурому утрамбованному песку мчалась дюжина или даже больше коричневых блюдец, оставляя в нем неглубокие следы, точь-в-точь воспроизводящие те, что отпечатались на мягком песке пляжа. Под каждым дисковидным телом мельтешили ножки, напомнившие Клаусу о чем-то, виденном совсем недавно, но углубляться в воспоминания ему было недосуг.

Угнаться тварям за трактором было не под силу, зато они вполне могли отрезать его от ангара. Гленна даже не потрудилась свернуть, наехав колесом на одно из членистоногих блюдец. Оно тотчас же будто влипло в толстую мягкую шину стремительно вращающегося колеса, размазавшись от скорости в коричневую полосу и каким-то чудом преодолевая центробежную силу.

Ино рухнул под тяжестью уже трех тварей, впившихся в его тело, но каким-то чудом ухитрился подняться на ноги в тот самый миг, когда трактор резко затормозил перед ним. Если бы Клаус смог отвлечься, чтобы проанализировать собственное психологическое состояние, то сказал бы, что на страх времени у него просто-напросто не оставалось. Ударом кулака он сбил одну из набросившихся на Ино тварей — запястье прошила резкая боль — и обнаружил, что та на удивление массивна и тверда.

Втроем они втащили Ино в трактор, и Гленна снова уселась за руль. Пинком отшвырнув очередного нападающего, Клаус сорвал крышку с инструментального ящика и схватил самый длинный и тяжелый из обнаруженных там металлических предметов.

Путь к ангару преграждала стая блюдец, да и виднеющийся в тени у самых ворот флаер тоже был сплошь покрыт ими. Гленна развернула трактор обратно к главному зданию и морю. На заднем сиденье Дженни держала истекавшего кровью Ино. Его остановившийся взгляд был устремлен в небо, зато губы непрерывно шевелились от ужаса. А Клаус отчаянно сражался с блюдцами, чтобы защитить Гленну и себя.

Коричневое блюдце вскарабкалось на капот, нацеливаясь на руки Гленны, лежащие на руле. Клаус замахнулся и как бейсбольную биту обрушил на врага металлический инструмент, дугой сверкнувший в воздухе. Хрястнул корпус, сделанный то ли из твердой пластмассы, то ли из керамики. Коричневая тварь упала на пол, все еще тряся конечностями, на это Клаус взглянул лишь мельком, пнув ее на стремительно проносящуюся мимо землю.

Еще один враг выскочил откуда-то прямо на приборную доску. Клаус врезал по нему, но промахнулся, потому что тварь уклонилась от ударов. В конце концов Клаусу удалось расколоть ее панцирь, однако тварь зацепилась где-то под рулевой колонкой, вне пределов досягаемости, и мало-помалу подбиралась к пальцам Гленны. Схватив блюдце левой рукой, Клаус ощутил пронзительную боль. Отшвырнув тварь подальше от трактора, он взглянул на руку и обнаружил, что два пальца отсутствуют почти напрочь.

И в тот же миг двигатель трактора заглох, машина беззвучно прокатилась еще немного и остановилась, не дотянув считаных метров до моря и пристани, куда направлялась Гленна. Из-под капота появился еще один враг, сжимая в клешне, смахивающей на керамические кусачки, обрывки электропроводки.

Люди поспешно покинули трактор. Клаус, бережно придерживая изувеченную окровавленную руку, как мог помогал женщинам управиться с Ино. Вместе они чуть ли не волоком пронесли его по причалу и уложили в маленькую открытую лодку — единственное судно, оказавшееся под рукой. Через пару секунд Гленна отдала швартовы, запустила мотор и повела лодку прочь от берега.

Прочь от берега, но не в открытое море. От синего неспокойного океана их отделял барьерный риф-дамба — одна из природных особенностей, сделавших это побережье предпочтительным для размещения биостанции. Риф, почти по всей длине естественное образование из песка и камней, нанесенных прибоем и течениями, тянулся от горизонта до горизонта, насколько хватал глаз. А протянувшиеся от берега к рифу искусственные стены или низкие дамбы из сплавленных камней разделяли образовавшийся водоем на отдельные пруды различных размеров.

— Мы находимся в своеобразной квадратной лагуне, — ска-

зала Гленна Дженни, подавая ей знак перехватить управление. — Держи курс вон в тот дальний угол. Если нам удастся добраться туда первыми, мы сможем перетащить лодку через риф и скрыться.

Джен кивнула и встала к штурвалу. Гленна пошла к мужу, открыла имевшуюся на лодке аптечку первой помощи и стала накладывать повязки.

У двинувшегося было на помощь Клауса в глазах потемнело, и он без сил привалился к планширу; никому не будет проку, если сознание потеряет еще и он. Ино выглядел так, будто его исполосовали не зубами, когтями или ножами, а множеством щипчиков и кусачек. Грудь его еще вздымалась и опадала, но глаза были закрыты, а лицо стало землистым от болевого шока. Гленна укутала его термоодеялом.

Джен обогнула круглое строение чуть побольше телефонной будки, высившееся над водой посреди пруда. В большинстве прудов имелись наблюдательные вышки. Клаус, наведавшийся в пару таких вышек, подумал, что сейчас в них не найдется ничего полезного — разве что свежие аптечки, но Ино нуждается не в них, а в помощи большого медиробота, оставшегося в доме.

А об этом не может быть и речи. На станции наверняка уже яблоку негде упасть от нападающих — берсеркеров...

— Где тут можно найти оружие? — прохрипел Клаус.

— Давай-ка посмотрим твою руку, — сказала Гленна. — Ино я больше ничем помочь не могу... Сейчас перевяжу. Если ты о ружьях, то пара штук есть в доме, где-то в кладовке. Туда мы вернуться не можем.

— Знаю.

Гленна едва успела выпустить его руку, когда с переднего сиденья раздался визг. Сбоку от Дженни через планшир перевалилось когтистое коричневое блюдце. Неужто треклятая тварь каким-то образом забралась на лодку вместе с ними с трактора? Или в пруду они тоже кишат?

Помогая дотащить Ино до лодки, Клаус бросил свой верный гаечный ключ у трактора. Так что теперь ему пришлось схватить самое подходящее, что подвернулось под руку, — небольшой якорь на цепи. Клаус ударил сплеча, якорь просвистел куда ближе от головы Дженни, чем он намеревался, зато ударил чудовище, как булава. Оно упало на дно лодки, суча конечностями. Клаус сообразил, что тварь буравит ими в дне аккуратное отверстие.

Его второй отчаянный удар обрушился прямо на блюдце.

Острая лапа якоря напрочь отколола кусок бурого панциря, внутри что-то заискрилось и зашипело, как только море хлынуло...

...морская вода забурлила...

...на дне лодки...

Удар якоря лишь расширил дыру, начатую врагом. Лодка начала быстро заполняться водой.

Кто-то схватил стреляющего искрами берсеркера, теперь совершенно инертного, не считая внутреннего фейерверка, и швырнул за борт. Гленна бросилась вперед, снова схватив штурвал, а Дженни перебралась на корму, чтобы помочь вычерпывать воду Клаусу, неуклюже управляющемуся одной рукой.

Лодка дергалась, черпала воду, но кое-как тащилась к полоске земли. Туда-то она еще дотянет, но о вожделенной свободе морских просторов можно забыть...

Дженни вернулась к мужу. Ино, вдруг пришедший в себя, ухватил ее за запястье. В устремленном на нее взгляде чувствовалось большое напряжение. Через силу выдохнув несколько слов, он обмяк, не в силах даже шелохнуть пальцем.

Поначалу Дженни показалось, что он сказал что-то вроде: «...пусть их... к прибою...». Какая-то бессмыслица...

Гленна на миг оглянулась через плечо, но вынуждена была сосредоточиться на приближающемся береге. Еще через секунду разбитое дно лодки заскрежетало по гальке. Выбравшись, Клаус вытащил нос суденышка на надводную часть рифа. Женщины вслед за ним выбрались на твердый грунт и тут же обернулись, чтобы поднять неподвижное тело Ино.

— Гленна, боюсь, его уже нет, — помешкав, проронила Дженни.

— Неправда! — яростно, непререкаемо отрезала та. — Помоги мне!

Джен едва не заспорила, но прикусила язык. Они вдвоем взвалили Ино на плечи Клаусу: даже с раненой рукой он все-таки был куда сильнее любой из них. Затем все трое зашагали вдоль рифа на восток. Во время прилива, как сейчас, риф превращался в узкую полоску земли шириной не более трех-четырех метров, возвышающуюся над водой всего на полметра. Через такую преграду без труда перекатываются любые волны. К счастью, сегодня царил почти полный штиль.

Клаус чувствовал, как кровь Ино пропитывает воротник и спину его комбинезона. Пристроил мертвый груз поудобнее на

плечах. Пока что все в порядке. Но в изувеченной свободной руке запульсировала боль.

— Гленна, далеко ли нам еще идти? — поинтересовался он.

— Не знаю. — Она шагала впереди, быть может, теперь страшась взглянуть на мужа, устремив взгляд вперед. — Деваться нам некуда. Надо идти и идти.

Дженни с Клаусом переглянулись. Но за отсутствием более удачного плана продолжали шагать. Джен бросила взгляд назад:

— Они на рифе, да и на берегу тоже, следуют за нами. Порядком поотстали.

Клаус оглянулся, а через минуту еще раз. Десятки бурых пятнышек тянулись следом, но дистанция не сокращалась. До поры до времени...

Они уже миновали монолитный барьер, отделяющий пруд, где была брошена лодка, от следующего. Если попытаться пройти по барьеру обратно на сушу, идущий по пятам враг перехватит их или подберется совсем близко.

А риф впереди протянулся нескончаемой полосой, устремленной в сверкающую солнечными бликами пустоту.

— А что там, в следующем пруду, Гленна? — поинтересовался Клаус, испытав некоторое облегчение, когда седовласая женщина тряхнула головой и ответила вполне здраво.

— Морские окуни. И кое-какие другие рыбы в качестве пропитания для них. А что?

— Просто прикидываю. А что еще нас ждет, если мы и дальше пойдем в том же направлении?

— Да все то же. Километр за километром. Пруды, бухты да наблюдательные станции... я предложила идти, потому что иначе они нас догонят. А ты что предлагаешь?

Клаус вдруг остановился, чем очень напугал женщин. Позволил покойнику мягко соскользнуть с плеча на камни. Джен перевела взгляд с мужа на Ино и покачала головой.

— Думаю, нам придется оставить его, — сказал Клаус.

Гленна бросила на тело мужа лишь один взгляд и тотчас же отвела глаза, не в силах смотреть. Затем кивнула и снова устремилась вперед.

Какое-то время все трое шагали молча, потом Дженни, шедшая рядом с Клаусом, начала:

— Если они берсеркеры...

— Что дальше?

— Ну, в общем, почему мы до сих пор живы? Они как-то не слишком... агрессивны для машин-убийц.

— Должно быть, они узкие специалисты, — задумчиво промолвил Клаус. — Это лишь малая частичка большого флота, и Трубный Глас не хватился их, когда остальные отступили или были уничтожены. Помнишь, мы еще гадали, не на Атлантис ли они нацелились? Это специализированные роботы, построенные для... подводных работ, наверно. Должно быть, их корабль в бою был подбит и совершил вынужденную посадку здесь. Оказавшись на этой планете, они спустились в море для рекогносцировки, а затем решили сперва нанести удар с суши. Вероятно, заметили свет нашей станции, когда упали. Они знают, с какой формой жизни надо разобраться первым делом, на какой бы планете это ни происходило. Да, они не очень агрессивны, как ты сказала. Но они будут преследовать нас, пока не будут перебиты все до единого или не отправят всех нас на тот свет.

Гленна немного замедлила шаг, поглядев в сторону наблюдательной будки, высящейся посреди пруда, мимо которого они проходили.

— На постах вряд ли найдется что-нибудь, способное нам помочь. Но ничего другого в голову мне не приходит.

— А кто в следующем пруду? — спросил Клаус.

— Акулы... О, пожалуй, попытаться стоит. Иной раз они бросаются на все, что движется. Они относительно невелики, так что, по-моему, мы можем добрести до середины без особого риска.

Клаус про себя подумал, что предпочел бы окончить жизнь в брюхе живой акулы, чем быть растерзанным в клочья бездушной машиной. Джен тоже изъявила готовность испытать судьбу.

Они больше не задерживались, пока не дошли до края акульего пруда. Там Гленна сказала:

— Глубина брода не больше трех-четырех футов. Держитесь вместе и не плещите водой. Клаус, держи руку над водой, чтобы они не учуяли вкуса крови.

И они тронулись через пруд. Уже бредя по пояс в воде, Клаус вспомнил о том, что комбинезон на спине насквозь пропитался кровью Ино. Но останавливаться, чтобы стащить его, не было времени.

Пруд был не слишком велик; они брели, упорно преодолевая сопротивление воды, и всего через минуту благополучно перебрались через невысокие крепкие перила наблюдательного поста, возведенного посередине. Будку, достаточно вместительную, чтобы с удобством расположились два человека, от непогоды укрывал прозрачный купол и подвижные боковые панели.

На пульте находились приборы, ведущие непрерывное наблюдение за жизнью в окружающем пруду. Конечно, обычно наблюдение вели с центрального пульта, куда сходятся показания приборов от всех прудов.

Все трое втиснулись в будку, и Гленна немедленно распахнула небольшой шкафчик. В нем обнаружилась авторучка, с виду неисправная, кепка, наверное, забытая кем-то из строителей, и паучок — конечно, тоже переселенец с Земли — возможно, принесенный сюда ветром. И все.

— Ничего подходящего. — Она захлопнула дверцу. — Так что теперь остается только ждать. Очевидно, они двинутся за нами по воде. Может, акулы зададут трепку некоторым, прежде чем они до нас доберутся. Надо приготовиться, сразу же вслед за тем двинуться в путь, пока нас тут не окружили. Предприятие сомнительное и рискованное, но ничего более путного мне в голову не приходит.

— Со временем можно было бы сделать крюк и вернуться на станцию, — сосредоточенно сдвинул брови Клаус.

— Берсеркеры есть и там, — хмуро взглянула на мужа Дженни.

— Сейчас — вряд ли. Видишь ли...

— Идут, — перебила его Гленна.

Солнце взбиралось все выше по небосклону, стало довольно жарко, и Клаусу уже не в первый раз с начала погони пришло в голову, что у них нет ни капли питьевой воды. Он приподнял левую руку правой, пытаясь облегчить мучительную боль.

Несколько десятков блюдец двигались по рифу, по берегу, а теперь начали переваливаться через стену и из пруда с морскими окунями. Бурая смерть надвигалась неспешной поступью. На глазах у Клауса твари начали плюхаться в акулий пруд одна за другой.

— Под водой я обнаружить их не могу, — сообщила Гленна, манипулируя ручками приборов пульта в попытке показать врага на одном из мониторов, предназначенных для наблюдения за морской живностью. — Сонар... детекторы движения... для простой видеокамеры под водой слишком темно.

И тут Клауса осенило:

— Так вот почему они сделаны не из металла! Вот почему сравнительно хрупки. Они сконструированы с таким расчетом, чтобы избежать обнаружения подводными локаторами систем обороны, наверное, на Атлантисе, для инфильтрации и вывода их из строя.

— Лучше пойдем, пока нас не отрезали, — поднялась Джен.

— Одну минуточку. — Гленна по очереди пробовала добиться изображения от всех видеокамер, установленных в разных точках пруда. — Хотя бы минутка у нас в запасе все-таки есть... Ага!..

На экране возник один из врагов, неспешно приближавшийся к камере и еще менее походивший на живое существо, чем во время рукопашной.

Тут на сцене появилась акула, подплывшая сзади.

Вообще-то Клаус никогда не разбирался в облике обитателей моря, но этот зловещий торпедообразный и чем-то знакомый силуэт не сумел бы спутать ни с каким другим даже полнейший профан.

«Сейчас проскочит мимо», — хотел было сказать Клаус, но акула, словно спохватившись, резко развернулась, лязгнула зубами — и берсеркер исчез.

Люди, вперившие взгляды в экран, беззвучно возликовали. Но Джен взяла остальных за руки.

— Пойдем. Не стоит рассчитывать, что акулы сожрут всех их до единого.

Клаус уже перенес ногу над низкими перилами наблюдательного поста, когда спокойная гладь пруда с западной стороны от будки буквально взорвалась. Подскочив высоко в воздух, хищница земных морей забилась, выгибаясь, словно хотела цапнуть себя за брюхо. Рухнула обратно, скрывшись в сугробе взбитой хвостом пены, а через миг снова взмыла, изворачиваясь.

Долю секунды она была видна совершенно отчетливо, и Клаус узрел, как на ее белом брюхе появилась темная полоска, будто прочерченная невидимым пером. Коротенькая черточка, на глазах ставшая шире и залившаяся кровью. Рыба завалилась на спину, а на свет показалось что-то темное, остроконечное, быстро расширявшее края отверстия. Затем агонизирующее акулье тело скрылось из глаз в фонтане брызг, потемневших от крови.

Женщины поспешно пошли от платформы в противоположном направлении, высказывая надежду, что издыхающая акула отвлечет внимание товарок на себя. Но Клаус помедлил еще мгновение, вглядываясь в экран, где бурлила кровавая круговерть сплывающихся хищниц. Маленький берсеркер появился из этого облака, ничуть не пострадав ни от акульих зубов, ни от ее желудочных соков, и возобновил свое методичное продвижение вслед за людьми — живыми единицами, представляющими реальную угрозу делу Смерти.

Джен потянула мужа за рукав, заставив оторваться от созерцания. В ее утомленном мозгу начал складываться бессмысленный стишок: «В кровавой воде затаился разбойник, и пусть их, пусти их, поплавать в прибое...» Нет, не то!

Как только все трое завершили свой марш-бросок к восточному берегу пруда и выбрались на барьер, Дженни схватила Гленну за руку:

— Только что сообразила. Когда я ухаживала за Ино... он сказал кое-что перед смертью.

Они снова шагали на восток вдоль барьерного рифа.

— Он сказал «пробойники», — продолжала Джен. — Вот что. То ли «пусти их», то ли «свести их к пробойникам». Но я все равно не понимаю...

Гленна воззрилась на нее так, что Джен на миг даже испугалась. Потом Гленна встала между молодыми супругами и решительно увлекла их вперед.

Миновав два пруда, они свернули и побрели по воде, едва доходившей до колен, прямо к наблюдательному посту, ничуть не отличавшемуся от предыдущего.

— Тут нас не тронут, — заверила она. — Мы слишком крупные. Ну конечно же, конечно. Ох, Ино... Мне следовало догадаться самой. Разве что наступишь прямо на него, но это маловероятно. Они по большей части выжидают в засаде, в норках или под камнями.

— Кто «они»? — Рана и усталость начали сказываться на Клаусе, и он оперся о плечо Дженни.

Гленна в тревоге оглянулась.

— Общепринятое название — раки-кузнечики. А вообще-то они ротоногие.

— Раки? — Недоуменный вопрос прозвучал настолько тихо, что она могла и не расслышать.

Минуту спустя они втиснулись в будку, снова получив передышку. В небе на огромной высоте собирались чистые утренние облака; наверное, точно так же выглядели облака на девственной Земле пятьсот миллионов лет назад.

— Клаус, — спросила Джен, когда оба немного отдышались, — что ты там говорил насчет крюка к дому?

— Значит, так... — Он примолк, чтобы привести мысли в порядок. — Мы бежим в никуда, потому что помощи на этой планете не найдем нигде. *Но берсеркерам-то об этом неведомо.* Я подразумеваю, что они не проводили разведку на планете, а

просто произвели аварийную посадку. Откуда им знать, а вдруг здесь еще одна человеческая колония дальше по берегу? А то и город со множеством людей, самолетов, оружия... так что им в первую голову надо отрезать нас, чтобы мы не предупредили своих. Поэтому все роботы до единого ринулись в погоню. А если нам удастся обойти их или пробиться сквозь их ряды, мы без труда обгоним их и первыми вернемся на станцию, где есть и транспорт, и оружие, и еда. Вот только я пока не придумал, как обойти их или прорваться сквозь них. Но другого способа я не вижу.

— Поглядим, — откликнулась Гленна.

Джен нашла идею вполне здравой. Тут их отвлекли упавшие капли дождя, и вся поверхность пруда зарябила от ливня. Раскрыв рты, трое уцелевших людей жадно ловили драгоценную влагу губами. Попытались подставить халат Дженни, чтобы набрать про запас, но ткань не успела даже намокнуть, как ливень стих.

— Идут, — сообщила Гленна, приложив ладонь козырьком ко лбу, чтобы прикрыть глаза от вновь выглянувшего солнца, затем начала настраивать аппаратуру наблюдения.

Клаус насчитал девятнадцать бурых блюдец, плюхнувшихся в пруд. Все-таки всего девятнадцать.

— Сонаром я их опять обнаружить не могу, — проворчала Гленна. — Попробуем телевидение... вот.

Берсеркер — вполне может статься, тот самый, что вышел из чрева акульего, — неустанно семенил вслед за людьми, шагавшими по залитому солнцем мелководью. Ходячая смерть. Живое существо может бегать куда быстрее, но рано или поздно устанет. А этот уже прошел сквозь акулу легко, как сквозь кучу гнилых водорослей.

— Вот, — снова выдохнула Гленна. Надвигающийся враг сделал небольшой крюк вокруг преграждающего дорогу камня, а через миг из логова под камнем вслед за ним метнулось нечто живое. Десяток крохотных ножек преследователя, мельтеша, плавно несли вперед цилиндрическое членистое тело, в длину примерно соответствующее диаметру вражеской машины, но по контрасту с ней просто сиявшее светом жизни: по золотому полю переливы красного, зеленого и коричневого, будто знамена наступающих полков. Длинные усы покачивались, будто для поддержания равновесия, над глазами-бусинами на коротких стебельках. А под глазами — поджатые массивные конечности, неиспользуемые при передвижении.

— Odonodactylus syllarus[1], — пробормотала Гленна. — Не самый крупный из видов, но, будем надеяться, достаточно большой.

— А кто они такие? — благоговейным шепотом поинтересовалась Джен.

— Вообще-то хищники...

Берсеркер, сосредоточенный лишь на своих жертвах, не обращал ни малейшего внимания на преследующую его козявку, пока пробойник почти не настиг его. Только тогда робот остановился и начал разворачиваться.

Не успел он развернуться даже наполовину, как его бурое тело сильно дернулось вперед от удара, нанесенного пробойником с такой скоростью, что человеческий взгляд не успел за ним уследить. Акустические датчики исправно донесли громкое, отчетливое «Крак!». Еще не успев восстановить равновесие, берсеркер уже выбросил вперед разрывающий коготь вроде того, которым вспорол акулье брюхо изнутри.

И снова невидимый, молниеносный выпад с расстояния в палец. От всех ножек берсеркера, опиравшихся о дно, от удара взмыли фонтанчики песка. Твердый керамический коготь, расколотый поперек, повис бесполезным придатком.

— Я ни разу не встречала у живых существ более стремительных движений. Они наносят удар особыми сяжками... ну, можно сказать, локтями, питаются в основном покрытыми твердым панцирем крабами, двустворчатыми и брюхоногими моллюсками. Тот, что Ино подарил тебе в шутку, еще мелкий экземпляр. Рак длиной в мою ладонь способен наносить удар с такой же силой, как четырехмиллиметровая пуля, а тут у нас есть образчики и покрупнее.

Еще один голодный пробойник вышел на след бурой панцирной твари, чрезвычайно похожей на краба. Глаза второго пробойника вертелись на стебельках, прикидывая расстояние. Этот так называемый краб был более крупный и иначе окрашенный. В то самое мгновение, когда берсеркер, выдвинувший новое орудие — острое и тонкое, — рассек противника надвое и обернулся, Клаус разглядел (а может, почти разглядел или вообразил, что разглядел), как пара самых длинных передних конечностей нового участника поединка распрямилась и опять сложилась. Снова фонтанчики песка взметнулись из-под ног двух созданий — живого и неживого. Под ослепительные электродуговые сполохи коротких замыканий по твердой коричневой поверхности зазмеилась трещина...

[1] Пробойники (*лат.*).

Четыре минуты спустя трое людей все еще не отрывали глаз от экрана, не решаясь нарушить молчание даже вздохом. Акустические датчики доносили из всех уголков пруда непрекращающийся шквал щелчков. На экране по-прежнему разворачивалась сцена первой схватки один на один.

— Люди иногда называют акул агрессивными, ужасными, смертоносными машинами. По-моему, если перевести их в одну весовую категорию, акулам тут и не светит.

Отвешивающий щелчки ротоногий рак ухватил шестью утыканными шипами передними конечностями изувеченный корпус своей жертвы, на котором еще дергалась одна-единственная керамическая ходильная ножка, и потащил его к камню, где устроил засаду. Там он привалил межзвездный ужас к камню, как кузнец-лилипут, пристраивающий металл на наковальне. От следующего удара — пусть невидимого, но вообразимого, будто парный удар карате наотмашь — осколки крепкого корпуса прямо-таки разлетелись по воде вперемешку с хрупкими электронными компонентами. Как, до сих пор не видать нежного, вкусного мясца? Тогда получай снова...

Спустя час после того, как отзвучал донесенный акустическими датчиками последний щелчок, трое людей без опаски прошли по мелководью и зашагали к дому по берегу, где не осталось ни одного коричневого блюдца.

Доставив тело Ино домой и подлечив руку Клауса, обыскали дом на случай, если там остались уцелевшие берсеркеры. Достали ружья, а большие ворота в каменной ограде на всякий случай заперли. Затем молодая чета дала Гленне успокоительное и уложила ее отдыхать.

— Завтра мы их покормим уже по-настоящему, — отрешенно, негромко, безмерно устало проронила она.

— Сегодня же, — пообещал Клаус. — Когда вы проснетесь. Вы мне покажете, что надо делать.

— Погляди-ка на это, — окликнула его Джен из гостиной через минуту.

Одна стенка самого маленького аквариума была выбита изнутри. В темной луже расплывшейся по ковру воды были раскиданы осколки прочного стекла и крохотное обмякшее тельце существа, вырвавшегося на свободу и погибшего.

Джен подняла его. Рачок был куда меньше своих собратьев

из пруда, но теперь она узнала бы его даже в этом жалком комочке, лежащем у нее на ладони.

Подошедший сзади муж заглянул ей через плечо.

— Гленна все бормочет, никак не успокоится. Только что сказала мне, что они могут наносить и колющие удары, если почувствуют прикосновение мягкой плоти. Острия у них на кончиках сяжек, когда они их полностью выпрямляют. Так что ты не смогла бы взять его вот так, будь он жив. — Голос Клауса вдруг пресекся от запоздалого шока.

— Напротив, смогла бы. — Голос Джен тоже дрогнул. — Очень даже смогла бы.

Как я уже говорил прежде, большинство разумных существ избегают войн, чуждаются насилия. И тем не менее мы во веки веков будем благодарны тем существам, у которых сами игры стали олицетворением кровавых конфликтов. Благодарны и в равной степени изумлены их неукротимостью и их кротостью, дивным образом уживающимися в одном и том же сердце.

ИГРА

Всякий раз, глядя на башни надзора, Гиз усматривал в них подобие с шахматными ладьями, или, как их порой называют, турами. Но вместо четырех здесь их было шесть — громадных, циклопических башен, каждая в своем углу обширной безжизненной территории, напоминающей лоскутное одеяло; а лоскуты земли, где роились дружественные человеку машины, тут и там все еще устилали облака ядовитого тумана, возносящегося в разреженный, испорченный воздух, но эти лоскутья ничуть не напоминали правильные квадраты; это не обычные, а скорее сказочные шахматы. Однако за шесть месяцев пребывания на планете Максимус его фантазии на предмет башен почти не продвинулись. Гиз никогда не был особым поклонником шахмат и почти не знал их истории.

Сегодня он проводил неофициальную экскурсию по проекту реабилитации для Эдриенн, только что прибывшей на планету и не видевшейся с ним более двух стандартных лет. В данный момент они в пылезащитных куртках и респираторах пребывали под открытым небом.

— На самом деле до нападения столица находилась более чем в тысяче километров отсюда. Но это самый подходящий по

целому ряду параметров участок для строительства нового города, так что мы решили и памятник поставить здесь.

— Хорошая мысль. Твоя?

Этот вопрос и, более того, внимание, уделяемое ему сегодня Эдриенн, польстили чувствам Гиза.

— Не уверен, — хмыкнул он. — Мы много обсуждали все эти дела. — Гиз и еще двадцать человек пробыли здесь уже полгода, надзирая за армией машин, занятых устранением последствий нашествия армады берсеркеров, продлившегося около часа и состоявшегося более стандартного года назад. — Давай-ка зайдем. Это у нас первое место, где имеется новая атмосфера.

Через воздушный шлюз они вошли в большой прозрачный надувной купол, где смогли снять респираторы, защищавшие их от остаточных ядов, все еще безжалостно истреблявших все живое под открытым небом. Берсеркеры сражались не только против человеческой жизни; программы, впечатанные в этих неживых убийц их древними программистами, провозглашали, что уничтожению подлежит все живое. Много тысяч лет берсеркеры шныряли по Галактике, воспроизводя самих себя, конструируя по мере необходимости новые машины и всегда методично убивая жизнь. Человечество, рассеянное по сотне с лишним планет, сражалось с ними уже не первое тысячелетие.

В помещении Эдриенн швырнула свой респиратор на полку и осмотрелась, вытянув изящную шею и тряхнув длинными, пламенно-рыжими волосами.

— Вот так громадина, — заметила она. Надувной купол из прозрачного пластика, снаружи казавшийся необычайно высоким, изнутри выглядел совсем плоским благодаря тому, что его длина и ширина невероятно превосходили высоту. Почти в километре от входа, за приятным пейзажем обрамленных зеленью тропинок и прудов, возносился недостроенный монумент, усеченный у вершины до тех пор, пока атмосфера не будет восстановлена и ограничивающий высоту пластиковый купол не будет убран. «СВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ» — гласила надпись на постаменте, а дальше пустота. Гиз, практически не связанный с постройкой памятника, не знал, как именно тот будет выглядеть в завершенном виде. Полмиллиона погибших, все граждане Максимуса, оставшиеся, чтобы дать берсеркерам отпор, — впечатляющее количество имен, даже если не все они известны.

— И красиво, — заключила Эдриенн, окончив озираться. — Прекрасная работа, Гиз.

— Когда-нибудь здесь будет центральный парк новой столи-

цы. Однако это не мой проект. Машины, за которыми я наблюдаю, работают в тридцати-сорока километрах отсюда.

— Я имела в виду всех вас, кто здесь работает, — поспешно добавила Эдриенн. Кажется, в ее голосе проскользнул намек на сожаление, будто ей хотелось похвалить за парк лично Гиза.

Эдриенн взяла его под руку, и они зашагали по дорожке. Над их головами с песнями порхали земные птицы. Издали, со стороны памятника, приближались двое офицеров космодесанта в новенькой, безупречно отглаженной форме, неся на плечах оружие, как того требует протокол официальных церемоний.

— Итак, — сказала Эдриенн, — шеф, очевидно, собирается возложить венок с той стороны. Однако как же он войдет под купол? Идти пешком отсюда слишком далеко. А мы хотим урезать потери времени до минимума.

Она рассуждала вслух, задавая вопросы себе; это одна из проблем, которую предстояло решить Эдриенн в качестве члена группы подготовки визита, прибывшей позаботиться, чтобы запланированные церемонии прошли тихо и гладко.

Гиз нервно пригладил пятерней свои кудрявые черные волосы.

— Ну и как оно — работать на великого человека?

— Ты о шефе? Он в самом деле великий человек.

— Вряд ли человека выберут управлять Десятью Планетами, если у него нет способностей. А уж военные дела определенно пошли лучше с тех пор, как он занял этот пост.

— О, у него дар лидера, конечно, но я имела в виду чисто человеческое величие. Полагаю, эти два качества зачастую идут рука об руку. Люди ему действительно дороги. Эти его визиты на места боев с возложением венков — отнюдь не показуха. На последней церемонии у него слезы стояли в глазах, я сама видела. Но как там у тебя с работой, Гиз?

— Полный порядок, — пожал он плечами. — У многих дела обстоят намного хуже. Я не стою на передовой линии сражающихся с берсеркерами.

— И все же у тебя вряд ли много шансов заниматься тем, что тебе нравится больше всего.

— Нет, — теперь Гиз устремил на нее внимательный взгляд. — На самом деле ни единого шанса.

— У одного из десантников, прибывшего со мной в группе подготовки, разряд кандидата в гроссмейстеры. Когда он узнал, что я знакома с тобой, а уже было известно, что ты здесь, то он умолял меня выяснить, нельзя ли будет уговорить тебя сыграть.

— Кандидат в гроссмейстеры? Кто?

— Так я и думала, что ты заинтересуешься, — тихонько вздохнула Эдриенн. — Его зовут Баркро. Я не спрашивала его рейтинг по таблице, хотя, наверное, мне надо было догадаться, что тебе захочется учесть и это.

У Гиза, как уже не раз в прошлом, возникло ощущение, что чем больше они говорят с Эдриенн, тем больше отдаляются друг от друга.

— О, я сыграю с ним. То есть если мы сможем набрать шесть игроков — сомневаюсь, что его заинтересует менее значительная партия. А ты сама будешь играть?

— А почему бы и нет? — Эдриенн с улыбкой взяла его за руку. — У меня не так уж много работы. А один мой старый друг когда-то научил меня играть. Утверждал даже, что у меня есть задатки, которые позволят мне со временем стать хорошим игроком.

— Я тоже говорил, но если будешь достаточно часто играть. И если сможешь устранить небольшой психологический барьер. — Теперь Гиз держал ее уже за обе руки, улыбаясь. Впервые увидев ее час назад, он был потрясен, осознав, что на самом деле очень скучал по ней. И теперь с каждой минутой это чувство становилось все сильнее.

— Что ж, сэр, по-моему, мой психологический барьер не такой уж ужасный.

— На самом деле, он скорее прекрасен, с моей собственной точки зрения.

И они опять зашагали вперед.

— У меня не было времени практиковаться в Игре... — призналась Эдриенн. — Однако раз уж речь зашла о времени, сможем ли мы выкроить его для Игры? Я в том смысле, что все мы, кто входит в группу шефа, улетим снова примерно через двенадцать часов.

— Давай прикинем... — принялся подсчитывать он. — ЛеБон и Наррет примут участие, в этом я не сомневаюсь. Еще один... Джон Виа, пожалуй. Беда лишь в том, что большинство из тех, кто захочет принять участие в Игре, будут находиться в основном на вахте. У нас шестичасовые одиночные вахты в башнях, как правило... во сколько по графику должен приземлиться челнок шефа?

— Часов через десять.

— Как только он приземлится, нам всем будет недосуг, тут уж ничего не попишешь.

— А ты не можешь поменяться дежурством с не игроками?

— Вряд ли, — поморщился Гиз. — У нас сейчас не хватает рук, пока куча людей находится на форпостах вместе с нашим боссом, а они вернутся перед самым прибытием шефа. Впрочем, нам ничто не препятствует играть во время дежурства в башнях. Это не столь уж трудная работа. Единственная причина, почему в башнях должны находиться люди, — это что поначалу у нас тут случилось несколько инцидентов, и теперь босс настаивает, чтобы пара человеческих глаз всегда присутствовала в тех местах, где можно целиком обозревать продвижение проекта, по крайней мере изрядную часть времени.

— А что вы делаете во время ночных вахт?

— Из кожи вон лезем, — ухмыльнулся он.

— Из чего я могу заключить, что ваши машины далеко не так самостоятельны, как могли бы.

— Вечная проблема.

Имея перед глазами вечный пример в виде берсеркеров, люди на всех планетах боялись наделить свои собственные машины, как бы тщательно те ни были запрограммированы, уровнем интеллекта и самостоятельности, допускаемым научными достижениями.

— А во время Игры мы пользуемся системой чести относительно помощи компьютера?

— Конечно, — Гиз был слегка огорчен, чуть ли не оскорблен этим вопросом. — Если ты относишься к Игре достаточно серьезно, чтобы играть в нее хорошо, ты ни за что не будешь жульничать, во всяком случае, столь варварски. Будет ли гордиться тяжелоатлет победой в соревнованиях, пристегнув к запястьям сервоподъемники?

— С моей стороны было глупо спрашивать...

— Ничего страшного. Послушай, Эд, мне надо вернуться в свою башню. Босс с минуты на минуту может позвонить и проверить; он относится к исполнению обязанностей контролеров довольно серьезно.

— Значит, он не одобрит Игру во время часов вахты.

— То, о чем он не знает, никак его не уязвит.

— А если он настроит радио на твою волну попозже и услышит, что мы играем?

— Мы воспользуемся прямой оптической связью от башни к башне. Я займусь подготовкой Игры. Хочешь со мной? Это тоже против правил, но...

— Я бы с радостью, но мне надо еще сделать кое-что самой,

пока мы не ушли с головой в Игру. Где я должна находиться, когда мы будем играть?

— Лучше всего будет поместить тебя в башню, простаивающую вхолостую... Это мы можем устроить. Я скоро с тобой свяжусь.

На разных человеческих языках Игра называлась по-разному. Но Гиз в глубине души вообще не находил для нее никакого названия. Разве рыба как-нибудь называет воду? Тем более что очень немногие люди на его родной планете были поклонниками Игры, и там она имела название, переводимое на стандартный английский просто-напросто как Война-Без-Крови. С тех пор, как Гиз узнал Игру, он отдавал ей неизменное предпочтение перед «реальным» миром, в котором старшие члены его семейства (такие уж царили в его обществе обычаи) диктовали младшим, чем те должны заниматься, в том числе и ему самому.

— О, я не боюсь работы, дядя. И понимаю, что мой долг гражданина и все такое прочее заключается в помощи обществу. Но я в самом деле не хочу, чтобы десять миллионов человек ежедневно смотрели мне в рот, дожидаясь откровений.

— На тебя могло бы смотреть снизу вверх даже больше людей. — (Вероятно, Гиз уже добился подобного, если пересчитать всех поклонников Игры в освоенном выходцами с Земли уголке Галактики. Но к его родной планете это не относилось.) — У тебя блестящий интеллект, мой мальчик, я никак не возьму в толк, как ты можешь быть доволен, применяя его всего лишь навсего ради...

— Что ж, сэр, как вы можете быть удовлетворены применением своего собственного разума всего лишь навсего на перемещение материи туда-сюда? Какая разница, сможет ли в следующем году население Токкса строить свои дома на пятнадцать метров в высоту или только на десять?

Этой репликой Гиз заслужил укоризненный взгляд.

— Что ж, для населения Токкса это как раз большая разница! Практически так оно и есть. Строительство жилых зданий — это нечто... нечто весьма стоящее. Ценное.

— Для вас. Не для меня. Мне нет до этого дела. Я не могу.

И это после того, как его послали в отличный строительный колледж. Старик одарил его еще одним суровым взглядом. Затем отыскал более сильный ход.

— Может быть, ты решишь, есть ли тебе дело до того, насколько глубокие убежища смогут вырыть люди в преддверии дня, когда вернутся берсеркеры? Вот это *настоящая* проблема для тебя? А?

— Другие люди способны к решению подобных проблем ничуть не хуже меня, а еще больше людей в доску расшибаются, чтобы разрешить их. Ставить во главе любых военных предприятий кого-то вроде меня было бы неумно.

— Если бы это было элементом какой-нибудь игры, Гиз, ты бы великолепно разрешил эту проблему. — Дядюшка мрачно кашлянул. Дескать, до тех пор, пока дело не касается жизни реальных людей.

— Значит, вы утверждаете, что всякий умный человек должен быть специалистом в возведении фортификационных сооружений? А почему не стратегом?

— Ну, имеются иные...

— А почему не врачом? Тогда мы всегда были бы наготове излечить чужие раны в случае внезапной атаки или несчастного случая.

А почему не адвокатом? Гиз определенно умел играть в игру аргументов, меняя тактику, подлаживаясь под оппонентов, заставляя большинство из них в замешательстве отступать. Оппонент волей-неволей должен попятиться на две клетки назад, согласно Калькулятору Результатов Дискуссий. Даже если оппонент начнет, имея настоящую фору в своей логике. Логика — лишь часть большинства даже самых логических человеческих игр.

Но мало-помалу споры утомили Гиза, равно как и его родственников. Был достигнут компромисс; и вот теперь он находится здесь, делает реальную работу и даже такую, которая несет ему довольно высокий статус в обществе. Семейные политики уж позаботились об этом.

Лифт беззвучно распахнулся. Дверь комнаты контролеров на вершине собственной шахматной ладьи Гиза, как всегда, стояла нараспашку, и он вошел. Из огромных герметичных окон открывался вид на лоскутное одеяло ландшафта двумястами метрами ниже, на лиловые небеса разреженной атмосферы, на пять других башен, удаленных всего на километр-другой; главы их виднелись вровень с туманной плоскостью горизонта.

— Как дела, Кара?

— Снова мина. — Его сменщица подняла голову от пульта,

мимолетно улыбнувшись. — На сей раз с подвохом. — В каком-то смысле планета Максимус еще не полностью отвоевана у берсеркеров. — Вторая мина сработала и нанесла кое-какой ущерб строительным роботам, пока они обезвреживали первую.

Остановившись у нее за спиной, Гиз принялся изучать распечатки и показания приборов.

— Давненько мы не натыкались на мины. Впрочем, ущерб не так уж велик, а? Что-нибудь еще?

— Нет.

Как и всем членам стационарной команды, Каре не терпелось воспользоваться случаем пообщаться с гостями во время их краткого пребывания на планете.

— Что ж, с этим не так уж сложно управиться. Так что ступай.

Кара едва успела выйти за порог, когда прозвенел коммуникатор. А радиоволны донесли голос робота-прораба, руководившего работами в далеком передовом секторе Гиза. Очевидно, робот говорил с места недавнего инцидента.

— Контролер, я прошу, чтобы сюда немедленно был прислан флаер из Центрального. — Басовитый механический голос звучал приятно; конструкторы постарались, чтобы он как можно сильнее отличался от голосов берсеркеров, взявших за обычай говорить по-человечески.

— Флаер? Зачем?

— Сломана деталь JS-828 передней конечности рабочего робота типа шесть. В остальном рабочий робот практически не поврежден и может быть быстро восстановлен, если будет выслана запасная часть.

Гиз уже настучал запрос на клавиатуре пульта, чтобы взглянуть на список имеющихся запчастей, заранее догадываясь, что увидит, и оказался прав. Аналогичная запчасть была сломана во время инцидента десять дней назад, окончательно исчерпав запас имевшихся на складе. О чем и известил своего прораба:

— Раз так, мы заберем поврежденную деталь, и мастерская решит, стоит ли пытаться ее починить, изготовить новую или ждать и надеяться, что в следующей партии грузов будет доставлена такая же.

— Когда будет послан флаер?

Гиз, уже собиравшийся переключиться на другие проблемы, помедлил. Видеоэкран не показывал ничего, поскольку босс считал, что экраны только отвлекают от работы в тех случаях,

когда без них можно обойтись, но Гиз все-таки посмотрел на экран.

— Нет, прибудет наземный экипаж, как обычно при ремонтных работах. Быть может, мобильная ремонтная машина сможет починить робота на месте.

— По моей оценке, она не сможет этого сделать. — Благодаря обычным жизнерадостным интонациям прораба дурные вести казались несущественными.

«Может, так оно и есть, — подумал Гиз, — но чертово создание сегодня ведет себя как-то странно».

— Ты не уполномочен судить, — отрезал он. — Прибудет наземный экипаж.

Хорошие дороги проложены как раз до этой рабочей зоны. Разница во времени между прибытием наземного и воздушного транспорта минимальна.

— А тем временем продолжай выполнять запрограммированные работы, как сумеешь.

— Приказ ясен. Выполняю.

Выключив этот коммуникатор, Гиз повернулся к другому — остронаправленному оптическому устройству связи, используемому для частных переговоров между башнями.

«Наконец-то, — подумал он. — Игра».

Игра решительно не похожа на шахматы, хотя ее изобретатель был одним из величайших шахматистов конца двадцатого столетия. Но в нее, как в любую другую позиционную игру, может играть компьютер. И более того, изобретатель при создании Игры пользовался услугами наиболее совершенных компьютерных систем того времени. Он стремился создать Игру, в которую компьютер играть сможет, но не сумеет ее проанализировать; и вовсе не потому, что Игра представляет собой безграничные лабиринты теории игр, ныне сделавшей учебу игры в шахматы скорее унылой обязанностью, чем источником удовольствия.

Введение шести игроков помогло сделать Игру не поддающейся анализу, а найти и организовать группу для реальной партии стало не так уж сложно. Но под конец двадцатого века на старой Земле жила масса умных людей, располагавших обширным досугом и вкусом к играм. Но что на самом деле перечеркнуло возможность компьютерного анализа, кроме самой игры, так это хитроумное введение в Игру элемента случайности; удачные ходы компьютера в конкретной партии могли оказаться совершенно бесполезными в любой другой. Отныне дебюты превратились в полнейший хаос; как гласит поговорка, чтобы просто пережить дебют, надо быть либо гроссмейстером, либо баловнем судьбы, а еще лучше и тем и другим. Гиз ни разу не провалил дебют в серьезной партии со времени своего первого турнира, состоявшегося ужасающее (для него самого) число лет назад.

Игроки заняли свои места в башнях, с преамбулами было покончено; Эдриенн и Баркро выделили башни, в данный момент простаивающие без дела. Джон Виа, ЛеБон и Наррет сообщили о готовности; их световые лучи тускло сверкнули на горизонте.

Игра началась.

Позицию показывал большой видеоэкран, обычно зарезервированный для экстренных ситуаций; изображенное поле представляло симуляцию космической войны, стилизованной вплоть до полнейшей нереальности: шесть флотов выглядели точками и рисками разных цветов. В дебюте Гиз играл консервативно, довольствуясь возможностью пережить удары случайностей. Парировал смертельные угрозы, когда те возникали, а в остальном не пытался предпринимать ничего более амбициозного, нежели небольшие улучшения своей позиции тут, мобилизации новой эскадрильи там, приберегая силы для миттельшпиля, когда влияние случая будет не столь существенно. Баркро подтвердил характеристику, выданную ему Эдриенн, следуя примерно той же тактике. Сама Эдриенн, вообще-то хороший игрок, но не дотягивающий до звания гроссмейстера, получила фору в виде везения во время первых ходов и, судя по всему, решительно настроилась выжать из своих преимуществ все до капли. Она тут же затеяла буйную, агрессивную кампанию, угрожая Гизу, угрожая Виа. Если ее везение продержится еще полдюжины ходов, она сможет стать победителем Игры чуть ли не до конца дебюта. Эдриенн демонстрирует выдающийся ум в большинстве сфер интеллектуальной деятельности, и, если бы только не маленькие чудачества, могла бы стать выдающимся игроком и здесь...

Остальные игроки были на уровне любителей, каковыми, в общем-то, и являлись. ЛеБон затеял хорошо продуманную, хотя и преждевременную атаку на Эдриенн, явно считая, что заминка только позволит ей набраться сил, и явно рассчитывая на поддержку Гиза. Открытая дипломатия в Игре не принята, зато негласные соглашения и союзы — вполне.

Гиз тоже делал ходы, не требовавшие от него особых раздумий. Между ходами у него было вполне достаточно времени, чтобы посвятить его невзыскательным, рутинным обязанностям вахтенного контролера, время от времени наблюдая за техникой в бинокль, осматривая пульты и распечатки, дающие более детальную информацию с форпостов. Он настолько «заржавел» без практики, что не решился бы в нынешнем состоянии участвовать в чемпионате; уже много лет он не играл против серьезных противников. Но эта партия, по его мнению, грозила скорее скукой, чем проигрышем, — конечно, если не принимать во внимание Баркро; разряд гроссмейстера, даже кандидата в гроссмейстеры, просто так не получишь. Баркро — единственный, за кем надо приглядывать и против кого надо играть всерьез.

И очень хорошо, что он справляется с Игрой, не очень сосредоточиваясь, потому что сегодняшняя работа преподносила сюрприз за сюрпризом. Вот, например, вернулась машина с форпоста, предположительно везущая поврежденную запчасть, — и вдруг остановилась, будто в нерешительности, свернув не в ту сторону, когда уже въехала в Центральный комплекс, словно управляющий ею компьютер ошибся, не зная, в какой из подземных тоннелей направить ее для выбора нужной ремонтной мастерской.

Быть может, кто-то организовал провокацию, включив в нее роботов и наземный транспорт, чтобы отвлекать его от Игры тревогами по поводу того, что работы в его секторе пошли наперекосяк? Гиз принялся следить за пультом крайне внимательно.

Тем временем на доске за время следующей пары ходов могущество Эдриенн все еще поддерживалось умеренным везением. Однако с развитием Игры везение будет играть все меньшую и меньшую роль. ЛеБон, на которого налетели с тылу, балансировал на грани краха. Быть может, это ЛеБон организовал подвох с наземным транспортом? Нет. А Эдриенн и Баркро — гости, у них нет соответствующей информации. Джон Виа достаточно серьезно настроен выиграть и достаточно квалифицирован. Но...

Еще круг ходов, еще один, и сторонний наблюдатель уже был бы убежден, что Эдриенн выиграет. Войска Баркро пока еще не понесли особых потерь, но он все равно что разбит. Гиз внезапно ударил по нему, а не по Эдриенн. Приезжий гроссмейстер, несомненно, был этим чуточку шокирован, не мог поверить, что Гиз собирается так откровенно отдать игру своей подружке, хотя, если честно, Гиз планировал нечто совершенно иное. На игровом поле Гиз загнал бы в угол даже родную мать, как только

представился бы случай. Если хочешь быть любезным и дружелюбным, играй во что-нибудь другое...

Теперь все ждали следующего хода Эдриенн, все медлившей и медлившей. Гиз усмехнулся под нос.

— Эдриенн? Мы ждем твоего хода. — Этот голос, донесшийся по сети оптической связи, принадлежал Баркро и звучал чуточку нетерпеливо, чуточку угрюмо из-за поворота событий в Игре.

Вскоре на поле высветился ее очередной ход. Хладнокровно логичный, абсолютно сокрушительный.

Улыбка Гиза угасла. Что-то тут не так... Он импульсивно схватился за стоящий перед ним микрофон.

— Эдриенн...

— Что?

Ответивший голос прозвучал холодно и как-то рассеянно. Сегодня день необычных голосов, не считая прочих странностей.

А на панели справа от него три индикатора сообщали о мелких проблемах в его секции рабочей зоны. О таких вещах должен заботиться прораб. «Быть может, прораб скоро ими займется», — сказал себе Гиз.

Он и прочие игроки сделали еще по ходу, Эдриенн тоже мешкать не стала. И внезапно на Гиза снизошла ошеломительная ясность. Он ощутил слабость в коленях, несколько схожую с той, что он испытывал во время некоторых турниров, но более интенсивную. Ему грозит решительное и неминуемое поражение.

Вернее, почти. Логика твердила, что он проиграл, однако во всем этом есть нечто неуловимое... Остался один, один-единственный шанс сделать правильный ход...

Как ни тихо отворилась дверь в ее комнату в башне, Эдриенн вздрогнула от испуга. С чего это вдруг кому-то вздумалось прийти сюда именно сейчас?..

Она обернулась. Даже не успела испугаться, когда перед ней мелькнуло, размазавшись от скорости, нечто, смутно напоминающее человека по размеру и форме. Но воплощенное в металле и энергии, никоим образом не принадлежащих человеку, и это движение завершилось холодными щупальцами, коснувшимися ее горла, а затем всех конечностей по очереди.

К моменту, когда Эдриенн собралась завизжать, было уже слишком поздно. Она не могла говорить, едва могла дышать;

нечто маленькое, но тяжелое присосалось к ее горлу после того, как машина сунула ее в угол, привалив к стене. Эдриенн могла шевелить головой достаточно свободно, чтобы осмотреть себя. К каждой из ее парализованных конечностей была прикреплена вещица, напоминавшая маленькую металлическую пиявку.

Берсеркер...

Когда не удалось крикнуть, Эдриенн попыталась заставить себя потерять сознание. Тоже не удалось. Человекообразный робот, уже не обращая на нее внимания, быстро начал осматривать приборы в башне, из которых работали только экран с позицией Игры и устройство оптической связи. Через считаные секунды робот завершил инспекцию, со щелчком открыл свой торс и извлек оттуда небольшую складную подставку для трубки, заполненной чем-то тяжелым. Эту конструкцию берсеркер установил на подоконнике одного из больших окон, направив трубку под углом вниз, в направлении... памятника, находящегося в конце огромного пластикового купола.

Шеф уже в пути.

— Эдриенн? — Раздавшийся из устройства связи голос так напугал ее, что полупарализованное тело Эдриенн едва не забилось о стену. — Мы ждем твоего хода.

Может, берсеркер тоже был напуган (если его электронный мозг вообще способен испытывать страх), но он не вздрогнул, а тотчас же перешел к экрану Игры. В душе Эдриенн всколыхнулась безумная надежда, что робот не знает правил, однако ее надежды не оправдались. После пятисекундного изучения позиции он протянул металлическую длань к панели управления и сделал ход вместо нее.

В комнатке тут же раздался голос другого мужчины, голос Гиза:

— Эдриенн...

К ее абсолютнейшему ужасу, из глотки металлического чудовища донесся ее собственный голос:

— Что?

Последовала небольшая пауза.

— А, ничего, — удрученно ответил Гиз. А казалось, казалось... Балансируя на грани беспамятства, она подняла голову и обнаружила, что робот присел на корточки перед ней. Стеклянные объективы, ни по форме, ни по местоположению не походившие на человеческие глаза, пристально вглядывались в ее лицо.

— Итак, — сказал он, когда Эдриенн посмотрела на него.

И тогда она подняла голову. (Он наверняка предпочитал говорить именно этим голосом, этим скрежетом, каким-то чудом складывающимся в осмысленные слова.) — Теперь ты предоставишь мне все подробности обстоятельств визита сюда живой единицы, которую вы именуете шефом, каковой служит премьером Десяти Планет. Если ты проявишь добрую волю к сотрудничеству, то будешь помилована. Если нет... — Еще щелчок, и в металлической ладони появился небольшой контейнер. — Это нервно-паралитическая кислота. Одна капля мгновенно проникает через поверхность человеческой кожи. Она абсорбируется живыми тканями вашей сенсорной системы, вызывая в них боль, превосходящую любые...

Лифты башен работают настолько бесшумно, что даже берсеркер не расслышал сквозь закрытые двери комнаты, как подъехал лифт. Но теперь кто-то без шума, с кажущейся небрежностью попробовал открыть дверь и обнаружил, что она заперта.

— Кто там? — снова прозвучал голос Эдриенн. И с почти невероятной скоростью робот пересек комнату, остановившись сбоку от запертой двери. В его груди и плечах появились отверстия, смахивающие на жерла небольших пушек, и машина изготовила свои стальные руки для удара, будто богомол.

— Кто там?

— Записка для Эдриенн Бриттон, — отозвался незнакомый мужской голос.

— Я занята.

— Послушайте, леди, нужна вам эта записка или нет, а я добирался сюда не для того, чтобы передать ему, что вы не хотите ее брать. Это касается какой-то дурацкой игры, в которую вы якобы играете; он просто вне себя. Он не хотел, чтобы это видел или слышал кто-то другой.

— Ладно, давайте.

Удары головой о металлическую стену — единственное движение, на которое Эдриенн была еще способна, — звучали слишком приглушенно, чтобы послужить предостережением...

Берсеркер отпер и приоткрыл дверь. Молниеносным, почти незаметным движением со скоростью, с какой ни один человек не успел бы что-нибудь сделать или отреагировать, он выбросил вперед металлическую руку...

...и отлетел назад. Огненное копье подбросило его в воздух, швырнув через комнату. Стены тесной комнатенки затряслись от непрерывных кумулятивных разрывов. Металлическое тело грохнулось об окно, прочный пластик потрескался и изломался,

но все-таки выдержал, и теперь помещение заполнилось вливающимся снаружи туманом. Давление воздуха упало. В дверь быстро проскочили, с опаской пригибаясь, трое людей в респираторах и бронежилетах. Двоих из них будто тянуло вперед полыхающее, дергающееся у них в руках оружие, а третий бросился к Эдриенн, и последнее, что она видела, уже теряя сознание в разреженном воздухе, — глаза Гиза над респиратором...

— Так что часть ручного оружия десантников теперь снабжена кинетическими датчиками, — говорил Гиз, прогуливаясь с ней в парке, чтобы помочь Эдриенн размять онемевшие ноги, после того как с них сняли металлических пиявок. — Один из моих сопровождающих настроил свое оружие на стрельбу по любому объекту, движущемуся необычайно быстро — как двигалась рука берсеркера. Ба-бах, цель захвачена, и огонь не прекращается, пока оператор не отключит его.

Поежившись, Эдриенн стиснула его запястье.

— Ты знал, что это берсеркер, — внимательно глядя на Гиза, сказала она. — И все-таки пришел за мной.

— В сопровождении двух космодесантников. И все равно поджилки у меня тряслись.

— Он ведь мог выстрелить в вас сквозь дверь, а не схватить.

— Мы решили, что он не захочет поднимать шума до прибытия шефа, чтобы выстрелить по нему. Конечно, это специализированный робот-убийца. Думаю, берсеркеры делали ставку на то, что рано или поздно шеф окажется на Максимусе, чтобы возложить венок, как и на многих других планетах. Так что перед уходом они внедрили одну сверхспециальную мину; должно быть, она прослушивала наши местные переговоры и знала, когда он прибудет.

— Ты знал, что это берсеркер, и все-таки пришел за мной. Но... откуда ты знал?

— Ну-у. С рабочими машинами происходила куча странных вещей. Слишком много совпадений накануне визита шефа. Меня осенило, что робот-убийца мог занять место моего прораба, а затем вернуться сюда, в Центр, на наземном транспорте, который я выслал туда. А где ж ему еще устраивать засаду, чтобы хорошенько прицелиться в шефа, если не в одной из башен с видом на монумент? Так что я подключил свой собственный компьютер, чтобы он сделал пару ходов в Игре за меня, и...

— Но откуда ты узнал, что он в *моей* башне?

— А как ты думаешь? — улыбнулся в ответ Гиз.

Эдриенн тоже улыбнулась, изо всех сил стараясь не расплакаться.

— Мой маленький психологический барьер. Ты знал, что я ни за что в жизни не наберусь наглости побить в Игре тебя.

Как жизнь может нести зло, так и могущественные машины могут иметь отношение к добру.

БЕСПЛОТНЫЕ КРЫЛЬЯ

Во время первой и единственной боевой миссии Мэлори берсеркер явился ему в образе жреца секты, к которой принадлежал Мэлори на планете Йати. В гипнотическом сне, аллегорически воспроизводящем самый настоящий бой, он узрел облаченную в жреческие одежды фигуру, высящуюся на деформированной кафедре, злобно полыхающую глазами; широкие рукава ниспадали с опускающихся рук, будто крылья. И с их опусканием свет Вселенной гас за цветными стеклами окон, и проклятие обрушивались на Мэлори. Но пока сердце его отчаянно колотилось от страха перед проклятиями, Мэлори все-таки сумел собрать разбегающиеся мысли и вспомнить свою природу и природу своего противника и понял, что не так уж беспомощен. Во сне ноги несли его к пульту и демону-жрецу. Вдруг оконные витражи взорвались, осыпав его осколками мучительного ужаса. Он шагал по извилистой тропе, избегая мест на черном полу, где жрец молниеносными движениями создавал рычащие, лязгающие зубами каменные пасти. Казалось, у Мэлори полно времени, чтобы решить, куда поставить ногу. «Оружие, — подумал он, будто хирург, отдающий указание некоему невидимому ассистенту. — Сюда — в правую руку».

От тех, кто пережил сходные битвы, он слыхал, что враг человечества является каждому в ином виде, и каждый человек должен пережить битву в условиях непередаваемого кошмара. Одним берсеркеры являлись неистовствующими чудищами, другим — в облике дьявола, бога или человека. Третьим — в виде какого-то невообразимого ужаса. Битва была кошмаром, переживаемым в то время, когда правит подсознание, а бодрствование рассудка подавляется электрическим током. Глаза и уши запечатаны, чтобы легче было подавить сознание, рот заткнут, чтобы человек не прокусил себе язык, обнаженное тело сковано в неподвижности защитными силовыми полями, спасающими

его от тысячекратных перегрузок, порождаемых каждым боевым маневром одноместного истребителя. Уже сам этот кошмар не позволяет человеку пробудиться; пробуждение наступает лишь потом, когда бой закончится, оно приходит только вместе со смертью, победой или выходом из боя.

В сновидении в руках Мэлори оказался мясницкий нож — острый как бритва, тяжелый, как клинок гильотины. Такой огромный, что казалось, даже поднять его просто-напросто невозможно. Мясная лавка его дяди на Йати погибла вместе со всеми остальными человеческими творениями на этой планете. Но нож теперь вернулся к нему, увеличенный, доведенный до совершенства, отвечающий его потребностям.

Крепко ухватив нож обеими руками, Мэлори продвигался вперед, и по мере его приближения кафедра становилась все выше и выше. Вырезанный на ней спереди дракон — там, где следовало быть ангелу, — ожил, изрыгнув на него красноватое пламя. Мэлори отразил языки пламени щитом, откуда ни возьмись появившимся в его руке.

Теперь свет Вселенной за остатками разбитых витражей померк почти окончательно. Стоя у основания кафедры, Мэлори занес нож, словно для удара сплеча по жрецу, высившемуся вне его досягаемости. Затем без всякой задней мысли сменил цель на пике замаха и нанес сокрушительный удар по основанию кафедры. Она содрогнулась, но устояла. Проклятие свершилось.

Однако, прежде чем дьяволы схватили Мэлори, сон утратил свою яркость. Менее секунды реального времени он оставался всего лишь угасающим зрительным образом, а секунд через пять — лишь увядающим воспоминанием. Мэлори, очнувшийся с запечатанными глазами и ушами, парил в успокоительной тьме. Но прежде чем постбоевой шок и сенсорная изоляция смогли подействовать на его психику, зонды на скальпе начали посылать в мозг игольчатые шумовые импульсы. Это самый безопасный сигнал, который можно приложить к мозгу, пребывающему на грани десятка разнообразных видов сумасшествия. Шумы сложились в белесое ревущее поле света и звука, будто заполнившего его голову и в то же самое время каким-то образом очертившего для него положение его конечностей.

Первой вполне сознательной мыслью Мэлори была такая: он только что выдержал сражение с берсеркерами и уцелел. Он победил или, по крайней мере, добился ничьей — иначе бы его тут не было. И это достижение уже само по себе.

Берсеркеры ничуть не похожи на прочих врагов, с которыми приходилось сталкиваться человечеству. Они обладают коварством и разумом, но при этом лишены жизни. Реликты некой звездной войны, окончившейся века назад, — автономные боевые корабли-роботы, запрограммированные на уничтожение всего живого, что им встретится на пути. Йати была почти последней из множества колонизированных людьми планет, подвергшихся нападению берсеркеров, и при том одной из самых везучих; почти все ее население удалось успешно эвакуировать. Теперь Мэлори и прочие сражались в дальнем космосе ради того, чтобы защитить «Надежду» — один из циклопических эвакуационных кораблей. «Надежда» представляла собой сферу диаметром в несколько километров, достаточно объемную, чтобы вместить изрядную часть населения планеты, сложенного в ней ярус за ярусом в защитном стасис-поле. Остаточные релаксационные протечки поля позволяют им дышать и поддерживать сильно замедленный метаболизм.

Путешествие в безопасный сектор Галактики займет несколько месяцев, и почти все это время уйдет на пересечение наружной ветви грандиозной туманности Тайнарус. Слишком большая плотность газопылевого скопления не позволяет кораблю ускользнуть в подпространство и путешествовать быстрее света. Здесь даже скорости, достижимые в нормальном пространстве, весьма ограничены. На скорости тысяча километров в секунду управляемый человеком корабль или корабль-берсеркер одинаково легко может разбиться вдребезги о газовое облачко, куда более бесплотное, чем человеческое дыхание.

Тайнарус представляет собой круговерть из не занесенных ни в какие лоции языков и щупалец рассеянной материи, пронизанной коридорами относительно пустого пространства. Изрядная часть этой круговерти полностью скрыта межзвездной пылью от света окружающих звезд. «Надежда» и ее эскорт «Юдифь» безоглядно ринулись в темные трясины, россыпи и мели туманности, удирая от преследующей по пятам волчьей стаи берсеркеров. Некоторые берсеркеры размерами превосходили даже «Надежду», но в погоню отправились куда более миниатюрные. В регионах пространства, где много материи, гонку выигрывает более миниатюрный и более быстрый; по мере роста поперечника корабля его максимально допустимая скорость неминуемо снижается.

«Надежде», не приспособленной для этой гонки (во время поспешной эвакуации не подвернулось ничего более подходя-

щего), нечего было и думать, чтобы скрыться от мелкого, маневренного противника. Поэтому корабль-матка под названием «Юдифь» все время пытался держаться между «Надеждой» и преследующей стаей. «Юдифь» была носителем маленьких истребителей, выпуская их в пространство всякий раз, когда противник оказывался чересчур близко, и принимая уцелевших назад, когда угроза исчезала. В начале преследования она несла пятнадцать одноместных кораблей. Теперь осталось только девять.

Шумовые инъекции системы жизнеобеспечения Мэлори стали реже, а затем прекратились. Его разум снова прочно воцарился на своем троне. По постепенному ослаблению защитных полей он понял, что скоро вновь окажется в мире бодрствующих.

Как только его истребитель — номер четыре — приземлился внутри «Юдифи», Мэлори поспешно отключился от систем крохотного кораблика. Натянул просторный комбинезон и выбрался из тесной кабины. Худощавый, мосластый человек, неуклюже шагая, поспешил по мостику через громадное, заполненное гулким эхом помещение, напоминающее ангар, отметив, что три или четыре истребителя рядом с ним уже вернулись и покоятся на своих салазках. Искусственная гравитация поддерживалась на совершенно стабильном уровне, но Мэлори споткнулся и чуть не упал, спеша спуститься по короткой лесенке на взлетную палубу. Петрович, командир «Юдифи», массивный мужчина среднего роста с каменным лицом, явно дожидался именно его.

— Я... я сбил? — с энтузиазмом пролепетал Мэлори, поспешно приблизившись к нему. Принятые в армии обращения, как правило, на борту «Юдифи» не употреблялись, а Мэлори и вовсе был гражданским. А то, что ему позволили вылет, свидетельствовало лишь об отчаянии командира.

— Мэлори, — нахмурившись, мягко ответил Петрович, — вы горе луковое. У вас мозги настроены совсем не на то.

Мир перед Мэлори застлала серая пелена. Только в этот момент он понял, как важны были для него некоторые мечты о славе. В ответ он нашел лишь слабые и неуклюжие слова.

— Но... я думал, я вполне справился. — Он попытался припомнить свой боевой кошмар. Что-то насчет церкви.

— Два человека вынуждены были отвлечься от выполнения своих боевых заданий ради вашего спасения. Я уже просмотрел записи их орудийных видеокамер. Ваша Четверка просто порхала вокруг этого берсеркера, будто вы вовсе и не намеревались причинять ему никакого ущерба. — Петрович поглядел на него

более пристально, пожал плечами и немножко смягчил тон: — Я не пытаюсь уязвить вас, вы, конечно, даже не осознавали, что происходит. Я просто излагаю факты. Благодаря случаю «Надежда» на двадцать астрономических единиц углубилась в формальдегидовое облако впереди. Если бы она сейчас находилась на виду, они уже достали бы ее.

— Ну... — Мэлори попытался вступить в спор, но командир просто ушел прочь.

Прибывали все новые истребители. Раздавались вздохи шлюзов, лязгали салазки, и у Петровича была масса более важных дел, чем стоять тут и спорить с ним. Мэлори постоял секунды три в одиночестве, чувствуя себя не в своей тарелке, разбитым и ничтожным. Непроизвольно бросил полный вожделения взгляд в сторону Четверки. Истребитель представлял собой короткий, лишенный иллюминаторов цилиндр диаметром немногим более человеческого роста, покоящийся в своих металлических салазках в окружении техников палубной службы. В атмосферу от короткого, будто обрубленного жерла главного лазера, все еще не остывшего после выстрелов, потянулась струйка дыма. Вот он, двуручный тесак.

Ни одному человеку не дано тягаться в искусстве управления кораблем или оружием с хорошей машиной. Черепашья медлительность человеческих нервных импульсов и сознания почти дисквалифицировала человека в прямом управлении кораблем в любом космическом поединке с берсеркерами. Но человеческое подсознание далеко не столь ограниченно. Некоторые из его процессов не могут быть скоррелированы ни с какой специфической активностью синапсов в пределах мозга, и некоторые теоретики продолжают настаивать на том, что эти процессы происходят вне времени. Большинство физиков оспаривают эту точку зрения, но для космических битв эта рабочая гипотеза оказалась весьма полезной.

В бою компьютеры берсеркера соединяются с хитроумными устройствами, вносящими фактор случайности, обеспечивающий флер непредсказуемости и дающий преимущество перед противниками, просто и последовательно предпринимающими маневры по статистическим прогнозам, несущим наибольшую вероятность успеха. Люди тоже пользовались компьютерами для управления своими кораблями, но теперь добились преимущества над лучшими рандомизаторами, снова полагаясь на собственные мозги, на их отделы, не знающие спешки и пребываю-

щие вне времени, где даже стремительные фотоны кажутся недвижными, как глыбы льда.

Имеются в этом и свои недостатки. Некоторые люди (в том числе и Мэлори, как оказалось) просто не пригодны для такой работы, их подсознание словно и не интересуется столь преходящими материями, как жизнь или смерть. И даже если разум человека подходит, его подсознание подвергается огромным перегрузкам. Подключение к внешним компьютерам перегружает рассудок каким-то еще не вполне понятным образом. Одного за другим пилотов, вернувшихся из боя, вынимали из кораблей в состоянии кататонии или истерики. Душевное их здоровье восстановить удавалось, но с той поры человек уже не годился в качестве боевого напарника компьютера. Эта система была настолько нова, что существенность этих недостатков стала очевидна лишь сейчас, на борту «Юдифи». Обученные операторы истребителей были выведены из строя, их смена тоже. Вот так и получилось, что историк Иан Мэлори и прочие необученные люди были посланы в бой. Но использование их рассудков выиграло еще капельку времени.

Со взлетной палубы Мэлори отправился в свою тесную одноместную каюту. Он уже давно не ел, но не чувствовал голода. Переодевшись, сел в кресло. Посмотрел на койку, на книги, музыкальные записи и скрипку, но не стал ни удаляться на отдых, ни искать себе занятия, с минуты на минуту ожидая вызова от Петровича. Потому что теперь обратиться Петровичу больше некуда.

Мэлори едва не засмеялся, когда раздался сигнал коммуникатора, призывавший его на экстренную встречу с командиром и прочими офицерами. Подтвердив явку, Мэлори вышел, взяв с собой коричневый футляр из кожзаменителя размером с портфель, но иной формы, отобранный из нескольких сотен футляров в комнатке рядом со своей каютой. На этикетке контейнера, который он нес, было написано «БЕШЕНЫЙ КОНЬ»[1].

Как только Мэлори переступил порог тесной комнаты инструктажа, где вокруг стола уже собралась горстка корабельных офицеров, Петрович поднял голову, бросил взгляд на футляр в руках у Мэлори и кивнул.

— Похоже, у нас нет выбора, историк. У нас не хватает людей, и нам придется воспользоваться вашими псевдоличностями. К счастью, мы уже установили необходимые адаптеры на истребители.

[1] Бешеный конь — индейский вождь племени сиу, участник битвы с войсками США при Литл-Биг-Хорне (1876).

— По-моему, шансы на успех просто великолепны, — мягко проговорил Мэлори, занимая свободное место слева от Петровича и устанавливая футляр посреди стола. — Конечно, у них нет настоящего подсознания, но, как мы признали во время предыдущих дискуссий, они будут являться более совершенными рандомизаторами, чем все другие, имеющиеся в нашем распоряжении. Каждый обладает уникальной, пусть и искусственной, личностью.

Один из офицеров подался вперед:

— Многие из нас пропустили эти предыдущие дискуссии, о которых вы упоминаете. Не могли бы вы ввести нас в курс?

— Всенепременно. — Мэлори откашлялся. — Эти личности, как мы обычно их называем, используются в компьютерных симуляциях исторических событий. Покидая Йати, мне удалось захватить с собой несколько сотен этих личностей. Многие из них являются моделями военных. — *Он положил ладонь на футляр.* — Это реконструкция личности одного из наиболее способных кавалерийских полководцев древней Земли. Он не принадлежит к группе, которую мы отобрали для первого испытания в бою, я просто принес его, чтобы продемонстрировать внутреннюю структуру и конструкцию всем, кто заинтересуется. Каждая личность содержит около четырех миллионов двухмерных слоев.

Еще один офицер поднял руку.

— А как вы можете точно воссоздать личность человека, умершего задолго до появления каких-либо технологий прямой записи?

— Конечно, мы не можем быть уверены в точности. Мы опираемся только на исторические хроники и на выводы, которые можем сделать из компьютерных симуляций соответствующей эпохи. Это всего лишь модель. Но они должны проявлять себя в бою, как в исторических исследованиях, для которых они и сделаны. Их решения должны отражать фундаментальную агрессивность, решительность...

Совершенно неожиданно громыхнул взрыв, и все собравшиеся офицеры вскочили на ноги. Петрович, отреагировавший очень быстро, только-только успел встать со стула, когда по всему кораблю эхом прокатился второй, куда более мощный взрыв. Сам Мэлори был уже почти у дверей, направляясь к своему бое-

вому посту, когда раздался третий взрыв, прогрохотавший так, будто пришел конец всей Галактике. Мэлори еще успел заметить, как мебель летит по воздуху, как переборки сминаются, словно бумажные. У него в голове еще успела пронестись одна ясная, спокойная мысль о том, как несправедливо умереть именно в этот момент, а затем он вообще перестал думать о чем-либо.

Возвращение к сознанию оказалось медленным и мучительным процессом. Он понимал, что «Юдифь» уничтожена не полностью, поскольку он еще дышит, а искусственная гравитация по-прежнему удерживает его распростертое тело на палубе. Возможно, было бы лучше, если бы гравитация исчезла, ибо все тело Мэлори представляло собой сплошной источник пульсирующей боли, лучами разбегающейся из центра где-то в глубине черепа. Более точно выяснять местонахождение центра ему не хотелось. Боль причиняла уже сама мысль о прикосновении к голове.

Наконец настойчивая потребность выяснить, что же происходит, преодолела страх перед болью, и Мэлори поднял голову, чтобы ощупать ее. Над самым лбом вспухла огромная шишка, а все лицо было покрыто мелкими ссадинами с запекшейся на них кровью. Должно быть, он провалялся без сознания довольно долго.

Комната инструктажа была уничтожена, разбита, завалена обломками. На глаза Мэлори попалось изломанное тело — должно быть, труп, затем еще одно и еще, застрявшее в грудах мебели. Неужели он единственный, кто остался в живых?! В одной переборке зияла чудовищная брешь, огромный стол превратился в груду обломков. А что это за громадная незнакомая машина стоит в дальнем конце комнаты? Ростом с крупный картотечный шкаф, но куда более заковыристая. И в подпорках ее что-то этакое диковинное, словно они способны передвигаться... Мэлори застыл в безмерном ужасе, потому что эта штуковина пришла в движение, повернув в его сторону свои пулеметные турели и объективы; он понял, что видит действующего берсеркера, и увиден им. Это лишь небольшая машина, используемая для абордажа и работы на захваченных человеческих кораблях.

— Иди сюда, — провозгласил робот скрежещущей нелепой пародией на человеческий голос, сложенный из записанных слогов человеческих голосов, составленных вместе электроникой и воспроизведенных в нужной последовательности. — Зложить очнулся.

Мэлори в ужасе подумал, что слова предназначены ему, но

не смог даже шелохнуться. Затем сквозь пробоину в переборке в комнату ступил человек, которого Мэлори еще ни разу не видел, — косматый, грязный, одетый в замызганный комбинезон, в прошлом представлявший собой какую-то военную форму.

— Да, я вижу, что оклемался, сэр, — сказал человек роботу на стандартном межзвездном языке хриплым голосом с явно благоприобретенным скрежещущим акцентом и подступил на шаг ближе к Мэлори. — Эй, ты меня понимаешь?

Мэлори буркнул что-то, попытался кивнуть и медленно, неуклюже заставил себя перейти в сидячее положение.

— Вопрос в том, — продолжал человек, подходя еще ближе, — как ты хочешь, чтоб оно было — легко или трудно? Я в том смысле, что когда будет пора тебя кончать. Я давным-давно решил, что предпочту быструю и легкую кончину, но не слишком скоро. Но притом я попутно хочу немного позабавиться там и тут.

Несмотря на неистовую головную боль, способность мыслить уже вернулась к Мэлори, и он начал кое-что соображать. Для людей вроде этого, более менее охотно перешедших на сторону берсеркеров, есть специфическое определение — слово, состряпанное самими машинами. Но в данный момент Мэлори не собирался высказывать это слово вслух.

— Я предпочту легкую, — пробурчал он, заморгав и попытавшись потереть шею, чтобы смягчить боль.

Человек молча взирал на него добрую минуту. И наконец сказал:

— Ладно. — Снова обернулся к роботу и добавил иным, униженным тоном: — Я без труда овладею этим поврежденным зложитем. Если вы оставите нас одних, никаких проблем не предвидится.

Робот повернул один из заключенных в металлический корпус объективов к своему прислужнику и провещал:

— Помни, резервы следует подготовить. Времени все меньше. Провал принесет неприятные стимулы.

— Я запомню, сэр, — униженно, истово отозвался человек. Робот разглядывал обоих еще пару секунд, а затем удалился; его металлические ноги внезапно пришли в движение, перемещаясь почти грациозно. Вскоре до слуха Мэлори донесся знакомый звук закрывающегося шлюза.

— Теперь мы одни, — сверху вниз поглядел на него человек. — Если хочешь называть меня по имени, можешь звать Бу-

тоном. Хочешь попытаться со мной подраться? Если да, давай покончим с этим сразу. — Он был немного крупнее Мэлори, но имел громадные кулаки и казался жилистым и очень проворным, несмотря на свой затрапезный вид. — Ладно, это мудрое решение. Знаешь, ты на самом деле очень везуч, хотя еще не понял этого. Берсеркеры ничуть не похожи на прочих повелителей, которые когда-либо были у людей, — не похожи ни на правительства, ни на партии, ни на корпорации, которые выжимают тебя до капли, а потом бросают на произвол судьбы. Нет, когда ты становишься бесполезен машинам, они кончают с тобой быстро и чисто — если ты служил им хорошо. Я знаю, я видел, как они проделывают это с другими людьми. Еще бы, они ведь хотят, чтобы мы умерли, а не страдали.

Мэлори промолчал, подумав, что, наверное, скоро сможет встать на ноги.

Бутон (имя казалось столь неуместным, что вполне могло оказаться настоящим) слегка подстроил небольшой аппаратик, извлеченный из кармана и почти целиком скрывшийся в его огромной ладони. И спросил:

— Сколько еще кораблей-маток, кроме этого, пытаются защищать «Надежду»?

— Не знаю, — солгал Мэлори. Кроме «Юдифи», больше ни одного корабля в эскорте не было.

— Как тебя зовут? — Пришелец все еще смотрел на спрятанный в ладони прибор.

— Иан Мэлори.

Бутон кивнул, на его лице не проявилось никаких эмоций, сделал два шага и пнул Мэлори в живот — точно и с ужасающей жестокостью.

— Это за попытку солгать мне, Иан Мэлори, — смутно донесся откуда-то сверху голос палача сквозь серую пелену, застлавшую сознание Мэлори, барахтавшегося на палубе в тщетной попытке втянуть воздух в легкие. — Пойми, я безошибочно могу определить, когда ты лжешь. Ну, сколько еще кораблей-маток?

Мало-помалу Мэлори набрался сил, чтобы снова сесть и выдавить из себя:

— Только этот.

Располагал ли Бутон настоящим детектором лжи или только пытался создать видимость такового, задавая вопросы с заранее известными ответами, но Мэлори решил отныне говорить только правду от слова до слова, не отклоняясь ни на йоту. Еще пара

подобных ударов — и он станет беспомощным и бесполезным, а машины прикончат его. Он вдруг обнаружил, что ни в коем случае не готов расстаться с жизнью.

— Какова твоя должность в экипаже, Мэлори?

— Я штатский.

— Какого рода?

— Историк.

— А почему ты здесь?

Мэлори попытался было подняться на ноги, но решил, что эти усилия ничего не дадут, и остался сидеть на палубе. Если бы он дал себе волю хоть на миг вникнуть в ситуацию, то перепугался бы до такой степени, что не смог бы думать связно.

— У нас имелся проект... видите ли, я привез с собой с Йати ряд так называемых исторических моделей — блоков с запрограммированными откликами, используемых нами в исторических исследованиях.

— Помнится, я что-то такое слыхал. И что же это был за проект?

— Попытка использовать личности военных в качестве рандомизаторов боевых компьютеров на одноместных истребителях.

— Ага, — подтянутый и собранный, несмотря на свой затрапезный вид, Бутон присел на корточки. — И как же они зарекомендовали себя в бою? Лучше, чем подсознание живого пилота? Уж об *этом-то* машины знают все.

— У нас не было возможности попробовать. А что, все остальные члены команды погибли?

Бутон небрежно кивнул:

— Абордаж прошел легче легкого. Должно быть, ваша автоматическая система обороны отказала. Я рад, что мне удалось найти в живых хоть одного человека, да притом достаточно умного, чтобы согласиться на сотрудничество. Это поможет моей карьере. — Он бросил взгляд на дорогой хронометр, красующийся на его грязном запястье. — Встань, Иан Мэлори. Нас ждет работа.

Поднявшись, Мэлори последовал за человеком к взлетной палубе.

— Мы с машинами тут осмотрелись, Мэлори. Эти девять маленьких истребителей, еще оставшихся у вас на борту, слишком хороши, чтобы пропадать попусту. Теперь берсеркеры наверняка настигнут «Надежду», но на ней имеются автоматические системы обороны, думаю, куда более мощные, чем на этой

посудине. Машины понесли массу потерь в этой погоне, так что намерены воспользоваться этими девятью корабликами в качестве резерва, в военной истории, несомненно, ты разбираешься?

— Немного. — Вообще-то Мэлори преуменьшил свои познания, но ответ сошел за правдивый. Детектор лжи, если таковой и имелся, уже отправился обратно в карман. Но Мэлори по-прежнему не собирался рисковать без надобности.

— Тогда ты, наверно, знаешь, как некоторые генералы на старой Земле пользовались своими резервами. Гнали их перед надежными, испытанными войсками, где резервы ждала верная смерть, если они попытаются отступить, но они же и принимали удар противника на себя.

Придя на взлетную палубу, Мэлори не увидел почти никаких признаков разрушения. Девять надежных корабликов, дозаправленных и довооруженных для боя, дожидались пилотов в своих салазках. Об этом позаботились в первые же минуты после их возвращения с последнего задания.

— Мэлори, я тут осмотрел аппаратуру управления этих истребителей, пока ты был без сознания, и пришел к выводу, что в совершенно автономном режиме они работать не могут.

— Верно. На борту должен находиться какой-то управляющий рассудок или рандомизатор.

— Мы с тобой должны подготовить из них резервы берсеркеров, Иан Мэлори. — Бутон снова бросил взгляд на часы. — У нас не больше часа, чтобы придумать хороший способ добиться этого, и всего пара часов в запасе, чтобы проделать всю работу от начала до конца. Чем быстрее, тем лучше. Если мы затянем дело, то поплатимся за это страданиями. — Казалось, эта мысль его потешила. — Что ты предлагаешь?

Мэлори открыл было рот, но не произнес ни слова.

— Конечно, об установке твоих военных личностей не может быть и речи, а то они могут не подчиниться, когда их погонят вперед как простое пушечное мясо. Полагаю, они были какими-то полководцами. Но у тебя, наверно, имеются личности из других сфер деятельности, более миролюбивых?

Мэлори, без сил рухнув в свободное противоперегрузочное кресло офицера технической службы, заставил себя тщательно обдумать слова, прежде чем раскрыл рот.

— Так уж получилось, что на борту имеются некоторые личности, к которым я питаю особый интерес. Пойдем.

Мэлори направился в свою тесную холостяцкую каюту, а Бутон шагал за ним по пятам. Увидев, что в каюте совершенно

ничего не изменилось, Мэлори был даже немного ошарашен. На койке лежала его скрипка, на столе — музыкальные записи и несколько книг. И здесь же, сложенные аккуратной стопкой в своих футлярах из кожзаменителя, находились некоторые из личностей, которые ему больше всего хотелось изучить.

Мэлори приподнял верхний футляр:

— Этот человек был скрипачом, каковым, хотелось бы верить, являюсь и я. Вряд ли его имя вам что-нибудь скажет.

— Я никогда не был специалистом в музыковедении. Ты мне лучше расскажи.

— Он был землянином, жившим в двадцатом столетии ХЭ, и очень набожным человеком, насколько я понимаю. Мы можем подключить его личность и спросить, что он думает о войне, если у вас еще есть подозрения.

— Именно так мы и поступим.

Как только Мэлори показал Бутону нужный разъем рядом с компьютерной консолью тесной кабины, тот собственноручно подключил кабели.

— А как с ним общаться?

— Просто устно.

— Как тебя зовут? — резко бросил Бутон в сторону футляра из кожзаменителя.

— Альберт Болл. — Голос, донесшийся из динамика терминала, звучал куда человечнее, чем голос берсеркера.

— А как бы ты отнесся к предложению повоевать, Альберт?

— Омерзительная идея.

— А ты поиграешь для нас на скрипке?

— С удовольствием. — Но музыка не последовала.

— Нужно подключить дополнительные блоки, если вы действительно хотите услышать музыку, — вставил Мэлори.

— Пожалуй, это нам не понадобится. — Бутон отстыковал Альберта Болла и начал просматривать остальных, насупившись при виде незнакомых имен. Всего там было двенадцать-пятнадцать футляров. — А это кто такие?

— Современники Альберта Болла. Его коллеги-виртуозы. — Мэлори, пребывая на грани беспамятства, позволил себе опуститься на койку, чтобы передохнуть хоть несколько секунд. Потом поднялся и подошел к Бутону, стоявшему перед стопкой личностей. — Это модель Эдуарда Мэннока, слепого на один глаз и не сумевшего пройти ни одну медкомиссию, принимавшую на военную службу того времени. — Указал на другой: — Этот человек, насколько припоминаю, какое-то время служил в

кавалерии, но конь то и дело сбрасывал его, и вскоре его списали в фуражиры. А это хрупкий, туберкулезный юноша, простившийся с жизнью в возрасте двадцати трех стандартных лет.

Бутон бросил рассматривать футляры и повернулся, чтобы еще раз осмотреть Мэлори с головы до ног. Мэлори невольно ощутил, как ноющие мышцы живота пытаются сжаться в тугой комок в предчувствии очередного яростного удара. Это было бы чересчур, еще один такой удар просто прикончит его...

— Ладно. — Бутон нахмурился, снова сверившись с хронометром. Потом поднял голову и усмехнулся. Как ни странно, улыбка сразу же превратила его в чертовски хорошего парня. — Ладно! Музыканты, по-моему, антитеза военным. Если машины одобрят, мы установим их и отправим истребители. Иан Мэлори, не исключено, что я увеличу твою плату. — Его доброжелательная улыбка стала шире. — Возможно, мы только что выиграли для себя стандартный год жизни, если дело пойдет так, как я рассчитываю.

Через несколько минут робот прибыл на судно снова. Бутон поклонился, изложив ему суть плана, а стоявший позади Мэлори, охваченный мучительным ужасом, поймал себя на том, что тоже кланяется.

— Тогда выполняйте, — одобрила машина. — Если вы будете медлительны, корабль, зараженный жизнью, может успеть укрыться в штормовых облаках, надвигающихся на нас. — И робот снова стремительно ушел. Наверное, в нем нуждались для ремонта и дооснащения его собственного робота-корабля. Благодаря совместным усилиям двух человек, переоборудование истребителей прошло очень быстро. Нужно было всего-навсего открыть кабину истребителя, вставить извлеченную из футляра личность в заранее подготовленный адаптер, подстыковать стандартные разъемы и клеммы и снова закрыть крышку люка. Поскольку скорость была в планах берсеркеров решающим фактором, проверки свели к выслушиванию активных реакций каждой личности после активации ее в истребителе. Большинство реплик представляли собой ужасные банальности о несуществующей погоде, о древних блюдах или напитках или забавные фразы, в которых Мэлори распознал всего лишь ничего не значащие формулы вежливости.

Казалось, все идет хорошо, но в последнюю минуту Бутон вдруг преисполнился сомнениями.

— Надеюсь, эти утонченные джентльмены выдержат удар, когда обнаружат, в какой ситуации оказались. Они ведь смогут

сообразить, что к чему, а? Машины не рассчитывают, что они окажутся хорошими бойцами, но нас также не устроит, если они впадут в кататонию.

Мэлори, едва держась на ногах от усталости, подергал за люк Восьмерки и едва не свалился с гладкой обшивки, когда тот внезапно распахнулся.

— Они сориентируются в ситуации через минуту после запуска, я бы сказал. По крайней мере, в общих чертах. Вряд ли они поймут, что их окружает космическое пространство. Как я догадываюсь, вы из военных. И если они не захотят вступить в бой, то это уж вам решать, как поступать со строптивыми резервами.

Когда они подключили личность в истребитель номер восемь, ее тестовая реплика гласила:

— Я хочу, чтобы мою машину покрасили в красный цвет.

— Сию секунду, сэр, — поспешно отозвался Мэлори, захлопнул люк корабля и двинулся к Девятке.

— О чем это он толкует? — нахмурился Бутон, но, бросив взгляд на часы, двинулся дальше.

— Полагаю, маэстро уже понял, что его поместили на борт какого-то транспортного средства. Что же до покраски его в красный цвет... — Мэлори закряхтел, пытаясь открыть люк Девятки и оставив ответ недосказанным.

Наконец все истребители были готовы к вылету. Положив палец на кнопку запуска, Бутон помедлил и последний раз принялся буравить взглядом Мэлори.

— Пока что мы справились очень хорошо, нас ждет награда, если эта идея сработает хотя бы отчасти. — Он перешел на торжественный полушепот: — Уж лучше бы сработало. Ты когда-нибудь видел, как с человека снимают кожу живьем?

Мэлори ухватился за стойку, чтобы не упасть:

— Я сделал все, что мог.

Бутон нажал кнопку запуска. Воздушные шлюзы начали свою перекличку. Девять истребителей скрылись, и в тот же миг над консолью офицера взлетной палубы вспыхнула голограмма. «Юдифь» была отмечена в центре жирной зеленой точкой, а девять крохотных зеленых искорок медленно и неуверенно двигались вокруг. Виднеющаяся подальше устойчивая формация красных точек изображала остатки стаи берсеркеров, так долго и так безжалостно преследовавших «Надежду» и ее конвой. Мэлори мрачно отметил, что красных точек берсеркеров не меньше полутора десятков.

— Уловка в том, — произнес Бутон, ни к кому не обращаясь, — чтобы заставить их бояться собственных командиров сильнее, чем врагов. — Он защелкал тумблерами связи с эскадрильей. — Внимание, истребители с первого по девятый! — рявкнул он. — На вас направлены орудия значительно превосходящего флота, и любая попытка ослушания или бегства будет сурово наказана...

Он продолжал их всячески запугивать добрую минуту, а Мэлори тем временем наблюдал, как надвигается грозовая туча, упомянутая берсеркером. Град атомных частиц несло через эту часть туманности поперек пути «Юдифи» и странного комбинированного флота, двигавшегося вместе с ней. «Надежда», находящаяся за пределами экрана, могла воспользоваться преимуществами, даваемыми этим штормом, и ускользнуть окончательно, если берсеркеры будут мешкать.

Видимость на оперативном дисплее взлетной палубы стремительно падала, и Бутон оборвал речь, как только стало ясно, что связь прервана. Сквозь пелену помех до них доносились обрывки приказов, отдаваемые противоестественными голосами берсеркеров кораблям резерва с первого по девятый, пока помехи не заволокли все окончательно. Но преследование «Надежды» все не возобновлялось.

Какое-то время на взлетной палубе царило молчание, лишь изредка нарушаемое взрывами помех со стороны дисплея. А вокруг замерли в ожидании пустые салазки.

— Вот оно, — наконец проронил Бутон. — Делать нечего, остается только волноваться.

У него на губах снова заиграла преображающая его улыбка; казалось, он упивается этой ситуацией.

Мэлори посмотрел на него с любопытством:

— А как вы... ухитрились так хорошо устроиться?

— Почему бы и нет? — Бутон потянулся и встал из-за бесполезной теперь консоли. — Знаешь, как только человек откажется от прежнего образа жизни, от обычаев зложитя и признает, что воистину умер для них, новый образ жизни станет вполне приемлемым. Время от времени подворачиваются даже женщины, когда машины берут пленных.

— Доброжил, — промолвил Мэлори. Он наконец-то произнес вслух это непристойное, вызывающее слово. Но теперь он уже не боялся.

— Да ты и сам доброжил, коротышка. — Бутон все еще улы-

бался. — Знаешь, по-моему, ты еще смотришь на меня свысока. Ты что, забыл, что увяз в этом дерьме по уши, как я?

— Скорее, мне вас жаль.

Бутон прыснул и покачал головой с сожалением:

— Знаешь, возможно, мне уготована более долгая и безболезненная жизнь, чем дана была большинству людей; ты же сам сказал, что одна из моделей личности умерла в возрасте двадцати трех лет. Они что, в те дни все так мало жили?

Губы Мэлори, все еще цеплявшегося за стойку, изогнулись в странной, угрюмой усмешке.

— Ну, его поколение на континенте под названием Европа действительно умирало рано. В то время бушевала Первая мировая война.

— Но ты же сказал, что он умер от какой-то болезни.

— Нет, я сказал, что у него *была* болезнь — туберкулез. Несомненно, со временем она бы его убила. Но он сложил голову в бою в 1917 году ХЭ в стране под названием Бельгия. Его труп так и не нашли. Насколько я припоминаю, артобстрел напрочь уничтожил и его, и его самолет.

Бутон буквально окаменел.

— Самолет?! Что ты такое говоришь?

Преодолевая боль, Мэлори с усилием выпрямился и отпустил стойку.

— Я говорю, что Жорж Гийнемер — так его звали — сбил двадцать три вражеских самолета, прежде чем погиб сам. Подождите! — Голос Мэлори внезапно обрел зычность и твердость, и угрожающе надвигавшийся Бутон замер от удивления. — Прежде чем вы прибегнете к насилию, вам стоило бы прикинуть, чья сторона выиграет бой — ваша или моя.

— Бой...

— В нем участвуют девять истребителей против пятнадцати или более машин, но я настроен не слишком пессимистически. Личности, которые мы выслали на передовую, не пойдут как овечки на заклание.

Бутон таращился на него еще мгновение, затем развернулся и ринулся к консоли. Дисплей все еще застилала белая пелена помех, и поделать ничего было нельзя. Бутон медленно опустился в мягкое кресло.

— Что ты со мной сделал? — прошептал он. — Это ведь коллекция музыкантов-калек, ты не мог лгать о них всех.

— О, все, что я сказал, — правда, от слова и до слова. Конечно, не все боевые пилоты Первой мировой войны были инвали-

дами. Некоторые отличались безупречным здоровьем и, даже более того, фанатически поддерживали его. Я не говорил, что все они музыканты, хотя, несомненно, старался создать у вас такое впечатление. Болл был наиболее музыкально одаренным среди асов, но все равно оставался всего-навсего любителем. Он вечно твердил, что ненавидит свою настоящую профессию.

Бутон, сгорбившийся в кресле, постарел прямо на глазах.

— Но один был слепым... Это невозможно.

— Так думали и его враги, когда отпустили его из лагеря военнопленных в начале войны. Эдуард Мэннок, слепой на один глаз. Ему пришлось обвести медкомиссию вокруг пальца, чтобы попасть в армию. Конечно, трагедия этих восхитительных людей заключается в том, что они растратили собственные жизни, убивая друг друга. В те дни они не могли сразиться с берсеркерами; по крайней мере, с такими, с которыми можно было вступить в воздушную дуэль на пулеметах. Полагаю, людям всегда приходилось бороться с берсеркерами того или иного рода.

— Подожди, дай мне вникнуть. — В голосе Бутона прозвучала чуть ли не мольба. — Мы что, отправили в полет личности девяти летчиков-истребителей?

— Девяти лучших из лучших. По-моему, в общей сложности они одержали более пятисот побед в воздушных боях. Обычно подобные заявления преувеличены, и тем не менее...

Снова воцарилось молчание. Бутон медленно развернулся в своем кресле к оперативному дисплею. Через некоторое время ураган элементарных частиц начал затихать. Мэлори, усевшийся на палубу, чтобы отдохнуть, снова встал, на сей раз побыстрее. На голограмме из шума вынырнул один-единственный символ, быстро приближавшийся к позиции «Юдифи».

Приближавшийся символ был ярко-красным.

— Ну, вот оно. — Бутон поднялся с кресла. Извлек из кармана небольшой пистолет с коротким дулом. Сначала направил его на съежившегося Мэлори, потом улыбнулся своей очаровательной улыбкой и тряхнул головой. — Нет, пусть тобой займутся машины, это будет куда хуже.

Как только послышалось шипение открывающегося шлюза, Бутон поднял оружие и направил его себе в лоб. Мэлори не мог отвести глаз. Внутренний люк щелкнул, и Бутон выстрелил.

Мэлори быстро пересек разделяющее их пространство и выхватил пистолет из руки мертвого Бутона чуть ли не до того, как труп рухнул на палубу. Обернулся, нацелив оружие на шлюз, как только люк распахнулся. Там стоял тот же берсеркер, что и

раньше, или очень похожий на него. Но теперь он невероятно преобразился. На месте напрочь срезанной металлической конечности багровел пузырящийся шрам с болтающимися концами перерубленных кабелей. Все металлическое туловище было изрешечено небольшими отверстиями, а вокруг макушки берсеркера полыхал радужный ореол коротких замыканий. Мэлори выстрелил, но робот не обратил ни малейшего внимания на удар пакета силовых полей. Берсеркеры не позволили бы Бутону держать оружие, способное причинить им вред. На Мэлори изувеченная машина тоже не обратила ни малейшего внимания, во всяком случае пока, а дернулась вперед, чтобы склониться над почти обезглавленным трупом Бутона.

— Пре-пре-пре-предательство, — проскрежетал берсеркер. — Крайне неприятные, крайне неприятные стам-стам-стимулы. Зложить-зложить-зло...

К этому моменту Мэлори подошел к нему сзади достаточно близко, чтобы сунуть ствол пистолета в одно из еще не остывших отверстий, проделанных лазером Альберта Болла, Френка Люка, Вернера Восса или еще чьим-нибудь. Два пакета силовых полей под броню, и берсеркер рухнул, простершись так же неподвижно, как погребенный под ним человек. Ореол электричества угас. Мэлори попятился, глядя на обоих, затем развернулся на пятке, чтобы снова взглянуть на оперативный дисплей. Красная точка дрейфовала прочь от «Юдифи» — очевидно, обозначенное ею судно уже превратилось в бездействующую груду металлолома.

Из угасающего атомного шторма вынырнула единственная зеленая точка. Минуту спустя вернувшаяся Восьмерка мягко закачалась на амортизаторах салазок. Оказавшись в атмосфере, жерло лазера снова задымилось. В нескольких местах судно было опалено вражеским огнем.

— Запишите на мой счет еще четыре победы, — заявила личность, как только Мэлори открыл люк. — Сегодня мои ведомые отлично поддержали меня, принеся себя в жертву во имя Отчизны. Хотя на стороне врагов было численное превосходство два к одному, по-моему, ни один из них не ускользнул. Однако я должен выразить недвусмысленный протест по поводу того, что мой самолет все еще не покрасили в красный цвет.

— Я позабочусь об этом сию же секунду, Mein herr[1], — пробормотал Мэлори, принимаясь отключать личность от истреби-

[1] Мой господин (*нем.*).

теля. Он чувствовал себя чуточку глупо, потакая прибору, и все-таки очень бережно отнес личность туда, где на взлетной палубе дожидался строй пустых футляров с четкими этикетками:

АЛЬБЕРТ БОЛЛ;
УИЛЬЯМ ЭЙВЕРИ БИШОП;
РЕНЕ ПОЛЬ ФОНК;
ЖОРЖ МАРИ ГИЙНЕМЕР;
ФРЕНК ЛЮК;
ЭДУАРД МЭННОК;
ЧАРЛЬЗ НУНГЕССЕР;
МАНФРЕД ФОН РИХТХОФФЕН;
ВЕРНЕР ВОСС.

Англичанин, американец, немец, француз. Еврей, скрипач, инвалид, прусак, мятежник, ненавистник, бонвиван, христианин. Эти девятеро воплотили в себе и многие другие черты. Быть может, только одно слово — человек — способно охватить все эти понятия.

Несмотря на то что ближайший живой человек находился во многих миллионах километров от него, Мэлори все-таки не чувствовал себя одиноким. Он бережно положил личность обратно в футляр, хотя и знал, что повредить аппаратуру не смог бы даже удар в десять тысяч g, а не то что его руки. Быть может, футляр войдет вместе с ним в кабину Восьмерки, когда Мэлори попытается догнать на ней «Надежду».

— Смахивает на то, что мы остались вдвоем, Красный Барон.

Человеку, послужившему образцом для личности, не было и двадцати шести, когда он был сбит над Францией после менее чем восемнадцати месяцев успехов и славы. А до того, в кавалерии, лошадь снова и снова выбрасывала его из седла.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕРСЕРКЕР: МАСКА МАРСА. *Рассказы*
Перевод А. Филонова 5

Пролог 7
Без единой мысли 10
Доброжил 21
Меценат 43
Миротворец 52
Каменная Россыпь 61
Что сделали Я и Т 104
Мистер Шут 114
Маска красного смещения 128
Знак волка 149
В храме Марса 158
Лик тьмы 177

БРАТ БЕРСЕРКЕР. *Роман*
Перевод Е. Шестаковой 187

БЕРСЕРКЕР: ПЛАНЕТА СМЕРТИ. *Роман*
Перевод О. Степашкиной 363

ЧЕЛОВЕК-БЕРСЕРКЕР. *Роман*
Перевод С. Саксина 523

БЕРСЕРКЕР: ЗАКЛЯТЫЙ ВРАГ. *Рассказы*
Перевод А. Филонова 687

Улыбка 689
Давление 706
Аннигиляция Ангкор Апейрона 716
Промах берсеркера 731
События на Радианте Тамплиера 752
Звездная песнь 790
Щелчок 802
Игра 824
Бесплотные крылья 839

Фред

САБЕРХАГЕН

Fred Saberhagen

ISBN 978-5-699-20840-1

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА